Записки М. А. Муравьева

Записки М. А. Муравьева / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Т. Г.Дмитриевой, М. М. Якушкиной, Г. Р. Якушкина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 7—81. — Из содерж.: Муравьев М. А.Журнал от начала рождения моего и как во все текущее время я до совершенного лет возраста воспитываем был и потом вступя в службу каковую отечеству оказал находясь во оной ревность.... — С. 8—69. — [Т.] V.

Герб рода Муравьевых

Воспоминания военного инженера, генерал-майора Матвея Артамоновича Муравьева, отца известного дипломата и государственного деятеля Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола и деда декабристов Сергея, Матвея и Ипполита Муравьевых-Апостолов, охватывают практически весь XVIII в. Они были написаны, судя по всему, в 70-х годах XVIII в., когда М. А. Муравьев, отставленный от службы, поселился в своем имении в Новгородской губернии. Записки сохранились среди бумаг Гамбургской миссии, где долгие годы служил сын автора, Иван Матвеевич.

Рукопись представляет собой небольшой журнал, разграфленный на три части — крайняя слева озаглавлена автором «Годы», в середине следует текст воспоминаний и справа — «Примечания». При публикации текст, помещенный в графах «Годы» и «Примечания», воспроизводится курсивом.

Рукопись написана темно-коричневыми чернилами двумя почерками, по-видимому, самим Матвеем Артамоновичем и Иваном Матвеевичем.

И. М. Муравьев редактировал рукопись, проставил часть дат на полях, сделал дополнения в графе «Примечания», а также вымарал повторы на отдельных листах. Возможно, что рукопись воспоминаний отца Иван Матвеевич готовил к изданию, но бурные события первой четверти XIX в. сначала помешали, а затем и сделали невозможной публикацию воспоминаний деда «государственных преступников».

На первом листе на французском языке написано: «Biographie». Можно с большой долей доверия отнестись к фактическому материалу, так как многие события подтверждаются другими источниками, в том числе опубликованными письмами родственников Муравьева.

Составители благодарят за помощь в подборе иллюстраций С. Н. Муравьева и М. Я. Либермана.

ЖУРНАЛ

от начала рождения моего и

как во все текущее время

я до совершенного лет возраста

воспитываем был и потом вступя в службу

каковую отечеству оказал

находясь во оной ревность

о том обстоятельно значит ниже сего,

Родился я 1711 году ноября 12-го дня в отчизне родителя моего1. Родитель наш был в Кронштате в Кронштатском гарнизоне в Островском полку. Тогда называли полки по фамили(и) полковника. Родительница наша дочь того полковника Петра Ивановича Островского. И по рождении моем, дожидая родителя, крещен шести недель. Восприемником был майор Петр Иванович Неелов.

Но как родитель продолжал службу в Кронштате, то и я воспитываем был там же, и болшою частию у своего деда Островскаго. Тогда наша бабка еще жива была, родом из Смоленска, а о фамилии позабыл. Чрез родительския напоминания чуть помню как во сне, когда государь Великий Петр приезжал в Кронштат, всегда квартиру имел у деда нашего. И я удостоился быть носим на его руках. И так думаю, что мне был 4-й или 5-й год. Тогда заводился Кроншлот, то есть гавень Великого Петра, канал и доки, и оборонительные крепости, шанцы, и редуты. А как переставилась, то взят был я к родителю и тут с покойным братом Федором Артамоновичем2 обучались грамоте и у пленников шведских по-немецки, но по заключении мира со шведом и за отлучкою родителя нашего для переписи душ, не окончили языков. Тогда мы остались на воспитании родительницы нашей. Имущества за малоимением чем себя содержать в городе, а особливо в Кронштате, а более и для деревенской экономии, поехала в деревню. А нас оставила в своем доме и отдала учиться математике одному штурманскому ученику Раславлеву. При нас была старуха за мамку оставлена Ульяна, которая говаривала: «Дети, а дети, я горяченко сварю, а за укус не берусь». Мы начали учиться; то не может быть никому вероятно, что мы с братом Федором Артамоновичем выучили в три месяца арифметику, геометрию, штир-геометрию, план-геометрию, тригонометрию, плоскую навигацию и часть меркаторской исверики. Тогда учитель, наш увидя успех, а третий был брат двоюродный3 весьма туп, и хотелось нашему учителю, чтоб мы ему показывали в науках. Притом же видя сотоварища нашего тупо обучающагося, просил нас показывать ему. «А я напротив тово, — говорил он, — покажу вам без часов знать время часы и минуты». И так мы пристали к нему: «Пожалуй, научи нас! А мы будем старатца показывать». То он по нашему обязательству показал пулсовую жилу: «Вот минуты и часы». Мы, продолжав нашу науку до июня месяца, вздумали ехать в деревню к родительнице, а болшою частию для ягод и огородных фруктов.

Тогда у нас была лошадь одна с телегою. Нас было трое. Слуга немного старее нас, так велик толко, что мог запрячь лошадь. И по нашему желанию отправил дядя наш. Доколе мы ехали Ингермоландиею, веселились для того, что были поля с хлебом посеянным, также и трава цветами украшена, дорога же широкая и сухая. Но когда въехали в границы Новгородскаго уезду, пришли леса. В то время нашол на нас ужас, особливо пришло в голову,

медведь или другой какой зверь нападет на нас и всех переломает, и, когда в лесу што-нибудь хряснет, то все кричим со слезами. А притом вздумали, что не туда едем, по щастию нашему увидели огонь, обрадовались и побежали пешком. Нам не препятствовала ни грязь, ни вода и ничто. А то самое было в полночь. Как же приближились к огню, то увидели, что около огня спят мужики, которые от крику нашего в то время и проснулись. Увидя ж, что мы все ребята, спрашивали оне: «Откуда и куда идете или едете?» Когда ж мы о себе начали сказывать, то они знают наш и дом, и положили нас около огня. Тут как же мы заснули спокойно, что и все наши труды, и слезы были забыты. Сие происходило при урочище, называемых Свиных Гор, и служило пристанью разбойническою, и тут спали мы часу до десятого. Когда ж проснулись, то нам мужики наварили рыбы, а рыба была все окуни болшие и весма жирные, коих ловят те мужики в Глухом озере. И после нашего стола показали нам путь, и мы поехали благополучно. Как же выехали из лесов, тогда нам весело стало. Забывая весь свой страх, доехали в деревню двоюроднаго брата, который с нами ж компанию имел. Звали его Аврам Филипович. Тут начевать и приехали к родительнице. Она, увидя нас, и испужась, вскричала: «Откуда взялись, и хто де вас отправил таких малых?» На что мы объявили: «Матушка, нам нетерпеливо стало, что вас давно не видали». И тогда начала цаловать со слезами. И так тут мы жили все лето и всю зиму.

И. М. Муравьев с дочерью Елизаветой у портрета отца — М. А. Муравьева

И. М. Муравьев с дочерью Елизаветой

у портрета отца — М. А. Муравьева

По исходе же зимы поехали в Петербург. А наука у нас почти вся забыта. А из Петербурга опять-таки поехали в Кронштат, и матушка наша записала нас в службу, когда мы имели лета: брат Федор Артамонович тринадцать,

а я — двенадцать. Родитель же наш не бывал, а пожалован в майоры в Санкт-Петербургской гарнизон и полк Санкт-Петербургской. И как мы приехали в Кронштат к деду своему, у меня ж охота была к наукам, хотелось очень мне зачатое учение окончить. Ходил в Штурманскую школу, которую тогда обучал штурман Бурлак (он был апрабован государем, когда изволил ходить в Низовой корпус), тогда я болше понял.

И как исполнилось пятнадцать лет по записке ж нас в службу 728-го году в марте месяце4, брат пожелал в полк к деду, а я в школу Инженерную. Но как я доволно уже знал математики, то время не прошло дву месяцов, представлен был в контору инженерную. Тогда командующий был Любрас5, который свидетельствовал сам меня и по свидетелству пожаловал кандуктором в первой клас, и присвоил меня в свою команду. Тогда он командовал в Риге, куда и я того ж году в июне месяце отправился. Еще со мною командированы были втораго класа кандукторов двое. Тогда моя родительница при своем благословении пожаловав мне в дорогу спутницу, образ Пречистыя девы Мари Богородицы именуемые Тихфинския, которым я и тебя благословил; да для дороги денег тридцать рублей, лошадь и двух человек (а более своими слезами обливала нескудно). Вот с каким богатым награждением поехал с сотоварищами, которые небогатее меня были.

Приехав же мы в Ригу, поставлены были в квартиру генерала Любраса в дом каменной, где заведена была чертежная. В небытность Любраса командовал инженер подполковник Лемхин. Он присмотрел, что я против других брал преимущество. А притом, как казался ему я дитятею, дразнил меня, как я разстался с матушкою, отчего я часто и плакивал. Раз ему случилось поставить и положить на меня два ружья за мою шалость. Я в моих летах очень был резов. А вот за что. Квартира наша была на болшой улице. Вздумалось мне пошутить: разкаля болшой подков, бросил против своей каморы. Тогда шол один езел, полстился на этот подков, хотел взять его в белых лайковых перчатках — обжог персты. Тогда мне было смешно. Но он, не хотя ево бросить, взял на палку, обмоча в воду в канале, и хотел положить в карман. То увидя, мои люди бросились отнимать, отчего зделалась драка. Вот моя вина. Не забуду тебе и то объявить, как выше сказано, с чем я отправлен, будучи в Риге, денги и лошадь прожил за кушанье за каждой месяц по три рубли, а болше на лакомство. Рига доволно имеет аптек, в которых продают сахарныя макароны, то никогда не выходили из кармана. Тут по щастию моему были два человека моих людей, которые меня кормили от работ своих. Каждую неделю приносили по 7-ми орт, что зделает два рубли десять копеек. Для платья крамовщики, люди добрые, давали в долг, а жалованье наше обирали. Когда приехал господин Любрас, тогда он увидя меня, спрашивал: какова мне показалась Рига. Я ответствовал: «Доволно хороша». Тогда меня командировал в первой случай снять план той Ригской крепости и казаматам с прорезными профильми, также и форштат, означивая номерами каменной или деревянной дом, и хто хозяин, и приказал всякой день приносить журнал, что зделано. То я приняв повеление с великою прилежностью старался окончить повеленное им, что чрез короткое время и окончил. Похвала его мне была: «Уже, брат, годитца!» А стороною слышу, что он мною был доволен. А притом можно видеть, он не хотел, чтоб я был в праздности, спрашивал, знаю ль я Юнфер Гоф. Ответствую: «Не знаю». — «Место прекрасное. И снимать от Риги реку со описанием порогов и каменьев подводных, и всех, которые делают плавающим судам вред». — На что я с радостию повеление ево обещал исполнить, зная, что Юнфер Гоф от Риги толко 10-ть верст. Но как я вступил в работу, то чрез неделю и кончил. Но он изволил ко мне прислать другой ордер, чтоб следовать вверх Двины реки до Компенгоузена, то я и по оному ордеру вступил и старался

как найскорее окончить. И как дошол, то начал разделении замку снимать план с профильми, какие были ево укреплении старые. И при том приложил свое мнение. Того места хозяин меня принял очень хорошо, и просил, дабы я у нево имел квартиру и стал у него, на что я скоро согласился. Х тому ж и компания была: ево дети: сын и три дочери, очень я был рад. Не успел я с оною веселою компаниею вступить в хорошее знакомство, прислал ордер господин Любрас, чтоб следовать мне до того места, где окончитца Курлянская граница по реке Двине, а наступит Полская, до тово окончания будет более 100 верст. Вот тут меня потревожило, да и моим знакомцам стало жаль, однако принужден выступить в работу, хотя и з горестию. Дошел до местечка полскова (любовь к родителям моим и воспитателям побудила ехать, а особливо видеть деда Петра Ивановича Островскаго. И поехал в Великие Луки, а от Великих Лук рекою Ловотью в лодке. От оной реки дед мой жил в 20-ти верстах. Увидя ж деда и побыв у него дни с два, поехал, простясь, в Новгород, а из Новгорода, хотев видеть родительницу, шел пешком чрез болото 50-т верст. По свидании ж, поехал обратно к оставленной команде), где оканчивается граница курляндская, а начинается полская, а лифляндская смыкается с Псковскою провинциею. Река же Двина отделяется к полской стороне, а граница полская с Росиею пошла сухим кряжем с Псковскою провинциею. Тут и окончил и, сочиня карту и планы, возвратился обратно в Ригу. И, следуя дорогой, не стало у меня денег, и как у меня так и у команды моей. И приехав в корчму, где был корчмарь жид. Первое с жидом знакомство: «Юдес, я хочу тебе, мой друг, сказать мою историю. Послан был я вверх по Двине снять карту и, сняв, еду обратно. Есть хочу — денег нет у меня и у команды моей. Пожалуй, одолжи, накорми. Я тебе заплачу, когда ты будешь в Риге, а ежели пришлют мне встречу жалованье, то тогда чрез такова ж корчмаря, как ты, отдам. Можешь ли верить?» — «О! Для чево, сударыхня, я вам верю.» — Тот час зделал стол богатой. А особливо вареными конфектами крепко меня удоволствовал, и денег дал на дорогу 20-ть талеров (вот и в жидах есть добродетельные люди). За кушанье не взял ничего. Тогда я был рад, и, поблагодаря ево, поехал далее. Отъехав до другой корчмы, увидел встречу ко мне присланного курьера с денгами жалованья, и что заработали мои люди всего 50-т талеров. Тогда я, очень быв доволен, тотчас отослал с минером при благодарности. Итак, меня на дороге не задерживало. Приехав в Ригу, явился его превосходительству. Кажется, что он был доволен, а благодарность была такими словами: «Годится». А при том сказать изволил: «Ты, братче, скаверкал всю землю скоро, таперь поди отдыхай и отдай свою работу в чертежную». А он скоро сам отправился в Петербург. И пожалован я инженер-прапорщиком, и прислан был ордер, чтоб я был в Петербурге. И как я по прибытии явился, был при чертежной у графа Миниха6, фелцейхмейстера Миниха.

В 1737-м году пожалован подпоручиком. Миних поехал в поход, тогда с турком началась война. А я командирован был в Новгород в губернию о понуждении для высылки в кантору денежной казны. Тогда был губернатором Бредихин7. Уведала тетка моя Настасья Захарьевна8, что я нахожусь в Новегороде, прислала ко мне, чтоб я был к ней. Посланной же говорил мне, (что) она очень болна и почти при смерти, то я нимало не мешкав, поехал к ней и увидел, что она прямо болна была, почти и не говорила. Тогда мне пришли в голову 2 воюющие мысли: 1-е родство, тетка моя родная при самой смерти, надобно было конечно, чтоб я не оставил; 2-е и опасность х тому ж, для чего я без ведома команды своей отлучился. Как же при тетке моей был и священник, то разговаривали мы, не надобно ли маслом особоровать. Она свое желание объявила, что охотно желает, и стали потом соборовать. И когда соборовали, то я, став на колени пред образом Пресвятые Богородицы,

просил о избавлении от ея болезни. И болшая тому притчина была, для чего я отлучился от своей должности. И когда отсоборовали, тогда я приказал самой тонкой кисель сварить и сел подле ее, и просил, чтоб сколко-нибудь скушала, и насилно почти я лил ей в рот. И так она прозбы моей послушав, исполняла мое желание. Она тогда имела 60-т лет девицею, богобоязлива и великое прибежище к богу имела. И моя прозба Божией матери не втуне была. После моего лекарства, получа облехчение, встала и проводила за ворота меня. И я был очень тому рад, что оставил в прежнем ея здоровье, и поехал в Новгород обратно. В Новежгороде по повелению все исполняя, возвратился в Петербург. И как явился, то от канторы послан в Шлюшин* для приведения и

учреждения в лутчую дефензию. Тут я был с майя половины до сентября того ж (1)737-го года. Во оные три с половиною месяца, будучи в Шлюшине, поправил старыя бастионы, теналию, в средине протекавшей канал, площадь плакировал, башню каменную починил и зделал на ней часы. А в Шлюшине стоял я тут, где сидел под стражею князь Василей Володимерович Долгорукой9. Пребывание мое было весма уединительно. Церковь очень блиско была, книг священных во оной доволно имелось. Тут я научился молитца богу и так был прилежен, что и в ночи мало спал: постель моя была кресла. Когда вздремлю, то приступят ко мне множество женскаго рода соблазнять, и как я от сна схвачусь, тот час вскочу немедленно и став на колени, просил бога о помиловании меня от такой напасти. Но враг наш старается отвратить от таковаго добраго намерения. По прошестви(и) трех месяцев стал я разсуждать: «Человек силен, когда он хочет — может спастися». О чем и к братьям писал. Что ж зделалось, когда приехал я в Петербург. Братья мои в то выше описанное время были рады. Двоюродный мне был брат Прохор Воинович10. Завел меня в непотребной дом, напоя мало помалу пьяна, и я не знал, что произойти может. Вышли ласкательницы, стали тут же делать кампанию. Я ж, как узнал падение Адамово, бежал оттуда до самой Колтовской, плача и рыдая, драл свои волосы, шпагу бил, что в побеге моем мешала. Хто сие произшествие видел, думали обо мне, что я взбесился. Согрешил я тогда и преступил заповеди Божия.

Того ж году осенью в той нашей инженерной канторе, когда уже был я подпорутчик, камисаром Гаврила Григорьич с(ы)н Кузминской. Пропало у него из приходу суммы тысяч до двух. Судьи канторские, учиня остаточным уже денгам свидетелство, то после оного и я прикомандирован был к следствию. По произведении ж и выходило, что притчиною тому сам он камисар Кузминской. А по окончании следствия определен был я на его Кузминскаго место камисаром же. Мне то весма было досадно, как я человек был молодой и недостаточной. Страшился того и даже сам себе не доверял, верно ль мною принето по реэстрам. Тогда я принял на себя великую осторожность, отчего я и заболел лихорадкою и был болен не менее времени как с полгода. Потом, за болезнию моею, был х тому камисарству определен другой. Как же я выздоровел к осени и когда некоторое начало, хотя войны и не было, но предосторожность взята со шведом, командирован был я для укрепления работ и приведения в дефензию в Выборг. То против прожектированному, для прикрывания некоторых каменных неболших гор зделал я новые три полигона с равелинами. И ту работу с великим успехом производил. И тогда ж прислан был Илья Григорьич Мазовской, которой был у графа Миниха адъютантом, на мое место майором, а я командирован был в Кексгольм на осень к первому пути. Тот же Кегсгольм очень был разрушен и против неприятеля слабой имел отпор. Тогда я вступил с самаго начала самой глухой осени в работу. К той же произведению работы прикомандировано было три полка, то первым моим началом приступил исправить гласис и покрытой путь. А дабы неприятель не ползовался землею для апрош, тогда я весь тот гласис уклал диким каменьем и сверх покрыл землею на один фут, а инде и менше было. Вокруг поставил полисадник, по покрытому пути траверзы, вновь один бастион к норду и ровелин к западной стороне. Во оных работа производилась набитием свай таким образом: свая от сваи по футу, между ж теми сваями насыпал щебню и каменья такого, которое б промежду теми сваями проходило и ложилось плотно. Около помянутой крепости река Вокса, никогда не замерзающая. И так я в зиму уже наступающую и весну доволно работ зделал. А по начатии весны зделал вновь равелин к сухому кряжу, каждой бок был по 50-ти свай, набив в воде, а воду отвел мимо, дабы шла в одно место. По тем сваям зделал ростверк и набутил, от того розтвирка взвел в те боки каменную стену. Сверх стены положил кардон тесаною плитою. А на все то каменное здание зделал вал земляной с бруствером. И как на том равелине, так и по всей крепости поставлены были туры, да и вновь довольно оных туров заготовлено было. Сия работа равелина не более произходила как одну неделю и производима была день и ночь переменными работниками. В ту весну после работ приехал ко мне генерал-майор Фермор11, которой в том чину тогда был. Удивлялся производству тех работ, что как скоро зделано, а особливо о равелине говоря: «Ежели де писать о сем так скором произведении здания в иностранные земли, то никто б не мог поверить, как сие так скоро окончено». Потом от его превосходителства послан был я осмотреть, не может ли где неприятель свободной проход иметь и вред делать жителям. Я с охотою на оное дело поехал. Тогда уже была осень глухая. Объезжал

вокруг и не нашол кроме одной дороги, которая чрез рукав реки Воксы идет. И оныя воды идут чрез многие рукава в Ладожское озеро и весма болшими стремлениями, то в одном месте нашел шириною не болше 20-ти сажень. В оном месте зделал редут двойной, также и мост чрез реку. Оттуда ж ездил в один киршпель близ Ладожского озера, и там казаков поставил на фарпост для караула. И зделал от набегов неприятельских укрепление, движимые полисадники, так как на санях, и служить бы могли иногда для пеших вместо траверзов для тово, что тогда были морозы. И, дав командиру казацкому наставление, поехал обратно и донес обо всем его превосходителству, чем он был очень доволен и много благодарил. И с тово времени завелась у нас дружба. А как я заболел, то часто меня посещал, и болшою частию проводили ночи в разговорах. В то время в крепости был комендантом полковник Хрущов. Было у нево три дочери. Болшую звали Марьею, можно сказать, что самая непотребная и нахалка. Когда у меня сидел господин Фермор, она, подошед к окну, слушала и, сжав ком снегу, бросила в окно, и разбила стекла, от чего и гость мой испужался: «Что за война?» Послали осмотреть, нашли след женской. Тогда сказал мой дорогой гость: «Надобно тебе устоять против этой атаки, и когда удержисса, то великим человеком назвать будет можно». И как я выздоровел, то обо всех моих работах писал господину генералу Любрасу, что мною зделано, и просил его превосходителство, чтоб я взят был в Петербург. И Фермор о том же писал. Но как он получил, то, нимало мешкав, прислали ордер, чтоб ехать и явиться у нево, почему я и поехал. А прибыв в Питербург, явился у его превосходителства, тогда благодарил, что он очень всеми моими работами доволен: «И теперь ты можешь отдохнуть до открытия воды. Я хочу, чтоб ты побывал в Юнфер Зюнте. Думаю, что ево не знаешь». Я тогда задумался, что бы это было и какое предприятие может быть.

Скрылась вода, наряжены и полки на галеры в поход. Туда ж и меня на те галеры командировал он в команду к покойнику Василью Яковлевичу Левашову12. А притом от моево генерала получил ордер, чтоб мне при плавании галер снимать шеры, привязывая к берегу со окуратностию, и мерить глубину по фарвартеру, и притом нет ли от открытова моря болшим судам военным проходу, и все места описать, которые служат ко авантажу или к неавантажу, дав мне в команду прапорщика Филипа Мяхкова, двух кандукторов и шесть человек минеров. Итак я со своею командою явился в апреле месяце к его высокопревосходителству г(оспо)д(и)ну генерал шефу Василью Яковлевичу Левашову, которой меня очень ласково принял и объявил: «Мне о тебе рекомендовал господин генерал Любрас, чтоб в твоих делах мне вспомоществовать. То и требуйте от меня, что вам надобно, а я вспомоществовать буду». И так я с командою изготовился к походу. А в начале майя вступил на галеры. Мне изволил приказать отвести каюту на своей галере с ево штатом и объявил, чтоб я всегда был при ево столе и напоследок называл меня своим артельщиком. Когда уже пошли в поход и приплыли к Березовым островам, тогда я просил его высокопревосходителства, чтоб пожаловал мне для снятия шер три шлюбки с командою. И как я скоро получил, то и вступил от тех Березовых островов в работу сам. Я снимал и пеленговал шеры, привязывал к берегу. Прапорщику Мяхкову приказал, дав ему одново кандуктора, чтоб он, ехав за мною, бросая лот, записывал глубину. Все эти острова или шеры каменные, и на них поставлены маяки. Тогда при мне были из тех жителей, кои на тех островах, чтоб оне показывали мне свободной фарвартер и нет ли от открытова моря свободнаго прохода военным судам, которые б могли препятствовать галерам. Итак, я благополучно в свою работу вступил, и, когда на галерах раздых будут иметь, тогда я сочинял карту, внося глубину, и примечания все писал. Увидя ж наш главнокомандующей мою прилежность, весма меня полюбил и без меня никогда не мог своего адмиралскаго часу исполнить. Как обыкновенно в 10-м часу чарку вотки выпить и заесть редькою, то и спрашивал: «Где мой артелщик?» И ежели не на галере, посылал искать на шлюбке и призвать к нему, то и я имел участие не пропустить адмиральскаго часу пить водку и заедать редькою. Один раз случилось ему ходить на галере и увидел шлюпку, и спрашивает: «Чья эта шлюпка?» И донесли ему, что инженерной команды. — «Что в ней за инструменты и какие, покажите!» — Нашлось, что только были бараны, телята, гуси и куры, и приказал взять на галеру: «Видь де он и сам у меня живет». Не знаю, отчево ему показалось, Мяхкой ли ему на меня жаловался, или сам присмотрел, будто бы я ево Мяхкова не допускаю до работ. Выговаривал мне, чтоб я не один сам себя любил, а любил бы и подкомандующих и заставлял их работать и учил. Как де они будут помошники, то де и тебе чрез то будет

облехчение в вашей работе и болше будешь иметь покой. На оное его высокопревосходителству я объяснился: «Он этой должности исправить не может, потому этой науки он не знает. Мне бы лутче было, когда бы он мог делать, а ета наука одним морским принадлежит, которые тому и обучаются, а в Инженерном корпусе сего не обучают». Когда мы приплыли к Юнфер Зунду (тогда я вспомнил своево генерала, как он спрашивал меня, знаю ль я Юнфер Зунд) в то время зделалась великая погода. Я, несмотря ни на какую погоду, вступил ее снимать с окуратностию, осматривая все: какое в ней натуры расположение, и которой стороне она в ползу служить может. И так я нашол, что она около фарвартеру зделана полуцыркулем и закрыла к берегу от морской стороны страшных ветров и волнение островами, что ясно доказало тогда. Не успела одна галера войти в тот Юнфер Зунд, то ее волною на берег выбило, и чрез то зделалась течь. И для того стояли три дни, чтоб исправить повреждение. После тех трех дней поплыли далее, и, не доезжая мили за три или за четыре, прислано было от фельдмаршала Леси13, которой вел сухим путем армию, к нашему командиру, чтоб высадить несколко полков пехотных и конных казаков на берег, так как он сам и всех при нем бывших взять с собою. А на галерах оставить с хорошим расположением команду. Тогда по получении сего, немедленно и вышли на берег, в том числе и я. Но горе мое пришло, которая у меня была лошадь взята на галеры, и тое украли. И принужден был итти пешком, но доволен был командующим, которой приказал дать мне лошадь казацкую, на коей я и доехал до арми(и). Итак, казак взял свою лошадь от меня обратно, а я и остался без лошади, тужу, что мне будет делать. Когда увидели меня наши инженерныя при сухопутной армии афицеры, то я расказал им, какое со мною зделалось нещастие: лошадь украли и что теперь принужден итти пешком; то один наш капитан-поручик Сипягин сказал мне: «Не тужи, я тебе лошадь дам верховую со всем нарядом». И я очень был тем доволен, будто б никогда и нужды не видал. Но как мы явились к генерал фельдмаршалу Лесси, то он сказал: «Господа инженеры, надлежит вам рекогнисировать впереди лежащую ситуацию. И как теперь у нашего неприятеля зделана засека, то каким бы образом нам чрез засеку пройтить. (И можно мне было видеть, что я рекомендован был от г(оспо)д(и)на генерал шефа Василья Яковлевича Левашова.) А болше вам рекомендую, господин Муравьев (а тогда я был порутчик, при главной же армии подполковник или майор, того не помню, и другие были старее меня), для тово, что ты на галерах едучи, только спал и лежал. А теперь я хочу, чтоб вы потрудились и осмотрели оную засеку, каким бы образом неприятеля с места этова прогнать, как тебе заблагоразсудится». И нарядил тогда со мною полковника с полком Сербского гусарскаго полку и две роты гранодирских. Когда оные явились ко мне, то немедленно пошел для рекогнисирования засеки, и так мы подошли к выстрелу пушечному и оружейному. Тогда я, поставя полк и две роты на этом месте при закрытии, а сам, взяв два экскадрона гусар, пошол на правую сторону по берегу буерака тово, где засека зделана. Тогда усмотрев неприятель, что мы взяли намерение обойтить их вкруг и что им малинким деташаментом удержатся не можно, то немедленно все отступили, так и наши гусары бросились за ним. А оной деташамент прикрывал шведской подполковник Аминев с командою, которой по нахалству наших гусар много переранил своим штуцером. Это ни что иное случается, как от нахалства, и на эдакое дело напиваютца для смелости допьяна. Но когда б я скоро к ним примкнулся с командою, то таковаго б беспорядочнаго сражения не было. Однако ж совсем ево прогнали, и неприятель обратился к Фридригсгам. И по окончании сего, приехал я в лагирь к ставке его сиятелства и репортовал, на что мой генерал сказал: «Дай бог неприятелю золотой мост». А фелтмаршал говорил: «А мы две недели стояли и не могли этова зделать». Тогда ж и сигнал приказал дать, чтоб армия вступила в свой марш з барабанным боем. И перешли благополучно оную засеку. Тогда я усмотрел, что мой на правую сторону оборот был действителен, потому что там, по буераку, весма безвредно и лехко перейти было можно, то для тово оне уступили свой пост и бежали. Итак, наша армия подошла блиско к Фридригсгаму. Как же оне скоро усмотрели нашу армию, то, оставя крепость, бежали. Оная ж крепость около себя имела ситуацию: с одной стороны залив морской с островами, на которой поделаны были деревянные башни; а по другую в сторону болото. При оной крепости армия роздых имела три дни. И во оные послали в галерной флот, чтоб оне вступили в залив Фридригсгамской. А между тем мы и снимали план, которая ина шла с профилью, и оне за скоростию делали вал плетнем и насыпан был песком, внутри кирка, камендантской дом, казармы о двух жильях и магазеины. Тогда оставили гарнизон и вступили в поход. Маршировали до проливу от моря и, перешед мост,

остановились лагерем. А между тем господа инженеры, в том числе и я, поехали далее рекогнисировать с авангардом. И подошли до реки Кюмец, на которой мосты разорены, оная ж река весма быстра, и где переходить — ужасные пороги и притом глубока. А начало свое имеет от озер Нейшлота, которые окружают оную крепость, и многие реки в эти озера впали. По оной реке и даже до Нейшлота положена граница, которую более натура укрепила. И как мы скоро подошли, то неприятели оставили свой пост, болшою частию что наша сторона авантажную выгоду имела. Тогда мне приказано было мосты делать, которые и зделал. А на дело брал лесу от постройки домов, почему и скоро отделал. Армия вся на другой день перешла. За то мне, что скоро зделал, дали великую похвалу, отчево я превозносился. От превозношения пошла зависть, а от зависти — ненависть. Сохрани боже всякого молодаго человека от таковаго самолюбия и возношения. Все ево дела помрачатся и останутся безплодны. И как армия перешла, то мы поехали с своим главнокомандующим в Фридригсгам, сели на галеры и поплыли путем своим до Боргова. Боргов не иное что, как толко город для одной пристани без укрепления. По прибытии ж в Боргов, удовольствуя армию провиантом, которая и пошла к Гелсенфорсу. В то время мой главнокомандующий шел на галерах из Боргова, где и я вступил в прежную мою должность: снимал шеры и привязывал к берегам. И приплыли до Пенкинских островов, где встретили нас шведские галеры в таком месте, где окружены они прикрытием со обоих сторон: с одной берегом, а с другой от моря болшим островом. Но мы, не взирая на их, плыли приступом атаковать и усмотрели, что в тот залив, где они стояли, с нуждою одной галере пройти можно. Я должен был осмотреть положение места и положил намерение обойти позади островов к морю. Но как оне увидели, что осматривать мы будем и, приметя наше намерение, с тово укрепления выступили и пошли далее к Гелсенфорсу. А мы тогда вступили на их место, которое для погоды весма было спокойно, и имели тут раздых. Наконец от фелдмаршала получил главнокомандующей ордер, что уже он блиско подошел к Гельсенфорсу с армиею своею, а неприятель все выгодные места окружил и многими орудиями к защищению укрепился, и что он стоит не болше как на выстрел пушечной. Для того к нему з галерами иттить должно с осторожностию, зная то, что и у неприятеля галерной флот занял такие ж места выгодные. И так по тому ордеру взяли осторожность, и я ездил с вооруженною командою шлюбках на трех и на четырех, осматривал все выгодные места. А наш флот был от меня тогда за версту, когда я, усмотря безопасное место, репортовал своему командующему, а он послал меня с тем репортом донести фелдмаршалу, а сам вступил на то место, от котораго места стал быть виден Гелсенфорс и все ево укреплении. Но как я приехал в лагирь и его сиятелству генерал фелдмаршалу репортовал, какое место и что неприятель в виду, тогда он сам поехал, взяв меня с собою рекогнисировать его укрепление. Тогда я доложил, что лутче ехать ближе заливов, а не дорогою, для тово, что у них болше было на дорогу, нежели к заливам, потому что берег залива прикрывает своею высотою все их выстрелы (один граф был у нас валентиром, не помню как ево зовут, толко немец. Поотважился выехать несколко по дороге, ево тот же час схватили ядром, тут ево отважность тем и окончилась). А мы ехали берегом по заливу, тогда прикрыты были высотою берега, и наш галерной флот тогда его сиятелству был ввиду. Когда ж стали мы оборачиваться к правой стороне по тому ж берегу, как тут стали открыты, и началась по нас пушечная палба. Мы немедленно назад бежать, но со всем тем сколко можно было их укрепление осмотрели и так мы возвратились к ставке его сиятелства. А потом его сиятелство отдал приказ, чтоб весь генералитет были к нему на военной совет. А мне приказал быть при нем. На военном совете положили (смотря на мой примерной план их укрепления, укрепление ж не инако было, как на буграх, болшою частию все дефензию имели на дорогу) командировать деташамент в правую сторону к дороге, другой же, где мы осматривали по берегу залива, а третей прямо по дороге. Также и ордер послан к шефу галернаго флота, чтоб он неболшое движение делал, дабы оне узнали, что будут как водою, так и сухим путем их атаковать. И на другой день те разположении и зделаны, а неприятель все свои укреплении оставил, разруша, сели на галеры и ушли, и мы вошли без всякаго кровопролития в Гелсенфорс и тут оставлены были зимовать. Наши галеры поплыли обратно в Фридризгам, так же и весь генералитет отбыл. А толко оставили главным командиром генерала Ливина14, где вся инженерная команда осталась, в том числе и я. В то время уже приближилась осень, и тогда прислано сообщение от генерала Любраса генералу Ливину, чтоб он изволил снабдить инженерных афицеров, которые в

ево команде находятца, командою, так же и подводами, и чтоб посланы были для снятия всей Фильляндии карты, Сухова кряжу. А меня б прислать в Петербург со всеми моими планами, картою и з журналами. И по оному те поехали по своей должности, а я в Петербург по первому пути. Тут же в Гелсенфорсе получил я печальное известие от брата моего двоюроднаго, что моей родительницы в животе не стало, а преселилась в вечное блаженство. Горестно мне оное было, когда о сем я услышел и неутешно плакал. Она нас в самой бедности питала и старалась обучить. Хотя и недостаток имела, помогала. Меня ж любила от моих братьев отменно. Жизнь же ее была добродетелна, многим в бедности помогала, а особливо детям дяди Воина Захарьича15, которые беднее были еще нас. И весма долго я об оном крушился. Часто в проезде к Питербургу, отъезжая от товарищей своих далее прочь, плакал. Как приметили за мною товарищи, а особливо Яков Ельчанинов16, не допускал меня и уговаривал. А как он был веселаго духа, часто шуточные речи употреблял и притом песни пел веселые, да к тому и меня привлекал. Я и доныне в молитве моей всегда поминаю, что ее воспитанием и тетки нашей Настасьи Захарьевны научены с малолетства прибежище иметь к богу и на его святую волю полагатца. Когда мы з братом Федором жили в деревне, всегда оне приучали, чтоб мы для них читали вечерню, заутреню и часы, которая привычка и доныне силу свою имеет, а брат мой Федор Артамонович наивящшее в молитвах прибежище имел к богу, а по смерти ево милосердый бог не оставил и детей ево17. Я ж иногда хотя и удалюсь как молодой человек, но совесть обратно к тому побуждает. И так мы продолжали свой путь и приехали в Петербург и явились к своему командующему генералу Любрасу, и которые сочиненные мною карты, планы и все мои журналы подал. Тех товарищей моих отпустил, а меня оставил для разсматривания оных карт. И та работа моя ему весма показалась, тут он дал мне спасибо и объявил, что он поедет в Абов для миру и Александра Иванович Румянцов18. «А ты будь готов ехать со мною. Там будеш еще мне надобен. Эти карты теперь отдай в мою чертежную, поверя с своим журналом, и пускай перекопируют набело. А ты за ними посмотри». — И так мы и остались до новаго году. А после новаго году в марте месяце выехали наши министры. А г(оспо)д(и)н генерал Любрас приказал все забрать планы и карты, которые мною были сочинены, и отпустил нас наперед. Однако они нас догнали, и ехали уже мы при них (выбран у нево был посольства дворянином князь Мышецкой, был тогда инженер прапорщиком. Поручен ему был экипаж, в том числе дворцовая карета. И как мы уведали, что он в карете разбил стекло, не допустили ево о том репортовать, а советовали, чтоб после обеда об оном объявить и что генерал не будет в то время сердит. Он так и положился. И как отобедали, мы разошлись, а он и остался. Спрашивает ево генерал: «Что ты остался?» На что он ответствовал: «Доношу вам, что у дворцовой кареты стекло разбил в проезде ворот, вот вашему превосходителству и проба». Генерал ему сказал: «Хороша, братец, эта проба! Хорошей ты мастер для этих дел!»). На другой день поехали мы в свой марш и доехали до тех мест, где будем обедать. Собрались мы к своему генералу, тут генерал и начал нам пересказывать, как он ево репортовал, и уже де, братец, мне и пробу показал, что он мастер работать. И так ево господина Любраса слова были с произношением такова духа, что мы во весь обед не могли удержатся, чтоб не быть без смеху. И за обедом, пив ево здоровье, называл ево: «Ганрей Иванович, здравствуй!», что нам придало еще болше смеху. После обеда поехали, и до самова Абова, где случалось обедать или ужинать, никакова приключения не было. А как приехали в Абов, то всех инженерных афицеров и которые были дворяне посолства, дав отдохнуть и обознатца на неделю, совсем никово не спрашивал. А толко приходили к обеду. За обедом один раз случилось: подпорутчику Зайцову, захотелось ему зделанных из битова миндалю, наподобие пряников жареных с сахаром, то он, взяв вилки, и хотел чтоб взять, но, торкавши ими много, не мог взять, принужден был без ползы отстать. Мы, видя, внутренно зажав рот, смеялись, чтоб не зделать болшаго смехом грохоту. Но увидя, генерал сказал: «Посмотреть было мне, что это такое не дается никому». И вилками торкал также, делая таким же манером, как и Зайцов подпорутчик, но не получил, сказав: «Нет, братец, оне и впрямь не даются. Так я знаю, у меня другой инструмент есть». Взяв рукою, положа на тарелку, разломал, чем нам его превосходителство подал болше смеху, да и сам смеялся. А мы и болше взяли волю, чтоб смеяться. По прошествии недели всем господам инженерам, которые были при посолстве дворянства, дал работы каждому особо: кому купировать шведские малинкие планы по разсмотрению их знания, иному дал снимать замок, другому пекарни для хлебов и сушения

сухарей, иному дал снять мелницу мучную, которая молола лошадми, и все что там было куриозности достойно, приказал снимать планами и с прорезными профильми. Хочу изъяснить оную пекарню, она однем жаром сухари сушит, около всех печей зделана галлерея с сводом, и когда испекут хлебы, то искрошат в той галлерее на зделанных столах, тогда и пустят из тех печей дух, открыв отдушины, от чево и наполнитца она жаром, что и в печи так не высушить. Когда ж мои товарищи вступили в эту работу, то принуждены меня просить, дабы я помог им зделать. Я, видя их прозбу, а особливо тем, кому достались с прорезными профилми, согласился, и когда им зделал, то оне и подали его высокопревосходителству. Увидя ж он, что не их работа, сказал: «У вас, брат, хотя один знает, то уже и все знаете». Прежде ж в Гелсенфорсе поручено афицерам снимать Фильляндскую карту, которые по зделании той карты явились к его превосходителству и подали. Он зачал разсматривать и увидел, что в разные стороны лежат норды, то он, отдав мне, сказал: «Вот ты переправляй их, это твое дело, а я не в состоянии». И так я приняв, и пошли с ними работать, и перековеркал их, чтоб сдвигнуть норды в одну паралель, и поставя все места на градусы ширины и длины, а по окончании чрез месяц подали ему обратно, чем он был и доволен. Случилось некогда после обеда генерал наш пошол отдохнуть, а мы сели в зале играть в ломбер. То он, как отдохнул, вышел и подошел к нам картежникам, и стал за моим стулом смотреть, как я играю, и напоследок трепанул меня по плечу, сказал: «Я тебе дам другие карты, чрез которые ты болше выиграешь». Потом чрез неделю от обеих министров мне дали указ, чтоб ехать в Твермин и снять карту акуратнейшую от Твермина в Гангут, а из Гангута и далее к Синус Ботникусу, к Вазам. В Твермине ж зделать примечание и, обыскав то место, где Великий Государь Петр Первый император положил намерение перетаскивать галеры чрез мыс в другой залив, котораго ширина две версты с половиною. На словах его превосходителство мне сказывал: «Когда государь Петр Великий имел войну со шведами, то послан был командующим над галерами граф Федор Матвеич Апраксин19. Тогда он стоял тут месяца два, для тово, что занет был им проход в Гангуте военными кораблями. То и пишет Апраксин государю: «Что прикажите делать? А в Гангуте проход заставлен военными кораблями, и я стою в Твермине благополучно». И так государь за оное прогневался, призвав меня, изволил показать этот репорт, и я, прочтя, улыбнулся, то изволил спросить меня: «Что ты смеешься?» На что я донес: «Изволите туда послать хотя меня». На что изволил сказать: «Я сам поеду, да и ты будь со мною. При мне гораздо болше зделают, нежели при тебе». И так из Ревеля прямо на шлюбках туда и перевалили в шесть часов. Как выступили на берег, тот же час изволил итти поперег това мыса, я позади мерил. И как дошли до тово залива, не сходя с онова места, изволил послать, чтоб немедленно зделать из бревен катки, по чему б можно тащить галеры в этот залив, а сам изволил лечь на берегу и на одном камне выбил крест. Тогда по указу Его Величества немедленно обыватели и салдаты все это зделали в одну ночь. Бревно от бревна было положено по сажени, по две и по три. А на другой день приказал для пробы тащить три галеры, но как увидел неприятель, то и послал два фрегата в тот залив, где назначено галерам спускатца. А сам ис того Гангута и тронулся в море. Между тем превеликой зделался туман, то государь приказал маршировать и, проплыв благополучно мимо Гангута и оборотясь в тот залив, куда посланы были два фрегата, изволил их атаковать и взял в полон. То и ныне также быть может, и ты возми примечание, где лутчее и способнее. И другое место означь и представь ко мне, да и сыщи тот камень, на котором государь изволил выбить крест, видишь ты, братче». И дали указ, чтоб меня во всем довольствовали и были бы послушны обыватели. Я, откланяясь обеим господам министрам, и притом донес, что сию порученную коммисию с охотою исполнить должен. Тот же час и отправился, взяв с собою из минерных унтер-афицера, на учрежденных почтовых сев верхом, поехал и во всю ночь бежал, и, не доехав до одново киршпеля, как зовут не помню, одолел меня сон, а особливо над зорею, что упал с лошади в лесу. Унтер-афицер подхватил меня и положил на мяхкой постеле на песку, и очень мало уснув, тотчас сел на лошадь. Поскакали. И прибежав к киршпелю, вошед в корчму, послал я, чтоб тотчас привели на перемену лошадей и с проводником, а сам, облокотясь на стол же, крепко заснул. Как же лошадей привели, разбудили меня и объявили, что готово. А притом сказывали, что сию ночь был здесь неприятель от моря и взял нашева капитана с ротою в полон, которой здесь стоял на посте. Услышав я сие нещастие, тотчас написал рапорт и послал чрез обывателя, и притом просил, чтоб присланы были ко мне для работы один афицер и два кандуктора с инструментом.

А сам немедленно отправился в Твермин, доехал над вечером, стал на квартире у ландмейстера. Оным ландмейстером я был доволен, кой тот час приказал изготовить кушанье, а сам вместо чаю, налив стакан вина, подносил. «Друг мой, — я говорю. — Нет ли у тебя чаю?» Он мне ответствует: «Я и не слыхал про ево, что бы оно такое значило». И так я принужден был за стакан приняться, а между тем и обед поспел, и я, выпив, сел за стол, поставили мне капу кислова молока, масла коровья, хлеб, стремлиник. Так мне показалось то кушанье хорошо, казалось, что я никогда такова не едал. И как я укрепил свой желудок, поблагодарил моему хозяину, а к нему уже прислан указ, чтоб меня доволствовать и во всем быть послушным. Итак, мы с тем ландмейстером вступили в разговор, знает ли он то место, где государь Петр Великий перетаскивал галеры. Он мне ответствовал: «Знаю это место, недалече от нас». Я сказал, что ему завтра туда ехать со мною, и он сказал: «Я готов хотя сейчас». И чтоб лошади были готовы до свету. И на это получил ответ: «Будут готовы хоть сейчас». «Нет, мой друг, — я говорил, — мы немного отдохнем, так нам лехче будет и голова свежее». И так я, мало отдохнув, проснулся, а у нево уже лошади готовы, выпили по стакану вина, съели по куску хлеба и поехали. И приехали на оное место. Увидел я, где было намерение государево перетаскивать галеры и з берега до берега прошел, и нашол тот камень, где был высечен государем крест и под крестом покой. Тут снял профиль от берега до берегу, высотою оные берега не круты, а отлогие, отводы не более сажен 20-ть или 30-ть, а высотою от двух до трех сажен. В других же местах осматривал, но нигде такова хорошева места не обыскал. И так по окончании оного моего осмотра поехал обратно на квартеру. Спрашивал меня мой ландмейстер: «Что прикажите изготовить кушать?» Я объявил ему: «Много ль мне надобно, вить я один. Мне доволно будет, как и вчерась было». «Что изволите, мы для вас быка убьем и теленка, барана». — Я на ето разсмеялся: «Куда столко, братец, мне не съесть ни двадцатой доли, так мы съедим припас». — «Мы имеем указ, чтоб вас доволствовать всем». — Так я сказал ему: «Делай, что хочешь, а хотелось бы мне, чтоб вы изловили рыбы». И он тотчас послал с неводом, и, изловя, принесли ко мне в корыте очень доволно рыб, из которой были окуни, камбалы, и изготовили для обеда моево. И я, отобедав, лег спать незамедля. На завтра, проснувся, услышел, что потом и команда прислана с афицером и с инструментом и явились ко мне. Я обрадовался и приказал ландмейстеру, чтоб он хорошую лодку изготовил, которая могла б терпеть морское волнение, и з гребцами к завтрею, и сам бы со мною был. Он мне по приказу изготовил, гребцов из чухон наредил. Тогда мы, пообедав, и вступили к снятию до Гангута шерами. А ландмейстер сел на другой лодке с прапорщиком Фохтом, и тому ландмейстеру приказал, чтоб он по ходовой воде галернаго фарвартера проводил, да шли б и бросали бы лот, и записывали глубину окуратно, а я стал острова пеленговать, а особливо и тут наблюдал, где оне фарвартером шли. И так мы того ж дня дошли в Гангут, назавтре оборотили на другую сторону того мыса или Гангута, тож снимали шеры и фарватер. Но как мы вступили скоро в работу и обошли мыс, то за ним широкой морской залив, но притом зделалась ужасная и великая погода, и в превеликой страх меня привело. Тогда все тут на лодке бывшие говорили, чтоб я ничево не опасался, а внутренно и смеялись, будто я трус. Но как вихром оторвало руль, мачту сломило и парус наш вырвало, тогда уже оне все оробели. Мне бог даровал на то время смелость, тотчас с строгостию приказал кормчему, чтоб он взял весло, и сам я привязывал весло к корме, чтоб им править, а другое весло велел поставить, где была мачта, и как остатки паруса и у ково были епанчи и рогожи велел навесить и держать прямо по ветру. Напоследок погода не утишается, и малая надежда ко спасению нашему оставалась, тогда я сказал кормчему, чтоб он на один остров приставал. Итак, по оному моему приказанию стал держать ко одному маленкому острову каменному, на котором и лесу не было. Тогда вдруг вихром подхватило и на самую почти средину лодку нашу выбросило, и ежели бы не так, то бы мы все, конечно, потонули, и чрез это мы все благополучно спаслись. А другая лодка харчевая и моя ушла вперед, и как она спаслась, о том мне было неизвестно. Как же лодка наша была гораздо повреждена и съехать на ней уже нам было не можно, то и были мы все без пищи двои сутки. Хотя ж у гребцов и был их хлеб печеной, лепешичками засушеной, а печон из сосновой толченой коры и ис толченой же рыбы и малой части, для связания, муки. Давали мне, чтоб я ел и укрепил себя, но сколко я ни старался, мочил, бил камнем, чтоб разломался, и жевал, но не мог съесть ни куска и удивлялся, как оне ево ядят. Наконец, в третьи сутки зделалось тихо и увидели блись рыболовов, вскричали им, чтоб оне к нам подъехали, и как оне подъехали, то ландмейстер

сказал, чтоб нас свезли и не можно ли нашу лодку починить. Да и о той харчевой нашей лодке спрашивал, не видали ль оне где она, спаслась ли от этой погоды или нет. Оне объявили: «Мы ее видели, слава богу, спаслась и стоит от нас за милю». И тогда оне, те рыболовы, приступили к починке нашева судна, скоро починили, и как скоро починкою исправили, то вступили опять в работу в снятие шер. Однако наша лодка великую течь показала, и тут человека три всегда выливали, другие гребли, а я снимал. И дошли мы до одново острова каменнова, а впереди мыс, до которова будет верст пять, и привезать этот мыс от тово острова в меру было не можно, потому, что море соединилось з Гангутским берегом без островов, и оной пролив начинает от Синус Ботникуса. Так я, доплыв до мыса, взошед на нево, и взял линию по ево длине, а как с тово острова уже на маяк тово мыса румб — по той линии и другой румб взят на тот остров, и тем привязал. Напоследок же, проплыв около оного мыса в штиль, ландмейстер показывал мне, где государь з галерами шел к тому месту и где назначил перетаскивать галеры. А потом мы далее открытым морем ехать поопаслись, что лодка наша не весма крепка, то и выступил на берег я. И пришел ко одному пастору, которой весма меня худо принял, устращивая шведами, и говорил мне, зачем я с такою малинкою командою езжу, неприятель, де, в близости: «Мне тогда помощи тебе никакой дать будет уже не можно». На что я сказал ему: «Ты прежде меня напои да накорми, и дай мне лошадей, я обратно и поеду назад к своему месту». Но он на все мои требовании делал грубости. Тогда сказал мне ландмейстер: «Пожалуйте, я вам и себе сыщу лошадей, поедем отсюда поскорее, чтоб он не зделал вам какой пакости». И так он достал мне и себе лошадей, и я тотчас сел верхом на лошадь, так же и он, и поехали двое. А команде моей велел обратно следовать. Как же мы скоро приехали в Твермин, выпили по стакану вина и несколко перехватил, как я уже много дней и не ел, и после обеда лег спать, так же и ландмейстер то же зделал, потому что и он, равно так как и я, замучился. Между тем услышел, что пришли наши галеры под командою господина генерал-порутчика Михайлы Семеновича Хрущова20, то я оделся и пошел к нему отдать мое почтение и притом объявить, что требуется для конгресу, чтоб он вступил скорее в Синус Ботникус в те шеры, где переваливают к Стекгольму, а вам покажут тутошние обыватели, ландмейстеры, которых доволно во всех киршпелях. И он меня спросил: «Где мне стать, чтобы я безопасен был от неприятеля?» А было с ним дватцать галер и два прама. Я ответствовал: «О сем вам не могу донести (не осталось болше вам укрепления, как толко стать на воздух)». Он увидел, что я делаю насмешку и поразсердился, да и видя, как я ему сказал, что очень нужно следовать, то и принял свой марш. По отбытии его, господина Хрущова, возвратился я на квартиру и сочинял всему снятию карту, чему времени проходило неделя или более и на квартире моей. Тут будучи в самую ж полночь в сенные двери зделался превеликой стук и шум, чтоб отперли, и говорили шведским языком да и спрашивали: «Тут ли порутчик Муравьев?». Хозяин мой испужался, думал, что это шведы спрашивают, не знал, што делать, как сохранить меня от них. И напоследок вздумал посадить меня в погреб, но как услышал он, что стали говорить по руски, то отворя двери, пустил их. Тогда вошел в мою камору генерал-адъютант Яковлев. Разбудили меня, и сказал мне, что хочет меня видеть генерал Кейт21, чтоб я шел к нему. Я тотчас оделся и явился к нему. Он мне вдруг стал сказывать, что генерал мой Любрас болен, а особливо печалится де о тебе, где ты ныне. «Поезжай к нему как наискорее, этова человека жаль, не дай бог, чтоб он умер, он весма надобен для России». А притом спрашивал, Хрущов прошол ли и как он может к нему туда доехать. Я ему донес, что его превосходителство господин Хрущов болше недели как проехал, а я замешкал в делании карт и планов, что ж не репортовал, то не с кем было посылать. Я, слава богу, жив остался и притом ему объявил о всех моих приключениях. А вашему превосходителству иных судов сыскать не можно, кроме как лодки, на которых и я снимал шеры и глубину фарвартера. Тогда он тотчас велел приготовить лодку, и мой хозяин в том постарался, а я рекомендовал моево хозяина, что он хорошей человек и может вам быть проводником до соединения галер. И так я проводил на лодку, экипажу болше с ним не было, как одна епанча, подушка и малинкой чемодан, при нем адъютант, ундер-афицер и человека четыре салдат. Так и поплыл мой генерал Кейт. А я со своею командою, сев на ево экипаж, ударился обратно в Абов к своему генералу и со всеми своими делами явился и донес ему, что я зделал. Он очень обрадовался, что я жив, чрез это зделалось и ему лехче, и я ему свою историю разказал, что я был готов к поглощению водою и сколко дней был голоден, какой хлеб ел, да и как меня пастор обидел, то за ним это услыша, оба

министры послали за пастором, взяли ево и привезши, посадили в лось под караул. Не оставя же рекомендовать и ландмейстера, на что мне господин Любрас сказал: «Вот, брат, в службе не без нужды. Однако я тем рад, что тебя бог спас от потопления и от неприятеля». И так я для сочинения белых планов и карт остался в Абове. Он же меня изволил спрашивать: «Каковы тебе были помошники?» На что я объявил: «Прапорщиком Фохтом я был доволен, кандукторами ж, в том числе мой был и племянник Антонов, не может быть в инженерном корпусе». И просил, чтоб он пожаловал ево, выпустил в полки. Он с великою радостию по прозбе моей эту милость показал и выпустил ево в полки порутчиком. Но, как упомянуто прежде, что генерал Кейт принял команду на галерах и уведомил о том министров, что на галерах в съестных припасах великой недостаток. К тому ж и неприятель ево покушается атаковать. Тогда я и послан был к генералу Кейту, где он стоял на пути к Стекголму, куда прибыв, усмотрел я, что которые острова окружали наш флот имеют уской проход. И потому я зделал со обоих сторон онаго прохода, где неприятелю итти должно, батареи и в тот проход, откуда б мог неприятель атаковать, противу онаго прохода поставлены были между батарей наши две прамы, а на батареи были вооружены с задних галер пушки. И неприятелю оставалось толко в одном уском проходе и то, чтоб фронтом итти. А атаковать было уже им несвободно. Да когда б он и покусился, то со оных батарей со обоих сторон, которые имели свою дефензию в один пункт, а прамы, стоящие против прохода, в тот же пункт, куда и батареи действие имели. У неприятеля ж в средине поставлен был прам, именуемый «Геркулес непобедимый», которой между двух стен набит был пробошною коркою. И так его превосходителство генерал Кейт опробовал оное и доволен был сим распоряжением. И меня отпустил обратно. Неприятельской же флот захватил Гангут, о котором я был еще тогда не сведом. А едучи, оборотился к правой стороне, снимал шеры и взошел на один мыс высокой. Тогда услышал я, что началась баталия со обоих сторон, преужасная пушечная происходила пальба с полудни даже до осми часов. А я находился в то время в средине неприятеля, и став на высоком мысу на колени, воздев руки на небо, просил бога о помиловании нашу сторону. А притом разсуждал и о себе, как я стал между флотом карабелным и галерным, то чтоб не попасться в руки неприятеля, опасаясь, что со мною не было и людей наших, кроме одново минера, а на бывшей при мне лодке гребцы и кормчей были фины. Я по окончании той батали(и) не знаю чей был выигрыш и пустился в ночь. И проехав тем заливом к берегу к одному киршпелю, истребовал тут лошадей. И поскакал сам друг в Абов. И приехав к моему генералу, донес, какое я зделал разпоряжение и что генерал Кейт был доволен. Напротив того сказал мне, что уже, братец, там и баталия была, толко не знаю, кому господь бог помог. И я тоже сказал его превосходителству, что слышел со обоих сторон палбу и был в великом страхе, находясь между флотом галерным и корабелным, которые вступили уже в Гангут. А фелдмаршал Лесий также с своим флотом прибыл в Твермин и не ускорил пройтить в помощь генералу Кейту, чтоб его удовольствовать провиантом и людьми. Ведомости ж о батали никакой мы два дни не получили, между тем министры шведские возгордились и уповали, что победа на их стороне осталась. А на третей день, как получили известие от нашева генерала Кейта, то при собрании с обеих сторон министров объявили им. Тогда оне и нос свой повесили. От его ж сиятелства фельдмаршала графа Лессии прислан был курьер со известием, что уже он прибыл в Твермин, неприятель же захватил проход в Гангуте, и он попуститца военных караблей атаковать не может, потому дабы и всю свою армию не потерять. А как вышеупомянуто, что генерал Кейт без провианту и без провизии в тех шерах стоит, то разсудили чтоб послать меня к его сиятелству, и обо всем мне донести, да и показать план, что можно перетащить галеры, где государь перетаскивал. А тут переволочь хотя канчабасы, толко б удоволствовать генерала Кейта правиантом и людми. И как я приехал к его сиятелству, подал комверт. Он, прочтя, тотчас стал спрашивать, и я показал план и профиль, как высоко поднимать кончабасы и по оному объяснил обо всем. Но как фельдмаршал и весь генералитет вознегодовали на меня, тогда покойник Василей Абрамович Лапухин22, которой чесной человек и добродетелной, отведя и любя назвав меня Мурушка, говорил мне: «Как ты ето можешь сделать?» Я сказал ему: «Ваше превосходителство, я послан толко донести, а делать в ево сиятелства воле. Ежели изволит меня к этому употребить, то я с радостию оное на себя приму, и уверяю, что я зделаю без всякаго помешателства». Но тут и протчие генералитеты приступили ко мне: «Как ты то можешь зделать и за што ты берешься? Знаешь, что на тебе одна голова!» При том им сказал: «Я прислан толко

донести и объяснить, а перетаскивать в ево сиятелства воле». И как сии переговоры происходили, между тем вдруг приехав ко мне его сиятельство, взяв меня с собою, и отъехали от них неподалеку. Говорил мне, что весь генералитет на ето не согласуется и почитает оное за великую трудность. Наконец он изволил объявить: «Поедем мы теперь обратно на галеры, там сзову весь генералитет и зделаем консилиум, что нам делать будет и на чом положитца». Сказав, поехали, и как вступили на галеры, то и стали делать консилиум, а мне изволил сказать, чтоб я отдохнул. И его сиятелства секретарь Никитин, взяв меня в свой кают, дал мне свою постелю: «Отдыхай, братец, здесь, пока консилиум идет, и что положат на конце, тогда тебя призовут». И так остался я с покоем и разсуждал, как меня бог ведет. Генерал мой ищет мне щастие, а вместо того клонится все к нещастию. Немного мешкав, пришел ко мне секретарь, сказал: «Консилиум окончился и спрашивает вас фелдмаршал», — то я и пошел к нему. И как скоро пришел, то оне объявили, чтоб я ехал и искал адмирала Николая Федоровича Головина23, о котором оне и сами не знали, где он есть: «Возми свои планы, отдай мой конверт к нему и объяви, чтоб он своим флотом Гангутскую гавань прикрыл, дабы мы могли канчабасы мимо их пропустить». И так, я пообедав у них, откланелся и пошел. Тогда меня, взяв галерной кондр-адмирал Толбухин24 на свою галеру, и тотчас приказал, чтоб шлюбка готова была двенадцативеселная с исправным квартермистром и с лутчими гребцами, между тем мне объявил: «Ты, братец, мне сват. Брат твой женат на моей племяннице. Куды ты едишь, не знаешь, и что привезешь, не ведаешь. О флоте и мы еще не слыхали, где он. В дорогу ж тебе неведомую ничего у тебя провизии нет (а пословица руская, когда едешь на день, то бери хлеба на неделю)». То он мне дав болшую бутыль збитню, зделаннаго из секту с воткой француской, штоф вотки сосновой, окорок ветчины, сухарей, и объявил, чтоб я болше ехал морем и склонялся к Ревелю: «И ежели ты в открытом море не увидишь их, то поезжай в Ревель поперег моря». И по получении ево награждения, прося у бога помощи, отправился я и выбрался из шер к морю, и почти против самова Гангута, где заступлено было шведским флотом. И как я в море хотел мимо ево пуститься, то вдруг увидел фрегат, которой рекогнисирует, и видел ли он меня или нет, тово не знаю, но сказал мне квартермистр, что теперь опасно пускатца. Я тотчас приказал, чтоб он оборотился и пристал бы ко одному острову, в закрытие от коего еще недалече отъехали, и тут принуждены мы были стоять до самой утренней зари. А как толко показалась заря и было очень тихо, то я пустился на волю божию в море и удалился от Гангута, увидел в море, так как облака, которые по положению казались быть надобно не болше тритцати верст. Тогда говорил мне мой квартермистр: «Щастие ваше, что теперь мы видим, где наш флот!» Итак я и все обрадовались, и усердно гребцы в работу вступили, и не более прошло, как четверть часа, послано было от флота две шлюпки против меня, и спрашивали, какой я человек, от ково и куда еду. И как я объявил, то одна шлюбка побежала вперед ко флоту, а другая при нас осталась. И так меня привезли прямо к флагманскому кораблю, где я с великою по их морскому обыкновению честию принят. И господину адмиралу меня представили, то я подал комверт и план, с чем от министров прислан, и обо всем донес обстоятелно. И тогда просил меня, чтоб я сел, приказал подать кофию и чаю, а между тем велел выкинуть флаг, дабы все командиры судов к нему собрались, которые тотчас и прибыли. А при собрании присланное от фелдмаршала сообщение, да и от министров, какое было к фелдмаршалу прочли, также и мой план Гангуту, где положено было по прожекту перетаскивать кончабасы, разсматривали. И вступили в разсуждению по присланному сообщению и планов моих, почему испрашивали меня, каким бы образом зделать, что спрашивает фелдмаршал. На что я и объявил им Гангутской план и показал, в котором месте можно прикрыть флотом, дабы чрез оное прикрытие могли бы канчабасы пройтить к генералу Кейту, но как адмирал Головин был человек разумной и скромной, объявил мне, чтоб я тут у него остался: «И при тебе я буду старатца искать якорное место и поставить так, как пишет господин фелдмаршал». После тово сели все обедать, и мне честь была великая не толко что от господина адмирала, но и ото всех. При котором собрании был и виц адмирал Барж25, он знаком очень был нашему генералу Любрасу и для тово ко мне особливо приласкался и спрашивал про моево генерала Любраса, как в здоровье своем и о протчем. И говорил, что етот человек для государства очень надобен, и я ево почитаю, да и о всей команде нашей инженерной также спрашивал, кто ему знакомы, и до Гангута как дошли. Тогда вышли все на шканцы, а один послан капитан на пакетботе, и бросал лот свинцовой для измерения глубины и какой грунт, можно ли

будет на якорях стать, то недошед за милю нашли якорной грунт и тотчас стали в ордер батали полуцыркулем, а ежели еще подойти ближе, то опасность от зюйд-веста погоды, и тот страх, что можно и без неприятеля потерять флот, ибо подошли шеры или каменные острова блиско. Тогда приказано было выступить двум бомбандирским судам и начали в их флот бомбандировать, однако за далною дистанциею как от них, так и от нас ничего ко вреду не последовало. Итак, его сиятелство граф Головин отправил меня к фелдмаршалу и просил, чтоб я донес его сиятелству, как вы и сами де видели, что поблизости якорнаго места нет, к тому ж и та опасность — шеры блиско, и от зюйд-веста как будет ветр, то и без неприятеля погибнет весь флот. Потом меня господин генерал Барж, взяв к себе, угощал, и пили за здоровье генерала Любраса и протчих, и за весь наш инженерной корпус, но я не мог отговариватца, тенул, что толко ни поднесут. А потом меня снесли на шлюбку и поехали к фелдмаршалу, доколе ехали, хотя я несколко и проспался, однако был с похмелья безобразен, и как я приехал, то меня спрашивали: «Не изволишь ли умытца?» А я говорю: «Дайте». А как умылся, по ортера волосы причесал, явился к фелдмаршалу и что я видел, то его сиятелству донес обстоятелно. Но он тут очень сердился, для чего адмирал так далеко стал, на то я еще подтвердил, что тут блиско стать не можно, потому что окружили каменные острова и опасно, да и якорного места нет, ежели от зюйд-вест погода, то можно и весь флот потерять. Тогда он, вскоча, взяв с себя парук, начал рвать и в серцах сказал: «Вот господин Любрас прислал какова ребенка меня учить!» И притом бранил моево генерала Любраса, я было тут начинал говорить, но секретарь ево толкал меня, чтоб я молчал, и так откланелся от нево и пошел к секретарю в каюту, тут проспался. А встав, как я оделся, то напоил меня секретарь чаем, и я пошел к фелдмаршалу. Он меня, увидев, еще спрашивал, и я то ж ему донес, что опасно ближе подойти, и туда он приказал нарядить дватцать канчабасов. И когда канчабасы пошли в море, около шеров, и как с шведской стороны увидел неприятель, что идут мимо нашего флота, то подумали, это галеры. Тогда оне все снялись с своих якорей и пошли против нашего флота, к тому ж зделался ветр зюйд-вест, которой им тогда служил во авантаж, а наши корабли, не успев поднять якорей на карабли, отрубили, пошли в море, и были от неприятеля под ветром. А как кончабасы к ним подошли и подвезалис к кораблям, и как наши увидели, что флот шведской ис той Гангутской гавени вышел, тогда дан сигнал, чтобы все следовали, а фелдмаршалская галера вперед пошла, на которой и я был правителем и вел по румбам тем, как моя снимка была. Как же скоро мы выступили, то зделался туман так велик, что в десяти саженях галера от галеры видно не было, для чево и зазжены были кормовые фонари, но снятие моей карты, тогда я сам усмотрел, что окуратна. И божиею милостию, как мы перешли, я ободрился, и, пришед к его сиятелству, поздравил ево с нужною сею переправою. Тут он изволил открыть себя ласково и сказал, что я тобою доволен, Муравьев, и тотчас приказал дать сигнал, чтоб шли все в поход, и сам первой пошол, да и я с ним. Приплыв в половину разстояния от Абова до галер, дал мне шлюбку и велел ехать в Абов и обо всем обстоятелно министрам объявить. Я ж, откланяясь ему, благодаря за ево милость, отправился в Абов, и, прибыв туда, явился своему генералу и донес ему обо всем, что происходило со мною, а притом выговорил: «Я вижу, ваше превосходителство, что вы ищете мне благополучия, но вместо того великие оскорбления». На что он мне сказал: «Что ж делать, братец, теперь тебе надобно молитца богу. А за богом молитва и за государем служба никогда не пропадает». Правда не опустил еще и далее отечеству моему службу производить, смотрел, что впредь произойти может, однако гонение мне продолжалось далее. Когда наши галеры пришли к тем островам, где генерал Кейт был укреплен, то вступили и расположились в том закрытом месте, в чем и щастие тогда послужило. Наш флот подспешил подойти и удоволствовать наших всех правиантом, а естли бы не так ускорили, то шведы верно б атаковали в другой раз, как они знали, что у наших правианту великой недостаток был. Министры ж шведские опять возгорделись и уповали, что их флот в Гангуте и нашему галерному флоту пройти нелзя. А как услышели, что наш флот прошел и соединился с тою дивизиею, тогда оне опять свою пышность оставили и стали поспешать ко окончанию мира26. А между тем писали министры наши в кабинет Ея Императорскаго Величества, чтоб повелеть генералу адмиралу Головину послать афицера ж и снять все эти шеры как Синус Финикус, так и Синус Ботникус и которые следуют до Стекголма. Незамедляв и от кабинета к министрам прислан был указ, что господин генерал адмирал Головин доносит: «Во флоте ево недостаток в афицерах и почти некому править кораблями, и для того им

послать из наилутчих инженеров, о которых они могут знать». И по оному указу опять выбрали меня вновь и дали мне тово же прапорщика Фохта, двух кандукторов, шведскаго афицера, которой покажет все фарвартеры. С тою я командою, отобрав от генерала Любраса наставление, что мне надлежит делать, получа все, и отправился. Между тем обедали шведския министры, спрашивали, где бывает этот афицер, что мы ево редко видим здесь. Ответ получили, этот афицер таков, ежели б таковых много было, весма бы была доволна Россия. Я, услышав о этом разговоре, горесть меня взяла, что мне в етой похвале, рвись, ревнуй и ничево плода мне не приносит. Заплакав горко, сказал: «Буди ево святая воля». К генералу фелдмаршалу писали, чтоб он приказал дать две шлюбки и один бот, которой служил нам для провизии. Итак, мы пустились чрез пролив Синус Ботникуса к Стекгольму, где лежат посредине залива три великие камня, а называются «Три сестры». Оные камни положа на карту, возвратились обратно к шерам, тогда завес меня определенной ко мне шведской афицер в свою мызу, где я пробыл двой сутки. Очень он рад был, поднося мне пивной стакан вина, сказывал, что муравейное, то есть спирт, хотя оно кажется и крепко, но нимало не пьяно, и просил, чтоб я выпил. Сей де спирт делан без хлеба, и сказал мне, как ево делать. Довольствовал меня хорошим обедом, а особливо повел меня в свой малой зверинец, и убили зайца, пошли в дом, отдали жарить, и, пообедав, я ево оставил, затем, что я уже сомкнул с прежним своим снятием. А сам и с командою поехал обратно по шерам к Вазам, а оттуда по берегу Сухова Кряжу по шерам же. Нашол тут живущих из дворян многих фамилий руских: Аминевых, Калитиных и еще было доволно, но я забыл. Сказывали, что они были в полону в Сибире и там заводили заводы железные. Которые мне и говорили: «Мы жалеем, что оттуда выехали. Правда, нам бы и здесь можно жить, доволно у нас руд железных и медных, и рек, на которых бы можно заводы завести, но под смертною казнию запрещено от короля здесь руду доставать, а велят брать из Стекгольма за денги. Мы очень желали, чтоб остались за Россиею». Итак, я, по снятии всех шер со всеми примечании донес к министрам, весма хотелось им границу зделать по берегу до конца Гангута, однако не зделалось на том, а положили по Кюмец реку вверх по водам, кои идут около Нейшлота. Хотелось генералу Любрасу послать меня ко двору с ратификациею, но Александр Иванович Румянцов убедил ево прозбою, чтоб послать сына ево Петра Александровича27, что ныне уже фелдмаршал, а меня хотели послать в Сибирь со объявлением, но я сам не захотел, потому более что не жаден был к интересу. Между тем галеры отправились в путь свой до Пе(те)рбурга, бот мой, которой с провизиею и платьем был, увидел на оном командующей, мною определенной, что галеры пошли и за ними ж последовал. А я тогда принужден был остатца без провизии и экипажу, да и нашол ево уже в Петербурге, у господина контр-адмирала Толбухина, от котораго и все получил в целости. После ж отбытия боту поехал на шлюбке во Фридригсгам, а от Фридригсгама при Любрасе до Петербурга. Вот моя служба до 744-го года. По старшинству получил чин капитан-порутчика.

(1) По приезде в Петербург предписано было из Правительствующаго Сената господину генералу Любрасу указом следовать на Ладожской канал и оной освидетелствовать. Еще ж к нему прикомандированы были господин генерал-майор Фермор, Резанов, инженер — подполковник Илья Александрович Бибиков28. Но его превосходителство генерал Любрас отозвался в Правителствующий Сенат репортом, что ему время недостает, а посылает вместо себя капитана-порутчика Муравьева, по которому указу мы и поехали. Узнав же о сем, того канала смотрители подняли воду, дабы нижних грехов видеть было не можно. Как же сие мы усмотрели, то и наслали ордер, чтоб воду спустить, и поплыли для усмотрения укрепления берегов, и обозрели, где вечно достойной и блаженной памяти государем Петром Великим определен был Писарев29, то ево работа, состоящая за дватцать верст от Ладоги видна была. Натуралной берег и укреплено было фашинником, а где после работа тех смотрителей, толко на столбиках положены два бруса во весь канал, а наверху тех брусьев положено было в три плиты, и значило, будто и вся такая работа. А как вода была уже спущена, то и еще усмотрели, что из-за тех столбиков земли вымыло сажени на две, и когда плывет какое-нибудь судно, то от быстроты и волны и далее земли вымывало. Доехав же мы до Шлюшелбурха, зделали прожект, что по оной профили господина Людвига зделать неспособно, а так должно, как вышеписанным Писаревым делано было или, по крайней мере, от самаго фундамента диким камнем с мохом, дабы изнутри берега

земли не вымывало, чрез что и канал засорен не будет, и то в Правителствующий Сенат подали обще. А я по приезде прожект подал особо, чем и был он доволен. И определил меня генерал Любрас к работам Петра Великаго канала и докам, где я и имел команду над работами. А главной командир был Румянцов, но когда господина Любраса послом отправили в Стекгольм, тогда он донес в Сенат, что он оставил над работами смотреть капитана-порутчика Муравьева, и буде, что я забыл, то он может дополнить. Видно, что ево желание было зделать мне благополучие; но нещастие ж стали и ево гнать, от ково, не знаю, а далее откроетца. Итак, я был при работах весма радетелным и великой успех последовал: в мою бытность зделаны были в морской части укрепления битьем свай, зделан ростверк, а на том ростверке флюбет выведен высотою на шесть фут, кладеной с сементом квадратными плитами, и швы заливаны были свинцом. Стены канала по обе стороны были зделаны в средине сводами, назвать можно трубы, в которые впускается с моря вода, и как накопится морская часть, тогда и вынут шетдоры. Равным образом и шлюз укрепляем был. Стали было стены канала вспукиватся от места своего внутрь, которых стен еще работа была при государе Великом Петре Первом, тогда отступя от стены шесть фут били сваи шпунтовые в два ряда, и тем от поползновения утвердили. Напоследок все швы вычистя, внутри на четыре вершка подмазали сементом. При сих работах были машинисты два, один брал 2000, а другой 1200 рублей. Афицеры в моей команде находились: прапорщики Сергей Рожнов, Владимер Назимов, они мне были помошники, и когда увидят, что мастера погрешат в работе, то оне всегда закрывали, чтоб я не видал, а потом афицеры репортовали мне, а когда я увижу, то великой шум зделаю. И оне меня боялись не менше, как самово генерала. И шла работа порядочно и с великим успехом, но зависть царствует, и враг тому помогает. Стоял я у брата, от родных по матушке Островскаго. Морские генералитет, флагманы, капитаны и супалтерн-афицеры, а особливо меня любили Семен Иванович Мордвинов30, Степан Гаврилович Малыгин31, Алексей Иванович Нагаев32, как я у них, так и оне у меня бывали. Когда ж расходится, то благодарят меня, а не брата, и с того он принял зависть и начал стороною говорить: «Брат у меня живет и расход великой держит, что уже мне несносен», а особливо г(оспо)д(и)ну Румянцову ту жалобу приносил, которой был командиром. И как услышел я чрез человека Румянцова, то и выговаривал брату: «Зачем вы жалобу по Кронштату делаете, ежели вам несносно, что я живу у тебя, однако пью и ем свое. Да кто ко мне и придет, то подчиваю своим, кажетца, вашева ничево не издерживаю». И напоследок, поблагодаря за квартиру, велел перевозитца на другую и стал вместе з Деденевым33, тогда он был порутчиком при строении крепости. Случилось собратца нам, всем афицерам, к Румянцову в воскресенье поутру, то тогда господин Румянцов, ничево прежде не говоря, сказал мне: «Какая бы вам причина быть пасквилантом и спрашивать от моих людей, что у меня говорят?» Напротив того, я сказал: «Вы меня обижаете, я людей ваших никогда не выспрашивал и вам меня так обижать неприлично, хотя вы и майор, а я капитан-порутчик. Но терпеть этова не могу. Неспорно, что вы оставлены по канторе командующим, но и я тож особо определен от его высокопревосходителства для смотрения работ к строению доков». Итак, не хотя болше с ним в разговор вступать, крепко разгорячась, пошел от нево и послал к нему объявить, дабы он знал, что я еду в Питербург к князю Василью Никитичу Репнину34, тогда он у нас был генерал фелцехмейстер. А как приехал в Петербург, то прежде увиделся я с господами, присудствующими Канцеляри Главной артиллерии и фортификации членами: Васильем Федоровичем Песиковым35 и Иваном Федоровичем Глебовым36, объявя им все мое нещастие, что мне случилось. Оне крайне сожалели и присоветовали подать мне челобитную в моей обиде: на другой день приехал его сиятелство в присудствие в канцелярию, и зашел разговор, какие в Кронштате работы и кто там командир, и на оное донесли, что по канторе командир майор Румянцов, а над работами оставлен от генерала Любраса капитан-порутчик Муравьев, правда жаль, что господин Румянцов потерял правую руку у себя. И тут стали меня рекомендовать, что это такой афицер, против котораго нет во всем инженерном корпусе, знающа го и трудолюбиваго в делах, и господин Любрас выбрал ево за способнаго к таковым нужным работам. Его ж сиятелство, выслушав мою обиду, и их рекомендацию, тотчас послал ордер, чтоб ево Румянцова судить военным судом, и мне приказал в Кронштат ехать обратно. Когда ж собралась коммисия, то дали повестку, чтоб явились мы оба с Румянцовым, и когда же мы явились, то господа присудствующия стали меня уговаривать, чтоб я помирился, объявляя при том, что де вы были прежде друзья, да и на что «Отче наш» читать

я помирился, объявляя при том, что де вы были прежде друзья, да и на что «Отче наш» читать,

когда мы не станем отпускать должником нашим. Тогда я, по их прозбе, да и самово господина Румянцова, простил. Между тем же господин Румянцов своего человека, которой мне сказал, сек немилостиво, а напоследок и пристрастил, что когда я не помирюсь, то и ему живому не быть. И, человек, этова мучения убоясь, удавился. (Вот мое первое начало нещастия. Я щитаю и ето в грех великой, что от невоздержания моево языка потерял человек душу свою. Второе, так же потерял я патрона своево, которой обо мне весма старался, и везде честь мне давал в моих искуствах. Третие, и генерал фелдцехместер за неудоволствие почел, что я с ним помирился. После ж опомнился, когда бы я не так горечо принял ево обиду, то бы он сам раскаялся и просил у меня прощения, да и мы бы помирились без всяких этих тревог и жили бы вместе, и никто бы о том не знал, и человек был бы цел). Можно видеть теперь, что чрез невоздержности какия происходили нещастия, надобно было мне тогда воздерживатся, а притом оберегатся высокоумства и не превозносится своею остротою и делами. Первое богу противно, второе и всем в ненависть пришел. Мне случилось слышеть от высокой персоны, которой вел со мною разговор, сказал мне: «Господин Муравьев, когда орел хочет лететь высоко, то ему надобно перья убавлять, чтоб он невысоко парил», — то оное я принужден был принять на свой щот. А напоследок и бог меня смирил, благо есть яко смирял мя еси господи, благости разума научуся заповедем твоим.

После етова объявлено было князь Василью Никитичу следовать с вспомогателным войском в Цесарию и принять команду в Риге, тогда от его сиятелства прислано обо мне повеление, чтоб и я при нем был (в то самое произходимое время, когда я был в Кронштате и ездил к родителю, он был водяною болезнию болен, а когда ж я возвратился в Кронштат, получил уведомление, что он уже и скончался).

В 1745 году. Тогда нас наперед и отправили в Ригу по последнему пути, а приехав в 1746-м году ожидали прибытия его сиятелства господина Репнина, которой не замешкав, прибыл. Как же следовало отправитца и далее в поход, но тогда, за неимением в готовности полковых лошадей подъемных для артиллерии, мундиров и протчих тягостей, зачем и стояли целое лето. Коя ж дивизия приуготовлена для Ливина, состоящая в Курляндии, вся имелась в готовности и всем была доволна. Между тем прислан был указ к его сиятелству о посылке из афицеров кого-нибудь для снятия Эзелскаго острова, где корабли шведские приставать могут и с тово острова правиантом доволствоватца, да и каким образом оной остров укрепить. Итак, его сиятелство, призвав меня, говорил: «Иные хороши для компании, тебе ж рекомендую ехать на Эзелской остров и разсмотреть, где оного острова есть пристани к шведской стороне, описывая, коликое число с того острова привозить могут на шведскую сторону хлеба». Я, получа повеление его сиятелства, отправился туда и приехал в Аренсбург, там есть раззореная крепость, пятиуголник, можно видеть, что работа чистая, была из дикой тесаной плиты, были казармы, пороховые погреба, камендантской дом. А приехав, вступил в работу, и, сняв окуратно как план, равно и профиль, а потом поехал к морю и осмотрел, в каких местах карабли могут приставать. Все оно сняв, при прожекте моем приехав, подал: оной же остров имеет семдесят киршпелей, хлеба на оном родитца у всех, за излишеством каждого помещика своих расходов, за росплатою тем же хлебом и оброчнаго положения, триста ластов к шведской стороне. От берега того острова продолжается рифа на две мили, а каждая миля шведская десять верст, то шведы, не переезжая той рифы, оставляя к нам вправо, а от них будет влево, пристают к острову. А между оным моим отъездом его сиятелство разбила параличь, о котором в крайнее сожаление мы пришли, имев не командира, а отца, потому более, что он пекся прямо как о своих детях. Когда ж из Москвы привезли сукна и под тягости лошадей пригнали, полное или неполное число, того не знаю, а к нему безпрестанно указы насылаются, зачем не следует, хотя ж он, будучи и в такой болезни, однако принужден был отправится и как мундиры для салдат шить, так и тягости исправить приказал во время следования в походе. А меня тогда изволил послать в дивизию генерала Ливина для описывания маршрута. А как я явился, то по должности своей и исправлял маршрут, и как был уже последней путь, тогда мы его сиятельства и ожидали на Висле реке при местечке Пулаве, принадлежащем графу Потоцкому, где замок великой. Оная река великое препятствие в переправе причиняла разлитием прибылой воды на берега мили на две, и переправа весма была

нужная, где как для ожидания его сиятелства, так и более по причине той нужной переправы стояли тут. Нас приказано от него, графа Потоцкаго, доволствовать, как для генерала Ливина, так и штату. Его стол был богатой, при обеде всегда была музыка италианская и вакалная, однем словом сказать, что поляки себя пышною рукою ведут и не отстают славолюбия, хотя бы и коронованной персоне. Караул при том замке был целая рота, на головах не шляпы, а болшие шапки медвежьи. После чего, переправясь мы дошли чрез Моравию в Богемию, где императрица изволила осматривать полки наши. И я им, господином генералом Ливиным весма был доволен. Когда ж все приглашены были обер-афицеры и штаты к столу Ея Величества, в том числе и я был, то он, господин генерал Ливин, представляя Ея Величеству, объявил, что, де, есть у меня инженерная команда при дивизии, и были все допущены к ручке Ея Величества и при столе обедали. А для полков свежих хлебов правиант ставил агличанин, для чего от него агличанина и наняты были хлебники, нам же жалованье производимо было двойное порция и рация по цене, тогда состоящей. Однако со всем тем по сложной цене я получал каждой месяц за порцию и рацию по осмнатцати червонцов, жалованье двойное по сороку рублей, тож по шеснатцати червонцов, чего составит каждой месяц тритцать четыре червонца. Тогда у меня денег был целой мешок. А брат мой Никита Артамонович37 будучи порутчиком, был в дивизии Василья Абрамовича Лопухина. Продолжая ж поход, дошли мы до Нирберха, а полки, дошед до деревни Ферт, в которой жители все жиды, тут расположились в лагери. И в то время, как выше напомянуто, тож были трахтирщики. Случилось мне прогуливатца верхом и приехал в полк Ладожской, в коем был майор Кулбарс. Обедали в трактире, после обеда с тем майором начал один афицер играть в банк, во время ж игры зделался у них спор, банкировал афицер и когда карту бросил направо, то майор выигрывал, а налево ответствует майору платежем. Я при той игре сидел блиско и у самаго стола на стуле. Когда должно было по картам получать майору с банкера афицера платеж, то есть за правую свою сторону, он майор не брал, когда ж выигрывал левою банкер, а другому должно платить, то со всем тем он, майор Кулбарс за свою правую сторону не брал, а требовал за проигранную левую, будто за правую сторону выигранную з банкера платежу. Но как афицер, остановясь банкировать, говорил майору: «Вы, де, должны мне платить, а не я вам, спросите вот блись нас сидящаго посредника, так ли должно». Почему я и сказал: «Правда, что вы, оставляя пред этим требовать за свою сторону, теперь же должны платить сами, а не требовать». Он, Кульбарс, осердился на меня, закричал: «Ты, де, молчи!» Но я, напротив того, сказал ему: «Вы можете так говорить токмо денщику своему, а не мне». А он великой дракун и резун был, после чего, услыша он таковой от меня отзыв, осердясь, вскочил со стула, тогда случилось в палатке, и намерен был меня ударить. Как же и я разгорячился, не допустя ево до себя, схватил за виски, и потом чрез колено поваля ево, взяв косу и обвертев к палатошной древке, бил кулаками по щекам и всего прибил, и до того бил ево, что уже сам устал. Тут трахтирщик стащив меня, но он, уже битой, грозил шпагою: «Я тебя, друга моего, доеду!» Сели мы обое друг пр(от)ив друга и сидели, я же, знав об нем, что он резун и человек буян, тотчас вышед за полатку, поскакал обратно к своей квартире. Как же я приехал, то испросил меня господин генерал Ливин, где Матвей Артамонович. Пред тем же самым виделся со мною правящей его канцеляриею господин Черепов, донес ему, Ливину, все со мною случившееся обстоятельно, жалел очень о таковом нещастии, уведомляя писмом к его сиятелству, посылал нарочного, описывая о мне, что я человек смирной, а тот безпокойной и производил много таковых случаев, кому глаз выколол, бровь разсек и много сему подобнаго делал, то его сиятелство и выгнал ево, Кульбарса, из полку и он уехал в Петербург. А я потом и остался уже без страху. В лагерях мы стояли почти до осени, тут вдруг к нашему нещастию по получении неизвестно какого-то писма от двора его сиятелству прибавился еще ему паралич, от чего недолго времени минуя и умер в (1)747-м году38. Тут мы и вся наша команда неутешно плакали о потерянии таковаго отца и покровителя. В то самое время цесарь и агличанин с французами заключили мир, и наши полки пошли обратно восвояси. По его ж сиятельства смерти команду принял и командовал господин генерал Ливин, и пришли в Богемию, тут зимовали. В тех местах снегу весьма бывает мало, редко когда пороша выпадает. Случилось ему, господину генералу Ливину, меня пригласить ехать на охоту, да там же и зайцов очень много. Он вздумал меня поучить, каким образом травить, и, поставя с правой стороны, дал мне свору сабак борзых, а сам стоял на левой. Как же зайца подняли гончие, и я уже своих пустил, и когда мимо ево скакали

стоял на левой. Как же зайца подняли гончие, и я уже своих пустил, и когда мимо сво скакали,

он, господин Ливин, своих не пущал и держит. Я ж закричал: «Пущай, пущай, сабак!» И много раз кричал. Он же, не пущая, крепко смеялся тому, что я столко горяч. При самом же том зборе на охоту, как мы от своих квартир ездили не менее как по неделе, учреждено от него было всем по должности: сам он кушать варил, я был поднощиком, и другие так же имели должности, и когда приедем на назначенное место и станем ужинать, тогда всякой свое что-нибудь смешное приключение разсказывал, я ж в том как неискусен был, спорил против их геометрически. Продолжали в Богеми мы зиму, когда ж наступила весна, то оттоль выступили. Я остался в той же дивизии, где был, а он, господин Ливин, заступил место князь Василья Никитича. Со мною ж он присовокупил брата Никиту Артамоновича, Деденева, артилерискаго сержанта Иевлева, кандуктора Воронова и многих из дворян. Люди были изрядные и честные и кондуиту хорошего, главной же над тою дивизиею был командир Броун.39 Случилось нам ехать мимо замка князя Шварцемберга, как же того князя Шварценберга в доме не было, то его княгиня, выслав к нам посла, просила, чтоб мы откушали у ней. Тогда ж и всей дивизии нашей назначено было иметь отдохновение и приготовить в путь правианта. Для онаго мы очень были доволны, разстановя всех нас по квартерам, и к ней каждой день ходили в замок обедать. В некоторой день захотелось ей показать нам свой зверинец, определены были к нам егари, и она с нами поехала, так же дочери ее и свойственницы. Приехав же туда, разставили нас по дистанциям, а мужики от ее посланы были гнать зверей и птиц фасанов, и мне тут случилось одного застрелить, а другой раз чуть Броуна не застрелил, после чего он благодаря, говорил: «Хорошева б ты убил фасана». Я, напротив, онаго извиняясь, говорил: «Слава богу, что бог вас сохранил». И как мы, проводя княгиню в замок, сами пошли по квартерам, тогда определенной ко мне егарь принес застреленнаго мною фасана, и я принужден был ему подарить два червонца. К тому ж напоменуть хочу смешное приключение. Был капитан в Секретном артилерийском полку Мусин Каллистрат Пушкин, стоял против моей квартеры и ходил по улице в портках, а портки были назади замараны. То дочери хозяина того девки, у катораго я стоял, спрашивали у меня, что, де, у господина того назади за пятно, конечно же он ранен ядром. После того мы по обыкновению обедали опять у вышеписанной княгини и замке, и я за столом начал потихонку своим сотоварищам расказывать о тех девках, которые у меня спрашивали о пятне, бывшем у Мусина-Пушкина, и между тем та госпожа княгиня, вслушаясь в наш разговор, причем мы смеялись, просила объявить и ей о том. И как о сем, что от меня было говорено, указал ей на меня Иван Алексеич Салтыков, то я и пересказывал вслух, и оттого она и все бывшие за столом весма много смеялись, и кушав очень мало, почти все в том смеху время препроводили. И после того княгиня говорила: «Не тот ли, де, самой Мусин-Пушкин, котораго я видела сама сначала во время проезда з дивизиею мимо, что у него голова под бороду была подвязана платком и я де думая, что не женщина ль, много сожалела». Так и более смеху зделалось, и он, Мусин-Пушкин был за столом тут же, принужден бежать вон, и за то, правда, он, Мусин-Пушкин, на меня хотя и сердился, однако я на то не смотрел. После того прибыли в Польшу, остановились в Кракове. До прибытия ж в Краков у брата Никиты Артамоновича зделалась жестокая лихорадка. Стал я с сотоварищами на квартиру в Вирс Гоусе в самом городе. Увидев же хозяйка брата моего, что он так жестоко болен, говорила, конечно, де, у него фибра. И брат мой много дней уже не едал. Она принесла стараго венгерскаго вина, соленого лосося, и взяв болшой пукал, наполнила оным вином и напоила его да и накормила, и как он лег в постелю, спал крепко и был пот великой, на другой же день совсем стал здоров, поблагодаря ее, что ей так удалось вылечить, напротив чего она была рада. Господин Броун такой человек был, что он не любил кормить нас при столе своем, мы же ни лошки, ни плошки ничево не имели. Между тем получил я ордер от него, взяв дватцать четыре человека Чугуевских казаков и следовать вперед, и, по усмотрении, где дороги худы, исправить, то мы и поехали верхами. При исправлении ж тех дорог, обыкновенно ездил всегда я вперед и выбирал квартиры, смотря по трубе, где дым густой, тут мы останавливались и были доволны, и иде я от болших и сердитых собак страх великой имел. Потом и доехали Великополшей до госпожи Сопежинской. И нам должно было ожидать тут армию. Послал я сержанта артиллерии Иевлева, а тогда была великаго поста страстная неделя, донести ей, госпоже Сапежинской, о нашем прибытии и испросить ею, чтоб дозволила стать в ея местечке, да и приказала б отвесть квартиру и мы б для отдания и свидетелствования нашего почтения были б сами, но как ведаем о ея пане ясновельможной, что сию неделю упражняется в пощении и

о сами, но как ведаем о ея пане ясновельможной, что сию неделю упражняется в пощении и

молитвах, почему и не осмеливаемся, то она тотчас приказала своему маршалу отвести квартеру. То ж время продажа во всей Полше сену была пуд пятдесят копеек и болше, но она за оказанную нашу к ней ласковость не приказала ничего с нас брать. Вот наш какой был тут выигрыш, что мы ласково умели обходитца с поляками. Мы, стояв на квартире, горюем, что из нас ни у ково ни лошки нет, ни плошки, хозяйка нам наварила, зделав из конопляного семя с творогом ушков, и поставила на стол преболшую чашу. Лошки у них обыкновенно долгие и болшие деревянные, которыми мы ели; как же толко вступили в работу, то вдруг явился к нам во время того обеда от ея ясности присланной маршал и принес рыб: осетрины, белужины и протчих доволно. Лошки мы поставили около чашки во фунт, и очень стыдно нам было. Встав, все благодарили за ее к нам оказываемую столь великую ласку, напротив чего посланной от ея маршал изъяснял нам: «Не взыщите де сего на ея ясности, что она вас сии дни к себе не просит, по притчине той, что она сию неделю поститца и в великой четверток, собрав по своему наивсегдашнему обряду нищих, будет мыть им ноги». И мы также благодарили: «Напрасно сим изволит оговариватца, мы знаем христианскую должность, ныне не требует компании, а только пребывания в молитвах». Как же того маршала отпустили, то были рады и говорили: «Слава богу, нам будет чем и в Великую пасху разговетца». Находились мы весма недостаточны, у всех нас трех не было ничего денег, более кроме как толко у меня было три червонца, однако я послал казака в армию, чтоб прислал мне один должник денги. После того каждой день ходили в костел и слушали службу по обряду их. Обряд же их, каким образом производитца служба, описывать здесь за нужное не нахожу, потому что и в Санкт-Петербурге то же ведетца. Как же наступил день пасхи, были мы у заутрени, а по окончании оной поздравили ея светлость, и она нас тем же удостоила. И потом пошли на свою квартеру и думаем, то конечно, она нас к себе просить будет после обедни. Как же были мы у обедни и по окончании службы опять паки приступили к ней с таковым же поздравлением, поцеловав ея руку, что приняла благоприятно, а обедать и не пригласила. Пошли мы на квартеру, тут то и зачали тужить, что нам делать, чем разговетца, у нас ничего нет. Тогда вспомнили мы князя и горко, горко прослезились, и облокатясь на свои челюсти рукою, смотрили в окно, не подаст ли нам бог чего. Посмотрим, вдруг едут в двух каретах цуками тот же маршал и при них гайдуки и пажи. Приехав, стал нам говорить: «Ея ясность просит Вас, чтоб вы пожаловали к ней обедать». Мы очень обрадовались и немедленно в кареты сели и поехали, приехав к ея ясности, благодарили за ея таковое снисхождение, и она также была довольна, что мы к ей таковую вежливость оказываем. Напоследок принесли нам кофий доброй со сливками. В зале у них поставлен был стол долгой, тут наставлено было пасхи, ветчина копченая, свинина свежая, всякой дичи от зверей чистых и от птиц чистых же всяких родов. После кофию поднесли нам по рюмке водки и сказала нам: «Прошу разговетца пасхою». Тотчас мы, положа свои шляпы на место, принялись за ножи и вилки и зачали резать, кому что полюбитца. Увидела наша госпожа, что мы весма прилежно работаем около стола, смеючись, нам сказала: «Моспание капитан, это не обед, а толко что разговетца. Не кушайте много, а будет после обед». Тогда мы ответствовали: «А мы думали, что ето все нам дано съесть». И бросили все ножи и вилки в чаянии том, что нам будет наставлено и болше того. И потом нам говорила: «Не погневайтесь, я после сего намерена отдохнуть». А фрелинам своим объявила, чтоб оне взяли нас и повели в свой покой, и показывали, которая что работает, то мы поклонились ей. А фрелины, которой из нас какой попал, и повели в свой покой, мы сего болше обрадовались, нежели обеда. И как пришли мы в их покой, то всякая свою работу начала показывать, в чем всякая время свое провождает (правда, хороша их работа!). Однако мы болше приусугубили со удивлением похвалу, якобы мы и не видали такой работы нигде. Оне сие принимали за честь, х тому ж полские девицы весма смелы, не давали время долго ознакомливатца, шутили, играли и веселились с нами. А как отдохнула ея велможность госпожа Сапежинская, прислала к нам, чтоб пожаловали к обеду. Мы, всякой со своею фрелиною, не хотя их отпустить из рук, пошли. Пришед к ней, благодарили, то она и сказала: «Теперь нам пора кушать». И было уже двенатцать часов, сели мы все по порядку с фрелинами, пили венгерское за ея здоровье, также и за протчих, которые тут присудствовали. Отобедав, встали, поблагодаря бога, и ей поклонились. После того подали столы и карты, и просит меня госпожа Сапежинская, чтоб я сел играть, мне уже было отказатца нелзя и с ней, госпожею Сапежинскою, увидел карты мне незнакомые, а называют вышник и нижник, то есть в памфил. Я испужалея, говоря: «Этих карт вовсе не знаю». Оне мне толковали: «Когда не

есть в памфил. Я испужался, говоря: «Этих карт вовсе не знаю». Оне мне толковали: «Когда на червях вскроетца, то старшей, а бубновой младшей, а когда на крыжах, то винной младшей». Почему я и узнал, что это панфильная игра, для ж того, что я не знаю, посадила подле меня маршала, чтоб он мне показывал ту игру. Итак, мы начали играть, и проиграл я тут два червонца, и время очень много прошло. Напоследок от карт встали, тогда повела нас показывать свой покой и чем она упражняется. Пили кофей, чай, венгерское и такайское. Тогда мы увидели ея склонность, стали смелее обходитца токмо с немалою вежливостию. Напоследок приказано было собрать ужин, и мы после ужина поехали и стали разсуждать, что делать. Проиграл два червонца, остался один, жинерозства своего показать нам нелзя. Опять на другой день играть посадят, проиграю — заплатить нечем, однако быть так положились на волю божию. И на другой день равным образом присланы к нам кареты, и мы тотчас сели и поехали. Приехав, также почтение наше ей приносили, благодарили и руку целовали, она нами весма была доволна, почти что за своих нас почла. Когда время пришло садитца за стол, сели также по порядку, как и вчерашней день, и когда наелись и понапились венгерскаго, она повела с нами разговор о нашей команде. Тогда мы должны были объяснить, а особливо Михайла Алексеич Деденев вышел на этот разговор, что мы имели в армии главного командира и отца князь Василья Никитича Репнина, не имев ничего при себе, ни ложек, ни ножа, ни вилок, все надеялись на его сиятелство, для того, что мы при его столе были. А ныне, потеряв своего отца, странствуем, и где что нам случитца, то тем и доволствуемся. Х тому приложили благодарение, как она изволила прислать с своим маршалом рыбы в то самое время, когда мы ели ушки лошками болшими деревянными. Стыдно ж нам стало, а ради были рыбе. Тогда мы лошки свои принуждены были поставить во фрунт около чашки. И разказывая он, Деденев, с многими кудреватыми прикрасами, с плачевными и радостными, чему она много смеялась и чрез то более к нам и простее знакомство повела, а отобедав, сказала: «Мусью капитане, тебе надобно свою реванжу искать». И сели играть в карты. Вчерашней день я несколко уже понаучился, то и выиграл у ней осмнатцать червонцов. И напоследок, как оставили игру, вдруг началась музыка, и она тогда дозволила нам, чтоб мы с фрелинами танцовали, а я, де, пойду отдохну. И так мы вступили в танцы по-полски, не знаю, худо ли, хорошо ли, толко называли эти фрелины: «Пане гречный», и тут мы столко танцовали, сколко нам было угодно. Как же ея ясность вошла к нам, то я, подошед к ней, просил, не удостоит ли и она нас той чести сделать компанию. Не отговорилась, пошла толко весма постоянно, и рукою водила, куды надобно было оборот зделать. А оттанцовав, окончили наш бал, а потом отужинали и поехали в свою квартеру. И приехав на квартеру, тогда я дал кучерам, гайдукам всем по червонцу из выигрышных, которые весма были доволны. В третей день к ей приехали поляки для поздравления ея с праздником, а мы уже тут были так как ближние ея. И когда сели за стол, пили венгерское, один ис поляков хотел служить фон Шнейдером, то госпожа Сапежинская объявила: «Пожалуйте, я имею таких моих друзей, которые так же могут нас угощать, и оне мне так как свои». Почему мы разкладкою кушанья и служили. А как поляки охотники пить венгерского, то оне всегда наливали пукалы и пили, говоря: «До вас, пана», и мы также пили и говорили: «До вас, пана». А увидели, что оне так часто пили и употребляют «да вас, пана!», вздумалось, видно было, им нас напоить, однако мы поостереглись и не стали так пить. После обеда опять за карты, а ко мне уже присланы были из арми(и) тритцать червонцов, то я смелее стал поступать и одного из панов с госпожею Сапежинской обыграли: она свой вчерашней проигрыш и болше поворотила, а я также червонцов десяток и болше получил. Поляки нам великую честь делали и доволны были нашей компанией. Потом также открылся бал и продолжалось до ужина, и во всю святую неделю всякой день мы веселились. И стали мы просить, чтоб она нас уволила, пора нам ехать обратно, далее путь свой продолжать, однако она нас убеждала прозьбою, чтоб эту неделю окончили, а можете ехать после Фомина Воскресения. Итак в послушании ея остались, между ж тем она послала в свои маетности наперед, чтоб везде принимали и доволствовали нас и казаков, и для лошадей доволно б было овса и сена. А все дни препроводя с веселием, откланиваясь, стали благодарить, что мы очень доволны так как матерью своею. Она нам приказала дать на дорогу белых хлебов, всякой дичи жареной, всякого ж и питья, всего столь было доволно, даже целой фурман за нами ехал. Она так с нами прощалась как мать, да и фрелины, прощаясь, почти плакали. Нам очень прискорбно было, теряя веселье, разсуждали, увидим ли мы такое прохладство вперед как здесь. И поехали, была маетность ея

милях в двух, в которои мы начевали, и тут мы разположились, делали нам ужину, поужинав,

легли спать. Поутру стали, принесли нам кофий и чаю, также и фриштык, и так мы пофрыштыкав, и поехали до другой маетности ея ж. И недоехав до другой маетности, казак моей команды, услышав, что утка на поле кричит, покушался ее застрелить, и не удержав лошади, которая упала в волчью яму, а он повесился на колесе, схватясь руками. Увидя мы ту беду, тотчас послали в ту маетность, призвав тамошних жителей, чтоб дали помощь, оне немедленно прибежали, казака сняли, а лошадь вытащили, и приехали в маетность. И подало тут нам новой смех, напившись чаю и кофии, напоследок делали ужин, и после ужина легли спать. На утро третьяго дня также поехали еще до третьей маетности благополучно, и даже все ея маетности, сколко их ни было по той округе, ехали беззоботно. Когда уж мы проехали ея маетности, тогда нам надобно было других искать, где дым густой был бы, и для того я поехал вперед и везде занимал квартеру з добрыми хозяевами, шляхетства, а напоследок доехали до господина Черторижскаго, х коему и приехал я в самой обед, как толко сели на стол, при котором множество сидело панов велможных, также дам и фрелин. Увидев меня, как я пришол, все от своих мест встали и сажали меня, чтоб я сел обедать с ним, я им объявил: «Имею еще товарищей», — и просил, — «не прогневайтесь, ежели можно, чтоб и их пообождать». Оне тотчас согласились, немедленно ж и мои товарищи все приехали. Тогда мы все сели за стол обедали. За обедом была музыка италианская, но как встали от стола, я приступил к князю Радивилу и просил, чтоб он приказал дать квартеры как мне, так и команде моей. Он говорил: «Пожалуйте, не изволте печись об этом, команда ваша уже на квартерах разположена, лошадям овса и сена дано». И он до прозбы моей наперед сам догадался, а нас так угощал, что не можно болше и лутче быть. Потом также открыл бал, все поляки тогда были под турохом, пошли до танцу, также и мы не упустили. Фрелин было много и все веселились. Наутре мы хотели ехать, он упросил, чтоб мы остались еще хотя на день: «Вы можете отдохнуть, так же и вся ваша команда», на что мы были согласны, и так тут наш раздых был трои сутки. Напоследок откланялись, благодарили и поехали в свой путь. Когда мы въехали в Курляндию, то уже стали смотреть в свой кошелек, как нам проехать Курляндию, овес был тогда в Полше и Курляндии четверть по три рубли, сено пуд по пятидесят копеек, и то с нуждою достать. Тогда мы усмотрели, как бы нам скорее проехать Курляндию и приехать в Ригу. Армия ж наша от нас немного отстала. Как приехали в Ригу, разположились на квартеры по своим афицерам, которая команда там была, излишних своих лошадей вродили. Экипаж наш не великой, у всех имелся, была одна коляска и телега, верховые лошади. После чего немедленно и Броун вступил в Ригу, мы к нему явились, он смеялся, говоря: «Ну, братец Муравьев, ты прохладно Полшею ехал, и тебя весма поляки принимали хорошо. На твое место вступил было господин полковник Репнинской; однако она не допустила ево у себя квартеру иметь и ласки таковой, как тебе, не оказала. Умеешь ты как з госпожами дамами полскими обходитца». Напротив чего я отвечал: «Это правда, что я должен был все ласковости употребить, для того, чтоб безубыточно проехать». Между тем наслан был ордер, чтоб мне ехать в Нарву и принять команду. Я по оному ордеру, откланяясь с господином нашим шефом, и отправился. Приехав в Нарву, а там командовал наш инженерной капитан-порутчик же, обер-камендант был безногой барон Штейн, зять графа Алексея Петровича Безтужева.40 Не хотелось ему того господина капитан-порутчика отпустить от себя из Нарвы, удержал и требовал, чтоб тут ему повелено было в Нарве остатца. Этот господин обер-камендант великой был прохладоник, любил компанию чрезвычайно, напоследок и я ему понравился, и хотелось ему очень, чтоб я тут остался, но уже было поздно. Ко мне прислан был указ из Канцелярии артиллерии и фортификации, чтоб я следовал в Петербург. Я, получа оной указ, тотчас немедленно поехал, и, прибыв в Петербург, явился в канцелярию, в которой находящиеся господа члены как увидели, обрадовались. Спрашивали обо всем нашем вояже, что происходило, тогда я им по порядку все и расказал. И так оне меня определили для починки Петербургской крепости, и как я вступил в работу, подмазал стены сементом, зделав на то нарочно отбелил и поправил, тогда обо мне за такую безделицу, которая не стоящая ничево, кучами или грамадами похвал осыпали меня отвсюду. А как оная подмаска была против самаго двора Ея Императорскаго Величества, то и придворные все теми ж похвалами осыпали, а особливо князь Федор Васильевич Мещерской41, тогда был обер-камендантом. Он меня стал знать в Риге (и называл всегда своим другом, тогда я еще был

кандуктором), любил меня и в иных делах со мною советовал. Итак, он продолжал свою ко мне

милость и дружбу, не менше как с искренним своим, и везде рекомендовал, каких я качеств человек, так же и вся фамилия ево меня весма милостиво принимали, но и я, помня их ко мне милость, всегда поминаю. Работу ж той крепости производил внутри: делал рвы, из реки пустил течение, поставя в проходах толстые решотки железные. Вновь ровелин и по каналу стену рва, от Троицы мост подъемной, многие казармы, обер-камендантской дом выстроил, а особливо старался по вкусу князь Федора Васильевича и фамилии ево отделать; тогда болше усугубил их любви ко мне. Того ж году Правительствующий Сенат командировал господина Резанова42, господина Бибикова и меня на Мстинские пороги осмотреть, как наискорие, каким образом и от чего засарились те пороги, что уже навигация прекратилась вовсе, с предписанием таковым, ежели что усмотрим, то как можно оные вычистить и чтоб никакой остановки в проходе нави(га)ции не было. И так мы немедленно и поехали, то Илья Александрович Бибиков говорил: «Матвей, заедем в твою Версалию, Никитушку твоево посмотрим». И я очень того желал и просил их, чтоб оне заехали. А прежде мы, четыре брата, разделились, но я, как любил свою братью и фамилию, да и не желал себе ничево, уступил им все жилое, а взял на свою долю пустое место, присовокупя к себе брата Никиту, и выпросил ево, чтоб он командирован был в артилерийскую колесную слободу, по той прозбе и командировали. А как я прежде упоминал, что у меня червонцов мешок, хотя из нево несколко истощили в Петербурге, однако осталось нам с любезным братом для начала строения семьсот пятдесят один. Вывозили лес, подрядили строить за шездесят рублей дом, и для того недорого, что связь была пятисаженная перегорожена в четыре каморы, в том числе один зал, сени, в них — кухня, и от нее топили наш зал, которая грела все четыре каморы. Подле печи в стене зделали окно, и, когда нам сварят шти и яишницу, то в оное окно и подавала наша кухарка, а мы сами ставили на стол и доволны были, благодаря бога (с тем, что господь нас благословил таковым местом. Я ж никогда не хотел женитца, а старался, чтоб мне свою братию сколко-нибудь поднять. И в разделе от родителя моего из пожитков ничего не получил, кроме слитка серебра, да и тот положил на образ Чудотворныя иконы пресвятыя Богородицы Тихфинския. Как и прежде упомянуто, что жилых деревень не получил, а получил пустое место, как о том и братья мои писали. Вся моя деревня на одном пню создана, но божеская неизреченная пучина милосердия мною предводителствовала, сколко я где ни был и каких нещастий не претерпел, до тово довело — ныне к последнему моему концу обитание осталось). Итак, мои милостивцы, любя меня, заехали, но еще у брата моего Никиты покои были недоделаны, но со всем тем я радовался, да и мои милостивцы также радовались, что я таковым малинким был доволен, и благодарили бога. А между тем брат послал старика такова, которому было лет шездесят, рыбы ловить поездом, кой днем поймал преболших два лосося, и мы готовили, вся наша компания, кушанье. Цытроны и водка французская привезены были с собою, и довольствовались мы как покоем, так и простотою деревенскою три дни. После того поехали к Боровицким порогам, брату ж я оставил все денги и советовал, как у нас было земли очень мало, то зачать дело з Буравцовым, потому что все ево земли, на которых он жил, были Муравьевых, а чтоб недолго продолжалось в деле, то хотя б и купить их у нево. По оному нашему совету скоро и зделалось, брат мой купил у нево, Буравцова, а некоторые пустоши купил и я у ево, Буравцова ж сына и у других, которые были с нами смежны, всего в цыркуль придет верст на тридцать. А как уже я братьев моих женатых удовольствовал, то хотел все оное мое основание брату Никите Артамоновичу упрочить, потому что я не хотел женитца. Чрез два или три дни приехали мы на Боровицкие пороги, тогда нас командующей встретил, уведав наш приезд и Сердюков43 приехал (оному Сердюкову по имянному и Правителствующаго Сената указу препоручены были все работы как в Вышнем Волочке, так и чистка Боровицких порогов). Правда, что он натурално был не глуп и достал от правителей вышних привилегию себе и делал, как хотел, а ему денги отпускали. Да и некоторые погосты для работ ему ж даны были, материалов же чрезвычайно много заготовлено таких, которые и не надобны были. Таким образом на другой день вступили для осмотру: 1-е, как приехали в порог Бели, увидели чрезвычайной белой вал (впредь изъясно, отчего тот вал был). Проехав Бели, недоезжая Выпу, построен у Сердюкова дом был со всеми службами, а особливо погреб и сарай, где ево лежали материалы. Против онаго строения зделан прямой от берегу в реку траверс, насыпан был преужасными болшими и огромными каменьями. Тогда он прежде пустил слюзы Уверской,

Березайской и Кемецкой для проходу барок. Вдруг тогда оная дружная вода весь оной траверс

разрушила и разнесло по самым нужным местам, где быть надобно барочному проходу, все каменья и по всем порогам Выпу и далее. А у нево тогда приготовлены были работные люди со всех погостов человек до тысячи, салдат команда в дву ротах, которые разставлены были один от одного неподалеку, чтоб били работных палками, кои выносили б и вытаскивали болшие каменья на берег. Правда, он не разсуждал, что то каменье может быть движимо, а особливо вешнею водою. И не знаю отчево да и для чево он болше ко мне приласкался и разказывал мне, кто ему милостивцы в Правителствующем Сенате находятца. Вот ево погрешность. И таковых дел, начиная от Вышняго Волочка, по всем порогам было доволно. Тогда я умалчивал, и напоследок, как все каменья вытаскали и пороги вычистили, то мы сели на барке, поехали, и протчие барки велели спускать со осторожностию. Мы же откланялись хозяевам, поблагодаря, отправились в Санкт-Петербург водою, и, прибыв, в Правительствующий Сенат подали репорт обо всем. И потом я остался при работах той же

М. И. Сердюков

М. И. Сердюков

Санкт-Петербургской крепости. Между тем пожалован был инженер-генералом Ганнибал44 (он нам был по брате Матвее Артамоновиче45 свой, как он, так и брат на двух сестрах были женаты), и так я думал, что по свойству буду им любим. Вместо тово зависть царствует и к нещастию моему гонит. Вот в чом оная зависть пошла: Алексей Петрович Безтужев и князь Федор Васильевич Мещерской любили меня, а у господина Ганибала был адъютантом мне племянник двоюродный Пушкин46, а ему зять (он был женат на дочере Ганибаловой, которой и убит в деревне, ею ли самой или от мужиков, тово не знаю, следствия о том убивстве не было). Томилов был порутчиком, которой ныне генерал-майором, наговаривали ему Ганибалу, будто я к господам Бестужеву и Мещерскому хожу и все то делаю, что им надобно, а на вас де и не смотрит, и к вам не ходит. Да и много тому подобнаго насказано ему было, а он, как азиатцкой крови, возревновал и меня возненавидел, и инова ничево не мог зделать, как командировал меня в Киев. И это было в (1)753-м году.

Итак, я должен был отъехать, куда приехав, явился к господину инженер-подполковнику Дебоскету, которой меня принял весма ласково, так как друга. И был по нем я первой человек, командовал всеми инженерными обер-афицерами, да и над всеми работами смотрителем был. У нево ж были в команьде князья Долгоруковы Александр и Владимер Сергеевичи47. В доме у его жил господин капитан Вильда, жена у нево была Катерина, он был немец, а она француженка. Я с князьями сперва великую дружбу завел, а напоследок зделалась у нас ревность, оне может искали щастия в любви госпожи Катеринки, да и я тоже не упускал, а и господин Дебоскет не отставал от нас. И между тем мы друг на друга озлобились, и дошло до тово, что вышел я с князем Владимиром на поединок на шпагах, однако нас до етова не допустили, и мы разошлись. Что и господин Дебоскет мог из сего усматреть, что произойдут худыя следствии, между же тем прислан указ, чтоб снять границу Полскую с Малоросиею, зделать засеки и учредить, где быть таможням. Тогда он, господин Дебоскет, послал меня и князь Владимера Сергеевича для оной засеки и учреждения таможен. Итак, мы с моим соперником сели в одной коляске, поехали, а, одумавшись, смеялись друг другу и благодарили господину Дебоскету, что он нас разлучил с общим предметом, и пришли по прежнему в дружбу, как мы были, и раскаивались о своих преступлениях. Коль скоро мы приехали в Стародубской полк, вступили в работу к снятию границ. Тогда нам прикомандировали бунчуковых товарищей с работными людми. Немного ж времени прошло нашей бытности, князя от меня взяли в Киев для отправления в Петербург, и я остался один и снимал границу. И в полской части нашол множество дубу, которое годно было для строения корабелного. В средине того округа вышла река, не помню прозвания ее, а пала она в Днепр. Тогда в примечании своем при планах послал в команду, что те леса могут служить для корабелного строения. Таможню поставил в расколнической слободе в Злынке, где я усмотрел великия похищении в зборе пошлин. Старался узнать, чево ради рано встанут, и ходя, шепчут, а притом великой сундук или коробку выставят на площадь. Таможенные служители, подмеры

притом великой сундук или коробку выставят на площадь. Таможенные служители, цолнеры, штемпельмейстеры, досмотрщики и протчие разбирают, кто сколко ухватит, и всяк несет в свою квартиру, а главной тут не вступается, у нево уж прежде договоренось. Я для лутчева узнания завел знакомство с купцами, которые ко мне ходили, у меня ж было чем их подчивать, а получал вишневки, яблоновки и протчего от господ бунчуковых товарищей и от протчих соседей, которые ко мне поблизости были. Соседсво любило меня и делали мне компанию. И я, подпоя их, спрашивал: «Зделайте мне дружбу, зачем вы шепчите и для чего бы ето такое было?» Оне мне на ето объявили: «Вот что, мы ездим по всем таможням, договариваемся, на чом оне нас пропустят, которые менше с нас возьмут пошлины и что им на удел, также и нам какая часть останется, то ежели где сходнее, тут мы и проезжаем. И за великое щастие надобно почесть, что ежели получит государь четвертую часть пошлин». Полковник тогда был на границе для карантинов Зубов смотреть, чтоб не проезжали мимо таможен. Всякой купец должен наперед приехать недель за шесть в таможню и объявить, что он с таваром, хотя ево и нет, то и запишут тем числом, когда он явился в карантин. А как прибудет, то уже и пропускают прямо без задержания, освидетелствовав не тавары, а свой прибыток, почему и видно, что господин полковник не без тово, чтоб не был участником господам таможенным. Сверх же онаго, когда поймают проехавшаго тайно чрез засеку из Малоросии или ис Полши, то оберут ево совсем и мучат ево батожем или плетьми, а притом еще и мирятца сверх забранных товаров, что да и денгами. И когда договорятца, то ис тех проезжающих оставляют двух аманатов, а протчих отпускают, чтоб оне договоренную цену денег привезли. Однако оне и милостивы, когда видя, что взять с ково много нечево, то и на малом были доволны. Вот до чево меня господь бог довел знать, какое похищение есть в государстве. Сие примечание делано мною напрасно для тово, что оное всегда во обыкновении бывает.

1755 год. А как в (1)755-м году объявлена война с пруским королем, тогда мой милостивец князь Федор Васильевич Мещерской, с которым я имел переписку, разсказал он обо мне фелдмаршалу Степану Федоровичу Апраксину48, что меня Ганнибал гонит, и просил, чтоб взял он оттуда меня с собою в Прускую компанию. По той прозбе прислан был обо мне указ, чтоб я с границы прибыл и явился к нему в команду, а пред приездом моим в Питербург, незадолго, мой милостивец князь Федор Васильевич преселился в вечную жизнь. Когда я то услышал и увидел, очень горестно мне было, и сказал: «Боже милостивой, которой мне был милостивец и оказывал всякия благодеянии, и тово лишился». И во оной горести явился я к Степану Федоровичу Апраксину, которой, увидя меня, рад был и притом сказывал мне об оной печали, и что я потерял своево прямова друга, и тут я облился слезами. А притом он же мне сказал, зачем я приехал, а лутче б ехать в Ригу. Знаешь, де, что твой здесь неприятель, которой на тебя огнем дышет. Потом я, немного побыв в Питербурге, взяв от него пашпорт, и поехал в Ригу. А как в то время генерал-фелцехмейстера еще не было, а зделано разпоряжение по Военной коллегии, тогда получил в Риге ордер, что я пожалован инженер-майором. Итак, дождав нашего предводителя, пошли в поход 1756 году, и мне приказал быть при том за генерал-квартермистра лейтенанта. В то время был генерал-квартермистр господин Штофелн49, и у нас с ним была великая дружба. А как я вступил в должность и следовал вперед при авангарде, и где найду место для ставки фелдмаршалу и полков выгодное и авантажное, тут и разполагал, вокруг объезжал и описывал ситуацию, и для отводнех караулов означивал места. И до приезду генерал фелдмаршала зделаю кампаменту план и, как прибудет, подам ему, чем он мною весма был доволен. В то время, по прозбе моей, из полковых афицеров приказал дать в помощь знающих инженерное исскуство. По тому присланы были князь Алексей Алексеич Вяземской50, Резанова сын, тогда оне были порутчики, а Резанов по рекомендации моей пожалован был уже подполковником, а князь Александр Алексеевич51 в капитаны. Тогда ж была инженерная команда инженер-полковник Дебоскет, доволно и других штаб и обер афицеров при армии, которые вели маршрут. Господин Дебоскет стал сердитца и со всею своею командою на меня, для чего я прежде их снятия ускорял подавать планы знатным местам и компаменту фельдмаршалу, но он доброй человек, недолго продолжал сердитца, выговорив, и помирились. И так поход свой продолжали до самаго урочища Грос-Эгерздорфа и стали при реке Голут лагерем. Тот же день прислан ко мне приказ был от генерал фелдмаршела, дав мне канвой донскаго полковника Краснощокова52 и тысячу человек казаков, чтоб я ехал и осмотрел лагерь неприятелской, которой стоял недалеко от нашего лагеря

по той же реке. И так я в ночь и поехал, имея проводника, тутошнего обывателя. Объезд наш

был лесом густым. Приехали на дорогу и за темнотою ночи остановились. А как чуть стал показыватца свет, поехали и немного проехав, не более как верст пять из малой деревни, вдруг по нас стрелба учинилась из ружей плутонгами. И так наши казаки и с полковником все встревожились, однако я удержал их и оборотя налево мимо той деревни, чтоб к своей арми(и) проехать. И тогда увидел, что уже и неприятелская армия стоит вся в колонгах в готовности к сражению. И как усмотрели то и поскакали, сколь сил наших было, и соединились к своей армии. Тотчас репортовал я фелдмаршалу, что неприятель уже в движении и к нам блиско, а калмыки наскакивали противу неприятелских разъездных войск и много арканами притаскивали людей к ставке фелдмаршелской, чрез что и узнали тогда о неприятеле, какое есть намерение. Фельдмаршел тотчас приказал, дабы немедленно зделаны были мосты чрез реку Голут, по которому приказу я старался сколко можно зделать, и в вечеру те мосты совсем были готовы, и армия наша перебралась без всякаго препятствия. Пришли к оному урочищу, называемому Грос-Эгерсдорфу, и стали лагерем. Посреди оного лагеря был остров черного лесу, х которому примкнули флангами. В первой день правым крылом к реке, а левым к болоту. И армия поставлена была в две линии. Того дня неприятель себя показал, будто хочет атаковать, разположа себя колонгами в разных местах, и напоследок вдруг скрылся. Положение ж места, где была ордер де баталия от неприятелской стороны неболшими отлогими лощинами, так же и для ради пахатной земли зделаны каналы глыбокие, и неприятель был за теми каналами в лесу, котораго и видно не было. Тогда фелдмаршал не уповал, что неприятел бы мог атаковать, и потому командировал десять полков ва авангард и пионер тысячу человек, где и мы при тех откомандированных полках были для отводу лагерей. Как же с полуночи мы выступили, то и усмотрели неприятеля в колонгах и готовитца к атаке. Тогда нас оборотили назад, пионеры стали в том лесу и помянутые десять полков поставлены были в линию, а как я был уже по обороте при фелдмаршеле, и неприятель уже движение имеет колонгами. Тогда фелдмаршал послал меня ближе подъехать и осмотреть, на которую сторону болшую отаку неприятель хочет делать. И так я поскакал и прискакал ко одному рву, которой весма трудно было перескочить, увидел, что неприятель колонгами движение имеет да и самому фелдмаршалу было видно. Вся армия стала во фрунт, при оном был генерал-квартермистр Штофель, я и другие генерал-квартермистры лейтенанты и обер квартермистры и орудия артилерии, прикомандированы притом и артилериския афицеры. И как мы выступили, то видим нам стал неприятель, и был готов к отаке. Напоследок фелдмаршал и прислал, чтоб стали полки в свои места в ордер де батали, пионеры введены в этот остров, которой был в средине нашей армии. Тогда неприятель толь скоро колонами болшими шагами поспешал и производил стрелбу пушечную и оружейную, и так видно было над ними дым от палбы, как облак невысоко поднявшись. Пушечныя ж их выстрелы весма были жестоки, и безпрестанно, а особливо знать для страху, пускаемы были бранскугели стеклянные, которые поверх разрывались. Многим числом великая лопотня была так, как будто б с неба от грозной тучи град. Ружейныя же их выстрелы более вред делали контузиями в ноги, в голову и в грудь, а пушечные выстрелы как они были нас ниже, то жестокаго вреда не делали, а большою частию поверх нашей армии пролетали ядра в лагерь и неприметно было. Которые ядра летали в паралель, то они тянут из человека дух, что и со мною случилось. Как я был верхом на лошади при фелдмаршале, тогда ж у фелдмаршала лошадь, а генерала Ливина ногу кантузиями повредило, но однако фелдьмаршал сшол с лошади и стоял, не отступая ни шага с места, а генерал Ливин разъезжал так как храброй Георгий и укреплял салдат, чтоб они стояли крепко и никакова бы страху не имели. Неприятел же шел на нас атакою лощинами, где ему от нашей артилерии очень мало вреда было. Тогда ж увидели и послали на правой фланг, дабы потешили как можно привести артиллерию и поставить против тих лощин, однако не успели, потому, что оне уже ускорили подойти блиско к нашей армии и почти до штыков дошло. Тогда храброй и неустрашимой генерал (покойник) Василей Абрамович Лапухин выехав вперед фронта, закричал: «В штыки!», и в тож самое время ево ранили смертелно, и хотели неприятели ево увести, но наши гранодеры бросились и не допустили. А толко удалось сорвать с него кавалерию, а другие, которые прорвались в средину лесу, то наши пионеры тех встретили и прогнали, тут же и вся армия двинулась на неприятеля в штыки. И так как оне скоро шли к нам атакою, то скорее еще назад бежали, и тогда все наши закричали: «Слава Богу! Слава Богу!» и тем получили

победу. Когда надобно было место выбирать ордер де батали, то всегда осмотреть должно все

нужныя места и дефилеи, да и ставить надлежит оруди так, чтоб неприятель не мог от выстрелов укрыться и проходить безвредно. Вот наша была ошибка, что прежде ордер де батали, не осмотря ситуации, поставлена артилерия, а когда б была поставлена с тем, чтоб неприятель везде открыт был, а особливо надобно было против тих лощин, по которым свободно почти шол к отаке. Сия оплошность не отчего инаго последовала как от того, поелику не надеялись, что он будет атаковать, х тому ж также командированы были для отводу лагерей, не ожидая на себя, а шли сами против его. Должно всегда примечание делать и старатца знать все места, которые к неприятелю могут быть во авантаж, то предупреждать, чтоб все эти выгоды от нево отняты были, а особливо з двух и с трех батарей или болше оруди имели бы всюды свою дефензию.

По окончании баталии господин фелдмаршал за неприятелем послал в погоню лехкия войски, а сам приказал поставить церковь, и был благодарной молебен, а потом собирали все убитые тела нашей армии, з достойною честию и по нашему закону погребли, так же и пруских солдат. Удивительно это, что как скоро неприятеля прогнали и как пришли на место сражения, то уже увидели, что все пруские тела голые. То думать надобно, что никто иной как маркитанты, денщики и люди боярские их обдирали. При том из пруских тел у каждаго почти находили диспозиции, данные как в сражении поступать противу неприятеля, заступать вместа убитых командиров. Василей Абрамович спрашивал, на чьей стороне победа. Сказали ему: «Даровал Бог победу нам». Тогда, перекрестясь, сказал: «Слава Богу вышнему», и потом испустил дух и преселился в вечное блаженство. Потом выступили в поход, и по-прежнему шел я для заимки лагеря, а как стало становится мало правианту, то разосланы были по местечкам обыскивать правиант. И присланные, приехав, репортовали, что ими обыскано и где именно сколко, то казалось мне, что можно было следовать далее, однако собрана была консилия и положили, чтоб следовать обратно, и пошли в поход. Я же тогда занемог горлом, и тогда ко мне господин фелдмаршал прислал доктора осмотреть, чем я болен, и приказал доктору меня ползовать. Так я и продолжался болным. Не удоволствуясь же тем господин генерал фелдмаршал прислал своево адъютанта ко мне, чтоб я пришел к нему, ежели смогу как-нибудь. Я не отговариваясь оделся и пришел к ево ставке, а он тогда стоял при входе и с ним артиллерии генерал-порутчик Матвей Андреевич Толстой53, которой (меня) очень любил. Как скоро увидел меня фелдмаршал, очень рад был, приказал мне поднести кофию с хорошими сливками и после говорил мне: «Ну, жаль, мой друг, что я тебя не послушал, хотя после и раскаелся, однако поздно, а мне прислан теперь указ, чтоб я ехал в Петербург. Однако тебя прошу, чтоб ты принел ту же должность, при коей был, доколе я еще здесь». На что и я ответствовал: «За великую честь приемлю и ослушатся не могу», — вступил по-прежнему. А неприятель, коего в виду у нас не было, следовал за нами. Как же мы пришли к городу Тильзиту и армия переправилась чрез реку, перешед оную стали на ровных лугах лагерем под деревней Баубен. В то время была дорога к городу Тилзиту весма трудная, грязи великия, х тому ж и мороз. Люди падают, тяжести огрузали, словом сказать, великия были трудности, и многие люди спасения мало имели. Тут для болных приказал генерал фелдмаршал поставить церковныя наметы, и когда мы из города все убрались, то неприятель вступил в город и производил стрелбу ис пушек по нашему лагерю, а болше по наметам, для чего принуждены были двинутся далее к горе. Тогда по нещастию нашему зделались в сентябре м(еся)це в первых числех такие морозы, что по лугам на житких местах и на лужах поднимало лошадь, а на 3-е число выпал снег, даже на четверть аршина. Раненые, которые остались в живых, великую нужду претерпели без всякаго покровителства, о коих я доносил фелдмаршалу. И их немедленно приказано было обобрать и перевести далее в приуготовленное для них место под наметы и их успокоить. Палба же от Тилзита на наш лагерь не останавливалась. Фелдмаршел послал меня туда, где была поставлена артилерия на берегу для препятствия неприятелю переходить чрез мост. Я немедленно туда поскакал и велел моста разрыть некоторую часть, а артилерии приказал, чтоб следовала прочь для тово, что они без всякаго прикрытия, а у неприятеля видно не было намерения того, чтоб ему переходить чрез реку и делать другую баталию, а остался в Тилзите с покоем. Приехав, я донес фелдмаршалу обо всем, что я приказал, и он мне сказал: «Я тебе и недосказал, а ты ускакал от меня и зделал сам, что мне приказывать надобно было». Тут сидел с ним Матвей Андреич Толстой, кой сказал про меня: «Нет, сват, он,

де, вить детина не промах». И так сутки двои тут отдохнув в лагере, исправя, что при артилерии и

в полковых обозах испорчено было, пошли в поход и пришли до Мемеля, где и назначены были винтерквартеры. И тут отдал команду генерал-фельдмаршал генералу Фермору, а сам он отправился в Питербург и с ним генерал шеф Юри Григорьич Ливин, генерал-порутчик Толстой и генерал-майор Дебоскет. (Боже мой, какой я тогда удар терпел, потеряв моих милостивцов, которые меня любили, и я надеялся, что они могли бы меня возстановить на степень ту, чтоб заслуга моя во всех местах, конечно, не уничтожена бы была, хотя меня довольно знал господин Фермор и приласкивал к себе, но не знаю отчево серце мое к нему не лежало, может быть потому, что немец. Итак, я в слезах с моими милостивцами разстался). После ж онаго развели все полки и разставили вокруг онаго города поблизости кардоном и с тем означивая, ежели б где неприятель покусился атаковать, то б чрез несколко часов каждой полк мог собратца. А к которому месту будет приходить, то всем бы полкам быть соединенным чрез двенатцать часов, потому что полк от полку стояли тогда не далее как по пяти верст разстоянием и менше. И так постановя зделал я карту, которая и послана была ко двору Ея Императорскаго величества для сведения. Инженерная ж команда и те афицеры, которые мне от Степана Федоровича были поручены, остались при мне. Тут мы пробыли до новаго году, а с новаго году вступили в поход х Кенягсбергу и шли прямо чрез морской залив Куришгаф весма потешно, да и морозы салдат погоняли. Где ж случалось отдохнуть, то по сторонам к морской стороне на мысу и на сухом кряжу было деревень множество, где и отдыхали, разводя великия огни, а мы обогревались в деревенских теплых избах, которые остались з жилцами и от казаков еще были неразорены. В проезд наш х Кенигсбергу один раз мне случилось приехать в одну деревню, и куды ни сунусь, то везде мертвые тела. Со всем тем принуждены были весь тот страх оставить, вошед в одну избу и затопили, и тут нашли одного старика и бабу, которые при последнем конце своей жизни. Мне вдруг вздумалось дать им по чарке водки, и принудил их выпить, говоря, что они будут здоровы, а опосле их и сам выпил ис той же чарки. Тогда со мною был инженерной подполковник Гербель54, которой сказал мне: «Эх, брат, Матвей Артамонович, как тебе не стыдно, что ты пьешь после их». И чрез это слово зделалось у меня мнение и от мнения жар, но я, взяв сталевых порошков, превеликую лошку выпил и чрез тот порошок я вспотел, и жар во мне прервался, и наутрие мы поехали в поход благополучно.

Недолго наш поход продолжался, скоро приближились х Кенигсбергу. Тогда от города за две мили выехали нас встретить тутошний началник, которому было приказано и с купечеством. Мы очень тому обрадовались, что дошли и будем иметь покой. Послали полковых квартермистров и я афицера, чтоб были отведены квартиры моей команды по близости все ко мне, а мы, немного мешкав, пошли за ними ж. И пришли в город, где приняли нас весма почтенно. Генерал Фермор стал в королевском дворце, а мы на отведенных своих квартирах. От магистрата зделан был во дворце обед, тут мы при генерале Ферморе обедали ж. И в Кенигсберге пробыли почти до самого последняго пути, а притом сочинял карты нашему маршруту. Из Кенигзберга выступили весною и пошли к Мариенвердену. Против оного Мариенвердена навели мост чрез реку Вислу пантонной, тогда уже было плавание по реке судам во Гданск, и остановя те суда для довольствия нашей арми(и), правианта взяли от них доволное число з заплатою денег. После того, запасшись правиантом, то есть по перепечении в хлебы и в сухари, переправясь чрез реку, маршировали х Кистрину и не дошед верст за пять на реке Варте стали лагерем. Оное место было гористое, против — лес сажен за двести или за версту, и тогда ездили рекогнисировать под Кистрин. Дорога ж лежала подле оной реки почти все красным лесом и так мы подъехали с неболшим за версту к чистому полю, где господин генерал Фермор избрал место оное для лагеря под прикрытием леса и приказал немедленно всей армии вступить во оное место. И как вступили, то ис крепости началась пушечная стрелба. Оттуда послан я был осмотреть, каким образом вести отаку, и как я поехал подле реки, от правой стороны берега лежала высокая гора, которая доволно закрывала от выстрелов пушечных, и я по этому месту ехал между оных же реки и горы, хотя и была стрельба по мне, но без всякаго действия, но я щастливо проехал до самаго форштата, а оборотя от реки по фарштату, то уже я и стал быть закрыт строением. Против же оной дороги, которою я ехал, был вал и видно для тово зделан был, чтоб очищать дорогу, но со всем тем оное не ускорено доделать и артилерии никакой на нем не было. Я, осмотря все оное,

поехал обратно и донес генералу Фермору обо всем, по чему и командировано было несколко

полков для делания блокады и велено им поспешать как наискорее, а между тем и сам поехал с войском, где и я был, взяв с собою гоубиц з зарядами, следовали за ним, да и тем наряженным полкам приказал за собою ж следовать. И как мы приехали к тому валу, тот час взошед на вал, приказал на нем поставить гоубицы, ис которых того ж часа и начали бросать в город чиненые ядра, и чрез несколко выстрелов трафили в один магазеин, которой был набит сеном, и так сено вскоре загорелось и зделался великой пожар в городе, которой продолжался три дни, пальба же з городу от того пожару нимало не уменшилась, а мы чрез тот пожар имели некоторую надежду. Всево удивительнее, мы будучи на валу без всякаго закрытия никакова вреда не имели, а которыя в прикрытии, то ис тех убило порутчика Орлова и четырех гранодер, а протчая команда вся осталась благополучна и вступила тот же час в работу для делания к закрытию себя против крепости паралельной линии, на коей вскорости поставлены батареи и против крепостнаго мосту в улице по конце зделан был редут и поставлены пушки. И производили как в город, так и вдоль мосту в вороты пальбу. Король же тогда находился против Цесарии в Богеми, а как он в Кистрин прибыл, то с крепости началась чрезвычайная стрелба, по чему мы и узнали, что сам король присудствует. И так жестока, что он, бросая бомбы, не пожалел форштата, и все строение зажег для тово, чтоб мы были открыты. В то время командирован я был в нис реки Одера для делания моста и чрез один остров, дав мне в команду от полков барабанщиков, флейщиков и фурьеров с значками, дабы зделать вид, будто б казалось, тут есть особо отделенной корпус и так я был над тою дивизиею шефом, с которою и зделал на остров мост и на острову батарею продолную с флангами для тово, дабы не могли их выстрелы с сторон нас вредить. Потому что из-за реки стреляли по нас из пушек и егари или другие какие стрелки из штуцеров. Выстрел их бил сажен за двести, а напоследок уже по батареям ис пушак была производима стрелба, но примечено было, что то у нево авантажное место отнето было, то он и пошол в нис по реке искать удобнаго места, а пред сим прежде послан был Хомутов, котораго гусары их отделили от арми(и). И он принужден был ускакать к графу Петру Александровичу Румянцову, а оттуда ево уже к нам не пропустили. По щастию нашему дезертировал от неприятеля гусар желтаго полку, и объявил, что король с армиею переходит чрез реку Одер, к тому ж подтвердил и инженер подполковник Гербель, которой послан был рекогнисировать о движении неприятелском. Тот час немедленно приказ был послан всюды, чтоб все с апрош и батарей пушки сняты были и маршировали бы в лагирь, а из лагеря выступили в поход. Обоз же весь пошел на то место, где прежде был наш лагерь на реке Варте, и приказано, чтоб были захвачены все авантажныя места, а оставшую артилерию на те места поставить для защищения, а господин Фермор пошел в левую сторону и где остановились в ордер де баталии, то под тем местом был ручей весма топкой и вязкой. И как неприятель перешед чрез реку, то мы и думали ево атаковать. Нас на оном месте чрез тот топкой ручей* и затем поставлена была первая линия в ордер де баталии к оному вяскому ручью и болоту лицом, а другая линия в паралель, и зделан был паралеллограм. В средине ж того паралеллограма конные полки таким образом, как прежде воевали с турком. При всем том вскоре соединился абсервационной корпус, которой был на левом фланге, а в самой вечер шол неприятель мимо нас и с нашими гусарами был у него перестрел. Тогда от командующаго генерала послан был подполковник с деташаментом обозревать, куда намерение его клонится, но он ничего не мог приметить и приехал с рапортом, а в лагере было слышно рубка лесу почти во всю ночь. Поутру ж показался из лесу против нашего вагенбурга и шол мимо онаго, не делая никакова вреда прямо маршируя колонгами на армию нашу, как же увидели наши, тогда начали переменять ордер де баталии, тем же паралеллограмом, причем и сам господин Фермор установлял артилерию. Когда ж уже стал неприятель приближаться, то от нашей стороны началась стрельба из единорогов. А между тем от них нарочно пущено было пара лошадей с ящиком однем, в коем были снаряды орудия и сами лошеди запряженныя бежали прямо в армию, фурман с помянутыми снарядами засженной. Тогда от нас стреляли по них и застрелили, и тем то и окончилось. А потом, приближаясь, неприятель колонгами производил тож пальбу, а особливо против нашей артилерии и напоследок весьма блиско колонгами своими приближился, а конницу свою завел к правой стороне нашего крыла и из артилерии по всей нашей армии вдоль фронта по ширенгам рекошетом производил жестокую пальбу. Тогда много наша конница и армия понесла урону, но честь и хвалу дать можно Петру

Ивановичу Панину55. Он видев тогда таковое нещастие закричал: «Ребята, в штыки!» И как

вступили то того ж часа збили неприятеля и, прогнав, привели в величайшую разстройку. Неприятель же не щадя и своих, палил по них ис пушек картечами и как на одном крыле началось, так и во всей армии тож последовало. Не было более тому время часа, вся площадь в коем месте была баталия, зделалась пуста. Разбились как наши, так и пруские по кучкам, где два, и три или и десять человек и палили ис пушек всякой, кому куда вздумалось. Тут всякой был кананер, а особливо абсервационные салдаты, надев на себя белые полатенцы чрез плечо, и перевязав так как шарфы, бегали повсюду мертвецки и пьяны, так что и сами не знали, что делали, да и команды не было никакой и слушать неково. Наехал я тогда на одну их артель, стояла у них бочка вина. Оне мне налили стакан и дали, бранив: «Пей, такая твоя мать». Я ж им сказал: «Что вы, ребята, делаете? Видети ли вы, от неприятеля вся наша армия уже разсеяна?» То они сказали мне: «Будь ты нам командир, поведи нас». И я, вынев свою шпагу, повел их в то место, где стоял при пушках неприятель, говоря: «Пойдем и отоймем у них пушки». Оне, послушав меня, пошли, а и я, яко предводитель, поехал вперед против своего фронта. Вдруг же оглянулся назад, уже и никого нет. Благодарил тогда я Бога, что избавился от таких пьяных. Во время ж оного разсеяния кричали: «Румянцов пришел! Румянцов пришел!» И так мало помалу салдатство начали скоплятца уже поздо вечера. Румянцов же был командирован Особым деташаментом в некоторое графство в низ реки Одера. Господин же граф Фермор скакал с генералитетом, и с ними кто быть прилучился, приехали в лес, где увидели пьяных как афицеров, так и салдат. Стал их увещевать, что они худо делают, то один афицер, подскоча к нему с пистолетом, и, браня ево матерно, покушался застрелить, и ежели б не унял князь Александра Михайлович Голицын56, то б, конечно, с ним это нещастие последовало. Тут случилась быть маленькая деревня, к которой как подъехали и в то время, когда сошли с лошадей, видели, что нашего генерала Броуна несли гранодеры всего израненого. Тогда мы всю ночь продолжали и старались сколько можно скопить пьяных салдат. Но по щастию нашему с несколькими тысещами легких войск старик Данила Ефремов наехал на ту площадь, где было место баталии, и узнав о неприятелях, что спасаютце во рвах. Неприятель же увидев войско новое, бежали все, и он всех колол и до такого состояния довел, что неприятели сколько ни скоплялись, однако все повсюды бегая и к нашему прибегая авангарду, требовали спасения, дабы остались в живых. И некоторые были остатки прусаков, он их совсем принудил разбежатся, а наши подумали, что пришел Румянцов, и очень скоро начали собиратца и стали собирать артилерию свою, да и неприятельской было довольно взято. Потом и пошли в лагерь, где был наш вагенбург. В то ж разсеяние армии коляска моя с лошадьми и со всем экипажем пропала, куды девалась, не знаю. (В той же коляске был образ Пресвятыя богоматери Тихфинския, и как мы последовали, то я увидел несет один салдат оной образ без окладу, которой у него в кармане, а образ у него в руке. Я, увидев, обрадовался, пришед, спросил, сказав ему: «Где ты взял?» На что он мне сказал: «Нашел на поле». И я у него взял и дал ему рубль денег. Тот образ всегда был у меня на груди, но тут я забыл его взять на себя.) По пришествии ж в вагенбург на другой день нашей армии довольно скопилось и был благодарной молебен. Коляску и лошадей и экипаж тогда ж я сыскал в обсервационном корпусе. Было у меня в той коляске запасного венгерского двенатцать бутылок, которое уж выпито, да и бутылок не осталось. Однако был я рад по обнайдении, надеясь есть на чом продолжать мне свой поход. Когда же все из россеянной нашей армии собрались, вступили обратно в поход, а неприятель за нами позади провожал. Однако ж никаких поисков над нами не чинил, и чрез то видно было, что он находился в слабости. И так мы следовали до одного города (котораго званием за много прошедшим временем не помню), неприятель нас оставил, и мы маршировали до Мариенвердена по прежнему маршруту. Пришедши ж мы на квартиры, за Вислою ж рекою все полки стали кардоном. Тогда над дивизиею был командир Петр Иванович Панин, и распорядил все полки, ежели от неприятеля будет какое покушение, то чтоб к одному пункту были в собрание чрез двенатцать часов, где ево была квартира. Зделан был ретранжамент для прикрытия всей армии. Тогда я ездил по всем полкам, и как кардон был расположен, положил на карту и нашол столь хорошо расположено, что лутче быть не можно. Генерал же квартемистр после баталии с легким войском послан х Колбергу и при отъезде своем дал мне атестат, какова он меня нашол, а оне думали, что Колберг возмут казаками. (Я, стоя на квартерах в Мариенвердине с своею командою делал план кардону,

где расположены полки. Между ж тем послал я к его сиятелству Петру Ивановичу Шувалову57

о князь Александре Алексеиче представление, что он по должности инженерной нес труды при армии и при том, как во многих местах против неприятеля рекогнисировал с отменным о местах расположением, то и просил тогда, чтоб по знанию ево наук пожалован бы был из полевых капитаном инженерным, которой тогда был капитаном в полевых полках.) Я ж сочинил план и как скоро оной изготовил, то граф Фермор меня нарядил в Петербург с оными планами, перьвое дело разсуждая, чтоб я мог себе получить награждение, во-вторых и объявить обо всем окуратнее, но вместо того я все нещастие сам от себя понес. Когда я приехал в Петербург со оными планами, перьвой мой был вход к канцлеру Михайле Ларионовичу Воронцову58, и те присланныя со мною письма и планы ему подал. Он меня не отпустил, велел отвести мне светлицу, чтоб я жил у него до тех пор, доколе он не донесет обо всем государыне. Потом чрез несколько дней сказал мне: «Теперь ты можешь ездить, куда изволишь, а квартера тебе моя готова». И так я тот день поехал видется с братьями, так же был и при дворе. Увидел меня Санкт-Петербургской об ер-комендант Иван Иванович Костюрин59, которой меня стал знать, как я был в Киеве, и тут увидя, весьма обрадовался, звал меня к себе, чтоб я поехал к нему обедать, на что я по ево прозбе и согласился. И как я у него отобедал, сели мы с ним двое в кабинете и стал меня спрашивать: «Скажи, братец, какие там обращении есть?» — начав божится, что ничего не пронесет, ежели что-нибудь от меня услышит. И так слабость моя довела до того по той надежде, как он клялся, а особливо имея любовь к Отечеству, будто б у нас не было таких предводителей. Расказал, как вышеписано подробно, и то не упустил, что салдатство им недовольны и вовсе не любят его. Что он за всякую безделицу сек кнутом, рвал ноздри и ссылал на каторгу. Со всем же тем он в своем слове не устоял и объявил своему зятю Александр Ивановичу Шувалову60, а Александр Иванович пересказал брату своему Петру Ивановичу. Петр же Иванович, призвав к себе меня, спрашивал обо всем. Тут я принужден был сказать все, что говорил прежде Костюрину. Не много прошло время, приказано было от государыни Дмитрею Васильичу Волкову61 со мною переговорить, и ему то же я пересказал, что и прежде говорил. Однако со всем тем на моем объявлении государыня уверитца не изволила, а послать благоволила подлинно разведать Ивана Ивановича Костюрина, которой ездил и по приезде объявил, я больше забыл, нежели что ему объявил. И так меня обратно туда не послали, а на место Фермора послали на смену и пожаловали фелдмаршалом Петра Семеновича Салтыкова62. Меня ж несколко времени спустя пожаловали бригадиром (хотя мне и не хотелось разстатся с инженерным корпусом).

Потом послала меня в крепость Святыя Елисаветы63 камендантом на место брегадира Юста, причем объявил мне Петр Иванович Шувалов: «Поезжай, мой друг, там ты можешь больше Отечеству услуги показать». Меня ево слово очень обнадежило. А притом просил я Сената, к нещастию своему, чтоб пожалован был ис цолнеров аудитором Гаврила Попов, по которой моей прозбе произвели. И как я приехал в крепость Святыя Елисаветы, сменил господина коменданта, а по смене разсматривал дела, также на каком основании господин Хорват тут поселен, а притом и о запорозцах. Хотелось мне знать, каковая в них есть польза для Отечества, ездил к турецкой и полской границам и увидел, что запорозцы и господин Хорват соседям производят обиды, чрез то и неминуемо б от тех произведенных обид могла б быть война. Снял карты и по прежним трактатам как расположена граница с Польшею и с турками, и на те места, которые принадлежат внутри наших границ, протянул линии и увидел, кои к нам принадлежат, владеют поляки и турки. И прожектирован на устье Синюхи реки, где она пала в реку Буг, редут двойной, с тем, якобы, оне для обмену и продажи товаров, а особливо от опаснова такова соседа, дабы узнать ево намерение. И по той реке Синюхе назначил быть редутам для того, дабы самовольство запорожских гайдамаков удержать. Между тем и аудитор Попов ко мне явился, и определил я ево в комендантскую канцелярию ко исправлению писменных дел и приказал ему, чтоб он все дела пересмотрел и потом мне доложил обо всем. Вот тут усмотрел я великие обманы и похищении интереса Ея Императорскаго Величества от господина Хорвата, но в том я тогда был прост, не предостерег себя, нет ли ему, Хорвату, в таких явных грабительствах какой надежды или подпоры. Уведомил я прежде Петра Ивановича Шувалова о нем, Хорвате, что он не по обязательству своему в сербские полки выводит людей, а выводит из Малороссии из гайдамаков запорожских и из пастухов воложских мужиков старых таких, кои имели от семидесят и до

девяноста лет и ни одного не было такого, которой бы годен был в службу Ея Императорскаго

Величества. По указу ж Правительствующаго Сената велено для выводимых им, Хорватом, из Сербии выдавать деньги на каждую семью по тристо рублев, которых денег выходило до трехсот тысеч рублев. На оное мое письмо от Петра Ивановича я никакова ответу не получил, тогда пустился на волю божию и стал прямо доносить Правительствующему Сенату, как о нем, Хорвате, так равно и о запорозцах (о чем можно видеть в имеющихся у меня делах), производимых с Хорватом, сколь мне заразительно было. Напоследок же Хорват желал со мною смиритце, дабы я ему не мешал и не вступал с ним в ссору, давал мне десять тысеч рублей, обещав зделать генерал-порутчиком чрез своих патронов, но тем меня еще больше поднял ко изысканию истинны, за чтоб таковым милосердием меня удовлетворял. По чему тогда на мои в Правительствующий Сенат представлении из Сената предписано мне было ехать для ответу в Петербург, не дав мне прожить и году. Сменил меня статской действительный советник Толстой, которова прямо изобрали по своему сердцу, и Хорват им был доволен. Тогда оборот мой был весьма мне противен, но зделав я свои ответы, поехал с горестию, напоминая все нещастия своего приключения. Выехав из крепости Святыя Елисаветы заезжал во многия святыя места и прибегал с плачем и рыданием, прося Бога о помощи и защищении. Тако ж и во всю дорогу даже до Москвы то самое увеселение мое было, читал псалтир с прямою горячностию. Вот что сам собою себе выработал, против всех пришол в ненависть. Как же теперь разсуждаю, отнюдь не надлежит противу всех больших людей вооружатца, когда бы вел себя тихо, то совершенно бы был доволен как покоем, так равно и имуществом. Прибыв в Москву то ж поклонение мощам имел и усердно прибегал, а между тем, будучи в Москве, ходил к княгине Александре Ивановне Куракиной. Она меня принять изволила милостиво, и крайне сожалела о моем нещастии, и советовала мне, чтоб я ехал в Ростов для поклонения мощам святителя Димитрия. И так я ее совету послушал и поехал. Приехав туда, просил тож о помощи. Обратно ехав в Москву, заезжал в Троицкую Сергиевскую лавру. Во оной отслушав молебен приехал обратно в Москву. Как же я скоро явился х княгине Александре Ивановне, то она объявила мне: «Знаешь ли, весь Сенат уже переменен другими сенаторами и генерал — прокурор новой, князь Яков Петрович Шаховской65. Он де человек весьма доброй и честной, верно войдет в твое дело и защитит тебя». Я очень обрадовался, благодарил ее за такие хорошие вести и немного мешкав, поехал в Санкт-Петербург. По приезде ж пристал на квартиру у брата Федора Артемоновича. Тут я несколько времени имев отдыху, дал знать о себе, что я приехал и нездоров. В то время заехал посетить меня Михайла Алексеич Деденев и обещал старатца у Петра Ивановича Шувалова, чтоб по-прежнему в ево милость я принят был. Напоследок велел мне выехать и явитца к нему наперед. Как я приехал, поставил меня яко оглашенного, проси де прощения, что я так и зделал без всякаго умыслу. И как его сиятелство граф Шувалов выходил и шол мимо меня, то я припав к нему, извинял себя. Я разсуждая о себе, как сын Отечеству, а особливо, когда изволили отпускать при отъезде моем и объявлять, что я больше могу Отечеству заслуг показать. Оное мне и подало притчину вступить. Но он не приняв и не выслушав ничего от меня, скоро прошол, только что я мог услышеть: «Собака де лежит на сене, сама не ест и никому не дает. Не с тем ты был послан, негодисся ты быть в таких местах». А господин Деденев сказал мне: «Тут как ты хочешь, на все четыре стороны тебе воля». И так я принужден был явитца в Правительствующий Сенат и подать свои ответы, и те ответы лежали безо всякаго производства и никакого спросу не было от меня. Примечание: пред сим временем видел я сон, будто б я в церкве прошу Бога и вдруг вышли, якобы, в белых одеждах два мальчика и запели «Взбранной воеводе победительная». Совершенно не оставит того Бог, кто будет искать в нем. В Царском Селе увидел меня Алексей Григорьич Жеребцов66 и услышев все мои бедствия, в крайнее сожаление пришол, просил меня, чтоб я к нему ходил, а он будет старатца о окончании моего дела. Напоследок пришол я к князь Якову Петровичу Шаховскому, которой спросил меня: «Ваша де милость хто таков?» И как я ему объявил о себе, то он

тоже в крайнее сожаление пришол, вздохнув от глубины сердца, глядя на мою бедность, сказал: «Знаю, знаю». И приказал, чтоб я в понедельник пришол в Сенат, а сам поехал во дворец и

разсказывал всем обо мне, а особливо Ивану Ивановичу Шувалову67. И тож все пришли во

удивление и в сожаление моего страдания. Как же я в понедельник явился, то спомнив, мой милостивый благодетель князь Яков Петрович доложил обо мне Сенату, что я взят к ответу. В то время меня уже ни о чем не спрашивали, какое ж у них было разсуждение, того я не знаю, а токмо потом дали указ, чтоб я ехал обратно в крепость Святыя Елисаветы, и многие сенаторы меня просили, объявляя, знаем мы все, что это тебе противно и не авантажно, но, пожалуй, потрудись и зделай с этим человеком один конец, мы знаем, что он вор, а особливо Роман Ларионович68 просил меня со обнадеживанием тем, что он всегда меня старатца будет защищать и всеми мерами, всякое благодеяние мне по заслугам моим доказывать не оставит. Правда, противно мне тогда и несносно было, но видел, что оное не инное, что как от Бога попущаемо было. После чего того ж году я поехал зимою и, приехав в крепость Святыя Елисаветы весною, сменил господина Толстово, а господин Хорват, сказывают, посадя с собою протопопа, и говорил: «Прото, беда моя, беда моя Муравьев едет по-прежнему в крепость», — так-то я им был страшен. А которым я оказывал любовь, благоприятствовал и делал многия добродетели, все те в небытность мою по трусости своей, когда Хорват и Толстой меня описывали, позабыв всю мою к ним добродетель, вооружились против меня, согласовались с ними и потакали да еще, кстати, и помогали им с поношением чести моей, а особливо аудитор Попов, тот, котораго я вывел в люди. Сыскалось только два человека: подполковник Иван Иванович Менделиус и лекарь Волков, коим я и ласковости излишней не оказывал, хотя оне им и говорили, что господин инженер-подполковник обиженным от меня находился, так же и лекарь. Однако оне в ответ объявляли — никаковых обид от меня не имели, а что де он делал, то как прямой сын Отечества. По смене ж Толстого вступил я в правление. В то время, немного мешкав, хорватовой команды майор Шмид с протчими афицерами приехали под мое защищение и доносили о похищении интереса, от которых я, отобрав все их протесты, списав копии, подлинные послал в Правительствующий Сенат, а им приказал дать в городе квартиры и содержать под честным арестом, дабы оне от таковаго гонения не ушли куда далее. Между тем, некоторыи присоветовали мне, чтоб я женился и объявили невесту, есть, де, достойная и воспитания честнаго дочь Петра Даниловича Апостолова69. Я принел все то за благо, хотя не хотел и никогда женитца, а особливо в разсуждении бедности моей фамилии. Однако положился на их совет, послал при письме свата миргородскаго сотника, которой по близости Петра Даниловича и жил. Когда ж оной сотник мое письмо подал Петру Даниловичу, весьма был доволен и спрашивал дочь свою о желании, которая тогда согласилась, и прислал ко мне ответ, что оне семейством моим будут довольны и положили быть свадьбы будущаго 753-го года генваря 27-го дня70. Для чего я послал в Петербург нарочного на почтовых сотника ж просить о позволении отъехать из крепости. Но тогда Императрица Елисавет Петровна была больна, по той притчине несколько замедлилось, однако князь Яков Петрович в самый последней день пред кончиною императрицы, дав указ о позволении, отправил обратно ко мне того посланного. Как же я получил, уведомив напредь своего тестя, к назначенному сроку поехал и тогда о приданном никакого договору или требования моего не было. Между ж тем часто упоминаемый Хорват много мешал, но ничево его злобе не помогло. Женился я благополучно, а что следовало до приданого богажу, ничего не получил, кроме платья на ее и серебра для убору ее ж. Белья было доволно. Вместо приданого ее я любил, разумная и добродетельная была, притом богобоязливая, советы предподавала мне как другу, от горячности меня удерживала. Однем словом сказать, подобной для меня сыскать было не можно, в гонение ж моих нещастий утешала меня. У отца ж своего правительница была всем домом, и что из приданого отец давал, не хотела брать, прочив более для оставшей сестры своей Катерины Петровны71. Напоследок же что выходило и от сестры своей уже следовали ей досады. Она точно такого нраву была как и я, ибо и я пекся более о братьях, нежели о себе, и затем и женится не хотел, желая их поднять (увидим ниже, как напротив сего братья мои довольны были и начаю). Когда я прибыл в крепость, пришла вся моя команда поздравлять, и моя любезная покойная супруга постаралась приуготовить стол на сто семдесят кувертов. И как в команде моей были четыре полка, а именно драгунской, три ланд-милицких, то в обед производилась пальба ис пушек. Когда ж палили, пили за здравие его величества императора и государыни императрицы и фамилии, причем множество присовокупили будучи веселы. В самое то время множество было оказавшихся льстецов, уверяя о себе, сколь оне довольны о

то время множество было оказавшихся лютецов, уверял о всех, сколь они довольны о возвращении моем. Я то прямой сын Отечества и подобнаго мне не было и не будет. Несколько

ж время из Сената был получен указ, что отправлен в крепость генерал-порутчик князь Григорий Семенович Мещерской72 для следствия, он и приехал не замедлив, со мною обошелся весьма благоприятно и милостиво, притом говорил мне, дабы я нимало не рабел и не вдавался в печаль. При всем том я разсуждаю, Бог сильнее всего, он не оставит. Но недолго сей чесной и добродетельный человек пожил, как поехал к Хорвату. Ево схватило боль сердцем. Приехав оттоль, немного полежав и преселился в вечное блаженство. Пред кончиною смерти сказывал господин Мещерской, как рюмку венгерского выпил, тот час почувствовал боль. Боже мой, сколь мне тяжела была смерть ево, такова благодетеля лишась и милостивца, о коем прямо сказать могу безо всякой трусости быв, тут не уважал никого. Потом приехал Иван Федорович Глебов, которой пожалован был в Киев генерал-губернатором. Он уже вступил к произведению следствия. Я обнадеялся на него, что как он ко мне всегда был милостив, то думал во всем, что он соблюдает правосудие. Вместо ж того выходило, старой мой благодетель и милостивец принял на себя все меры к великому против меня гонению, заставлял раскольщиков, посылал по дворам устращивать, не сыщется ли кто таковой, которой бы на меня приносил жалобу. И так те раскольщики и научали (по окончании ж и уже по долго прошедшему времени после, быв я в Петербурге, слышел и от надежного человека о нем, Глебове. Он во всем раскаивался и при смерти своей говорил: «Согрешил я против Матвея Артемоныча»). А как он пожалован был губернатором в Киев, то на место ево приехал генерал-порутчик Василий Васильич Нарышкин73, которой был для меня весьма человек доброй. Иногда, сидя за столом, такие досадные слова мне говаривал, даже что я из-за стола принужден был выбегать, но что ж напоследок и опять-таки премирялись. На ево господина Глебова место прислан был Алексей Петрович Мельгунов74, коему, конечно, дано было таковое наставление, дабы искоренить меня, и столь жестоко, что по следам Ивана Федоровича и наистрожайше поступал. По прибытии ж от команды отрешил меня и хотя со мною и ласково обхождение имел, но все доискивался, чем бы меня победить. (Например, продано было от меня пятьсот овец тутошним обывателям, которые по научению тех вышеупомянутых раскольщиков объявили, что оне купили у меня именно, платя за каждую овцу по пятидесять копеек, и будто у них все уже пропали. Я принужден был тогда деньги заплатить, да и много и таковых подобных обращений происходило). При всем же оном никаких ответов и оправдания от меня не требуя делали, что хотели. Но я стал просить, что уже чем бы нибудь скорее дело окончить и отослал бы меня, чем мне праздно шататца. И я увидев, что окончав дело, послал при мнении своем со мною к генерал-губернатору Глебову, а господина Хорвата взяв из Миргорода от ево полку, арестовав, посадил под караул и не приказал к нему никого не допускать. (Вот разсмотреть можно, естьли бы была надо мною изыскана хотя небольшая винность, то б, конечно, я и больше пострадать мог, нежели Хорват.) При отправлении ж моем в Киев, столько был я разорен, даже ничего не имел, чем бы мог выехать, послал человека к тестю своему и взял денег у него триста рублей. Столько мне горестно было, что и описать всего не могу. Приятели мои, которые были, все мне при том горестном случае отказались, даже никто не мог поверить. Но любезный мой товарищ, покойная моя супруга, была для меня единым утешением, всегда в оной моей горести подкрепляла меня, изъясняя сие де нещастие ни что инное как единственно попущение божие и уговаривала, дабы я сносил все то терпеливо. Скот же, которой у меня был и протчее, то я отправил к тестю прежде, а тогда пред выездом, когда посылал за деньгами, отправил також и экипаж свой. И как я выехал из крепости Святыя Елисаветы, проехав не более верст дватцать, встретил меня посланный мой к тестю человек и привез от покойнова тестя моего триста рублей, из которых я и послал заплатить в крепости долгу не более дватцати рублей и взять обратно заклад оставленной, а именно алмазные вещи, коих было не более как на двести или на тристо рублей. И напоследок поехали в свой путь в горестном состоянии. В тот же самый день случилось нам ехать чрез мост глухой речки и как тогда была гололедь, то вдруг коляска наша с санями раскатилась с мосту, и прямо бы мы были совсем в воде, где бы могли и жизни лишиться, но по щастию нашему трафились близ мосту старые сваи, на которые и попала наша коляска, естьли же б не то б, тут мы совсем потонули. Примечание: усмотреть надобно, какие Бог определил терпеть гонении и страх. Я ж таковых подобных и много претерпел, а любезная моя супруга никогда не видывала, воспитываема была не в таком случае, но при всем том и она мужественно терпение имела и в таковых бедственных

не в таком случае, но при всем том и она мужественно терпение имела и в таковых бедственных случаях укреплялась. Потом мы вышли из каляски и, перешед по мосту, пришли к ротному

Хорватовой команды афицеру. Тут надобно тогда было благодарить Фильлипу, он нам великую, как чуть помню при помянутом нещастии, оказал услугу. После нас каляску сняли и мы, начевав у того Хорватовой команды афицера, на другой день поехали. Приехали мы до Днепра. Тогда Днепр от берега стоя замерзнув до половины, а по другой половине к тому берегу, куда нам следовало переезжать, несло лед, к тому ж был ветр северной тонкой, самой проницательной и стужа. Тогда разсудили мы, а особливо покойница говорила: «Что нам здесь стоять, удобнее или лутче пуститца на волю божию и переехать». И так мы по льду переехали на маленьких санках и, доехав до воды, сели в лодку, хотя и не без страху было ото лда. Однако благополучно нас перевезли на другую сторону. Как же мы переехали, то, встретив нас, таможенный директор просил к себе, чтоб мы к нему шли обогретца, чему были ради, что такой честной человек сыскался. Пришедши ж к нему, как обогрелись, да и то время был час уже двенатцатый, то он нас подчивал обедом, где за столом весьма рыбы довольно было (потому что в то время был Рожественской пост). А между тем как мы отобедали и пили кофей и чай, то перевезли нашу коляску и другие повоски так же благополучно. Мы, посидев у того директора до вечера и исправясь, пустились в ночь в дорогу, и как мы выехали, то пошла слякоть, от чего и зделалась грязь. Случилось нам переесжать чрез одну великую грязь, где был лес и коренье, к тому ж ночь была, люди перемокли. Тут по нашему нещастию подхватило под передние колеса тою грязью и кореньями и увязли так, что наши лошади вывести уже не могли, люди обезсилели и в темноте никаковой не могли помощи подать. Тут мы и стояли на одном месте часа три или и более, чем к нашей горести еще более скуки нам навело. Но по щастию нашему ехал встречу один мужик на паре волах, то просили мы его, чтоб он нам помог, на что он согласился, выпряг своих валов, заложил в нашу коляску и вывес нас ис той грязи безо всякой трудности, сказывая: «Блиско, де, уже некоторое село». А уже стало разсветать. Мы, выправясь из грязи, обрадовались и поехали, спеша, как наискорее до того села. Приехав, стали на квартеру, отдыхали до половины дня, потом, пообедав, опять поехали в дорогу и старались, чтоб уже впредь в ночь не ездить, а становитце ранее на квартеру. Тогда чрез одну ночь мы приехали в Переясловль. Тут нам городничей как он нас знал, отвел квартеру. И тот день был самой сочелник рожественской. Мы мало отдохнув, пошли в собор, где служил литургию преосвященной Гервасий, которой, увидя нас, по окончании службы просил к себе, а особливо более для того, ведая тестя моего. И как к нему пришли, ласкал моего любезнаго товарища, поил чаем нас и притом просил не прогневатца, что он этот день не может угостить нас обедом, а пожаловали б мы к нему в день Рождества Христова. И как мы ему откланялись, пошли на квартеру, то преосвященнейший ускорил прежде нас прислать всяких рыб, белова хлеба и что он сам любит — ячменных булок, ис питья меду, полпива, кислых щей, вотки, виноградного вина, и мы увидев то, очень были довольны и между собою говорили — его преосвященство зделал нам для стола нашего весьма покойнее. На самое ж Рождество были у всенощной, у обедни и по окончании службы подошли к благословению и приняв мы от его благословение. Говорил он нам: «Пожалуйте ко мне откушать». И так мы и пошли за ним. Прешедше ж к нему, благодарили за его присылку, донеся, что оной нам станет и до Киева, напротив чего преосвященный объявлял: «Сие не столь много, чтоб стать могло до Киева». Будет он служить и еще нам на дорогу, и как мы пообедали, то он произвел речь, чтоб я ему объявил, какая притчина была. И как оное было место ево эпархии моей смены, и проговаривать изволил: «Я, де, никогда не слыхал, чтоб вы кого-нибудь обидели, будучи там, но токмо все были благодарны». Я ему принужден был вкратце обо всем донести. И как он изволил выслушать, то с восторгом сожалел, подняв руки свои к всевышнему, сказал: «Боже, сохрани их и не до конца прогневайся». И при том начал о себе сказывать, как он был в Китае, и что он там усмотрел людей гораздо лутче и благосклоннее к добродетели, нежели у нас. По моему примечанию преосвященнейший владыко совершенно был святой муж. Упоминая при том, случилось де мне прийти к одной лавке, где сиделец сидит. Когда я стал у него торговать некоторый товар, то он стал мне ответствовать по руски. Я спросил ево: «Каким ты образом знаеш по руски хорошо и твердо говорить?» То де он мне указывал на свои ноздри: «Видете Вы, что у меня оные вырваны. Там, де, в России был негодной человек, и как, де, я отошел из России, усмотреть можете теперь, какова я есть состояния». И я, де, ему на то сказал: «Хорошо, что так ты заживен стал. Однако, ты сам знаеш, что лишился спасителя своего и небесного царствия

ты заживен стал. Однако, ты сам знаешь, что лишился спасителя своего и небесного царствия, которой нас искупил пречистою своею кровию». И советовал ему, чтоб лутче обратитца по

прежнему в Россию и быть в том законе, как ты и прежде был. Но он в ответ мне сказал: «Боюсь, дабы я хуже не был тово там, как был». А х тому ж де еще другой пример. Фамилия здесь всякая имеет у себя своего князя, которой судит впадшаго в преступление от своей фамилии и до трех раз увещевают, чтоб он оставил то. И ежели ж де таковый не раскается, выключат ево из числа фамилии и отдадут уже потом государю под суд. И как его преосвященство продолжая разговором свое приключение, а особливо к моему носимому нещастию увещевал нести все с терпением, сие, де, не инное, что как любя Бог наказует. Напоследок, окончав стол, стали мы откланеватца, за его к нам благодеяние и милость просили благословения к нашему отъезду, но он вынес из кельи своей образ Макария Переясловскаго чудотворца, коим и благословил нас, изъявляя: «Вот помошник в вашем путешествии». И мы поклонились даже до земли и, благодарив за ево благословение, просили, чтоб он нас в молитвах не оставил, и, окончав сие, пошли в свою квартеру. А его преосвященство после нас вслед послал нам хлебов, рыб и напитков всяких очень довольно для нашей дороги. И так мы того ж дня выехали продолжать дорогу в Киев. На другой день приехали мы и стали на квартире к священнику Василию, моему отцу духовному, которой был жития святаго. Чудо я видел в его доме. Из Мошенского погоста страдала одна женщина удивительною болезниею вот какою: некогда ей случилось ударить себя в грудь рукою, то напоследок никоим образом уже не могла отвести своея руки от грудей. Многие пользовали, но никакой помощи не могли ей дать. По многим святым местам ходила, но пользы тож не изобрела. Прешед же по обещанию своему в Киев, указали ей дом сего странноприимца, у коего тот дом был построен наподобие как замок и с кельями для того странноприимства. И когда пришла к нему, просила, дабы он принял в свой покров, расказывая, сколько уже времени она страдает. Он с радостию отвел ей место, где она может пробыть, и сказал, когда должно итьтит ей к заутрени. То она может с ним итьтить в церьков. И так по приказанию ево она все исполняла, быв тут. По литургии ж начал молебен служить с акафистом пред образом Пресвятыя Богоматери. Что ж выходило по прочтении Евангелия — вдруг ее рука отошла и так, что хряснула, у которой уже и персты вогнув были грудей в тело, что и я засвидетельствую потому, что видел сам ее, и она то приключение сказывала. А после слышел, что он пошел в монахи, так же жена ево с дочерью в монахини. Странноприимник, он принял нас с радостию, определив нам в своих покоях место. И когда ему я о притчине нашего вояжу объявил, крайне сожалел и прямо как верной друг и просил меня, дабы я не отдавался в глубочайшую печаль, уверяя, что Бог нас не оставит. По приезде в Киев на другой день подал я комверт о следствии своем генерал-губернатору Ивану Федоровичу Глебову, от которого я не чаел, чтоб последовало какое мне гонение. Но со всем тем держал меня он даже от ноября до генваря месеца, таковой же ласковости, в каковой он расположен был ко мне прежде, не находил уже в нем. И так мы положились на волю божию. Только нашего было увеселения ходили по пещерам, просили Бога о помиловании нас. Тут же до того мы дожили, что присланные деньги от тестя все издержали и нечим уже было себя содержать. Некогда случилось нам итьти к обедни в Печерской монастырь, встретился на дороге нищей старик и просил милостины у нас. Тут то я залился слезами, сказав ему: «Друг мой, ежели б ты знал о моем состоянии, то б сам мне милостину ты подал». Вот до чего я тогда дожил и какую бедность терпел. Но благодарю моего создателя, что имел такова сотоварища, то есть любезную свою супругу, которая уговаривала меня наивсегда, дабы я не вдавался в печаль. Между тем временем, доколе не были отправлены в Петербург, пошли мы в верьхней Киев. Тамо были в соборе, даже и во всех монастырях, и зашли в Переясловское подворье, где был странноприимник же скимних, который от обедни зазвал к себе и удержал нас у себя обедать. Поставил нам маленькой борщ, пшонную крутую кашу, бублики (или баранки), и мы ево благословением были довольны. Во оной день был канон новаго года. Услышев же он от нас бедное наше состояние с сожалением, приказал нам остатца у себя, чтоб мы готовились к приобщению святых таин, отвел келью, дал книги, по которым бы мы просили Бога, и молились мы во всю ночь. И в самый новый год после заутрени исповедал нас и в обедню преобщил святых тайн. После ж обедни, взяв с собою в келью, посадя, напоя чаем и накормил. У оного странноприимца всегда был обед, которым довольствовал он болных, разслабленных и протчих каждой день не менее от семидесяти до ста человек. За всем же оным удовольствованием что из кушенья ни оставалось, то к другому дню ничего уже не оставлял, а отдавал собакам. На другой

кушенья ни оставалось, то к другому дню ничего уже не оставлял, а отдавал собакам. На другой же день для потребности на кушенъе брал на покупку не более как копеек пять, ему Бог таких

дображелателей низпосылал, что надают всего, и всякой день кормил людей. Сверьх же сего семинарии учеников сажал на площади кучами и, покупая у торговок, кормил всегда. Он столь святаго жития был. Когда служит литургию и идет с переносом, то кажет в сердцах наших страх. Многие подкладывали детей своих, чтоб он чрез них переступил, так же старых и разслабленных клали. Но божие милосердие чрез его молитвы по вере их дарует многим облегчение. Может всякой подумать, откудова б чернецу, да еще и скимниху, такие деньги взять? О том я хочу объяснить, многие ис купечества мещане при смерти отдавали своих детей к воспитанию, вверяя все свои пожитки, а он таковых отдавал в школы и когда выучит и в совершенной возраст приидут, отдавал все их имение, что от отцов их оставлено было. Все того города засведетелъствуют о его добродетели. Еще удивительнее как ево келья никогда не бывает заперта, то часто незаконнорожденных младенцов в небытность ево в келье подбрасывают, а как он увидит младенца, скоро окрестит, и пойдет с ним с поддворья и отдает кормилицы. Может иногда трафитца и мать младенцову нанять. Довольно и много таковых ево было и есть добродетелей, о коих и изъяснить здесь не упомню. Мы при прощании объявили ему, не имеем чем выехать из Киева, когда нас отправят, и нихто не верит. На что он сказал: «Когда де Вас совсем отправят, тогда скажите мне». И так, простясь с ним, пошли в Киев, а х тому ево молитвами господин Глебов, не мешкав, вскоре отправил, а с чем ехать, денег нет, нихто не верит, давали в залог вексель, состоящей в осми тысечах рублех, данной нам от грузинскаго цесаревича Александр Бакаровича, нихто не берет, (которой в Киеве и протестован был). В горестном мы состоянии были, спомнили отца своего духовнаго, поехали к нему, донеся ему обо всем. Но он ни слова не сказав, дал пятьсот рублев. Мы обрадовались, хотели броситца к ногам ево, — не допустил, дать обязательство — не взял, сказав: «Когда вас Бог поправит, тогда вы можете отослать ко мне». Вот промысл Божий! Поправились мы своим состоянием и отправились в том же генваре (1)763-го году. Тогда была оттепель. По отправлении ж зашол проститца к обер-коменданту Николаю Ивановичу Чичерину. Он знал, что меня гонят, давал мне совет, куда взять прибежище, а при том и дал провожатых четырех гранодер, за что я довольно благодарил ево, а особливо за проводников. И так мы и поехали в путь. Тогда был Днепр весьма худ. Я переходил и с любезною супругою пешком. Тогда были продушины, с великим страхом едва перешли, потом также и обос переправили благополучно. Провожали нас священник Василей, архимандрит и другие святые отцы. И как переправились, а благодетели наши, доколе мы переходили, стояли на берегу. Потом мы им поклонясь и пошли на подворье манастырсокое, а оне в свои места, где монаху и приказано от архимандрита нас довольствовать. Тут переночевав, поблагодаря Бога, на другой день отправились в путь и поехали к батюшку своему Петру Даниловичу Апостолову. Но как все речки уже разпустились и чрез плотины вода переходила, из коих некоторые были по версте, то с великим страхом переправлялись, а как скоро я хочу какие-нибудь предосторожности взять, любезная моя супруга не отпускает от себя, говоря: «Вместе умрем». Вот любов, без привычки терпела великую нужду, при всем же том и меня уговаривала. И так мы доехали к батюшке. Как же нас он увидел, прослезился, посадя, спрашивал о всех наших приключениях, и я пересказывал ему. Он, выслушав, благодарил Бога, что избавил нас от такого мучения. И то сказал, дал нам скимних на дорогу пятьсот рублев для того, чтоб нам и выехать было нечим. Тут у батюшка пробыли без малого месец, прежде посланный экипаж осмотрели, а именно фура большая, в ней имелись сундуки приданые, а собственного моего сахару дватцать пуд, медная посуда для кухни, скота собственного моего валов сто, бугай волоской пребольшей, которова я купил, дав тритцать рублей один, баранов с курдюкам и овец пятьсот, лошадей манежных верьховых шпанских, стоющих каждая по сту по пятидесят рублей две, жеребцов два, кобыл дватцать, стришков и жеребят шездесят, два цуга вороных, гнедой один, сивожелезой один. И по осмотре оном, простясь с батюшком, не требуя с него никаковой во всем вышеписанном росписки для того, что батюшко. И со всеми поехали в путь, но дорога совсем от теплоты испортилась. Однако не оставили заехать в Охтырку, в Коплуновку, тамо чудотворные образа Пречистыя Богоматери девы Марии. Тебя благословила образом мать твоя еще младенцом и поручила с прошением Божия матери Каплуновской, а Охтырской Богоматери образом я и ты благословили Марью75, мать твою крестную, когда шла замуж. И мы исполнив свой обет пустились в путь далее. Как приехали в Курск, в то время выпал уже снег, морозы и

свой обоз пустились в путь далее. Как приехали в Курск, в то время выпал уже снег, морозы и зимней путь. Мы весь свой обоз поставили на дровни, наняв извощиков, и поехали в Москву

благополучно, токмо наскучили нам украинские квартеры для начлегу. Хозяева бывают в одном месте со скотом, в одно время случалось нам пристать на квартеру, и когда мы стали засыпать, вдруг услышели овец блеющих, гусиное гагонье, утиное кряконье, свиное крюконье, куриное коконье. Горе наше, не дают спать, а притом будучи в таковых безпокойствах, давно и горячего не ели. Как доехали до города Орла, разсудилось мне с покойницею моею Еленой Петровной послать в рынок купить рыбы. И как купили нам из мелкой рыбы ершов, то я вздумал по своему вкусу варить уху, сам и начал варить. Когда ж уже скипела в кострюле, то я наклал туда хлеба, думая, что будет вкуснее. Но трафилось много хлеба, и как надобно было подавать на стол и хотели с покойницею кушать от последующих безпокойств, но та уха так неудачно сварилась, даже вся превратилась в кисель и загустела, и есть совсем было нельзя. И тут мы кроме с хлебом чаю и не имели более ничего есть до самой Москвы. Однако та уха так не осталась, люди, которые при нас были, съели с большим апетитом. Потом из Орла поехали в путь. Приехали так же в одном местечке на квартиру, опять захотели горячего кушать и готовили на канфоре в торелке яишницу, то и тут все случилось не удачно. Тарелка та, на которой грели, ростаяла от огня. Все пропало, и так и тут принуждены мы были пользоватца также чаем с хлебом, и спать нам не давали и беспокоили всяких родов скотина. Еще мы куръезное наехали, шли мы для роздыху одного хозяина в избу, а баба в пече паритца. Потом мы старались сколько можно до Москвы скорее доехать. Приехав в Москву, стали на квартире у невестки Федосьи Алексеевны, ее тогда в доме не было, а только была дочь и племянница, сестра Алексея Миныча76. Ради мы были, что нашли покой теплой. На другой день поехал я к его преосвященству Московскому митрополиту Тимофею77, отдал письмо от тестя моего, который меня принял весьма ласково и просил, чтоб я приехал к нему и с супругою обедать завтре, то есть на другой день, и спрашивал, где моя квартера, о чем я и сказал. То он и изволил наслать нам всяких сортов рыб осетров тюшки, полпива, меду, вин. На другой день я и обедал у его преосвященства и с любезною своею покойницею Оленой Петровной. Тут я и о всех своих бедствиях и горестных приключениях расказывал, донеся ему о недостатке своем, чем бы доехать до Петербурга, в деньгах и при том объявлял его преосвященству о князе грузинском, что имею от него данной вексель и уже протестованной, то его преосвященство и послал к нему грузинскому, уведомляя, во-перьвых, что я здесь, а притом изъясняя и о недостатке. Просил его, чтоб заплатил, но он по прозьбе его преосвященства не исполнил до тех пор, доколе я много раз сам с покойницею Оленой Петровной к нему ездил, объявляя, ничего не имею и до Петербурга доехать нечим. И так чрез великую силу мог он дать пятьсот рублев, которые я как скоро получил, тотчас отослал в Киев странноприимцу духовному нашему с благодарностию, о коем вышеупомянуто, в заплат долгу. Сам же с взятыми от него и имеющимися еще в остатке деньгами поехал в Петербург, куда приехав, стал в квартире в доме князя Григорья Семеновича Мещерского по приказанию супруги его, которая просила нас, чтоб мы стали в доме их на Луговой, где и расположились. Потом пришол я в дом к князь А. Алексеичу Вяземскому, которой тогда правил генерал-прокурорскую должность. Его ж сиятельство о том, в каковых гонениях, бедствиях я находился, знать изволил, рекомендовал меня графу Федору Григорьичу Орлову78. Тогда дело мое было в четвертом Сената департаменте, прося его сиятельства, чтоб меня любить изволил так, как и его, правда я графом Федором Григорьичом весьма был доволен. Он дело мое скоро отправил в Военную коллегию. Неотменно ево я наивсегда должен помнить и благодарить, а во оном моем деле некоторое препятствие делал господин Воронцов Роман Ларионович, не хотел подписывать решительного определения. Удивления достойно, просил он меня сам, чтоб я поступил так, как сын Отечества, а напоследок осердился на меня, для чего я искоренил такого бездельника. А князь Александр Алексеич приказывал мне ходить к нему, Воронцову, и просить. Но как я стал князь Александру Алексеичу доносить обо всем, то изволил сказать, плюнуть де на него. Государыня сама благоволила указать, как решить, и решили, а по решении отослали в Военную коллегию. И приказано было мне явитца туда ж. Между тем ходил я к Ивану Ивановичу Неплюеву79, которой просил меня, чтоб и покойная моя жена Алена Петровна ездила к нему. И после ездила. Тут она познакомилась с невесткой ево Агрофеной Александровной и она всюды ее возила и привезла к матушке своей Алены Александровны80. Боже, даруй ей вечнодостойную и блаженную память за ее оказываемые ко всем милости, а особливо и к нам. И как она

и блаженную память за ее оказываемые ко всем милости, а особливо и к нам. И как она покойницу весьма любила, то и обо мне всех просила и графа Захара Григорьича Чернышова81.

В то время я не имел у себя лошадей, кроме двух стоющих вся пара осмнатцать рублей, но и из тех одна была больная, сводило судорогой ногу. Когда ее случитца на дороге схватит, то и стоим с каретою, ожидая, доколе ее не откачают, а как отдохнет, то и поедем. Покойная Олена Александровна много нас жаловать изволила, когда мы к ней не приедем, то свою карету за нами присылать изволила. Тогда Иван Иванович, увидя мою бедность, приказал мне выдать якобы за присланное к нему венгерское (чего я не помню) четыресто рублев. Теми деньгами я весьма и много поправился. Между тем и жалованье мое заслуженное все, за неполучением котораго претерпевал я великую нужду, определено было выдать, которое я и принял и долги, во-первых Яковлеву сорок рублев, коими он меня одолжил, також и протчим роздал, и стал богат. Как же явился в Военную коллегию, то его сиятельство граф Захар Григорьич Чернышев объявил мне определение, чтоб я ехал в Переволочну комендантом с жалованьем на тристо рублев. И так я, досадуя на таковое определение, не похотел туда ехать, подал челобитную об отставке, по которой и отставили с переменою чина. Я в то время объявил, когда моя заслуга неугодна, то лутчее я за неимением, чем себя содержать, вступлю по знанию своему х Демидову на заводы прикащиком управлять. Однако божиим милосердием недолго волочился, за меня все Сенатом вступились, а особливо Иван Иванович Неплюев, князь Яков Петрович Шеховской и х тому ж яко предводитель к всему моему благополучию ходатайствующий был князь Александр Алексеич Вяземской. Взнесли доклад Государыни о определении на Боровицкие пороги, по которому в (1)764-м году и конфирмовано82. И так я благодарил Бога, ходил по всем моим патронам и благодетелям благодаря, и прощался. Но Иван Иванович Неплюев, прощаясь, говорил мне пророческим духом: «Надобно, де, тебе с господином Деденевым сладить. Он теперь там на порогах и ему указом велено разсмотреть навигацию, где учредить пристани, то ж разсмотреть, в каких местах чистки и полезнее шлюзы зделать. Я разсуждил, господин Дененев был в моей комманде, зная, что он может важно о деле говорить, и он же мне был старой кашеедец, не думал ничего об нем много. И простясь со всеми, а особливо с материю нашей Аленой Александровной, которой до земли кланялись и со слезами ручки ея целовали, напротив чего и она сама не меньше материнскую жалость и любов с проливанием слез оказывала. Потом, приехав на свою квартиру, собрались ближние мои. Покойник брат Федор Артемонович, которой уже был болен, рад был, что нас господь помиловал по тем обстоятельствам нещастия моего. Был он должен мне восемьсот рублей. Тогда покойница моя Алена Петровна отдала этот долг вечному забвению. (Вот добродетель. Сама имела крайную скудость, забыла она и то, что попрекнут я был, зачем женился на шинкарке.) И так покойник брат облился слезами, да и мы с ним тому ж последовали и недопустили далее разпространять речь. (Брат мой был нраву тихова, к богу имел прибежище и на умеренностях, другая ж половина весма на язык невоздержна была, часто ево укоряла, для чево не старается после умершаго пасынка своего укрепить деревни за детей своих, он же на весь ея крик смеялся толко и тем ей болше досаждал.) Мы, простясь, тот же день поехали в малинкой хутор Гоф-Аратчино. Как же сей хутор мал или велик, но один, где и жизнь свою надеюсь ныне окончить. Прежде ж названо было Версалиею. По разделе з братьями я был и малым доволен, никогда не думал о присовокуплении, а мой любезной товарищ столь была доволна, не знала как возблагодарить Бога и говорила: «Слава тебе, господи, по крайней мере есть пристанище». Не умолчу описать, какову мы нашли: построена одна светлица и перегорожена, как уже выше упомянуто, отдалена от тово чорная изба, начало первое моево поселения, тогда был брат со мною Никита Артемонович. Увидела кочни в огороде капусты весма велики и приказала нарубить кочнев и делать из них шенкованную капусту. И тут принялась за хозяйство со всеми, которые тогда при нас были. И так она была доволна, позабыла далее ехать. Жили мы тут почти до охтября, нам жить было бы и болше, но тогда плывущие на барках хозяева заехали ко мне, поздравили так как командира Боровицких порогов и при том объявили, дабы мы ехали скоряе на пороги, весма там обстоятелства дурные и зная об вас, что вы едете и для того грабеж умножается, от небрежения ж командиров з денгами две барки разбило в пороге Тверске. Однако я их попотчивал и отпустил, и благодарил Бога, что меня то время не было, а чрез три дня, отправясь в путь, приехали октября к 1-му числу. И не доезжая верст за дватцать встретили меня команды моей афицеры и лоцмана, и по встрече скоро доехали к своему

посту. А прежде меня был (которова я не сменил) гвардии капитан Бобрищев-Пушкин, и тако я, поблагодарив Бога, разположился на квартиру, и в команду не вступал пять дней, хотел

разсмотреть пороги и какое разпоряжение. Пропустя ж пять дней, вступил в команду. Тогда покушались хозяева барок по-прежнему обыкновению своему приносить ко мне империалы, червонцы и рубли, но я за то зделав определение, сек кошками, дабы оне бросили свою привычку. И при пропуске барок у всех хозяев спрашивал, где бывают по навигации препятствии от самова начала Мстинскаго озера до Ношкинской и Басутинской пристаней и до Ретка. (От онаго отправляются барки чрез Боровицкие пороги до Претельпелской пристани и дают на каждую барку по лоцману; всего было сто дватцать человек тех лосманов на жалованье. На что ответствовали: «Весма тесной проход) во многих местах есть такие крутые обороты, что высадив на берег людей, привязав снасть х корме удерживать надлежит, дабы не зарыскнула барка. Острова в берег. Сверх же онова при устье Мсты в мелководие принуждены ставить барку, нагрузив каменьем. И как прикопится вода, из Вышняго Волочка спустят барки, и когда приплывут до оной каменьем нагруженной барки, то и обязанны бывают из той барки каменья выгрузить. И как подоймет водою, то поставят ее к берегу, а сами поплывут сею наемную водою. В Боровицких порогах великия трудности в мелководие имеют, так случалось, почти весь караван в порогах остановится, и принуждены на себе тащить, и иные суда от наноснова каменья проламываются». И так оне мне, а особливо рыбинской купец Ильинской, очень хорошо объяснил, даже до Новагорода, почему я разсудил ехать самому и по всей реке осмотреть и снять план. А притом, ведая, что господин Деденев уже снимал, для того писал к нему, чтоб он уведомил меня, на каком основании он свое мнение положит, но он господин Деденев на два мои писма ничего не ответствовал. И не имев никакова ответу, спустя караван, начал от озера снимать реку Мсту. Вот привычка моя не искать покою, а искать высокомерия и славолюбия и чрез то нажил себе неприятеля, ниже о нем упомянется. И нашол более противнаго, нежели сказывали купцы. Между тем наслан был ко мне указ из Правительствующаго Сената, что по имянному повелению Ея Императорскаго Величества следовать мне о лихоимстве, и при том реэстр, в каких местах по навигации первое, начиная от Твери и до Петербурга, по которому я вступил, того года сколко барок застал пловущих, хозяев допрашивал, так же бывшаго командира Бобрищева-Пушкина и команду ево как афицеров, так же и лоцманов, а при том и жителей по всей реке, которые делали заколы для рыбной ловли, чигени ставили. Оных наказывал и отпускал по домам, и проволочки им никакой не делал. А по первому пути поехал в Тверь и с присланным ко мне для следствия товарищем надворным советником Игнатьем Алексеевичем Грачевым, которой был человек честной и знающей в писменных делах, и еще с собою к нему в помощ ис команды моей капитана Батюшкова — оной недавно определен был на Ношкинскую пристань командиром, да и знающ несколко математики. Приехав в Тверь, тогда там в Твери был и преосвященнейши Гавриил, а как при произведении комиссии потребен был для увещевания и присяги священник, тогда я поехал поутру к его преосвященству, и с товарищем своим господином Грачевым принести свое почтение и взять благословение, а при том и просил, чтоб пожаловал, приказал дать священника. По чему он и приказал исполнить и просил меня, чтоб я и с фамилиями своими приехал в двенатцать часов к нему обедать. По оному я исполнил и в 12 часов явились. Выпив по чарке вотки, сели за стол, начали обедать, а притом его преосвященство вошел в разговор, вся почти материя была о добродетели и о лихоимстве, и какой чрез это вред случается всему обществу. На то я донес: «Преосвященнейши владыко, хорошо б было как один, так и все устроены от Бога». Но он на то изволил объяснить, бог дал человеку разум и совесть, которая всегда указывает наши пороки и далее. Но я его преосвященству стал доносить о своих приключениях и нещастиях, и как я был гоним за свою правду и ревность, и старались зделать меня грабителем за то толко, что я был искоренитель всяких неправд, и вместо тово ничего не могли зделать, и со всем тем меня господь защитил, прямо можно сказать, так меня гнали, ежели бы не Бог, то живова в землю зарыли. А ныне меня ж употребили искоренить сие беззаконие, но он изволил удивится моему страданию и терпению. Окончав сию речь, приняв от его преосвященства благословение, поехали на свои квартеры. С тех пор всегда, где толко случай мог быть, тогда во все компании с его преосвященством был приглашен и имею оное от него и доныне. А коммисия шла с успехом, и как я окончал в Твери, поехал обратно и заехал на пилной завод на впадающей в Тверцу реке Осуге, позабыл как зовут

того хозяина. У нево для свободнаго проходу барок покупали воду, чтоб спустил, тою водою как спустит с своево заводу, проходили пороги и шли до Волочка, не видев мелководия. Сердюков

тож продавал воду, умножая при том спуске в помощь помянутой реки. Как я усмотрел таковую хитрость, вымышленную к интересу, обязал того купца, чтоб он во время ходу барошнаго воду не удерживал, а старался бы прикопить, и спустить воду и дать тем в плавании помощь. Он мне на то объявил, что ему дозволил Правительствующи(й) Сенат построить завод, и показал указ, что дан для ево фабрик. Я сказал: «Это хорошо, однако лутче тово твой убыток платить за прикоп воды, а плавающему купечеству давать вспоможение». И обязав ево на вышеписанном основании в Правительствующий Сенат, репортовал сомнением. Я тогда был смел, когда был граф Федор Григорьевич Орлов в Сенате. И так приехал в Торжок, скоро там изследовал и поехал в Вышней Волочок, где нашол все то, что от Правительствующаго Сената дано знать во взятках и грабителствах, и как водою торговали. 1765 год. И тут я в Вышнем Волочке прожил до марта месяца 1765 года, поехал в рядок к своему посту, а товарищ мой господин Грачов пожалован кольлеским советником и в Тверь воеводою. На место его присланы из Сената полковник Семиков и ассесор, а как по фамили(и) не помню. По приезде вступили в следствие, а особливо по открытии реки Мсты с пловущих барок хозяев, которые еще недопрашиваны. То против присланнаго реэстра из Сената нашлось сходственно еще и с прибавкою, разделил на сорты господин Бобрищев-Пушкин: которые с пенкою, с воском или другим каким товаром идут барки — по десяти рублей, а протчие по пяти и по три рубли. Лоцман, которой разобьет барку и дабы невыписан был, а оставлен по прежнему, по сороку и по пятидесяти рублей брал. У него ж Бобрищева-Пушкина разсудку или рачения совсем никакова не было, как бы барки ни проходили, но я старался изыскивать, отчево б ето разбитие барок происходило и для тово вошел в подробность, 1-е увидел в пороге вязу, от берега плита к острову блиска и стеснена вода, а при том самой средины, где ход, многие есть вымытые плиты, и оставлены как сверху течения, так и вниз уступами поперег, наподобие так, как плотины, тож и в Выпе пороге. Доволно за водою и великим стремлением прямо узнать было не можно. И для всех оных опасностей представил в Правительствующи(й) Сенат, что неминуемо надлежит построить слюз, дабы по запоре всех впадающих рек лутче бы было все опасные места видеть и исправить, а что было тогда видно, то я поправил, и против Выпа от стен берега выдавшияся плиты отбил, о которыя весма барок много било. Также и в протчих местах, что было можно поправил же и, осмотря все Боровицкие пороги, зделал планы каждой дистанции, книгою со экспликациею. Но как прежние афицеры были подозрителны, а притом и незнающие математики, для того требовал из Правителствующаго Сената афицеров по именам, а именно, майоров Лупандина, Бачманова, ассесора Казляинова, обер-афицеров Степана Хрипунова, Николая Мазовскаго и Тихона Аничкова (о котором Сенат не дозволял, но я просил, будто бы без нево обойтись не можно, а особливо для планов). И так мне дозволили, а по приняти(и) тех афицеров отрепортовал Сенату. И как караваны низовые при мне прошли, а некоторые хотя и остались, то препоруча команду майору Лупандину, дав ему наставление, чтоб он с осторожностию пропускал барки, а сам в половине сентября, устроя барку со многими каютами и забрав с собою всех штаб и обер афицеров, касающихся до коммисии и для делания планов, поплыл внис по реке в Новгород и в проезд свой снимал всю реку на румбы, меру верст или сажен по спросу обывателей и лоцманов, и где есть опасность описывал, а приехав, зделал план с показанием во сколко какое место за очистку порогов ценою станет. Тут же и следствие было о перевозе бронницком, что берут с прогонных валов за перевоз с каждаго по дватцати по пяти копеек, а приставленным ундер-афицерам за пашпорты каждой осмотр по пятидесяти копеек, также и с обозу проезжающаго. Несумнительно, что скот и другой тавар бывает дорог в Петербурге, в Новегороде в разсмотрении пашпартов за каждой по десяти копеек и о протчих много касающихся непорядков. Из Новагорода приплыл на Ладожские пороги, там был полковник Дежедерас, он имел участие с каждой барки брать по пятидесят копеек, но тот француз вороват зделал книгу для подписки, чтоб хозяева подписывались о небытии им налог, со всем же тем признался, и лоцмана ево брали свыше положеннаго по указу, но однем словом сказать, где кто ни определен был, то есть при шлюзах, мостах, по всем дистанциям везде грабеж делали, и которые не хотели признаватца, приводил к присяге. Я ж вступил в Ладогу в октябре месяце, и как в Ладоге, так и в Шлюшене нашлось тож. Тут же из Санкт-Петербургской главной полиции были афицеры, которых

допрашивал, и оне стали было запиратца, но я их до тово довел, что открылись да и принесли жалобу на меня Николаю Ивановичу Чичерину. (Он по жалобе их строго ко мне писал, будет

государыне жалобу приносить, почему я на то в ответ ему писал и благодарил, что он тем меня более рекомендовать будет.) Но притом не оставлю и о своем нещастном приключении сказать. Между тем временем в бытность в Ладоге любезная моя супруга разрешилась от бремя, и даровал бог сына, дано ему было имя Димитрием. Боже мой! Как она доволна была, благодарила творца, не можно ея радости так описать, потому ея радость умножилась, что прежде в крепости Святыя Елисаветы двоих родила мертвых. И та радость недолго продолжалась, еще и в совершенное здоровье не пришла, взял от нас бог. Напротив тово начался плач и рыдание неутешное. Однако я не хотел долго продолжать, погреб в соборе, а она не хотела, чтоб так скоро погребен был. (Но как мы многие ночи не спали, вздремал я, сидя на стуле, и увидел в том покое множество святых и притом принесли ко мне младенца, сказали, вот тебе наследник. Так я скоро и проснулся.) А любезная моя супруга непрестанно крушилась и была в отчаянии, думала, что уже более у ней детей не будет. И таким образом я коммисию свою окончил, поехал в Петербург и подал в Правителствующи(й) Сенат производство следствия и планы каждой дистанции в книге с положением при том сметы, во что станет. Граф Федор Григорьевич меня благодарил и дали мне полное жалованье генералское, а прежде я был на восмистах рублях. Потом несколко пробыв, откланелся и поехал к своему посту обратно в самой последней зимней путь, и по прибытии вступил по вскрыти(и) воды в чистку и осмотрел во всех порогах, время еще не было такой прибылой болшой воды, толко лед, которой был в порогах до самова дна, то тем и отодрало плиты и каменья и посадило их на самой фарвартер, где плыть баркам. Я собрав лоцманов, хотя и стужа великая была, однако приказал все те плиты и каменья вычистить, а притом, где крутыя обороты и часто бъет барки в стену береговую, чрез что много нещастия терпели. Для того зделал заплавы, утвердя в два и в три бревна железными болтами и привязывали к нарочно утвержденным в заплавах концам якорными канатами. Тогда увидели лоцмана, что полезно, и когда ударится барка в заплав, безвредна остается, да и хотя б хто потерял свой ход, чрез то поправится. И оне взяли в пословицу, дерево де дереву брат. И многие подобные дела производил, разсуждая, толко в ползу б были в крутых оборотах, косы отбирал (здесь за нужно всех работ упоминать не нахожу, а будет впредь упомянуто). В то ж самое время прислан указ, чтоб быть мне под ордером господина генерал порутчика сенатора Николая Ерофеевича Муравьева83. Он брат нам внучетный, знает науке, толко непрактикован и притом был флегматик. То было досадно, что мне не верят, а определяют надо мною так как учителя, а я ево сначала записывал в кадецкой корпус и просил того корпуса директора Мазовскаго, которой мне был друг, чтоб ево пожаловали сержантом. А щастие служило в выпуск из корпуса в порутчики, а потом взят был к Бутурлину в адъютанты, а опосле в корпус инженерной майором, а из онаго чина в армию полковником, ис полковников же в ынженерные генерал-майоры и так далее. Я был доволен и обо всем до моих работ принадлежащем ево репортовал, и что надлежит вновь делать, спрашивал резолюции. И так к ближайшей и скорейшей резолюции послал прожект о зделани(и) слюза в устье озера Мстина с прописанием, какую ползу приносить будет и в какую сумму денег станет. Когда Ея Императорское Величество имела шествие в (1)767-м году в Казань, тогда я с приуготовленными планами и прожектами касателно до постройки вновь на Мстине озере шлюза и протчих работ, ездил в Тверь к Ея Императорскому Величеству для поднесения оных и был принят весьма милостиво. А потом возвратился на Опеченскую пристань, где того ж (1) 767 году в октябре месице покойная моя супруга Елена Петровна, разрешась от бремени, скончалась. Этот удар мне великой был, даже что я и тогда несколко почувствовал разбитием параличной болезни, а сын84 мой после ее остался трех недель. Когда ж я представлял в Правителствующий Сенат прожектную книгу о постройке шлюза, да и сам, быв в Петербурге, словесно Сенату докладывал, что пороги возможности не будет поправить до тех пор, доколе не будет построен шлюз, и когда последовать может разбитие барок, то б на мне взыскано не было. После ж отъезду моего из Петербурга в ответ нескорое повеление я получил от Николая Ерофеевича, и как видно, не за ним оное продолжалось. А чрез господина Деденева вскоре был наслан от Николая Ерофеевича ко мне ордер, которым, как видно после, доклад был уже учинен Государыне, чтоб я начинал строить по прожекту своему, и что он надеется на искуство мое, и притом напомянул, не надобно ли мне будет слюзной мастер. Я ему в ответ тогда рапортовал, я в

слюзном мастере надобности не предвижу, а сам буду делать без мастера, и потому начел прежде приуготовлять материалы, купя, поставил маленкую избушку для пристанища, где производимы

будут работы. По вскрытии ж льда во Мстине озере начал работу битием шпунтовых свай, когда ж уже совершенно вода упала, к тому ж и заперты были в Вышнем Волочке слюзы, ис которых пропускается вода во Мстинское озеро, то и начали делать плотину. Поставил козлы и от озера с откосом укрепил брусье шпунтом, в которые поставил щиты, и так моя плотина столь тверда была, что ни капли воды не пропускала, чрез что и течение воды совсем пресеклось, и та работа весма с успехом пошла. Набив же свай шпунтовых и круглых, зделал флютбет в один запор и тарасы взвел на шесть фут. В то время господин Писарев85 хотя и старался спуском из шлюза Вышневолоцкого воды помешательство в работах делать, однако ни в чем не успевал и работа производилась без препятствия. При том делал около тарасов шилькендамы, с тем, когда спустят воду, чтоб работам остановки не было (в то время от князь Александра Алексеевича получил я писмо, в коем писать изволил, как де мною работы начаты, то не произойдет ли навигации какой остановки. Видно, что господин Писарев писал в угодность господину Деденеву. На которое я ответом служил, опасатся и сумнения в том иметь не можно, помешателства навигации никакова быть не может, да и в работах остановки не последует, и сколко барок тогда прошло в тот спуск, о том ему тоже донес). По прошествии ж барок, и когда господин Писарев обратил воду в Тверцу реку, тогда и я свою плотину возобновил и что во флютбетах было недоделано, окончил, возвысил тарасы и брусья, к которым будут припиратца, ворота утвердил и ворота поставил в свои места, а как пришло время в другой раз спускать из Вышняго Волочка барки, тогда и я, скопя барки к плотине, разрушив оную, которой вода удерживалась для работ, спустил их, и собрав материалы, положил, дабы сохранены были. И напоследок уже другой раз князь Александр Алексеевич пишет Ея Императорскаго Величества благоволение за мое старание и усердие. Достройка была тех тарасов чрез всю зиму, против всякаго тараса зделал быки и от тех быков от концов утвердил бревна в концы, крышки над тарасами, от тараса ж до тараса машиною выдвижные мосты, крышки на тарасах выкрасил, а бока их высмолил, и притом зделал еще вновь два бешлота, тубасской для приумножения воды, когда спустят воду изо Мстина озера, то оная заходила мало имеющаго течения во озеро Дубки при озере Тишедре, и чрез то недружная вода приходила в пороги, и не так доволно к пропущению чрез пороги караванов. Помянутой же слюз выше сего окончав тою зимою, также бешлоты, и репортовал в Сенат, но за все оное не слыхал ни худова, ни хорошева. У господина Деденева положено было по прожекту сумма употребить на постройку триста семдесят пять тысяч рублей, от Вышняго Волочка рекою Шлиною и озером некоторые острова перерыть и зделать прямым ходом дватцать тысяч рублей, итого всей суммы триста девяноста пять тысяч, я ж зделал шлюз и з бешлотами не более суммою как в пятнатцать тысяч пятьсот рублей. Вот из сего я предподал притчину господину Деденеву гневатца за то, что я зделал государю прибыток. А сам Государь вечно достойной памяти Петр Велики(й) узаконил, буде кто учинит приращение и прибыток казенному интересу, тому жалует третию часть в награждение. К тому ж которые он, господин Деденев, уничтожил пристани, кроме Боровицких порогов, а положил то: ис вышневолоцких ямщиков, чтоб оне гоняли мимо всех этих пристаней, но я, упорствуя, уничтожил ево распоряжение для тово, что вышневолоцкие лоцмана не могут в тех порогах чистку делать, как и выше упомянуто, в крутых оборотах и наносных каменьях. Естли бы по пристаням, то есть по Шкинской и Басутинской, не лоцмана, то никогда б быть не могло свободнаго проходу, и далее еще могли бы пороги засоритца (то время и командира моего разбила параличь и поехал он к теплым водам). В 1770-м году была преогромная и великая вода, и я опасался, дабы такою водою не повредило мой шлюз, тогда я был на Опеченской пристани, однако бог милостив, получил з городка от командира, находящагося при оном построенном шлюзе рапорт, что лед несло чрез кровли тарасов и никакого бедствия не учинило и осталось благополучно. Тогда ж и господин Писарев присылал проведать, не сломало ли мое укрепление (вот мое участие, все старались и желали моего злополучия). По реке же Мсте великое стремление и ужасное было, от чего вырывало от берега преболшое неподвижное каменье и несло, а иные и подошвы вырывало болшими скирдами, однем словом сказать, едва совсем не пресекло ход в верхних и нижних порогах, а особливо в Боровицких в Выпу. Х правой стороне гора несколко от того осыпалась в средине, зделалась яма. Прежде ж у Сердюкова оная яма загружена была преогромными и ужасными каменьями

завалена, на которой весь насыпанный камень вырвало и разметало далече по фарватеру. Некоторые тогда из купечества с барками покушались на свой страх проезжать, но я их

многократно уговаривал и толковал, что из онаго ничего болше последовать не может, как одна гибель их интересу, но не мог уговорить, а притом думал, что не почли бы мне в какое налегательство, дал им волю с подпискою на их желание. И как пускаясь в пороги, их барки толко что доедут до Выпу порога, то барку пополам переломит, в средине ж Выпу от крутаго обороту стремлением в вынесенную яму барки, захватывая бортом воду, заливались. Но как оне увидели гибель сию, тотчас уже принуждены были отдатся на мое произволение. Потом послал шлюзы и бешлоты запереть, с тем, ежели надежно могут держать воду неделю и более, а между тем, собрав всех лоцманов сроцовых и всех работных з барок, учиня разпоряжение, вступил в работу и разпределил по всей реке, а особливо и болше в пороге Гверске, где берег высокой и плитной обрушился, отчего до другова берега засыпало, в Выпу пороге яму загружал. Прежде установил барки, связав одна с одною толстыми смолеными канатами, нагрузил их каменьями и затоплял в те ямы, а сверх насыпал щебнем, в Гверске вытаскивали тож каменье с великою трудностию. И как время было холодное, то от стужи давал рабочим людям порцию вина, а волным людям заработные денги, смотря по трудам, по дватцати пяти и по тритцати копеек на день, и каждой день выдача была в тех самых местах. Тогда смотря на то, многие из деревень в работу приходили, и так поспешно работа произходила, что в шесть дней вся окончалась. Боже мой, отчево бы была такая во мне недоверенность, что в то время, не веря моему репорту прислан был осмотреть господин Дьяков. Потом же послал шлюз отпирать, а Уверской и Березайской отпирать пообождать велел для тово, чтоб не умножить в порогах воду. Вот первая какая в слюзе ползла, ежели бы онаго не было, то б совсем навигация прекратилась, и Санкт-Петербург много бы претерпел нужды. Итак, я, пропустя барки, по прежнему вступил в чистку и совершил все нужные места, а потом в Белях, которой был огромной, великой вал весь истребил и выше валу, откуда начинается порог Бели, как подошва была щедроватая и острая, всю оную подошву збил и зделал глаткою. По течению в плавании ж купцам и в нещастиях всякое вспоможение делал. Остров, которой зделал Сердюков для премизны, то около онова я зделал обруб со укреплением железными ершами, с тем, чтоб чрез три бревна проходило, и по всем порогам делал многие работы з болшим укреплением. Мне ж за всю сию ревность и труды ничево не сказали, но я разсуждал, знать так богу было угодно. Вздумал я доложится Сенату, чтоб дозволил мне быть в Петербург, и как мне дозволили в Петербург быть, приехав, ходил по всем сенаторам и ласково принимали, что ж касалось о важности моих дел, нихто не упомянул, господин Теплов86 токмо доволен был моим приходом и притом сказал: «Знаеш ли, мой братец, все твои дела, что ни делал мертвы, завтре х тебе будет повеска, чтоб явились в Сенат к ответу, а оное взнесено от Деденева, а именно, для чево вы зделали шлюз не по апробованному ево прожекту». На то я донес, что имею ордер от покойнова генерал-порутчика Николая Ерофеевича Муравьева и показывал ему. Он, прочет, отдал обратно. «Я тебе для тово и сказываю, чтоб вы запаслись для ответу», — а притом пример сказывал, что и над ним случилось при Императоре Петре Третием. Вдруг не знаю за что-то взят был он и посажен в крепость. И когда приехал государь, тогда Лев Александрович Нарышкин87 говорил: «Не опасайся, сват, вить французы болтуны и пустые люди». Из чево я понял и стал французов бранить, как оне ветрены и скоропостижны, чево и не знают то говорят. И я де знал, что и государь тут, он же французов не любит, то сколко можно бранил. Тогда государь сказал: «Полно, полно, сват, ступай со мною». И для тово я тебе сказываю, чтоб вы припаслись. И за оное ево чистосердечие благодарил я много, и ныне прошу бога, чтоб даровал ему вечное блаженство. От нево пошел я к покойнику Василью Евдокимовичу Ададурову88, политик принял меня с приятностию особливою, как он и свой. Господин же Адодуров потому нам свой, имел в замужестве племянницу нашу, а брата Дмитрия Григорьевича дочь89. И стал обуватся, и один чулок надел, а я начел говорить о Деденеве, то он испужался и уши заткнув говорил: «Пожалуйте, я не знаю ничево». И я, как увидя ево тревогу, стал откланиватся, а как он политик, надобно проводить, вступил в туфли, одна нога боса, а другая в чулке, но я ево удерживал, а он болше старался себя оказать учтивым и проводя даже до кареты, смешон он был на этот час. Тот день зделана мне была повеска, что б явится в Сенате. Как же я явился в Сенате, тотчас отворя двери, дали мне стул и я сел, а обер-прокурор господин Зиновьев начал по пунктам спрашивать у меня, для чево я начал слюз строить

не по апробованному прожекту Ея Императорскаго Величества, поданному господином Деденевым (и на то время пришел князь Александр Алексеевич), а я подал ордер и сказал, что я

не знаю ево прожекту, и мало дал говорить мой милостивец князь Александр Алексеевич, вступился и вместо меня ответствовал, что это место полезное и о других мелкостях спрашивал меня, которое за нужное и писать здесь не нахожу. Для тово, что я наблюдал интерес, а оне меня о том спрашивали, итак я с победою остался и все сенаторы тем доволны были, а особливо обер-секретарь почти плясал (песня ево: «Баба скачет задом и передом, а дело идет своим чередом»). И так злоба господина Деденева на меня весьма умножилась, не оставалось ему более ничего делать, то начал подкомандующих моих афицеров к себе превращать. Оне ж, как люди, увидя сенатора своим обещанием осыпает, может что налгать и посыкнулись, а особливо болшою частию господин Аничков часто к нему ходил, но ево яд ничево моей чести поношения не зделал, разве чрез ково удержал (говаривал тогда я: «Господи, ты даровал мне свой крест и подкрепление, им терплю, но меня ради да не наказаны будут»). Но со всем тем желаемаго себе ничего не получил, чтоб быть водяной камуникации под ведомством ево, а отдана напоследок в смотрение господину губернатору Сиверсу90. У нас с ним весма согласно было до вступления ево, давал ему все прожекты, а притом и толковал, а прямо сказать почти учил, как с великим стремлением вод поступать, и так казалось была дружба. Но ненавистник, враг покою моему, вселился в дом к господину Клеопину. Жена у нево очень приласкалась к господину Сиверсу, Клеопину ж хотелось заступить мое место, и стали происки свои чинить, наговаривали ему, Сиверсу, а притом, взяв в помощ себе купца Швыря Колобова (и везде разглашали, будто бы у меня нажито пятдесят тысяч рублей, чему поверя и многие, что действително такая сумма у меня есть денег, а не знав тово, что ежели б ныне не пенсия Ея Императорскаго Величества, то б мне претерпевать великую нужду). Чрез таковое разглашение и судебные места, думая, что я богат, зачали меня притеснять и делали в делах великую проволочку и напоследок разорять покушаются. И научил ево, чтоб он просил в откуп транспортные суда, то есть полубарки и лодки. Завел господин Сиверс коммиссию, допрашивал всю команду и салдат, но остался с тем, ничего не сыскал. А ето было с тем, чтоб лутче ево уверить, что есть кражи от афицеров определенных, а притом насказали, что збирают для экономи. Поехал он, господин Сиверс к Балку, и я с ним, приказал мне снять озеро с примечанием и мерою глубины (и я увидел, что никакой ползы не будет, однако снял и отдал без мнения, а он положил быть слюзам на Сухом кряжу и думал начатым ево каналом пойдет вода в реку Увер, где и шлюз, но вместо тово от всех ево работ ползы и поныне ничего не видно, кроме ущербу казне, и оной доныне еще не отстроен). А в подряд же допущен Клеопин на смешном договоре, ему ставит работников и он будет при смотрении, а пошто станет, несведомо. Знать хотел господин Сиверс Клеопина покормить и чтоб оплатить ево долги, начал сыскивать случай. Между тем прислал 1-й № Балк свой прожект о своем озере, что ежели из нево пущена будет вода, то чрез короткое время умножить воду в Уверь, а Уверь лежит во Мсту (озеро оное как котел, в нево ниоткуда впадших рек нет и прикопится воде неотчево). Я уже от того отъехал и приехал в Новгород в самое то время, когда открытие было наместничества в (1)776-м году. Тогда был выбор из дворян, в том числе и я как того наместничества в числе дворянства, то чрез сих злобных и коварных механиков в выбор положили мне пятнатцать шаров, правда, досадно мне было, однако разсудил, что есть товарищ мне знатная особа, но господин Сиверс ту обиду ни во что вменил, но еще и согласен. К тому и господин Козляинов присовокуплен был, которой мне свой, внучетная сестра за ним. Я не узнав ево коварство, а он ко мне приласкался, и уверял себя, что он такова свойства, любит правду и всегда старается помогать ближнему своему и так обожил свою душу, и я тогда разсудил, что нет подобнаго ему, но он видя простоту мою, скоро узнал мою страсть, начал говорить о моем заводе пилном, толко де жаль, что мало воды здесь есть, место весма хорошо, не изволиш ли посмотреть. И я, послушав ево, поехал, увидел для постройки весма способное, согласился я с ним, и зделали между собою запись на постройку того завода положить три части суммы, каковая на то все выходить будет, а ему четвертая часть, и потом, когда уже действително оный совершен будет и начнется продажа тесу, то мне все свои денги получать наперед и брать, и когда свои денги положенныя я получу, тогда и ему Козляинову — после уже свою четвертую часть, а напоследок барыш делить пополам. Но он продал за две тысячи рублей тесу и мне в уплату ничево невозвратя, прислал ко мне просить денег на задатки для подряду лесу. Тогда я увидел

вложенную плутовства душу, старался как бы от него отстать, призвав к себе на совесть честных людей, изъясняя им все наши обязателства и что он тово обязателства не держатца, а и по

продаже тесу за мои издержки денег не отдал, но еще и от меня требует, просил их, советуя, как бы я мог издержанныя денги с нево получить, а завод бы перед ним оставить, да и он, Козляинов сыскал такова ж простака, которой от нево купить тот завод пожелал, и как я издержанные мои денги положился уже от него получить в шесть лет и без процентов, с тем, толко бы меня бог избавил от ево, то он нимало не мешкав, продал купцу Иванову за двенатцать тысяч рублей с условием таковым, как он получит денги, тож самое время отдать, в том он солгал. В этом, моя простота, отдался в обман плутам. Об нем может сказать натариус Волков, как он векселя сочинял. И тово не зделал. Так оставил все, поехал в Петербург, приехав, отдал сына своего к професору Эльлеру91 для обучения языков и математики, где он учился один с половиною год. Между ж тем и опять поехал в Новгород, при приезде ж послал просить денги у него, уступая уже пятьсот рублей, на ето ответствовал, что неповинен денги отдавать прежде сроку, а как сроки придут, тогда и отдать должен, причем великие с поношением слова говорил. То было в (1)777-м году, и того ж году марта 17 числа приключилась мне параличная болезнь и отчаян был в жизни. Будучи ж во оной болезни, захотелось мне видеть сына, как же мало зделалось лехче, то поехал в Петербург. По приезде увидев ево, обрадовался, плакал со слезами, и несколко пробыв, увидел невеликой успех в ево продолжаемых науках. Тогда посылал к Сиверсу племянника своево и с сыном просить92, чтоб он меня защитил от всех обид: не доволно, что Козляинов, но и Яковлев93 еще писал ко мне с великим поношением, но как изволил обещать взять сына моего в опекунство, то и надобно, чтоб интерес оставшей от меня сыну моему со мною не погребен бы был. На сие он в ответ сказал: «Донесите де Матвею Артемоновичу, что может и я прежде умру». Это и правда, что он худ был в то время, ево жена от нево отошла проч. Тогда я, пришед в память, благодарил бога, а притом думал, что мне делать и кому поручу сына своего. Но Бог промысленник, пришло вдруг мне в память о добродетели блаженной и вечнодостойной памяти о Алене Александровне Нарышкиной, которая от Бога великою ограничена добродетелию. И тож надеясь, что и сын ее не отречется з бедным сиротою милость показать, призвав Бога в помощь, написал писмо. Послал с сыном к ея высокопревосходителству Марине Осиповне94. На то ответ скоро последовал, с тем, что де мы с радостию желаем на себя это принять, толко чтоб я подал к Ея Императорскому Величеству писмо просителное, дабы имянным указом им поручен был, почему я, нимало не мешкав, на другой день написал и послал. Марина Осиповна подала Ея Императорскому Величеству, на которое Указ тово ж году последовал октября дня*. Весма тем был доволен, благодарил Бога. Немного ж побыв, я, препоруча сына, присоветовал мне доктор ехать в деревню и сын мой провожал до места моево обитания. Продержав же я до июля м(есяц)а, отпустил ево к ево покровителям, а я сентября 14-го числа поехал в Новгород и стал по дозволению Его преосвященства, а особливо для тово, что не было у меня домовой церкви, и пристал в доме архиерейском, мое увеселение было в Новегороде прибежище молитвы к Богу и к святым угодникам. Но правитель дому Его преосвященства, не таков, как был в Киеве переяславской схимонах, которой одолжил мне пятьсот рублей, а сей весма привлечен охотою к чужбинке, и благодарю Бога, что оттуда скоро выехал. Доколе я был в Новегороде, ездил по монастырям и был в Сковороцком монастыре. Охота или страсть моя побудила меня показать высокоумие мое, положение места, которое лежит против озера и Волхова, и напротив Юрьев и многие монастыри и от того Сковороцкаго манастыря положил на румбы примерным разстоянием, и зделал скобою дам, чтоб во время вешнее вода не заходила в монастырь. Тут же нашол, что лехко можно зделать ход барочной, оной план послан к брату Никите Артемоновичу и с сметою, в котором обо всем изъяснено. Будучи ж я в той болезни и слаб, немало препровождая время в деревне, и как церковь погостная села Рышева от жилища моего состоит разстоянием в трех верстах, в кою ездить по должности христианской в разсуждении слабаго здоровья неспособно было, имев же к Богу великое усердие, просил наивсегда строителя Савовишерскаго монастыря отца Варлаама, чтоб ко мне для исповедывания приезжал. Он, приехав, исповедал меня, потом ездил в тот погост для приобщения святых таин, напоследок он, отец Варлаам, советовал мне, чтоб я просил его преосвященство о домовой церкви, и это, де вам по болезне вашей покойнее будет. Я, его благой совет приняв, с великим удоволствием нимало не медля, писал в Петербург к брату Никите Артемоновичу, дабы он

таковое сокровище изпрашивал у Его преосвященства и я по власти божией награжден тем от его преосвященства, и теперь домовую церковь имею, вот мое увеселение.

Сим все мое продолжение жизни, службы Ея Императорскому Величеству и предкам, о чем обстоятелно значит выше. Теперь продолжать прекращаю, окончав же сие совершенно, всякаго о себе уверяю, чтоб каковую либо должен был я получить милость монаршую за оказанную в службе ревность, и будучи возносительным, не почитая никого себе сверстника, заключал, что сам собою в себе оное мог приобрести, но по таковому высокомерию все потерял и ничего не получил, сие не иное что, как божие предопределение. Как ныне уже господь бог меня смирил болезнию и многими в делах притеснениями с раззорением, но со всем тем, благодарю Бога за его благость. И все оное подкрепит и далее мою жизнь терпеливо нести должен, яко же и святый Златоуст на бытия часть первую в поучениях лист 248-й рек, како должно терпеливо сносити наносимые напасти. Матфей. Аминь. Муравьев.

Примечания

Рукопись хранится в РГАДА (Ф. 188. Оп. 1. Д. 430. Л. 1—79). Текст печатается с сохранением языковых и стилистических особенностей XVIII в. с заменой вышедших из употребления букв и буквосочетаний на современные. В конце рукописи — подпись-автограф М. А. Муравьева.

1 Муравьев Артамон Захарьевич (?—1745) — ландрат, полковник, служил в Кронштадтском, а затем в Санкт-Петербургском гарнизонных полках.

2 Муравьев Федор Артамонович (1710 — не ранее лета 1764) — полковник, служил в Кронштадтском гарнизонном полку. Был женат на Евдокии Михайловне (девичья фамилия не установлена).

3 Муравьев Аврам Филиппович (?—1736) — сын Филиппа Захарьевича. Убит во время русско-турецкой войны (1736—1739).

4 В 1728 г. автору было 17 лет, а его брату 18. Записаны в службу они были в 1723 г.

5 Люберас (Любрас) Иоган Людвиг (?—1752) — барон, генерал-аншеф, инженер-строитель. Шотландец по происхождению, в начале XVIII в. проживал с отцом в Шведской Лифляндии, после занятия ее русскими войсками перешел на русскую службу. Занимался строительством укреплений в Кронштадте, Нарве, был вице-президентом Берг-коллегии (1720—1722), руководил комиссией по описанию и составлению карты Финского залива. Представитель России на Абовском мирном конгрессе (1742—1743), полномочный министр России в Швеции (1744—1745). Руководил окончанием постройки Кронштадтского дока, начатой при Петре I, за которую пожалован орденом Св. Андрея Первозванного.

6 Миних Христофор Антонович (Бурхард Кристов, 1683—1767) — военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1730), граф (1728). Родился в Ольденбурге, в семье военного инженера. С 1700 г. служил инженером во Франции, в гессен-дармштадской, гессен-кассельской и польско-саксонской армиях. В 1721 г. перешел на русскую службу на должность генерал-инженера. Руководил строительством шлюза на реке Тосана, Обводного и Ладожского каналов. С 1728 г. — генерал-губернатор Ингерманландии, Карелии и Финляндии. С 1730 г. — президент Военной коллегии. Во время русско-турецкой войны (1735—1739) командовал русскими войсками в Крыму и Бессарабии.

7 Бредихин Александр Федорович. В 1686 г. упоминается стольником, а в 1705 г. — офицер Преображенского полка. В 1723 г. он, имея чин капитана, был назначен в состав «вышнего суда» для разбора дела вице-канцлера барона Шафирова с обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым. В 1729 г. Бредихин был смоленским вице-губернатором. В 1739 г. был новгородским, а в 1743 — смоленским губернатором.

8 Муравьева Анастасия Захарьевна. Сообщается, что она была девицею. Это противоречит сведениям, приводимым С. Н. Муравьевым (Муравьевы. 1488—1988. Краткая родословная роспись. М., 1989. Машинопись), где указано, что ее мужем после 1712 г. был Богдан Артемьевич Челищев.

9 Долгоруков Василий Владимирович (1667—1746) — князь, генерал-фельдмаршал. Начал службу стольником при Иоанне V и Петре I, затем перешел в Преображенский полк, был ранен при взятии Митавского замка. В 1706 г. находился при гетмане Мазепе, в 1708 г. в чине майора гвардии был послан на Дон для усмирения Булавинского восстания, произведен в подполковники, в Полтавской битве командовал запасной кавалерией, награжден чином генерал-поручика и многими деревнями. После Прутского похода получил орден Св. Андрея Первозванного. Впоследствии примкнул к числу сторонников царевича Алексея, был арестован, лишен чинов и сослан в Соликамск. Лишь незадолго до своей кончины Петр I разрешил ему вступить в службу в чине бригадира. Екатерина I вернула Долгорукову все чины, произвела в генерал-аншефы и в 1726 г. назначила на Кавказ «с широкими полномочиями». В день коронации Петра II он был пожалован в генерал-фельдмаршалы, подполковники лейб-гвардии Преображенского полка и назначен членом Верховного тайного совета. В декабре 1731 г. по доносу принца Людовика Гессен-Гамбургского арестован, лишен чинов и знаков отличия и сослан в крепость Иван-город (Шлиссельбург), где пробыл 8 лет, затем заключен в Соловецкий монастырь. В декабре 1741 г. императрица Елизавета восстановила его в чинах и назначила президентом Военной коллегии.

10 Муравьев Прохор Воинович (1704/5 — не позднее 1768) — сын Воина Захарьевича Муравьева.

11 Фермор Виллим Виллимович (1702/4—1771) — военный деятель, генерал-аншеф (1755), граф, сенатор. Родился и умер в России, отец его был выходцем из Шотландии. Фермор участвовал в войнах с Польшей (1735), Турцией (1735—1739), Швецией (1741—1743). Во время Семилетней войны командовал осадным корпусом при взятии Мемеля и Тильзита. В сражении при Гросс-Егерсдорфе комадовал дивизией. С октября 1757 по май 1759 г. был главнокомандующим русской армии.

12 Левашов Василий Яковлевич (1667—1751) — военный и государственный деятель. Поступив на военную службу солдатом, в 1696 г. принимал участие в усмирении стрелецких бунтов и в Азовском походе. В 1700 г. был назначен поручиком во вновь сформированные регулярные войска. Участвовал в делах под Нарвой, Шлиссельбургом, Ригой, Полтавой, затем был оставлен адмиралом Апраксиным в Швеции с особым отрядом и флотилией для уничтожения коммерческих судов неприятеля. Не раз выполнял особые поручения государя. В чине бригадира Левашов участвовал в Персидском походе, и затем был оставлен начальником в присоединенной от Персии области. В 1727 г. получил чин генерал-поручика, орден Св. Александра Невского и 750 душ крестьян. Он управлял присоединенными от Персии областями до 1734 г. После заключения мира вернулся в Россию. Был под Азовом под началом Миниха. В 1741 г. вновь отправлен к персидским границам с особыми полномочиями и сумел предотвратить внесение в наши пределы свирепствовавшей в Персии моровой язвы, за что был пожалован орденом Св. Андрея Первозванного. В войне со Швецией Левашов командовал сначала галерным флотом, а затем сухопутной дивизией. В 1749 г. назначен первенствующим в сенатской конторе в Москве.

13 Ласси Петр Петрович (1678—1757) — генерал-фельдмаршал. В 1700 г. поступил на русскую службу (до этого во французской и австрийской армиях) и под началом герцога де Кроа участвовал в бою под Нарвой и далее во всех крупных сражениях. В 1706 г. именным указом Петра I назначен подполковником в новонабранный полк Куликова. Активно участвовал в военных действиях, в том числе и в Полтавском сражении, несколько раз был тяжело ранен. В 1719 г. участвовал в экспедиции к берегам Швеции — высадился с отрядом недалеко от Стокгольма. Трофеи, вывезенные оттуда, оценивались в 1 млн. таллеров, а общий урон Швеции — в 12 млн. В 1720 г. Ласси — генерал-поручик. Успешно действовал в Польше в поддержку Августа II, обладая исключительным талантом дипломата и являясь прекрасным военачальником

Августа III, обладая недюжинным талантом дипломата и являясь прекрасным военачальником. Произведенный в генерал-фельдмаршалы, Ласси участвовал в турецкой войне (1736—1739). В 1740 г. за ним утвержден графский титул, пожалованный ему императором Карлом VI. В шведскую войну (1741—1743) был главнокомандующим русской армии. По собственным его словам, он «находился везде на воинских потребах, именно: в 31 кампании, на генеральных 3-х баталиях, в 15 акциях и 18 осадах при взятии крепостей, где немало и ранен».

14 Речь может идти о Ливене Матвее Эбергардтовиче (1698—1762), генерал-лейтенанте при армии или Ливене Юрии Григорьевиче (Георг Рейнгольдт) (1696—1763), генерал-аншеф.

15 В семье Муравьева Воина Захарьевича (1665—1710) и Марфы Васильевны Култашевой было десять детей, из которых — девять сыновей. Многие служили во флоте. Наиболее известный из них Муравьев Степан Воинович (1707/8—1768?) — лейтенант флота, участник Великой Северной экспедиции, исследователь юго-западной части Карского моря. В 1734 г. в чине лейтенанта назначен начальником западного (обского) отряда Великой Северной экспедиции по съемке северного берега России от устья Печоры до устья Оби. Летом 1734 г. вышел из устья Северной Двины на двух кочах «Экспедицион» и «Обь» («Обью» командовал его помощник М. Павлов), прошел из Белого и Баренцева морей через Югорский Шар в Карское море к Шарановым Кошкам (острова у западного берега полуострова Ямал), а затем вдоль берега Ямала, пытаясь обогнуть его с севера, но достиг только 72°04? с. ш. В результате экспедиция произвела съемки обоих берегов Югорского Шара, части Бойдарацкой губы Карского моря и западного побережья полуострова Ямал. По жалобам местных жителей и подчиненных был отстранен от командования (заменен С. Г. Малыгиным) и в 1737 г. разжалован в матросы. В 1740 г. ему был возвращен чин лейтенанта и он вышел в отставку.

16 Ельчанинов (Елчанинов) Яков Васильевич (?—1781) — военный инженер, генерал-поручик. Участник русско-шведской войны (1741—1743) в чине поручика, занимался топографией Финляндии, составлял маршрутные карты для русских войск. Во время Семилетней войны принимал участие во всех крупных сражениях, пожалован чином бригадира. Впоследствии обер-комендант Киева.

17 В «Краткой родословной росписи Муравьевых. 1488—1988 гг.» упоминаются пятеро детей Федора Артамоновича и Евдокии Михайловны: Николай — артиллерии поручик; Александр (?—1789) — действительный статский советник, Санкт-Петербургский полицеймейстер, был убит крестьянами; Анна (?—1811), была замужем за И. П. Вульфом; Любовь; Анастасия (?—1830) в монашестве Александра.

18 Румянцев Александр Иванович (1680—1749) — военный деятель и дипломат. С 1703 по 1712 г. находился на военной службе. В 1712 г. был направлен к турецкому султану для ратификации Прутского мирного договора. В 1717 г. участвовал в переговорах с императором Карлом VI, а затем с царевичем Алексеем о возвращении его в Россию из Неаполя. Был пожалован генерал-адъютантом. В августе 1720 г. по поручению Петра I ездил в Швецию с поздравлениями по случаю вступления на престол Короля Фридриха I Гессенского и убедил его в мирных намерениях России. Летом 1724 г. был в Константинополе для ратификации русско-турецкого договора о границах между Россией, Турцией и Персией. В 1730 г. в результате конфликта с Бироном был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой, из которой вернулся в 1735 г. В 1737 г. принимал участие в русско-турецкой войне, с 1740 г. — посол в Константинополе. В 1742 г. — уполномоченный для ведения мирных переговоров со Швецией, подписал Абовский мирный договор. В 1744 г. возвратился в Санкт-Петербург и больше дипломатической деятельностью не занимался.

19 Апраксин Федор Матвеевич (1661—1728) — выдающийся флотоводец, генерал-адмирал Российского флота, один из ближайших сподвижников Петра I. С 1700 г. возглавлял Адмиралтейский приказ, с 1717 г. — президент Адмиралтейств-коллегий. В 1709 г. ему был пожалован графский титул. Активно участвовал в создании Балтийского флота, командовал галерным флотом в сражении при Гангуте в 1714 г. В 1712 г. назначен начальником Эстляндии

галерным флотом в сражении при Гангуте в 1714 г. В 1721 г. назначен начальником Эстляндии, Ингерманландии и Карелии. За растраты присужден к конфискации имений, но Петр I за прежние заслуги пожаловал ему новые. Был участником суда над царевичем Алексеем. В 1722 г. во время Персидского похода командовал флотилией. С 1726 г. — член Верховного тайного совета.

20 Хрущов Михаил Семенович (1697—1756?) — генерал-поручик, участник русско-шведской войны (1741—1743), командующий Российским галерным флотом. С 3 марта 1740 г. — сенатор.

21 Кейт Джеймс (Яков) (1696—1758) — генерал-аншеф, впоследствии фельдмаршал прусский. Брат лорда Георга Кейта, маршала Шотландии, принял вместе с ним участие в Якобитском восстании. После поражения братья бежали во Францию. Здесь с ними познакомился Петр I и пригласил на русскую службу. Но Джеймс Кейт отказался, т. к. не хотел сражаться против Карла XII, к которому испытывал большое уважение. Кейт поступил на службу в Испании. В 1722—1725 гг. жил во Франции и занимался науками. По возвращении в Испанию получил чин полковника, но как протестант не мог командовать полком. Герцог де Лирия, хорошо знавший Кейта, находясь при русском дворе, выхлопотал в 1728 г. для него место с чином генерал-майора. В России Кейт быстро продвигался по службе, отчасти благодаря покровительству шотландца Ласси — якобита. В 1730 г. Анна Иоановна, учредив лейб-гвардии Измайловский полк, назначила Кейта полковником в нем. В 1734 г. он успешно действовал в Польше против сторонников Станислава Лещинского. Под командованием Миниха участвовал в Турецкой кампании, при штурме Очакова был серьезно ранен (несмотря на лечение за границей, остался хромым). В 1741 г. вызван главнокомандующим Ласси из Малороссии (где был гетманом) для участия в войне со Швецией. После подписания мирного договора Кейт был назначен начальником корпуса войск, отправленного русским правительством в Стокгольм для помощи шведам против Дании. Здесь он пробыл два года, заведуя еще и дипломатическими отношениями. Дальнейшая служба при русском дворе стала для Кейта невозможной в связи с противодействием С. Ф. Апраксина и А. П. Бестужева-Рюмина, имевших большое влияние на Елизавету Петровну. В 1747 г. он ушел в отставку и уехал из России. В Копенгагене он поступил на службу к Фридриху II. В 1749 г. Берлинская академия избрала его своим почетным членом. Дж. Кейт и его старший брат принадлежали к числу близких друзей короля Фридриха Великого. Убит в сражении при Гохкирхине.

22 Лопухин Василий Абрамович (1711—1757) — генерал-аншеф, племянник царицы Евдокии Федоровны. Образование получил в первом кадетском корпусе, откуда был выпущен прапорщиком. В царствование Анны Иоановны

сражался с турками под командованием Миниха. При Елизавете Петровне, в чине генерал-майора, отличился во многих сражениях против шведов под командованием Ласси. Чуждый придворных интриг, Лопухин не принимал никакого участия в заговоре своих родственников, поэтому императрица сохранила к нему расположение — в 1751 г. пожаловала его генерал-поручиком, наградила орденом Св. Александра Невского. Вскоре он получил чин генерал-аншефа. В Семилетнюю войну Лопухин находился в армии С. Ф. Апраксина и, командуя левым крылом в битве при Гросс-Егерсдорфе, был ранен и скончался 19 августа 1757 г. Через семь лет тело его было перевезено в Россию и предано земле в московском Андронниковом монастыре.

23 Головин Николай Федорович (1695—1745) — адмирал, президент Адмиралтейств-коллегий, главнокомандующий флотом в русско-шведской войне (1741—1743).

24 Толбухин Артемий Ильич (?—1750) — один из первых русских моряков, учившийся морскому делу в Венеции. Был прокурором Адмиралтейств-коллегии.

25 Барш Яков Савич (? — ноябрь 1755) — вице-адмирал. Специальное образование получил за границей в качестве волонтера и по возвращении в Россию в 1713 г. был пожалован в поручики. Затем командовал судами на Балтике и пользовался особым доверием Петра I и его преемников. В 1720 г., командуя фрегатом «Сампсон», Барш послан был в крейсерство к Ревелю для

В 1720 г., командуя фрегатом «Самсон», Барш послан был в крейсерство к Ревелю для наблюдения за движением англо-шведского флота, доставил письмо от ревельского обер-коменданта к английскому адмиралу Норису. В 1723 г. был командирован в Архангельск для «исправления нужнейших государству дел». В 1732 г. состоял в портовой комиссии при Петербургском адмиралтействе для приведения в порядок материального имущества, принимал участие в составлении судовых штатов и обсуждении положения о чинах морских офицеров. В 1734 г. в чине капитана I ранга, командуя кораблем «Леферм», участвовал в осаде Данцига. С 1739 по 1741 г. в чине контрадмирала командовал Днепровской флотилией, в 1741—1751 гг. — «практическими эскадрами» в Балтийском море, а затем и всем Балтийским флотом. В 1747 г. Барш был произведен в вице-адмиралы с назначением присутствовать в Адмиралтейств-коллегии. М. А. Муравьев ошибочно назвал Барша вице-адмиралом (во время русско-шведской войны он был в чине контрадмирала).

26 Абовский мирный договор 1743 г. Переговоры о мире начались в Або (Финляндия) 7 февраля 1743 г. Россию представляли: управлявший Финляндией и командовавший в связи с отъездом Ласси в Петербург войсками в Финляндии генерал А. И. Румянцев и генерал-аншеф И. Л. Люберас. Со стороны шведов были: государственный советник барон Г. Цедеркрейц и бывший посланник Швеции в Петербурге Э. М. фон Нолькен. Мирный договор включал в себя пункты: 1. О мире и дружбе и немедленном прекращении военных действий. 2. О возможно скорейшем избрании и объявлении принца Адольфа Фридриха (Любекский епископ, дядя Петра Федоровича) наследником шведским и об отказе Великого Князя Петра Федоровича от всяких претензий на шведский престол. 3. О присоединении к России Кюменегорской провинции и Нейшлотского округа (позволяло перенести границу России на р. Кюмень; при этом Россия отказалась от Нюландской и Тавастгутской провинции). 4. О составлении мирного трактата вслед за утверждением «уверительного акта». Окончательное подписание трактата состоялось 7 августа, а обмен ратификациями — 27. Трактат состоял из 21 пункта, где повторялись условия Ништадтского мирного договора 1721 г. с соответствующими изменениями. Отвозивший текст мирного договора в Санкт-Петербург П. А. Румянцев был пожалован Имп. Елизаветой чином полковника.

27 Румянцев Петр Александрович (1725—1796) — выдающийся полководец, государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Родился в Москве в семье одного из ближайших сподвижников Петра I — А. И. Румянцева. В пять лет был записан в гвардию, 15-лет в чине подпоручика участвовал в войне со Швецией. В 1743 г. в чине полковника Румянцев был назначен командиром Воронежского пехотного полка. Участвовал в Семилетней войне 1756—1763 гг. — командовал бригадой, затем дивизией и корпусом. С воцарением Екатерины II в чине генерал-аншефа и генерала от инфантерии был освобожден от командования войсками. В 1764 г. назначен президентом Малороссийской коллегии и генерал-губернатором Малороссии. Занимая эту должность до 90-х гг., Румянцев провел на Украине перепись населения для изучения экономики страны и увеличения налоговых сборов. Провел много других преобразований, направленных фактически на ликвидацию остатков автономного устройства Украины — территория была разделена на губернии (1782), установлена подушная подать (1783), распространено на Украину действие Жалованной Грамоты дворянству. В это же время Румянцев реорганизовал оборону южных границ, улучшил расквартирование войск, их обучение и снабжение. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. был назначен командующим 2-й армией, а затем и 1-й, действовавшей против главных сил турок. Русские войска под его командованием действовали весьма успешно и вынудили Турцию заключить в 1774 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор. За одержанные победы Румянцев был награжден чином генерал-фельдмаршала и титулом графа с почетным наименованием «Задунайский». С началом русско-турецкой войны (1787—1791) Румянцев вступил в командование украинской армией, но вследствие неприязни к нему Екатерины II, а также интриг со стороны Г. А. Потемкина, Румянцев был отозван в 1789 г. в Петербург. В 1794 г. Румянцев был главнокомандующим русскими войсками, действовавшими в Польше.

28 Бибиков Илья Александрович (1698—1784). Получил домашнее образование, начал службу в

1715 г. в инженерном корпусе под началом генерал-фельдцейхмейстера графа Я. В. Брюса. В 1741 г. имел чин полковника, в 1749 г. пожалован в генерал-майоры. Считался лучшим

инженером своего времени, был неоднократно командирован для укрепления Украинской линии — городов-крепостей Таганрога, Кизляра, Моздока, Бахмута. Во время Семилетней войны отличился в сражении при Кунерсдорфе и при взятии Кольберга. В начале царствования Екатерины II назначен начальником Тульского оружейного завода с производством в чин генерал-поручика. С 1764 г. в отставке по болезни.

29 Скорняков-Писарев Г. Г. — известный гидростроитель, был определен Петром I к строительству Ладожского канала; автор книги «Наука статическая или механическая» (Спб., 1722). Будучи обер-прокурором Сената и главой Морской академии, был послан в июле 1722 г. для осмотра Вышневолоцких каналов и шлюзов, о состоянии которых дал отрицательное заключение.

30 Мордвинов Семен Иванович (1701—1777) — военно-морской деятель, с 1764 г. — адмирал. Окончил Морскую академию, а с 1717 по 1722 г. проходил морскую практику во Франции. С 1723 г. служил на Балтийском флоте. В 1731—1734 гг. был командиром Астраханского порта, с 1740 г. — вновь на Балтийском флоте. В 1756—1761 гг. командовал эскадрой, действовавшей против Пруссии во время Семилетней войны. С 1762 г. — член Адмиралтейств-коллегии и комиссии по улучшению состояния флота, а с 1763 г. — ее председатель. Известен как крупный теоретик военно-морского дела и изобретатель ряда навигационных приборов.

31 Малыгин Степан Григорьевич (?—1764) — известный моряк и ученый. В 1712 г. был учеником арифметических классов у профессора Форвардсона. В 1731 г. представил в Академию наук свою книгу «Сокращенная навигация по Картие де Редюкцион», после одобрения которой как первого на русском языке и довольно обстоятельного руководства по навигации был приглашен преподавать математику в штурманской роте. Будучи начальником роты в 1743—1750 гг. добился у Адмиралтейств-коллегии фрегата для практического обучения учеников. В 1736—1737 гг. Малыгин описывал берег Ледовитого океана. Во время русско-шведской войны в 1742—1743 гг. командовал 54-пушечным кораблем, после войны был командиром Кронштадтского, а затем Рижского портов. Умер в чине капитана-командора, будучи начальником Казанской адмиралтейской конторы.

32 Нагаев Алексей Иванович (1704—1780) — адмирал, известный гидрограф и составитель морских карт. В 1715 г. вступил в Морскую академию, по окончании которой произведен в мичманы, в 1723 г. назначен обучать гардемаринов. В 1730—1735 гг. производил опись Каспийского моря, строя попутно плоскодонные суда по поручению генерал-аншефа Левашева. В 1739 г. отправлен с пятью полками для описания берегов Финского залива. В 1740 г. произведен в капитаны I ранга и назначен командиром фрегата «Кавалер». В зиму 1742 г. в Архангельске обучал гардемаринов, летом плавал по Ледовитому океану. В 1743 г. возвратился в Кронштадт, в тумане наскочил на риф острова Анаута. Следствием был оправдан. Назначен советником академической экспедиции; составлял карты Берингова моря. По журналам экспедиции Беринга в 1746 г. ему было поручено пересмотреть, исправить и дополнить карты Финского залива, этим он занимался шесть лет, составив атлас. С 1752 г. занимался преобразованием Морской академии в Морской шляхетский корпус и до 1760 г. исполнял обязанности директора. Плавал с Ревельской эскадрой, составил инструкцию для описания Ладожского озера и вместе с графом Чернышовым разработал план экспедиции через Северный полюс к Берингову проливу. В 1764 г. произведен в вице-адмиралы и назначен главным командиром Кронштадтского порта. Член комиссии по составлению проекта Нового Уложения. Описывал р. Москву и составил карту р. Оки. Будучи адмиралом, управлял в 1773—1775 гг. Адмиралтейской коллегией, после чего вышел в отставку.

33 Деденев Михаил Алексеевич (1720—1786) — действительный статский советник. Воспитывался в Сухопутном шляхетском корпусе, где незадолго до окончания курса, как

выдающийся по способностям ученик был назначен 13 мая 1740 г. помощником преподавателя в фортификационном классе. В 1741 г., окончив курс наук, с чином подпоручика Деденев поступил на службу в инженерное ведомство. В 1759 г. произведен в генерал-майоры, и ему было «поручено устроение» по собственному проекту Вышневолоцкой системы. Тогда же был прорыт канал, соединивший Каму с Шексной. В 1771 г. Деденев назначен был присутствовать в Правительствующий Сенат, а два года спустя пожалован в действительные тайные советники. В 1757 г. назначен в комиссию под председательством генерал-аншефа Фермора для рассмотрения состояния русских крепостей. В 1758 г. обер-кригс-комиссар Деденев составил проект мостового укрепления Рижской крепости. В этом проекте подробно разработаны все принципы тепольной системы, сделавшейся впоследствии знаменитой в сочинениях французского математика Монталамбера. Вместе с тем, Деденев высказывал в своих проектах другой принцип, приобретший гражданство во французской фортификации лишь через 75 лет.

34 Репнин Василий Аникитич (?—1748) — князь. С юных лет на военной службе, участвовал со своим отцом в сражениях против шведов. В 1717 г. отправлен Петром I волонтером в армию принца Евгения, участвовал во взятии Белграда. Затем находился в Крымских походах, под Очаковом, на Днепре и в Молдавии. В 1740 г. произведен в генерал-лейтенанты, в 1744 г. за разграничение земель в Финляндии и Карелии пожалован в генерал-аншефы. С 1745 г. — генерал-фельдцейхмейстер, генерал-адъютант и шеф Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. В 1748 г. он возглавил вспомогательный корпус (37 тыс. чел.), отправленный императрицей Елизаветой к берегам Рейна на помощь Австрии.

35 Песиков Василий Федорович. Служил в Артиллерийской экспедиции, учитель М. А. Муравьева.

36 Глебов Иван Федорович (1707—1774) — генерал-аншеф, сенатор, потомок древнего дворянского рода, сын генерал-майора, майора лейб-гвардии Преображенского полка, обер-штеф-кригс-комиссара Федора Никитича (?—1716 г.). В 1721 г. по приказу генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса зачислен из недорослей в артиллерию сержантом. В 1741 г. генерал-фельдцейхмейстер принц Гессен-Гомбургский привлек Глебова к участию в комиссии для упорядочения артиллерийского дела, в котором он оказался одним из главнейших деятелей. В 1749 г. произведен в генерал-майоры. В 1751 г. был командирован в Новую Сербию для расселения сербских выходцев и для возведения в тех местах земляного укрепления, названного крепостью св. Елизаветы. В 1755 г. произведен в генерал-лейтенанты, состоял при инженерном корпусе в звании генерал-инженера, а в 1756 г. произведен в генерал-поручики с зачислением в артиллерийский корпус. Во время Семилетней войны находился при действующей армии. За сражение при Цорндорфе награжден орденом Св. Александра Невского. В 1762 г. произведен в генерал-аншефы и назначен Киевским генерал-губернатором. В 1766 г. назначен в Правительствующий Сенат к присутствию в 5-м департаменте. Скончался в 1774 г. и погребен в Старицком Успенском монастыре.

37 Муравьев Никита Артамонович (1721—1799) — сенатор, тайный советник. На протяжении 20 лет служил в Смоленске, Вологде, Архангельске, Оренбурге, Москве, Петербурге. В 1777 г. стал председателем Гражданской палаты Тверского наместничества, впоследствии — тверской вице-губернатор.

38 В. Н. Репнин умер 21 июля 1748 г.

39 Броун Юрий Юрьевич (1698—1792) — граф, генерал-аншеф, один из героев Семилетней войны. Родился в Ирландии. В 1730 г. Броун перешел на русскую службу капитаном. В 1736 г. в чине полковника принял участие в Турецкой войне и был тяжело ранен под Азовом. В 1739 г. послан с особым поручением в австрийскую армию, попал в плен к туркам и выкуплен французским посланником в Турции Вильневом. В плену овладел секретными документами, разоблачив Турцию в подготовке войны с Россией; произведен в генерал-майоры. В 1742 г. командовал войсками, оборонявшими Санкт-Петербург и по заключении мира пожалован в

генерал-поручики. В 1756—1758 гг. Броун участвовал в боях при Ладовице, Праге, Калише, Гросс-Егерсдорфе и Цорндорфе. В последнем, командуя частью правого фланга, получил пять тяжелых ран в голову, что заставило его покинуть строевую службу. Награжден орденом Св. Андрея Первозванного. С 1762 г. в течение 30 лет Рижский генерал-губернатор.

40 Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766). Родился в Москве. На 16-м году жизни отправлен Петром I для обучения в Копенгаген, в 1710 г. — в Берлин. В 19 лет определен дворянином посольства на конгресс в Утрехт под начало Б. И. Куракина, а в 1713 г. с согласия Петра I причислен к Ганноверскому двору камер-юнкером. В 1718 г. назначен обер-камер-юнкером к вдовствующей герцогине Курляндской. В 1720 г. — резидент в Дании. В 1724 г. во время коронации Екатерины I произведен в действительные камергеры. В 1732 г. пожалован Чрезвычайным посланником в Гамбург и Нижний Саксонский округ. Он вывез из Киля из архивов герцога Голштинского духовную императрицы Екатерины I, составленную в пользу потомков Петра I, чрезвычайно важную для Анны Иоанновны. В 1734 г. переведен в Данию, пожалован орденом Св. Александра Невского. В 1736 г. получил чин тайного советника, а в марте 1740 г. — чин действительного тайного советника. Будучи приближенным Бирона, после его ареста заключен в Шлиссельбургскую крепость с лишением должностей. По вступлении на престол Елизаветы Петровны в ноябре 1741 г. пожалован орденом Св. Андрея Первозванного, званием сенатора, должностями Главного директора над всеми почтами и вице-канцлера. В апреле 1742 г. он стал графом России с распространением титула на потомков, а в 1744 г. — государственным канцлером. В 1758 г. в результате неудавшегося заговора во время болезни Елизаветы Петровны был арестован, лишен чинов и знаков отличия и в 1759 г. приговорен к отсечению головы. Казнь заменена ссылкой в деревню. По восшествии на престол Екатерина II возвратила ему все чины и переименовала в генерал-фельдмаршала.

41 Мещерский Федор Васильевич — государственный деятель. Был обер-комендантом Санкт-Петербурга.

42 В 1749 г. Муравьев входил в состав комиссии, назначенной для ревизии работ М. И. Сердюкова на Боровицких порогах. Комиссию возглавлял бригадир Гаврила Андреевич Резанов. Современные исследования позволяют сделать вывод о предвзятости заключения комиссии, в котором утверждалось, будто, спрямляя и улучшая фарватер Мсты, Сердюковы создавали новые пороги, на которые должны натыкаться суда. Другая комиссия, созданная в 1751 г., подтвердила правильность доводов Сердюковых, однако государственное финансирование было прекращено. (См.: Виргинский В. С., Либерман М. Я. Михаил Иванович Сердюков. М., 1979).

43 Сердюков Михаил Иванович (1678—1754/5) — русский гидротехник. Родился в Монголии, в местечке Селинге. В 13-летнем возрасте был захвачен русскими казаками, привезен в Енисейск, где окрещен енисейским купцом И. М. Сердюковым. После его смерти в 1700 г. М. И. Сердюков был взят в дом московского купца М. Г. Евреинова на должность приказчика. Способности Сердюкова обратили на себя внимание Петра I, который повелел записать его в Новгородское купечество. В 1719 г. Сердюков предложил проект улучшения судоходства на Вышневолоцкой водной системе, в основе которого лежала идея соединения рек Шлины и Цны. В 1719—1722 гг. построил в районе Вышнего Волочка комплекс гидротехнических сооружений. В 1736—1738 гг. на реке Цне создал Заводское водохранилище, пропуск вод из которого обеспечивал судоходные глубины по рекам Тверце и Мсте. Разработал способ улучшения судоходства через Боровицкие пороги.

44 Ганнибал Абрам Петрович (1690—1782) — военный инженер, генерал-аншеф. На 8-м году жизни был похищен в Африке и привезен в Константинополь. Куплен русским послом и препровожден к Петру I, который стал его крестным отцом. Камердинер царя. Получил начальное образование, был отправлен в Париж, где окончил инженерный курс. Ганнибал вступил во французскую службу, был ранен в голову во время войны за Испанское наследство. По возвращении в Россию зачислен поручиком в бомбардирскую роту Преображенского полка. В 1727 г. в Сибири строил Селенгинск. В 1729 г. сослан в Томск под стражу. В 1743 г. Елизавета

Петровна назначила его комендантом в Ревель. В 1756 г. пожалован инженер-генералом, впоследствии генерал-аншефом. Ганнибал находился в родстве с Муравьевыми, был женат на Христине Регине фон Шеберх (вторым браком), сестре жены М. А. Муравьева-младшего. (Упоминается в письмах Михаила Никитича Муравьева: «Аннибальша Христина Матвеевна».)

45 Муравьев Матвей Артамонович-младший (1714—1799) — полковник. В 1777 г. — суздальский воевода. После снятия с должности долго судился с назначенным на этот пост кн. В. А. Вяземским, который обвинял его в непорядочном ведении дел. В результате этого судебного процесса оказался в тяжелейшем материальном положении, был вынужден распродать большую часть имущества. Обращался за помощью к братьям. Был женат на Прасковье Матвеевне (?), урожденной фон Шеберх, сестре второй жены А. П. Ганнибала.

46 Речь идет о сыне Павла Кирилловича Пушкина (1668—1737?) и Наталии Воиновны Муравьевой (?—1755), который был женат на дочери А. П. Ганнибала от первого брака.

47 Долгорукий Владимир Сергеевич (1720—1803) — князь, государственный деятель. Его отец, кн. Сергей Петрович, состоял при русском посольстве во Франции, где и началось воспитание кн. Владимира. При Елизавете Петровне отец был переведен в Константинополь, а молодой кн. Владимир, уже служивший в гвардии, назначен состоять при нем. После смерти отца (1761) некоторое время состоял в инженерном ведомстве на малозаметной должности. При восшествии на престол Екатерины II сумел оказать ей важные услуги по подготовке войск к перевороту. В 1762 г. он был сразу произведен в полковники и назначен посланником ко двору Фридриха Великого. Пробыл на этом посту 25 лет, сумев снискать расположение короля. По смерти Фридриха уехал в Москву (1781) и числился в бессрочном отпуске в чине действительного тайного советника.

48 Апраксин Степан Федорович (1702—1758) — военный деятель, генерал-фельдмаршал. В 1737 г. участвовал в походе Миниха и взятии Очакова. Был послом в Персии (1742), вице-президентом военной коллегии. В 1756 г. произведен в генерал-фельдмаршалы; командовал русской армией в начале Семилетней войны. Ожидая смерти императрицы Елизаветы Петровны и перемены во внешней политике в связи с предстоявшим вступлением на престол Петра III, горячего поклонника Фридриха II, Апраксин умышленно задерживал движение войск к прусской границе. После блестящей победы русских войск над прусской армией при Гросс-Егерсдорфе Апраксин неожиданно отвел армию на зимние квартиры. Елизавета отстранила Апраксина от командования и назначила следствие, во время которого он умер.

49 Штофельн Х. Ф. (1720—1770) — генерал-квартирмейстер. Сын генерал-поручика Штофельна, знаменитого обороной Очакова в 1737 г. С 12 лет был определен в Сухопутный кадетский корпус, из которого выпущен в армию поручиком, вскоре участвовал в походах против турок и татар. В 1741 г. произведен в секунд-майоры и сражался против шведов под Вильманстрандом, в 1742 г. — под Фридрихсгамом и Гельсингфорсом. В 1743 г. во время осложнений, возникших между Швецией и Данией по поводу избрания на шведский престол герцога Голштинского, исполнял должность при корпусе генерал-аншефа Кейта, который был послан Елизаветой Петровной на помощь шведскому правительству. Активный участник Семилетней войны — генерал-квартирмейстер. В 1762 г. произведен в генерал-поручики и пожалован Александровской лентой. В 1764—1765 гг. со своим корпусом находился в Польше при избрании на престол Станислава Августа. Принял активнейшее участие в турецкой кампании 1769 г. В 1770 г. после взятия Журжи, Штофельн отступил к Бухаресту, жители которого устроили ему торжественную встречу и в знак благодарности преподнесли 1000 червонцев. Штофельн отказался принять эти деньги, и по его совету они были употреблены на госпиталь и раненых под Бухарестом и Журжею. Появление в Молдавии и Валахии весной 1770 г. моровой язвы заставило Штофельна вывести войска из городов в лагеря, сам же он остался в Яссах, где вскоре пал жертвою еще не прекратившейся заразы.

50 Вяземский Алексей Алексеевич принимал участие в сражениях Семилетней войны в чине

подпоручика. Был назначен в инженерную команду.

51 Вяземский Александр Алексеевич (1727—1793) — князь, государственный деятель, сановник Екатерины II. Начал карьеру подавлением восстания горнозаводских крестьян в 1763 г. на Урале. С 1764 г. был генерал-прокурором. В 1767 г. председательствовал в Комиссии по составлению Нового Уложения. В 1769 г. назначен членом Совета при Высочайшем Дворе. В 80-х годах руководил финансами, юстицией, внутренними делами.

52 Краснощеков Федор Иванович (?—1764) — бригадир Войска Донского. В Семилетнюю войну командовал казачьим полком.

53 Толстой Матвей Андреевич (1701—1763) — военный деятель. В Семилетнюю войну сначала генерал-лейтенант, генерал-аншеф, затем генерал-поручик артиллерии.

54 Гербель Родион Николаевич — военный инженер. Принимал участие в Семилетней войне. Пожалован чином полковника. После взятия Кольберга (1761) был назначен обер-комендантом.

55 Панин Петр Иванович (1721—1789) — граф, военный деятель, генерал-аншеф. В Семилетней войне, командуя крупными соединениями русской армии, проявил себя способным военачальником. В русско-турецкой войне (1768—1774) командовал второй армией, взял штурмом турецкую крепость Бендеры, но допустил ряд стратегических просчетов в ведении кампании, что вызвало недовольство Екатерины II. В 1770 г. Панин подал в отставку, став одним из лидеров оппозиции правительству — «панинской партии». Во время Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева, получив от Екатерины II неограниченные полномочия, Панин жестоко подавил крестьянское движение. В 1778 г. во второй раз ушел в отставку.

Родной брат известного русского государственного деятеля и дипломата, реформатора Никиты Ивановича Панина (1718—1783).

56 Голицын Александр Михайлович (1718—1783) — князь, военный и государственный деятель. В детском возрасте был записан в солдаты. В 1735 г. воевал под знаменами принца Евгения, командовавшего на Рейне австрийской армией. В 1740 г. в чине капитана гвардии состоял в свите посла А. И. Румянцева в Константинополе. Вскоре был пожалован камергером и определен полномочным министром в Саксонию, в 1744 г. произведен в генерал-поручики. Участник Семилетней войны. В 1757 г. командовал левым крылом русской армии, в сражении при Франкфурте-на-Одере был ранен. Пожалован чином генерал-аншефа и орденом Св. Александра Невского. В день коронации Екатерины II награжден орденом Св. Андрея Первозванного, затем стал генерал-адъютантом и членом Совета, учрежденного при Высочайшем Дворе. Принимал участие в военных действиях против турецких войск в 1769 г., но в связи с неудачным командованием сдал армию П. А. Румянцеву. В октябре 1769 г. произведен в генерал-фельдмаршалы. В 1775 г. награжден шпагой, украшенной алмазами и серебряным сервизом.

57 Шувалов Петр Иванович (1710—1762) — граф, государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1761). Двоюродный брат И. И. Шувалова. Участвовал в дворцовом перевороте 1741 г. Затем командовал дивизией и корпусом, был конференц-министром, управлял артиллерийской и оружейной канцеляриями. Активно содействовал созданию и деятельности Уложенной комиссии. Участвовал в усовершенствовании организационной структуры в армии и системы ее управления. Много сделал для модернизации артиллерии. Вел активную промышленную и торговую деятельность — участвовал в винных и табачных откупах, обладал монополией на рыбные промыслы в Белом и Каспийском морях, на заграничную торговлю лесом, был владельцем нескольких железоделательных заводов.

58 Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767) — государственный деятель и дипломат. В его доме воспитывалась и получила образование дочь его брата Екатерина Романовна, будущая княгиня Дашкова. Активно участвовал в перевороте 25 ноября 1741 г., возведшем на престол

Елизавету. В 1744 г. назначен вице-канцлером и получил титул графа. Сторонник ориентации на Францию, Воронцов вступил в резкое столкновение с англофилом, канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым, попал в опалу, скомпрометированный близостью к прусскому послу.

После падения Бестужева-Рюмина (1758) был назначен на пост канцлера — до 1762 г. Принадлежность к активным сторонникам Петра III, столкновение с новым канцлером Н. И. Паниным, привели Воронцова к отставке в 1763 г.

59 Костюрин Иван Иванович — генерал-аншеф, обер-комендант в Санкт-Петербурге, с 1765 г. — сенатор.

60 Шувалов Александр Иванович — граф, генерал-фельдмаршал. Будучи камер-юнкером при цесаревне Елизавете Петровне, содействовал вступлению ее на престол, за что был награжден званием действительного камергера и подпоручика учрежденной ею из Преображенской роты Лейб-Компании. В 1742 г. пожалованы ему ордена Св. Анны и Св. Александра Невского. В 1744 г. — поручик Лейб-Компании, генерал-лейтенант, получил деревни в Лифляндии. В 1746 г. — граф Российской Империи, генерал-адъютант и генерал-аншеф. В 1753 г. ему пожалован орден Св. Андрея Первозванного. Шувалов командовал армейской дивизией и возглавлял Тайную канцелярию. В декабре 1761 г. Петр III произвел его в генерал-фельдмаршалы и пожаловал 2 тыс. крестьян. По восшествии на престол Екатерины II он был по собственному прошению уволен от службы.

61 Волков Дмитрий Васильевич (1718—1785) — государственный деятель, ближайший помощник канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. При Петре III оказывал большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику. При Екатерине II занимал ряд значительных постов — президент Мануфактур-коллегии, ораниенбургский генерал-губернатор. Волков был сторонником развития торговли и промышленности, расширения внешней торговли России.

62 Салтыков Петр Семенович (1698—1772) — граф (1733), военный деятель, генерал-фельдмаршал (1759). В 1714 г. был отправлен для обучения морскому делу во Францию, где оставался до начала 30-х годов. В 1734 г. — генерал-майор, участвовал в военных действиях в Польше, а затем в русско-шведской войне. В 1754 г. пожалован генерал-аншефом. В начале Семилетней войны командовал украинскими ландмиллиционными войсками. В 1759 г. назначен главнокомандующим русской армии и одержал победы над прусской армией при Пальциге и Кунерсдорфе. В 1760 г. из-за разногласий с австрийским командованием и петербургской конференцией (Высший военный совет) был отстранен от командования. С 1764 г. — московский генерал-губернатор. После чумного бунта 1771 г. обвинен в нераспорядительности и уволен в отставку.

63 Крепость Св. Елизаветы. Находилась на южной границе г. Елизаветграда (ныне Кировоград). Крепость была главным опорным пунктом во вновь присоединенном к России по Белградскому мирному договору (1739) Заднепровском крае и обеспечивала образованное здесь Ново-Сербское военно-земледельческое поселение. Крепость была расположена в середине поселения в верховьях р. Ингула, между устьями рек Тура (или Грузка) и Сугаклея. Крепость была заложена в 1754 г., в 1756 и последующих годах работы по укреплению крепости продолжались, но не были закончены даже к концу царствования Елизаветы. По ведомости крепостей 1763 г. числилась штатной крепостью в Киевском департаменте. На вооружении крепости по артиллерийским ведомостям 1765 и 1794 гг. числилось 180 пушек, 32 мортиры и гаубицы, по ведомости 1796 г. вооружение в ней не показано. Окончательно упразднена 15 апреля 1805 г.

64 Хорват Куртич Иван (?—1780) — родом серб, полковник австро-венгерской армии, основатель военных поселений в Новороссийском крае. В мае 1751 г. явился к посланнику России в Вене графу М. П. Бестужеву-Рюмину и предложил переселиться с сербской колонией на вечные времена в Россию, а также сформировать за свой счет четыре полка. По рескрипту императрицы Елизаветы Петровны от августа 1751 г. Хорват в октябре прибыл в Киев с 218 сербами. Пожалован генерал-майором российской армии. Следующей весной к нему

присоединились новые выходцы, всем им отвели земли от р. Синюха до Днепра (с 1752 г. — Новая Сербия). Вскоре Хорват учредил полки: гусарские Хорвата, Македонский и Болгарский, пехотный Пандурский. В 1758 г. в документах Хорват именуется генерал-лейтенатом, в 1759 г. — генерал-поручиком. Располагая почти неограниченной властью в Новой Сербии, присваивал казенные суммы. В 1762 г. была создана комиссия по расследованию злоупотреблений генерал-поручика Хорвата, которая установила, что он «употребил в противные указам расходы 64 999 рублей казенных денег». Ему вменялись в вину неспособность командовать поселениями, прием на службу беглых малороссиян, поляков и др. (более 5 тыс. чел.), наличие в офицерском корпусе неспособных к службе стариков, слепых и инвалидов.

65 Шаховской Яков Петрович (1705—1777) — князь, государственный деятель, мемуарист. Службу начал в 1719 г. солдатом лейб-гвардии Семеновского полка, участник русско-турецкой войны (1735—1739), на военной службе состоял до 1740 г. Затем вплоть до 1760 г. последовательно занимал посты генерал-полицеймейстера, обер-прокурора Синода, генерал-кригс-комиссара, генерал-прокурора Сената и конференц-министра. С 1761 г. — в отставке.

66 Жеребцов Алексей Григорьевич (1711—1777) — действительный тайный советник. Сведений о первоначальной службе нет. Известно, что при Елизавете Петровне, Жеребцов был пожалован из камер-юнкеров в камергеры с чином генерал-майора. В 1751 г. награжден орденом Св. Александра Невского, а через 4 года произведен в генерал-лейтенанты с оставлением в придворном звании. В 1757 г. ему было пожаловано 1 000 душ крестьян в вечное и потомственное владение. Три года спустя Жеребцов был назначен сенатором. В 1762 г. направлен в Москву для присутствия на коронации Екатерины II. В 1764 г. уволен от службы с переименованием в действительные тайные советники. Умер и похоронен в Петербурге, в Александро-Невской лавре.

67 Шувалов Иван Иванович (1727—1797) — государственный деятель, обер-камергер, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, сенатор. С 1742 г. начал службу при дворе — паж, камер-паж, с 1749 г. — камер-юнкер. Как фаворит Елизаветы Петровны оказывал воздействие на внешнюю и внутреннюю политику России в 50-е годы XVIII в. Поддерживал многие начинания М. В. Ломоносова и, в частности, его план создания Московского университета, после открытия которого Шувалов был первым его куратором. Много сделал для улучшения системы образования в России, активно содействовал отправлению молодых людей за границу для подготовки к профессорскому званию. Основал университетскую типографию, в которой началось печатание «Московских Ведомостей». По его же инициативе в 1757 г. была создана Академия художеств, президентом которой он был до 1763 г. С воцарением Екатерины II оказался в опале и уехал за границу «по болезни». Находился там с 1763 по 1777 г., выполняя при этом различные дипломатические поручения русского правительства. Собирал в Западной Европе произведения искусства.

68 Воронцов Роман Илларионович (1707—1783) — государственный деятель. Председатель Комиссии по составлению Нового Уложения (1760—1763). Владел заводами. Прославился необузданным лихоимством, за что получил прозвище «Роман — большой карман».

69 Апостол Петр Данилович (?—1758) — происходит из известного малороссийского гетманского рода. По преданию, Апостолы вышли из Молдавии (из Волох) и поселились в Миргородском полку. Род этот прославился благодаря Даниле Павловичу Апостолу, отцу Петра Даниловича, который в конце XVII — первой трети XVIII вв. был одним из виднейших представителей Украинской казацкой старшины. Данила Апостол в 1683—1727 гг. — полковник Миргородского полка. В 1708 г., будучи, по словам Петра I, «великой неприятель Мазепе», Апостол, чтобы избегнуть участи В. Кочубея и Искры, вынужден был играть роль гетманского «друга» и даже уйти с ним к шведам. Спустя три недели он вернулся в расположение русских войск, получил прощение Петра I и в 1722 г. принял участие в Персидском походе. В 1723 г. арестован по делу наказного гетмана Полуботко, когда после смерти Скоропадского войсковая старшина вновь решилась заявить протест против петровских реформ. Доставлен в Петербург,

откуда по указу Сената отпущен в Малороссию по приведению к присяге на верность, старший сын Петр был оставлен в Петербурге. В октябре 1727 г. на Раде в Глухове был избран гетманом. В 1728 г. по указу Сената получил жалованную грамоту на гетманство и кафтан. Даниил Апостол был женат на Ульяне Васильевне Искрицкой с 1690 г. После смерти мужа, в 1734 г. ей была назначена ежегодная пенсия в 3000 руб. из сборных денег с бывших гетманских местностей.

Их старший сын Петр Данилович воспитывался в Петербурге под надзором А. Д. Меншикова и получил прекрасное для своей среды образование. С 1726 г. жил как заложник в Москве и Петербурге вместо отца. В 1728 г. пожалован в Москве полковником. В 1730 г. отпущен из Москвы. Жил в Малороссии, был женат на Н. Н. Храповицкой. Их дочь — Елена Петровна Апостол родилась 12 апреля 1731 г., была замужем за генерал-майором Матвеем Артамоновичем Муравьевым (старшим).

70 Свадьба М. А. Муравьева с Еленой Петровной Апостол состоялась в 1762 г.

71 Апостол Екатерина Петровна (1750—1824) — сестра Елены Петровны, была замужем за генерал-поручиком Александром Яковлевичем Шамшевым. Погребена на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге.

72 Мещерский Григорий Семенович (?—1762) — князь, государственный деятель, с 1760 г. — генерал-поручик. По велению Правительствующего Сената проводил ревизию в крепости Св. Елизаветы. Там заболел и скончался.

73 Нарышкин Василий Васильевич (1712—1779) — генерал-поручик, новгородский губернатор. Родился в семье комнатного стольника Василия Григорьевича Нарышкина и его жены (урожд. Стрешневой). Получил домашнее образование и поступил на военную службу, где дослужился до чина полковника. В 1755 г. из полковников произведен в бригадиры и назначен присутствовать в военной коллегии. Вскоре получил должность белорусского губернатора. В 1763 г. произведен в генерал-поручики. В 1765 г. назначен губернатором Новгорода. Умер в Москве, погребен в Донском монастыре.

74 Мельгунов Алексей Петрович (1722—1788) — государственный и военный деятель. Был адъютантом Вел. Кн. Петра Федоровича. С 1756 по 1761 г. был директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. В 1764 г. — губернатор Новороссии; прославился организацией раскопок скифских курганов. С 1777 г. — наместник Ярославский, в 1778 г. — наместник Ярославский и Костромской, в 1779 г. — наместник Ярославский и Архангельский, в 1780 г. — наместник Ярославский и Вологодский. Покровительствовал литературе и искусству. При его участии в Ярославле выходил первый российский провинциальный журнал «Уединенный Пошехонец». Похоронен в Толгском монастыре близ Ярославля.

75 По-видимому, речь идет о внебрачной дочери Матвея Артамоновича. В письме к отцу от 30 ноября 1777 г. Михаил Никитич Муравьев писал: «Дядюшка Матвей Артемонович выдает свою Марью за гарнизонного майора Рябова». В письме от 8 января 1778 г. он дополнительно сообщал: «Дядюшка снаряжает свою Марью Гавриловну. Да уж, кажется, и они ему наскучили. Берут с него обязательства рядные. Он божится, уверяет и сердится, дает векселя в заклад. Я думаю, что это станет в копейку. И она выходит замуж под титулом племянницы». Свадьба состоялась 14 января 1778 г. (См.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 42).

76 Муравьева Федосья Алексеевна — вдова Муравьева Мины Воиновича, двоюродного брата М. А. Муравьева:

Муравьев Алексей Минич (?—1807) — сын Мины Воиновича и Федосьи Алексеевны, полковник в должности генерал-квартирмейстера-лейтенанта. Их дочь Анисья Минична, в тексте воспоминаний, названа племянницей.

77 Тургенев (1698—1767) — [illegible] (Тургенев Иван

77 Тимофей (1698—1767) — высокопреосвященный митрополит московский, (Тихон Иванович Щербак (Щербацкий). Родился в семье зажиточного мещанина, учился в Киевской Духовной академии, пел в академическом хоре. Петр I, услышав его, велел взять певчим в придворную

капеллу. Но вскоре, в связи с изменениями в голосе, Тихон вернулся в Киевскую академию и продолжил учение. По окончании принял монашество и получил место кафедрального писаря при киевском Софийском монастыре (1737), затем долго скитался по различным монастырям и в 1740 г. был избран и утвержден настоятелем Киево-Печерской Лавры. В 1744 г., во время приезда Елизаветы Петровны, произнес речь на ее прибытие и с тех пор пользовался ее особым расположением. Из архимандритов в 1745 г. был назначен киевским митрополитом. Тихон обращал усиленное внимание на улучшение учебного дела в Духовной академии — при нем здесь были введены философская система Баумейстера и французский язык. В 1754 г. стал членом Синода, в 1757 г. переведен в московскую епархию митрополитом. В 1764 г. стал митрополитом Московским и Калужским. В 1767 г. уволен на покой и вскоре умер. Погребен впервые по священническому обряду в Чудовом монастыре в Москве.

78 Орлов Федор Григорьевич (1741—1796) — генерал-аншеф, герой Чесменского сражения, младший брат Григория и Алексея Орловых.

79 Неплюев Иван Иванович (1693—1773) — государственный деятель и дипломат. В 1721 г. был назначен резидентом в Турцию, сумел предотвратить столкновение России и Турции из-за персидских земель, добившись заключения договора о размежевании (1724). Принимал участие в 1737 г. в деятельности созванного в связи с русско-турецкой войной Немировского конгресса (уполномоченный); в 1739 г. — участник переговоров о заключении Белградского мира. До 1742 г. состоял на службе в Коллегии иностранных дел, выполняя различные дипломатические поручения. В 1742—1758 гг. — начальник Оренбургского края, построил несколько укрепленных мест и более 70 крепостей. В 1760 г. назначен сенатором.

80 Неплюева (урожд. Нарышкина) Аграфена (Агриппина) Александровна — жена сына И. И. Неплюева Николая Ивановича — вице-президента Коммерц-коллегии, впоследствии — сенатора.

Нарышкина (урожд. Апраксина) Елена Александровна (?—1767) — жена действительного тайного советника Александра Львовича Нарышкина. Выйдя около 1725 г. замуж за двоюродного брата Петра I, Елена Александровна уже в 1749 г. была статс-дамой Высочайшего Двора, а в 1759 г. — гофмейстериной. Как гофмейстерина присутствовала при коронации Екатерины II. Погребена в летней соборной церкви московского Высокопетровского монастыря.

81 Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784) — граф, государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1773). В начале своей деятельности исполнял дипломатические поручения. В 1744 г. был назначен камер-юнкером при Вел. Кн. Петре Федоровиче, затем переведен в армию. В 1750 г. получил чин генерал-майора. Участвовал в Семилетней войне в сражении при Цорндорфе (1758), в 1760 г. его корпус овладел Берлином. С воссоединением Восточной Белоруссии с Россией был назначен Белорусским генерал-губернатором (1772—1782). Один из первых фаворитов Екатерины II он успешно преумножил состояние отца и в 1774 г. из своих владений образовал фамильный майорат. Достиг положения президента Военной коллегии (1773), чина генерал-фельдмаршала и почетного места московского генерал-губернатора (1782—1784). Умер бездетным, все его состояние унаследовал родной брат Иван Григорьевич Чернышев, дед декабриста З. Г. Чернышева.

82 В соответствии со «Штатом водной коммуникации от Вышне-Волочка, от Твери до Мотеенского шлюза, от шлюза до Новгорода и от Новгорода до Ладожского канала» начальнику канцелярии Боровицких порогов полагался годовой оклад в 800 руб. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7144. Л. 1).

83 Муравьев Николай Ерофеевич (1724?—1770) — сенатор, инженер-генерал-поручик (1763). В молодости писал «весьма изрядные стихотворения и песни». После окончания Сухопутного

шляхетного кадетского корпуса оставлен преподавателем фортификации (по другим сведениям он преподавал в Инженерном кадетском корпусе). Автор опубликованного в 1752 г. первого русского учебника алгебры. Был адъютантом генерал-аншефа А. Б. Бутурлина, в 1756 г. переведен в Инженерный корпус. Участник Семилетней войны. В 1759 г. — генерал-майор «со осадною артиллериею в Пруссии», в 1760—1762 гг. состоял «при главной армии», действовавшей против войск Фридриха II. В 1764 г. — главный директор Канцелярии строения государственных дорог, назначен сенатором 3-го департамента. В 1766 г. — штатный геодезист при составлении инструкции о Генеральном межевании. Работал в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения, награжден орденом Св. Александра Невского. В 1768 г. руководил строительством шлюза в устье Мстина озера. Умер за границей, где находился на лечении.

84 Муравьев (с 1800 г. — Муравьев-Апостол) Иван Матвеевич (1768?—1851) — сын М. А. Муравьева, писатель, дипломат, сенатор, тайный советник, член Российской Академии Наук и общества «Арзамас». В детстве был записан в лейб-гвардии Измайловский полк. По Высочайшему указу в 1784 г. определен в штат генерала графа Я. А. Брюса обер-аудитором, в 1785 г. — флигель-адъютантом. В 1792 г. определен в «приставники» (кавалером) к Вел. Кн. Александру и Константину Павловичам, в 1793 г. произведен в подполковники. В 1796 г. — камергером у Вел. Кн. Константина Павловича, награжден 6 тыс. руб. и ежегодным пенсионом в 2 тыс. руб. С 1796 г. на дипломатической службе, в 1798—1799 гг. — резидент в Гамбурге, затем посланник в Копенгагене. В 1801 г. — вице-президент Иностранной коллегии, ездил в Вену с известием о восшествии на престол Александра I. В 1802 г. — посланник в Мадриде. С 1811 г. — член Российской Академии; с 1824 г. — сенатор. В 1826 г. уволен по болезни.

85 В 1765 г. правительство назначило управляющим Вышневолоцким водораздельным участком коллежского асессора Писарева, сына Г. Г. Скорнякова-Писарева.

86 Теплов Григорий Николаевич (1717—1779) — сенатор, статс-секретарь, государственный деятель и писатель. Сын истопника, первоначальное образование получил в школе, учрежденной в Петербурге Феофаном Прокоповичем. Затем был послан в Германию. В 1736 г. в России поступил в студенты при Академии Наук, а через год был назначен переводчиком в ней. В 1741 г. — адъюнкт Академии Наук. По восшествии на престол Елизаветы Петровны, Теплов снискал расположение и доверие графа А. Г. Разумовского, который в 1743 г. вверил ему воспитание своего младшего брата графа Кирилла Григорьевича. С ним Теплов ездил за границу в качестве воспитателя. В 1746 г. К. Г. Разумовский стал президентом Академии, а Теплов — асессором. В 1750 г. К. Г. Разумовский был назначен гетманом Малороссии и вскоре, по его просьбе, к нему присылают Теплова. После восшествия на престол Петра III, служебная карьера Теплова на время прерывается. Вполне естественно было его сближение с Екатериной II и ее сторонниками, его помощь в заговоре. В 1765 г. Теплов получил Анненскую ленту, в 1775 г. пожалован званием сенатора и Александровской лентой. Умер в Петербурге и похоронен в Александро-Невской Лавре.

87 Нарышкин Лев Александрович (1733—1799) — обер-шталмейстер. Службу начал в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1751 г. назначен камер-юнкером ко двору наследника Вел. Кн. Петра Федоровича. В 1762 г. ему пожалован чин шталмейстера с рангом и жалованием действительного генерал-поручика. После учреждения Тайной розыскных дел канцелярии назначен в Петербург для приема «доносов об умысле». В 1762 г. награжден орденом Св. Андрея Первозванного, и в его заведывание отдано соединенное управление Главной конюшенной канцелярии и Придворной конторы. При Екатерине II, после непродолжительного ареста, вновь был в милости — государыня очень ценила его общительный характер и умение развлекать общество. Незадолго до смерти был пожалован в камергеры.

88 Ададуров Василий Евдокимович (1709—1780) — математик, писатель, первый русский ученый, получивший ученое звание. Окончил учебное заведение при Академии Наук. С 1733 до 1741 г. — адъюнкт Академии Наук по кафедре высшей математики. Был учителем русского языка Вел. Кн. Екатерины Алексеевны. В конце царствования Елизаветы Петровны отправлен в

языка Вел. Кн. Екатерины Алексеевны. В конце царствования Елизаветы Петровны отправлен в Оренбург на должность вице-губернатора за принадлежность к делу канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. В 1762 г. назначен куратором Московского университета и президентом Мануфактур-коллегии в Москве. В 1768 г. издал «Правила российской орфографии». С 1774 г. — сенатор. Был женат на Елизавете Дмитриевне Муравьевой (?—1770), дальней родственнице М. А. Муравьева.

89 Муравьев Дмитрий Григорьевич (1715—1742) — поручик Преображенского полка, троюродный брат М. А. Муравьева.

90 Сиверс Яков Ефимович — граф, государственный деятель. С 1776 по 1781 г. исполнял должности тверского, новгородского, псковского наместника, принимал участие в учреждении губерний. В 1789 г. назначен послом в Варшаву, когда решено было приступить к так называемому 2-му разделу Польши.

91 Эйлер Леонард (1707—1783) — выдающийся математик. В 1727 г. поступил адъюнктом в Санкт-Петербургскую Академию Наук. В 1741 г. был приглашен Фридрихом Великим в Берлинскую академию, а затем, через 25 лет, по предложению Екатерины II возвратился в Россию.

92 Муравьев Михаил Никитич (1757—1807) — поэт, писатель, ученый, государственный деятель, издатель «Московских Ученых Ведомостей», член Российской Академии Наук, тайный советник. Помогал Н. М. Карамзину в работе над «Историей государства российского». Племянник М. А. Муравьева. В 1777 г. был сотрудником «Вольного собрания любителей российского слова». В 1785 г. по просьбе Екатерины II преподавал русский язык, историю и нравственную философию Вел. Кн. Александру и Константину Павловичам. В 1800 г. был назначен сенатором, в 1801 г. — секретарем по принятию прошений в собственном кабинете Александра I, в 1802 г. — товарищем министра народного просвещения. С 1803 по 1807 г. был попечителем Московского университета.

По свидетельству М. Н. Муравьева в письме к отцу от 2 ноября 1777 г. они с Иваном Матвеевичем ходили к Я. Е. Сиверсу благодарить за содействие (См.: Письма русских писателей XVIII века. С. 259).

93 Деньги, отданные в долг дальнему родственнику Михаилу Прокофьевичу Яковлеву, впоследствии послужили причиной «дела»: не желая отдавать долг, Яковлев и его жена Олена Петровна требовали учреждения опеки над М. А. Муравьевым, как лишившимся разума. За М. А. Муравьева хлопотал и его племянник М. Н. Муравьев, в письме которого к отцу, Н. А. Муравьеву, названа сумма долга — 14 тыс. руб. (См.: Письма русских писателей XVIII века. С. 243.)

94 Нарышкина (урожд. Закревская) Марина Осиповна (1741—1800). Жена обер-шталмейстера Л. А. Нарышкина, дочь малороссийского генерального обозного Осипа Лукьяновича Закревского и жены его Анны Григорьевны (урожд. Разумовской). В 1755 г. стала фрейлиной. Благодаря своей красоте и покровительству Вел. Кн. Екатерины Алексеевны, Марина Осиповна в 1759 г. вышла замуж за Л. А. Нарышкина. Устроила эту свадьбу сама Вел. Кн., которая в записках своих очень подробно рассказывает о всех перипетиях этого сватовства. Марина Осиповна занималась семьей и управлением обширными поместьями своего супруга, не покидая вместе с тем и Двор, и пользуясь все время расположением Императрицы Екатерины II, Императора Павла I, который 5 апреля 1797 г. пожаловал Марину Осиповну в статс-дамы.

Публикация Т. Г. ДМИТРИЕВОЙ, М. М. ЯКУШКИНОЙ и Г. Р. ЯКУШКИНА

Приходское духовенство в Отечественной войне 1812 года

Приходское духовенство в Отечественной войне 1812 года / Публ. [...] С. А.

Приходское духовенство в Отечественной войне 1812 года / Публ. [вступ. ст. и примеч.] С. А. Малышкина, В. И. Цвиркуна // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 85—96. — [Т.] V.

История Отечественной войны 1812 г. отражена в огромном количестве исследований и публикаций документов. И тем не менее, интерес к этому трагическому и величественному событию в истории нашего Отечества не ослабевает. Появляются новые материалы, проливающие свет на забытые или малоизвестные страницы великой войны. К их числу относится история деятельности православного духовенства в 1812 г., его участие в борьбе за независимость Родины, до недавнего времени не затрагиваемая в исторической научной литературе.

Предлагаемая подборка документов представляет собой малую часть огромного комплекса мемуарных материалов приходского духовенства Московской, Калужской и Смоленской губерний, хранящихся в фонде Военно-ученого архива РГВИА (ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 10). Происхождение их связано с научной и публикаторской деятельностью известного русского военного историка А. И. Михайловского-Данилевского. В преддверии 25-летнего юбилея Отечественной войны и заграничных походов русских войск ему было «высочайше повелено» приступить к написанию посвященного им большого обобщающего труда. Обладая знаниями и впечатлениями непосредственного участника описываемых событий, имея доступ к документам государственных и личных архивов, Михайловский-Данилевский тем не менее счел необходимым расширить круг используемых источников. С этой целью он разослал в адрес всех генерал-губернаторов распросные листы трех видов, на которые тем надлежало ответить. Во-первых, о реакции на события 1812 г. в целом по губернии, во-вторых, о сборе губернского ополчения и, в-третьих, о деятельности церкви в 1812 г. по конкретной губернии. Последняя анкета состояла из шести вопросов, на которые должны были ответить епархиальные и приходские священно- и церковнослужители: 1. О числе церквей, совсем разоренных и уничтоженных. 2. О числе церквей, ограбленных неприятелем. 3. О показании общей стоимости разграбленных церковных имуществ. 4. О пожертвованиях духовных лиц. 5. Об особых подвигах их. 6. Обо всех тех любопытных местных происшествиях, коих духовные лица были свидетелями и кои сохранились в их памяти. Публикуемые документы составлены в форме ответов на эти вопросы.

В публикации сохранены все особенности языка документов.

МАТЕРИАЛЫ, СЛУЖАЩИЕ К НАПИСАНИЮ

ВОЙНЫ 1812 ГОДА

ВЫПИСКА. СОСТАВЛЕННАЯ В МОСКОВСКОЙ

ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ,

ИЗ ПРОИЗВОДЯЩЕГОСЯ ПО УКАЗУ

СВЯТЕЙШЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СИНОДА

ОТ 20 МАЯ 1836 ГОДА ЗА № 6298 ДЕЛА,

О ПРОИЗШЕСТВИЯХ 1812 ГОДА

И ПОДВИГАХ ДУХОВЕНСТВА

Вышеозначенным указом Святейшего Правительствующего Синода предписано:

1. выписать из дел 1812 года акты, могущие служить к объяснению произшествий означенного времени

2. пригласить подчиненные места и лица, чтобы представили сохранившиеся местные сведения о происшествиях означенного времени и

3. сии материалы препроводить к генерал-лейтенанту Михайловскому-Данилевскому, посредством господина Синодального обер-прокурора.

В следствие чего и резолюции его высокопреосвященства предписано:

1. Учрежденному при архиве консистории Комитету доставить реестр актов, относящихся до происшествий 1812 г.

2. Монастырским настоятелям и настоятельницам, благочинным и духовным правлением представить сохранившиеся местные сведения о происшествиях означенного времени.

Архивный Комитет реестра требуемых актов еще не представил, равно некоторые места и лица не представили.

Из доставленных же сведений открывается.

I. О СОСТОЯНИИ МОНАСТЫРЕЙ И ЦЕРКВЕЙ ВООБЩЕ

Из донесений настоятелей и настоятельниц московских монастырей; Спасо-Андрониевского, Богоявленского, Греческого, Даниловского, Вознесенского, Новодевича, Алексеевского, Зачатейского, Никитского, и благочинных Московских: Кафедрального, Казанского у Воскресенских ворот, Никито-Басманнического, Сорокосвятского, Казанского у Калужских ворот, Григорие-Неокессарийского, Троице-Арбатского, Девятинского и уездных: Ромашсковского, Марфинского, Кательниковского, Куровского, Черкизовского и Рождественского на Сходне.

В Москве наибольшая часть церквей монастырских, соборных и приходских сожжены и разграблены. Некоторые от пожаров и кремлевских взрывов оказались нужными перестроить2. Уездные церкви, по большей части, остались целы и неразграблены. Церковная утварь из некоторых московских церквей была вывезена в безопасные отдаленные места, например в Вологду, другая была сокрыта в самых тех же церквах под полами и над сводами, инде разграблено, инде осталось в целости или по неотысканию, хотя от розысков их не остались в покое могилы и гробы умерших3. Или по оказанному неприятелем редкому снисхождению, а может быть, наипаче потому, что не успели захватить всего. Некоторые церкви обращены были в жилища для войска, некоторые в складочные запасные магазины, а некоторые в конюшни и бойни4. И потому, во всех сих церквах святые престолы были сдвинуты с мест своих и святость храмов Божиих поругана. В некоторых церквах гнусно издевались враги над Святыми иконами и Священными облачениями. С икон совлекали оклады, обезображивали их, выбрасывали из церквей, рубили, жгли, и употребляли как простые доски, ровно как и самыи престолы вместо столов и на другие надобности. В священные ризы облекались и с зажженными свечами разъезжали в них по улицам и ходили по домам.

В Москве, в весьма немногих монастырях, как то, в Новодевичем и Зачатейском и в церквах: Димитриевской, что в Галицынской больнице, Спасо-Преображенской на Глинищах5, в Бывом Ивановском монастыре, в Троицкой на Хохловке6 и в Петропавловской на Калужской улице совершалось богослужение, ходили в окрест лежащие с разрешения неприятельских командиров, но с запрещением читать после сугубой Ектинии молитву от нашествия супостата. Священники исправлявшие в сих церквах богослужение ходили в окрест лежащие места крестить младенцев, исповедывать тяжко болящих и напутствовать их Святыми дарами.

II. О ПОДВИГАХ ДУХОВЕНСТВА

Московские священно-церковнослужители по большей части или заблаговременно, или уже по вступлении неприятеля в столицу выехали из оной, но оставшиеся, укрываясь с семействами на пожарищах приходов своих, инде до последнего дома выгоревших, не были холодными зрителями грабительства и поругания Святыни неприятелем. С опасностию жизни сохраняли и защищали церковное имущество, обличали врагов в их поступках, некоторые запечатлели усердие свое к делу Божию кровию, а другие вкусили смерть от меча неприятеля.

Примечательные частные случаи и подвиги

а) Новодевичий монастырь, оставшимся протоиереем Алексеем Ивановым и казначеею8 с несколькими сестрами был заперт. Небольшие неприятельские отряды не могли в него вторгнуться9. 4-го сентября отряд неприятелей, более по-видимому 2 тысяч человек, приступивший к монастырским воротам с двумя орудиям по угрозам был впущен в монастырь. 8 сентября все церкви, кроме Соборной, и кельи выехавших из Москвы настоятельницы и сестер заняты были неприятельским войском, которое и оставалось в оных до 8 октября. По объявлению протоиерея, на вопрос неприятелей, что в монастыре нет службы за неимением вина и просфор, прислано ему было полведра красного вина и 10 фунтов крупчатой муки на просфоры. Найденные в монастыре съестные припасы неприятели разделили с оставшимися пополам и никого не били. Квартировавший в монастыре генерал брал у казначеи серебряные деньги и отдавал ей ту же сумму ассигнациями, а вместо ассигнаций давал медные деньги. 25 сентября посетил монастырь сам Наполеон и велел Святые и задние ворота заделать лесом, завалить землею и поставить на них по 1 пушке; оставить для входа и выхода ворота боковые, устроить против Святых ворот батарею. Приходскую Иоанно-Предтеченскую близ монастыря церковь, подбив стены, взорвать, что сие и было исполнено12.

Сверх того, в монастыре под собор, церкви, колокольню и кельи прорыты были небольшие канавки. При выходе из монастыря в 10 часу по полудни 8 октября, неприятели прилепляли зажженные свечи в кельях к деревянному строению и в церквах к иконостасам, кидали свечи на пол и в солому, объявив живущим в монастыре, еще 6 числа, чтоб спасались. По выходе неприятелей из монастыря, казначея с оставшимися двумя сестрами бросилась всюду осматривать и нашла под собором 6 ящиков патронного пороху и 6 раскупоренных бочонков с положенными на них зажженными фитилями; тот час фитили затушила, в порох налила воды, и в прочих церквах и кельях, где разбросаны были зажженные свечи и уже начинало загораться, затушила огонь, не доведя монастырь не до малейшего вреда.

б) В Зачатейском монастыре все кельи сгорели; самые церкви загорались, но остались невредимы. Достойно особенного замечания — написанный на дереве образ Христа не сгорел в пламени.

Во время бывшего в монастыре пожара священник Емельян Георгиев и настоятельница с сестрами, приобщившись Святых Христовых Тайн, заключились в храме, быв готовы лучше погребсти себя под развалинами оного, от распространившегося всюду всепожирающего пламени, нежели предать себя в руки неистовых врагов церкви и Отечества. После пожара настоятельница монастыря и бывшие с нею, числом до 50 человек, оставшись вовсе без пищи и в непрестанном страхе перешли из монастыря за Крымский брод, под защиту

одного неприятельского начальника, лично из человеколюбия оберегавшего русских до 5 тысяч человек. Начальник сей, по усильной просьбе настоятельницы, при возвращении ее на третий день в монастырь, послал с нею для охранения двоих солдат и дав им за своим подписом два листа велел прибить один из них к монастырским воротам, а другой при входе в церковь. В листах сих монастырь объявлен был совершенно разграбленным и смертию угрожалось тому, кто осмелится зажечь церковь. Таким образом, с 8 сентября — Храмового монастырского праздника

осмелится зажечь церковь. Таким образом, с 8 сентября — Храмового монастырского праздника, до 21 священник Георгиев беспрепятственно отправлял в церкви часы, а с 21 до выхода из столицы неприятеля — Божественную литургию.

в) Бывший Казанского собора протоиерей терпел от неприятелей тяжкие побои и был ранен ударом саблею в голову.

г) Грузинская, на Воронцовском поле, церковь с великим трудом сохранена ото огня, а утварь от расхищения жившими тогда в церкви церковно-священнослужителями, за что священник Василий Гаврилов награжден наперсным золотым крестом.

д) Утварь Николаевской в Кобыльском церкви, стоившая до 40 тысяч рублей вывезена из Москвы уже во время пребывания в оной неприятеля, священником Константином Васильевым с великою опасностью. А дьякону Петру Андрееву неприятели разбили лицо до крови медным с хоругви крестом за обличение, что они сидели на Святом престоле, пили и закусывали.

е) В церкви Иоанна Предтечи, что в Казенной13, Святыя иконы Смоленской Божьей Матери и Преподобного Сергия во время пожара остались невредимыми от огня, несмотря на то, что за киотом, в коем Смоленская Божья Матерь поставлена была, найдены головни.

ж) Спасо-Преображенский на Глинищах протоиерей Петр Семенов за отправление литургий и треб, и за претерпенные раны Высочайше награжден наперсным золотым крестом, украшенным бриллиантами, алмазами и яхонтами с аметистом на золотой цепи.

з) Сороко-Святский у Новоспасского монастыря священник Петр Гаврилов, охранявший церковь и сокрытое в ней имущество, убит неприятелями близ самой церкви14.

и) Спасский в Чигасах священник Михаил Георгиев, когда неприятели под острием обнаженных мечей понуждали его указать, где хранится церковное имущество, указал на свое собственное, невдалеке от церковного на церковных сводах хранимое, таким образом сохранил церковное.

й) В Николаевской церкви, складенное в один сундук церковное имущество все расхищено. Находившаяся же в сем сундуке икона Святого и Чудотворца Николая, обретена по выходе неприятеля из Москвы на своем месте... Священник сей церкви, а ныне протоиерей Петр Платонов, когда неприятель входил в Москву чрез Драгомиловскую заставу, а арьергард русский выходил по Таганской и Николаевской улице, вышед вместе с дьячком в облачении с иконой Святого Николая, напрестольным крестом и с зажженными свечами, окроплял Святою водою мимошедшее войско. Воины осеняли себя крестным знамением, жадно ловили капли Святой воды, громко повторяя: «Враг наш погиб, а не мы!». Ехавшие чиновники подъезжали к иконе и со слезами лобызали ее. При сем случае протоиереем раздаваем был изнуренным и ослабевшим раненым печеный хлеб. Поступок сей был доведен до графа Милорадовича15, который по возвращении в столицу с покойным Александром I, остановившись в гостинице «Лондоне», вызвал его к себе на другой день Вознесения Господня для изъявления личной благодарности16.

По селу Межуречью

Благочинному протоиерею Иоанну Капутовскому

села Межуречья от священно

и церковнослужителей

СВЕДЕНИЕ

Во исполнении предписания Вашего от 31-го сего октября с № 134-м честь имеем донести.

1. Что во время Отечественной войны, бывшей в 1812 году, внесенной в Россию французами

1. Что во время Отечественной войны, бывшей в 1812 году, внесенной в Россию французами, Христорождественная каменная, села нашего, церковь не была сожжена.

2. А вовсе была разорена. Потир, Дискос, Звездица, Лыжица, две тарелки, напрестольный крест и Евангелие серебренныя и все оные вещи позлащенныя, ковшичек для подаяния теплоты серебренный, в среди позолоченный, кадило серебренное, Храмовый образ Рождества Христова в аршин ширины в шесть четвертей вышины, риза была серебренная с девятьми венцами позлащенными. На образе Божьей Матери Троеручицы, который в аршин ширины, пять четвертей вышины риза серебренная с венцом позлащенным и разными сразами украшенными. Риза вся истреблена.

3. Потеря понесенная нашею церковью на 4 тысячи и 50 рублей простирается.

4. Священником Иоанном Медведковым убытков понесено на 3 375 рублей и 90 копеек. Бывшего тогда дьякона Иоанна Соколова, а ныне священника в Юхновском уезде селе Городищах потеря его нам не известна. Дьячком Иоанном Соколовым понесено убытков на шестьсот рублей. И бывшим тогда пономарем Алексеем Белкиным, а ныне умершим, не менее шестисот рублей.

5. Домов сожженных три: дьяконский и два причетческих.

6. Разорен дом один — священнический.

7. Церковь в селе нашем была годна.

8. Священно и церковнослужителей было на лицо четыре.

9. Подвигов в Отечественную войну не оказано нами, кроме дьячка Иоанна Соколова, которого за убитие шести человек французов, в отмщение, по случаю нечаянному бывши пойман 12-мя неприятелями, бит был без пощады, а на последок поставлен был для убития с связанными руками не в дальнем расстоянии от леса. В то время один из неприятелей сделал выстрел в него и ошибся. Но в скорости бежавшему в лес, хотя еще двенадцать человек и палили в него из ружей, но больших ран не дали, кроме трех легких.

10. Подробностей и анекдотов о пребывании Наполеона в церквах наших никто из нас не знает.

11. Священником Иоанном Медведковым сохранен Антиминс.

12. Пособий нашей Христорождественской церкви как от правительства, так и высоких особ не было оказано, но священнику Иоанну Медведкову от Вяземского духовного правления дано 400 рублей, дьячку Иоанну Соколову — 200 рублей, умершему пономарю Алексею Белкину — 200 рублей.

13. Подробностей о народной войне, кипевшей в Смоленской губернии никто из нас не знает и достать не может.

1836 года, ноября 7 дня.

Священник Иоанн Медведков

Диакон Иаков Чубарев

Дъячек Иоанн Соколов

Пономарь Петр Белкин

По селу Следневу

1836 года сентября 28 дня Ельнинского уезда села Следнева благочинный священник Василий Медведков во исполнение из Смоленской духовной консистории от 7-го минувшего августа в

Дорогобужское духовное правление за № 4843 последовавшего указа о происшествиях 1812 года почтеннейше объясняю. Когда всеобщий страх от вторжения неприятеля в пределы Отечества повергал все умы в отчаяние, и когда 4 числа августа 1812 г. появившийся в наших местах передовой отряд донского войска развеял наше недоумение, что жестокость неприятеля оставляет по себе одни только следы пламени и грабительства, положили намерение, оставив церковь божию для охранения престарелым причетникам, а домы свои и имущества некоторым служителям, держаться на тракте российских войск. И в следствие сего, 5 числа по выступлении из наших домов сего отряда, который и нам советовал спасаться бегством, забрав с товарищами своими, священником Алексеем Волочковым и диаком Иоанном Медведковым из церкви своей лучшую ризницу и утварь, отправились вслед за войском. 16-го ж числа неприятели, ограбив соседственную с нами Устинскую церковь вошли без сопротивления и в наш Следневский беззащитный, по-видимому, храм, где взяв на престоле два серебренные дароносные креста и с одного Евангелия, оставленного так же нами на престоле, оборвав серебренные же клеймы, разбросав по церкви, сколько во оной ими найдено было, медные деньги, так как ненужную и тяжелую для них монету, устремились на разграбление и прочих церквей.

В сие время Бог отмщений восстал на защиту своих храмов. Когда оные враги обогащенные сею добычею появились и в церкви Юхновского уезда села Гнездилова, тогда крестьяне и дворовые люди укрывавшиеся прежде от страха в лесах и ущелиях, подвигнуты невидимою силою к опасному для них мужеству. И выйдя из своих ущелий, напали на сих грабителей, из коих некоторые убиты, а остальных, обезоружив предали кордонным18, для представления их в г. Калугу. Найденные же в обозе их церковные вещи препоручили престарелому того села священнику Иосифу Лазареву, от которого мы по возвращении своем в домы наши, в следующем ноябре месяце, получили без всякой утраты...

Второе происшествие есть не менее первого достопамятно. На тракте к г. Юхнову, куда мы тянулись, близ правого крыла нашей армии, расстоянием от домов наших верстах в 70-ти, опасаясь быть отрезанными от ней неприятельскими фуражирами, повернули с сего тракта для укрытия себя от них в леса за рекою Угрою лежащие. Где стояли долгое время в неизвестности близ села Богородицкого Юхновского ж уезда, в последних числах августа нечаянно увидели приехавшего в то село вооруженного неприятеля с трубою. Сделали тревогу колоколом и сим страхом обратили его в лес, которого с помощью кардонной стражи открыли притаившемся в чаще леса. При сем случае взят оной неприятельский трубач без всякого сопротивления, приведен на бекет* и по испытании сознался, что он послан в сии леса начальником своего отряда, стоявшего тогда в деревне Мышинках, верстах в 5-ти от сего села. Сей лазутчик, оставленный на бекете до следующего дня для представления по команде куда следует, вечером того ж дня оною стражею предан смерти. А отряд его, дожидавшийся с ним местных известий, следующего дня настигнут в той же деревне земским ополчением. Из числа коих некоторые неприятели убиты на месте, а прочие взяты в плен, числом до полуторасот человек, стрелявших из середины

озера в лицо русским, и отправлены по команде в г. Калугу19. А через сие и святыня церкви осталась неприкосновенною, и жители сего села спаслись от пламени и грабительства дерзких врагов. Во время нашего бегства весь хлеб разграблен. И одних вещей из дома моего похищено по умеренной цене на 788 рублей 50 копеек. О чем хотя и представлено от меня к высшему начальству, но пособия и платы за сии вещи никакой ни от кого я не получал20. И при этом честь имею дополнить, что из товарищей моих того времени — священник Волочков, Иаков Медведков, бывший во оном же селе священником, умер в 1832 году, и причетники также все в разные годы померли. Впрочем никто из них, никакого пособия ни от кого не получал.

Благочинный села Следнева

священник Василий Медведков

По селу Устью

1836 г. сентября 26 дня, мы нижеподписавшиеся Смоленской епархии Ельнинского уезда села Устье, тоже Покровского, во исполнение указа Смоленской духовной консистории за № 4843 последовавшего, сим почтеннейше объявляем, что 1812 года, августа 15 числа во время служения божественной литургии, которую совершал приходской священник с своим причтом, неприятельская часть отряда вооруженная, состоящая из осьми человек кавалерии, приехав в дом помещиков Николевых и увидев в оном доме 20 пик или дротиков, слесши с лошадей, поломали оные пики на мелкие части. И хотя ограбили разное помещичье имущество, но к церкви приехавши опасались во оную для разграбления войти, предполагая вооруженных около оной крестьян. По чему, благодарение Богу! окончано богослужение благополучно. Того ж месяца, августа 18 числа, т. е. в воскресение, по утру, в сем Устинском храме неприятельский иной отряд ограбил церковные вещи: серебряный потир с его всем прибором, два знаменательныя кресты. Один все серебрянный, а другой накладной, и от престольного Евангелия десять серебрянных штук. Но сии вещи, кроме накладного креста, в ноябре месяце 1812 года отысканы в селе Гнездилове у священника Иосифа Лазарева. Ибо сии грабители церковных вещей при разграблении Ждановской церкви, тамошними дворовыми людьми иные убиты, иные в плен взяты. В половине октября, когда неприятеля российские войска со всех сторон гнали из Отечества, в селе нашем Устье находилось шестьдесят человек донских казаков, в числе коих была большая часть стариков. И оные проживая около двух недель в священническом доме, в соседственных селениях расстоянием от села Устья в верстах 20, 15 и 10-ти около 200 неприятельского войска, возвращавшегося из древней столицы, в сие время иных убили, иных в плен взяли и отослали в город Калугу. Иные от страха в глубокие колодези бросались и там их крестьяне зарывали. И с сего времени оные донские казаки, обогатив себя орудием, как село Устье, так и окрестные селения от грабителей нетерпимых совершенно уже очистили. Убыток и грабеж от неприятеля оного села священно и церковнослужители претерпели более тысячи рублей. О чем по требованию было об оном объявлено и высшему начальству. Пособие ж денежное на посев ярового хлеба в Дорогобужском духовном управлении священник получил 80 рублей, диакон — 50 рублей и причетчики тоже 50 рублей.

К сим показаниям села Устья престарелый священник Петр Белогородский подписался. Того ж села диакон Иаков Костинский подписался. Того ж села пономарь Василий Волочков подписался.

Замечания священника Захария Стабровского

ЗАМЕЧАНИЯ МОИ

И я в 1812 — вечнопомянутом для каждого верного россиянина году, хотя был 11-ти лет (само собою в эти лета, и в это грозное время я находился в селе Новоспасском, при покойном моем родителе) помню, что в какой-то праздничный, а как из анекдота моего родителя понимаю, в высокоторжественный день, отряд французских кавалеристов, во время служения литургии окружил церковь и хотел ворваться в нее. Но при всем их усилии не могли сшибить дверей храма. Они сделали выстрелы в верхние окны храма и бросились грабить дом помещика, потом вовсе опустошили дом моего родителя и причетников. По удалении варваров, родитель мой всю церковную утверь свез в лес и избрав тайно, не запомню сколько-то, крестьян хорошей нравственности, приказал им, чтоб они по очереди доведовались до того места. После сего, в одно время, когда отец мой и мать, и мы все, братья и сестры были на поле жатвы, как вдруг появились французишки! И узнав родителя моего по одежде с радостию закричали, иной: «О, ксенз, ксенз!». А иной: «Попе! Попе!». И бросились на него бестрепетно стоявшего. Начали требовать денег, потом раздели его и нашли при нем 40 копеек и отобрали от него эту сумму. В другом кармане обрели только ключи от храма. И этой находке преизмерно обрадовались. И потащили его с тем, чтобы он отдал им все сокровища храма. Родитель мой мужественно отвечал

им: «Храм оной давно разорен французами, и остались в церкви одни только ветхости». Они еще более начали настаивать грозя ему смертию. Отец мой с таким же непоколебимым духом и твердостию то же самое им неоднократно повторял. И оне, видя, что он с презрением смотрит на угрожающую ему смерть, оставили его. И взяв с собою церковные ключи поехали. И проехав так с четверть версты закричали: «Ксенз! Ксенз! Возьми ключи!» И бросили их на дорогу. Родитель мой, как бы на крыльях полетел и поднял ключи — единственное свое сокровище.

В другой раз прибыли в наш дом поляки. И после требования водки и денег долго говорили с родителем. И поляки и разговор был веселый. Родитель мой довольно хорошо знал польский язык. Он в царствование государя Императора Павла Петровича посылан был в Минскую губернию для обращения католиков на православие. Потом разговор переменился и поляки стали говорить с жаром, как вдруг один из них, как можно отвратительной наружности, схватил ружье и направил на нашего родителя, хотя его застрелить. И мы, т. е. дети, видя неминуемую и уже предстоящую смерть виновника нашего бытия с воплем и рыданием пали к ногам сего чудовища и умоляли его о помиловании дражайшего нашего родителя. И сатанинская улыбка появилась на сатанинской роже сего презренного ляха. И он опустил свое смертоносное орудие. После сего, сии ненасытные гарпии, забрав даже ни к чему годные тряпицы и последние остатки съестных припасов, уехали. По отбытии сих варваров родитель наш сказывал, что они рассвирепели на него за то, что он несколько намекнул им, как он бывши в Минской губернии в силу монаршего указа поступил с их соотечественниками. По прошествии нескольких дней после того грозного дня, в который едва не прекратилась жизнь моего родителя от святотатственной руки буйного ляха и, когда еще каждое напоминание о той ужасной минуте приводило все наше семейство в содрогание, в один, хотя осенний, но прекрасный октябрьский день, при самом восхождении солнца, по дороге, идущей от города Ельни, на расстояние от Новоспасского как на версту, на вершине длинной отлогистой горы, как по дороге, так и по обширному отлогистому полю, внезапно явилось множество на быстрых конях ристающих всадников, и на бранных их орудиях ярко отражались лучи великолепного, восходящего светила дня. И мы долгое время не только не видев ни единого отечественного воина, ни даже не имея ни малейшего слуха о нашем воинстве, быв устрашены сим внезапным появлением войск, бросились к отцу, крича: «Французы! Французы!» И убеждали его бежать и нас укрыть от аспидских взоров их. Но он остановил нас и внимательно обратил взоры свои на всадников. Потом вдруг, о, радость! Родитель наш обращается к нам с преисполненным радости лицом и с восторгом говорит: «Дети! Я всегда твердил вам, молитесь Богу, и гнев Господень, карающий нас грешных за прегрешения, наконец разродится к нам сугубым милосердием. Это не враги наши, это храбрые сыны грозного Дона. Грозного, но не для нас, но для извергов, изуверов, опустошивших домы и поля наши, разграбивших и осквернивших святые храмы наши». Потом громко возгласил: «О, священная река Дон! На берегах которой порождаются столь мужественные витязи, ревностные каратели злочестия, разврата и безбожия!» И с торопливостью взял хлеб и соль, и взял меня за руку, поспешил навстречу воинам. Также приказал и всему семейству за собою следовать. И когда он спешил во сретение сему отечественному легиону, помню, что слезы радости катились крупным градом по иссохшему лицу его. И я, смотря на него, навзрыд помогал ему плакать. Когда же приближились воины, то каждый из них слезал с коня и подходил к родителю моему под благословение. И все единогласно восклицали: «Теперь радуйтеся, не бойтеся. Молитесь за нас Богу, а мы в прах врагов наших сметем с лица земли дражайшего нашего Отечества». Сии священные и восхитительные минуты никогда не изгладятся из моей памяти. Хотя еще и много приходит на память, но по тогдашней моей юности, все неподробно, не обстоятельно. Но твердо помню то, что отец мой во все то бурное время, если только что ему не препятствовало, почти ежедневно входил один в церковь и запершись внутри, бывал в ней по нескольку часов и иногда по целому дню.

Села Гореенова

священник Захарий Стабровский

Поречьской Пятницкой церкви

в Поречьское духовное правление

Города Поречья Пятницкой церкви
от протоиерея Илии Зверева

РАПОРТ

Во исполнение последовавшего из Смоленской Духовной консистории в оное Духовное правление указа от 7 числа августа сего 1836 года за № 4849, полученным 19 числа августа ж, честь имею оному правлению отнестись. В прошедшем, 1812 году, я находился при Поречьской соборной церкви протоиереем и благочинным и живо припомню, что в том, 1812 году, в июле месяце было предписание по светскому правительству в Поречьскую градскую полицию, чтобы гражданам из города не выбираться куда-либо не опасаяся нашествия неприятеля21, а разрешено уже сие в городе Поречье того ж июля 18 или 19 числа. В таком случае все начали выбираться обыватели из города куда-либо, с неспособностию забрать из имения своего что-либо. 19 числа июля я, с помощью соборной церкви помощников, старосты церковного (мещанина Александра Родомацкого, который тогда отлучился из города неизвестно куда), мещан Андрея Лебеткина, кой уже умре, и Андрея Лаврентьева Ларгенкова в церкве соборной с торопливостию от наступления неприятелия отодрали от

святых икон оклады серебрянные, сосуды священные серебрянные, Евангелие окладные серебром, кресты напрестольные серебрянные и прочие вещи видные в церкви, а также и деньги церковные с собою в стихарях с завязанными у них рукавами, употребленными вместо мешков, унесли. Что видя из проходящей нашей армии офицеры некоторые дали нам пару лошадей с повозкою, потому что тогда нанять негде было, и всякому нужда своя надлежала. Оные вещи на сей повозке отвезли мы на 16 верст в отстоящее сельцо Лоскотово, помещика Петра Дайнатика, в лес, который простирался верст на пять или более, где и я с означенными помощниками старосты при вещах находились. Да и почти половинная часть граждан там же сохранялась. И хотя оного помещика дом французами несколько раз ограблен был, но в лес они не отважились итти преследовать нас. Оные же вещи все в целости и деньги возвращены были нами в церковь означенную соборную в октябре месяце в последних числах. Денег же было с лишним три тысячи рублей, что и в ведомости годовой означено за 1812 год в консисторию посланной. Приходскую же Пятницкую церковь неприятели ограбили, мало что оставя. Священника сия церкви Антония Соколова не успевшего уйти, в оной же церкви французы били железными шомполами, от чего он по времени и умер. Священника соборной церкви Конона Безсребренникова, также не успевшего из дома своего выбраться, в доме его разными образами тиранили, дабы отдал им церковные и свои деньги. Августа 15 числа того ж 1812 года, когда дивизия французская в город Поречье прошла и стояла суток трое, расположилися они лагерями стоять между городом и кладбищною Духовскою церковью. А генерал их с женою, как бы не отыскал в городе дома, квартировали в церкви Духовской кладбищенской с пренебрежением святыми, где генеральша в церкви и родила. Однако в церкви сей хотя ни что не вынесено было по неспособности, но все осталось цело. На кладбищах новые могилки погребенных тел разрываемы были французами, в надежде получить что-нибудь от граждан сокрываемое. Я же, нижайший, по дому своему, отпустя жену свою с детьми в другую сторону города, верст за 50 в леса и не имел способу выбрать из дома и увезти, потерпел убытку на 1800 рублей, что и в реестре означено того года, который надежно имеется в Духовной консистории с прочими. Но пособия никакого не получил ни от кого, даже и тогда, как прочее духовенство получало от Синодального члена, Преосвященного Феофилакта Архиепископа Рязанского22, по нерасположению его ко мне бывшему, происшедшего от клеветников моих. От чего я и по сие время претерпеваю крайность в содержании своем, о чем рапортую верно. Сентября дня 1836 года. К сему рапорту Поречьской Пятницкой церкви протоиерей Илия Зверев руку приложил.

По селу Бородину

Получено сентября 23 дня 1836 г.

Поречьского уезда села Инкова

Благочинному священнику Григорию Садовскому

Села Бородина от священника Петра Евстахиева

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Во исполнение указа из Смоленской Духовной консистории, последовавшего о том, какие, где действия и пожертвования в 1812 году происходили, нижеследующее объявляю. В 1812 году месяца июля 25 числа по приглашению графа Платова все Атаманское войско убеждал словом Божиим к лучшим военным подвигам на поле около села Ополья, отстоящего от Смоленска в 25-ти верстах. С 13-го числа августа будучи при Поречьской Пятницкой церкви приходским священником и указным депутатом и увещевателем собрал я дружины, состоящей из поречьских мещан, человек ста до полтора, из коих было отличных с оружиями и пиками конницы человек 60-т, кои военные действия продолжали от 14 числа августа до ноября последних чисел23. А шестьдесят всегда со мною, простирались даже до белорусского города Ворши*. В каковом военном действии человек сот до пяти побито и более пятисот взято в плен, да исправник, прихожанин мой Иван Иванович, убежден будучи мною, с дворянами собравшимися октября 20 числа, человек до 30-ти единовременно взяли вместе со мною около сельца Федоровского в плен мародеров французов 25-ть человек. Я сам лично 30-го числа сентября посредством латинского языка взял в плен генерала французского лейтенанта по имени Фуше с экипажем и багажем тысячь на 20-ть, которое все роздал бедным и разоренным с тем, чтобы не унывали и надеялись бы на Бога, вооружались бы против неприятеля. В Белоруссии замечания достойно то, что помещики были присягнувши Наполеону, готовили в Могилев провиант и выбирали рекрут на помощь французам. Хотели всех нас перерезать. Но осторожностию моею все 60-т человек сохранены, потому что я умея обходился с умнейшими людьми, кои мне о таковом злонамерении предъявили. Следовательно, я должен был взять меры к сохранению всех. О каковых подвигах моих и 60 человек конницы, из числа сих подвижников поречьский купец и кавалер Никита Меншиков, за предоставление офицера французского с планами в Вязьму город, к князю Кутузову, представил к военному министру Вязьмитинову, который министр дал 9 тысяч на раздачу дружине конницы24. И я получил 200 рублей. Каковое пожалование девяти тысяч денег не в награду дано, а господин министр обещался на бумаге представить к монарху, как и видно из предписаний его в 1813-м году к Смоленскому губернатору. Но представлял ли господин министр к монарху, того не знаю. Я действовал не ожидая никаких наград. Да, еще замечания достойно и то, что господину министру французский штандарт он Меншиков доставил, каковой ныне находится в Санкт-Петербурге соборной Казанской церкви. Да еще замечания достойно то, что по прогнанию врага вместе с дворянами и установления спокойствия и тишины в народе, я старался — привел в порядок все церковное и за болезнию многих священников обеих церквей служил обедни и требы правил. За каковые мои подвиги нажил многих врагов. Но от всех сил совершенно промыслом Божиим избавлен, о чем всем и объявляю. 1836 года месяца сентября дня. К сему объявлению села Бородина священник Петр Евстахиев руку приложил.

Примечания

1 Ко времени занятия Наполеоном Москвы там насчитывалась 291 церковь и 24 женских и мужских монастыря. См.: Розанов Н. История Московского епархиального управления. Со времени учреждения Священного Синода (1721—1821 гг.). М., 1871. Ч. III. Кн. 2. С. 4; Военский К. А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. М., 1912. С. 33.

2 Согласно сведениям, присланным Московским архиепископом Августином главнокомандующему Москвы генералу А. П. Тормасову 21 февраля 1818 г. на исправление московских храмов и церквей, поврежденных в 1812 г., было израсходовано 1 млн. 489 тыс. 121

руб. 66 коп. В общей сложности, помимо монастырских строений, в Москве было повреждено 127 церквей, из которых 12 уже не подлежали восстановлению. Они были разобраны, а материал пошел в пользу других восстанавливаемых церквей и монастырей. См.: Розанов Н. История..., С. 44, 45; Снегирев И. Очерки жизни Московского архиепископа Августина. М., 1848. С. 45.

3 Многочисленные документы свидетельствуют о том, что неприятельские солдаты и офицеры вскрывали свежие захоронения на городских и сельских кладбищах в надежде найти в них тайники ценного имущества и денег бежавших или скрывающихся жителей. Например, тело убитого французами священника Сорокосвятской церкви Петра Гавриловича Святославского неприятели дважды вырывали из могилы, думая, что там спрятаны сокровища. См.: Студитский И. М. Русское духовенство в Отечественную войну 1812 года. Кострома, 1912. С. 14.

4 Например, неприятелем были обращены в конюшни нижняя церковь Заиконоспасского мужского монастыря, церковь Божьей Матери Рождественского монастыря, в продовольственные и фуражные склады были превращены церкви Страстного монастыря, кремлевские храмы Спаса на Бору и Николы Голстунского. См.: Военский К. А. Русское духовенство... С. 38—44.

5 На этом месте сейчас жилой дом № 6 по ул. Тверской.

6 Сохранилась до наших дней по адресу Хохловский пер., д. 12.

7 Достойны упоминания имена погибших от рук неприятеля приходских священников И. Петрова, И. Андреева, М. Николаева.

8 Казначеей Новодевичьего монастыря в 1812 г. была сестра Сарра (1757—1839?).

9 Более подробно события эти переданы в воспоминаниях штатного служителя Новодевичьего монастыря Семеона Климыча. См.: Московский Новодевичий монастырь в 1812 году. Рассказ очевидца. — Русский Архив. 1864. Вып. 4. С. 427—428.

10 Т. е. до выхода наполеоновских войск из Москвы.

11 Интересны детали этого денежного «обмена», сохранившиеся в документах того времени: «...потом он (квартирующий в монастыре генерал — В. Ц.) требовал у ней (казначеи Сарры — В. Ц.) серебряных денег, и она набрала ему рублей 25, за которые получила 25-рублевую ассигнацию, а в другой раз сам просил у казначеи ассигнаций, и как в то время в монастыре жили мирские люди обоего пола до 150 человек, то она набрала у них ассигнаций до 100 рублей и отдала ему, за что получила 100 же рублей медною монетою». Розанов Н. История... Прим. 70. С. 29—30.

12 По указу Священного Синода от 19 сентября 1813 г. за № 3185 вместо прежней, взорванной по приказу Наполеона, церкви Иоанна Предтечи близ Новодевичьего монастыря было дозволено строительство новой церкви, но на новом месте, близ дороги, ведущей к Новодевичьему монастырю.

13 Церковь Иоанна Предтечи у Никитских ворот. На этом месте сейчас дом № 6 по Тверскому бульвару.

14 Священник Петр Гаврилович Святосвятский (1746—1812).

15 Арьергардом русских войск, покидавших Москву, командовал М. А. Милорадович (1771—1825).

16 В 1817 г. М. А. Милорадович сопровождал Александра I при его посещении Москвы.

17 Благочинный протоиерей направил в церкви предписание 31 октября 1836 г.

18 Сторожевым отрядам казаков и земского войска.

19 Калуга была одним из мест сбора и содержания французских военнопленных.

20 Согласно указам Священного Синода от 17 февраля, 4 июня и 14 июля 1813 г. об определении пособий духовенству и прочим лицам духовного ведомства, а также вдовам и сиротам умерших священнослужителей, пострадавшим в 1812 г., было роздано 1 млн. 039 тыс. 342 руб. 1/4 коп. Розанов Н. История... сноска 101. С. 43.

21 Распоряжение Смоленского военного губернатора барона К. И. Аша.

22 По повелению Александра I архиепископ Феофилакт в 1813 г. объезжал с инспекцией все «разоренные от неприятеля епархии». См.: Смоленская старина. Смоленск, 1912. Вып. 2.

23 Многочисленные документы свидетельствуют, что действительным руководителем пореченского отряда был купец Никита Минченков. Его численность составляла 63 человека, из которых 49 — мещан, 9 — купцов, 2 — дворовых человека и 3 — лица духовного звания. См.: Смоленская старина. Смоленск, 1912. Вып. 2. С. 138; Альтшуллер Р. Е., Климова С. В. Реликвии боевой славы (Документы и материалы новой экспозиции в ГИМе). — История СССР. 1963. № 1. С. 231.

24 За пленение французского офицера и двух рядовых Н. Минченков был награжден Знаком отличия Военного ордена св. Георгия Победоносца. Полученные же от генерала С. К. Вязмитинова 9 тыс. руб. пошли на покрытие издержек по содержанию упомянутого отряда из поречьских обывателей, затраченных Н. Минченковым и П. Евстахиевым.

Публикация С. А. МАЛЫШКИНА, В. И. ЦВИРКУНА

Письма А. Ф. Тютчевой к князю П. А. Вяземскому

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Милый Князь, Ее Величество просила передать...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 120. — [Т.] V.

XXII

Милый Князь, Ее Величество просила передать, что она будет очень рада вас видеть не облаченным в форму. Служба начинается в 10 1/2 часов, но Ее Величество полагает, что Вы не поспеете к этому часу и просит вас приехать, если вы сможете, до полудня, чтобы она успела повидаться с вами перед тем как пойти отдыхать. Ее Величество ложится в час, обедает в половине третьего. Итак, до удовольствия снова видеть вас завтра.

Тысяча нежных приветов Княгине и примите уверения в моих самых искренних дружеских чувствах.

Анна Тютчева.

У императрицы не будет никакого официального приема, завтра к ней явятся только самые близкие люди.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Милый Князь, императрица соблаговолила...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 120. — [Т.] V.

XXI

Милый Князь, императрица соблаговолила поручить мне сообщить вам, что она не настаивает на том, чтобы вы облачались в форму и собирается удержать вас в Царском до шестого декабря, приезжайте же завтра с оружием и багажом. Вам будет дозволено съездить иногда освежиться (лучше сказать согреться) в город. Я знаю, что вы любите Царское, это меня утешает, ибо провести пятнадцать дней в таком пустынном и грустном месте нелегко.

Итак, до свидания, милый Князь. Тысяча приветствий.

А. Тютчева.

Вторник. Утро.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Милый князь, я не ответила на вашу записку...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 119. — [Т.] V.

XX

Милый князь, я не ответила на вашу записку поскольку не знала куда вам писать. Но сегодня вечером г-н Батюшков67 был у меня и взялся доставить вам мое послание. Примите же, Князь, поздравления с приездом. Надеюсь, нетерпение, которое вы испытываете при мысли о скорой нашей встрече (когда я говорю нашей, это лишь манера выражаться, ибо я не настолько самонадеянна, чтобы всерьез рассчитывать на ваше нетерпение), будет лучшим лекарством для вашего излечения. Здесь вас ждут, хотят оказать вам гостеприимство в холодном и дождливом Царском, стремятся погрузить вас целиком в стихию cara patria*, основной особенностью которой является скверная погода. Вы расскажете нам, что где-то есть солнце, голубое небо, зелень, цветы и вы нам покажетесь таким загадочным, каким захочет предстать путешественник, стремящийся поразить воображение своими рассказами о чудесах, увиденных в дальних странах.

Мы уедем в город только 24-го, даже если вам не хочется, все равно придется приехать в Царское.

Прощайте наименее усердный и наиболее беспечный из всех придворных, вам везет не по заслугам. До свидания, если это выполнимо.

А. Тютчева.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Князь, мне поручено сообщить вам...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 119. — [Т.] V.

XIX

Князь, мне поручено сообщить вам, что ваши аппартаменты во дворце готовы и вас ожидают. Я вчера ходила их осмотреть и, думаю, вы останетесь довольны. Благоволите сказать Княгине, что упомянутые аппартаменты находятся в самом большом удалении от моих и примыкают к церкви. Таким образом, вы будете жить в атмосфере истинной святости и в безопасности от любых поползновений с вами пококетничать.

Если вы позволите дать вам совет, я скажу без всякой задней мысли и личной заинтересованности, что вы хорошо сделаете, приехав поскорее в Царское. Для того, чтобы устроить вашу квартиру, было приложено много стараний, и императрица сказала мне, что она будет счастлива иметь возможность здесь с вами видеться; будет очень невежливо с вашей стороны приехать только первого сентября, когда императрица уедет. Может показаться, что я хлопочу в пользу своего «прихода», нет, вы должны согласиться, что я права.

Прошу передать мое почтение Княгине и примите заверения в моем совершенном уважении.

А. Тютчева.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Милый Князь, как хорошо, что вы напомнили мне...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 118—119. — [Т.] V.

XVII

Милый Князь, как хорошо, что вы напомнили мне о письме графини Толстой. Я снова говорила о нем с императрицей, которая о нем совсем забыла, но обещала теперь переговорить о письме с государем. Больше мы ничего не узнаем, вряд ли императрица скажет мне, решил ли он согласиться или отказать. Я Вам прощаю даже то, в чем была на Ваш счет введена в заблуждение, это мне нетрудно, на сердце у меня легко.

Пасхальной ночью я буду с императрицей в домашней церкви. Вы, как я предполагаю, будете присутствовать при выходе и если после службы захотите зайти ко мне разговляться, я буду счастлива. У меня соберутся сестры, придут братья и быть может Софи Мещерская65 с племянником.

Прощайте, тысяча дружеских приветов Княгине. Я не могла на этой неделе выполнить ваше поручение у графа Муравьева66, была нездорова и до сих пор чувствую легкое недомогание. Не выходила из дворца с воскресенья.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Милый князь, императрица желает вас видеть сегодня...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 118. — [Т.] V.

XVI

Милый князь, императрица желает вас видеть сегодня, в среду, в полдень, чтобы вручить вам (пасхальное) яйцо.

Тысяча приветствий. Не зайдете ли вы после этого ко мне выпить чаю?

Анна Тютчева.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Милый Князь, вот книга Шнеля...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 118. — [Т.] V.

XV

Милый Князь, вот книга Шнеля, которую я вам дарю. Уверена, что вы прочитаете ее с удовольствием. Почему вы не пришли вчера на обед к императрице? Вас ждали, чтобы садиться за стол.

Приходите повидать меня на этих днях. Правда, погода к этому не располагает. Приветствую вас и прошу передать привет Княгине.

А. Т.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Императрица отправится в Тавриду только к обеду...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 118. — [Т.] V.

XIV

Императрица отправится в Тавриду только к обеду; утро она проведет у себя и хочет воспользоваться этим, чтобы вас повидать.

Приходите же без церемоний и примите мои дружеские чувства.

А. Тютчева.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Милый Князь, императрица поручила передать вам...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 118. — [Т.] V.

XIII

Милый Князь, императрица поручила передать вам, что она желает видеть вас завтра, в четверг в половине второго.

До свидания, надеюсь, что вы здоровы.

А. Тютчева.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Милый Князь, императрица примет г-на Рейтерна во вторник...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 118. — [Т.] V.

XII

Милый Князь, императрица примет г-на Рейтерна63 во вторник и хотела бы, чтобы он захватил с собой Павла Жуковского64. Относительно поэмы Дон Жуан Ее Величество пришлет нам свои распоряжения. Она сказала, что поругает вас за то, что вы не обратились к ней непосредственно; вы видели ее за завтраком и могли и должны были сказать ей о своей просьбе. Она была также обижена вашим скорым отъездом из Царского.

В общем вам еще надо учиться и учиться быть царедворцем. Имейте в виду, что здесь неуместна милая непринужденность и наивная небрежность истинного сына Парнаса. Одно дело быть поэтом и другое — придворным. Фантазии муз легче угадать, чем фантазии повелителей.

Затем будьте здоровы и до свидания, надеюсь на один из вечеров в компании с Дон Жуаном. Мои приветствия вашей супруге.

Анна.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., 1856 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 113—114. — [Т.] V.

VIII

1856

Милый князь, тысяча извинений за то, что я не возвратила вам порученное мне письмо, я несколько раз напоминала о нем императрице31, но она так и не соблаговолила мне его вернуть.

Мы через полчаса уезжаем, а она мне его еще не отдала, хотя обещала вчера вечером это сделать. Императрица поручила мне передать вам, что она нашла ваши стихи восхитительными, в особенности стихотворение о деревенской церкви32 и что она очень хочет видеть вас в Петербурге.

Вообразите, я узнала о смерти бедной Софи только 8-го, и то случайно. Затем получила вашу записку. Спасибо за сообщенные вами подробности. Умоляю вас уведомить меня, когда должна приехать Лиза.

Прощайте, я пишу наспех перед отъездом на вокзал. Примите мои дружеские приветы и постарайтесь приехать во вторник. Кланяйтесь Княгине.

Ваша А. Тютчева.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Императрица задерживается...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 113. — [Т.] V.

VII*

Князю Вяземскому. Венеция.

Императрица задерживается неделю Харькове болезни. Сейчас ей лучше. Завтра будем в Царском. Очень тепло.

Анна.

* Телеграмма. (Прим. публ.).

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Князь, вот господин Каменский...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 113. — [Т.] V.

VI

Князь, вот господин Каменский, которому по моей просьбе вы разрешили обратиться к вам. Я надеюсь, что вы найдете ему применение и подыщите ему место, которое спасет его жену и детей от голода. Вы так добры, что я уверена, что вы ему поможете, если это возможно. Приветствую вас и желаю всего лучшего.

А. Тютчева.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., 16/28 июня 1854 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 110—111. — [Т.] V.

IV

16/28 июня (1854)

Милый Князь, как приятно, что вы надумали написать мне и как добра была Княгиня выполнив своей рукой ваше намерение. Я тронута, признательна и благодарю вас обоих от всего сердца. Я собиралась писать вам, так как Лиза просила сообщить о том, что произошло в их семье. Сама она не в силах это сделать. Вас должно было ужаснуть известие о горе, постигшем наших бедных друзей. Это так неожиданно, так ужасно, что даже самые равнодушные потрясены. Вот некоторые подробности гибели Андрея, которые Лиза просила пересказать вам. Кажется Андрей, предприняв энергичное наступление на врага, был завлечен в ловушку местными

жителями, которые заверили его, что перед ним только 400 турок. Он переправился через небольшую речку и оказался в окружении 7000 солдат. Поняв, что все погибло, Андрей приказал унтер-офицеру Дике командовать отступлением. А сам вызвал добровольцев, которые образовали заслон для защиты отступающих товарищей. Все они до последнего были изрублены в куски. Как видно никто не осмелился сразу же вернуться и подобрать трупы. Местные жители закопали трех офицеров. Позднее тела извлекли из ямы и лакей Андрея узнал своего хозяина по бороде и ногам. Тело было обнажено, лицо изрублено, грудь справа проткнута копьем. Его временно погребли в Слатине, в монастыре св. Николая, но потом перевезут сюда. Горьким будет это утешение для несчастной Авроры. В течение нескольких дней ходили неясные слухи, что Андрей не убит, а попал в плен, и бедная женщина, помимо своей воли, цеплялась за эту жестокую надежду. Я еще с ней не виделась. Говорят, что первое время она была в безумном отчаянии, теперь, по словам Лизы, она героически старается смириться со своим горем. Очень плохо состояние Софи, и вся семья этим обеспокоена. Недуг, которым она страдала, усилился. Она живет с Мещерскими в Царском Селе, где должна лечиться водами Эгра. Лиза, как всегда забывая себя, заботится только о других. Аврора сейчас здесь с Вольдемаром и Александром, только что приехавшим, но на лето она уедет в Курск к своей невестке Александрине. Мне очень тяжело пересказывать вам эти грустные вести о людях, которых вы любите.

Рядом с личными горестями, такими ужасными и душераздирающими, жизнь и сопутствующие ей события не прерывает своего течения. 14-го вражеский флот появился перед Кронштадтом. В тот же вечер мы большим обществом с великой княгиней цесаревной и великой княгиней Марией24 отправились посмотреть на него с балкона дворца в Ораниенбауме. Солнце слепило глаза, в воздухе стоял густой белесый туман и, признаюсь, несмотря на подзорную трубу я ничего не увидела, но другие уверяли, что насчитали двадцать шесть кораблей. Мы весело пили чай под носом у врага. Потом отправились в деревенской таратайке на Бронную гору, чтобы получше рассмотреть противника. Оттуда я его увидела через свой лорнет. Вдоль всей дороги по холмам расположились на траве группы любопытствующих с подзорными трубами и самоварами. Все «поздравляли друг друга с англичанами» (чисто русский оборот речи). Полагаю что радоваться нечему, они поступят так, как всегда — посмотрят и великодушно удалятся. Но к встрече с ними мы готовы. На днях были мы в Петропавловской крепости. Солдаты, по всей видимости, не отказались бы направить дула своих пушек на английские корабли. Однако с 14-го числа флот так и не двинулся с места. Весь Петербург с его окрестностями пришел в движение и стремится повидать заморское чудо. Итак, эта грандиозная экспедиция является лишь предметом развлечения для бездельников. Ах, господа англичане, вы выставили себя в самом смешном виде!

Мама? уехала в деревню с детьми и моими сестрами, папа? сейчас в Москве, но, полагаю, англичане заставят его скоро возвратиться. Прощайте, милый Князь, мне остается лишь поздравить вас с рождением внука. Эта новость обрадовала всех ваших приятелей и приятельниц, которых у вас много. Фрейлины великой княгини Марии просят передать вам наилучшие пожелания.

Анна Тютчева.

Дорогая Княгиня, отправляю это письмо на ваше имя. В нем содержатся те подробности о смерти Андрея, которые вы, быть может, не захотите сообщать Князю пока он проходит курс лечения, чтобы его не расстроить. Итак, я вручаю свое послание в ваши руки и благодарю вас за то, что вы помогли Князю написать мне. Примите уверения в моем глубоком почтении.

Анна.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., 7 мая 1854 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 110. — [Т.] V.

III

7 мая 1854.

Милый Князь, спешу сообщить вам как можно скорее новость, которая вас обрадует: английский

фрегат Тигр захвачен нашими сухопутными войсками в шести верстах от Одессы. Передо мной бюллетень об этом происшествии, который вышел сегодня утром. Новость была получена вчера вечером. Можете себе представить как все были обрадованы. Разве не забавно, что один из великолепных фрегатов великолепного английского флота был подобран словно жалкая устрица, оставшаяся на суше после отлива, и это под носом двух фрегатов союзных держав, один из которых пытался подойти так близко, что килем достал дно, о чем свидетельствует тот желтоватый след, который он оставил взбаламутив песок. Первый выстрел с нашей стороны пробил бок корабля, два последующих повредили днище, и он начал погружаться в воду. Был выкинут белый флаг, и офицеры спустились на сушу, чтобы сдать оружие. Капитан был ранен и в качестве парламентера выступал его помощник. Пишут, что он был в таком бешенстве от унижения, что, когда Остен-Сакен разговаривал с ним, искусал себе кулак до крови. Государь повелел привезти этого офицера сюда. Что касается капитана Гриффорда, он находится в карантине, лечит его английский врач с его фрегата и, говорят, он вне опасности.

Если это пленение не столь уж славно, то во всяком случае приятно. То, что они оказались униженными именно в тех местах, о которых они так подло лгали, доказывает, что Бог самолично взял на себя заботу ответить на лживые сообщения Гамлэна и Дондаса. Еще вчера мы читали в «Журналь де Деба», слова, которыми заканчивалось сообщение Гамлэна: «Если высшее военное искусство состоит в том, чтобы наносить противнику возможно больше вреда, оставаясь неуязвимым, то мы можем гордиться: мы этого достигли». Новость о злоключениях Тигра пришлась очень кстати.

Вы, Князь, обязательно должны написать статью, они вам так хорошо удаются, — чтобы сказать им, что лгать нехорошо. Наши бюллетени способны поправить погрешности в их описании бомбардировки Одессы, но следует воззвать и к их нравственному чувству и сказать, что ложь не только большой грех, но она еще и смешна. Здесь были бы очень довольны если кто-нибудь взялся бы умело сказать им об этом. Папа? шлет вам привет и просит сказать, что был бы счастлив написать вам, если бы не был так ленив.

Прощайте, милый Князь, примите мои наилучшие пожелания и передайте мое почтение Княгине.

А. Тютчева.

Я хотела вам послать печатный бюллетень, но был только один экземпляр, полученный великим князем, который мне не дали. Пришлось его для вас переписать.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., 3 мая 1854 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 108—109. — [Т.] V.

I

Милый Князь, вы не можете себе представить, как рада я была получить ваше письмо и узнать, как вам живется от вас лично: уже давно о вас здесь вспоминают лишь по привычке. Прочитав ваше письмо, я словно с вами повидалась, за что благодарю от всего сердца. Что касается ваших стихов1, я не смогла передать их кому-либо из морских офицеров, ибо ни с кем из них не знакома, а моих братьев, которые имеют друзей среди них и сами служили на флоте, сейчас нет в Петербурге. Но Лиза2 займется распространением ваших стихов и переправит их в Кронштадт через Оболенского3, Опочинина или еще кого-либо из посетителей их салона.

Великий князь4 и великая княгиня5 брали у меня ваши стихи и нашли их прелестными. Мама?6

пишет, что вы готовите брошюру, которая должна скоро выйти7. Мы ожидаем ее с нетерпением. Так приятно прочитать хоть немного уравновешенной и хорошо написанной правды после того нагромождения лжи и ругани, которым ежедневно снабжают нас газеты. А, в общем, Россия показывает пример хорошего тона: говорит мало, но по делу, не повышает голос, выбирает

выражения, проявляет широту взглядов и хладнокровие, присущие тому, кто прав. Санкт-Петербургская газета весьма созрела и рискует, среди множества доброжелательных американских и английских статей, печатать свои собственные статьи, и совсем неплохие, если только не вмешивается Лабенский8. С тех пор как растаяли укрепления из снега и льда — единственные преграды, способные защитить нашу варварскую родину — мы ждем к себе со дня на день господ англичан. Петербург даже принарядился для их встречи. Никогда еще весна не была столь ранней, каждый день двадцать градусов тепла в тени и почти вся зелень распустилась. Город имеет праздничный вид. Но все это не соблазнаяет Нэпира.9 Он продолжает бессмысленно бороздить Балтийское море, имея всевозможные детские болезни на борту своих кораблей. Время от времени кто-нибудь говорит, что видел кого-то, который видел кого-то, кто видел английский флот. Это похоже на появление огромного морского змея, о котором рассказывают, но которого никто не видел своими глазами. В общем, после бомбардировки Одессы значительных новостей нет. Вчера было получено сообщение с Черного моря о том, что гарнизон последней черноморской крепости благополучно спасен греческим купцом Жаном Фоти, который проскочил между вражескими кораблями и вывез наших солдат, осажденных с одной стороны черкесами, а со стороны моря неприятельским флотом. Укрепления взорвали и заклинили пушки. Восемь греческих купцов вызвались принять участие в этой экспедиции. А вот к ним, этим беднягам, никто не спешит на помощь. Сердце кровью обливается, когда думаешь об этом несчастном греческом восстании.10 Мне приходится делать усилие, чтобы прочитывать в газетах статьи о нем, в которых говорится почти всегда с какой-то жестокой радостью об их неудачах. Но невозможно, чтобы Бог допустил их поражение.

Прощайте, милый Князь, не осмеливаюсь просить вас об ответе, ибо знаю, что когда проходят курс лечения в Карлсбаде, писать не разрешается. Надеюсь, что ответ Вы мне дадите в Петергофе уже лично. Мы отправляемся туда на будущей неделе, и я очень надеюсь, что когда вы поедете осматривать Кронштадтские укрепления, вы заедете ко мне отдохнуть и выпить чашку чая.

Кланяйтесь от меня Княгине и примите искренние заверения в моих дружеских чувствах.

Анна.

3 мая 1854. Петербург.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., 19 апреля 1865 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 116—117. — [Т.] V.

XI

Милый Князь, здоровье императрицы довольно прилично. Если не считать небольшой слабости, других болезненных явлений у нее нет, даже прилива крови к сердцу, чего я больше всего боялась. Она держит себя в руках, завтракает, обедает, гуляет в обществе и почти всегда с королевой Ольгой и немецкими родственниками. Таким образом, она никогда не остается одна, что в столь великом горе кажется мне таким необходимым. Но у великих мира сего другая манера воспринимать жизнь, нежели у нас.

Мы останемся здесь до 9 мая, в Петербурге будем 13 или 14. День Александра Невского приходится на 15.

Посылаю вам стихи отца на смерть наследника и стихи Николая Мещерского60, посвященные

принцессе Дагмаре.

Очевидно, вы приедете сюда на будущей неделе. Буду рада вас видеть. Передайте мои приветствия вашей невестке и г-же Мальцовой, которой я на днях напишу. В настоящее время

ничего нового ей сказать о здоровье императрицы я не могу, кроме тех сведений, что сообщаю вам в этом письме.

Сердечно жму Вашу руку и выражаю лучшие к Вам чувства.

Анна Тютчева.

19 апреля 1865.

С тобою смерть нас породнила

И пред страдальческим одром

Вся Русь тебя усыновила

В благоговении немом.

Ты сердцу русскому открылась

Любвеобильною душой

Когда, рыдая, Ты стремилась

Туда, к Нему в час роковой.

Ты наша! Будь благословенна

Тебя Россия поняла,

Тебя коленопреклоненно

В молитвах русской нарекла.

Заря, Ты солнце предвещала,

Восход лучами был богат...

Зарей вечерней осияла

Его Ты сумрачный закат!

И просиял он, умирая,

Когда предстала Ты пред ним,

Как душу пред вратами рая

Встречает светлый херувим.

Н. Мещерский.

12 АПРЕЛЯ 65

Все решено и он спокоен,

Он, претерпевший до конца,

Знать он пред Богом был достоен

Другого, лучшего венца...

Наследник лучшего наследства,

Наследник Бога своего,

Он — наша радость с малолетства,

Он был не наш — он был Его.

Но между ним и между нами

Есть связь и естество сильней,

Со всеми русскими сердцами

Теперь он молится о Ней.

О Ней, чью горечь испытанья

Поймет, измерит только Та,

Кто, освятив собой страданье,

Стояла плача у Креста.

Ф. Тютчев.

Окажите любезность показать дамам эти стихи, которые я собиралась им послать.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., 23 сентября 1859 г. Царское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 115—116. — [Т.] V.

X

Поистине, Князь, вы недовольны морщинкой на лепестке розы. Такая нежная немилость стоит больших милостей. Вы неблагодарны, упрямы, вы предаете свою страну и свою императрицу. Вы, если можно так сказать, самым дерзким образом не приезжаете без всяких причин и угрызений совести уже два года, и вот, вместо того, чтобы забыть вас и отнестись к вам с безразличием вполне вами заслуженным, вас стараются вернуть в отчий дом путем самых любезных упреков и самых любезных угроз, а вы недовольны и пускаетесь в рассуждения по пустякам. Мне прямо стыдно быть за вас ответственной. Если бы вы хоть признали свою вину, сказали бы хоть mea culpa*, нет, вы гордитесь своим скверным поведением.

Поторопитесь же возвратиться и сгладить шармом вашего присутствия всю вину вашего отсутствия. Мы предлагаем вам в качестве приманки Царское с его пожелтевшей листвой, серым небом, туманом, собачьим холодом и мрачным свистом осеннего ветра. Если это вас не соблазнит, вы очень привередливы и недостойны быть сыном страны столь благословенной небесами. По правде сказать, жизнь в Петербурге настолько отвратительна, что те, кто живет

там постоянно, производят впечатление людей, заключивших на это пари. Эта противоестественность влечет за собой странные извращения вкуса. К примеру, ваша невестка по причине антипатии к Петербургу воспылала такой любовью к Гапсалю, что слыша ее рассказы о нем, можно подумать, что она говорит не о мерзком эстонском городишке, а о обретенном рае.

Вернувшись четыре дня назад из этого восхитительного места, она сказала, что собирается купить там дом и в нем обосноваться. Я имела удовольствие провести вчера вечер у императрицы вместе с нею и вашим сыном. Занимались играми на сообразительность, полезными для развития и развлечения молодежи, в данном случае наследника и принца Николая Лейхтенбергского55. Оба они увлекаются игрой в секретер, омонимы и обладают литературными наклонностями доныне неведомыми в семье Романовых. Я предчувствую появление поколения остроумцев золотого века.

Вы поразитесь, увидев наследника. Он очень развился и изменился за эти два года. Это воспитанный, умный, интеллигентный, серьезный молодой человек, любящий серьезные занятия — и с привлекательной наружностью, что никогда не мешает. Вам будет приятно с ним познакомиться.

Государь отсутствует и вернется только 15 окт(ября). По дороге он встречался с Шамилем56, который ему очень понравился и который ему сказал, что жалеет, что так долго не понимал русских. Шамиль любит балы и предается радостям цивилизованной жизни. Мы его ожидаем сюда.

Принц Александр Гессенский57 здесь и вносит оживление в наши вечера. К сожалению, он должен скоро уехать, а два принца Лейхтенбергские уехали сегодня утром. Если вы встретите где-либо моего отца, приветствуйте его от меня. Я время от времени пишу ему в Европу, рассчитывая, что по счастливой случайности, мои письма к нему попадут. На днях я жду свою мачеху и надеюсь скоро повидаться с Мещерскими.

Дело княгини Эристовой улажено прошлой весной. Прощайте, милый Князь, на этот раз я говорю очень серьезно — до свидания. Не рассчитывайте больше ни на мои письма, ни на выполнение ваших поручений. Если вы не вернетесь, я вычеркиваю вас из своего сердца и памяти. Запомните мои слова.

Мое почтение и дружеские чувства Княгине.

Анна Тютчева.

23 сентября (18)59. Царское.

Императрица надеется видеть вас в ноябре, и в этом случае вас ожидает самый любезный прием.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., 17 октября 1858 г. Царское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 114—115. — [Т.] V.

IX

Милый князь, если бы вы могли, подобно всемилостивому Богу, довольствоваться благими намерениями, то без сомнения были бы мной довольны, поскольку вот уже около двух месяцев как каждый день у меня бывает благое намерение написать вам. Однажды утром я даже начала письмо, но не будучи в состоянии его окончить, выбросила: не люблю кушанья и письма в подогретом виде, а не с пылу с жару. Благодарю за ваше милое письмо. Ваши пейзажи переданы императрице в Москве, она поручила мне поблагодарить вас, наговорить побольше любезностей и, в особенности, обязать вас почаще давать о себе знать. Осенью мы совершили прелестное путешествие, о чем вам известно из газет. Именно тогда я взяла на себя полностью обязанности

гувернантки33 и, не прогневайтесь, достаточно хорошо справляюсь со своим делом, которое устраивает меня гораздо больше, чем обязанности фрейлины. Я рассказываю вам об этом потому, что во время нашей последней беседы в Петергофе вы несколько критически отнеслись к моим педагогическим способностям. С тех пор, как я сижу в детской, ко мне стали значительно

благосклоннее относиться, не обвиняют больше в том, что я вмешиваюсь в государственные дела и, увидите, со временем меня будут считать безвредной и почтенной особой, прилично знающей грамматику.

Вчера мы возвратились из Гатчины, где двор пробыл неделю. Было очень весело и шумно. Прогулки, охота, завтраки, обеды, спектакли, танцы, игры и так без конца.

Собирались в полдень, чтобы разойтись в два часа утра. Могу вам рассказать лишь о вечерах, поскольку дни я проводила со своей маленькой ученицей. Ежедневно ставили премилые спектакли. Однажды в представлении участвовали люди из общества под руководством Огарева и Кушелева. Показывали сцены-пародии из Заиры, Лючии и Нормы, ребусы и шарады. Героем одной из шарад был Мирбах, он изображал целое в виде амура с крылышками за спиной и колчаном на плече. Было много смеха и веселья. По части дам мы располагали вашей невесткой38 с Верой Бек и Адиной Философовой. К нашему большому сожалению они должны были нас покинуть, так как ваша невестка получила известие о смерти своего брата Монго Столыпина. Молодые девушки были милы, красивы, естественны, веселы и развлекались от всей души. Кроме них, были еще две молодые графини Шуваловы, графиня Адлерберг, некрасивая г-жа Толстая, еще более некрасивая и напыщенная, чем обычно. Великая княгиня Елена, прекрасная как никогда, оставалась всю неделю и принимала участие во всех развлечениях. Поразительно, она совершенно не стареет. Она приезжала со своим двором, с пианистом Рубинштейном и некоей м-ль Штубе, которую она вывезла из Германии, обладательницей сильного, но неприятного голоса. Что касается танцоров, то мы имели толпу адъютантов и для разговоров Муханова старшего, Муханова младшего, Балабина, Горчакова дважды. Человек, с которым я имела удовольствие поближе познакомиться — это Тотлебен50. В нем поражает удивительное чистосердечие, какая-то поистине детская простота и скромность, которую не смогли поколебать три года бесконечных рукоплесканий. Он от души смеялся, танцевал и говорил с неподражаемой наивностью, что ему в Гатчине очень весело. Как он отличается от наших салонных угрюмцев, которые, ничего не делая и ничего из себя не представляя, воображают, что всем пресыщены и во всем разочарованы.

Я часто вижу ваших внучек Катю и Ару, которые приходят на уроки гимнастики вместе с маленькой великой княжной. Они очень живые, милые и умненькие. Я в восторге, заполучив их в товарки для моей ученицы. Они очень независимы и не позволяют ей собой командовать; та, будучи великой княжной и избалованной единственной дочкой, естественно считает себя центром вселенной. Однако Ара разъясняет ей что такое права человека и прекрасно защищает их от ее маленьких тиранических поползновений. Дети с независимым характером так же редки, как и взрослые.

На этом, милый Князь, я прощаюсь с вами, боясь быть прерванной и вынужденной приниматься за письмо заново через два месяца.

Передайте от меня тысячу приветов Княгине, напишите мне поскорее и побольше и верьте в мою искреннюю дружбу.

А. Тютчева.

17 октября 58.

Царское.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., 25 ноября 1854 г. // Российский Архив: История

Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 112—113. — [Т.] V.

V

25 ноября 1854.

Милый Князь, мне было очень приятно получить от вас сразу два письма, а то я начала думать, что вы нас совершенно забыли, и не только меня, но и всех ваших петербургских друзей; напрасно я расспрашивала о вас повсюду — никто ничего не знал. Я тут же сообщила о вашем письме мама? и Карамзиным. Двор по-прежнему в Гатчине и по всей вероятности останется там большую половину зимы, принимая во внимание здоровье императрицы26. Она тяжело больна и слаба, что не позволяет перевезти ее в город, хотя врачи и хотели бы этого. Чем она больна не говорят, но по-видимому ее состояние внушает опасение. В среду был кризис, после чего ей стало лучше, слава Богу, и врачи как будто приободрились. Можете себе представить, каково у всех состояние духа: Севастополь, политика немцев, болезнь императрицы, беспокойство за отсутствующих молодых великих князей. Все это так угнетающе действует, что тяжко дышать. Горестно смотреть на Государя, он сильно идзменился за последние месяцы. Видно, что заботы терзают его. Вчера прибыл курьер из Севастополя. Наши предприняли несколько довольно удачных вылазок, убито некоторое количество неприятельских солдат и захвачены ружья Минье. В наш лагерь перебегает много англичан. Они говорят, что союзные войска страдают от голода, что не мешает им готовиться зимовать в Крыму. Молодые великие князья пишут очаровательные письма, полные подлинного чувства, простоты и религиозности. Их присутствие истинное благословение для армии, они поднимают дух солдат и умеют говорить понятным для них языком.

А вот новость, которая доставит вам удовольствие. Николай Муравьев будет командовать (нрзб.) и назначен генерал-адъютантом. Общественное мнение уже давно прочило ему этот пост, говорят, он тот человек, который там нужен. Поскольку остальные назначения, как обычно, противоречат общественному мнению, надо надеяться, что в данном случае выбор удачен.

Я не имею возможности сообщить вам свежие новости о городских жителях. Прошло уже восемь дней как я была в городе у мама?, которая возвратилась 15 сентября и обосновалась теперь в доме, принадлежащем армянской церкви, в очень красивой квартире, которая имеет лишь одно неудобство — находится слишком близко к небесам. Мама? думает, что это обстоятельство помешает даже ее лучшим друзьям являться к ней с визитами. Папа? в настоящее время уехал на восемь дней в Москву. Он совсем упал духом от положения, которое принимают наши дела, и называет весь мир, и людей его населяющих, глупцами. Говорит, что это война прохвостов с кретинами. Но не обращайте внимания, он был в дурном настроении, когда это сказал. Карамзины в городе с конца октября. Девицы расположились теперь на первом этаже вместе с Мещерскими. Софи по прежнему очень плоха, она лежит в постели до обеда, после обеда играет в карты, если находит сострадательного человека готового составить ей партию. Она довольствуется даже игрой в дурачки с Катей и играет до тех пор, пока не иссякнет терпение партнера. Разговоры, чтение, рукоделие, все что она так когда-то любила, для нее больше не существует, она не проявляет интереса ни к чему и ни к кому. Катрин еще не совсем хорошо себя чувствует и по-прежнему страстно поглощена политикой. Пьер27 уехал в Москву повидать брата Базиля, который чувствует себя не лучше Софи. Аврора вернулась две или три недели тому назад. Она по-прежнему в глубоком горе и находит утешение лишь в делах милосердия, потребность в которых сейчас велика. Весь город старается помочь раненым из Севастополя, и Аврора трудится неутомимо.

Вольдемар вызвался сопровождать грузы с чаем, сахаром, лекарствами и бельем, отправляемыми в Севастополь, чтобы удостовериться, что они не будут разворованы прежде, чем попадут по назначению. Он собирается уезжать или уже уехал. Александр и Натали приедут провести зиму вместе с Авророй. Я не знала о болезни Натали: боль в позвоночнике носит у нее хронический

характер, но о ее поездке в Италию речь не идет. Одно время говорили, что Аврора собирается в Италию из-за своей маленькой племянницы Пушкиной, у которой нашли чахотку, но ей стало лучше. Лиза, посреди всеобщего траура, всяческих болезней и горестей, самоотверженна и спокойна. Она является утешением для всех членов семьи, приходит то к одному, то к другому, помогает всем и никогда не думает о себе. Это истинная христианка и, глядя на нее, сама становишься лучше. Антуанетта Блудова уединилась у св. Сергия28, чтобы придти в себя от потрясения после известия о принятии четырех пунктов29. Они с отцом от этого занемогли.

Поблагодарите Княгиню, прошу вас, за строки мне адресованные и за ваши стихи; я весьма ей признательна. Стихи30 читали за обедом у Государя, и они имели заслуженный успех: действительно, надо быть благодарными за предоставленную возможность посмеяться хоть немного в это тяжелое время. Я постаралась, чтобы стихи получили в Севастополе молодые великие князья, они их позабавят. Однако я позаботилась, чтобы меня ни в коем случае не сочли ответственным издателем. Поручение, адресованное великому князю, я не преминула выполнить. Ваши брошюры к нам еще не пришли, но я заранее благодарю вас за ту, что мне предназначена. Пока мы будем оставаться здесь, я ничего не могу сделать для устройства ваших девиц. Вы знаете, что при дворе замуж не выходят, надо прибегнуть к помощи влиятельных лиц в городе.

До свидания, Князь, шлю вам самые лучшие пожелания, передайте мое почтение Княгине. Я большая эгоистка, и желаю, чтобы вы вынуждены были вернуться сюда в мае и доставить нам удовольствие — даже помимо вашего желания — видеть вас.

Анна Тютчева.

Тютчева А. Ф. Письмо Вяземскому П. А., б. д. («Милый Князь, быть может вы посчитаете...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 109. — [Т.] V.

II

Милый Князь, быть может вы посчитаете мое письмо неделикатностью, но я не могу удержаться, чтобы не поздравить вас с успехом, который имели здесь письма ветерана 1812 года, в особенности последнее, о циркуляре Друэн де Люиса11. Я находилась у великой княгини, когда его читали, и видела, как она и великий князь наследник были им восхищены.

Ваша так хорошо написанная, остроумная и изящная статья появилась так кстати в эти дни, дав им возможность отдохнуть от потока низкопробной брани весьма дурного тона по поводу опубликования секретной переписки.

Но ваша статья не нуждается в лести, она и без того была прочитана с удовольствием и оценена по достоинству.

Пользуюсь случаем, чтобы сказать как я была счастлива узнать из писем мама?, что вы совершенно поправились.

Надеюсь на ваше скорое возвращение. По правде сказать, для всякого русского тяжело быть в настоящий момент вдали от родины. Жизнь здесь кипит, это настоящая духовная оттепель, пробуждаются все благородные и добрые чувства; восточный вопрос производит в душах действие подобное чувству любви — дураки делаются умными, скряги щедрыми, трусы храбрецами, и даже самые апатичные пробуждаются к жизни. Одна лишь Софи Карамзина12 упорно противится общему воодушевлению. Ее можно назвать Кассандрой этой войны, она стонет и оплакивает и друзей, и врагов. Дыхание войны разрушило ее маленький мирок земных радостей и посреди вихря патриотического энтузиазма она производит впечатление бабочки, занесенной порывом ветра в верхние слои атмосферы, которая в отчаянии тщетно ищет цветок, могущий ее приютить. Надо признаться, что Катрин Мещерская13 не обращает на это внимания. В ее салоне говорят лишь о войне и о политике. Поэтому бедная Софи или уходит, или

разражается рыданиями. Она ни в чем не похожа на Антуанетту Блудову14, которая, с тех пор как славянский вопрос вошел в моду в высшем свете, имеет вид скромно торжествующей и счастливой матери, в любви и заботе воспитывающей красотку-дочь, чьим успехом она теперь гордится. Костича, как представителя Востока и источник сведений о нем, балуют больше, чем

когда либо прежде.

Папа? только что опубликовал свои стихи в «Современнике»15, они выйдут и отдельным изданием16, я вам пришлю экземпляр. А теперь простите еще раз мою неделикатность, но мне очень хотелось напомнить вам о себе. Мой поклон Княгине и тысяча приветствий вам, милый Князь.

Анна Тютчева.

Снытко Н. В. Письма А. Ф. Тютчевой к князю П. А. Вяземскому // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 107—108. — [Т.] V.

Письма Анны Федоровны Тютчевой (1829—1889), старшей дочери Ф. И. Тютчева, кн. Петру Андреевичу Вяземскому извлечены из неиссякаемой сокровищницы — знаменитого «Остафьевского архива», собранного несколькими поколениями князей Вяземских: Иваном Андреевичем (1722—1786), Андреем Ивановичем (1754—1807), Петром Андреевичем (1792—1878) и Павлом Петровичем (1820—1888). Одной из наиболее интересных частей «Остафьевского архива» являются письма к П. А. Вяземскому его друзей и знакомцев, отражающие политическую, общественную и литературную жизнь России за весь XIX век. От Кутузова и Карамзина — до Скобелева и Толстого.

Тютчеву, хоть и была она моложе Вяземского почти на сорок лет, роднили с ним те черты характера, за которые князь в свое время был признан злым острословцем, а сама она заслужила прозвище «ерша». Муж ее, известный славянофил И. С. Аксаков, утверждал, что его привлек острый, критический ум, унаследованный Анной Федоровной от отца.

Анна Федоровна родилась в Мюнхене, где ее отец служил при русской миссии. Там и получила образование. В 1838 году потеряла мать*. В Россию, оставивший дипломатическую службу отец, привез Анну Федоровну в 1845 г. Молодость она провела в имении отца Овстуге Орловской губернии с мачехой, которую нежно любила, и младшими сестрами — Дарьей и Екатериной.

В 1853 г. Ф. И. Тютчеву удалось получить для старшей дочери место фрейлины при дворе Великой Княгини Марии Александровны, супруги будущего императора Александра II, где Анна Федоровна пробыла 10 лет — с 1853 по 1866 год. К этим годам и относятся ее письма Вяземскому.

В некоторых письмах (в частности, времен Крымской войны) Анна Федоровна рассказывает о событиях, упоминавшихся в ее «Воспоминаниях и дневниках за 1853—1855 гг.», изданных в 1928 г. под редакцией С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского под названием «При дворе двух императоров». Повторное издание вышло в 1990 г. В письмах Тютчевой к Вяземскому события эти описаны намного живее и ярче, может быть, потому, что свои воспоминания и дневники Анна Федоровна неоднократно переписывала, включала в них письма к сестрам, вновь и вновь редактировала. А может быть, потому, что она знала, что читать ее письма будет не кто иной как князь Вяземский, большой ценитель хорошего стиля и острого словца.

Любопытны письма, относящиеся к 1860-м годам. В них Анна Федоровна со злой иронией учит упирающегося Вяземского, как быть хорошим царедворцем, насмешливо сетует, что он не ценит старания, прилагаемые императрицей Марией Александровной для того, чтобы выманить старого князя из уютного Бадена и привлечь к своему Двору.

Воспоминания, дневники и записные книжки Тютчевой за 1860-е годы, а равно и за последующие, не издавались. Кстати сказать, очевидно под влиянием И. С. Аксакова, Анна Федоровна к концу своей жизни стала писать на русском языке, хотя в Россию приехала, совершенно его не зная.

Написанные по-французски мельчайшим, бисерным почерком письма даны в переводе. От мысли привести параллельно французский текст пришлось отказаться, ибо

Анна Федоровна писала по орфографии своего времени. «Переводить» написание середины XIX в. на современное не имело смысла, а сохранить старое — слишком сложная задача.

Письма хранятся в РГАЛИ (Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 1352а). Подчеркнутые в тексте слова выделены курсивом.

Снытко Н. В. Примечания: Письма А. Ф. Тютчевой к князю П. А. Вяземскому // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 120—122. — [Т.] V.

1 Речь идет о «Матросской песне». (См.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб, 1878—1896. Т. XI. С. 117—119).

2 Карамзина Елизавета Николаевна (1821—1891) — фрейлина, дочь историографа Н. М. Карамзина от второго брака с Екатериной Андреевной Колывановой (1780—1851), внебрачной дочерью кн. А. И. Вяземского и гр. Е. К. Сиверс.

3 Оболенский Василий Андреевич (1818—1883) — князь, сын друга Н. М. Карамзина Андрея Петровича Оболенского, родственник Вяземских.

4 Вел. Кн. Александр Николаевич (1818—1881) — с февраля 1855 император Александр II.

5 Вел. Кн. Мария Александровна (1824—1880), урожд. Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария, принцесса Гессенская. С февраля 1855 г. — императрица.

6 Тютчева (урожд. Пфеффель, в первом браке Дёрнберг) Эрнестина Федоровна (1810—1894), вторая жена Ф. И. Тютчева.

7 См.: «Письма русского ветерана 1812 года о восточном вопросе» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 351—373.)

8 Лабенский Ксаверий Ксаверьевич (1790—1891) — дипломат, старший советник Министерства Иностранных Дел. Писал статьи в «Санкт-Петербургскую Газету».

9 Нэпир Чарлз (1786—1860) — английский адмирал. Командовал английской эскадрой на Балтике в 1854—1855 гг.

10 Во время Крымской войны в Греции на территориях, находившихся под властью Турции (Эпир, Фессалия и другие области) начались массовые выступления греков за воссоединение с Грецией, и за вступление Греции в войну на стороне России. В январе 1854 г. греческими войсками был занят Эпир, а затем и Фессалия. В марте 1854 г. Турция начала военные действия против Греции. Англия и Франция выступили на стороне Турции и в мае 1854 г. в Пирее появился их флот, а войска оккупировали часть греческой территории. Оккупация продолжалась до 1857 г.

11 Друэн де Люис Эдуард (1805—1881) — министр иностранных дел Франции.

12 Карамзина Софья Николаевна (1802—1856) — фрейлина, старшая дочь Н. М. Карамзина от

первого брака с Елизаветой Ивановной Протасовой (1767—1802).

13 Мещерская Екатерина Николаевна (1805 —1867) — дочь Н. М. Карамзина от второго брака.

14 Блудова Антонина Дмитриевна (1813—1891) — графиня, дочь министра внутренних дел гр. Д. Н. Блудова, камерфрейлина.

Историк Е. В. Тарле назвал ее «придворной панслависткой».

15 «Современник», 1854, № 3.

16 Стихотворения Ф. И. Тютчева. СПб. 1854, тип. Эдуарда Праца. Сборник был выпущен по инициативе и под редакцией И. С. Тургенева. Сам Тютчев в подготовке его участия не принимал.

17 Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1790—1881) — граф, в 1854 г. — генерал-адъютант, начальник Севастопольского гарнизона.

18 Гамлэн и Дондас — английские генералы, чьи сообщения о бомбардировке Одессы печатались во французской газете «Всеобщий Монитор». (См.: Письма русского ветерана. С. 383—391).

19 Имеется в виду семья Карамзиных.

20 Карамзин Андрей Николаевич (1814—1854) — сын Н. М. Карамзина, полковник.

21 Карамзина (урожд. бар. Шернваль фон Валлен, в первом браке Демидова) Аврора Карловна (1808—1902) — фрейлина, жена А. Н. Карамзина с 1846 г.

22 Карамзин Владимир Николаевич (1819—1879) — сын Н. М. и Е. А. Карамзиных, чиновник Министерства юстиции, член Петербургской судебной палаты, сенатор.

23 Карамзин Александр Николаевич (1815—1888) — сын Н. М. и Е. А. Карамзиных, прапорщик лейб-гвардии конной артиллерии, литератор.

24 Вел. Кн. Мария Николаевна (1819—1876) — дочь императора Николая I, в замужестве герцогиня Лейхтенбергская, овдовев, вышла замуж за гр. Г. А. Строганова, втайне от отца, но с ведома Вел. Кн. Александра Николаевича.

25 Вяземский Петр Павлович (1854 — после 1918) — сын кн. Павла Петровича Вяземского, внук П. А. Вяземского.

26 Императрица Александра Федоровна (1798—1860), урожденная Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина, принцесса Прусская. Супруга императора Николая I.

27 Мещерский Петр Иванович (1802—1876) — князь, отставной подполковник, муж Екатерины Николаевны Карамзиной.

28 Имеется в виду Троице-Сергиева Лавра.

29 Союзники требовали: 1) пересмотра трактата 1841 г. о проливах, 2) замены русского протектората над Дунайскими княжествами общеевропейской «гарантией», 3) свободного судоходства по Дунаю, 4) уничтожения права покровительства отдельных держав своим единоверцам и замены его коллективной гарантией всех великих держав сообща.

30 Вероятно, речь идет о стихотворении «Два адмирала». (См.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 139—142).

31 Имеется в виду молодая императрица Мария Александровна.

31 Имеется в виду молодая императрица Мария Александровна.

32 «Сельская церковь» (См.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 234—236).

33 Анна Федоровна Тютчева была назначена гувернанткой Вел. Княжны Марии Александровны

(1853—1920), дочери императора Александра II, а затем и Вел. Кн. Сергея (1857—1905) и Павла (1860—1919) Александровичей.

34 Огарев Николай Александрович (1811—1867) — генерал-майор. В 1853—1856 гг. ему была поручена оборона Выборга.

35 Кушелев Сергей Егорович (1821—1890) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командир лейб-гвардии Измайловского полка.

36 «Заира» и «Норма» — оперы Винченцо Беллини (1801—1835), «Лючия де Ламермур» — опера Гаэтано Доницетти (1797—1848).

37 Мирбах Эраст Иванович — генерал-лейтенант.

38 Вяземская (урожд. Столыпина, по первому мужу Бек) Мария Аркадьевна (1819—1889) — княгиня, жена кн. Павла Петровича Вяземского.

39 Бек Вера Ивановна — дочь М. А. Вяземской от первого брака с И. А. Беком (1807—1842), впоследствии замужем за кн. Д. С. Горчаковым.

40 Столыпин Алексей Аркадьевич (1816—1858) — друг М. Ю. Лермонтова, любимый брат М. А. Вяземской.

41 Возможно, Шуваловы: Софья Львовна (урожд. Нарышкина) (1829—1894) — графиня, жена гр. Петра Павловича Шувалова (1819—1900); Мария Сергеевна (урожд. княжна Гагарина) (1829—1906) — жена гр. Петра Григорьевича Шувалова (1826—1882).

42 Адлерберг (урожд. Полтавцева) Екатерина Николаевна (1822—1910) — жена гр. Александра Владимировича Адлерберга (1819—1889).

43 Возможно, Толстая Александра Андреевна (1817—1904) — графиня, фрейлина Вел. Кн. Марии Николаевны, двоюродная тетка Л. Н. Толстого.

44 Вел. Кн. Елена Павловна (урожд. Фридерика Шарлотта Мария) (1806—1873) — принцесса Вюртембергская, супруга Вел. Кн. Михаила Павловича. Овдовела в 1848 г. В начале царствования Александра II ее салон играл большую роль в жизни русского общества.

45 Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894) — композитор и пианист.

46 Муханов Павел Александрович (1798—1871) — попечитель Варшавского учебного округа (1851—1861), главный директор правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского, член Государственного Совета, собиратель и издатель исторических документов.

47 Муханов Владимир Алексеевич (1805—1876) — переводчик Московского главного архива ЛСИД, камер-юнкер.

48 Балабин Виктор Петрович (1812—1864) — русский посланник в Вене.

49 Горчаков Дмитрий Сергеевич — флигель-адъютант.

50 Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — граф, генерал от [illegible]

50 Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — граф, генерал-адъютант, военный инженер, руководил инженерными работами при обороне Севастополя (1854—1855). В русско-турецкую войну (1877—1878) руководил осадой Плевны.

51 Вяземская Екатерина Павловна (1849—1929) — дочь Павла Петровича Вяземского.

В 1868 г. вышла замуж за гр. Сергея Дмитриевича Шереметева (1844—1918).

52 Вяземская Александра Павловна, в замужестве Сипягина.

53 Вяземский Павел Петрович (1820—1888) — князь, сын П. А. Вяземского, историк, литератор и дипломат. Основатель Общества древней письменности.

54 Вел. Кн. Николай Александрович (1843—1865) — старший сын Александра II, наследник престола.

55 Герцог Лейхтенбергский Николай Максимилианович (1843—1890) — генерал-адъютант, шеф лейб-гвардии Конногренадерского полка, внук Николая I.

56 Шамиль (1797—1871) — 3-ий имам Дагестана и Чечни (1834—1859). Как вождь кавказских горцев сдался в плен (1859), перевезен в С.-Петербург, затем выслан в Калугу. В 1870 г. уехал в Мекку. Умер в Медине.

57 Принц Гессен-Дармштадский Александр Людвиг Георг (1823—1888) — генерал-майор русской службы (1840—1851), потом генерал от кавалерии австрийских войск. Брат Императрицы Марии Александровны.

58 Вел. Кн. Ольга Николаевна (1822—1892) — дочь императора Николая I. С 1846 г. супруга короля Вюртембергского Карла.

59 12 апреля 1865 г. в Ницце скончался сын императрицы Марии Александровны — цесаревич Николай Александрович.

60 Возможно, Мещерский Николай Петрович (1829—1901) — попечитель Московского учебного округа.

61 Вел. Кн. Мария Федоровна (урожд. София-Фридерика-Дагмара, принцесса Датская) (1847—1929) — невеста наследника Вел. Кн. Николая Александровича. После его кончины вышла замуж за Вел. Кн. Александра Александровича будущего императора Александра III.

62 Мальцова (урожд. Урусова) Анастасия Николаевна (1810—1890) — близкий друг М. А. Вяземской.

63 Рейтерн Евграф Романович (1794—1865) — художник, тесть В. А. Жуковского.

64 Жуковский Павел Васильевич (1875—1912) — художник, сын В. А. Жуковского.

65 Мещерская Софья Ивановна (?—1881) — княгиня.

66 Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866) — государственный деятель времени императора Александра II, графское достоинство получил в 1865 г.

67 Батюшков Помпей Николаевич (1810—1891) — младший брат поэта К. Н. Батюшкова. В 1850 г. — вице-губернатор Ковно, попечитель виленского учебного округа. Действительный тайный советник. Известен изданиями по истории, этнографии и археологии. В 1887 г. издал сочинения своего брата.

Перевод с французского и публикация

Н. В. СНЫТКО

Записные книжки И. Е. Забелина. 50-е годы XIX века

Забелин И. Е. Записные книжки. 50-е годы XIX века / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Н. А. Каргаполовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 123—138. — [Т.] V.

Читателю «Российского Архива» предлагается публикация записных книжек* историка Ивана Егоровича Забелина (1820—1908). Забелин родился в Твери, в семье мелкого служащего. Окончил курс Преображенского училища для сирот в Москве, но не смог продолжить образование «по недостатку средств». В 1837 г. поступил на службу в Оружейную палату Московского Кремля. В 1848 г. получил место помощника архивариуса в Дворцовом ведомстве Московского Кремля, а в 1856 г. занял место архивариуса. В 1859 г. Забелин по предложению графа С. Г. Строганова стал работать в Императорской археологической комиссии. С 1853 г. преподавал историю и археологию межевого дела в Константиновском межевом институте, русскую историю в школе межевых топографов (до 1871 г.).

В 1862 г. вышло в свет первое капитальное исследование Забелина — «Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв.» В 1869 г. была опубликована вторая часть этой книги. По замыслу автора эта работа должна была стать началом многотомного исследования «Домашний быт русского народа XVI—XVII вв.»

Забелин был одним из создателей и фактическим руководителем Исторического Музея в Москве. Итогом его многолетней работы по истории Москвы явилось исследование «Истории города Москвы», первая часть которого была опубликована в 1902 г.

С 40-х годов Забелин входил в среду московской и петербургской интеллигенции, в кружок А. В. Станкевича. Среди его знакомых: К. Д. Кавелин, М. П. Погодин, Б. Н. Чичерин, И. С. Тургенев, М. С. Щепкин, В. П. Боткин, С. М. Соловьев, Н. Г. Чернышевский, Вел. Кн. Елена Павловна, К. П. Победоносцев, Л. Н. Толстой и др.

Документальное наследие Забелина, включая дневники, записные книжки, переписку, хранится в ОПИ ГИМ. Ф.

***

1852 г. Мазилово1.

Изучение внутреннего быта должно предшествовать изучению внешнего. Этим мы убережемся от ложных представлений, которые теперь господствуют в истории и доставляют столько труда и тяжких соображений и розысканий исследователям. Между тем, дело простое и ясное. Чтобы узнать истинное значение деятельности какого-либо человека в отдельности, мы должны проникнуть в его колыбель, узнать его воспитание, характеры окружающих его людей, дать характеристику места, где он жил. Узнавши все это, тогда только мы и можем делать более верные приговоры о его деяниях. Так и в истории. Мы должны узнать прежде всего внутренний быт народа во всех его частностях, тогда события и громкие и незаметные оценены будут несравненно вернее, ближе к истине. При настоящем же положении науки этого не только не достигают, но даже извращают все представления, потому что для жизни всякого народа, кроме характерных красок, существуют еще общие черты, общие линии, которые теперь и господствуют. Какое, например, различие, если я буду описывать деяния Олега такими же почти словами, как деяния Петра I или Иоанна III2. Нужно чтоб каждое описание известных событий имело свойственные этим событиям краски, свойственный им запах. Например, ландшафт северной природы и ландшафт южной различить можно не по одной только растительности или

собственно по виду местности, но и по освещению, по характеру или существу воздуха, цвету неба и т. п.

Язык, слово — орудие мысли. Не одни ложные истины или учения извращают народный смысл, понятие, верование, вкус и пр. Самые слова, которыми говорит народ или говорят с ним, в этом

случае вредят, может быть, еще более. Впрочем, в древнейшем языке этого не встречается, так каждое слово всегда выражало истину того, что им обозначали. Смешение языка произошло от грамотности и от сочинителей, которые стали облекать новые мысли в старые слова или наоборот старые мысли в новые слова. В истории язык еще более приносит вреда, и там каждое слово нужно употреблять с величайшею осторожностию.

Явления, управляющие ходом событий, источники событий определяются не иначе как разработкою внутреннего быта, исследованиями археологическими. Для истории, как она излагается теперь, весьма трудно, почти невозможно делать такие определения. Занимаясь внешним, одними результатами того внутреннего процесса, который происходит* в среде народной жизни, историк не имеет способов верно обсудить и внешние явления и прибегает для их разъяснений к истории других народов, заимствуя оттуда начала, по коим там шла жизнь и натягивая эти начала на события свои, собственные.

Жизнь, все прекрасное, высокое, вся поэзия чувства была долго подавлена, стянута условиями семейного порядка, в котором жил человек; порядок, к которому она, жена, дочь должна была примеривать свои чувства и движения души, и что находилось, оказывалось лишним — отрезывать, подавлять, заглушать. Вдруг прорывается скопленное. Какая картина! У купеческих сынков известно как делается этот прорыв. Так, без сомнения, он делается у всякого мало развитого человека.

Общественное мнение — убеждение общества в истинности, разумности, законности известного явления в жизни общества. Им определяется нравственность народа, потому что оно состоит из правил, аксиом, пунктов, которые общество сочло за истинные, признало их таковыми. Противоположное сим правило считается безнравственностью. Общественное мнение — сумма, которая состоит из слагаемых. Слагаемые истины, идеи первоначально возникают в умах избранных, в светильниках истины, которые никогда и ни у одного народа не угасают — горят наперекор всем стремлениям ограниченности и невежества затушить их. Высшие умы, раскрывая свойство, сущность человеческого духа нравственного, общественного, указывают массе на зарю истины. В высших умах родятся идеи, которые потом становятся мало-помалу достоянием общества, достоянием каждого лица. Так возникли и распространились и сделались мнением, убеждением, верою христианские идеи. Сначала свет загорелся в немногих избранных умах, затем проник в общество и в возможности объять весь мир человеческий. Но рядом с истиною тем же путем проходят в общественное мнение и ложные идеи или правила, которые общество, однако ж, признает за истинные. Если общество не в состоянии понять и разобрать, что эти правила — ложь, то как же требовать от отдельных лиц, чтоб они понимали их. Но здесь опять являются великие умы, в которых родится свет истины и постоянно распространяется. Иные идеи, истины может быть также далеки от человечества, что потребно много времени, чтоб луч их долетел до человечества и озарил его. Истина зажглась, но действие ее света идет путем естества, как и звездного света. Скоро ли еще человечество увидит эту звезду. Но как скоро оно видит, оно признает ее за действительный факт и сначала большею частию за мечту и даже опасную. Оттого в истории развития человечества важны те сосуды, те светильники, которые охраняли священный огонь и предъявляли его человечеству. История должна помнить их.

Все то безчестно, что унижает человеческое достоинство. Следовательно, честность в настоящем значении этого слова, есть строгое охранение человеческого достоинства, соблюдение его в чистоте. Но обыкновенно честностью считают исполнение известных правил нравственности, существующей в данное время. Считается честным, например, если я не беру взяток, и не считается бесчестным, если я помимо взяток своим влиянием делаю и поступаю с окружающими

меня пристрастно, норовя кому-либо более нежели другому, даже хоть во имя знакомства и дружбы.

Для объяснения внутреннего быта народа история в начале своего поприща весьма мало уделяла места и так, между прочим, и притом без всякой связи с повествованием, говорила о том, о сем, т. е. именно о том, что собственно и определяло народный характер, образ народа, физиономию его, национальность. Недавно, со времени Вальтера Скотта стали посвящать этому более. Понятно, что прежде и не могли обращать большего внимания на внутреннюю жизнь. История занималась громкими, гремящими войнами, поражениями и т. п. Но на пути такого повествования встречались часто простые, негромкие события, незначительные лица, имевшие, однако ж, неотразимое влияние на судьбу народов. История склонилась к ним и стала прислушиваться к пульсу внутренней народной жизни. Над археологами посмеивались. Они и были смешны сами по себе, но дело их заключало огромное значение для собственно исторических работ.

Должно отделять языческие верования, совсем уже сложившиеся, принятые за правила, олицетворенные в видимых формах, от возможности язычества, лежащей в каждом необразованном человеке, хотя бы он был и христианин в известном смысле этого слова. В каждом человеке есть сила, элемент — веровать и признавать над собою влияние всего, что он не понимает. На этой силе основывается и язычество. Но сила эта в своем проявлении не есть в строгом смысле язычество, иначе вся первобытная жизнь — язычество.

Посмеиваемся мы над китайцами, над нашими древними боярами, а взгляните на наше светское общество, — какая там духота, теснота. Все в этом согласны, а все смеются над китайцами и в то же время готовы злобно смеяться над всяким нарушителем светского устава, приличий. Все равно, например, придти в шляпе или в шапке, в сюртуке или фраке, был бы чисто одет, не разорван, не замаран.

В древнем нашем обществе общественные и домашние отношения людей были просты, прямы. Ничем особенно не стесняясь, каждый делал так, как чувствовал и думал. Казалось бы, что в изъяснениях любви должно было бы ожидать той же прямоты и простоты. Но, напротив, по этому предмету в то время существовало гораздо более стеснений, рубежей, церемоний, нежели теперь. Женщина на этот раз становилась далеко.

У каждого человека есть струна. Заиграй чувством, убеждением в ее тоне, она отзовется непременно. У одного такая струна настроена на грустный мотив, у другого — на веселый — оттого один любит грустные песни, другой веселые, разгульные, удалые. Струна эта вместе с тем — ядро характера, ею определяется характер, оттеняется, прописывается.

Всякий крепко стоит за истину, разумеется, как понимает ее. Извращенно понимая, он думает, что он прав и готов спорить и биться до смерти.

Человек уж так создан. Он жить не может без того, чтоб не стеснить себя, чтоб не сделать загородок для своего существования, для свободной деятельности своей нравственной стороны, для свободного развития своих природных потребностей.

Религия — продукт известной территории и того народа, который живет под влиянием этой территории. Влияние земли отпечатывается и на верованиях народа, на его взгляды на природу. Потому что религия есть, собственно, воззрение на природу. Какова природа, таково и воззрение, оно в полной зависимости от природы. На основании этого воззрения человек определяет и себя и свои отношения.

В древней Руси сознание было только племенное, сознание племени, как целого, а не сознание общества, поэтому все, что влечет за собою, что требует общество, условия общественные — все это оставалось неразвитым. Например, государственное хозяйство. Полиция. Общественная благотворительность. Племя, как племя, не могло всего этого осознавать, а следовательно, и

заводить. Разумеется, и подобные явления существовали, но они существовали как частности*.

Смутное время весьма очевидно раскрыло ту истину, что связь древней Руси была чисто механическая, цементом была только внешняя власть, условие владычества. Когда сила этого владычества умерла, потерялась и связь государства. Оно распалось на составные, хотя уже и

обезображенные властью части.

В Смутное время все прошлые, забытые интересы проснулись. Областные силы, подавленные в течение веков властью, проснулись. За недочетом власти наличной явились ложные претендатели-самозванцы. Государство рушилось. Что ж должно было спасти его? Идея. Ибо одни только идеи руководят и спасают народ. Какая же идея спасла Русь? Идея православия, религиозная, где все противоположные интересы откликнулись родственно.

Все разыскания, вся масса издаваемых материалов и исследований, что имеют целью? Какой конец? Не более не менее, как только представить образ жизни предков, образ их жизни материальной, физической, образ жизни моральной, нравственной, образ понимания своих отношений к природе и к человеку, т. е. образ жизни умственный. Нам нужны общие, основные рамки не только того, что ел, где жил, как одевался древний человек. Но рамки его поступков, происходивших от известного развития, от известной степени развития его сердца и ума, его нравственной и умственной стороны.

Литература народа — есть плод народной мысли, ума, и плод двоякий. Плод мысли, возбуждаемой внешними и внутренними явлениями, разбирающей, силящейся уяснить предметы, их значение — плод мысли химически вырабатываемый из изучения, понимания предметов и плод мысли творческой, мысли (взятой из предмета) и обращаемой в предметы, в живые образы и облики. Можно рассматривать эти два отдела и независимо друг от друга, но тогда не получим исторической достоверности, ибо оба эти отдела взаимодействуют друг на друга.

Следовательно, история литературы есть история мысли. Люди здесь важны как проводники, светочи мысли. Доселе, впрочем, историю литературы ограничивают одними только изящными произведениями. Это несправедливо и делается в ущерб полноте и истине знания. Многие уже чувствуют этот недостаток и вносят в свои исследования, так называемую, историческую точку — всю обстановку известного литератора и его произведений, но и обстановка его все-таки еще ограничивается одними только (словесностью), изящными произведениями, литературными, как говорят. Если принять за основу высказанное положение, то горизонт станет шире. Все, что только извлекает мысль, увлекает, заставляет думать, дает известный порядок мыслям поколения, известную настроенность, тон, мотив — все, что увлекает мысль и заставляет ее творить образы, превращать себя в живые образы. Все, следовательно, и местность и политика, образ жизни, все условия, самые мелкие, но опутывавшие человека в данную эпоху, все это должно стать грунтом при изучении литературных произведений этой эпохи. Вот это будет историческая точка. Рассматривать одну художественную сторону мыслительной деятельности — односторонность, которая не покажет предмета во всей его правде. Мысль творящая и мысль изучающая, извлекающая себя из предметов тело и душа, живут вместе, составляют организм, называемый литературой. Литература — выражение народа в слове, выражение свойств и сил народного ума и творческой деятельности.

Наша история, да и всякая, может быть безотносительно любопытна и важна только в том случае, когда для разрешения разработки ее, зададим себе следующий вопрос: часть человечества, обитающая на равнинах северо-восточной Европы, что проявила общечеловеческого, что выработала для уяснения человеческого духа, как в ней отразились и применились человеческие свойства? Одним словом, что приобрело общее человеческое разумение о природе и о самом себе от этого племени, называемым Русским. Чем и насколько пополнился общий взгляд человечества на мир и на самое человечество? С этой стороны всякая история любопытна и важна, даже история самоедов, если б она существовала. Потому что предложенный вопрос необходимо обратить: именно как в этой части человечества, в этом

предложения. Вопрос последний: сохранил ли в своей жизни человек, в своем племени исказились и погибли все истинные человеческие чувства и стремления? Как человек данной литературы и данной истории извратил свой духовный образ, отчасти и телесный, как он запутался в дичи обстоятельств, созданных кулачным правом и глубоким невежеством. Домашняя история, своя история интересна более по семейным воспоминаниям, как семейная хроника, нисколько не интересная для других или настолько интересная, насколько она изъясняет своими фактами общее человека, присущее общему духу человечества.

Ошибка историков в том и состоит, что они уж слишком налегают на изыскания и изображение семейных воспоминаний, часто даже в этом только и видят сущность своего труда.

В чем обыкновенно заключается история. В сборе всех добытых фактов о народной жизни. Но каких фактов? Самых внешних. Человек спал, встал, пошел, подрался, разрушил то-то, отнимал или отнял у другого то-то. Вот исторические данные, на которых строится здание истории. Из накопленных так данных делают иногда выводы, которые почти сами уже являются. Таким образом, все наши исторические труды — еще младенческие, построение домиков карточных, которые от первого прикосновения истинно исторической идеи разрушатся. Иные ученые как дети будут плакать и даже драться с представителями* новых идей за эти домики, которые они считали крепкими.

Мы не говорим, что семейная хроника (вроде той, что бабушка вчера выстроила конюшню, отпустила повара, продала овес, ездила в церковь и т. д.) не имела уже никакого значения. Она имеет значение, но только в применении к общему, но насколько уясняется общее человека. В таком случае и все сказанные факты будут любопытны и важны. Но хроника для хроники, факт для факта — это нелепо, потому что бесполезно. По справедливости такие данные должно собрать обо всех народах, но их собрать нельзя. Их не записывали. А вот те, которые записывали и оставили летописи, те-то и господствуют в наших познаниях и сведениях.

Отчего приносит нам такое удовольствие детская наивность, простота, открытая ясная природа, в которой все наруже, все наверху, и ничего нет темного, скрытного, потайного, береженого про себя, для других целей.

Приходит на мысль, что такое расположение детской наивности, радость ею, полное удовольствие — происходит от того, что в нас погибло все, чем мы радуемся в детях, погибла простота, прямота чувств и мыслей — мы все замаскированы, и свет есть маскарад. Конечно, в быту простолюдина более еще природной наивности — он проще себя ведет, прямее. Говорит то, что чувствует и думает, не выбирая слов, а давая каждому предмету его собственное наименование. Неужели маскирование порождено просвещением. Нет, я полагаю улучшением только быта материального, а не духовного. Наши древние бояре также были чливы и лицемерны, как и теперешние бояре; сущность та же, разница в формах. А были ли наши бояре образованны? Чливостъ происходит, стало быть, или является там, где господствует порабощение, и вытекает из понятий о силе и власти. Падали до ног может существовать только там, где это требуется владыками мира сего. Ровный с ровными — другое дело — ему и в голову не придет никаких унижений и уничижений пред другими, а если это и бывает, теперь, так это заносное с Верху. Уважение существует и почтение, но в истинной его форме, потому что делается истинным заслугам.

Раболепство и лицемерие развивается и растет как и все в природе мира и человека. Настоящее время особенно замечательно изъявлениями чувств, которых никто не имеет, и которые выражают как какие чиновнические обязанности. Смешавши и приняв одно за другое, свою служебную обязанность и чувство свободное, изъявляемое по убеждению, общее ругательство и общая лицемерная хвала одному и тому же предмету. Изъяснение чувств — пишется как рапорт о благосостоянии вверенной должности или места.

Задача археологии — воссоздать минувшую действительность во всех подробностях народного быта. Но ведь такая же задача и истории; где границы между тою и другою наукою. Границами,

кажется, можно поставить следующее: История занимается народом, как отдельною собирательною личностью, моральною. Для истории народ — лицо — человек.

Предмет археологии — индивидуум — лицо отдельное — человек. Она стремится уяснить себе, как это лицо жило, думало, желало. Задача ее — как жил отдельный человек из народа,

известная личность. А задача истории — как жил и развивался народ. История рассматривает отдельную жизнь человека в данную эпоху только для пояснения общего народного характера.

История — общее, археология — частное. Там законы общей жизни. Здесь законы, условия частной жизни.

Критика «Отечественных Записок». 1853. № 4.

Новые требования в Историческом читал изложение — 1). Естественная или физиологическая основа для истории. 2). Задача определить из исторических событий данного времени существенные черты народного характера.

Проявление индивидуальности в народе — так сказать, личный характер народа. Характер как отдельного лица. Это говорит Кудрявцев.

Поэтому личный характер народа — его определение, есть задача истории сего народа, истории частной; так характер целого человечества, его законы его развития и духа — есть задача общей истории. Но определение характера отдельного лица в данную эпоху — есть задача археологии. Повторим, археология имеет целью уяснение характера и всей обстановки частной жизни, частных характеров народа. История же стремится уяснить общие черты народного характера. Следовательно, археология есть глава истории, часть ее, если излагать ее отдельно. Но она должна излагаться слитно с историческим изложением. Хотя и имеет свою самостоятельную задачу, как и другие отделы исторических наук, например, история философии есть история духа, духовного, умственного и нравственного развития человечества.

Памятники греческого и римского искусства, кроме частного значения для уяснения истории этих народов, имеют всемирное значение, общечеловеческое (архитектура, скульптура); так их литература, наука сделались общим достоянием человечества. Следовательно, эти памятники имеют значение сами по себе, как общее достояние. Так и рассматривала их так называемая археология. Все же то, о чем могли свидетельствовать эти памятники, нравы, обычаи — отвергалось в сторону, как посторонняя, едва нужная вещь. Так ли?

Наши памятники имеют значение как средство узнать прошлое, жизнь минувшую и ни в каком случае не могут быть предметом отдельной науки, а только в связи.

Археология занималась древним классическим искусством. Для чего? Какой конец сего занятия? По-моему, для того, ни больше, ни меньше, как узнать жизнь-быт. Житье — бытье древнего человека. В исследованиях древнего искусства — можно отвлекать общие начала человеческого духа в отношении творчества, т. е. в отношении обнаружения, воплощения, олицетворения добытых разумом, наукою идей. Общие начала для всего человечества, где бы оно ни жило, в какое бы время оно ни жило. Но при исследовании древних искусств есть еще сторона — сторона материальная, подлежащая случайностям места и времени — сторона чисто историческая. Исследуя памятник, мы в эстетическом, художественном отношении отвлекаем положение о ступенях, по коим шел дух творчества и в то же время узнаем как жил народ, при каких условиях развивался. Таким образом, даже в прежнем значении археологии — она узнавала не одну эстетическую сторону человека, но и то, как он жил в данное время.

При дальнейшем развитии понятий о сущности истории материалы этого рода (домашний быт) получат еще большее значение. Вникая в современные толки о являющихся исторических трудах о значении истории, можно заметить то недовольство, с которым принимают упомянутые труды.

Чего же требуют? Требуют, и законно, — действительности. Требуют ее везде, во всех отделах науки, жизни, политики, литературы. Это живое обращение к действительности, очевидно, теперь перестали уже увлекаться теориями, мечтами. В исторических трудах недовольство обращается и на понимание и на способ работы. История внешней жизни — государственная. Общие места — ничего не дают, ни уму, ни воображению, под известные и переизвестные рамки

внешних сношений, войн, трактатов и т. д. Можно подложить любую народность, так они общи и ничего не говорящи. Нам нужен характер народа, характер его на площади исторической, в свете историческом и характер комнатный, домашний. Каждый человек не одинаково живет дома и в обществе, вне дома, за воротами; каждый не одинаково ведет себя, не одинаково относится к ближнему дома и за воротами. Нам нужен характер общественный, площадной и домашний. Поэтому и над стариною нужны такие же наблюдения, какие делал Гоголь над современным нам бытом. Для историка нужен глаз Гоголя, бойкий взгляд, которым он так легко подмечал всю мелочь и тину действительности. С такой точкой зрения на историческое дело понятна будет огромная важность мелочных материалов.

Что такое игрушки, куклы — это действительность в лицах, это статуэтка действительности. Игрушки древние драгоценны, если б они сохранились, но драгоценны и описания их, они незаметно вводят нас в самый тесный круг минувшего.

Записки М(азиловского) дачника. 1855, апрель 1—8.

Привычка к удобству в страшной борьбе с привычкой к разного рода неудобствам помещения. Устройство избы. Непорядок.

Приглашают на обеды, ужины и танцы, а никто не спросит, как ты живешь, откуда деньги достаешь, как ты сшил себе сюртук, сапоги, шинель и пр.

Все мы — промышленники, и дворянин, и купец, и министр, и жулик — все стремимся надуть, обмануть других в свою пользу. Дипломатический разряд, по преимуществу, жулики. Кто калач добывает, кто генеральский чин, кто звезду и т. д. Мы до того невнимательны и не видим своих слабостей и маленьких пороков, что, воспитывая детей и передавая незаметно им эти слабости (дитя, как воск или губка все сбирает в себя). После, когда наши слабости отразятся в детях, мы их преследуем, сечем, наказываем и т. п. О, сколько человек даром, ни за что ни про что переносит горя и мученья. Ребенок чем виноват, принял бессознательно нашу дурную привычку, а мы, не замечая этой привычки в себе, и замечая ее в ребенке, всячески стараемся преследовать. Например, вскрикивание у меня. Настя5 стала также вскрикивать и вот ее наказывают.

Удивительное дело эти патриотические статьи в журналах. Пишущие их восхищаются квасом, дегтем, вонью и разными, в сущности, дикими вещами, которые являют русского человека. Истинные достоинства народа непонятны, незнакомы этим глашатаям, народ живет сам по себе и не читает этих похвал непрошенных. Изобразил характер квасного патриота Загоскин.

Жизнь — коварная Сирена. Дозволит возможность — купит бутылку вина, — жизнь на даче допустит все это, — сделает потребностью, да потом и откажет в средствах. Говорят, живем не по состоянию. Да как же быть: есть деньги — купи бутылку вина — привычка к этому, а там денег нет.

Срублена ива на дрова. Опять вырастет, между двух изб. Сохрана от пожара.

Как начинается весна, голова моя наполняется совершенно иными идеями, мыслями, соображениями. Воображение рисует иные картины. Меня тянет на природу, и я почти забываю о труде для науки, или труд этот идет вяло, сонно. Мысль не сосредотачивается так, как зимой. Она разбегается среди этого преображения природы.

Зимой человек сосредотачивается в самом себе, в делах политических, интересы живее,

настройство и умственное и нравственное восприимчивее. Работа умственная за отсутствием телесной идет живее.

Политика гораздо интереснее зимою нежели летом. Отчего? Оттого, что зимою всюду нужда, а нужда — мать политики.

Мир устроен так, что всякий в нем воин-разбойник, всякий добывает свое благосостояние вооруженною рукою. Оружие разное, разнообразное. Всякий, смотря по среде и обстоятельствам, выдумывает свое. Все достают все себе силой и коварством. Понятно, что в этом омуте, среди этой беспрерывной драки плохо человеку смирному, определившему себя на основаниях не силы и коварства, а на основании разума, разумно-любовных человеческих отношениях. Его забьют. Ни справедливости, ни малейшего уважения. Он с каждым днем теряет, в нем не признают даже никаких способностей, всякий считает, что обижать этого сироту в нравственном мире имеет право всякий, и что сирота этот даже не имеет чувства, которое бы оскорбилось обиде.

Изложить подробно весь процесс моего развития, как органического существования. Указать, как оно шло, вырастало из каких предметов. Споры, книги. Студенческие беседы, Белинский. Философские стремления как удовлетворялись.

Ломоносов, говорит В. И. Ламанский7, был страшный монархист. Не потому ли, что обладал крепким здравым смыслом. Смысл требует и любит централизацию. Кто им обладает, тот и понимает его хорошее, отдавая справедливость и худому. Неясность в голове ведет к общине, федерации и т. д., к раздроблению. Ясность — к соединению, к центровке. Костомаров8, Бестужев9, Ламанский, славянофилы и т. п. Цементирующий элемент здравого смысла, только там и находит для себя ясное, где встречает однородное с собою, с своею натурой. Здравый смысл русских оправдал самодержавие и укрепил его наперекор другим стремлениям.

1856, март 23. Русское археологическое обозрение.

Статья — изобразить теорию, как должны были жить, домострой, правила, какие передавались духовенством и стариками опытными. Акт. Ист. № 1410 и другие и изобразить практику. Жизнь как есть.

Археология. Изыскания о минувшем быте начинаются с объяснений памятников вещественных: зодчества, металла, иконы — вообще памятники художеств, а там уже переходят к исследованиям внутреннего, нравственного и умственного быта.

Памятники древности интересуют нас потому, что с ними связывается, сливается память о человеке. Каждое вековое дерево, каждая скала, каждый камень на мостовой есть памятник древности, ею он для нас и любопытен, он не останавливает нашего внимания, потому что с ним мы не поминаем человека.

Высшая задача человека — познать самого себя — сознание себя. Одна задача у человечества — познать самого себя. Всемирная история есть тот процесс, которым человек достигает своего сознания. Каждая частная история потому важна, поколику развитие народа способствовало общему делу сознания, сколько внесло оно в общий оборот идей для сознания. Оттого частная история известного народа бывает более или менее любопытна и важна, смотря по тому, что народ сделал для общего дела, какие силы, какие факты, идеи, истины выработал своей жизнью, которые бы послужили расширением общего сознания.

Отдельный народ, как известный орган в теле человека, должен ему служить, служить для той единой цели, к которой идет человечество, должен служить развитию человечества, его сознанию.

Познай самого себя. Это значит, узнать не только себя, как особь, но познать и место, где эта

особь, и время в какое она существует, и его отношения к объекту, к окружающему — без этого условия, впрочем, и невозможно само познание. Все, что вырабатывает жизнь народа при условиях места и внешних влияний, то не скоро угасает. У нас, например, христианство было введено, но оно как и везде, вошло путем знания*, формы и в разлад с историческим бытом народа. Оттого оно и не могло победить совершенно языческих преданий, формы которых

тотчас же погибли (Перун), но душа остается до сих пор, ибо питается и поддерживается всеми условиями быта, которые идут издревле и не изменились. Природа осталась та же и с тем же влиянием на человека. А христианство, введя также форму и не позаботившись ввести душу, сущность, не в силах было изменить образ понятий, мнений, убеждений, верований.

История изображает, рисует народ.

Археология изображает, рисует людей.

Все археологические труды во всей их обширности и разнообразии имеют главною, непосредственною целью узнать, изобразить древнего человека, живого человека, а не отвлеченность ученую. Поэтому и разделы, система работ, отделы науки должны сосредоточиваться около этой цели, должны распределены быть соответственно тем сторонам человеческой жизни, в которых искони проявляется эта жизнь.

Нам нужно знать, изучить человека.

1). В его материальном быту

2). Его ум

3). Его чувство

По какой причине, вследствие чего явились у нас расколы, такое множество сект. Думаем, вследствие нашей старой образованности, вследствие качества этой образованности, а отчасти может быть, и количества, которое ограничивалось решительным невежеством в делах физики, истории и т. д., и все терялось в «Апофегмах», в «Пчелах»11 — это была любимая наука. Чудовищные начала сект вытекли из этих источников. Характер образованности вел к тому, чтобы понятия спутались и получили мистическое настроение. Раскол есть последовательный вывод нашей древней образованности, результат ее.

Умственного образования, образования ума у нас не было, а было только образование нравственное, образование нрава, сердца, так называемое религиозное, которое, как известно, об уме никогда не заботилось, да и вообще боится его прикосновения даже. Ум жил без всяких помочей и путеводителей, так себе, природно. Он только наблюдал житейские дела и свои наблюдения заявил особенно в пословицах, так как фантазия, воображение заявило себя в стихах, былинах и т. п. Для ума не было дороги, не было простору. Он был стеснен со всех сторон.

Материал для его работ был самый плохой, сведений, знаний никаких, кроме «Пчел», нравственных апофегм, изречений житейской мудрости, тех же пословиц. А это все были адамантовы крепкие истины. Что же было делать с ними уму. Отрицание этих истин называлось своеумием, высокоумием, гордостью. Москва называла так новгородцев.

Отчего у нас так мало сохранилось в народе исторических воспоминаний, связанных с известным местом, с известным памятником и пр. Оттого, что события были без следствий в народе, народ помнит то, что на него влияло.

Просвещение. Воспитывали, образовывали волю, нравственное чувство (не запасая ум фактами жизни), ум спал, не был ничем наполнен, был пуст. Знание, наука — не существовало.

Образованность нравственная отнюдь не вредит, не мешает полной [illegible]

Образование нравственности указывало на героев, на героизм, но какои — жития святых, где не для общества, а для себя человек геройствовал и делал подвиги, не по мысли сделать пользу обществу, а по мысли сделать удовлетворение требованиям собственной доброты, своего доброго сердца. Героизм узкий, но любопытно его рассмотреть.

Человек живет в природе, и сам есть природа, следовательно, чем он больше знает природу, тем чище, разумнее и правильнее его понятия и о самом себе. Напротив, чем меньше знает он природу, чем туманнее представления о ней, тем извращеннее его понятие и о самом себе, тем извращеннее, нелепее его быт и взаимоотношения. Но знания природы можно ли заимствовать, получить из одного только, так называемого, Св. Писания, как утверждали и до сих пор утверждают наши книжники...* Св. Писание обнимает одну только сторону, мир нравственный, но ведь существует еще мир физический, мир умственный. У нас ум спал, его не пускали, его уничтожали, он был контрабандою, т. е. умственное образование**.

Но странно. С одной стороны, мы видим уважение к ученым иностранцам, а у себя гонение за маловажное даже проявление знания.

Историк вооружен телескопом, археолог — мизероскопом. И тот и другой, следовательно, самостоятельны, имея отдельную область исследований и наблюдений.

Иоанн Грозный, Петр — два лица одной сущности одного тела — Государства. Одно лицо смотрит в дела прошедшего, другое в дела будущего. На первый случай государственное наше единство, т. е. идея государственности, должна была скрываться в одном лице — Царе. Он должен был представлять государство и все, что обозначается этим словом. Все поэтому должны были сделать из добровольных дружинников или мужей, холопами, и слуга составило высшую награду. Добродетели гражданские приняли цвет и характер добродетелей лакейских, и потому наше сердце не может сочувствовать им так, как оно сочувствует добродетелям новгородских мужей.

Ум боялся явиться. Умная женщина становилась ведьмой, умный мужик — ведуном, колдуном, вещим. Патриархальное начало допускало ум только в старике. Ум был контрабандою, а знание прямо вело в ад. Еретик было страшное слово, оно означало всякого вольномыслящего, самостоятельно мыслящего.

Ум ценился только практический, т. е. промышленный, коммерческий. Ум выгоды, добытка благ земных и небесных, как они понимались в то время. Другого ума не признавали. Промышленник значило вообще человека, пользовавшегося умно делами.

Свобода — гордость. Новгородцы, стоявшие за свою самостоятельность, названы гордецами, а гордым Бог противится, смиренным дает благодать, т. е. блага жизни.

Насилие, сила кулака, грубая животная сила — вот что управляло общежитием общества, жизнью частных лиц, семейством. Разумных оснований не было. Вся история в том состоит. Как же желать, чтобы русский человек вдруг сделался благороден, честен и т. п.

Конечная цель археологии — это тип, типический лик предка. А для выяснения типа необходимы все мелочи, среди которых оно живет и которыми он живет. Комната, мебель, сапоги Собакевича, Чичикова, Манилова, Плюшкина также необходимейшие, неизбежные их аксессуары, принадлежности, без которых они не будут казаться живыми ликами. Всякая мелочь с этой точки зрения представляет важный, важнейший интерес. Нам нужны типы, а не описания географические или статистические старинных людей.

Что бы ни говорили, а жизнь управляется, движется героями, во всякую эпоху свой герой времени. Пожалуй, и в каждой человеческой среде, сословии, свой герой, который изображает, воплощает основу, ось, на которой вертятся все отношения.

У нас сначала до Рюрика — отец семейства, родоначальник, потом владелец с обща землею, родовой.

3) помещик, 4) Вотчинник, хозяин, 5) казак и т. д. Чиновник, солдат.

Русский народ с самого первого времени стремился найти себе центральную власть. Новгородцы ищут за морем центра и находят. Вся история из того же стремления состоит. Иначе и быть не могло. Если основа жизни была семья, род, то как же не искать центра размножившимся родам и оттого потерявшим центр. Следовательно, единодержавие есть разумный продукт истории, продукт патриархальных, семейных элементов.

Вера народа — есть его мысль, т. е. наука и искусство — творчество. Анализ и синтез. Веру сменяет литература. Если вера принята, то и литература принята, т. е. ненародна, подражательна. Литература есть мысль народа. Как он думает, понимает вещи, сознает, чувствует, как представляет идеи. Промысел есть мысль об устройстве жизни.

Из пребывания в Санкт-Петербурге с 16 января по 29. Нельзя не заметить, что на нрав, расположение человека, на образ мыслей и суждений имеют влияние даже внешние предметы, именно известное сочетание линий. Например, постройка домов и улиц в Санкт-Петербурге и в Москве. Там — прямые, давящие на вас линии, здесь — кривые, веселые, нетесные. Вы не чувствуете нравственного удушья, вам легко. Там вы чувствуете, что вы точно в подземелье, в подземных галереях, душных, тесных и т. п.

Программа.

1) Организм — общее — народ или в первобытном понятии земля.

2) Организм — частное. Индивид, тип.

Как тип частное выражало в себе, собою общее, и наоборот, насколько и как общее выражало частное, т. е. индивидуальные стремления в общих действиях. Например, даже внешние переговоры и поведение наших послов и переговоры с иноземными послами и переписка выражают типические черты общего и в то же время частного, индивидуального, домашнего.

Общее всегда служит только выражением частного. Следовательно, частное подвергается изучению прежде. Частные типы прежде общих. Но материалы для общего существуют, а для частного нет, потому, что частное было повседневное, следовательно, не стоившее внимания как и теперь.

Централизация вред, но зачем же она торжествует? Она, следовательно, была нормальна, умы были расположены в ее пользу, она необходимость, согласны вполне, в этом ее и оправдание.

Мало ли что бывает в каждую эпоху необходимо. Отвергая централизацию, можно зайти далеко. Отвергнем Рюрика, отвергнем Византию, станем выбирать для себя хорошее, благо теперь нам виден с нашего высока весь пройденный путь и все лучшие дороги, и красивейшие и удобнейшие места. Все, что совершилось имело законы неизбежные для того, чтобы совершиться, носило в себе необходимость.

Общая власть — народ, должна была развиться. Как же? Так, как сознает и чувствует масса. Масса — земля, почва. Она рождает все, что мы называем историей, т. е. общею жизнью. История есть общая жизнь, жизнь вообще, сообща, вкупе.

Археология есть жизнь частная, жизнь отдельно, индивидуально, особо. Там большой тип, тут малый тип. Жизнь есть связь сил взаимодействующих. Мы раздробляем только в уме, чтобы понять, а в сущности это не раздробимое целое.

Цель исследований есть начала, идеи, нравственные силы, элементы. События — люди, лица, есть оболочка идей, орудия их, формы материи. Каждая идея получает господство в умах. Она и находит себе выражение в событии, в лице, характере. Но события есть внешние и внутренние. Одни находят извне и изменяют направление идей. Другие порождаются жизнью — есть

результат долгой работы. Против централизации восставали и прежде, но всегда из личных видов, спасая личные интересы. Тяжелое время Петра родило идею ограничения власти при Анне12. Но эта идея блеснула только в некоторых умах, и то с аристократической точки зрения.

Центральная власть, идея порядка есть необходимость, центр кровообращения, центр жизнеобращения. Жизнь льет к центру и отливает от него. Каков центр, такова и правильность обращения жизни.

Если мы назвали организм, то должны рассматривать его с естественнонаучной точки зрения. Человек есть организм, животное. Но человек есть идея, и тело его — только форма. Человек живет идеями. Идеи могут возникать только в обществе, от прикосновения других идей. Каждая идея есть также организм, подобный совершенно живому организму. Она также имеет свое зачатие, свое развитие, процветание или господство в умах, увядание. Или переход в другие новые идеи, перерождение, смерть можно сказать. Как в растительном царстве, так и в царстве духа, идея зачинается незаметно и вырастает, умирает и дает почву другим. Готовит навоз, почву, условия жизни для других идей, с которыми совершается та же история. В истории — общей жизни — все организмы. Самодержавие — организм. Раскол — организм. Казачество — организм. Торговля, литература. Община. Язык. Каждая эпоха — организм. Иначе быть не может, следовательно, периоды необходимы.

Если народ организм, то прежде всего надо познакомиться с местом, свойством, с силами его, а потом уже с действиями. Историки начинают наоборот.

Человек живет идеей, мыслью, делает все по мысли. Только сумасшедший делает очертя голову, как ни попало, оттого он и сумасшедший. Говорят: какая мысль у него была, когда он это и то делал. Что он думал? Что долго думать.

Чтобы писать историю народа, нужно прежде всего определить, уразуметь, что такое народ, узнать природу, сущность этого предмета. Как и всякого предмета, который будет описываться историею. Конечно, сама уже история разъясняет эту природу.

Образованность притекла к нам из такого источника, где прокляты были все свободные, самостоятельные движения ума. Она пришла с страшною боязливостью, и эта боязливость, эта сущность нашей древней образованности господствует во всю историю и даже теперь. Кто и что останавливает науку? Вера, как кошмар давит все. Боязно, неравно раскол, еретичество. И в самом деле, раскол, потому народный ум таков, что всякое движение к новому, тотчас он же отрицает и делается старообрядцем. Отделяется от церкви. Рука руку моет. Церковь отлучает новатора, народ отделяет себя от церкви, как скоро она становится новатором. А все существенный характер образованности — боязливость ума.

История несет волшебный фонарь, где фигуры движутся, потому что ими движут. Где они больше чем мертвы, они окаменелые.

Как странны ругательства на Петра, что он нас обезобразил, когда до него мы сплошь были заражены болезненными, изношенными началами других народов. Иудейским эгоизмом, что мы только народ, а другие не люди, византийским пустосвятством и изуверством.

Нумизматика, геральдика, генеалогия — науки дворянские. Оттого они и процветали особенно в то время, когда процветало дворянство. Как оно пало, упали и они.

Народ наш рвался к свету. Когда свет светил на Востоке, собственно на Юге, он бросился туда. Принял просвещение. Варварство оттолкнуло его. Он шел на Восток, в Сибирь. Наконец, когда свет засветился на Западе, он потянулся туда и после нескольких «толцыте» пробил-таки себе дорогу. Он шел к окраинам, к Морю — Океану. Искал. Промышлял.

Дополнение к 8 стр. Быта.

В древности была община, но община родов, семей, хозяйств, а не община людей. За целое признавался род, за лицо. Человек — часть рода, не имел значения. Он имел права рода, а не свои как человека. И ответственность падала на весь род, а не отдельно на лицо, как теперь. Род был узенькая рамка, в которой и заключалось лицо, личность. Отсюда отсутствие личности у нас, в котором признают что-то высокое (Валуев13), а это есть первобытная форма жизни. Из рода стал развиваться государь, хозяин, по образу рода, но с новым началом самовласти, а не родственности (Андрей Боголюбский14, Святополк15). Вот существенные начала нашей жизни. Из государя — самодержец. Петр скинул с себя родовой элемент самодержавия, родовые путы и сделался императором по западному понятию диктатором.

Помещик еще носит в себе тип государя с родовым оттенком. Теперь только он получает то же, что получил Петр. Сначала, следовательно, делалось вверху, затем внизу. Органически.

По всей нашей истории неясно происходит стремление высвободить личность из определений непосредственности. Сначала из рода. Первый шаг отсюда — хозяин-государь. Отношения изменяются. Подручник, а не сын, не брат, слуги, а не чады, дети. Еще шаг — царь, самодержец, т. е. возведено в теорию, что царь решительно не зависит ни от каких определений и отношений к прежнему порядку, у него нет родных, нет друзей-дружины. Есть слуги. Слуга делается наградою. Личность сама себя ставит центром. Все для меня, все потому, поколику я. Еще шаг — Петр — сознание и признание над собою другой силы — государства и общества личностей. Петр последний самодержец и первый император, первый слуга государству. Так как Грозный — последний великий князь и первый царь. Иоанн III — последний родович-семьянин и первый государь. Иван Калита16 — последний родственник и первый семьянин. Хозяин. Всеволод III17.

Окно растворено. Дети подошли. Они выпадут, чтобы предотвратить это несчастье, затворить окно. А на дворе весна, воздух, в комнатах гниль, сырость, спертость. Лишить их воздуха. От фосфорных спичек пожар. Николай Павлович18 запрещает их продажу. Бандероль накладывает19, лишает удобств жизни. Все это факты, указывающие на систему, которой держится всякое правительство государственное и семейное, не развитое мыслью, философиею. Точно как насекомое и животное в своих действиях поражается только тем фактом, который непосредственно на него действует, не обмышляя дальнейших результатов, т. е. комбинации идей, являющихся следствием этого факта. Вы толкаете собаку ногой, она ногу вашу и кусает или грызет палку, вовсе не помышляя о руке, непосредственной силе, действующей палкою. Где нет идей, они не в употреблении, там вся система законодательства вытекает из этого начала общего всем тварям неразумным, как говорят.

Примечания

1 Летом 1852 г. Забелин снимал дачу в Подмосковье, в д. Мазилово.

2 Иван III Васильевич (1440—1505) — великий князь московский. При нем складывается централизованный государственный аппарат, оформился титул «Великий Князь всея Руси».

3 Имеется в виду работа П. Н. Кудрявцева «О физиологических признаках человеческих пород и их отношении к истории. Письмо Эдварса, переведенное и дополненное Т. Н. Грановским. «Отечественные Записки», 1853, апр.»

4 Кудрявцев Петр Николаевич (1816—1856) — историк, профессор Московского университета.

4 Кудрявцев Петр Николаевич (1816—1856) — историк, профессор Московского университета, преемник Грановского. По окончании курса университета преподавал русскую словесность в институте обер-офицерских сирот Московского воспитательного дома. С 1845 по 1847 гг. стажировался за границей по рекомендации Грановского. С 1847 г. читал всеобщую историю в Московском университете. Ему принадлежат труды: «Судьба Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом», «Каролинги в Италии», «Римские женщины» и

др.

5 Анастасия, дочь Забелина, родилась в 1849 г.

6 Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852) — писатель, общественный деятель. Его роман «Юрий Милославский» — первый исторический русский роман, принес автору огромную известность (1829). Загоскин также издавал сборник «Москва и москвичи», посвященный прошлому и настоящему города.

7 Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — славист, публицист. Во время путешествия по славянским землям собрал богатый рукописный материал, который лег в основу его сочинения «О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене с филологическими и историческими примечаниями» (1864). В 1875 г. начал печатать очерк «Видные деятели западной славянской образованности», с 1890 г. редактировал издание Императорского Русского Географического общества «Живая старина».

8 Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — историк, писатель, член-корреспондент Академии Наук, один из руководителей Кирилло-Мефодиевского общества. Профессор Петербургского университета. Труды: «Бунт Стеньки Разина», «Северорусские народоправства», «Смутное время Московского государства», «Последние годы Речи Посполитой» и др.

9 Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897) — историк, профессор Петербургского университета. В 1856—1859 гг. — помощник редактора «Московских Ведомостей». Переехав в Петербург, сотрудничал с «Отечественными Записками», составлял книги для народного чтения. Написал «Русскую историю», «Биографии и характеры». В 1873—1882 гг. возглавлял Высшие женские курсы.

10 Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Тт. 1—2. СПб., 1841—1842.

11 Апофегмата — краткое изречение, меткое слово. Здесь — рукописные, а потом и печатные сборники. В России в начале XIX в. пользовался особой популярностью сборник Беняша Будны: «Апофегмата, то есть кратких витиеватых и нравоучительных речей книги три, в них же положены различные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и разговоры различных древних». Перевод с польского. (См.: Геннади. Берлин. 1876. Т. 1. Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати. М.; Л. № 50, 57, 178, 209, 243.)

«Пчела» — популярный в Древней Руси рукописный сборник нравоучительного содержания, включавший переводы из «Священного писания», отцов церкви, античных и византийских авторов. (Старший список рубежа 13—14 вв.).

12 Анна Иоанновна (1693—1740) — вторая дочь царя Иоанна Алексеевича, племянница Петра I, российская императрица с 1730 г. Была избрана с условием принятия «кондиций», ограничивающих власть по ряду положений внутренней и внешней политики. Став императрицей, Анна Иоанновна в тот же день разорвала «кондиции».

13 Валуев Дмитрий Александрович (1820—1845) — историк, славянофил. Был убежден, что русский народ представляет истинное выражение христианских начал общества и государства. Плодотворной была его деятельность по собиранию источников. В 1845 г. вышел его «Сибирский сборник». «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах

единоверных и единоплеменных» — первый серьезный опыт изучения славянского мира.

14 Андрей Боголюбский (ок. 1111—1174) — владимиро-суздальский князь, сын Юрия Долгорукого. В 1169 г. завоевал Киев. Был убит боярами.

15 Святополк I Окаянный (ок. 980—1019) — князь туровский, киевский, сын Владимира I. Убил трех братьев и завладел их уделами. Святополк II Изяславич (1050—1113) — князь полоцкий, туровский, киевский. Разжигал княжеские междоусобицы.

16 Иван I Данилович Калита (?—1340) — князь московский, Великий Князь Владимирский (с 1328).

17 Всеволод III Большое Гнездо (1154—1212) — Великий Князь владимирский (с 1176), сын Юрия Долгорукого.

18 Николай I (1796—1855) — Российский Император (с 1825).

19 Бандероль (фр.) — перевязь, полоса бумаги, ткани, которой оклеивались товары. В данном случае накладывалась для обеспечения уплаты 1212) — пошлины с товара правительству.

Публикация Н. А. КАРГОПОЛОВОЙ

Письма Н. И. Сперанского с азиатского театра Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 20 февраля 1878 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 172—173. — [Т.] V.

Письмо 108-е

Карс. 20 февраля 1878

Обещался описать тебе подробности 19 февраля в Карсе. В 10 час(ов) утра в полковой церкви началась обедня; после обедни духовенство и все молящиеся вышли на довольно обширную площадку на берегу Карсчая, на которой уже стояли войска, выстроенные правильным четырехугольником, в середине которого стоял покрытый аналой; с одной стороны аналоя все знамена нашего полка, с другой встало духовенство и начало служить молебен. На молебне присутствовало все высшее начальство Карса. Турки в праздничных нарядах, с обнаженными головами занимали все крыши соседних домов; на некоторых из них (домов) красовались дорогие ковры, выкинутые в виде флагов. На цитадели и на всех зданиях, занимаемых войсками, развевались русские национальные флаги в огромном количестве, что придавало особенную красоту и торжественность маленькому городу. Только священник произнес многолетие царствующему дому и хор грянул «Многая лета», к(а)к из центра города взвились три ракеты и со всех сторон Карса раздалась пушечная стрельба. После молебна начальник Карского отряда — генерал Алхазов — скомандовал всем войскам «на караул», обратился к войскам со словами «да здравствует Император», громовое «ура» вырвалось из густого строя войск, подхватилось окружающей толпой и перекатами понеслось по всему городу, сливаясь с громом пушек и звуками «Боже, Царя храни». Было много торжественности и величия в этой возбуждающей патриотической сцене среди азиатского города.

Затем войска под музыку церемониальным маршем пропарадировали мимо Алхазова по улицам Карса и направились домой. Я направился с другими в клуб, где на радостях выпил рюмку водки

и, закусивши, принялся за устроиство зала к вечеру. За неимением почти никаких материалов для устройства вензелей Государя и Государыни, я воспользовался имевшимися в клубе лубочными портретами Государя и Государыни и сделал следующее: натянул на всю стену белый коленкор, прибил на него эти портреты, задрапировал их вместо рамки пунцовым шелком и окружил гирляндами искусственных цветов; по бокам портретов устроил громадные звезды из казачьих кинжалов и ружейных шомполов, что вышло чрезвычайно оригинально, эффектно и красиво, а в середине каждой звезды повесил канделябр из 3х свечей. Нижнюю часть стены под портретами украсил ружьями, шашками и револьверами; весь этот белый щит задрапировал красным кумачом с буфами и перехватами, на которые пришили букеты из белых роз. Над самою серединой портретов, на занавеси приделал императорскую корону, сделанную мною из картона, кумача и желтого коленкора. На других стенах зала сделал такие же звезды из шашек и шомполов, в середине которых тоже горели канделябры.

Обстановка вышла прелестная, вполне боевая и соответствующая высокоторжественному дню восшествия на престол Царя Освободителя8 и заключению славного мира. В 8 час(ов) вечера начали съезжаться дамы, и бал начался. Я, к(а)к не играющий в карты и не танцующий, сел в уголке зала и стал наблюдать за танцующими, причем заметил т(а)к много смешного и потешного, что не мог удержаться, чтобы не вынуть карандаш и бумагу, на которой и стал рисовать более выдающихся из публики. Несколько барынь, из которых две хорошенькие и две уродины, и несколько офицеров, из которых все уроды, были набросаны мною очень удачно и скоро. Но мне не удалось сделать одного — чтобы занятие мое не было замечено многими, в особенности дамами, а из них в особенности теми, кто первыми имели счастье попасть на бумагу. Бумага эта ходила из рук в руки между офицерами и вызывала дружный хохот, п(отому) ч(то) фигуры были действительно комичны и очень похожи. Неелов схватил мои наброски и стал показывать барыням, которые наперерыв старались отнять их у него. Некоторые дамы и барышни (уроды) надували губки и злобно посматривали на меня, сидевшего чрезвычайно невинно в своем уголке, другие (хорошенькие), глядя на меня, старались приятно улыбнуться и принять позу поживописнее и пограциознее. Но я — злой насмешник — обращал внимание только на первых, т. е. уродов, которых и увековечу в своем альбоме. Неелов хохотал до неприличности. Изобразил я между прочим одного старого генерала, ухаживающего за хорошенькими, некого Смирнова (артил(лериста)) — Булкин его знает. Затем, ч(то) было дальше, ты уже знаешь: пришла телеграмма о мире, и веселье удесятерилось. Часа в 3 ночи были накрыты столы к ужину, но я не остался ужинать и ушел домой спать. Сегодня по случаю великолепной весенней погоды ездил с Новехой 1м кататься верхом. Был в укреплении Тохмас у Матвеенки, там отобедал, затем отправился в Вели-пашу к Новицкому, где застал компанию, садящуюся за стол, а потому воспользовался случаем и пообедал у них с удовольствием. Приехав домой, мы напились чаю, и я принялся за «Карский листок», в котором сделал виньетку и ребус, и написал заявление от (...) т. е. от себя. Затем поужинал-таки и принялся за письма.

А к(а)к твое здоровье, моя милая, дорогая деточка? Что Колюшка? Продолжает ли он быть таким же умницей, какой он был, когда ты писала последнее свое письмо? Что поделывает Лена? Здоровы ли Олюшка и Маруся? Поцелуй их от меня, а также Володю, и кланяйся всем знакомым.

До свидания, моя дорогая, милая, ненаглядная детишка. Целую крепко и благославляю тебя и Колюшку, Христос с вами, мои родные детки.

Ваш Голяшка.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 19 февраля 1878 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 170—171. — [Т.] V.

Письмо 107-е

Карс, 19 февраля 1878

Карс. 19 февраля 1878

Поздравляю, поздравляю, поздравляю тебя, моя милая бесценная деточка! Мир подписан.

Подробности сегодняшнего дня опишу завтра, т(а)к к(а)к теперь уже 3 часа ночи, я только ч(то) вернулся из клуба и надо спать. Но сообщу вкратце вечер. Во время общего веселья и танцев мы

вдруг услышали где-то крики «ура»; танцы тотчас прекратились, в зале воцарилось молчание, и в комнату влез телеграфист, и подавая телеграмму Вел(икого) Князя Неелову, закричал: «Мир! Ура!» Неелов едва мог унять страшный крик «ура» и,

когда наконец все успокоились, он громко, на всю залу прочел следующую телеграмму Вел(икого) Князя М(ихаила) Ник(олаевича): «Мир подписан. Государь Император еще раз приказал благодарить малоазийские войска за все их славные дела».

«Полумертвая от голода турецкая лошадь...»

«Полумертвая от голода турецкая лошадь...»

Можешь себе представить, что случилось в зале после этих слов! Дамы бросали платки на воздух, офицеры (около 100 чел.) раздирали себе горло, крича неустанно «ура», которое разносилось далеко в городе. Музыка гремела «Боже, Царя храни!» Лица у всех были в высшей степени восторженные, на многих глазах дрожали слезы. Все обнимались и целовались по-братски, к(а)к после заутрени Светлого Христова Воскресения. Нечего и говорить, ч(то) к(а)к по волшебству какому-нибудь тотчас же явилось шампанское и полилось рекой. Я не могу тебе сказать, в скольких объятиях я был, сколько уст крепко, крепко меня перецеловало, но все обращались ко мне со следующими словами: «Вас, Н(иколай) И(ванович), особенно поздравляю. Вот кому это радостное известие более всех нужно, больше, чем кому-либо дорого!» Приблизительно такой фразой меня поздравляли все. Ты можешь себе представить, Надюша, к(а)к я был счастлив в эту минуту! Неелов сказал мне: «Ну, теперь не долго нам с вами ждать. Скоро, скоро увидим мы наши семейства — нас здесь не будут долго держать, двинут в Москву».

Так вот, Надя моя, какой радостный сегодняшний день. Сегодня для меня вообще счастливый день: твое письмо, полученное мною утром, такое милое, хорошее, радостное, спокойное, сколько надежд проглядывает в нем, такое отрадное письмо, какое я давно не получал. Оно привело меня в превосходное расположение духа, и я убрал клуб т(а)к, ч(то) все ахнули, любовались и благодарили меня, и знакомые и незнакомые. Про Неелова и говорить нечего. Пока до свидания, моя родная Надюша, целую Лену, Олюшку, Марусю и Володю, кланяюсь всем! Целую и благославляю тебя и Колюшку Капельного.

Да хранит вас Господь для вашего

Голяшки.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 17 февраля 1878 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 169—170. — [Т.] V.

Письмо 105-е

17 февраля 1878 г.

Сегодня получена у нас в Карсе телеграмма Краевского, утверждающая, что мир заключен. Слава тебе, Господи! Значит, нужно только ждать, когда дорога будет настолько сносна, что по ней в состоянии будут пройти войска и тогда нас тотчас же двинут отсюда в Россию. Слава тебе, Господи! Наконец-то кончилась эта война, и мы снова переходим на мирное положение. Плохо это только разве в одном отношении, ч(то) и содержание наше тоже переходит на мирное

это только разве в одном отношении, к(то) и содержание наше тоже переходит на мирное положение, т. е. мы лишаемся суточных — 30 р. в месяц и, кажется, дровяных, которые мы здесь получаем очень много, т(а)к к(а)к казенная, установленная интендантством стоимость одной сажени дров — 120 рублей серебром. Но я готов отказаться от половины всего своего содержания, лишь бы только скорее двинули нас в Москву. Но Бог даст, время это не за горами, скоро дождемся его.

Сейчас я кончил работы в «Карском листке»7, — ты на днях, вероятно, увидишь этот номер, где я поместил карские мумии (турецкие женщины в лунную ночь) и, ребус. Теперь в каждом номере «Карского листка» будут помещаться ребусы, которые вы должны будете общими усилиями разгадывать; а разгадки их будут помещаться через 2—3 номера. В ребусе, который сегодня посылается, я нарисовал, между прочим, весь город Карс с цитаделью, к(а)к он был виден нам до штурма с передней его стороны с аф — бабы. Впереди города земляное укрепление «Чим», охранявшее подступы к городу, но не охранившее его. Цитадель — самое страшное, неприступное укрепление, к(а)к ты можешь видеть по моему беглому рисунку, который я делал на память. Милка моя, ты меня т(а)к насмешила в прошлом письме, объявивши мне, ч(то) у меня талант; нет, деточка, что же это за талант! Вот у Колюшки нашего, я уверен, что будет большой, большой талант; в этом уверен на основании данных, которые дает теория наследственности. Но до этого еще далеко, а вот к(а)к его животик теперь, лучше ли ему? Сегодня опять не было от тебя письма, но газеты получил, да еще 2 номера.

Сегодня ездил в укрепление Вели-паша к Новехе 1му, там была m-me Власьева, и я провел вечер очень приятно, точно в семействе был. Недавно был у Моревых опять, оба здоровы, просили тебе очень кланяться. Вообще живется мне здесь теперь очень хорошо, никогда не скучно, масса развлечений, клубы, газеты, рисование, знакомые, — здоров, к(а)к бык, аппетит волчий в продолжение целого дня и потому мне не редкость пообедать два раза в день, сперва у себя, потом у Новехи 1го. И если бы только не было на свете Москвы и в ней моего семейства, — я бы ни о чем никогда не думал. Недавно на пирушке у Саблина после смотра Неелов сказал (я слышал это): «Удивляюсь я на Сперанского, он т(а)к заметно потолстел, к(а)к никто из нас». Это же мне говорят все, которые видят меня постоянно, это замечаю и я, даже без зеркала, потому что, смотря вниз, я могу видеть свои щеки. Мундира уж я теперь никогда не застегиваю, нет никакой возможности. Если только за дорогу не похудею, ты меня положительно не узнаешь. Страсть какая толстая рожа стала! Вообще, если только ты и Коля совершенно здоровы, то все идет как нельзя лучше! Я полон сил, здоровья, и веры в близкое будущее. Поцелуй за меня Машу, Володю, Олюшку и Марусю, кланяйся всем знакомым. Целую крепко, крепко и благославляю вас, мои милые, бесценные, ненаглядные детки мои, Надюша и Колюшка, да хранит вас Господь!

Всегда ваш Голяша.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 23 января 1878 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 167—169. — [Т.] V.

Письмо 80-е

Карс. 23 янв(аря) 1878

Ну, наконец-то! спасибо тебе, моя бесценная деточка, — сегодня сразу три твои письма, от 7го, 8го и 10го янв. — №№ 25, 26, 27. Ты все, голубка, ошибаешься на один №, пишешь 26 на последнем письме, тогда как оно 27е.

Ты уж слишком, дитя мое, представляешь себе меня каким-то идеальным, тебе только кажется вдали, что все эти поступки мои, мое поведение 20, 21 и 22 сент(ября) полны такого мужества, такого совершенства, перед которым, к(а)к ты говоришь, можно благоговеть. Тут просто, деточка, тебя увлекает любовь ко мне, которая заставляет тебя видеть во мне какое-то

совершенство. Ровно ничего особенного, ничего грандиозного я не сделал, сделал только то, ч(то) сделал бы на моем месте всякий порядочный человек, имеющий самолюбие; оно-то, самолюбие, и было все время моим двигателем и руководителем, начиная от дней мобилизации и выступления нашего в поход. Настоящая или лучше сказать, недавно прошедшая моя боевая жизнь, жизнь не фантазия и не теория, а жизнь дела, и самого серьезного, кровавого дела, требовала от меня применения тех убеждений, на которых покоилась до сих пор вся моя мирная жизнь, убеждений, которые всегда составляли мою гордость. Чтобы остаться верным себе, я должен был не отступать ни на шаг от моих убеждений, и не отступил — первая серьезная проба удалась, к(а)к нельзя лучше, и мне не пришлось терять уважения к себе. Особой заслуги, как видишь, с моей стороны в этом нет; я просто из уважения к себе постарался быть последовательным тогда, когда жизнь потребовала от меня показать на деле прочность и порядочность моих убеждений, которые вследствие этого еще более окрепли во мне. Все это, Надюша, очень просто и не очень высоко. Что же касается того, к(а)к я считаю тебя, к(а)к отношусь к тебе, достойна ли ты меня или нет, — то это вопрос очень старый, который давным-давно мной решен, а потому ты не имеешь никакого права касаться его. Несмотря на все твои слова, на твое самоунижение, на которое я даже не стану ничего отвечать, я все-таки скажу тебе, что считаю и всегда буду считать родной, святой женщиной, которая принесла т(а)к много счастья своему другу, которая так много перенесла из любви к нему. Аминь, больше ни слова! Не смей мне на это возражать, Надюшка моя.

Надюша, скажи пожалуйста, зачем это ты упрекаешь себя, будто «досаждала» мне какими-то «капризами и непростительными» (!) вспышками? Детка моя, неужели ты помнишь эти глупости? Я положительно не могу себе представить, когда это было? Да если и были такие минуты (которых я окончательно не могу припомнить), то к(а)к ты думаешь, — набросили ли они хотя какую-нибудь тень на наше счастье, уменьшили ли они хотя на атом любовь между нами? Брось, деточка моя, это, никогда ничего подобного тому, что ты говоришь, не было. Я знаю только одно, что почти не возможно найти на земле людей, которые бы любили друг друга т(а)к крепко и искренно, к(а)к мы любим, а семей счастливее нас — положительно — нет и, если счастье это когда-нибудь нарушится, то от причин совершенно не зависящих ни от меня, ни от тебя; т(а)к, например, наше счастье нарушилось на время войной, но разве ты или я виноваты в этом? все же, что зависело лично и непосредственно от тебя или от меня, клонилось и будет вечно клониться к тому, чтобы сделать друг друга вполне, вполне счастливыми.

Я теперь очень рад, ч(то) ты переехала в Покровские каз(армы), только мне больно и тяжело думать, ч(то) ты, моя бедная, маленькая капля, очень тоскуешь там одна, привыкнув к обществу Ренбаум. Впрочем, теперь ты, вероятно, живешь уже не одна, а с Леной, с чем я также давно уже окончательно примирился. Все-таки ты будешь не одна; да наконец и Ренбаум будут посещать тебя. Ведь ты живешь в одном коридоре с Гуковскими, — отчего ты не ходишь к ним? впрочем, это глупый вопрос, сам сознаю: во-первых, ты не можешь уйти от Коли, а во-вторых, тебе, я думаю, очень завидно и тяжело смотреть на их семейную жизнь, в особенности, например, когда она зовет мужа. Ну, да ничего, потерпи немножко еще, скоро и ты будешь иметь около себя своего Кольку — большого; вот тогда тебе придется возиться уже не с одним, а с двумя Кольками, ч(то) ты тогда будешь делать, бедняжка!

Однако, какая ты хитрая, Надюшка! только хитрость твоя теперь совершенно напрасна, т(а)к к(а)к тебе известно, ч(то) я уже все знаю: под конец письма ты как будто мимоходом, точно это что-то совсем неважное, говоришь: «должно быть, из симпатии к тебе и у меня началось что-то вроде вередов, маленькие прыщики выскакивают на теле, но не причиняют мне боли, так, немножко». О, душка моя! Как это не хитро! «Маленькие прыщики»! Хороши маленькие; и почему же это ты не говоришь, что на груди выскакивают, а говоришь так неопределенно — «на теле», дескать, понимай, как знаешь; и зачем же это определенную болезнь — грудницу — называть «маленькими прыщиками»? А лучше всего то, ч(то) «они не причиняют мне боли, так немножко». Воображаю, как это «немножко», уж если ты сама решилась сознаться в этом! Все это к тому, чтобы я не тревожился, не беспокоился? да? Милая ты моя, желанная, ненаглядная деточка! Так значит, у тебя не прошли еще эти нарывы? Значит, я слишком рано радовался и

деточка? Так она ли, у тебя не прошли еще эти нарывы? Она ли, я слишком рано радовался и утешал себя тем, ч(то) все кончено? Ради Бога, не скрывай от меня ничего, пиши прямо и откровенно в каком положении находится в настоящую минуту твоя болезнь, иначе я буду сильно беспокоиться.

Спасибо милому Гуковскому, ч(то) он т(а)к заботился о тебе во время переезда твоего. Поцелуй его от меня. Я воображаю, к(а)к он обрадовался ружью! Я очень, очень рад, ч(то) могу отблагодарить его за хлопоты. Нога Новехи заметно поправляется; ведь ты знаешь, что жена Владислава Викт(оровича) больна при смерти, у ней, говорят, чахотка, — вот несчастный муж! Спасибо тебе, деточка, за подробное описание квартиры, которым ты предупредила мои вопросы. Ах, да, Надюша, у меня несчастие: ни одну рубашку не могу застегнуть на шее, не сходятся; перешил на некоторых пуговицы, но все-таки душат сильно шею, дышать тяжело, т(а)к ч(то) я теперь уж никогда не застегиваю ворот. Неелов так всякий раз смеется надо мной... Действительно, все мне замечают, ч(то) я удивительно потолстел. И не мудрено: ем я чуть не 6 раз в день и веду самую покойную и ленивую жизнь; в особенности душой я постоянно чрезвычайно спокоен, ну поневоле потолстеешь. И лошадь моя страшно разбухла, т(а)к ч(то) мы с ней теперь совершенная пара. А мундира я уже давно не застегиваю: раз попробовал было застегнуть — пуговица оборвалась, т(а)к с тех пор и бросил это дело. Ну, прощай, моя родная, целую крепко и благословляю тебя и Колю.

Твой Коля.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 14 января 1878 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 166—167. — [Т.] V.

Письмо 72-е

Карс. 14 января 1878 г.

Господи, с каким нетерпением жду от тебя ответ о том, как ты устроилась, здорова ли, здоров ли Количка, переехала ли ты в Покровские казармы, у тебя ли Лена, взяла ли ты к себе Аксинью. Все эти вопросы не выходили у меня из головы и на все надеюсь получить ответ в следующем твоем письме, за исключением последнего вопроса, на который получу ответ, вероятно, не скоро. Сегодня к Мореву приехала Л. В. и поселилась у него в комнате. Сегодня я по этому поводу был у него. Устроился он т(а)к себе, мой стрелок — драпировщик повесил ему на окнах коленкоровые драпри, отгородили они коленкоровой занавеской две кровати и по-видимому вполне счастливы. У меня почему-то вид этой семейной жизни не вызвал вовсе зависти; вероятно, это п(отому), ч(то) живут они как-то по-бивачному, в чужом углу, в турецком городе, откуда все стремятся поскорее вырваться, а они тут устраиваются. Вообще я не сочувствую такой жизни, я жажду поскорее быть дома у себя на месте и устроиться в своем семейном гнезде основательно, не на время, не по-бивачному. Вот Роппу я завидую, что он едет в Москву на днях; но и ему нельзя, впрочем, позавидовать, т(а)к к(а)к он заболел и, боюсь, сильно разболеется, уезжает отсюда. А я хочу совершенно здоровым вернуться домой и притом до конца испивши чашу, до конца исполнивши долг, взятый на себя. Тогда возвращение будет несравненно приятнее. Скоро, скоро, говорят, уже будет мир, и мы, как говорил Ропп, весной поедем обратно в Москву. Дай-то, Господи!

На днях Измаил-паша приезжал из Эрзерума к Лорис-Меликову в Галан-Кале (около Эрзерума), как говорят, с целью переговоров. Значит, и у нас дело идет уже о переговорах. Никаких дел под Эрзерумом давно уж нет, все ждут только перемирия.

Получила ли Лена вчерашнее мое письмо? Я писал его на имя Володи. У нас стоят порядочные морозы, к которым турки совершенно не привыкли и жалуются, ч(то) русские принесли к ним мороз.

Прощай, моя бесценная деточка, целую крепко тебя и нашего каплю-Колюшку. Поцелуй Олюшку, Марусю, Лену и Володю, и кланяйся всем, всем!

Часы Морева я получил, — скажи Гукову, ч(то) все, все в восторге от часов, действительно, они прелестны! Поблагодари его от меня очень. Сегодня с Остров(ским) проболтали до поздней ночи, и потому я очень спать хочу. Целую еще и еще тебя и Колю. Да благословит вас Господь! Моя

бесценная жена.

Ваш Коля.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 9 января 1878 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 165—166. — [Т.] V.

Письмо 67-е

Карс. 9 января 1878 г.

Господи! Ведь ожидал же я этого, а между тем, к(а)к глубоко и больно поразило меня это известие! Я не поверил — тому, что прочел в Володином письме, я не хотел этому верить. Неужели матери не стало! Боже, как мне хотелось увидеть ее еще раз! Не суждено.

Бедная, бедная Лена! Что теперь будет с ней, что будет с отцом! Ах, как тяжело, как больно думать обо всем этом, сознавать это. Несчастная моя мать! Сколько мучалась она в жизни и умерла, может быть, в страданиях. Да простит меня Господь, за все, за все, как я ее от всего сердца простил!.. Помолись о ней за меня, моя Надя; я чувствую теперь, что я ее горячо любил и, я легко представляю себе, что было бы со мной теперь, если бы у меня не было тебя, если бы я был, как прежде, один. Поэтому я понимаю положение Володи, Лены, отца, для которых вся их жизнь, вся любовь сосредоточивалась на ней; в особенности ужасно, должно быть, положение Лены.

Милая моя, бесценная! Если только возможно, чтобы ты была для меня еще дороже, так это именно теперь! Если бы ты только знала, моя родная, какой поддержкой, каким Ангелом-утешителем служишь для меня теперь ты! Чем больше дорого отрываемое от сердца, тем дороже становится то, что осталось.

Дитя моя, Володя пишет, ч(то) на тебя это обстоятельство сильно подействовало, что ты много плакала; ты, может быть и теперь плачешь, читая мое письмо, и я даже уверен в этом. Но, деточка моя, помни ч(то) ты обязана беречь себя, если хочешь сберечь нашего сына, помни, что теперь всякое душевное волнение твое отзывается на малютке, которого ты кормишь. Я понимаю, что такое горе, как наше, не может пройти бесследно ни для кого из нас, жизнь которых была так тесно связана с жизнью покойной матери, но теперь мы с тобой должны больше думать о только что начинающейся жизни другого, не менее дорогого существа. Береги же себя, моя родная деточка, не поддавайся грусти, этим ты сбережешь здоровье и жизнь нашего сына, в котором теперь для нас с тобой заключается все, все, все, наши мечты, надежды, вся наша настоящая и будущая жизнь.

Что теперь делает отец? Боюсь, боюсь я за него ужасно — не перенесет он этого удара, к которому не подготовила его жизнь. В состоянии ли он продолжать службу! Но зато одно только могу сказать: это страшное горе переродит отца и Лену, если только они в силах будут перенести его.

Это общее горе крепко соединит их, напомнит им, что они отец и дочь, скрепит навсегда ту дружбу и любовь, которые всегда были между ними и для которых теперь настала пора проявиться во всей силе. Я глубоко убежден в этом, и это убеждение служит мне большим

успокоением за них. Они не должны оставить и не оставят друг друга и каждыи из них ооязан быть поддержкой другому. Отец без Лены пропадет, т(а)к же, к(а)к и она без него. Ни один из них не мыслим без другого, и отец, и Лена должны это хорошо понимать. Да благословит Господь их на новую дружную жизнь! Их теперь неразрывно соединит память той, которая была для них так дорога. Общее горе, к(а)к и общая радость связывает людей очень сильно, и ты увидишь, как они будут хорошо жить вместе.

Целую и благословляю тебя и Колю. Поцелуй Володю и Лену.

Твой всегда Коля.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 3 января 1877 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 164—165. — [Т.] V.

Письмо 61-е

Карс. 3 января 1877 г.

Отправил, наконец, Розанова, проводил его, посадил на телегу и тогда успокоился, ч(то) ты, моя радость, все получишь. На днях появится в «Московских ведом(остях)» Морева корреспонденция под заглавием: «Встреча Нового года в Карсе военнослужащими»6, в которой подробно описывается этот вечер, и в которой фигурирует моя физиономия, как художника, автора картины «Новый год». Прочти непременно эту корреспонденцию. Сегодня я, в качесте дежурного по казармам, был с вечерним рапортом у коменданта генерала Дена, который мне объявил радостную новость, ч(то) Ропп получил телеграмму о том, ч(то) заключено перемирие для переговоров о мире и ч(то) Англия положительно отказалась от всякого вмешательства в переговоры и отстранила себя от этого дела.

Если это только подтвердится официально, то ликование у нас будет невообразимое. Дай Господи, чтобы здесь не было ошибки!

Как здоровье матери теперь? Сегодня я получил письмо от Володи, который пишет, ч(то) мать очень плоха, да и Лена измучилась с ней. Молю Бога, чтобы она поскорей поправилась и чтобы Господь дал мне увидеть ее еще по возвращении в Москву. Мне почему-то кажется, что я непременно еще увижу ее. Дай-то Бог!

Как здоровье нашего дорогого Колюшки? Неелов сегодня говорил мне: «Ах, Сперанский, как я вам завидую! Вы т(а)к счастливы, к(а)к никто! Вы себе и представить не можете, что вы будете чувствовать, когда приедете в Москву и первый раз увидите своего сына, да еще первого». Я верю ему вполне и сознаюсь, ч(то) не могу себе представить этого, еще неиспытанного мною святого чувства! Боже! что это будет! Сколько радости, счастья...

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 1 января 1877 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 163—164. — [Т.] V.

Письмо 59-е

Карс. 1 января 1877 г.

Сейчас только отправил или, лучше сказать, отдал Розанову письмо для тебя, моя бесценная детка. В ящике наверху лежит альбом, а в альбоме под коркой письмо тебе; кроме того, я передал другое письмо с 25 р. Розанову и теперь пишу тебе третье, которое ты, вероятно получишь одновременно с посылкой. Я думаю, ты часто будешь рассматривать мой альбом; по нему и по моим подробным письмам, а также по картам М. Азии, которые я посылал тебе, ты в состоянии будешь составить себе самое живое и верное представление о всей моей жизни до

состоянии будешь составить себе самое живое и верное представление о всей моей жизни до мелких подробностей. Сегодня я начал уже свой новый альбом, и первая картина, попавшая в него, довольно трогательна и художественна: дело в том, ч(то) m-me Власьева (сестра милосердия, о которой уже я тебе говорил) сидит в настоящую минуту у нас, около Новицкого на его постели и таким образом, они представляют собой со всей окружающей их обстановкой прекрасный сюжет для картины, которым я и воспользовался. Она очень милая и хорошая

женщина во всех отношениях.

Однако я обещался описать тебе подробно нашу встречу Нового года. Слушай же: 30е и 31е я работал страшно с помощью одного солдата, исполнявшего черную и подготовительную работу. Боялся я ужасно, ч(то) не поспеет моя картина вовремя, п(отому) ч(то) работы было чрезвычайно много. Наконец, видя, что времени в моем распоряжении слишком мало, я решил сделать только одну картину, именно Новый год, но зато хорошо; старый год оставить в покое. Изобразил я на огромном щите следующее: красивый отрок в рыцарских доспехах — как изображают обыкновенно Россию, — в шлеме, на котором вместо кокарды сияет крест, в кольчуге, со щитом на груди, на котором изображен российский герб, в смелой и энергичной позе и с ясным взглядом, попирая ногой убитого им турка, который лежит под ним, раскинувшись, в красной феске, одною рукой опирается на обнаженный меч, а другою, правою, отдергивает зеленую турецкую (...) с полумесяцем, закрывавшую собой свет дня для славян и христианства. За (...), отдернутой смелой рукой молодой России, видно следующее: «1 января 1878 г.», внизу славянскими буквами написано: «СЛАВЯНЕ», а за всем этим рассветает заря, громадное и яркое сияние, то есть заря новой жизни для славян и христианства. Вот моя цель, которую мне удалось воплотить вполне. Ропп нашел, что мотив картины и исполнение не оставляют желать ничего большего. Сзади эта картина была освещена 20ю стеариновыми свечами, и т(а)к к(а)к она местами была промаслена, особенно сильно луна и лицо отрока, то эффект был удивительно полный. Задрапирована она была темно-синей материей, по которой были разбросаны звезды из золотой бумаги. Эта занавеска закрывала картину до 12 час, т(а)к что весь этот конец до 12 ч. представлял собой следующее: каменные громадные скалы, покрытые снегом и льдом; на скалах художественно раскинулись широкие елки, также покрытые снегом (снег и лед весьма натурально представляли вата и толченое стекло). На средней скале между елками была поставлена эта картина, которая елками декорировалась со всех сторон, а темная занавесь, усеянная звездами, представляла собой ночь. Приготовив все это, я отправился наверх, где был устроен в моей роте театр. Там стрелки уже все устроили: кулисы, занавес и всю обстановку сцены; расставили стулья и скамейки, впрочем, стул был только один для Роппа. Публика уже вся собралась и ждали только Роппа; наконец он явился. Когда он подходил к своему стулу, я в качестве директора своего театра, поднес ему написанную мною (уж постарался разрисовать) афишу на большом листе розовой бумаги, он очень поблагодарил меня и сел на свой стул. Я ушел за кулисы, через несколько минут подали знак, и занавес взвился. Первая пьеса, которая шла, была «Доброволец», драма в 3х действиях, переделанная стрелками из романа, помещенного в журнале «Чтение для солдат». Афишу самую подробную я напишу тебе сегодня.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 25 декабря 1877 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 160—163. — [Т.] V

Письмо 52-е

Карс. 25 декабря 1877 г.

Если ты, Надюша, получила мои два последние письма — 50 и 51е, то ты знаешь, что у нас на Рождество предполагалась елка, и состоялась. Теперь займусь подробным описанием всего праздника.

24го числа, в сочельник, все офицеры получили от Неелова приглашение, в котором было

сказано, что он просит нас пожаловать ко всенощной, по окончании которой к нему на елку. Весь этот день я провел в больших хлопотах по устройству всей обстановки (меня Неелов просил «как художника»); на огромной деревянной раме (сажень высоты и 2 аршина ширины) я натянул красный кумач, склеил такой же величины лист бумаги, на котором нарисовал «А» (вензель «А» под императорской короной), при этом постарался, чтобы вышло к(а)к можно красивее, вырезал эту букву и наклеил лист на кумач; затем самую букву разрисовал тенями с помощью прованского масла и куриного пера; установил этот вензель и зажег за ним 12 стеариновых свечей, прикрепленных к приделанной к стене рамке, затем задрапировал весь лист белым коленкором буфами, которые прикреплялись розетками из того же коленкора с красными каемками. Эффект вышел такой, какого никто не ожидал: т(а)к к(а)к вензель освещался сзади, а не спереди, и очень сильно, то буква «А» смазанная еще маслом, точно горела самым ярким красным пламенем на алом фоне, окруженном нарядной белоснежной драпировкой. Вензель стоял у стены, противоположной входу в залу, (а зала очень большая, с весьма высоким потолком), а посреди залы горела громадная елка с массой стеариновых (восковых здесь и в помине нет) свечей, увешанная самыми разнообразными вещами, конфетами, яблоками и вообще всем тем, ч(то) обычно составляет необходимую принадлежность всякой богатой елки. Между прочими вещами висели предметы, составляющие здесь в Карсе самую первую драгоценность, которая т(а)к дорога, что покупается почти на вес золота, — это два простые березовые полена, обвитые пунцовым шелком с бантиками и сусальным золотом, и клок сена, разукрашенный так же; Неелов решился повесить на елку все самое дорогое, ч(то) только здесь есть и поэтому не мог оставить без внимания дрова и сено. Вышло чрезвычайно остроумно и вызвало бешеный хохот. С обеих сторон елки тянулись два громадных стола, уставленные гранатами, заменявшими канделябры, и всеми принадлежностями к чаю. Стены горели массой свечей, вставленных также в самодельные из телеграфной проволоки, очень изящные канделябры, с потолка спускались две люстры колоссальных размеров, сделанные из той же проволоки. Вообще все убранство и вся обстановка были настолько превосходны, ч(то) трудно было поверить, глядя на эту залу, ч(то) мы живем в Карсе, а не в Петерб(урге) или Москве.

В 6 часов вечера явился в помещение нашего батальона Ропп, где было все уже приготовлено для всенощной и убрано также хорошо, если не лучше, чем в тот день, когда было освящение казармы. От всенощной все отправились вниз, где была приготовлена елка. Впечатление, произведенное на входящих в эту залу, было такое сильное и приятное, ч(то) все останавливались, и никто не мог удержаться, чтобы не произнести «ах!!»... Для нас, устроителей, этого было достаточно, для того, чтобы довольно улыбнуться и с полным сознанием собственного достоинства окинуть гордо-снисходительным взглядом пораженную толпу. Все гости тотчас засыпали вопросами наших офицеров о том, чьей работы вензель, и все меня поздравляли с «превосходным художественным произведением», а я как герой дня, благосклонно пожимал протягиваемые руки. По обыкновению все сначала группировались около елки, рассматривали эту диковину в Карсе со всех сторон, затем был подан чай со всевозможными аксессуарами. После чаю некоторые уселись за разобранные карточные столы, другие гуляли группами, любуясь чисто-русскою обстановкою этой роскошно убранной залы. Вдруг, неожиданно для всех в конце залы грянула молодецкая удалая военная песня, — это мои стрелки, введенные мною потихоньку в залу. Новый эффект, и снова много голов, улыбаясь, кивают в мою сторону. Ропп очень внимательно слушал песельников, которые между прочим воспевали и «храброго нашего генерала Роппа», и пришел при этом в такое умиление, что приказал выдать им на всех чаю и сахару. Во все продолжение вечера песельники пели, чередуясь с оркестром музыки. После чаю разносили глинтвейн; затем обирали елку, причем и я взял с нее немного, чтобы послать своей Надюше, которая не имеет в этот день елки, а вероятно скучает дома одна со своим сыном. Затем подана была закуска, после которой роскошный ужин. После ужина Ропп тотчас же уехал, и я вслед за ним, п(отому) ч(то) это было уже 2 часа ночи, — я устал и должен был еще писать тебе письмо. Меня ни за что не пускали уехать, но я выскочил хитростью с помощью своих стрелков. Тебе уже известно, что, придя домой, я тотчас же принялся писать тебе письмо, которое, однако, не заняло много времени, и завалившись на кровать, заснул богатырским сном. По рассказам оставшихся на елке самый-то кутеж начался только с отъезда

Роппа и продолжался до 6 часов сегодняшнего числа, причем было выпито такое количество вина, ч(то) оно, вероятно, теперь значительно подорожает в Карсе, т(а)к к(а)к можно предполагать, что во всем городе осталось очень немного вина. Но при всем веселии дело не обошлось без грустного случая (ты только не говори ничего об этом Новицким и даже вида не показывай, что я писал тебе об этом что-нибудь. Новеха* меня очень просил не писать тебе об этом ничего). Когда все были уже порядочно навеселе, то заставили музыку играть любимый

полонез Неелова, стали все в пары, и Неелов с кем-то открыл торжественное шествие под музыку. Маршируя совершенно спокойно под музыку, Новицкий-2 (Виктор) вдруг схватился за колено и сел на первую попавшуюся скамейку, сильно побледнел и, охая, стал звать к себе брата. Он сам не может объяснить от чего произошло это, но у него оказалось растяжение жилы в колене, а был еще и вывих, еще не решено где, п(отому) ч(то) доктор еще не видел. Тотчас же несколько человек офицеров с Новицким-1 отнесли его ко мне на квартиру, как его хорошему товарищу. Часа в 4 ночи я вдруг слышу шум нескольких голосов над своей головой, просыпаюсь и вижу, что Новицкого 2го укладывают в шкаф — тут мне и объяснили, в чем дело. На другой день утром я перевел его на свою кровать, а сам устроил себе постель в шкафу и оставил его жить у себя на все время его болезни, п(отому) ч(то) передвинуться куда бы то ни было, а тем более к себе домой, он не в состоянии. Нога в колене у него опухла, но не особенно; завтра придет доктор, и есть надежда, ч(то) он проболеет не более 2х недель. У него, как видно, то же, что было у меня зимой 72го года, когда у меня произошло растяжение жилы во время прыганья на гимнастике. В настоящую минуту он лежит на моей кровати и не подозревает, что я пишу о нем. Очень жаль его, беднягу, но опасности не предвидится.

Сегодня в 1 часу я, надевши мундир и прицепивши свой орден, отправился в роту — поздравить стрелков с праздником и выпить с ними чарку водки. Сегодня они первый раз увидели меня с орденом и нужно было видеть их изумление и радостно улыбающиеся рожи, когда проходил посреди расступившейся на две стороны роты! Глаза всех так и бегали с меня на орден и с ордена на меня. Я поздоровался с ними, поздравил их с праздником. Тотчас был поставлен столик с водкой и закуской; я приказал роте построиться и, воображая, ч(то) мое приказание исполнено, уже подошел к столу, к(а)к увидел себя тесно окруженным со всех сторон стрелками, впереди которых ближе всех ко мне стоял фельдфебель, у которого рот был растянут в широчайшую улыбку, т(а)к же к(а)к и у всех остальных. Когда, удивленный, я спросил у фельдфебеля, что это значит, он отвечал, что стрелки желают поздравить меня с царской наградой; не успел я поблагодарить их, как сотни рук схватили меня уже было с целью поднять на «ура», которое и раздалось уже, но я не любитель воздушных путешествий и потому поблагодарил их от всей души за выраженные ими самые теплые, дружеские чувства, просил не качать меня, но по необходимости должен был разориться, дав роте на водку 15 рублей (водка здесь очень дорога, ведро стоит 9 руб.). Таким образом, мой крест обошелся мне в 30 р. (15 р. заплатил за него казне и 15 р. роте). Затем я выпил за их здоровье чарку водки, поболтал с ними, гуляя между их рядов и, дав им отеческое наставление, к(а)к следует вести себя на празднике, ушел домой. Сейчас (уже 11-ый час ночи) приходил ко мне с рапортом дежурный по роте и отрапортовал мне, что в роте все благополучно и пьяных нет. Спасибо им, молодцам, отблагодарили меня.

Теперь буду отвечать на твое письмо. Костя5 в письме к тебе высказывает очень нелепую мысль об отсутствии для меня интереса в его письмах, на что я ему скоро напишу ответ. Если он теперь в Москве, к(а)к ты ожидала, то передай ему на словах, Надюша, это и, вообще, изругай его хорошенько за такое крайне неприятное для меня заключение его. Насчет Колиного крика он чрезвычайно прав и за то, ч(то) он навел тебя на эту справедливую и утешительную мысль, очень благодарен ему, милому. Поэтому не приходи в трепет, Надюша, от его крика, если только, конечно, этот крик своею громогласностью не может испугать. Очень жаль беднягу Михаила; но на чем же собственно помешалась его жена?

Неужели, Надюша, в твоей комнате т(а)к скоро и т(а)к внезапно пропала вся сырость, которая по твоим словам была довольно сильная? Если теперь настала сухость, то смотри, к(а)к бы эта сухость не была обманчива.

Ты говоришь, деточка, что не совсем понимаешь мои слова: «крест, доставшийся мне не совсем дешевой ценой», — и тут же сама разъясняешь смысл этих слов тем, что я претерпел очень много лишений и трудов физических и душевных, за которые и получил свой крест. В этом самом смысле я и говорил; но теперь все это уже давно забыто, и настоящая жизнь сложилась так удачно, что впечатления этого первого трудного времени сильно поизгладились. Ты говоришь, родная моя, что я не ответил тебе на твой вопрос о том дне, памятном для меня, когда я так терпел от жажды и утомления. Не ответил я тебе не потому, что не желал ответить, а просто потому, что забыл; теперь, когда ты мне снова напомнила об этом, я расскажу тебе подробности того дня в следующем письме, а то уж здесь места нет.

Наконец-то ты, глупая моя девочка, «теперь только успокоилась насчет меня». Слава Богу! Давно пора! Теперь беспокоиться обо мне значило бы все равно ч(то) о Володе: я окружен совершенно такой же мирной и комфортабельной жизнью, как и он.

Надюшечка, я думаю и даже уверен, ч(то) ты очень балуешь Колю и вот вследствие чего он неспокоен. Малейший его крик, и ты берешь его на руки, где ему, конечно, лучше, чем на кровати, и потому он, привыкнув к этому, уже не может примириться и успокоиться кроватью, а уже требует, чтобы его и вперед постоянно брали на руки. Да и другие, я думаю, немало помогают тебе в этом, вследствие чего в нем постепенно развивается требовательность, которая с каждым днем будет в нем пускать корни все глубже и глубже и составит, таким образом, впоследствии одну из черт его характера. Характер в человеке начинает складываться очень рано и формируется так незаметно, постепенно, но неуклонно, ч(то) нужно быть в высшей степени осторожным и предусмотрительным, чтобы не привить к ребенку помимо своего желания таких качеств и наклонностей, которые потом уже трудно, даже невозможно будет исправить.

Воспитание должно начинаться именно с самого нежного возраста ребенка, в тот период его жизни, когда он еще бессознательно относится к окружающим его явлениям. Этим приобретается привычка поступать в известном направлении, а привычка, как совершенно справедливо замечено всеми, есть вторая натура. Вот почему необходимо нужно уже теперь обращать на Колю большое внимание и все свои поступки относительно его нужно основывать на самом значительном и серьезном обсуждении.

Поцелуй от меня Олюшку, Марусю и наших, и кланяйся Гукову, Мар. Вас. Целую и благословляю моего дорогого баловня, т. е. твоего. Береги ради двух Колек твое драгоценное здоровье.

Новицкий-2 и Островский тебе кланяются. Не говори про болезни Новицкого никому, а то кто-нибудь разболтает и может дойти до родителей, которые будут очень беспокоиться, тогда, как беспокоиться нечего. Театр будет у нас под Новый год. Целую Вас крепко, моих милых бесценных деток.

Ваш Коля.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 19 декабря 1877 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 157—159. — [Т.] V. Письмо 46-е

Карс. 19 декабря 1877

Сегодня я услыхал две очень приятные новости, — жду подтверждения их от тебя: 1я — слышно, что Франция начинает что-то подмечать относительно Пруссии, находя, что настало для нее время отомстить Пруссии за свой погром; вследствие этого неожиданного усложнения в европейских делах Пруссия вынуждена будет, конечно, отвернуться от нас и углубиться в собственные дела, и таким образом мы, т. е. Россия, останется одна против всех своих врагов. Тогда может легко случиться, что все те, которых до сих пор сдерживала только Пруссия,

увидав, что она занята своими делами, не вмешивается больше в чужое дело, т. е. Англия и Австрия — поднимутся смело против нас. Во избежание этого-то возможного зла, Государь, говорят, желает во что бы то ни стало покончить нашу войну до января, чтобы предупредить вмешательство поганых Англии и Австрии.

Вторая приятная весть следующая: наш доктор Соколов получил письмо от своей пациентки —

богатой московской купчихи, — которая пишет ему, ч(то) во время проезда Государя через Москву москвичи поднесли ему адрес, в котором было сказано, что «с приходом на Кавказ наших московских гренадер дела в Малой Азии приняли блистательный для нас оборот, и вся война пошла быстро и успешно для России, поэтому Москва умоляет Государя, чтобы после войны московских гренадер опять вернули в Москву, а не куда-нибудь в другое место». На это будто бы Государь ответил, что если не будет никаких обстоятельств, мешающих этому, то Он исполнит просьбу, и 1я гренадерская дивизия снова вернется к своим москвичам. Если это правда, так я готов расцеловать всю Москву от мала до велика. Затем, когда москвичи получили согласие Государя на возвращение в лоно Москвы их дорогих гренадер, которыми они справедливо гордятся перед целой Европой, то они, стыдясь тех скудных по их мнению проводов, желают вознаградить это и согласились устроить нам торжественную и великолепную встречу, на что, как слышно, ассигновали 300 тысяч рублей. Будет на что кутнуть! Господи, неужели это все правда? Невероятно, но неужели в январе все кончится? и мы вернемся в свою милую, родную Москву?!4 Это будет такое счастье, которому в настоящее время, живя в этом поганом Карсе, как-то не верится. Неужели ты ничего не слыхала обо всем этом? Спроси, моя деточка, у Булкина об этом, не знает ли он чего-нибудь, не слыхал ли от знакомых купцов? Не знает ли об этом чего-нибудь Гольцгютер, он ведь знаком со многими в Москве, не слыхал ли он? Вообще это настолько интересная для тебя тема, ч(то) я уверен, ты постараешься узнать что-нибудь положительное и напишешь мне тотчас же. У нас все повеселели, когда пронесся этот слух — об окончании войны и о Москве. Вот было бы счастье!

Как здоровье твое, моя деточка? Здоров ли Колька мой? Заметно ли для тебя его развитие? Мне досадно, ч(то) не удастся увидать его таким, каков он теперь, я увижу его уже достаточно развившимся. Ну, да что делать! Все-таки я увижу его, моего дорогого сынишку, в это я твердо верю.

Недавно я воротился с большой прогулки: целой компанией мы ездили верхами по окружающим Карс укреплениям. Погода была превосходная, и кавалькада составилась очень веселая. Заезжали в гости к офицерам, стоящим со своими ротами на самых дальних фортах. Ведь у нас не весь полк стоит в Карсе, это счастье выпало опять на долю 1го батальона, которому все завидуют. Сравнительно с другими батальонами мы живем положительно господами: офицеры на прекрасных теплых, удобных, вполне устроенных квартирах (образчик которых ты видишь перед собой), солдаты в прекрасных, сухих и теплых казармах, далеко превосходящих помещения солдатские в Покровских казармах, — тогда как прочие батальоны живут в казематах фортов, т. е. в низких и сырых подвалах, где нет ни окон, ни вентиляции, ни удобных приспособлений для жизни; офицеры живут, к(а)к мы сегодня видели, точно в таких же мрачных и низких подвалах, где сырость и дым от дымящихся печей стоит постоянно и где вечно темно, как ночью, п(отому) ч(то) в этих помещениях не полагается окон, вместо которых в некоторых местах сделаны бойницы для ружейной стрельбы, т. е. узкие прорези в стенах, чтобы во время нападения на укрепление, вставлять в эти...

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 18 декабря 1877 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 156—157. — [Т.] V. Письмо 45-е

Карс. 18 декабря 1877

Теперь уже ты должна давно получить мои ежедневные письма, голубушка моя. Сегодня я собрал все письма, какие давно получил за все время, начиная со дня выезда из Москвы и до

собрал все письма, какие давно получил за все время, начиная со дня выезда из Москвы и до сегодня; все твои письма подобрал по числам по порядку, их оказалось ровно 30, последнее твое письмо 14е, хотя на нем ошибочно поставлено тобой 13е, я переправил. Остальных писем из разных мест и от разных лиц мною получено 33, значит вместе с твоими это составит почтенную цифру 63 письма за 4 месяца или, круглым числом, письмо через день. За то же время сам я отправил в разные места и разным лицам 69 писем, из которых собственно тебе 52 письма (считая те, которые писаны до 1 окт. без номеров). Вообще корреспонденция моя не может называться маленькой.

Как здоровье твое и Колино? Что его животик? Поправилась ли мать? У нас нового ничего нет, кроме того, ч(то) в Карсе завели на улицах фонари, а мы с Остр(овским) завели у себя кошку, — вот все карские новости. Теперь ночью на улицах города светло, и в нашей комнате мыши присмирели и не т(а)к безобразничают, к(а)к прежде; а прежде они очень обижали бедного Островского; он ужасный сластена, и под диваном у него всегда стоит деревянный ящичек с печениями; мыши пронюхали это и ни одну ночь не дают ему спокойно спать, забираясь в его сокровище, над которым он дрожит, и хозяйничают в нем, как дома, вот мы и завели себе великолепного ангорского кота, за которого бы в Москве дали большие деньги. В самом деле, кот громадного роста, белая, мягкая и чрезвычайно длинная шерсть, с громадными баками (даже больше моих) и с невообразимо пушистым толстым хвостом, точно у лисицы. Его шерсть т(а)к длинна и пушиста, что кажется, будто он в штанах. Но главная его замечательность в том, что он необыкновенно ласков: стоит мне или Остр(овскому) поманить его рукой, и он, громко мурлыча, бежит ко мне или к нему на колена; во время нашего обеда он садится на диван и служит на задних лапках, к(а)к собака, пока ему не дадут мяса. Когда я отправляюсь (...) (у нас устроен внизу прекрасный ватер-клозет в глубокой яме, которая служит у турок хранилищем запасов ячменя, мы ее сделали хранилищем других запасов), т(а)к когда я отправляюсь туда, кот всегда сопровождает меня, без всякого зова с моей стороны, и все время, пока я там сижу, он ласкается около меня, — должно быть, ему в то время очень приятно, затем возвращается со мной обратно. Теперь он спит, свернувшись на моей кровати, и к(а)к я ни отучал его от этой фамильярности, не мог отучить и махнул рукой. Кот действительно замечательный во всех отношениях — и умом, и своим обращением с нами, и своими колоссальными размерами; таких котов я еще не видывал, поэтому счел, что он достоин того, чтобы сказать о нем несколько слов тебе. Apropos*, а где наша Кадошка? Жива ли она и у кого находится? Сколько у нее было детей и где они все? (один щенок, кажется, у Маруси?) И все ли они в нее или выродки? Напиши мне непременно о ней и ее семействе все, что знаешь.

У Булкина ли еще моя Норка? К(а)к она поживает? У ней тоже должны быть щенята — какие они вышли?

Как тебе понравилась, Надюшечка, моя комната? Довольна ли ты самим исполнением?2 Я несколько дней трудился над этими двумя картинами, чтобы вполне угодить тебе, моей бесценной капле, не знаю, успел ли в этом. Но по крайней мере ты теперь, читая мои письма, будешь ясно представлять себе, где что делаю я, где сижу, где у меня что лежит и т. д. В последнем письме ты просишь меня нарисовать тебе мою квартиру, когда я окончательно устроюсь; твое желание теперь, вероятно, давно исполнилось, и ты видишь перед собой не только Колькину комнату, но самого Кольку, конечно, несколько идеализированного. Остров(ский) в претензии на меня, ч(то) я себя изобразил красавцем, а его уродом, я его уверяю, ч(то) сделал это для контраста и что на деле действительно так. Куда ты денешь эти картины? Спрячешь или повесишь? Если хочешь повесить, то нужно непременно стекло, иначе они страшно запылятся. Покажи Гукову, к(а)к мы живем в Карсе, он, наверно, позавидует моей квартире.

На днях всем солдатам до последнего раздали, наконец, полушубки, очень теплые и хорошие. Теперь у нас больных будет еще меньше. Странно, в моей роте все время больных гораздо меньше, чем во всех остальных ротах; народ ли у меня здоровее или другая причина, но я счастлив этим обстоятельством.

На состоится у меня в роте на Рождество театр, п(отому) ч(то) главный мой Гомер и драматург

Не состоится у меня в роте на Рождество театр, п(отому) ч(то) главный мой Гомер и драматург мой и самый умный во всем полку — писарь мой Крылов болен, лежит в госпитале, а без него ничего нельзя сделать; он — режиссер, антрепренер, сочинитель и самый лучший драматический актер. Шумский3 даже хуже, и поэтому без него дело не склеится; очень жалею об этом.

Табаку у меня теперь страсть сколько: 3 ф. было, да 3 ф. ты прислала, итого 6 ф., значит, до самой Москвы хватит. Почтовой бумаги и конвертов тоже гибель, пиши сколько влезет, и хошь нечего будет писать, а я все-таки буду писать тебе, что в голову придет, как сегодня, например, п(отому) ч(то) я знаю, что самое пустое письмо, как, например, это, для тебя все-таки приятнее, чем самое глубокомысленное молчание, правда? Поэтому ожидай от меня иногда писем, в которых, кроме мелких подробностей моего житья-бытья, ничего не будет. Не всегда можно писать письма...

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 2 декабря 1877 г. Карс («Сегодня я получил твое и Олюшкино письма...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 154—156. — [Т.] V. Письмо 35-е

Карс. 2 декабря 1877 г.

Сегодня я получил твое и Олюшкино письма. Олюшке буду писать завтра. Что за милая она! Как она радует меня своими письмами, в которых каждое слово дышит любовью. Поцелуй ее, Надюша, крепко, крепко.

Сегодня у нас было освящение казарм; опишу тебе все подробно. Громадное помещение казарм, в которых стоят три роты нашего батальона — 1, 2 и стрелковая, было чисто убрано; солдаты в сборе, одеты чисто и опрятно, причесаны и с какими-то торжественными физиономиями стояли, шепотом разговаривая в ожидании прибытия священника и Неелова. У противоположной стены от главного входа в эту залу и против главных дверей сиял десятками восковых свечей и лампадок большой складной ротный образ Николая Чудотворца и Божией Матери, вставленный в большую киоту, великолепно и с большим вкусом драпированную голубой шелковой парчой. Недалеко от образа группировались приглашенные офицеры нашего полка в новой парадной форме. Наконец явился священник (не наш, нашему давно уже запрещено не только отправлять какие бы то ни было требы, но и показываться на глаза начальству; он никогда не бывает трезвый, а потому его выгоняют из полка). Через несколько времени явился Неелов, и в 7 часов вечера началась всенощная. Солдаты наши пели превосходно, и служба шла т(а)к торжественно, к(а)к я давно уже не видел. После всенощной священник освятил каждый уголок казармы, каждое местечко, на котором спит солдат, что доставило, видимо, им несказанное удовольствие. По окончании службы мы, офицеры 1го батальона, пригласили всех гостей в квартиру Саблина, помещающуюся тут же в казармах внизу. Там на нашу складчину было устроено угощение. Квартира Саблина была прекрасно убрана; посередине стоял движной стол, покрытый белыми скатертями (простынями), который украшали две громадные подставки с лучшими канделябрами для свечей; каждая граната в приделанных к ней витых телеграфных проволоках держала 5 стеариновых свечей. Кроме того, на столе стояли искусно сделанные из соломки вазы, наполненные печениями для чаю, деревянные поддонки от картечи со сливочным маслом, лимонное, ананасное и фруктовое варенья. Все это выходило чрезвычайно оригинально, эффектно и роскошно. Спустя некоторое время после чаю была подана самая разнообразная закуска, которую я не берусь описывать, и разные сорта водок. Тут языки у всех развязались. Неелов для примера снял сюртук, общество, что называется, распахнулось, развернулось, в соседней комнате грянул оркестр музыку, и время полетело необыкновенно оживленно и весело. Никто не стеснялся: веселые разговоры, песни, шутки, рассказы, хохот так и лились неудержимым потоком во все время ужина, начавшегося с закуски, после которой были поданы громадные пироги — с капустой, другой с ливером, затем форшмак, затем жареная телятина с салатом, затем бульон в чашках с пирожками и гренками и, наконец, ананасное мороженое. В промежутках между блюдами всевозможные вина лились рекой. После ужина явилось

шампанское, пошли тосты и тосты. Долго после ужина компания не расходилась, увлеченная общим весельем и забывшая, что уже 2й час ночи. Подали глинтвейн.

Веселье в продолжение всего вечера было действительно неподдельное; душою общества был Фефелов, который всех чрезвычайно занимал своим задушевным, приводящим всех в восторг, пением. Когда он пел свою любимую песню — «Меня душит тоска» — он плакал, и на многих глазах (в том числе у Неелова) дрожали крупные слезы. Но это грустное затишье быстро сменилось гомерическим хохотом, который вызывал тот же Фефелов своим высоким комическим талантом, умеющим грустную, надрывающую душу тоску вовремя оборвать и перейти к такой комической сцене, которая неудержимо вызывала продолжительный неудержимый, бешеный хохот и рукоплескания. В хоровом нестройном пении деятельное участие принимал безголосый и совершенно безухий Неелов, который, сидя около меня, страшно ревел мне в ухо, уверяя при этом меня, что прежде он еще не так пел. Мастерски передавал рассказы из нашего быта Саблин. Но, несмотря на целые потоки всевозможных вин, замечательно, то обстоятельство, что пьяных вовсе не было, а все были настолько навеселе, что чувствовали себя бесконечно веселыми, и только. Наконец в 2 часа утра все разошлись по своим домам, и я после самого крепкого сна проснулся сегодня 8го числа, в 10 ч. утра и чувствую себя в самом превосходном состоянии здоровья. Так вот, голубка моя, к(а)к проводим мы время здесь в Карсе; не думай, деточка, что твой Колька скучает здесь, некогда скучать: целый день занят, а по временам бывают пиры, которые мертвого способны развеселить.

Милая, родная моя, отчего же ты мне до сих пор не написала, ч(то) ты т(а)к страшно мучаешься зубной болью? Деточка моя бесценная! Как же ты теперь чувствуешь себя? Не болит больше то место, где был зуб? Если бы я был с тобою, я бы уговорил тебя не вырывать зуба; опять ты терпела страшную физическую боль. Родная моя! Бережнее*...

Ради самого Бога береги себя, моя радость! Когда я думаю о моем сыночке, то мое счастье и радость сильно отравляются мыслью о том, чего стоило тебе появление его на свет, с какими страшными твоими муками связано наше счастье!

Бедная, бедная ты моя Надюшечка! Что только ты вынесла! И как хватило у тебя твоего ангельского терпения на то, чтобы перенести все это. Я уверен, что, когда я вернусь к тебе, я буду молиться на тебя, п(отому) ч(то) ты святая женщина. Прости меня, мой бесценный друг, я знаю, что ты не любишь этого, но что же мне делать, когда я иначе думать и чувствовать не могу, когда я действительно в глубине души боготворю тебя, как мой идеал. Ведь ты моя жизнь, ты для меня все, все на свете!..

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 2 декабря 1877 г. Карс («Мои письма летят точно вдогонку...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 152—154. — [Т.] V.

Письмо 30-е

Карс. 1877 г. 2 декабря

Мои письма летят точно вдогонку одно за другим и вероятно действительно догоняют друг друга, п(отому) ч(то) теперь стали очень часты остановки на дороге по случаю больших снегов в горах и распутицы. Это бы ничего, но все ли их ты получаешь, Надюша моя? Поверяешь ли ты их по номерам? Я пишу буквально каждый день, значит, ты тоже каждый день должна получать их. Получила ли ты, голубка моя, вчерашнее мое письмо, в котором я прошу тебя выписать мне через Гукова «Московские ведомости» на три месяца, начиная с 1 января 78го г., значит, на январь, февраль и март. Хотел было выписать на большее время, да не стоит: в конце марта или в апреле нас, вероятно, двинут в Москву, т(а)к к(а)к к тому времени, наверное, мир будет уже заключен и нельзя предположить, чтобы московских гренадер поставили на стоянку в какое-нибудь другое место. Сегодня опять не было никакой почты, значит опять ничего не знаю о твоем и Колином здоровье. Жду известий об этом со страшным нетерпением: скоро ли дождусь?

и Колином здоровье. Жду известий об этом со страшным нетерпением, скоро ли дождусь?

У нас с Островским каждый день похож на другой; и сегодня так же, к(а)к и вчера после черного чаю, мы, точно по расписанию, молча садимся каждый за свой столик и начинаем усердно строчить; только и слышен отчаянный скрип перьев, да где-то на улицах собаки воют — больше ничем не нарушается полнейшая тишина, господствующая вокруг нас.

С 6 часов вечера, т. е. к(а)к только начнет темнеть, в Карсе прекращается всякая жизнь: все спешат наглухо запереть свои конуры, нигде не слышно ни говора, ни езды, даже ни одного пешехода не встретишь на улице, кроме военного патруля, наблюдающего с сумерек и до утра тишину и порядок в городе; нигде не видно в окнах огня, кроме тех домов, которые заняты нашими офицерами и вообще русским начальством. Ночью настает царство турецких собак, которые в это время целыми стаями бродят по улицам и по крышам домов (почти все крыши турецких домов в уровень с улицей, а часто даже ниже улиц) и зачастую подымают такой адский концерт своим вытьем, что часто на другой день нисколько не удивительно, если увидишь валяющийся посреди улицы труп какой-нибудь собаки; это значит, что кто-нибудь из нашего брата, непривыкший к таким концертам, не выдержал, выбежал на улицу, разогнал камнем или пулею хор непризнанных артистов, которые за свой талант принуждены обыкновенно платить одним из своих товарищей. Я уже совершенно привык к этой музыке и большей частью вовсе не замечаю ее; первое же время она производила на меня самое одуряющее, тоскливое впечатление, в особенности, когда рядом со мной штук 10 или 15 собак, задравши головы кверху, подымали каждая на свой голос, страшный, ни с чем не сравнимый вой. Мне кажется, что свежий человек, попадя на такую адскую музыку, через 1/2 часа должен непременно заболеть, а еще через час умереть, п(отому) ч(то) человеческие нервы не так устроены, чтобы выдержать это истязание. Принимая во внимание мои нервы, я сам удивляюсь, как и когда мог привыкнуть к этому; знаю точно, что привык уже давно, вероятно, еще на позициях, когда было не до...* собак.

Однако, что это за письмо вышло о собаках? Но, впрочем, ничего: вчера говорили о турках, сегодня о турецких собаках — это совершенно последовательно, п(отому) ч(то) если эти два клана обитателей Карса поставить рядом, то пришлось бы говорить одно и то же про обоих, — отличаются они друг от друга только наружным видом, характером же и наклонностями, даже языком необыкновенно похожи.

Мы с Островским собираемся зимой от нечего делать заняться изучением турецкого языка и приеду тогда к тебе совершенным турком.

Что сказать тебе еще про мое житье-бытье? За рисование я все еще не принимаюсь; ты ведь знаешь меня: долго не принимаюсь, все лень, но стоит только в первый раз взять карандаш в руки — удержу нет, запоем пойду рисовать в продолжение нескольких месяцев. Теперь жду твоих карандашей и альбома для того, чтобы приняться за рисование; а сюжетов много: одни турецкие рожи чего стоят! А сакли их, а женщины в попонах, а минареты? Да, много, много будет чего увековечить в твоем альбоме. Когда я приеду в Москву, то из всех отрывков составлю один общий альбом и подарю тебе в воспоминание моего похода и жизни в Турции. Впоследствии мои слабые наброски послужат, быть может, темой для каких-нибудь великих художественных произведений великому маэстро — моему сыну, который тогда, вероятно, снисходительно отнесется к плохим и отрывочным работам дилетанта-отца. Поцелуй за меня моего будущего маэстро, который уже теперь, вероятно, очень художественно разрисовывает на полотне, чем причиняет тебе немало хлопот. Целую Олюшку, Марусю, Володю и наших, кланяюсь всем, всем. Прощай, моя бесценная, дорогая, милая деточка. Я сегодня вспомнил, какой милый, внимательный и догадливый Сергей Ц.! Я думаю, тебе очень пригодились его подарки, т(а)к же, к(а)к ему пригодятся мои подарки: две системы великолепных ружей. Целую и благословляю обоих вас, моих бесценных, дорогих деток. Будьте оба здоровы для вашего Коли...

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 30 ноября 1877 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия

ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 150—152. — [Т.] V. Письмо 28-е

Карс. 30 ноября 1877 г.

Со вчерашнего дня, т. е. когда я отправил тебе 27-е письмо, нового ничего нет. Все идет по-старому, тихо, мирно, безмятежно. Событием, пожалуй, можно назвать разве то, что сегодня представленные к наградам получили свои кресты. Посылаю тебе футлярчик, в котором приехал мой крест из Петербурга. Крест золотой, эмалированный, чрезвычайно красивый; только я не умею сделать бант из ленты, приложенной к нему; поэтому я очень пожалел, что ты не можешь сделать мне его. Сегодня Неелов поздравил нас, и мы с ним выпили немного в квартире адъютанта, вспрыснули крест. Кроме того, вечером устраивается капитальная попойка, от которой я, впрочем, отказался, не находя в этом ничего интересного. Вообще выпивание развито у нас чрезвычайно сильно; придираются ко всякому случаю, чтобы выпить, а больше пьют без всякого случая. Пьют все решительно, даже те, которые вовсе не пили в Москве. Зачастую мне бывает очень противно видеть это. В нашей, например, комнате, где живут 8 человек, из которых трое (я, Островский и еще один) в очень редких случаях выпиваем рюмку, а Островский и вовсе не пьет, ежедневно выходит средним числом по 6—7 бутылок водки, следовательно, на каждого приходится больше бутылки в день. Когда, наконец, мы станем жить с Островским — а это начнется с завтрешнего дня, — мы избавимся и от вида водки, и от вида пьющих ее. Вообще, нам обоим хочется поскорее зажить в своей квартире, которую мы устроим хоть не богато, но вполне удобно и уютно, по-домашнему. Там у меня будет и письменный стол мой, на котором я буду писать письма и рисовать, и кровать вполне домашняя, чистая, а не походный грязный войлок. Вообще я заживу той городской жизнью, которой никак не мог предвидеть, отправляясь в поход, в скитание по Малой Азии. Одно только мне будет грустно: снова придется начать старую холостую жизнь; я уже т(а)к отвык от нее! Пока мы находились в походе, пока стояли на позициях, биваком или лагерем, — мне и в голову не приходило даже, что я живу, как холостяк, п(отому) ч(то) собственно говоря не было никакой благоустроенной жизни, а было какое-то цыганство; теперь же, когда жизнь сложится в более или менее определенные, правильные формы, — явятся и потребности нравственные совсем другие, тогда только увидишь, что лишился, хотя на время, той жизни, которая была так необходима для моей натуры, и вернулся опять к ненавистному холостому прозябанию. Но что делать! Надо терпеливо пережить это время лишений, зато потом наше семейное счастье упрочится навеки, навеки. Я буду стараться разнообразить свою жизнь поездками верхом и работами дома и постараюсь распределить свои занятия в продолжение дня самым регулярным образом.

Получаешь ли ты, моя бесценная крошка, мои письма т(а)к, к(а)к я их пишу тебе, т. е. каждый день? Все ли из них ты получила? Не пропал ли какой-нибудь №? Я думаю, у тебя их теперь столько, что некуда уже прятать. Как же Колино здоровье? Я знаю, что не скоро получу ответ на этот вопрос, а все-таки задаю его в каждом письме. Господи! Чего бы я только не дал, чтобы мне увидеть вас, в которых заключено все мое счастье, вся моя жизнь! Нет, Надя, что это будет со мной, если я наконец увижу обе мои капли! Ну право же, мне кажется, что мой ум не выдержит этого, и я рехнусь от избытка радости и счастья. Что мой Колька делает теперь? Небось, спит? Деточка моя, скажи мне откровенно, часто ли у тебя теперь болит голова? Я помню, что в прошлом году у тебя после родов опять пошли головные боли, вероятно и теперь то же. Ради Бога почаще вентилируй свою комнату, это и для ребенка необходимо, и для тебя; только нужно это делать к(а)к можно осторожнее, чтобы не простудить Колю: нужно сперва выносить его, только одетого, в другие комнаты, где нет сквозного ветра, потом затопить печку в твоей комнате и открыть в ней форточку по крайней мере на 11/2 часа, затем, когда печка истопится, закрыть трубу, а немного погодя открыть отдушники, затем, опять немного погодя, закрыть форточку. Тогда воздух в комнате будет свежий, и тогда можно будет внести в нее Колю. Это нужно делать положительно каждый день по утрам, когда ты встанешь и напьешься чаю. Без этого способа освежения комнаты Коля, да и ты, легко можете заболеть, п(отому) ч(то) комната у тебя маленькая, а следовательно, воздух потребуется очень быстро. Кроме того, родная моя, я совсем забыл сказать тебе в прошлом письме об этом: ни в каком случае и никогда не развешивай пеленки для сушки в той комнате, где оба вы спите и едите, это страшно вредно и

не разведешь никакой дряни в твоей комнате, где спишь, ешь и пьешь, это страшно вредно и для головы, и для легких, и для глаз, п(отому) ч(то) испарения от мокрого белья в высшей степени пагубно действуют и на сложившийся крепкий организм мужчины, а не только на грудного ребенка и на слабую женщину. Постарайся найти где-нибудь место для белья — в кухне или в коридоре, что ли, только ради самого Бога не в твоей комнате. Здоровье дороже всего на свете, поэтому найди лишнее место для белья, только выбери другое место. Пожалуйста, я тебя умоляю, Надюша! Я уверен, что ты попытаешься исполнить мою просьбу. Посоветуйся с

Олюшкой и передай ей эту мою просьбу, она умница и, вероятно, найдет для тебя местечко. Поцелуй ее за меня, также Марусю и всех наших; кланяйся (...) Жду с огромным нетерпением от моих друзей письма, — что-то приостановили они свое писание мне; передай всем, что это очень нехорошо. Смотри же, Надюшечка, исполни все, о чем я тебя прошу в этом письме, к(а)к то: освежение и осушение пеленок. Обнимаю и целую, и благославляю тебя и нашу каплю.

Твой.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 29 ноября 1877 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 149—150. — [Т.] V.

Письмо 27-е

Карс. 29 ноября 1877 г.

Жду, моя голубка, от тебя письма с большим нетерпением. Теперь твои письма для меня стали еще как-то дороже, еще с большим нетерпением жду я их каждый день. Если можешь, деточка моя, хоть полстранички, хоть несколько слов пиши мне каждый день, только не приклеивай марок, это совершенно лишнее: и с маркой может пропасть, и без марок доходят письма исправно, а между тем это совершенно лишний расход и очень большой при частой переписке. Скажи об этом Володе и всем, кто будет писать мне. Сегодня я получил письмо от Володи и очень обрадовался ему. Что же это Коля? Когда же пройдет его живот? Сперва я относил это к обыкновенной болезни всех грудных детей, но теперь, видя, что болезнь не проходит, начинаю беспокоиться. Отчего это происходит? Что говорит доктор? Приглашала ты Глаголева или Новицкого? Ради Бога, родная, извести меня поскорее обо всем этом, если можно, подробнее. Впрочем, в следующем твоем письме, которое я надеюсь получить завтра, или послезавтра, я, вероятно, узнаю все и успокоюсь, потому что я уверен, что наш молодчина Колька будет здоров и с каждым днем будет крепнуть и здороветь. Иначе не может и не должно быть.

Сегодня утром к нам влетает денщик с сияющим лицом и объявляет, что Плевна взята. Слава Богу! Наконец-то! Видно, наш пример подействовал на них. Теперь уж конец очень недалек, и мы ждем к весне мира. Воображаю, что теперь делается в Москве! Не успели еще снять флагов, развевавшихся по случаю взятья Карса, как пришлось снова водрузить их. Да, ликование в России идет теперь грандиозное и повсеместное. Интересно, как карские жители-турки отнеслись к разбитию армии Османа и взятию его в плен; когда раздались первые пушечные выстрелы с цитадели в ознаменование победы, жители с сияющими лицами выскочили на крыши своих домов и с радостью кричали: «Осман пропал, якши! якши! (Осман погиб, хорошо, хорошо)». Нет ни признаков уныния или недовольства, напротив, все, по-видимому, очень рады поражению армии Османа, видя в этом признак скорого окончания войны. Завтра в 10 час(ов) утра у нас будет торжественный молебен и затем парад войскам. Великого Князя в Карсе нет, он уехал в Тифлис, находя, что теперь ему здесь решительно нечего делать. В начале декабря вы, вероятно, прочтете в газетах о взятии штурмом Эрзерума, перед которым сосредоточены огромные массы войск, и куда уехал от нас Лорис-Меликов.

Наши награды за 20 сентября уже присланы, и завтра утром я первый раз повешу на себя крест, доставшийся мне не совсем дешевой ценою. За взятье Карса я представлен к Анне с мечами и бантом. Хотя наш полк не участвовал в деле, но почти все наши ротные командиры представлены к

к наградам за штурм. Впрочем, я уже писал тебе об этом. Недавно знакомые Неелова писали к нему из Екатеринославской губ., просили его сообщить что-нибудь обо мне — жив ли я, здоров ли, говоря, что его об этом просил их Юр. Ник. Подгорчани. Пишут ли они тебе и много ли ты им отвечала? Знают ли они о том, что у тебя уже сын? Купил ли Гуков часы? Хорошо было бы, если бы он поскорей купил их, п(отому) ч(то) посылки ходят очень медленно, а нам непременно нужно иметь часы к концу декабря. Если бы ты знала, Надюша, какая здесь стоит прелестная погода, ты бы не поверила, что декабрь на носу. Сегодня, например, было по крайней мере

градусов 15 тепла при ярком весеннем солнце. Воздух такой легкий, светлый, что делается как-то необыкновенно легко. В особенности для меня высшее наслаждение в такую погоду скакать на моем славном Мухтарке, который, видимо, сочувствует в такое время седоку. Мы с Островским еще не переехали на свою квартиру, п(отому) ч(то) она все еще отделывается, причем ты должна обругать меня, п(отому) ч(то) я разорился страшно: кроме драпри, о которых я говорил тебе, я купил полупрозрачный полубумажный материал (полотна здесь вовсе нет) на простенки стен и на скатерть (обеденную) на стол, по 23 к. за аршин, всего 28 аршин. Мне очень надоело спать на войлоке; в особенности это неприятно, когда тело т(а)к нуждается во всем чистом, а войлок этот лежал и на земле, и где попало. Купили мы также себе железную печь за 3 р.

Ну, прощай моя милая, дорогая крошка, поцелуй за меня Олюшку, Марусю и всех наших, в особенности Володю за его письмо, кланяйся всем, кого увидишь. Беднягу Илью очень жаль, но зато я очень горжусь им и всем про него рассказываю.

Обнимаю и целую тебя и мою маленькую каплю, благослови его за меня.

Твой всегда.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 28 ноября 1877 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 147—148. — [Т.] V.

Карс. 28 ноября 1877 г.

Милая моя деточка! Я совсем забыл в прошлом своем письме ответить тебе на твой вопрос, который тебя, по-видимому, очень интересует, именно об эпидемии в здешнем крае. Давно уже, еще летом и ранней осенью что-то толковали об эпидемии здесь, но в действительности оказалось, что никакой эпидемии во всем крае нет, это факт, подтвержденный комиссией, специально назначенной после взятья Карса для решения этого важного для войск вопроса. Больных у нас в полку довольно много, но все простудами, п(отому) ч(то) солдаты до сих пор стоят в палатках и спят на сырой мерзлой земле, а между тем полушубков у них нет, и они, бедняги, довольствуются только своими протертыми шинелями. Поэтому не удивительно, что они часто простужаются и заболевают простудными лихорадками, но тифов или каких-нибудь эпидемических болезней вовсе нет. Так что если улучшится быт солдат, если их всех перевести в теплые казармы и выдать теплые полушубки, больных значительно убавится. Климат здесь чрезвычайно здоровый; место очень высокое, вследствие чего сырости нет никакой, воздух постоянно прочищается и потому чувствуется постоянно здоровая и приятная свежесть. Вследствие этого, я думаю, у меня и ревматизм прошел, и я чувствую, ч(то) организм мой очень окреп. Итак, знай же, моя дорогая, что ни о каких эпидемиях здесь нет и речи, их здесь не существует. А вот отчего ты мне ничего не говоришь о распространившейся оспе у вас в Москве? Правда ли это? И насколько она сильна? Привита ли Коле оспа? Поторопись, моя милая, с этим на всякий случай, а то как бы потом поздно не было, сохрани Бог! Как же теперь здоровье Коли и твое? Попроси непременно к себе Глаголева. Ему можешь дать денег, если он не примет их, то ни в каком случае не обидится, а просто откажется. Пригласи его непременно, Надюша, если Новицкий скажет, что он не детский доктор.

Когда ты получишь это письмо, Коле маленькому уже 2й месяц, а Коле большому 32й год. Как-то ты проведешь этот день, который мы с тобой т(а)к хорошо всегда проводили с семейством

Ренбаум. Вечером в этот день я буду писать тебе письмо и скажу, к(а)к он прошел у меня. Мы уже совершенно забыли о всякой войне и живем на самом мирном положении. С турками-жителями очень хорошо сошлись. Они оказываются вовсе не такими свирепыми зверями, к(а)к о них привыкли до сих пор думать у нас в России. Это добродушнейший народ, в котором много наивного, к(а)к во всех дикарях. Цивилизация, к(а)к видно, очень мало проникла к ним, они живут по крайней мере лет на 200 сзади обитателей любой из великорусских деревень. О гостеприимстве их нельзя покуда судить, т(а)к к(а)к они не избавились еще от того страха, какой нагнали на них русские своими победами; но раз турок узнал тебя и увидел, что ты ему никакого зла сделать не намерен, он открывает тебе двери своей сакли, кроме одной, самой задней комнаты, в которой обитает какая-то закутанная в тряпье мумия, именуемая его благоверной. Это сокровище, будь она хоть самая поганая рожа, он никому не покажет из чувства животной ревности. Иной раз и смешно, и досадно становится, когда встречаешь на улице или в дверях дома какую-нибудь уродину — старуху, которая к(а)к только заметит тебя, сейчас же с лихорадочной поспешностью закутывает свою глупую безобразную рожу, вероятно, боясь, чтобы в нее не влюбились. Но еще досаднее бывает, когда увидишь нечаянно писаную красавицу-турчанку, каких и во сне никогда не снилось, и всегда она также прячет в тряпье свою красоту. Я обыкновенно в этих случаях ругаю ее на улице дурой, благо ничего не понимает. В большинстве же случаев я стараюсь заранее отворачиваться от них, чтобы показать, что я вовсе не нуждаюсь лицезреть ее красоту, которой даже не признаю за ней. Но увы! Даже и это не помогает, и бессмысленная красавица всегда и при всех случаях одинаково закутывается в лошадиную попону. Но что здесь производит на меня в высшей степени приятное впечатление, так это дети, существа незлобивые и невинные, но здесь они прелестны, в особенности девочки, не считающие еще своей обязанностью скрывать свои художественно-прелестные лица. С ними я всегда на улице болтаю и смеюсь, и они мне что-то лепечут и показывают свои крошечные белые зубенки, и хохочут своими большими дивными глазами, которые даже у крошечной девочки горят какой-то страстью и негой из-под длинных и темных ресниц, причем маленькая красавица кокетливо откидывает назад свою очаровательную головку, окруженную целыми волнами густых черных локонов. Да, дети здесь прелестны и никого не дичатся, это особенно составляет их замечательную черту.

С наступлением у нас зимы, по Военно-Грузинской дороге на Кавказе случаются снежные завалы, которые прекращают иногда движение по ней на несколько дней, а иногда и недель. Знай это, Надюша, и если случится, что ты долго не будешь получать от меня писем, то затем жди несколько писем сразу, п(отому) ч(то) я пишу тебе почти каждый день. Вследствие этого же обстоятельства и я не буду особенно беспокоиться, если долго не буду получать известий о тебе, п(отому) ч(то) у нас всегда известно, когда случился завал; в этом случае, принимая письма на почте, объявляют, что оно пойдет нескоро, т(а)к к(а)к движение остановлено завалом.

Как поживают мои милые С. Е., Олюшка, Маруся, Мар. Васильевна, часто ли у тебя бывают наши и как здоровье матери? Что ты думаешь делать со своей комнатой? Ведь действительно тебе крайне неудобно теперь, имея ребенка, производить все в одной комнате: и обедать, и пеленки развешивать и чай пить, и ребенка мыть, и гостей принимать, и работать — все в одной комнате. Вот если бы была еще одна комнатка в квартире Ренбаум, которую ты могла бы нанять, — это было бы большое счастье.

Ну, прощай, моя милая, дорогая, ненаглядная детка. Поцелуй от меня Олюшку, Марусю и наших, и кланяйся С. Ег. и Мар. Вас, а также Гук. и тетушке. Обнимаю и крепко целую тебя и Колю. Будьте здоровы, мои бесценные капли. Жду нового письма завтра.

Твой Коля.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 23 ноября 1877 г. Карс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 146—147. — [Т.] V. Письмо 23-е

Карс. 23 ноября***

Ты представить себе не можешь, моя милая, бесценная Надюшечка, какое светлое радостное чувство волновало меня, когда я получил сегодня твое письмо от 12 ноября. Милая ты моя, дорогая деточка, спасибо тебе! Слава Богу, что мою телеграмму ты хотя и поздно, но получила. Насчет твоего здоровья я почти спокоен, веря безусловно тебе, моя капля. Я знаю, что не скажешь мне неправду. Береги только себя, к(а)к можно больше. Родная моя, т(а)к к(а)к ты теперь почти здорова по-прежнему, ты пиши мне только четыре слова, но если можно — каждый день, что ты и Коля здоровы, тогда я буду уж совсем спокоен и счастлив. Володя приучил меня к ежедневным письмам, которые для меня теперь так же необходимы, к(а)к ежедневная еда. Без этих писем я просто не могу теперь жить, они для меня теперь стали самою первою жизненной необходимостью.

Я до сих пор не вполне могу привыкнуть к мысли, что у меня там, в Москве, дома, есть сын; каждую минуту, постоянно я испытываю то новое, непривычное чувство, которое может испытывать человек, только что узнавший, что он выиграл 200 тысяч, да это сравнение, впрочем, слишком слабое; моя радость первой минуты не только не прекращается, но усиливается постоянно вследствие сознания, что вместе с этим счастием (сыном) ты здорова. Когда я получил твое письмо, я ушел с ним в самый отдаленный угол крепости, где ни души нет, п(отому) ч(то) я очень плакал, когда читал его. Каждая твоя фраза вызывала слезы счастья. Знаешь ли, Надюша, теперь уже факт совершился и его не изменишь, но я тебе откровенно скажу, что до смерти рад, что родился сын. Впрочем, я и сам теперь не пойму, рад ли я этому, п(отому) ч(то) я думаю, что если бы родилась девочка, я сказал бы то же самое. А вот что действительно до смерти меня радует, т(а)к это то, что все кончилось т(а)к благополучно, и ты теперь здорова. Это для меня дороже всех мальчиков и девочек на всем свете.

Спасибо тебе, моя радость, за альбом1, а в особенности за карандаши, п(отому) ч(то) альбом, табак и почтовая бумага — все это у меня есть, а вот карандашей вовсе нет и достать их здесь очень трудно. А я, признаться думал: вот если бы Надюша догадалась прислать мне хороших карандашей для рисования! Посылку эту я еще не получил, но надеюсь скоро получить, п(отому) ч(то) теперь почта стала исправнее. Поблагодари за меня очень (...) за альбом, только одновременно скажу, мне было бы гораздо приятнее, если бы ты мне прислала альбом, п(отому) ч(то) у нее денег меньше, чем у тебя, и они ей нужней для другого.

Сегодня я познакомился с фотографом Вел. Князя, который составил громадный альбом для Государя. В альбом этот вошли все виды, сцены, типы и картинки, начиная с сентября и до взятья Карса и самый город с нескольких сторон. Альбом завтра отправится Государю и имеет 100 больших картин. Я его рассматривал сегодня. Он стоит 150 рублей и будет скоро продаваться в Москве полный и по частям. Я тебе не могу подарить его, моя голубка, но зато подарю другой альбом, который хотя и не такой полный, не такой роскошный, но все картины в нем исполнены рукой твоего друга, а потому, я уверен, этот альбом ты будешь ценить гораздо дороже первого. Правда? Считай этот скромный альбом непризнанного художника своим. Поцелуй от меня мою милую Олюшку, — воображаю, как она нянчится с маленьким Колькой...

Поцелуй Марусю и скажи ей, что непременно буду скоро писать ей. Поцелуй всех наших; как здоровье матери? Послезавтра отсылаю Гукову 120 руб. с, собранные с 40 офицеров, подписавшихся на подарок Мореву. Вчера мы устроили ему проводы с хлебом-солью, по русскому обычаю. Много офицеров перепились, а потому прощание было очень трогательным, со свечами. Он будет находиться при штабе нашей дивизии. Прощай, моя капелька бесценная, поцелуй и благослови за меня мою капелечку маленькую и скажи ему, что его отец здоров и счастлив, к(а)к ни один отец в мире. Завтра опять напишу тебе. Обнимаю и целую тебя крепко.

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 6 ноября 1877 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 144—146. — [Т.] V.

Письмо 16-е

Лагерь при Главной квартире.

1877 г. 6 ноября, 4 часа дня

Теперь ты знаешь все, радость моя, знаешь, что я жив, здоров и невредим, это ты знаешь из моей телеграммы, которую я послал тебе сегодня утром, когда все было уже кончено, и знаешь, что Карс, эта твердыня из твердынь, пала после молодецкого штурма сегодня ночью. Постараюсь, насколько можно подробно, описать тебе все дело, хотя знаю, что через это я, пожалуй, опоздаю отдать письмо на почту сегодня. Но ты получишь его всего днем позже.

Часов в 5—6 вечера мы узнали по секрету, что на сегодняшнюю ночь назначен штурм Карса, который должен начаться по сигнальной ракете. Наступило 8 часов вечера. Почти полная луна высоко взошла на небе и осветила ярким серебряным светом белые стены и минареты страшной и могучей крепости, окружающие ее форты и все обширное поле с раскинутыми во многих его местах белыми палатками наших лагерей, окружающих со всех сторон Карс.

Тишина была полная, воздух был зловеще тих и холоден, и только громадное осадное орудие, поставленное на 9 верст от города и прозванное солдатами «старушкой», нарушало от времени до времени мертвую тишину своими страшными выстрелами, которые аккуратно через каждые 15 минут потрясали воздух на огромном пространстве, и точно резали его; после каждого такого выстрела через несколько секунд раздавался выстрел в самом Карсе — это разрыв нашей гранаты в цитадели города. Каждый такой разрыв подымал целый сноп огня и дыма и нередко вызывал пожар в городе. В этот день мирные выстрелы «старушки» нисколько не отличались от вчерашних, третьеводнишних и т. д., словом, снаружи все выглядело так, к(а)к было всегда. Наконец с облегчением мы узнали, что Вел. Кн. с корпусным командиром Лорис-Мел(иковым) выехали из своей ставки и отправились на позицию. Это было в начале 9го часа вечера, к этому же времени все войска, назначенные для штурма, стояли уже на своих местах в нескольких верстах от Карса (верстах в 3х). Предполагалось сделать так: войска наши должны подойти под самую крепость со всех сторон, пользуясь темнотой, и затем неожиданно будет пущена с высокой горы ракета, по которой все разом должны кинуться на штурм. Но вышло несколько иначе. Турки через своих шпионов пронюхали, что сегодня ночью будет штурм, и потому, как только стемнело, спустили с гор, окружающих Карс, несколько батальонов, которые должны были встретить наши войска и не допустить до штурма. Но этим распоряжением они страшно навредили себе; едва только они заметили при лунном свете приближающиеся наши войска, они тотчас же открыли ружейную и артиллерийскую пальбу, которая по дальности расстояния и по невозможности определить расстояние и верно прицелиться не приносила нашим почти никакого вреда. Наконец, идя вперед, наши решили, что так к(а)к турки открыли нас, то надо уж начинать дело и чем скорее, тем лучше, и пошла потеха!

Все мы, офицеры и солдаты 1го батальона, взобрались на гору впереди своего лагеря, с которой открывалась великолепная картина страшного боя при лунном свете*. Ракета взвилась, но уже на нее никто не обратил внимания, п(отому) ч(то) наши уже вошли во вкус. Я испытал в высшей степени сильное ощущение, глядя со стороны на страшную жарню. Турки защищались отчаянно; ружейный огонь был так част и непрерывен, что казалось ч(то) склоны гор, которые они занимали, были усеяны горящими плошками, поставленными одна около другой, это была непрерывная огненная нитка; огонь из орудий также сверкал во всех местах непрерывно. Самая жарня началась ровно в 9 час. веч. и продолжалась до 2х час. ночи, затем в 7 час. утра или начале 8го все уже было кончено и в Карсе распоряжались, как дома наши войска, за исключением нашего сонного батальона. Несмотря на адский огонь турок наши войска лезли такими молодцами вперед, что турки из всех укреплений в страшной панике бежали и были доколачиваемы преследовавшими их и остервеневшими солдатами. Часу во 2ом ночи, когда стало уже довольно морозно и спать захотелось, я отправился в палатку и, уверенный, что наутро

стало уже довольно морозно и спать заботливо, я отправился в палатку и, уверенный, что на утро Карс будет наш, крепко заснул. Проснувшись в 9ом часу сегодня и отправившись на гору, я увидал следующую картину: к(а)к вчера луна, т(а)к сегодня солнце ярко освещало обширное поле битвы, окаймленное со всех сторон по горизонту громадами гор, покрытых ослепительным снегом, усеянным, точно разноцветными искрами под влиянием солнечных лучей; вся громадная цитадель (крепость) из белого камня вчера была облита белым светом луны, — сегодня она еще резче выдавалась на черном фоне скал, но в бинокль ясно можно видеть как страшно она

разрушена нашими снарядами; город представлял собой дымящиеся после ночного пожара развалины: к(а)к вчера перед штурмом была полная тишина, т(а)к и сегодня тишина была еще полнее кругом, но это была уже тишина не зловещая, не нарушаемая мерными выстрелами орудия, а тишина, показывающая полный отдых и покой (для многих вечный). Я снял шапку и от всего сердца перекрестился, моля Бога, чтобы Он никогда больше не привел меня еще раз быть свидетелем этой страшной картины ада, которой был свидетелем вчера. После этого я тотчас же не мешкая полетел на телеграф и написал там телеграмму, которую сию же минуту при мне стали стукать на станке. Только тогда я вздохнул свободно и совершенно успокоился за тебя, моя радость. Ты должна получить эту телеграмму сегодня раньше вечера намного, п(отому) ч(то) я отправил свою первой, когда еще...

Я получил сегодня твое письмо от 8го октября. На все твои вопросы, какие ты задаешь мне в этом письме, ты уже прочла...

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 19 октября 1877 г. Мусат // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 142—143. — [Т.] V.

Письмо 6-е

Лагерь под Карсом вблизи аула

Мусат. 19 октября 1877 г.

Ну, как твое здоровье теперь, моя бесценная деточка? Как ты себя чувствуешь? Я спрашиваю это в уверенности, что когда это письмо дойдет до тебя, — все уже будет давно кончено, и ты будешь нянчиться со своей каплей (капля с каплей). Верно ли я думаю? Ради самого Бога береги себя, не отказывай себе ни в чем, не жалей ничего, чтобы скорее поправиться. Помни, что ты должна как можно скорее восстановить свои силы, п(отому) ч(то) ты кормишь ребенка, след(овательно) нуждаешься в силе. Вот почему умоляю тебя, моя бесценная, не отказывай себе решительно ни в чем; все, что только нужно тебе, что посоветует доктор, исполняй немедленно, покупай сама все; купи непременно, как я просил тебя белого портвейна (бутылка 3 руб. у Бауера). Береги, береги себя и ребенка. Есть ли у тебя женщина? Непременно найми.

Я совершенно здоров, только (...) не проходят, но ведь и ты сама знаешь, ч(то) они и не опасны и не причиняют никакой боли, только не позволяют ходить скоро и много, поэтому я никуда и не хожу и не пойду с полком, куда бы он ни пошел, а буду все время, — в случае передвижения полка, следовать далеко за полком, влачась фургоном с Моншанцевым. Так что совершенно равнодушен к тому, пойдет ли полк или не пойдет, и куда именно. Если полк выступит куда-нибудь на позицию, я останусь в лагере с основным штабом, как было это во время дела 1, 2 и 3 октября, в котором, как тебе известно, я не участвовал; также и теперь не в состоянии нигде участвовать.

В Карс непрерывно бросают бомбы и гранаты, и как это просто делают, если бы ты знала: поставили вокруг города в нескольких местах большие осадные орудья и через каждые 20 минут стреляют в город преравнодушно, точно на практической стрельбе, лениво, по-домашнему. Эта халатность бомбардировки происходит вследствие того, что наши орудия стоят в 9 верстах от Карса и гранаты наши не только попадают в город, но перелетают через него, тогда как карские

орудия бьют только на 7 верст, следовательно, не могут причинить нашим батареям никакого вреда. Мы же, т. е. все остальные войска, стоим от Карса, как я тебе говорил, верстах в 15—17 и при том в лощинах, след., не только недостигаемы для выстрелов, но невидимы для глаз турок. Мухтарка на днях, вероятно, будет совсем уничтожен, п(отому) ч(то) Гейман с (...) уже соединились под Эрзерумом и совершенно окружили несчастные остатки от бывшей армии Мухтарки. Измаил-паша, бывший против Тергукасова в нашей Эриванской губ., как тебе, впрочем, известно, разбит окончательно Тергукасовым и бежал, побросав по дороге весь свой

обоз, больных и раненых. След., наши дела здесь в таком блестящем положении, лучше которого и желать нельзя. Штурмовать Карса не предполагают, а хотят разрушить его бомбами, а гарнизон выморить голодом, что очень легко, п(отому) ч(то) 80-тысячная армия охватила Карс сплошным кольцом, и ни в Карс, ни из Карса ни один человек пройти не может, и когда они все съедят, что...

Сперанский Н. И. Письмо Сперанской Н. К., 20 августа 1877 г. Владикавказ // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 141—142. — [Т.] V.

Письмо 2-е

Владикавказ, 20 августа

Вот мы и во Владикавказе! Здесь мы простоим недолго: 22 августа выступаем, дойдем почти до Тифлиса, собственно до селения Мцхет, которое отстоит от Тифлиса верст на 20, затем круто поворачиваем на запад и идем по дороге до селения Михайлово, откуда опять пешком идем на юг в Ахалкалаки, где уже и останемся и будем составлять там резерв действующей армии. Покуда, дорогая моя Надюша, пиши мне по следующему адресу: на Кавказ, в г. Тифлис, в 1ую гренадерскую дивизию, ш. к-ну Екатерин. полка Н. И. С. до востребования. Из Мцхет Неелов пошлет Морева в Тифлис за письмами, и он привезет твое письмо ко мне. Только пиши, голубка моя, как можно скорей и сегодня же отправь письмо, п(отому) ч(то) до Мцхет мы дойдем в 10 дней, т. е. будем там 31 августа или 1 сентября. Впрочем, Надюша, лучше не пиши в Тифлис, п(отому) ч(то) письмо может не поспеть туда до нас, и я его не получу, а лучше уж пиши прямо: в Ахалкалацкий уезд, в г. Ахалкалаки, в 1ый гренадерский Екатерин. полк ш-к Н. И. Сперанскому.

Главное, капля моя, пиши о своем здоровье и о твоем душевном состоянии, как можно подробнее и откровеннее. M-me Ропп искала тебя, желая познакомиться с тобой, была в Кремле, думая, что ты там живешь. Это говорил мне Неелов. Ропп просил у Неелова твой адрес с тем, чтобы послать его своей жене. Я дал Неелову его, он передал его Роппу, а этот отправил его своей жене, которая на днях непременно будет у тебя в квартире Жариковых. Это чрезвычайно любезно с ее стороны. Саблин просил передать тебе низкий поклон. Если будешь в Кремле, зайди к старушке его матери и передай ей, что он здоров. Вообще, если ты познакомишься с ней, то будешь очень часто получать известия обо мне, т(ак) к(ак) он часто будет ей писать и сказал, что каждый раз будет приписывать обо мне. Новицкий 1ый взял у меня также твой адрес, — он посылает его своим родным затем, чтобы его мать была у тебя. Новицкие оба также будут писать домой и в письмах будут говорить обо мне, поэтому хорошо было бы, если бы ты, дорогая моя, предупредила мать их и была у нее, если только здоровье тебе позволяет. Таким образом, ты будешь получать обо мне сведения втрое чаще того, как если бы ты получала только от меня письма. Сделай так, родная моя! Кстати, ты ведь должна непременно познакомиться с братом Новицкого, и чем раньше, тем лучше.

Ну, что сказать тебе о Владикавказе? Плоды здесь неособенно дешевы по-здешнему: персики стоят 5 к. за фунт (здесь ведь плоды продаются по фунтам), в фунте 5 или 6 персиков; дюшес — 8 коп. фунт, правда такие дюшесы, что от одной будешь совершенно сыт — сладкие, сочные, так и тают во рту; в фунте их приходится 3—4 штуки, а бывает и одна, но зато баснословной величины. Красивых женщин и детей здесь множество, все грузинки, лезгинки и проч.

народностей. Читай мои письма, что найдешь, можешь Булкиным*, матери, Реннбаум, Володе.

Кланяйся, голубочек мой, каждый раз от меня. Ну до свидания, моя дорогая, милая, голубка моя, целую тебя очень, очень. Не скучай же, моя бесценная, будь вполне уверена, ч(то) я возвращусь цел и невредим. Была ли ты у Моревой? У нее ты тоже можешь получить известия обо мне. Обнимаю тебя крепко, дорогая, бесценная моя Надюша.

Твой Н. С.

Гончарова Н. Г. Письма Н. И. Сперанского с азиатского театра Русско-турецкой войны, 1877—1878 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 140—141. — [Т.] V.

Предлагаемые читателю письма были написаны в 1877—1878 г. штабс-капитаном русской армии Николаем Ивановичем Сперанским с азиатского фронта Русско-турецкой войны.

Карс — город-крепость в Северной Турции — был одним из важнейших стратегических объектов. После поражения турецкой армии, возглавляемой Мухтар-пашой, армия приступила к осаде и затем предприняла удачный штурм Карса, свидетелем которого оказался Сперанский. Русские силы под Карсом представлял Эриванский отряд под командованием генерала Арзаса Артемьевича Тергукасова, частью армии командовал генерал Василий Александрович Гейман. Общее же командование осуществлял корпусной командир Михаил Тариелович Лорис-Меликов.

К 20 сентября 1877 г. из России на Малоазиатский фронт прибыли основные военные соединения, чем было завершено стягивание войск против мощной позиции Мухтар-паши на Аладжинских высотах. 20, 21 и 22 сентября произошли небольшие сражения, в результате которых турки были вынуждены отойти со своих позиций. Действия русских войск в Малой Азии оттягивали турецкие войска от Балканского фронта, заставляли Турцию вести войну сразу в Европе и в Азии. Взятие русскими Плевны, сокрушительное поражение, нанесенное войскам Осман-паши в значительной степени переломило ход войны. В начале ноября 1877 г. был начат штурм Эрзерума — второй мощной крепости недалеко от Карса — войсками генерала Геймана, и после долгой осады Эрзерум пал в январе 1878 г. Все эти события нашли свое отражение в письмах Сперанского.

Письма эти писались ежедневно в течение почти всего года и были обращены к оставшейся в Москве молодой жене, Н. К. Сперанской (1852—1915), сначала ожидавшей ребенка, а затем кормящей матери. Этим объясняется максимальная сдержанность писем в описании военных действий, чтобы не встревожить и без того взволнованную супругу. Так, о «деле 20 сентября», за участие в котором Сперанский был награжден орденом, он не пишет вообще ничего. Тем не менее письма интересны не только тем, что в них прослеживаются будни военной жизни в условиях похода, осады и взятия крупной турецкой крепости Карса, взаимоотношения офицеров и солдат в русской армии, жизнь офицерства в военном лагере, но и тем, что в них виден характер самого пишущего — русского военного интеллигента, человека доброго, неглупого, цельного, имеющего высокие идеалы, наделенного простодушным юмором.

Николай Иванович Сперанский родился в 1846 г. в орловском имении отца, И. М. Сперанского. По семейной легенде, к сожалению, ныне подтверждаемой только устными рассказами (от бумаг и золотых вещей с вензелями, хранившихся в семье, постарались избавиться вскоре после Октябрьской революции), И. М. Сперанский был внебрачным сыном знаменитого министра-реформатора М. М. Сперанского, усыновленным им незадолго до смерти.

И. М. Сперанский был гусарским офицером, довольно быстро промотавшим небольшое наследство, выделенное ему отцом. Семья распалась, и сам он по окончании службы жил в Павловске, тогда как дети его воспитывались матерью в Орловской губернии.

Незадолго до Русско-турецкой войны Н. И. Сперанский окончил Московское Александровское военное училище и в чине поручика вступил в I лейб-гвардии Екатеринославский гренадерский полк. Это был известный в русской военной истории полк, принимавший участие в Семилетней войне, Турецких войнах времен Екатерины II, в Отечественной войне 1812 г. и европейских кампаниях 1813—1814 гг. Вскоре после вступления в полк Сперанский женился на Н. К. Казанской, происходившей из обедневшей дворянской семьи.

Всю Русско-турецкую войну Н. И. Сперанский провел в действующей армии в чине штабс-капитана, по возвращении же в Москву еще несколько лет служил в полку, а в 1882 г. получил назначение на службу в качестве библиотекаря и хранителя музея его родного Александровского училища в Москве. Здесь он прослужил более 20 лет, приобретя любовь и уважение и юнкеров, и таких именитых преподавателей училища, как историк В. О. Ключевский. Он оставил серию иронических поэм и стихов, посвященных истории училища, рисунки и шаржи на ту же тему. С 1892 г. Сперанский преподавал военное законоведение и, по свидетельству своего ученика В. Благовещенского «сумел привить нам довольно крепкие понятия о праве и неправе. Этим он добросовестно выполнил свой долг...»

Умер полковник Сперанский летом 1905 г., оставив вдову и трех дочерей — Наталью, Екатерину и Надежду (сын Коля, рождению которого так радовался молодой отец, будучи в Карсе, умер в детском возрасте).

Архив Николая Ивановича — письма, рисунки, стихи, личные вещи его и его близких и предков — сосредоточились в руках старшей дочери Натальи. Она была музыкантом, ученицей С. И. Танеева, пела в Московской симфонической капелле В. Я. Булычева, ставившей своей целью возрождение европейской добаховской музыки. Долгие годы Н. Н. Сперанская прожила в семье младшей сестры Е. Н. Сперанской, в замужестве Глекиной, воспитывая ее детей, прежде всего — любимого племянника Егорушку. После ее смерти в 1943 г. архив Сперанских остался в его руках.

В настоящее время сохранившаяся после трудных лет часть архива хранится в трех местах. Наиболее значительная его часть находится по-прежнему у внука Сперанского — Г. В. Глекина, биофизика и физиолога, долгое время ученого секретаря Акустического института им. Н. Н. Андреева АН СССР, ныне пенсионера. Часть своего собрания Георгий Васильевич отдал на хранение в Рукописные отделы РГБ и РНБ. Еще одна часть — один из трех альбомов с рисунками — хранится у племянницы Г. В. Глекина, Т. Н. Барановской.

Гончарова Н. Г. Примечания: Письма Н. И. Сперанского с азиатского театра Русско-турецкой войны, 1877—1878 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 173. — [Т.] V. Письма Н. И. Сперанского с азиатского фронта Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и фотографии публикуются впервые по оригиналам, хранящимся у Г. В. Глекина (Москва). Писем сохранилось значительно больше, чем включено в публикацию. Выборка объясняется большей частью однообразием материала и повтором чисто житейских, домашних мелочей. Сохранена нумерация писем автора.

Рисунки из «Карской тетради» также публикуются впервые. Они хранятся в ОР РГБ (Ф. 743. Карт. 9, Ед. хр. 40).

Текст публикуемых писем приведен к нормам современного правописания. Присущие Н. И. Сперанскому сокращения раскрыты и даны в угловых скобках.

1 Имеется в виду «Карская тетрадь», рисунки из которой опубликованы в тексте.

2 Рисунки Н. И. Сперанского с изображением его комнаты в Карсе не сохранились.

3 Шумский С. В. (1820—1878) — русский актер, с 1841 г. играл в Малом театре.

4 Екатеринославский полк был возвращен в Москву в августе 1878 г.

5 Казанский К. К. — брат Н. К. Сперанской. Врач, путешественник, участник экспедиций в труднодоступные районы Памира, автор нескольких брошюр об этих местах, обычаях и традициях народов Средней Азии.

6 Отчет о встрече Нового года в Карсе, подписанный В. Моревым, опубликован в «Московских Ведомостях», 1878, № 18.

7 Имеется в виду газета, выпускавшаяся в занятом русскими войсками Карсе в 1878 г.

8 День восшествия на престол императора Александра II — 19 февраля 1856 г.

Публикация Н. Г. ГОНЧАРОВОЙ

Переписка И. А. Гончарова с Великим Князем Константином Константиновичем

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 31 декабря 1890 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 236—237. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

Петербург 31 декабря 1890

Я всю зиму стремился поклониться Вашему Императорскому Высочеству и Ее Высочеству Княгине Елизавете Маврикиевне — у Вас во дворце и полюбоваться Вашими дорогими детьми.

Но я внезапно занемог — и самым частым моим посетителем был доктор, по совету которого я брожу для воздуха около своего дома с кем-нибудь из провожатых.

Ныне же, несмотря на свою слабость, я решаюсь принести мое скромное поздравление Вашим Императорским Высочествам как с наступающим Новым Годом, так еще более с рождением Вашего сына, Князя Константина, призывая благословение Божие на весь Ваш дом и Новорожденного Князя.

Я желал бы лично поздравить Ваши Высочества и других, благосклонных ко мне Великих Князей, но если «дух бодр, то плоть немощна!»

Смею надеяться, что Вы примете с свойственным характеру Вашему благодушием мой привет и поклон

Ваших Императорских Высочеств всепокорнейший слуга

Иван Гончаров

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 8 октября 1890 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 236. — [Т.] V. И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 8 октября 1890

Я думал, что Ваше Императорское Высочество и Ее Высочество Великая Княгиня, среди забот и

Я думал, что Ваше Императорское Высочество и Ее Высочество Великая Княгиня, среди забот и удовольствий нынешнего лета, забыли обо мне. И вдруг письмо от Вас — большая мне радость!

Я переехал в город с дачи (т. е. меня перевезли) 5го сентября. Меня не пускают одного, я точно как будто в плену, и могу на каждом шагу упасть — так ноги слабы!

Как только по газетам увижу, что Ваши Высочества переехали в Мраморный дворец, я соберусь с силами и приеду взглянуть на Вас, на Великую Княгиню и милых Ваших детей!

Теперь же у меня все по-прежнему, все на заперти, не исключая драгоценного дара Его Величества, изящной чернильницы и портретов Вашего и Вел. Княгини с детьми. Недостает Княжны Татьяны!

К сожалению, я простудил левое легкое, которое и без того не в порядке у меня. Но доктор скоро захватил и мне получше после того, как я пролежал в постели и просидел дома.

Камердинера, как Вашему Высочеству известно, у меня нет, а нянька моя сбилась с ног и в свою очередь — заболела. Словом, я бедствую! — В добавок дети ее, девочки, в том числе и бывшая педагогичка, уехали на какой-то вечер в Коломенскую Гимназию.

Но все это в сторону. Обращаюсь к другим мотивам Вашего письма, которые очень дороги и важны для меня, как для старого литератора.

Вы трудитесь над большой поэмой, и она, по словам Вашим, стоит Вам неимоверных усилий, то радостных мгновений, то минут отчаяния... Вот эти-то «минуты отчаяния» (что Вы и сами сознаете) и есть или суть залоги творчества. Это глубоко радует меня! Если б их не было, а было бы одно только доброе и прекрасное, тогда хоть перо клади!

Пушкин и Лермонтов, которых Вы пристально изучаете, осветят Ваш путь лучше всех, особенно если к этому присоединится собственное Ваше сердце!

Об этом добром и прекрасном мы, надеюсь, будем говорить подробно при свидании, а теперь позвольте именоваться

Ваших Императорских Высочеств всепокорнейшим слугою

И. Гончаров

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 25 июня 1889 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 233—234. — [Т.] V. И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 25 июня 1889

Ваше Императорское Высочество!

Вчера я решился поздравить Вашего маленького новорожденного Именинника, Князя Крови Иоанна Константиновича, также Вас Самих и Ее Имп. Высоч. Великую Княгиню — телеграммою.

Я еще сижу пока здесь, в Петербурге, и вероятно, 26 или 27, перееду на дачу.

Мне писали из Меррикюля, что там поблизости, также и в Гунгербурге, близ Нарвы, можно еще найти помещения, подходящие под мои условия, но тут же прибавили, что в Нарву надо просидеть часов пять в вагоне и потом несколько верст в экипаже.

Эти условия показались тяжелы для моих лет и для моего не совсем удовлетворительного здоровья, поэтому я на них не отважился.

здоровья, поэтому я на них не отважился.

Пока шли эти переговоры с Нарвой, я телеграфировал на предложенную великодушно Вашим Высочеством мне дачу, что она мне теперь не понадобится, именно потому, что я надеялся поселиться на морском берегу.

Но когда это оказалось по состоянию моего здоровья неудобоисполнимым, тогда я, по указанию Вашего Высочества стал искать (не сам конечно) дачи в Царском Селе, где есть и доктор

Эберман и всякие минеральные воды, но это село очень похоже на город — и я предпочел ему Павловск, где и нанял в Конюшенной улице 4 и 5 комнат, по своему карману, у какого-то отставного генерала. — Сообщение с Петербургом здесь близкое и удобное и в вагоне мне долго сидеть не придется.

Если у меня достанет сил, то я приду в одно из воскресений во Дворец — поклониться Е. И. В. Великому Князю Константину Николаевичу, Ее Величеству, Ольге Константиновне, и также Вам и Великой Княгине Елизавете Маврикиевне.

В ожидании этого утешения, имею честь быть

Вашего Императорского Высочества всепокорный слуга

И. Гончаров

P. S. Вчера я уже отправил свой багаж в Павловск, в Конюшенную улицу, и завтра или послезавтра явлюсь в Павловск сам.

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 13 июня 1889 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 233. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 13 июня 1889

Я, старый инвалид, до слез тронут благосклонным предложением Вашего Императорского Высочества дачи, зависящей от Вашего дворцового Правления в Павловске.

Известная Вам нянька моя, Александра Ивановна, поехала было вчера туда для хозяйственных соображений, которые только женщине могут прийти в голову (о числе тюфяков, посуде и проч.), о чем я, как мужчина, никакого понятия не имею: но прежде нежели она воротилась оттуда, я уже решил про себя, что Ваше обязательное предложение будет мною изменено в том смысле, что я решусь взять дачу Меррикюле близ Нарвы, куда отправились сегодня девочки, мои воспитанницы81, к г(оспо)же Никитенко82 тайной советнице, вдове Академика и профессора Никитенко, и к ее дочерям, пожилым девушкам.

Если же это мне не удастся и я найму в Павловске или Царском Селе, то в первом случае приду сам, во втором — прошу позволения прислать телеграмму 24 июня в день тезоименитства тезки моего, Князя Крови Иоанна.

Вашего Императорского Высочества и Ее Императорского Высочества Великой Княгини всепокорнейший слуга

Иван Гончаров

Простите мне это писание, если оно, если оно писание!

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 11 октября 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив:

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 11 октября 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 229—230. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 11 октября 1888

Глубоко сожалею, что меня не было дома, когда Ваше Высочество благоволили вчера посетить меня. Дурная погода и была причиной, что я вышел на прогулку так поздно: я все ждал, когда перестанет дождь и я могу выйти дохнуть свежим воздухом, чего вечером я уже никак сделать не могу. Я собирался сегодня же около 4х часов явиться к Вам, в надежде застать Вас в детской комнате и видеть всех: Вас, Ее Высочество Великую Княгиню, Детей — и может быть — Е. В. Дмитрия Константиновича.

А теперь прошу позволения отложить мое посещение дня на два или на три, пока я успею просмотреть Вашу книжку и сказать о ней свое впечатление хоть на словах. На письменный разбор я не смею надеяться: сил нет. Сегодня это — третье письмо с тех пор, как я воротился с дачи. У меня и одышка, и кашель, и слабость.

Между тем начинаются холода и темнота — мои естественные враги.

Я не замедлю долго просмотром Книги и также личным своим появлением, а в ожидании этого имею честь быть

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга

ИГ(ончаров)

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 10 октября 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 229. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Мраморный дворец

(Петербург) 10 октября 1888 г.

Дорогой Иван Александрович,

я никак не думал, что выйдете вы из дому в такую дурную погоду и был уверен, что застану вас. Но на поверку вышло иначе, и мне приходится изложить письменно то, что я намеревался высказать вам на словах.

Прилагаемая тетрадь содержит в себе стихотворения, которые я хочу выпустить в печать с минованием нынешнего года. Их пока 55 и многие вам известны, но есть и такие, которых я еще не представлял на ваше обсуждение. Моя нескромная навязчивость вам давно знакома, а потому мне совестно опять, в сотый раз просить извинения за причиняемое беспокойство. Но я надеюсь от души, что вы как и прежде не откажете мне несколько поскучать, потратив некоторое время на просмотр этой тетради. Кое-что в ней уже подвергалось вашему справедливому порицанию, я исправлял, насколько мог, замеченные вами погрешности, но не всегда решался просто выкинуть осуждаемое. Справиться со своим самолюбием нелегко; но еще труднее разочароваться в произведении, может быть, и неудачном, но почему-либо милом авторскому сердцу. Печатаю я, как и прежде, не для продажи, а только чтобы отвязаться от настойчивых просьб многочисленных знакомых, которых я не могу удовлетворить, переписывая для них свои стихи.

Кроме того, печатание приносит и некоторую пользу: хотя книгу купить нельзя, отзывы о ней все же попадают в газеты и журналы, что дает мне возможность сличать и сравнивать множество противоречивых взглядов и мнений, du choc des opinions jaillit la verite.

До свидания и, надеюсь, до скорого, милейший Иван Александрович.

Всегда неизменно вас почитающий и любящий. Константин.

Прошу вас, не спешите возвращением рукописи.

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 3 октября 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 227—229. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 3 октября 1888

Ваше Высочество сами справедливо заметили о стихотворении Уволен, что в нем со стороны техники заметен шаг вперед. Это натурально: всякое упражнение (exercice) музыканта, певца, стихотворца непременно завоевывает хоть немного успеха. Ваши «домашние» критики строго судили, назвав это произведение «рифмованной прозой». Может быть, им подали повод к такому суду попадающиеся изредка стихи, вроде — «Под бременем страшного горя такого» (стр. 82), или другой: «Их всех породнил тот же полк», и, может быть, еще некоторые — вялые и неловкие. Но есть и очень удачные, живые и счастливые стихи, т. е. большинство таких.

Что касается до замечания о том, что в солдате «образа нет», то оно, пожалуй, имеет долю правды: лицо не взято с натуры, не создано фантазией, а описано, сочинено. Но в этом произведении дело не в образе и характере солдата, а в его драматическом положении, в горьком одиночестве после смерти жены и сына. Все это не разработано, и потому бледно и не затрагивает читателя за живое. Психический анализ его горя при разлуке с женой и сыном и потом после смерти их — отсутствует, автор не стал в положение всех этих лиц, не уловил потрясающих движений души, не заглянул глубоко в их сердце — и не передал той внутренней драмы, какая разыгралась в них и разбила жизнь этого бедняка. Только пережитые самим писателем горькие опыты помогают глубоко видеть, наблюдать и писать чужую жизнь в ее психических и драматических процессах. Вас от горьких, потрясающих опытов охраняют пока юные годы, а всего более высокое, огражденное, обеспеченное и исключительное положение. Может быть — они и настанут когда-нибудь, а лучше бы не наставали никогда. Можно охотнее отказаться от верного творческого воспроизведения горьких и мрачных драм жизни, чем переживать их.

Ваше Высочество полагаете, что Ваше призвание в поэзии — есть особенно лирика. Может быть и так: Вы — лирический поэт по преимуществу, но это не исключает и не должно исключать эпического и драматического элемента в Вашей поэзии. В наше время, впрочем начавшееся давно, рогатки сняты. Лирическая, драматическая и эпическая поэзии — как три сестры — тасуются между собою. В эпос вторгается иногда сильная драма, или лирический порыв нарушает нередко спокойный ход повествования. Лирические излияния тоже не чужды драматизма.

Теперь Вы пока — представитель, носитель и певец — в сфере светлых, высоких помыслов и чувств, чистых и ясных видений и молитв.

Что будет далее: унесет ли Вас на своих крыльях поэзия выше и дальше от мира сего, или низведет в дольние и мрачные, реальные пучины жизни — про то скажет будущее.

Прошу извинения, что не распространяюсь далее: не могу. Глаза и нервы не позволяют. Зима,

захватившая весну и часть лета, не дали мне поправиться. Я на даче заболел, слег, но слава Богу — мог оправиться настолько, чтобы добраться домой. Теперь по вечерам вовсе не хожу со двора: астма, попросту одышка мешает дышать свежим, особенно холодным воздухом и делать моцион. Заниматься — тоже не могу, читаю газету и ничего не пишу. Вот мое старческое положение.

Я постараюсь занести около 4х часов дня это письмо и Вашу книжку. Может быть, мне посчастливится застать Ваше Высочество и встретить обычный, благосклонный, добрый и

ласковый привет.

Со страхом и трепетом жду холода и тьмы. Что Египетская тьма в сравнении с нашею северною? Та была, так сказать, театральная, балетная тьма — дня на два, на три: а наша 9ти месячная, с морозом.

Прося извинения за все написанное — с глубоким поклоном Вам и Ее Высочеству Великой Княгине имею честь быть

Вашего Императорского Высочества

всепокорнейшим слугой

Иван Гончаров

P. S. Я с удовольствием пробежал в Вашей книжке некоторые черновые стихотворения, между прочим Пигмалиона (вот эпический genre*, а как хорошо) и похороны солдата80, которые помню: это в одном роде с Уволенным. Замечу, в дополнение к вышесказанному, что содержание Уволенного бесчисленное множество раз служило темой для стихов и прозы, особенно в старое время, когда мужиков брали в солдаты на 25 лет, т. е. почти навсегда. От этого драмы не переводились в крестьянском быту.

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 30 сентября 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 227. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Мраморный дворец

(Петербург) 30 сентября 1888

Дорогой и глубокоуважаемый Иван Александрович,

по старой памяти прибегаю к вам за советом и поддержкой, зная, что ни преклонные годы, ни слабость зрения, ни болезни и телесные немощи не могут умалить вашей всегдашней доброты и снисходительности.

Но ранее чем заговорить о моей просьбе, позвольте спросить вас, как вы себя чувствуете. Кашляете ли, спите ли по ночам? Хотелось бы знать, могли ли вы воспользоваться ясными и относительно теплыми днями осени, пытавшейся ласково вознаградить нас за холод и сырость всего лета. Удавалось ли вам дышать свежим воздухом, или вас снова заперли в четырех стенах и вы боязливо поджидаете ваших злейших врагов — зимней стужи и тьмы, если не египетской, то петербургской?

Вчера я перевез свою маленькую семью из Павловска сюда и мы водворились в теплом, знакомом, вас поджидающем гнездышке.

Я бы и сам поспешил посетить вас, но ухитрился вчера, свалившись с велосипеда в грязь

Я бы и сам поспешил посетить вас, но ухитрился вчера, свалившись с велосипедом в грязь, зашибить ногу, принужден сидеть дома и не могу ехать завтра хоронить графа Адлерберга79.

Я закладываю эти строки в черновую тетрадь на том месте, на которое попросил бы вас обратить внимание. Это новый мой рассказ в стихах. Мне искренно хотелось бы знать ваше о нем откровенное мнение. Мои домашние советчики назвали стихотворение «Уволен» рифмованною прозой и порицают его за слишком мрачную развязку; говорили мне также, что мой уволенный солдат не живой образ, а бестелесная, бледная тень. Но в том-то и беда, что образа создать я не в силах и мало или вовсе не способен к эпической поэзии. На этот раз нашла на меня почему-то эпическая полоса, и я страстно ухватился за родившуюся в голове мысль, неутомимо укладывая ее в стихотворное повествование и занося поскорее на бумагу. Самому судить о собственных произведениях трудно; мне кажется, что в прилагаемом стихотворении со стороны техники заметен шаг вперед: стих гладкий, все рифмы правильны. Но о содержании судить не могу. То ли дело лирика! Там я чувствую себя в своей области, и лирические вдохновения посещают меня гораздо чаще эпических.

Простите мне это словоизвержение, но вам известно, как я дорожу вашим мнением, так же как знакома моя неизменная, сердечная привязанность.

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 8 августа 1888 г. Дуббельн // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 225—226. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

8 августа 1888

Я боюсь, что мой скромный привет со днем рождения Вашего Императорского Высочества появится в массе громких и торжественных поздравлений, как незваный гость, в блестящем кругу родных и близких Вам Особ.

Но я не могу отказать себе в душевной потребности сказать свое слово — не потому, что так принято, что я «должен» исполнить этот долг, а потому, что сердце просится выразить Вам горячие пожелания о продолжении светлой, прекрасной — смею сказать, счастливой жизни, какую Вам и Вашему Дому доселе дарует Бог.

Да благословит же Он Вас и Семью Вашу дарованными Вам благами до конца земного пути и за пределами его — «do konciu swiata u po konciu swiata»*, как говорит Мицкевич в одном стихотворении.

Надеюсь, Ваше Высочество не откажете мне благосклонно представить мои покорнейшие поздравления с «Новорожденным» — Ее Высочеству Великой Княгине Елизавете Маврикиевне: 10е Августа — такой знаменательный день для Нее, для Ваших милых чад, для всех родственных и близких Вам Особ, а также и для тех, кто имеет счастливый жребий несколько близко знать Вас, между прочим и для меня.

С радостью слежу я по газетам за благоприятными бюллетенями о здоровье Ее Величества Ольги Константиновны, после того, как Бог дал ей сына, а Вам племянника. Я от всей души горячо поздравляю про себя Августейшую Родительницу и всю Вашу Семью.

А я, по примеру прежних лет, забился сюда, в Дуббельн, но не на радость. Лето обмануло всех и здесь, как в Петербурге. Дожди, холода, изредка ясные, но опять-таки холодные дни, со свежими ветрами с моря.

Дача, где я поселился, — вся закрыта деревьями, сад большой, тенистый: как бы хорошо было в такой вилле где-нибудь на берегу Босфора, или на Комском озере. А у меня топят каждый день, благо есть печь! Говорят, будто и здесь были жаркие дни: я не заметил, видно, старикам жарко не бывает, а только тепло, и то не от солнца, а больше от сосновых дров.

Холод и сумрачная погода не дают житья, раздражают нервы и располагают — не к мирным занятиям, не к поэзии и перу, а к какой-то свирепости и человеконенавидению. Перо молчит: вот только теперь, в этом письме, я дал ему волю — простите, больше не стану. У меня и письменного стола нет, нет и кабинета, а есть спальня и гостиная, но гостей ко мне не ходит и потому она лишняя. Я жмусь в спальне около печки и жду с нетерпением конца Августа и отъезда в Петербург, находя, что удобнее зябнуть у себя дома, в Моховой, чем здесь.

Благоволите принять уверения в моей глубокой, искренней симпатии и неизменной преданности

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга

Дуббельн, близ Риги

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 23 июня 1888 г. Красное Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 225. — [Т.] V.

РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

(Красное Село) 23 июня 1888

Ваше милое письмо с поздравлением ко дням рожденья и ангела нашего первенца я получил сегодня утром в Красном Селе и спешу ответить вам нежною благодарностью, присоединяя к ней задушевные благопожелания к вашим именинам.

Мне посчастливилось удосужиться и вот я попал под вечер в семейный кружок, оторвавшись на несколько часов от лагерных занятий. Завтра утром мы хотим причастить детей, а там я снова возвращаюсь к своей роте, чтобы бродить с нею по полям и лугам, наступая на мнимого неприятеля и обороняясь от него под песню жаворонка и барабанный бой.

Возымел дерзость попытать свои силы на стихах в подражание древним; с подлинниками я не знаком, но стараюсь догадываться о них по таким же подражаниям у Пушкина, доверяясь его классическому чутью.

За сим позвольте, дорогой Иван Александрович, пожелать вам от всего сердца приятного и здорового лета где-нибудь в тишине, тепле и душевном спокойствии.

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 22 июня 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 224—225. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 22 июня 1888

Благоволите, Ваше Императорское Высочество, вместе с Ее Высочеством Великою Княгинею, принять мои сердечные, покорнейшие поздравления с наступающими днями рождения и тезоименитства Вашего дорогого первенца, Князя Иоанна Константиновича.

Не повторяю моих неизменных горячих пожеланий всевозможных в жизни благ — и Вам

Не повторяю моих неизменных горячих пожеланий всевозможных в жизни благ — и Вам, Родителям, и милым чадам Вашим, этим лучшим, самым поэтическим Вашим произведениям! Что может быть изящнее, грациознее детства! Младенцы — это цветы человечества! Позвольте также просить Ваше Высочество повергнуть перед Ее Величеством Ольгой Константиновной выражения моей глубокой, почтительной признательности за ее благоволительный прием, которого Она меня удостоила и которого я не забуду.

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга

И. Гончаров

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 16 июня 1888 г. Село Красное // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 224. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Лагерь под селом Красным

16 июня 1888

Дорогой Иван Александрович, благодарю вас за милые строки от 14 числа, в которых вы искренно обрадовали меня надеждой на возможность видеть вас в Павловске. Присутствие гостей никак не может помешать принять вас с распростертыми объятиями: состояние здоровья сестры не позволяет ей часто и надолго отлучаться из дому, она помещена вдали от моей свояченицы и ее мужа, так что надо предположить особенно неудачную случайность, чтобы нельзя было с вами повидаться. Но если вам неудобно предупредить о приезде, то вы нас лишите удовольствия оказать вам еще более радушное гостеприимство, выслав вам лошадей на станцию. Не смущайтесь только слабостью зрения и слуха: потрудившись на пользу и славу нашей родной словесности, вы заставляете нас ради этих немощей относиться к вам с еще большею заботливостью, а потому доверьтесь нашим о вас попечениям и примите их как должную вам дань. Чем древнее и немощнее вы будете, тем участливее и нежнее мы вас обласкаем.

Муза ко мне как-то особенно благосклонна; я написал еще одно стихотворение после предыдущего письма. Эти слабые отблески и отголоски летнего солнца, светлых ночей, цветов, соловьиной песни и шепота душистой листвы я вверяю А. А. Шеншину (Фету), внимательному моему наставнику и пестуну моей лирики. За последнее время я зачитываюсь его стихами, находя в них все более и более прелести, понимания природы и задушевной красоты.

До свидания, милый Иван Александрович, и надеюсь, до скорого.

Пожалуйста, если только возможно, выберите для приезда в Павловск воскресный или праздничный день.

Искренно вас любящий

Константин.

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 4 июня 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 221—222. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

Суббота

(Петербург) 4 июня 1888

Ваше Императорское Высочество конечно изволили получить сегодня мою телеграмму, в которой я прошу извинить меня, что не могу приехать завтра в Павловск. Меня с зимы почти не покидает лихорадочное состояние, и доктор запрещает мне показываться после 6ти часов вечера на воздух даже здесь, в городе. Я собирался ехать в Гунгербург и удержал за собой прошлогоднюю дачу, но должен был отказаться от этого намерения за отсутствием тепла в природе и за присутствием катара во мне.

Но вместе с тем, как я счастлив Вашим добрым ко мне вниманием — и как мучаюсь тем, что не знаю, как выразить Вашему Высочеству мою глубокую благодарность — и за Ваши ласковые, прекрасные письма и за предлагаемую мне высокую честь быть представленным Ее Величеству Королеве Эллинов, честь, которою, к моему горю, я воспользоваться не могу в настоящее, и боюсь, также на будущее время!

Между тем у меня давно заготовлен экземпляр моих сочинений, который я, перед получением Вашего нынешнего письма, только что готовился отнести в контору Мраморного дворца, для доставления в Ваши руки в Красное Село или в Павловск, чтобы через Ваше благосклонное посредство поднести книги Ее Величеству от моего имени.

У меня заготовлено об этом особое письмо, (которое завтра пошлю заказным) к Вашему Высочеству, где я подробно объясняю мотивы, почему я не могу исполнить этого теперь сам. Надеюсь, что Ее Вво и Вы благосклонно простите меня. То письмо запечатано: я не вскрою его и представлю Вам как оно было написано третьего дня. — Боюсь только, что и мои письма и книги явятся невпопад по случаю нового печального события в Германии77, которым теперь озабочены вообще, в Вашем, высшем кругу особенно. Теперь — не до книг и не до нас, маленьких людей.

Между тем я успел прочесть присланное Вами новое стихотворение, хорошенькое, легкое как птичка, как крик веселого жаворонка. Читая его — как будто вдохнешь в себя струю воздуха «зеленых лугов» Вашей лагерной стоянки.

Не найдете ли Вы сами, что нужно бы как-нибудь заменить эпитет «пошлых забот» другим? Не все заботы в «шумном свете» пошлы: есть много необходимых и полезных, даже почтенных, которые приходится нести большинству людей, лишенных возможности дышать свежим воздухом «зеленых лугов».

Простите за это беглое и — может быть — пустое, неверное замечание: в нем я, должно быть, бессознательно почувствовал несколько брезгливое отношение поэта к черновой работе трудящегося люда, как отношение Крыловского Орла к трудолюбивой Пчеле.

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга

И. Гончаров

P. S. В Мраморный дворец для препровождения к Вашему Высочеству доставлены будут три главные мои сочинения: «Обыкновенная история», «Обрыв» и «Обломов». «Фрегата „Паллады“» в достойном для поднесения переплете, в настоящее время не имеется.

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 3 июня 1888 г. Красное Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 221. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Красное Село 3 июня 1888

Милейший Иван Александрович,

сестре моей очень желательно с вами познакомиться, и мы всей семьей просим вас приехать к нам в Павловск в воскресенье 5 июня, с поездом, отходящим из Петербурга в 2 часа. Но не затруднит, не утомит и не обеспокоит ли вас такая поездка? С другой стороны, зная, что вы остались в душном и пыльном городе, хотелось бы заманить вас на свежий воздух.

На Павловской станции вас будут ждать лошади и если, побывав у нас, вам захочется прокатиться по саду, они будут в вашем полном распоряжении на какой угодно срок. Пожалуйста, не откажите нам в удовольствии вас видеть. Позволяю себе присовокупить свое последнее стихотворение.

В ДЕЖУРНОЙ ПАЛАТКЕ

Снова дежурю я в этой палатке;

Ходит, как в прежние дни часовой

Взад и вперед по песчаной площадке...

Стелется зелень лугов предо мной.

Здесь далеки мы от шумного света,

Здесь мы не ведаем пошлых забот:

Жизнь наша делом вседневным согрета,

Каждый здесь царскую службу несет.

Вот отчего мне так милы и любы

Эти стоянки под Красным Селом.

Говор солдатский веселый и грубый,

Шепот кудрявых березок кругом,

Эта дежурная наша палатка,

Этот зеленый простор луговой...

В лагерной жизни труда и порядка

Я молодею и крепну душою.

Простите за непрошенное навязывание вам плодов лагерного вдохновения и порадуйте нас послезавтра любезным посещением.

Искренно и неизменно вас любящий Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 1 июня 1888 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 219—221. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

Петербург Ваше Императорское Высочество,

Простите, что я до сих пор не поблагодарил Вас за Ваше благосклонное ответное письмо на поздравление со Днем Вашего Ангела. Я был и есмь нездоров и подавлен, даже могу сказать, раздавлен — прежде всего этой псевдо-весной, должность которой исправляет осень, а весна и лето по-видимому, находятся в бессрочном отпуску.

Несмотря на угрюмое небо, Ваше письмо все-таки меня порадовало, да и прежде того, Вы несказанно порадовали меня, упомянув, при последнем свидании, вскользь, что Августейшей Вашей Сестре, Королеве Эллинов, не безызвестны мои сочинения и что Она изволит придавать им некоторую цену. Это почетная награда писателю: можно сказать занесенный на север с родины лавров один лавровый листок, грациозно брошенный на мою голову.

Это дает мне счастливый повод и смелость просить Вашего благосклонного посредства для поднесения Ее Величеству экземпляра «Обломова», «Обрыва» и «Обыкн. истории», которые я позволю себе представить в Контору Мраморного дворца, для препровождения в собственные руки Вашего Высочества.

Не смею и думать искать чести самому исполнить этот приятнейший долг — прежде всего по старости. Кажется, я один из самых старых стариков на нашей планете — и древнего и нового времени. Были когда-то Мафусаил, Иаред, покойный император Вильгельм76, есть еще престарелая, свыше 90 лет, чиновница в Коломне, у Покрова, а потом уже следую я. — И в газетах недавно назвали меня чуть не 80 летним старцем.

Но не по одной только старости я не смею просить об аудиенции Ее Величества, а еще и по недугам: я слаб на ногах, слаб зрением, но зато крепок на ухо. Когда мне говорят в трех шагах от меня, я не все слышу и принужден переспрашивать, а это невозможно. «Это ничего!» — иногда снисходительно говорят мне знакомые: им, конечно, «ничего», но я конфужусь и про себя мучаюсь — оттого не смею являться почти никуда в свет, тем более перед Высокими Особами...

Вот мое положение и мои мотивы, по которым решаюсь искать авторитетного посредства Вашего Высочества для поднесения моих книг Ее Величеству Ольге Константиновне.

Если же бы Вы изволили найти это почему-либо Вам неугодным — благоволите простить меня за смелость и оставить дело без движения.

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга

1го июня 1888

И. Гончаров

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 23 мая 1888 г. Красное Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 219. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Красное Село 23 мая 1888 г.

Дорогой Иван Александрович,

от всей души благодарю вас за милую память и благопожелания ко дню моего Ангела. Хотя доброе письмо ваше я получил еще 20го, но до сих пор не мог найти времени отвечать вам.

Я боюсь, что мне никогда не удастся убедить вас, что каждая строка из-под вашего пера, не говоря уже про личное посещение, приносят и жене и мне только самое большое удовольствие и

неподдельную радость. Никакие сильные мира сего не могут помешать нам встречать вас всегда и неизменно с распростертыми объятиями, как милого и дорогого человека. Напрасно же боитесь вы, что ваш голос мог бы нарушить стройность гармонического хора приветствий, услышанных мною в день именин. Голосов этих, если только можно так назвать поздравления по телефону, было более осьмидесяти; но без вашего этот хор был бы для меня не полон. Своим задушевным голосом вы завершили полноту созвучия и мне остается только выразить вам самую сердечную признательность за постоянное внимание и расположение.

Желаю вам приискать удобное и приятное местопребывание на лето и прошу не поминать лихом искренно вас любящего

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 19 мая 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 218—219. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург)

Ваше Императорское Высочество!

Благоволите благосклонно принять мои почтительнейшие поздравления с наступающим днем Вашего Ангела.

Не выражаю своих пожеланий — они неизменно те же: творю про себя обеты и теплые молитвы о Вашем и всего Вашего Дома счастии, благосостоянии, процветании и блеске на всех путях Вашей жизни... и между прочим на пути... поэзии.

Смею ли просить повергнуть перед Ее Высочеством Великой Княгиней выражения неизменного моего глубокого почитания и преданности и мои покорнейшие поздравления?

Поспешаю этими строками забежать вперед и предупредить день 21го Мая, чтобы мое смиренное приветствие не пришло в самый этот день и не произвело диссонанса в гармоническом хоре приветствий, которыми в праздник Св. Константина осыплют Вас, как цветами, близкие и дорогие Вашему сердцу Высокие Особы Царского Дома, дорогие также и всем нам Русским людям.

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга

19 мая 1888

И. Гончаров

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 2 мая 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 218. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург)

Ваше Императорское Высочество!

Я не мог и не смел являться перед Вами и перед Ее Высочеством Великой Княгиней — ни до

праздников, ни во время праздников: не смею и не могу еще и теперь этого сделать — потому что одержим нескончаемым гриппом, кашлем, еле хожу, шатаясь — словом, никуда не гожусь!

От меня землей пахнет!

Выходя для воздуха из дома — я опираюсь на кого-нибудь, девочку или мальчика, ее брата, иначе бы, пожалуй, пошатнулся.

Благодарю, о как горячо благодарю Ваше Высочество за милый, прекрасный подарок Себастиана. Когда Вы — или другие особы из Ваших вспомнят обо мне, тогда ко мне, в убогую темную келью, как будто проникает ласковый и веселый луч солнца.

Нет! — Я перечту, и не раз, Себастиана, и, вероятно, во мне совершится такая же перемена во взгляде на поэму, какая совершилась по поводу картины, ближе и внимательно мною рассмотренной. Я был строг к поэме, и еще больше строг к картине, которую осудил, а потом вернулся к более покойному, устойчивому, лучшему впечатлению от того и другого произведения.

Девочку я позвал, передал ей благосклонное слово Вашего Высочества (она вспыхнула от радости, глядя на книгу), но я передам ей подарок не теперь, а когда перечитаю, поверю свое впечатление — и может быть, если будут силы и здоровье, изложу, с Вашего позволения, в письме к Вам.

Простите, что я еще пока не могу придти сам поклониться Вашим Высочествам: меня душит даже и весенняя стужа: тепла нет как нет!

Примите Ваше Высочество благосклонно мою благодарность и выражение чувств душевной к Вам и к дому Вашему привязанности.

Вашего Высочества всепокорнейший слуга

2 мая 1888

И. Гончаров

P. S. Я все еще здесь — и не знаю, когда и куда денусь летом. Лета, немощи, душевная усталость, вместе с разными petites miseres de la vie humaine* — совсем одолели меня.

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 3 февраля 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 216—217. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Мраморный дворец

(Петербург) 3 февраля 1888

Милый Иван Александрович,

от души жалею, что не мог лично поблагодарить вас вчера за Воспоминания и очерки. Неужели вы действительно думаете, что на прочтение их я не найду времени? Вы и то уже подвергли меня немалому испытанию, запретив читать начало, пока не выйдет февральская книжка «Вестника Европы».

И жена и я пеняем на вас за то, что вы постеснялись зайти к нам вчера — в чем были: не надо нам

вашего фрака и нам было бы дорого, если б вы появились у нас запросто, без праздничных одежд.

Прилагаю коротенькое стихотворение. Муза не благоволит ко мне во мрак и стужу, которые и вам так несносны; эти последние стихи вылились как-то случайно и против обыкновения.

***

Не говори, что к небесам

Твоя молитва недоходна;

Верь: как душистый фимиам

Она воздателю угодна.

Когда ты молишься, не трать

Излишних слов; но всей душою

Старайся с верой сознавать,

Что слышит Он, что Он с тобою.

Что для Него слова! — О чем

Счастливый сердцем иль скорбящий

Ты ни помыслил бы, о том

Ужель не ведает всезрящий!

Любовь к Творцу в душе твоей

Лишь бы пылала неизменно,

Как пред иконою священной

Лампады теплится елей.

Простите за непрошенные строки; я знаю, вам трудно читать и писать, пока не настали дни тепла и света, а потому прошу вас не отвечать, если вам не по себе.

Искренно к вам привязанный и любящий вас Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 2 февраля 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 216. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 2 февраля 1888

Представляя при этом два экземпляра отдельных оттисков моей статьи под заглавием На Родине, помещенной в январской и февральской книжках Вестника Европы, имею честь всепокорнейше просить Ваше Императорское Высочество: один экземпляр удостоить места в Вашей библиотеке, а другой представить от меня Вашему Августейшему Родителю. Его Высочество

библиотеке, а другой представить от меня Вашему Августейшему Родителю. Его Высочество всегда удостаивал благосклонного внимания мои литературные труды: может быть, благосклонно примет и эту безделку.

Не знаю, найдете ли Ваше Высочество свободный час пробежать эти страницы, по-моему, они мало интересны, хотя меня с разных сторон стараются уверить в противном. Но я недоверчив и строг к самому себе. Если я не решаюсь лично представиться Вам, а также Великим Князьям Сергию, Павлу Александровичам и Дмитрию Константиновичу (у меня пока только и есть пять переплетенных экземпляров), то это единственно потому, что я живу еще под гнетом мрака и морозов, никуда не выезжаю, парадного костюма не надеваю, и только недавно начал появляться на воздухе и дышать свободно, без кашля.

Поэтому мне трудно уловить удобный час и явиться, не боясь обеспокоить таким неважным делом, как представление брошюры.

Благоволите извинить меня перед собою, а также перед их Высочествами, что являюсь с маленькими приношениями не сам (т. е. сам, но только до швейцарской). Подожду еще побольше тепла и света, а в ожидании этого осмелюсь просить не отказать мне в благосклонном обо мне воспоминании.

Вашего Императорского Высочества

всепокорнейший и неизменно преданный слуга

И. Гончаров

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 17 сентября 1887 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 207—209. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 17 сентября 1887

Приношу глубокую и сердечную благодарность Вашему Императорскому Высочеству за доставку нового Вашего произведения и за добрые, теплые выражения Вашей и Её Высочества постоянной, чарующей меня благосклонности.

Я сразу, вслух прочел «Севастьяна» при моей воспитаннице — и она, краснея от удовольствия, не смигнув — прослушала ее и потом просила «списать»; я конечно не дал, но по ней поверил произведенное на меня впечатление.

Успех верный и значительный: силы очевидно развиваются и крепнут.

На прилагаемом при сем листке я сделал несколько общих замечаний о поэме, торопясь и боясь опоздать к назначенному сроку, к воскресенью. Надеюсь, что Вы благодушно примете их и извините за краткость беглого отчета. Времени мало и глаза мешают. На меня наступают два мои врага: тьма и холод. Первая мешает читать и писать, а втор(ой) — дышать. Не знаю, как я переживу осень и зиму. В холод на грудь мне ложится тяжелый камень, которого до наступления летних дней не сдвинешь ничем.

Но полно плакать, не стану, а буду ожидать возвращения Вашего Высочества, в надежде прочесть Вам свои очерки, по Вашему благосклонному обещанию прослушать их.

Позвольте пожелать Вам счастливого и спокойного путешествия на радостное торжество серебряной свадьбы и весело возвратиться домой, в Ваш изящный, семейный приют, где я в ноябре надеюсь поцеловать ласково протянутую мне руку Ее Высочества и с чувством глубокой

и неизменной преданности пожать обе Ваши руки.

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга И. Гончаров

В поэме «Святой Севастьян» автор обнаруживает значительные успехи в технике против прежних произведений. В авторских приемах больше уверенности, стих, особенно в первой половине, стройный, звучный, отделанный, нет многословности, больше сдержанности. Римская ночь изображена поэтично, мягко, нежно, без лишних подробностей.

Поэма, по форме и по сюжету, принадлежит прошлому, к эпохе Байрона, Шиллера, к ранним произведениям наших — Пушкина, Лермонтова и их тогдашних подражателей. И я смотрю на нее, как один из этапов, может быть, последний этап, к совершенно сознательному и самостоятельному творчеству, без преобладания лирического чувства в ущерб силе мысли и фантазии.

Поэма несколько длинна, растянута: более сжатая и сосредоточенная на некоторых местах, она бы выиграла в силе, например, в изображении момента, когда Севастьян, непременно силою веры, одолевает физическую муку и т. п. Эта борьба духа с немощью тела ускользнула от живописца-колориста, который, изображая святого с стрелой в груди, очевидно задавался целью написать прекрасное животрепещущее тело... в чем и успел, но мученика не изобразил. Оттого у него, как мне кажется, и вышел «франт-святой», как будто позирующий перед художником.

Я не знаю римской легенды о Святом Севастьяне, и потому не могу решать, что в поэме заимствовано из жития этого святого и что принадлежит фантазии поэта. Например, какие это две жены, которые купили тело у нумидийской стражи: такие же благочестивые христианки, как две «мироносицы», или близкие, дорогие сердцу Севастьяна женщины? Это неясно. Не довольно также ясно и то, живого или мертвого купили они, и выздоровевший ли от ран, или оживший благодатию веры появляется он над мраморной аркадой в окне и грубиянит цезарю вновь, как будто позируя, хвастливо задирает его, тогда как мог бы прямо идти к братьям-мученикам и погибать с ними, не угрожая ему бессильно гневом Христа, которого тот не признает.

Еще: кто этот «юный вождь», который собирает «дружины и ведет», под «стягом креста» для победы на Тибре? Есть ли все это в предании о житии Севастьяна, или создано фантазией поэта — во всяком случае это не ясно, недомолвлено.

По-моему, поэма кончается на 76 странице, 47 строфою и служит прекрасной иллюстрацией известной картине этого мученика.

Я бы, если б писал эту поэму, кончил бы ее тут. Все, что следует далее — несколько ослабляет силу первой части, т. е. силу трагической участи святого, который бессильною угрозою не пугает и не убеждает Цезаря, спокойно идущего вслед за тем на травлю христиан зверями.

Мелочи: 1. на стр. 69 о Венере сказано: «неземным резцом изваяна». Каким же, если не неземным?

Бесподобная жена: эпитет «бесподобная» кажется тут тривиален. 2. Шестикрылый херувим (стр. 73) или Серафим? Это есть и у Пушкина: но зачем это определенное число крыльев небожителя? Как-то странно выходит. 3. На стр. 75 три раза «уж» повторено в близких друг к другу стихах.

Все же эта поэма читается с большим увлечением — как я ее читал: зная предшествовавшие опыты, невольно скажешь, что это — на трудном пути эстетического развития искусства — большой шаг вперед, несмотря на относительную слабость второй половины поэмы против первой.

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 15 сентября 1887 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия

ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 207. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

(Петербург) 15 сент(ября) 1887

Многоуважаемый, милый и дорогой Иван Александрович, почти два месяца прошло со дня, когда я получил ваше последнее письмо, а я до сих пор ни единой строчкой не выразил вам радости,

наслаждения и благодарности, которыми оно меня преисполнило. Говорю откровенно, что это ваше письмо было чуть не событием в моей жизни за это лето, — так сильно подействовали на меня и согрели мне душу ваши добрые слова. Я не отвечал вам так долго по многим причинам: лагерные занятия, ученья и маневры в Высочайшем присутствии, отъезд сестры63 и переселение в Павловск отвекли меня от переписки с вами, переписки, которою я так дорожу. Но главною причиной моего молчания было следующее: я кончал и отделывал свою поэму, первое свое крупное произведение. Оно давалось мне с большим трудом и мне до сих пор не верится, что я довел свой труд до конца. Со страхом и трепетом посылаю вам «Севастиана-мученика», надеясь, что вы не откажетесь искренно и не жалея моего самолюбия высказать ваше суждение. Очень боюсь, что вы моего воина-страдальца найдете только красивым франтом, позирующим в живой картине, таким же, каким он показался вам на старой картине в одной из моих комнат.

Собравшись с духом и махнув рукой, решаюсь представить его вам, предупреждая, что это произведение мне бесконечно дорого, как взлелеянное в душе в течение долгого времени. По миновании надобности прошу вас послать рукопись в контору Мраморного дворца и если возможно, до воскресенья, так как в начале будущей недели мы с женой уезжаем на два месяца за границу. В октябре, в Альтенбурге будет праздноваться серебряная свадьба родителей жены. Вернемся мы в Петербург, вероятно, в двадцатых числах ноября и тогда, надеюсь, вы по своему обещанию прочтете у меня ваши новые рассказы.

А пока крепко жму вам руку и прошу верить моей искренней, постоянной и неизменной к вам привязанности.

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 21 июня 1887 г. Гунгербург, Усть-Нарва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 197—199. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

Гунгербург, Усть-Нарва 21 июня 1887

Позвольте, Ваше Императорское Высочество, напомнить о себе по поводу дня рождения и тезоименитства Вашего Августейшего Первенца, и принести Вам и Ее Высочеству Вел. Княгине мои сердечные поздравления, с горячими пожеланиями светлой, блестящей, счастливой жизни Новорожденному!

День тезоименитства малютки-князя, к великому моему удовольствию, совпадает с моими именинами — и я, в кругу своих друзей и знакомых, поднял бы бокал за здоровье Именинника и его Родителей, если б были здесь друзья, знакомые — и вино.

Но этого ничего нет: пива, квасу, уксусу и т. п. сколько угодно, водки тоже, но вина нет. Я не тужу об этом, а также и об отсутствии знакомых: они нарушали бы глубокий мир и тишину здешней приморской деревни. Она вся прячется в сосновом лесу. Дома и домики, как хутора в Малороссии (которых я никогда не видал) окружены садами и садиками. Тишина невозмутимая!

Все это хорошо, но не достает одного, главного: русской церкви. А Русских людей здесь немало, и дачников, и простых людей, рабочих, извощиков. Русская речь превозмогает немецкую и говор природных жителей, Чуди белоглазой. Петербург по соседству, почти совсем поглотит Нарву. Впрочем отсюда до Нарвы только три четверти часа езды на пароходе по р. Нарве, так что желающим помолиться по-русски стоит сесть и прокатиться.

Название Гунгербург (Hungerburg)* звучит немного грозно: население, за отсутствием рынка, питается провизией, разносимой и развозимой по дачам разносчиками. Если бы они почему-

нибудь вздумали не явиться, то, пожалуй, можно претерпеть Hunger**. Но здешняя история подобных примеров не представляет. «Глада», также «труса», «потопа» никто не помнит, зато «огонь» бывает: в прошлом году пожар истребил половину местечка, но оно не пришло в уныние, а храбро отстроилось и отдает в наем неокрашенные и неоклеенные обоями, досчатые домики.

Теперь позвольте предложить Вашему Высочеству нескромный вопрос: что делает Ваша Муза? Творит ли, или покоится на лоне природы и семейного благодушества? Если и так, если она беззаботно почивает в семейном лоне, то это тоже есть «благая часть»45 — и ах, какая благая! Она не только не мешает Музе, но даже побуждает ее к творчеству!

Вот — у меня хотя никакого лона нет, но я похвастаюсь, что тоже сотворил кое-что: и именно написал несколько рассказов или очерков, начав их еще в Петербурге46. Я читал их некоторым «сведущим людям», потому что у меня нет самообольщения, а напротив, есть недоверие к себе — до трусости. «Сведущие люди» нашли очерки «очень живыми», напоминающими, будто бы, «мое перо прежних лет». Это не мои, а их слова, оттого и вставлены мною в скобках. — Рассказы эти назначены для иллюстр. журнала Нива, к январю. Они должны окупить мне дачу и все мое летнее житье.

Относительно этих рассказов — у меня есть следующая мечта. Когда осенью Ваше Высочество и др. Великие Князья воротятся на зимнее житье в Петербург, я — страх как — желал бы прочесть очерка два из вновь написанных Вашему Высочеству и Их Высоч. Сергею, Павлу Александровичам и Дмитрию Константиновичу: причем желательно бы было для меня присутствие, например, Д. С. Арсеньева47 и И. А. Зеленого. — Говорят, мое чтение этих очерков таково, что они выигрывают на сто и более процентов.

Может быть, Вы и Их Высочества изволите найти возможным уделить мне час-другой для прослушания, чем много утешите старика.

Для Ее Высоч. Великой Княгини, и вообще для дам, это чтение не представляет интереса — по причине мелких, малоизвестных им действующих в рассказах лиц.

Простите меня, Ваше Высочество, великодушно за болтовню — и благоволите принять мои почтительные и сердечные поклоны Вам и Ее Высочеству вместе с выражениями глубочайшей, неизменной преданности

Вашего Высочества всепокорнейшего слуги

Дача баронессы Притвиц

И. Гончаров

Жена просит вам очень кланяться и пожелать здоровья.

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 11 апреля 1887 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 197. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург 11 апреля) 1887 Суббота, вечер на Светлое

Христово Воскресенье

Боже мой! Какое неожиданное красное яичко!

Слов нет у меня выразить Вашему и Ее Императорским Высочествам чувства глубочайшей, почтительнейшей симпатии и живейшей признательности за новый, драгоценный знак Вашей и Ее Высочества ко мне благосклонности!

Вы не только простили меня за мое придирчиво-критическое мнение, но еще великодушно одарили меня великолепными изображениями Ваших прекрасных Лиц!

Какая прелесть! Какой подарок!

И я, несчастный, жалкий, больной, не смею ласкать себя скорою надеждою предстать на праздниках перед Ваши Светлые Очи — дорогой мне супружеской четы, потому что недуг не позволяет выходить со двора. Я неистово кашляю, ничего не ем — и осужден сидеть, особенно по вечерам, дома. Сегодня едва нашел время причаститься Св. Таин, а завтра, вместо разговения, опять за пилюли и воду Виши!

Боюсь задержать Вашего посланного и поспешаю отправить эти беспорядочные благодарные строки, повергая себя и мои поздравления и горячие пожелания счастья, которого так заслуживает прекрасная высокая, светлая Чета, благосклонности

Ваших Императорских Высочеств

неизменно преданный, глубоко признательный,

всепокорнейший слуга

И. Гончаров

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 1 апреля 1887 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 193—196. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 1 апреля 1887

Прежде всего позвольте благодарить Ваше Императорское Высочество за доверие к моему вкусу и мнению. Я прочитал 13 стихотворений — это целый букет свежих цветов — и про себя сделал несколько замечаний, которые предпочитаю изложить письменно42, потому что лично кое-что забудешь, иное не решишься сказать, притом мне нездоровится, я от слабости насилу ноги таскаю, кашляю, почти не ем.

И новые стихи отличаются типическими свойствами Вашей искренней, нежной, любящей натуры. Какою теплотою и сердечностью проникнуто, например, Ваша напутствие Велик(ому) Князю Александру М(ихайловичу)43. Эта душевность разлита и в других стихотворениях: молодость эгоистична и экспансивна, она любит делиться со всяким своим избытком чувств. Вступая в зрелую пору, она уже сдерживает себя, не расплывается, делается трезва и скупа на сентименты.

Таких стихотворений есть несколько, между прочим — Помнишь ли ты, как бродили мы по полю, или молитва Научи меня, Боже, любить, потом Благослови меня. Пронеслось мимолетной грезой — слишком лично субъективное стихотворение и бессодержательное. Автор говорит, что он «отдохнул уставшим умом» (от чего отдохнул — читателю неизвестно), что он «благодарен судьбе за лучезарный (нрзб.) сон и светлые минуты»: опять не видно, какой это сон и какие минуты?

Вообще в этом букете есть несколько хорошеньких, местами трогательных стихотворений, но мало образов, идей. Впрочем, в стихотв(орении) Le bon vieux temps* есть несколько деталей в описании природы, напоминающих Фета44, хотя опять не видно, почему автору дорого это старое время.

Кажется, если не ошибаюсь, для Вашей музы наступает пора самообладания, зрелости мысли, сознательного взгляда на жизнь и ее значение. Когда эта сила, т. е. сознание окрепнет, тогда из-под нее явится для выражения ее и кованый стих. И здесь стих довольно отчетлив, сильнее прежнего, хотя встречаются вялые, прозаичные выражения, наприм(ер) в стихотвор(ении) Помнишь ли ты, как мы бродили по полю — сказано: «Я отвечал тебе нравоучениями, что этим полем бродить и т. д.» Это мало похоже на стих, скорее проза. В стихотвор(ении) Весна есть тоже строка: «И незамеченный, которою она и т. д.» Это прозаично, и все стихотворение несколько длинно.

Два стихотворения обращают на меня особенное внимание: 1) Не ждал я, признаюсь, такого одобрения — и 2) Колыбельная песенка.

Первое — очень оригинально и, простите, нескромно. Вы здесь собрали в один букет все hommages*, которыми со всех сторон приветствовали Ваш сборник (Я поздравления слышу ото всех... Боятся, чтобы я не возгордился.) Стихи эти прозаичны и потом кто боится — читателю неизвестно.

Но это неважно: а вот где — противоречие — указав на друзей Вашей музы (между прочим, сделали и мне честь), Вы потом переходите к генералам, министрам, статс-секретарям (это все прозаично и проникнуто некоторой иронией), которые хотят читать Вашу книгу (даже упомянули, сколько экз(емпляров) роздано).

Вы затем восклицаете: Мне слава кажется ничтожной Перед сознаньем, что свою задачу выполнил я честно. Что? мне хвала толпы людской. Потом: что дар чудесный своею дивною ценой — и утешенье и отрада И несравненная награда Мне за священный подвиг мой.

На это все — (не я, и не генералы и статс-секретари, конечно), а критика может упрекнуть Вас за то, что Вы друзей Вашей музы смешали в одну безличную толпу, к которой относитесь как будто несколько высокомерно.

О стихах «свою задачу выполнил я честно» — она, т. е. критика, заметит, что эта задача только что начинается и оценять выполнение ее будет та же толпа, к которой Вы относитесь свысока, а толпа c'est tout le monde**. И эта же толпа назовет (а не Вы сами) и Ваш подвиг священным, когда Вы его... выполните.

Зато другое стихотворение Колыбельная песенка чудесно, грациозно, нежно. Печальный взгляд Божией Матери, обращенный к ребенку с предвидением жизненного горя — прелесть. Это сравнение подсказало Вам Ваше родительское сердце. Здесь только, кажется, один эпитет неверен слепое (чувство веры): младенческое — так, но не слепое: это большая разница в деле веры.

Я не стану менять ничего из написанного здесь, да и не мог бы, если б хотел, так мне нездоровится, еле держу перо.

«Строго, придирчиво!» скажете, может быть, Ваше Высочество: из глубокой симпатии к Вам, мне, как старшему, старому, выжившему из лет педагогу и литературному инвалиду, вместе с горячими рукоплесканиями Вашей музе, хотелось бы предостеречь Вас от шатких, или неверных шагов — и я был бы счастлив, если б немногие из моих замечаний помогли Вам стать твердой ногой на настоящий путь поэзии.

Писание стихов увлекает многих, потому что самое писание их есть уже искусство само по себе,

и покорить его нужно много сильной работы, даже таланта. Но и на этом пути есть много званых, но мало избранных. Нередко те, кому дана лира (или кто сам взял ее), остаются при одних стихах, без поэзии. Как в музыке играющих на фортепиано множество, но не все доигрываются до настоящей музыки. Впрочем — к утешению поэтов должно заметить, что часто в одной уже форме стиха, независимо от глубины содержания, есть такая прелесть поэзии, которая нередко важнее самой идеи. Какая масса таких сочинений, чисто лирических, субъективных, у Пушкина, Лермонтова, Фета, Майкова, Полонского и — еще очень у немногих. Они умеют находить поэзию, часто — в листке, бабочке, птичке, ручье, ниве, etc., etc., т. е. уловлять ее искры и указывать их — не видящим без их указаний.

Что такое поэзия — это безбрежный, неисчерпаемый океан: у кого есть поэтическое око и чувство, тот видит ее в себе и во всех явлениях около. Другие например, Лермонтов, добывают ее из глубоких недр жизни и своей собств(енной) натуры. Но на эту тему никогда не кончишь писать.

Если изволите припомнить, я указал при первых шагах Вашей музы — где в ней признаки поэзии: именно в нежных чувствах, в страстном влечении к искусству, т. е. ко всему, что есть прекрасного, изящного, великого в природе и жизни. Вы так чутко относитесь к этому изящному (во всем) и — притом так искренно, что сама природа создала Вас прямо поэтом по латинской пословице: poetae nascuntur*. Вы действительно рождены с огнем поэзии. Остается чутко всматриваться, вслушиваться, с замирающим сердцем, где — она, в ее звуке точнее приметы, заключать в стих, или прозу (это все равно: стоит вспомнить тургеневские стихотворения в прозе) и — творить — и может быть — или пленять прелестью формы, или, «глаголом жечь сердца людей» — со временем... Искренних поэтов, кажется, и много, но у большей части из них эта искренность — не искренняя; они художественно, иногда очень сильно (напр. Пушкин, Лермонтов и некотор(ые) другие) подделываются под искренность, но под нею иногда таится равнодушие. Например, Тургенев был самый равнодушный ко всем и ко всему в душе человек, но тонко наблюдательный художник, умевший находить искры поэзии во всем, особенно в природе. Выше всего он ставил свой талант и самолюбие. У других тоже много напускной искренности и таланта. Только Пушкину, Лермонтову давалось будить в себе чувство и то не всегда, а из новых искреннее всех я нахожу Фета, Полонского, графа Кутузова и еще немногих. У Вашего Высочества — это драгоценный, природный дар.

Надеюсь, Ваше Высочество простите за это письмо. Меня следует простить: я, во-первых, болен, даже нет сил переписать написанное, а — во-2х — я готовлюсь к исповеди и Св. Причастию — не знаю только достанет ли сил. К сожалению — я не могу присутствовать на всех церковных службах и не знаю, буду ли также счастлив, чтобы придти на праздник до Ваших дверей и повергнуть перед Вами и Е. И. В. Великой Княгиней мои почтительные поздравления.

Вашего Императорского Высочества

всепокорнейший слуга

Иван Гончаров.

P. S. Я замедлил своим ответом, потому что ожидал из Редакции Вестника Европы нескольких оттисков своей статьи из Университетских воспоминаний, которая должна выйти только завтра,

отрывков своей статьи из университетских воспоминаний, которая должна выйти только завтра, 1 апреля, а сегодня она пока еще — контрабанда и потому помечена завтрашним числом. Статейка эта так пуста и бессодержательна, что я едва решился представить ее Вашему Высочеству, но однако решился и имею честь приложить ее при этом, вместе с возвращением Ваших 13 стихотворений. Не извольте искать в ней ничего прежнего, моего, кроме имени. Не знаю, решусь ли я представить ее Вел. Кн. Сергию, Павлу Александровичам и Дмитрию Константиновичу — я думаю — нет, слишком плохо, и Вашему Высочеству подношу — не как Велик(ому) Князю, а как литератору. Отдать ее в печать я решился, уступив только настояниям редакции.

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., март 1887 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 193. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

(Петербург) март 1887

Многоуважаемый Иван Александрович,

когда я имел удовольствие навестить вас, вы изъявили согласие познакомиться со стихотворениями, написанными мною по издании сборника и, следовательно, не вошедшими в его состав.

Пользуясь вашей благосклонностью и даже, может быть, злоупотребляя ею, прилагаю целых тринадцать стихотворений; простите мне такую назойливость. Но зная, как я дорожу вашим мнением, вы, вероятно, не откажете мне выразить его со всею откровенностью, словесно или письменно. Нам — начинающим — необходимы строгие, справедливые пестуны и потому-то я и решаюсь тревожить вас. Старушка Александра Ивановна41, напоившая меня у вас таким вкусным чаем, наверно, осудит меня за то, что я утруждаю ваше слабое зрение и будет совершенно права; но в свое извинение скажу, что желание знать ваше мнение слишком сильно и заглушает во мне все остальные соображения.

В надежде скоро с вами свидеться крепко жму вам руку.

Константин

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 18 марта 1887 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 192—193. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

(Петербург) 18 марта 1887 Мраморный дворец

Милейший Иван Александрович,

еще раз от души благодарю вас за приветливый, ласковый прием и за подарок Альбома Пушкинской выставки. Мне весьма отрадно, что я мог доставить вам хотя маленькое удовольствие, побывав у вас, в вашем теплом, уютном уголку.

Искренне признателен за ваши добрые строки и за упование, которое вы возлагаете на мою музу; но это упование, бесконечно льстя моему самолюбию,повергает меня в ужас и трепет перед задачей, которую мне пламенно хочется выполнить добросовестно и с честью. Я понимаю, как высок, труден и свят подвиг истинного художника, именем которого вы так сочувственно и снисходительно счастливите меня. Мною невольно овладевает робость, и руки опускаются при сознании своего бессилия перед таким страшным долгом. Остается терпеть, не возноситься и

смиренно работать, даст Бог, я и оправдаю ваши ожидания. Вы мне подаете прекрасную мысль вызвать творческою фантазией тень Пушкина и дать ей светлый поэтический образ в лучах его славы. Но сладить ли мне с такой задачей? Я еще значительно не дозрел и мало верю в свои силы. Быть может, со временем, окрепнув и оперившись, я буду в состоянии последовать вашему совету. — Велю переписать для вас четким почерком те из моих последних стихотворений, не вошедших в сборник, которые не слишком стыдно подвергнуть вашему дорогому мне суждению. А пока прошу вас по-прежнему верить моей неизменной привязанности, глубокому уважению и благодарному почитанию.

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 18 марта 1887 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 192. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 18 марта 1887

Удостойте, Ваше Императорское Высочество, принять выражения сердечной признательности старика за драгоценный подарок, сделанный ему Вашим посещением.

Сохраню дорогое воспоминание об этом до конца моих дней и постараюсь перенести его за пределы оных, так как дней моих остается, вероятно, уже немного.

При этом беру смелость представить альбом Пушкина40. На Вашем письменном столе он будет на достойном его месте. Может быть, сделанные Пушкиным наброски, рисунки, также собранные здесь о нем предания — не дадут заглохнуть мысли Вашего Высочества написать — не биографию его (это проза), а творческой фантазией вызвать тень поэта и дать нам его светлый поэтический образ в лучах его славы!

Это может сделать только поэт же — художник, и притом в цвете лет и сил, как Вы. Теперь уже пора: для него настало потомство; образ его ясен, определителен, остается только осветить его творческой фантазией.

Кроме этих светлых упований, возлагаемых друзьями поэзии на Вашу музу, я смею надеяться лично, что альбом этот будет по временам напоминать

Вам о неизменно преданном,

глубоко благодарном и всепокорнейшем слуге

Вашего Императорского Высочества

И. Гончаров

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 3 ноября 1886 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 192. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

(Петербург) 3 ноября (18)86 г.

Милейший Иван Александрович,

ваш силуэт доставил мне большое удовольствие, хотя, к сожалению, А. Г. Рубинштейн удался г-

ваш скажут доставил мне большое удовольствие, хотя, к сожалению, Н. Н. Г. уловил не
же Бем лучше, чем вы. Все же мне очень приятно иметь этот портрет прямо из рук автора «Обломова» и «Обрыва» и я воображением буду дополнять то, чего в ваших чертах не уловила художница.

От души спасибо вам за милые, теплые слова и добрые советы, в которых так нуждаюсь. Вот бы «вашими устами да мед пить»! Вы повторяете мне слова Гете: Greift nur hinein. Легко сказать hinein greifen — труднее выполнить. Но надежду терять не следует. Благодарю же вас за поощрение и прошу верить моей неизменной привязанности.

Душевно вас любящий и искренно почитающий

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 12, 13—14—15 сентября 1886 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 186—190. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

Ваше Императорское Высочество!

Я не воспользовался Вашим разрешением написать Вам летом из Дуббельна — по причинам, о которых позволю себе упомянуть ниже.

А теперь, прежде и более всего, исполню давно накипевшее у меня в сердце горячее желание представить Вам и Ее высочеству Великой Княгине и мои смиренные, хотя и поздние поздравления с счастливым семейным событием, увенчавшим Ваш брачный союз. Заочно, про себя, я с сердечным трепетом приветствовал это счастливое событие Вашего светлого, теплого, прекрасного семейного гнезда, в котором по благосклонному вниманию ко мне Вашего Высочества и Её Высочества Великой Княгини — находил гостеприимный уголок и ласковый прием.

Появление на свет Князя Иоанна25, моего Августейшего тезки (Иоанн Креститель — и мой патрон) было радостью для меня, как для всякого Русского человека, преданного Царскому Дому, или «легитимиста», как Вы однажды назвали меня, но оно было для меня и личным, великим удовольствием — по отношению моему к Вашим Высочествам. Я радовался и призывал на Вас благословение Божие.

Первым моим движением было написать, подать свой голос из моего не — «прекрасного далека»26, Рижского поморья, робко сказать Вам мой сердечный привет. Но прочитав газеты, я умерил свой пыл: колыбель Новорожденного Князя и Вы сами, счастливые Родители, были окружены таким блестящим ореолом и своих, и приезжих Гостей, Царственных Особ, Вел. Князей, Принцев, Принцесс, что мое слово замерло у меня под пером, не смея пробираться сквозь этот ореол до Вашего слуха. «Не время, думал я, подожду, пока поредеет этот блестящий круг, когда Ваши Высочества останетесь наедине теперь, втроем — тогда и я решусь напомнить о себе.»

Наконец, торжества смолкли, свои и чужие Высокие Гости стали отбывать, настала и моя пора — но увы — пора не писать, а занемочь!

Забыв о своих летах, я, после купания, в начале августа, гулял легко одетый по взморью и простудился. Полагая, что у меня простой грипп, которому и нередко подвергаюсь в Петербурге весной и осенью, я принялся за хину, пилюли. Но доктор, осмотрев меня, нашел, что катар осложнился воспалением левого легкого, с бредом, жаром до 40?, жестоким кашлем и прочими онерами. Он уложил меня в постель и сильными средствами остановил дальнейшее развитие воспаления.

Между тем пора была уезжать. После тропического жара днем наступали темные, холодные вечера. Дачи стали пустеть, все боялись наступления осенних непогод, холода — в тамошних дырявых домишках, без печей, с сквозными, дующими со всех сторон ветрами.

А доктор запретил мне пока и думать о возвращении. Оставаться там — тоже нельзя.

Тогда, вдобавок к остаткам прежней болезни — явилось еще сильное нервное возбуждение от беспокойства, что я — не дома, что могу разнемочься, остаться на неопределенное время. Наконец — и доктор, и другие добрые люди, видя мое жалкое положение, слабость, упадок духа, нерв, сжалились, уложили меня, как тюк с товаром, в угол вагона — и я кое-как добрался до дому, ускользнув от Эскулапа, небритый, бледный и худой.

Простите, что так долго занимаю собой Ваше внимание. Приношу глубокую благодарность за участие в моей болезни. Теперь мало-помалу прихожу в себя, даже выхожу гулять, но почти никого не вижу, у себя не принимаю: доктор предписывает отдых и молчание, потому что от разговора возобновляется кашель.

13 сент.

Теперь позвольте обратиться к присланному Вами изящному томику Ваших стихотворений. Ваше Высочество сделали мне дорогой подарок — и книгою, и ласковыми словами от Себя и от Великой Княгини. Вы — точно живой модой вспрыснули меня: это действительнее всякой хины, микстур и пилюль действует на здоровье! Книгу Вашу, вместе с письмом, прижимаю пока к благодарному сердцу, а потом, когда отдохну, окрепну и оправлюсь, позволю себе уже головой ценить и разбирать достоинства и недостатки — и высказать при свидании откровенно свои впечатления и мнения. Теперь еще не могу: сил нет — ни физических, ни моральных.

Однако, я успел перелистать книгу и кое-что заметить. Прохожу молчанием Манфреда и несколько библейских сказаний (Манфред — мне знаком — я или слышал его в чтении от Вас самих, или он уже был напечатан не помню). Этот Манфред, потом переложения библейских сказаний и даже перевод Мессинской невесты28 — между прочим и изучение древних классиков — есть не что иное, как подготовка к самостоятельному творчеству, воспитание, школа. Эту школу необходимо проходить молодому таланту, как необходимо живописцу копировать с античных статуй и бюстов, чтоб усвоить приемы и вообще технику великих образцов, прежде, нежели он начнет создавать сам. Затем в книге собрано много — чисто субъективных лирических излияний молодой музы, слышатся нежные, грустные, томные, как в Эоловой арфе, звуки. Такая Эолова арфа есть у всех молодых поэтов: она еще неясно, неопределенно высказывает впечатления, мысли, мечты, желания молодой неокрепшей в жизненном устое души. Потом, когда устоится и окрепнет сам поэт, Эолова арфа превратится в Давыдовы гусли — и будет, может быть, как у Пушкина, Лермонтова глаголом жечь сердца людей.

Об особенности Ваших лирических излияний, если изволите припомнить, я когда-то писал в письме к Вам — и отнес это к счастливым признакам таланта. Это — искренность.

Она не часто встречается. Пишущих стихи — масса. Большая часть пишут подражательно с чужого голоса; в них действует пленной мысли раздраженье, по выражению Лермонтова29. Они не из себя добывают содержание для своей Эоловой арфы, а с ветра, лишь бы вышли стихи.

У Вашего Высочества — наоборот. Вы сами — источник Ваших излияний — и оттого они нежны, трогательны, задушевны, хотя порой незрелы, но искренни... В каждом Вашем стихотворении присутствуете Вы сами. Поэтому я и признал эту искренность, вместе с страстью Вашей к поэзии, вообще к искусству, к литературе, одним из значительных признаков таланта.

Есть еще у нас (да и везде — кажется — во всех литературах) целая фаланга стихотворцев, борзых, юрких, самоуверенных, иногда прекрасно владеющих выработанным красивым стихом

бойких, юрких, самоуверенных, иногда прекрасно владеющих выработанным, красивым стихом и пишущих обо всем, о чем угодно, что потребуется, что им закажут. Это — разные Вейнберги, Фруги, Надсоны, Минские30, Мережковские и прочие. Они — космополиты... (жиды, может быть, и крещеные, но все-таки, по плоти и крови оставшиеся жидами). Откуда им взять этого драгоценного качества — искренности, задушевности? У их отцов и дедов не было отечества и они не могли завещать детям и внукам любви к нему. В религии они раздвоились: оставили далеко за собой одряхлевшее иудейство, а воспринять душою христианство не могли. Отцы и деды — евреи не могли воспитать своих детей и внуков в преданиях Христовой веры, которая унаследуется сначала в семейном быту, от родителей, и потом развивается и укрепляется учением, проповедью наставников и наконец всем строем жизни Христианского общества.

Оттого эти поэты пишут стихи обо всем, но пишут равнодушно, хотя часто и с блеском, следовательно неискренно. Вон один из них написал даже какую-то поэму о Христе, о Голгофе, о страданиях Спасителя. Вышло мрачно, картинно, эффектно, но бездушно, не искренно. Как бы они блестяще ни писали, никогда не удастся им даже подойти близко и подделаться к таким искренним, задушевным поэтам, как, например, Полонский, Майков, Фет, или из новых русских поэтов — граф Кутузов.

Обращаюсь опять к Вашей книжке и к ее кульминационной точке. Перелистывая ее, я остановился внезапно на двух, Даже пожалуй, трех стихотворениях: это — 1е Письмо из-за границы (Гой, измайловцы лихие), 2е Лагерные заметки и 3е Умер.

Не знаю, какую цену Вы сами изволите придавать этим трем стихотворениям, но что касается меня, я нахожу, что это три перла Вашей юной музы и что в них, таких маленьких вещах, заключено, сжато — больше признаков серьезного таланта, нежели во всем, что Вами написано, переведено и переложено прежде.

14 сент. Почему? Потому что эти очерки взяты из Вашей собственной личной жизни и взяты прямо, непосредственно. Не через мрачный мистицизм Байрона, не через восторженный пафос Шиллера, словом, не через чужие очки, а собственным, наблюдательным и поэтическим оком взглянули Вы на Вашу жизнь, Вашу среду и всю обстановку, словом, Вы писали с натуры — и потому очерки вышли живы, верны, колоритны, словом, жизненны, полны искренности, т. е. художественной правды. Что за прелесть все эти детали, картинки, сцены, силуэты фигур, фельдфебели, писарь, новобранец и разносчик со сластями, и примерный бой с «петрушками», и отдых — все это движется, кипит и живет. И Вы сами тут — с любовью к военному делу, с сердечным влечением к этой бивуачной жизни, к боевым «товарищам»! Во всем пробивается и трепещет «военная жилка». Если изволите припомнить, Вы, в прошлом году писали мне в Дуббельн, о Вашем житье-бытье в Красном Селе, где описали лагерь, военные упражнения, смотры и проч. — так живо, картинно, что я тогда же в ответе своем заметил, что Вы — в однообразие лагерной жизни, воинских учений, упражнений, внесли поэтическую струю — и дали живую картину, занимательную даже для постороннего, хладнокровного зрителя.

Теперь Вы пишете с натуры то, что Вас окружает, поглощает: военный быт, нравы, дух этой среды, среди которой живете, которую любите — и выходит тепло, правдиво, реально. Потом будете писать опять-таки с натуры и другую, невоенную, всякую жизнь и среду, которая окружает Вас, с которою соприкоснетесь, сблизитесь и полюбите. Пройденная Вами подготовительная, авторитетная школа Шиллера, Байрона, Гете и др. будет, неведомо для Вас самих, служить Вам, помогать Вашему самостоятельному творчеству. Рабски подражать этим образцам, переводить, продолжать, дополнять их — полезно только в смысле упражнений в творческой работе. Но возвращаться к отжившему, восстановлять их, стараться итти по их следам, притом еще не имея силы их гения — бесполезно, даже невозможно. Это значит «вливать молодое вино в старые мехи»32. Жизнь не стоит, она движется, меняется — и сами эти гении — Байрон, Гете, Шиллер, живи они теперь, — писали бы не то и не так, как они писали в свой век. Силою своего гения они искали бы и, конечно, нашли бы новые пути и новые формы для своего творчества.

Третье стихотворение Умер — слабее первых двух, оно не отделано, набросано небрежно, без всякой отделки стиха, но в нем звучит грустная нота Вашей искренности. Это стихотворение напоминает некрасовские стоны и слезы о народе: но они у него были неискренни, сквозь них пробивался холод, он собственно сам не любил народа, он увлекся на этот путь общим возникшим в его время демократическим стремлением народолюбия. Он был искренен только тогда, когда «ненавидел и проклинал» (Умолкни муза мести и печали!). Такова была его натура — и тогда он был силен, правдив. В остальном у него было много напускного, деланного, хотя выходило эффектно, талантливо, но неискренно.

15 сент. Перехожу на 3й лист — единственно за тем, чтобы просить извинения за это письмо, если только можно назвать письмом это неумеренное и непрошенное писание.

Что делать: я был рад Вашему письму, как дорогому гостю, рад Вашей книжке, Вашей ласке — и дал себе волю побеседовать с Вами на бумаге. Не знаю, когда мне доведется, и доведется ли еще — беседовать лично? Вон доктора находят, что у меня, не только легкое, но и вся левая сторона груди, le coeur y compris*, действует слабо, и что это хроническая болезнь. Кроме этого я болею еще другою, неизлечимою болезнью — это старостью. Листки эти я пишу медленно, несколько дней, в несколько присестов: слабость после болезни и плохое зрение не позволяют перу резво бегать по бумаге. Если Вы изволите найти это мое писание неуместным, благоволите принять его за бред больного — и будьте снисходительны.

В заключение повергаю к ногам Великой Княгини, Вашей супруги, вместе с моими поздравлениями, и почтительным выражением признательности по поводу участия Её Высочества в моей болезни, и вместе, с чувством глубокой симпатии — пожимаю Вашу, ласково протянутую мне руку.

Имею честь быть Вашего Императорского Высочества

всепокорнейшим и неизменно преданным слугой

Иван Гончаров

P. S. Смею ли просить напомнить, при случае, обо мне их Импер. Высочествам Великим Князьям Сергию и Павлу Александровичам и Дмитрию Константиновичу — и засвидетельствовать перед Ними о чувствах моей к Ним почтительной, глубокой и неизменной симпатии?

12, 13—14—15 сентября 1886 г.

С.-Петербург

Моховая, № 3.

Том V) Переписка И. А. Гончарова с Великим Князем Константином Константиновичем

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Павловск 9 сентября 1886

Милейший Иван Александрович,

с искренним сожалением узнал я о Вашей тяжелой болезни. Говорят, теперь вы поправляетесь, и я от всей души этому радуюсь. Надеюсь, что только мы переедем в город, нам удастся повидаться. Жена моя тоже принимает в вас живейшее участие и не менее меня рассчитывает, что вы по-прежнему не откажетесь заглядывать в наше гнездышко.

Прошу вас принять со свойственною вам снисходительностью прилагаемый сборник моих стихов24. Чувствую, что поступаю крайне опрометчиво и дерзко, навязывая вам эту книжонку, но мне было бы так лестно знать, что мой труд попал даже в вашу библиотеку. Соблазн слишком велик, и я не могу устоять перед искушением; итак, посылаю вам эти стихотворения, в надежде, что вы взглянете на них благосклонно.

От души желая вам полного и скорейшего выздоровления, крепко жму вам руку и прошу верить моей неизменной привязанности. Сердечно вас любящий

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 6 марта 1885 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 184—186. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 6 марта 1885

Я прочел возвращаемую при этом рукопись «Возрожденный Манфред» и поспешаю благодарить Ваше Высочество за доставленное мне удовольствие и за доверие к моему мнению.

Вам угодно, чтобы я отнесся к новому Вашему произведению «сочувственно и строго»: отнестись не сочувственно — нельзя, а строго — можно и должно бы по значительной степени развившегося Вашего дарования, но не следует, как по причине избранного Вами сюжета, так и потому, что Вам приходилось копировать Ваш этюд с колоссальных образцов — «Манфреда» Байрона и «Фауста» Гете. Не мудрено, что внушенный ими сколок вышел относительно бледен.

Извините, если скажу, что этот этюд — есть плод более ума, нежели сердца и фантазии, хотя в нем и звучит (отчасти) искренность и та наивность, какую видишь на лицах молящихся фигур Перуджини22. — Но если есть искренность и наивность, то нет жара, страстности, экстаза, какие обыкновенно теплятся в уме и сердце горячо верующих, оттого и кажется, что это, как я сейчас сказал, есть более плод ума, пожалуй, созерцательного, но не увлечения и чувства. По этой причине — мало силы, исключая двух-трех монологов, один Аббата и другой — Астарты (стр. 12 и др.). Если бы, кажется мне, посжать, посократить, иные диалоги свести в одно — от этого исчезли бы повторения и этюд выиграл бы в силе. Теперь он кажется — не свободно, без задней мысли начертанной широкой картиной художника, а скорее правильно, холодно исполненной задачей на тему о тщете земной науки и о могуществе веры в вечное начало и т. д.

Но тема эта хотя и не новая, но прекрасная, — благодарная — и для мыслителя и для поэта. У Вас она отлично расположена: душа, сбросившая тело, внезапно очутилась над трупом его; над ним горячо молится монах; бессмертная, «другая» жизнь уже началась: какой ужас должен охватить эту душу, вдруг познавшую тщету земной мудрости и ложь его отрицаний вечности, божества и проч.! И какое поле для фантазии художника, если он проникнет всю глубину и безотрадность отчаяния мнимого мудреца, все отрицавшего и прозревшего — поздно. Раскаяние по ту сторону гроба — по учению веры — не действительно: он, перешагнув за этот порог, должен постигнуть это — т. е. что нет возврата, что он damnatus est*.

Вот это отчаяние одно, по своему ужасу и безвыходности — могло бы быть достойною задачей художника! Образцом этого отчаяния и должна бы закончиться картина! Пусть он погибает! Он так гордо и мудро шел навстречу вечности, не верил вечной силе и наказан: что же нам, православным, спасать его! Если же всепрощающее божество и спасет, простит его — то это может совершиться такими путями и способами, о каких нам, земным мудрецам и поэтам, и не грезится! Может быть, в небесном милосердии найдут место и Каин, и Иуда, и другие.

А у нас, между людьми, как-то легко укладываются понятия о спасении таких героев, как

А у нас, между людьми, как-то легко укладываются понятия о спасении таких героев, как Манфред, дон-Жуан и подобные им. Один умствовал, концентрировал в себе весь сок земной мудрости, плевал в небо и знать ничего не хотел, не признавая никакой другой силы и мудрости, кроме своей, т. е., пожалуй, общечеловеческой — и думал, что он — бог. Другой беспутствовал всю жизнь, теша свою извращенную фантазию и угождая плотским похотям — потом бац! Один под конец жизни немного помолится, попостится, а другой, умерев, начнет каяться — и, смотришь, с неба явится какой-нибудь ангел, часто дама (и в Возрожденном Манфреде тоже Астарта) — и Окаянный Отверженный уже прощен, возносится к небу, сам Бог говорит с ним милостиво и т. д.! Дешево же достается этим господам так называемое спасение и всепрощение!

За что же другим так трудно достигать его? Где же вечное Правосудие? Бог вечно милосерд, это правда, но не слепо, иначе бы Он был пристрастен!

Притом же «Возрожденный Манфред» и в небо, в вечность (стр. 8, 12 и др.) стремится через даму и ради ее и там надеется, после земного безверия, блаженствовать с нею и через нее, все-таки презирая мир. Но ведь он, мудрец, должен знать, что в земной любви к женщине, даже так называемой возвышенной любви, глубоко скрыты и замаскированы чувственные радости. Зачем же искать продолжения этого в небе, где не «женятся, не посягают» и где, по словам Евангелия, живут как Ангелы23. Она хотя возражает ему (стр. 12), что надо любить не ее одну, а все живущее, однако же уверяет потом, что она будет с ним вдвоем неразлучна. Эгоисты оба!

Олицетворение туч, молнии и проч. — Это старая дань поэмам такого рода. Их разговор между собою, так же как и судеб не совсем понятен — показалось мне — значительно растягивает эту мистерию.

Но у нее, т. е. у мистерии, есть будущность (как и у самого ее автора).

Со временем, когда рукопись пролежит года два в Вашем портфеле — Вам будет ясно, что нужно в ней прибавить, и что убавить. Это шаг вперед и значительный по пути труда над своим талантом, который я не устану приветствовать! — Есть прекрасные монологи, счастливые стихи, а есть, между последними и неловкие: я взял смелость отметить в рукописи против карандашом NB.

Простите за все здесь мною — искренне написанное (и, может быть, неверно) от всепокорнейшего Вашего Императорского Высочества.

Иван Гончаров

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 25 ноября 1884 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 184. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 25 ноября 1884 г.

Поспешаю довести до сведения Вашего Императорского Высочества, что я вчера ездил к г. Стасюлевичу поговорить о «Мессинской невесте».

Он изъявил полную «готовность помещать, как прежде, в своем журнале новые произведения Автора, доставлявшего свои сочинения через И. А. Зеленого»20. Это его подлинные слова.

Я прибавил, что слышал часть перевода и нашел слышанное прекрасным. Имею честь быть Вашего Высочества всепокорнейшим слугою

Иван Гончаров

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 7 октября 1890 г. Павловск // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 235—236. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Павловск 7 октября 1890

Дорогой Иван Александрович,

мы с женой оба по вас соскучились, так давно не имел об вас никаких известий. Теперь вы, вероятно, перебрались на зиму в Петербург и со страхом ожидаете наступления темных и холодных дней. Так бы хотелось знать, как вы себя чувствуете, приятно ли провели лето в Петергофе и когда переехали в город. Я знаю, что вам трудно писать, но может быть барышня Трейгут, бывшая слушательница Педагогических курсов, с ваших слов напишет несколько строк для нашего успокоения.

Когда мы переселимся в Мраморный дворец, я постараюсь найти свободную минуту, чтобы заглянуть к вам на Моховую.

Как быстро и незаметно промелькнуло лето! В начале его гостила у нас сестра Ольга; но мне редко случалось пользоваться ее обществом; я по-прежнему жил в Красносельском лагере. Наших двух мальчиков доктора посылали на три месяца в Гапсаль; жена провела с ними там около трех недель, а я два раза туда к ним съездил на несколько часов.

Большие маневры в присутствии нашего Государя и Императора Германского были большим удовольствием несмотря на неблагоприятную погоду и долгие переходы по глубоким болотам на протяжении пути от Нарвы до Красного Села.

Я продолжаю писать стихи по мере того, как осеняет меня вдохновение, и после издания моей книжки у меня написано штук 20 мелких лирических стихотворений, а за последнее время принялся трудиться над поэмой. Говорю трудиться, потому что крупные произведения (разумеется, судя по размеру, а не по достоинству), вроде моего Севастиана, стоят мне неимоверных усилий, долгого времени и целого ряда то радостных мгновений, когда сделанное кажется удачным, то минут отчаяния, когда теряешь веру в свои силы и тщетно стараешься преодолеть препятствия. Но такое уныние только временно: когда теплится творческий огонек, невозможно остановиться на полупути; остановки бывают кратки и стремишься неизменно к намеченной цели, а цель эта — служение всему доброму и прекрасному.

Но я боюсь утомить ваши глаза и заканчиваю свое письмо. Жена искренно вам кланяется, а я прошу вас верить неизменной моей привязанности и глубокому почитанию.

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 30 сентября 1889 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 234—235. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 30 сентября 1889

Ваше Императорское Высочество!

Подарок новой книги Ваших стихотворений84 драгоценен для меня во многих отношениях. Там, во 1х, есть одно послание, которое я читаю с умилением, во 2х, так пишет только верующий — теперь так не пишут более, почем знать, может быть, Вам суждено рассеять нигилизм, эту

Теперь так не пишут более, почем знать, может быть, Вам суждено рассеять нигилизм, эту печальную болезнь нашего века... Будущие шаги Вашей поэзии покажут это: они все будут зрелее и зрелее. Не даром я указал Вам на графа Голенищева-Кутузова, как на подходящего Вам более товарища по лире, нежели Майков (больной), Фет и Полонский, оба старые. Гр. Голенищев-Кутузов написал между прочим одно стихотворение:

«Так жить нельзя»

т. е. без идеала, без убеждений! Сколько искренности, благородства, и таланта тоже!

Но я боюсь, что он погиб для поэзии: он теперь сделан Управляющим (вместо Картавцова) Советом Дворян(ского) Банка — и предан весь своему делу85, а о поэзии не помышляет. Я сам не видал его, но мне сказывал кн. Цертелев86.

Недавно я имел маленькое сведение о Вашем Высочестве от воспитанницы Женских Педагогических курсов, где Вы, как Августейший Шеф и Покровитель, к общей радости девиц, удостоили присутствием их классы.

Кстати о воспитанницах.

Одна из них, именно Трейгут находится на 3м курсе87. Смею ли, если сам не доживу, завещать Вам наблюсти, чтобы она выпущена была после этого 3го курса: т. е. чтоб ее не задержали какие-нибудь вопросы чересчур строгих экзаменаторов. Конечно, она не выйдет, как девица Полотебнова, с золотой медалью, и может быть кончит вовсе без награды... Лишь бы она вышла — ибо должна зарабатывать себе хлеб, и кроме того смотреть за младшей сестрой-гимназисткой. Между тем она очень старательная, умная и развитая, но робкая и застенчивая девушка.

Она молится и занимается деятельно и старательно.

Простите, что осмеливаюсь заранее ходатайствовать перед Вами о таком неважном предмете.

Благодарю Ваше Высочество за заботливый вопрос о моем здоровье. Я с ужасом ожидаю приближения осенних дней и зимних холодов и молю Бога, чтобы мне терпелось и страдалось, пока настанет желанный конец!

Еще раз с душевным умилением благодарю за книгу и имею честь именоваться

Вашего Высочества и Ее Высочества Елизаветы Маврикиевны всепокорнейший слуга Иван Гончаров

P. S. Я не сейчас отвечал на письмо Вашего Высочества, потому что вновь прочитал всю Вашу книгу и нахожу:

1. Что поэму Себастиан нужно бы посжать: она слишком пространна. Но это придет при следующем издании или новой поэме. Между прочим мое внимание остановила (стр. 92, строфа XXXV) где Автор говорит: Этот Рим порочный и мятежный, с ханжеством, с безверием своим, утопавший в неге сладострастной и т. д. Не правда ли, что это описание идет и к современному Лондону, Парижу, к Петербургу, и вообще большому современному городу? Значит древний Рим ничем не отличался от новых, больших городов?

2. Вдовцу, Жениху и т. п. новые стихотворения, или я не помню их совсем.

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 11 июня 1889 г. Павловск // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 232—233. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

(Павловск) 11 июня 1889 г.

Дорогой Иван Александрович,

в последний раз, что мы с вами виделись, мне было очень жалко, когда я понял из ваших слов, что вы лишены возможности провести лето на даче. Я стал наводить справки и поиски увенчались успехом: здесь в Павловске нашлась дача, никем не занятая, с пятью комнатами и ванной. Дача эта находится в распоряжении нашего Павловского правления, а потому может отдаваться бесплатно кому бы мы ни пожелали. Позвольте же мне предложить ее к вашим услугам. Если мне удастся доставить вам тихий уголок, в котором вы бы могли приятно и спокойно провести лето и начало осени, я бы был вполне счастлив. Позвольте же надеяться, что вы не откажете мне в удовольствии и согласитесь на мое предложение переселиться к нам в Павловск.

Телеграфируйте мне в Красное Село о вашем согласии и о дне, когда вы пожелаете переехать, чтобы мне успеть предупредить кого следует и все будет готово к вашему водворению.

Надеюсь, что вы примете это предложение, крепко жму вам руку и прошу не забывать по-старому.

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 14 октября 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 230—232. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 14 октября 1888

Возвращая при этом тетрадь со стихами Вашего Высочества и прилагая несколько беглых моих замечаний — прошу о снисхождении к моим придиркам.

Все прекрасное, и между прочим и поэзия — теперь мало меня трогают, а иное, например музыка, даже раздражает нервы. Поэтому, может быть, я и бываю строг и придирчив.

По сим причинам я прошу позволения сложить с себя щекотливую обязанность критика поэтических произведений Вашего Высочества, чтобы не впадать в напасть и в искушение — иногда невольно уязвить авторское самолюбие благодушнейшего и дорогого моему сердцу поэта.

Быть только приятным и льстивым — я, по натуре своей, тоже не могу, между прочим и потому, что этим еще больше можно повредить молодому таланту. Перед ним теперь открыто обширное поприще, на котором, самопомощь и самообразование, путем неустанного труда, чтения, наблюдений и сличений — без руководителей — (даже лучше без них) отведут ему блестящее место.

Всякая любовь сильна — между прочим и любовь к искусству, захватывающая много других любвей — в свою сферу. Она много может.

Я сам занесу это письмо и эту Книжечку, в надежде увидеть Ваше Высочество.

К сожалению, здоровье мое не улучшается. Выйду на воздух на полчаса и приобретаю одышку: легкие не выносят холода.

Не знаю, как проживу зиму, сидеть дома, на арестантском положении, скучно — но делать

нечего, надо покориться.

Nul n'est tenu a l' impossible!*

С глубоким поклоном Вам и Ее Высочеству Великой Княгине Вашего Императорского Высочества

всепокорнейший слуга

И. Гончаров

12 октября 1888

Из вновь присланной мне тетради стихотворений может составиться интересный и симпатичный томик, если автор подвергнет его собственному строгому анализу и довершит отделку.

Нужно, кажется, прежде всего свести разнообразие стихотворений в некоторую систему, собрать в один букет. А то внимание читателя разбрасывается и развлекается в разные стороны, ни на чем не сосредоточиваясь. Тут вперемежку — и сонеты, и послания, и обращения любви (какой — иногда трудно понять, наприм., в сонете 1-м), (где так изобилуют рифмы на Я). Есть несколько и бессодержательных стихотворений (отмеченных мною черточкой в заглавии): как первые опыты — они очень милы, местами звучны, но при известной зрелости поэта позволительно пожелать большего веса в содержании и тщательной отделки в форме. Желательно, чтобы вместе с чувством или ощущением присутствовала душа, мысль. (Таковы II-й и Лагерный сонеты). Затем следуют очень хорошенькие стихотворения до 32 стр. — и между ними особенно две молитвы хороши, между прочим знакомая мне На Страстной неделе. На 32 стр. есть стихотворение Ю. А. К.: это интимное, семейное обращение к какой-нибудь воспитательнице или няне, пожалуй, очень трогательное, но для постороннего читателя не имеющее интереса. Зачем ему являться в сборнике, назначаемом, между прочим, для публики? Точно так же читатель останется равнодушен и к спасибо автора, сказанное кому-то за то, что он «душу отвел» с нею, или с ним.

Вел. Кн. Константин Константинович с детьми — кн. Константином и кн. Татьяной. (1893 г.)

Вел. Кн. Константин Константинович с детьми — кн. Константином и кн. Татьяной. (1893 г.)

Кажется, я в прошлых письмах упоминал, что однородные по содержанию Письма к дежурному и Товарищу несколько однообразны, хотя и интересны, а однообразны, потому что длинны. Их бы надо еще сократить.

О патриотических стихотворениях позволю себе заметить, что в них влечение к Родине, тоска по ней и т. п. выражается слишком общими местами, иногда почти официальными фразами, вроде: «В душе все чувства светлые такие, И ворвалася радость в грудь больную, Недалеко теперь моя Россия» и т. д. Чувства эти обязательны, так сказать, для всякого патриота и о них нет надобности повторять наивно общие восклицания: нужно — или умалчивать, или говорить сильно, тонко, оригинально, горячо и убедительно или образно. Этими же общими, мало говорящими местами блещет и следующее стихотворение: Здравствуй, матушка Россия. Вообще, в чувствах к Богу, к Родине и другим высоким предметам — нужно исторгать из души вдохновенные гимны и молитвы и «ударять по сердцам с неслыханною силою», или — сознавая бессилие, умалчивать, чтоб не впасть в бесцветную похвалу и аффектацию.

В стих. К И. А. Гончарову — прошу позволения обратить внимание Автора на две первые строки и на слово величьем во второй строфе. Нельзя, мне кажется, назвать творцом бессмертных образов, венчанных нетленною славой писателя, который дал литературе несколько портретов, характеров, лиц и сцен русской жизни — хотя бы более или менее удачных. Что же после того

сказать о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, с их гениальными и действительно «нетленными образами»?

И о «Лире Полонского» в послании к нему есть также некоторое преувеличение.

Если бы о нем и обо мне — снять слегка губкой слишком яркую краску — было бы ближе к правде, и нам с ним приятнее бы было явиться в свет с ласковым поэтическим приветом такого певца.

Не простираю своего придирчивого анализа далее. Пора приступить к сознательному синтезу: это должен сделать сам поэт, призвав на генеральный смотр свои силы и проверив сделанные им успехи — с первых шагов и до последних авторских работ. Такая проверка успехов необходима: она поможет определить, измерить и оценить свои силы, и вместе указать, на что может автор надеяться впереди.

Нянек и руководителей более не нужно, как при первых робких шагах; необходима самопомощь, которая одна может вывести на прямую и верную дорогу. До сих пор поэт терялся в деталях: приглядывался (прибегая к сравнению из военной службы) к каждому солдату в своем отряде, наблюдал, так ли он держит себя, как следует, так ли марширует, пригнана ли исправно амуниция, в порядке ли оружие; потом замечает, как единицы группируются, стройно ли движутся и т. д. Но вождь еще не касался, по-видимому, вопросов о том, сколько у него сил, на какие цели назначаются они, довольно ли оружия, каков дух, энергия и боевая готовность? и т. д.

Теперь на очередь наступают эти высшие вопросы — и пора от внутреннего распорядка своих сил обратиться к их значению и назначению.

Теперь предстоит путь — не только екзерциции пера, но и путь неустанного и нескончаемого чтения всей и всякой (своей и чужих) литератур, критик, полемики, крупных и мелких произведений, чтобы путем аналогических наблюдений выработать в себе тонкий, критический анализ, уметь ценить других и себя и знать не только как надо, но и как не надо писать. Пора!

И. Гончаров

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 14 августа 1888 г. Павловск // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 226—227. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

(Павловск) 14 августа 1888

Дорогой Иван Александрович,

ваш милый голос был первым приветствием, поздравившим меня со вступлением в четвертый десяток лет моей жизни78. От души желаю услыхать этот голос еще через десять лет, когда мне стукнет 40 годов. Хоть вы и считаете себя и отжившим, и забытым, и ненужным, — но искренно любящие вас, хранящие к вам нежную память и нуждающиеся в вашей поддержке не могут не желать, да продлит Господь вашу жизнь.

Жена и сестра вместе со мною искренно благодарят вас за доброе внимание.

Кончились маневры, прошла лагерная пора, христолюбивое воинство водворено на покой по деревням, а мы — мужья — возвращены к нашим семьям и до начала октября можем спокойно и беззаботно греться у домашнего очага. Пора отдохнуть. Много исходили мы верст за большие маневры, были верст 25 за Гатчиной, бродили, плутали и ноги дают себя знать. Теперь моя рота расположена неподалеку отсюда, в Федоровском посаде, так что мне легко навещать ее на

расположена неподалеку отсюда, в Федоровском посаде, так что мне легко навещать ее на прогулке с женой и детьми.

Ваш маленький тезка подрастает и хотя еще не говорит, но все понимает и по-своему объясняется знаками. Тихая жизнь в Павловске имеет большую прелесть осеннею порою; свободного времени много, душа и тело отдыхают после летней работы и набираются свежих сил на зимние суетливые треволнения.

Надеюсь, что и вы вернетесь в Моховую здоровым и по старой памяти будете почаще навещать нас. А в ожидании скорого свидания мысленно обнимаю вас и от всей души желаю, чтобы хоть конец августа вознаградил вас за холодное и неприветливое лето.

Искренно вас любящий и благодарный

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 14 июня 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 223—224. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

Петербург

Не знаю, как благодарить Ваше Императорское Высочество за представление моих книг Ее Величеству Ольге Константиновне и за сообщение мне, в Вашем добром письме от 10 июня, приятнейшего известия о благосклонном принятии их.

Как дорого бы было для меня услышать самому приветливое слово из Ее уст — того и сказать не умею.

Но я боюсь и не смею надеяться на такую отраду. Буду, однако, думать усердно о том, как бы мне, если наступят теплые дни, добраться до Павловска, явиться в приемную Дворца и положиться на счастливый случай. Не буду предварять о своем намерении, которое по непогоде или по нездоровью, может внезапно измениться, а приеду сам, преимущественно в праздничный день, когда Ваше Высочество бываете в Павловске, а если этого сделать нельзя, то и в будни: может быть, Ее Величество, предупрежденная Вами, удостоит меня 5-ти минутной аудиенции.

Я не «преувеличиваю» своих немощей, как Вы изволите предполагать: я действительно плохо слышу тихий говор в трех-четырех шагах от меня (и между прочим, к прискорбию моему, на церковной службе) — и смущаюсь в обществе, а в разговоре с Высокими Особами конфужусь сугубо.

Я пока все еще сижу в Петербурге, в темной своей пещерке на Моховой, и не знаю, что мне делать. Доктор посылает меня на воздух — для нерв, и вместе велит беречься сырости и холодной вечерней погоды — ради катара в легких и бронхита: а как и то и другое согласить между собою — он не говорит, наука этого не указывает. Я нанял было пошлогоднюю дачу в Гунгербурге но ввиду холодной погоды и вечно дующих там северных ветров, отказался, потеряв значительный задаток. Поселиться в Петербургских окрестностях — будет то же, что и в Гунгербурге, а ехать дальше, в Дуббельн, Либаву и т. п. — рискованно и сил мало, переезд труден. Из дома меня тоже гонит необходимость поправки печей, полов и т. д. Словом, невзгоды со всех сторон — и это на старости лет, когда нет никаких сил биться с волнами житейского моря.

Вы написали еще несколько стихотворений: заранее радуюсь дорогим гостям, как прилету летних пернатых певиц, — и их радостным кликам и песням в приволье свежих «зеленых лугов».

Такие лирические напевы у Вас легки, светлы, грациозны — и я ожидаю много искр поэзии — но читать их теперь пока не могу, т. е. не могу сосредоточиться на них, вникнуть и сказать свое впечатление: я в таком настроении, или лучше сказать, расстроении, что меня никакая поэзия не проймет и не успокоит. «Дух не бодр, а плоть немощна!»

Позвольте сказать «до свидания», если мне посчастливится попасть в Павловск — в противном случае буду иметь честь написать в скором времени еще письмо, которое, смею надеяться, Вы изволите принять благосклонно.

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга
14 июня 1888 И. Гончаров

P. S. Сейчас прочитал в газетах, что в Павловск из-за границы пожаловала Гостья, Принцесса Шаумбург-Липпе, сестра Ее Высочества Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны: это наводит меня на некоторое размышление о том, уместно ли в настоящее время для нас, маленьких, скромных людей, являться в Павловский дворец, где теперь, конечно, — не до нас.

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 10 июня 1888 г. Красное Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 222—223. — [Т.] V

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Красное Село 10 июня 1888

Дорогой Иван Александрович,

сестра поручила мне искренно поблагодарить вас за присылку ваших сочинений Она, да и все мы были очень огорчены известием о вашем нездоровье. Ольга все-таки не теряет надежды с вами познакомиться; может быть, с наступлением теплых дней вы поправитесь и будете в состоянии заглянуть к нам в Павловск. Поезда ходят туда каждый час, так что к 6-ти вы давно будете дома. Если вы почувствуете себя бодрее и крепче, пожалуйста, побалуйте нас, приезжайте хотя на один час; павловская зелень и чистый воздух наверное подействуют на вас благотворно. Обнадежьте нас хоть тем по крайней мере, что если здоровье ваше станет лучше, вы известите меня о такой приятной перемене и позволите рассчитывать на ваше посещение. А слепоту и глухоту вы положительно преувеличиваете, приписывая себе разные небывалые немощи.

Очень благодарю вас за ласковый отзыв о моем стихотворении «В дежурной палатке» и за меткое замечание, согласно с которым я заменю неподходящее слово. Расцветающая сирень, душистые тополя и светлые ночи опять навеяли на меня вдохновение и я написал еще два стихотворения, которыми не решаюсь утруждать вашего внимания.

Крепко жму вам руку и прошу верить моей неизменной привязанности.

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 6 февраля 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 217—218. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 6 февраля 1888

Меня очень порадовало доброе письмо Вашего Высочества, с ласковым упреком, зачем я не явился к Вам лично с книгою. Я не решился войти сам не потому только, что был непарадно одет, а и потому, что был неурочный час, близкий к обеденной поре. Радуясь небольшой

одет, а и потому, что был неурочный час, близкий к обеденной поре. Радуясь небольшой оттепели, я поехал прокатиться по воздуху и кстати завез только что отпечатанные брошюры «На Родине» Вашему Высочеству, а также Великим Князьям Сергию, Павлу Александровичам и Дмитрию Константиновичу.

В мороз мне дышится тяжело, и я не отхожу далеко от дома: но лишь только потеплеет немного, я поспешу явиться и поклониться Вам и Ее Высочеству Великой Княгине.

Присланные мне стихи (Не говори, что к небесам Твоя молитва не доходна), просты, искренни и трогательны, согласно натуре Вашей, и еще, может быть, потому, что набросаны случайно, против обыкновения, т. е. вылились прямо из сердца на мотив: «не тратить, молясь, лишних слов».

Мне кажется — хорошо бы было: взять это стихотворение и, присоединив к стихам мотивов, взятых Вами из молитв Страстной недели, собрать их в один молитвенный букет — и напечатать к Великому посту. Можно бы было (как я однажды намекал) переложить в стихи «Господи, Владыко живота моего! Дух праздности и уныния» и т. д. У Вас это, я полагаю, вышло бы очень хорошо.

Великопостные богомольцы и говельщики, особенно говельщики, затвердили бы Ваши переложения наизусть — и чего доброго — творя земные поклоны, вместо славянской прозы, молились бы Вашими стихами. Отчего же не так: немцы-лютеране распевают же в церквах, под звуки органа, переложения библии в стихах Гердера74 и других?

Издатель «Нивы» Маркс уже подбирался ко мне с вопросами и намеками на то, как бы он был счастлив, если б мог получить произведение Вашего Высочества для его издания. На это я ему — ни гу-гу, не считая себя в праве дать ему какой-нибудь совет или ответ.

Подражая Вашему Высочеству, прошу позволения послать этот мой ответ также по городской почте; послать мне не с кем, ибо — хотя я и вызвал из прошлого тени «Слуг», но живого слуги не имею.

Прошу извинения за такое письмо: стар и немощен бо есмь.

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга

И. Гончаров

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 8 января 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 215—216. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 8 января 1888

«О, пой нам, пой, не умолкая!»70

Я так легко прочел маленький стихотворный альбом, который Ваше Высоч(ество) прислало мне. Закрыв книжечку, и глаза вместе, я впал в приятные раздумия, думая о Вас, об этих последних Ваших звуках, вибрация которых еще свежа, не замерла, слышатся кроткие, нежные тоны. Вы от природы поэт, самородок-поэт. Вы неудержимо дорываетесь до ключа живой струи. Молодые силы взрывают почву, вода бежит пока еще вынося с собой песок, ил, каменья, сор. Но Вы (я смотрю вдаль) добьетесь, когда ключ забьет сильным и чистым фонтаном без посторонних и неизбежных при работе примесей71. Вы доработаете, дойдете, додумаетесь до одной только чистой и сильной поэзии. Не говорю — дочувствуетесь, потому что сердце, чувство — есть основа Вашей [illegible]

основа Вашей светлой, прекрасной, любящей натуры. Опасности нет, чтобы чувство завело Вас в какую-нибудь сентиментальную Аркадию. От этого остережет Вас ум, образование и отчасти наш вовсе не сентиментальный век. Теперь Вы проходите еще трудную школу, пытаете свои силы, увлекаясь пока легкой, доступной Вам стихотворной формой, в которой в самой есть уже своя поэзия. Вы набиваете руку, как музыкант-пианист, энергически одолевая упрямую технику, и когда эта работа свершится, вот тогда Вам ясно будет, где есть творчество, а где его нет. Вы будете не бессознательный и беспечный трубадур-певец, который (wie der Vogel Sing)* — нет, Вы будете знать, что, когда и как петь. Вы станете строгим к себе творцом, художником, маэстро, может быть, великим! Это нелегко, не вдруг дается. О! Тяжела ты, шапка Мономаха!

В помощь Вашей работе я позволил себе в последнем «строгом» моем письме указать слабые стороны предпоследних Ваших стихотворений и приложил даже вырезку из газеты о тех недостатках, которые свойственны молодым стихотворцам. В этих вырезках приведены также некоторые общие мотивы, которые необходимо иметь в виду для всех пишущих стихами. Смею надеяться, что Ваше Высочество не пренебрегли, не отбросили в сторону ни моего ворчливого письма, ни газетной вырезки, а пытливо и глубоко вдумались в то и другое — и приняли к сведению и соображению. Газета приводит общие мотивы, остерегающие молодых поэтов от банальностей, общих мест и вообще от стихов без поэзии. Это все пишущие стихами должны иметь в виду, как ключ в нотах.

Письмо к Г. Божерянову72 — написано очень живо, бойко и куда более лучше Письма к дежурному офицеру и Дежурной палатки! Оно страдает длиннотой. Его надо постянуть, исключить посещение одного или двух взводов (так как они все на один лад), похерить нескольких солдатиков, их слишком много, хотя некоторые из них очень интересны, типичны — это живые иллюстрации — портретики: вот те бы, которые поживее, и оставить. В других стихотворениях (обращенных к родине) отчетливее прежнего, несколько сжатее проговаривается эта любовь, но все-таки местами звучит нотка так называемого «шовинизма», т. е. условного, деланного, обязательного чувства любви к родине. Она же, эта нотка, появляется и в усилительном (как будто нарочно) пристрастии к своей роте и полку. (Заключу кстати, что первый жандарм и первый церкви крест — поставлены слишком близко друг к другу — как будто поэт одинаково радуется одному и другому!)

Стихотворение, обращенное ко мне, я анализирую не критикой ума — а сердцем, сладко над ним задумываюсь и глубоко, умиленно благодарю!

Взываю к Вашей музе — «О, пой нам, пой, не умолкая», если не для света пока, не для печати — то для самой поэзии: она дар Божий! Извольте прочесть, что про нее сказано золотыми буквами на пьедестале памятника Жуковскому (на Адмирал(тейском) бульв(аре)). Это — золотые слова!73

При этом прилагаю обратно книжку и прошу переждать до тепла и света, пока глаза мои будут в силах читать, а рука писать, а теперь более не могу.

Вашего Императорского Высочества

всепокорнейший неизменно преданный слуга

И. Гончаров

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 4 января 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 214. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Мраморный дв(орец)

(Петербург) 4 янв(аря) 1888 г.

Не могу не поблагодарить вас еще письменно за доставленное нам вчера высокое наслаждение. Сегодня утром я встретился на репетиции Крещенского парада с В. К. Сергеем Александровичем и слышал от него, что вчерашний вечер оставил ему самое приятное впечатление. Про меня и говорить нечего: вы знаете, как я ценю всякое художественное произведение, а ваши очерки притом же в вашем превосходном чтении поражают такою правдивостью и жизненностью, что Валентин и Матвей становятся уж не героями повести или очерка, а живыми, знакомыми и

близкими людьми. Примите же мою искреннюю и задушевную признательность за хорошие часы, прожитые благодаря вам вчера вечером. Надеюсь, что чтение не повредило вашему здоровью.

Позвольте просить вас прочитать в прилагаемой книжке последние мои скромные произведения. Может быть, вы не откажете по-старому высказать мне о них ваше беспристрастное мнение. Только бы доброта ваша и снисходительность не смягчили строгости приговора; не щадите авторского самолюбия, браните, порицайте, и я тем более буду вам благодарен, ибо ничто так не способствует совершенствованию, как справедливое осуждение.

Крепко жму вам руку. Константин.

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 1 января 1888 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 213—214. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 1 января 1888

Ваше Императорское Высочество несказанно почтили мою старость и обрадовали меня!

Слагаю крестом руки на груди и клоню перед Вами мою благодарную голову, на которую Вы так ласково, с добротой и грацией возложили прелестный, к сожалению, мало заслуженный мною венок.

Крещусь и призываю на Вас, на Ее Высочество Великую Княгиню и на весь Ваш дом в наступающем Новом и в последующие долгие, долгие годы благословения Божия. Один только Бог воздаст Вам достойную Вашего любвеобильного сердца награду. Человек бессилен, я — особенно. Вы великодушно простили меня и за последнее тяжелое шероховатое письмо. Каюсь, зачем я его написал. Из глубокой симпатии к Вам, конечно, из усердия быть полезным. Но и для этого можно бы было (и я хотел так) только сказать кратко, что Ваши интимные, родственные и другие стихотворные излияния особенно многозначащи и дороги тем особам, которым они написаны (очевидно, для альбома), а не посторонней публике, не ведующей Вашей интимной сокровенной жизни. Словом, они не предназначались для печати.

Сказав только это, я сказал бы всю правду. Я мог бы прибавить еще, что в этих стихотворениях теплится тот дорогой огонь, какого у одних или вовсе нет (у стихотворцев-жидов особенно) или очень мало у других поэтов. Этот огонь всеобъемлющей любви («океан любви», по выражению Диккенса), каким горит Ваше редкое сердце, и каким дышит и все украшает Ваше каждое слово, до кого бы и до чего бы оно ни коснулось. В этом и заключается Ваша драгоценная сила и особенность перед всеми нашими современными поэтами, сила, которую не заменит никакое воображение!

Глубоко благодарю Ваше Высочество за благосклонное намерение прослушать в воскресение, 3 января, хоть один из моих новых очерков! Чтением двух других я не только не посмею утомить

ни Вас самих, ни Ваших Августейших Братьев.

Хотя грипп не совсем покинул меня, но я постараюсь уберечься в этот холод до воскресения. Никуда не выйду, чтобы прочесть без кашля. Но если бы меня постигло внезапное усиление бронхита и мороз не дал бы мне показаться на улицу, о чем я немедленно поспешил бы предуведомить Вас. Смею надеяться, что Ваше и другие Высочества снизойдете к моей немощи и великодушно простите меня. Потеряю я один, если чтение не состоится: это будет мой, собственно, праздник, лишь бы хоть немного понравилось Августейшим слушателям. С чувством глубочайшей преданности имею честь быть

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга

И. Гончаров

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 26 декабря 1887 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 210—213. — [Т.] V. (р) И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ (р) (Петербург) 26 декабря 1887 (р) В понедельник — от Вашего Высочества я прямо отправился в редакцию Нивы, чтобы согласно выраженному мною перед Вами желанию, подписаться на журнал для Вас и для В(еликих) К(нязей) Сергия и Павла Александровичей и Дмитрия Константиновича: но я встретил неожиданный отпор со стороны издателя г. Маркса. Он сказал, что он «очень счастлив, что такие особы удостаивают внимания издаваемый им журнал и считает лестною обязанностью выразить этим Особам «ses humbles hommages» (издатель русского журнала говорит больше по-французски и по-немецки, а по-русски плохо!), представляя Им журнал в особых, так называемых Царских экземплярах, на веленевой бумаге» и т. д. При этом он мне показал довольно длинный список Высоких Особ, которым доставляется им по почте Нива — в таких изящных экземплярах. В этот список он немедленно внес и Ваши, т. е. всех четырех Высочеств Имена — и наотрез отказался принять от меня уплату, говоря, что он без «оной», т. е. без всякой уплаты представляет «ses humbles hommages» всем другим Высочествам — в виде веленевых Царских Экземпляров. На это я, однако, не согласился и возразил, что как издатель, он может представлять веленевые экземпляры, но право на подписку на эти четыре экземпляра принадлежит мне, так как это мое авторское приношение. Он продолжал спорить, произошла борьба великодушия, которая пока ничем не кончилась. Но как у меня есть с ним счеты по моим статьям, то я надеюсь выйти из борьбы победителем. (р) Что бы там ни было, но с Нового Года, после 2го или 3го числа, Вашему Высочеству и трем вышеозначенным Великим Князьям Нива будет доставляться в течение 1888го года. Он, т. е. издатель, в заключение подарил мне царский веленевый экземпляр последнего Рождественского № нынешнего года. Позволяю себе приложить его при этом, как образчик №№ будущего года, которые будут доставляться Вашим Высочествам. Возвращать его мне не следует: он мне не нужен. (р) Теперь обращаюсь к заветной, вверенной мне Вами книге: Певца добра милуют боги. Я не случайно открыл повыше заложенной Вами страницы и напал на три прелестных стихотворения: К Фету, Полонскому и Баратынской. Я или не знал, или забыл их. Первые два полны достоинства, с которым Вы, как младший перед старцами, скромно и трогательно выражаете их заслуги и Ваше к ним уважение, особенно призывая благословение «дряхлеющей руки убеленного сединами поэта». Это рисует одну из светлых сторон Вашей души, так редко встречаемую теперь в молодых поколениях, — это поэзия скромности, поклон начинающего деятеля отходящему. В послании к Полонскому Вы, очевидно, вдумались в пройденный путь старого писателя — сняли шляпу перед ним и возложили на него венок — словами: «отчизна не забудет тебя». Вышло поэтично и содержательно. — Почему? Потому что Вы строго вдумались в пройденный обоими поэтами путь, верно сжали в уме Вашем и определили главные свойства их поэзии — и прекрасно выразили. (р) Очень грациозно вышло Ваше извинение перед Анной Дав(ыдовной) Баратынской, что Вы не могли быть у нее, особенно очень мил вышел конец, два последние стиха. (р) Перечитал я также с превеликим удовольствием стихотвор(ение) На Страстной неделе. Если не ошибаюсь, Вы мне прислали летом не все, только часть, кончавшуюся словами — И да исправится, как дым благоуханного кадила Моя молитва пред

тобой. Далее, со стиха: С безнадежною тоской и т. д. — я не помню, не читал. Это прекрасно, потому что опять-таки верно, и притом вдохновенно выражает благоговейное настроение молящегося в великие дни недели. (р) Между остальными новыми Вашими произведениями в книжечке есть несколько звучных, нежных, ласковых, полных задумчивой неги или грусти — словом приятных стихотворений: читатель, особенно читательницы прочтут их с кроткой улыбкой. Но — (позвольте быть откровенным) спирту, т. е. силы и поэзии, в них мало: лишь кое-где изредка вспыхивают неяркие искры. Очевидно, стихи набросаны небрежно, как будто второпях, и мало обработаны. Это скорее легкие наброски, глубоко непродуманные и непрочувствованные66. Вы сами пометили их (некоторые) «между Берлином и Франкфуртом»,

между «Вильно и Мин... станцией»: стало быть, писали в дороге, так сказать, на ходу, занесли в книжечку и по-видимому больше к ним не возвращались, не додумывались и не добирались внутренним, поэтическим чутьем до сути, до живого нерва, до пульса, который бился в момент чувства, думы или пережитого впечатления.

Например, в стихотворениях: Оле, Анастасье, Сестре Вере, В альбом Ильинского, На юбилей старушки везде просвечивает чувство, но тускло и довольно холодно — почему? Потому, кажется мне, что когда родственные и другие нежные излияния и чувства высказываются изустно и искренно, в них у говорящего — взгляд, тон голоса, движения — полны огня и силы. Если он просто запишет, что он сказал, выйдут холодные бледные слова и больше ничего. Но если он поэт и художник, он воскресит в себе, т. е. в воображении момент (или эпоху) пережитого или переживаемого чувства, уловит особенные признаки, веяния (неслышимые и нечуемые не-поэтом, хотя иногда и чувствуемые им бессознательно) — вдумается и верно пересоздаст испытанное — тогда и явится поэзия, в содержании или в форме, в самой мысли, в чувстве или в сильном стихе, будет ли то картина, образ или лирическое излияние. Так делали наши отцы и учители, Пушкин, Лермонтов, Жуковский — эти вечные образцы.

То же можно сказать и об обращениях к родине из-за границы: желалось бы от такого поэта, как Вы, побольше содержания и спирту, т. е. вдумчивости, определенности, строгой сознательности даже самого чувства любви к родине. Например, в стихотворении Цветущий Запад, впрочем звучном и эффектном, все хочется спросить, почему невозделанные степи далекой родины Вам милее всех великолепий Запада? Потому что они родные, конечно, будет ответ. Но ведь это же скажет всякий, не-поэт: это общее место, где же тут пища для поэзии, для отдельного стихотворения? Пища, конечно, есть: это «таинственные силы», на которые Вы намекаете. Опять хочется спросить, какие же это «силы»? Вообще, между звучными, эффектными, нежными стихотворениями есть много недосказанного, недоделанного и немало необработанных стихов; в этом же стихотворении есть выражение: «здесь пользу с выгодой прямою извлечь умеет человек», — не найдете ли Вы сами, что польза и выгода — одно и то же? Это темно.

Затем следует такое хорошенькое, живое, горяченькое стихотворение: «Встань, проснись! Умчались тучи!» Это вылилось под влиянием живого, непосредственного чувства — и оттого вышло так свежо, бодро, тепло.

Ваши военные стихотворения — на этот раз далеко уступают прежним (за исключением, впрочем, На 12 Октября 1887, которое эффектно, сжато и довольно сильно, как дружеское напоминание товарищам о себе). Зато в Дежурной палатке и в Письме к дежурному офицеру Изм. Полка не сверкает тот живой огонь, не блестит теми искрами поэзии, какие рассыпаны в Лагерных заметках: там так чутко и зорко собрали Вы с полей и с лагеря, с природы и с бивуачной жизни живые, характеристические черты и сжали в одной картине, в одной рамке! — здесь же, напротив, в Дежурной палатке и в Письме к офицеру Вы, как будто прозой, обстоятельно рассказываете, шаг за шагом, о том, как происходит развод на Троицкой площади, как проходит дежурный, потом генерал, что делают офицеры в клубе — и т. д. Это простой дневник (извините, ради Бога, за неуместную и, может быть ошибочную оценку), — дневник, скажу, без красок, без огня, без лучей поэзии, хотя вступление и тут не дурно. В Дежурной палатке — картинка ночи «как солнце за морем (не за море ли?) зашло?», пожалуй, не дурна,

хотя едва лишь слегка намечена, но заключение уже совершенно прозаично: «все спит, кроме дежурного и часового»! Тут и все. Но ведь это так происходит во всякой палатке, в каждой гауптвахте: это видит всякий и не поэтический глаз, так же, как он видит и парад на Троицкой площади в том виде, как он описан в Письме к офицеру. А поэт чутко видит именно те черты и признаки явления, которых не замечает простой глаз, пока поэт не укажет их — и тогда прозрят другие, не поэты (Кстати замечу, что в Письме к дежурн(ому) офицеру вкрался невозможный стих-гротеск: «С Измайловской душою»).

После сделанных уже Вами сознательных шагов и успехов в поэзии, после зрелых и крупных произведений можно и должно пожелать более сознания и крепости, зрелости и в выборе сюжетов, и в отделке стихов. Много является дум, чувств и образов, которые просятся в душу поэта и в стих: но нельзя же допускать всех «званых», а только избранных, чтоб не плодить стихов без творчества, к чему так склонна ранняя молодость. — На днях мне попался под руку в фельетоне газеты критический этюд Буренина, который я позволяю себе приложить при этом67. Этот Буренин — бесцеремонный циник, часто пренебрегающий приличиями в печати, но он не без таланта, опытен, и у него есть критический такт. В этом фельетоне, как Вы изволите увидеть, он разбирает школу новейших поэтов, особенно не любит из них жидов (и я тоже). Он давно говорил, что между жидами нет искренних, высокого полета поэтов, и никогда не было ни одного гения, не исключая и Гейне, и были и есть только искусники, «виртуозы».

Говоря о недостатке искреннего чувства и вдохновенного увлечения в них, он очень ловко выбрал по строфе у четырех поэтов и сделал из них одно стихотворение, чтоб показать пустоту и беспочвенность их стиходелия. Он, разбирая стихотворения духовного содержания священника Соколова, затрагивает вопрос вообще о сюжетах религиозного содержания.

Он при этом высказывает несколько дельных и метких заметок, мотивов и положений о стихотворстве вообще, которые, конечно, заметят и примут в соображение и Фет, и Майков, и Полонский, да и все пишущие стихами.

Этим кончаю свое невозможно длинное и нескладное письмо, диктуемое мне глубокою к Вашему Высочеству симпатиею и сердечным участием к Вашей поэтической Деятельности, поставить на высокую степень которую — у Вас так много и природных (ума, таланта, образования) и всяких других средств. Вероятно, в последний раз мне выпадает на долю приятный долг и честь беседовать с Вами о поэзии, литературе вообще.

Не могу идти далее, несмотря на все желание: глаз мешает.

Хочется сберечь до конца моих дней — луч зрения и поберечь разбитые летами и жизнью силы. Я все что-то недомогаю.

В заключение позвольте мне принести Вам и Ее Высочеству Великой Княгине мои искренние и почтительные поздравления с праздником Р. Х. и смиренно призывать на Вас и на весь Ваш дом благословение Божие.

Вашего Императорского Высочества(р) всепокорнейший и неизменно преданный слуга(р)

Иван Гончаров

P. S. Книжечка стихотворений при сем возвращается.

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 18 сентября 1887 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 209—210. — [Т.] V

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

(Петербург) 18 сентября 1887

Милый, многоуважаемый Иван Александрович,

ваше письмо доставило мне большую радость; спешу поблагодарить вас от всей души.

Вы, я думаю, и не подозреваете, как я дорожу вашим мнением о моих произведениях. Посылая к вам Севастиана-мученика, я трепетно и томительно ждал ответа. Меня пугало, что вы найдете мою поэму неудовлетворительной и что следовательно я протрудился втуне. И вот, вы говорите, что в этом сочинении заметен шаг вперед. Если бы вы могли знать, как высоко я ценю ваше суждение, то поняли бы, как я был обрадован.

Искренно благодарю вас и за замечания относительно недостатков поэмы; признаюсь, я ждал, что вы отнесетесь строже к моему труду. Я никогда не забуду, что вы не отказываетесь быть моим руководителем на пути к усовершенствованию.

В защиту содержания второй половины поэмы не могу не сказать, что я его не выдумал, а взял отчасти из Четии Минеи, частью же из романа кардинала Уайзмана «Fabiola», переделанного на русский язык Евгенией Тур под заглавием «Катакомбы»64. В житии св. Севастиана упоминается о том, как по расстрелянии в саду Адониса, мученик был излечен благочестивыми христианками и явился к Цезарю с обличительной речью. О таких речах говорится и в других житиях святых. Например, Георгий Победоносец громил Диоклетиана грозными словами в храме Аполлона. Юный вождь, о котором говорит Севастиан, это Константин Великий, разбивший сына Максимиана Максенция на Тибре немного времени после описанного происшествия.

Я совершенно согласен с вами, что, описывая мучения Севастиана, я более, чем бы следовало, увлекся картиной, тогда как надо бы было изобразить внутреннюю борьбу духа над истощенной плотью. Впрочем я и не рассчитывал на безукоризненное произведение, так что ваши одобрительные отзывы пришли совершенно неожиданно и я глубоко за них признателен.

Мы уезжаем во вторник прямо на Константское озеро к королеве Виртембергской65, а оттуда в Альтенбург. Там я думаю оставить жену на несколько недель, а сам буду разъезжать по Европе. Хотелось бы побывать в некоторых мне еще незнакомых городах Испании.

Дай Бог, чтобы наступающая зима с злейшими вашими врагами — мраком и стужей — не причинили вам вреда. Продли, Господь, дорогие ваши дни и укрепи в вас здоровье. Жена просит вас не хворать и почаще заглядывать в наше гнездышко, когда мы вернемся из-за границы.

У меня задумана новая работа — драматическое сочинение, чтоб не сказать трагедия. Содержанием я выбрал Царевну Софью Алексеевну, желая обратиться к родной отечественной истории, столь богатой источниками для творческих вдохновений.

Еще раз от всего сердца благодаря за постоянное внимание, крепко жму вам руку.

Ваш неизменный Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 20 июля 1887 г. Усть-Нарва, Гунгербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 204—207. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

Усть-Нарва, Гунгербург 20 июля 1887

Ваше Императорское Высочество!

Вы благосклонно принимаете мои простые, сердечные (оттого и простые) и вовсе не литературные писания к Вам, и притом еще «частые» (не упрек ли это — чего Боже упаси!), а я боюсь, уместно ли мне напоминать Вам о себе, когда около Вас, около Её Высоч. Вел. Княгини и Новорожденного Князя собирается блестящий круг Августейших родных посетителей и посетительниц!

Между прочим, по этой причине я нарочно замедлил ответом на Ваше последнее письмо и не решался поздравить 13го июля, ни телеграммою, ни письмом со днем Ангела новорожденного Именинника. А тут подошли другие торжественные дни: Св. Ольги, Св. Владимира; в такие дни Вашему Высочеству конечно было не до моих писем и телеграмм!

Я перечитываю оба Ваши, исполненные душевной теплоты, ума, изящества и дорогой мне личной ласки ко мне, письма, глубоко и искренно сочувствую — кротко и нежно волнующим Ваше сердце семейным радостям, потом пробегаю в газетах бюллетени о состоянии здоровья Ее Высочества и Новорожденного, — и твержу про себя: «Слава Богу! Слава Богу! Бог ведает, что и кому даровать! Он видит, как свято принимаете Вы неоцененный дар — семейное счастье — и благословит Вас, супругов — и тех, кого Вы «с бесконечною отрадою» называете «мои дети!»

Прошу вновь Ваше Высочество и Ее Вво Великую Княгиню — с добротой принять мои душевные поздравления и пожелания.

Обращаюсь к стихотворению: На Страстной неделе. Я прочел его с таким же умилением, с каким оно, очевидно, написалось, или вернее, излилось из души поэта, как изливались и самые оригиналы этих молитв из вдохновенных верою душ их авторов. Такие молитвы есть — поэзия верующей души, поэзия возносящегося к Богу духа. Всякий — глубоко ли, или младенчески верующий и пламенно молящийся — в момент молитвы — есть и лирический поэт. Молясь восторженно, с умилением, он играет на своей лире, не подозревая, не сознавая того, как известное Мольеровское лицо52 «fait de la prose sans le savoir»*, он, наоборот, «fait de la poesie sans le savoir»**. Я говорю о верующих младенческих, простых душах и умах. И на них горит луч поэзии в молитвенном настроении. Стоит только взглянуть на молящиеся фигуры в картинах Беато Анжелико53, Перуджини и т. п. Все эти молящиеся девы, ангелы — кажутся на одно лицо: вовсе нет. На них светится только один и тот же луч: луч веры и молитвы. Это можно поверить в церкви, глядя на лица молящихся, в момент молитвенного настроения, когда, например, при чтении Отче наш, толпа (особенно женщины) опускаются на колени. У всех лица — конечно разные, т. е. черты лиц, но на всех ляжет одно общее выражение, всех озаряет один луч света — это благоговения, молитвы — и все вдруг, на мгновение уподобятся друг другу.

Это я говорю про простые души и младенчески верующие умы. Другое дело — сознательно и глубоко верующие умы и души: эти, при таланте, воплощали поэзию духа, поэзию молитвы — в искусство, начиная с Царя Давида, пророков — и до поэтов и художников нашего времени. Неверующий или «маловерный» никогда не создал бы Сикстинской Мадонны54: Рафаэль был, конечно гений, но тут одного гения недостаточно: нужно было еще другое, чего у других, очевидно, не было, или было не столько, как у Рафаэля. Ни Тициан, ни Гвидо Рени, ни Мурильо, ни Рубенс с Рембрантом не достигали (хотя и гении) той высоты творчества, какой достиг Рафаэль в Сикстинской Мадонне (больше всего) и потом в других своих Мадоннах — матерях и в младенцах. Ни у кого (по моему мнению, или вернее, по эстетическому личному впечатлению) нет такого совершенства в изображении красоты Матери и прелести младенчества, начиная с младенца Иисуса и прочих детей, между прочим, ангелов у ног Сикстинской Мадонны.

Мне кажется, это потому, что Рафаэль писал с видения, с образа, созданного ему верою, а другие изображали с живых женщин, иногда даже с натурщиц.

В этом последнем Саванаролла (в прекрасной поэме Майкова)55 справедливо громит художников (пишущих с натуры), называя их «маловерными».

Простите, Ваше Высочество: я хотел написать краткое письмо и заиграл на своей неуклюжей,

непоэтической лире, просто заболтался, и не знаю, как кончить. Позвольте обвинить Вас самих: зачем было присылать мне это стихотворение? Оно дышит и молитвенным, чистым настроением, и сжато, и сильно. Счастливая мысль — совокупить в нескольких строках главные лучшие молитвы прекрасных умилительных молитв Страстной недели. Ваше чувство мгновенно родилось среди их, выпорхнуло, как птичка, из Вашей души и приютилось в немногих словах. Один ум не помог, а скорее, может быть, помешал бы овладеть мотивами и так счастливо сочетать их в краткой поэтической молитве. Ум часто руководит, и должен руководить чувством, но в этом и в подобных случаях, наоборот, чувство освещает путь уму. Порождает мысль, обыкновенно, ум, но он родит и её близнеца: сомнение. Завязывается борьба между ними: птичка-молитва робко улетает, а с ней — вдохновение и поэзия. Она является после борьбы и победы ума и мысли, когда С души как бремя скатится, Сомненье далеко — И верится, и плачется, И так легко, легко...56 Стало быть в молитвенном экстазе чувство умнее ума, который тут служит ему покорным слугою. Когда уляжется в душе моей тревога (борьба с сомнениями и проч.), говорит Лермонтов: Счастье я могу постигнуть на земле, И в небесах я вижу Бога57. Но этого долго ждать: пылкой, верующей, при том юной душе не терпится: пока ум доведет дух поэта, и вообще человека до этих высоких граней, сомнение подсказывает свое, омраченный рассудок называет жизнь пустою и глупою шуткой!58 Не терпится, говорю я — и молящийся поэт слушается чувства и передает, как Вы сделали, его внушения лире — и является стройное, благоговейное излияние, как Ваше.

Почти все наши поэты касались высоких граней духа, религиозного настроения, между прочим величайшие из них: Пушкин и Лермонтов: тогда их лиры звучали «святою верою» (И дышит благодатная святая вера в них и т. д.)59, но ненадолго. Тьма опять поглощала свет, т. е. земная жизнь брала свое. Это натурально, так было и будет всегда: желательно только, чтоб и в нашей земной жизни нас поглощала не тьма её, а её же свет, заимствованный от света... неземного.

Пушкин (Мадонна) жаждал двух картин: чтобы на него, с холста иль с облаков, взирали — Божия Матерь и Спаситель — Она с величием, Он с разумом в очах, но нашел это «величие» не в образе Пресвятой Девы, а в ниспосланной ему Мадонне видел Чистейшей прелести чистейший образец — т. е. в женщине, кажется — в своей супруге, а не видении, созданном верою60.

Саванаролла назвал бы обоих поэтов «маловерными», но какая «святая прелесть» (по выражению Лермонтова) блещет в этих искрах поэзии!

В противоположность поэтам «маловерным» приведу цельно, неразбавленно — ничем — верующего, автора молитвы «Господи, Владыко живота моего! Дух праздности и уныния» и т. д. Св. Ефрема Сирина61. Он не поэт, стихов не писал (кажется, не писал), а между тем в три фразы, в три молитвенные воззвания к Богу, вместил всю Христианскую этику. Что помогло ему? Конечно, ум, мудрость во всей ее глубине, — но под наитием веры и Св. Духа!

Может быть, Ваше Высочество, по поводу вышесказанного мною о Сикстинской Мадонне, заметите мне, что и у Рафаэля, как у Пушкина, был тоже «чистейшей прелести чистейший образец» в лице земной Мадонны — Форнарины, которая могла служить ему идеалом для его картины. Идеалом — пожалуй: т. е. навести на мысль, но никак не образцом, не натурой для копии. Воплотить в одном лице — и Матерь Бога, с «величием», и вместе с смирением в очах («призре на смирение рабы Своея»)62 — до степени «священного ужаса» — (от сознания, Кого Она держит на руках), и тут же изобразить святую наивность и непорочность Девственницы: — нет, для всего этого никакая Форнарина не поможет!.. Боже мой! Я — «с священным ужасом» вижу, что моему письму конца не будет, если дам перу волю высказывать все, что бродит у меня на уме по поводу Мадонны, поэзии, живописи. Простите, я умолкаю — не из боязни только отвлекать Ваше Высочество своими писаниями от кроткого лона Ваших семейных радостей и от Ваших высоких Гостей, но и от того, между прочим, что у меня, когда посижу за пером час-другой, начинают скакать желтые пятна по бумаге — и я бегу прочь от письменного стола в страхе за свое единственное око. Я молюсь, чтобы Бог сохранил мне луч света, остаток зрения, до конца моих дней.

Благоволите принять и повергнуть перед Её Высоч. Вел. Княгиней — выражение моей почтительной симпатии и глубокой неизменной преданности

Вашего Императорского Высочества всепокорнейшего слуги

И. Гончарова

P. S. Я не досказал вполне свою мысль об изображениях художниками Иисуса Христа, Божией Матери, и вообще святых сюжетов: прошу позволения сделать это или в письме отсюда, а еще

вернее зимой при свидании. А теперь займусь поправкой и отделкой того, что желал бы прочитать Вашему Высочеству.

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 10 июля 1887 г. Красное Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 203—204. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

(Красное Село) 10 июля 1887

Милый Иван Александрович,

нынешнее лето мне как-то особенно везет: никогда еще я не получал от вас писем так часто, а эти письма доставляют мне столько радости и удовольствия.

И жена и я глубоко и искренно благодарны вам за участие, с которым вы отнеслись к нашей новой семейной радости. Конечно, она не могла сравниться с испытанною первою впервые, при рождении первенца: с тем счастием ничто сравниться не может, но этот второй ребенок был нами встречен с бесконечной благодарностию Господу Богу и слезами радостного умиления.

Прежде я с невыразимо сладостным чувством гордости и любви говорил: мой сын. А теперь мне так бесконечно отрадно говорить: мои дети, и в этих словах, кажется мне, сливается вся привязанность и нежность, на какую только способен человек.

Вы не ошиблись: мы назвали новорожденного в честь Архангела Гавриила, но день ангела его будет праздноваться не 26 марта, как вы думали, а 13 июля — ближайшее ко дню рождения число, в которое церковь наша тоже чествует святого Провозвестника нашего искупления.

Вы подаете мне мысль переложить на стихи слова архангела Пресвятой Деве, приведенные в Евангелии от Луки. Представьте, что эта мысль и мне приходила уже давно, и я надеюсь, что когда-нибудь мне и удастся написать этот Ave Maria.

Вы так подкупаете меня снисходительным отзывом о моих стихотворных переложениях из Святого Писания, что я решаюсь представить на ваше обсуждение стихи, написанные мною нынче весною на Страстной неделе. Я старался передать в них впечатления, производимые на нас умилительными молитвами служб святых Страстей; как увидите — у меня перечислены главнейшие из этих молитв. Я пытался — в кратких словах изложить сущность их содержания, но боюсь, что далеко не достиг трудной цели.

Крепко сжимаю вам руку и прошу по-прежнему любить и жаловать. Сердечно к вам привязанный

Константин

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

Жених в полуночи грядет...

Но где же раб Его блаженный,

Кого Он бдящего найдет?

И кто с лампадою возженной

На брачный пир войдет за Ним?

В ком света тьма не поглотила?

О да исправится как дым

Благоуханного кадила

Моя молитва пред Тобой!

Я с безутешною тоскою

В слезах взираю издалека

И своего не смею ока

Поднять к чертогу Твоему;

Где одеяние возьму?

О Боже, просвети одежду

Души истерзанной моей,

Дай на спасенье мне надежду

Во дни святых Твоих страстей.

Услышь, Господь, мое моленье

И тайной вечери Твоей

И всечестного омовенья

Прими причастника меня.

Врагам не выдам тайны я,

Воспомянуть не дам Иуду

Тебе в лобзании моем;

Но за разбойником я буду

Перед святым Твоим крестом

Взывать коленопреклоненно:

О помяни, Творец вселенной,

Меня во царствии Твоем!

К. Р.

Петербург. 1 апреля 1887.

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 6 июля 1887 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 202—203. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

6 июля 1887

Счастливую весть о Вашей новой семейной радости, благосклонно сообщенную мне в телеграмме Вашего Императорского Высочества, я приветствовал — как ласковый солнечный луч. — Прежде всего я перекрестился, что событие совершилось благополучно, что Ее Высочество и Новорожденный «здоровы».

Переношусь мысленно к Вам и радуюсь про себя, любуюсь опять, как много раз уже любовался, завидною картинкою Вашего мирного семейного быта.

Поспешаю выразить Вам мою живейшую радость и принести смиренные, но горячие поздравления Вам и Ее Высочеству Великой Княгине — с этим новым знамением Божьей благодати!

Да не оскудеет Божия милость к Вашим Высочествам и к Вашим юным отраслям и да благословит Господь Новорожденного Князя Гавриила, и весь Ваш Дом, такими блестящими, прекрасными, праздничными днями жизни, какими в настоящее время радует нас здесь природа!

Надеюсь, что солнце также радостно играет и над колыбелью маленького принца, как здесь: Нарва — так близко от П(етербур)га и Павловска. Одно небо покрывает и то и другое место, одни лучи согревают их, и бури — тоже общие, как, например, гроза 24 июня, с градом разразилась и здесь и там.

Позвольте присовокупить ко всем моим теплым, добрым пожеланиям по поводу рождения Князя Гавриила, одно пожелание литературного свойства.

Когда маленький Князь станет на ноги, будет молиться, учиться, между прочим и читать стихи — да будет первым прочитанным и выученным им наизусть стихотворением — приветствие Архангела Гавриила Деве Марии — переложенное в стихи даровитым поэтом — его Родителем!

Ваши библейские, и другие молитвенные переложения и стихи отличаются возвышенностью, и вместе простотой, очевидно внушаемой «верой и любовью!»

Я говорю об этом будущем переложении в стихи Ave Maria в том предположении, что Новорожденному дано имя в честь Архангела Гавриила и что тезоименитство будет праздноваться, по церковным уставам, 26 марта, на другой день празднования Благовещения.

«Какое оригинальное желание!» — может быть, подумает Ваше Высочество, но мне почему-то кажется, что Вы его приведете в исполнение: оно представляет прекрасный материал для сильного, звучного стихотворения. Настроить лиру, настроиться самому поэту на этот тон — и выйдет стройный христианский гимн.

Простите за эти, может быть, по причине торопливой радости нескладно выраженные, но искренние чувства и поздравления — и не лишите меня, вместе с Ее Высочеством Великой

искренние чувства и поздравления — и вместе с тем Княгинею, и впредь навсегда Вашего благосклонного и дорогого для меня расположения.

С чувством глубокой и неизменной преданности, имею честь быть

Вашего Высочества всепокорнейшим слугой

И. Гончаров

Гунгербург

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 28 июня 1887 г. Усть-Нарва, Гунгербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 200—202. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

Усть-Нарва, Гунгербург 28 июня 1887

Я боюсь отвлекать Ваше Императорское Высочество от Ваших занятий — от поэзии лагерной, военной и от статской (мученика-Себастиана) и постараюсь ограничиться кратким, душевным выражением глубокой благодарности за добрую, тронувшую меня телеграмму в день моих именин и за милое, прелестное письмо, которым Вы почтили меня в дополнение к ней. Не напомнить этого не могу.

Вся Ваша прекрасная, поэтическая натура отражается, как солнечный луч в капле воды, в этих умных, живых, полных игры и жизни строках. Ваша проза соперничает счастливо с Вашими стихотворными эскизами лагерных сцен. Я не охотник до военных сцен, или впрочем, не знаю их, но — по Вашим очеркам — чувствую, что в них есть своя поэзия: не даром же Шиллер создал свой Лагерь Валленштейна49: стройные ряды войск, барабанный бой и солдатский быт будили и его творческую фантазию. Он даже, кажется, и не служил в военной службе, а очерк этого Лагеря вышел у него реальнее, живее и правдивее всего в большой, несколько натянутой и растянутой трагедии. Нет сомнения, что военные упражнения и житье между фельдфебелями, писарями и артельщиками в полку послужит Вам большим придатком и пособием к реальному изображению разных сторон жизни.

Меня очень радует, что Вы изучили Пушкина, не только с его лицевой, но и с изнаночной стороны. Узнав детали частной, интимной жизни, можно разгадывать яснее мотивы многих его произведений.

Я очень счастлив, что принесенная мною Вам книга о нем послужила Вам маленькой дорожкой к этому капитальному и плодотворному изучению Вашим Высочеством нашего вечного образца и наставника поэзии. Это изучение, я уверен, служит краеугольным камнем Вашего последующего творчества. Позвольте напомнить, что почти все писатели новой школы: Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Майков, Фет, Полонский, между прочим и я — все мы шли и идем по проложенному Пушкиным пути, следуя за ним и не сворачивая в сторону, ибо это есть единственный торный, законный классический путь искусства и художественного творчества.

Вы стали уже на этот путь, и мы все усердно, горячо увлекаем Вас туда же, в светлую и заманчивую даль.

Мученик Себастиан, изображение которого в натуральную величину я видел в Ваших покоях50, — мне показался не довольно правдив, хотя и очень красив. Это — мученик-франт, как будто позирующий в tableau vivant*. Прекрасное, колоритное тело, белое, свежее, упругое, как у красавицы — и ни следа мучений, страданий, судорог! По крайней мере мне так показалось.

Благодарю, принимаю Ваш Альтенбургский [illegible] Ваш Ки

Елизавета, принцесса Саксен-Альтеноургская, герцогиня Саксонская со своим женихом Вел. Кн. Константином Константиновичем

Елизавета, принцесса Саксен-Альтенбургская,

герцогиня Саксонская со своим женихом

Вел. Кн. Константином Константиновичем

Ваша поэма, от которой жду многого, доскажет все, чего не говорит картина. Я не помню хорошенько биографии этого святого; вероятно, Вы почерпнете в его жизни достаточный и достойный материал для Вашего нового произведения, которое, смею надеяться, Вы благосклонно сообщите мне до появления в печати.

Благодарю всепокорнейше Ваше Высочество за обещание прослушать мои новые очерки, которые, как сказывали мне слышавшие их, не лишены веселости: если Вы и другие Августейшие слушатели пожалуете меня благосклонною улыбкою, а если таковым же «хохотом» (по Грибоедову), то я буду крайне польщен. Я искренне полагал читать их у Вашего Высочества в Мраморном Дворце. Теперь я что-то просматриваю и отделываю.

Не знаю, как просить Вас повергнуть перед Ее Высочеством Вел. Княгиней выражения моей живейшей и почтительнейшей признательности за грациозное внимание и память обо мне. Меня глубоко трогает ее ласковая доброта, конечно, не ради малого значения моего, а ради моих старых лет. Зато как же я и доволен, когда мне выпадает на долю бывать в гостях в Вашем светлом семейном гнездышке.

С молитвой к Богу, горячо желаю Вашим Высочествам дождаться благополучно второй семейной радости!

Вы угадали: мне пока живется здорово и покойно. Все зелено кругом — и я сижу, как заяц в капусте. А главное — тихо, точно в деревне. Море, правда, шумит — по своей должности, но я отделен от него сосновым лесом и защищен от ветров и морского песка.

Прошу прощения за длинноту письма, еще раз прошу благосклонно принять выражение глубокой признательности вместе с выражениями неизменной преданности.

Вашего Высочества всепокорнейший слуга

И. Гончаров

Усть-Нарва

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 24 июня 1887 г. Красное Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 199—200. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Красное Село 24 июня 1887 г.

Милый и многоуважаемый Иван Александрович,

ваше доброе письмо, полученное вчера в Павловске, обрадовало и жену и меня несказанно. Не говоря уже про то, как нас тронула ваша память о маленьком тезке-имениннике, мы оба с большим удовольствием заметили, что вам живется приятно и спокойно. Ваше письмо так светло и радостно, и мы невольно заключаем из этого, что и на душе у вас ясно и тихо. Я недавно случайно узнал, что вы поселились в Усть-Нарове и сам собирался писать вам, как вдруг,

совершенно неожиданно приходят ваши милые строки.

Сегодня день вашего Ангела: примите же мои самые искренние поздравления с задушевными пожеланиями здоровья и бодрости духа.

Пишу вам из лагеря при селе Красном, полк перебрался сюда в половине мая, а свою маленькую семью я в то же время перевез в Павловск. Туда я ездил по воскресным и праздничным дням, а остальное время обучал роту строю, всяким тактическим хитростям и стрельбе. Эти занятия, как я не раз говорил вам, преисполнены поэзии, несмотря на их кажущуюся сухость. Но на беду, нынешний год мне не везло: разболелась надкостница челюсти и я две недели промучился. Вы легко поймете, что при этой несносной боли ни ученья в широком поле, ни атаки рощ, ни оборона селений, ни белые ночи, ни полевые ландыши, ни вечерние напевы соловья не могли радовать меня, как обыкновенно радуют вешнею порою. Зубной врач не решался рвать коренных зубов, говоря, что мне следовало бы выдержать хирургическую операцию. Вот я и подвергнулся ей в клинике Ройера, где в продолжение полутора часа под хлороформом мне вытащили целых семь кусков двух зубов. После этого надо было просидеть взаперти в Павловске в течение двух недель.

Отгадайте, чем я занимался все это время? — изучал Пушкина. И этим я обязан вам. Из подаренной вами книги вычитывал его биографию и в связи с обстоятельствами его жизни прилежно просматривал его творения все по порядку, а также и его письма. И вот мне теперь кажется, что я лично знакомлюсь с Пушкиным, он как живой встает перед глазами, со всеми своими слабостями и недостатками, во всем величии своего творчества. Мне кажется, такое изучение последовательного роста и духовного развития гения должно быть очень назидательно нашему брату — начинающему писаке.

Теперь я здоров и снова вернулся к лагерной жизни, к товарищам, к любезной своей роте. Опять пошли беседы с фельдфебелем о цене на сено для артельной лошадки, о больных, о провинившихся, об обличившихся на стрельбе, о капусте и грибах. Опять суеминутно является ко мне ротный писарь, с рапортом, бумагами, списками и сведениями. Опять является артельщик с вечным нерешительным требованием: «денег позвольте». Но эти мелкие подробности имеют большую прелесть: тут в лагере отдыхаешь душой, даже пройдя верст 20 на ученье; тут спится спокойно и даже самая жесткая говядина грызется легко и со вкусом. Тут фельдфебель не задумывается о кознях Бисмарка, писарь не заботится о судьбах вероломной Болгарии и артельщик не разбирает друг ли или враг нашему отечеству издатель «Московских ведомостей». Тут я не слышу о заблуждениях правительства и никто не надоедает рассуждениями о неправильности нашей финансовой системы. Здесь, в лагере, каждый делает свое дело, хотя маленькое и, может быть, незначащее, но все-таки дело и старается потверже идти в ногу заодно с другими. Может быть, мне на это скажут, что нельзя жить такою ничтожною жизнью и не парить в более возвышенные сферы, но я нахожу свое положение весьма приятным и ничего другого не желаю.

Вы спрашиваете про мою Музу? Мне весьма и весьма лестно, что вы о ней вспомнили. Я продолжаю писать; моя поэма «Севастиан-мученик» приходит к концу. Это мое первое длинное произведение; говорят, что первый блин непременно должен лечь комом, вот я и боюсь, что моя поэма оправдает эту поговорку. Врочем, попытка никому повредить не может и мне меньше, чем кому-либо.

Вы написали новые рассказы и желали бы прочесть их нам — братьям и близким знакомым. Нечего и говорить, что у меня слюнки потекли от вашего обещания; но позвольте попросить вас, чтобы это чтение состоялось ни у кого другого, как у меня. Я очень надеюсь, что вы не отнимете у меня этого дорогого права.

Но я непозволительно разболтался и вижу, что давно пора прекратить это бесконечное писание.

Еще раз от всей души благодарю вас за милую добрую память и прошу верить моей искренней привязанности.

Константин.

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 4 апреля 1887 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 196—197. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Мраморный дв(орец)

(Петербург) 4 апреля 1887 г.

Многоуважаемый и милый Иван Александрович, остается немного часов до наступления Светлого праздника, еще нельзя произносить приветствия:

Христос воскресе, — но можно пожелать вам встретить этот великий день радостно, беззаботно и в добром здоровье.

Ваше письмо доставило мне великое удовольствие; вы не поверите, как мне отрадно знать, что я всегда найду в вас внимательного, строгого и беспристрастного пестуна. От всей души благодарю вас за это новое доказательство вашей снисходительности к моей скромной музе. Чем далее, тем более ценю я ваше мнение, и отзывы ваши слагаю в моем сердце.

Сердечно признателен вам за присылку статьи; я не прочитал ее еще, потому что тоже говел на этой неделе и старался избегать всяких развлечений, а читать вас не только развлечение, но и наслаждение, в котором не мешает отказывать себе во время говения.

Жена и я просим вас принять прилагаемые портреты, надеясь, что, попадаясь вам на глаза, они будут напоминать вам о том, что искренно любящие вас супруги всегда рады, когда вам вздумается заглянуть в их гнездышко.

Крепко жму вам руку и желаю не хворать.

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 3 ноября 1886 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 190—191. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург) 3 ноября 1886

Ваше Высочество — если изволите припомнить, при свидании изъявили желание иметь мой силуэт работы талантливой художницы госпожи Бем33: без этого, конечно, я не решился бы представить его motu proprio**, т. е. сам.

Я даже побоялся явиться один, а взял в товарищи также прилагаемого при сем Рубинштейна34, чтобы за спиною его смелее прокрасться самому. Художница сделала пока три силуэта: третий Гензельта35. Все трое рядом выставлены у Беггрова36, где я их нашел, и, вероятно, есть и у других. Она будет продолжать эти копии с разных известных лиц.

Силуэты представляются здесь без рамок; au naturel, потому что я не знаю, какое назначение будет угодно им дать: в папке, в каком-нибудь сборном альбоме, или просто у стенки, в

малозаметном уголке Вашего великолепного кабинета.

Впрочем, что касается до Рубинштейна, фигура и поза которого так мастерски схвачены художницею, то, может быть, Ее Высочество Вел. Княгиня

Елизавета Маврикиевна, ценя по достоинству знаменитого маэстро, удостоит его лик чести красоваться в Ее покоях.

Теперь прошу позволения перейти к последней беседе, в прошлый понедельник. Возвращаясь по набережной пешком домой, я много думал о замышляемом Вашим Высочеством грандиозном

плане мистерии-поэмы, о которой Вы изволили сообщить мне несколько мыслей.

Если, думалось мне, план зреет в душе поэта, развивается, манит и увлекает в даль и в глубь беспредельно вечного сюжета — значит — надо следовать влечению и — творить. Но как и что творить? (думалось далее). Творчеству в истории Спасителя почти нет простора. Все его действия, слова, каждый взгляд и шаг начертаны и сжаты в строгих пределах Евангелия и прибавить к этому, оставаясь в строгих границах Христианского учения, нечего, если только не идти по следам Renan38: т. е. отнять от И(исуса) Х(риста) Его божественность и описывать его как «charmant docteur, entoure de disciples, servi par des femmes»*, «проповедующего Свое учение среди кроткой природы, на берегах прелестных озер», и т. д., словом, писать о Нем роман, как и сделал Renan в своей книге «La vie de Iesus C(hrist)e».

Следовательно, художнику-поэту остается на долю дать волю кисти и лирическому пафосу, что и делали и делают живописцы и поэты разных наций. Даже жиды — и те, в звонких стихах воспевают (разумеется, без убеждения, без веры, и, следовательно, без чувства), страдания Христа, Голгофу и проч.

Всем этим я хочу только сказать, какие трудности ожидают Ваше Высочество в исполнении предпринятого Вами высокого замысла. Но как Вы проникнуты глубокою верою, убеждением, а искренность чувства дана Вам природою, то тем более славы Вам, когда Вы, силою этой веры и поэтического ясновидения — дадите новые и сильные образы, чувства и картины — и только это, ибо ни психологу, ни мыслителю-художнику тут делать нечего.

Я отнюдь не желал бы колебать Вашей решимости или подсказывать свои сомнения в Ваших силах — нет. Читая томик, лежащий у меня под рукою Ваших стихотворений, и между прочим переводов — я все более и более убеждаюсь в несомненных признаках серьезного дарования. Я только хотел сказать несколько своих мыслей по поводу избранного сюжета, которых при свидании, может быть, не сумел бы выразить определительно.

Недавно мне попался на глаза эпиграф из Гете, приведенный Тургеневым в одной из его повестей:

Greift nur hinein in’s voile Menschenleben!

Ein jeder lebt’s — nicht vielen ist’s bekannt,

Und wo ihr’s packt — da ist’s interessant!

(Кстати, замечу: слово «interessant» мне здесь не нравится: Гете мог бы найти более веское и притом чисто немецкое слово).

Брать из жизни: религия и вся жизнь, на ней основанная, — есть по преимуществу — высокая, духовно нравственная, человеческая жизнь, следовательно, «greift hinein», скажу вместе с Гете. Сам я, лично, побоялся бы религиозного сюжета, но кого сильно влечет в эту бездонную глубину — тому надо писать. Имею честь быть Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга

Иван Гончаров

Романов К. К. Письмо Гончарову И. А., 20 июля 1884 г. Красное Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 183—184. — [Т.] V.

К. К. РОМАНОВ — И. А. ГОНЧАРОВУ

Красное Село. Ильин день (20 июля) 1884

Милый Иван Александрович,

признаюсь, я было совсем потерял надежду получить весточку от Вас, как вдруг пришло ваше письмо; и какое письмо! Целых два листа. Жадно прочитывая ваши милые строки, я сожалел, что они уместились только на двух листах, и чтение, как и все в жизни, так скоро приходит к концу. Не знаю, как и благодарить вас за такое самопожертвование, но вместе с тем не могу не попенять на вас, ибо вы действительно совершили крупное преступление против своего больного глаза.

Жена моя очень тронута тем, что вы ее помните и просит вам кланяться и благодарить вас.

Вы так живо описываете окружающую вас обстановку, что я невольно переношусь к вам и разделяю ваши впечатления, как давно уже привык делить и переживать радости и горести всех действующих лиц ваших несравненных произведений.

Рассказать ли вам про свое житье-бытье? Но вспоминая, кому я пишу, я устрашаюсь и не осмеливаюсь докучать вам своею нескладной болтовней. А отвечать надо, во-первых, из вежливости, а во-вторых, я не могу отказать себе в удовольствии побеседовать с вами. Итак, прошу вашего снисхождения и очертя голову пускаюсь в разговор.

Я веду две жизни: одну — семейную, дачную, а другую — служебную, лагерную. Мы наняли себе недурную дачу, под самым Дудергофом, у опушки соснового леса, покрывающего своей темною зеленью гористые берега живописного озера. Соседство железнодорожной станции и пролегающая у самых наших ворот проезжая дорога нисколько не мешают нашему уединению. Обширные, крытые балконы и тенистый садик защищают нас от нескромных соседских взоров и пыли большой дороги. В свободное от службы время я обыкновенно читаю жене вслух, стараясь посвящать ее в прелести нашей родной письменности. Она уже познакомилась с «Демоном» и «Героем нашего времени» во французском переводе Villamarie, а немецкие стихи Bodenstedt'a дали ей некоторое понятие о «Евгении Онегине» и «Мцыри».

По вечерам обитатели Дудергофа спускаются к озеру и катаются на шлюпках; мы с женой и маленьким нашим двором не отстаем от других. Иногда артиллерийские юнкера распевают прелестные хоровые песни, скользя на катере по гладкой, зеркальной поверхности воды; и все лодки останавливаются, гребцы бросают весла и, притаив дыхание, прислушиваются к чудному пению.

Служба отнимает у меня много времени от этой дачной жизни. Но и тут, в лагере, на ученьях, маневрах, стрельбе и прочих занятиях я чувствую себя, как на даче, и не жалуюсь. Лето у нас стоит хорошее. Я люблю наши воинственные упражнения под палящими лучами солнца, среди полей, где на необозримое пространство кругом расстилается пестрое море цветов, посевов, лугов.

Мне кажется, всюду можно вносить свою поэзию и везде находить хоть долю прекрасного; даже и в такой сухой работе, как наши пехотные занятия, можно сыскать некоторую прелесть, стараясь представлять себе в лучшем виде эти однообразные ученья и упражнения. И это мне

вполне удается.

Однако, я боюсь, что мои размышления и описания не могут быть вам любопытны и только утомят ваше слабое зрение, а потому постараюсь прекратить это докучное писание.

Я надеюсь, вы не откажетесь посещать нас по возвращении в Петербург. Дай Бог, чтобы морской воздух и тихая летняя жизнь подкрепили ваше здоровье и возвратили бы вас к нам веселым и бодрым.

Имею передать вам поклон от графини Любови Егоровны Комаровской, одного из членов

нашего немногочисленного кружка.

А теперь до свидания; еще раз от всей души благодарю вас, многоуважаемый Иван Александрович, за милое письмо, доставившее мне огромное удовольствие и прошу верить моей совершенной преданности.

Константин

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., 27 июня 1884 г. Дуббельн // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 179—183. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

Лифлянд(ская) губерн(ия)

Дуббельн9, близ Риги.

Господская улица, дом Поссель

Ваше Императорское Высочество!

Вот уже три недели с лишком, как я перенес сюда, в этот немецко-польско-жидовско-латышский угол, свои пенаты, т. е. свою лень, нелюдимость и уединение, и до сих пор еще не воспользовался Вашим разрешением написать к Вашему Высочеству.

Причины тому — невольные. Сначала было холодно, по небу ходили точно моря, беспощадно поливая и землю и воду, в моем Palazzo* без печей, надо было кутаться в плед. Затем начались жары: тело таяло, как масло, на голове точно меховая шапка надета, мысли свертывались, как сливки в жару. А в больном своем, незрящем оке, я чувствовал, и в жар, и в холод, как будто вставленный горящий уголек.

К этому еще надо прибавить питье Мариенбадской воды, которая устами врачей запрещает читать и писать, а если послушать жестокосердых окулистов, то и курить не надо!

Но я взбунтовался против всего этого, бросил Мариенбадскую воду, закурил самую крепкую сигару и взял самый большой лист почтовой бумаги — и с великим удовольствием, с Вашего позволения, приступаю к беседе к Вашим Высочеством.

Пишу прямо, без приготовления, без обдумывания, без черновой: сделай я все это — вышла бы литературная, журнальная, может быть, эффектная статья: но в ней не доставало бы того, что всего лучше в переписке двух лиц — это искренности, интимности. Писать для всех — значит оглядываться, охорашиваться, остерегаться, являться не самим собой. А я желаю явиться перед Вами — au naturel*. Надеюсь, что Вы изволите одобрить это. Простите меня за это длинное, болтливое вступление. Не им следовало бы начать письмо, а глубокою благодарностью за дорогой подарок, которым Вы напутствовали мой отъезд из Петербурга: это день, проведенный у

дорогой подарок, которым Вы напутствовали мой отъезд из Петербурга. Это день, проведенный у Вашего «семейного очага»! Я робко приближался к Вашему порогу, не имея никакого представления в уме о новой для меня личности — Великой Княгине:10 но Ваш и Ее приветливый прием рассеяли мою робость, а грациозное председательство Ее Высочества за трапезой, очаровательная любезность и внимание, тонкая, изящная обстановка — вместе с блеском красоты и юности Новобрачной Четы — все это окружило меня атмосферою такой нежной, благоухающей поэзии, что я тихо, незаметно для Вас, наслаждался про себя, этою прелестною картинкою Вашего молодого, семейного счастья! Сам Гименей, казалось мне... нет, не Гименей, а православный Ангел Хранитель невидимо присутствует на страже Вашего юного, брачного гнезда! — Эта картинка прекрасно дополнялась присутствием Великой Княгини Екатерины Михайловны11 и Принцессы Елены Георгиевны. Глядя на Ее Высочество, я припоминал образы женщин в портретах Веласкеса, где достоинство спорит с благодушием.

Словом — я чувствовал, что был в гостях — действительно у «баловня судьбы»!12 Конечно, Ваше Высочество заслужили это «баловство»: да не оскудеет же она, по милости Божией, во век! Аминь.

У меня в ушах и в сердце так приятно звучат последние слова Ее Высочества: «Venez nous voir souvent»**.

«Souvent» — нет, это нельзя: я не баловень судьбы — и никогда не отделаюсь от страха — abuser***. Но изредка, изредка, осенью, или зимой, повторение такого дня будет богатым подарком для старика!

Теперь следовало бы мне сказать что-нибудь об этом крае, где я теперь: но сказать почти ничего не могу. О нем много офиц(иальных) донесений, еще больше пишут в газетах — часто разное, одно другому противоречащее. Да оно и быть иначе не может. Край бродит и не убродится, по-видимому, долго. Амальгамма немцев, латышей, евреев, поляков и иных — еще не отливается в одну массу. Пока — все врозь. Немцы, сказывали мне, стараются в поместьях своих не давать Латышам ничего, а Латыши стараются взять себе все, жиды хотят брать как можно больше и у тех и у других и т. д. Все это натурально и практикуется всюду между людьми. И лютеранские пасторы противятся переходу Латышей в православие, теснят наших священников и тех, кто смел перейти в православие. Словом — «борьба за существование», как везде! Дай Бог, чтоб победителем из нее вышел русский элемент!

Эту «политику» я знаю только по рассказам, а сам с балкончика своего вижу только сквозь деревья, как мелькают мимо все эти народности, больше всего Латыши и Евреи, даже не Евреи, а просто жиды. Латыши многочисленны, как волны морские. Жутко станет, когда очутишься в толпе их — точно Папуасов, подданных царя Миклухи-Маклая, или Караибов!

Народ не симпатичный, упрямый, плутоватый — и выпить водки не глуп! Говорят будто их немцы притесняют: не преувеличено ли это? Их, кажется, не скоро притеснишь: они постоят — не только за свои права, но и за то, на что никаких прав не имеют! Скорее, не боятся ли немцы их большинства и оттого стараются, где могут, держать их в руках, даже, будто бы, с помощью Правительства! Не знаю. Может быть, это толки злых газетных и негазетных языков! Что касается до враждебных выходок лютеранских пасторов против русского духовенства и православных Латышей, то это, кажется, вовсе не преувеличено: рассказы об этом слышишь на каждом шагу.

Странно: у Лютеран вообще нет религиозного фанатизма, следовательно, в нерасположении пасторов к нашему духовенству здесь — надо предполагать другую причину — вероятно, убыль доходов, неизбежную с распространением православия. Кроме того они разделяют с баронами и некоторую, впрочем, взаимную враждебность немецкой и славянской рас, подогреваемую в остзейских немцах еще их политическою зависимостью от России. Им обидно (как и Полякам), кажется, зависеть от сильной, великой, но, по их мнению, менее культурной страны, чем... кто? Германская культура и интеллигенция — конечно — старее, обширнее, пожалуй, выше русской;

Германская культура [illegible] — [illegible], но она есть всеобщее европейское достояние вместе с французской, английской, другими культурами, и между прочим также и русской, внесшей и вносящей значительные вклады в общую сокровищницу европейской цивилизации!

А что же сделала для последней — Рижская, Митавская и Ревельская14 культура? Особенного, кажется, ничего. Она берет все из-за Немана — и воображает, что в каждом Рижанине, Ревельце и Митавце — непременно кроется Кант, Гумбольт или Гете! Ах, добрые, наивные провинциалы! Чего им хочется? Слиться с Германиею: Боже сохрани! Они и руками и ногами от этого! Там, несмотря на парламентаризм, еще не умер режим Фридриха IIго15, — и этих милых баронов там скоро бы привели к одному знаменателю! Они это очень хорошо знают — и не хотят. Нет, им здесь, у нас, под рукой Русского царя живется привольно, почетно, выгодно! Им хочется сохранять status quo* своего угла, жить под крепкою охраною русской власти, своими феодальными привилегиями, брать чины, ордена, деньги, не сливаясь с Россией — ни верой, ни языком, сохраняя за собой значение, нравы и обычаи средневекового рыцарства и тихонько презирая Русских, — будто бы за некультурность. Неправда, это не презрение, а нерасположение, как я выше сказал, слабых к сильным, что нередко бывает. Но это очень некультурно со стороны слабых платить враждою сильным, когда эти последние их щадят и балуют!

Я познакомился с некоторыми из немецких баронов, и не баронов тоже — и правду говоря — не только не заметил никакой вражды: напротив, они показались мне очень порядочными, образованными, предупредительными джентльменами. Они сходятся с нами, Русскими, в парке, на музыке, играют в карты, говорят порядочно по-русски, а «иные, как скалозубовские офицеры, и по-французски!» Мне кажется, есть надежда, что они со временем исправятся, забудут всякий антагонизм — и взамен всех получаемых от России и из России благ — научат нас, Русских, своим, в самом деле завидным племенным качествам, недостающим Славянским расам — это perseverance** во всяком деле (не умею перевести perseverance) и систематичности. Вооружась этими качествами, мы тогда, и только тогда, покажем, какими природными силами и какими богатствами обладает Россия! Другому пока нам у остзейских культур-херов учиться нечему и занять ничего не приходится. Снабжает нас Рига своими прославленными сигарами: но как они плохи не только сравнительно с Гаванскими, но даже с культурными немецкими заграничного изделия сигарами! Я это изведал собственным опытом, куря, с горем пополам, рижский продукт (ибо Гаванские, с нынешним курсом — и не мне не по карману). Мне кажется даже — может быть — из патриотизма, что наши петербургские не хуже! Главным же перлом Рижской культуры — считается Кюммель16, и даже Доппельт-Кюммель, рассылаемый по всей Европе, и даже в Америку!

Помню я этот Доппельт-Кюммель: лет шесть назад я хотел попробовать этой славы Риги и принял в себя рюмку: тут я помянул царя Давида и всю Кротость Его! Это все равно, что принять пару гвоздей в желудок. Как уживается этот яд с добрым пивом в немецких желудках — не понимаю!

Жиды здесь, по своему обыкновению, прососались всюду. Это какой-то всемирный цемент, но не скрепляющий, как подобает цементу, а разъедающий основы здания! Они и слесари, и портные, и сапожники и торгуют, чем ни попало, в ущерб, конечно, местной, не только Латышской, но и Немецкой промышленности! Ох, я боюсь, как бы их и здесь не побили! Их же развелось много: в одной Риге, на 200 тыс. жителей, их считается до 30 тысяч! Да кроме того, они наползают сюда из Витебска, Динабурга, Плоцка — как гости, на летний сезон.

Хороши гости! Когда они, в купальные часы, раздеваясь на морском берегу, разложат на целую версту свое ветхозаветное тряпье, то не знаешь, куда девать нос и глаза.

Но что я наделал! Разве это письмо: это Бог знает что! Два листа кругом! Поло?жим, я в этой письменной беседе душу отвел, отдохнул от своего невольного безделья! Но я совершил два преступления: одно против Вашего Высочества — написав это; но я не претендую (спешу

преступления: одно против Вашего Высочества — написав это. но я не претендую (спешу прибавить), чтобы Вы изволили дочитать это до конца. Другое преступление: — против своего больного глаза! У меня по бумаге уже начали прыгать какие-то желто-зеленые пятна, а из глаза сочится от напряжения — непрошеная слеза. Простите, больше не стану! Это грех — на целое лето!

Примите, Ваше Высочество, мой глубокий сердечный поклон — и смею ли просить Вас передать Ее Высочеству, Август(ейшей) Супруге Вашей — в переводе, несколько слов из этого письма о моем впечатлении от проведенного у Вас времени перед моим отъездом.

Ваша передача придаст много цены моим словам.

Имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепокорнейшим

и всепреданнейшим слугою

Иван Гончаров

Гончаров И. А. Письмо Романову К. К., январь 1884 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 178—179. — [Т.] V.

И. А. ГОНЧАРОВ — К. К. РОМАНОВУ

(Петербург.) Январь 1884

Первые, стыдливые звуки молодой лиры — всегда трогательны, когда они искренни: т. е. когда пером водит не одно юношеское самолюбие, а просятся наружу сердце, душа, мысль. Такое трогательное впечатление производит букет стихотворений, записанных в книжке при сем возвращаемоей1.

Это горсть руды, где опытный глаз отыщет блестки золота, т. е. признаки таланта. Первый признак — робость, некоторое недоверие к себе, но еще более верный признак — это горячее, почти страстное влечение, какое здесь видно — выражаться, писать!

Что писать? Это скажет потом жизнь, когда выработается вполне орудие писания — перо. Юность и прежде, с старых времен, и теперь начинает стихами, а потом, когда определится род таланта, кончает часто прозой, и нередко не художественными произведениями, а критикой, публицистикой или чем-нибудь еще. Колеи писательского поприща — многочисленны. Например, Gules Ganin2 писал романы, а занял блестящее положение в литературе — великолепными фельетонами. Можно ли поверить, читая Белинского (а его надо читать и художнику, и критику, и публицисту), что он дебютировал какой-то комедией, о которой потом слышать не мог?3 Исключенный из университета за «неспособность», без куска хлеба, он примкнул к журналу Надеждина «Телескоп» и начал писать критические разборы и впоследствии занял первое место в критике отечественных писателей, служащей и теперь руководством для уразумения их достоинств и недостатков.

Тургенев начал тоже стихами, написал какую-то поэму, не имевшую успеха4, перешел с своей поэзией на прозу и приложил и то и другое к действительной жизни, какую наблюдал в близких к нему сферах, сначала в деревне — и воспел, т. е. описал русскую природу и деревенский быт — в небольших картинках и очерках («Записки охотника»), как никто!

Майков, Некрасов и другие остались при стихах и совершили полную карьеру до конца.

Обращаюсь к влечению выражаться, писать, как к признаку таланта. Я, с 14—15-летнего возраста, не подозревая в себе никакого таланта, читал все, что попадалось под руку, и писал сам непрестанно. Ни игры, ни потом, в студенчестве и позднее на службе — ни приятельские кружки

и беседы — не могли отвлекать меня от книг. Романы, путешествия, историч(еские) сочинения, особенно романы, иногда старые, глупые (Радклиф5, Коттень6 и др.) — все поглощалось мной с невероятной быстротой и жадностью7.

Потом я стал переводить массы — из Гете, например, только не стихами, за которые я никогда не брался, а многие его прозаические сочинения, из Шиллера, Винкельмана8 и др. И все это без всякой практической цели, а просто из влечения писать, учиться, заниматься, в смутной надежде, что выйдет что-нибудь. Кипами исписанной бумаги я топил потом печки.

Все это чтение и писание выработало мне, однако, перо и сообщило, бессознательно, писательские приемы и практику. Чтение было моей школой, литературные кружки того времени сообщили мне практику, т. е. я присматривался к взглядам, направлениям и т. д. Тут я только, а не в одиночном чтении и не на студенческой скамье, увидел — не без грусти — какое беспредельное и глубокое море — литература, со страхом понял, что литератору, если он претендует не на дилетантизм в ней, а на серьезное значение, надо положить в это дело чуть не всего себя и не всю жизнь!

Почуяв в прилагаемой записной книжке несомненные признаки таланта, я прочел одному опытному приятелю (не называя автора) из печатной брошюры. Он прослушал с видимым удовольствием и первыми его словами были: «Тут есть талант!» Прочел еще одной, очень литературной даме. «Как это свежо, молодо! Искренно!» — сказала она. Это мне послужило поверкой моего собственного впечатления.

Может быть — и вероятно так будет, со временем автор уничтожит эти первые опыты, когда напишет вторые и третьи, и те уже назовет первыми опытами. И у Пушкина «Бахчисар(айский фонтан)», «Кавказский пленник» — вовсе были не первыми: им должны были предшествовать многие, многие младенческие шаги, которые он, конечно, бросил. Нельзя же сразу, в первый раз сесть да написать «Руслана и Людмилу» или «Кавказ(ского) пленника». К этим первым произведениям вела, конечно, длинная подготовительная дорога — с трудом, разочарованиями, муками одоления техники и т. д.

Я позволил себе отметить крестиками (в записной книжке) более удачные стихотворения, а в самих пьесах слегка подчеркнуть карандашом неудачные или неловкие выражения.

Да простит мне Августейший Автор это длинное писание и да примет его как знак искреннего моего сочувствия и к Нему самому и к Его рождающемуся, может быть, высокому и блестящему дарованию, несомненные искры которого блестят в прилагаемой книжке.

Иван Гончаров

Демиховская Е. К., Демиховская О. А. Переписка И. А. Гончарова с великим князем Константином Константиновичем // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 176—178. — [Т.] V.

Публикация переписки И. А. Гончарова с Вел. Кн. Константином Константиновичем Романовым (10 августа 1858—2 июля 1915), сыном Вел. Кн. Константина Николаевича, президентом Российской Академии Наук (1889—1915), поэтом и драматургом, печатавшимся под псевдонимом К. Р., вводит в научный оборот литературные источники, остававшиеся вне поля зрения исследователей.

До семилетнего возраста Вел. Кн. был на попечении няни В. П. Михайловой. Затем его воспитателем вплоть до совершеннолетия был И. А. Зеленый. С 12 лет Вел. Кн. знакомился с морским делом, проводя каждое лето (1870—1874) на судах учебной экскадры вместе с воспитанниками морского кадетского корпуса. В 1874 и в 1876 гг. он совершил на фрегате «Светлана» дальние плавания по Средиземному морю и Атлантическому океану, которые

«Светлана» дальние плавания по Средиземному морю и Атлантическому океану, которые оставили сильное впечатление.

В 1877 г. Вел. Кн. Константин Константинович принимал участие в русско-турецкой войне, был награжден орденом св. Георгия IV степени.

К. К. Романов много путешествовал, изучал северную Россию с ее историческими памятниками и своеобразной природой, Грецию, Италию, Палестину.

Исполняя с 1883 г. обязанности командира роты в лейб-гвардии Измайловском полку, К. Р. создает литературно-художественный кружок «Измайловские досуги». На собраниях члены

кружка читали литературные произведения, занимались музыкой. На сцене ставились пьесы, происходили «стихийные состязания» офицеров. Основатель «Измайловских досугов» привлекал в кружок поэтов, писателей, артистов, художников.

В 1891 г. К. Р. был назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка. В 1900 г. он назначается на пост главного начальника военно-учебных заведений, а в 1910 — генерал-инспектора военно-учебных заведений. Современники воздали должное деятельности К. Р. в области просвещения военной молодежи. В приказе 1901 г. Вел. Кн. Константина Константиновича к обязательному руководству было рекомендовано поднимать в воспитанниках «сознание человеческого достоинства и бережно устранять все то, что могло унизить или оскорбить это достоинство». Были открыты педагогические курсы для подготовки воспитателей и кандидатов на учительские должности, выработаны новые программы. В 1903 г. был созван съезд преподавателей русского языка, а в 1908 — съезд воспитателей.

Вел. Кн. Константин Константинович был избран почетным членом Академии наук, а в 1889 г. назначен ее президентом. В приветственной речи, приуроченной к десятилетию со дня назначения Вел. Кн. президентом Академии, академик А. Н. Веселовский напомнил о его заслугах в деле изучения Византии, создании специального журнала «Византийский сборник», учреждении Русского Археологического института в Константинополе, о снаряжении полярных экспедиций для исследования Крайнего Севера, об утверждении пенсий нуждающимся ученым и литераторам.

В мае 1914 г. отмечалось 25-летие президентства К. К. Романова. В связи с этим готовилось издание труда, посвященного деятельности Академий за четверть века, развитию ее научных учреждений (библиотеки, музея, лаборатории, обсерватории), а также научного вклада ее действительных членов. На приветственную телеграмму, подписанную академиками А. Ф. Кони, Н. А. Котляровским, Н. П. Кондаковым, Д. Н. Овсянико-Куликовским, В. И. Ламанским, Ф. Ф. Фортунатовым, августейший президент ответил своей, исполненной скромного достоинства: «Горячо растроганный вниманием гг. Членов Разряда изящной словесности в день 25-летия моего служения Академии прошу Вас принять и передать дорогим моим сочленам выражение задушевной признательности за высоко ценимую память. Константин».

Артистизм натуры К. Р. проявился в его музыкально-композиторской и актерской одаренности, но главным его призванием была поэзия. Он считал «священным подвигом» петь «песни русские, родные». Последнее прижизненное издание его произведений составило три тома, включающие его лирику, поэмы, переводы («Мессинской невесты» Шиллера, «Гамлета» Шекспира, «Ифигении в Тавриде» Гете), историческую драму «Царь Иудейский», статьи и рецензии на произведения, представленные в Академию наук на соискание Пушкинской премии.

Переписка Гончарова с К. Р. интересна как психологический и эстетический документ, характеризующий сложные отношения маститого романиста и начинающего поэта из царствующей династии. Они позволяют проследить историю личных и литературных взаимоотношений Гончарова и К. К. Романова на протяжении почти двадцати лет.

История взаимоотношений Гончарова и К. Р. началась задолго до поэтической известности

История взаимоотношений Гончарова и К. Р. началась задолго до поэтической известности последнего. Пиетет к имени Гончарова-писателя был высоким в семье родителей Великого Князя. Его отец Вел. Кн. Константин Николаевич, генерал-адмирал русского флота, министр, предоставил страницы «Морского сборника» очеркам «Фрегат „Паллада“». В ноябре 1855 г. он благодарил писателя за «прекрасные статьи о Японии». По его же представлению в декабре 1855 г. Гончаров был награжден «вне правил чином статского советника за особые заслуги его по званию секретаря при генерал-адъютанте графе Путятине». В мае 1858 г. Вел. Кн. Константин Николаевич пожаловал Гончарова драгоценным перстнем.

Личное знакомство прославленного писателя и юного Константина произошло, вероятно, осенью 1873 г., когда Гончаров был приглашен Вел. Кн. Константином Николаевичем преподавать русскую словесность его детям в Мраморный дворец. Для прочтения и критики самые первые свои стихи К. Р. посылал Гончарову.

Продолжая традицию посылать в качестве новогоднего подарка свои произведения, в декабре 1883 г. Гончаров поднес Вел. Кн. Константину Константиновичу экземпляр «Обыкновенной истории», а в январе 1884 г. возвратил ему записную книжку с его стихотворениями, сопровождая ее письмом. Это письмо и открывает публикуемую переписку Гончарова и Великого Князя Константина Константиновича Романова.

Под влиянием Гончарова К. Р. обратился к обстоятельному изучению Пушкина. В 1899 году поэт написал «Кантату на столетие со дня рождения А. С. Пушкина». На конкурсе, объявленном Академией наук в 1898 г., наиболее совершенным из сорока было признано стихотворение К. Р., представленное под девизом «Душа поэта встрепенется, как пробудившийся орел».

Несомненна заслуга Гончарова в том, что при участии К. К. Романова, были проведены большие юбилейные торжества в честь столетия со дня рождения А. С. Пушкина. В память А. С. Пушкина при Академии наук был учрежден «разряд изящной словесности». 8 января 1900 г. состоялось первое избрание «пушкинских академиков», и среди первых девяти был поэт К. Р.

Первый сборник «Стихотворения К. Р.» вышел в 1886 г. и, не поступая в книжные магазины, был разослан по списку, составленному самим автором. Томик стихотворений получил и И. А. Гончаров. Начинающий поэт просил маститого писателя отозваться на первые пробы пера, и тот откликнулся подробным письмом 12—15 сентября 1886 г.

Гончаров был самым строгим и объективным не только судьей, но и «учителем», «наставником» К. Р. в школе искусства.

С 1886 г. стихи К. Р. шли к Гончарову непрерывным потоком. 10 октября 1888 г. он принес писателю, который уже давно жаловался на нездоровье, 55 стихотворений. Они должны были составить второй сборник. В ответном письме от 12 октября 1888 г. Гончаров писал, что молодой талант должен развить «собственный строгий анализ». Это был последний отзыв Гончарова на стихи К. Р. Больной, слепнущий писатель просит «позволения сложить с себя щекотливую обязанность критика поэтических произведений» Великого Князя.

Письма И. А. Гончарова (34) и К. К. Романова (22) хранятся в РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 137, К. К. Романова, № 65.

Фрагменты писем № 1, 4, 5, 8, 11, 15, 23, 27 были опубликованы А. П. Рыбасовым (см.: Гончаров. И. А.) Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 337—349), а позднее — в собраниях сочинений И. А. Гончарова (см.: Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М., 1952. Т. 8. С. 483—484.)

Фотоматериалы любезно предоставлены ГАРФ и подготовлены к публикации сотрудником архива З. И. Перегудовой.

Демиховская Е. К., Демиховская О. А. Примечания: Переписка И. А. Гончарова с великим князем Константином Константиновичем // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 237—240. — [Т.] V.

1 Имеются в виду стихи в записной книжке, посланные писателю к новому 1884 году. Позднее они составили первый сборник стихов К. Р. (1886).

2 Жанен Жюль (1804—1874) — французский литератор, автор романов в «неистово» романтическом жанре; в течение сорока лет работал в крупнейших французских газетах как

театральный критик.

3 Драма В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин» (1830) явилась действительной причиной гонений, в результате которых ее автор был исключен из Московского университета с резолюцией «за неспособность к учению».

4 Вероятно, имеется в виду стихотворение Тургенева «Разговор» (1845), вызвавшее разноречивые толки. Журналы «Москвитянин» и «Библиотека для чтения» подвергли его резкому осуждению.

5 Радклиф Анна (1764—1823) — английская писательница, предшественница романтизма, автор романов «ужасов», или «черных романов», действие которых часто происходит в старинных брошенных замках.

6 Коттен Мари Софи Ристо (1770—1807) — французская писательница, каждый ее новый роман с запутанной романтической интригой имел большой успех среди читателей.

7 Гончаров вспоминал, как в годы учения в Московском Коммерческом училище он предавался чтению «без разбора, без системы, без руководства, с поглощением всего более романов (Коттен, Жанлис, Радклиф в чудовищных переводах), путешествий, описаний неслыханных происшествий, всего, что более действует на воображение» (Мазон А. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова // Русская Старина. 1911. № 10—12. С. 37).

8 Винкельман, Иоганн-Иоахим (1717—1768) — немецкий археолог и историк искусства, положивший начало научному изучению греческой пластики, автор «Истории древнего искусства» (1764). Как историк античного искусства оказал огромное влияние на развитие современной ему эстетики и культуры, в частности на Гете, Шиллера, Гончарова, изучавшего историю искусства по Винкельману. В свою очередь, уже под влиянием Гончарова его ученик Аполлон Майков в конце 1830 — начале 1840-х годов создавал антологические стихи и признал свою приверженность идеям Винкельмана.

Переводы Гончарова из Гете и Шиллера не сохранились. Необыкновенная скромность и требовательность к своим произведениям заставляли Гончарова уничтожать написанное. Один из мемуаристов писал: «Строгость по отношению к своим литературным трудам доводит Ивана Александровича иногда до того, что он прямо уничтожает целые готовые рукописи! Так, например, известно, что уничтожил все свои переводы из Шиллера, Гете, Винкельмана и некоторых английских романистов. Корзина для бумаг под письменным столом Ивана Александровича — это одна из свидетельниц, к несчастью, немых свидетельниц, строгой критики писателя к своим трудам и жестоких над ними приговоров...» (Русаков В. (С. Ф. Либрович) Случайные встречи с И. А. Гончаровым // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 166). Кроме того известно, что незадолго до смерти сам писатель сжег почти весь свой архив. Об этом свидетельствовала А. И. Трейгут. «Однажды это было зимой. Топился вечером камин, у которого мы вместе сидели. Вдруг смотрю, Иван Александрович встает, подходит к письменному столу, достает всю огромную переписку и просит меня помочь ему палить письма — бросать их в камин. Долго мы тогда сидели, подбрасывая письма в огонь, а камин все топился, ярко освещая вспыхивающим пламенем нашу комнату. Таким образом много, очень много бумаг

ярко освещая вспыхивающим пламенем нашу комнату. Таким образом много, очень много бумаг было тогда сожжено». (Исторический Вестник. 1911. № 11. С. 684).

9 Дуббельн (совр. Дубулты) — курорт в Латвии.

10 В апреле 1884 г. состоялось бракосочетание К. К. Романова с Елизаветой Саксен-Альтенбургской, герцогиней Саксонской (1865—1927).

11 Вел. Кн. Екатерина Михайловна (1827—1894) — герцогиня Мекленбургская, дочь Вел. Кн. Михаила Павловича, жена принца Мекленбургского Георгия. Принцесса Елена Георгиевна — их дочь.

12 Начальная строка стихотворения К. Р. «Я баловень судьбы... Уж с колыбели...» (1883).

13 Караибы (или карибы) — группа индейских племен зоны тропических лесов к северу от р. Амазонка в Южной Америке.

14 Митава — официальное название г. Елгавы до 1917 г. С 1561 г. был столицей Курляндского герцогства.

Ревель — официальное название г. Таллинна до 1917 г.

15 Фридрих II (1712—1786) — прусский король с 1740 г.

16 Тминная водка.

17 Динабург — официальное название г. Даугавпилса до 1893 г.

Плоцк — город в Польше на р. Висла.

18 Боденштедт Фридрих (1819—1892) — немецкий поэт, переводчик. См.: Сборник переводов из русских поэтов Koslow, Puschin und Lermontow — Lpz., 1843. Поэтическое наследие Лермонтова: В 2 т. M. Lermontoff's poetischer Nachlass..., B., 1852. Это первое зарубежное собрание сочинений Лермонтова.

19 Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — с 1866 г. редактор-издатель «Вестника Европы». Здесь имеется в виду перевод К. Р. трагедии Шиллера «Мессинская невеста» (1803). Он был опубликован в Петербурге в 1885 г. Зимой 1909 г. в любительском спектакле «Измайловских досугов» К. Р. играл роль Дон-Цезаря (см.: Дризен Н. В. Встречи с К. Р. Из воспоминаний. // Исторический Вестник. 1915. № 4. Т. 142. С. 815—816).

20 И. А. Зеленый руководил воспитанием и образованием Вел. Кн. Константина до 1878 г.

21 Поэма К. Р. «Возрожденный Манфред» внушена романтической драмой Д. Г. Байрона «Манфред» (1817) и является ее поэтическим продолжением. Поэма Байрона заканчивается смертью героя, а К. Р. описывает его загробную жизнь, его душевные переживания, устремление к вере, к Богу, раскрывая заветную мысль о бессмертии души.

22 Перуджино Пьетро (между 1445 и 1452—1523) — итальянский живописец раннего Возрождения.

23 «Ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж; но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» (Матф. 22, 30; см. также: Лука. 20, 35; 36)

24 Первый сборник — «Стихотворения К. Р.» СПб. 1886 г.

25 Всего у Вел. Кн. Константина Константиновича и Вел. Кн. Елизаветы Маврикиевны было

восемь детей: Иоанн, Гавриил, Татьяна, Константин, Олег, Вера, Георгий, Игорь. Первенцу Иоанну посвящена «Колыбельная песенка» (4 марта 1887).

Иоанн, Константин, Игорь погибли в июле 1918 г. вместе с другими Великими Князьями, брошенные живыми в шурф у г. Алапаевска Верхотуринского уезда Екатеринбургской губернии. Олег умер в 1914 г. от раны, полученной на войне. Вера ныне живет в США.

26 Слова из поэмы Гоголя «Мертвые души» (ч. 1, гл. 11).

27 Здесь И. А. Гончаров цитирует по памяти первые строки стихотворения А. С. Пушкина «...В. В. Энгельгардту» (1819):

«Я ускользнул от Эскулапа Худой, обритый — но живой».

28 Имеются в виду стихотворения на библейские темы: «Псалмопевец Давид», «Царь Саул», «Легенда про Мертвое море», «Сфинкс», «Из Апокалипсиса», «Ты победил, Галилеянин!», «Притча о десяти девах». Во 2 издании (Стихотворения К. Р., СПб., 1889) они составили целый отдел «Библейские песни». Об этом подробнее см. Свящ. Мих. Степанов. Религия русских писателей. Филологические записки. [Т.] V—VI. Воронеж, 1915.

29 Строка из стихотворения Лермонтова «Не верь себе» (1839).

30 Вероятно, имеются в виду получившее в это время известность стихотворение С. Я. Надсона «Иуда» (1879), а также поэма Н. М. Минского «Гефсиманская ночь» (1884), запрещенная цензурой и ходившая в списках.

31 Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913) — граф, поэт.

32 Реминисценция из Евангелия: «Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие» (Марк. 2, 22; Матф. 9, 17).

33 Бём Елизавета Меркульевна (1843—1914) — художник-акварелист, получившая особую известность благодаря своим мастерски сделанным силуэтам современников. С 1875 г. издано 14 альбомов с силуэтами, пользовавшимися успехом в России и за рубежом.

34 А. Г. Рубинштейн и Гончаров, как и другие представители литературно-музыкальной среды, приглашались в Мраморный дворец и на заседания «Измайловских досугов».

35 Гензельт Адольф Львович (1814—1889) — талантливый пианист, педагог, композитор. В последние годы жизни был профессором Петербургской консерватории, редактором музыкального журнала «Нувеллист».

36 Беггров Александр Иванович — владелец магазина картин, эстампов и художественных принадлежностей; имел литографическую мастерскую в Петербурге.

37 Задуманной мистерией-поэмой оказалась историческая драма на евангельский сюжет «Царь Иудейский». К. Р. подготовил два издания драмы: общедоступное в 1913 г. и «роскошное» — в 1914 г. Автор снабдил текст пьесы примечаниями, указателями, нотами музыкального сопровождения, написанного А. К. Глазуновым. Книга заканчивается «Программой Измайловского досуга 9 января 1914 года», т. е. афишей единственного спектакля в Эрмитажном театре. К. Р. исполнял роль Иосифа Аримафейского, его сыновья Константин и Игорь — роли Префекта и Руфа. Сын Иоанн пел в хоре под управлением Н. М. Сафонова.

38 Ренан Жозеф Эрнест (1823—1892) — французский писатель, автор «Жизни Иисуса» (1863, рус. пер. 1906).

39 Эти слова Гете И. С. Тургенев приводит в статье «По поводу „Отцов и детей“» (Тургенев И.

С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 14. Л.; М., 1967. С. 106).

40 «Альбом Московской Пушкинской выставки 1880 года» был издан Обществом любителей российской словесности в 1882 г.

41 Трейгут Александра Ивановна (ум. 1917) — жена слуги Гончарова Карла Трейгута; после смерти мужа продолжала жить у писателя в качестве прислуги.

42 Восемь из тринадцати стихотворений вошли впоследствии в сборник «Новые стихотворения» (1889). Именно их и отметил Гончаров.

43 Стихотворение написано к 1 апреля 1886 г. — дню двадцатилетия Вел. Кн. Александра Михайловича, двоюродного брата Александра III. («На совершеннолетие ***» // Новые стихотворения К. Р. СПб. 1889. С. 115). В I том «Стихотворений К. Р.» (1913—1915) оно вошло под заглавием «Великому князю Александру Михайловичу».

44 А. А. Фет находил у К. Р. много стихов, которые близки к его идеалу лирического стихотворения. 9 июня 1888 г. он писал: «Вы прислали мне целый подбор самородных перлов. Радуюсь Вашим антологическим стихотворениям тем более, что узнаю в них свой собственный молодой путь» (РО ИРЛИ. Ф. 137. № 75)

45 Евангелие от Луки. 10; 38—42.

46 Имеются в виду очерки «Слуги старого века». Их чтение состоялось 3 января 1886 г. у К. Р. См.: Слуги (Из домашнего архива) // Нива. 1888. № 1. С. 2—11; № 2. С. 30—35; № 3. С. 62—75; № 18. С. 451—456.

47 Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832—1915) — вице-адмирал; в 1864—1865 гг. состоял воспитателем и попечителем при Великих Князьях Сергее и Павле Александровичах.

48 Поэма «Севастьян-мученик» впервые опубликована в сборнике «Новые стихотворения К. Р.».

49 «Лагерь Валленштейна», трагедия Ф. Шиллера (пост. 1798), первая часть драматической трилогии «Валленштейн», отразившей судьбы Европы эпохи Тридцатилетней войны (1618—1648).

50 Имеется в виду, вероятно, картина Пьетро Перуджино (1450—1523) «Святой Себастьян» (1495).

51 3 июля 1887 года родился второй сын Вел. Кн. Константина Константиновича — Гавриил.

52 Имеется в виду персонаж комедии Жана-Батиста Мольера (1622—1673) «Мещанин во дворянстве». Журден с удивлением узнает, что уже сорок лет говорит прозой.

53 Беато Анжелико (ок. 1400—1455) — флорентийский живописец раннего Возрождения.

54 Посетив в 1857 г. Дрезденскую галерею и увидев там «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, Гончаров писал Ю. Д. Ефремовой: «Я от нее без ума; думал, что во второй раз увижу равнодушно; нет, это говорящая картина, и не картина, это что-то живое и страшное. Все прочее бледно и мертво перед ней» (Невский альманах. 1917. Вып. 2. С. 33).

55 Имеются в виду слова из одноименной поэмы А. Н. Майкова (1851):

О, Матерь Божия! тебя ли,

Мое прибежище в печали,

В чертах блудницы вижу я!

С блудниц художник маловерный

Чертит, исполнен всякой скверны,

И выдает нам за Тебя!

(Майков А. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. II. С. 10).

56 Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Молитва» «В минуту жизни трудную...»(1839).

57 Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...»(1837).

58 Из стихотворения Лермонтова «И скучно и грустно...» (1840).

59 Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Молитва» («В минуту жизни трудную...»

60 Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Мадонна» (1830).

61 Великопостная молитва Ефрема Сирина (IV в.).

62 Евангелие от Луки. 1, 48.

63 Вел. Кн. Ольга Константиновна (1851—1931) — с 1867 г. замужем за греческим королем Георгом I (1845—1913), королева Греции.

64 Салиас де Турнемир Е. В. (1815—1892) — русская писательница, псевд. — Евгения Тур. Автор романа «Катакомбы» (1866).

65 Вел. Кн. Вера Константиновна (1854—1912) — сестра К. Р., вышедшая замуж за Вильгельма-Евгения, герцога Вюртембергского.

66 О подобных стихотворениях К. Р. другой его рецензент А. А. Фет, писал: «...там есть стихотворения, носящие более характер личинок, с которых в будущем должно свалиться многое, чтобы им предстать в виде безупречного мотылька, каким явилось «Le bon, le bon vieux temps» (письмо К. К. Романову от 27 декабря 1886 г. — РО ИРЛИ. Ф. 137. № 75, л. 2).

67 К своему письму Гончаров прилагает газетную вырезку со статьей В. Буренина «Современная стихомания» (Новое Время. 1887. № 4241. 18 декабря).

68 31 декабря 1887 г. Гончаров получил от К. Р. поэтическое посвящение «И. А. Гончарову»:

Венчанный славою нетленной,

Бессмертных образов творец!

К тебе приблизиться смиренно

Дерзал неопытный певец.

Ты на него взглянул без гнева,

Своим величьем не гордясь.

И звукам робкого напева

Внимал задумчиво не раз.

Когда ж бывали песни спеты,

Его ты кротко поучал:

Ему художества заветы

И тайны вечные вещал.
И об одном лишь в умиленье

Он ныне просит у тебя:

Прими его благодаренье,

Благословляя и любя.

69 Чтение состоялось 3 января 1888 г. Гончаров читал в Мраморном дворце свои очерки «Слуги старого века».

70 Первая строка из стихотворения К. Р. «А. Н. Майкову». (1887).

71 Ср. с этим отзыв Фета о поэзии К. Р. в письме к нему от 30 декабря 1887 г.: «Ваше высочество полною чашею черпает прямо из Ипокрены, и я первый с восторгом готов воскликнуть: «Да здравствует освежительная кастальская струя!» (РО ИРЛИ. Ф. 137. № 75)

72 Опубликовано под заглавием «Письмо к товарищу» (Новые стихотворения К. Р. С. 141—150; Стихотворения К. Р. 1913—1915. Т. 1. С. 387—394).

73 На пьедестале памятника В. А. Жуковскому в Петербурге высечены слова из его стихотворения «Камоэнс» (1839): «Поэзия есть бог в святых мечтах земли».

74 Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803) — немецкий философ, литературовед и писатель.

75 Трейгут Александра Карловна (1871—1928) — старшая дочь слуги Гончарова, любимая воспитанница писателя.

76 Германский император Вильгельм I Гогенцоллерн (1797—1888) дожил до 91 года.

77 Т. е. кончина императора Вильгельма I Гогенцоллерна.

78 10 августа 1888 г. К. Р. исполнилось 30 лет.

79 Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888),, с 1872 по 1881 г. министр императорского двора, приближенное лицо императора Александра II.

80 Стихотворение К. Р. обратило на себя внимание, и для пересмотра положения о солдатских похоронах была учреждена комиссия, в работе которой участвовал и Вел. Кн. Константин Константинович. По новым правилам, выработанным комиссией, солдатские похороны обставлялись торжественностью, соответствующей высокому званию защитника Отечества. Стихотворение, положенное на музыку, стало народной песней. (См.: Сергиевский Н. К. Р. Его жизнь и творчество // К. Р. В строю. Стихотворения. П., 1915. С. 21—22.)

81 Дочери Карла Трейгута — Александра и Елена.

82 Никитенко Казимира Казимировна (ум. 1893) — жена А. В. Никитенко; их дочери: Екатерина Александровна (1837—1900) и Софья Александровна (1840—1901) — переводчица, неутомимая помощница Гончарова в его литературной работе.

83 Старший сын К. Р. Иоанн родился 23 июня 1886 г.

84 Книга «Новые стихотворения К. Р.» вышла в 1889 г.

85 С 1889 по 1895 гг. А. А. Голенищев-Кутузов занимал пост управляющего Дворянским и Крестьянским банками, затем до конца жизни возглавлял Личную канцелярию Императрицы

Марии Федоровны. Е. Э. Картавцев — управляющий Крестьянским и Дворянским поземельными банками в 80-х гг.

86 Цертелев Дмитрий Николаевич (1852—1911) — поэт и философ; был связан дружбой и литературными интересами с Вл. С. Соловьевым, А. К. Толстым, К. Р., А. А. Голенищевым-Кутузовым.

87 Хлопоты о выпускном экзамене Александры Трейгут перед Великим Князем были не единственными для Гончарова. Именно благодаря его ходатайству она была принята в Коломенскую гимназию «пансионеркой Е. И. Высочества с 1 июня 1881 г. до окончания ею курса по 200 р. в год» (см.: РО ИРЛИ. РАН. Ф. 134. Оп. 8. № 42)

Публикация Е. К. ДЕМИХОВСКОЙ

и О. А. ДЕМИХОВСКОЙ

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Д. Налепиной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 249—313. — [Т.] V.

Николай Александрович Вельяминов (1855—1920) — русский врач, академик, основатель первого в России журнала «Хирургический Вестник» (1885 г.), где был не только редактором и издателем, но и корректором и даже разносчиком. Через 25 лет этот журнал превратился в «Русский Хирургический Архив», который вскоре стал называться по имени его создателя «Хирургический Архив Вельяминова». На юбилее издания, в 1905 г. выдающиеся хирурги профессора В. А. Оппель, В. А. Гиле, Г. И. Турнер, Г. Ф. Цейдлер, С. П. Федоров так написали в приветственном адресе: «...25 лет прошло — и из маленького «Хирургического Вестника» вырос большой «Хирургический Архив Вельяминова», без которого русские хирурги уже не могут существовать.

Вот итог Вашей деятельности. За эти 25 лет через страницы созданного и редактируемого Вами журнала прошли лучшие русские хирургические силы. Вы их объединили. Вы дали им возможность проявиться и развернуться, с Вашей помощью они окрепли...»*

Подробнее о жизни Вельяминова можно узнать из воспоминаний С. В. Гольдберга и проф. Г. И. Турнера, опубликованных в «Новом Хирургическом Архиве».** Здесь же мы ограничимся кратким перечислением основных фактов его биографии.

Первое воспитание Вельяминов получил в Германии, учился в гимназии сначала в Висбадене, затем в Варшаве.

В 1872 г. Вельяминов поступил на физико-математический факультет Московского университета, откуда вскоре перешел на медицинский факультет.

В 1877 г. по случаю объявления войны Вельяминов, сдав досрочно экзамены, был выпущен

В 1877 г. по случаю объявления войны Вельяминов, сдав досрочно экзамены, был выпущен младшим ординатором в Тифлисский военный госпиталь, а затем и в действующую армию, где пробыл с 1877 по 1878 г.

Затем Вельяминов до 1884 г. работал ассистентом у К. К. Тейера в Николаевском Военном Госпитале на Женских Медицинских Курсах.

В 1880—1881 гг. Вельяминов, прервав работу на Женских Медицинских Курсах, отправился в качестве отрядного хирурга в Ахалтекинскую экспедицию ген. М. Д. Скобелева. Свои впечатления об этой экспедиции он описал в «Воспоминаниях хирурга из Ахалтекинской экспедиции».

В 1884 г. Вельяминов начал самостоятельную работу в маленькой больнице Крестовоздвиженской Общины Сестер Милосердия. Помимо работы в больнице и журнале, Н. А. Вельяминов принимал деятельное участие в работе С.-Петербургского Медицинского общества. Опыт военного врача кампаний 1877—1878, и 1880—1881 гг. дал возможность Н. А. Вельяминову служить в летнее время на маневрах консультантом-хирургом при Красносельском госпитале, где его заметил Император Александр III.

В 1894 г. Вельяминов был назначен профессором Академической клиники Виллье, где проработал 19 лет. В 1910 г. Вельяминов был избран начальником Академии и пробыл им до декабря 1912 г., когда он, в силу сложившихся обстоятельств, был вынужден подать в отставку 12 января 1913 г. Конференция Академии путем баллотировки избрала Вельяминова в академики.

В годы Первой Мировой войны Вельяминов принял участие в работе Главного Управления Красного Креста.

Затем он был назначен консультантом — хирургом при Ставке, занимался организацией санитарной службы.

События 1917 г. трагически отразились на жизни Вельяминова. Оказавшись оторванным от врачебной деятельности, Вельяминов всецело посвятил себя литературному труду.

9 апреля 1920 г. Вельяминов скончался.

Воспоминания, которые публикуются ниже, оказались в коллекции рукописей Л. М. Клячко.

Лев Моисеевич Клячко официально числился «аптекарским помощником», но известен был как журналист, сотрудник газет «Речь», «Биржевые Ведомости», «Товарищ», «Новая Жизнь», «Столичная Почта», где печатался под псевдонимом Л. Львов. Кроме того, он — автор книги «За кулисами старого режима. Воспоминания старого журналиста». (Л., 1926).1

История создания его коллекции изложена в памятной записке (РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 1): «Вскоре после октябрьского переворота я решил приступить к собиранию воспоминаний оставшихся в столице сановников. Вернее, не столько к собиранию, сколько к тому, чтобы заставить написать. Моя преимущественная (но, конечно, неисключительная) установка была такова, чтобы писали о том, что видели люди, сами не игравшие политической роли и вообще не заинтересованные в извращении событий. Именно таким пороком страдают такие данные воспоминания, как например, воспоминания гр. Витте (и др.), который лжет и извращает истину там, где пытается оправдать свои ошибки и двойственные действия.

Получив разрешение Наркомпроса, я организовал редакцию «Мемуаров», состоявшую вначале из пишущего эти строки, секретаря и делопроизводителя-переписчицы. Но уже вскоре после того, как начали поступать материалы, редакция была мною организована по-настоящему в составе: директора Публичной Библиотеки в Ленинграде — А. И. Брауде, ныне покойного, А. И.

Изгоева, А. Б. Петрищева, присяжного поверенного Айзенберга, знатока сенатских дел. Эта часть редакции имела своей миссией определить историко-общественно-политическую значимость данного материала, после чего он шел в переписку. Кроме указанных лиц мною были привлечены для проверки правильности написанного бюрократы: департамента общ. дел Министерства внутренних дел — Арбузов, вице-директор департамента духовных дел — Харламов, помощник управляющего канцелярии Совета Министров — Путилов и др.

Нелегко было заставить бюрократов писать. Приходилось применять всевозможные методы. Так например, царский хирург Вельяминов был мною взят на полное «иждивение». Помимо гонорара я взял на себя устройство всех его нужд. Я устроил ему право обедать в Доме литераторов. Кроме того посылал ему на дом провизию, керосин, дрова и даже прачку для стирки белья. Его

дело было только писать. И вот блестящий царедворец, фаворит старой царицы, далеко не привыкший к усидчивому труду, написал в течение 1? лет около 40 печ. листов, значительная часть которых представляет большой интерес. Баронессу Икскуль8 (придворная дама, одна из основательниц высшего женского образования в России) мне удалось заставить написать о Распутине (она была его поклонницей*, потом отошла) лишь после того, как мне удалось добыть ей какое-то заграничное лекарство, которого она достать не могла. В общем работал более 3-х лет.

Как я указал, материал прежде чем идти в переписку рассматривался в редакции. Вот почему в тетрадях товарища обер-прокурора Синода Зайончковского имеются сокращения, сделанные Изгоевым и Брауде.

Мне, лежащему в кровати, трудно писать и дать подробную оценку материалов. Могу сказать только, что они дают яркую и правдивую характеристику событиям и лицам и освещают некоторые стороны дореформенной жизни в популярной и интересной форме. Говорю это определенно, потому что ни одна строка не прошла мимо меня. 5 V 1933 г.»

В 1933 г. Клячко, тяжело заболев, передал часть собранных материалов в Литературный музей В. Д. Бонч-Бруевичу. После смерти Клячко его вдова, Цецилия Григорьевна

Клячко, передала в ГЛМ оставшиеся рукописи. В 1941 г. все материалы были переданы в ЦГАЛИ.

Публикуемые Воспоминания составляют часть мемуарного наследия Вельяминова, имеющего общее название «Встречи и знакомства. Воспоминания Н. А. Вельяминова» (РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, ед. хр. 3—7).

«Российский Архив» надеется в дальнейшем продолжить публикацию воспоминаний Вельяминова.

«Воспоминания» публикуются по авторской машинописи, сверенной с автографом, с сохранением всех особенностей авторского стиля. Сокращения, использованные автором, не унифицированы.

Фотоматериалы любезно предоставлены ГАРФ и подготовлены к публикации сотрудником архива З. И. Перегудовой.

ВСТРЕЧИ И ЗНАКОМСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как хирург, практиковавший в течение 40 лет, как профессор и администратор в течение 1/4 века занимавший некоторые высшие врачебно-административные должности, как один из врачей Царской Семьи и как участник 3-х кампаний, я встречал и знал в жизни очень много русских людей самого разнообразного социального положения и самых разнородных политических

людей самого разнообразного социального положения и самых разнородных политических убеждений, сам всегда стоя вдали от политики. Мимо меня прошли, как в кинематографе, масса русских деятелей разных «рангов» и немало крупных эпизодов из жизни России за эти 40 лет. Я никогда не вел дневника, никогда не располагая нужным для этого временем, но иногда записывал под свежим впечатлением некоторые интересные разговоры и не лишенные исторического значения эпизоды. Теперь, пользуясь этими материалами, оставшимися у меня документами, письмами и своей памятью, я попытаюсь изложить в нижеследующих строках мои воспоминания в виде отдельных отрывков или очерков, в надежде, что воспоминания эти окажутся не лишенными некоторого интереса для более широкого круга читателей, но попрошу смотреть на эти очерки не как на законченные картины и портреты, а лишь как на отрывочные эскизы или наброски, могущие только послужить сырым материалом для более опытных и компетентных

бытописателей и историографов.

Петроград

Март 1919 г.

Н. Вельяминов

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

ОБ ИМПЕРАТОРЕ АЛЕКСАНДРЕ III,

ЕГО БОЛЕЗНИ И КОНЧИНЕ

Приступая к изложению своих воспоминаний об Императоре Александре III, я долго колебался — предлагать ли их вниманию читателя, вполне сознавая их громадные недочеты, но с другой стороны, я теперь убедился более, чем когда-либо, что представления об этом монархе-миролюбце, так долго сдерживавшем мир от кровопролития, очень неверны и несправедливы — широкая публика Его мало знала и знает. Он был популярен среди народных масс, которым Он импонировал всей Своей чисто русской физической и нравственной фигурой, фигурой мощного русского богатыря, но Его не знала интеллигенция, которая, как теперь оказалось, так-же, как иностранка Императрица Александра Федоровна, не знала и не понимала России. Может быть теперь, после революции, история Его царствования и Он сам в глазах уравновешенных людей подвергнутся коренной переоценке. Об Александре III людьми не предубежденными и объективными пока написано очень мало, меньше, чем о Его несчастном сыне. Вот почему я теперь решаюсь выпустить эти «мемуары», как бы дефективны они ни были. Во время царствования Александра III я был молодым, скромным врачом, начинающим свою карьеру, которой Он в значительной мере способствовал; тогда я был предан исключительно своей науке, своему делу, стоял очень далеко от политики и государственных дел, интересоваться которыми у меня, к сожалению, не было времени, поэтому от меня нельзя и ожидать даже попыток начертать здесь что-либо, похожее на биографию Государя или историю Его Царствования, но я был близок к Государю, как врач, — видел Его в семейной жизни, в часы Его досуга, ходил за Ним, как за больным и, наконец, присутствовал при Его кончине — момент, в который так сказывается весь человек, кто бы он ни был, когда так вырисовываются характер и мировоззрение человека, особенно монарха-самодержца, принужденного уметь даже умирать на людях, оставаясь монархом. Поэтому я могу передать здесь лишь некоторые отдельные черты Его характера, Его личности; думаю, что внимательный читатель сумеет в этих штрихах, как бы мелки они ни были, почерпнуть материал для воспроизведения представления об исторической личности, 13 лет влиявшей на судьбы всей Европы, может быть — на историю всего мира.

Очень жалею, что в этих моих заметках слишком много личного, но избежать этого недостатка «мемуаров» я на этот раз не мог, потому что они основаны почти целиком на личных отношениях с Государем и, главным образом, на моей личной службе Ему.

I

ВРАЧИ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

Медицина и врачи при Государе Александре III не были в «фаворе», и в этом, как мне кажется, последние были сами виноваты.

Государь, будучи, как Он думал, всегда здоров, не нуждался во врачебной помощи, не любил лечиться, не особенно верил в могущество врачебной науки и считал медицину «бабьим делом» — уделом спальни и детской, предоставляя все, касавшееся медицины, главным образом, Императрице. Государыня тоже не очень жаловала врачей и предпочитала по возможности

обходиться домашними средствами и советами опытной английской «nurse»*, бывшей при детях и, как все англичанки этого типа, располагавшей целой коллекцией патентованных средств и своим «опытом». Для маленьких «бобо» имелся под рукой лекарский помощник или попросту — фельдшер, сначала некий Чекувер, убитый при катастрофе 17 октября, потом — Поляков. Эти лекарские помощники, хотя и состояли в классных чинах, как камердинеры и камер-фурьеры, все-же находились на положении старшей прислуги и были очень удобны в домашнем обиходе, если у кого-нибудь были царапина, насморк, флюс и т. п.

Со времен Александра II, пожалуй, и Николая I, в петербургском врачебном мире образовались две совершенно определенные партии — русская и немецкая; к последней примыкали евреи, явные и скрытые, отчасти и поляки. Во главе русской партии стоял знаменитый проф. С. П. Боткин, во главе немецкой — проф. Э. Э. Эйхвальд и К. А. Раухфус, креатуры Вел. Кн. Елены Павловны. Эти две партии были в непримиримой вражде между собой, и эта борьба и интриги между ними внушали в то время мало симпатий к столичному врачебному миру вообще — трудно было питать искреннее уважение к людям науки, которые постоянно «грызлись» друг с другом и больше занимались своей пресловутой средневековый врачебной этикой и своими партийными счетами, чем интересами своих больных.

По традициям из глубокой старины при Дворе премировала немецкая партия, с упорством защищавшая свои позиции против русских. Государь и Императрица не особенно долюбливали немцев вообще, а следовательно и немцев-врачей, а из русских врачей, кроме Боткина, никого не знали, да к тому-же русские врачи тогда вербовались преимущественно из семинаристов и детей разночинцев и по своему воспитанию мало подходили к требованиям придворных сфер.

Пословица говорит: «каков поп, таков приход», а эта пословица особенно применима в отношении высших слоев общества и Двора, где всегда старались воспринимать тон, даваемый Двором, поэтому и русская аристократия также относилась к врачам, как и Царская Чета.

Врачом Государя и Его Семьи официально состоял Лейб-хирург Густав Иванович Гирш, единственный врач, состоявший одновременно при Императорской Главной Квартире, т. е. в военной свите Государя. Из врачей, призывавшихся ко Двору в качестве консультантов наиболее близкими к Царской Семье были: А. Я. Крассовский — акушер Императрицы, и К. А. Раухфус — врач августейших детей. Консультантами по внутренним болезням были уже состарившийся академик Н. Ф. Зускауер, носивший звание лейб-медика-консультанта, и проф. С. П. Боткин; по глазным болезням — Кобат и Н. И. Тихомиров, по ушным — Вреден, потом проф. Н. П. Симановский. Хирургами считались Г. И. Гирш и А. Л. Обермиллер — медицинский инспектор Министерства Двора, но в сущности ни тот, ни другой хирургами не были и, как таковые, никаким авторитетом не пользовались.

Все вышеназванные врачи, носившие придворное звание, получили таковое, кроме Тихомирова, еще при Александре II, а Зускауер — еще при Николае I, и носили Их вензеля. Государь Александр III был вообще очень скуп на пожалование Своих вензелей и придворных званий и при Нем лейб-медиков, носивших Его вензеля, т. е. Им в это звание пожалованных, было всего 4 врача: проф. Н. А. Круглевский, случайно присутствовавший при смерти раненого Императора

врача: проф. П. А. Крупеньский, случайно присутствовавший при смерти раненого Императора Александра II и потом никогда при Дворе не бывавший, Н. И. Тихомиров — окулист Императрицы, И. П. Коровин — врач детей Александра II от морганатического брака Его с кн. Долгоруковой, и я. Все мы носили звание почетных лейб-медиков; в звание действительных лейб-медиков при Государе Александре III никто пожалован не был.

Г. И. Гирш происходил из эстонской крестьянской семьи, был племянником Кареля, лейб-медика Александра II, и по протекции дяди своего был назначен врачом к Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу, при котором и состоял до Его смерти, дослужившись при Николае до чина действительного тайного советника и Александровского кавалера. По своему воспитанию Гирш был полунемец и даже с акцентом говорил по-русски, а писал по-русски с трудом; Императрица, несмотря на Свою нелюбовь ко всему немецкому, говорила с Гиршем всегда по-немецки. Гирш считал себя хирургом, но навряд ли в жизни сделал какую-либо операцию, кроме ампутации, а о современной хирургии не имел никакого понятия. Как терапевт, он был довольно знающ, но в Царской Семье никогда никого не лечил — при легких заболеваниях обходились англичанкой и лекарским помощником, а в более серьезных случаях звали консультанта. Когда кого-либо приглашали за его спиной, он являлся сам и говорил всем, что этого консультанта пригласил он. Про него в шутку говорили, что когда кто-либо заболевал, он первый говорил, что надо позвать доктора.

В Царской Семье Гирша очень любили, как человека очень доброго, покладистого, хорошего и терпеливого, но, как с врачом, с ним никто не считался; на него смотрели, как на старого, преданного слугу, больше — как на старую удобную мебель, к которой привыкли. Он был удобен потому, что никогда не обижался и с консультантами всегда соглашался. Припоминаю, как раз, уже при Николае II, Императрица-мать сильно ушибла себе ногу; приехав я застал у нее Гирша, который осматривал ногу и при мне сказал Императрице, что нужно положить на 2—3 недели гипсовую повязку и потом массировать. Не желая вступать с ним в спор, я засучил рукава и начал массировать, доложив, что в таких случаях мы теперь гипсовой повязки не употребляем. Гирш объявил тут-же Императрице, что ему особенно приятно, что мы с ним совершенно одинакового мнения. Когда Императрица стала быстро поправляться, Гирш при мне говорил Ей, что улучшение наступило так быстро потому, что не была применена гипсовая повязка.

До 1892 г. из всех лейб-медиков в интимную жизнь Царской Семьи допускался только один Гирш и он был, таким образом, единственным врачом близким к Государю, но, как видно, являлся очень слабым представителем врачебного мира при дворе, не имея никакого престижа, чтобы защищать интересы врачей пред Государем и сколько-нибудь влиять на роль и значение государственной и общественной медицины в России.

Для лечения собственно ко Двору приглашались С. П. Боткин, Н. И. Тихомиров и К. А. Раухфус. Остальные лейб-медики, из коих наибольшим почетом и уважением пользовались Красовский и Зускауер, по возрасту и отсталости уже сходили со сцены.

С. П. Боткин, очень почитаемый Государем и всей Императорской Фамилией, бывший очень близким к Александру II и Императрице Марии Александровне, от двора Александра III держался вдали и появлялся только, когда его звали. Государь видимо очень уважал Боткина, как врача и ученого, но навряд-ли симпатизировал ему, как человеку, потому что он почему-то (считался) «левым», вероятно вследствие направления его жены. Во всяком случае Боткин был от Двора далек, считался ученым, но, я думаю, скучным и слишком «большим», ареной-же Раухфуса служили детская, где он, по привычке забавлять своих маленьких пациентов, держал себя полу-шутом, и через Гирша старался интриговать против русской партии.

Из крупнейших врачей-администраторов того времени, которых Государь мог знать, хотя и мало, можно назвать: Главного Военно-Медицинского Инспектора А. Л. Реммерта, Главн. Мед. инспектора флота В. С. Кудрина, Директора Мед. Департамента Мин. Вн. Д. Н. Е. Мамонова, но все это были «тайные советники», бюрократы, «генералы от медицины», но не ученые и не врачи, очень далеко стоявшие от Двора.

врачи, очень далеко стоявшие от Двора.

Из военных врачей, известных Государю по Красносельскому лагерю, следует упомянуть о Петерб. Окруж. в. м. инспекторе Ф. С. Энкгофе и о корпусном враче гвардейского корпуса К. Г. Фовелине. Первый был добрейший человек, большой охотник, знаток лошадей, коими он торговал, но представлявший собою в медицинском отношении пустое место; последний был алкоголик и посмешище всей гвардии. Академию Государь не долюбливал за ее революционный дух и считал ее гнездом нигилизма. Как-то Государь с негодованием рассказывал мне, как при посещении Им Академии В. В. Пашутин пригласил Его и Императрицу в аудиторию Славянского, чтобы ею хвастнуть; когда Они вошли, то на стене оказалась громадная таблица с изображением органов женщины, для не врача очень «неприличной». — «Я понимаю, говорил мне Государь, что такие таблицы нужны для лекций, но зачем-же их вешать на стене вне лекционного времени, да еще приглашать Императрицу при студентах, когда это совершенно было не нужно и не интересно».

При посещении Государем больниц, врачи, не привыкшие держать себя с Высочайшими Особами, терялись, не всегда сохраняя свое достоинство, а потому делали промахи, которые объясняли и невоспитанностью и над которыми смеялись. Так, я помню рассказ Императрицы, как д-р Мориц, при неожиданном приезде Государя в Женскую Обуховскую больницу, прибежал испуганный в палату и в попыхах или с «конфуза» первый подал руку Государю и любезно ее потряс, как старый приятель, как проф. Ратимов демонстрировал Государю на блюде «противный» препарат вырезанного им рака желудка, на которого Государь смотрел с отвращением, не понимая, зачем Ратимов его показывает.

Таким образом, как мы видим, вблизи Государя не существовало влияния разумного, образованного и воспитанного, авторитетного врача. Государь только видел и слышал одну неприятную и отрицательную сторону врачебной деятельности, не видел врачей Ему симпатичных и вселяющих Ему доверие и уважение к их науке, не видел и не слышал в этом отношении ничего положительного и интересного. Удивительно ли, что Он относился к медицине индифферентно или даже презрительно и недоброжелательно. К тому-же в то время положение врачей в аристократическом мире и при Дворе было у нас еще какое-то неопределенное и двусмысленное, отдававшее еще временами крепостного права и Петровской Руси, когда врачи приравнивались чуть-ли ни к «брадобреям», — врачи в то время, как и художники и актеры, стояли как будто на границе между «господами» и высшей прислугой, как околодочные в полиции — не то офицер, не то нижний чин; врачей принимали в спальне и детской, но в гостиную пускали с трудом, а за столом сажали на конце стола с гувернерами и боннами; правда, между врачами были тайные советники, александровские кавалеры и лейб-медики, но ведь были камердинеры и камерфурьеры в классных чинах и с орденами на шее, были и лейб-кучера, и врачи не умели себя поставить и провести резкую грань между собой и гувернерами из барабанщиков и боннами. Ведь в таком-же положении было тогда и духовенство, которое не считали равным с «господами», за исключением разве высших иерархов. Помню, как при Дворе Императора Николая II нас врачей на каком-то парадном завтраке посадили за один особый стол с придворным духовенством, а остряк Раухфус смеясь заявил, что это нововведение с тех пор, что Лукьянов стал обер-прокурором Синода...

Вот почему сложилась легенда, что Государь Александр III не любил врачей настолько, что, не желая их слушать, довел себя до смертельной болезни. Между тем Государь относился к врачам с полным уважением, когда они держали себя с тактом и скромно, но не без самолюбия. Так Он очень любил и уважал харьковского профессора-хирурга В. Ф. Грубе, после того, как лично видел его отношение к раненым при катастрофе в Борках; так-же безукоризненно-любезно, милостиво и с большой добротой относился Государь и ко мне, и я мог только гордиться Его обращением со мной, когда я ухаживал за Ним, на Его смертном одре, тогда как проф. Г. А. Захарьина Он любил за его чудачества и ломанье.

II

ПЕРВЫЕ МОИ ВСТРЕЧИ С ГОСУДАРЕМ

Будучи младшим врачом 85-го пех. Выборгского Императора Вильгельма полка, я в 1886 г. был впервые назначен на лагерное время хирургом-консультантом Красносельского военного госпиталя.

Как известно, в Красносельском лагере собирался гвардейский корпус и другие войска Петербургского округа, всего 30—35 000 человек. Работы там было много и она была ответственная, так как она протекала на глазах высшего военного начальства, отчасти и самого Государя, и легко подвергалась критике. По обычаю с весны лагерем командовал командир гвардейского корпуса, тогда Принц Александр Петрович Ольденбургский. В начале июня, ко времени сбора всех частей в лагере, в Красное переезжал Главнокомандующий Вел. Князь Владимир Александрович, а в конце июля или начале августа на время смотров и маневров прибывал Государь Император с Императрицей.

Преображенским полком командовал Вел. Кн. Сергей Александрович, а в рядах этого полка Наследник Цесаревич Николай Александрович, во главе Лб. Гвардии Конного полка находился Вел. Кн. Павел Александрович; кроме того производили смотры генерал-фельдцехмейстер В. К. Михаил Николаевич и генерал-инспектор кавалерии В. К. Николай Николаевич младший. Таким образом все, что делалось в Красном, было известно почти всем членам Императорской Фамилии и самому Государю. Понятно, что все военное начальство было постоянно начеку, и служить в Красном было не легко. В противуположность мнению теперешних «критиков» старого режима, в то время к солдату относились с большой заботливостью, его хорошо одевали, отлично кормили и лечили. Присмотр во всех этих отношениях был самый тщательный. О каждом несчастном случае или случайном ранении мы обязаны были доносить «по команде» всему начальству, о более тяжелых повреждениях нижних чинов и офицеров безразлично представлялись донесения Государю, кроме того при несчастных случаях в шефских частях сведения требовали и шефы. Так напр. о всех случаях в Кавалергардском и Кирасирском полках ежедневно сообщали сведения Императрице, как шефу этих полков. А несчастных случаев за лето, при маневрах, стрельбе боевыми снарядами и т. п., в Красном Селе бывало не мало; все пострадавшие доставлялись в госпиталь, поэтому на хирурга госпиталя ложилась немалая ответственность. Военное начальство, знавшее конечно о заботах Высочайших Особ по отношению к раненым и тяжело больным, тоже очень интересовалось участью пострадавших и постоянно посещало своих больных в госпитале; навещали больных все начальники, начиная от ротных командиров и до корпусного. Служба наша в госпитале была очень тяжелая — помимо большой чисто врачебной работы, приходилось ежедневно принимать, сопровождать начальство, военное и медицинское, и всем давать объяснения и справки. Кроме того, как хирург, я часто получал командировки для присутствования, напр., на скачках, на маневрах, на переправах и т. п. Надо было быть наготове во всякое время и днем, и ночью.

Принц Ал. П. Ольденбургский, всегда особенно интересовавшийся врачебным делом, неутомимый, энергичный, строгий и требовательный посещал госпиталь очень часто, входил во все подробности и был для нас грозой. В июле подробно осматривал госпиталь Главнокомандующий, а в начале августа ежегодно приезжал к нам Государь с Императрицей, в сопровождении Главнокомандующего, Военного Министра и друг. День этот мы ждали и готовились к нему все лето, а удивительно милостивое и благожелательное отношение Государя и Его благодарность были нашей наградой за понесенные труды. Государь осматривал госпиталь очень тщательно, подробно и не торопясь, жертвуя на это часа 2 времени. Госпиталь располагался в бараках и шатрах в саду, и Государь обходил все палаты и шатры, заходил в аптеку, в кухню и даже в покойницкую, пробовал пищу, подробно расспрашивал о состоянии тяжелых больных и много разговаривал с солдатами и офицерами. Он был удивительно обаятелен Своей простотой и добротой и Его все очень любили, хотя почему-то побаивались, это характерная черта русского человека — почитать и любить того, кого он одновременно боится. Все знали, что Государь пуще всего не любит лжи и обмана и что человек, раз попавшийся в

неправде, навсегда погиб в Его глазах. Хирургическое отделение показывал консультант-хирург, все остальные отделения — главный врач при помощи ординаторов. Государь требовал, чтобы мы знали каждого больного, какой он части, при каких обстоятельствах им получено повреждение, сколько он лечится и т. д. При 150—200 больных в отделении помнить все это было трудно, но мы готовились к Высочайшему смотру и заучивали эти сведения, как к экзамену.

Я работал в госпитале в 1886 и 1887 г. и с 1890 по 1892 г. и следовательно 5 раз показывал мое отделение и давал объяснения Государю. Помню, что в первый год докладывать Государю было страшновато; эту робость вселяли Его рослая и величественная фигура, но при разговоре с Ним робость исчезала и в Нем чувствовался человек, удивительно добрый и прямой, но хорошо

знающий, чего Он хочет. Дни Высочайшего смотра госпиталя были праздником — и для врачей, и для больных. При первом посещении Государь спросил меня, из каких я Вельяминовых и, услышав, что я сын преображенца, спросил, как и почему я сделался врачом. Я ответил, что пошел на врачебное поприще по призванию. Государю это видимо понравилось, и Он сказал: «тяжелый это труд». Помню, как на второй год, когда Государь еще мало меня знал, я чуть чуть невольно не погубил себя. У меня было много выздоровевших, уже бывших на ногах; Государь приказал выстроить их шеренгой на аллеях сада, чтобы самому не обходить шатры. В последних для дачи объяснений мне помогали доски над кроватями, но в саду надо было знать больных в лицо. Я запомнил людей по полкам и по фуражкам припоминал полученные ими повреждения и как они получены.

Но вот мы подошли к кирасиру, я помнил, что у кирасира перелом ключицы, полученный при падении с лошади, и так доложил Государю. Государь спросил, почему он упал; солдатик, не желая заслужить упрек за плохую езду, ответил, что у него ушиб ноги от удара копытом лошади, но что он с лошади не падал. Государь вопросительно посмотрел на меня. Я опешил, но догадался спросить солдата, какого он полка, он объяснил, что гусарского и что кирасирскую фуражку он схватил впопыхах у товарища кирасира. Я откровенно доложил Государю, что помнить 200 человек в лицо невозможно и что я заучил людей по полкам, а они второпях, от радости видеть Государя, обменялись шапками. Государь улыбнулся; я тотчас же нашел настоящего кирасира, бывшего в гусарской шапке и представил его Государю; оказалось, что он действительно получил перелом ключицы при падении с лошади. Государь рассмеялся, и я почувствовал, что моя откровенность Ему понравилась, а у меня совершенно пропала робость пред Ним. В следующие годы мне приходилось несколько раз давать Государю объяснения в случаях, где Он мог заподозрить неправду. Ближе узнав меня, Государь потом верил мне безусловно и как-то при мне сказал по какому-то случаю Императрице: «Это сказал мне Вельяминов, значит это так».

Думаю, что началом этого доверия ко мне послужил только что рассказанный инцидент с кирасиром. Это доверие к людям, которым Государь раз поверил, очень облегчало службу при Нем — нужны были неопровержимые факты, чтобы заставить Его переменить мнение о человеке, которого Он дарил Своим доверием, — напротив, люди, пытавшиеся наговорами пошатнуть Его доверие к кому-нибудь, кому Он верил, только роняли себя в Его мнении. Это свойство характера привлекало к Нему так же, как постоянное недоверие Николая II охлаждало людей и оскорбляло самых преданных Ему.

В первый же год моей службы в Красном Селе я удостоился приглашения, как врач, к Принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской и Вел. Кн. Владимиру Александровичу, это дало мне сразу известную репутацию в военных сферах. В тот же год, Принц Александр Петрович, узнав, что я сын преображенца, приказал без моего ведома перевести меня из армии в Преображенский полк; это внимание было наградой за мою службу в Красном Селе, которой Принц остался видимо очень доволен. Целый ряд удачных операций и успешная помощь при тяжелых повреждениях упрочили мою репутацию, как хирурга. Вскоре меня приблизили к себе Принц и Принцесса Ольденбургские и меня стали отличать В. К. Владимир Александрович, а потом — и Государь. В эти годы я очень успешно лечил любимца Государя, гофмаршала Кн. В. С.

Оболенского, а после катастрофы в Борках — и близкого к Царской Семье флигель-адъютанта В. Л. Шереметьева.

Кажется в 1891 г. Государь посоветовал вернувшемуся больным с Востока, командиру «Памяти Азова», Н. Н. Ломену обратиться ко мне за советом. До того Ломену врачи помочь не могли, мне же удалось вылечить этого смелого моряка очень скоро. Ломен рассказывал мне потом, что когда он, выздоровев, благодарил Государя за совет обратиться ко мне, Государь с улыбкой ответил: «Вы видите, что мои рекомендации не так плохи».

В том же 1891 г. в Красном Селе произошло несчастие: на смотровой стрельбе артиллерии в присутствии В. К. Михаила Николаевича в Донской батарее Гв. Конной артиллерии разорвало орудие и 5 человек красавцев-казаков было ранено, из них двое очень тяжело; эти последние были почти в безнадежном состоянии, но мне все же удалось их спасти, причем Государь очень интересовался этими ранеными и приказал докладывать Ему ежедневно о их состоянии. Это обстоятельство значительно подвинуло вперед растущее благожелательное отношение ко мне Государя.

В то же лето в Петергофе праздновалось двадцатипятилетие зачисления в Преображенский полк Государя. Полк был приведен на этот день из Красного в Петергоф, где состоялся блестящий парад, на котором присутствовали и все врачи полка.

Этот парад был один из самых красивых, кои мне пришлось видеть. Утро было летнее, светлое, яркое. Парад происходил на красивой площадке перед «министерскими домами», у ворот большого дворца, въезда на террасу, на фоне чудного петергофского парка. Здесь были все Великие Князья в Преображенских мундирах и все старые преображенцы в мундирах времени их службы в полку. Государь пешком Сам вел полк церемониальным маршем перед Императрицей и салютовал Ей. На фланге проходил Главнокомандующий В. К. Владимир Александрович, в роте Его Величества — Наследник Цесаревич, в строю были почти все Великие Князья. Шел Государь впереди Своей роты, в которой люди были ростом не меньше Его — это были самые рослые люди во всей русской армии — почти великаны.

Государь шел по всем правилам церемониального марша, широким шагом, сильно вытягивая носок на старый Николаевский лад и красиво салютуя шашкой; полк в приподнятом настроении под личным предводительством своего державного шефа и Верховного Вождя армии проходил блестяще. Получалось удивительное впечатление — шел какой-то полк титанов с повелителем великой России впереди; чувствовалась мощь, которую могла проявить только великанша Россия, со своим великаном-Царем и со своими великанами солдатами; было красиво и внушительно — это проходили представители великой России Императора Александра III.

В этот день мы, младшие врачи, впервые получили приглашение к Высочайшему завтраку, на котором участвовали только члены Императорской Фамилии и Преображенские офицеры, т. е. офицеры первого из потешных полков Петра Великого. До этого по традициям Двора к Высочайшему столу в дни полковых праздников и при подобных случаях приглашался только старший врач, а мы, младшие врачи, в числе 4-х, должны были отправляться домой, и это на глазах офицерства и нижних чинов, что бывало очень унизительно и оскорбительно. Я как-то указал на этот анахронизм гофмаршалу Кн. В. С. Оболенскому, с которым был в близких отношениях. Он вероятно доложил об этом Государю и вот в этот день по личному приказанию Государя впервые была пробита брешь в несокрушимой до того стене, отделявшей офицеров-бар от нас-париев. С этого дня все полковые врачи приглашались наравне с офицерами. После завтрака Государь долго оставался в кругу офицеров и беседовал с ними. Я стоял поодаль совершенно одинокий. Государь, заметив меня, демонстративно прошел чрез группу офицеров, окружавших Его, и спросил меня что-то про санитарное состояние полка. Я ответил, что как младший врач, да еще откомандированный в госпиталь, я о состоянии полка ничего не знаю. Государь удивился, что я младший врач, и спросил меня, сколько лет я на службе. Я ответил, что служу уже 14 лет. «Почему же вас до сих пор не назначают старшим?» — «Не могу знать В. В.»

— Государь что-то стал говорить о Красном Селе и осведомился о состоянии казаков, при чем я мог убедиться, что Он очень тщательно читает наши донесения и вполне осведомлен о жизни войск в лагере.

Это мелочь, но она была очень характерна для Государя Александра III: во 1-х, Он сумел показать мне, маленькому врачу, что знает все, а чего не знает, то хочет узнать; во 2-х, Он понял, что немецкое медицинское начальство эксплоатирует меня, чтобы показать в Красносельском госпитале Ему товар лицом, но как русского держит меня в черном теле, и Государь, довольный моей работой, желал меня подбодрить и поддержать. Вскоре я узнал, что в штабе корпуса была сделана справка о моей службе; оказалось, что я уже два года вычеркнут почему-то из списка кандидатов в старшие врачи. В результате в 1892 г. я был назначен на первую открывшуюся вакансию в Гвардии — старшим врачом Семеновского полка.

Я намеренно рассказал этот маленький факт, ибо он хорошо иллюстрирует, почему Государя, с одной стороны, боялись, а с другой — любили, почитали и были Ему преданы, хорошо зная, что Он враг всяких интриг, справедлив, любит скромных тружеников и очень внимателен даже к самым маленьким работникам, если Он их знает — в обиду не даст и справедливо оценит их работу.

Государь Александр III знал жизнь людей и отлично понимал, как влияет на судьбу скромных работников Его открытая поддержка и этим нередко пользовался, чтобы помочь тем, кому помочь Он считал нужным и справедливым.

Все в том же году Царская Чета приезжала 15 июля в Красное Село на именины В. К. Владимира Александровича. После завтрака в большой столовой палатке Императрица при всем военном начальстве вызвала меня из толпы и долго беседовала со мной. Думаю, что это был первый случай такой чести, оказанной младшему военному врачу, что и произвело на мое начальство нужный эффект. После посещения в это лето госпиталя, Государь, уезжая, подал мне руку, так сказать, официально, на службе, и отдельно благодарил за мою работу; обычно Государь после осмотра госпиталя подавал руку только главному врачу и благодарил медицинский персонал в его лице; это было особое отличие для меня и с тех пор мое медицинское начальство забыло, что я русский. Так я постепенно приближался к Государю.

III

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА ГРЕССЕРА

Зимой 1891/92 г. в Петербурге появился какой-то шарлатан, по фамилии Гачковский, который якобы успешно лечил от всяких болезней какими-то подкожными впрыскиваниями. Секрет его успеха объяснялся тем, что он своим средством будто-бы возвращает пожилым мужчинам силы молодости. Публика, всегда падкая на всякие шарлатанские приемы, особенно столь много обещающие, как средство Гачковского, бросилась к последнему, и конечно стали рассказывать чудеса. Лечение помогало и было, по словам изобретателя, вполне безопасно, ибо впрыскивал он, как он говорил, буру в глицерине.

Официальный муж знаменитой в свое время львицы графини З. Д. Богарн герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский, видимо испытавший безрезультатно на себе все омолаживающие средства, смеясь рассказывал о действительности средства Гачковского, что даже 80-ти летний Князь Б. Голицын после этого лечения, услышав только слово женского рода, как напр. «газета», «труба», начинал ржать. Не удержался от попытки помолодеть и немолодой уже, тогдашний петербургский градоначальник ген. Грессер. Казалось-бы, что ему следовало выслать Гачковского из столицы, как опасного шарлатана, а он сам прибег к его помощи и жестоко поплатился.

Я ничего не знал о случае с Грессером, с которым не был даже знаком.

Это было в апреле, и я как-то на воскресенье поехал с Г. И. Турнером по Николаевской дороге

Это было в апреле, и я как-то на воскресенье поехал с Г.А. Турнером по Николаевской дороге на глухариный ток. Когда мы на другой день часов в 6 вечера возвращались в город, поезд был переполнен публикой, ездившей на поиски дач; на петербургском вокзале масса приехавшей публики толпилась на платформе и почему-то не могла выйти через подъезд на площадь; оказалось, что подъезд закрыт и через двери полиция в лице пары дюжих околодочных выпускала пассажиров по одиночке — видимо кого-то искали и стремились схватить. Образовался длинный хвост; я торопился на обед в гости и, стоя в охотничьем костюме весь в грязи, после поездки на телеге по грязным дорогам, с ружьем и большим глухарем в руках, громко бранился за бесцеремонность полиции. Велико было удивление мое и Турнера, когда у дверей околодочные меня остановили и отвели арестованным в сторонку; после этого двери открыли и пустили всю публику. Было ясно, что ловили меня.

Меня подвели к какому-то штатскому господину с бритой физиономией, очень похожему на сыщика, в котором я узнал старшего врача полиции д-ра Дункана. Он заявил мне, что ему приказано, согласно Высочайшему повелению, тотчас же доставить меня к градоначальнику. Зная Дункана за оригинала и шутника и ничего не понимая, я недоумевал, что это неумная шутка или какое-то недоразумение, ибо, конечно, никакой вины за собой не знал. Мы вышли на подъезд, у которого стояла всем известная коляска градоначальника с парой серых рысаков. Дункан пригласил меня сесть с ним в экипаж и мы поехали по Невскому.

Публика видя в экипаже градоначальника какого-то грязного господина в охотничьем платье с большим глухарем в ногах и в сопровождении человека похожего на сыщика с удивлением глазела; городовые, издалека завидев экипаж градоначальника, но не видя, кто в коляске, становились во фронт и этим обращали на нас всеобщее внимание публики, которой в воскресный весенний вечер на Невском была масса. По дороге Дункан объяснил мне, что ген. Грессер при смерти, что у него в 6 часов назначен большой консилиум, на который Государь по телефону из Гатчины приказал пригласить меня; узнав у меня в доме, что я на охоте и возвращаюсь с этим поездом, он решил меня поймать там тем способом, о котором я только что сказал, и доставить меня на консилиум прямо с вокзала, чтобы по возможности не заставить профессоров ждать меня.

Я нашел шутку Дункана довольно плоской, но должен был смириться, с трудом упросил его заехать к себе домой на Николаевскую, чтобы переодеться. Он нехотя согласился. Когда мы уже после 7 часов вошли в приемную градоначальника, где толпилась масса его подчиненных, дежурный офицер подошел ко мне и сказал, что сейчас звонили из Гатчины и передали приказание Государя Императора мне, тотчас по окончании консультации доложить по телефону Его Величеству мое мнение о состоянии градоначальника.

В кабинете я застал тогдашних корифеев петербургской хирургии: профессоров Носилова, Ратимова, Павлова и д-ра Троянова, которые ждали меня уже более часа. Чтобы оценить момент, надо знать, что в то время профессора Академии, «официальные светила» относились ко мне и без того с озлоблением, не признавая моей компетенции в хирургии, но считались со мной, ибо я был хозяином единственного в России специального журнала по хирургии, в котором не стеснялся критиковать их, Носилов же и Троянов были мои непримиримые враги; и вот они были принуждены ждать молодого полкового врача, и Государь желал знать мнение его, а не мнение признанных светил. Не скрою, что я чувствовал в этот момент большое нравственное удовлетворение, за что должен был быть благодарен одному только Государю.

При осмотре больного оказалось, что у него, после впрыскивания Гачковского, развилась очень тяжелая форма гнилостного заражения, от которого он погибал. После совещания я приказал вызвать к телефону скорохода и велеть ему передать Его Величеству, что считаю, в согласии с другими, положение безнадежным. Дня через два градоначальник погиб. Расследование не выяснило, что собственно Гачковский впрыснул Грессеру, может быть, это был результат очень грязного шприца. Но после этого исчез и Гачковский. Рассказов о смерти Грессера в городе было много; узнали и о моем приглашении по Высочайшему повелению и это в значительной степени

подняло мою репутацию в городе и... улучшило, странным образом, мои отношения с Академией.

IV

МОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОПРОВОЖДЕНИЯ ГОСУДАРЯ

НА МАНЕВРЫ В ПОЛЬШУ И НА ОХОТЫ В СПАЛЕ

В конце августа 1892 г. после лагерного сбора, я неожиданно для себя получил телеграмму от нового гофмаршала Графа Голенищева-Кутузова, который экстренно вызывал меня по службе к себе в Петергоф. От него я узнал, что мне Высочайше повелено сопровождать Его Величество на маневры под Ивангородом и потом на охоты в Спале, где Государь пробудет весь сентябрь.

Отъезд назначен через два дня, все распоряжения уже сделаны и мне остается только приготовиться. Граф Кутузов посоветовал мне взять с собой, кроме военного платья, штатское и, на всякий случай, охотничье платье и ружья. Может быть, что Государь пригласит меня участвовать в охотах, если же не пригласит, то ружья придется спрятать.

Позже я узнал, как произошло мое назначение, совершенно неожиданное для всех. Два года перед тем (Государь охотился в Спале через год) Г. И. Гирш на охоте случайно ранил картечью гостя Государя, германского генерала Вердера, что было конечно очень неприятно Государю и вызвало немало насмешек над бедным Гиршем. На этот раз Гирш был нездоров; действительная эта была болезнь или политическая было неизвестно, но он якобы не мог сопровождать Государя и уехал в отпуск. Нужен был заместитель. Конечно, все окружающие Царскую Чету лица на перерыв рекомендовали своих кандидатов. Интриги шли во всю. Государь по обычаю молчал. После лагеря Он поехал на прогулку в шхеры. Когда приблизилось время отъезда в Польшу, кто-то из близких за завтраком на «Полярной Звезде» спросил Государя, как Он решает относительно выбора врача; начали называть разные фамилии. Тогда Государь коротко ответил: «А у меня есть Свой кандидат» и приказал Графу Кутузову вызвать меня. Для всех это был сюрприз, ибо обо мне конечно никто не думал, но все замолчали. Так рассказывал мне один из присутствовавших при этом.

Конечно, я был очень рад этому назначению и очень польщен им, но отлично сознавал всю большую ответственность, с одной стороны, и те «рифы», в виде интриг, кои мне придется обходить, тем более, что после смерти Кн. Оболенского, у меня при Дворе не было близких друзей и я попадал в совершенно чуждую мне атмосферу, но я уже верил Государю и верил, что Он в обиду меня не даст. Всего больше я боялся Графа Воронцова; в его доме врачом был Алышевский, ученик С. П. Боткина, бывали и другие «Боткинцы»; Граф был под их влиянием, а они считали меня приверженцем немецкой партии, не любили меня и несомненно были недовольны выбором меня.

В назначенный день я приехал в Петергоф, где и поместился в Императорском поезде в назначенном мне купе. Утром в день отъезда я явился Министру Двора, который, как я и ожидал, встретил меня очень сухо. Под вечер я заехал к моей приятельнице, очень близкой к Императрице Княгине Александре Александровне Оболенской, вдове покойного гофмаршала Кн. В. С. Оболенского, которая, как лицо, хорошо знавшее все традиции и правила Двора, дала мне нужные наставления. Между прочим, Княгиня сказала мне, что Цесаревич Николай Александрович, тогда мой однополчанин, обещал ей быть, если можно так выразиться, моим cicerone* в совершенно незнакомой мне обстановке. Часов в 9 вечера я прибыл на Новопетергофский вокзал, чтобы представиться Государю перед отъездом.

Там в Императорских комнатах собрался на проводы весь Двор. Государь, обходя провожавших и увидя меня, подошел ко мне, выразил Свое удовольствие, что может взять меня с Собой и надежду, что я после тяжелой работы отдохну в Спале. Он спросил меня, охотник ли я. Я ответил утвердительно. «Ну, очень рад, сказал Он, а то вам было-бы скучно. Посмотрим, как вы стреляете».

Таким образом я сразу получил и приглашение на охоты, чему очень обрадовался, ибо охоты в Спале и Скерневицах были одни из лучших и богатейших в мире. Подчеркиваю только что сказанное, ибо оно очень хорошо характеризует Государя Александра III — по отношению к маленькому полковому врачу, к Его гостю, Он был так же любезен, как обыкновенный хозяин к своему гостю; Он брал меня с Собой не только, как нужного Ему врача, но вместе с тем желал предоставить мне приятный отдых после тяжелой работы, которую Он ценил, и заботился, чтобы мне у Него не было скучно. Этим Он сразу придал мне бодрости и уверенности в себе и сразу установил мои отношения с окружавшими Его сановниками, из которых я по возрасту почти годился в сыновья.

В Императорском поезде ехали: Государь, Императрица, Наследник Цесаревич, Вел. Княжна Ксения Александровна, В. К. Владимир Александрович, Министр Двора Граф И. И. Воронцов-Дашков, Командующий Главной Квартирой ген. ад. О. Б. Рихтер, дежурный генерал ген. ад. П. Л. Черевин, гофмаршал Граф А. В. Голенищев-Кутузов, Военный Министр ген.-ад. П. С. Ванновский, Фрейлины сестры Графини А. В. и М. В. Голенищевы-Кутузовы. Остальных я не помню, — кажется, больше никого и не было.

В пути свита приглашалась к завтраку в 12? часов, и к обеду в 8 часов вечера. В 5 часов желающие пили чай в столовой; некоторым старшим лицам Императрица сама наливала чай. К чаю можно было и не ходить и пить его у себя в купе, но все ходили, ибо это было время, когда Государь довольно долго проводил в столовой и вел непринужденную беседу на разнообразные темы. Должен подчеркнуть, что Царская Чета удивительно любезна и приветлива; Государь и Императрица держали себя, как гостеприимные хозяева, что придавало обществу тон простоты и интимности; во всяком случае получалось полное отсутствие натянутости, но это нисколько не умаляло величественности Августейших хозяев. Для всех Царь и Царица находили слово и тему для разговора. Все мои спутники были уже давно близки, я же был новый человек, в маленьких чинах, но тем не менее и меня поставили в такое положение, что я уже на второй день не чувствовал себя чужим и не ощущал робости. Государь, видимо, понимал, насколько я должен был чувствовать себя неловко и одиноко в непривычном для меня кругу и бесспорно желал по Своей бесконечной доброте особой приветливостью приручить меня и это трогало и невольно делало меня, уже тогда, самым преданным Ему человеком; чувствовалось, что такою же безграничной преданностью были переполнены и все Его окружавшие, в том числе и боготворившая Его прислуга. Думаю, что именно таким должен был-бы быть и всякий монарх, особенно самодержавный, который желает властвовать над своими верноподданными.

Цесаревич сдержал свое обещание и в первый же день за завтраком посадил меня рядом с собой, но не могу сказать, чтобы он меня «шапронировал»*, и наш разговор не клеился, ибо он конфузился больше, чем я, а потом очень скоро забыл обо мне и мало обращал на меня внимания.

Общий разговор за столом происходил исключительно на русском языке, никаких иностранных языков Государь в своем обиходе не допускал и говорил по-французски только с Императрицей, но, надо признаться, говорил Он по-французски плохо, как часто говорят именно русские. Императрица обычно говорила по-французски с теми, кто этим языком владел, но не стеснялась говорить и по-русски, хотя говорила с акцентом, но правильно и довольно свободно. С детьми Она, видимо, по желанию Государя, всегда говорила по-русски, кроме маленькой Ольги Александровны, которая, будучи на руках у англичанки, часто пыталась говорить с матерью по-английски и не свободно говорила по-русски. Как я заметил, Государь этого не любил. Как-то раз Он спросил меня, на каком языке говорит мой сын, которому тогда было 4 года; я ответил, что пока он говорит только по-русски, но начинает говорить и по-немецки. Государь, обращаясь к Императрице, сказал: «Ты слышишь, сын Николая Александровича говорит только по-русски, так и следует». Несомненно Он держался того взгляда, что дети должны начинать говорить только на своем родном языке и, видимо, не сочувствовал привычке нашей аристократии учить детей говорить на иностранных языках раньше, чем они научатся правильно и свободно говорить

по-русски.

Кстати сказать, в противоположность существующему мнению, что Государь Александр III был будто грубоват, я должен указать, что Он первый отказался от привычки, существовавшей при Александре II, говорить со всеми на «ты». Известно, что при Александре II, Он сам и Его братья говорили всем «ты» — что было выражением особой милости; Александр II и Великие Князья Константин, Николай и Михаил Николаевичи говорили «вы» только лицам мало знакомым, и это считалось выражением с их стороны неблагосклонного отношения. Александр III вывел этот обычай и всегда всем говорил «вы». В. К. Николай Николаевич так и не мог к этому привыкнуть, а В. К. Михаил Николаевич отвык от этого с трудом, часто по привычке ошибался и поправлялся, а своим близким говорил «ты» до своей смерти. Кроме того, в своем обращении с окружающими, с прислугой и солдатами Государь Александр III был очень вежлив и мягок; чинов Своей ближайшей свиты и близких придворных Он всегда называл по имени и отчеству и никогда по фамилии, как это было принято при Дворе Его отца и как обыкновенно называл всех еще В. К. Владимир Александрович.

Утром при первой встрече Государь Александр III и Императрица, а также дети, всем «своим» подавали руку, до последнего молодого конвойного офицера. На встречах, при проводах, перед завтраком Государь и Императрица всегда обходили всех собравшихся и всем без исключения давали руку — обычай, который потом отчасти вывела Императрица Александра Федоровна, подававшая руку только избранным. Вообще при Дворе Александра III царила удивительная простота, и вежливость со всеми одинаково. Прислуга обожала Царя и Царицу, что тоже совершенно изменилось при Императрице Александре Федоровне, которую все очень боялись.

V

НА МАНЕВРАХ ПОД ИВАНГОРОДОМ

На второй день нашего путешествия поезд утром остановился где-то в поле, вблизи Ивангорода, там были приготовлены верховые лошади. Государь и Императрица сели на коней и, сопровождаемые всей свитой, тоже верхом, выехали на маневры. Подробностей этого дня я хорошо не помню, но помню, что завтрак был в поле, подан был без столов и накрыт a la fourchette на коврах, покрытых скатертями. К завтраку были приглашены все офицеры ближайших частей. Помню, что мы провели весь день, до темноты, верхом и вечером очень усталые прибыли на ночлег. Где он был, я не помню. Кажется, вторую ночь мы ночевали уже в Ивангороде.

Помню, что войска встречали Государя с очень большим воодушевлением и бесспорной любовью. Наблюдая за Государем в эти дни я заметил, что Он в сущности в душе был не военный и несомненно «игры в солдатики» не любил, но все же входил во все подробности, всем очень интересовался и не показывал вида, что Он устал или что все это Ему скучно, что Он делает это по обязанности. Верхом Он ездил по-домашнему, на специально выезжанных для него лошадях, очень покойных, на трензеле, а не на мундштуке. Тем не менее, благодаря Своей богатырской фигуре, Он перед войсками делал очень величественное впечатление. Одно, что мне казалось несколько своеобразным, это присутствие везде Императрицы, что придавало всему какой-то семейный характер и напоминало несколько пикник. Мне казалось, что это как-то умаляло воинский дух, столь важный для настроения войск. Насколько Государь понимал военное дело, я не знаю, но одно для меня было ясно, что маневры велись довольно беспорядочно и что командный состав был не на высоте. Так я припоминаю, что в одном месте мы видели застрявший на болотистых дорогах обоз, который не мог выбраться, что указывало на недостаточное знакомство начальников с местностью — обстоятельство, как мне кажется, недопустимое на маневрах в местности, которая должна была быть изучена до тонкости.

В другом месте кавалерийский полк потерял направление, о чем можно было судить по тому, что полк пустили в атаку прямо на Государя и Его свиту; полк неожиданно налетел карьером на

Государя и чуть не смял нас и Государь едва успел с Императрицей и свитой на рысях оъехать в сторону; у военного министра Ванновского и у меня лошади закапризничали и мы чуть не были смяты атакующим полком и спаслись только тем, что попали в интервал между эскадронами. Наконец в третьем месте, где для разведки находился привязной воздушный шар, не действовал телефон с шара и последний не мог исполнить своей задачи.

Последний день маневров приходился на 30 августа, день именин Государя. Маневры должны были кончиться ночной атакой и штурмом одного из отдаленных фортов крепости, носившего название «форт Ванновский». Вечером после обеда мы выехали в нашем поезде на этот форт. Весь путь от Ивангорода до форта и сам форт были богато иллюминованы, а вокруг форта, расположенного на высоте, царила полная тьма, и где-то там в этой темноте были скрыты войска, кои должны были по сигнальной ракете произвести атаку и штурм. Для Государя на одном из валов форта была построена беседка, с которой Он должен был смотреть на маневр. Но здесь произошла неудача.

По приезде на форт Государь со свитой и командующим войсками Варшавского Округа ген. Гурко прошел в беседку. Гурко приказал пустить сигнальные ракеты, но приказание почему-то долго не исполнялось, и войска не двигались, выжидая условного сигнала. Оказалось, что забыли заготовить ракеты. Государь все ждал. Послали ординарца к войскам, но они где-то исчезали в темноте и видимо не могли добраться до войск. Я слышал, как Гурко «пушил» начальника артиллерии и приказал ему подать в отставку; но это не помогло, конечно, и минута для Гурко получилась очень неприятная. Наконец, кто-то догадался открыть с фронта артиллерийскую стрельбу и осветить местность прожекторами. Войска догадались и повели атаку. Однако вскоре произошла вторая неудача.

В этот день впервые крепостные орудия стреляли бездымным порохом. Я пошел посмотреть на стрельбу и вдруг, подходя к одной амбразуре, в которой усиленно стреляло крупное орудие, услышал раздирающий душу крик. В это время ко мне подошел В. К. Михаил Николаевич и со словами «Пойдемте посмотреть, там что-то случилось» повел меня к орудию. Когда мы подошли, из группы артиллеристов отделился Главн. Воен.-Мед. Инспектор Реммерт и доложил Вел. Князю, что у орудия вырвало замок и убило одного солдата. Подойдя к пострадавшему и в темноте ощупав его руку, я нашел биение пульса, несомненно он был жив, но в темноте ничего нельзя было разобрать.

В эту минуту к месту катастрофы подошел Государь с Императрицей и свитой и, узнав в чем дело, приказал дать фонари, но таковых не оказалось, тогда Государь сам, взяв с догоравшей иллюминации лампион, осветил раненого; последний лежал в луже крови без сознания, одна рука была вырвана в плече и висела на лоскутках мяса. Императрица вскрикнув со слезами бросилась на колени около раненого, взяла его голову, положила себе на колени; я потребовал у появившегося откуда-то фельдшера ножик, чтобы разрезать платье раненого; но в сумке фельдшера не оказалось ни ножа, ни перевязочных средств; кто-то дал мне перочиный ножик, и я при помощи Императрицы, поддерживавшей раненого, и при свете лампиона, который держал Государь, стал разрезать мундир солдата, приказав кому-то позвать из нашего поезда моего лекарского помощника Полякова с нашими перевязочными средствами. Поляков немедленно явился и мы с ним быстро перевязали раненого. Государь потребовал носилки, но и таковых не оказалось. Тогда где-то сняли дверь с петель, уложили раненого и генерал-адъютанты с Гр. Воронцовым во главе понесли на плечах несчастного солдата, по приказанию Государя, в Его поезд. В это время оказалось, что у других орудий ранено еще 4 человека и из них двое очень тяжело. Всех этих раненых уложили в пустой багажный вагон Императорского поезда, который и отошел к Ивангороду, где имелся военный госпиталь. Я поехал с ранеными.

С ужасом вспоминаю я и теперь, через 27 лет, этот переезд в 4—5 верст, показавшийся мне вечностью. Вокруг проходившего Царского поезда горела иллюминация и стояли подошедшие войска, а из вагона, в котором находились раненые, неслись раздирающие душу крики раненых, находившихся в травматическом бреду. Впечатление было очень тяжелое. Думаю, что крики

доносились и до вагона Государя. В Ивангороде на платформе нас к счастью встретили носилки и мы отправили раненых на руках в госпиталь, а я с Реммертом в коляске поехали туда-же. Государь и Императрица уехали домой. Сильно сконфуженный П. С. Ванновский пожимал мне руки и горячо благодарил за оказанную помощь.

Госпиталь был расположен где-то лагерем в саду или парке за крепостью. Мы ехали с Реммертом в полной темноте по парку. Он стал упрекать меня, что во всей этой неприятной истории виноват я, доложив Государю, что первый пострадавший жив; если бы я промолчал, и подтвердил бы, что пострадавший умер, то Государь уехал бы и никакого шума не произошло бы. Я, возмущенный, ответил ему, что пока никогда мерзавцем не был и никогда не буду.

В госпитале я потребовал, чтобы раненых по очереди приносили в операционный шатер, дабы я мог подать им немедленную помощь. К великому неудовольствию Реммерта я заявил, что не уеду из госпиталя, пока не сделаю все нужное. К стыду военного ведомства и в госпитале не оказалось ни инструментов, ни перевязочных средств, ни хлороформа. Я принужден был вылущивать раздробленную руку одному из пострадавших и перевязать остальных при помощи своих инструментов и перевязочных средств, принесенных из Царского поезда. Работал я всю ночь и лишь под утро вернулся к себе. Полагаю, что Реммерт провел плохую ночь. Я думал, что его дни, как инспектора, сочтены. Но оказалось, что я ошибся. На другое утро я пошел к помещению Государя, думая, что меня может спросить Государь. Велико было мое удивление, когда я увидел выходящего от Государя Реммерта совершенно спокойного и уверенного. Было ясно, что он спасен. Вероятно его спасли В. К. Михаил Николаевич, креатурой которого он был, и военный министр.

Днем Государь с Императрицей посетили госпиталь, по которому я их провожал и доложил обо всем мною сделанном ночью. К сожалению два тяжело раненых уже умерли, а оперированный был в агонии, спасенными оказались только двое легко раненых. Потом я узнал, что Императрица вернулась ночью с форта вся в крови и в слезах, и что окровавленные Ее перчатки были переданы на хранение в Ивангородский собор. Государь об этом инциденте со мной больше никогда не говорил, а Императрица, недовольная Реммертом в 1900 г. во время нашей экспедиции в Китай, как-то сказала мне, «что же удивительного, что санитарное дело в армии поставлено плохо, ведь вы помните Ивангород, когда Реммерт обвинял вас в том, что вы не скрыли от Государя случившееся несчастие».

В последний день пребывания Государя в Ивангороде состоялся парад, на котором было собрано несколько корпусов. После этого мы уехали в Спалу.

VI

ОХОТЫ И ЖИЗНЬ В СПАЛЕ

История Спальских охот, по дошедшим до меня рассказам, следующая: по своим взглядам, по своему воспитанию и образованию, — по всей Своей натуре Государь Александр III не был создан, чтобы быть монархом. Как известно, вследствие смерти своего старшего брата Николая Александровича, Он унаследовал престол своих предков случайно.

Человек Он был глубоко верующий и религиозный, верил в то, что Он помазанник Божий, что Его судьба — царствовать предопределена Богом, и Он принял Свою Богом предопределенную судьбу покорно, всецело подчиняясь всем ее тяготам, и с удивительной, редкой добросовестностью и честностью исполнял все Свои обязанности царя-самодержца. Обязанности эти требовали громадной, почти сверхчеловеческой работы, которой не соответствовали ни Его способности, ни Его познания, ни Его здоровье, но Он работал не покладая рук, до самой Своей смерти, работал так, как редко кто другой. Эта неустанная, непосильная работа Его очень утомляла, и Он позволял Себе около одного месяца в году отдохнуть и жить так как Ему хотелось. Он любил тишину, уединение, простоту обстановки, семейный очаг и природу, вот

почему Он так любил уединение в Гатчине. Но близость Гатчины к столице и необходимость продолжать там занятия государственными делами не удовлетворяли Его, Он искал хотя-бы временного уединения вдали от государственного колеса и возможности жить, как простой смертный. Он уезжал на время, еще будучи наследником, в Гапсаль, в финляндские шхеры, в Данию и, наконец, в Спалу. Как мне говорили, еще наследником, Он как-то возымел мысль провести осень в совершенно неустроенном Своем поместье Спала, расположенном среди богатых лесов княжества Ловичевского. Он поселился там в первый Свой приезд с женой и несколькими самыми близкими лицами свиты в маленьком, почти крестьянском домике. Там оказалась хорошая охота на оленей, и Он заинтересовался ею. Однако правильной охоты и умелых для нее людей там не было, и Цесаревич обратился за советом и помощью к местному жителю, большому любителю и знатоку охоты, к какому-то католическому ксендзу.

Ксендз этот, фамилию которого я забыл, оказался очень симпатичным человеком, устраивал охоты, руководил ими и стал близким человеком к Цесаревичу, а потом Государю. Государь строго говоря не был завзятым охотником, но любил природу, простую обстановку на охоте и «охотничье хозяйство», т. е., любил сбережение дичи, накапливание и разведение ее, строгое соблюдение охотничьих законов и т. п. Спала Ему полюбилась, ибо Он там действительно отдыхал и жил так, как Он любил жить. По восшествии на престол Государь пожелал привести Спальские леса в полный порядок, приказал выстроить там более удобный охотничий дом и стал ездить туда через год осенью. Постепенно в Спале образовалось правильное охотничье хозяйство и Спала сделалась одним из наиболее богатых и благоустроенных охотничьих угодий всей Европы. Так создался при Дворе Александра III обычай через год проводить осень на отдыхе в Спале и охотиться на оленей только в сообществе самых близких лиц свиты и редких гостей.

Царская усадьба «Спала» расположена на открытой площадке среди старого соснового леса, на берегу реки, если не ошибаюсь, Равки, той самой на которой происходили в 1814/15 гг. знаменитые кровопролитные бои под Варшавой. Жилой или охотничий дом, двухэтажный, деревянный на каменном фундаменте, очень простой и скромный в стиле помещичьего дома или, вернее, без всякого стиля. Во втором этаже расположены комнаты Царской Семьи, в нижнем — комнаты для свиты и гостей. Стены внутри оштукатурены и выкрашены белой краской. Так было по крайней мере в 1892 г. Единственная более роскошная комната, это большая и красивая столовая в пристройке. Обстановка самая простая и скромная, обыкновенная помещичья. С одной стороны небольшой, довольно запущенный садик. Перед домом красивая лужайка. Кроме жилого дома еще несколько деревянных домиков для служащих, домик управляющего графа Велепольского, конюшни и другие хозяйственные постройки — в сущности хорошо содержимая помещичья усадьба средней руки.

Вокруг усадьбы бесконечные леса с образцово устроенным лесным хозяйством. Среди этих лесов несколько деревень, окруженных крестьянскими полями. Образцовое охотничье хозяйство с подкармливанием дичи. Масса лесников, лесничих и егерей всех рангов — организована охота на немецкий лад, так, как в восточной Пруссии. Главная дичь — благородный олень, частью местный, частью приходящий сюда на кормежку из соседних германских лесов и даже с Карпат. Много — серн, местами не мало кабанов. Попадаются лисы, а в некоторых участках есть и перотетерева и канадские индейки. Для подкорма оленей скупается у крестьян масса картофеля.

Оленей очень много; встречаются стада (Rudel) по несколько десятков штук, есть редкие экземпляры стариков с чудными рогами. Оленьих маток и коз бить строго воспрещается. Бьют только козлов и оленей с рогами в 8 концов и, как исключение, в 6 концов, (6-ender); если они уже достаточно зрелы (jagdbar*). Меня предупредили, что Государь очень не любит, если по ошибке кто-либо стреляет по молодым оленям и козам, не говоря уже об оленьих матках. Есть парк с кабанами, в котором устраивается один раз облава, но Государь на этой охоте никогда не участвует, считая ее бойней.

Охотятся здесь двояким образом: (нрзб.) и облава. Самая интересная это «purschen» или охота с подъезда во время драки самцов или рева. На эту охоту ездят только Государь и В. К. Владимир

Александрович. Состоит она в том, что на самой ранней, утренней заре выслушивают рев оленей. В экипаже едут «на рев», затем в бинокль высматривают ревущего оленя или бой между ними. Обычно ревущий олень стоит на открытом месте, на таких-же местах происходят и драки между двумя самцами. Заметив место, начинают объезжать оленя в экипаже концентрическими кругами, постепенно и незаметно приближаясь к нему. Выбрав хорошее место, оленя бьют на довольно большом расстоянии. Охота эта трудная и требует хорошей меткой стрельбы. Другая охота — облавой с загонщиками, ничего особенного не представляет. В начале загона разрешается бить только оленей, в конце загона — и козлов. Лисицу разрешается бить во всякое время.

День в Спале проходил следующим образом: выезд на охоту часов в 8 утра. Все мы собирались уже готовыми у крыльца жилого дома. Государь выходил ровно в назначенное время, обходил всех, со всеми здоровался и выезжал обыкновенно с В. К. Владимиром Александровичем в Своем шарабане, запряженном парой крупных (нрзб.) в французской почтовой упряжи с почтальоном-французом на козлах. Затем приглашенные ехали попарно в колясках, запряженных польскими почтовыми лошадьми, четверкой цугом, с почтальонами, одетыми в свою почтовую форму, в высоких клеенчатых шляпах. При выезде почтальоны трубили. По приезде на место все одинаково тянули жребий, получали по плану охотничьего участка данного дня и становились на свои места. С одного круга на другой переезжали на экипажах, что было очень легко ввиду хороших дорог и отлично содержимых просек. Распоряжался охотой управляющий граф Велепольский, сам очень редко стрелявший. Около 12—1 час. собирались в назначенном месте, где подавался в палатке завтрак или ранний обед из 4-х блюд с супом. К завтраку обыкновенно приезжали Императрица с В. Княжной Ксенией Александровной и фрейлинами графинями Кутузовыми. После завтрака охота продолжалась до темноты, значит часов до 6. Дамы оставались на охоте и становились на номера с кем-нибудь из мужчин по выбору. Императрица обыкновенно становилась или усаживалась на номере В. А. Шереметьева, В. Кн. Ксения Александровна — на номере Цесаревича. Государь стоял на номере почти всегда один. При возвращении, когда бывало уже темно, дорогу освещали егеря верхом с факелами в руках, почтальоны трубили; это освещение придавало возвращению характер чего-то феерического и было очень живописно.

По возвращении мы переодевались и собирались к обеду в большой столовой, стены которой были все увешаны трофеями охоты — оленьими рогами, под которыми была написана фамилия лица, взявшего оленя. В этой коллекции были чудные экземпляры. Обедали все, кроме Государя, в штатских сюртуках, Государь приходил к обеду в Своей охотничьей блузе или в тужурке. Характерно для этикета при Дворе Александра III было то, что Государь всегда сидел на главном месте в конце стола, где обычно сидит хозяйка, по правую сторону сидела Императрица, по левую Ксения Александровна; в экипаже Он тоже всегда занимал место направо, а Императрица налево. Это показывало, что Государь был Государем и для Императрицы. Обычай этот изменился при Николае II, который в экипаже уступал первое место направо Императрице, как даме.

Во время обеда играл на дворе, под открытым окном столовой, военный оркестр одного из полков, расположенных в окрестностях. Музыканты получали угощение от Двора, вероятно, и деньги. Уходя из столовой, Государь через окно всегда благодарил музыкантов. Когда военного оркестра не было, играл хор австрийских музыкантов, специально приглашенный для этой цели. После обеда все выходили на площадку перед крыльцом дома для осмотра при свете факелов убитой за день дичи, живописно расположенной на лужайке; к каждому зверю была привязана дощечка с фамилией охотника, взявшего этого зверя; это — так называемые в Германии «Strecke». Во время осмотра австрийцы играли фанфары. Церемониал этот продолжался 10—15 минут. После этого все лица свиты шли в приемные комнаты Императрицы и проводили там вечер.

В первый день, не получив приглашения на вечер и не зная, следует-ли ожидать такого приглашения, я спросил Зичи, бывал ли Гирш на этих вечерах. Он ответил, что Гирш и он на

приглашения, я спросил Его ли, бывал ли Гирш на этих вечерах. Он ответил, что Гирш и он на вечера не приглашались и проводили обыкновенно вечера одни, что бывало довольно скучно. Я решил, что это вероятно слишком большая скромность со стороны Гирша и по-моему, недостойная врача, а поэтому, считая себя приглашенным гостем на охоты, как и другие, пошел со всеми к Императрице. Как я и ожидал, Императрица, увидев меня, спросила, играю ли я на биллиарде и, получив утвердительный ответ, пригласила меня принять участие в партии «a' la guerre»*, в которой и Она участвовала. После первой партии, в которой я оказался лучшим игроком, в биллиардную пришел Граф Воронцов и передал мне приглашение Государя играть с Ним в винт, если я вообще играю. Я предупредил, что играю плохо, но игру знаю, попросил Императрицу разрешения отказаться от игры в биллиард и, получив таковое, пошел к игорному столу. Государь успокоил меня тем, что и Он сам играет плохо, и добавил: «по крайней мере вам будет вечером не так скучно у меня». Партию Государя составляли В. К. Владимир

Александрович, Граф Воронцов, ген. Рихтер и я. Играли с выходящим при покупке 8 карт, с винтящими коронками; ставки я не помню, но для меня игра была крупная, так как при несчастии можно было проиграть 200—300 рублей, но делать было нечего. Как оказалось, Государь играл Сам через вечер и через вечер после «Strecke» уходил к себе и работал до поздней ночи, так как в эти дни приезжал фельдъегерь с бумагами. В те дни, когда Государь отсутствовал, мы играли вчетвером. Таким образом до возвращения в Гатчину я остался постоянным партнером Государя. В. К. Владимир Александрович и граф Воронцов играли отлично, ген. Рихтер очень недурно, я плохо, а Государь очень плохо и рискованно. Проигрывал больше всех Государь, потом я. Когда мне приходилось играть с Государем, мы ставили неимоверные штрафы, но Он играл очень спокойно и никогда не сердился за ошибки партнеров. В конце вечера денег не платили, а ген. Рихтер записывал результаты в книжку, которую он называл «мерзавка», при чем расчет должен был произойти при возвращении в Гатчину. Хотя я играл плохо и мне порядочно доставалось от Великого Князя и графа Воронцова, которые играли очень скупо и осторожно, мне все-же очень везло и в конце концов я проиграл только 150 рублей за все время, которые мне пришлось уплатить Государю, когда мы подъехали к Гатчине. За нашим карточным столом всегда сидел до 10 часов Граф Велепольский, которого Государь называл (нрзб.) и с которым, в виде исключения, как с поляком, всегда говорил по-французски. Гр. Велепольский, как он мне раз сказал, очень ценил это внимание Государя, так как поляки, как известно, очень не любили и старались не говорить по-русски. Известно, что Государь не любил поляков: но считая Велепольского Своим гостем, желал быть и был с ним особенно внимателен и любезен.

Генерала Рихтера, которого все называли Оттон Борисовичем, Государь и Великий Князь всегда называли почему-то Дмитрием Борисовичем. Я как-то позволил себе спросить Государя, почему Он так называет Рихтера. Государь ответил мне следующее: «Вы знаете, вероятно, что Дмитрий Борисович был воспитателем моим и моих старших братьев, кроме Сергея и Павла. Мы с братьями очень не любили немцев и были недовольны назначением его нашим воспитателем и не хотели называть его Оттон. Тогда мы спросили его, нет ли у него, как у лютеранина, другого, более русского имени. Оказалось, что его звали и Дмитрием. Мы попросили разрешения у него, называть его Дмитрием Борисовичем. Он разрешил, и вот мы, братья, с детства так и зовем его».

Около 11—11? часов партия заканчивалась и все расходились, так как утром нас будили уже в 7 часов.

По воскресеньям утром до завтрака на охоту не выезжали, а все шли к обедне, которая служилась в походной церкви, помещавшейся в палатке; пели, и очень хорошо, конвойные казаки Шереметева, чем он очень гордился. Обедня начиналась в 11 часов и кончалась ровно в 12. В эти дни Государь и все мы бывали в военной форме — в сюртуках без оружия: в той-же форме по воскресеньям и обедали. После раннего завтрака в 12 часов выезжали на охоту, но в эти дни охоты назначались в худших участках и Государь иногда на эти воскресные охоты не ездил, но любил, чтобы другие ездили. В одно из воскресений назначалась охота на кабанов в огороженном парке на заграничный лад. В сущности это была не охота, а только стрельба и довольно трудная; Государь допускал эту охоту, но Сам в ней не участвовал, так как зверь был в ограде, а Он не хотел стрелять по зверю, который был лишен возможности уйти

хотел стрелять по зверю, который был лишен возможности уйти.

Для Императрицы, бывшей отличной и смелой наездницей, раза два устраивались охоты на оленя верхом с гончими, на французский лад — «chasse a cours», но в этих охотах, кроме Императрицы, участвовали только трое: Кн. Д. Б. Голицын, В. Л. Шереметев и Граф Берг. Мне говорили, что охоты эти бывали очень живописно обставлены и велись в строго французском классическом стиле; кавалеры скакали даже в красных фраках. Сколько я знаю, кроме участников, этих охот никто не видел. Мне казалось, что Государь доставлял это удовольствие Императрице, но не особенно ему сочувствовал.

Из гостей, кроме уже указанных лиц, в Спалу в 1892 г. были приглашены: В. К. Алексей Александрович, Принц Альберт Альтенбургский, генерал-адъютант германского Императора фон-Вердер, Барон В. Б. Фредерикс — тогда управляющий конюшенной частью, Кн. Д. Б. Голицын — начальник императорской охоты в Гатчине, флиг.-ад. В. Л. Шереметев — командир конвоя, Граф Берг — племянник покойного фельдмаршала и большой спортсмен, Кн. В. С. Кочубей — адъютант Цесаревича, прибывший только под конец, и Граф Велепольский — племянник управляющего Княжеством Ловичевским.

На всех охотах присутствовал приехавший с нами придворный художник Зичи, известный автор иллюстраций к Лермонтовскому «Демону». Зичи перешел к Государю Александру III, так сказать, по наследству, от Александра II, которому он сопутствовал во всех путешествиях и на охотах. Зичи зарисовывал в альбом разные интересные эпизоды охот и потом исполнял эти рисунки акварелью, собиравшиеся в отдельные альбомы по годам. Иногда он позволял себе изображать и комические моменты на охотах в виде каррикатур, не особенно злых, и снабжать их подписями, не лишенными шуток и острот, но никто, конечно, на эти каррикатуры и остроты не обижался. Таких альбомов в Спале хранилось несколько, и очень жаль, если они пропали, ибо помимо художественной ценности они представляли и большой исторический интерес. Из работ Зичи времен Александра II большая коллекция его акварелей и карикатур карандашом хранилась в Гатчинском Дворце и украшала собой стены так называемого арсенального зала. Кстати сказать, одно время Зичи был очень популярен в России, благодаря его всем известной гравюре «Искушение Тамары», но, ближе ознакомившись с ним и имев случай видеть много его этюдов, рисунков и акварелей, я не находил, чтобы это был выдающийся талант; он был бойкий иллюстратор и только. Самые лучшие его вещи оставались неизвестными публике, кроме любителей, так как они касались самой необузданной эротики.

Известно, что Государь Александр III очень не любил Императора Вильгельма II и вообще немцев; говорили, что Германский Император, бывший большим любителем охоты, на все лады напрашивался на приглашение в Спалу, но такового никогда не получил. Тем более казалось странным присутствие в Спале, в интимном кругу приближенных Государя, двух германских генералов — Принца Альтенбургского и Вердера, но это имело свои причины.

Принц Альберт Альтенбургский, которого в Царской Семье все звали просто «Albert», был довольно оригинальной и в своем роде типичной личностью. Он происходил из бедного германского княжеского рода, кажется, в молодости служил в германской армии, был конечно кавалерист и завзятый спортсмен, жил не по средствам и разорился. Он однако нашел выход и, благодаря своему родству с Русской Царской Семьей чрез. Вел. Кн. Александру Иосифовну, тоже происходившую из Альтенбургского дома (жена В. К. Константина Николаевича), перешел на службу в Россию и командовал одним из кавалерийских полков в Варшаве, вероятно при Александре II. Однако долги его росли, а две девочки, оставшиеся на его руках после смерти его жены, были без присмотра. Тогда он женился на уже не молодой, но очень богатой Принцессе Елене Георгиевне Мекленбургской, дочери В. К. Екатерины Михайловны, и снова вернулся на службу в германскую армию. Он был действительно страстный и ненасытный охотник, кутила, весельчак, остряк, хороший остроумный рассказчик и несколько «шутоват». Сколько я наблюдал, Царская Семья, особенно Государь, не особенно его уважали, но его приглашали, как родственника и весельчака, бывшего «le bout en train»* всего общества в Спале. Он смешил всех, изображая из себя «l'enfant terrible»**, хотя ему было уже под 60, но в сущности хорошо кушал

изображая из себя «renaissance» — хотя ему было уже под 60, но в сущности хорошо кушал, хорошо пил и стрелял в свое удовольствие, не гнушаясь подчас насмешками над собой за свою жадность и иногда некорректность на охоте — он не мог удержаться от выстрела, когда видел дичь, даже на чужом номере, и иногда бил, как бы по ошибке, маток, несмотря на запрещение, за что Великие Князья звали его «шкурятником», но он только отшучивался и балаганил. Думаю, что он встречал поддержку больше у дам, которых смешил и веселил, а Государь относился к нему не без иронии и не особенно его долюбливал, уже за то, что он был немец. В сущности это был тип интернационального жуира «sans foi ui loi»*, который всю жизнь охотился на чужих, но богатых охотах и за это забавлял хозяев и гостей. Так на него все и смотрели.

Генерал Вердер, будучи свитским генералом при старом Императоре Вильгельме, состоял много лет прикомандированным к Особе Императора Александра II, на правах Его друга постоянно жил в то время при русском Дворе, сделавшись там своим человеком. Государь Александр III приглашал его в Спалу в память Отца и пользуясь близостью Спалы к Берлину. Может быть, что Вердер имел и секретную дипломатическую миссию служить чем-то вроде trait d'union между Государем и германским Двором, сильно искавшим возможности сближения с Двором русским; может быть, Государь, приезжая почти на границу Германии, считал нужным выказать какую-либо любезность Императору Вильгельму, но предпочитал иметь дело с человеком, которого он хорошо знал и потому приглашал Вердера.

Вердер был типичный, сухой, чванливый пруссак, очень мало симпатичный. Охоты он не любил, очень плохо и неохотно стрелял и ездил на охоту только pro forma. После ранения лейб-хирургом Гиршем он почему-то боялся и меня и очень бывал озабочен, когда ему приходилось стоять на номере рядом со мной, что служило не раз темой для карикатур и острот Зичи. Если Вердер был умен, то он во всяком случае скрывал свой ум. При Николае II, ген. Вердер был короткое время послом в Петербурге; он был назначен на этот пост вероятно потому, что хорошо знал все общество в Петербурге и был близок ко Двору, но вскоре заслужил за что-то неудовольствие Императора Вильгельма и был отозван.

В сущности казалось, что оба представителя Германии чувствовали себя при Дворе Александра III не особенно «в своей тарелке», хотя Государь был с ними, конечно, изысканно любезен, но... не без доли иронии.

Полагаю, что положение Вердера в Спале в этом году было не из особенно приятных, так как именно в этом году осенью произошел один очень «неудобный» инцидент с германским офицером, состоявшим на службе в нашей армии. Известно, что отношения между старым Императором Вильгельмом и Александром II были очень дружественные; дружба эта, между прочим, выражалась тем, что помимо военных агентов при Государе состоял германский генерал-адъютант, и при Вильгельме — русский. Кроме того, Вильгельм I выхлопотал согласие Александра II на прикомандирование к русской армии 2—3 германских офицеров. Предполагалось, что оба Государства живут между собой в такой дружбе, что германские офицеры среди нашей армии не могут быть опасны. Это было странно, но это было так.

Один из этих офицеров, граф Пфель, участвовал с нашими войсками в боях на Дунае и под Плевной и «за отличие» был переведен Александром II в Преображенский полк, где я с ним вместе служил. Пфель довольно свободно говорил по-русски, был принят обществом офицеров, как товарищ, со многими был на «ты», командовал ротой и даже батальоном, носил форму Преображенского полка и под конец состоял в чине полковника. Находился он на русской службе лет 12 и ясно, что тайн для графа Пфеля в Петербурге не было, он знал о русской армии все, что знали наши офицеры, вероятно даже больше, чем они, и был постоянно в переписке с Германией.

Приблизительно в 1890 или 1891 г. Пфель уехал в отпуск в Германию и больше не вернулся, а осенью 1892 г., когда Государь был на маневрах в Польше, в Берлине появилась книга Пфеля о русской армии с неособенно лестными отзывами о ней. Эту книгу граф Пфель, как я слышал, имел наглость прислать даже кому-то в Петербурге; читал ее Государь и Наследник, бывший

имел наглость приехать даже к нему-то в Петербург, читал его Государь и Наследник, бывший однополчанин Пфеля. Говорили, что за эту услугу Vaterland'у* Пфель получил какую-то высокую должность в германском главном штабе. До приезда Вердера, еще на маневрах, при Дворе много говорили об этом более чем некрасивом и бесстыдном поступке германского офицера, который в форме русского полковника гвардии несомненно почти открыто занимался шпионством. Своеобразная этика у германского офицерства. Конечно с приездом Вердера открыто говорить о Пфеле перестали, но он не мог не знать, что эту книгу читал Государь и многие другие; надо было удивляться, что Вердер при всем этом принял приглашение в этом году. Надо однако здесь-же добавить, что после этого случая, бывшего последствием симпатий Александра II к Германии, а вернее — к Императору Вильгельму I, Государь Александр III раз навсегда прекратил прием германских офицеров на русскую службу. Вот пример какими способами пользовались немцы, чтобы готовиться к войне с Россией, которая вспыхнула через 22 года...

Об остальных гостях я скажу в другом месте.

Как я имел случай наблюдать не раз, Государь Александр III не любил и не признавал мод, особенно иностранных, и разных переодеваний в специально спортивные костюмы на английский лад. Дома он обычно ходил в генеральской «тужурке» (так называвшееся «укороченное пальто»), на охоту он выезжал в удобной и очень простой блузе из английской материи, на голове носил шотландскую шапочку, а зимой — форменную офицерскую барашковую шапку, только без орла и галунов. Это пристрастие Государя к головным уборам без козырька было его оригинальностью, поэтому в его царствование и были введены в армии «бескозырки» и круглые барашковые шапки. Вред от отсутствия защиты глаз козырьком и затруднение стрелять в таком головном уборе, особенно против солнца, он почему-то упорно отрицал. Помню, что в маленькой очень низкой столовой в Гатчине над столом в потолке помещалась очень яркая электрическая лампа без абажура, которую в темные зимние дни зажигали уже за завтраком, и от нее очень рябило в глазах; Императрица как-то при мне жаловалась на неприятный, яркий свет этой лампы; я позволил себе выразить мое предположение, что такой свет вреден для глаз; Государь ответил мне, что это предубеждение, будто яркий свет вреден для глаз; «орел всегда смотрит прямо на солнце, не боится света, не портит себе глаз и обладает особенно острым зрением», сказал он мне, «вот почему я не согласен, что бескозырки и шапки вредны солдатам, о чем мне постоянно твердят». Это была его предвзятая точка зрения, оспаривать которую было бесцельно, ибо он непоколебимо стоял на своем и доказывал свою убежденность на самом себе. Так-же одевался на охоты и Наследник, только вместо шотландской, он носил шапку вроде военной. Очень просто одевались на охоты и все лица свиты, а граф Воронцов даже щеголял поношенностью своего костюма; элегантно, по-модному, на немецко-английский лад одевались Вел. Князья Владимир и Алексей, а так-же принц Альберт, причем Государь всегда с улыбкой посматривал на их костюмы.

Не любил Государь и активного участия дам на охоте и дамских охотничьих костюмов. Сужу об этом потому, что Государь, показывая мне сам один из альбомов Зичи, того года, в котором на охотах принимала участие Вел. Княгиня Мария Павловна, остановил мое внимание на рисунке, изображавшем Вел. Княгиню в короткой юбке и тирольской шляпе, и с усмешкой добавил: «а вы видели, как она нарядилась».

Говорили, что Государю настолько не нравились костюмы Великой Княгини и то, что она стреляла, что Он перестал приглашать ее в Спалу, почему в этом году Вел. Князь и был в Спале без жены. Думаю, что не симпатизировал Государь В. К. Марии Павловне больше потому, что она была немка и за ее склонность к Германии. Впрочем, это только мое предположение.

Как я уже сказал, Государь в душе не был охотник, но любил охоту на оленя с подъезда («Purschen»), как я не раз от него слышал, главным образом потому, что на этой охоте при восходе солнца он мог любоваться чудными картинами природы. На облавах он даже не всегда стрелял и я видел не раз, как он, стоя на номере, вырезал ножом фигуры и вензеля в коре деревьев и пропускал зверя без выстрела, только любуясь на него, как на картину. Зато он строго следил, чтобы другие не били молодых зверей и особенно маток, и, как говорили, иногда бывал

следил, чтобы другие не били молодых зверей и особенно маток, и, как говорили, иногда бывал неприятен, когда по горячке отступали от принятых правил или ему мешали. Помню, как он несколько дней оставался без выстрела и становился нетерпеливым; наконец, на одном из загонов я стоял на номере рядом с ним и видел как на него вышел чудный, старый олень, но зверь шел между деревьями, Государь поднял ружье и выжидал пока олень выйдет на чистое место, но в момент, когда зверь приблизился к поляне, на соседнем номере с другой стороны кто-то громко чихнул — олень круто повернулся и бросился в чащу. Это был единственный раз, что я видел, как Государь рассердился, и я услышал, как он громко крикнул ген. Черевину: «Петр Александрович! С насморком на охоту не ездят, а остаются дома...»

В другой раз я стоял рядом с Цесаревичем; на меня вышло два оленя — старый и молодой, я выбрал, конечно, старика, прицелился, но в момент выстрела, звери что-то почуяли и повернули, я выстрелил второпях, ошибся между деревьями и положил молодого; загонщики вытащили оленя на номере Цесаревича. Вскоре я услышал, как Государь, проходя по линии стрелков и увидев молодого оленя на номере Наследника, стал его упрекать довольно резко за такой непозволительный промах, и как Наследник чуть не со слезами в голосе спешил уверить отца, что это промах не его, а соседа. Мне стало очень неловко, я пошел навстречу Государю и извинился. «Ну вам, как новичку, это на первый раз прощается, сказал мне Государь улыбаясь, но впредь, я надеюсь, вы горячиться не будете. Тем не менее вечером мы найдем вам наказание».

Мне очень везло и я взял в этот день еще одного, на этот раз чудного по рогам, старого зверя, одного из лучших за все охоты.

За обедом в Спале существовал обычай, что убивший в данный день оленя, должен был стоя и поклонившись Государю выпить до дна кубок шампанского, вмещавший ? бутылки вина, который Государь наливал сам и посылал «виновнику торжества». Старикам, которым вино было вредно, Государь наливал кубок далеко не полным. В этот день, когда я по ошибке убил молодого оленя и старого, Государь прислал мне кубок два раза, сказав, что это в наказание за промах. Я благополучно исполнил приказание, хотя не без страха, и в этот вечер с успехом играл с Государем в винт. Государь с улыбкой заметил, что я приношу ему двойной убыток — бью молодую дичь и опорожняю его погреб.

Кстати сказать, во время болезни Государя распустили сказку, будто Государь очень любил кушать и злоупотреблял вином, чем и стремились объяснить его болезнь. Должен сказать, что это совершенная неправда. Государь не был гастрономом, как его братья, и, как многие очень полные люди, для своего роста кушал скорее мало, никогда не придавая еде особенное значение; пил ли он водку за закуской — не помню, кажется нет, а если и пил, то никак не больше одной маленькой чарочки; за столом он пил больше квас, вина почти не пил, а если пил, то свой любимый напиток — русский квас пополам с шампанским и то очень умеренно; вечером ему подавали всегда графин замороженной воды, и он пил такой ледяной воды действительно очень много, всегда жалуясь на неутолимую жажду. Вообще Государь вел очень умеренный образ жизни и если чем-либо себе вредил, то это непосильной работой в ущерб сну.

В Спале Государь отдыхал; о делах и политике было принято не говорить, но, как я уже сказал, через день приезжал фельдъегерь с бумагами и в эти дни Государь и в Спале работал до глубокой ночи. О. Б. Рихтер говорил мне, что Государь поразительно добросовестно относится к делам, и как-то раз показал мне толстый портфель, который Государь в дни отъезда фельдъегерей присылал ему с готовыми резолюциями. «За много лет, что я управляю комиссией прошений на Высочайшее имя, говорил мне Рихтер, я не помню случая, чтобы посланный мною Государю с вечера портфель с бумагами не был возвращен мне на следующее утро с исполненными делами».

Должен сознаться, что жизнь в Спале однообразна и монотонна и давала мало пищи уму, но зато, при отличном воздухе в сосновом лесу и обычно отличной погоде в сентябре, отдых действительно был полный, причем мы весь день проводили на воздухе, хотя без достаточного движения, ибо почти не приходилось ходить. Богатейшая-же по количеству дичи и организации охота для любителей таковой исключала скуку, а редкая любезность и гостеприимство

охота для любителей таковой исключала скуку, а редкая любезность и гостеприимство Августейших хозяев были причиной полного отсутствия всякой натянутости.

Как врачу, мне в Спале почти не приходилось функционировать, причем и в этом отношении сказывалась безграничная любезность и деликатность Государя. Как-то нездоровой почувствовала себя Вел. Княжна Ксения Александровна.

Государь до выезда на охоту послал за мной и приказал, осмотрев Вел. Княжну, доложить ему о состоянии ее здоровья. Я исполнил поручение; ничего серьезного не было, но я тем не менее предложил остаться дома и не ехать на охоту. «Что за пустяки, сказал Государь, поезжайте, если вы понадобитесь, то за вами пришлют, пропускать хороший день охоты не вижу причины. Я взял вас сюда для того, чтобы вы отдохнули, а не для того, чтобы ходить за больными».

Другой раз я перенес несколько неприятных минут, благодаря мало остроумной интриге одного коллеги и мало доброжелательного отношения ко мне графа Воронцова. Расскажу этот инцидент, так как он хорошо рисует характер Государя. Как-то легко заболел ген. Рихтер, всегда страдавший старческим хроническим бронхитом, и не выехал на охоту. Рихтер лечился гомеопатами и нашу науку не признавал, поэтому я не мог предложить ему свои услуги и пошел просто навестить его, при этом я убедился, что заболевание самое безобидное, о чем и доложил Государю.

На третий день болезни Рихтера совершенно неожиданно для меня в Спале появился Алышевский, приехавший якобы для того, чтобы доложить Государю о состоянии болезни Вел. Кн. Георгия Александровича, лечением которого он руководил. Перед обедом я зашел к Рихтеру, которого нашел почти здоровым, и, выходя от него, встретил гр. Воронцова и Алышевского, шедших к нему. Дождавшись в коридоре Алышевского, я спросил его, как он нашел генерала? Он ответил, что нашел у Рихтера воспаление легких, считает положение очень опасным и не отвечает за следующий день. Я попытался возражать, указав, что температура нормальная и что самочувствие отличное. Но Алышевский, известный своей невоспитанностью и грубостью, ответил, что я, как хирург, видимо ничего не понимаю в болезнях легких и ушел, добавив, что он сегодня вечером уезжает.

После обеда я видел, как гр. Воронцов и Алышевский вошли в кабинет к Государю и, пробыв там недолго, ушли. После этого Государь вышел в гостиную и спросил меня, что с Рихтером? Я ответил, что генерал завтра собирается, с моего согласия, выехать на охоту. «Как же Алышевский только что сказал мне, что у Рихтера воспаление легких и что он считает его положение очень опасным». Я объяснил, что остаюсь при своем мнении и что опасения Алышевского мне непонятны. Государь улыбнулся и спросил: «Хорошо, вы мне отвечаете за Рихтера?» «Отвечаю, В. В.» — ответил я. Вскоре меня позвала Императрица и сделала мне те-же вопросы. Я объяснил то же, но Она видимо не успокоилась. Я совершенно не понимал поведение Алышевского и цель всей этой комедии — ошибаться он не мог, но для чего-же он все это выдумал? Думаю, что это была чья-то попытка «подставить мне ножку». Должен признаться, что эту ночь я провел тем не менее в тревоге. Рано утром я пошел не без некоторого страха к Рихтеру и застал его на ногах — он собирался ехать на охоту. Когда Государь, выйдя на крыльцо, чтобы садиться в экипаж, увидел Рихтера, который заявил ему, что он совершенно поправился, он только многозначительно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Этим инцидент и закончился, но никто со мной больше о нем не говорил. Меня удивило, что ни единого слова ни вечером, ни на другое утро не сказал мне гр. Воронцов. От всяких заключений я воздерживаюсь, но напомню, что Алышевский был домашний врач и близкий человек гр. Воронцова, что он был ученик С. П. Боткина и самый ярый враг так называемой немецкой партии, о чем я говорил в начале этих воспоминаний.

В конце пребывания Государя в Спале в одно из воскресений охота была отменена и все загонщики — крестьяне соседних деревень — в числе нескольких сотен человек с их женами были приглашены на угощение в усадьбу. На площадке перед домом были накрыты длинные

столы, уставленные яствами, Государь с Императрицей обходил гостей, долго дружески с ними беседовал и благодарил за оказанные ими во время охоты услуги.

В конце сентября мы переехали из Спалы в Скерневицы, где дня 3—4 происходили охоты на зайцев, коз и фазанов. Охоты эти были действительно выдающиеся по количеству дичи, припоминаю, что в один из этих дней было взято больше тысячи штук дичи, из числа коей около 500 зайцев.

В Скерневицы приезжали П. С. Ванновский, генерал Гурко с супругой и другие лица из Варшавы на большой обед. Около 1 октября мы через Варшаву, где Государь на вокзале принял представителей варшавской администрации и польской знати, вернулись в Гатчину, а я отпущен был в Петербург к своей обычной деятельности.

VII

ГАТЧИНА

Всю позднюю осень и первую половину зимы Государь с Семьей обычно проводил в Гатчине, а к новому году переезжал в Петербург в Аничков Дворец, посещая Зимний Дворец лишь в дни выходов, балов и торжественных приемов.

Зимой 1892/93 г. меня несколько раз приглашали в Гатчину по разным случаям и не раз оставляли к завтраку; два раза я был приглашен туда на охоту и бывал там с поздравлением в дни семейных праздников, хотя никакого служебного положения при Дворе не занимал; при этом я имел возможность ближе ознакомиться с жизнью Царской Семьи в Гатчине.

Известно, что Государь Александр III и Императрица Мария Федоровна почему-то любили для жилья маленькие и низенькие комнаты, а большими пользовались только для официальных приемов. Так в Гатчинском Дворце Царская Семья занимала в «арсенальном каре» так называемый антресоль, помещение между нижним этажом и бельэтажем. Комнаты там были расположены подряд вдоль узкого, низкого и полутемного коридора и выходили окнами частью в парк, частью на большой двор. Сами комнаты были маленькие, как коробки, и очень низкие, я думаю, не выше 3? аршин. Из комнат, которые я знал, могу назвать очень небольшую столовую, служившую одновременно и приемной, налево — рабочий кабинет Государя, направо — гостиная, она-же и кабинет Императрицы, всегда наполненная чудными цветами, и за ней спальня; в остальных комнатах помещались дети. В этом помещении происходили семейные завтраки и Императрица принимала только самых интимных посетителей, официальные приемы происходили в нижнем этаже. Где официально принимал Государь, я не знаю, но работал он в своем маленьком кабинете в антресоле.

Из придворных и свиты, кроме фрейлин графинь Кутузовых и Е. С. Озеровой, в Гатчине постоянно жили только ген.-ад. Черевин (дежурный генерал и по этой должности начальник охраны), его помощник ген. П. П. Гессе, командир сводного гвардейского полка фл. — ад. С. С. Озеров, другие чины охраны, Г. И. Гирш и воспитатели Августейших детей. Даже Гофмаршал бывал наездами. Кроме того в «Егерской слободе» зимой жил начальник Императорской Охоты ген.-ад. Д. Б. Голицын с семьей и ловчий Государя Диц.

Фрейлины помещались в нижнем этаже «арсенального каре», все остальные как живущие, так и часто приезжавшие, имели свои квартиры в так назыв. «кухонном каре»; там же было и помещение дежурного флигель-адъютанта и столовая для приезжавших. П. Л. Черевин занимал 3—4 комнаты, рядом со своей канцелярией, ведавшей охраной, и пользовался особыми правами — ему полагался в его квартире стол от Двора на то число персон, которое он указывал. Все приезжавшие в Гатчину с докладами и делами обычно заходили к Черевину и некоторые оставались у него, по его приглашению к завтраку. Поэтому с 10 ч. утра и до 3-х у П. Л. Черевина бывал целый раут и здесь часто решались наиболее серьезные государственные дела, так как П. Л. Черевин был очень близок к Государю и всегда имел к Нему доступ без доклада

Так как Н. Л. Черевин был очень близок к Государю и всегда имел к Нему доступ без доклада.

Государь и его семья жили в Гатчине очень уединенно. Из чужих в Гатчине очень часто и подолгу живал в качестве гостя и друга только один П. В. Жуковский, сын нашего знаменитого поэта и воспитателя Александра II, — человек свободный, не занимавший никакого придворного или служебного положения, художник, которого звали другом Государя.

Утром Государь принимал представляющихся и доклады министров; Императрица в известные дни принимала доклады Своего Секретаря, главноуправляющего ведомством Императрицы Марии, председателя главного правления Р. О. Кр. Креста, начальниц институтов, представляющихся и немногих городских дам. Около часу Семья собиралась к завтраку в маленькой столовой в антресоле, к которому приглашался ежедневно Жуковский и по очереди очень немногие из министров, имевших доклад в этот день и немногие из придворных.

Из лиц, живших в Гатчине, к завтраку никто не приглашался; очень часто за завтраком, кроме Царской Семьи, присутствовал один П. В. Жуковский. В те немногие дни, когда я удостаивался приглашения, я там из чужих, кроме Жуковского, никого не видел. После завтрака Государь закуривал большую сигару и пил кофе в гостиной Императрицы. Затем Государь проводил часа два на воздухе, большею частью в парке, а с наступлением темноты ежедневно садился за работу. О дальнейшем препровождении времени я мало знаю, так как никогда вечером в Гатчине не бывал. Знаю, что к обеду по очереди приглашались лица свиты, жившие в Гатчине, и иногда немногие гости из Петербурга. Гостить на несколько дней приезжали в Гатчину граф и графиня Воронцовы, при жизни князя В. С. Оболенского, он и его жена, В. А. Шереметев с женой и, кажется, больше никто. Знаю со слов Императрицы, что Государь вечером часов с 9 уходил к себе в кабинет и работал до 2—3 часов ночи и приходил в спальню, когда Императрица давно спала.

По воскресеньям и праздникам все жившие в Гатчине и некоторые из более близких придворных, приезжавших из города, присутствовали в дворцовой церкви на обедне, а потом приглашались к завтраку, который происходил в «арсенальной зале»; в эти дни к завтраку приглашались все офицеры сводного полка и конвоя, а так-же представители гатчинского гарнизона и управления городом, дворцом и охотой. За завтраком обыкновенно играл придворный оркестр, причем программа составлялась по выбору Императрицы.

От времени до времени в Гатчине бывали и охоты, очень обильные дичью, но убитая дичь, на иностранный лад, охотникам не выдавалась. Иногда Государь ездил на охоту один, в сопровождении Кн. Голицына и Дица. Особенно Государь любил колоть ночью рыбу в прорубях на Гатчинских прудах, очень рыбных. На эту рыбную ловлю Государь уходил один ночью, по окончании своей работы, и проводил 2—3 часа только в сообществе одного или двух матросов. Как мне говорили особенно любил Государь общество детей и весной нередко после завтрака на большой линейке уезжал с гурьбой детей своих и приглашенных в чудный Гатчинский парк и там играл и «возился» с ними. По-видимому, он мало уважал человечество, слишком хорошо зная его лживость и фальшь и находил, что действительно отдохнуть нравственно можно только в сообществе еще чистых детских душ — это было для него очень характерно.

В общем Государь Александр III жил в Гатчине жизнью богатого помещика и очень любил заниматься местными хозяйственными вопросами и много делал для благоустройства Гатчинской вотчины. Петербург с его бюрократией он очень не любил и не раз говорил мне, что смотрит на поездки в Петербург и пребывание там, как на исполнение тяжелой и неприятной обязанности. Он очень не любил торжественности, помпы и парадов в широком смысле этого слова, но исполнял все, что полагалось по этикету, никогда не показывая, что ему скучно и противно; такой-же в этом отношении была и Императрица, которая многократно говорила мне, что для монархов не существует усталости.

VIII

ПЕРВАЯ БОЛЕЗНЬ ГОСУДАРЯ

ПЕРВАЯ БОЛЕЗНЬ ГОСУДАРЯ

15/I 1894 г. я неожиданно был вызван Императрицей к 5 час. вечера в Аничков Дворец, где тогда жил Государь. Приехав, я узнал уже в швейцарской, что Государь болен и лежит. Императрица приняла меня в своей уборной-будуаре наверху. Как в Гатчине, так и в Аничковом Дворце царская чета жила в маленьких и низких комнатах в 3 этаже, окнами на Невский и в сад. Здесь были: спальня, уборная-будуар Императрицы (угловая комната), рабочий кабинет Государя, шкапные и помещения для личной прислуги. Столовая, большой кабинет Государя и все приемные комнаты были в бель-этаже. Наверху Императрица принимала только наиболее близких лиц. Я застал ее очень озабоченной и огорченной. Она собщила мне, что Государь простудился и уже несколько дней чувствовал себя нездоровым; вчера Ему стало хуже, поднялась температура и усилился кашель. Гирш видел Его и сказал, что это инфлюенца, но что возможно начало воспаления легких; государь Гиршу не доверяет, очень ослаб, но никого из других врачей не желает видеть, так как вообще не любит чужих людей в своей интимной жизни; однако меня Он, по настоянию Императрицы, согласился принять.

В момент моего приезда Государь заснул и потому Императрица просила меня приехать вторично вечером к 9 часам. Из Дворца я поехал по своим делам, но на углу Морской и Невского кто-то меня окликнул; оказалось, что это Г. И. Гирш. Я вышел из саней и подошел к нему. Он очень важно и таинственно сообщил мне о болезни Государя и что возможно воспаление легких, что брать ответственность на себя одного он не желает и поэтому уговорил Императрицу пригласить меня и вот теперь он просит меня приехать на консультацию с ним около 8—9 час. вечера. Я сказал ему, что только был у Императрицы и все уже знаю. Добрейший старик сначала было удивился, но спохватился и, придерживаясь своей системы, выразил только свою радость, что Императрица послушала его совета.

Вечером я застал во Дворце наверху уже много народа, приехавшего справиться о состоянии здоровья Государя; здесь были граф и графиня Воронцовы, кн. Оболенская, Великие Князья и мн. друг. Чувствовалось всеобщее беспокойство. Государь принял меня очень приветливо и, не без противодействия, разрешил себя выслушать, хотя точно исследовать Его сердце нам не удалось. Мы с Гиршем нашли, при очень высокой температуре, гриппозное воспалительное гнездо в легком, о чем я и доложил Императрице и министру двора. Ввиду тучности ассистента и сестры, исполняющих лишь предписания специалиста; Зазнать серьезным, хотя и не опасным. Я объяснил Императрице, что всем покажется странным, когда узнают, что в столице воспаление легких у Государя Императора лечат два хирурга и что необходимо призвать авторитетного терапевта (С. П. Боткина уже не было в живых). Императрица пошла к Государю, но скоро вернулась и объявила мне, что Государь сердится и ничего не желает слушать о приглашении еще врачей, так как вполне доверяет мне. Было решено подождать до следующего дня и мне попытаться уговорить больного.

Я отлично понимал, как ополчатся на меня все коллеги и мои приятели из числа придворных и публики, если я останусь единственным консультантом Гирша, особенно, если в течении болезни Государя наступит какое-либо осложнение; да и я сам не считал себя компетентным в чисто терапевтическом случаев. Все это я старался высказать окружающим, а Государыне пояснил, что могу ухаживать за больным, быть свидетелем, как доверенное лицо, всех действий врачей, но брать на себя ответственности я не могу и не имею права, но все это не помогало. Граф Воронцов был, очевидно, недоволен и озабочен происходившим, а это для меня не обещало ничего доброго, но при всем желании я ничего сделать не мог.

Императрица пожелала, чтобы я остался во Дворце на ночь и с этого дня до выздоровления Государя я был при нем в качестве постоянного дежурного, Ночевал я в шкапной комнате, где днем находилась дежурная камер-юнгфера Императрицы; однако, ночью меня к Государю не звали. Утром положение больного было без перемен. Часов в 10 приехал граф Воронцов, и мы узнали новость, которая меня очень порадовала, но которая обрисовала отношение министра двора к Гиршу и ко мне. Еще с вечера граф Воронцов, не посоветовавшись с нами, тайно от всех

вызвал из Москвы проф. Г. А. Захарьина якобы для себя, и он должен был приехать около 11 часов с курьерским поездом. Было решено сказать Государю, что Захарьин оказался случайно в Петербурге и что вся Семья желала-бы, чтобы он осмотрел Государя. Эту миссию взяла на себя Императрица, но не без некоторой робости. Это показывает, как, несмотря на беспредельную доброту и деликатность Государя, боялись сделать что-либо ему нежелательное. Государь рассердился, но уступил.

Приехал Захарьин около 12 часов и, выслушав наше мнение, прямо прошел со мною к Государю. Исследовать больного ему удалось лишь поверхностно, ибо Государь этому исследованию не способствовал. В результате Захарьин присоединился к нашему диагнозу, несколько преувеличил серьезность положения и назначил лечение, которое Государь, к моему удивлению, согласился выполнить и действительно выполнял под моим наблюдением.

С Гиршем Захарьин почти не считался. Я объяснил Захарьину, как бывшему моему учителю, как я смотрю на свою роль — как лицо, не неприятное Государю, которому Он доверяет, как врачу вообще, я могу взять на себя обязанности ассистента и сестры, исполняющих лишь предписания специалиста; Захарьин меня понял, и у нас с ним установились вполне корректные отношения, что, однако, почему-то не вполне соответствовало желаниям Министра двора, который не скрывал, что считает мое участие в лечении Государя излишним.

Сначала Захарьин, не ознакомившись с новой для него атмосферой, держал себя скромно, но постепенно освоился и пустил в ход все свои чудачества, которые так способствовали его популярности в московском купечестве. Он начал с того, что попросил себе отдельную комнату наверху, чтобы быть ближе И больному, и испросил себе разрешение пользоваться внутренним личным лифтом Императрицы, ссылаясь на невозможность ходить по лестницам вследствие невралгии в ноге, — что граф Воронцов ему и устроил, а кончил тем, что приказал прислуге расставить по коридору венские стулья (именно венские), на каждый из которых он для отдыха на минуту садился, проходя по коридору, и надел вместо сапог валенки, в которых в тот-же вечер пошел к Государю. Историю со стульями Государю рассказали, чему Он посмеялся, а по отношению к валенкам гр. Воронцов — не знаю по собственному ли почину или по приказанию свыше — указал Захарьину, что ходить в валенках, как в туфлях, в дворце, да еще при Императрице, не принято, и он это бросил. Государю и Императрице Захарьин и его чудачества не понравились, но своим уверенным тоном и своей самобытностью он все-же произвел на Государя известное впечатление. Возненавидела Захарьина почему-то прислуга, вероятно за его грубое обращение с ней, и позже, в Беловеже, прозвала его «зубром» — прозвище, которое за ним так и осталось. Граф Воронцов, всегда принимавший в людях самоуверенность и невоспитанность за откровенность и «простоту», несомненно восчувствовал к Захарьину не малую долю уважения и только гораздо позже раскусил этого умного, но большого фокусника.

Не обходилось с Захарьиным и без комических инцидентов. Припоминаю, как мы врачи с Министром двора сидели у Захарьина в комнате и беседовали; вошел Вел. Кн. Михаил Николаевич, чтобы узнать о состоянии Государя; все мы встали; Вел. Князь стоя обратился с вопросами к Захарьину, последний вместо ответа сказал Вел. Князю: «я человек больной и стоять не могу, разрешите мне, Ваше Высочество, сесть и сидя дать вам объяснения». Вел. Князь, привычный к старому николаевскому режиму, видимо нашел выходку Захарьина слишком фамильярной и очень резко сказал ему: «ну, нет, профессор, прежде я посижу, а потом уже вы»; с этими словами Вел. Князь сел и попросил всех остальных сделать то же, что мы и сделали, но Захарьин так опешил, что остался стоять один, руки по швам, все время пока Вел. Князь был в комнате и стал запинаясь давать ему объяснения. Вел. Князь не повторил приглашения сесть, продержал Захарьина стоя довольно долго и уходя сказал ему: «кажется, вы, слава Богу, не так больны, как вы думаете», а, обращаясь ко мне, вполголоса добавил: «впредь будет помнить».

Течение болезни Государя шло вполне нормально, но уже на второй день в городе стали рассказывать невероятные небылицы, а наши коллеги, не зная еще о приезде Захарьина, не

скупились сплетнями на мой счет, указывая, что жизнь Государя, заболевшего якобы какой-то тяжелой и сложной внутренней болезнью, находится в руках мало авторитетного Гирша и молодого военного хирурга. Поэтому по моему предложению было решено выпускать бюллетени, кои должны были составляться под личным руководством Министра двора и за его подписью.

После того, как Захарьин поселился наверху, мне отвели помещение в нижнем этаже, на так называемой фрейлинской половине, окнами на Невский, рядом с воротами, где я и прожил все время болезни Государя.

При составлении первого бюллетеня Гр. Воронцов начал совещание в моем отсутствии на полчаса раньше назначенного времени. Когда я пришел, бюллетень был уже подписан, и граф собирался уже послать его в печать. Я попросил дать мне бюллетень для прочтения и подписи, но граф заявил, что навряд-ли подпись моя, как хирурга, нужна. Я ответил, что я прежде всего врач, по воле Государя участвующий в Его лечении, о чем в городе многие знают, а поэтому я буду принужден просить об увольнении меня, если мне будет отказано в праве подписывать бюллетени. С этими словами я, не дожидаясь ответа, взял бюллетень и подписал его. Граф был видимо очень недоволен, но не нашел возможным возражать. Я невольно вспомнил инцидент в Спале с Рихтером и Алышевским.

Государь поправился приблизительно к 25/I, но еще долго чувствовал слабость и разбитость, но при первой возможности стал работать в своем кабинете, несмотря на наши просьбы дать себе отдых. Помню, как я, будучи как-то в кабинете, стал убеждать Государя не начинать работать, но Он, указав мне на диван, на котором от одной ручки до другой лежали кипы папок с делами, сказал: «Вот посмотрите, что здесь накопилось за несколько дней моей болезни; все это ждет моего рассмотрения и резолюций; если я запущу дела еще несколько дней, то я не буду уже в состоянии справиться с текущей работой и нагнать пропущенное. Для меня отдыха быть не может».

Я в первый раз за эту болезнь Государя имел случай ближе ознакомиться с Его организмом и, ввиду массы беспочвенных рассказов и сплетен о Его болезни, могу сказать следующее: Государь Александр Третий, как и его братья Владимир и Алексей Александровичи, тоже бывшие моими пациентами, был типичный наследственный артритик с резкой наклонностью к тучности. Как я уже сказал, образ жизни Он вел очень умеренный, и все рассказы по этому поводу — басни. Если что-либо и можно было этому образу жизни поставить в упрек, то это следующее: во 1-х, всегда прянный поварской стол, который мог способствовать развитию подагрической почвы, во 2-х, слишком большое количество физического труда из желания бороться с тучностью (Государь ради этого пилил и рубил дрова), что переутомляло сердце; в 3-х, слишком большое поглощение жидкости в виде кваса и воды; в 4-х, курение больших и крепких гаванских сигар, кроме массы папирос; наконец, в 5-х, психическое переутомление, отчасти от постоянного скрытого душевного волнения, отчасти от непосильной работы по ночам. При всем этом Государь никогда не подвергался лечению водами и хотя бы временно-противоподагрическому режиму. Смертельная болезнь, поразившая Его осенью того-же года, не была-бы неожиданностью, если-бы врачи-терапевты не просмотрели-бы у Государя громадное увеличение сердца (гипертрофия), найденное на вскрытии. Этот промах, сделанный Захарьиным, а потом и Leyden'ом объясняется тем, что Государь никогда не допускал тщательного исследования себя и раздражался, если оно затягивалось, поэтому профессора-терапевты всегда исследовали Его очень поспешно. Конечно, если-бы мы и знали в каком состоянии сердце Государя, то мы могли-бы, может быть, при помощи соответственного режима, оттянуть печальный исход на несколько месяцев, особенно при неуклонном желании Государя не оставлять работы, которая при его добросовестности и характере Его способностей требовала неимоверного напряжения нервной системы.

Проживая в Аничковом Дворце, я мог наблюдать, как публика вообще и простой народ в особенности относились к болезни Государя, который, как мы сейчас увидим, бесспорно

пользовался популярностью и любовью своего народа. С того момента, как столица узнала о болезни Царя, перед Аничковым Дворцом собирались кучки людей, желавших узнать новости, а при появлении нового бюллетеня у ворот, перед ним набиралась многолюдная толпа. Стоя иногда у окон моего помещения, выходившего на Невский, я многократно видел, как проходившие простолюдины набожно снимали шапки и крестились; некоторые останавливались и, повернувшись лицом к Дворцу, с обнаженными головами горячо молились, видимо, за здравие Царя. Подчеркиваю, что это происходило за 11 лет до революции 1905 г. и за 23 до большой революции!..

26/I Государь настолько поправился, что в этот день утром врачей больше не принял. По случаю (семейного праздника) в этот день в Дворце был завтрак с приглашенными, но в отсутствии Государя; после завтрака гр. Воронцов пригласил Захарьина к Государю и понес с собой пакет с каким-то орденом, о чем можно было судить по форме пакета. Вскоре Захарьин вернулся и объявил мне, что Государь его отпустил, наградил звездой Владимира 2 степени (это был первый орден Захарьина) и что сегодня вечером он уезжает в Москву.

Поняв, что Государь считает себя здоровым и посещение Его врачами излишним, я спросил Министра двора, как мне быть? — оставаться ли во Дворце и выжидать приказания или считать себя свободным? Граф мне сказал, что Государь больше во врачах не нуждается, отпускает их, а следовательно и я должен считать себя отпущенным и посещать больше Дворца не должен. Я счел слова Министра за передачу приказания Государя и так, конечно, и поступил. В следующие дни я ничего о состоянии здоровья Государя не знал, но имел основание думать, что все обстоит благополучно, так как узнал, что придворные балы не отменены. Должен признаться, что положение мое было не из приятных — после самого лучшего отношения ко мне Царской Четы это увольнение через Министра двора, при редкой деликатности Государя, казалось мне довольно странным; со мной даже не пожелали проститься и сказать мне спасибо на 10-дневное бессменное дежурство при Государе Императоре. Все это указывало на какое-то недовольство мною и на желание это подчеркнуть. Многие товарищи, очень интересовавшиеся моей дальнейшею участью, не скрывали своего удовольствия и, зная, что моя близость к Царской Чете прекратилась, намеренно допрашивали меня о здоровье Государя, ехидно удивляясь, что я ничего не знаю и что, видимо, доступ к Государю для меня закрыт. Сплетен и иронических намеков было достаточно; но я, не чувствуя за собой никакой вины и искренно веря в Государя, пришел к заключению, что причина всему чья-то интрига и спокойно выжидал дальнейшее. Оказалось, что я не ошибся.

Не имея никакого права бывать на официальных приемах при дворе, я, однако, получил приглашение на большой бал и на один из концертных, на которые списки приглашенных составлялись с ведома и разрешения Императрицы.

На большом балу я за ужином занял себе место в последней зале, где ужинали самые младшие чины. Среди ужина в залу вошел Государь, обходивший по обычаю все залы; за Ним шел в нескольких шагах Министр двора. Все встали и повернулись лицом к Государю. Он приказал всем сесть, но, увидав меня, через всю залу подошел прямо ко мне: «Что с вами случилось? — спросил Он меня — куда вы вдруг исчезли? Я вас так и не видел с отъезда Захарьина и не мог ни с нами проститься, ни вас поблагодарить за ваш уход за мной. Почему вы так неожиданно пропали?» Я громко ответил, что в день отъезда Захарьина получил распоряжение Министра двора больше во Дворец не приезжать. Государь повернулся и многозначительно посмотрел на гр. Воронцова, но ничего не сказал ому. «Во всяком случае очень рад, что встретил вас и могу вас поблагодарить за ваши хлопоты обо мне. Надеюсь, еще увидимся».

Через день после бала я был вызван к Императрице к 12? час. утра. Она приняла меня в своей парадной гостиной и задала мне те же вопросы, что и Государь на балу. Я сказал ей, как было дело. Она высказала сожаление, что все так случилось, и тоже выразила свою благодарность. При этом Императрица сказала мне, что очень беспокоится за Государя, так как Он после болезни еще слаб и легко устает, хотя не желает этого показывать и по обыкновению работает.

Вскоре в гостиную пришел Государь и пригласил меня завтракать. Кроме детей и одной гостьи г-жи Козен, бывшей фрейлины Императрицы, за завтраком никого чужого не было. Я сидел на почетном месте рядом с Императрицей, которая, как и Государь, была со мной демонстративно любезна, видимо желая показать, что в инциденте с моим исчезновением причина не в Них. Кофе пили и курили в большом кабинете Государя — это угловая комната бель-этажа, выходившая окнами на Невский и в сад. К сожалению, я не помню, о чем говорили за завтраком в этот день, но помню, что Государь был очень в духе и много шутил. При прощании Вел. Княжна Ксения Александровна сказала мне в полголоса: «Надеюсь, что мы теперь будем вас видеть. Папа очень рад, что эта противная интрига выяснилась».

Однако моя маленькая персона продолжала беспокоить моих недругов, и интриги видимо продолжались.

Последним придворным балом сезона бывал небольшой бал в Аничковом Дворце на масленице. На этот бал приглашения рассылались уже специально по указаниям Императрицы — приглашались почти исключительно танцующие и лишь лица ближайшей свиты Государя и еще очень немногие избранные. Быть приглашенным на Аничковский бал считалось особой честью, так как это был не официальный придворный прием, а так сказать частный бал у Государя для лиц, коих Он считал своими знакомыми или близкими Ему лицами. К большому моему удивлению на этот бал получил приглашение и я. Здесь был «fine fleur»* родовитого петербургского общества. Танцевала и Императрица. Во время мазурки, когда все танцующие сидели вокруг залы, а не танцующие толпились вокруг, Императрица послала за мной; я через всю залу пошел к ней; Она встала и пошла мне навстречу, остановилась посреди залы и довольно долго беседовала со мной; по обычаю все танцующие должны были встать, пока стояла Императрица и так стоя ждали окончания Ее разговора со мной. Предмет разговора был самый незначительный и неинтересный — было ясно, что Она этим желала показать, кому нужно, свое благожелательное отношение ко мне и то, что против меня интриговать не стоит. Особенно любезен был в этот вечер со мною Государь, несколько раз подходивший ко мне и подолгу со мной беседовавший. Эффект получился полный и этот вечер надежно забронировал меня от попыток некоторых (лиц) отстранить меня от Государя.

Рассказываю это потому, что оно характеризует в известной мере отношение Государя к лицам, коих Он и Императрица желали отличить и приблизить к себе. Государь отлично понимал, как трудно приходится жить тем, кого Он приближал к себе и кому Он доверял, до тех пора пока люди не поймут, что бороться не стоит, и Он с замечательной выдержкой и спокойствием умел парализовать придворные интриги и проводить даже в мелочах свою неуклонную волю, а так-же поддерживать тех, кого Он считал того достойными.

IX

ПЕРЕМЕНЫ В МОЕМ СЛУЖЕБНОМ ПОЛОЖЕНИИ

В Петербурге существовал так называвшийся Дамский Комитет Рос. Об. Красного Креста, основанный во время Турецкой войны 1877/78 гг. статс-дамой Мальцевой под непосредственным руководством и покровительством Императрицы Марии Александровны. По мысли И. В. Бертенсона (дяди известного петербургского врача Л. Б. Бертенсона) этим комитетом был устроен образцовый в свое время барачный лазарет и, при нем, школа фельдшериц и лекарских помощниц. После смерти Императрицы Марии Александровны Цесаревич Александр Александрович принял покровительство над этим учреждением на себя и оставил таковое за собой и по восшествии на престол. Со временем эта маленькая школа постепенно преобразилась; после закрытия женских курсов при Николаевском военном госпитале И. В. Бертенсон расширил программу школы фельдшериц до 4-х курсов, ввел прием в школу только лиц, окончивших гимназию, улучшил состав преподавателей, пригласив в число их некоторых профессоров, исходатайствовал право окончившим это учебное заведение носить звание «лекарских помощниц» и таким образом создал своего рода суррогат Женского Медицинского

Института. В принципе мысль Бертенсона не выдерживала строгой критики, ибо его учреждение не могло давать высшее образование, но по возможности приближало программы и преподавание к медицинским факультетам и этим создавало особую категорию лиц, получивших псевдо-высшее медицинское образование, но не без некоторых претензий на таковое, и способствовало так называемому «фельдшеризму», с которым и тогда боролся весь врачебный мир. Однако, по тогдашнему положению вопроса о высшем женском образовании в России школа Бертенсона, может быть, была и современной, так как она служила известного рода выходом для той большой группы русских девушек, стремившихся у нас к медицинскому образованию, и отвлекала многих от поступления на медицинские факультеты за границей. В виду большого наплыва желавших поступить в эту школу, принимались туда лица только по конкурсу гимназических аттестатов и в конце концов попадали только медалистки. Таким образом в школе постепенно создался очень интеллигентный и отчасти идейный состав учениц, считавших себя конечно слушательницами высшего учебного заведения и примыкавших к семье студенчества, а следовательно подчас и соответственно бурливших. И. В. Бертенсон старался умерить разные поползновения слушательниц железной дисциплиной, общежитием, обязательной формой вроде сестринского костюма и т. п., но все это мало достигало цели и не удаляло слушательниц от либерально настроенного студенчества. Спасали школу только ум и большой педагогический такт ее директора И. В. Бертенсона, но в 1894 г. он стал болеть, принужден был несколько отстраниться от дела управления школой, и в настроении учащихся началось брожение, сильно беспокоившее управлявший ею Дамский Комитет. Я лет семь состоял там преподавателем теоретической хирургии и пользовался, как благосклонным отношением ко мне директора, так и учениц. Весной 1894 г. И. В. Бертенсон, будучи уже серьезно больным, не мог справляться с своими нелегкими обязанностями и подал в отставку. Приближалось время выпуска и экзаменов, школа осталась без директора, должность председательницы Дамского Комитета была тоже не замещена, учащаяся молодежь бурлила, и Комитет был очень озабочен дальнейшим будущим учреждения. Государь, как известно, не сочувствовавший высшему, особенно медицинскому, образованию женщин, симпатизировал школе лекарских помощниц, в действительности подготовлявшей низший медицинский персонал, интересовался ею и потому для благополучия школы было очень важно охранить ее от всякого рода волнений на политической или quasi-политической почве.

В один прекрасный день ко мне совершенно неожиданно заехал исполняющий должность председателя Дамского Комитета бар. М. Н. Корф (более известный в Петербурге по своей должности Петергофского предводителя) и предложил мне от имени Комитета занять место директора Рождественского барачного лазарета и школы лекарских помощниц. В то время, помимо должности старшего врача лб. гв. Семеновского полка, я по Красному Кресту занимал должности главного врача Крестовоздвиженской Общины сестер милосердия и директора Максимилиановской лечебницы, причем в этих двух учреждениях был занят их реорганизацией. Я ответил барону Корфу, что своих учреждений Красного Креста я бросить не желаю и не могу, что мог-бы пожертвовать своей военной службой, но во всяком случае совмещать три должности по Красному Кресту я, без согласия Августейшей покровительницы Красного Креста, не считаю себя в праве и поэтому прошу несколько времени, чтобы обдумать сделанное мне предложение. Кроме того я знал, что кандидатом на предложенную мне должность считал себя Л. Б. Бертенсон, да и многие другие, я был с Бертенсоном в хороших отношениях и мне не хотелось быть ему неприятным. Я сказал бар. Корфу, что у меня и без того много завистников и что назначение меня директором школы не прибавит мне друзей. Корф согласился подождать моего окончательного решения, но очень просил меня принять его предложение.

Через несколько дней меня вызвала в обычное время перед завтраком Императрица и спросила меня, согласен ли я принять должность директора школы. Я изложил Ей те обстоятельства, которые меня смущали. Во время нашего разговора пришел Государь. Императрица сказала ему: «Вельяминов затрудняется дать свое согласие, потому что это вызовет неудовольствие в других». Я поспешил изложить Государю подробно все свои сомнения. «В Рождественской школе, которую я очень люблю в память моей матушки и которую считаю во многих отношениях очень полезной, — сказал Государь, — в последнее время заметно нежелательное направление

молодежи; последнюю я в этом не виню, а полагаю, что там нет настоящего хозяина и нужного руководства. Зная вас, я не сомневаюсь, что вы с тактом сумеете взяться за воспитание молодежи и ввести там должный порядок, которого там за последнее время нет. Молодежь любит определенных и прямых людей. Вы мне там нужны. Я знаю, что ваши коллеги будут недовольны, но как я к этому отношусь, служит вот эта памятная записка». С этими словами Государь передал мне листок бумаги и добавил: «Прочитайте». В записке, написанной на машинке, без подписи было изложено, что я занимаю три должности, что получаю по всем трем содержание и имею право на три казенные квартиры и т. п. «Ну, что вы скажете?» спросил Государь. «Все это правда», — ответил я, — «но ни одной квартирой я не пользуюсь и отдаю их другим, а квартирные деньги представляют меньше половины того, что я за таковую плачу. Все содержание вместе, мною получаемое, составляет 7400 руб. в год, но ведь я, благодаря службе, теряю большую долю заработка от частной практики. Вы видите, Ваше Величество, какая травля

уже идет против меня за Ваше милостивое отношение ко мне, если-же я буду назначен на должность директора школы, то меня мои недруги проглотят живьем...» — Кончил я, волнуясь. «Ну, и подавятся мною, — кажется, есть чем», — ответил Государь, смеясь. Я указал еще, что кандидатом на эту должность считается Л. Б. Бертенсон. «Рождественская школа не майорат семьи Бертенсонов», — сказал Государь, — «вы можете бросить службу в Семеновском полку, где вы не нужны, а остальное — дело мое и Императрицы. Я вашего отказа не принимаю. Это мое желание и не стоит больше об этом говорить. Пойдем завтракать», — окончил Государь этот разговор. За завтраком, за которым никого чужого не было, Государь между прочим говорил о медицинском образовании женщин. «Ко мне все пристают с открытием медицинского института для женщин. Я совершенно не оспариваю, для женщин изучение медицины вполне доступно, хотя я не верю, чтобы из женщин вышли ученые, но наши медицинские школы, особенно академия, представляют собой рассадники нигилизма, а нигилизм развращает женщину, и она перестает быть женщиной, а такие существа мне противны». Я рассказал, что был ассистентом клиники на женских врачебных курсах и что там, если и были «нигилистки», как их понимали в 60-х и 70-х годах, то это были исключения, ибо «нигилизм» уже отжил свое время. Государь слушал, не возражал, но чувствовалось, что переубедить Его нельзя, настолько сильно было влияние на Него 70-х годов и убеждение, что каждая женщина, занимающаяся анатомией и вскрытием трупов, непременно «нигилистка» в том смысле, как изобразил студента-нигилиста Тургенев в лице Базарова.

Чтобы понять представление Государя о развращенности женщины, надо знать, что Он был удивительно целомудрен до своей смерти — до женитьбы Он был чист, как девушка, (так утверждали самые близкие к нему люди), а сам Он был так стыдлив, что не любил чужих Ему врачей только потому, что чувствовал непреодолимую стыдливость, когда Ему приходилось обнажаться для исследования при чужих. Его чистота доходила до наивности и до чистоты малого ребенка, вот почему Он на многое смотрел под особым углом зрения, совершенно недоступном большинству. Это было странно, но это было так, в чем я лично имел случай не раз убеждаться.

Таким образом, во исполнение воли Государя, я принял должность директора школы лекарских помощниц и вышел из военного ведомства, а на Пасху был пожалован в звание почетного лейб-хирурга и вскоре, для сохранения военной формы и прав на эмеритуру, зачислен в императорскую Главную Квартиру. Это последнее назначение было особой милостью Государя, так как в то время причисление врача к военной свите Государя было большою честью и я был всего четвертый врач, числившийся в Главной Квартире со времени ее основания — до меня там числились только баронет Виллие при Александре I, Карель — при Александре II и Гирш — при Александре III. При Николае II звание лейб-медика в значительной мере потеряло свое значение, так как давалось очень широко и без строгого разбора, а в Главную Квартиру были зачислены Е. В. Павлов и Л. Б. Бертенсон, не имевшие никакого отношения к большому двору и никогда при Государе не состоявшие.

X

КОМАНДИРОВКА В КИЕВ. НАЧАЛО БОЛЕЗНИ ГОСУДАРЯ

Все лето 1894 г. я Государя не видел, но слышал, что Он чувствует себя нездоровым и что Гирш будто-бы констатировал признаки хронического поражения почек, вследствие чего Высочайшее пребывание в Красном Селе и маневры были сокращены.

2-го августа я получил телеграмму от Принца Александра Петровича Ольденбургского, в которой он сообщал мне Высочайшее повеление сопровождать Его в Киев для присутствования на операции Вел. Княгине Александре Петровне, сестре Принца и матери В. К. Николая Николаевича, жившей постоянно в Киеве в основанном ею там монастыре. Экстренный поезд отходил 3 авг. вечером; в нем поехали В. К. Николай Николаевич, Принцы Александр и Константин Петровичи и я.

Великая Княгиня уже раз была оперирована, а теперь нужна была вторая операция, которую должен был делать киевский профессор Ф. К. Борнгаупт. По словам Принца Александра Петровича, я должен был присутствовать при операции по желанию Государя и доложить Ему о состоянии больной. Думаю, однако, что посылал меня Государь по просьбе самой больной или по каким-то другим соображениям.

Прибыли мы в Киев 5 авг. в 6 час. утра, а в 9 часов была назначена операция.

Великой Княгини я раньше не знал, но конечно знал о ней многое по рассказам. Прежде всего она имела репутацию личности несколько странной и очень оригинальной. Она была всегда очень некрасива, не представительна и очень несчастна в семейной жизни, так как ее муж, В. К. Николай Николаевич старший, совершенно открыто завел себе другую семью на стороне. Вел. Княгиня долго терпела, но когда ее сыновья подросли, она не выдержала и переехала в Киев, где основала женскую общину, потом монастырь и при нем хирургическую больницу и большую амбулаторию для бедных, которыми сама руководила. Что бы ни говорили про нее, но эти больница и амбулатория были отлично поставлены и принесли, приносят и теперь, громадную пользу киевскому населению.

Великая Княгиня была не лишена ума, имела некоторые странности, страдала тяжелой формой истерии и была, как все Ольденбургские, очень энергична. Как истеричка, она легко попадала под влияние других; так говорили, что одно время она была под влиянием своего духовника, а потом своего врача, д-ра Соломки, довольно известного на юге хирурга. Не будучи, сколько я знаю, пострижена, она носила костюм монахини, жила в монастыре, вполне подчинялась его режиму, усвоила себе все привычки монахинь, как будто отказалась от мира, от своих прав Великой Княгини и т. п. работала, как простая сестра и даже как сиделка в больнице, где якобы даже сама мыла полы... поэтому про нее рассказывали самые разнообразные басни; были и такие лица, кои сомневались в нормальности ее психики, и к числу последних, я думаю, принадлежал и Государь. За год перед тем Вел. Княгиня, ради здоровья, путешествовала в сопровождении своего врача и каких-то монахинь или послушниц за границей, по берегам Средиземного моря, заезжала и в окрестности Ниццы и своим костюмом и оригинальностями обращала там на себя всеобщее внимание. Все это дошло до Государя, Он остался очень недоволен поведением Великой Княгини за границей и, по ее возвращении, запретил ей выезжать из Киева.

Приехал я в больницу, где должна была происходить операция, за ? часа до назначенного времени и попросил д-ра Соломку доложить обо мне Вел. Княгине. Она приняла меня в своей келье, очень скромно устроенной, и встретила меня словами, дотронувшись рукой по-монашески до пола, «глубоко кланяюсь Царскому посланцу». После осмотра ее, как больной, она повела меня показывать свою больницу; между прочим она показала мне операционную, где она сама все приготовила для своей-же операции, и комнату в которой она будет лежать; при этом она подчеркнула, что ложится в свою больницу из принципа, кровать и даже белье больничные — «если я считаю, что все это пригодно для других, то оно должно быть пригодно и для меня; это лучшее доказательство того, что я делаю для других то же, что считаю лучшим и достаточным

для себя самой», — говорила она. Должен сказать, что этим Вел. Княгиня убедила меня в искренности своих убеждений.

Операция прошла вполне благополучно. Уезжая днем из больницы, когда всякая опасность для больной уже миновала, я пошел проститься с Великой Княгиней. Она передала мне собственноручное письмо Государю, просила меня рассказать Ему о всем мною виденном в монастыре и больнице, засвидетельствовать Его Величеству, что я ничего предосудительного там не видел и исходатайствовать у Государя разрешение, после выздоровления от операции, выехать за границу, куда она поедет в обычной, не монашеской одежде и где обещает никакими чудачествами на себя внимания не обращать. На другой день 6 авг., я один выехал обратно в Петербург.

8-го или 9-го августа часов около 5 вечера я был принят Государем в Петергофе, в нижней приемной коттеджа. Государь принял меня, стоя и повернувшись спиной к окну, поэтому я в полутемной комнате не мог рассмотреть Его лицо, но в Его фигуре я ничего особенного не заметил. Пришла и Императрица, которая показалась мне нервной и взволнованной. Из разговора я понял, что Государь не особенно был расположен к Вел. Княгине и не скрывал этого, однако после моего доклада Он смилостивился и сказал мне, что даст Вел. Княгине разрешение на выезд за границу. Я спросил Государя о Его здоровье. Он ответил, что в лагере чувствовал себя слабым и легко утомлялся, но теперь считает себя здоровым. Мне показалось, что Государь говорил о своем здоровье неохотно и как будто куда-то торопился.

Потом я узнал, что в этом день, после свидания со мной, Он по настоянию Императрицы, принял Захарьина и что последний, осмотрев Государя, откровенно высказал Императрице свои опасения за ближайшее будущее. Этим объяснялось, почему Государь торопился покончить разговор со мной и почему Императрица волновалась, ибо ждала приговора Захарьина.

Как мы увидим ниже, отношение и доверие ко мне Царской Четы остались те-же, что и раньше, поэтому я не могу и теперь объяснить себе, чем было вызвано желание Государя скрыть от меня находку Гирша и вызванную последней тревогу, а так-же вызов Захарьина, визит которого непосредственно следовал за моим докладом. Так это и осталось для меня тайной.

ПОСЛЕДНЯЯ БОЛЕЗНЬ ГОСУДАРЯ.

ВЕСТИ ИЗ БЕЛОВЕЖА И СПАЛЫ

В середине или конце августа Двор переехал в Беловеж, но по слухам Государь почувствовал себя там очень плохо и на охоты почти не выезжал. Должен признаться, что я относился к этим слухам якобы о тяжелой болезни Государя с большой долей сомнения, ибо не допускал, что Министр двора и другие приближенные не сумеют настоять на необходимости официально оповещать Россию о состоянии здоровья Царя. Между тем слухи об опасной болезни популярного монарха росли и служили почвой для самых разнообразных и нелепых рассказов и небылиц, как это всегда бывает в подобных случаях, когда публика остается без официальных сведений. Вскоре я узнал, что в Беловеж приезжал Захарьин, высказал очень мрачное предсказание, но, странным образом, опять уехал, оставив там за себя, кроме Гирша, своего ассистента, никому неизвестного д-ра Попова.

В публике стали говорить, что правду от народа скрывают, что причина болезни Царя будто-бы какое-то отравление и т. д. Истина заключалась в том, что болезнь Царя быстро прогрессировала. Больной приписывал ухудшение климату Беловежа и переехал в Спалу. Там Ему стало еще хуже; заболела Императрица тяжелой и мучительной формой lumbago. Вызвали Захарьина и проф. Leyden'а из Берлина. Говорили, что Захарьин, уже откровенно высказавший Императрице свое мнение еще в Петергофе, продолжал смотреть на болезнь Государя очень серьезно, Leyden же очень оптимистически и выражал надежду, что на юге Государь поправится; оба, однако, присоединились к диагнозу Гирша, что у Государя хроническое интерстициальное

воспаление почек. Гирш заболел и якобы по болезни уехал в отпуск; потом я узнал, что у него действительно был припадок подагры и он, считая себя обиженным общим к нему недоверием, воспользовался случаем и отпросился в отпуск, хотя, казалось, это было не вовремя. Захарьин и Leyden уехали и Царская Чета осталась на руках д-ра Попова, человека совершенно непривыкшего к придворной обстановке. Во второй половине сентября Царская Семья переехала в Ливадию. Публика начинала роптать, обвиняя приближенных Государя в том, что болезнь Царя продолжают держать в тайне, и многие выражали свое удивление и негодование о том, что при Государе не остался никто из авторитетных специалистов и даже врач более или менее известный в России.

В течение сентября я по какому-то случаю был в Михайловском у В. К. Михаила Николаевича, тогда председателя Государственного Совета и старейшего из членов императорской фамилии. Вел. Князь подтвердил мне, что состояние Государя очень серьезное, но видимо не считал Его безнадежным, и спросил мое мнение, как о причине болезни так и о том, какие надежды можно возлагать на южный климат для улучшения здоровья больного. Я высказал мое глубокое убеждение, что главная причина столь быстро наступившего ухудшения в состоянии здоровья Государя, это переутомление и постоянные душевные волнения и что по-моему, кроме южного климата и хорошего ухода за больным, самое необходимое — это дать Ему продолжительный отдых и возможно меньше утомлять Его государственными делами. Великий Князь, соглашаясь со мной, выразил однако сомнение, что при характере Государя этого удастся достигнуть. Я позволил себе указать, что для спасения жизни Государя достичь этого безусловно необходимо и что, на мой взгляд, возбудить об этом вопрос мог бы, именно Вел. Князь, благодаря своему положению. Вел. Князь согласился со мной и сказал мне, что приложит все свои старания — насколько он исполнил свое намерение, я не знаю.

27 сентября меня экстренно вызвал к себе, к 2-м часам дня, помощник министра двора барон В. Б. Фредерикс. Барон встретил меня словами: «Я сегодня утром получил телеграмму от графа Воронцова, в которой он сообщает, что Государь желает, чтобы вы немедленно приехали в Ливадию. Поезжайте сейчас-же в кассу министерства, где вы можете получить деньги на дорогу, а сегодня вечером отправляйтесь в Ливадию. Советую вам заехать к ген.-ад. О. Б. Рихтеру и сговориться с ним, так как он тоже едет сегодня и ему заказан особый вагон, вам будет лучше ехать. Я вам ничего больше сказать не могу, но предупреждаю, что вероятно вы уезжаете надолго, ибо кажется Государь собирается за границу». Я доложил барону, что сегодня мне выехать очень трудно, так как у меня на руках три больничных учреждения и школа; надо-же передать дела, кассы и т. п. «Ну, уж это дело ваше, сказал мне довольно сухо барон; я передаю вам Высочайшее повеление, а остальное меня не касается, посоветуйтесь с ген. Рихтером, вашим прямым начальником» (по Главной Квартире). Я поехал в кабинет, получил 1 000 рублей на дорогу и отправился к О. Б. Рихтеру. Последний понял мое затруднительное положение и посоветовал мне срочно телеграфировать графу Воронцову. Нового он тоже мне ничего не сообщил. Я тотчас-же написал графу Воронцову телеграмму приблизительно в следующих выражениях: «Необходимо передать дела по службе. Могу-ли отложить отъезд до завтра». Вечером я получил ответ: «Можете не торопиться. Граф Воронцов». Однако на следующий день вечером, 28/IX я выехал и 1 октября утром был в Севастополе, а вечером, проехав на лошадях через Байдарские ворота, прибыл часов в 8 вечера в Ливадию, где остановился в свитском доме.

XI

В ЛИВАДИИ

Тотчас по приезде меня позвали обедать за свитский стол. Здесь я застал ген.-ад. П. А. Черевина, О. Б. Рихтера, князя Н. Д. Оболенского, адмирала Н. Н. Ломена, художника Зичи, д-ра Попова и двух воспитателей В. К. Михаила Александровича — англичанина Хиса и швейцарца Тормейера. Из дам в Ливадии были: кн. А. А. Оболенская, Е. С. Озерова и графини Кутузовы. Из врачей — один Попов. От лиц свиты я узнал следующее: граф Воронцов, странным образом, не живет в Ливадии, а, верстах в 10, в своем имении и приезжает утром на 2 часа; остальное время его нет.

Ливадии, и, вероятно в Ялту, в свою маленькую дворцовую усадьбу в Ореанде, особенно хороша она.
Государю очень плохо. Живет Он в маленьком дворце, где жил наследником; там-же, кроме Императрицы, помещаются Цесаревич Николай Александрович и В. К. Георгий Александрович; дети, т. е. В. К. Михаил Александрович и В. К. Ольга Александровна занимают другой дом. Государь ежедневно катается с Императрицей в открытом экипаже по скрытым дорогам, так, что Его никто не видит, и Он никого не принимает, даже графа Воронцова, который бывает только у Императрицы. Предполагается поездка в Грецию, на остров Корфу, куда для приготовления помещений уже послан и. д. гофмаршала граф Бенкендорф.

О болезни Государя я узнал очень немногое, главное было то, что Ему очень плохо, но насколько — мне не умели сказать; не больше я узнал и о результате консультации Захарьина и Лейдена. Только один П. А. Черевин не скрыл передо мною, что положение почти безнадежно. За обедом я познакомился с Поповым, но он был очень сух со мной и я, до поры до времени, не нашел нужным спрашивать его. Видимо симпатиями он здесь не пользовался.

Тотчас после обеда я пошел к кн. А. А. Оболенской, самой близкой приятельнице Императрицы. От неё, как я и ожидал, я узнал больше чем от других: состояние Государя все ухудшается. Пульс за последние дни около 100, опухли ноги, полная бессонница по ночам и сонливость днем, мучительное чувство давления в груди, невозможность лежать, очень сильная слабость — Он едва ходит. Его с приезда в Ливадию, кроме Императрицы и детей, никто не видит.

Граф Воронцов держит себя совершенно в стороне и ничего не предпринимает. Попов бывает у Государя 2 раза в день, делает назначения, которые не исполняются; Государь упрямится и не слушается; ухода за больным никакого; лекарский помощник Поляков боится Государя и, конечно, никакого влияния не имеет; Императрица выбилась из сил и беспомощна. Попов Императрице очень не нравится вследствие своей невоспитанности и неумения себя поставить; Государь его терпит, но в действительности с ним не считается.

В результате больной в сущности брошен, живет по своему усмотрению, пользуясь лишь домашним уходом Государыни; никакого режима не установлено и врачебного руководства и плана лечения нет. Государь работать, конечно, не может, но все-же пытается это делать и только себя утомляет. Всему этому необходимо положить конец, иначе больной несомненно погибнет. Из всего этого я мог заключить, что Русский Император, пользуется таким дурным уходом, как ни один из Его подданных, даже в самой плохой больнице.

Про себя я узнал: Императрица уже в Спале пожелала иметь при больном своего человека и приказала гр. Воронцову вызвать меня, но он этого не сделал, сказав, что «забыл»; потом, когда уже в Ливадии он получил мою телеграмму с вопросом, могу ли я отложить отъезд на один день для передачи дел, он сказал Императрице, что я очень занят, раньше приехать не мог и сейчас не могу. Императрица выразила свое удивление кн. Оболенской, которая объяснила, что гр. Воронцов просто не желает моего присутствия здесь. «Вызвала вас, — закончила княгиня, — сама Императрица, потому-что Государь изъявил желание вас видеть, но это не нравится графу и Попову. Не скрою от вас, что положение ваше будет очень трудное».

Конечно, я отлично понял, чего от меня ждут и как мне трудно будет быть полезным больному, поэтому я тотчас изложил княгине программу, которую я пока себе начертал; между прочим я указал, что необходимо избрать одного врача, которому Государь и Императрица считают возможным довериться, который организовал бы уход за больным, вел бы историю хода болезни, следил бы за исполнением назначения консультантов, давал бы, кому нужно, сведения о состоянии больного, одним словом, был-бы действительно домашним врачом Государя; далее необходимо оповещать население России о состоянии здоровья Царя, о том, что делается, и кто из врачей лечит Царя, — не надо забывать, что это не простой смертный, а Русский Император, да еще очень популярный в народе, и что народ вправе возложить всю ответственность на приближенных Царя и спросить отчета, что было сделано для спасения Его жизни, не надо забывать, что на Ливадию теперь смотрит весь мир; необходимо удержать при больном хотя бы одного авторитетного терапевта, Захарьина или Лейдена, хотя не надо упускать из виду, что последний иностранец; наконец, крайне необходимо избавить Государя от дел, в чем должны

последний иностранец, наконец, крайне необходимо избавить Государя от дел, в чем должны помочь сановники, ибо нельзя ожидать от тяжело больного Государя, чтобы Он сам мог распорядиться. Все это я просил княгиню передать Императрице. Вместе с тем было решено, чтобы я обо всем этом переговорил с ген. Рихтером, как человеком очень уравновешенным и спокойным и искренно преданным Государю, далеким от всяких придворных интриг. От кн. Оболенской я пошел в тот же день к ген. Рихтеру и подробно и совершенно откровенно изложил ему мое мнение. Оттон Борисович совершенно согласился со мною и обещал свою поддержку; между прочим я узнал от него, что в государственных делах полный застой, здесь сидят 7 фельдъегерей, которые не могут выехать, так как Государь не работает и резолюций нет; во всех министерствах полное уныние. Наследник держит себя очень пассивно и ничего не высказывает. «Необходимо действовать, — сказал я Рихтеру, — и теперь время. Если все правда, что я слышу, то о поездке в Корфу не может быть и речи; можно в дороге или там на чужбине ожидать всего. Что скажет тогда Россия?!» Решили завтра-же переговорить с графом Воронцовым.

2/X утром я видел лекарского помощника Полякова, который в сущности один чаще бывал у Государя и должен был исполнять назначения врачей, но никакого влияния, разумеется, иметь не мог. Он подтвердил мне об очень плохом состоянии Государя, показал мне анализы и доложил, что Государь ничего не исполняет из того, что предписывают врачи, а все делает по-своему. В 10 часов я пошел к графу Воронцову. Он принял меня вежливо, но очень сухо. Желая вызвать его на откровенность, я соответственно повел разговор и прежде всего спросил его, кем и для чего я вызван. «Вас „потревожили“ (?) под предлогом того, что нет Гирша, чтобы возложить на вас его обязанности, но, собственно говоря, Императрица просто желает, чтобы вы были здесь, но я сам не знаю, что вам, как хирургу, здесь делать». Я объяснил графу, как я понимаю свою предстоящую роль, как врачу, известному Их Величествам, — видеть Государя и быть компетентным свидетелем того, что делается здесь в медицинском отношении, ибо пока Государя окружают чужие люди, а оставлять монарха на руках одного никому в России не известного Попова как будто неловко. Россия беспокоится и удивляется, что при тяжело больном Царе нет ни одного своего врача, как будто что-то скрывают, и ответственность может быть возложена на приближенных. Затем я изложил все то, что уже говорил кн. Оболенской и ген. Рихтеру. Граф ответил: «Бюллетеней я писать не могу, их надо показывать Государю, да Он сам читает и газеты. Я напечатал короткое сообщение о том, что Государь делает, т. е., что Он гуляет, пока я ничего больше сделать не могу». Наш дальнейший разговор прервался, ибо с докладом пришел Попов. Суть его доклада была — пульс держится, но силы падают, сон, как будто, лучше, но в общем положение хуже. На меня Попов даже не смотрел, совершенно игнорируя меня. Я сидел в стороне, слушал и наблюдал.

Попов был высокого роста, «дюжий парень», видимо из поповичей, лет 30—32, здоровый, как бык; одет он был по-московски — «черная пара» и белый, матросским узлом завязанный, шелковый галстук. Тон — избалованного купчихами Замоскворечья, модного московского «дохтура», очень самоуверенного и мало воспитанного человека, считавшего себя полубогом; в сущности это был человек очень мало симпатичный, навряд ли много знающий, вселявший к себе, на мой взгляд, очень мало доверия и не производивший впечатления интеллигента; легко было заметить, что он брал не столько тем, что он говорил, но тоном непогрешимой, модной, московской знаменитости, попавшей ко двору. Как я уже выше сказал, такие люди, грубые, мало воспитанные, самоуверенные до нахальства, плебеи по своей натуре всегда производили впечатление на графа Воронцова, и в его отношениях к Попову проявлялась не только любезность и благосклонность, но даже какое-то подобострастие; они вели разговор какими-то отдельными словами, на полуслове понимая друг друга; получалось впечатление, что граф Воронцов боится уронить себя в глазах своего собеседника, как будто он боится показать, что он может не понять намека такого умного человека, как Попов; я смотрел и узнавал графа Воронцова — так он говорил с Алышевским и другими подобными ему людьми, со своими чиновниками министерства, в число которых он преимущественно подбирал людей с замашками плебеев.

Я ушел от министра двора очень неудовлетворенный нашим разговором и ещё больше убежденный в том, что с честью выйти из положения, в которое я попал, будет очень нелегко

убежденный в том, что с честью выйти из положения, в которое я попал, будет очень нелегко.

После завтрака за «гофмаршальским» столом в большой столовой дворца, где было уже довольно много народа, я пошел пить кофе и курить на террасу.

Граф Воронцов, тоже с чашкой кофе в руках любезно подошел ко мне и вступил в беседу. Чтобы нас не могли слышать, мы вышли в сад, без фуражек и с чашками в руках; вскоре пошел дождь, все стали расходиться, а мы долго еще стояли на площадке перед террасой и «дружески» беседовали, несмотря на дождь. Из разговора я понял, что разница в обращении со мной объяснялась просто: граф перед завтраком был с докладом у Императрицы... которая уже все знала о телеграммах...

Предмет нашего разговора был следующий:

Подходяще-ли для Государя пребывание в Корфу? — Я счел долгом заметить, что в ноябре в Корфу, хотя и тепло, но очень сыро. Правильным следовало бы признать пребывание в Египте. Граф слушал меня и очень легко соглашался. Я поставил вопрос так: если Государь действительно так слаб, то перед тем, чтобы выбирать место для Его пребывания, следовало бы решить вообще — можно ли Его перевозить? Необходимо, чтобы консилиум решил вопрос — нет ли возможности печального исхода в пути, надо иметь в виду слабость сердца и возможность качки. Далее — есть ли надежда, что Государь вернется из заграницы? Наконец, кто из врачей, в случае поездки, будет сопровождать Государя и кто примет на себя ответственность? — один человек сделать это не может и не должен. Граф согласился, что все это верно. Я спросил графа, можно ли с точки зрения политики допустить печальный конец на яхте, можно ли дать умереть Государю на чужой стороне? Все это получает еще особое значение в виду той таинственности, которая до сих пор окружала болезнь Царя. Что тогда про нас скажет Россия? Граф согласился, что теперь не может быть и речи об отъезде. Спрашивается, подумал я, о чем же думали до сих пор, когда даже послали в Корфу занимать помещение. Далее, я настаивал на необходимости оповестить публику тем или иным путем, указав, что экземпляры газет, доставляемые Государю, можно печатать без бюллетеней. Наконец, я доказывал, что надо прекратить quasi — работу Государя, что нельзя допускать посылки Ему докладов и дел; Государь несомненно работать не может, а сознание, что дела отсылаются не решенными и скопляются, особенно при характере Государя, должно Его мучить и раздражать, а это вредно для больного и не полезно для государства. Граф ответил: «Я отлично все это понимаю, но что мне делать — здесь (надо понимать — Императрица) забывают, что это Император, что есть политика, что есть государство, и в основу всех суждений ставят одно — это сердечное отношение к бедному больному; вот почему мне трудно энергично вмешиваться».

— Я думаю, — заметил я, — что тяжелая болезнь монарха имеет громадное государственное значение, влияющее на ход истории государства, а предоставлять решение некоторых относящихся к этому событию вопросов самому больному и его семье недопустимо, это дело окружающих монарха, на которых падает и ответственность за всякие возможности.

— Ну, а наследник, — спросил я, — не переговорить ли с ним?

— Я уже об этом думал, — сказал граф, — но это мальчик 14 лет, а ему 26. Что-же мне делать?!..

— Возвращаюсь к медицине, — продолжал граф, — ведь Захарьин, это сумасшедший самодур, ему нельзя здесь жить; через 3—4 дня он приходит в такое состояние, что начинает бить стекла. Попов — хороший малый, но молод, не авторитетен, Императрице не нравится, но хорошо еще и то, что его пускают к Государю. Теперь я боюсь, что Захарьин станет на дыбы, потому что выписали Лейдена, и не захочет оставаться и брать лечение на себя».

— Ну вы, граф, — сказал я, — придаете самодурству Захарьина слишком много значения. Он обязан здесь остаться, я, как лейб-медик, этого требую, потому что нельзя оставлять Государя без

обязан здесь остаться, я, как лейб-медик, этого требую, потому что нельзя оставлять Государя без присутствия здесь авторитетного в глазах России терапевта. Попов для меня и для России ничто, а я хирург, да и вообще, если бы я был и терапевтом, я взять на себя одного ответственности не решился-бы. Следовательно, Захарьина надо здесь оставить, как поступить с Лейденом — будет видно, во всяком случае одного Лейдена, как иностранца, и меня здесь будет мало, а Захарьина можно успокоить, — ведь Государь не замоскворецкий купец, ведь есть-же управа и на Захарьина.

Граф Воронцов согласился и с этим и, улыбаясь, закончил разговор: «Ну, как-нибудь справимся».

От гр. Воронцова я пошел с визитом к графиням Кутузовым; пришлось подождать их и слуга провел меня на террасу, выходившую в сад, за дворцом, на какую-то густо заросшую кустами дорогу. Не успел я выйти на эту террасу, как услышал за кустами какой-то шорох как-бы от колес экипажа по гальке и топот лошадей. Это меня очень удивило, ибо было несомненно, что дорога эта была не для экипажей; я догадался, что вероятно едет кто-то из Высочайших Особ, и стал за занавеску, чтобы меня не было видно. Действительно, из-за кустов выехал экипаж, так называемая в Крыму «корзинка», т. е. род 4-х-местной открытой коляски, или плетенки. В экипаже сидели Государь и Императрица. Государь так изменился, что я сразу его не узнал; голова совершенно маленькая, что называется с кулачок; шея тонкая, затылка у этого великана не было, настолько Он похудел; пальто висело, как на вешалке; знаменитых Его плеч, богатырской груди и вообще могучего торса, как не бывало. Он видимо спал, сидя в экипаже, и, поддерживаемый Императрицей, качался, как пьяный. Экипаж проехал трусцой, как видение, и исчез за кустами. Было ясно, что эта дорожка в саду была выбрана для прогулки с тем, чтобы никто не мог видеть Государя. Я был поражен и удручен до слез. Все мне стало ясно — это был умирающий человек, а вчера все говорили об отъезде в Грецию и о проектах на будущую зиму. Что за люди! — подумал я, это — дети! что же тут говорить об отъезде, когда видимо приходится считать дни.

Вышли графини и со слезами стали жаловаться мне на здешний беспорядок и беспомощность всех; я едва их слушал, простился при первой возможности и побежал к П. А. Черевину.

— Петр Александрович, — сказал я, — сейчас я случайно из-за угла видел Государя в экипаже...

— Как это могло случиться? — тревожно перебил меня Черевин. Его никто не видит, Он этого не желает.

Я сказал, в чем дело. Черевин успокоился.

— Ну? — спросил он.

— Да П. А. ведь все разговоры здесь одни пустяки, ведь все кончено, это ведь умирающий человек, — продолжал я.

— Я это давно знаю, — ответил мне Черевин со слезами на глазах; а этого здесь, дураки, не понимают; даже Воронцов не понимал, пока не поговорил с вами, а теперь засуетился. Я вам нарочно ничего не говорил, хотел посмотреть, что вы скажете сами.

— Ну, а Попов? — спросил я.

— Конечно, отлично понимает, но молчит; должно быть так приказано Захарьиным. Ну, я-то сумел узнать от него правду. Вы говорили с Воронцовым? — спросил Черевин.

— Говорил, — ответил я.

— Что-же он?

— Да я ведь говорил с ним, не видев Государя, а теперь я говорил бы с ним другим тоном, ответил я. Граф все боится Захарьина и его самодурства.

— А вы что думаете?

— Я думаю, что надо теперь же подготовить Россию, — ответил я, — а с Захарьиным справиться можно.

— Ну, конечно, — ответил Черевин; я давно говорю, что его не следовало отпускать, а успокоить его я берусь... — сказал Черевин.

В течение этого дня приехали Лейден, Захарьин и Гирш, которому кто-то из друзей посоветовал перестать дуться и приехать в Ливадию.

На другое утро 3/X Лейдена, Захарьина и меня позвали к Государю. Гирша и Попова не пригласили.

Вот приблизительно план дворца-виллы, где жил Государь: Дом, в котором жил и скончался Государь, по своей величине и архитектуре совершенно не заслуживает названия дворца — это скромная вилла или дача, очень небольших размеров, с небольшими комнатами. Лучшие две комнаты по своей величине и своей обстановке, это приемная внизу и кабинет-гостиная Императрицы; рабочий кабинет Государя — маленькая комната, кажется в одно окно, в которой едва помещался большой письменный стол; спальня тоже небольшая, в 3 окна. Меблировка донельзя простая, более чем скромная, самая обывательская.

Принял нас Государь в кабинете Императрицы, сидя в креслах, в своей обычной генеральской тужурке, и выразил большое удовольствие видеть меня и Лейдена. К Захарьину Он, видимо, относился менее благосклонно. К уже сказанному о впечатлении, которое производил вид Государя, могу добавить, что на этот раз оно было еще тяжелее. Он был так слаб и сонлив, что засыпал среди разговора с нами. Исследовали Его, и довольно поверхностно, Захарьин и Лейден, я же, как не специалист, отказался от такового, чтобы напрасно не утомлять больного. Плохо было то, что появился резкий отек ног, причем сильный зуд в коже очень беспокоил Государя, особенно в постели. В этот день деятельность сердца была настолько слаба, что мы отсоветовали выезжать на прогулку.

С этого дня, т. е. с 3/X Государь больше так и не покидал своих комнат. После консультации Императрица, вызвав нас в приемную, спросила мнение профессоров о состоянии больного. Лейден не скрыл серьезности положения, высказался довольно мягко и неопределенно, но не называя, однако, состояние безнадежным. Захарьин, напротив, высказал Императрице всю правду в очень определенных выражениях, довольно резко и, я сказал бы, грубо. Она приняла этот удар с довольно большой выдержкой, но все же не могла удержаться от приступа слез. Мне Она приказала остаться и долго беседовала со мной наедине. Для меня не было сомнения, что Она отлично понимала положение, но ей хотелось верить в возможность спасения, что было так натурально, и поэтому я, как и Лейден, не нашел нужным подчеркивать безнадежность положения, а, насколько мог, успокоил бедную женщину, но выяснил Ей невозможнсть и бесцельность путешествия и необходимость оповестить Россию об истинном положении Государя. Она жаловалась мне на все перенесенные Ею душевные волнения в Спале и Беловеже, где Она была предоставлена сама себе, жаловалась на грубость Захарьина, относившегося к Ней безжалостно, на индиферентность, сухость и неделикатность Попова, который Её раздражал, на отсутствие какой-либо нравственной поддержки; Она, видимо, симпатизировала Лейдену, который, не лишая Её всяких надежд, действовал на Неё ободряюще и успокоительно. Она сказала мне, что приказала гр. Воронцову вызвать меня ещё в Спалу, чтобы иметь при Государе своего человека, но Её обманули, сказав, что я не счел возможным приехать; это Её очень удивило, но теперь Она знает, что это были интриги, которыми Её опутывают даже в эти тяжелые минуты. Вместе с тем Императрица выразила желание Государя и свое, чтобы я

оставался в доме ночью и принял на себя ближайший уход за больным. С того дня, т. е. с 3/X, по день кончины Государя я стал почти бессменным дежурным днем и ночью и 17 дней спал одетым. Я уходил из дворца к себе только утром для туалета, иногда к завтраку или обеду за общим гофмаршальским столом и иногда около 5 часов выезжал на час с Лейденом на прогулку в окрестности Ливадии. Во время моего отсутствия меня сменял Гирш, но его к больному никогда не звали.

Утром и вечером Захарьин и Лейден при мне посещали Государя, Гирш и Попов Его не видели вплоть до Его кончины, при которой, кроме нас троих, присутствовал и Гирш, но не Попов. После посещения больного происходило совещание под председательством министра двора и составлялись бюллетени, кои с 4/X посылались в «Правительственный Вестник» и перепечатывались в других газетах. Несколько странным было то, что бюллетени эти подписывали тоже Гирш и Попов, не видев больного. За все время до смерти Государь никого не принимал и только между 14 и 16 октября, чувствуя себя несколько лучше, пожелал видеть своих братьев и Великих Княгинь Александру Иосифовну, привезшую в Ливадию отца Иоанна, и Марию Павловну.

Государь вставал ежедневно, одевался в своей уборной и проводил день большею частью в кабинете Императрицы, в сообществе Её и детей. Нередко после завтрака Он ложился в постель и спал, после чего я обыкновенно бывал у Него. Под влиянием моих убеждений Он, кажется, по просьбе Императрицы, согласился передать дела Наследнику, но все-же оставил за собой дела по министерству иностранных дел и подписывание военных приказов, из коих последний Он, кажется, подписал за день до кончины. Я бывал у Государя по несколько раз в день, следил за исполнением предписаний врачей и за Его питанием. Всего больше беспокоили Государя значительный отек ног и зуд в коже; Его значительно успокаивал легкий массаж, который я и производил, бинтуя Ему после этого ноги, чтобы предупредить чесание. Мне удалось влиять на Государя в отношении исполнения Им наших предписаний, чего до меня достичь было почти невозможно, но все же Он иногда запирался у себя с В. К. Михаилом Александровичем, снимал сам бинты и приказывал сыну чесать Ему ноги щетками, чему я очень противился, боясь расчесов и рожи, но мои старания увенчались успехом лишь в самые последние дни. Несмотря на свой очень властный характер, Государь все-же подчинялся моим увещаниям и убеждениям и бывало, что когда Императрица не могла Его убедить не вредить себе, то посылала за мной.

Должен сказать, что за эти 17 дней постоянного моего общения с тяжело больным и страдавшим от зуда, одышки и ночной бессонницы Государем, я ни разу не испытал на себе Его нетерпения, неудовольствия или малейшего каприза; со мной Он был всегда одинаково ровен, любезен, добр, бесконечно кроток и деликатен. Когда я засиживался у Его постели, Он начинал беспокоиться, что я долго не курил и отсылал меня и часто требовал, чтобы я непременно ездил кататься; за все время Он только раз ночью позвал меня и очень извинялся, что прервал мой сон; Он требовал, чтобы я приходил к Нему непременно в кителе, так как ещё бывало тепло и делал мне замечания, когда я приходил в сюртуке, хотя по этикету бывать у Высочайших Особ так не полагалось. Могу сказать смело, что такого приятного и деликатного в обращении больного я за 40 лет врачебной практики редко встречал. Государь, несомненно, вполне сознавал опасность своей болезни и безнадежность своего положения, но я никогда не видел, чтобы Он падал духом, и меня Он никогда по этому поводу не спрашивал. Один раз только я застал Его с Императрицей со слезами на глазах, вероятно, после тяжелого разговора о возможности смерти, и раз, случайно зайдя к Нему в кабинет, видел Его взволнованным в беседе с Наследником, которому Он по-видимому передавал какие-то дела и давал наставления на случай своей смерти; но оба раза Он сразу справлялся с собой и принимал свой обычный спокойный и кроткий тон. В хорошие минуты Он даже шутил.

Захарьин продолжал чудить и здесь. Так он находил, что в свитском доме, где все жили, слишком шумно и выхлопотал себе помещение в отдельном домике, где ложился спать чуть ли не в 9 часов вечера. Посетив его как-то, я был удивлен, что его кровать стоит посреди комнаты, причем он объяснил мне, что боится сырости стен. Он не признавал обычных «удобств», как все, а

требовал таковых у себя в комнате, чем приставленный к нему дворцовый служитель искренно возмущался.

В Ливадии все дорожки в парке были усыпаны галькой, вследствие чего при проезде экипажей вызывался очень громкий и неприятный шум, поэтому вокруг дома Государя был строго воспрещен проезд каких бы то ни было экипажей и телег, — все, что было нужно, приносили на руках, но Захарьин заявил, что он не может приходить на консультации от себя пешком, хотя это не превышало ? версты. Поэтому ему два раза в день подавали коляску в которой он торжественно приезжал во дворец. Он требовал, чтобы во дворце на площадках лестницы были для него поставлены венские стулья, один из коих должен был стоять перед дверьми при входе в приемную — он садился на эти стулья на минуту и якобы отдыхал, а на последнем стуле собирался мыслями. Служители его ненавидели и иногда этих стульев не ставили; раз я увидел, как Захарьин, поднявшись наверх и не найдя стула перед дверью, страшно рассердился, сбежал с лестницы, схватил стул, быстро снес его на верхнюю площадку, присел и вошел в приемную при нескрываемых улыбках прислуги. Я рассказал эту сцену Государю, и он от души смеялся.

Лейден был человек, конечно, вполне культурный, воспитанный и тактичный, хотя не лишен был некоторых свойств того типа людей, которых в Германии называют «ein Knot». Он обладал, кроме своих знаний, большой долей хитрости, практичности и житейской мудрости, как истый старый еврей. Мы были с ним в хороших отношениях и на прогулках много беседовали, причем он давал мне уроки дипломатического обращения и практичности в медицине и как-то сказал мне, что хороший врач-практик должен уметь, особенно при лечении монархов, не только лечить, но и помочь больному умереть, а главное должен уметь держать себя с семьей так, чтобы и после смерти больного сохранить ее симпатии и доверие. Соответственно своим взглядам, кои мне лично далеко не были симпатичны, он вел себя и в Ливадии.

Немцы и тогда уже придерживались правила не упускать ни одного случая и способа, чтобы узнавать все, что делается у соседей, особенно в России. Лейден как-то признался мне в откровенную минуту, что в Берлинском дворе очень интересуются нашим двором и что по возвращении в Берлин он должен рассказать Императору Вильгельму все, им пережитое и виденное в России. Мы удивлялись, каким образом заграничные газеты более осведомлены о происходившем в Ливадии, чем, напр., наша публика. Оказалось потом, что во время болезни Государя в Ялту пришла какая-то частная немецкая яхта, хозяйкой которой была какая-то дама — крупная корреспондентка германских газет; потом я узнал, что Лейден, выезжая на прогулку, в те дни, когда я его не сопровождал; многократно посещал эту яхту, но держал это в тайне, а по вечерам писал бесконечно длинные письма.

Характерно было то, что будучи мировой известностью, Лейден особенно стремился получить дворянство и воспользовался получением после Ливадии пожалованной ему Анненской звезды с бриллиантами (орден, дававшийся только иностранцам), чтобы прибавить к своей фамилии сакраментальный предлог «von», считая, что он пользуется правами русского дворянства; права германского или вернее прусского дворянства были пожалованы ему гораздо позже. К людям вообще он относился довольно скептически. Как-то раз, по моему совету, наследник обратился к нему в Ливадии с вопросами о состоянии здоровья отца.

Я спросил Лейдена, как отнесся цесаревич к заявлению, что дни Государя сосчитаны. Лейден ответил мне фразой, которая мне очень не понравилась — «что-же вы спрашиваете, ведь всякий наследник в конце концов желал-бы скорее быть монархом; это так человечно». Он страшно кичился своими отношениями с русским двором и, как говорил, сумел сохранить к себе доверие и симпатии Императрицы и после смерти Государя. Так через несколько лет он был снова приглашен к русскому двору в Копенгагене по случаю тяжелого легочного кровотечения у пребывавшего тогда там (в Копенгагене) наследника Георгия Александровича. Там мы снова встретились.

Лейден как-то сказал мне: «Я знаю двор германский, знаю русский, теперь вижу датский, мне остается до смерти увидеть еще английский двор, надеюсь этого достигнуть». Интересовал его не

остается до смерти увидеть еще английский двор, надеюсь этого достигнуть». Интересовал его не больной, а факт его приглашения. Его уверенность в своих успехах при русском дворе дошла до того, что при моем посещении его в Берлине он позволил себе высказать мне свой план — сделаться официально постоянным консультантом при русском дворе, так как у нас нет выдающихся терапевтов. Меня эта немецкая наглость настолько задела за живое, что я после этого использовал все свое влияние, чтобы предупредить его дальнейшие приглашения. Однако мне это не удалось, и Лейден был приглашен еще раз к наследнику в Абастуман, но тогда я настоял на одновременном приглашении и Nothnagel'я из Вены. Он понял мой маневр, и наши отношения за последние годы его жизни совершенно изменились в смысле резкого охлаждения с его стороны ко мне.

Государь относился в Ливадии к Лейдену скорее хорошо и с доверием, Захарьина-же только терпел, но не уважал, ибо оригинальничание и шарлатанство были противны натуре Государя.

Не помню которого числа, но это было в первые дни моего пребывания, в Ливадию приехал харьковский проф. В. Ф. Грубе, выразив желание представиться Государю с тем, чтобы подбодрить Его, показав Ему на собственном примере, что от воспаления почек можно поправиться даже в Его преклонном возрасте. В сущности ничего общего между болезнью Государя и болезнью Грубе не было, ибо последний перенес гнилостное заражение и острое воспаление почек, но мысль была хорошая.

К большому моему удивлению Государь принял Грубе с удовольствием. Я присутствовал при этом свидании и еще раз имел случай видеть, насколько Государь был «другом своих друзей», как говорят французы. Познакомился Государь с проф. Грубе в Харькове после катастрофы 17 октября в Борках; раненые — придворная и поездная прислуга были тогда направлены в харьковскую клинику. Государь остановился в Харькове, посетил раненых и познакомился с проф. Грубе, который, видимо, очень понравился Ему, а главное выздоровевшие раненые служители очень расхвалили Государю обращение с ними в клинике; и с тех пор Грубе пользовался особой благосклонностью Государя, который был очень рад его видеть, хотя никого не принимал, даже своих родственников. Спокойный, очень уравновешенный старик, державший себя с чувством собственного достоинства, очень убедительно объяснил Государю, что от воспаления почек можно выздороветь, примером чего может служить он сам. Государю этот довод показался очень убедительным и Он после визита Грубе был очень в духе и как будто повеселел.

Вечером этого дня Государь рассказывал мне свои впечатления о клинике Грубе и очень расхваливал последнего. Очень тактично поступил Грубе и тем, что он не показал ни малейшего желания вмешиваться своими советами и навязывать себя, а тотчас после приема уехал из Ливадии. Подбодрил Он и Императрицу.

Состояние больного постепенно ухудшалось, хотя днями бывали улучшения. С выходом первого бюллетеня весть о неблагоприятном течении болезни Государя распространилась по всей России. Постепенно в Ливадию стали съезжаться члены Императорской Фамилии и некоторые высшие чины Двора.

8/X прибыли Вел. Кн. Александра Иосифовна с Королевой Греческой и отцом Иоанном Кронштадтским. Приезд последнего озадачил многих и в том числе Императрицу, так как Государь не благоволил к отцу Иоанну — не знали, как доложить о нем Государю, тогда как В. К. Александра Иосифовна и Королева Греческая усиленно настаивали на том, чтобы Государь принял его и помолился-бы с ним. Сколько я знаю, не любил Государь отца Иоанна за то, что он своей популярностью, может быть, несколько искусственной, слишком выделялся из общей среды духовенства — Государь был глубоко верующий, но прежде всего строго придерживался традиций православия, а православие не допускает, чтобы молитвы одного священника имели больший доступ к Престолу Всевышнего, чем молитвы всякого другого, кроме святых, святым же о. Иоанн церковью признан не был, поэтому в глазах истинно православного человека о.

Иоанн как-бы грешил тем, что придавал своим молитвам какое-то особенное значение.

Я думаю, что Государь подозревал у отца Иоанна желание выдвинуться и бить на популярность, а «популярничание» Государь ненавидел и искренно презирал. По словам В. К. Николая Михайловича, написавшего о последних днях Императора Александра III особую брошюру, отец Иоанн приехал «по почину» Вел. Кн. Александры Иосифовны и Королевы Греческой, «на что Августейший больной дал свое согласие», тем не менее Он сразу его не принял.

9/X (должно быть это было воскресенье) Государь, желая поднять дух окружающих, приказал, чтобы во время завтрака за гофмаршальским столом играли два хора музыки и чтобы Вел. Кн. Ксения Александровна присутствовала за столом за хозяйку. Я в этот день за завтраком не присутствовал, но, по словам Вел. Кн. Николая Михайловича, при первых звуках музыки Великая Княгиня расплакалась и вышла из-за стола. В это-же время Государь, тайно от всех, кроме Императрицы, исповедовался и приобщился у своего духовника отца Янышева. Видимо этот акт успокоил и ободрил Государя, так что в этот день мы могли даже констатировать некоторое улучшение.

10/X часов около 5—6 вечера прибыла невеста Цесаревича Принцесса Алиса Гессенская. К этому времени во всем дворце, кроме Государя и Императрицы, никого не было, из посторонних я был один в нижней приемной и таким образом в открытое окно мог наблюдать то, что происходило перед дворцом. Государь в этот день лежал уже в кровати и при нем сидела Императрица. Перед дворцом был выставлен почетный караул. Цесаревич и его невеста приехали в коляске на почтовых прямо из Симферополя.

Экипаж прямо с большой дороги проехал по аллеям сада и подъехал к подъезду Дворца. У невесты в руках был большой букет, видимо, поднесенный ей при встрече Цесаревичем. Они, выйдя из коляски, прямо вошли в подъезд, где, кажется, их встретила Императрица (видеть этого я не мог, ибо не выходил из приемной) и поднялись наверх к Государю. Там они оставались вчетвером минут 20—30. Я стоял внизу у открытого окна, любовался видом и размышлял о происходившем. Надо было думать, что сцена, происходившая над моей головой в спальне Царя должна была быть трогательна и драматична.

Всем было известно, что за несколько лет перед тем Принцесса Алиса приезжала в Петербург еще совершенно молодой девушкой к своей сестре Вел. Княгине Елизавете Федоровне. Как говорили, цель этого приезда ее было знакомство с русской Царской Семьей, так как ее прочили в невесты Наследника.

Однако тогда Пр. Алиса или Alix, как звали ее в семье, не понравилась Государю Александру III, но произвела якобы глубокое впечатление на Наследника. Так или иначе, но из этого приезда в Петербург ничего не вышло; слышно было, что Государь воспротивился этому браку — Принцесса уехала, как говорили, очень недовольной и обиженной, а Цесаревича отец отправил в кругосветное путешествие.

Думаю, что уже тогда у Принцессы Алисы зародилось недоброжелательное чувство к Государю и Императрице, которое потом с годами превратилось в чувство озлобления против матери ее мужа. Когда Государь опасно заболел, явилась неотложная необходимость женитьбы Наследника, так как, по традициям, Русский Царь не мог быть холостым (говорю: «по традициям», ибо не думаю, чтобы этого требовал закон). Подходящей невесты не было, вспомнили о принцессе Гессенской, а вероятно о ней напомнили Цесаревич и Вел. Кн. Елизавета Федоровна, и Государь, как передавали, не без больших колебаний дал свое согласие на брак сына. Надо было думать, что поэтому происходившее в этот день свидание Царя с Его невесткой должно было быть тяжелым моментом как для родителей, так и для молодых; Государь этим согласием на спешный брак как-бы признавал свое безнадежное положение, Императрица встречала нелюбую ей заместительницу; невеста должна была понять, что ее принимают в семью, так сказать, по неволе, Наследнику это последнее тоже должно было быть неприятно, да,

кроме того, сам этот орак напоминал ему о тои громаднои ответственности, которая падала на него в ближайшее время.

Материалы по истории издания журнала «Русская Старина». 1892—1915 гг.

Витте С. Ю. Письмо Воронову П. Н., 17 июня 1912 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 333. — [Т.] V.

С. Ю. ВИТТЕ70 — П. Н. ВОРОНОВУ*

С. Петербург, 17 июня 1912 года
Милостивый Государь Павел Николаевич,

На днях я получил книгу «Можно ли было выручить Порт-Артур в мае 1904 года?» с надписью автора ее, обозначенного на книге литерами «В. Ф.». Желая выразить благодарность автору, я обратился в типографию Стойковой, где мне сказали, что автор книги неизвестен, а что в редактировании названной книги Вы принимали участие.

Вследствии вышеизложенного, полагая, что автор книги известен Вам, позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою: не отказать передать мою искреннюю благодарность ему за оказанное ко мне внимание, а если не можете исполнить моей просьбы лично, не отказать сообщить мне имя автора.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности

Его превосходит(ельст)ву

П. Н. Воронову

Граф Витте

Платонов С. Ф. Письмо Воронову П. Н., 20 января 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 333. — [Т.] V. 20.I.1914

Глубокоуважаемый Павел Николаевич!

Прилагаемая рукопись69 дословно сходна с тем, что уже напечатано в «Чтениях Моск(вского) Общ(ества) Ист(ории) и Древностей» 1863 г., ч. III, и потому печатать ее не стоит. Очень любопытна вопросительная отметка «П. А. Вяземский», но я не могу определить, справедлива ли она. Если бы удалось определить, кем записан рассказ, то его стоило бы напечатать вновь с разъяснением, кому он принадлежит. Иначе не стоит.

Искренний слуга Ваш С. Платонов.

Платонов С. Ф. Письмо Воронову П. Н., 24 октября 1911 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 333. — [Т.] V.

24.X.1911

Многоуважаемый Павел Николаевич!

Прилагаемое сочинение представляет собою очень достоверную и толковую работу. Но по типу своему оно для Вашего журнала не годится: это — исследование в круге известных материалов и пособий; Ваша же задача — давать новое. Сверх того — объем этого сочинения очень велик: журнал будет загружен надолго.

Очень прошу Вас: не откладывайте материалов Е. Д. Лермонтовой далее февраля68. Она просто истомилась! Ожидать ведь тяжело... первой работы!

Глубокоуважаемой супруге Вашей шлем низкий поклон

Ваш усердный слуга С. Платонов

Платонов С. Ф. Письмо Воронову П. Н., 28 января 1911 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 332—333. — [Т.] V.

28.1.1911

Глубокоуважаемый Павел Николаевич!

Я прочитал возвращаемые записки. Лучше их не печатать. На меня они произвели впечатление литературной подделки. Спросите, где подлинная тетрадь записок, и, не получив ее, не принимайте никаких дальнейших действий по печатанию. Хорошо бы побеседовать по телефону хотя бы сегодня вечером.

Ваш усердный слуга С. Платонов.

Кони А. Ф. Письмо Воронову П. Н., 15 декабря 1911 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 332. — [Т.] V. 911. XII. 15

Глубокоуважаемый Павел Николаевич,

Возвращая рукопись «Житейских встреч» очень прошу Вас снова вернуть мне ее в начале будущей недели: во Вторник я созвал нескольких членов Гос(ударственного) Сов(ета) из московских студентов, чтобы прочесть им мои воспоминания и проверить ими мои слова.

Когда Вы думаете напечатать это? Мне хотелось бы увидеть их в печати в Феврале или в Марте, и это даже необходимо.

Дело в том, что о них прослышали и в «Вестнике Европы», и в «Школе и жизни», и даже в «Русском слове» — и все просят отдать их им для немедленного напечатания. «Школа и жизнь» даже хочет их напечатать отдельной книгой, в виде Февральского приложения. Мне удобнее им всем отказать, ссылаясь на то, что рукопись появится в Феврале и мне затруднительно брать ее от Вас. — Для Декабрьской или Ноябрьской книжки я дам Вам то, что напишу летом (есть уже начатое). Кроме того, мне важно поместить эти воспоминания в мою книгу, которая выйдет в 1/2 Марта. Итак — позвольте расчитывать на выполнение желания.

Преданный Вам А. Кони.

Кони А. Ф. Письмо Воронову П. Н., 20 июля 1911 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 332. — [Т.] V.

1911. VII. 20

Глубокоуважаемый Павел Николаевич,

Очень рад, что мои прокурорские воспоминания вам понравились. Относительно гонорара не проще ли будет и не удобнее для Вас присылать мне его по выходе каждой книжки? Но относительно разбивки материала между 1911 и 1912 годами, я просил бы Вас остаться при той разверстке, которую я сделал, так как во-первых — это, в сущности одна статья, которая, для цельности впечатления, должна печататься непрерывно, а во-вторых — и это главное! — она должна закончить первый том моих статей в «На жизненном пути», который должен выйти в Январе и по которому материал должен быть мною сдан в Типографию в половине Ноября (в корректурных листах). Для подписчиков «Русской Старины» я дам (на Февральскую книжку) или что-либо из «Житейских встреч» (у меня намечены четыре статьи) или же «Ревизии» из воспоминаний судебного деятеля. Поэтому я очень прошу Вас поместить мою статью в Октябре, Ноябре и Декабре. В видах издания моей книги, мне и «Вестник Европы» отводит два последних месяца.

Усердно кланяюсь Е(вгении) Н(иколаевне) и всем Вашим. Уезжаю на будущей неделе в Финляндию. Адрес Вам напишу. Эти дни, несмотря на все желание, не мог к Вам собраться: Попеч. Дома Трудолюбия и Академии Наук завалили меня писанием рецензий.

Кони А. Ф. Письмо Воронову П. Н., 20 марта 1910 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 331. — [Т.] V.

910. III. 20.

Глубокоуважаемый Павел Николаевич,

К сожалению я не могу быть у Вас в Четверг, 25-го. Это единственный вечер, когда я могу собрать заседание благотворит(ельного) общ(ества) судебного ведомства, так как все остальное время занято... В начале Апреля я уезжаю в Харьков и Москву и вернусь лишь только после Пасхи, а потому заранее поздравляю Вас и Евгению Николаевну с светлым праздником и желаю Вам всякого благополучия.

Преданный Вам А. Кони.

Днем в Четверг я должен поехать к Коменданту Ц(арского) С(ела) Генералу Данилову67, моему старому, больному другу. Искренно преданный А. Кони.

Ключевский В. О. Письмо Воронову П. Н., 1910 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 331. — [Т.] V.

Многоуважаемый Павел Николаевич!

Всю зиму я прохворал, и дела мои шли кой-как. Здесь причина одной из досадных оплошностей, что IV часть Курса не была Вам во-время доставлена. Я наводил справки, приготовляя к изданию одну из тетрадей записок, о которых писал Вам в прошлом году. Но не знаю, как быть с этим делом. Набирать прямо по рукописи нельзя; отдать кому-нибудь для переписки опасаюсь; переписать самому некогда. Не укажете ли выхода из этих затруднений? Что до запроса Вашего о портрете, могу сказать только, что затрудняюсь указать Вам лучшую карточку, потому что у меня нет никакой, и я совершенно равнодушен к этому делу, чтобы не сказать более.

Искренно преданный В. Ключевский.

P. S. Большое спасибо за аккуратную доставку журнала, который внимательно прочитываю. Сын благодарит за память.

(1910 г.)

Ключевский В. О. Письмо Воронову П. Н., 4 марта 1909 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 330—331. — [Т.] V.

Москва 4 марта 1909 г.

Только что получил Ваше суровое письмо и вопреки своей привычке молчать целые месяцы отвечаю тотчас. Не сердитесь на меня, многоуважаемый и добрейший Павел Николаевич, за «Русскую Мысль»: с ней я связан полувековым родством; я сотрудник ее с первых минут ее существования; она приютила на своих страницах неудачное начало моей «Боярской думы». Я отдал ей одну лекцию только после того, как мне наглядно показали, что перепечатки курса никак предотвратить нельзя. Но Вы напрасно думаете, что я забыл «Русскую Старину». У меня половинчатая память: все дурное я забываю тотчас, но крепко помню все доброе, следовательно и «Русскую Старину». Новую книжку Вашего журнала я получаю и разрезываю со студенческим нетерпением. Минувший год был для меня очень тяжел: мое свинцовое здоровье погнулось, и я с трудом поправил его в Крыму. Не забыл я и Ваших добрых посещений моего дома. Я задумал поместить в Вашем журнале имеющиеся у меня записки сенатора Н. М. Смирнова65, мужа известной А. О. Смирновой66, за 1833, 1834 и 1841 год с надлежащим предисловием. Вот это предисловие и есть моя запятая: в «Русскую Старину» я не решусь бросить свои первые черновые слова. Дайте мне время и будьте человеколюбиво-сострадательны к моему медленному, неповоротливому перу.

Искренно Вас уважающий Василий Ключевский

P. S. О Полтаве подумаю, но ничего не обещаю.

Ключевский В. О. Письмо Воронову П. Н., 26 марта 1908 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 330. — [Т.] V.

Глубокоуважаемый Павел Николаевич!

Простите: среди хлопот подходящего к концу учебного семестра опять замедлил ответом. Контрафакция курса причинила мне много огорчений. Не знаю, удастся ли помешать замышляемому новому подпольному изданию. Пока из IV части нельзя печатать ни строчки. Но к осени, если будет, как надеюсь, готов выпуск, откроется возможность что-нибудь поместить в Р. Старине. Между тем кой-что я наметил помимо курса; когда кончится семестр, займусь этим и напишу определеннее.

За отзыв могу Вам сказать только большое спасибо; хотелось бы полностью оправдать его. Выходящие книги Р. Старины просматриваю с живейшим интересом, особенно статьи А. Ф. Кони64. Завидую его неутомимому и вечно свежему перу.

Москва

26 марта 1908.

Искренно Вам преданный Василий Ключевский.

Ключевский В. О. Письмо Воронову П. Н., 28 февраля 1908 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 330. — [Т.] V.

Москва, 28 февраля 1908 г.

Глубокоуважаемый Павел Николаевич!

Нездоровье и хлопоты мешали мне отвечать на Ваше письмо. Сердечно благодарю за «Куропаткина» и за «Русскую Старину»: обе книги за текущий год просмотрел с живейшим интересом.

Посылаю Вам III часть своего курса. Она наделала мне много неприятностей. Меня извещают, что появились в продаже и именно в Петербурге экземпляры ее без штемпеля от склада. Притом предостерегают, что возможна или уже задумана новая подделка курса. Если я что-либо напечатаю из IV части, контрафакторы непременно воспользуются этим, как доказательством подлинности своего воровского издания, в котором поместят напечатанное. Это вынуждает меня, к великому моему огорчению, до времени ничего не печатать из IV части. Что делать! Пишу Вам это с большим прискорбием и подумываю о замене обещанной лекции какой-либо другой статьей.

Жена и сын свидетельствуют Вам свое почтение.

Искренно Вас почитающий В. Ключевский.

Воронов П. Н. Письмо Гершензону М. О., 24 сентября 1916 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 329—330. — [Т.] V.

24 сент(ября) 1916 г.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Письмо Ваше от 12 сентября с просьбой возвратить рукопись об Имп. Елизавете получил. Рукописи у меня нет. По возвращении из Москвы я на другой день поехал к С. Ф. Платонову63 с этой рукописью, и он мне сказал, что это было уже в печати, а потому я в этот же день при письме рукопись Вам отослал. В (нрб.) тщательно перебрал все мои бумаги и из Ваших статей нашел только письмо (копию) Н. Н. Раевского Старшего от 25 сент(ября) 1823 г. Никаких «Пропилей» не получал и вообще мало взыскан Вашим вниманием за последнее время.

Не откажите передать мой поклон и привет Вашей супруге и вашим детям, если они меня помнят.

Искренно Вас уважающий П. Воронов.

Воронов П. Н. Письмо Гершензону М. О., 1 марта 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 329. — [Т.] V.

1 марта 191(3) г.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Редакция Р. С. не мало огорчена Вашим невниманием к ней. Конечно речи не может быть о Ваших статьях, за которые новые журналы дают такие гонорары.

Думается, что хотя было бы уделено внимание редакции, хотя присылкой для отзыва одного из Ваших многочисленных трудов.

Искренно Вас уважающий П. Воронов.

Воронов П. Н. Письмо Гершензону М. О., 21 октября 1909 г. С.-Петербург // Российский

Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 329. — [Т.] V.

21 октября 1909 г. Петербург.

Многоуважаемый Михаил Осипович.

Очень извиняюсь, что до сих пор не отвечал на Ваше письмо: со мной приключилась пренеприятная история, я положил Вашу рукопись «Отголоски 14 декабря в Московском Университете»** в какую-то чужую статью и до сего дня не мог ее найти. Буду печатать ее в февральской книге, и она послужит к украшению этой книги. Сколько Вам желательно оттисков?

Почту приятной обязанностью высылать Вам Р. С. на 1910 год. Довольны ли Вы журналом?

Очень признателен за Ваш высокоценный и мудрый совет печатать списки книг по русской истории и истории литературы.

Искренно Вас уважающий П. Воронов.

P. S. Декабрьская и Январская книги уже в типографии.

Воронов П. Н. Письмо Гершензону М. О., 26 января 1908 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 329. — [Т.] V.

26 января 190(8) г.

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Я очень рад, что Р. С. за 1907 г. доставила Вам удовольствие и искренно благодарю за Ваше любезное письмо и доброе расположение к журналу и ко мне.

Ваш поклон В. И. Саитову61 я передал вскоре по возвращении в Петербург. С истинным наслаждением прочел в Вестнике Европы превосходную работу Вашего творческого дарования — «Северная любовь Пушкина».

Пожелав Вам всего прекрасного, остаюсь искренно Вас уважающим

П. Воронов.

P. S. Р. С. за 1908 г. тоже Вам высылается.

Забелин И. Е. Письмо Воронову П. Н., 23 октября 1907 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 328. — [Т.] V.

И. Е. ЗАБЕЛИН59 — П. Н. ВОРОНОВУ

Многоуважаемый Павел Николаевич!

На Ваше любезнейшее письмо к великому моему сожалению я должен сообщить Вам, что по старости лет и переменному здоровью я уже не имею сил и возможности принимать на себя обязанности сотрудничества где бы то ни было и потому при всем желании быть Вам полезным не могу вступить в сотрудники Вашего знаменитого журнала. С немалым трудом пишу даже и это

Примите уверение в глубоком уважении, Ив. Забелин.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 23 декабря 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 325. — [Т.] V.

23 декабря 1905 года. Ревель.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Тревожное письмо послал тебе прошлый раз. Дело в том, что сюда приехал с поручением Главнокомандующего генерал Безобразов53, который, услыхав жалобы помещиков о сожжении усадеб задумал меня спихнуть и поехал за этим в Петербург. Я послал обо всех событиях донесение Главнок(омандующему), не знаю, чем кончится эта эпопея. Не знаю54. Безобразов

еще не возвратился.

Поздравляю тебя с днем Ангела и желаю доброго здоровья и полного счастья. Будь благополучна и счастлива. Целую тебя без счету и Люфа. Дм(итрию) Вас(ильевичу) серд(ечный) привет. Паше поклон. Целую ручки тети Лили и Насту. Заезжай к Газенкампфу и скажи, что прошу выждать, пусть успокоится и затем решит.

Твой Павлик.

Письмо мое было написано в большом раздражении.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 19 декабря 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 325. — [Т.] V.

19 декабря 1905 г. Ревель.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Большое спасибо тебе за дорогое письмецо. Очень я был рад читать дорогие строчки. Спасибо и Люфику за письмецо. Приятно также было прочесть о том, что Насте полегче.

Твоего рождения весь день провел в непрерывном труде. Работаю без устали все время. Все военные, морские и гражданские силы мне подчинены. Недавно из моего начальства ушел ледокол «Ермак» в Петербург. Тяжелое здесь положение баронов. Много имений разграблено и сожжено. Многие бароны совершенно разорены51. Средства борьбы против уездов у меня очень малы. Почти ничего не давали. Было в уездах много дел моих небольших отрядов с бандами, которых разбивали. Просьб о войсках не оберешься — все просят, доходило дело до комизма. Просили экспедицию за баронессами, здоровыми и больными.

Слышал здесь пикантную новость. Ольга Ив(ановна) Гуд(им)-Левк(ович)52 развелась с мужем и вышла замуж за управляющего имения. Напиши ответ с писарем. Целую тебя и Люфика без счету. Дм(итрию) Вас(ильевичу) сердеч(ный) привет. Паше поклон и спасибо за письмо. Целую ручки тети Лили и Насту и благодарю за письмо. Буду писать письмо.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 11 декабря 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 325. — [Т.] V.

11 декабря 1905 г. Ревель.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Пишу тебе письмецо с пароходом, который идет на Гельсингфорс, т. к. железная дорога все еще бастует. Из-за этой забастовки я назначен генерал-губернатором города Ревеля и Ревельского уезда. Хлопот не оберешься, совсем нет покоя50. У нас, слава Богу, по сие время благополучно. Живу в доме Беломорского собрания и тут и столуюсь. Посылал к тебе поручика Русова, но забастовка его задержала. Телеграммы тебе посылаю ежедневно. Как ты поживаешь, мое сокровище? Что Люфик и Дм(итрий) Васильевич? Что тетя Лиля и Наста. Целую тебя и Люфа без счету. Дм(итрию) Вас(ильевичу) сердечный привет. Целую ручки тети Лили и Насту. Паше поклон.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 29 ноября 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 324. — [Т.] V.

29 ноября 1905 г. Ревель.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Все твои и Люфаново письмеца получил и очень ими доволен. Спасибо за бульдегомы и чайные полотенца. Вчерашнее твое письмо также получил и видел сегодня Менчукова, который рассказывал, что был у тебя.

Ты напрасно думаешь, что я живу на квартире, я живу в Беломорском собрании и лишь изредка заезжаю на квартиру, в которой только вчера ночевал второй раз. На этот раз было тепло. Сегодня девятая годовщина Новочеркасского юбилея49. Но, Боже, какая разница того времени от настоящего. У нас по сие время, слава Богу, тихо, но сколько это стоит моих трудов. Уверяют, что жители хотят поднести адрес войскам и будто бы даже ассигнуют деньги для раздачи нижним чинам. Я очень рад, что командир корпуса тебе понравился. Ты права, что Данилов многим обязан и мне. Не знаю, как сказать к лучшему или к худшему для меня это назначение. На все Божья воля.

Сегодня освящали конюшню для казаков, которая, благодаря мне, построена и стоила купечеству 5 т(тысяч). Конюшня прекрасная, и казаки довольны. Был очень торжественный молебен. В воскресенье второй раз обедал у Гирса, а сегодня у Вальберга (Иван Иванович), который принесет тебе это письмо. Целую тебя без счету и Люфа тоже. Дм(итрию) Вас(ильевичу) сердечный привет. Паше поклон. Целую ручки тети Лили и Насту.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 10 ноября 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 324. — [Т.] V.

10 ноября 1905 г. 6 ч. вечера. Ревель.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Все твои дорогие весточки получил сразу только сегодня с писарем и по почте. Как только будет возможно, постараюсь приехать в Петербург. Я очень доволен твоими распоряжениями о (вынутии) нового пальто, но не знаю, пришиты ли на него погоны, если не пришиты, то закажи и пришей. Достань также теплую шинель. Прекрасно сделала Татьяна Васильевна, что распорядилась перенести вещи из академии в другое место. — Телеграмму Палицыну могу

распорядилась перенести вещи из академии в другое место. — Телеграмму Палицыну могу послать только сегодня. Нам прислано приглашенье Брылкиной на свадьбу ее воспитанницы. Если можно, съезди поздравь ее. Не могу найти приглашение и не знаю, когда свадьба. Сюда приезжал князь Орбелиани произвести расследование, и он написал, что все, что написал Лопухин, лганье. Его отставили не только по должности, но даже от высшего назначения 12 октября. Он был назначен товарищем министра финансов. По сие время в Ревеле, откуда не знаю, когда выедет46. Вчера был на обеде о Козловой и с большим удовольствием провел время до 10 ч. веч(ера). Был прелестный человек председ(атель) округ(ного) суда Муромцев. Совершенно неожиданно прислали сегодня приказ по округу от 7 ноября за № 56.

Начальнику 23-й пехотной дивизии Генерал Лейтенанту Воронову, по должности начальника Ревельского гарнизона и командирам 89-го пех(отного) Беломорского — полковнику Борисову и 91 пех(отного) Двинского полковнику Вальбергу47, а также всем штабс-и обер-офицерам названного гарнизона объявляю мою благодарность за их распорядительность при водворении

порядка в Ревеле; нижним чинам мое спасибо. Главнокомандующий Генерал-Адъютант Николай48.

Целую тебя без счету и Люфа. Дм(итрию) Вас(ильевичу) сердечный привет. Паше поклон. Целую ручки тети Лили и Насту. Им напишу особо.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 9 ноября 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 323. — [Т.] V.

9 ноября 1905. Ревель.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Все никак не могу получить от тебя письма. Не ленись, напиши. Это мне большое утешение. Все живу в Онежском собрании, где получаю твои телеграммы. Газет не читаю, но слушаю, когда рассказывают. Посылал до второй забастовки писаря с письмом, не знаю, был ли он у тебя.

От Владимира Антоновича я получил неутешительное письмо о переводе в Петербург. Говорит, ничего нельзя сделать.

У нас ничего особого не происходило. Пробовали в воскресенье и понедельник закрывать силою в неск(олько) человек лавки и опрокидывать извозчиков. Усилил казачьи разъезды по городу и водворил порядок.

Вчера объезжал казармы и благодарил людей за усиленную службу и пробовал пищу. Третьего дня обедал у Менчукова и провел вечер с удовольствием. Сегодня еду на обед к Козловой. Сегодня был у управляющего губернией Гирса. Здесь говорят, что губернатором назначен Бюнтинг из Архангельска. Не знаю, каков будет этот третий губернатор45.

Как ты поживаешь, мое дорогое сокровище, мое ясное солнышко. Очень желаю тебя поскорее повидать и крепко обнять. Просил бы тебя поскорее достать новое теплое пальто и теплую шинель. Быль может, пришлю за ними. Что это Люф ничего не пишет. Целую тебя и Люфа без счету. Дм(итрию) Вас(ильевичу) сердечный привет. Паше поклон. Целую ручки тети Лили и Насту.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 1 ноября 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 323. — [Т.] V.

1-го ноября 1905 г. Ревель.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Дорогое твое письмецо получил и очень за него благодарен. Писал сегодня письма Газенкампфу42, Палицыну и Березовскому и просил устроить меня в Петербурге. Не знаю, выйдет ли какой толк.

Вчера приехала семья Менчуковых. Я у них обедал, принял ванну и ночевал. Было очень приятно побывать в гостях у милых и радушных людей.

Завтра утром приезжает командир корпуса43, без особых встреч. Живу я в Онежском собрании и не собираюсь переезжать. Что я буду делать на пустой квартире. Здесь бывает много офицеров, и мне веселей.

Был вчера в гостях у прелестного ген(ерала) Веймарна44.

Спасибо за леденцы. Пришли мне 2 коробки бульдегомов рамопского завода. Я их очень люблю.

Отчего никто не написал мне о лекции Дмитрия Васильевича. Я очень прошу. Целую тебя и Люфа без счету. Дм(итрию) Вас(ильевичу) сердеч(ный) привет. Целую ручки Елиз(авете) Мих(айловне) и Насту. Паше поклон.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 30 октября 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 322—323. — [Т.] V.

30 октября 1905 г. Ревель 4 ч. дня.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Твое и Люфиново письмеца получил и очень за них благодарен. Письма эти меня очень поддерживают в эту мрачную годину.

Газет я не читаю, а слухи по неволе приходится слушать, не затыкать же уши. Какой пакостник Фифа40. Всю эту историю с Бришей он устроил. Вот человек, который, кроме гадостей, ничего не может делать. Не переменишь всего этого. Покоряюсь неисповедимому Промыслу Божию. Да будет его Святая Воля. Сегодня был у обедни в соборе и с большим удовольствием прослушал обедню. Из знакомых там были Менчуков и Прутенский41. Первый живет в нескольких шагах от Онежского собрания и предлагает мне взять у него ванну на квартире. Сюда в собрание Менчуков мне прислал кровать, одеялы. Только что узнал, что приехал губернатор. Его сменили за здешние распоряжения и ужасно сменили, по министерству причислили. Еще 12-го его назначили товарищем министра внутрен(них) дел. Какие пакости Лопухин наделал мне.

Целую тебя и Люфа без счету. Дмитрию Васильевичу сердечный привет. Целую ручки тети Лили и Насту. Паше поклон.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 29 октября 1905 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 322. — [Т.] V.

Рос. Архив, 1994. — С. 322. — [Т.] V.

29 октября 1905 г.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Не знаю, по какому течению идет теперь моя служба. Надо полагать, что не по хорошему быть в подчинении у Брилевича. Надо уходить? Но куда? Не позорно ли теперь оставлять свой пост, когда России нужны верные люди? Вместе с тем мое положение очень не из приятных. Поговори с Владим(иром) Антоновичем39. Уехать отсюда до успокоения тоже нельзя. Губернатора потребовали в Петербург. Говорят его сменяют за доблестные дела.

Живу я по-прежнему в Онежском собрании, где, и столуюсь вместе с офицерами.

В числе моих сотрудников находится прапорщик Митксен, только что произведенный из

вольноопределяющихся. Это начальник моей кавалерии конных ординарцев, лихой офицер, известный по разъездам всему городу. На днях его произвели в офицеры, и все извощики на бирже приветствовали его громким ура, лишь только увидели его в первый раз в офицерском мундире. Какие у Вас новости? Как ты себя чувствуешь? Что Люфик? Какова лекция Дмитрия Васильевича. Собирается ли тетя Лиля за границу. Что Паша и Алексей? — Целую тебя и Люфа без счету. Дм(итрию) Вас(ильевичу) серд(ечный) привет, Паше поклон. Целую ручки тети Лили и Насту.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 28 октября 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 321—322. — [Т.] V.

28 октября 1905 г.

4 ч. дня. Ревель.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Оба твои письмеца получил и очень за них признателен. Вот как хочет помочь Палицын36 — устроил Бришу37 начальником штаба округа. До чего пришлось дожить — быть под начальством Брилевича. За что на меня сыплются такие напасти. Ведь уж хуже этого по службе трудно представить. Ну да будет воля Божия.

Бедная матушка Русь. Как ее терзают матросы в Кронштадте, Либаве и Севастополе. У нас пока тихо, но говорят о погроме. В уездах разграбили несколько усадеб. Зато к нам прислали сотню казаков и батальон печорцев38.

Вчера губернатор уехал в Петербург, где будет кляузничать на войска.

Сегодня приехал денщик Александр, и я его отправил пока жить в штаб дивизии.

Целую тебя и Люфа без счету. Дм(итрию) Вас(ильевичу) сердечный привет. Целую ручки тети Лили и Насту. Паше поклон.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 26 октября 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 321. — [Т.] V.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Дорогое твое письмецо получил и очень за него признателен. Сегодня приехал Рубец34 и Титков, и только сегодня я получил жалованье и посылаю тебе 400 рублей. Очень жаль, что Вера Ивановна идет на попятную.

Здесь сегодня ? заводов стала работать и говорят, что завтра, якобы, начнут работать и остальные. Не знаю, будет ли это так. Теперь хулиганье35 из Ревеля утекает в уезды грабить усадьбы. Милый губернатор послал министру Внутр(енних) дел донос на войска, выставляя себя ангелком. С таким-то господином приходится действовать в настоящее, тяжелое, время.

Я предполагал бы не переезжать зимой в Ревель. Очень здесь тяжело, и отложить переезд до весны. Буду наезжать в Ревель. Теперь и мне надо отписываться, и я очень прошу присылки генерала Свиты для расследования. Войска при мне действовали по закону. Моя совесть спокойна. Не я ответчик за 130 жертв. Губернатор выпустил самовольно всех политических арестантов ранее манифеста, и они затеяли эту смуту: он дошел до того, что просил меня раздать неприкоснов(енные) запасы оружия для милиции хулиганов. На мое счастие прокурор слышал слова губернатора по телефону: «Приступить к действию оружием для рассеяния толпы». Вот почему я не хочу зиму жить в Ревеле и возить тебя к подлым людям.

Целую тебя без счету. Дм(итрию) Вас(ильевичу) серд(ечный) привет. Паше поклон. Целую ручки тети Лили и Насту.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 24 октября 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 321. — [Т.] V.

24 октября 1905 г. Ревель.

Дорогой и ненаглядный малик и милик!

Писал тебе два письма, но не знаю, получила ли ты их. Сегодня ходят поезда, но не знаю, пойдут ли завтра. Не знаю, почему, но наши эсты решили бастовать, закрыть воду и газ и железную дорогу. Принимаем все меры и просим казаков на помощь. Пришли, не горды. Все это ужасно надоело, ибо поводов к забастовке нет никаких. Эсты решили бойкотировать офицеров ревельского гарнизона.

Живу я в офицерском собрании Онежского полка32 и тем довольствуюсь. Мне поставили хорошую постель. Как ты поживаешь, мое сокровище, и Люфик? Что у Вас? Что Вы все делаете? Что Дмитрий Васильевич и его работы? О переезде в Ревель теперь пока нечего думать. Что тетя Лиля и Наста33, как поживают?

Всем им шлю сердечный привет. Целую тебя и Люфа без счету. Дм(итрию) Вас(ильевичу) сердечный привет. Паше поклон.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Вороновой Е. Н., 20 октября 1905 г. Ревель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 319—320. — [Т.] V.

Дорогой и ненаглядный малик и милик.

Письмо твое и Люфа24 получил. Писал тебе из Кронштадта, откуда выехал на броненосце

Письмо твое и Люфа24 получил. Писал тебе из Кронштадта, откуда выехал на броненосце «Слава»25 15-го в 4 ч. дня в Ревель. Мне отвели чудную адмиральскую каюту, состоящую из салона, залы, кабинета, спальни и уборной.

Было все роскошно отделано. Меня пригласили обедать в кают компанию и прекрасно накормили.

Сильно волновалось море, но наш броненосец был очень остойчив и его не качало.

Спал я очень хорошо на прекрасной адмиральской постели. В 10 часов 16-го приехал в Ревель и остановился в Онежском собрании, где проживаю и по сие время. 14-го и 15 без меня в городе были беспорядки, грабили лавки, разбили все винные лавки и сожгли деревянный театр, потушив газовое освещение. 16-го я занял войсками по моему усмотрению пункты. Ночью на 16 было нападение небольшое на пороховой погреб, отбитое огнем. К 6 ч. вечера собралась многотысячная толпа на русский рынок. Губернатор26 приказал разогнать ее оружием. После долгого предупреждения полицмейстера разойтись, но толпа его не послушалась и открыла огонь из револьверов. Войска открыли огонь, нанеся потери в 171 раненых и убитых27.

На площади Дума поставила крест и сегодня демонстративно хоронила убитых28. Дума напечатала постановление против губернатора и войск.

Я еще не был на квартире. Довольствуюсь Прионежским собранием и занимаю хорошую комнату. У тети Кати умерла ее покровительница баронесса Кох, хочет хоронить ее в Юрьеве и не может. Менчуков29 (был) без семьи. Целую тебя и Люфа без счету и благодарю за письма. Дм(итрию) Вас(ильевичу)30 сердеч(ный) привет. Паше31 кланяйся. Здесь письма к ней.

20 октября 1905. Ревель.

Твой Павлик.

Воронов П. Н. Письмо Ключевскому В. О., 16 августа 1892 г. Красное Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 319. — [Т.] V.

ПИСЬМО П. Н. ВОРОНОВА — В. О. КЛЮЧЕВСКОМУ.16

16 августа 1892 года. Красное Село.

Глубокоуважаемый Василий Осипович!

Как бывший Ваш ученик по Александровскому училищу17 позволяю себе обратиться с покорнейшей просьбой к своему бывшему высокоуважаемому профессору русской истории принять сердечное участие в поддержке и устройстве в хорошие руки исторического журнала «Русская Старина», принадлежащего теперь моей тетке Елизавете Михайловне Семевской18, которая сама не может вести этого журнала и желает его продать. Журнал имеет около 5 т(ысяч) подписчиков и дает чистого доходу от 6 до 15 тысяч в год. Летом текущего года почти состоялась передача (и запродажа?) журнала В. А. Бильбасо-ву, но по некоторым обстоятельствам дело разошлось19.

В. А. Бильбасов просил комиссию, состоявшую из академиков Дубровина, Майкова20 и генерала Шильдера21 осмотреть книги, архив и определить стоимость журнала. Комиссия определила эту стоимость в 65 тысяч.

С своей стороны, как близкий родственник и добрый знакомый Михаила Ивановича Семевского я могу сказать, что его архив «Русской Старины» состоит из массы ценных материалов, которые могут питать журнал от 7—10 лет. «Русская Старина» давала доход от 7—15 тысяч в год.

Поэтому я покорнейше просил бы Вас, глубокоуважаемый Василий Осипович, не отказать в содействии по устройству этого журнала в хорошие руки из лиц, имеющих в Москве досуг и капитал22. Это будет доброе дело не только для вдовы покойного, но и для русской истории.

Просил бы не отказать почтить меня ответом по прилагаемому адресу.

Искренно Вас уважающий П. Воронов.

Адрес до 1-го сентября: Петербург(ская) губерния. Красное Село. Бараки штаба 1-й Гв(ардейской) пех(отной) дивизии. Павлу Николаевичу Воронову. После 1-го сентября

Петербург. Фонтанка, д. 90, кв. 8.

Договор об издании журнала «Русская Старина» // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 326—328. — [Т.] V.

IV

ДОГОВОР ОБ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

«РУССКАЯ СТАРИНА»

Тысяча девятьсот шестого года Ноября двадцать седьмого, мы, нижеподписавшиеся, Генерал от Инфантерии Сергей Павлович Зыков55, Генерал Лейтенант Павел Николаевич Воронов и вдова потомственного Почетного гражданина Татьяна Николаевна Вишнякова56, собственники журнала «Русская Старина», приобретенного от вдовы Тайного Советника Семевского за сорок пять тысяч рублей по нотариальному договору 26-го Ноября 1892 года57, заключили между собой следующее условие: 1) Внесенные нами в уплату госпоже Семевской сорок пять тысяч руб. мы разделили на семь паев по шести тысяч четыреста двадцать восемь рублей пятьдесят семь копеек каждый пай, при чем все участники пользуются одинаковыми правами, независимо от внесенной суммы. 2) Пропорционально взносу каждого Зыкову принадлежат три пая, Вишняковой три пая и Воронову один пай. 3) Части издания составляют нашу собственность и переходят по праву наследования к нашим наследникам. 4) Каждый из нас равно и наши наследники, могут продать свою часть, но не иначе, как предложивши ее предварительно остающимся издателям по той цене, по которой продают ее на сторону. 5) По выходе из дела никто не имеет права требовать о принятии его вновь в долю издания. 6) В случае отказа издателей от приобретения продаваемой части, она может быть продана вся или отдельными частями, но во всяком случае не менее одного цельного пая. Удостоверение в отказе других соиздателей купить продаваемую часть за цену, назначенную продающим, должно быть сделано письменно, не позднее семи дней со дня сделанного о том заявления. Заявление это должно быть сделано письменно в контору редакции. По истечении семидневного срока, продающий волен продать свою часть без письменного согласия на то соиздателей. 7) Правом голоса в редакционных и прочих делах издания пользуется только тот из правоприемников, который владеет целым паем. Если путем продажи или наследования владельцами одного пая окажутся несколько лиц, то они лишь участвуют в прибылях и убытках от всех операций по изданию журнала, но право голоса не имеют. 8) Как убытки, так и прибыли от всех операций по изданию журнала «Русская Старина», должны быть ежегодно распределяемы между ними пропорционально числу имеющихся у каждого из нас паев, а именно Зыков в трех седьмых, Вишнякова в трех седьмых и Воронов в одной седьмой. 9) В случае убытка от издания, который скажется во время издания, каждый из участников должен пополнить этот дефицит суммой, пропорциональной числу имеющихся паев в течение месяца со дня заявления о том заведующего хозяйственной частью. 10) Операционный год считается с первого Января одного года до 1-го Января следующего. 11) Один из нас, участников, выбирается заведующим хозяйственной частью издания по общему соглашению всех участников. Он же заведует как приходом, так и расходом

издания по общему соглашению всех участников. Он же заведует как приходом, так и расходом сумм, всеми служащими и следит за отчетностью. 12) Все счета, денежные документы и всякого рода бухгалтерские книги должны быть во всякое время открыты для каждого из участников дела, не исключая и тех, кто владеет паем не единолично, а вместе с другими совладельцами. 13) До составления общего баланса за операционный год никто из участников не имеет права на получение из кассы редакции в свою пользу каких бы то ни было сумм. 14) Редактор приглашается по общему согласию участников издания, но никто из участников не имеет права вмешиваться в чисто редакционные дела. 15) Редакторский гонорар назначается по взаимному соглашению между редактором и всеми участниками в деле издания. 16) Все деньги, полученные откуда бы то ни было и по каким бы то ни было операциям журнала должны быть вносимы на текущий счет в одно из кредитных учреждений и вынимаемы оттуда на надобности издания журнала по чекам, подписываемым одним из участников, по взаимному соглашению. Текущий счет должен быть не личным, кого-либо из участников, но журнала «Русская Старина». 17) На текущие расходы наличных денег может оставаться в кассе конторы редакции не более одной тысячи рублей. 18) Условие сие мы: Зыков, Воронов и Вишнякова, обязуемся хранить свято и ненарушимо под опасением за неисполнение пунктов четвертого, шестого и девятого сего договора неустойки в одну тысячу руб. 19) Подлинному договору находиться при делах редакции, а каждому из участников получить копию.

Генерал от Инфантерии Зыков

Генерал Лейтенант Павел Николаевич Воронов

Вдова Потомств(енного) Почетного гражданина

Татьяна Николаевна Вишнякова

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предстоящие подписи сделаны собственноручно в присутствии моем, Романа Романовича Мерца, С.-Петербургского Нотариуса, в конторе моей, Спасской части, по Вознесенскому проспекту № 43, известными мне лично Генералом от Инфантерии Сергеем Павловичем Зыковым, Генерал Лейтенантом Павлом Николаевичем Вороновым и вдовою Потомственного Почетного Гражданина Татьяною Николаевною Вишняковою, живущими: 1-й Коломенской части, по Фонтанке № 145, 2-й Нарвской части, по 3 роте № 2, а 3-я Коломенской части, по Екатерининскому каналу № 152. 1906 года Ноября 27 дня. По реестру № 7747.

Нотариус

Роман Мерц

Права мои и обязательства по этому договору мною на основании пункта 6 передаю штабс капитану Константину Ивановичу Ксидо, что подписью удостоверяю

Генерал от Инфантерии Зыков.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предстоящая подпись сделана собственноручно в присутствии моем, Константина Петровича Сергеева и (справляющего) д(ела) Романа Романовича Мерца, С.-Петербургского Нотариуса, в конторе его, Спасской части, по Вознесенскому пр. № 43 известным мне лично, генералом от Инфантерии Сергеем Павловичем Зыковым, живущим по Фонтанке № 145. Декабря 31 дня 1913 года. По реестру № 17788.

И. д. Нотариуса

К. Сергеев.

Тысяча девятьсот четырнадцатого года Января тридцатого дня, Мы, нижеподписавшиеся, вдова Потомственного Почетного Гражданина Татьяна Николаевна Вишнякова, Генерал-Лейтенант в

Потомственного Почетного Гражданина Татьяна Николаевна Вишнякова, Генерал Лейтенант в отставке Павел Николаевич Воронов и Штабс Капитан Константин Иванович Ксидо, приобревший три пая в издании журнала «Русская Старина» от Генерала от Инфантерии Сергея Павловича Зыкова, в общем собрании нашем постановили: учредить для уменьшения долгов издания еще один пай, восьмой, стоимостью в 6428 р. 57 к. и уступить его Павлу Николаевичу Воронову. Внесенные сим последним деньги поступают в кассу издания журнала «Русская Старина» и ими погашается часть долга издания Павлу Николаевичу Воронову. Таким образом участие наше в деле выразится следующим: Т. Н. Вишнякова владела 3/7 — в настоящее время будет иметь 3/8 участия, П. Н. Воронов владел 1/7 участия — теперь 2/8 и К. И. Ксидо владел 3/7 — теперь 3/8.

Остальные пункты настоящего договора остаются для всех участников в прежней силе.

Вдова Потомственного Почетного Гражданина Татьяна Николаевна Вишнякова, отставной Генерал Лейтенант Павел Николаевич Воронов, Капитан Константин Иванович Ксидо.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предстоящие подписи сделаны собственноручно в присутствии моем, Константина Петровича Сергеева и (справляющего) д(ела) Романа Романовича Мерца, С.-Петербургского Нотариуса, в конторе его, Спасской части, по Вознесенскому пр. № 43, известными мне лично: вдовою Потомственного Почетного Гражданина Татьяною Николаевною Вишняковою, отставным Генерал Лейтенантом Павлом Николаевичем Вороновым и Капитаном Константином Ивановичем Ксидо, живущими 1-ая по Песочной ул. № 12, 2-ой по Соляному пер. № 16, а 3-ий по Фонтанке № 18. 1914 года Января 30-го дня. По реестру № 1772.

И. д. Нотариуса

К. Сергеев.

Воронова Е. Н. Письмо Семевской Е. М., 20 марта 1892 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 316—319. — [Т.] V.

I

ПИСЬМО Е. Н. ВОРОНОВОЙ1 — Е. М. СЕМЕВСКОЙ2

20 марта 1892 г.

Многоуважаемая и дорогая Елизавета Михайловна.

Павел так ревностно хлопочет по делам Вашим, что, право, Вы можете смело быть им довольной в полной мере. Вы пишите, что рады за журнал, что он в хороших руках Вас(илия) Иван(овича), да, если бы при этом он был обязан Вам, как жене, и дочери, как прямой наследнице, порядочною рентою, то можно было бы мириться с этим, но в том-то и дело, что по условиям второго, т. е. последнего, завещания Вас(илий) Иван(ович) получает этот великолепный журнал с архивом драгоценным и библиотекою редкою по своему богатству и с магазином — все это почти даром. Рус(ская) Стар(ина) осталась вовсе не в запутанном виде, единственное это, что на издание девяти книжек есть только 4000 рублей (эти 4000 р. может получить только наследник сам), другими словами нужно тысяч 15, это еще не Бог весть какой долг на таком редком по своему достоинству журнале. Покупателя есть надежда найти вполне достойного и не спеша, за кругленький капитал продать журнал в хорошие руки. В. А. Бильбасов6 принял самое живое участие в журнале именно с точки зрения Вам его принадлежности, даже не прочь его купить у Вас и сказал, что будет об этом говорить с Вами лично, а до тех пор он готов во всем помогать при издании, он прямо сказал Павлу, издавайте, не заботьтесь ни о чем. Василия Иван(овича) он терпеть не может, поэтому, Бога ради, не упоминайте Василию Иван(овичу) о Бильбасове, пусть это пока в тайне.

Это очень для Вас важно. Первое слово Вас(илия) Ив(ановича), когда он узнал о существовании нотариального завещания в пользу Вашу было, конечно, притворное изъявление удовольствия, что он теперь может на свободе предаваться своим ученым трудам. Прошло 2 дня и обстоятельства опять изменились. Вчера Вас(илий) Иван(ович) уже выразил требование предъявить свое второе духовное тоже в суд и прямо сказал, что он слыхал от Кони7 о случаях, что утверждали иногда именно подобные вторые завещания, несмотря на первое нотариальное. Кони без совести, если стал на сторону Вас(илия) Иван(овича), который по всем видимостям намерен оспаривать Вашу духовную в свою выгоду.

Очевидно, что он уже вкусил прелесть возможного обладания журналом и теперь дешево не расстанется с этою возможностью, не взирая на то, что есть нравственно прямая наследница — дочь. Господи помоги, не дай Настю8 и ее права в обиду, помоги делу правому! Он, Вас(илий) Иван(ович), узнав о нотариальном духовном тотчас же приостановил было все распоряжения о

печатании апрельской книжки, видимо, не желая рисковать деньгами, раз не ему журнал принадлежать будет, прощай все сладкие слова о нравственном его обязательстве перед Мих(аилом) Ивановичем — не дать упасть журналу!! Тогда, разумеется, нисколько не унывая берется за дело Павел. Он, Павел, теперь печатает книжку, для расходов деньги даст свои (две тысячи-то Павел всегда достанет на свое имя), не кланяться же Вас(илию) Ивановичу. Теперь выступил вопрос о редакторстве. По мнению Павла, чтобы успокоить несомненно возбужденных теперь подписчиков важно, чтобы, если его издательница будете Вы, еще за редактора стояло бы чье-нибудь авторитетное имя, по литературным историческим трудам, напр(имер) если бы за редактора акад(емик) Бычков9, Билъбасов, Дубровин10, в крайности не менее Ореуса11. Это успокоило бы подписчиков, а между тем ведь это ничего не стоит, без хлопот-то всякий согласится только поставить свое имя. Вас(илий) Иван(ович) слышать об этом не хочет, хотя теперь сам отстранился от книжки, но упрашивает, чтобы за редактора напечатать Лацинского12, имя которого ровно ничего не значит. Книжка будет издаваться по Вашей телеграмме, форму которой Вы получите на днях, если только, чего сохрани Бог, не оставят журнал за Вас(илием) Иван(овичем). Он будет сам Вам писать, наверное, будет подбираться к Вам со всех сторон, чтобы заполучить журнал себе возможно дешевле. Ради Бога, ни на что не соглашайтесь, не посоветовавшись с Павлом, не забудьте, что есть и будут достойные покупатели, торопиться оканчивать дело Вам вовсе не надо, а подарить Василию Иван(овичу) или дать ему на самых для него выгодных условиях журнал Вы всегда успеете и этот выход, т. е. отдание Вас(илию) Ивановичу, от Вас не уйдет. Вообще Ваше присутствие крайне здесь нужно, если Вы получаете журнал. Не беру на себя настаивать на Вашем немедленном приезде, но без Вас все дело стоит. Раз наследница Вы, Вас надо вводить во владение, без этого все подписные квитанции никому на почте не выдаются. Да это и лучше, пока не выясниться дело. Если Павлу удастся выпустить книжку апрельскую до Вашего приезда это, слава Богу, и это дает Вам льготные недели полторы, чтобы не рисковать ехать сюда в марте. Все честные люди, все желают, чтобы восторжествовало первое духовное в Вашу пользу, не ради этой пользы только, но и ради доброй памяти усопшего, ради истины. Ни Вы, ни Настя ничем не согрешили, чтобы быть лишенными такого почетного наследства. Бога ради, не сердитесь на меня, может быть, я пишу резко, но это неудобство разговаривать письменно. Вы знаете, что в нашей семье осталась глубокая признательность усопшему, он был к нам всю жизнь родным, добрым, ласковым, его мы всегда ценили и дорожили им, тем более хочется, чтобы память его не была затемняема этой последней бумагой, так не похожей на него самого.

Это письмо спешу направить, чтобы оно предупредило Вас относительно Василия Иванов(ич)а. Я, так сказать, пишу его словами Павла, который и сегодня, и вчера, и все дни хлопочет прежде всего о выяснении духовной, затем о выпуске книжки. У Лобанова13 он был тотчас же, как Вы написали, и тот ласково обещал все сделать, что может. Государь при докладе ему о кончине Мих(аила) Ив(ановича) выразил глубокое сожаление и заботу о судьбах журнала. Это все хорошо и для пенсии, но теперь главное журнал. Вас(илий) Иван(ович) при оценке и описи старается всячески обесценивать журнал, как покупатель он хает то, что покупает, чтобы

дешевле дать. По его словам ни архив, ни библиотека не имеют большой цены. Не торопитесь с ним в делах, он строго блюдет свои выгоды, не Ваши. Ради Бога, не выдавайте пока Бильбасова. Ждем Вашего решения. Если Вы журнал наследуете, да если удастся его продать с достоинством, Павел будет считать свою миссию оконченною блестяще. Простите, что тороплюсь. Крепко целуем все мы Вас обоих. Бебочка Вас обнимает. Всегда всей душой любящая и уважающая Вас

Ваша Евгения Воронова.

Бронникова Е. Материалы по истории издания журнала «Русская Старина». 1892—1915 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 314—316. — [Т.] V.

«Русская Старина» — один из наиболее известных журналов дореволюционной России, на страницах которого публиковались воспоминания, дневники, переписка и другие исторические документы. Он был основан в 1870 г. историком, археографом, коллекционером — Михаилом Ивановичем Семевским (1837—1892).

В издании «Русской Старины» принимал деятельное участие младший брат М. И. Семевского Василий Иванович. В 1874—1892 гг. он написал 14 статей и заметок для этого журнала, а в 1886 г. он замещал М. И. Семевского в качестве редактора. В. И. Семевский сотрудничал в журнале брата бесплатно, выражая тем самым ему признательность за помощь в годы обучения на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

После смерти М. И. Семевского 9 марта 1892 г. остро встал вопрос о том, кто станет редактором и издателем «Русской Старины». Большую роль с устройством дел по изданию журнала на правах друга семьи Семевских сыграл Павел Николаевич Воронов. Жена М. И. Семевского Елизавета Михайловна, не имея желания и способностей продолжать издание, решила продать журнал.

Переговоры Семевской и Воронова по этому поводу с В. А. Бильбасовым и Е. С. Шумигорским, Ф. Н. Бергом и издателями не увенчались успехом. В конце концов Воронов предложил единственно возможный в сложившихся условиях проект — приобретение на паях журнала группой соиздателей. «Русская Старина» была продана 26 ноября 1892 г. С. П. Зыкову (4 пая), В. И. Вишнякову (3 пая), Н. К. Шильдеру и П. Н. Воронову (по 1 паю). Вместе с правом издания новые издатели приобрели и знаменитый архив журнала «Русская Старина». Семевская решила продать и библиотеку покойного мужа. Она писала в связи с этим библиофилу П. А. Ефремову:

«19 февр(аля 1893 г.)*

Уважаемый Петр Александрович!

Обращаюсь к Вам за советом, дает мне один букинист за библиотеку мужа в 6 000 названий — 35-летнее собрание Семевского — 4000 рублей. Отдавать или ждать? Место занимает, вечно беда, а с сего года простоит лишнее помещение.

Жду Вас и Вашего совета.

Преданная Елиз(авета) Семевская»**

Этим «букинистом» был, по-видимому, В. И. Клочков, через которого в 1893 г. часть библиотеки Семевского приобрел красноярский промышленник Г. В. Юдин. Оставшаяся часть библиотеки была распылена. Отдельные книги с экслибрисом встречаются в РНБ, в древлехранилище Псковского музея-заповедника и др.

П. Н. Воронов, хотя и был в числе соиздателей «Русской Старины», фактически участия в издании журнала не принимал вплоть до конца 1906 г. Это был человек военный по образованию

и по призванию. Волею обстоятельств он стал редактором-издателем исторического журнала.

П. Н. Воронов родился в Москве в 1851 г. в небогатой дворянской семье. Начальное образование получил в 3-й Московской гражданской гимназии. В 1869 г. поступил в 3-е Военное Александровское училище. После окончания училища в 1871 г. произведен Высочайшим приказом в подпоручики с зачислением по армейской пехоте и с прикомандированием к лейб-гвардии Павловскому полку, в котором, кстати сказать, начинал военную службу и М. И. Семевский. С 1876 по 1878 г. продолжал военное образование в Николаевской академии Генерального штаба.

В начале 1870-х годов с приездом в Санкт-Петербург Воронов познакомился с М. И. Семевским. В 1879 г. он вступил в брак с Е. Н. Веревкиной, воспитывавшейся в доме родственников Е. М. Семевской. Часто бывая в доме Семевских, Воронов встречался там с И. С. Тургеневым, А. Ф. Кони, И. А. Гончаровым, А. Г. Рубинштейном, Н. М. Пржевальским.

После окончания Николаевской академии Воронов читал лекции по тактике и военной истории в 1-м Павловском и 2-м Константиновском военных училищах. В 1879—1889 гг. он работал в Военно-исторической комиссии Главного штаба, занимаясь сбором материалов по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг., участвовал в составлении ряда статей для «Энциклопедии военных и морских наук» Г. А. Леера, сотрудничал в «Военном Сборнике» и «Русском Инвалиде». Исторические изыскания не стали для Воронова ни профессией, ни всепоглощающей страстью. Изучая военную историю, он преследовал главным образом практические цели: выявление ошибок в действиях русских войск в прошедших войнах с тем, чтобы избежать их повторения в будущем.

Военная карьера Воронова складывалась довольно удачно. Он дослужился до чина генерал-лейтенанта Генерального штаба, награжден российскими и иностранными орденами и медалями, был начальником штаба 1-й Гвардейской пехотной дивизии (1889—1895), командиром 145-го пехотного Новочеркасского полка (1895—1898), состоял для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургским военным округом Вел. Кн. Николае Николаевиче-младшем (1884—1904). Начальство характеризовало Воронова так: «Умен и образован. Обладает вполне твердой волей и прекрасными нравственными качествами. Высокая добросовестность, постоянное проявление инициативы»*. Воронов был лично представлен Государю Императору Николаю II.

В 1899 г. Воронов входил в состав Комиссии по увековечению памяти князя Италийского графа Суворова-Рымникского, в 1901 г. руководил полевой поездкой офицеров Генерального штаба на Белое море и в Архангельскую губернию.

Благополучное течение жизни было нарушено революцией 1905 г. Дивизия, которой в то время командовал Воронов, была расквартирована в Ревеле, ставшем местом активных революционных выступлений.

24 декабря 1905 г. Воронов был отчислен с должности начальника ревельского гарнизона и 23-й пехотной дивизии как несоответствующий таковой с зачислением Высочайшим приказом в запас Генерального штаба**.

Е. Н. Воронова считала, что «ее муж моментально, несправедливо, по наветам пристрастных лиц, не выслушав никаких его объяснений, за чужие ошибки смещен с должности Ревельского генерал-губернатора***.

Как бы то ни было, Воронов оказался не у дел. В марте 1907 г. он получил уведомление из Главного управления Генерального штаба о том, что военный министр А. Ф. Редигер не изъявил согласия на продление отпуска свыше одного года. Нового назначения не последовало, и Воронову было предложено выйти в отставку и хлопотать о назначении пенсии. 6 января 1908 г. П. Н. Воронов подал прошение об увольнении его от службы, приказ о чем последовал 1 июня

П. Н. Воронов подал прошение об увольнении его от службы, приказ о чем последовал 1 июня того же года.

После смерти в 1904 г. академика Н. Ф. Дубровина, редактировавшего «Русскую Старину» фактически с 1895 г., редактором-издателем журнала стал С. П. Зыков, которому в то время было уже за семьдесят. По словам одного из сотрудников «Русской Старины», журнал стал «грубеть, коснеть, падать и сильно падать»*****.

Вновь встал вопрос о редакторе. В связи с редактированием журнала «Русская Старина» имя Воронова впервые упоминается в деле Петербургского комитета по делам печати при Главном управлении по делам печати при Министерстве внутренних дел 8 ноября 1906 г.* 27 ноября 1906 г. был заключен новый договор на издание журнала в связи с выплатой пая наследникам умершего Н. Ф. Дубровина (см. текст этого договора в данной публикации). С января 1907 г. Воронов единолично подписывал книжки «Русской Старины» как ее редактор-издатель.

Работу редакции журнала отражает публикуемая часть редакционной переписки за 1907—1915 гг.

Издание журнала продолжалось и после 1917 г. Так, 7 сентября 1918 г. Воронов получил от Наркомпроса Северной области удостоверение следующего содержания: «Предъявитель сего, редактор журнала «Русская Старина», гр. П. Н. Воронов является лицом, ученые работы которого в журнале признаются Севпросом весьма ценными для поднятия общей культуры и заслуживают всяческого поощрения.

Ввиду этого Севпрос просит все учреждения и организации, а равно и отдельных административных лиц оградить неприкосновенность его личности и без предварительного сношения с Севпросом не препятствовать его свободному проживанию, архивным работам и переездам»**. В январе 1919 г. Главное управление архивным делом Наркомпроса разрешило П. Н. Воронову заниматься во всех отделениях Секций Единого Государственного архивного фонда. В 1919—1920 гг. Комиссариат народного просвещения, скорее всего по ходатайству С. Ф. Платонова или А. Ф. Кони, выплачивал добавочное содержание служащим редакции (к 1920 г. в редакции остался лишь П. Н. Воронов), снабжал дровами, бумагой, разрешил выпустить октябрьско-декабрьский номер «Русской Старины» за 1918 г. по старой орфографии. Этот номер журнала, вышедший 3 октября 1919 г., стал последним.

В 1920 г., чтобы сохранить богатейший архив журнала, Воронов передал его временно в Пушкинский дом. Он надеялся на возобновление «Русской Старины», подготовил программу на 50-й год ее издания, хотел опубликовать автобиографические записки Семевского, написать о нем воспоминания (так и оставшиеся не законченными), выпустить книгу по истории издания журнала. Однако всем этим планам не суждено было осуществиться. П. Н. Воронов умер 5 декабря 1922 г. от грудной жабы. Он похоронен на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Петербурге, его могилу обнаружить не удалось.

В данную публикацию включены документы, хранящиеся в нескольких архивохранилищах: в Российском Государственном военно-историческом архиве (ф. 253 П. Н. Воронов), в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (ф. 610 П. Н. Воронов), в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (ф. 131 В. О. Ключевский, ф. 746 М. О. Гершензон).

Бронникова Е. Примечания: Материалы по истории издания журнала «Русская Старина». 1892—1915 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 334—337. — [Т.] V.

1 Воронова (урожд. Веревкина) Евгения Николаевна (1858—1913). С 1879 г. — жена П. Н. Воронова, воспитанница Елизаветы Андреевны Генеман (родной тетки Е. М. Семевской).

2 Семевская (урожд. Протопопова) Елизавета Михайловна (1850—1913?). Жена М. И. Семевского с 1872 г.

3 Семевский Василий Иванович (1848—1916) — историк.

4 М. И. Семевский оставил два завещания относительно журнала: 1) нотариальное — от 7 мая 1886 г., согласно которому собственницей журнала становилась его жена; 2) домашнее — от 12 декабря 1891 г., согласно которому журнал переходил к В. И. Семевскому (см.: РО ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, № 404; архив РАН, ф. 489, оп. 4, ед. хр. 17). В июле 1891 г. М. И. Семевский писал об условиях возможного перехода журнала к В. И. Семевскому: «... после моей смерти продолжать издание как свое собственное и лишь покрыв лежащие на нем долги или какие могут на редакции этого журнала оказаться по дни моей смерти, что ты легко сделаешь года в два, ты бы стал платить из чистого дохода ренту моей дочери Анастасии с ее матерью, а моей жене от 100 р. и до 200 р. в месяц» (Архив РАН, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 628, л. 2).

5 Как оказалось впоследствии, в год смерти М. И. Семевского журнал имел дефицит в 38500 руб., накопившийся за несколько лет (см.: Семевская Е. М. От издательницы // Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский. Основатель исторического журнала «Русская Старина». Его жизнь и деятельность. 1837—1892. Биографический очерк. СПб., 1895).

6 Бильбасов Василий Алексеевич (1838—1904) — историк, публицист, в 1871—1883 гг. — редактор газеты «Голос».

7 Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — судебный деятель, оратор, член Государственного Совета (1907), председатель Петербургского юридического общества, был близко знаком с семьей Семевских.

8 Семевская Анастасия Михайловна (1874—1920-е) — дочь М. И. и Е. М. Семевских.

9 Бычков Афанасий Федорович (1818—1899) — историк, археограф, библиограф, ординарный академик Императорской АН, председатель Археографической комиссии, директор Публичной библиотеки с 1882 г.

10 Дубровин Николай Федорович (1837—1904) — генерал-лейтенант, историк, ординарный академик Императорской АН, сверхштатный член Комитета Генерального штаба; знаком с М. И. Семевским со времени учебы в Полоцком кадетском корпусе и в Дворянском полку; с 1895 г. — редактор «Русской Старины».

11 Ореус Иван Иванович (1830—1909) — генерал от инфантерии, военный историк, в 1863—1898 гг. — начальник военно-исторического архива Главного управления Генерального штаба, сотрудничал в «Русской Старине», «Военном Сборнике», «Энциклопедическом Словаре» Ф. Брокгауза и И. Ефрона.

12 Лацинский Александр Семенович (1850—?) — главный корректор и ближайший помощник Семевского в «Русской Старине», в 1886—1888 гг. выполнял обязанности редактора; в апреле — сентябре 1892 г. официально назначен временным редактором журнала. Кроме этого был помощником библиотекаря в Главном штабе, сотрудничал в «Русском Инвалиде», «Военном Сборнике», в «Энциклопедическом Словаре» Г. Леера.

13 Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824—1896) — князь, генеалог, участвовал в основании Русского генеалогического общества, в 1867—1878 гг. был товарищем министра внутренних дел; активно сотрудничал с М. И. Семевским.

14 Приписано сбоку: «В окружном суде будет во вторник 24». Суд признал действительным нотариальное завещание от 7 мая 1886 г., и издательницей «Русской Старины» стала Е. М. Семевская.

Семевская.

15 Скорее всего, дочь П. Н. и Е. Н. Вороновых — Елизавета Павловна (1884—?), крестница Е. М. Семевской.

16 Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — историк.

17 П. Н. Воронов учился в 3-м Военном Александровском училище в 1869—1871 гг. в Москве.

18 Е. М. Семевская не была теткой П. Н. Воронова (см. прим. 1).

19 Е. М. Семевская разошлась с В. А. Бильбасовым в цене и условиях продажи журнала (см.: РО ИРЛИ РАН. Ф. 610. № 218).

20 Майков Леонид Николаевич (1839—1900) — историк литературы, ординарный академик Императорской АН, сотрудничал с М. И. Семевским.

21 Шильдер Николай Карлович (1842—1902) — генерал-лейтенант, военный историк, участник русско-турецкой войны (1877—1878). В сентябре 1892 — декабре 1893 гг. — редактор «Русской Старины»; в 1886—1899 гг. — начальник Инженерной академии и училища; в 1899—1902 гг. — директор Публичной библиотеки. Друг семьи Семевских.

22 С аналогичной просьбой (подыскать покупателя в Москве) П. Н. Воронов и Е. М. Семевская обратились к историку И. Д. Иловайскому. 23 сентября 1892 г. Иловайский писал Воронову: «Тяжелую, точнее едва ли исполнимую задачу возложила на меня многоуважаемая Елизавета Михайловна: найти в Москве нового издателя Русской Старины. Я уже думал над ней и даже кое с кем говорил, но заранее был уверен в тщете исканий. Для сего нужно соединение трех достоинств: свободный капитал, свободное время и известная степень образования вместе с историческим интересом. Первыми двумя качествами не обладает Ваш покорный слуга; с последним я не встречаю здесь людей, удовлетворяющих первым требованиям.

Или нужно лицо, страстно преданное такому изданию. Но такие лица являются десятилетиями, если не столетиями; может быть, например, покойный Михаил Иванович в Петербурге, а в Москве в настоящее время (отчасти — ?) Бартенев» (РО ИРЛИ РАН. Ф. 610. № 210. Л. 1).

23 В РГВИА хранятся 148 писем П. Н. Воронова жене за весь период их совместной жизни (Ф. 253. Оп. 1. Д. 105, 106).

24 Люф, Люфан, Люфик — дочь Вороновых Елизавета.

25 «Слава» — линейный корабль Балтийского флота. Заложен в 1902 г. в С.-Петербурге как эскадренный броненосец, вступил в строй в 1905 г., в 1907 г. переведен в класс линкоров. Был затоплен командой 4 октября 1917 г. во время Моонзундской операции для того, чтобы преградить путь немецкому флоту в Финский залив.

26 Эстляндским губернатором с марта по октябрь 1905 г. был действительный статский советник Алексей Александрович Лопухин (1864—1928), бывший директор Департамента полиции.

27 В митинге 16 октября, состоявшемся на окраине Ревеля на лугу перед заводом Лаусмана, приняло участие 6—7 тысяч человек. После него люди пошли на Новый, русский рынок (Парк им. 16 Октября) для того, чтобы передать свою петицию Городской думе. Разноречивы сведения о количестве пострадавших во время столкновения с войсками: убито и погибло от ран по одним сведениям 60 человек, по другим — 90; ранено около 200 (или свыше 200) человек (см.: Пальвадре Я. К. Революция 1905—7 гг. в Эстонии. Л., (1927). С. 45—46; История Эстонской ССР. Таллинн, 1966. Т. II. С. 427—429; Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А. Революция 1905—1907 годов в Прибалтике. Таллинн, 1981. С. 50).

28 На месте кровопролития воздвигли черный крест с красной надписью, изготовленный на

28 На месте кровопролития воздвигли черный крест с красной надписью, изготовленный на деньги, собранные рабочими и учащимися города. На площади перед Думой было установлено 57 гробов с телами убитых. В похоронной процессии приняли участие 40 тысяч человек. (См.: История Эстонской ССР. Т. II. С. 430).

29 Менчуков (Меньчуков) Александр Александрович (1852—?) — генерал-майор, командир 1-й бригады 23-й пехотной дивизии, участник русско-турецкой войны (1877—1878); был женат, имел двоих детей.

30 Яковлев Дмитрий Васильевич (1879—?), с 1899 г. подпоручик 13-го саперного батальона, в 1901—1904 гг. учился в Николаевской инженерной академии, в 1904 г. женился на дочери Воронова.

31 Скорее всего, Прасковья Михайловна, няня в семье Семевских.

32 В Ревеле в составе 23-й пехотной дивизии находился 90-й пехотный Онежский полк. Командир его — полковник Владимир Аполлонович Козлов.

33 Тетя Лиля — Елизавета Михайловна Семевская, Наста — Анастасия Михайловна Семевская.

34 Рубец Федор Васильевич — полковник, начальник штаба 23-й пехотной дивизии.

35 Хулиганье — так называемые «боевые отряды рабочих». Решение об их отправке в деревню было принято 11 декабря на совещании рабочих и уполномоченных от волостей северной Эстонии (см.: Карьяхярм и др. Указ. соч. С. 66).

36 Палицын Федор Федорович (1851—1923) — генерал-лейтенант, с 1907 г. — генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны (1877—1878), в 1905—1908 гг. — начальник Главного управления Генерального штаба; годом раньше Воронова окончил Николаевскую Академию Генерального штаба.

37 Брилевич Александр Васильевич (1851—?) — генерал-лейтенант, начальник штаба Петербургского военного округа; учился вместе с Палицыным в Николаевской Академии.

38 Батальон 92-го пехотного Печорского полка, входившего в состав 2-й бригады 23-й пехотной дивизии. Командир полка — Константин Андреевич Любарский. Полк был расквартирован в г. Нарве.

39 Березовский Владимир Антонович (1852—1917) — гвардии капитан в отставке, редактор-издатель журнала «Разведчик».

40 Ф. Ф. Полицын.

41 Прутенский Севир Кириллович — статский советник, дивизионный врач.

42 Газенкампф Михаил Александрович (1843—1913) — генерал-лейтенант, член Военного совета, постоянный член Совета государственной обороны, помощник главнокомандующего войсками гвардии Петербургского военного округа, заслуженный профессор Николаевской Академии Генерального штаба; участник подавления польского восстания 1863 г. и русско-турецкой войны (1877—1878).

43 Джамбакуриан-Орбелиани Иван Макарович (1845—?) — князь, генерал-лейтенант, командир 18-го армейского корпуса, в состав которого входила 23-я пехотная дивизия Воронова. Штаб корпуса находился в г. Юрьеве.

44 Веймарн Иван Иванович (1852—1915) — генерал-майор, затем генерал-лейтенант, начальник

штаба отдельного корпуса пограничной стражи; учился вместе с Вороновым в Николаевской Академии Генерального штаба.

45 После отставки А. А. Лопухина обязанности эстляндского губернатора выполнял вице-губернатор коллежский советник Александр Николаевич Гирс. С введением в Ревеле военного положения 10 декабря 1905 г. Гирс передал права и звание генерал-губернатора Воронову. 18 декабря 1905 г. в управление губернией вступил бывший архангельский губернатор действительный статский советник Николай Георгиевич фон Бюнтинг. Занимал он эту должность, по-видимому, недолго, в «Адрес-календаре на 1906 г.» эстляндским губернатором значится уже действительный статский советник Петр Петрович Башилов.

46 А. А. Лопухин тайно покинул Ревель в ночь с 13 на 14 ноября 1905 г., переправившись на крейсер, следовавший в Гельсингфорс.

47 Борисов Николай Прокофьевич, Вальберг Иван Иванович.

48 Вел. Кн. Николай Николаевич (1856—1929) — генерал от кавалерии, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургским военным округом, председатель Совета государственной обороны; участник русско-турецкой войны (1877—1878).

49 В 1895 г. Воронов был назначен командиром 145-го пехотного Новочеркасского полка. У него установились дружественные отношения с подчиненными, сохранившиеся и после 1898 г., когда он был прикомандирован для особых поручений к Вел. Кн. Николаю Николаевичу.

50 Приступив к обязанностям генерал-губернатора Ревеля и Ревельского уезда, Воронов запретил выход четырех местных газет, задержал 110 ревельских революционных активистов и восстановил железнодорожное движение (См.: Пальвадре Я. К. Указ. соч. С. 62).

51 Разноречивы сведения о количестве пострадавших имений: в Эстляндской губ., по сведениям Я. К. Пальвадре, «подверглось разгрому и истреблению огнем 114 имений, убытки составили 2 804 896 р.» (с. 52), «было сожжено и разгромлено свыше 120 мыз». (См.: Карьяхярм и др. Указ. соч. С. 67).

52 Предположительно, жена Павла Константиновича Гудим-Левковича (1842—1907), члена Государственного совета, заслуженного ординарного профессора Николаевской Академии Генерального штаба.

53 Безобразов Владимир Михайлович (1857—?) — генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии.

54 24 декабря 1905 г. Воронов был отчислен с должности временного генерал-губернатора и начальника Ревельского гарнизона как не соответствующий таковой с зачислением Высочайшим приказом в запас Генерального штаба, а 1 июня 1908 г. последовал приказ об увольнении его от службы (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 191206. Л. 47).

Один из сотрудников редакции «Русской Старины», М. К. Соколовский, писал об этих событиях: «В то время еще не старый, очень энергичный, хотя и не в меру суетливый, он (П. Н. Воронов) только что впал в немилость у Николая Николаевича за то, что, будучи начальником дивизии в Ревеле, «слишком нерешительно подавлял беспорядки» 1905 года, т. е. в переводе на общепринятый язык неохотно расстреливал безоружный народ и рабочих.

По-военному он сделал всем сотрудникам визиты, в мундире и при всех орденах, думая, вероятно, поразить нас, бесчиновных горе-разночинцев. А затем принялся за редакционные реформы. Бесспорно, ему удалось во многом оживить журнал, привлечь новых сотрудников, сделать содержание журнала разнообразнее» (РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 34).

55 Зыков Сергей Павлович (1830 — после 1914) — генерал от инфантерии, военный историк, в

55 Зыков Сергей Павлович (1850 — после 1914) — генерал от инфантерии, военный историк, в 1864—1868 гг. — редактор газеты «Русский Инвалид», в 1867—1881 гг. редактировал «Военный Сборник», журналы «Досуг и дело», «Всемирный Путешественник», «Природа и Люди», «Вестник Российского Общества Красного Креста»; участвовал в подавлении Польского восстания 1863 г.; в 1878 г. был назначен начальником штаба морской и береговой обороны Кронштадта; в 1892 г. вошел в число издателей «Русской Старины», самостоятельно редактировал журнал в 1894—1895 и 1904—1906 гг.

56 Т. Н. Вишнякова вошла в состав издателей «Русской Старины» вместе со своими детьми — Василием и Екатериной — в декабре 1895 г. после смерти мужа (РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 342, л. 272—284). Ее муж — Василий Иванович Вишняков — директор-управляющий товарищества «Общественная польза».

57 Проект договора о продаже «Русской Старины» был составлен Вороновым. (РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 12. № 72; Ф. 610. № 224. Л. 5—9; РГВИА. Ф. 253. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—2).

58 Ксидо Константин Иванович (1879—?) — штабс-капитан, военный инженер, учился вместе с зятем Воронова — Д. В. Яковлевым, в ноябре 1904 г. участвовал в защите Порт-Артура, после возвращения в Петербург женился на состоятельной женщине — графине Екатерине Васильевне Левашовой, владелице сахарного завода в Подольской губ., а также дома № 18 по Фонтанке, где снимал квартиру Воронов и располагалась редакция «Русской Старины». Ксидо по предложению Воронова пытался купить пай, принадлежавший С. П. Зыкову, еще в июне 1907 г. (РГВИА. Ф. 253. Оп. 1. Д. 6. Л. 7, 8; Д. 315, Л. 1, 2).

59 Забелин Иван Егорович (1820—1908) — историк, археолог, один из организаторов Исторического музея и его фактический руководитель с 1883 г.

60 Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк литературы. В РО РГБ сохранились шесть писем Воронова к нему.

61 Саитов Владимир Иванович (1849—1938) — библиограф, историк литературы.

62 Сохранился ответ на это письмо (РГВИА. Ф. 253. Оп. 1. Д. 123): «Москва, 3 марта 1913 г.

Многоуважаемый Павел Николаевич,

Получил Ваше письмо с любезным упреком. Но вины на мне нет.

Когда я в последний раз, года два назад, послал в редакцию какой-то документ для печатания, мне было оттуда сообщено, что в этом году более нет места для новых материалов. С тех пор я воздерживался посылать что-либо.

На этой неделе выйдет в свет т. 1 редактируемого мною Собрания сочинений П. Я. Чаадаева; я распоряжусь о доставлении его в редакцию «Русской Старины».

Во всяком случае, будьте уверены, что я принадлежу к числу самых усердных читателей Вашего журнала и готов, если понадобится, служить ему и Вам чем могу.

С искренним почтением М. Гершензон.»

63 Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк, член-корреспондент Императорской АН, в 1910-е годы сотрудничал в «Русской Старине».

64 В. О. Ключевский имеет в виду воспоминания А. Ф. Кони «Житейские встречи» и «Из заметок и воспоминаний судебного деятеля», печатавшиеся в «Русской Старине», начиная с 1907 г. до 1915 г.

65 Смирнов Николай Михайлович (1808—1870) — чиновник Министерства иностранных дел, с 1829 г. — камер-юнкер, позднее калужский и петербургский губернатор, сенатор; женился в 1832 г. на А. О. Смирновой. Его воспоминания за 1841—1842 гг. были опубликованы в «Русском Архиве» (1882. Кн. 1. № 2. С. 227—244). Воспоминания за 1833, 1834 и 1841 гг. опубликованы не были, местонахождение их автографа нам не известно.

66 Смирнова (урожд. Россет) Александра Осиповна (1809—1882) — фрейлина императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны.

67 Данилов Алексей Николаевич (1837—?) — генерал-лейтенант, Царскосельский комендант с 1900 г.

68 См.: Самодержавие царевны Софьи Алексеевны по неизданным документам (из переписки, возбужденной графом Паниным). Сообщ. Е. Д. Лермонтова (Русская Старина. 1912. Т. 149, № 2. С. 425—445; № 3. С. 539—547).

69 К письму приложена рукопись: «Из рассказа Министра просвещения С. С. Уварова. Варшава. Ноябрь 1843 г.» Этот документ в «Русской Старине» опубликован не был.

70 Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — граф, государственный деятель, председатель Совета министров в 1905—1906 гг., автор известных воспоминаний. Витте был послан оттиск (Русская Старина. 1914. № 4. С. 188—208). Автора этого очерка установить не удалось.

Публикация Е. БРОННИКОВОЙ

Кизеветтер Е. Я. Революция 1905—1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) / Подгот. текста, примеч. [и вступ. ст.] М. Г. Вандалковской, А. Н. Шаханова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 338—425. — [Т.] V.

Кизеветтер Е. Я. Революция 1905—1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) / Подгот. текста, примеч. [и вступ. ст.] М. Г. Вандалковской, А. Н. Шаханова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 338—425. — [Т.] V.

Автор публикуемого дневника Екатерина Яковлевна Кизеветтер — жена известного историка, профессора Московского университета, деятеля ЦК кадетской партии Александра Александровича Кизеветтера. Урожденная Фраузенфельдер, она происходила из обрусевшего немецкого рода. Гимназия и всестороннее домашнее образование сделали из нее образованную женщину, а пытливость ума и чувство гражданственности пробудили интерес к общественной жизни.

Первый муж Екатерины Яковлевны — А. А. Кудрявцев был воспитанником Московского университета. Вместе с Кизеветтером они обучались у П. Г. Виноградова, затем преподавали в Лазаревском институте восточных языков, были близкими друзьями. Смерть Кудрявцева в 1893 г. в тридцатилетнем возрасте была большим потрясением для его родных и близких. «...Для меня как будто перевернулась одна и началась другая страница моей жизни, — писал в своем дневнике Кизеветтер, — исчезла опора... С Кудрявцевым я слился душой... Кудрявцев умер, оставив мне в наследство нового друга — свою жену. Мы нравственно нуждаемся друг в друге».

В 1894 г. состоялась свадьба Кизеветтера и Кудрявцевой. Кизеветтер взял на себя воспитание

В 1894 г. состоялась свадьба Кизеветтера и Кудрявцевой. Кизеветтер взял на себя воспитание двух ее детей — Всеволода и Натальи. Первый стал впоследствии профессором математики в Московском университете, а вторая — учительницей. Через год родилась их общая дочь — Екатерина, которая и поныне живет в Праге. Ко времени женитьбы Кизеветтер готовился под руководством В. О. Ключевского к замещению профессорской кафедры в Московском университете, сдаче магистерских экзаменов. Проявившиеся уже на подготовительных лекциях ораторский талант, красочный и чистый русский язык, логика мышления сразу были отмечены слушателями и сослуживцами. Впоследствии П. Н. Милюков причислял Кизеветтера к числу наиболее последовательных и талантливых учеников В. О. Ключеского. «Самые его достоинства и таланты, — писал Милюков о лекциях Кизеветтера в одной из статей, — невольно влекли его к подражанию нашему несравненному Василию Осиповичу».

Научная работа, по собственному признанию Кизеветтера, составляла главный смысл его жизни. Его магистерская и докторская диссертации — «Посадская община в России XVIII столетия» (1903) и «Городовое положение Екатерины II» (1909) — поглощали много времени и были

созданы при помощи и участии Екатерины Яковлевны. Кизеветтер готовил себя к преподавательской и научной карьере, но события начала XX века внесли существенные коррективы в судьбы людей его поколения, выработав особый тип русского интеллигента. Не случайно, многие крупные ученые становились и известными политиками.

В 1905 г. Кизеветтеры активно включились в общественно-политическую жизнь. Александр Александрович принимал участие в обсуждении программы журнала «Освобождение», сотрудничал в «Русской мысли». Близость основных программных установок обусловила его сближение с П. Б. Струве. Последний, бывая в Москве, часто останавливался у Кизеветтеров. В 1906 г. супруги вступили в партию кадетов. На втором ее съезде в январе 1906 г. Кизеветтер был избран в состав Центрального комитета. Он принимал участие в организации московского губернского кадетского комитета, участвовал в районных собраниях комитета партии у Вернадских*. В политических спорах родилась брошюра Кизеветтера «Нападки на партию Народной свободы и возражения на них» (1906). По выходе Манифеста 17 октября он написал листовку, в которой выразил недоверие царским обещаниям. В ходе выборов во II Государственную думу им совместно с В. А. Маклаковым было создано своего рода пособие для кадетских ораторов, получившее название «кизеветтеровского катехизиса».

Активное участие Кизеветтера в общественной жизни 1905—1907 гг. сменилось отходом от политики, погружением всецело в научную работу. Февраль 1917 г. всколыхнул утраченные было надежды на создание правового парламентского государства. 3 марта Екатерина Яковлевна записала в своем дневнике: «...Не сон ли все, что произошло. В три дня все сметено, все! От старой власти ничего не осталось... Сейчас последнее сообщение по телефону из „Русских ведомостей“. Розенберг сообщает: „Николай II отрекся от престола“... Саша сидит и торопится писать воззвание от комитета партии Народной свободы...»**. Факт отречения Николая II Кизеветтер оценивал как величайшую дату в истории страны. Политическая деятельность А. А. Кизеветтера в это время была достаточно активной. Он выступал в печати в защиту конституционной свободы, осуждал большевизм и его программу, присоединил свой голос к сторонникам доведения мировой войны до победного конца. В новых условиях Кизеветтер признавал парламентскую республику единственно возможной формой политического правления, которая может противостоять единоначалию и тирании. От лица своих единомышленников Кизеветтер требовал установления парламентского контроля за внешней политикой страны. Лозунг продолжения войны он обосновывал необходимой заботой о будущем России. Кизеветтер опасался, что в случае победы Германии Россия может лишиться своего былого экономического могущества и политического влияния на мировую политику*. Кизеветтер выступал против коалиции Временного правительства с социалистами, узурпации этим правительством прав Учредительного собрания. О его популярности в партии свидетельствует тот факт, что из 66 выбранных в мае 1917 г. членов ЦК Кизеветтер по числу голосов занял 17-ое место вслед за В. И. Вернадским, П. Н. Милюковым, А. И. Шингаревым, М. М. Винавером

М. Винавером.

После Октябрьской революции кадетская партия была запрещена. Часть кадетов ушла в подполье, часть выжидала, стремясь осмыслить происходившее. Кизеветтер всецело погрузился в просветительско-преподавательскую деятельность. С 1918 г. как члена кадетского ЦК его трижды арестовывали, а в 1922 г. с большой группой интеллигенции выслали из страны. После кратковременного пребывания в Германии, семья Кизеветтера перебралась в Прагу. Александр Александрович читал отечественную историю в Русском юридическом институте, Народном университете, Карловом университете, возглавлял Русское историческое общество, участвовал в общественной жизни русской колонии, продолжал научную деятельность.

20 марта 1924 г. умерла Екатерина Яковлевна. В последние два года она тяжело болела, у нее был рак. Сделанная в Берлине операция не содействовала выздоровлению. «Ничего не помогло, — писала Наталья Кудрявцева М. В. Вишняку 8 апреля 1924 г., — мама очень мучилась, особенно последние две недели. К счастью, мы не отправили ее в больницу, как советовал врач, а ухаживали за нею сами, все втроем... Ей очень хотелось умереть во сне, так и случилось». Александр Александрович пережил ее на девять лет. Он умер в 1933 г. Оба они похоронены на Ольшанском кладбище.

Дневник Е. Я. Кизеветтер сохранился в форме подневных записей или записей за несколько дней и охватывает период с декабря 1905 г. до отъезда за границу в 1922 г. Он отражает события, свидетелем которых была сама автор и записанные со слов А. А. Кизеветтера.

Выбранная для публикации часть дневника Е. Я. Кизеветтер, посвященная событиям 1905—1907 гг., сохранилась наиболее полно.

1905

12 декабря. Сегодня все еще продолжается. Ночью слышались раскаты выстрелов. С утра стали рассказывать разные страсти: будто восставшие добираются до барона Будберга1, который живет против нас, и чуть только появятся попытки напасть на его дом, как нашу Моховую атакуют войсками. Заведующая нашим домом прислала просить, чтобы Всеволод2 никуда не выходил и не принимал бы товарищей. Вчера из другого дома нашего Общества на Плющихе, говорят, или кто-то выстрелил в солдат, или бросил бомбу из окна 4-го этажа, и дом подвергся расстрелу. Пули залетали в квартиры 4-го этажа.

В 12-м часу мы отправились в Охотный за припасами. Вследствие забастовки, подвоза нет. Того и смотри останется Москва без съестных припасов. В мясных все говорят, что сегодня продают последнее мясо (повысили на 7 коп. на фунт: с 17 коп. (до) 23 коп.), а завтра лавки закроют. У Смирнова3 есть и масло и молоко, которое вдвое продается дороже. И это все раскупается.

У Манежа кругом стоят часовые (по одному с прохода) и никого мимо не пропускают. Чтоб попасть в Охотный, надо пройти Александровским садом.

Часа в два мы с Сашей пошли на Арбат. С утра все говорили, что на Арбате страсть что делается — баррикады, стрельба. Пока мы шли, все время доносились пушечные раскаты. Встречные говорили, что на Арбате тихо, а стреляют за Пречистенской заставой (фабрика Прохорова). Дошли до Арбатской площади, повернули по Арбату. Жутко! Движение все прекратилось. Магазины все до одного заколочены ставнями. На протяжении от Арбатской площади до церкви Николы Явленного — три заграждения: два проволочные поперек улицы и одна баррикада. Рабочих у баррикад не видно. Еще баррикада у входа в Афанасьевский пер. Навалены столбы, решетки (должно быть, выломаны из окон), доски, водружено красное знамя. Жалкий маленький лоскуток. Войск нет. Там и тут стоят кучки людей и обмениваются слухами. Мы повернули по Афанасьевскому пер. к бабушке и беспрепятственно дошли до их Власьевского пер. Доро?гой обратила внимание на одну сценку. Крошечный гимназистик тащит с трудом салазки. Двое рабочих, идя сбоку, поддерживают громадный сколоченный деревянный щит. Куда это везут его?

Интересно, для баррикады ли?

Пришли к нашим. Аня4 подняла крик, визг: как дошли, живы ли, целы ли, как доберемся до дому? и т. д. Сейчас же передала нам «из самого достоверного источника», что у нас на Моховой и на Знаменке — баррикады, и мы теперь домой вернуться не можем. Мы ей объясняем, что мы только что с Моховой, что нет ни единой баррикады. Она ничего не слушает: вернулся сейчас сын их Катерины5 и своими глазами видел. Мы сидеть не стали, решили идти домой. На дворе встретили их хозяина. Он «из самого достоверного источника» сообщил, что убито 8 000 восставших, а из войска — ничтожное количество. Между тем, мне вчера сообщали тоже «из самого достоверного источника», что убито бомбами масса войска. Собирают убитых по ночам пожарные. Вчера ночью я видела, как ехали пожарные мимо нас: без труб и машин, но с факелами.

Вернулись домой беспрепятственно и благополучно мимо храма Христа Спасителя. (Там) как-то спокойнее, на революцию непохоже: нет баррикад, движение не прекратилось, едут извозчики

(почему-то некоторые извозчики сняли свои суконные армяки и ездят в одних тулупах), по тротуарам довольно много пешеходов, встречаются даже с детьми, должно быть, гуляют. Ни на Моховой, ни на Знаменке, ни на Воздвиженке нет ни единой баррикады — я нарочно прошла туда и сюда. Вот красноречивый пример ложности слухов «из достоверного источника». На улице тьма — электричество забастовало, а газ экономят. Ни одного извозчика. Виднеются редкие пешеходы. Сейчас прошли солдаты. В течение дня мимо наших окон то проходят солдаты, то скачут драгуны. Вчера провезли две пушки. Матрешин5 муж работал в субботу у портного (в теменьке, чтобы его не увидали и не сняли), в обед ходил на Страстную площадь, говорит, масса убитых, одеты все хорошо, хорошие пальто, шапки. Сегодня он проходил Спасо-Песковским пер. Говорит, там стрельба. Стреляют войска и полиция во всех проходящих. Городовые будто засели под крышу и стреляют оттуда. Я спрашивала, не слыхал ли он от товарищей-рабочих, как началось вообще столкновение. Он говорит, что все говорят, что на Тверской бросили рабочие бомбу в проходившее войско. С этого и пошло. Сегодня уже третий день борьбы. Чем кончится? Нет ни единой газеты. Продают только петербургское «Новое время»6 по 20—30 коп. за (номер). Саша не купил, говорит, наживаются на трупах.

Вчера было у Вернадских собрание районной группы конституционно-демократической партии7. Толковали об устройстве санитарных пунктов для раненых, но, оказывается, раненых не отпускают по частным домам. Почему?

Очень много, долго и бестолково говорил один член о посылке к государю депутации. Сколько ему ни возражали, он все настаивал, пока его не спросили: «Да на чем же поедут? Поезда не ходят». Тогда тот ответил: «А!» — и замолк.

Н(аталья) Е(горовна) вчера была в отчаянии. Ее сын ушел с утра и неизвестно куда. Сегодня не удалось узнать, вернулся ли он? — Телефон не действует.

Сегодня мы с Сашей вспоминали прошлый декабрь. После наступления «осенней весны» прошлого года, после 30-го ноября (думские постановления), после всех резолюций, где в один голос громко заявляли о необходимости «всеобщего, равного, тайного, прямого» — все ждали объявления конституции, ждали изо дня в день. Саша собирался ехать в Петербург для занятия в архивы. Я все просила подождать, чтобы вместе пережить обнародование конституции. Наконец, подошел день 6-го декабря. Была какая-то уверенность, что в этот-то день и обнародуют манифест. Накануне, 5-го были стычки молодежи с войсками, стычки глупые, детские демонстрации с красными лоскутками. 6-го получаем газеты — манифеста ни признака. Я испытала страшное, горькое разочарование. Вечером Саша уехал в Петербург. 12-го вышел манифест, но не о конституции: какие-то расплывчатые обещания, которые, впрочем, поддели на удочку легковерных вроде меня.

13 декабря. И сегодня стреляли. Вчера вечером мимо наших окон проскакали солдаты и пушки

по направлению к Манежу. Я высунулась из окна — на темном фоне неба пламенело зарево где-то далеко-далеко вправо от нас. Говорят, что горела Прохоровская фабрика.

Сегодня на улицах расклеены обязательные постановления генерал-губернатора. На основании Правил о чрезвычайной охране10 воспрещается жителям выходить из дома после 9-го часа вечера, тех же, кто выходит после 6-ти (до 9 вечера) будут обыскивать и при нахождении оружия, подвергать строгому взысканию. Наказания что-то строгие. Строго запрещается открывать форточки и окна с наступлением вечера (указывается на то, что из многих домов бросали в войска бомбы и стреляли). За порчу телеграфных столбов (для баррикад) виновные подвергаются чуть ли не смертной казни. Захваченные на месте преступления (при рубке столбов) будут тут же обстреливаться. Скопление народа тоже будет рассеиваться ввиду того, что «мятежники часто стреляют под прикрытием таких толп».

Сейчас на нашей Моховой ни души. Днем тоже движения мало, особенно мало езды; пешеходы еще двигаются по улицам, интересуясь, очевидно, происходящим: читают постановления, смотрят на баррикады. Баррикады солдатами разрушаются. На Арбате сегодня видела костер из вчерашней баррикады: все собрано на середину улицы и зажжено. Магазины все также заколочены. На углах стоят кучки (вопреки запрещению) глазеющих. Появились и извозчики. Одного видела: ехал с седоком мимо горящего костра-баррикады. Издали доносились выстрелы, говорят, где-то на Садовой стреляли. Потом, пока гуляла с Катей в архивном саду, тоже слышала выстрелы. В саду было много детей с родителями*, с гувернантками. Дети катались с горы, болтали со взрослыми. Вообще все были веселы и спокойны, как будто ничего не происходит особенного.

Сегодня Саша был в комитете конституционно-демократической партии. Там слышал, что восставшие сами считают сегодняшний день последним днем борьбы. Там обсуждался вопрос о выпуске заявления конституционно-демократической партии о своем отношении к движению. Конечно, не решаются высказаться определенно против этого движения, начатого крайними партиями. Говорили, что теперь не время критиковать это движение раз оно не удалось, и что надо всю критику направить против действий правительства. Саша возражал, что правительство бранить следует, но непременно надо высказаться и относительно партий, и что неудобно осуждать потерпевшее лицо, но не партии, и что, напротив, необходимо осудить их образ действий, указать на то, что крайние партии своим неподготовленным восстанием совершают акт предательства для дела освобождения. Котляревский и Зелинский12 держались такого же взгляда. Саша указывал на то, что необходимо определенно высказаться, как высказываются сами крайние. Ведь если бы это движение было бы безрассудно начато конституционными демократами и потерпело бы поражение, крайние сейчас бы воспользовались этим и указали бы, что за дело взялись неумелые буржуа-либералы и дискредитировали дело свободы. «Крайние — да, так и отнеслись бы, — возразили Саше, — а нам не следует». Тогда Саша заявил, что если конституционно-демократическая партия будет вообще отмалчиваться, то он уйдет из нее.

Точно такая же история была и относительно нынешней забастовки. П. Струве13 настаивал, и Саша к нему примкнул, что конституционно-демократическая партия должна выпустить заявление, где надо определенно высказаться против настоящей забастовки14. Тут опять начали размазывать и замазывать, указывать на неудобства и т. д. Тогда Струве заявил, что если партия вообще не встанет в определенную позицию относительно других партий, так всего лучше им всем «просто идти спать, политически спать».

Сегодня казначейство на Воздвиженке заперто и охраняется солдатами. Стоят несколько часовых и никого мимо не пропускают. Мне думается, что у московского населения нарастет страшное озлобление против забастовщиков и повстанцев. Вся жизнь прекратилась. Днем торгуют только съестные магазины (колониальные) и то не везде. Есть улицы со сплошь заколоченными магазинами. А с шести часов вечера решительно все замирает. Как же теперь жить извозчикам, лавкам, небольшим магазинам — что они выручат за день?

Частная опера лопнула — дела шли из рук вон плохо, а теперь и совсем закрылась до праздника. На днях был у меня стекольщик — замазывал одно окно. Какой-то озлобленный. С одной стороны, бранит Витте и Дурново15 и очень хвалит государя (говорит, что очень добрый), с другой, жалуется на забастовки — стало жить трудно: «Прежде заработаешь в день рубль и слава Богу, а теперь только с книжки сберегательной берешь, то 15 руб. в месяц, то больше. Работа бывала не с одних богатых, мелких работ было много. То в картиночку стеклышко вставишь к празднику (у какого-нибудь мещанина), то икону разобьют при переезде — вставишь, то еще что, а теперь у всех дела плохи, всем нужна копейка: где стекло разобьют — тряпочкой заложат, а стекольщик сидит без работы».

Наш швейцар страшно восстановлен против забастовщиков и повстанцев. Рассказывает, что они ни перед чем не останавливаются: «Что уж они делают-то и не приведи господи! ... У извозчиков убивают лошадей, если они не соглашаются везти их раненых, врываются в квартиры, жителей выгоняют и сами там устраивают митинг...»

Революция одним хороша: не надо в гости ходить, и к нам гости не ходят. Так спокойно можно сидеть дома. Чувствуешь себя в безопасности, знаешь, что никто не явится.

14 декабря. 7 часов вечера. 80 лет тому назад декабристы вышли на площадь, чтобы завоевать оружием свободу, и все погибли. Начался гнет николаевского царствования16. Тогда это была кучка людей, не имевшая корней в народе. Теперь, в нынешнем декабре, восставших с оружием уже и не кучка, но корней в народе они также не имеют, и оно, настоящее восстание, кажется, уже подавлено. Сегодня почти не стреляли. Баррикады разрушены. По крайней мере, Арбат уже очищен, и сегодня там магазины открыты, и движение началось. Прислуга ходила туда и купила что надо. На Воздвиженке тоже стало оживленнее, хотя у казначейства все стоят солдаты. Ф. А. Смирнов17 отправился туда по делам службы. Он служит по финансам. Его, прежде чем пустить, всего обыскали.

Я сама сегодня видела такую сцену. Иду с Катей из архивного сада. Как раз на нашем пути, на самом углу Воздвиженки — Моховой, два солдата обыскивают какого-то молодого человека. Неприятно и жутко. Мы скорей перешли на другую сторону. Нас догоняет какой-то субъект, чисто одетый, и говорит, что и его сейчас обыскивали, и первое дело в рукавах смотрят, и у того молодого (вольноопределяющегося) нашли оружие и отправили (...) в охранку, чтобы там узнать, есть ли у него разрешение носить. Подходим к подъезду. Швейцар рассказывает, как он сам видел как одного зарубили шашками у Манежа, и рассказывает так: «Ехал тот к Манежу от Охотного. Солдаты ему крикнули, чтобы поворачивал и, должно быть, хотели обыскать. Тот слез и побежал. Солдаты за ним. Обыскали его и нашли бомбу — тогда пустили в ход шашки».

Сегодня чуть свет приехала к нам Зина18 посоветоваться с Сашей; написала в иностранные газеты обращение к социал-демократам Запада с критикой образа действий наших социалистов. Написано хорошо. Рассказывала как ее брат, любитель острых ощущений, ездил на днях вечером к Тверской. Везде по дороге тьма и пустота. Подъезжает к какому-то месту — окрик: «Стой! Кто едет?» — Тот объяснил, что по личному делу. — «Руки вверх!» — Стали обыскивать. Обыскали — пустили дальше. — «Про-пус-тить! О-быс-ка-но!...» — пронеслось за ним вслед следующему караулу. Проехал мимо караула, у третьего — снова обыск. Так доехал до Страстной площади, думал там увидеть поле битвы, но ни трупов, ни раненых не было — ничего вообще не было, кроме тьмы.

Все рассказывают, что рабочие массами уходят в деревни — напуганы забастовками и восстанием; идут пешком за многие десятки верст. Сегодня на Арбатской площади кричит один мужчина: «Берите меня куда хотите — я забастовщик. Сначала нас кормили и водкой поили, теперь не кормят, и не поят, и денег не дают». У Матреши есть знакомая, у нее дочь-телеграфистка подписала бастовать. За первый месяц забастовки получила пособие из забастовочного комитета в размере месячного жалования, за второй — ничего. Вот как действуют крайние: ни средств, ни плана у руководителей, ни сознания у массы. Вчера нарочно

действуют крайние: ни средств, ни плана у руководителей, ни сознания у массы. Вчера нарочно завела разговор с полотерами. Один что-то говорил невразумительно, тогда другой вступил в разговор. «Вы все не так говорите, — поправил он товарищ(ей). — Это начали восстание революционеры. Это я доподлинно знаю. Мне один революционер говорил, они хотят республики, а демократы хотят конституции, значит конституционалисты хотят с царем...» Тут пошла какая-то путаница. Какие демократы, какие конституционалисты — я не уразумела. «А народ-то не понимает, — продолжал полотер. — На одной фабрике заставили так подписать четырех девок. Они подписали, а потом плачут: что подписали — сами не понимают». Интересно еще рассказывала одна портниха Тимковскому19. Был назначен митинг портних (это еще до начала восстания). Портнихи явились разодетые, принаряженные и все посматривали на собравшихся портных и ждали, когда же начнутся танцы. А портные на портних ни малейшего внимания. Ораторствовали агитаторы «крайние все» насчет политических тем, а когда кто-нибудь из собрания поднимал вопрос о своем экономическом положении — ему говорить руководители не давали.

Рассказывала о двух странных случаях. Вчера доктор П(узано)в20 проезжал на извозчике днем в Дорогомилове. Навстречу ему — извозчик с седоком. Седок выхватывает револьвер и стреляет по направлению Пуз(ано)ва. Этот отклоняется. Пуля попадает в другого извозчика, который ехал рядом. Другая пуля попадает в седока — оба валятся. Что сделали с стрелявшим — неизвестно. Сегодня такой же случай. Часов в 5 мимо наших ворот проехал извозчик с седоком, и седок выстрелил. У ворот стоял Матрешин муж. Кто этим занимается? Мне думается, не провокаторы ли? Какой смысл восставшим стрелять в публику? А провокаторам большой смысл: чтоб восстановить против повстанцев. Многие верят, что стреляют они. Вчера сюда приходил бывший дворник, (который) теперь служит кондуктором на конке. Рассказывал прислуге, что конки бастовать не хотели, их удовлетворили, но им велели. Он живет на Девичьем Поле. Там стало жутко — идет к брату. Забастовщики сожгли на Девичьем Поле сторожку городового. Его не было; оставались жена и трое детей. Толпа обступила, облила керосином и зажгла. Несчастная бросилась к окнам, к двери — не пускали. Если бы не приехали пожарные, они сгорели бы. Правда ли это? Катина учительница французского языка думает, что это не забастовщики, а черная сотня. Она вообще настроена в пользу восставших. Говорит, что у них — моральная победа, что так долго правительство не может подавить это движение (началось в ночь с пятницы 9-го на субботу 10-го), что построена масса баррикад и т. п. Я говорила, что все начато легкомысленно: нет средств, нет оружия, нет плана. Хотелось бы мне посмотреть «Известия Совета рабочих делег(атов)»21. Что теперь пишут руководители? Как они изворачиваются? Они раньше все писали в том духе, что победа близко, весь народ на их стороне, армия тоже начинает переходить...

Рассказывали два интересные случая. На одну фабрику явился агитатор из крайних, собрал рабочих, много говорил и раздал всем оружие, раздал и заявил, что это оружие они должны употребить на завоевание политической свободы, когда будет приступлено к вооруженному восстанию, и что отказаться они от этого не могут, так как они, рабочие, все теперь переписаны. После ухода агитатора рабочие подумали — подумали, почесали в затылках, да и пошли к хозяину за расчетом, получили расчет да и по добру по здорову — в деревню. Все оружие и осталось при фабрике. Другой случай рассказывали на собрании конституционалистов-демократов. Социал-демократы настроились на какую-то фабрику — не помню. Просвещали, просвещали рабочих, даже выписывали просветителей из-за границы. Рабочие слушали их, слушали, потом, когда всех переслушали, и заявили: «А что вы нам тут говорили и читали — нам это совсем неподходяще». Так социал-демократы и отъехали ни с чем. Многие фабрики очень желают познакомиться с партией конституционалистов-демократов.

14 декабря. 11 часов вечера. Опять выстрелы. Это у Манежа... Мимо, слышно, едут. Я посмотрела в окно: проскакали драгуны, конвоируют какого-то военного на извозчике. Опять выстрелы и опять едут. Теперь что-то везут солдаты в санях, должно быть, провиант. На улице безусловная пустота: кроме солдат, которые проезжают время от времени, ни души.

15 декабря. Сегодня никто, кто более-менее вхож в кадеты, Поливановы и извозчики и пешеходы

15 декабря. Сегодня жизнь еще более входит в колею. Появились и извозчики и пешеходы (конечно, днем), многие идут со свертками (может быть, к портнихам), есть гуляющие. Мы тоже часу в третьем пошли с Сашей к Бронной. Говорили, что там расстреляли дом Романова в начале Бронной22. И действительно; смотрим, во втором этаже (или 3-м) выбиты четыре окна подряд и насквозь пробит простенок; отверстие очень большое, снизу, кажется, не менее аршина. На мостовой валяется груда кирпичей. Спросила у лавочника того же дома, как раз под простреленной стеной: «Почему начали стрелять в дом?» Он объяснил так, что будто эти окна были в квартире зубного врача, у которого был устроен санитарно-перевязочный пункт, и поэтому стали стрелять в квартиру. Потом мы пошли по Тверскому бульвару. Бульвар был весь пуст: шли только мы и еще один человек в поддевке. Я стала у него спрашивать, не знает ли он почему в доме кн. Гагарина (против булочной Бартельса) перебита масса окон (их сейчас при нас вставляли)?23 По объяснению того человека, в дом Романова начали стрелять потому, что из него сделали выстрел в войско. На бульваре против дома градоначальника — караул и городовые. Прохода нет. Мы зашли на Бронную. Здесь была публика — осматривали баррикады. В самом начале — проволочные заграждения, три подряд. Потом идет баррикада.

Наворочены ворота, бревна, столбы, громадная корзина с снегом, привалена деревянная лестница. На верху баррикады водружено красное знамя — флаг. Мы зашли в зад баррикады: сбоку на тротуаре оставлен узкий проход. Позади лежит откуда-то приволоченная громадная винтовая железная лестница с толстым литым стержнем. Сколько же людей старались над ней? — Тяжесть необычайная. У баррикады (позади) разложен костер и сидят какие-то лица: барышня с газетой и несколько мужчин. Что они делают? Неужели это — боевая дружина стережет баррикаду? 5—6 человек? Несколько шагов дальше — новая баррикада: ворота (громадные), решетки, дрова, бревна, лестницы (деревянные). Еще дальше — третья. Та же картина, но вместо дров — камни. У близлежащих домов дворы — настежь: все ворота сняты с петель. У одного двора я спрашиваю татарина-дворника: «Сняли ваши ворота?» Он посмотрел недоверчиво, потом говорит: «Все помогали, ночью все работали. Кто им запретит? Кого они боятся?» Он сказал, что все баррикады уже давно устроены и, действительно, они уже запушились снежком. Сооружения довольно солидные, плотные и высокие, и труда положено немало. Но какой смысл в этих баррикадах я понять не могу. Спрашивала Сашу. Он говорит: «Никакого». Это имело смысл в прошлое время, когда были города с маленькими узкими улочками. Там баррикады действительно имели значение — совершенно преграждали путь войскам. А теперь в больших городах везде кругом проехать можно. Пошли потом по Твер(скому бульвару). К дому генерал-губернатора не пускают. На углу Леонтьевского пер. — караул. Всех поворачивают. Повернули на Никитскую и вернулись благополучно домой в четыре часа. Наш подъезд был уже заперт.

Днем до 3-х (часов) заходил к Саше Александр Данилович24. Спрашивал: как в конституционно-демократической партии, будут ли как-нибудь реагировать на текущие события? Саша рассказал как обстоит дело. Александр Данилович возмутился. Говорит, что нельзя оставаться в такой партии, что он уйдет в Союз 17-го Октября25. Саша говорил, что конституционалисты-демократы — не политическая партия и им не действовать, а писать передовые статьи в подцензурной прессе.

Александр Данилович рассказывал про случай в доме Братолюбивого общества на Плющихе. Против этого дома живет их учительница Маргарита Ивановна26 и она видела, как из дома Братолюбивого общества бросили бомбу или выстрелили в разъезд. Убита была лошадь под офицером. Офицер раненый захромал к ограде церкви, тогда опять раздался выстрел. Тут солдаты начали стрелять в дом.

Сожжены в эти дни две типографии: Кушнерева и Сытина27. В сытинской засели восставшие, и когда их обступило войско — не хотели выйти. Войско начало обстреливать. Социалисты бежали через забор в соседний переулок и все скрылись. Тут и загорелась типография. Кто зажег — неизвестно. Солдаты ли? Социалисты ли? Страшно жаль, что сгорела масса отпечатанных листков для народа (в просветит(ельном) духе). Про училище Фидлер28 рассказывают, что там был склад оружия, и Фидлер серьезно замешан. Забастовка настоящая, должно быть, скоро

окончится. Там и тут понемногу приступают к работе, да и цены на продукты сильно падают. 4 дня тому (назад) парная бутылка молока стоила 30 коп., на другой день — 25, вчера — 20, сегодня — 15 коп. Это уж цена нормальная. Достала сегодня и хлеб белый ситный. А первые дни пекли только черный. Говорят, что диктаторы выпустили объявление, что черный разрешают печь: черным хлебом питается пролетариат, а белого ему не нужно. Это было и в газетах.

Сейчас 10-й час. Тихо. Выстрелов не слышно. Время от времени я подхожу к окну. Моховая слабо освещена несколькими фонарями. Ни пешеходов, ни проезжающих. Время от времени проходят несколько солдат или проезжают солдатские сани (должно быть с провиантом). Недавно пронеслась карета. Сбоку скачут три конвойных... Опять выстрел! Вчера очень стреляли в 12-м часу ночи у Манежа. Сегодня рассказывают, будто задержали одного студента (даже фамилию называли) — вез на ломовом по Никитской адскую машину, и еще гимназиста, у которого нашли два револьвера и несколько сот денег. Где правда? Где сказка?

17 декабря. Сегодня меня разбудила пальба. Бум! Бум! — раздавалось через равные промежутки. Мы не могли понять что это, и если стреляют, то где? Звук был глухой. Встала и пошла спрашивать прислугу. Говорят, с 6 часов утра стреляют из орудий на Пресне. В 11 часов утра пошла к Фаворским29. Там посмотрела «Русский листок»30. Прочитала, что деятельность революционеров сосредоточилась на Пресне. Вот объяснение стрельбы. Вышла от них в первом часу. Вдали (...) поднимался густой столб дыма. Говорили, что горит на Пресне. Я пошла к Тверской, хотела сама проверить газетные сообщения о расстрелах разных домов на Тверской. На Бронной баррикады оказались уже разобраны. Мне рассказывали на улице, что от революционеров ездил нарочный и предлагал дворникам по Бронной разбирать баррикады. Тут, рассказывают, тащил кто что мог. Воображаю себе досаду и злобу хозяев разрушенных заборов, ворот...

Иду по проезду Тверского бульвара. Около церкви, как раз против дома градоначальника, караул — обыскивают прохожих. При мне одного господина заставили слезть с извозчика и обыскали. Остановили шедших тотчас передо мной двоих, по виду рабочих, и тоже обыскали (милостиво, только ощупали). Я остановилась, думала и до меня сейчас черед дойдет. Чувство было неприятное. Обысканных отпустили, и я двинулась за ними. Солдат меня пропустил. Вообще при мне дам пропускали без обыска; несколько прошли-таки.

Вчера был такой случай у Манежа под университетскими часами. Идет Аннушка из Охотного, впереди идет господин в шубе и уж заворачивает на Никитскую. Вдруг солдаты кричат ему: «Эй! В очках! Остановись!» Начался обыск. Далее Аннушка не видала — ушла. А далее было так. В очках был студент Адольф31. Шел он в отцовской шубе. Сняли с него шубу, сняли галоши и начали рыться по карманам. Нашли паспорт (Адольф шел от нотариуса) и реферат по женскому вопросу.

— Это что?

— Это — реферат по женскому вопросу. Если он вам нужен — возьмите!

— Ну, шутки здесь неуместны, — заявили власти и отпустили Адольфа с миром. Но придя домой, он не нашел у себя кошелька с 10 рублями. Всю эту историю нам сегодня рассказывала Фаворская.

Еще интересный пример, как следует доверять очевидцам. Ольга Владимировна рассказывала, что когда пуляли в Романовку, то Максим, Витя, Адольф и прислуга вышли на балкон послушать. Вдруг прибегает в квартиру Фаворских испуганный хозяин и заявляет, что дьякон напротив видел, как сейчас их молодые люди стреляли с балкона. Вся прислуга и сами мальчики говорят, что и револьверов-то у них не было и никто не стрелял. Фаворский рассердился на эти сказки, начал браниться. Тогда оказалось, что это не дьякон видел, а какой-то семинарист. Вообще бессмыслица. И стрелять бы было не в кого — балкон выходит в тупик...

С бульвара я повернула на Тверскую. Подошла к дому Гиршман32 — ничего не вижу: стоит дом как и стоял. Да слышу сзади разговор: «Смотри, смотри — вот окна выбиты!» Тогда я остановилась и стала смотреть куда указывали две разговаривающие дамы. И действительно, у соседнего с Гиршман дома четыре окна просечены ядрами или пулями — не знаю: круглые отверстия величиною с яйцо. Внизу во многих окнах выбиты стекла, в бельэтаже тоже, должно быть, от сотрясения. Во многих местах сбита штукатурка. В доме Гиршман тоже перебиты окна, разбиты стены (не глубоко), и у одного навеса отбит большой угол. Разбито одно большое окно в выступе (...) Над тем окном работает стекольщик. Многие окна вставляются стекольщиками. Все это в четвертом или третьем этаже. Напротив в домах перебиты окна. Народу здесь идет и едет много — все смотрят. Я пошла дальше. На углу Садовой и Тверской — следы разрушенных баррикад: валяются срубленные телеграфные столбы, висят проволоки, стащены в кучу чугунные решетки. Я пошла направо по Садовой. На тротуаре — следы крови там и тут, не затертые ногами и не засыпанные снегом. Здесь очевидно было побоище. Я повернула назад и пошла по направлению к Кудрину33. Здесь по всей Садовой — следы разрушения. Срублены телеграфные столбы, сломаны газовые фонари, снесены решетки палисадников. Тут, должно быть, были баррикады, но теперь ничего нет: все разобрано, увезено. Подхожу к Полтавским баням. Снег весь темный, раскидана масса щепы, какие-то обломки. Смотрю направо: меблированные комнаты «Ялта» подверглись расстрелу. Окна выбиты, стены, штукатурка посбиты, весь дом какой-то облезлый, точно после осады. Напротив «Ялты» — Полтавские бани. Та же картина. Говорят, и там и тут засели революционеры и стреляли в войска. Я шла вперед, а передо мной за Пресней все выше и выше поднимался столб дыма. Я заговорила с каким-то прохожим. Он думал, что это горят Пресненские бани. Рассказывали, что революционеры врываются прямо в дома, забираются на чердаки и оттуда стреляют. Здесь мы поравнялись с двумя женщинами. Они стояли на тротуаре и со скорбными лицами смотрели в сторону Пресни. Мой спутник поздоровался с ними. Я поняла из их разговора, что это — владелица бань. Оказалось, что эти женщины вчера с 5 часов ушли из дому, потому что очень страшно было (настроены там баррикады), и сегодня рано утром хотели придти домой, а уж вернуться было нельзя — с 6-ти (часов) началась пальба, а потом пожар и теперь никого не пускают. Она стала что-то вполголоса рассказывать знакомому, я постеснялась и ушла. Повернула на Малую Никитскую и подивилась, как тут было тихо и малолюдно. Нельзя было подумать, что через улицу идет борьба не на жизнь, а на смерть. Но опять начались выстрелы и здесь стало жутко, так близко они отдавали.

Еще в 6 часов вечера из наших окон видно было зарево: все еще горело на Пресне. Теперь прекратилось. Пальба давно смолкла. На улицах сегодня было оживленно, много магазинов открыто. Движение большое: едут и идут по всем направлениям. Гольцев34 вчера говорил Саше, что Кушнеревская типография цела, только немного стены попорчены. Сытинская часть(ю) сгорела, (но) часть машин целы.

Вчера Аннушка слышала на улице такой разговор: «Все это жиды. Они понаделали бумажных денег и хотели напасть на банк и забрать все золото, а сами расплачиваться фальшивыми. Они хотят, чтобы не было царя и церквей». Аннушка поддакивала этому. Я Аннушку стала стыдить, стала говорить, что все эти беспорядки не евреи затеяли, а такая партия — революционеры, и там есть и евреи, и русские и другие. И что стыдно так говорить, клеветать на людей, что Иисус не велел этого, и что когда так клевещут, возмущают против евреев, тогда-то и бывают такие побоища еврейские. Уж не знаю, согласилась ли она со мною?

30 декабря. Промежуток большой — не писала две недели. 18-го я хотела писать, подошла вечером к окну — зарево! Опять зарево! И вчера горело и сегодня горит. На меня напала такая гнетущая тоска, я ничего делать не могла, легла на диван и закрыла лицо. Потом только немного отошла, но писать все-таки не могла. Взяла Чехова35, его рассказы и прочитала весь вечер. Как это все далеко от революции и как приятно было забыться!

Конституционно-демократическая партия начала предвыборную кампанию, и сегодня бюро

Тверского (?) комитета партии отрядило, между прочим, студентов разносить воззвания от партии для привлечения к избирательной, как говорится, урне. Было поручено разносить и Всеволоду по близлежащим домам. Он отправился в большой дом напротив, а там живет бар(он) Будберг. Швейцар спросил, что это за пакеты, что ему надо. Потом явился какой-то субъект (дворник?). Они совместно решили, что это — прокламации и надо Всеволода отправить в участок, но предварительно обыскали. Позвали городового: он всегда стоит против дома, где живет Будберг. Увидев студенческую тужурку под пальто, городовой довольным тоном изрек: «Ээ...» Ничего не нашли, но субъект в поддевке все-таки немного погладил Всеволода по подбородку. Потом городовой повел Всеволода в участок и всю дорогу держал его за рукав, хотя Воля и заявил, что он и не думает бежать. Пришли в участок. Городовой передал Волю околоточному, объяснив, что вот он — разносчик каких-то бумаг. Сначала в участке было много народу. Потом, когда Воля остался один с околоточным, тот стал читать (раньше узнав от Всеволода, что это — воззвания от конституционно-демократической партии) листки и говорит: «Да что же? Тут нет ничего такого.» Обратил внимание на параграф примечания о предоставлении женщинам прав политических и заявил, что он против предоставления этих прав. «Вот, — говорит, — например, на одной железной дороге сделали женщину начальником станции. Она пустила поезд, да не дала телеграммы, а один поезд и налетел на другой. Ей стали выговаривать: «Как же это она?» А она говорит: «Да я не знаю, да как-то так...» А то вот, зубодерши. Выдернет вместо больного здоровый зуб, что с ней сделаешь? Доктора-то выругаешь, а то так и в физиономию дашь, ну а даме нельзя!» После этих разговоров Волю отпустили, но с провожатым, домой. Провожатый вызвал нашего дворника удостоверить Волину личность, а потом (все) явились сюда и потребовали у Воли листки, которые он разносил и не оставил в участке. После этого Саша сам отправился в участок браниться. Говорил околоточному, что эти листки — это приглашение участвовать в выборах в ту самую Думу36, какую желает собрать правительство. «Ведь у Вас, я думаю, много есть дел поважнее, — говорит Саша, — поэтому не стоит заниматься такими делами, которые не стоят выеденного яйца». Околоточный отвечает: «Да знаете ли? Мы за все беремся!» — «Вот это-то и плохо, что Вы за все беретесь! Вы делали бы только свое дело!» Кончилось все-таки на том, что забранные воззвания остались ночевать в участке, так как пристава там не было — он в наряде в театре и по телефону велел все бумаги задержать. Завтра утром Саша опять пойдет в участок.

1906

27 января. Сейчас с возмущением читала в «Веке» за № 23 статью Сакулина «Еще циркуляр»37. Статья критикует новый циркуляр министерства народного просвещения о мерах к восстановлению правильного хода школьной жизни. Тон статьи гадкий. Циркуляр писал Осип Петрович38, когда мы были в П(етербурге) на съезде39. Осип Петрович читал Саше этот циркуляр еще в рукописи. Меня бесит эта беззастенчивая ругань всех правительственных распоряжений. Когда знаешь Осипа Петровича, как знаем мы его, берет страшная злоба, когда слышишь нападки вроде тех, что находятся в этой статье. Этого идеального, честного и прямого человека, этого чудного педагога, этого человека, сердечно любящего детей, обвиняют. И в чем же? Будто министерство желает «под флером лицемерной гуманности замаскированным способом увольнять из школ беспокойных учеников». Просто больно читать. Впрочем, здесь есть два утешения. Бранящие циркуляр, не знают, может быть, Осипа Петровича, потому и позволяют себе все эти характеристики. А вот когда начинают его бранить люди знающие — это уж совсем плохо.

Не помню, до декабрьской революции или после ее подавления, встречаю я у Смирнова в Охотном Ряду К. Лосеву40. Она обращается ко мне с вопросом:

— Что это Осип Петрович делает в Петербурге? Он сыском занимается? Меня этот вопрос просто ошеломил.

— Вы знаете Осипа Петровича? — спрашиваю я.

— Знаю

— Знаю.

— Ну так вот Вы и решайте: способен он заниматься сыском? Ну а то о чем Вы говорите, вероятно, история в 1-ом петербургском реальном училище. Там педагоги творили черт знает что, и в «Молве» вся эта история подтасована.

Потом у нас с ней произошел возбужденный диалог.

— Я не понимаю вообще, как Осип Петрович мог взять этот пост (товарища министра народного просвещения)? — говорит она.

— А я не только понимаю, но глубоко его уважаю за то, что он взял, — отвечаю я.

— Однако Александр Александрович наверное не взял бы? — продолжает она.

— Не взял бы только потому, что он сознает, что он — не администратор. Она, кажется,

усомнилась.

— Да, только потому.

— Он и на собрании конституционно-демократической партии доказывал, что общество должно идти в правительство, — заявила я.

— В такое правительство?

— Тогда бы оно и не было таким правительством!

— И Вы считаете возможным идти в наше правительство после провокационного Манифеста 17-го октября42? — воскликнула она.

Я только руками развела.

— Так Вы не считаете этот Манифест провокационным?

— Нет, не считаю. — ответила я.

Тут подошла к ней ее спутница, и мы простились. И это критикует деятельность Осипа Петровича та самая Катя Лосева, которая только благодаря ходатайству Осипа Петровича (по ее просьбе) перед администрацией, кажется, у Трепова43, могла переехать жить в Москву из Вологды, куда она была выслана! И потом, такая радикалка и покупает в Охотном Ряду, которому был объявлен бойкот за октябрьское побоище44. Вот ее аттестат! Мне сейчас вспомнилось, как она переехала в Москву, постоянно бывала у Герасимовых и ночевала там. И все это забыто! У крайних вообще как-то слово с делом расходятся.

Наш доморощенный социал-демократ Николай Александрович Рожков45 ждал — ждал революции, предсказывал ее — предсказывал, даже на бутылку шампанского пари держал три года тому назад, что революция начнется в январе не то 1904, не то (19)05 г., в октябре, как рассказывают, на митингах призывал к вооруженному восстанию, а теперь, когда оно началось, остался в стороне, цел и невредим. Так же, как и многие другие социал-демократы, мечтавшие о вооруженном восстании. Рассказывала нам учительница Б. из Екатерининского института46 следующее. Когда уже началось декабрьское восстание, приносит ей солдат из института какую-то бумагу для подписи и при бумаге — книгу, где надо расписаться в получении. Она нарочно спрашивает солдата:

— Кого же Вы застали сегодня дома?

— Всех застал-с. Кто же в такие дни выходит-с?

Она посмотрела книгу и, действительно, нашла там подписавшихся всех тех преподавателей, которые призывали к вооруженному восстанию.

28 января. Сегодня к Саше заходил Д.47 — корреспондент, 25 лет живший в России. Мы познакомились с ним в Гунтене. Он просидел с час, было очень интересно. Вернулся он в Россию (из Парижа) в декабре, но ввиду декабрьских событий в Москву приехать не мог и до Рождества жил в Петербурге. Я спрашивала, хотелось ли ему в Россию, когда пришли известия о российских октябрьских событиях? Он говорит, страшно хотелось. Даже французов захватывали известия о России, а про русских и говорить нечего. Он не мог даже писать в газету (корреспондент в «Русских ведомостях»48) о французской жизни, настолько она ему казалась серой и обыденной сравнительно с русской. Я говорю, что удивляюсь, как русские могли в такое время бежать за границу. Он этого тоже не понимает. Говорит, что именно началась контрэмиграция. Они, невольные изгнанники, жившие за границей, поспешили, воспользовавшись амнистией, вернуться в Россию, охваченную таким освободительным движением, а элементы другого характера поспешили бежать из России. Элементы эти производят впечатление весьма несимпатичное. Много между ними просто жуиров.

Рассказывал про писателя-фельетониста Амфитеатрова49. Он удивился, когда узнал, что Добрянович50 едет в Россию, и заявил, что сам он не вернется до тех пор, пока в России не установится федеральной республики. Однако, как оказывается, Амфитеатров уже в России. Приехал, кажется, устраивать свои финансовые дела. Решил, должно быть, что республики придется ждать больно долго — до тех пор как бы зубы на полку не положить.

Добрянович рассказывал одну картинку. Приходит он в Париже в магазин Bon-Marche, смотрит, стоит громадная толпа и на что-то глазеет. Он протискался тоже и его взорам представилась живая картина: наша русская кормилка во всем наряде, в кокошнике, в атласной куцевейке, в бусах, а с ней какая-то богатая русская барыня. Парижане стоят и глаза пялят. Студенты русские, бежавшие из России, по словам Добряновича производят пренеприятное впечатление: сами сбежали, а там ходят революционерами и также меньше как на республику не мирятся. А Софья Яковлевна51 нам еще раньше рассказывала, что когда она проезжала через Берлин этой зимой, возмущалась русскими — на лицах просто была написана животная радость, что они спасли себя (и, вероятно, свои карманы) от революции. Добрянович говорит, что ему здесь ужасно нравится. Он так это хорошо сказал, (что) у меня на душе сделалось радостно. Вот это истинный патриот, хотя он — еврей. Как меня возмущают, как меня бесят гонители и ненавистники евреев! Он рассказывал, между прочим, что был в Новом театре, и ему там было очень приятно, и театр понравился, как-то в нем просторно, по-домашнему просторно, и хорошо. Оказывается, в Париже при театрах нет ни курильни, ни кафе: если хочешь курить, надо выходить на улицу. И зима ему наша тоже нравится — надоела западноевропейская слякоть. Вообще Добрянович произвел впечатление человека, который вернулся к себе домой из долгого-долгого путешествия и наслаждается теперь всем родным, близким и таким дорогим.

Я несколько раз была на собраниях, устраиваемых конституционно-демократической партией. Было интересно. Саша на днях представил прекрасный очерк программ партий левых и правых. Собрание (беспартийное) состоялось в большой зале Политехнического музея. Устраивал его Мясницкий район конституционно-демократической партии. Зала была полна. Публика была частью интеллигентная, частью торгово-промышленная: приказчики, конторщики, может быть, лавочники (судя по облику), и были два серых субъекта (двух я сама видела) в смазных сапогах, в фартуках. Чтение было по-моему очень удачное. Критика программы Торгово-промышленной партии52 производила большой эффект. Я следила за публикой и сама видела, как хохотали слушатели, по-видимому, приказчики, в наиболее ядовитых местах критики, а сзади доносились слова: «Ловко! Ядовито!» Когда Саша говорил об автономии Польши в программе конституционно-демократической партии, он сказал, между прочим, следующее: «Автономия в Польше не разъединит, а сплотит Польшу и Россию. Мы (т. е. конституционалисты-демократы)

желаем польской автономии именно потому, что мы — русские патриоты. Польская автономия страшна совсем не России. Она страшна Германии... Теперь, спрошу я вас, кто же действительно ратует за единство России?

Торгово-промышленная партия и Союз 17-го Октября называют себя патриотами. Да, это — патриотизм, но только не русский патриотизм, а патриотизм немецкий...» Эта пуля, оказалось, попала не в бровь, а прямо в глаз: во главе Торгово-промышленной партии, как потом смеялся Саша, станет барон Кноп53. Когда Саша кончил, раздался гром аплодисментов и кругом все слышалось: «Хорошо читает Кизеветтер! Отлично читает!» Около меня двое стоят и разговаривают:

— Почему же вот у нас поляки бунтуют — просят автономии, а в Германии им нет автономии, а они не бунтуют?

— И там бунтуют, — отвечают ему.

— Ну, а вот Кизеветтер сказал, что если Россия даст полякам автономию, то это будет козырь у нас в руках — немецкие поляки того же запросят. Ну а немцы им дадут тоже. Тогда нам надо добиваться нового козыря?

— Вот бы кто-нибудь поговорил об этом с профессором?

— Да это все в их программе есть, — отвечает ему другой. Тогда я вмешалась в разговор и говорю:

— Да вы спросите сами обо всем этом лектора. Он вам все объяснит, а в программе этого нет.

— Так что же Вы сказали, что есть? — укоризненно обратился говоривший к тому. Тот сконфузился.

29 января. Сейчас к Саше приходил социал-демократ от Рожкова. Запишу об этом визите под Сашину диктовку. Он пришел просить Сашу прочитать лекцию «Научное обоснование конституционно-демократической программы». Я сейчас подивилась: «Как же это? Социал-демократы и предлагают пропагандировать идеи конституционно-демократической партии?» А Саша и говорит мне: «Да ведь социал-демократы устроили бы мне там кошачий концерт, ошикали бы, освистали». Как я ни гадко о них думаю, но была поражена этим предложением.

Итак, пришел просить прочитать эту лекцию в Твери в пользу социал-демократического комитета. Комитет их весь разгромлен, страшно задолжал, а платить нечем. Обращались за помощью в Московский (комитет), но и тут (получили) решительный отказ — денег нет. Саша сказал, что читать не может для них, так как они принадлежат к другой партии. Социал-демократ начал говорить, что эта цель не партийная, а филантропическая. Саша заявил, что это неверно: для заключенных, для голодающих стал бы читать без различия партий, но здесь идет дело о том, чтобы помочь социалистическому комитету расплатиться с долгами. Тогда социал-демократ начал доказывать, что у конституционалистов с социал-демократами нет такого резкого антагонизма. Саша ему на это ответил, что антагонизм есть в идеях: «Вы зовете к вооруженному восстанию, а мы считаем это преступлением против освободительного движения, которое вы проваливаете, и против народа, который вы тащите на баррикады и подвергаете расстреливанию». Социал-демократ сидел и молчал. Возразить, должно быть, было нечем. Потом начал опять говорить, что это не для партии, а в помощь отдельным лицам. Саша рекомендовал обратиться к самим социал-демократам — Рожкову, Фриче. «Да что же Рожков, — уныло протянул социал-демократ. — Он читал у нас и собрал только 30 рублей, а Ваше имя соберет полную залу». По словам социал-демократа, Рожков предупреждал, что Саша — человек партии, но прежде всего — человек науки и, вероятно, не откажется читать. А Саша на это ответил: «Вы почаще напоминайте своим собственным ораторам, чтобы они оставались на

почве науки. Вот Николай Александрович тоже — человек науки, а что он говорит иногда?» В конце концов Саша указал ему на Боборыкина, и на этом они расстались.

4 февраля. Саша уехал на день в Петербург на заседание центрального комитета конституционно-демократической партии. Конституционалисты действуют энергично. По всем районам устраиваются ими чтения для членов (партии) с гостями. Объясняют программу партии в ее соотношении с партиями правыми и левыми.

Я была на таком митинге у Мазинга56 29-го. Саша повторял там то, что говорил в Политехническом музее. Еще после чтения в Политехническом музее Сашу просили читать для Арбатского района у Мазинга и для Хамовнического в Земледельческой школе 2-го февраля.

Доктор Баженов (старичок, как я его называю, хотя, говорят, он не стар, но почти весь лысый) остался от Сашиного чтения в восторге (в Политехническом музее), и говорил Саше, что он ему искренне завидует, одному ему изо всех ораторов, которых он знает. Сам Баженов — большой юморист. По внешности он довольно-таки комичен: толстенький, с брюшком, среднего роста,

круглое лицо с толстым носом, толстыми выдающимися губами, голова голая, по крайней мере, спереди, только на висках темные волосы, кажется, есть усы и пенсне. Ходит в черном сюртуке, пестром жилете и серых брюках, заложив руки в карманы, в петличке красненькая ленточка. Как-то в декабре у него спрашивают: много ли у него в психиатрической клинике больных? — «Никого нет, все разбежались, — отвечает Баженов. — Все мои больные теперь на баррикадах». Он в районных собраниях тоже говорит и очень удачно, всегда с большим юмором.

29-го у Мазинга было масса народу. Я нарочно села в гуще, чтобы наблюдать. В самом начале Сашиного доклада председатель доктор Кишкин58 прервал доклад и объявил собранию, что от градоначальника пришло предписание, что собрание должно происходить в присутствии чиновника, командированного градоначальником. Публика заволновалась, стали оглядываться, искать глазами полицейский мундир, даже некоторые двинулись к выходу. Саша стал успокаивать («Ничего страшного нет!») и продолжал свой доклад. Публика была разнообразная: интеллигентная, полуинтеллигентная и простая. Сзади меня сидела какая-то особа женского рода, никак не могла понять кто: по лицу — кассирша не из интеллигенции, а по разговору — скорее интеллигент. Когда Саша перешел к разбору программы Торгово-промышленной партии и начал ее разделывать под орех, она все обращалась к моему соседу, сидящему впереди, и все говорила, смеясь: «Слушайте! Слушайте!», а в одном месте говорит: «Слушайте! Слушайте! Это ведь Николай Карлыч (...) писал!», и осталась очень довольна, когда это место подверглось злейшей критике. А место это было, кажется, следующее: «В воззвании этой партии к служащим в торгово-промышленных заведениях на стр. 6 читаем: „Забастовок служащих, забастовок людей развитых и рассуждающих Европа не знает!“59 Что забастовки Западная Европа знает — этого нечего доказывать. Еще недавно Берлин утопал во мраке вследствие забастовки и т. д.» Вообще критика правых партий произвела впечатление.

Очень понравилась и речь о Союзе 17-го Октября Баженова, полная юмора. Он так поставил вопрос: «Кто такая армия Союза 17-го Октября? Ну, руководители — лица вполне уважаемые (Шипов, гр. Гейден, да и А. И. Гучков), ну а армия? Где вы были вчера? Устроили маскарады, надели либеральные картонные носы, ходите и думаете, что вас никто не узнает?» Публика страшно хохотала.

После перерыва начались прения. Выступил социал-демократ Обухов61. Он говорил очень корректно и даже спросил предварительно у председателя, можно ли выступить с критикой партии конституционалистов-демократов. Говорил очень спокойно, дельно и серьезно. Тут выяснилось, что часть залы несомненно за социал-демократов. Моя кассирша очень его одобряла и все обращалась к моему соседу, похоже, приказчику, человеку довольно апатичному и, думается, вообще мало понимавшему. Оратор-оппонент видел большой минус партии конституционалистов-демократов в том, между прочим, что она идет за предрассудками народа в вопросе о монархии. Передовая партия должна бороться с предрассудками и выставлять на своем

знамени лозунгом действительный, целесообразный образ правления. Если бы два года тому назад конституционалисты-демократы вздумали прислушаться к голосу народа, они услышали бы — «самодержавие!» Оппонент имел большой успех.

После него председатель заявил, что слово принадлежит докладчику. Какой-то господин около меня, несочувствующий Саше (я слышала из его разговора) громко сказал: «Ну, уж это скучно!» Я шикнула ему прямо в упор. Я была очень довольна таким порядком прений. Я боялась, что дадут выболтаться социал-демократам, а когда под конец конституционалисты-демократы станут разбивать оппонентов, социалисты и их публика уйдет. Говорят, так было однажды. Саша прекрасно отразил все нападки социал-демократов. Отражая упрек о следовании конституционно-демократической партии за народными предрассудками в вопросе о самодержавии, Саша возразил, что народ — не за самодержавие. Народ уверен, что царь в плену у чиновников и потому народ ненавидит этих чиновников, и единственное спасение видит в освобождении царя от пленения, и в единении царя с народом. Все другие возражения были очень удачно отражены и имели у публики большой успех. Аплодировали долго и дружно.

Очевидно, зала разделилась на (два) лагеря. После Саши выступил второй оппонент (от) социал-демократов. Этот уже типичный оратор социал-демократов: с высоким накриканным голосом, неудачною речью. Упрекал партию конституционалистов-демократов в расколе, указывал на выход из нее кн. Евгения Трубецкого62 (даже моя кассирша стала говорить моему соседу, что этот аргумент очень неудачен), кричал о революции, о необходимости нового вооруженного восстания, вопиял что-то о крови, о жертвах. Моя кассирша заволновалась: «Ай, его арестуют!» В зале поднялся шум. «Довольно! Довольно!» — раздавались голоса. «Продолжайте! Продолжайте!» — кричали другие. «Где же свобода слова?» — волновалась моя кассирша. Я разозлилась. — «Да ведь Вы сами говорите, что его арестуют? — обернулась я к ней с возмущением. — Или вам еще мало смертей и расстрелов во время декабрьского восстания?» Она опешила и что-то залепетала. Потом говорит своей соседке: «У, какая сердитая!» Понемногу под колокольчик председателя зала успокоилась, и оппоненту была дана возможность закончить свои возражения. Кончил он свою речь так: упрекнул конституционалистов-демократов, что у них в программе много неопределенного, все «по возможности». И такими словами заключил свою речь: «Да это и понятно — рожденный ползать, летать не может!» Эта речь была покрыта шиканьем вместе с аплодисментами, а из задних рядов пустили очень недурненький свист.

Саше ничего не стоило разбить все возражения. По поводу некоторых пунктов он доказал, что оратор просто не читал программу конституционалистов-демократов. По поводу других, что у оппонента нет ни малейшего понятия о науке государственного права. Насчет выхода Трубецкого Саша сказал, что если социал-демократы придают такое значение выходу князя Трубецкого из партии конституционалистов-демократов, это уже их дело, сами же конституционалисты такого значения этому выходу не придают. И закончил свой ответ так: «А если у нас все „по возможности“, то у вас все „по невозможности“». Взрыв хохота и гром аплодисментов.

Потом говорило несколько конституционалистов. Мне очень понравился присяжный поверенный Маклаков63. Он говорит очень тепло и искренне. Голос у него очень приятный, мягкий (но не сладкий), речь красивая, но, по-моему, не рельефная. Он, между прочим, указал на то, что у нас монархия еще не осрамила себя, не то как было во Франции — все бестактности Людовика XVI и, наконец, бегство его.

Последним говорил доктор Баженов, как всегда очень удачно, с большим юмором. Он (...)) воспользовался заявлением социал-демократов, что они «летают». «Оратор се-де гордится тем, что они летают, — своим комичным голосом преподносил Баженов, — но ведь летают и ракеты, летают и мыльные пузыри, да и как бы вам с вашей программой не вылететь в трубу!» На этом агитационное собрание 29-го и закончилось.

Интересный эпизод вышел с присланным от градоначальника чиновником. Подошел он с бумагой к председателю доктору Кишкину. Кишкин смотрит: ба, да ведь это — его пациент.

Оказывается, этот чиновник лечится у Кишкина и скрывает кто он. Сидел он весь вечер тихо и смирно, только когда 2-ой социал-демократ начал вопить о вооруженном восстании, чиновничек заволновался: «Придется закрыть собрание.» — «Сидите, сидите, — ответил Кишкин, — ему сейчас возразят». Когда я выходила, слышу двух приказчиков: «Ха, ха, ха! Ка-де! Се-де! Ах, чтоб их!»

Очень интересное собрание было 2-го февраля Хамовнического района в Земледельческой школе. Народу было масса. Я опять села в гущу. Кругом были рабочие и, похоже, приказчики. Председательствовал Алферов. Саша делал тот же доклад: «Обзор программ партий левых и правых и их отношение к программе конституционно-демократической партии». Слушали внимательно, и критика правых вызывала одобрительные замечания и улыбки. Но на мой взгляд обзор вообще несколько длинен, так что к концу серая публика несколько поустала, лица у некоторых стали более вялые, кое-кто позевывал. Сзади каких-то двое в серых куртках все время слушали с одинаковым интересом. Я несколько раз оглядывалась на них. Во время перерыва записались ораторы. Стали говорить кругом: «Рожков, Рожков будет возражать!» Это представляло интерес. Саше еще дня за два до настоящего собрания сообщили, что социал-демократы собираются его 2-го громить. Пришел на это собрание Рожков хитростью. Билета у него не было — его не хотели пускать. Он тогда сказал, что он на минутку, только два слова сказать Алферову, да так и остался.

После перерыва первым оппонентом действительно выступил Рожков. Говорил долго и вполне корректно. Свою речь начал: «Граждане!» — Глупо! Возражений существенных не представил. Кое-что вспоминаю из его возражений: «Конституционно-демократическая партия якобы стоит за политическую свободу, но политическая свобода бывает всякая. Конституционалисты-демократы предлагают конституционную монархию с абсолютным правом veto* монарха. Где же здесь свобода? Социал-демократов упрекают в несбыточных фантазиях, в стремлении (к) установлению республиканского строя, но социалисты и не желают установления республики окончательно, но надо установить республику хотя бы на время. Благодаря этому получится плюс. Этот порядок смел бы все наросты, образовавшиеся под эгидой самодержавия. Аграрная программа конституционалистов-демократов неясна. Что такое «выкуп по справедливым ценам»? Эта формула очень опасна и может быть выгодна для землевладельцев. Вообще вся программа страдает оговорками, неясностями, примечаниями. Примечание о женской равноправности выкинуто на 2-(м) съезде партии65, но есть другие примечания, например, примечание о республике».

— О республике примечания никогда не было, — вставляет Саша. Рожков помялся.

— Да, не было, — подтверждает и Алферов.

— Конституционно-демократическая партия — не партия, а союз.., — продолжал Николай Александрович (тут Рожков пустился в характеристику конституционалистов-демократов и в предсказания). — Это союз средней и мелкой буржуазии (интеллигентной). И теперь уже этот союз начинает распадаться (выход кн. Трубецкого). Надо приветствовать это распадение. В среде конституционалистов ясно выделятся правые. Туда пойдут кн. Трубецкой, Струве, и левые — мелкие собственники, буржуа-интеллигенты...

Закончил Николай Александрович совет (ом) не только вслушиваться в то, что говорят, но вглядываться и в то, кто говорит.

Саша начал свой ответ так:

— Я с интересом (прослушал) речь Николая Александровича Рожкова, потому что я привык к содержательности и обстоятельности его речей. Николай Александрович! Ваша сегодняшняя речь меня совершенно разочаровала. Она состояла частью из критики, частью из пророчеств. Я не знаю, которая часть была слабее, может быть это решат слушатели после моих ответных

замечаний. Оратор сказал, что не может существовать одинакового понимания политической свободы, что каждый ее понимает по-своему. Оратор находил возможным совмещение диктатуры со свободой. Он говорил, что диктатура пролетариата установит свободы. Мы с этим согласиться не можем. Диктатура есть латинское слово, и в переводе на русский язык означает «чрезвычайную охрану» (хохот). И где угодно, только не в Москве, можно доказывать, что при чрезвычайной охране может быть какая-нибудь свобода66. Что касается установления республики — республика сама по себе еще не гарантирует свободы. Могут существовать и деспотические республики. Оратор говорил, что республику надо установить потому, что династия, однажды устраненная, уже не вернется. Оратор должен знать примеры из истории, когда удаленная династия возвращалась, и это было ужасное возвращение. Вы говорите, что вы тоже не требуете немедленно отмены косвенных налогов и введения 8-часового рабочего дня. Какая же тогда разница в этом между нами? И у вас «по возможности»? Разница в том, что мы это прямо говорим в своей программе, а вы молчите об этом в программе, но говорите на митингах. По аграрному вопросу оратор упрекает нас, что у нас не объяснено, что значит «справедливая оценка», и видит в этом желание обсчитать крестьян. Вместо того, чтобы «читать в сердцах», лучше, Николай Александрович, прочитайте нашу программу. Там сказано, что значит «справедливая оценка»: «Не принимая во внимание цен, вздутых земельной нуждой»67. Теперь, что касается предсказания, что партия распадется и что это видно из выхода кн. Трубецкого, то может быть для других партий выход одного члена грозит целостью всей партии, а у нас дело обстоит иначе. Оратор приглашал обращать внимание не на то, что говорят, а кто говорит, к какому классу принадлежит говорящий. Мы с Николаем Александровичем — товарищи, принадлежим к одному и тому же классу, а сейчас развиваем противоположные точки зрения. Но я принимаю этот вызов. Он нам сейчас излагал идеологию рабочего пролетариата, пусть же он протянет нам свои руки, а мы посмотрим, есть ли на них рабочие мозоли.

Таким оборотом речи публика осталась очень довольна и приветствовала Сашу громкими аплодисментами. Потом выступил какой-то рабочий. Он все прикидывался простачком, говорил ерунду, сбивался и оправдывался, что он не профессор и не может подхватывать чужих мыслей.

— Помилуйте, у профессора и свои мысли бывают! — живо вставляет Саша комичным голосом (хохот).

Другой оратор приглашал рабочих воскликнуть: «Да здравствует социал-демократическая партия!» — Взрыв аплодисментов. Саша встает и провозглашает: «И я восклицаю: Да здравствует социал-демократическая партия!» — И тоже взрыв аплодисментов, но у некоторой части публики и недоумение. Один голос: «После того, что Вы сегодня здесь говорили, Вы не имеете права...» — «Я сейчас поясню в каком смысле, — продолжал Саша. — Я приветствую появление всяких политических партий в России, как признак оживления политической жизни». Рожков не угомонился еще, встал второй раз и не без язвительности начал:

— Хотя моя речь была и бессодержательна, но она вызвала длинное возражение. Однако по вопросу об абсолютном veto докладчик ничего не ответил.

Саша ответил:

— Да почитайте Вы нашу программу. У нас в программе ничего об этом нет.

6 февраля. Я была в Политехническом музее на докладе присяжного поверенного Маклакова: «Обзор программ партий для собрания избирателей». Народу было масса. Я сидела в середине. Публика — разношерстная, много приказчиков, немцев. Слышу сзади интересный разговор. Говорят трое (не то приказчики, не то служащие — повыше рангом рабочих). Один говорит:

— Хочу записаться завтра в Союз 17-го Октября, да не знаю — берут там деньги?

— Нет, там даром: они — богатые, своих много, — говорит (его) товарищ.

— Вот если сюда придешь, к конституционалистам-демократам, тут возьмут с тебя...

— Много?

— Ну, там копеек 50, а если квартирный налог платишь, так по расценке. Ну а если к социал-демократам пойдешь — будут просить рублей 20. Это нам не под силу.

Когда я дома передавала Саше этот разговор, он страшно хохотал. Говорит: «Мы-то читаем, читаем, проповедуем им разные идеи, а у них вот какая оценка — где дешевле!»

Маклаков начал свое чтение и предупредил, что программ левых партий он не будет касаться, ввиду отчасти исключительных условий, в которых находятся эти партии, а также ввиду того, что левые не являются избирателями: «Простая политическая порядочность меня удерживает от критики: они несвободны и не могут ответить». Однако, (он) все-таки подверг критике некоторые пункты их программы. В этой части своей речи Маклаков прибег к следующему ораторскому (мне кажется — чисто адвокатскому) приему. Когда он начал говорить о левых, голос его стал мягок и даже задушевен. Вся критика их программы была сделана деликатно и мягко. Но как только он перешел на критику правых, он весь преобразился: голос вдруг потерял свою милую мягкость и сразу зазвучал негодованием, и с уст оратора полилась горячая, негодующая речь. Громилась программа правых, громились действия правительства. Речь пересыпалась удачными оборотами, блестками остроумия. Очень удачно он высмеял, например, вот эту формулу из воззвания Торгово-промышленной партии: «Торгово-промышленная партия и ее служащие — одна семья». — «Послушайте, господа, — негодующе говорит оратор. — Одна семья! Это можно сказать на юбилее хозяина, ну на похоронах его, а никак не в воззвании!»

Успех Маклаков имел громадный. Чтение несколько раз прерывалось взрывом аплодисментов. И по окончании аплодировали дружно и горячо. Действительно, он читает (скорее говорит) прелестно! Голос, манера говорить, содержание — все производит впечатление. Это — первый оратор, который произвел на меня очень большое впечатление: кого я не послушаю, никто на меня не действует после Саши, сравнение для всех невыгодно. Один Маклаков выдержал передо мной с честью это сравнение! В суде, я думаю, он очень хорош. Я хочу сказать ему, что если когда (упаси боже) попаду на скамью подсудимых — приглашу его меня защищать.

После перерыва перешли к прениям. Оказалось, что деликатность Маклакова по отношению к крайним не затронула топорных седеков (социал-демократов), и они все-таки выступили оппонентами. Что возражали — не помню. Помню только, что Рожков опять вылез с своим veto императора, хотя Саша в Земледельческой школе доложил ему, что в программе конституционалистов-демократов этого не значится. Говорили три социал-демократа. Отвечал им Кокошкин68. Маклаков присутствовал, но не говорил. Почему? — Не знаю. Кокошкин очень удачно отбил атаку социал-демократов и, по-моему, разбил их наголову, показал всю несостоятельность их возражений и уличил их в невежественности. Часть публики была несомненно на стороне социал-демократов и аплодировала им, а не конституционалистам, но это была меньшая часть.

Выходя, я нарочно громко разговаривала со Всеволодом, возмущалась нахальством социал-демократов, которые осмеливаются вступать в диспут с людьми, обладающими солидным научным образованием. (Одна) барышня, аплодировавшая горячо социал-демократам, недовольная, оглянулась на меня. Пошли по лестнице. Молоденький студентик, Волин знакомый, стал защищать Рожкова, говорить, что он — знающий ученый. «Хорошо, знающий, — говорю я. — А читали ли Вы его учебник по западноевропейской истории? Вот Вам пример необыкновенной смелости и отсутствия знания предмета. Что критики писали!»

На днях как-то Маклаков читал опять этот доклад в Народном Доме. Там на него напало целых 6 социал-демократов и вывели его, наконец, из терпения при всей его мягкости. Сначала они критиковали программу конституционно-демократической партии, потом нападки приняли прямо

личный характер. Маклаков разозлился (даже он!) и отделал их.

А на другой день звонят ему в телефон:

— Кто говорит?

— Комитет социал-демократической партии приносит извинение за некорректное поведение членов своей партии на вчерашнем собрании.

14 февраля. В Петербурге Саша пробыл день и целый день заседал в центральном комитете. По возвращении в Москву, опять начались чтения. Читал 12-го в Мещанском районе для избирателей. Когда мы приехали в Домниковское училище, Сашу встретили встревоженные и озабоченные члены Мещанского комитета конституционно-демократической партии: «Александр Александрович! Как нам быть?! Начинать ли заседание? Градоначальник определил к нам чинов полиции». — «Конечно начинать, — говорит Саша. — У нас вчера на собрании районных делегатов тоже была полиция». Тут выступил с протестом тот самый инженер,

который именно на этом делегатском собрании демонстративно покинул залу. Он начал упрекать партию, что она себе изменяет, потому что ее последнее воззвание ... цензуровано!!! Ну, этого инженера распушили другие члены, и он отряс прах от своих ног — ушел с собрания. И вот опять он здесь и опять за ту же песенку: требует разойтись демонстративно, «чтобы показать, что мы не терпим произвола!» Но публика оказалась поумнее его. Перед тем, как начать доклад, председатель обратился к присутствовавшим:

— Господа, на сегодняшнее наше собрание градоначальник нашел нужным отрядить чинов полиции, которые и находятся здесь в зале.

Зала заволновалась. Начали вставать, оглядываться, подниматься на цыпочки, но полиции никак отыскать не могли: она в штатском платье сидела себе да посиживала среди публики. Побеспокоились, пороптали, стали утихать.

— Считает ли собрание желательным вести заседание при этих условиях, — продолж(ал) председатель.

Опять заволновались, начали друг с другом переговариваться, потом стали раздаваться отдельные вопросы из публики:

— А как было прежде?

— Прежде полиция всегда присутствовала, но не в зале, а за дверьми залы. Но в других районных собраниях и вчера на делегатском была в зале.

— А какие у нее полномочия?

— Этого я не знаю.

— По-моему, — раздается другой голос, — удивляться нечему, что полиция вмешивается в наше собрание: у нас — чрезвычайная охрана.

— Я нахожу, — слышится новый голос, — что из-за полиции не следует прекращать собрания. Полицию нужно совсем игнорировать. Это собрание такое важное, оно должно нам выяснить, к какой нам партии принадлежать?

— Конечно, полиции бояться нечего! Нечего бояться! — раздается несколько голосов.

Председатель объявляет собрание открытым.

Какой, однако, прогресс! Как осмелился русский обыватель! Возможны ли были подобные заявления в присутствии полиции год, (полтора) года назад!

Саша делает свой доклад о программах партий. После перерыва выступают оппоненты. Первым говорит рабочий: «В партии Народной Свободы не выставлен лазу?нг(...) Мне хотелось бы знать: какой ваш лазу?нг?» Саша отвечал, что лозунг конституционно-демократической (Народной Свободы) партии вполне определен: это — политическая свобода, которую установят сами народные представители, и социальная справедливость (справедливое распределение материальных благ и жертв). Второй оппонент (не то рабочий, не то студент) указывал, между прочим, на то, что в аграрной программе партии конституционалистов-демократов не сказано ясно, какая часть земли должна отойти крестьянам, а ведь известно, что крестьянам отдай хоть всю, чем больше, тем лучше. «Верно, верно!» — раздаются возгласы и аплодисменты. «Мы потому и не написали, какая именно часть, что мы — реальные политики, — поясняет Саша, — и желаем эти вопросы решить жизненно в зависимости от местных, данных условий. Мы не верим в решение сложных вопросов жизни одним (росчерком) пера. Мы — не бюрократы. Не благодаря чернильным строкам решится этот сложный вопрос!» Диспут с социал-демократами на этот раз имел очень приятный характер. Оба оппонента понравились нам с Сашей. Тон был серьезный и порядочный, без всякого желания подковырнуть. Сквозило, напротив, желание разъяснить некоторые недоумения.

Потом выступил какой-то господин по вопросу об автономии Польши. Этот оратор говорил долго, но маловразумительно. Собрание начало шуметь, некоторые уходили, сзади меня смеялись, говорили, что, когда у нас будет парламент, этого оратора надо будет выпускать для обструкции. Говорил он, действительно, бог знает что! Сравнивал зачем-то Кодекс Наполеона с К) томом Свода законов Российской империи, потом с Уложением царя Алексея Михайловича70, говорил о том, как в Варшаве пели «Боже, спаси Польшу...» и вдруг заявил: «А когда я был совсем малышом, я ездил в Галицию...» Зала расхохоталась и начались протесты: «К делу! К делу!» Наконец оратор кое-как выбрался из дебрей своего красноречия. Потом Саша говорил, что он еле-еле ухватил его мысль: опасение, чтобы решения польского сейма не шли бы вразрез с общегосударственными интересами, и чтобы поляки не надавили бы мелкие народности. Саша начал отвечать ему. Вдруг вскакивает какой-то бородатый субъект в верблюжьей куртке и зычным голосом кричит: «Как можно гарантировать?» В зале — смех. Председатель звонит. Куртка садится. Саша говорит: «Позвольте мне сначала ответить, а Вы потом...» Тот опять вскакивает, тыкает пальцем на председателя и кричит повелительно: «Запишите Смирнова!» Когда настала его очередь, заплел он какую-то околесицу, что я ничего не поняла, уловила только несколько отдельных бессмысленных фраз. «Все общество вырабатывается самомнением...» — зычным голосом поучает собрание бородач. «Когда каждый будет признан фактическим русским гражданином, — докладывает он дальше, — мы получим право самоопределения, самоуправления. Если мы не дадим Польше автономию, Польша отделится и отдельное государство. И какое же это будет государство из 5—10 губерний? А вот в Финляндии — автономия, так вот того и смотри, она нас превзойдет в своем благоустройстве». Оратор махал руками и все дальше и дальше выступал из своего ряда. Я думала, он дойдет до эстрады. В публике кто смеялся, кто уходил. Наконец, он кончил, сел, вынул платок и начал весь обтираться — пропотел основательно. Когда посмотришь на политических митингах на таких ораторов, послушаешь их, право, сердце радуется: какую черноземную силу сдвинуло освободительное движение. Хоть и порят чушь, а интерес пробудился.

По окончании собрания, смотрю — знакомое лицо: один пожилой господин служит в торгово-промышленном предприятии и член поневоле Торгово-промышленной партии. Он здоровается со мной и конфиденциально сообщает: «Вот мне удалось записаться в эту (т. е. конституционно-демократическую) партию». Таких случаев вообще много. Хозяева заставляют своих служащих записываться в Торгово-промышленную партию, а те симпатизируют партии Народной Свободы, или в нее записываются под псевдонимом. На одном собрании некоторые ораторы заявили, что они не могут записывать свои фамилии для прений, потому что они — псевдонимы или, хотя не записываются, но говорят, что голосовать будут за кандидатов конституционалистов-демократов

записываются, но говорят, что голосовать будут за кандидатов конституционалистов-демократов.

14-го Саша повторял свой доклад в Политехническом музее. Народу было масса. Много было избирателей — татар. Мы приехали поздно, все было занято. Я села сзади среди рабочих и, должно быть, приказчиков. Председательствовал какой-то нелепый председатель, совсем неопытный. Он попал (в председатели) нечаянно — настоящий приехать не мог. Только что Саша кончил с большим успехом свой доклад (после съездов Союза 17-го Октября и Торгово-промышленной партии71 прибавилось еще несколько пунктов для нападок на эти партии), как нелепый председатель объявил: «Так как ораторов будет много, я предлагаю ограничить их 10-(ю) минутами». Поднялся шум, крик. Из этого гвалта председатель вынес убеждение, что собрание за ограничение 10-(ю) минутами, и заявляет собранию: «Так как очевидно собрание за ограничение...» Гвалт еще сильнейший, требуют голосования поднятием рук. Председатель соглашается: «Кто против ограничения, прошу поднять руку». — «Кому поднимать, кто против или кто за? Поднимать за или против?» — раздается там и тут. Наконец понимают в чем дело. Руки поднимаются. Рядом с Рабинович72 сидел господин, он поднимает сразу обе руки.

— Послушайте, это — нечестно! — говорит она.
— Против нечестных слов мы боремся нечестными средствами, — отвечает он.

Она настаивает.

— Я с Вами не желаю говорить, — объявляет он, — а если Вы говорить желаете, пожалуйста — на кафедру.

Однако, несмотря на такие социал-демократические приемы голосования, против ограничения ораторов оказалось всего несколько рук (может быть и руки парные!). И вот шумели, шумели, голосовали, голосовали, а ораторов нет, никто не выходит. Нелепый председатель и перерыва даже не сделал. Тогда Саша говорит присяжному поверенному Тесленко73: «Идите, скажите Вы о выборах». Тесленко входит на кафедру и очень хорошо, и очень просто, для аудитории доступно говорит о выборах, о том, что необходимо вполне сознательно отнестись к выборам и сознательно же выбрать партию, в которую хочешь вступить.

После Тесленко на кафедру всходит Саша, а с другой стороны в это время всходит какой-то незнакомец: политический деятель совсем еще зеленый, безусый, но весьма, как оказалось, смелый. Он обращается к Саше (Саша потом рассказывал) и язвительно говорит: «Если не ошибаюсь, слово принадлежит мне». — «Нет, Вы ошибаетесь», — спокойно отвечает Саша и обращается к собранию. Говорит о тайном голосовании, объясняет процедуру и выгоду его и приглашает записываться в партию Народной Свободы. Теперь слово принадлежит зеленому социалистику. Впереди меня сидит молодой рабочий, он обертывается с возбужденным лицом в нашу сторону как бы приглашая слушать: «Ну теперь отделает этот молодой профессора-то. Уж и здоров же он говорить!» Молодой становится на кафедру и начинает кричать неистовым голосом: «Граждане!» и повествует о том, что партия, называющаяся партией Народной Свободы, не позволила ему говорить на их митинге в доме Мазинга, и что он доводит об этом до сведения собрания «потому, граждане, что для социал-демократов нет свободы печати». Далее он орет о том, что конституционные демократы полемизируют нехорошими средствами, утверждая, что социал-демократы стремятся к диктатуре пролетариата: «Утверждать это — значит обнаруживать политическую безграмотность. Мы требуем тоже Учредительного собрания, которое установит само или республику или монархию, и мы этому подчинимся». Далее пошла ссылка, весьма легкомысленная, на французскую революцию, и в конце-концов социалистик завопил что-то такое, что в зале зашикали, зашумели, захлопали, и не дали ему кончить. У своих социалистик все-таки имел успех. Рабочий впереди меня торжествовал.

Начал отвечать Саша. Сказал, что не знал о случае у Мазинга и что его расследуют, и не знает, почему не дали оратору говорить: «Может быть он думает, что боялись силы его слова? Но такое опасение было бы напрасно. Только что произнесенная речь показала силу легких оратора, а сила легких не всегда есть сила слова». Потом Саша начал отшелкивать его по существу: «Я

очень хотел бы сегодняшнего оратора поставить на очную ставку с авторитетным представителем его партии. Они очень пожурили бы его за его сегодняшние слова. Он отрицает диктатуру пролетариата, а это — требование его партии. Он обвиняет свою партию в политической безграмотности. Он говорит, что Учредительное собрание, созванное социал-демократической партией, решит быть или не быть монархии, но если это собрание решит быть монархии — социал-демократы перестанут быть социал-демократами. А что касается ссылки на Великую французскую революцию, эта ссылка весьма неудачна, и я вообще советовал бы социал-демократам не ссылаться на буржуазную революцию». Саша кончил — долгие и шумные аплодисменты.

Я нагибаюсь к рабочему:

— Ну что же, хорошо досталось вашему? Попробовал с профессором потягаться?!

— Да ведь ему отвечать не дадут, а то бы он еще наговорил, — защищает рабочий.

— Где ему, и своей-то программы не знает. Вон профессор-то его как отбрил.

Выходит новый оратор из серой публики, потертый, в поношенном платье, говорили, официант. Становится на кафедру, маленький, невзрачный, и начинает медленно: «Вот здесь сейчас господа говорили, что мы — буржуазы (социал-демократ кричал, что крестьяне — те же буржуа). Ну а какие же мы буржуазы? Мы — холодные, голодные... Вот летом я служил у г. N. в Царском Селе. Он мне крикнет бывало:

— «Чловек!»

— Что угодно?

— Небось недоволен, что тебя «человеком» называют? А ты знаешь, что наши дедушки пороли вас, а мы вам, свиньям, по два рубля платим.

Так вот мы какие буржуазы!»

Саша объяснил ему, что партия Народной Свободы и стремится к справедливости, к уравнению классов. Потом один из публики спросил: «Почему докладчик ничего не сказал о партии монархической, а между тем эта партия очень смущает». — «Для партии г. Грингмута76 у нас нет слов, которые мы могли бы произнести в порядочном собрании», — отвечал Саша. Взрыв аплодисментов. Аплодирует вся зала: и мой рабочий, и татары, и старики в «бутылках» — общее ликование. На этом собрание и заканчивается.

Выходя на лестницу, я сталкиваюсь с рабочим. «Вот Вы защищаете того молодого оратора..,» — говорю я. Но рабочий только посмотрел на меня, как мне показалось, растерянно и ничего не отвечал. В это время толпа его оттеснила. Два каких-то господина смеялись над социал-демократом: «Вздумал упрекать профессора в политической безграмотности? Ха-ха-ха!»

15 февраля. Сегодня пришел Н. И. Тимковский. Саши не было, (он) уехал с кн. Долгоруковым77 в Рязань и Пензу агитировать от конституционно-демократической партии. С Тимковским начали говорить о текущих событиях. Сначала об агитации конституционно-демократической партии. «Какой тяжелый труд взял на себя Александр Александрович!» — говорит Николай Иванович. Я говорю: «Да, Саша утомился. Уже раз пять читает все. одно и то же. Это тяжко, тем более, что он себя не считает общественным деятелем, говорит, что его тянет целиком к научным занятиям». — «Но, — говорю я, — не может же он сейчас не принимать участия в общественной деятельности. Стремились, стремились к изменению государственного строя, а как к этому дело стало подходить, так запереться в кабинет?» Николай Иванович согласился со мной. Потом я рассказала ему о некоторых случаях, как отражается настоящая действительность на некоторые

лица.

Мне рассказывали на днях, что Вс. П. Шер(еметевск)ий78 совершенно расстроен всеми мерзостями и репрессиями, которые творят власти. Всеволод Петрович, говорят, совершенно изменился, сделался сумрачен, молчалив, часто не выходит, когда бывает у них кто-нибудь. На Анну Николаевну79 это влияет скверно. Она стала какая-то угнетенная, плачет. Еще другой случай. Недавно, говорят, помешался профессор Базинер80 под впечатлением текущих событий. По крайней мере, когда он на днях на съезде Союза 17 Октября взбежал на кафедру и начал кланяться на все стороны, размахивать руками и бить себя в грудь, и потом заговорил невероятную чепуху — я пришла в полное недоумение: «Что же это за оратора выпустили?». Мне объяснили, что это — помешанный, недавно сошел с ума.

Потом я обратилась к Николаю Ивановичу с вопросом, что он думает о ближайшем будущем, каковы его прогнозы? Николай Иванович ответил, что он «совершенно не верит в коренное изменение к лучшему: будет немного получше и только. Общество наше совершенно не подготовлено, это не люди, а ветошки. В такое время, когда кругом совершается столько ужасов,

русские люди, вместо того, чтобы действовать, стараться прекратить эти репрессии, занимаются газетной полемикой, ведут спор о том кто прав, кто виноват: кн. Евг. Трубецкой или Милюков (по поводу выхода Трубецкого из конституционно-демократической партии) — просто читать противно! Вместо того, чтобы всем партиям соединиться и, сплотившись вместе, сразить общего врага, партии спорят друг с другом. О чем? — О двух палатах, об автономии!»

— Да что же сейчас делать, как бороться? — спрашивает Воля. — Тогда надо вооруженное восстание, а оно вот чем кончилось!

— Я не о вооруженном восстании говорю. Надо было всем сплотиться и подумать как быть, как бороться.

Говорил с Тимковским Воля. Я почти все время молчала. Я не знаю, что и говорить. Ну какими же средствами действительно бороться? Армия не на стороне народа. Так как же добиться свободы? А путем Государственной думы, по мнению Николая Ивановича, свободы не добьешься и будет только немного получше. Пессимизм Тимковского нагнал на меня удручающее настроение. Я не знаю, как будет и что будет, но что происходит теперь это — нечто ужасное. Хватают, сажают, расстреливают, пытают... Ел(ена) Ром(ановна) (...) пишет из письма своей перновской тетки, что у них в Прибалтийском крае «порют людей, пока у них кишки вываливаются». Бароны составляют списки и записывают и таких, какие им просто ненавистны. Между эстонцами, латышами — страшное озлобление на немцев. Сейчас все немцы ликуют и гордятся своей победой.

Николай Иванович говорит, что сейчас он наблюдает сильное падение настроения: рабочие до вооруженного восстания в декабре и после восстания — разные люди.

Курьезно было слушать Всеволода, когда он вел разговор с Николаем Ивановичем и возражал ему. Важность и вескость Волиных возражений были невероятны. Впечатление получалось такое, будто Воля — государственный муж, а Николай Иванович интервьюирует его. Всеволод изрекает с вескостью свои суждения о современном положении дел, зная, что все это сделается достоянием широкой публики. В 21 год это — простительно! Я, между прочим, указала Николаю Ивановичу на прогрессы в русском обществе: русский обыватель очень осмелился. Разве три года назад возможны были такие разговоры, как ведутся публично теперь на собраниях? А громогласно заявляемое игнорирование полицейских чинов, как было на собрании в Домниковском училище? Николай Иванович говорит: «Да, все это есть, но и в (18)60-х гг. общество всколыхнулось было, а потом наступила реакция». Нет, по-моему, это все-таки не одно и то же.

Сейчас Воля вернулся с районного собрания конституционно-демократической партии. Читали

Котляревский и Гольцев. Котляревский констатирует страшный поворот в сторону реакции (подтверждение слов Николая Ивановича) среди саратовского земства. Те земцы, лозунгом которых год назад было «всеобщее, равное» и т. д., которые стояли за неприкосновенность личности, теперь склоняются к репрессиям, увольняют третий элемент, боятся революции как пугала... Конечно, все это наделали аграрные беспорядки... Гольцев читал о финансах. Закончил он так: «Несчастливый народ, преступное правительство». По окончании подходит пристав к председателю:

— Очень мне понравился доклад, только вот как Вы находите последнюю фразу о правительстве-то.

— Ничего, — успокаивает председатель. — Ведь это о прошлом.

— А, ну это — другое дело! — успокаивается власть.

О присутствии чина полиции собранию было объявлено перед началом заседания. Все начали

вставать, оглядываться, искать полицейского мундира, а пристав в это время сидит себе да посиживает у самой кафедры: одет джентльменом, черный сюртук, жилет с открытой грудью и бант во всю грудь.

На днях Воля с Наташей82 были на собрании конституционных демократов. Читали несколько лиц. Председательствовал Герценштейн83. По окончании докладов председатель обратился к собранию с предложением записаться: «Кто пожелает возразить, спросить что-нибудь?» Конечно, прежде всего вылез социал-демократ и начал кричать, что партия Народной Свободы лишает граждан свободы — его не хотели сюда пускать. Только что он сделал это заявление, как раздался голос председателя: «Я Вас лишаю слова. Мы собрались сюда (для) серьезного дела, а Вы отнимаете у нас время Вашими рассказами, что швейцар Вас пускать не хотел...» Поднялся гвалт. Один кричит: «Уважайте свободу слова!» Другой: «Уважайте председателя!» Третий вопит: «Пусть говорит!» — «Довольно, довольно! К делу!» — раздается кругом. Постепенно порядок восстанавливается. Пренесносные эти «седеки». Они во что бы то ни стало желают мешать собраниям конституционалистов-демократов, проходят обманом с чужими повестками, записываются нарочно в партию, чтобы получать повестки (мешать заседаниям).

11 марта. За это время накопилась масса материала. Все лежит в набросках. Было бесконечное количество интересных собраний, поездка Саши в Пензу, Рязань, Орел... Буду теперь писать с конца.

Во вторник 7-го марта Саша уехал в Орел и Тулу, а я в этот день вечером (получила) через Зину повестку на (собрание) Союза 17 Октября. Там в качестве оппонента хотел выступить Маклаков, конечно, без ведома и желания членов Союза 17 Октября. Отправилась я с своей повесткой в Домниковское училище. Являюсь. Вхожу на третий этаж. Перед дверью залы отбирают повестки. Я показываю свою. Мне говорят:

— Вы не туда попали.

— Как не туда?

— Это не наша повестка, это — (Союза) 17 Октября.

— А тут чье же собрание?

— А тут конституционалистов-демократов.

Я не поверила, подумала, что это что-нибудь не так. Меня с этой повесткой впустили все-таки в залу. Народу — масса, смотрю — все незнакомые. Вдруг вижу студента Бокчарева84 — члена

конституционно-демократической партии. Я — к нему:

— Скажите, пожалуйста, здесь какое собрание?

— Конституционно-демократической партии.

— А где же Союза 17 Октября?

— Это с другого подъезда.

— А Вы не знаете, Маклаков здесь. Не собирается он возражать Союзу?

— Маклакова ждем. Только не знаю, будет ли он там.

Я выпросила мою повестку назад и коридорами направилась искать Союз 17 Октября. Нашла. Вхожу в залу. Народу тоже очень много, а потом набилась полна зала. Зала по размерам такая же как та, где заседает конституционно-демократическая партия. Публика все серая — похоже, лавочники, мелкие приказчики, женщины есть в платочках, в хороших шубах (может быть, тоже лавочницы), есть в шапочках. Лица неинтеллигентные, манеры тоже: занимаются чисткой скворечников.

Собрание уже шло. Кто-то что-то читал в противоположном конце залы. Я села на задней скамейке и стала вслушиваться. Выяснилось — что-то несуразное. О программе не было ни слова. Докладчик говорил о... русской литературе. Тут было все: и Андреев, и Кольцов, и Никитин, Фонвизин и Державин, Лермонтов и Пушкин85. Читались целые стихотворения, оды и поэмы, а публика сидела и хлопала ушами. Только в конце доклада докладчик догадался, наконец, заглянуть в область политической программы, т. е. заняться тем делом, для которого собрались слушатели. Сначала он залез в дебри истории. Сказал о призвании варягов: варяги были призваны для ограждения путей. Потом коснулся понятий самодержавия и единодержавия и посоветовал заглянуть по этому поводу в энциклопедический словарь, так что публика могла заключить из этого, что сам лектор почерпнул разъяснение этих понятий из того же источника. «Единодержавие, — говорил далее лектор, — ограничивалось всегда земскими соборами, а Екатерина II собирала земский собор для выработки Наказа86». В заключение (он) коснулся некоторых пунктов программы Союза 17 Октября и окончил упоминанием об И. И. Обломове87: «Илья Ильич не хочет больше над собой опеки, он хочет быть гражданином... Начинается эпоха демократических реформ...» По окончании были аплодисменты.

Встает председатель — плотный, румяный, в очках (похож на Рожкова), облик буржуазный — и предлагает желающим делать вопросы или возражения. Поднимается какой-то субъект: «Мы тут много слышали, но не слышали главного: чего домогается Партия 17 Октября? Здесь такие слушатели, которые этого не знают и желают знать, а лектор об этом ничего не сказал». Встает председатель и обращается к говорившему: «Федор Гаврилович! Мы здесь все Василия Ивановича Беляева88 очень хорошо знаем. И вот он скоро придет. Он нам все объяснит, а этому лектору уж отпустите, Федор Гаврилович!» В публике крики: «Объясните нам Манифест 17-го (октября)... Верно! Верно!.. А то начитали литературу...» Поднимается еще кто-то и заявляет: «Вот лектор ничего не упомянул о нашем государе, говорил о каком-то Пушкине, Лермонтове, а о государе — ничего!» Председатель порывисто встает и с деланным волнением (у меня такое впечатление) говорит: «Сергей Петрович! Может быть для Вас Лермонтов и Пушкин «какие-нибудь», ну а для нас — нет. Они — наши воспитатели! Конечно, и о государе надо сказать, и скажут. Государь — чуткий, он дал Манифест, потому что народ хотел. А вот я вам приведу один пример о правительстве...» И он рассказал, как он был на Рейне и ездил на Рейнский водопад: «Посреди этой водопады (!) — скала...» И далее распространился о том, что эта скала, с виду могучая и несокрушимая, снизу подтачивается и подтачивается потоком. «Таково и наше правительство. Об этом я и хотел вам сказать», — закончил оратор при громких аплодисментах. «Браво!» — кричали кругом. «Бис!» — раздалось сзади меня. Был объявлен перерыв. Кругом

говорили, что председательствовал Челноков89. Интересно мне было бы знать: кто он? Впечатление производит человека совсем неинтеллигентного. Докладчиком оказался Жураковский90, тот самый, который написал невероятную программу (для Комитета детского чтения) по Ибсену91 и потом Саше написал какое-то сумасшедшее письмо.

После перерыва я села вперед с Зиной Мирович. Слышу аплодисменты. Говорят: «Беляев! Беляев приехал!» Председатель пригласил публику садиться и начал: «Так как наш уважаемый Василий Иванович опоздал, мы попросили его приступить к докладу». Беляев — высокий, полный, лысый, с седыми усами и бородкой господин — встал и начал свой доклад. Начал с стихотворения (что-то длинное, но не сильное), а затем перешел к истории. Здесь он начал издалека и вкратце перебрал главные события русской истории до избрания Михаила на царство. И объяснил это избрание тем, что князья Трубецкие, Голицыны и др. остановились на Михаиле по следующей причине: «Миша — молод и будет делать по-нашему»92. О Смутном времени Беляев выразился, что Годину спасли русские мужики. Земские соборы состояли и из простого народа. Простой народ устроил Россию.

Перейдя в наше время, Беляев занялся разбором партий. Правительственные партии желают сохранить старый порядок, не допускают народного представительства. Они — против Манифеста 17 октября, дарованного самим государем. Вот что пишут монархисты: «Наш царь будет не царь, а какой-то полуцарь». — «Но это — мерзость!» — с негодованием восклицает Беляев. — «У нас с ними ничего общего быть не может. Они осмеливаются называть монарха «полуцарем», а мы говорим, что к царю надо относиться с благоговением». — «Верно! Верно!» — и аплодисменты.

Далее докладчик переходит к левым партиям и говорит, что они, стремясь к социал(истическому) строю, тем самым стремятся все стереть. Жизнь прекратится, останется один скелет (ссылка на книгу). «Ведь каждому люба своя обстановка, а социалисты желают все уравнять, все сделать общим. Своего ничего ни у кого не будет. Вот, например, сюртук — сюртук будет общий, сапоги — сапоги будут общие; родится ребенок — ребенок (будет) общественным (в публике — смех и движение). Столовая, обеды будут общие, звонит звонок — все идут к обеду... («Далеко ходить! Далеко ходить!» — певучим голосом сзади меня говорит старичок в высоких сапогах, в пиджаке и напомаженный). Приемы, милостивые государи, у социалистов невозможные. Они ссылаются на Иисуса Христа, говорят, что он — первый социалист. Но, милостивые государи, Иисус Христос не ходил с бомбой, с револьвером... (в публике одобрение). Теперь революционеры требуют денег с револьверами. Это — нечестно. Мы с ними не пойдем (аплодисменты).

Перехожу к партии Народной Свободы (конституционно-демократической). У нас с этой партией большая разница заключается в приемах. Конституционалисты-демократы обещают больше, чем могут дать. А тактика их такова.

Они долго не знали за какую форму себя признать: за республиканскую или монархическую и, наконец, решили за монархическую, но они — монархисты поневоле, иначе они не могли бы явиться к простому народу. По аграрному вопросу. Конституционалисты-демократы обещают наделить крестьян землею, но каким именно наделом они не определяют точно. Они и теперь еще разбираются в этом вопросе (статьи Кауфмана93). Так писать программы нельзя. Это значит рассчитывать на темноту масс. У нас же в программе все продумано. Теперь, что они говорят о Думе. С одной стороны, желают там устроить Учредительное собрание, с другой — находят необходимым делать органическую работу (здесь Беляев начал прямо катать из нелепой статьи ушедшего из конституционно-демократической партии кн. Е. Трубецкого94). Далее. Конституционалисты-демократы ставят в своей программе 8-часовой рабочий день. Союз 17 Октября знает, что этого сейчас исполнить нельзя, поэтому и в программу не ставят, а конституционалисты-демократы ставят 8-часовой рабочий день в программу, а сами знают, что это — неисполнимо. Зачем же они ставят?

Теперь перехожу к программе нашего Союза 17 Октября. Мы — за царя. Он не в партии, и мы всегда во все времена стояли за царя, но в натянутых с ним обычных с народом. Не основанных

всегда во все времена стоим за царя, но в непрерывном его общении с народом. На основании Манифеста 17 октября народным представителям должна быть предоставлена законодательная власть...»

— Честь и слава вашей диктатуре! — вдруг раздается непосредственный возглас из передних рядов.

Публика аплодисментами выражает солидарность.

Потом оратор начал распространяться про автономию Польше. Сделав исторический очерк, он заявил, что Польше давать автономию не следует. Это вызовет смуту в Польше и (ее) придется подавлять русскими солдатами: «Лучше уж Польша совсем отделится и установится таможня».

— Неправильно! — восклицает позади меня старичок. — Мы своей кровью (ее) полили.

Далее Беляев начал развивать понятие законности, внушал своей аудитории, что надо считаться с законностью, а не с личностью. Потом поговорил про аграрный вопрос, что Союз 17 Октября

непременно наделит крестьян землею, но обещать с плеча нельзя. Надо также повысить культуру, устроить, как в Германии, сельскохозяйственные школы с опытными полями. Вообще (он) старался по этому вопросу втереть очки своей простецкой аудитории.

Переходя к рабочему вопросу, (он) советовал устраивать профессиональные союзы: «Это будут ваши защитники и покровители, о политике они не думают. Забастовки же хлещут всю страну». Далее объяснял, что они за страхование рабочих, но только не за счет предпринимателей, как говорят конституционалисты-демократы.

Потом (говорил), что они за всеобщее обучение, но постепенное, в зависимости от средств государственных. И самоуправление должно быть преобразовано — всесословная волость. Надо будет пересмотреть финансы, изменить налоги: кто богаче — будет платить больше, кто беднее — меньше. Союз стоит за общее избирательное право (все классы), но не всеобщее — у нас большой процент безграмотных. И закончил в общих чертах оратор так: «Мы — партия мира, порядка, законности. Насилием нельзя гасить произвол. Мы преследуем начала законности. Надо быть стойким и сознавать: поступаешь ли законно или нет. Нашим избранникам предстоит скромная роль — созидания камня за камнем. Мы обещаем только то, что осуществимо, и не хотим чтобы наши избиратели (?!) краснели за невыполнимые обещания. Мы — за неделимую, единую Русь!»

Оратор кончил. «Браво! Браво!» — и шумные аплодисменты. Встает председатель и заявляет, что так как доклад очень затянулся и остается всего 20 минут, то он прямо переходит к текущим делам и не может уделить времени вопросам, если бы кто пожелал их сделать, или разъяснениям. «Свобода слова! Свобода слова! — раздаются крики из конца залы. — Мы требуем слова, разъяснений!» Председатель волнуется: «Я с удовольствием бы предоставил слово, но у нас нет времени, к сожалению». — «К сожалению, вы боитесь!» — кричат из концы залы. — «Ну, социалы! — подумала я. — И сюда припожаловали». — Председатель совсем заволновался: «Извините, вы не можете так говорить. Пожалуйста, я даю желающим слово только (на) 10 минут». — «Довольно! Довольно! Мало! Мало!», — общий крик и неразбериха. Все уже повскакивали с своих мест, стоят. — «Здесь, извините, очевидно пришли и не наши члены, а совсем посторонние. Как они прошли, мы не знаем...» — «Мы по повесткам... У нас повестки». — У стола замешательство. Потом председатель звонит: «Я ставлю на голосование. Желает ли собрание предоставить обсуждать прослушанный доклад и возражать на него или желает приступить к нашим дальнейшим партийным делам? Кто против обсуждения доклада? Прошу поднять руки...» — Все руки поднялись сразу как одна рука. — «В таком случае прошу всех, кто не принадлежит к членам Союза 17 Октября, оставить наше собрание». — Тут поднялось столпотворение вавилонское. — «Вон! Вон!» — кричали со всех сторон, свистели и шикали.

я идти не решилась. Надо было идти через всю залу — так и казалось, что вот-вот накладут. А Зина тем временем вцепилась в председателя, накинулась на него и все старалась ему внушить, что он не имел права не допускать прений. Председатель — весь красный, кругом — кучка черносотенных. — «Извините-с, позвольте...» — только и твердит бедняжка Челноков. Наконец, мне удалось ее оторвать от ее жертвы, и мы пошли к выходу, тут выходили и другие. Смотрю, у двери наши: Маклаков, Бокчарев, две дамы и какая-то молодежь — все наши. Вот тебе и социалы! Так это конституционалисты-демократы сыграли сегодня роль социал-демократов?! Наши о чем-то горячо толковали, окруженные членами (Союза) 17 Октября. У Маклакова лицо было какое-то не то недовольное, не то сконфуженное. Я с ним не говорила, только поздоровалась, но слышала, что он находит, что Союз 17 Октября, с своей точки зрения, вправе был не допускать прений, раз действительно у них не было времени и были другие дела. Я именно (так и) думала, также и нашу конституционно-демократическую молодежь не одобряла за произведенный ею шум, да и стыдно уподобляться приемам с несносными седеками. А какое у меня явилось отрадное чувство, когда я, выходя, увидала компанию наших! Точно из вражеского стана вернулась к своим! То же испытала и Зина.

26 апреля. Петербург. Я своего добилась. Сегодня осматривала Думу (Таврический дворец). Я все приставала к Саше — как бы попасть туда. Не хотелось уезжать, не посмотрев парламент. Саша все говорил, что нельзя. И вот судьба мне послала Колю Тесленко, который достал билет на осмотр. Я была в восторге.

Сегодня отправились в первом часу. Ехали очень долго, куда-то на окраину. Подъезжаем. Перед нами пространное, невысокое белое здание старинной архитектуры, с колоннами, с куполом над центром. Въезжаем в обширный двор. На дворе — насаждения. Перед окнами дворца слева — плац для караула. Слезаем у подъезда. Здесь большое оживление. Какой-то дьякон оживленно разговаривает со священником на извозчике о том, что молебен предполагается не здесь, а во дворце. Из здания в это время выносят красные (не то плюшевые, не то суконные) занавески или скатерти и все складывают на ломового. Входом в переднюю. На нас указывают околоточному. Он смотрит пропускную карточку и просит Сашу расписаться в книжке. Я хочу тоже расписаться. «Нет, не надо», — говорит околоточный и просит Сашу просто пометить: два человека... Саша спрашивает, нельзя ли здесь получить пропуск и на заседания Думы (я все просила его добиться возможности попасть на заседание). Околоточный говорит, что можно, и провожает нас в канцелярию. Канцелярия — большая светлая зала. Кажется, в ней пока еще ничего не готово, но чиновников в (...) мундирах уже изрядное число. Здесь есть и публика. Все оживлены, возбуждены. Нам объясняют, что чиновник, который принимает запись, вышел в залу и ведут нас пока осматривать.

Входим в большую, круглую залу с красными диванчиками (...) Потом показывают еще залу — совещательную, как поясняет солдат. Прекрасная, высокая, светлая зала, посреди — столы с зелеными скатертями, кругом — кресла. Еще зала и, наконец, вот и он — парламентский зал. Сердце у меня просто замерло от восторга. Я испытала невыразимое чувство, точно вступила в святилище. Саша взошел на кафедру, я — тоже. Потом мы пошли осматривать депутатские места. На левой стороне все наши знакомцы.

27 апреля. Я чувствую себя радостно возбужденной. Вот он день 27-го апреля. Сегодня открывается Дума! Сколько было предсказаний, сколько карканий, что Думу отложат или не соберут совсем...

28 апреля. День 27-го апреля был яркий, солнечный. У меня настроение было захватывающее, радостное. Часов в 12 мы (Саша, я и Зина) пошли на Морскую и стали на углу. Первое, что мне бросилось в глаза — это продавцы флагов в память открытия Думы. Все панели на углу Морской до Невского были заполнены народом. Мимо нас проезжали экипажи, направляясь ко дворцу. Вот карета с дамой в роскошном русском туалете. Вот в открытом экипаже молодой военный в красивом гусарском костюме. Вот вышитые золотом мундиры. Вот едут на простом извозчике два скромных штатских. Не депутаты ли? — Никто кругом не знает. У кучеров, у

извозчиков на шапках пропускные билеты зеленого цвета, очевидно, цвета партии Народной Свободы. Правительство позаботилось! Был уже второй час.

Приезд заканчивался. Мы пошли по Невскому. По широкому тротуару двигается густейшая толпа. Я всматриваюсь (...), выражение в лицах обыденное, незаметно ни воодушевления, ни торжественности. У встречающихся мужчин и у дам самые обыкновенные физиономии. Я обращала на это Сашино внимание. А сегодня в газетах пишут о каком-то торжественном и возбужденном настроении у толпы, ходившей по Невскому. На каждом шагу продают флажки и разные издания, соответствующие моменту. Мы пошли с Сашей к Неве на Сенатскую площадь. Мне захотелось придти на то место, где 80 лет тому назад первые конституционалисты задумали произвести государственный переворот, привели с собой войска, заполнившие Сенатскую площадь и кричавшие: «Да здравствует Константин и его жена Конституция!»95 Прошли мы площадь Исаакиевского собора. На Сенатскую площадь прохода нет — оцеплена солдатиками и городовыми. Солдатики отдыхали в тени на лестнице Исаакиевского собора, а на площади, на солнцепеке блестят и искрятся сложенные в кучу их трубы. Вся площадь между Исаакиевским собором и Сенатом пуста, только перед Синодом выстроилась в ряд конница. Мы постояли, постояли, поговорили с каким-то сумрачным городовым и пошли назад (...)

Было уже около трех. Мы опять устроились на Морской. Минут через 15—20 начали появляться первые разъезжающиеся из дворца лица. Прием закончился. Ехали все чины, дамы, посланники. Проехал на коляске кн. Трубецкой, предводитель дворянства, весь в золоте, в треуголке — отправился к «Кюба» завтракать96. Мы постояли еще немного и решили ехать в Таврический дворец.

Выехали с Невского на боковую улицу. Там было тихо, магазины открыты, идет обыденная жизнь. К концу Сергиевской нас стали обгонять экипажи, шли пешеходы — все по направлению к Таврическому дворцу. Подъезжаем к боковым зданиям дворца. Улица запружена экипажами, а дальше — народом. Ехать дальше нельзя. Мы вылезли и пошли в толпу. Вот где действительно царило воодушевление! Вся толпа возбуждена и празднична. Улица перед дворцом буквально вся запружена народом. Вся решетка Таврического дворца облеплена людьми. На колоннах ворот торчат фигуры гимназистов, каких-то молодых людей, над ними наверху сидит барышня.

Мы стали в толпу неподалеку от ворот. Едет карета, въезжает в толпу и здесь останавливается — дальше не пускают. «Пешком! Пешком! — кричат десятки голосов. — Выходите! Выходите!» Дверцы отворяются и кто-то (за толпой мы не видим) проходит сквозь строй публики, сопровождаемый насмешливыми кликами и одобрениями. Немного погодя — новая карета и та же сцена. Но вот раздаются аплодисменты. По коридору, образуемому расступившейся публикой, проходит штатский, говорят, депутат. Подъезжают и проходят еще и еще. Вдруг взрыв аплодисментов и крики: «Ура!» — «Родичев! Родичев!» — перекатывается из одного конца в другой. Шляпы мелькают в воздухе. По проходу без шляпы двигается Родичев и за ним, немного погодя, Петрункевич97, приветствуемый новыми кликами. «Ну, вот тебе и кульминационный пункт дня», — говорит Саша, но я совсем не удовлетворена. Я Родичева не одобряю и хочу приветствовать близких моему сердцу Кокошкина, Новгородцева98: они мне дороги, с ними и много связано. Спрашиваю того, другого: «Не приехали-ли москвичи? Не видали ли их?» — «Да они пароходом приехали, — отвечают в толпе, — уже прошли».

В это время со стороны Шпалерной появляются верховые гусары, на белых лошадях, в белых внакидку кафтанах. Они тихо шагом по три в ряд наезжают на толпу и заставляют ее расступиться. Толпа раздвигается и вновь смыкается. Они поворачивают назад и снова проделывают то же. Толпа раздается на тротуары и громко выражает недовольство. Мы с Сашей тоже спешим отстраниться. Он зовет меня прочь отсюда. У меня настроение начинает портиться. Мое возбуждение, моя радость подергиваются облачком. Только что мы всходим на тротуар, вдруг появляется откуда-то отряд жандармов в белых рубашках и скачет на публику. Раздаются свистки, крик: «Долой! Долой! Прочь!» Толпа ускоряет шаги. Мы спешим тоже. Настроение отвратительное. Мне горько и больно до слез. Такой великий, такой радостный день и опять этот омерзительный произвол! Крики и свистки несутся над жандармами. Мне отвратительно и

страшно. Неужели что-нибудь произойдет?!

1907

10 февраля. Сашенька в Смоленске читает сейчас, или только что кончил, лекцию в Народном Доме. Я чуть было не уехала с ним, взяла даже план-карту, да вечером перед отъездом поставила градусник — оказалось малюсенькое повышение (температуры) после инфлюенции, да в висках стучит. И решили все — уж лучше мне остаться, а то еще простужусь хуже, тем более, что в Народном Доме очень продувает. Вот я и осталась. И так мне сейчас жаль, что я не там с Сашурой, не слушаю его прекрасную лекцию, не испытываю этого наслаждения, а сижу здесь — только представляю себе, как теперь там в Смоленске в Народном Доме интересно. Сегодня Саша читает о Николае I, завтра будет вторая лекция и этим на нынешний год закончится цикл лекций по русской истории. Саша начал его удельным периодом, потом читали через известные промежутки Яковлев, Богословский, Готье99 от (...) до Николая I, и Саша теперь кончает его Николаем I.

Вчера Саше страшно не хотелось ехать. Он не любит этих поездок, и когда получил от А. А. Стаховича100 письмо, что губернатор запретил Сашину лекцию в Ельце, Саша воскликнул: «Ну, слава Богу! Только еще и можно жить, благодаря губернаторам!».

А интересно мне было бы посмотреть публику Народного Дома. Я как приехала бы, взяла бы билет на лекцию и села бы в зале между публикой, чтобы следить за впечатлением и наблюдать слушателей. После Сашина первого приезда в Смоленск в начале года, устроители писали Малченко101, что к организаторам приезжал артиллерийский полковник и просил прислать для его солдат несколько билетов на эту лекцию. Ему очень понравилась Сашина лекция, и такие лекции он находит очень полезными. Когда Саша шел после своей лекции, видит, идут позади два военных и один спрашивает другого: «Ну как, тебе понравилась лекция?» А тот отвечает: «Молчи, молчи, не мешай, мне надо все вспомнить по порядку. Я должен лекцию в голове до дома донести».

20 февраля102. Часов в 11 мы отправились на Таврическую ул. сначала в нанятую мною комнату. Подъезжаем к Таврическому саду, останавливаем. По всей улице — полиция. Мы говорим, что мы — в дом № 15. — «Пожалуйста». Зашли мы в нашу комнату (показать ее Саше), и говорили с хозяйкой кое о чем, и пошли к Таврическому дворцу. Вдоль всей улицы расставлены городовые, приставы. Два раза спрашивали у нас билеты. Время от времени нас перегоняют кареты, которые въезжали потом в ворота с Таврической ул. Мы подошли к Думе со Шпалерной (...) Я шла совершенно равнодушная. Вид Думы не вызывал во мне ровно никакого чувства. Подходим к главным воротам (к средним). Стоят церберы. «У Вас есть билеты?» — спрашивают весьма учтиво. Саша говорит, что он — член Думы. Я спрашиваю, где ход для публики? Мне указывают дальние ворота. Вдали доносится: «Ура!» Это там дальше — толпа, а здесь, на Шпалерной, чисто, только против Таврического дворца за оградой садика — кучка любопытных. То ли было прошлый год! (...)

Мы попрощались с Сашей. Он пошел главным двором, теми воротами, на которых прошлый год устроилась группа из молодежи, а я пошла дальше. Подхожу к моим воротам. — «Ваш билет». — Показываю. Иду по саду. Заворачиваю влево. Меня перегоняют кареты. В одной сидит дама в ротонде, голова покрыта шарфом: шляпу не надела — все равно велят снять. У дверей — новая серая шинель: «Ваш билет». Отрывает талон. Вхожу в дверь. Опять: «Ваш билет». Господи ты боже мой! В царствие небесное грешнице, кажется, легче будет пройти, чем жене депутата в Государственную думу! Впечатление противное. Начинаю раздеваться.

— Шляпу потрудитесь снять и боа оставьте, — заявляет солдат.

— Да боа-то почему?

— Не могу знать. Так нам старшие(ие) приказали.

— Не могу знать. Так наш старш(ина) приказал.

— Да ведь на билетах не написано про боа?!

— Не могу знать, а только не приказано... И муфточку оставьте.

— Ну а муфту-то зачем? Если и вздумаю в министров бросать, так она мягкая (солдат улыбается). Ну а мешочек можно? У меня здесь платки.

Солдат задумался.

— Ну, мешочек можно, — решает он. — А это что у Вас? — показывает он на трубочку у меня в руках.

— Это бумага — записывать.

Наконец раздевание кончилось, и душу мою отпустили на покаяние. Иду наверх. «Позвольте билет...» — знакомая песня. Мое место оказывается довольно-таки дрянное, сбоку, в третьем ряду: видна правая сторона залы, председатель (когда вытягиваешь шею) и совсем почти не видна левая. Я, конечно, недовольна. Еще не скоро начнется. Я выхожу из ложи, иду опять на лестницу. Здесь вся баллюстра над кулуаром усыпана публикой. Свесились через перила И смотрят вниз. Мне тоже хочется посмотреть — нет ни одного свободного местечка. Я прохожу в ложу для представителей печати. Это — та ложа, где прошлый год сидели мы. Там та же картина, перила все сплошь усеяны — смотрят вниз. Вдруг я вижу, что из ложи представителей печати открывается и сейчас же закрывается маленькая дверка в следующую ложу. Я спрашиваю у одного господина, не знает ли он, что там рядом и можно ли пройти? А вот сейчас узнаем! Пробуем — дверь заперта. В это время кто-то стучит, дверка открывается. Кто-то в нее входит, мой господин за ним, а я за господином иду и вдруг оказываюсь в совершенно пустой ложе. Стоит в ней особая мягкая мебель (...) На мебели никто не сидит, а у барьера над кулуаром стоит старая дама в сером платье, в шляпе, в боа. Тут же находится молодой солдат. Я тоже становлюсь К барьеру и нагибаюсь (...) по направлению к кулуару. Но вот он, наконец, кулуар весь передо мной. Тот самый кулуар, где я прошлую Думу пережила такое захватывающее, восторженное настроение (...) Теперь уже не то: нет ни того настроения, ни того впечатления, ничего похожего, и кругом все другое.

Смотрю вниз. Как раз под самой ложей, где я стою, начинается молебен. Несколько священнослужителей в блестящих рясах, в митрах, дьяконы, дьяки (двое) впереди держат особые свечи, позади — посох. Я обращаюсь к солдату, спрашиваю: «Кто служит?» — «Митрополит Антоний»103. Потом солдат мне показывает Голубева104 — толстое, голое лицо, через плечо — красная лента. Во время молебна стоит и качается. Я решаю, что очень стар. Позади Голубева солдат мне показывает Столыпина105. (Его) физиономия не вызывает во мне симпатии, что-то упорно-тупое. Кругом стоят мундиры, сюртуки и много крестьян. Осматриваю дальше зал. Вот и Саша! Он стоит с Федоровским и Тырковой106. Тыркова неинтересна: что-то кислое в лице. Вот подходит к Саше какой-то господин, высокий, седой, жмет долго руку. Начинается длинный разговор. Кто это и о чем они говорят? Потом Саша сказал, что это был Алексинский107. Ужасно досадно, что мы разделены с депутатами. Так скучно и как-то обидно. В это время через нашу ложу быстро проходит какой-то военный (кургузый мундир) и властно приказывает солдату никого не пускать в эту ложу. Я стою как стояла, повернувшись спиной к ложе и нагнувшись над барьером к кулуару, будто это меня не касается. «Кургузка» проследовала. Немного погодя я спрашиваю солдата, почему эта и следующая ложи пусты. Эта ложа, оказывается, царская и та старая дама — придворная. Следующая ложа тоже не для публики. Меня разбирает злость. Дума это — наше народное достояние, мы должны там хозяйничать, а хозяйничают какие-то морды в кургузых мундирах: туда не пускают, сюда не пускают, сами занимают места — а что они знают и что понимают?

Молебен кончен наконец. Антоний обращается к присутствующим с речью. Начинается в зале

шум неописуемый. Это понятно. Пение кончилось, а Антония не слыхать. Публика думает, что все прекратилось. Однако, некоторые слышат, что Антоний заговорил, подвигаются ближе. Вот забегали корреспонденты, пролезают вперед через священнослужителей. Вот одна барышня попросту положила листки на плечо священника и строчит, строчит. Слово кончено. Я ничего не слыхала. Дьякон становится в соответствующую позу и зычным протодьяконским голосом возглашает многие лета царствующему дому. Моя соседка, старая придворная дама, крестится. Певчие пропели. Протодьякон начинает снова... Кому? — «Членам Думы многая лета», — зычно, на всю залу возглашает он. Я кошусь на даму — крестится. Молебен кончен. «Гимн!» — раздается внизу. Певчие поют. «Ура!» — надо сознаться недружно подхваченное и опять гимн и опять: «Ура!» Наконец вся церемония окончена.

Спешу вниз. Ищу Сашу. Вот он пошел в депутатскую залу. Я покидаю царскую ложу и спешу на свое место. Рядом с моим местом оказывается место Набокова108. Он меня не знает, но я говорю свое имя и благодарю его за билет. Он показывает мне по моей просьбе где сидит Саша. Они сидят все четверо рядом (Долгоруков, Саша, Маклаков и Тесленко) близко к кафедре, чуть влево от середины. Я рада, что они все вместе. Я смотрю на Сашин затылок и мне как-то грустно, жаль

Сашу. Смотрю на него, и мне кажется неуместным, странным, что он сидит здесь в русском парламенте. У меня чувство такое, что его место не здесь, а в Москве, в кабинете. А прошлый год я искренне удивлялась на него, что у него не было желания идти в Думу. Мне казалось таким счастьем сидеть депутатом в той Думе, в первом русском парламенте. Этот парламент мне представлялся каким-то святилищем. Я с благоговением вступала в него и ходила по депутатским местам еле касаясь пола, будто боясь прикоснуться к этому храму. А теперь?.. Теперь?.. Вчера прошла совершенно равнодушно по депутатским местам, посмотрела где сидит Саша, отыскала кое-кого других, нашла карточку Крушевана109... Ну какое же это святилище, когда в нем сидит Крушеван! Господи, как бюрократия все опоганивает. Как власть загрязнила и самую идею народного представительства. Подтасовывает Думу Крушеванами, руки которых залиты народною кровью.

Начинается заседание. Говорит Голубев. У меня настроение серое и унылое. Говорит тихо. Слышу, читает не то какой-то манифест, не то передает слова государя. Правые все поднимаются. «Левые сидят, сидят...» — шепчут кругом. Голубев кончил. «За государя императора — ура!» — кричит кто-то справа. «Ура!» — раздается справа. Левые молчат и... сидят. Вот первое яркое и внушительное впечатление. Сердце замирает, делается жутко, дыхание захватило. Выдержат ли? Сидят, сидят спокойно. Ура! Гора с плеч — выдержали. Потом рассказывали, что при передаче слов приветствия Струве и Булгаков110 поднялись было, но оглянулись, фракция сидит, и они сели. Впечатление сильное. Что-то полное силы и достоинства. Правые бросают вызов, левые игнорируют его.

Потом пошли выборы председателя. Накануне парламентская фракция конституционалистов-демократов совещалась с левыми о председателе. Все сошлись на Головине111. Социал-демократы не могут иметь своего председателя: (им) не к лицу заниматься председательством. Товарищ(ами) председателя решено одно место дать трудовикам, другое — Тесленко. Так что выборы Головина прошли гладко. Подсчитали записки — большинство за Головиным. Дружные аплодисменты. Аплодируют и кое-кто направо. Переходят к баллотировке шарами. Голубев приглашает кого-нибудь из членов Думы помочь ему. «Князя Долгорукова! Князя Долгорукова!» — раздается из разных концов залы, точно так, как перед счетом записок. Это приятно — нашли князю деятельность. Процедура с баллотировкой шарами тянется долго. Вызывают по губерниям — всех увидим. Кругом ждут Бессарабскую губернию — Крушевана. Вот вызывают и его. Я плохо вижу: далеко и без бинокля. Вижу большие усы и голую голову. Вот бежит Алексинский, пробежал и вернулся ... направо. Оказывается, он сидит на правой стороне. Это, конечно, пока.

Саша рассказывал, что социал-демократы поругались уже с социалистами-революционерами из-за крайних левых скамеек. Самые левые места заняли социалисты-революционеры, а на них хотят сидеть социал-демократы! Саша смеется, говорит: «Мы скажем им, всем левым: „Ну а уж

насчет мест вы сами распределяйте. Кто из вас левее, те и берите крайние левые.“ Вот начнется грызня не на жизнь, а на смерть».

Головин, наконец, избран и входит на председательское место. Кланяется центру, налево и направо и говорит речь, очень краткую и очень тактичную. Впечатление очень хорошее. Кругом слышу одобрительные отзывы. Кончил речь И сейчас же закрыл заседание. Так было решено кадетской фракцией, чтобы никаких провокационных выходок со стороны правых не допустить.

В одном из перерывов мне удалось перекликнуться с Сашей. Я увидала его в кулуаре. Сама стояла у баллюстры, перегнувшись к зале (кулуара) и стала звать Сашу: «Саша! Саша!» Он услыхал. Мы поговорили. Он сказал, что по окончании заседания у них соберется фракция, а к 51/2 часа Струве звали нас обедать, так чтобы я и шла прямо к Струве.

Заседание закрыто. Я медлю уходить. Смотрю в кулуары, оглядываю еще депутатскую залу и наконец иду вниз к раздевальщику. Я почти последняя. Публика уже разошлась. Выхожу. Подхожу к воротам. За воротами — масса народу, много полиции конной и пешей. «Ура!» — доносится до меня. — «Что это кричат?» — спрашивает какая-то дама у пристава. Пристав — мужчина хоть куда, бравый, высокий, с черными усами — отвечает: «А кто их знает. Они г 9 часов утра кричат». Я пододвигаюсь к приставу и спрашиваю: «А не знаете ли Вы, как Крушеван сегодня сюда приехал? Рассказывают, под особой охраной?» — «Сам не знаю, уж у меня спрашивали. Я стою здесь с утра, но его не видал, вероятно, он проехал в другие ворота». Я постояла, постояла, очень хотела дождаться Сашу, но не дождалась и пошла по тротуару по направлению к Потемкинской. Подхожу к самой толпе. «Вам лучше там пройти», — предупредительно указывает мне полицейский по направлению к середине улицы. Я иду ни середину. Передо мной вдруг открывается длинный и широкий коридор из массы людей. Я иду по коридору. Хорошо, что не одна: впереди еще идет кто-то. Справа и слева, сцепившись руками, студенты, барышни, лицеисты стоят тесной, живой, движущейся стеной. Лица улыбающиеся, живые. Я отыскала маленькую брешь в этой стене и стала в толпе.

«Товарищи, шире!» — раздается команда. Идут депутаты. Вот проходит какой-то черненький с приятным лицом. «Урааа! Амнистию! Амнистию!» — кричат кругом. Делегат смотрит на кричащих и решительно говорит: «Освобождение!» Я обращаюсь к соседу-гимназисту: «Опять вы кричите: „Амнистию“. Прошлый раз кричали и ничего не вышло. И теперь то же будет». Перерыв. Никто не идет. Но вот по коридору быстро проходит дама в плюшевой кофточке и шапочке. «Амнистию! Амнистию!» — кричат кругом и хохочут. Дама конфузится, улыбается и быстро проходит. Настроение у толпы веселое. дут еще какие-то. «Правые или левые? Правые или левые?» — кричит молодежь. Те молча и сосредоточенно проходят. «Видишь — правые, молчат», — заявляет какой-то «товарищ». «Что же Крушеван? Уехал что ли?» — слышатся вопросы. Я все стою и жду чего-то. Вдруг показываются по коридору наши — милый Вася Маклаков (или «Васька», как его почему-то называют) и Струве. Струве идет вжав голову в плечи. Вася за ним идет и улыбается — в барашковой шапочке, усы подстрижены. «Струве», — говорит кто-то. Струве поднимает глаза и улыбается. Никто не кричит «ура», никто не приветствует их. Я за наших обижена: «Что же это никто не приветствует их? Ведь это же депутаты? Или вы только социал-демократов приветствуете?» Никто мне не отвечает. После Струве рассказывал, что дальше у них спрашивают: «Правые или левые?» — А Маклаков со свойственной ему «издевкой» отвечает: «Истинно-русские, истинно-русские». И сказал это таким тоном, что кругом расхохотались.

Я прошла на тротуар. Там стояли какие-то женщины, мужчины, похоже, Прислуга. Через несколько минут, смотрю, толпа задвигалась и коридорчик стал расстраиваться. — «Что такое? Ну! Двинули конницу на толпу! И зачем это понадобилось? Стоят себе, никому не мешают, нет, непременно надо скандал затевать». — Кругом слышались такие же разговоры. Конница (конные городовые) тихо и солидно в два ряда двинулась по Шпалерной, а перед ней колышется густой стеной тронутая с места толпа. И вдруг запевает. Я слушаю. Что это? Похоронный марш? Нет. — «Вперед, вперед, вперед....» — «Марсельезу». Мне сделалось очень смешно. Движется

толпа демонстрантов и распевает революционные песни, а позади толпы — почетный конвой мерно, тихо следует за толпой. Вот до чего мы дожили! Я пропустила толпу и конвой и пошла позади. Не хотелось идти перед конвоем. Кто их знает! Вздумается им двинуться на демонстрантов, стегнут лошадей, вынут нагайки, и пойдут писать. Иду по бульварчику. На изгороди примостился пролетарий и обращается к старичку-нищему: «Что, дедушка, не видал нашего благодетеля Крушевана?» Так дошли до Фурштатской. Я постояла около бывшего нашего клуба на Потемкинской; там стояли студенты, еще кто-то. Хотела было зайти на квартиру Долгорукова (бывший клуб), да узнала от студента, что там Маклаков да еще кое-кто (Саши не было) — пойти постеснялась. Маклаков и так жаловался, что эта квартира — кабак. Вечно народ. Пошла мимо Фурштатской, вижу там толпа остановилась, выкинула красные лоскутки и стоит, должно быть, речи говорит. Кусочек одной речи я слышала (кто говорил — не знаю): «Мы будем добиваться, а вы поддержите...»

Пришла к Струве. Там еще никого нет. Я опять — на улицу. Дошла до Потемкинской. Там уже никого не было, все было тихо. Я вернулась назад к Струве и здесь уже застала всех в сборе (Саша, Кауфман). Струве спрашивает меня о впечатлении от заседания. Я говорю, что в общем

впечатление бледное. Единственный внушительный момент это когда «левая» (половина) не встала. «Ты скандальчики любишь», — смеется Саша. Струве не одобряет этого сидения, но Саша объясняет свою точку зрения. Голубев читал не собственные слова государя, а передавал приветствие государя своими словами — здесь следовало сидеть. К обеду подошли Гревс и Франк112. Настроение за обедом было самое будничное. Разговаривали о том, о сем, об университетских, партийных делах, курсах. Об открытии Думы Саша, смеясь, рассказывает как он оскандалил кадетов: выходит из Думы, на карауле — (его) кузен офицер Саша Леман, они обнимают друг друга и целуются113. Нина Александровна Струве114 была на улице и говорит, что на нее толпа произвела не то впечатление, что в прошлом году. Прошлый год толпа была серьезнее, было много рабочих, а теперь все учащаяся молодежь, рабочих мало, и настроение веселое, несосредоточенное. Часов в 8 Саша пошел на заседание во фракцию, а я к себе в «Северную» гостиницу.

21 февраля. Я выехала из Москвы с пассажирским поездом (в) 7 часов вечера. Иду с носильщиком садиться в вагон. В зале перед дебаркадером масса народу: столпились в дверях, ломятся, жандармы не пускают. Шум, гвалт, молодые лица, мелькают цветы. Что такое?! А вот Челноков. Это его провожают. Вот и наши знакомые — доктор Михайлов («превит»), Духовской115. До отхода остается очень мало (времени), а меня и моего носильщика толпа не пропускает. Я начинаю сердиться, проталкиваюсь всеми правдами и неправдами, наконец, попадаю на дебаркадер и в свой вагон. Вскоре поезд трогается. Раздается: «Ура!» Смотрю в окно — часть толпы все-таки продралась на дебаркадер и провожает Челнокова. У многих в руках краснеют цветки, очевидно, из букета, поднесенного Челнокову.

В моем купе едут целых 5 дам со мной. Одна попала по недоразумению: на один билет — две дамы. Сначала разговор идет у двух дам малоинтересный. Потом одна, очень интересная брюнетка с нерусским акцентом, в ротонде и меховой шляпке, начинает рассказывать как у нее был обыск и как пристав сам был очень сконфужен, когда пришел обыскивать их квартиру: «Мы — самые мирные люди. Никогда ничем таким не занимались. Живем много лет на одной квартире, все нас знают. И вдруг обыск. Пристав даже не стал искать ничего. Куда ни посмотрит, только видит счет белья. Он посидел у нас часа 2, потом очень извинялся. А муж говорит: «Чего же Вы извиняетесь, это — Ваша обязанность...»

Разговор перешел на Думу и выборы. Заспорили 2 пассажирки. Одна — серьезная, еще нестарая дама (раньше все читала), другая — типа немолодой девицы-фельдшера или курсистки, довольно растрепанная, в темном платье с кожаным поясом. Эта стала удивляться, что кадеты не дали рабочим два места по Москве и доказывала, что это решение принесет вред самой партии. Ссылаясь на цифры голосующих рабочих, на справедливость, указывала, что центральный комитет конституционалистов-демократов, т. е. Милюков (!), правее самой партии. Я и серьезная

дама с ней вступили в спор. Дама цифрами доказала ей, что ее цифры (из газет) неверны, туда включены все рабочие, а между ними масса неголосующих по летам и т. д. Девица продолжала болтать ерунду, говорила, что было раньше решено дать и т. п. и при том, когда мы ей возражали, то (она) оправдывалась: конечно, может быть я не знаю, не понимаю, но... Она мне надоела и я ей, наконец, сказала: «...Конечно не знаете. Я только удивляюсь, как Вы, не зная, беретесь решать».

Потом заговорили про митинги. Девица оказалась из Калуги и рассказывает, что у них митинги не разрешали. Был один устроенный октябристами, но кадетский:

— Понаехало много конституционалистов-демократов, главных ораторов и между ними, как его фамилия ... да, Кизеветтер. Я его не слыхала, не попала, а говорят, он — прекрасный оратор...

— Да, — замечает серьезная дама, — я его тоже не слыхала, но говорят, что он — замечательный оратор.

— Про наш митинг рассказывали, — продолжает девица, — что Кизеветтер так всех увлек, что октябристы ушли кадетами.

Я слушала и чуть не расхохоталась, так мне было смешно слушать про Сашу (и) скрывать свое инкогнито.

***

Муромцев116 очень подходил к роли председателя первого русского парламента: торжественный, великолепный, уверенный в том, что у него сила, ему все дано (по крайней мере, таково впечатление). Такая фигура председателя вполне вязалась с парламентом, которым руководила вера в свою силу. Муромцев священнодействовал. К себе на кафедру (по рассказам) он никого не допускал: «Здесь место председателя». Он с аппетитом председательствовал и справлял все обязанности со вкусом, ссылаясь на наказы других парламентов. Раз при нас было спорное голосование, встало «за» и «против» почти равное число лиц, трудно было решить вопрос. «По регламенту французского парламента (или какого другого, сейчас не помню), — провозглашает торжественно (...) Муромцев, — в таких случаях баллотировка производится разделением (одни в правую, другие — в левую дверь)». Однажды выходит на кафедру серый мужичонко в кафтанишке, развертывает листок и собирается читать речь. «Оратор! — провозглашает председатель. — Ни в одном парламенте не предусмотрена возможность...» и т. д. Мужичонко горбится и стушевывается. Когда Муромцев был занят с кем-нибудь разговором, а к нему подходили для разговора лица более высокие, он нарочно не торопился прервать разговор с первым. (Все это записано со слов депутатов.)

До выбора председателя и, кажется, еще до 1-й Думы пришел в Московскую городскую думу пакет с надписью: «Председателю Государственной думы...» Когда выбрали Муромцева, пакет доставили ему. Он пригласил в кабинет президиум, торжественно, не спеша распечатал конверт и начал читать, ... а в пакете оказалось предложение Государственной думе внести постановление о прекращении на улицах Российской империи ... матерной брани!

Муромцев, говорят, был безупречным председателем и в «Новом времени». Ал. Пиленко117 все время попрекает Головина Муромцевым. Но странно сравнивать: Муромцев еще задолго знал, что его выберут председателем, ведь состав Первой Думы предугадывался до выборов. Муромцев знал и готовился к этому, усердно изучал «регламенты» западных парламентов. А ни Головин, ни его партия не знали, что Головин будет председателем. Его стали намечать только в последнее время перед выборами, да и то не знали, во-первых, пройдет ли он по Москве в Думу, во-вторых, пройдет ли он в Думе в председатели. Какова будет Дума? Допустим теперь, что он и небезупречен. Кто же был бы лучше? Не приходит в голову никого, кого можно было бы наметить. В Москве были разговоры о кн. Долгорукове, но он — плохой председатель и его не

любят при дворе, а это очень важно. Сегодня как раз Головин получил аудиенцию у государя, которой он испрашивал118. Это очень умно. Муромцева упрекали за то, что он не пользовался правом своим докладывать государю о ходе думских работ. Надо приучать к факту существования парламента и, если можно, заинтересовать. Рассказывают, что государь постоянно читает отчеты заседаний. На меня лично Головин производит очень хорошее впечатление. Я не могу разбираться в юридических тонкостях, в деталях председательствования, в которых обвиняет Пиленко Головина, но непосредственное впечатление от председательствования благоприятное. Всегда ровный, бесстрастный, равно беспристрастный и к правым и к левым, стойкий в своих требованиях, Головин, мне кажется, импонирует Думе. На всей его фигуре, сухой и корректной, лежит отпечаток благородства и выдержанности.

23 февраля. Я опоздала и пришла (на заседание Государственной думы) оказывается тогда, когда был сделан по просьбе крестьянина Мельника119 перерыв для совещания. Скоро заседание возобновилось. Достопримечательного ничего не было, было скучно и утомительно, но я высидела до конца. Сидела с О. Т. Булгаковой120. Все время антрактов (их было масса) говорили с ней о том, о сем. Между прочим, она рассказывала о своем соседе по номеру. Рядом с ними остановился, должно быть, «истинно-русский», по крайней мере, как он только вернулся после открытия Думы, сейчас (же) начал браниться. «Черт их знает, где у них там «левая». Я сел направо, а меня оттуда погнали, говорят: не туда попал, здесь левая сторона», — жалуется депутат. — «А жидов много?» — спрашивает другой голос. — «Жидов? — отвечает первый. — Нет, только четыре жида». На другой день этот сосед задал такой «истинно-русский» храп, что Ольга Тимофеевна Булгакова не могла ничего делать и вышла в коридор. Смотрит, какой-то субъект в шинели спрашивает у горничной: можно ли видеть соседа? Горничная говорит, что (он) спит, и будить она его не может: «Вон, слышите, как они храпят?» Вечером происходило чтение вслух газет. Описание уличных демонстраций: «...Зеленые прыщеватые лица пролетариев...» и т. д.

Заседание окончилось. Я прошла к депутатским воротам. Там выходили депутаты. Небольшие группы ждали их. Вот вышли польские депутаты. Костюмы очень живописны. На плечах накинуто широкое пальто, на голове лихо сидит шапочка с ухарски торчащим вверх пером. Мы глазеем на них. Поляки проходят. «Ну, пойдем что ли?» — говорит кто-то около меня. Оглядываюсь: двое мужчин, неинтеллигенты. «Подожди», — говорит который постарше. — «Чего ждать? — отвечает молодой. — Вон уже бабы пошли, все вышли». По двору шли барышни-стенографистки или из канцелярии.

Саша ждал меня уже дома. Вечер у него выдался свободный, и мы поехали проветриться в театр Буфф.

На 3-е заседание (Государственной думы) я не попала — билета не было. Было кое-что интересное121. Как курьез Саша рассказал, что кто-то написал на записке помощников секретарей: «Носик, лосик, чижик, соловей и пройда!» Когда прочитали эту записку, Тесленко так и закатился. Саша говорит, что он заразительно, замечательно хохочет. Закроется бумагой и прыскает. Он вообще очень симпатичный. У него премилое лицо.

25 февраля. Во фракции партии Народной Свободы обсуждаются вопросы, как партии встретить декларацию министерства. Милюков внес предложение встретить эту декларацию молча и перейти просто к следующим делам. Это — хорошо! Страшно внушительно и для Столыпина уничтожительно. Теперь вопрос о том, как отнесутся к этому левые? Сегодня рассказывали, что все левые решили действовать заодно с конституционалистами-демократами, а эсдеки решили покинуть залу, как только Столыпин появится.

26 февраля. Вчера я решила, что, очевидно, через народных представителей в Государственную думу не попасть и надо действовать через бюрократию, воспользовавшись своей дружбой с товарищем министра. Утром отправилась к Мише122. Ну, конечно, разговор о современных событиях. Он сообщил, что ездил голосовать с дядей Ваней и что положили записки за

октябристов, и объяснял почему: «Ведь за кадетов и так много голосуют. И вообще — Дума оппозиционная. Вот я и решил, что надо дать предостережение, чтобы поняли, что не все за левых. Сначала я хотел подать смешанную записку. Октябристы, вижу, люди приличные, ну и опустили мы с Иваном Николаевичем за них». Потом Миша показывал Саше бумаги по своему лесному департаменту и говорил, что даст Саше матер(иалы) для критики тех законопроектов, которые представлены по лесоводству. Совершенно так же, как Осип Петрович (Герасимов) обещает дать материалы для критики законопроектов по образованию.

От Миши Саша поехал на заседание фракции, а я к Герасимовым. Пришла — его нет, (одна) Анна Андреевна123. Потом пришла Кареева124 и начала рассказывать об Иващенко125. Это — член Думы, успевший уже прославиться. По ее словам, он накануне уморил их дам на заседании Общества пособия курсам126. Он разглагольствовал до 2-х ночи и говорил бог знает что. Между прочим, что он много потерял. Благодаря выбору в Думу лишился дохода в несколько тысяч. Куда бы не намечали (его) в Думе, хотя бы одной запиской, он не считает нужным отказываться и заявил кому-то из членов Думы, что если бы его выбрали чистильщиком ватерклозетов, он не счел бы возможным отказаться.

Наконец, через часа (полтора) пришел и сам Осип Петрович. Я ему сообщила мою просьбу. Говорю: «Как хотите, а доставайте мне билет в Думу. Наверное, Вы это можете сделать». Осип Петрович хотел попробовать. В это время от Анны Андреевны вышел военный доктор. Осип Петрович пошел с ним здороваться и стали разговаривать. Рассказывал, что завтракал с Куропаткиным и Линевичем127, и что Куропаткин производит ужасное впечатление — полное ничтожество. Доктор рассказывал, с какими надеждами ждали Куропаткина на Дальнем Востоке. Там так ненавидели Алексеева128. Он себя держал царьком. Все перед ним склонялось. Когда он приезжал, площадь устилалась красным сукном, являлись на поклон. Приехал Куропаткин. Вот, думали, все изменится и наши начнут побеждать — не тут-то было. Куропаткин хорош, исполнителен, когда под чьим-нибудь началом.

Сегодня утром я была ужасно огорчена. Саша рассказывал, как собирается фракция (партии) Народной Свободы встретить декларацию Столыпина. Я представила себе всю внушительность этой сцены и мне стало невыносимо горько, что я не попаду в Думу на это заседание. Я не удержалась и говорю Саше: «Как только Столыпин прочтет свою декларацию, и ты расскажешь мне — уеду в Москву. Я положительно не могу здесь сидеть и не быть в Думе. Люди из за границы, Америки приезжают, чтобы попасть в Думу, а я сижу здесь рядом и не могу быть». Я сознавала, что я делаю свинство, заставляя Сашу заботиться о моих билетах (он так страшно занят), но что же делать, когда так хочется бывать в Думе. Саша ушел, и я решила сама попытаться пойти в канцелярию. Не удастся ли что-нибудь мне устроить?

Стала собираться. Звонок. Спрашивают меня. Оказывается — Рабинович из Москвы. Я ей говорю, что есть билет на 8-е заседание, а ей надо раньше, она уезжает. Я предлагаю идти вместе в канцелярию: может быть чего-нибудь добьемся? Она говорит, что была около Думы и там написано, что запись прекращена и никого не пускают. Мы все-таки пошли. Подходим к левым воротам (от Таврической ул.). Идем в ворота.

— Вам куда? — спрашивает солдат.

— В канцелярию, записать билеты.

— Запись прекращена.

— Мне надо переменить билет.

— Не приказано пускать. Запись прекращена и билеты будут высылаться по почте.

— Мне надо самой пройти в канцелярию, чтобы переменить билет.

— Нет, я не могу пустить, — твердит солдат.

— Ну, я пойду в те ворота...

— И там нельзя. Если там Вас и пропустят, а я все-таки не пущу.

Тьфу ты, вот упрямый-то, наверное, хохол! Выговор у него не великорусский, лицо с упорством, русые, длинные усы. Мы уходим от него. «Вот что, — говорю я Рабинович. — Мы немного пройдемся здесь, потом Вы оставайтесь, а я пойду одна, может быть и удастся что-нибудь сделать». Рабинович с своей спутницей остались на улице, а я пошла теперь к главным воротам. Иду быстро и решительно и поворачиваю прямо в средние ворота. На мое счастье, один из солдат занят разговором с каким-то господином, другой, проникнувшись уважением к моему решительному виду, спрашивает несмело: «А у Вас есть пропуск?» — «Есть», — говорю я и иду дальше. Также решительно подхожу к дверям. Солдат их мне отворяет. Вхожу в раздевальную. Спрашиваю про канцелярию и через кулуары иду туда. В конце кулуары — длинный зеленый стол, за ним сидят. А вот стоит Маклаков и читает что-то. Это работает комиссия по разборке

полномочий.

Вошла в канцелярию к барышне. Барышня сама ничего не может, но приняла ко мне участие и просит подождать главного пристава барона фон Роппа129. Я прошу, чтобы она меня направила к кому-нибудь полюбезнее и говорю, что прошлый год был такой любезный пристав, а теперь нет. «Да, прошлый год было совсем не то», — соглашается она. Я сажусь в уголочке у двери и начинаю терпеливо ждать приезда пристава. Канцелярия невзрачная. Довольно большая комната, но не светлая. Окна выходят в другую комнату. Стоит три стола для трех барышень и два побольше, пока пустых. Вдруг входит Саша. Я обрадовалась. Пришел записать мне билет на какое-то дальнее заседание, чуть (ли) не на 31-е. Он мне оставил газету и ушел в комиссию по полномочиям. Читаю газету и посматриваю кругом. К моей барышне каждую минуту кто-нибудь подходит записываться — все депутаты. Вот пришел один крестьянин в новом суконном кафтане. Вот идет другой. Этот уже в стареньком, поношенном. Слышу, говорит моей барышне: «Так Вы уже, барышня, запишите пожалуйста. Это для сына моего. Сын мой сюда приедет». Барышня улыбается и записывает. Мужичок — назад. Я отрываюсь от газеты и рассматриваю его. Рыженькая бородка клинушком, всклоченный. Идет — улыбается, белые зубы блестят, и повторяет: «Это сыну моему, сыну».

Наконец, появляется пристав, но не барон фон дер Ропп. Это тот самый молодой человек, который прошлый раз развалясь сидел перед нами. Ну, делать нечего! Я обращаюсь к нему и прошу мне переменить сидячий билет на 8-е заседание на стоячие на 4-е и 5-е. Он сам ничего решить не может и говорит, что нужно разрешение председателя Головина. Я горожу на радостях чушь о том, что Головин нашей партии и т. д. Но Головина в Думе нет. Опять сажусь ждать в приемной в прежний уголок у рабочего стола, пока пустого. Но вот является хозяин стола, какой-то молодой человек, кланяется мне и принимается за работу (...), а сам поглядывает на меня. Наконец спрашивает: «Вы что же у нас работать будете?» — «Нет, — говорю я, — я пришла насчет билетов и жду Ф. А. Головина». — Молчание. Он работает, я у стола читаю. Наконец, чувствую неловкость и говорю: «Может быть, я Вам мешаю?» — «Нет, пожалуйста». Входят Стахович и Родичев — тоже записываются. Потом появляется наш (...) депутат от Московского у. крестьянин Кимряков130. Какое у него интеллигентное и умное лицо! Он записался. Я подхожу к нему.

— Вы наш, московский?

— Как же, из Москвы.

— А я — Кизеветтер. — Кимряков кланяется. — Будьте добры, если мой муж не занят, позовите его.

— Ну, там не такие серьезные дела, — говорит он, — проверка полномочий. Можно и отлучиться.

Через некоторое время является и Саша. Я иду с ним в проходную комнату, и там все объясняю, и прошу пойти к Головину, но его еще нет. Я сажусь записывать для Саши что надо попросить. Саша пока уходит. В это время входит Головин. Я хотела было попросить его лично, но он меня не увидал, сказал кому-то два слова и сейчас же ушел в свой кабинет. И тотчас же у дверей кабинета стал солдат. Вскоре приходит Саша. Я говорю, что Головин приехал и сидит теперь вот за этой дверью в своем кабинете. Саша направляется к кабинету. «Нельзя-с, они заняты», — говорит солдат. Саша говорит, что он — член Думы и дает записочку со своей фамилией. Солдат все-таки просит подождать. Наконец, говорит Саше: «Вы лучше пожалуйте кругом в другую дверь, там скорее допустят». Саша уходит. Смотрю, входит Маклаков. Здороваемся. — «Что, Челноков там?» — «Там Головин, — говорю я, — его кабинет и туда не пускают». Маклаков с портфелем под мышкой направляется к двери. «Нельзя-с», — заявляет солдат. «Отчего нельзя?» — «Они заняты-с». Маклаков отходит, смотрит на меня. «Идите кругом, — говорю я, — там скорее можно, и муж мой пошел». Вася покачивает головой, улыбается и говорит: «Вот выбрали мы их, а они вон что ... к себе и не пускают». Солдаты улыбаются.

Скоро Саша возвращается и говорит, что Головин ничего не имеет (против), но просит прислать к нему фон Роппа. Вот сказка-то про журавля и лисицу! Пристав в темных очках уходит и, возвратившись, переменивает билеты, но только на 4-е заседание, а на 5-е надо еще отдельно докладывать Головину, по мнению пристава. Вот канитель-то! Дела им, должно быть, мало. Ну, я и этим довольна и ликующая иду по кулуару. Так приятно все-таки идти (...) беспрепятственно.

Встречаем Булгакова и Сашиного товарища по гимназии киргиза Каратаева131. Говорят о проверке полномочий: у кого что нашлось. Интересуются у кого Крушеван и говорят, что, кажется, нельзя будет кассировать его выборы, нет для этого документальных данных, хотя в Кишиневе выборные прошли по спискам умерших. Саша дома рассказывал, что он попал в комиссию с Пуришкевичем132. Пуришкевич представился. Впечатление довольно-таки пакостное. Холеный, руки надушеные, на руках браслеты, голова облезлая — Крушеван совсем в другом роде. В комиссии попалась жалоба по каким-то выборам. Саша председательствовал. Пуришкевич срывается с места: «А сколько жидов здесь подписалось?» — «Я считаю этот вопрос неуместным», — осаждает Саша Пуришкевича.

На втором заседании мы с Ольгой Тимофеевной Булгаковой довольно хорошо (его) разглядели. Он ходил внизу по кулуару, а мы, нагнувшись, смотрели на него сверху. Он весь бронзовый: и руки, и лысина, и лицо. Роста среднего, не полный (глазетовый), по сторонам торчат длинные усы. Одет в белый жилет и сюртук. Манеры очень дурного тона, походка разгильдяйская, руками делает какие-то очень развязные жесты; ото всего веет каким-то противным, некультурным.

Я каждый вечер сижу дома, а Саша бесконечно заседает во фракции. Приходит поздно и рассказывает. Накануне открытия Государственной Думы фракция Народной Свободы совещалась с левыми. Сначала были левые без социал-демократов, потом пришли и они. Говорили социал-демократы невыносимо много и все одно и то же. Всем надоели. Крестьяне уже стали выражать нетерпение. В результате переговоров согласились на председателе Головине, товарище председателя — Тесленко, другой товарищ — Березин133, секретарь — Челноков. 20-го Головина без затяжки выбрали всей оппозицией. На другой день собралась фракция партии Народной Свободы для обсуждения еще вопроса о товарищах. Поднялся вопрос: не дать ли одно место товарища председателя правому? Правые, как передавали, намечали в товарищи председателя Капустина134 и за то обещали поддержать всех наших. Маклаков, Струве, Родичев стояли за эту комбинацию, доказывая, что во всех парламентах Запада места в президиуме делятся по партиям.

Другие члены партии (все больше малоизвестные) приводят следующее возражение: «Если

Другие левые партии (все больше меньшевистские) приведут следующее возражение: если партия Народной Свободы войдет в соглашение с правыми, она будет дискредитирована в глазах всех левых беспартийных. Соглашение с правыми теперь будет иметь тот вид, что мы потому за них ухватились, что левые нас не поддержали (было уже известно, что социал-демократы ведут кампанию против Тесленко). Кроме всего этого, наши правые партии — антиконституционны и нельзя входить с ними в соглашение».

Потом было заседание фракции Народной Свободы с левыми. Социал-демократы не пришли на это заседание. «Чтобы не затемнять классового самосознания пролетариата, социал-демократическая партия решила не идти на заседание в квартиру кн. Долгорукова», — в этом роде написали в «Речи»135. Так вот, одни социал-демократы не явились на совместное заседание оппозиционных групп. Опять обсуждался вопрос о товарищах. Теперь выяснилось, что социал-демократы будут проводить в товарищи левого конституционалиста-демократа, а Тесленко окончательно отрицают. Должно быть, мстят за Москву из-за рабочих. Оппозиция сговорилась и, чтобы удовлетворить всех левых, наметила двух (кандидатов): Березина — трудовика и Познанского136 — беспартийный, но сочувствующий конституционалистам-демократам. На другой день в Думе в комнату, где собрались перед заседанием социалисты-революционеры и другие левые, являются безголовые социал-демократы и заявляют, что они переменили свое решение и наметили еще новых лиц. Ну уж тут «товарищи» не выдержали и турнули «товарищей». «Да откуда вы это взяли! — Мы, — говорят, — из-за вас пожертвовали таким товарищем председателя как Тесленко, а вы опять мешать. Так не будет по-вашему!» Когда выбрали Познанского, я увидала с хор, как ближайшие соседи его подходили с депутатских мест поздравляли. Он с каким-то усталым видом неохотно отвечал на приветствия. Рассказывали, что ему очень не хотелось брать этот пост. Он сознавал насколько Тесленко более его подходил для этого дела.

2 марта. (...) Сегодня утром должно было состояться давно жданное заседание Государственной думы: декларация министерства Столыпина. Интерес-то был не в декларации, а как отнесется к ней Государственная дума, что произойдет. Относительно правых, уж это был совершенно знак вопроса. Встали утром и я начала страшно торопиться. Заседание назначено ровно в 11 часов, а у меня был стоячий билет. Надо было придти пораньше, чтобы запастись местом. Саша ушел раньше меня. Только что я стала надевать шапку, из-за двери голос нашей хозяйки:

— Екатерина Яковлевна! Александр Александрович в Думу пошел!?

— Да, в Думу.

— Так напрасно. Там сегодня потолок обвалился, заседания все равно не будет.

— Да что Вы!

— Да, я уже от двух лиц слышала: почтальон сейчас пришел из Думы, да и дворник рассказывал.

— Где же обвалился? — спрашиваю я из-за двери.

— Да в депутатской зале.

Я оделась и побежала к Думе в полной уверенности, что меня не пустят. Подбегаю к моим воротам. Ворота притворены и около стоят целых четыре солдата. Я прямо к воротам.

— Вы насчет чего?

— На заседание, — говорю я.

— А что заседания сегодня нет.

— Как нет, у меня билет, — начинаю я канитель

— Как нет, у меня билет, — начинаю я канитель.

— Да оно собственно есть, но закрытое.

— Да какое закрытое, когда у меня есть на него билет?

Подходит пристав.

— Да, закрытое, — говорит он с досадой, — потому что в депутатской зале обвалился потолок, и будут заседать в другой зале, и там для публики нет мест.

Я стою и продолжаю разговор. Где обвалился, да почему нас не пустят? Чувствую, что разговаривать нечего, но уходить смертельно обидно. С такими хлопотами достала стоячий билет, продежурила полдня в канцелярии и для чего?

— Проходите, пожалуйста, — вежливо говорит пристав, — ну о чем разговаривать?

В это время подъезжают кареты, подходят пешеходы и получив тот же ответ — «заседание

закрытое» — покорно отправляются восвояси. А я отправляюсь на главный двор и быстро и решительно иду мимо солдат к среднему депутатскому подъезду. Меня догоняют и перегоняют пешие и на извозчиках — дамы, депутаты.

Подхожу к подъезду — М. Я. Рабинович. Обрадовалась мне, как мне показалось. А в Москве мы с ней так раз поругались из-за студентов, которых я ругала. Начинаем с ней горевать и жаловаться на нашу горькую участь. С ней рядом (стоит) какой-то молодой человек и барышня. Молодой человек уверяет, что некоторых пропускают, если их проводят депутаты. Я этого не вижу. Только вижу, что всем, у кого оранжевые билеты, твердят одно — «заседание закрытое» — и пропускают прессу и депутатов. Вот прошла Тыркова, вот еще одна корреспондентка, не знаю ее фамилии. Вот подъехал депутат — социал-демократ, замечательно красивый кавказец. «Хоть бы один депутатик знакомый», — стонем мы с Рабинович. Подъезжает старый генерал, сходит с извозчика, идет, держа оранжевый билет. Ему делают под козырек и объявляют, что заседание не публично. Генерал беспрекословно направо-кругом, влезает на того же извозчика и отъезжает. Подкатывает карета, из нее высаживается старая дама в бархатной ротонде и направляется к дверям. Дверь перед ней запирается: «Нельзя-с». Начинается препирательство. Она говорит, что не на заседание, а в контору, и что ей тот-то и тот-то разрешил явиться в контору...

Я все высматриваю: нет ли знакомых депутатов. Подъезжают еще... Вглядываюсь пристально. Ну да, это он — депутат от уральских киргизов Каратаев. Это — Сашин товарищ по оренбургской гимназии. Я не ошиблась. Я видела его раз, но его оригинальное лицо мне запомнилось. Он идет мимо меня. «Здравствуйте», — говорю я. Он недоумевающе смотрит. — «Я жена Александра Александровича Кизеветтера». — «А, — радостно восклицает он, — очень, очень приятно». Я сообщаю ему о потолке (он удивлен) и о нашем юре, и прошу как-нибудь провести нас. «Так что же мне сделать надо? Позвать Александра Александровича? — очень охотно предлагает он. — Хорошо!» Он идет в дверь. Я смотрю за ним. А у дверей все еще стоит дама в ротонде и настаивает, чтобы ее пропустили. Саши еще нет. Я опять высматриваю, не подъедет ли кто из знакомых. «Александр Александрович!» — раздается позади нас голос Марии Яковлевны. Я оглядываюсь и вижу Сашино лицо за стеклом входной двери. Он глядит на меня через стекло и делает мне знаки, манит меня. Я бросаюсь к нему. «Нельзя-с», — настойчиво говорит солдат. Саша приотворяет дверь и тащит меня за рукав: «Я же член Думы». Фу, слава богу, я В безопасности. Оглядываюсь, и Мария Яковлевна здесь. Ну, очень рада.

Мы скорей раздеваемся (чтобы нас не потурили) и бежим за Сашей. Проходим по круглой зале с куполом. Она вся заставлена венскими стульями: здесь будет заседание. Пробираемся по стенке, проходим через кулуару (длинный и обломках. Над ней — обнаженный потолок: чернеют балки и доски, а штукатурка и драни все в зале на депутатских местах (пюпитрах). К нам подходит

и доски, а штукатурка и дранки все в зале на депутатских местах (пюпитрах). К нам подходит Иоллос. Он приехал на декларацию. Мы говорим и смотрим. Потом Саша уходит на совещание, а я хожу от двери к двери и пристально разглядываю картину разрушения. Летела штукатурка, очевидно, слева направо (если от председателя), потому что у трех люстр правая сторона погнулась вниз. Над местом председателя, над ложами министров, корреспондентов часть потолка совершенно невредима, так и осталась прямой полосой. Остались целы самые крайние левые пюпитры и задние крайние правые. Весь ряд левого центра, где сидели наши, засыпан только мелочью. Место Крушевана сплошь накрыто щитом. Громадный щит уперся одним концом в залу, а другим в ложу для публики. Остальные места завалены дранками, штукатуркой. В среднем проходе валяются поломанные пюпитры.

Входить в депутатский зал не разрешают но все-таки кое-кто проходит. Вот подлезают мимо меня под доску, которой загорожена дверь, два депутата: «Ну пойдем-ка посмотрим, что бы с нами было?» Они идут на свои места. «А вот это кресло чье валяется?» — показываю я на совершенно поломанный пюпитр. «Это мое и есть, — отвечает депутат. — А вот здесь место Познанского, совершенно накрытое обломками». — «Ну, а москвичи уцелели бы?» — спрашиваю я. Он находит их места — «Да, их места совсем целы». С хор сбоку пристроились фотографы с аппаратами. Подходят два новые депутата. «Вот она, министерская декларация!» — и один говорящий показывает своему спутнику на разрушенный потолок.

Я иду вниз. Скоро начнется заседание. Зала начинает наполняться. Во входе в залу между колоннами все пространство заполнено стульями. Тут же стоят скамейки — белые, обтянутые красным штофом. Я не знаю, где мне примоститься? Стулья, вероятно, для прессы. Войти в залу не решаюсь. Становлюсь позади. Длительный звонок. Заседание открывается. Я по примеру других влезаю на штофную скамейку. Смотрю, на другой скамейке впереди меня прекрасно устроилась седая дама, приехавшая в карете в ротонде. А я не решилась так пролезть вперед — это места прессы. Впереди меня сидит П. Боборыкин. Он ничего не видит и не слышит: как раз перед ним здоровенная колонна в четыре обхвата. Бедный старичок! Мне его жаль. Он как-то беспомощно обращается кругом: «Кто говорит? Что говорят?» Наконец, не выдерживает и вылезает со своего места, еле протискиваясь между стульями. Я стала поближе на стул, но тоже плохо слышу.

Вот появляется Алексинский, кричит что-то об обвале, о Зимнем дворце, о народе. Потом говорит Крупенский138: кое-кто аплодирует, кто-то шикнул. Что говорит — не разобрала. Вносятся предложения о назначении комиссии по расследованию, о нахождении места для заседания — голосуется, принимается. Заседания, очевидно, сегодня не будет. Вносится предложение о закрытии заседания. Столыпин сидит с невозмутимым лицом, а я невольно думаю: опять с носом. Депутаты взволнованы происшедшим и заседание вести не могут. Дело-то, может быть, и не во взволнованности, но заседание вести, Саша говорит, совершенно было невозможно: все партии перепутались, сидели кто-где, писать было невозможно. Вообще — неудобства большие. Заседание окончено. (Депутаты) выходят в длинный кулуар. «Господа, в VII отделе, в VII отделе!» — взывает Стахович.

Я хожу по кулуару и прислушиваюсь к разговорам. Вот крестьянский депутат взволнованно говорит об обвале: «Нас всех позадавило бы, а им что?! Назначили бы по 5 коп. (за) нашу депутатскую душу, а сами-то вон какие деньги загребают!» Говорят, что на крестьян очень сильно подействовала речь Долженкова139. Он говорил, что на ремонт дворца отпущено около 100 000 руб. и вот как ремонтировано. Где же эти деньги? На скамьях — группа. Несколько человек с тетрадками интервьюируют какого-то седого человека о провале потолка. Спрашивает больше трудовик Караваев140 и сейчас же пишет в книжечку.

— Так Вы говорите, что здесь в депутатской зале был сад, выставка растений?

— Да, и можно предполагать, что от сырости и т. д.

Трр... — чертят карандаши. Все кругом спешат внести в свои тетрадки сказанные слова. Еще

Ррр!.. — чертят карандаши. Все кругом спешат вписать в свои тетрадки сказанные слова. Еще вопрос, еще ответ — опять пишут и, наконец, старик встает, аудиенция кончилась, но сейчас же на месте старика новое лицо (имеет какое-то отношение к строительству). Он предупреждает, впрочем, что то, что он будет говорить — его предположения, но карандаши кругом так и скользят по тетрадкам и бумажкам. Мне смешно. Вот подходит какой-то крестьянин и показывает выпавшие со штукатуркой гвозди — гвозди небольшие. Смотрят, ахают... Я ухожу с Челноковой141. Идем в бюро для приискания комнаты. Она хочет посмотреть, нет ли чего подходящего для мужа. Пока мы там записываем, к нам выходит человек — служащий при бюро. Толстый мужик с рыжей окладистой бородой, большой лоб, лицо добродушное, в русской рубахе и жилете.

— А в Думе-то что случилось! А! — ахает он, становясь перед нами.

— Да, мы видели.

— А я первый об этом узнал, у меня солдат оттуда живет.

— Отчего же это случилось? Как в народе говорят? — нарочно спрашиваю я.

— Да отчего! Известно, наше несчастное правительство нарочно это сделало!

— Ну что Вы! Зачем же ему?

— Зачем? Хоть три дня, да карманы набить без народных представителей...

10 марта. Я совсем выбилась из колеи и писать ничего не могла. Ездили в Москву, благодаря небольшому перерыву. Вернулись вдруг по телеграмме из Петербурга: Маклакову телеграфировали, что заседание возобновится не в среду, как предполагали раньше, а во вторник в Дворянском собрании, и на этом заседании Столыпин выступит со своей декларацией. «Не терпится, страшно хочется поразить мир своей декларацией», — невольно приходило в голову и невольно я посылала Столыпина ко всем чертям, так мне не хотелось на день раньше, да еще так неожиданно, уезжать от детей. Но делать было нечего. Уложились на всех парах и со скорым отправились.

Ехало еще несколько кадетов. Саша оказался в одном вагоне с Булгаковым и Иорданским. В Сашином купе ехали еще Е. Н. Трубецкой в Государственный совет и какой-то седой господин. Вначале я тоже пришла посидеть у них, хотя с Трубецким незнакома. Мы обменялись с Булгаковым впечатлениями отъезда. Москва в этот вечер была в полумраке — бастовал газовый завод. Кое-где горели электрические фонари, кое-где на улицы падал свет из освещенных окон магазинов, но таких окон было мало: магазины уже позакрылись. Ехать было уныло и как-то жутко. Я обеими руками держала свой багаж: прошлый год у вокзалов нередко вытаскивали у пассажиров их багажи. Мы с извозчиком радовались, что небо звездное и луна — все посветлее...

В вагоне шел разговор о Думе, о партиях. Между прочим, Булгаков, смеясь, начал рассказывать о каком-то проекте, который правые хотят, по слухам, вносить. Седой господин, до сих пор молчавший, зашевелился и заговорил: «Простите, я вас не стесняю? Я принадлежу к правым». — Маленькая пауза. — «Вы тоже депутат?» — спрашивает кто-то. — «Да». Булгаков возвращается к теме разговора и говорит, что это газетное известие о проекте... Мне очень понравилось заявление «правого». Это было весьма корректно с его стороны: крайние левые, т. е. социал-демократы, этого не сделали бы.

С вокзала мы заехали домой переодеться и взять мой билет на заседание и сейчас же отправились в Дворянское собрание. Я ехала и волновалась: как-то меня пустят с моим билетом? Предчувствие мое оправдалось. У дверей целый сонм полицейских объявляет мне, что мой билет (выдан для Таврического дворца) здесь недействителен. Я все-таки прошла с ним вовнутрь. «Идите, Вас там все равно не пустят», — заявил мне околоточный. Саша меня сопровождал. Я разделась и по узкой лестнице пошла наверх. Саша, решив, что теперь я в безопасности, покинул

разделась и по узкой лестнице пошла наверх. Саша, решив, что теперь я в безопасности, покинул меня и вернулся на улицу, чтобы войти в залу через свой подъезд. Но только что я сделала несколько шагов по лестнице — целых три солдата-швейцара: «Ваш билет». Я показываю. — «Недействителен». Я начинаю спорить, что это же и есть 5-е заседание, на которое мне выдан билет и что почему же не было объявлено, что билеты меняются. Солдаты были неумолимы и призвали самого главного пропускателя какого-то шелкопера Пономарева144 в военной форме. Этот уж совсем рассердился, стал спрашивать, почему он должен делать для меня исключение (а как раз только что передо мной он сделал исключение какой-то барыне; поздоровавшись с ней, провел ее сам, хотя солдаты ее не пропускали, как меня) и т. д. и, наконец, чуть ли не дал приказ меня удалить. Я была вне себя от злости. Я полдня просидела тогда в канцелярии, чтобы выхлопотать себе стоячий билет на заседание с декларацией и для чего? Чтобы кому-то вздумалось похерить все прежние билеты и выдать новые совсем новым лицам? Я спустилась вниз и тут увидала кн. Петра Долгорукова. Он со своей молодой женой (очень симпатичная и премиленькая) раздевался. Я незнакома с ним, но тут подошла к нему с просьбой: не увидит ли он моего мужа — Кизеветтера, и не позовет ли ко мне, меня провести. Как мне показалось, он довольно сухо обещал сделать, что можно. А я тем временем пошла на улицу к депутатскому подъезду. Там целый наряд — не пускают. Я прошу вызвать мне члена Думы такого-то, говорят — нельзя. Тогда я становлюсь у подъезда и жду, не подъедет ли кто-нибудь из знакомых.

«Сударыня, будьте любезны, отойдите хоть за угол», — вежливо говорит мне один из околоточных. Я начинаю ходить взад и вперед. Скоро ко мне присоединяется одна барышня — знакомая Рабинович. Мы ходим с ней и негодуем. Она рассказывает, что будто ни в одной газете не было публикации о перемене билетов и только было напечатано, что выдавали билеты вчера вечером.

Подъезжает Струве. Я — к нему. Прошу вызвать Сашу. Он уходит. Я продолжаю ходить взад-вперед, а полицейские меня убеждают не ходить, потому что все равно член Думы не выйдет. Проходит еще несколько минут. Один из сторожей-солдатов приближается ко мне: «Вы кого просили вызвать?» Я называю. Смотрю — Саша. Я объясняю ему мою неудачу, и мы опять идем (в) мой подъезд. Опять меня не пропускают в дверях. Опять мы все-таки проходим, раздеваемся и идем на лестницу, и опять застреваем. Солдаты (целых три) нас опять не пускают. Зовут Пономарева. (Он) является и начинается у нас целая баталия словесная. Кончается тем, что мне приходится уходить.

Он мне говорит надменно: «У нас — закон!» А я ему отвечаю: «У вас не закон, а произвол!» Саша что-то тоже говорит. Тот вслед кричит об участке. Саша отвечает, что с ним поговорят не здесь, а в зале с депутатской кафедры. И мы выходим на улицу. Смотрим — противная физиономия Пономарева уже у подъезда, и когда Саша равняется с ним, он обращается к околоточным и приказывает: «Узнайте у этого господина его фамилию». — «Пожалуйста!» — и Саша объявляет кто он и свое звание — член Думы. Я его провожаю до его подъезда и сама остаюсь при пиковом интересе. Зла я была как никогда. Мы прошли еще немного с этой барышней. Она рассказала, что из-за билетов происходили целые сцены, и Пономарев весьма грубо обращался с публикой и даже приказывал полиции разгонять ее.

Я пошла одна ходить по Петербургу. Домой идти было противно. Шла, шла, шла, пришла в Летний Сад. За Летним Садом на Марсовом Поле шло учение солдат. Учитель солдат — верхом, трубил в трубу и десятка 2—3 солдат верхами бросались в атаку во весь карьер. «Учатся как давить народ», — со злобой думала я, глядя с ненавистью на этих офицеров, присутствовавших на учении, на учителя-солдата, окрикавшего учеников, и на учащихся солдат — мне все были противны. Часа через три я вернулась домой.

Саша пришел поздно. Этот день оставил у меня такой мерзкий осадок, что я ни слова не хотела слышать о заседании с декларацией. И так до сих пор ничего у Саши не спрашивала, знаю только из газет. Ужасно обидно было не попасть именно на это заседание. Я как раз ценю именно то, что и было здесь... Я часто равнодушна к речам, к прениям, но меня всегда захватывает и глубоко интересует сплоченное выступление оппозиции, сорганизованность ее. Такие моменты, как

сидение всех левых, когда встали правые 20 февраля в день открытия Думы, сразу захватывают меня. А тут 6-го марта было еще внушительнее.

Сегодня я с радостью прочитала в газетах, что этого самого корнета Пономарева постановили оштрафовать за неявку в суд в качестве свидетеля. Он не явился, сославшись на болезнь. Дело пришлось откладывать или вести без него, а оказалось, что болезнь — это выдумка, и корнет Пономарев разгуливает по Дворянскому собранию на заседании Думы. Это засвидетельствовали разные лица и сам присяжный поверенный, который отправился проверить, там ли Пономарев.

Саша мне принес билет на 7-е марта. Это дал мне кн. Долгоруков: 10 билетов прислали ему во фракцию. Я идти сначала не хотела. У меня остался такой отвратительный осадок от неудачи в Дворянском собрании 6-го марта, что мне было просто противно входить в это здание, да еще там встретить эту противную физиономию Пономарева — опять еще не пустят. Но я все-таки поехала с Сашей. Ехать от нас довольно далеко: от Таврической на Михайловскую. На этот раз меня беспрепятственно пропустили и обстановка немного получше: солдат меньше. Вхожу на хоры. Года (два) тому назад я сидела здесь где-то сбоку, кажется там где и сейчас, на концерте Шаляпина.

Уселась. Передо мной раскрылась очень красивая, импозантная картина. Большой, длинный зал с колоннами, сбоку под портретом стол для президиума с красной скатертью, кафедры, а по зале — столы, столы, столы и перед ними красные кресла с высокими спинками и все темно-красное. Очень красиво! Я стала искать знакомых, понемногу всех нашла. Наши в центре, другие разместились как в Думе. Заседание пошло неожиданно по продовольственному делу и вызвало горячие дебаты. Кн. Долгоруков, когда здоровался с Сашей, спросил (...), не буду ли я его бранить, что он дал билет на скучное заседание (предполагались выборы в разные комиссии), но заседание оказалось весьма интересным, и я была очень довольна, что пошла. Социал-демократы только очень надоели. Болтали, болтали все в одном роде и все отвергали ограничение 5-тью минутами. Это какой-то неудержимый фонтан красноречия. У Алексинского неприятный скрипучий или трескучий голос и еще больше неприятная речь митингового эсдека. Дело государственной важности, а он занимает Думу болтовней о том, что они (социал-демократы) одни понимают голодного, а конституционалисты-демократы — сытые буржуа и т. п. Очень хорошо сказал Саша, особенно: «Руки прочь!». Его речь выслушана была очень внимательно и очень аплодировали.

Со мной рядом по левую сторону сидели господин и дама. Как только Саша кончил, они стали хлопать. «Нельзя, нельзя! — невольно воскликнула я. — Запрещено публике аплодировать, а то нас выведут!» Соседи мои остались довольны речью. По другую мою сторону сидел крестьянин, самый подлинный: высокий, плотный, русый, острижен под гребенку, в сером одеянии, борода, сморкается «истинно-русским» способом, так что я даже свою юбку от него спасти поспешила. Сосед этот оказался преинтересный. Слушал он весьма внимательно и очень экспансивно. Стоило только какому-нибудь левому оратору сказать что-нибудь порадикальнее — мой сосед начинал изумляться: «А-а-а!.. Ловко!» — И сам оглядывается на меня, ищет сочувствия. Вот выходит депутат от Войска Донского148, просто и ясно рисует картину голода в Донской области, приводит несколько цифровых данных. Крестьянин мой очень доволен, оглядывается на меня и говорит: «Вот это хорошо! Четко! Значит с цифрами». Ораторы чередуются один за другим. Мне слушать надоело. Говорят о том, что все знают, а к делу не приступают. Для разнообразия и оживления картины появляются время от времени правые и увеселяют публику (Крушеван и Пуришкевич — шуты гороховые, как их зовут газеты). Предоставляется слово Пуришкевичу. «Отказываюсь», — кричит он. Слева — ироничные аплодисменты. — «...А, в таком случае...» — и Пуришкевич вскакивает и при дружном хохоте левых вспрыгивает на кафедру. Там, размахивая руками, он кричит на всю залу, что на скамьях левых (социалистов-революционеров) — главный штаб революционеров.

Книгоиздательство К. Ф. Некрасова и русские писатели

начала XX века

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 2 мая 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 473. — [Т.] V.

2 мая 1915 г.

Дорогой Константин Федорович!

Не угодно ли Вам издать мои песни о войне, которые в печати имеют большой успех, и почти каждая вызывает газетные обсуждения, что подтверждает прилагаемое письмо А. Измайлова, отзыв которого, как известно, для книгопродавца действеннее, чем отзыв Вячеслава Иванова 12 и т. п.

С выходом новой книги неизбежно увеличится спрос и на мои прежние книги «Лесные были» и Сосен перезвон», потому что новая моя книга под названием «За родину» не может пройти

незамеченной.

За «Полынь» Сухотина мое Вам глубокое благодарение. Жду скорого и благоприятного от Вас ответа и еще раз усердно благодарю за доброе Ваше ко мне отношение.

Н. Клюев.

Адрес: Мариинское почтовое отделение Олонецкой губернии

У меня на примете есть несколько икон по-моему 14 или начала 15 века «Восхищение пр. Илии»; «Воскрешение мертвых» и несколько однощельных медных складней. Как поеду в Москву, то завезу их к Вам13.

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 13 апреля 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 473. — [Т.] V.

13 апреля 1915 г.

Дорогой Константин Федорович,

будте милостивы сообщить, как мои «Лесные были»? и еще моя нижайшая просьба к Вам: не найдете ли возможным прислать мне стихи Сухотина9 и Натали Крандиевской безвозмездно, чем обрадуете меня несказанно.

Низко Вам кланяюсь. Николай Алексеевич Клюев.

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 29 октября 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 472—473. — [Т.] V.

29 октября 1913 г.

Дорогой Константин Федорович!

Мне предлагают переиздать мою книгу «Братские песни». Но мне очень бы хотелось, чтобы все мои песни издавали Вы — как-то приятно и внушительно, если на всех книгах стоит одно книгоиздательство. Поэтому будте добры ответить не задерживая, согласны ли Вы переиздать

упомянутую мою книгу. Конечно, без предисловия и несколько добавленную. Цена 300 рублей за 3000 экземпляров. Будет очень мне жалко, что по бедности своей я должен продать кому-либо другому, но поверьте, что Вы окажете мне и насущную помощь, купив книгу — так как заработков по нашим местам сейчас нет, хлеба не выросло, к тому же мать и отец у меня больны и стары, а жить, пить-есть надо, а кормильцев один — я.

Адрес: Мариинское почтовое отделение Олонецкой губ., Вытегорского уезда. Николаю Клюеву.8

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 30 апреля 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 472. — [Т.] V.

30 апреля 1913 г.

Уважаемый Константин Федорович!

Очень прошу Вас прислать мне следуемые мне авторские экземпляры моих книг — «Сосен

перезвон» и «Лесные были». Я обращался к Вам с этой просьбой несколько раз, теперь прошу еще... 15 экземпляров. «Сосен перезвон» мною получены от Симакова7 в С. П. Б.

Адрес: Мариинское почтовое отделение Олонецкой губернии Вытегорского уезда Николаю Клюеву.

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., б. д. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 472. — [Т.] V.

Дорогой Константин Федорович,

не найдете ли возможным оговорить эти опечатки отдельным ярлычком, вложенным в книжку. Очень я Вас прошу об этом. Так же прошу выслать мне по 25 штук «Лесные были» и «Сосен перезвон» по адресу: почтовое отд(еление) Мариинское, Олонецкой губ., Вытегорского уезда.

Опечатки в «Лесных былях»:

стр. 9, строка 1, сверху, напечатано: «На Калиновом», нужно на «На малиновом». Стр. 22, строка 10, снизу, напечатано: «причет», нужно «причит». Стр. 29, строка 9, сверху, напечатано: «зачумленною», нужно «загуменною». Стр. 29, строка первая, снизу, напечатано: «зачумленною», нужно «загуменною». Стр. 46, строка 6, напечатано: «сон», нужно «сонь». Стр. 62, строка 5, напечатано: ., нужно ,

Всего Вам светлого Н. Клюев

Самим же Вам необходимо разослать книжки по журналам и крупным газетам, как в столицу, так и в провинцию.

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 18 февраля 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 472. — [Т.] V.

18 февраля 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

как только получите эту открытку, — пошлите немедля «Лесные были» Городецкому: он скоро

уезжает, и если Вы замедлите, то он не успеет написать о книге в «Речи». Так же и «Сосен перезвон» ему пришлите немедля. Мне высылать самому можно, но это будет долго. Корректуру «Сосен перезвон» присылают.

С уваж(ением) Н. Клюев

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 15 февраля 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 471. — [Т.] V.

15 февраля 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

Садовским и Кузминым6 получены от Вас «Лесные были». Вышлите еще С. Городецкому один экземпляр их же — это необходимо поскорей, так как Городецкий будет писать о книге в «Речи». Мне вышлите закрытой посылкой по адресу: Мариинское почтовое отд(еление), Олонецкой губ., Вытегорского уезда, так как я с часу на час могу уехать из С. П. б. По-моему необходимо

опечатки отметить отдельным листиком и вложить в книжку. Опечатки: в стихот(ворении) «На малиновом кусту» — напечатано: «На Калиновом кусту» и в стихот(ворении) «Кабацкая» два раза пропечатано «зачумленною», в обоих случаях надо «загуменною». Это очень важные слова. Корректуру «Сосен перезвон» посылаю. Внешне книжка мне нравится. Спасибо Вам за труды.

Н. Клюев

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 9 февраля 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 471. — [Т.] V.

9 февраля 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

Есть недоумение: Вы пишете, что на днях книги выйдут, между тем как «Лесные были» в корректуре присланы были Вами частью (проверены и отосланы обратно Вам), половина же «Лесных былей» еще не просмотрена Городецким и остается до сих пор у Вас.

Сосен, же, перезвон весь целиком лежит у Городецкого по сейчас; следовательно, книги никак не могут быть напечатаны до тех пор, пока Вы не получите проверенную корректуру «Сосен перезвон» и не пришлете вторую часть «Лесных былей» для просмотра Городецкому.

Умоляю Вас вставить в «Лесные были» мое новое стихотворение «В белесоватости окна», и в стихотворении «Певучей думой обуян» в четвертой строчке первого куплета поставить вместо слова «за Ладою» — слово «за пленницей» (это в «Лесных былях»). Вот все, что я прошу у Вас. Следовательно, за Вами остается вторая часть «Лесных былей», которую Вы и пришлите Городецкому для просмотра. Обложку прошу Вас напечатать шрифтом без всяких закорючек — черным и горизонтально, а не с боку и не с угла в угол или еще там как... Очень-то можете и не торопиться, ведь февраль впереди, можно приблизительно до половины марта, но, конечно, Вам это лучше знать.

Еще раз молю Вас вставить в «Лесные были» мое новое стихотворение «В белесоватости окна...» предпоследним стихотворением или как возможно и дослать вторую часть Лесных же былей Городецкому по адресу: С. П. б, Фонтанка, № 143, кв. 5.

Мой адрес приблизительно до 15 февраля: С. П. б, Усачев переулок, дом № 11, кв. 1.

С уваж(ением) Н. Клюев

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 28 января 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 470—471. — [Т.] V.

28 января 1913

Дорогой Константин Федорович!

Присылаю Вам корректуру и новое стихотворение «В белесоватости окна...». Поместите его в «Лесные были» предпоследним стихотворением — т. е. перед «Песней о соколе и о трех птицах Божиих». Книжку необходимо мне видеть сверстанной, так что Вы потрудитесь и в сверстанном виде прислать ее С. Городецкому, С. П. б, Фонтанка, дом 143, кв. 5. Он был два дня болен, потому и несколько запоздала эта корректура.

Низко Вам кланяюсь Николай Клюев

В книжке «Лесные были» прошу отметить в оглавлении: «Две песни: «Песня о соколе и о трех птицах Божиих» и «Лесная быль» взяты из книги «Сосен перезвон».

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 17 января 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 470. — [Т.] V.

17 января 1913

Дорогой Константин Федорович!

Присылаю Вам три стихотворения из моей книги «Лесные были». Будьте любезны изъять из этой книги первые варианты прилагаемых стихотворений и поместить на их месте новые — т. е. те же самые, но исправленные и пометить страницы по порядку.

Значит, из книги «Лесные были» Вы снимите стихотворение под названием «Свадебная», и на его место вложите прилагаемое «Свадебная». Потом снимите стихотворение «Певучий думой обуян» и на его положите новое «Певучей думой обуян», потом снимите стихотворение «Я молился бы лику заката» и на его место положите такое же, прилагаемое при сем письме и отметите страницы по порядку.

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 27 декабря 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 469. — [Т.] V. Н. А. Клюев — К. Ф. Некрасову

В скором времени я пришлю еще одно новое стихотворение. Извините за беспокойство, но в данном случае иначе нельзя. Адрес: С.-Петербург, Усачев переулок, дом № 11, кв. 1. Николаю Клюеву.

С уваж(ением) Н. Клюев

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 27 декабря 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 469. — [Т.] V.

27.XII.1912 г.

Дорогой Константин Федорович,

я в настоящее время в Петербурге — пробуду до шестого января. Моя насущная к Вам просьба вот какая: присылайте корректуру моих книг Сергею Городецкому2 по адресу: С. Петербург, Фонтанка, дом № 143, кв. 5.

Он очень близок моим песням, и никто кроме него не прочтет их верно. Очень Вас прошу.

Уважающий Н. Клюев

Адрес Клюева до 6 января: С. Петербург, Усачев переулок, дом № 11, кв. 1. Постоянный: Почтовое отделение Мириинское, Олонецкой губернии, Вытегорского уезда.

Дорогой Константин Федорович!

Еще вторая просьба: выкиньте из новой моей книги «Лесные были» в стихотворении над названием «Святая быль» посвящение «Ионе Брихничеву»3 и в стихотворении «Набух, оттаял лед на речке...» — посвящение «Нине Дорофеевой». Вот эти два подчеркнутые слова и уничтожьте (не самые стихотворения, а только, значит, эти две фамилии над ними).

Извините, что пишу карандашом, чернил под рукой сейчас нет.

Третья моя просьба к Вам вот какая: обозначьте на первой тысяче «Сосен перезвон» (на обложке, где цена) «Четвертая тысяча». На второй же тысяче этой же книги «Пятая тысяча». Это очень важно, так как три тысячи первого издания разошлись не обозначенными. Теперь же отметить количество очень важно, как для газетного обзора, так и для читательского внушения.

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 28 ноября 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 469. — [Т.] V.

28 ноября 1912 г.

Многоуважаемый Константин Федорович,

я получил Ваше письмо и согласен на две тысячи издания, но не меньше 600 рублей. Первые книжки изданы по три тысячи каждая. «Сосен перезвон» разошлась вся без остатка, а «Братские песни» допродают последнюю тысячу, а она издана в июне месяце этого года. Если Вы согласны, то телеграфируйте, я приеду в Ярославль, — только чтобы было наверно, т. е. чтобы Вы были дома в этот день и деньги в один раз.

Адрес: Москва, Пименовская улица, дом № 31, кв. 28. Николаю Алекс(еевичу) Клюеву.

С уважением Н. Клюев

Клюев Н. А. Письмо Некрасову К. Ф., 12 ноября 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 469. — [Т.] V.

12 ноября 1912 г.

Глубокоуважаемый Константин Федорович,

Алексей Ник(олаевич) Толстой передал мне о Вашем согласии издать мою книгу стихотворений.1 С двумя первыми книжками Вы уже знакомы, новые стихи я могу Вам доставить не раньше первых чисел декабря, т. е. недели через две. Составится довольно порядочный томик под общим названием «Сочинения Николая Клюева». Том первый. Три тысячи экземпляров, цена 750 рублей. Если Вам угодно что-либо изменить в моих условиях, то

благоволите сообщить по адресу: Москва, Пименовская улица, дом № 31, кв. 28 Николаю Алексеевичу Клюеву.

С иск(ренним) уважением Николай Клюев

Ваганова И. [Вступительная статья: Клюев Н. А. Письма Некрасову К. Ф.] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 468. — [Т.] V.

В начале 1913 г. в издательстве К. Ф. Некрасова вышли два поэтических сборника Николая Алексеевича Клюева (1887—1937): «Сосен перезвон» и «Лесные были». В одном из своих писем А. Н. Толстой предложил Некрасову издать стихи Клюева. Некрасов, высоко ценивший поэта, сразу же согласился на издание сборника «Лесные были» и переиздание сборника «Сосен перезвон» с предисловием Валерия Брюсова.

В 1915 г. Клюев уже сам обратился к Некрасову с предложением переиздать «Братские песни», которые наряду со сборником «Сосен перезвон» принесли ему огромное признание. Также Клюев предложил Некрасову издать его военные стихи, пользовавшиеся в годы войны большой популярностью.

Некрасов по-прежнему восхищался стихами Клюева, но не мог стать постоянным издателем его книг. Этому не способствовали ни обстоятельства военного времени, отразившиеся на деятельности издательства, ни изменившиеся программные задачи, ни новые увлечения самого Некрасова.

Письма Клюева к Некрасову хранятся в ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 128—130.

Даты писем установлены по почтовому штемпелю.

Бунин И. А. Письмо Некрасову К. Ф., 3 декабря 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 468. — [Т.] V.

И. А. БУНИН — К. Ф. НЕКРАСОВУ

Иван Алексеевич Бунин (1870—1953) осенью 1914 г. решил прекратить отношения с «Книгоиздательством писателей». Среди возможных будущих своих издателей И. А. Бунин видел и К. Ф. Некрасова, о чем свидетельствует единственное письмо Бунина, отправленное им в Ярославль.

Некрасов был готов издать новую книгу рассказов Бунина, однако сотрудничество писателя с ярославским издательством не состоялось: проблемы Бунина были решены в Москве.

Письмо Бунина Некрасову хранится в Ярославском музее-заповеднике. Ф. 15710. Ед. хр. 155.

3 дек(абря 19)14

Многоуважаемый

Константин Федорович.

Я хочу покинуть «К(нигоиздательст)во писателей». Если Вы продолжаете свое дело1, я мог бы предоставить Вам для издания некоторые свои вещи, как новые, так и прежние, уже разошедшиеся.

Будьте добры, ответьте мне, интересует ли Вас это.2

С искренним почтением Ив. Бунин

Гиппиус З. Н. Письмо Некрасову К. Ф., 16 июля 1912 г. Ямбург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 466—467. — [Т.] V.

З. Н. ГИППИУС — К. Ф. НЕКРАСОВУ

Вопрос об издании полного собрания сочинений Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869—1945) в издательстве К. Ф. Некрасова был предварительно оговорен Д. С. Мережковским в письмах к издателю. Однако произведения Гиппиус, несмотря на принципиальное согласие обеих сторон, в издательстве Некрасова не выходили — ни в виде отдельных книг, ни в виде полного собрания сочинений, о котором идет речь в публикуемом письме.

Письмо Гиппиус Некрасову хранится в ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 79.

г. Ямбург СПб губ. Им(ение) Вырино

16.7.(19)12

Милостивый Государь Константин Федорович

Мне передал Д. С. Мережковский о принципиальном согласии Вашем издать полное собрание моих сочинений. Ваше молодое издательство мне очень симпатично, и я очень буду рада, если мы сможем сговориться. Жаль, что Вы не ездите в СПб, в личной беседе мы бы скорее выяснили вопрос, для которого, при данных обстоятельствах, понадобится долгий обмен письмами.

Могу Вам пока сообщить следующее: мои сочинения составят 15 томов, небольших, — по 1 р. за том. Из них будет 2 тома стихов (изд. Скорпиона и Мусагета, 1-й том разошелся)1, 3 т(ома) критических статей (1й — 2-й изд. Пирожкова, трудно находимы, 3й — новейшие статьи, лишь приготовленные к отд(ельному) изданию)2, 3 т(ома) романов (1й изд. Пирожкова, разошлось, 2й — Московское К-во 1911 г., 3й роман — должен осенью еще появиться в «Русск(ой) Мысли»)3, остальные 7 томов-рассказов, 6 — издания Пирожкова (1 т(ом) вторичным изд(анием)), все ненаходимы и 7ой том издания «Мусагет», 1912 г.4 Желательно было бы: кончить издание в два или 2? года, получить некоторую часть гонорара при заключении условия и затем получать последовательно после выхода каждого тома. Если бы Вы нашли удобным издавать книги большого размера, т. е. листов по 25 вместо 15, то можно было бы ограничиться 12-ю томами.

О размере гонорара мне сейчас трудно говорить, это предмет следующих писем, когда вопрос издания в принципе будет решен окончательно. Могу лишь сказать, что условия мои — обычны, и не они заставляли меня медлить с изданием полного собрания сочинений и отклонять некоторые предложения.

Не находите ли Вы, что громадное большинство наших книгоиздательств, особенно те, которые берут на себя издания «полных собраний» — оставляют желать лучшего в самых разнообразных отношениях?

Прошу извинить меня, если сведения, которые я дала, покажутся Вам слишком краткими. Но пока, надеюсь, этого достаточно. В ожидании Вашего ответа остаюсь преданная Вам

З. Гиппиус-Мережковская

P. S. Я бы желала выяснить этот вопрос скорее потому тоже, что новый роман мой, с осени, — если наше соглашение не состоится — будет отдан другому К(нигоиздательст)ву и выйдет отд(ельным) изданием тотчас по окончании его в журнале (в декабрьской книжке).

Москва, Зубово, Долгий пр., д. 14, кв. 12

Ивану Алексеевичу Бунину

Ваганова И. Примечания: Мережковский Д. С. Письма Некрасову К. Ф. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 466. — [Т.] V.

Примечания

1 В 1905 г. после Московского восстания Мережковский и Гиппиус уехали в Париж, вернулись в 1912 г.

2 Имеется в виду Людовик Маврикиевич Вольф, директор изд. «Товарищество М. О. Вольф», сын М. О. Вольфа (1825—1883) — основателя издательства.

3 В Париже Мережковским была написана историческая драма «Павел I», которая вышла в Петербурге в изд. М. Пирожкова в 1908 г. и сразу же была конфискована.

4 Роман Мережковского «Александр I» вышел в изд. «Товарищество М. О. Вольф», СПб. — М., 1913.

5 Пирожков Михаил Васильевич (1867—1926) издатель. Он был одним из основных издателей Мережковского и Гиппиус: с марта 1903 г. по июнь 1908 г. в издательстве Пирожкова вышло 22 названия их книг общим тиражом 86500 экземпляров (Эльзон М. Д. Издательство М. В. Пирожкова. — В сб.: Книга. Исследования и материалы, вып. 54. М., 1987. С. 162).

6 В «Книгоиздательстве писателей Москвы» был издан роман З. Гиппиус «Чортова Кукла».

7 Пьеса «Будет радость» издана в Петербурге, изд. «Огни», 1916.

Мережковский Д. С. Письмо Некрасову К. Ф., 27 октября 1915 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 466. — [Т.] V.

Петербург Сергиевская 83, кв. 17

27.X.1915

Глубокоуважаемый

Константин Федорович!

(извините, если не верно пишу Ваше имя) — мне хотелось бы предложить Вам несколько моих книг для издания (между прочим, античные трагедии, а также драму «Будет радость»7, которая идет сейчас в Художеств. театре у Станиславского и другие вещи). Но я не знаю Вашего адреса и не уверен, получите ли Вы это письмо.

Итак, по получении от Вас ответа напишу Вам подробнее. А лучше всего, если бы нам повидаться. Не будете ли в Петербурге? М(ожет) б(ыть), я буду в Москве около конца ноября, начала декабря. Хорошо бы списаться.

Мережковский Д. С. Письмо Некрасову К. Ф., 27 мая 1912 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 464—465. — [Т.] V.

С. Петербург Литейная 24, кв. 10

27 мая 1912

Глубокоуважаемый

Константин Федорович,

напрасно Вы думаете, что меня издатели «осаждают». Хороших издателей мало, а культурных, как Вы, почти нет. Вот почему я Вашим предложением очень дорожу. Замедлил же ответом, потому что был в переездах, — не знал своего адреса будущего, и только теперь решил, что буду жить в России1. Летом уеду из Петербурга на дачу, но лучше пишите мне по моему городскому адресу.

Что касается «Александра I», то у нас с Вольфом2 такое словесное условие: при равенстве предложений (т. е. количестве гонорара и проч. матер(иальном) условии) я ему оказываю преимущество. Но договор с ним я еще не заключил. Вот пункт в договоре о собрании сочинений:

«Я, Мережк(овский), обязуюсь предоставить Т(оварищест)ву Вольф право печатать для подпис(чиков) п(олного) собр(ания) моих сочин(ений) за добав(очную) плату от 3 000 до 5 000, согласно желанию Т(оварищест)ва, экземпляров моего романа, при чем Т-во уплачивает мне за каждый экз(емпляр) 25% его продажной цены при доставлении текста».

При разговоре Вольф соглашался издать не меньше 5 000 экз. или даже больше. Цена 2 р. 50. За 5 000 экз. — 3 050 р.

Если бы Ваши условия были выгоднее, то я имел бы право Вам уступить. Но, полагаю, что трудно будет назначить большую плату?

Во всяком случае, от души благодарен Вам за Ваше любезное предложение. Мне очень хотелось бы, чтобы если не это дело, то другое — связало бы нас. Ваша издательская деятельность мне чрезвычайно симпатична.

У меня есть некоторые предложения, но не знаю, подойдут ли они Вам. Хорошо бы лично переговорить. Не будете ли в Петербурге? Одно из этих предложений издание сочинений З. Н. Гиппиус, или полн(ого) собр(ания) или отдельных книг.

Очень прошу, если будете в Петербурге, загляните ко мне. Я буду Вам рад.

Искренне уважающий Вас

Д. Мережковский

Мне Ваши издания очень нравятся. И я очень жалею, что мне до сих пор не удалось издать книг у Вас.

С искренним уважением Д. Мережковский

Ваганова И. Примечания: Ходасевич В. Ф. Письма Некрасову К. Ф. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 463—464. — [Т.] V.

Примечания

1 Красинский Зыгмунт (1812—1859) — польский писатель. Повесть «Агай-хан» написана в 1831 г.

..

2 Пшерва-Тетмайер Казимеж (1865—1940) — польский писатель.

3 Реймонт Владислав Станислав (1867—1925) — польский писатель.

4 Эфрос Абрам Маркович (1888—1954) — переводчик, литературный и художественный критик.

5 Соколов Сергей Александрович (псевд. — Сергей Кречетов) (1878—1936) — поэт, владелец издательства «Гриф»; редактор журнала «Перевал».

6 Речь идет о книге стихов В. Ходасевича «Молодость». М., 1908.

7 На тексте письма в левом верхнем углу помета Некрасова: «3 апр. 1912 нап(исал). Согл(асен) 2 000 экз. Сообщите Ваши условия. Вышлите начало перевода».

8 Пшибышевский Станислав (1868—1927) — польский писатель.

9 Д'Аннунцио Габриеле (1863—1938) — итальянский писатель.

10 Корш Федор Евгеньевич (1843—1915) — филолог, переводчик, историк литературы, академик.

11 Здзеховский М. (1861—1938) — польский литературовед.

12 К письму приложена записка Некрасова: «20 апреля 1912 г. нап(исал). Согласен издать в 3 том. и на оплату перевода по 30 р. с л(иста) в 40000 б(укв). «Иридион» и «Небож(ественную) ком(едию)» желательно взять уже имеющиеся переводы, если они хороши и если это можно. Обстоят(ельный) крит(ико)-биогр(афический) очерк с имеющ(имися) 1—3 портретами. О том, что включать в собр(ание) соч(инений), посоветоваться со знатоками и литер(аторами). 1-ый том могут начать печатать в октябре с. г.».

13 Курсинский Александр Антонович (1873—1919) — поэт.

14 На письме вверху помета Некрасова: «25 мая нап(исал). Уполномачиваю».

15 На письме вверху помета Некрасова: «14 июня 1912 г. нап(исал). Не могу до осени».

16 В верхнем углу помета Некрасова: «9 окт(ября) нап(исал). Вышлю не позднее 13 окт(ября)».

17 Вверху письма помета Некрасова «20.12.1912 нап(исал) и посл(ал) 200 р.» 14 ноября 1912 г. Ходасевич отправил телеграмму: «Был болен рукопись вышлю конце недели очень прошу прислать сто рублей требуют за квартиру телеграфируйте ответ». Рукой Некрасова на телеграмме написано: «Могу послать 15 декабря».

18 Автографы стихотворений хранятся в ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 275. Л. 20—21: На л. 20 в верхнем левом углу помета Некрасова: «В конце книги по желанию автора...»

1

Века, протекшие над миром,

Протяжным голосом теней

Еще взывают к нашим лирам

Из-за стигийских камышей.

И мы, заслышав стон и скрежет,

Ступаем на Орфеев путь, —

И наш напев, как солнце, нежит

Их остывающую грудь.

Былых волнений воскреситель,

Несет теням любой из нас

В их безутешную обитель

Свой упоительный рассказ.

В беззвездном сумраке Эреба
Вокруг певца сплотясь тесней,

Родное вспоминает небо

Сонм воздыхающих теней.

Но горе! Мы порой дерзаем

Все то в напевы лир влагать,

Чем собственный наш век терзаем,

На чем легла его печать.

И тени слушают недвижно,

Подняв углы высоких плеч, —

И мертвым предкам непостижна

Потомков суетная речь.

2

Жеманницы былых годов,

Читательницы Ричардсона!

Я посетил ваш ветхий кров,

Взглянул с высокого балкона

На дальние луга, на лес, —

И сладко было мне сознанье,

Что мир ваш навсегда исчез

И

И с ним его очарованье.

Что больше нет в саду цветов,

В гостиной — нот на клавесине

И вечных вздохов стариков

О матушке-Екатерине.

Рукой не прикоснулся я

К томам библиотеки пыльной,

Но сладостен был для меня

Их запах, сладкий и могильный.

Я думал: в грустном сем краю

Уже полвека все пустует...

О, пусть отныне жизнь мою

Одно грядущее волнует!

Блажен, кто средь разбитых урн,

На невозделанной куртине,

Прославит твой полет, Сатурн,

Сквозь многозвездные пустыни!

Владислав Ходасевич

19 В верхнем углу письма помета Некрасова: «21.02.1913 нап(исал). Скоро будем печатать. Жду статью Корша. Деньги (100 р.) пришлю на той неделе или завезу сам».

Ходасевич В. Ф. Письмо Некрасову К. Ф., 9 февраля 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 463. — [Т.] V.

Многоуважаемый Константин Федорович.

Простите, что долго не отвечал Вам, но я все ждал статьи Корша. Теперь он говорит, что она будет готова через неделю. Надеюсь, на этот раз не обманет.

Посылаю Вам два стихотворения для альманаха. Думаю, что их неописательный характер — их достоинство; хорошо бы поместить их в самом конце книги, благо и фамилия моя будет, вероятно, последней по алфавиту.

Я, по обыкновению, «нищ и светел». Поэтому, если можете, пришлите мне такую сумму денег, которая бы Вас не слишком обременила. Меня же весьма утешит всякая и в счет чего бы она не шла.

Также очень прошу Вас не откладывать набора 1-го тома и прислать мне первую корректуру. Читать корр(ектуры) я весьма умею и о том, что набор машинный, — буду помнить. Но без

корректуры, согласитесь, я буду в отчаянии. Вдруг я что-нибудь просто соврал при переводе?

Будьте здоровы. Очень жду денег, письма и корректур.

Искренне Вас уважающий Владислав Ходасевич

9 февр. 913.

Ходасевич В. Ф. Письмо Некрасову К. Ф., около 15 декабря 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 462—463. — [Т.] V.

(около 15 декабря 1912 г.)

Многоуважаемый

Константин Федорович

Простите, что замедлил доставкой I тома: безденежье заставило меня экстренно взяться за другую работу.

Вы обещали прислать мне денег после 15 дек. Позвольте быть уверенным, что теперь, когда рукопись мною представлена, Вы мне их вышлете, и уже не сто рублей, а двести, — сумму, составляющую никак не более половины гонорара за этот том.

Вопрос о шрифте, фирмах и проч. совершенно полагаю на Ваше усмотрение.

Клише одного портрета я, быть может, достану. Другой придется переснять из одной книги. Как это сделать? Не будете ли в Москве?

Знаменка, 15.

Вас уважающий Владислав Ходасевич

Ходасевич В. Ф. Письмо Некрасову К. Ф., 27 сентября 1912 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 462. — [Т.] V.

Москва, 27 сентября 1912 г.

Многоуважаемый

Константин Федорович.

Настает 1 октября, и я позволяю себе Вам напомнить, что с этого времени мы условились начать производить расчеты по переводу Красинского. Один том мною доставлен еще в июне, и тогда же Вы обещали выслать мне условленную половину гонорара, т. е. рублей 200—225, осенью. Надеюсь, теперь Вы не откажете исполнить свое обещание.

Таковы соображения «деловые». Кроме них, Вы, конечно, сами понимаете, так трудно работать, сидя без денег, — а я нахожусь именно в таком положении. Потому-то аванс и привился в литературе так прочно.

Итак, чем скорее пришлете деньги, тем более обяжете преданного Вам Владислава Ходасевича.

Ходасевич В. Ф. Письмо Некрасову К. Ф., около 10 июня 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 462. — [Т.] V.

(около 10 июня 1912 г.)

Многоуважаемый Константин Федорович.

Вчера я отправил Вам второй том Красинского и, увы, принужден просить о деньгах. Сознаюсь, мне неловко делать это, посылая Вам второй, а не первый том, но первый еще не готов, а положение у меня тяжелое.

Думаю, Вы не посетуете на это: ведь все равно набирать будем осенью, а к тому времени готов будет и первый том.

Но мне не хотелось просить у Вас денег, объявляясь, так сказать, с пустыми руками.

Итак, очень прошу Вас прислать мне двести рублей, т. е. приблизительно половину стоимости всего тома. Если можно, сделайте это немедленно, ибо сижу без копейки, и это меня удручает. Буду ждать.

Преданный Вам Владислав Ходасевич.

P. S. Корш уехал-таки. Вчера узнал его адрес и написал.

Деньги будьте добры выслать по такому адресу:

Ст. Кусково, Моск.-Нижегородской ж. д., имение Старое Гиреево, дача Торлецкого, В. Ф. Х.

Деньги и заказные письма сюда доходят исправно15. Отныне мой адрес: Москва, Знаменка, 15, кв. 19, тел. 307—88

P. S. За Вами маленькая вина: почему не откликнулись Вы во время съезда книгопродавцев?

Ходасевич В. Ф. Письмо Некрасову К. Ф., 14 апреля 1912 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 459—460. — [Т.] V.

Москва, 14 апр(еля 1)912

Милостивый Государь,

Константин Федорович!

Прошу извинения, что замедлил ответом на Ваше письмо, но это оттого, что оно навело меня на некоторые размышления.

Что сказали бы Вы, если б я попытался до некоторой степени вернуть Вас к первоначальным намерениям и предложил бы издать не полное собрание сочинений Красинского, а лишь законченные его вещи, отбросив фрагменты, отрывки и прочее? Думаю, что такое издание явилось бы настоящим вкладом в переводную нашу литературу и в качестве такового не было бы даже рискованным в материальном отношении. Довольно уж Пшибышевских8 да Тетмайеров!

Кажется, это начинает понимать даже публика: знаю это по отчетности Универсальной Библиотеки, которая стала издавать не Д'Аннунцио9 и Уайльда, а Шиллера, Шекспира, Диккенса. К тому же собрание сочинений — не отдельный роман, и читатель рассудит, что должно быть не плох писатель, ежеле его издают обстоятельно.

На случай, если бы предложение мое не показалось Вам неосуществимым — вот краткий план

На случай, если бы предложение мое не показалось Вам несбыточным — вот краткий план издания, которое предполагаю содержащим три тома:

I — «Агай-хан», «Мстительный карлик», «Летняя ночь» и еще некоторые мелочи (ничто на рус(ский) яз(ык) не переведено).

II — «Небожественная комедия» и «Иридион» (обе вещи переведены, но обе суть величайшие создания Крас(инского)).

III — роман «Владислав Герман и его двор», вещь весьма занимательная и никогда не переводимая.

В каждом томе приблизительно от 300 до 400 страниц, и если бы продавать I и III тома по 1 р. 50 к., то второй, наименьший, можно и по рублю. Итого — 4 рубля.

Писать о Кр(асинском) я сам не решусь, да и больше сказало бы читателям имя, напр(имер), Корша10, недавно читавшего о Крас(инском) по случаю его юбилея, или Здзеховского11, от которых получить вступительную статью не трудно.

За свою работу, весьма трудную, ибо Кр(асинский) не только классик, что обязывает само по себе, но и писатель с головокружительным синтаксисом, — попрошу я по тридцати рублей с листа в 40 000 букв. Это тот минимум, который получаю я в десятикопеечных книжечках «Пользы» за Реймонта и прочие пустяки. Итого — рублей по 400 за том.

Таковы мои предположения.

Теперь об «Агай-хане», если бы Вы захотели издать только его. Из повести готовы у меня всего две главы, которые посылаю, причем прошу Вас иметь в виду, что я всегда возлагаю часть отделки перевода на корректуру: как-то плохо разбираешься в том, что написано рукой.

О гонораре. Если Вы остановитесь на «Агай-хане» (только), то 40 руб. за 40-тысячный лист Вы, вероятно, не признаете слишком высокой ценой. Или проще: 250 руб. за всю повесть, какова бы она ни вышла. Смею рассчитывать, что условия эти не покажутся Вам неприемлемыми. Перевести остальную часть я могу скоро, но печатание и корректура отнимут довольно много времени, и книга выйдет летом, что не выгодно. Отложим до осени, а пока прошу Вас не замедлить ответом, согласны ли Вы на мои условия и что думаете о собрании в трех томах12.

Прошу Вас верить, что я был очень рад, узнав, что не совсем Вам неведом. Надеюсь, Павел Павлович говорил Вам обо мне хотя бы отчасти так хорошо, как говорил мне о Вас.

С искренним уважением Владислав Ходасевич

Адрес мой лучше всего оставим тот же: М. Козицкий пер., 2, к-во «Польза», для Владислава Фелициановича Ходасевича.

Я живу на даче. Если будете в Москве, не откажите позвонить по телефону: Новогиреево, 21 — и вызвать меня. Был бы очень рад познакомиться с Вами лично.

В. Х.

Ваганова И. [Вступительная статья: Мережковский Д. С. Письма Некрасову К. Ф.] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 464. — [Т.] V.

Весной 1912 г. К. Ф. Некрасов предложил Дмитрию Сергеевичу Мережковскому (1866—1941) издать его роман «Александр I». Роман Мережковским был продан уже издательству

«Товарищество М. О. Вольфа», и писатель предложил Некрасову издать другие свои произведения или произведения своей жены, писательницы и поэтессы Зинаиды Гиппиус.

Через три с половиной года Мережковский уже сам обратился в издательство Некрасова с предложением издать как новые свои произведения, так и старые, разошедшиеся. Однако осень 1915 г. была, ввиду военных обстоятельств, временем тяжелым, что возможно и явилось одной из причин несостоявшегося сотрудничества Мережковского с издательством Некрасова.

Письма Мережковского Некрасову хранятся в ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 168—169.

Ваганова И. [Вступительная статья: Ходасевич В. Ф. Письма Некрасову К. Ф.] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 458. — [Т.] V.

Весной 1912 г. Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939) обратился к К. Ф. Некрасову с предложением издать перевод исторической повести «Агай-Хан» З. Красинского. На решение Ходасевича начать сотрудничество с издательством Некрасова, вероятно, повлиял П. П. Муратов, который в письмах к издателю не раз упоминал поэта Ходасевича как своего приятеля.

Начало сотрудничества Ходасевича с издательством Некрасова было успешным: решено было издать не только повесть Красинского, но и приступить к подготовке его собрания сочинений в трех томах. Однако замыслы осуществлены не были, а отношения Некрасова и Ходасевича закончились ультимативным письмом брата поэта от 14 августа 1914 г.: «Милостивый Государь, Константин Федорович. Ко мне обратился брат мой, Владислав Фелицианович, с просьбой взыскать с Вас четыреста рублей, недоплаченных Вами ему за перевод двух томов сочинений Красинского. Не пожелаете ли Вы настоящее дело закончить миролюбиво, чем избавите меня от неприятной необходимости принятия каких-либо мер. Я бы мог лично переговорить с Вами в мои приемные часы: по понедельникам, средам и четвергам, от 3—5 час.

С совершенным почтением М. Ходасевич.»

Вероятно, на решение Некрасова не издавать перевод Ходасевича, повлияли изменившиеся после 1912 г. отношения между П. П. Муратовым и Ходасевичем.

В феврале 1913 г. В. Ходасевич прислал в издательство Некрасова стихи для альманаха «Старые усадьбы», но замысел его не был реализован Некрасовым.

Письма Ходасевича Некрасову хранятся в ГАЯО. Ранее частично были использованы в газетной публикации.*** Полностью публикуются впервые, ф. 952, оп. 1, д. 275.

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 29 марта 1916 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 455—456. — [Т.] V.

29 марта 1916

Дорогой Константин Федорович,

до меня дошли вести, что Вы прекращаете издательство — хочется узнать, правда это, или нет.

Если правда, то, конечно, очень жалко — личные мои интересы тут ничтожны, а жаль культурного и интеллектуального дела. Совсем недавно, с большим интересом читал стихи бедной Каролины Павловой: прямо нельзя не поблагодарить за такую книгу. А разошлось ее сочинение — экземпляров сто! Это я очень хорошо понимаю.

Сколько осталось у Вас моих книг? Я думаю, что их следует сдать на склад

«Книгоизд(ательство) писателей», т(аким) о(бразом) Вы дополучите за них все, по мере распродажи. Там концентрируются все мои тома. Будьте любезны, пришлите мне пару экз(емпляров)) «Усадьбы Ланиных» (если, разумеется, вышла)57.

За Данте деньги (450 р.) я верну Вам из гонорара, когда книга выйдет. П(авла) П(авловича) я ждать не буду — это безнадежно. Да он и собирается взять новую огромную работу. Данте думаю издать или сам, или в «Книг(оиздательстве) писателей». Впрочем... осенью мне, вероятно, идти на войну58. Надеюсь успеть (т. е. — сдам рукопись).

Итак, жду письма. Буду очень рад, если сведения мои неверны.

Ваш Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 7 января 1916 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 455. — [Т.] V.

7 янв(аря) 1916

Дорогой Константин Федорович, как же дела с моей 4-й книжкой? Вы мне ничего не ответили, и я не знаю, на каком названии Вы остановились. Я продолжаю настаивать на «Усадьбе Ланиных». Как бы она ни исполнялась в Ярославле, в Москве она идет успешно и, б(ыть) м(ожет), перейдет даже на следующий сезон. Все это весьма странно, и для театра не менее неожиданно, чем для меня; пойди, угадай вкусы публики!

Над «Адом» я работаю, прохожу его снова. Пять первых песен мог бы Вам даже прочесть, они подготовлены. Но все меньше надежды у меня на П(авла) П(авловича). Как Вы смотрите? Из послед(него) его письма я вынес впечатление, что он, в сущности, отказывается. Что Вы говорили с ним в Крыму об этом?

Был бы Вам благодарен, если бы прислали новых Ваших изд(аний), между пр(очим) — Павлову и стихи Григорьева, о чем я уже просил.

С Новым годом!

Всего Вам доброго. Ваш Бор. Зайцев

Когда выйдет, пришлите и 2 экз. моих рассказов.

P. S. Сколько осталось у Вас экземпл(яров) романа? И сколько рассказов? Напишите.

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 18 ноября 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 455. — [Т.] V.

18 ноября 1915

Дорогой Константин Федорович,

пишу еще несколько слов вдогонку:

не лучше ли назвать книгу «Усадьба Ланиных» и др. рассказы. Дело в том, что пьеса эта с успехом прошла в театре и даже, как мне пишут, собирает порядочно публики. Я считаю, что это следует использовать. Только надо быстрей действовать. Хорошо бы успеть до Рождества.

Ваш Бор. Зайцев

Просьба об одном экз(емпляре) «Ватека».

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 15 ноября 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 454—455. — [Т.] V.

15 ноября 1915 г.

Дорогой Константин Федорович,

разумеется, я ничего не имею против предполагаемой Вами операции. Однако, думаю, что называть: 2-ое издание — неудобно. Лучше остановиться на указанном Вами же варианте — «Грех» и другие рассказы.

В свою очередь прошу у Вас небольшой льготы — именно, разрешить мне поместить «Грех» и, б(ыть) м(ожет), «Вечерний час» в книжку дешевой библиотеки, куда войдут еще с десяток моих рассказов из старых томов. Покупатель такой книжки — пассажир, прохожий у книжн(ого) киоска и т. п. — она стоит 40 копеек — я уверен, что читатель это не Ваш. И быть может, даже

такой рынок шире раздвигает читаемость писателя — а косвенно это отзывается на серьезных его изданиях? Еще просьба: вышлите, пожалуйста, мне «Брамбиллу» и Павлову.

Всего доброго. Жму Вашу руку, Ваш Бор. Зайцев

P. S. Заодно припишите, сколько осталось романа и рассказов. Безусловно, было ошибкой с моей стороны назвать кн(игу) «Рассказы». Я теперь знаю, это от «Книгоиздательства писателей».

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 26 августа 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 454. — [Т.] V.

26 авг(уста) 1915

Дорогой Константин Федорович,

недавно закончил работу по Казанове — сделал я столько, чтобы покрыть этой работой все, мною у Вас забранное (550 р.). Таким обр(азом), по этой работе я с Вами состою в расчете. Дальше делать не буду, пока не получу уверенности, что Вы издадите эту книгу. В случае, если бы Вы раздумали печатать, я все равно буду считать этот свой долг Вам погашенным.

«Ад», как Вы знаете, я кончил. Но статей от П(авла) П(авловича) нет и не знаю, когда они будут. Он недавно писал мне в том смысле, что, может быть, мы обойдемся без него. Мое мнение — что следует подождать; но ждать придется долго, и в конце концов этот вопрос надлежит решить Вам.

Эту зиму, по-видимому, снова буду жить в деревне. В сентябре собираюсь в Москву на неделю, на две (в конце сент(ября)).

Рукопись К(азановы) передам в Ваш книжный магазин. — Не встретимся ли?

Крепко жму руку, Ваш Бор. Зайцев

P. S. Читаю Стендаля. Перевод плохой.

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 17 июня 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Рос. Архив, 1994. — С. 454. — [Т.] V.

17 июня 1915 г.

Дорогой Константин Федорович,

третьего дня кончил я «Ад». П(авлу) П(авловичу) писал, но по недостатку у него книг и свободного времени он сейчас этим заниматься не может.

Пришлите мне, пожалуйста, книгу Аполлона Григорьева, изданную Вами.

Крепко жму руку. Искренно Ваш Бор. Зайцев

P. S. Взяли ли Вы книгу Лернера «Труды и дни»?

Мордвесское почт(овое) отд(еление) Тульской губ., им. Притыкино

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 11 апреля 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Рос. Архив, 1994. — С. 454. — [Т.] V.

11 апр(еля) 1915

Дорогой Константин Федорович,

одно обстоятельство осталось для меня неясным в Вашем письме: желаете Вы, чтобы я отдал Вашему издательству новую книгу рассказов (к Рождеству) — или нет? У меня осталось впечатление, что Вы обходите этот вопрос, но стесняться тут совсем не приходится, мне только надо знать, как устроить свои дела на лето. (Почти наверно — я должен буду доставать под эту книгу денег.) Разумеется, нечего говорить о романе. Я писал это только потому, что тогда в Москве Вы сказали: «Едва ли осталось 300 экземпляров».

Павлу Павловичу относит(ельно) Данте написал. Завтра сажусь за четыре последние песни, и думаю, через месяц-полтора кончу все.

Жму Вашу руку, всего доброго.

Ваш Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 14 марта 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 453. — [Т.] V.

14 марта 1915

Дорогой Константин Федорович,

сегодня только вернулся из Москвы, где все же время идет очень быстро! — И не заметил, как две недели прошло. Вы мне обещали более точные сведения о книгах на 1 марта, но письма нет. Если имеются у Вас эти сведения, то будьте добры, пришлите. По поводу романа можно, по-видимому, говорить о втором издании — как Вы на это смотрите? Разумеется, (если книга по-прежнему идет хорошо) — следовало бы напечатать второй завод непосредственно за первым, но возможно ли это осуществить до лета? Вопрос. Если нет — то надо отложить до осени, печатать летом.

Напишите мне несколько строк. Всего Вам лучшего. Искренно Ваш

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 2 февраля 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 453. — [Т.] V.

2 февр(аля) 1915

Дорогой Константин Федорович,

письмо Ваше ни на минуту не разубедило меня. Мысль, что объявления в газетах не окупаются, конечно, неправильна. (Быть может, и есть книги, которых вообще никто, ни при каких условиях не желает читать — но тогда их надо издавать в 300 экз.) Книга же вообще, равно как и книгоиздательство, не может существовать, если публика не знает о их бытии. Если бы все думали как Вы, то книжных объявлений не было бы. А они есть. Их влияние нельзя учитывать так: нынче я заплатил 30 р. за объявление, и в ближайшие 5—6 дней не продам на 30 р., — значит объявление не окупилось. Я по себе знаю: прочел объявл(ение) о книге, хочется купить, но не купил, отвлекло нечто. Попадется второй раз — и может через две нед(ели), проходя мимо кн(ижного) магазина — вспомнишь, а вот «Вольфлина еще не купил» — и зайдешь. Результаты публикации могут сказываться через месяцы. Не говорю уж о провинции, провинциальных библиотеках и т. п. Как бы Вы ни смотрели на это, у меня все же к Вам большая просьба: о моем романе опубликовать в «Речи» и «Русских ведомостях». (С подзагол(овком) романа «Арест снят».) Хотя бы по разу. Расходы я могу принять и на себя, ибо уверен, что они окупятся.

Получили ли Вы Казанову? Дальше пришлите мне просто по порядку тетрадей.

Всего доброго. На 4-й — 5-й нед(ели), вероятно, будем с женой в Москве. Хорошо бы повидаться.

Ваш Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 20 января 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 452—453. — [Т.] V.

20 янв(аря) 1915

Дорогой Константин Федорович,

известие о Павле Павловиче, разумеется, великолепно48. Вера уже написала в Москву, Катерине Сергеевне49, прося сообщить подробности.

Относительно Казановы — мне безразлично, понятно, когда его печатать, как Вам удобнее. Но от чего бы не послать дальнейшей части рукописи? Я между делом, не торопясь, и правил бы ее. В Главн(ом) управлении знакомых у меня нет, но если быть в Москве, то добраться можно. Но 200 экз(емпляров) — это уж чрезвычайно мало! Ведь Казанова — не «Илья Пророк», и не «Иоанн Богослов» (церкви).

Константин Федорович, ради Бога, печатайте объявления о книгах! У Вас вышел Новалис50, Б. Констан51 — вещи настоящие, хорошие, — вышел мой роман — и ни звука ни в одной газете. Это скромно (и вместе: очень гордо) — но ведь если бы Вы сами мне не написали, я бы не знал, что мой роман есть в продаже. А не все же покупатели живут на Тверской и Кузнецком, где книжные витрины.

Между прочим: правда, что у Вас будет книга Бунина? Это было бы очень хорошо, но почему-то

мне думается, что это так себе, не верно.

Желаю Вам всего хорошего. Ваш искренно

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 7 января 1915 г. Притыкино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 452. — [Т.] V.

7 янв(аря) 1915

Притыкино

Дорогой Константин Федорович!

Получили ли Вы мою открытку, где я просил прислать продолжение Казановы? Отправляю Вам то, что у меня было, уже подготовленное к печати. Жду дальнейшего. Только что вернулся из Воронежа, куда ездил в дохе, хотя там была оттепель и на меня смотрели как на сибиряка.

Я писал еще о своей IV-й книге, если есть у Вас сведения о ее поведении, сообщите. О П(авле) П(авловиче) давно ничего не знаю.

Всего доброго.

Ваш искренно Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 23 декабря 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 452. — [Т.] V.

23 дек(абря) 1914

Дорогой Константин Федорович,

сейчас работаю над Казановой, кончаю имеющиеся у меня. Пришлите, пожалуйста, продолжение рукописи в Воронеж, Острогожская, д. Клочкова, Вере Зайцевой. Я еду туда через 2 дня, а Вера уже там.

У меня последн(яя) тетрадка № 24 (красн(ым) карандашом), гл. XXXI. Не думаете ли Вы понемногу готовить I-й том? (т. е. Казанова). Затем: получили ли Вы официальное уведомл(ение)) о снятии ареста? И еще как дела с моим IV-м т(омом) рассказов? Напишите приблиз(ительно) сколько осталось у Вас, и как Вы вообще считаете движение книги.

Думаю, пробудем в Воронеже числа до 7-го — 8-го.

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 7 декабря 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 451—452. — [Т.] V.

7 дек(абря) 1914

Дорогой Константин Федорович, я получил сегодня письмо от адвоката, там сказано, что бумага о разрешении выпустить книгу в продажу послана в Ком(итет) по дел(ам) печ(ати) за № 264 (от прокурора суда). Между прочим, в «Русск(их) Вед(омостях)» третьего дня появилась заметка, что «Дальний край» арестован. Это очень характерно для почтенной газеты, опаздывающей месяца на полтора, но необходимо потребовать, чтобы было сообщение и о снятии ареста.

Заметка может повредить в провинции; библиот(еках), магазинах. Сделайте это Вы, тем более, что и Ваше имя, как издателя, упомянуто. У меня достаточно дурные отн(ошения) с «Р(усскими) В(едомостями)» — не хочется опять раздражаться.

От П(авла) П(авловича) последнее письмо 19 ноября — все благополучно.

Крепко жму Вашу руку, всего доброго

Ваш Бор. Зайцев

Всего доброго.

Ваш Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 27 ноября 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 451. — [Т.] V.

27 ноября 1914

Дорогой Константин Федорович,

только что получил из Москвы известие, что постановлением Суд(ебной) Палаты арест с романа снят. Прилагаю вырезку — из Ведомостей Градоначальства.

Кажется, надо тот час выпускать книгу. В объявлении необход(имо) указать — «арест снят». Быть может, следует сделать на книжках тоненькие бандероли, с этими же словами. Это окажет, пожалуй, нек(оторое) влияние на движение романа.

Я был в Москве почти две нед(ели), но так неудачно вышло, что как раз Вас не видел, был у С(офьи) Л(еонидовны)47. Будьте добры, пришлите мне неск(олько) экз(емпляров) романа. Я очень рад, как Вы понимаете, конечно, что роман мой выпустили из тюрьмы. Он мне во многих отн(ошениях) дорог (каков бы он сам по себе ни был!) — и его плен меня очень тяготил.

Крепко жму Вашу руку, всего лучшего.

Ваш. Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 6 октября 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 451. — [Т.] V.

6 окт(ября) 1914

Дорогой Константин Федорович,

правда ли, что конфискован мой роман46? Справлялись ли Вы о нем? и какова его дальнейшая судьба, т. е. все это касается лишь военного времени, или вообще? И думаете ли Вы как-нибудь хлопотать о снятии ареста?

Будьте добры, напишите обо всем этом несколько слов. Получили ли Вы мою открытку с просьбой о книгах (мемуарах).

Ваш Бор. Зайцев

Нет ли известий от П(авла) П(авловича)?

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 11 сентября 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 451. — [Т.] V.

11 сент(ября) 1914

Дорогой Константин Федорович!

Где Вы, и живы ли Вы? Получили ли Вы мою открытку? Говорят, письма теперь ходят неаккуратно, — пишу Вам еще.

Дело главное в том, что мне хочется знать, могу ли я рассчитывать на деньги или нет. Будьте добры, ответьте тотчас, я по крайней мере соответственно буду действовать; а в таком неопределенном положении мне трудно существовать.

От П(авла) П(авловича) ничего не имею, верно, бомбардирует он Перемышль!

Щекотов легко ранен, и находится в Москве; Койранский пишет, что очень стремится опять на войну (т. е. Н(иколай) М(ихайлович) стремится).

Всего доброго. Повторяю, вполне понятно, что сейчас с деньгами трудно, и если не можете — прямо так и напишите, но только очень прошу: именно напишите.

Ваш. Бор. Зайцев

Мордвесское почт, отд., Тульской губ., Притыкино

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 11 августа 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 449—450. — [Т.] V.

11 авг(уста) 1914

Дорогой Константин Федорович,

сколько событий мировой силы грянуло с тех пор, как последний раз и сидели мы с Вами в «Праге»!41 Должен сознаться, мне тогда и не мерещилось ничего подобного.

Первые дни кошмар был сильный, скоро он превратился в длительную болезнь, с которой так или иначе — вероятно сживешься. Время страшное, а мирная жизнь все же идет; я попробовал было в военные корреспонденты, но оказывается, никаких корр(еспондент)ов в армию не пускают. Сначала казалось, что ничем уже и нельзя заниматься кроме войны; но навыки ума, воображения, довольно прочны, и как ни странным может представиться — я даже пишу сейчас, и очень тихую, местами чуть не идиллическую вещь. Работаю и над Данте; и Вере, уехавшей на неск(олько) дн(ей) в Москву, поручил привезти Казанову.

Как смотрите Вы на издательскую деятельность в этом сезоне? Вы знаете, наверно, что бедный Павел Павлович стреляет где-то на западе из гаубиц! Что за великая бессмыслица и дикость! Впрочем, что же говорить о таких вещах, слов все равно не найдешь. Что же теперь с «Софией»? Явно, — по крайней мере временно — она прекращается? Далее: я получаю и отправляю корректуры романа. Для меня очевидно, что если его выпустить этой зимой, то разойдется 50 экз(емпляров), а к концу войны книга будет уже старой и три четверти ее останется на складе. Данте, по ходу работы, при напряжении можно окончить к декабрю. Но ни в одной газете о нем не появится ни строчки, и никто не увидит даже книги. Да и где статьи к нему? Напишите, как Вы на все это смотрите. Если бы меня кто-ниб(удь) спросил, что надо теперь в этом роде делать, я бы ответил: работать не меньше обычного, готовить рукописи, печатать книги, но не выпускать на рынок ничего. Пусть лучше полежат затраченные средства втуне, чем пропадут совсем. Когда

рынок ничего. Пусть лучше полежат затраченные средства втуне, чем пропадут совсем. Когда война кончится, люди более горячо захотят культуры, и тогда им можно будет предложить кое-что по этой части. Делать же это сейчас — бесцельно. Интересно мне знать, согласны ли Вы со мною? Конечно, еще вопрос является при этом: литератору все же необходимо питаться, и окончив, напр(имер), «Ад», он все же попросит «позлащенных возможностей». Но тут уже вопрос в том, есть ли у издательства оборотные средства. Впрочем, дело касается не столь уж значительных сумм.

Как бы то ни было, и какого бы взгляда Вы ни держались относит(ельно) продажи книг, я вынужден просить у Вас и под Казанову еще субсидии, в размере 200 р. Это для меня дело весьма существенное, и Вы очень обязали бы меня, если бы перевели эти деньги сейчас же.

Мне как-то тяжело говорить о статьях к «Аду», в виду того, что П(авел) П(авлович) на войне. Но приходится и об этом думать; у меня как-то все крепнет чувство, что он их не напишет (если возвратится!) Я получил от него печальное письмо. Пишет он, что о будущем лучше не думать. Моя мысль — та: напишет ли он, вернувшись? И если бы вышло так, что не напишет, то вступительную статью могу написать я, но лишь вступительную (и то — покорясь необходимости; не бросать же труд многих месяцев?).

Я очень расписался. Прощайте. Жму Вашу руку и желаю всего доброго. Еще две маленьких просьбы: 1) где Павел Сергеевич? Если вблизи Вас, то поклон от меня и просьба написать о себе два слова; 2) Как по батюшке Ашукина? Ему не ответил, потому что забыл «батюшку».

Ваш Бор. Зайцев

Я остаюсь на зиму в деревне (Мордвесс, Притыкино).

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 22 июня 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 449. — [Т.] V.

22 июня 1914

Дорогой Константин Федорович.

На днях вернулся с юга, и до конца лета, наверно, пробуду в деревне. Думается мне — хорошо бы начать набирать роман40 теперь же, чтобы осенью он не очень запоздал. Как Вы на это смотрите? Тогда в Москве слишком мало было времени, да и настроение повышенное — мы не успели об этом переговорить.

Кстати, уже о Казанове. Если Вы, как я, считаете весь инцидент наш ликвидированным и «преданным забвению», то Казанову я взять опять могу. В Вашем письме, которое я застал здесь, Вы пишете, что отказом от ред(актирования) Казановы я хотел Вас «наказать» (?). Это, разумеется, совершенно неверно. Но ведь не мог же я продолжать работу, раз другой моей (подобной же) работе, было высказано резкое недоверие? Конечно, будь Вы на моем месте, Вы поступили бы так же.

Впрочем, снова я принимаюсь за старое, а его мы решили похерить. Сущность, как Вы понимаете, в том, что после разговора в Москве я не считаю для себя невозможным продолжение работы над Казановой. Если же ее уже отдали кому-либо, то это вполне естественно, и тогда, значит, не о чем говорить. Мой отказ давал Вам полное основание сделать это.

Напишите мне пару слов. Что «София»?, как ее виды на будущее?

Крепко жму руку, Ваш

Бор. Зайцев

Мордвесское почт. отд. Тульской губ. имение Притыкино.

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 11 мая 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 449. — [Т.] V.

11 мая 1914

Дорогой Константин Федорович,

в моем предыдущем письме сть маленькая неточность: сказано, что долг по Казанове я отработаю и тогда пришлю рукописи. Это неверно. Казановы я не прочту более ни одной буквы. Долг верну или деньгами или обещанной П(авлу) П(авловичу) статьей в журнал — это как Вы пожелаете. Если деньгами, то соблаговолите сообщить, в какой срок. На днях буду в М(оскве) и оставлю книги и рук(опись) в редакции.

Будьте здоровы. Борис Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 7 марта 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 446—447. — [Т.] V.

7 марта 1914 г.

Дорогой Константин Федорович!

Пишу, как видите, из Петербурга30, куда заносит нас жажда (или необходимость!!) Намереваюсь штурмовать все возможные и невозможные редакции.

Что касается наших отношений: за книгу расск(азов) и роман я, увы, все уже получил. Мы с Вами считали по 2250 экз. (1 р. 50 к. кн.) — получилось мне гонорара 1350. Я их и прожил. Да еще под Казанову забрал 350. За Альфиери, к сожалению, Вы также и давно со мной рассчитались. Переводчица должна получить по 30 р. за 40.000 букв. Если ей что-либо причитается, то направьте (это ее просьба) моей belle-soeur*: Брюсовский пер., д. Андреевой, Татьяне Алексеевне Полиевктовой. Это сестра Веры31. Домом, где она живет, владеет Александра Алексеевна Андреева, дама ученая и почтенная, друг Веселовского и Боборыкина: она написала нам статью об Альфиери. Ее гонорар — что-ниб(удь) около 100 р. лист (сколько обычно в журналах платят? Я не писал, не знаю).

Роман мой не следует выпускать весной. Задержите его лучше до сентября, а то весной (в мае?) он безусловно погибнет.

Крепко жму Вам руку. Осенью мы с женой уезжаем на всю зиму заграницу. Это решено. Гениальные идеи сразу приходят, но не менее от этого гениальны.

«Ада» — 16 песен. Зимой выйдет.

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 14 февраля 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 446. — [Т.] V.

14 февр(аля) 1914

Дорогой Константин Федорович,

будьте добры, напомните в типографии, что за рассказом «Грех» должно следовать «Актерское счастье», а затем «Студент Бенедиктов» и «Лето». В конце книги пусть напеч(атают) объявления о моих старых книгах: кн. I — 50 к., книга II — 1 р., книга III — 1 р. 25 к. — Рассказы, изд. «Шиповник». Получили ли альманахи с романом? Присылайте дальше Казанову. Жду также из Яросл(авля) манну небесную. Алчу.

Ваш Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 4 февраля 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 446. — [Т.] V.

4 февр(аля) 1914

Дорогой Константин Федорович,

благодарю Вас за деньги, пересланные жене. Увы! Я должен просить у Вас еще, в счет Казановы, под которого уже взял 150 р. Буду очень признателен, если переведете в Москву 200 р.

Я сижу сейчас в деревне, работаю до большой усталости над пьесой25. Послезавтра ставлю точку, подписываю свою фамилию и еду в Москву, где предстоят печальнейшие мытарства с этим дитятей. Как «София»? Во втором номере я по ошибке хватил Брандеса26 по загривку вместо Вогюэ27. Писал об этом Паше, не знаю, успел ли он в корректуре исправить28. Жаль неповинного старика.

Крепко жму Вашу руку. Очень приятно, что Новиков у Вас будет: это хорошего тона вещь29.

Ваш Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 20 января 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 445—446. — [Т.] V.

20 янв(аря), понед(ельник) 1914

Дорогой Константин Федорович,

титульный лист Альфиери, мне, кажется, такой:

на обложке:

ЖИЗНЬ

ВИТТОРИО АЛЬФИЕРИ

из Асти

рассказанная им самим

Перевод В. Г. Малахиевой-Мирович

Под редакцией Бор. Зайцева

Вступительная статья А. А. Андреевой

1914 г.

Все это повторяется на третьей странице первого листа. Затем идет вступительная статья, под которой должна быть подпись: А. А. Андреева.

Больше, мне кажется, ничего не надо.

В четверг я уезжаю в деревню, приблизительно на неделю. Поэтому деньги, будьте любезны, направить жене. Корректуры можно отослать в деревню. Они пройдут дня два лишних, но и только. Почта там каждый день.

Крепко жму руку, Ваш искренно Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 16 января 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 445. — [Т.] V.

16 янв(аря) 1914

Дорогой Константин Федорович,

посылаю Вам корректуру своей книги. Приложен еще рассказ «Актерское счастье», вышедший недавно.

Порядок размещения должен быть след(ующий): 1 Изгнание, 2 Усадьба Ланиных, 3 Вечерний час, 4 Елисейские поля, 5 Грех, 6 Студент Бенедиктов,

7 Актерское счастье, 8 Лето. Помню, я указывал, что хорошо было бы отделять рассказ от рассказа чистой страницей, на которой и печаталось бы заглавие того, что следует за ней. Это несколько увеличило бы и объем книги, что при цене 1 р. 50 к. не вредно. Оглавление книги, я думаю:

ИЗГНАНИЕ

Рассказы 1911—1913 г.

кн. IV

Какого цвета предполагаете обложку?

В конце где-ниб(удь) (или где вообще получится удобней) следует сделать объявления:

Того же автора:

Рассказы, книга I, изд. III, ц. 50 к.

Рассказы, книга II, ц. 1 р.

Рассказы, книга III, ц. 1 р. 25 к.

Издательство «Шиповник».

Вот, кажется, и все о книге.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Бор. Зайцев

P. S. Если можно, пусть Паша пришлет мне корректуру статейки в «Софии». Верну мгновенно.

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 3 января 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 444—445. — [Т.] V.

3 янв(аря) 1914

Дорогой Константин Федорович,

у меня к Вам есть две просьбы:

1) Разрешите ли Вы напечатать в журналах, если это удастся мне, некоторые песни «Ада»21, как я делал это с главами романа до его напечатания (между проч(им), в 40-х г. Шевырев печатал так перевод Мина)22. Разумеется, из всех 34 песен я поместил бы 7—8, в разных изданиях. Мне кажется, это не только не помешало бы нашей книге, но даже рекламировало бы ее заранее, а мне дало бы малую горсть злата, из-за которого, разумеется, и городится весь огород.

2) На январь мне осталось получить за книги 100 р. (кажется, так?) Я хотел бы просить Вас дать мне еще 150 под Казанову. Приблизительно на такую сумму я сделал уже, даже считая по 10 р. за лист. Кстати, корректуры Казанова пойдут также мне, как держал я альфиериевские (завтра отправляю Вам последние).

И вообще, мог бы я рассчитывать получить весной, если понадобится мне, аванс под работу над Казановой? Я исчисляю всю сумму, которую придется за него получить — 700—800 р. (считая 8 томов по 10 печ. л.) Но работа пройдет не скоро.

Слыхали, что Вы хорошо встречали Новый год. Мы также, в «Софии», где с Екатериной Сергеевной23 сломали Вам диван. Это была блестящая атака. Вообще, Ваши сотрудники — пьяницы и дебоширы.

Всего Вам доброго

Ваш Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 7 ноября 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 444. — [Т.] V.

7 ноября 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

над Казановой20 работать начал. Павел Павлович дал мне и французский текст, с которым я сверяюсь в затруднительных случаях. О материальной стороне (о плате) этой работы он не мог мне сказать определенно, (ему помнится, что был разговор о 10 р. за лист). Поэтому обращаюсь к Вам за выяснением. Будьте добры, напишите мне пару слов. Если нужно, то первый том я могу сдать недели через две.

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 21 октября 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 444. — [Т.] V.

21 окт(ября 1913 г.)

Дорогой Константин Федорович,

Я не понимаю, про какой оригинал Вы говорите? Рукопись? Но для чего же она? Я делаю корректуру тщательно, и ничего в рукописи иного нет.

Итальянский текст? Он нужен мне самому, а к чему же он при печатании? Напишите два слова, а то неясно.

(Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 12 октября 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 443—444. — [Т.] V.) Ваш Бор. Зайцев

12 окт(ября) 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

шрифт Мериме спокоен, благороден, но мелковат. Если есть в этом роде чуть покрупнее, то

замените (но только не шрифт «Новелл»)19. Если же нет, пусть набирают меримейским. Посылаю еще один рассказ «Студент Бенедиктов». Порядок должен быть такой: Изгнание, Усадьба Ланиных, Вечерний час, Елисейские поля, Грех, Студент Бенедиктов, Лето.

Размер книги для цены предположенной невелик, поэтому по возможности надо разгонять и не теснить строки. Перед каждым рассказом пусть будет пустая страница с названием рассказа, как сделано в моих прежних книжках и как указано на прилагаемом оттиске.

Оглавление в начале. Название. Меня несколько смущает. Посоветуюсь еще со сведущими в книжном деле людьми (т. е. — или «Изгнание» и др(угие) рассказы, или «Рассказы», т. IV). Как Ваше мнение? Благодарю Вас за деньги.

Крепко жму руку, Ваш

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 1 августа 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 443. — [Т.] V.

1 авг(уста) 1913 г.

Многоуважаемый Константин Федорович!

Пишу Вам несколько ранее условленного срока относительно денег под книгу рассказов. Не взыщите — скоро надо двигаться в Москву с тяжелой артиллерией, приходится заботиться о фураже.

Были ли Вы в Салониках и произвели ли грабежи18? Я с тех пор, как мы встретились с Вами в Москве, не выезжал отсюда никуда. Этот месяц работал в саду и пером (на бумаге). Отправил первые гранки Альфиери. Первый верстанный лист желал бы еще посмотреть (чтобы не вышло путаницы с фамилиями переводчиков, автора вступительной статьи и т. п.).

Будьте здоровы и благополучны. Жму Вашу руку

Бор. Зайцев

Мордвесское почт(овое) отд(еление) Тульской губ., имение Притыкино

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 20 апреля 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 443. — [Т.] V.

20 апр(еля) 1913 г.

Многоуважаемый Константин Федорович!

Обращаюсь к Вам с великой просьбой — если можно вышлите мне деньги! Мне очень неловко писать об этом, я знаю Вашу аккуратность и точность, но позволяю себе это сделать лишь потому, что в первых числах мая ликвидирую все свои дела и уезжаю, а это связано с неотложными расходами.

Рукопись Альфиери получил теперь всю. К половине июня я вышлю Вам ее в исправленном, годном для набора виде.

Крепко жму Вашу руку. Вероятно, в нач(але) июня буду в Ярославле на несколько часов (хочу

проехать по Волге, вниз). Если Вы в это время будете в городе, хорошо было бы повидаться.

Ваш Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 18 января 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 443. — [Т.] V.

18 янв(аря) 1913

Многоуважаемый Константин Федорович!

Уезжал на праздники в Петербург и задержал несколько присылку рукописи. Отправляю сделанную мною часть. Что касается корректуры — она мне будет необходима, и в довольно существенных размерах, т. к. этого требуют интересы дела (повышается качество перевода). Таким обр(азом): имеет ли смысл набирать на наборной машине?

В виду того, что книга выйдет не особенно скоро, переводчица просила о дополнительн(ом) авансе рублей в 75. Был бы весьма благодарен, если бы Вы распорядились выслать и мне последние деньги, за январь.

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев

Тверская, Благовещенский, д. 24, кв. 26

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 11 ноября 1912 г. («...очень благодарен Вам...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 442. — [Т.] V.

11 ноября 1912

Многоуважаемый Константин Федорович,

очень благодарен Вам за любезное и внимательное отношение. Перевод только что получил.

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 11 ноября 1912 г. («...пишу Вам вторично...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 442. — [Т.] V. 11 ноября 1912 г.

Многоуважаемый Константин Федорович,

пишу Вам вторично, потому что мне надо поскорее выяснить вопрос о деньгах. Положительно или отрицательно это решается — очень буду благодарен, если не задержите ответом.

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 5 ноября 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Рос. Архив, 1994. — С. 442. — [Т.] V.

Тверская, Благовещенский, д. 4, кв. 26

5 ноября 1912

Многоуважаемый Константин Федорович!

Все собирался написать Вам об автобиографии Альфиери, да откладывал. Помнится, Вы писали, чтобы я точнее определил условия издания. Как мы говорили с Вами летом, переводчица (Малах(иева)-Мирович) получает 30 р. с листа. Я за редакцию по 10 р. Один лист предисловия (А. А. Андреева) — не знаю почем, как обыкновенно делается. Число листов перевода, я думаю, 12—13. Получил известие от переводчицы, что к концу ноября она кончает. Редактирование займет не меньше месяца (думаю — больше). Вот все сведения, кот(орыми) я располагаю.

Кроме всего этого у меня есть к Вам небольшая просьба: так мне весьма и весьма нужны сейчас деньги, то я и хотел просить Вас сделать так (если это Вас не затруднит): высылать мне по 50 р. в месяц, в течение 3-х месяцев, начиная с 15 ноября. Если это выйдет несколько больше, чем стоит моя работа, то последний месяц возьму меньше. К новому году рукопись будет у Вас. Очень буду Вам благодарен, если предложение мое приемлемо.

Крепко жму руку

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 3 августа 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 442. — [Т.] V.

3 авг(уста) 1912

Многоуважаемый Константин Федорович!

Я получил сообщение от г-жи Мирович, что она уже начала переводить Альфиери. Вместе с тем она просит аванс в размере 75 р. Если Вас это не затруднит, не откажите ей в этом. Она живет сейчас за границей, и известит Вас, куда перевести деньги.

Статья об Альфиери также уже пишется

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 10 июня 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 441. — [Т.] V.

10 июня 1912 г.

Многоуважаемый Константин Федорович!

Я сейчас читаю Альфиери14, его автобиографию. Если не ошибаюсь, это произведение стоит в первом ряду в литературе автобиографий (наряду с «Confessions»* Руссо). Вещь интересная, очень живо написанная. Не издали ли бы Вы ее? Дело касается 18-го века, там есть Италия того времени, само имя Альфиери многое говорит.

Если бы в принципе Вы не имели ничего против, то сделать работу можно было бы так: перевела бы В. Г. Мирович15 (сотрудница «Русской мысли» и «Русских ведомостей» — переводчица Джемса)16, я бы слегка редактировал этот перевод, а статью об Альфиери могла бы написать Ал. Ал. Андреева17 (автор книги «Воскресение у Толстого и Ибсена»). Она знает и любит Альфиери. Я считаю, что у всех вместе получилось бы недурно. Размер книги — приблизительно 700 т(ысяч) букв.

Я живу сейчас в деревне. Напишите мне сюда, по адресу: Мордвесское почт(овое) отд(еление) Тульской губ., имение Притыкино.

Крепко жму Вашу руку, с совершенным уважением

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 15 мая 1912 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 441. — [Т.] V.

Москва, 15 мая 1912

Многоуважаемый Константин Федорович!

Благодарю Вас за присланные деньги. Что касается осеннего альманаха — очень затрудняюсь что-нибудь обещать, т. к. всецело занят окончанием романа. Дать же что-либо, уже напечатанное, но не вошедшее в книги, — вряд ли удобно.

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев

Летний адр(ес) ст. Мордвес Ряз(анско)-Ур(альской. ж(елезной) д(ороги), имение Притыкино.

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 4 апреля 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 441. — [Т.] V.

4 апреля 1912

4 апреля 1912

Многоуважаемый Константин Федорович,

разумеется, при таких условиях издавать «Fivrefti» не имеет смысла. Если встретится что-нибудь подходящее, и близкое моему сердцу, охотно предложу свой перевод именно Вам.

За высылку причитающегося мне остатка буду очень благодарен. Адрес мой: Москва, Малая Козиха, д. 4, кв. 3

С совершенным уважением

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 12 марта 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 440—441. — [Т.] V.

Мордвесское почт(овое) отд(еление) Тульской губ. имение Притыкино

12 марта 1912

Многоуважаемый Константин Федорович!

Хотя у нас с Вами была уже переписка, касающаяся издания «Fivrefti» св. Франциска Ассизского, все же я обращаюсь к Вам по этому поводу вторично, т. к. у меня нет ясного представления о том, насколько Вам подходяще изд(ание) этой книги.

Помните, Вы писали об образцах изящного издания, которые я должен был присмотреть в Риме. Должен сознаться, что по нерадению этого не сделал. Но в виду того, что там живет П. П. Муратов, этот вопрос нас не должен беспокоить — тем более, что его я считаю компетентнее себя в таких делах.

Итак, напишите мне, как Вы смотрите на мое предложение. Если сочувствуете, то летом я понемногу начал бы работать и к новому году, вероятно, сдал бы Вам рукопись.

Один мой знакомый, литератор Павел Сергеевич Сухотин11, перевел «Богему» Мюрже, и просил меня осведомиться у Вас, не издали ли бы Вы ее. О нем могу сказать, что он человек с большим вкусом и хорошими познаниями. Перевод его, наверно, хорош. (Его, переводчика, знает Койранский12, Пав(ел)

Павл(ович) — он из нашего литературного кружка13.) Перевод его с японского принят Брюсовым в «Русск(ую) мысль».

Крепко жму Вашу руку и желаю всего доброго. Как идет «Ватек»? Отзывы были, в «Утре России» — очень одобрит(ельный), в «Ниве» — еще не читал.

Ваш Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 11/24 декабря 1911 г. Рим // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 440. — [Т.] V.

Рим, 11/24 дек(абря) 1911

Многоуважаемый Константин Федорович, извините, что не вполне аккуратно отвечаю Вам —

был занят разными делами.

Что касается Гольдони — то, разумеется, его надо перевести листов десять; но это-то и мучает меня. Это обременительный труд. Когда я его кончу? Сейчас я пишу роман7, поглощающий почти всего меня. Чтобы перевести 10 л. мне понадобится 1?—2 года. Поэтому я хочу сделать Вам иное предложение: быть может, Вы издали бы «Цветочки св. Франциска Ассизского»8? Это мне перевести хочется уже довольно давно, вещь на 4—4? л(истах) (приблизительно!), — и я очень ее люблю. (Это простонародные рассказы о жизни святого, написанные в XIII веке и полные духа примитивов.)

Правда, перевод «Fivrefti» печатался в «Новом пути», недавно эту книжечку перевел Печковский9 (в Москве). Но «Искушение св. Антония» Флобера существовало также в двух переводах, когда в «Знании» вышел мой10. Есть книги, которые будут переводить всегда.

Деньги я получил, разумеется — хотя и с нек(оторым) опозданием. Крепко жму Вашу руку.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев

Напишите мне, как Вы смотрите на мое предложение.

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 25 ноября/8 декабря 1911 г. Рим // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 439—440. — [Т.] V.

Рим, 25 н(оября) / 8 д(екабря) 1911

Многоуважаемый Константин Федорович, посылаю Вам последнюю корректуру «Ватека». Пользуясь Вашим любезным предложением, прошу Вас выслать мне сюда три экземпляра и два экз(емпляра) в Россию по след(ующим) адр(есам): 1) Москва, Сущевская, д. Дубровина, кв. 12, Алексею Николаевичу Смирнову. 2) Калуга, Никитская, д. Горбуновой, Юрию Мечиславовичу Буйневичу.

Очень обяжете исполнением просьбы.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 24 ноября/7 декабря 1911 г. Рим // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 439. — [Т.] V.

Рим, 24 ноябр(я) / 7 дек(абря) 1911

Многоуважаемый Константин Федорович,

разумеется, я охотно даю согласие на то, чтобы мое имя было вставлено в проспект о Вашем издании. Чек я получил, но денег мне по нему пока не выдают; в Credito Italiano говорят, что не получают извещения из России, а Ваше письмо с чеком я получил уже 5 дней назад. Поэтому у меня к Вам большая просьба, Константин Федорович, будьте добры, справьтесь в Ярославском банке о судьбе этого перевода. Быть может, они могут телеграммой известить римский банк?

Письмо Б. К. Зайцева К. Ф. Некрасову

Корректуру я получил, и высылаю ее дня через 3. Медленность такая объясняется тем, что я сличаю все вновь с подлинником.

Крепко жму Вашу руку, Ваш

Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 8 ноября 1911 г. Рим // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 438. — [Т.] V.

Рим, 8 ноября 1911

Многоуважаемый Константин Федорович,

только что получил корректуру «Ватека», а несколькими днями раньше — Ваше письмо. Очень рад, что Вам понравился «Ватек» и перевод. Насчет статьи П(авла) П(авловича)3 — я так и думал, что она хороша. Приблизительно догадываюсь, о чем умалчивается в ней; если я прав, то писать об этом, конечно, трудно.

Ваша мысль об издании книг 18-го века кажется мне очень удачной; что касается лично меня, я с удовольствием приму участие в этой работе — мне не ясно лишь одно — намечены ли у Вас авторы, или переводчики выбирают вполне по своему усмотрению. Впрочем, для меня это вопрос как раз не существенный, т. к. я затрудняюсь указать что-ниб(удь) такое из литературы той эпохи, к чему у меня очень лежало бы сердце (говорю только о франц(узской) и итальянской литературе). Быть может, можно было бы остановиться на Гольдони или Мориво. Комедии первого местами очаровательны, но для перевода мне кажутся очень трудными, т. к. передать прелесть итальянского диалекта нелегко; и вообще, лучшее в них — местное, бытовое — как раз наиболее теряющее в переводе. Мориво я знаю очень мало и нравится мне он меньше.

Теперь еще обстоятельство: в качестве переводчика предлагает Вам свои услуги Михаил Влад(имирович) Шимкевич4, молодой литератор, начинающий беллетрист; французский и итальянский он знает хорошо, я могу это удостоверить. Работ его как переводчика я не знаю. Но думаю, что если за его переводами присмотреть и погладить, то он может быть Вам полезен.

Предлагает Вам также одно лицо перевод своей кн(иги) Жебара о Боттичелли5. Что Вы об этом скажете? Я не знаю ни книги, ни переводчика (почти). Но обещал ему все-таки осведомиться у Вас.

Адрес мой римский: Via Veneto, 146, pensim Francini (Boris Zaizeff). Будьте добры, перешлите мне деньги через банк, чеком. Почтовые переводы ходят здесь ужасно. Крепко жму Вашу руку. Корректуру вышлю очень скоро.

С искренним уважением Бор. Зайцев

Via Veneto, 146, pens. Francini.

P. S. К Вам, вероятно, обратится с предложением работы (по переводам) Анна Александровна Исакова (Соколова)6. Она знает несколько языков, переводчица опытная и хорошая. Ей смело можно поручить ответственный труд; с ее переводами знаком и П. П. Муратов. Мне кажется, она была бы очень полезна в этом издании.

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 2 ноября/20 октября 1911 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 438. — [Т.] V.

Cavi di Javagna,

2 ноябр(я) / 20 окт(ября) 1911

Милостивый Государь

Константин Федорович!

Будьте любезны прислать мне корректуру «Ватека»1 в Рим, по следующему адресу: Via Cola di Rienzo, 285 aw. Michele Jlyn2 для Бориса Зайцева. Следуемые мне за перевод деньги также попрошу направить в Рим, но по адресу, который сообщу Вам из Рима (я думаю быть там через неделю, полторы)

С совершенным уважением

Борис Зайцев

Зовут меня Борис Константинович

Ваганова И. [Вступительная статья: Зайцев Б. К. Письма Некрасову К. Ф.] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 437—438. — [Т.] V.

Осенью 1911 г. К. Ф. Некрасов обратился к Борису Константиновичу Зайцеву (1881—1972) с предложением о сотрудничестве. Первой книгой, вышедшей в издательстве Некрасова, была сказка У. Бекфорда «Ватек» в переводе Зайцева со вступительной статьей П. П. Муратова. Одновременно Некрасов предложил Зайцеву принять участие в задуманной серии произведений XVIII в., в частности, между ними шел разговор об издании переводов Мариво и Гольдони. Однако Зайцев в конце 1911 — начале 1912 г. был занят окончанием романа «Дальний край» и от переводов вынужден был отказаться, согласившись лишь редактировать перевод В. Г. Малахиевой-Мирович «Жизнь Витторио Альфиери, рассказанная им самим».

В 1913 г. Зайцев начал работу для издательства Некрасова над переводом Казановы и одновременно над прозаическим переводом «Божественной комедии» Данте со вступительной статьей и комментариями Муратова. Однако эти замыслы реализованы не были: помешали война, отъезд Муратова на фронт и закрытие издательства.

Письма Зайцева Некрасову хранятся в ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 107—112.

Мережковский Д. С. Письмо Некрасову К. Ф., 10 июля 1912 г. Ямбург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 465. — [Т.] V.

Г. Ямбург, С. Петербургской губ. имение Вырино 10 июля 1912 г.

Глубокоуважаемый

Константин Федорович,

простите великодушно, что так замедлил ответом. Тотчас по возвращении из Парижа я должен был ходить по судебным мытарствам (дело о Павле I) — судебному следователю, прокурору, адвокатам и проч.3 А когда от этого немного освободился, то заехал сюда в глушь и погрузился в работу над «Александром I».

Ваше предложение насчет романа очень выгодное, и весьма возможно, что Вольф не предложит мне таких условий, не решится. Я с ним еще не говорил, а писать об этом неудобно; он уехал в

деревню, да и я тоже на даче. Если позволите, оставим это дело до осени, когда я лично с ним повидаюсь и переговорю. М(ожет) б(ыть) и сами Вы к тому времени, как предполагали, приедете в Петербург?

Конечно, у Вольфа отнять книгу мне неудобно было бы, но, повторяю, может быть, он и сам ее уступит Вам,4 ввиду того, что условия ему не подойдут.

Относительно З. Н. Гиппиус меня очень радует Ваше принципиальное согласие. Она издавала книги у Пирожкова5, в «Скорпионе» (стихи), в «Мусагете» и в Моск(овском) книгоиздат(ельстве) («Чортова Кукла6»). Почти все эти книги разошлись или находятся в таком небольшом количестве экземпляров, что их достать очень трудно. Она, впрочем, сама Вам обо всем напишет; хорошо бы было, если бы Вы ей написали (адрес ее — здесь же в Вырине) и спросили ее обо всем, что Вам нужно знать. Вам удобнее будет говорить непосредственно, чем через меня.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас за Ваше предложение. Твердо надеюсь, что так или иначе Вы будете моим и нашим издателем.

Искренне уважающий Вас

Д. Мережковский

Ходасевич В. Ф. Письмо Некрасову К. Ф., 24 мая 1912 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 461. — [Т.] V.

Многоуважаемый Константин Федорович,

Ждал я Вас, как манны небесной, звонил в гостиницу — говорили, что Вас нет, позвонил сегодня — сказали, что Вы уехали.

Все дело в том, что Корш ужасный медлитель. Чтобы получить статью в октябре, надо заказывать ее ему теперь. А он того и гляди уедет. Между тем, без Вашего разрешения я говорить с ним не могу: все дело в гонораре. Вы, конечно, знаете, что таким людям платят столько, сколько они хотят. Но я узнал частным образом, что его minimum — 150 рублей за лист и что для нас с Вами он назначит именно столько. Уполномочите ли поговорить с ним и заказать статью? Величина ее, думаю, лист. Будьте добры, ответьте скорее, разрешаете ли?

Я тружусь. Кончил все «пользинские» заказы и неделю тому назад засел за Красинского.

Также не сообщите ли, когда еще будете в Москве и где будете летом?

Мой адрес все тот же: Козицкий, 2, «Польза».

Искренно Вас уважающий Влад. Ходасевич

Мос., 24 мая 912

P. S. Что же Вы мне не позвонили в Гиреево? Мне хотелось познакомиться лично.

Кроме того, мне кое о чем самому хотелось бы поговорить с Коршем, а без реального предложения — неловко.

Ходасевич В. Ф. Письмо Некрасову К. Ф., 29 апр. 1912 г. Старое Гиреево // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 460—461. — [Т.] V.

Не скрою от Вас, многоуважаемый Константин Федорович, что очень обрадовался, получив Ваше согласие издать Красинского. Мне будет весело переводить писателя, которого люблю и чту. Вы себе представить не можете, как хочется отдохнуть от всяких Тетмайеров и поработать «для души».

Очень знаю, что издание должно быть хорошо не только по внешности. Потому-то и приступаю немедленно к подготовительной работе: кое-что соображу, почитаю, с кем надо — поговорю. Статью, как я Вам уже писал, хорошо бы получить от акад(емика) Ф. Е. Корша, ученого с авторитетным именем и специально занимавшегося К(расин)ским. К Коршу, который важен как все генералы, есть у меня верный ход. 2 портрета Кр(асинского) я знаю и о них думал. «Иридион» переведен мною, «Небожественная комедия» — Курсинским13, но вряд ли он может свой перевод переиздать. Кроме того, с Курсинским у меня «старые счеты»: я когда-то издал его книгу стихов, а Серг(ей) Алекс. Соколов ее выбранил, ядовито и под псевдонимом. Курсинский вообразил, что статью эту писал я. Почему — не знаю. Но с тех пор ненавидит меня люто. Уж если позволите, «Небож(ественную) ком(едию)» переведу сам, тем более, что вещь не велика да и не хотелось бы ни с кем делить будущих «лавров». Нет, говоря без шуток, — я собираюсь перевод Красинского со временем ставить себе в заслугу, как издание — в заслугу Вам.

Что касается до октября месяца, то это вполне совпадает с моими планами. Летом буду работать.

О Корше и некоторых частностях надеюсь подробнее поговорить с Вами при свидании. Когда будете в Москве — не откажите позвонить по телефону в Новогиреево, 21, или сказать А. М. Эфросу. А еще лучше было бы, если бы Вы не поленились и перед самым отъездом из Яр(ославля) известили меня, когда и где найти Вас в Москве. Пишите по адресу «Пользы»: Козицкий, 2 (сюда письма доходят отвратительно).

До скорого свидания. Искренне Вас уважающий

Владислав Ходасевич

Старое Гиреево, 29 апр. 912

Ваганова И. Примечания: Зайцев Б. К. Письма Некрасову К. Ф. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 456—458. — [Т.] V.

Примечания

1 Речь идет о книге У. Бекфорда «Ватек. Арабская сказка», вышедшей в издательстве К. Ф. Некрасова в переводе Б. К. Зайцева со вступительной статьей П. П. Муратова в конце 1911 г.; на книге и книжной летописи значится 1912 г. (Книжная летопись, № 3, 21 января). Бекфорд Уильям (1760—1844) — английский писатель, в 1784 г. издал на французском языке наделавший много шума роман «История халифа Ватека». На английском языке книга вышла в 1786 г.

2 Ильин Михаил Андреевич (1878—1942) — писатель, известный под псевдонимом М. А. Осоргин; в 1906—1916 гг. жил в эмиграции. На римский адрес Ильина Некрасов посылал Зайцеву и Муратову корректуры.

3 Муратов Павел Павлович (1881—1950) — писатель, эссеист, искусствовед, литературный и художественный критик. Оказал значительное влияние на издательскую программу Некрасова. В письмах к Некрасову Зайцев называет Муратова Пашей или П. П. В письмах Зайцева к другим писателям Муратов часто упоминается как Патя — так Муратова звали близкие друзья.

4 Шимкевич Михаил Владимирович (1885—1942) — литератор, переводчик. В издательстве Некрасова его переводы не выходили.

5 Речь идет о книге Эмиля Жебара (1839—1908) «Сандро Боттичелли. Биография — характеристика». В 1911 г. была издана в Петербурге в переводе с французского В. А. Ляцкой.

6 Переводы А. А. Исаковой (Соколовой) в издательстве Некрасова не выходили.

7 Б. К. Зайцев в это время работал над романом «Дальний край». (Изд. Некрасова. 1914 г.).

8 Франциск Ассизский (Джованни Бернардоне из г. Ассизи) (1181/1182—1226) — итальянский религиозный деятель, писатель, основатель францисканского ордена, причислен католической церковью к лику святых.

9 Печковский Александр Александрович — переводчик, участник литературного кружка «аргонавтов». Его перевод «Цветочки святого Франциска Ассизского» вышел в Москве в изд-ве «Мусагет» в 1913 г.

10 «Искушение святого Антония» Г. Флобера на русский язык впервые переведено в 1879 г. Перевод Зайцева был опубликован в 1907 г.

11 Сухотин Павел Сергеевич (1884—1935) — поэт, писатель, историк литературы, активно сотрудничал с издательством Некрасова в 1913—1915 гг. Речь идет о переводе книги французского писателя Анри Мюрже (1822—1861) «Сцены из жизни богемы». В изд-ве Некрасова не выходила.

12 Койранский Александр Арнольдович (1884—1968) — поэт, художник, литературный и художественный критик.

13 Вероятно, Зайцев имеет в виду Московский литературно-художественный кружок (1898—1919).

14 Альфиери (Альфьери) Витторио (1749—1803) — граф, итальянский поэт, прожил бурную жизнь, которую описал в книге «Жизнь Витторио Альфиери, рассказанная им самим».

15 Малахиева-Мирович Варвара Григорьевна (1869—?) — писательница, переводчица.

16 Джеймс Генри (1843—1916) — американский писатель.

17 Андреева Александра Алексеевна (1853—1926) — литератор, член Московского общества общеобразовательных народных развлечений, свояченица К. Д. Бальмонта.

18 Речь идет о поездке Некрасова в Салоники с целью приобретения икон и антиквариата.

19 Имеется в виду шрифт, которым набирались «Избранные рассказы» П. Мериме (М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1913. Перевод Е. С. Урениус, редакция и вступительная статья Муратова) и шрифт, которым набирались «Новеллы Итальянского Возрождения» Муратова (М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1912—1913 гг.).

20 Казанова Джовани Джакомо (1725—1798), итальянский авантюрист, писатель, мемуарист.

21 Речь идет о переводе «Божественной комедии» Данте, первой ее части — «Ад». Работа была задумана Зайцевым совместно с Муратовым и первоначально предназначалась для издательства М. и С. Сабашниковых. В России перевод Зайцева так и не был издан, вышел в Париже в 1961 г.

22 Мин Дмитрий Евгеньевич (1818—1885). Ему принадлежит один из первых поэтических переводов размерами подлинника «Божественной комедии». (Данте Алигиери. Ад. Пер. Дмитрия Мина. Москва, изд-во М. П. Погодина, 1855). Зайцев имеет в виду тот факт, что отдельные песни «Ада» были напечатаны Мином в журналах «Москвитянин» (1844 г. — V песня, 1849 г. — XXI и

XXII песни) и «Современник». Перевод Мина в начале XX в. был переиздан дважды: 1902—1904 и 1909 гг.

23 Урениус Екатерина Сергеевна — жена Муратова. У Некрасова выходили ее переводы.

24 П. П. Муратов был редактором журнала «София». Речь идет о корректуре статьи Зайцева «Удобное и прекрасное» для № 28.

25 Вероятно, речь идет о пьесе «Ариадна», впервые опубликованной в Москве отдельным изданием в 1917 г.

26 Брандес Георг (1842—1927) — датский литературный критик, публицист или, возможно, его брат и единомышленник Эдвард Карл Коген Брандес (1847—1931) — датский журналист, драматург и критик. В статье «Удобное и прекрасное» Зайцев пишет: «Культуртрегер тоже не одобрил Достоевского, устами Цаделей, Брандесов, малый человек сказал: «начиная с «Преступления и наказания» талант Достоевского падает. «Идиот» очень слаб, а «Братья Карамазовы» такая длинная и скучная история, что ее не могут прочесть и русские» («София», 1914, № 2, с. 61).

27 Де Вогюэ Эжен Мелькиор (1848—1910) — французский писатель и историк литературы.

28 Вероятно, Муратов исправить не успел.

29 Новиков Иван Алексеевич (1879—1959) — писатель, приятель Зайцева. Мысль издать у Некрасова роман Новикова «Между двух зорь (Дом Орембовских)» принадлежала Муратову и Зайцеву. 30 апреля 1913 г. Зайцев писал Новикову: «Дорогой Иван, очень огорчило меня известие о «Заветах». Огорчило тем более, что посоветовать тебе что-либо из журналов или сборников затрудняюсь. «Шиповник» безнадежен, «Вестник Европы» и «Русская мысль» весьма сомнительны. Единственно, что мне приходит в голову — это Некрасов. Попробуй послать ему рукопись (Духовская, 61, Ярославль) — быть может, он издаст отдельной книгой. Заплатить он может прилично» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38, л. 38—39). 3 февраля 1914 г. Зайцев писал Новикову: «Очень порадовался, что роман выйдет у Некрасова. Поистине, Пате пришла счастливая мысль» (там же, л. 52).

Некрасов в 1916 г. переиздал романы Новикова «Из жизни духа» и «Золотые кресты». Письма Новикова к Некрасову хранятся в ГАЯО. Ф. 952, Оп. 1. Д. 196—198.

30 Письмо на бланке «С.-Петербург, гостиница Селект, Лиговская, 44».

31 Зайцева Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, в первом браке Смирнова (1877 или 1878—1965) — жена Зайцева.

32 Веселовский Алексей Николаевич (1843—1918) — профессор, историк литературы.

33 Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — писатель.

34 Здесь — «заниматься сельским хозяйством». Люций Квинций Цинциннат — римский политический деятель. В 458 г. до н. э. послы, пришедшие к нему с известием о назначении его диктатором, застали его в поле за земледельческой работой. Одержав блестящую победу над сабинянами, он сложил с себя диктатуру и вернулся к земледельческим занятиям.

35 Сэн-Готард — известен благодаря знаменитому переходу А. В. Суворова 1799 г.

36 Ф. Фан-Дим — псевдоним Елизаветы Васильевны Кологривовой (1809—1884). Писала в соавторстве с Дмитрием Николаевичем Струковым, чиновником министерства финансов. Ею был выполнен первый русский перевод прозой «Божественной комедии» Данте, первой ее части — «Ад»: «Божественная комедия Данте Алигиери. Ад. С очерками Флаксмана и итал. текстом»

«Ад»: «Божественная комедия Данте Алигьери. Ад. С очерками Флакмана и итал. текстом» (пер. с итал., с введением и биографией Данте Д. Струкова), СПб., 1842. Перевод был перепечатан в издании: «Европейские классики в русском переводе» под ред. П. Вейберга. Вып. IV, СПб., 1875. Ф. Фан-Дим были также напечатаны «Отрывки из XXXVI песни Ада Данте» в сб. «Новоселье», 1846, т. 3.

37 Имеется в виду путешествие Некрасова в Персию весной 1914 г.

38 Гливенко Иван Иванович (1868—1931) — историк литературы, основные работы посвящены западной литературе, в том числе Витторио Альфиери.

39 Блан Людвиг Готфрид (1781—1866) — писатель, переводчик.

40 Речь идет о романе Зайцева «Дальний край».

41 «Прага» — ресторан в Москве.

42 Имеется в виду П. С. Сухотин.

43 Ашукин Николай Сергеевич (1890—1972) — писатель, литературовед, библиограф; в 1915—1916 гг. был секретарем издательства Некрасова и жил в Ярославле.

44 Перемышль (Пшемысль) — австрийская крепость, где шли бои, в которых принимал участие Муратов как офицер-артиллерист русской армии.

45 Щекотов Николай Михайлович (1884—1945) — искусствовед, сотрудник журнала «София». С июля 1913 г. Щекотов служил помощником хранителя Третьяковской галереи; готовил для издательства Некрасова книгу «Древнерусское шитье». Книга в свет не вышла.

46 На роман Зайцева «Дальний край» был наложен арест, снятый через некоторое время.

47 Щерба Софья Леонидовна (1879—1924) — жена Некрасова.

48 Речь идет о переводе Муратова на службу в Севастополь, в зенитную артиллерию крепости, где комендантом служил его брат.

49 Имеется в виду Е. С. Урениус.

50 Имеется в виду книга: Новалис. Генрих фон Офтердинген (посмертный роман). Перевод З. Венгеровой и В. Гиппиуса (стихи). Вступительная статья З. Венгеровой. М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1914.

51 Имеется в виду книга: Бенжамен Констан. Адольф. Повесть. Перевод с французского Ек. Андреевой с приложением двух глав из книги Э. Фагэ «Политики и моралисты». М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1915.

52 Имеется в виду книга: «Стихотворения Аполлона Григорьева. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок». М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1916.

53 Лернер Николай Осипович (1873—1934) — литературовед; речь, вероятно, идет о его книге «А. С. Пушкин. Труды и дни», 1903, 2-е изд. СПб., 1910.

54 Речь идет о книге Стендаля «Красное и черное. Хроника 1830 года». Перевод Анастасии Чеботаревской.

Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876—1921) — переводчица, жена Федора Сологуба; сотрудничала с издательством Некрасова.

55 Речь идет о книге: Т. А. Гофман. Принцесса Брамбилла (каприччио во вкусе Калло). Перевел с немецкого бар. В. Энгельгард, перевел стихи Н. Ашукин. М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1915. В 1916 г. «Принцесса Брамбилла» была переиздана Некрасовым без указания автора и переводчика под названием «Приключения Эфиопской принцессы и Ассирийского принца». Переводчик стихов в обоих изданиях обозначен как Н. А. по просьбе самого Ашукина (ГАЯО. Ф. 925. Оп. 1. Д. 17. Л. 11).

56 Каролина Павлова. Полн. собр. соч. в 2-х томах. Редакция и вступительная статья В. Брюсова. М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1915.

57 Второе издание рассказов Зайцева в издательстве Некрасова не выходило.

58 Б. К. Зайцев был призван осенью 1916 г. и, чтобы не идти на фронт рядовым, поступил в Александровское военное училище в Москве, где прошел ускоренный курс обучения и в марте 1917 г. был выпущен прапорщиком. На фронт из-за болезни не попал.

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 30 августа 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 450. — [Т.] V.

30 авг(уста) 1914

Дорогой Константин Федорович,

очень извиняюсь и вполне понимаю, что сейчас может быть трудно, но если есть возможность, переведите пока половину.

Имеете ли известия от П(авла) П(авловича)? Мне он писал давно, еще не участвуя в боях. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Бор. Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 9 мая 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 448—449. — [Т.] V.

9 мая 1914

Дорогой Константин Федорович!

Рецензию Гливенки я читал. Читал и его собственные переводы из Альфиери, и знаю, что я и он различно понимаем слово «переводить». Как Блан, переведший «Божеств(енную) ком(едию)» на немецкий яз(ык) слово в слово совершивший огромный труд и изуродовавший Данте, — Гливенко сторонник буквальных переводов. Прочесть его переводы из Альфиери невозможно, ибо они написаны не на русском, а на языке «родных осин». Отсюда его упрек в недостаточной близости перевода (нашего). Пропусков там быть не может, т. к. я сличал текст строку за строкой. Есть нередко упрощение конструкции фразы, что вызвано крайней (местами) запутанностью фразы автора. Русский язык выдерживает это до известного предела. Дальше начинается насилие над ним, чего люди, не понимающие духа нашего языка, не замечают, и переводят, как г. Гливенко, уродливо. За всем тем, возможно, что мелкие промахи есть, как есть они во всяком переводе, во всякой Вами изданной книге. Дайте мне любую Вашу книгу и подлинник, и я укажу Вам неточности и, вероятно, найду ошибки. Тем не менее переводы Ваших книг удовлетворительны, как не считаю я нелитературным перевод Альфиери. Разумеется, если бы я переводил сам, он был бы лучше; безупречным я его не считаю.

Все Ваше письмо имеет такой характер, что Вы заподозреваете мою литературную

Все Ваше письмо имеет такой характер, что Вы заподозреваете мою литературную недобросовестность. Выходит так: пользуясь тем, что я с Вами лично знаком, я эксплуатирую Вашу мягкость, навязываю Вам ненужную книгу (по-видимому, из своекорыстных целей), наспех ее просматриваю и выпускаю никуда не годный перевод. Этим я из-за угла наношу Вам горькую обиду.

Что мне Вам ответить? Оправдываться? Доказывать, что я достаточно гнул спину над этой работой? Уверять, что я добросовестный (все-таки!) человек, что литературу люблю не менее Вас?

Мы с Вами не дети, Константин Федорович. Вы, конечно, очень хорошо понимаете, что даже разговаривать об этом я ни с кем не стану. Не буду говорить и с Вами. Вы мне не доверяете. Из трех отзывов о книге (два хвалебных) Вам угодно было выбрать отрицательный. Вам угодно было высказать какие-то предварительные сомнения о доброкачественности работы над этой вещью. Все это — Ваше право. Как Ваше право быть какого хотите мнения о моих литературных недостатках (нравственных и технических).

Но для меня отсюда следуют некоторые практические выводы. Работать над Казановой я более не могу. Я взял у Вас 350 р. под этот труд. По моему рассчету, я в данный момент должен Вам (за Каз(анову)) рублей сто. Их я отработаю и возвращу Вам остальную рукопись. Если Вы

пожелаете изменить наши условия касательно Данте, я всегда готов.

Мне остается сказать несколько слов о тоне Вашего письма. Он нервен и резок до предела. Кажется, мне еще не приходилось получать подобных писем. Я объясняю это состоянием аффекта, и к данной вспышке готов отнестись снисходительно. Но должен Вас предупредить, что делаю это в виду наших добрых (как я понимал доселе) отношений. Вообще же я, как взрослый человек и свободный русский писатель писем репримандного характера ни от кого получать не могу.

Все это писать не весело, но, увы, необходимо. Жизнь приучает к разным неожиданностям. Кажется, человек ничему не должен удивляться, но строго-философское отношение к жизни дается не сразу.

Во всяком случае желаю Вам всего доброго. Будьте здоровы. Жму Вашу руку.

Борис Зайцев

Зайцев Б. К. Письмо Некрасову К. Ф., 1 мая 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 447—448. — [Т.] V.

1 мая 1914 г.

Дорогой Константин Федорович!

Пишу Вам из деревни, где живу уже дней десять. Не знаю, что на Волге у Вас, а у нас пока — прямо рай. После Москвы тихо весьма. И на много верст вокруг ни одной ресторации. Я занялся было цинциннатским делом34: стал окапывать яблони, и окопав штук сорок, доработался до того, что меня хватил жар и озноб. Все это моментально появилось, и в один день прошло, но очевидно все-таки, что к настоящей физической работе мы мало годны: кишка слаба.

Работаю сейчас над Данте. Перевалил сейчас через с. Готард35 и спускаюсь вниз (то есть, говоря проще, делаю вторую половину «Ада»). Данте был очень суров к льстецам. Он посадил их в испражнения и конец вчерашней песни, можно сказать, благоухал: слова «кал», «дерьмо», так далекие от Беатриче, здесь доминировали. У меня есть старинный русск(ий) проз(аический) перевод Ф. Дима36: там Николаевская цензура вычеркнула целые строки из этой песни, как

перевод Ф. Дима36. Там Николаевская цензура вычеркнула целые строки из этой песни, как «подлые». Вообще, Данте в России подлежал цензуре. У Мина, в пер(еводе) (прежн(яя) ред(акция) 1852 г.) тоже выкинуты нек(оторые) строч(ки), но касающиеся теологии.

Да, два слова об Альфиери. Г-же Мирович оставалось дополучить кое-что за перевод, а Вас не было. Ей послала 100 р. по моей просьбе А. Андреева, поэтому, когда будете высылать Андреевой гонорар за вступит(ельную) статью, прибавьте эти 100 р., а у Мирович, буде еще что-нибудь осталось, — вычтите. Адр(ес) Александры Алексеевны Андреевой: Брюсовский пер; соб(ственный) дом. Варвары Григорьевны Мирович: Воронеж, Верхне-Дьяконовская, 1.

Что моя книга? (рассказы). Мне кажется, что покупают только знакомые. В газетах пока хвалят, но по теперешним временам это мало значит. Кстати, пусть бы Петербург(ский) отд(ел) сделал объяв(ление) в газете, хоть «Речь». В Москве были объявл(ения), в П(етербурге) — ни одного (по кр(айней) мере в «Речи»). Как Вы смотрите на то, чтобы завязать книжн(ые) отношения с Киевом и Одессой? Там довольно сильная и благоприятная пресса, да и людей живет порядочно.

Роман хорошо бы начать набирать теперь. Осенью мы с женой едем заграницу на всю зиму. Проще было бы подписать корректуры здесь и выпустить книжку в октябре (приблизительно). Мне очень нравится, как Вы издали 4-й т., хорошо, если бы так же вышел и роман.

Не будете ли Вы в Москве между 10—15 мая? Я еду на месяц в Крым и буду в Москве проездом. Что Персия37? Жму крепко руку,

Ваш Бор. Зайцев.

Мордвесское почт(овое) отд(еление) Тульской губ., имение Притыкино.

Ваганова И. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова и русские писатели начала XX века // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 436—437. — [Т.] V.

Книгоиздательство Константина Федоровича Некрасова, племянника поэта Н. А. Некрасова, существовавшее в 1911—1916 гг., оставило яркий след в русской культуре начала XX века. С издательством сотрудничали Александр Блок, Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Андрей Белый, Борис Зайцев, Михаил Кузмин, Алексей Толстой, Федор Сологуб, Павел Муратов, Владислав Ходасевич и многие другие.

Контора издательства находилась в Москве, а типография — в Ярославле, где до 1916 г. жил сам издатель.

К. Ф. Некрасов родился в 1873 г. в усадьбе Карабиха, где жила семья младшего брата Н. А. Некрасова — Федора Алексеевича. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, но военная карьера его прервалась по причине болезни. С восемнадцати лет Константин Федорович жил в Карабихе, сначала лечился, потом занялся сельским хозяйством, помогая отцу. После ссоры с отцом поступил земским начальником в самый глухой и отдаленный в Ярославской губернии Пошехонский уезд. Через три года его перевели в Ярославский уезд, а затем в Ярославль. Некрасова избирали гласным уездного и губернского земства и Ярославской городской думы, но за слишком вольное толкование циркуляров губернатора отстранили от занимаемой должности и уволили по «третьему пункту», т. е. без права занимать в дальнейшем государственные и общественные должности.

К. Ф. Некрасов принимал участие в работе I Государственной думы, куда был избран как член местного отдела партии «Народная свобода» от Ярославля. Здесь Некрасов сблизился с депутатом-ярославцем, одним из организаторов партии «Народная свобода» и «Союз освобождения» Дмитрием Ивановичем Шаховским, секретарем I Государственной думы. После роспуска Думы в 1906 г. ее депутаты подписали в Выборге известное воззвание «Народу от

народных представителей». Среди участников Выборгского воззвания были князь Шаховской и дворянин Некрасов, и, как все 167 бывших депутатов Думы, они были приговорены Санкт-Петербургской судебной палатой к трехмесячному тюремному заключению, которое отбывали в Ярославской тюрьме в Коровниках летом 1908 г.

Заключение Некрасов переносил бодро, главным его занятием в тюрьме, по его словам, было чтение. Тогда Некрасов впервые задумался об издательской деятельности. Его замыслы в значительной степени отталкивались от традиций издания в Ярославле в середине XIX в. «Календарей» и тематических сборников. Об этом Некрасов писал из тюрьмы Николаю Петровичу Дружинину (1858—1941) — юристу и журналисту, своему будущему товарищу по газетно-издательскому делу.

С января 1909 г. Некрасов и Дружинин начали издавать ежедневную газету «Голос», одну из самых популярных в Ярославском крае, а год спустя — приложение к ней — «Ярославские зарницы», где особое внимание уделялось краеведческим и литературным материалам.

В 1911 г. Некрасов приступил к воплощению своих книгоиздательских замыслов. Его издательство, стремившееся к просветительству в самом широком смысле этого слова, имело отделы «Переводная художественная литература», «Русская классика», «Современная русская литература», «Историческая литература», «Памятники Возрождения», «Памятники

древнерусского искусства», «Биографическая библиотека», а также выпускало серию лубочных изданий, состоявшую из лучших произведений русской и зарубежной литературы.

Летом 1913 г. Некрасов вместе с писателем и искусствоведом Павлом Павловичем Муратовым задумали начать совместное издание журнала искусства и литературы.

Таким изданием стал журнал «София», главной задачей которого являлось пробуждение интереса читателей к древнерусскому искусству. В журнале сотрудничали Н. А. Бердяев, М. О. Гершензон, В. Ф. Ходасевич, Б. К. Зайцев, И. Э. Грабарь, А. Н. Бенуа и многие другие писатели, философы, художники, искусствоведы, историки. Начавшаяся мировая война помешала Некрасову продолжать издание журнала, так как многие сотрудники, и главное, редактор и вдохновитель «Софии» Муратов, были призваны на фронт. Вышло всего шесть номеров журнала — полный комплект за 1914 г.

В начале 1916 г. Некрасов решил резко сократить издательское дело. Он продал типографию, право на издание газеты «Голос» передал «Издательскому товариществу Голос» в лице его главного представителя Дружинина, а сам переехал в Москву. К 1917 г. издательство окончательно прекратило свое существование. Некрасов работал сначала в Отделе охраны памятников искусств и старины, затем в различных конторах, не связанных с издательским делом. Последние годы жизни Некрасов посвятил изучению истории древнерусского искусства и работе над книгой «О фресковой живописи старых русских мастеров». Книга была рекомендована Академией архитектуры к изданию, но осталась неопубликованной.

Умер Некрасов 22 октября 1940 г.

Из обширного и почти не исследованного архива Некрасова, хранящегося в ГАЯО и Ярославском музее-заповеднике публикуются письма русских писателей начала XX в.

Ваганова И. Примечания: Клюев Н. А. Письма Некрасову К. Ф. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 473—474. — [Т.] V.

1 А. Н. Толстой обратился к К. Ф. Некрасову с просьбой издать стихи Н. А. Клюева. В письме от 16 октября 1912 г. Толстой писал Некрасову: «...вчера и сегодня я слушал поэта Н. А. Клюева. Его стихи больше чем талантливы. Есть вещи по высоте и выражению вдохновенные,

нельзя их слушать без волнения. Он простой крестьянин. Две его изданные книжки уже разошлись, теперь он приготовил третью книжку, что все вместе составит томик божественных стихов. Если бы Вы взялись издавать Клюева...» (РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 40, л. 8).

2 Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, прозаик, критик.

3 Брихничев Иона Пантелеймонович (1879—1968) — публицист, поэт, издатель. В 1906 г., еще будучи священником в рабочем районе Тифлиса, Брихничев издавал газету «Встань спящий», за что был арестован и лишен сана.

По выходе из тюрьмы в 1907 г. Брихничев сотрудничал в религиозном журнале «Пойдем за ним» (Ростов-на-Дону), после закрытия в 1908 г., он издавал в Царицыне журнал «Слушай, земля» (к сотрудничеству в котором привлекал А. А. Блока, В. Г. Короленко, Н. А. Клюева) и газету «Город и деревня». Оба издания были запрещены к июлю 1909 г. После неудачной попытки издать в Петербурге журнал «Пламень огненный», Брихничев переехал в Москву, где в 1910 г. ему удалось организовать журнал «Новая Земля». Ближайшими соратниками его были В. П. Свенцицкий и старообрядческий епископ Михаил (Семенов Павел Васильевич (1872—1916)). Среди авторов «Новой Земли» — Н. А. Клюев, А. А. Блок, В. Я. Брюсов. Журнал просуществовал до мая 1912 г., в декабре того же года его заменил журнал «Новое Вино». Клюев сначала был ведущим автором этих изданий, но после конфликта с Брихничевым в конце

1912 г. его имя не появлялось на страницах «Нового Вина».

4 Внизу страницы Городецким сделана приписка: «Посмотрю с удовольствием и скоро. С. Городецкий 27. XII. 1912».

5 Садовской Борис Александрович (наст. фамилия Садовский) (1881—1952) — поэт, прозаик, критик, историк литературы.

6 Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936) — поэт, прозаик, переводчик, музыкант. Посылая книгу стихов Клюева Кузмину, Некрасов писал: «Посылаю Вам книжку этого удивительного Клюева. Должен сознаться — половину ее я знаю наизусть» (РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 311, л. 4).

7 Симаков Василий Иванович (1879—1955) — фольклорист; заведовал книжным складом книгоиздательства Некрасова в Москве; выпустил в издательстве несколько сборников частушек.

8 В конверт вместе с письмом вложена половина журнальной страницы с отзывами на «Братские песни».

9 Сухотин Павел Сергеевич (1884—1935) — поэт, историк литературы. Речь идет о сборнике стихотворений «Полынь» (М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1914).

10 Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна (1888—1963) — поэтесса. Речь идет о сборнике «Стихотворения» (М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1914).

11 Измайлов Александр Алексеевич (1866—1949) — писатель, критик. Письмо Клюева к Некрасову написано на обороте письма Измайлова: «Дорогой Николай Алексеевич. Благодарю за стихи. Пожалуйста, присылайте еще и еще. Ту же просьбу поручил мне обратить к Вам редактор «Огонька» Бонди

Мой совет, конечно, издать Ваши песни. Так как я лично против тонких Брошюрок, то мне казалось бы, всего лучше было, начав сборник стихами к моменту, продолжить его стихами, независящими от момента, чтобы был настоящий томик. И когда же выступать с военными стихами, как не теперь? Книжники говорят, что сейчас книга идет так, как не шла последние годы. Бог знает, в чем секрет — м. б., в том, что Русь отрезвела, м. б., скучно без ушедших на

войну и т. д. Но это факт, что бы ни говорили репортеры с чужих голосов.

Я не имею прямых касаний к издательским фирмам, и не мог бы прямо устроить Ваше дело. Не поможет ли Вам Городецкий, близкий к издательству «Лукоморье»? А затем, вообще, нужны ли Вам рекомендации и не достаточно ли просто Вашего имени при обращении, например, к Вольфу, в «Прометей» и т. д. Если память мне не изменяет, стихи «Кабы я не Акулиною была» до нас не доходили (Может быть, повторить просто?!)

Ваш А. Измайлов

Сейчас поднял «Акулину». Прелестно! Всем воспользовался.

Для устранения ненужных инстанций при получ(ении) гонорара, — направляйте проект прямо в контору. Они будут вписывать без занижений, а то у меня, грешного человека, — голова кругом, а ведь это совсем вне моего ведения.

* Не знаю, поэтому, насколько действенны были бы и мои обращения к фирмам, с хозяевами которых у меня только шапошные знакомства. Но я рад служить Вам».

12 Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, критик, драматург, историк литературы, теоретик символизма.

13 Клюев знал об увлечении Некрасова иконописью, о журнале «София» и о намерении создать галерею или музей древнерусского искусства.

Публикация И. ВАГАНОВОЙ

К истории евразийства. 1922—1924 гг.

«Нам кажется, что властью в современной России...» // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 494—497. — [Т.] V.

Нам кажется, что властью в современной России может быть только та власть, которая сумеет указать что любить и что ненавидеть, и сумеет внушить и дать широким кругам и массам такую ненависть и такую любовь. Классовую ненависть, которую внушали конкуренты* нужно подменить и она уже подменяется в стихийном ходе событий иной ненавистью, а именно:

1) против тех внутренних поработителей, кто национальную энергию подменил кровавым, слепым и корыстным сектанством (коммунисты) и 2) против тех внешних недругов, кто в союзе с этими внутренними поработителями желает, пользуясь внешней слабостью России, внешне ее поработить (Европа). — Та любовь, которую нужно внушать, есть, в первую очередь, любовь к Родине, к народной России, во всем ее неповторяемом облике, в ее страданиях, чаяниях, вере; во вторую очередь, но это не менее важно, — ко всем обездоленным народам мира — красным, черным, желтым, которых поработили и на которых возложили ярмо романо-германцы. Освободительная роль России в мире не только не кончилась, она почти не начиналась. Царская Россия ставила своей задачей освобождение народов, живущих на юго-востоке от России, начиная от армян на востоке и кончая сербами на западе. Теперь это освобождение, в значительной мере, осуществилось (не полностью, ибо армяне истреблены). Нынешняя власть расширяет диапазоны психологического и политического внимания русской власти и народа; задачи освобождения, ею поставляемые, равномерно охватывают корейцев у Великого океана и берберов у Атлантического. И это, в известном смысле, правильно. — Правда, в минуты слабости не нужно растрачивать и без того недостаточных сил. Но как идею это надлежит сохранить; более того — усилить. Только этим можно разогнать сумерки провинциализма, которые «смерти подобны»; сумерки эти, по-видимому, постепенно охватывают нынешних властителей момента; им не должны поддаться те, кто рассчитывает вести за собой Россию в

последующем. — Можно думать, что будущая потентная Россия осуществит то, чего «хочет, но не может» нынешняя импотентная — и тогда неосуществимая и неосуществленная экспансия в духе III Интернационала сменится действительной экспансией евразийской (так же, как неосуществимые и неосуществленные мечты о новой «пролетарской» культуре сменяются действительным творчеством культуры евразийской). Все это очень важно, но все это, конечно, общности (хотя и такие, упустить которые было бы преступлением).

В подходе ко всем проблемам политики как внешней, так и особенно внутренней должна быть некоторая общая точка зрения и установка. В политике внешней и внутренней русские люди в настоящий момент должны построить мир, как будто бы он только сегодня создан (так велик «геологический переворот» произведенный революцией). Материал, конечно, дан предшествовавшей историей; но этот материал — как расплавленный металл. К настоящему моменту не существует никаких старых (т. е. до революционных) рамок, которые повелительно определяли бы его нынешнюю форму. Все рамки и все формы отливаются, и должны быть отлиты наново. Всякий прежний юридический титул может иметь значение только постольку, поскольку он наново обоснован. Большое же число прежних юридических титулов, как таковые, в современности значение не имеют. Если согласиться, что в настоящее время такая установка является единственной, жизненно правильной, то это многое уяснит в понимании недавнего прошлого и в видах на будущее. Колчак, Деникин и Врангель потерпели неудачу, а Н. Н.* потерпит ее потому, что им всем органически не только свойственна упомянутая выше установка сознания, но наоборот — хотя бы они и старались ее усвоить (а они в большинстве случаев и не стараются это сделать) они в величайшей мере остаются связанными прошлым и кроме отдельных немногих случаев, старые юридические титулы, старые чины (напр. даже военные), старые отношения являются для них всецело определяющими. — А с такой установкой с места в нынешних обстоятельствах не сдвинешься и тех, кто ее придерживается, в их государственно-творческой прозорливости, только и остается честить ругательным словом. Обратитесь например, к вопросу о правящем классе. Наша эпоха в России есть эпоха смены правящего класса. Старый правящий класс обанкротился потому, что не сумел справиться с трудностью обстоятельств. Под покровом коммунистического режима произошло выделение к «правлению» (в селе, в волости, уезде, губернии) целой новой огромной массы лиц, которые, в большинстве случаев, при старом порядке и думать не могли участвовать в правлении. То, что прежние распорядители — высшие чиновники, помещики и пр. исчезли (в значительной степени истреблены), а новые выделились — это есть просто факт, и с ним, как таковым нужно считаться. Удачливой в современности может быть только та ставка, которая будет ставкой на новый правящий класс... Между тем, Колчак, Деникин, Врангель такой ставки не ставили и конечно, не в силах поставить ее и Н. Н.: все они стремились и будут стремиться, сняв с поверхности всю массу выделившихся людей, всех выделившихся заменить «своими людьми», взятыми из «старых запасов», из какого-то людского «цейхгауза». Если старый порядок в последние времена своего существования страдал безлюдием, то теперь в огромном большинстве случаев, можно прямо сказать, что в этом цейхгаузе хранится негодная ветошь... В еще большей степени это относится к тем людским кадрам, которые пустили бы в ход эсе-эры, меньшевики или кадеты, если бы овладели властью, как таковые... Думать, что плавая в ветхой ладье, можно одолеть бурю в океане — это элементарная ошибка расчета. — С конкурентами можно бороться, только став в русло чаяний нового правящего класса.

Люди нового правящего класса суть «герои факта». Это люди, которые фактически, энергией, дерзостью или преступлением, создали себе положение и материальный достаток. Это положение не утверждено пока что достаточными юридическими титулами. Ибо по настоящему, всесторонними титулами утвердить существование наново создавшегося правящего класса коммунистической власти все же неловко и даже, по природе ее невозможно; она делает частичное, но не делает всего, а нужно сделать все, что в этом смысле требуется.

Наиболее способным из вновь выделившихся людей не может нравиться, что на самых верхах, по-прежнему, заправляет старая, намозолившая глаза партийная клика, самым фактом своего существования задерживающая движение вверх новых сил. Эту верхушку нужно срезать, а тем

существования задерживающая движение вверх новых сил. Эту верхушку нужно срезать с тем, чтобы на ее место сели наиболее годные из новых людей (не из партийной эмигрантщины, но другие); и произошло соответствующее движение вверх во всем слое нового правящего класса.

В самой природе революционного времени лежит, что политика власти устроительницы, которая приходит вслед за революционной, должно определяться началом, которое можно назвать фактопоклонством. Такой власти не остается ничего другого, как дать юридическое оформление чисто фактическим отношениям. Эти последние часто основаны на преступленьи. Поэтому «фактопоклонство» таит в себе несомненные моральные соблазны. Но их нужно преодолеть. — Очень часто право в своем истоке выходит из узаконенной узурпации. Узаконить узурпацию нужно и в настоящий момент в России. Залогом же того, что эта необходимость не разложит морально новой власти, должна служить религиозная настроенность и здоровое национальное чувство этой последней. — С необходимостью узаконить узурпацию нужно считаться именно как с таковой. В ином случае неоформленность всех отношений внутри страны может грозить величайшими бедствиями. Революция может стать перманентной. Один набор «героев факта» будет сменяться другим, который, по принципу «грабь награбленное», ограбит своих предшественников, чтобы быть в свою очередь и в свое время ограбленным последующим подбором «героев факта». — По-видимому, кое-где в России в деревенских условиях уже имеются намеки на возможность возникновения такого положения (настроение, по отношению к имущим крестьянам, тех, кто остался «деревенской беднотой»). Утверждение подобного

социального «режима» означало бы гибель страны... Эту угрозу может предотвратить союз власти с наличным подбором «героев факта»; ее ставка на них. Этот союз представит достаточную силу, чтобы крепко и на долгий срок утвердить социальные отношения и обеспечить благосостояние всей страны, которое проистечет из экономического подъема осуществляющегося на основе оформленных, в духе частной собственности, юридических отношений.

Кто что захватил, приобрел или сохранил в процессе революции и кто чем сейчас пользуется или владеет на правах ограниченной или полусобственности тот получит все это без исключения в полную, безраздельную и наследственную собственность. Такова, по нашему мнению, должна быть экономическая программа. Она должна распространяться не только на движимую собственность дома и землю, но также и на промышленные предприятия. Детали относительно последних отсюда установить трудно. Но общий принцип ясен. И здесь «герои факта», арендаторы, распорядители и пр. — должны в самый день переворота получить в полную собственность предприятия, которыми они распоряжаются и которые ведут... В самый день переворота захватчики движимости, промышленники-хозяйственники и главное крестьяне-землепользователи (в последнем случае — в согласии с местным правом) — еще вчера полураспорядители и полусобственники приобретают право продавать, покупать, закладывать, дарить, завещать находящиеся в их распоряжении имущества по полному и неограниченному своему усмотрению... Дать это — значит поистине дать кое что населению. Конкуренты дали крестьянам 20 милл. дес. пахотных земель, но лишили их права свободного распоряжения всеми 150. Тогда давали 20 милл. дес.; теперь можно дать 150... Это в отношении земли, но то же касается и других видов имуществ.

Кто из представителей старого имущего и правящего класса сохранили свое положение, тот, конечно, в нем и должен оставаться. Но правами остальных нужно пожертвовать во имя общего блага. Поскольку в составе старого имущего и правящего класса сохранились живые силы, они несомненно найдут себе применение в рамках режима, который установится после переворота, втрамбуются в новый послереволюционный русский социальный и народно-хозяйственный строй.

Следующее сочетание кажется нам необходимо — определительным для программы власти — строительницы, имеющей прийти после коммунистов: величайший радикализм в имущественных вопросах — и в то же время непреклонное утверждение основных религиозных и национальных основ русского существования. В этом мы сильно отличаемся, скажем от В. М. С 80 Последний

основ русского существования. В этом мы сильно отличаемся, скажем от В. М. С.80 Последний не согласен начисто покончить с прежними имущественными и иными правами; но согласен разговаривать с католиками о совместном действии против коммунистов. Мы же, наоборот, стоим за первое и несогласны на второе. В деле бережения основ православия и русского национального бытия мы — изуверы и не признаем компромиссов.

Договор об учреждении «Евразийского к[нигоиздательст]ва» // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 494. — [Т.] V.

ДОГОВОР ОБ УЧРЕЖДЕНИИ

«ЕВРАЗИЙСКОГО К-ВА»77

Мы нижеподписавшиеся: П. С. Арапов, бар. Меллер-Закомельский, П. Н. Савицкий, кн. Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский и Г. В. Флоровский заключаем между собой договор в нижеследующем:

1) Мы учреждаем книгоиздательство под фирмой: «Евразийское Книгоиздательство».

2) Книгоиздательство ставит себе целью:

a) выпуск в свет повременного издания, преемственно продолжающего традиции евразийских сборников;

b) издание книг, посвященных отдельным вопросам, связанным с евразийской идеологией;

c) а также и других трудов, посвященных русской духовной культуре и родственных по духу евразийству.

3) Делами к-ва заведует правление, членами которого состоят нижеподписавшиеся лица. Правление является полномочным принимать решения по всем делам к-ва поскольку на его заседаниях присутствует не менее 3-х из вышеуказанных лиц.

4) Одновременно учреждаемое общество под названием «Кружок российско-азиатских изучений»78 ставит себе целью финансовую поддержку евразийского к-ва.

Берлин, 6 июня, 1923 г.

П. Арапов

П. Савицкий

б. Меллер-Закомельский

П. Сувчинский

Протокол марта 1923 г. [I] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 491—492. — [Т.] V.

ПРОТОКОЛ МАРТА 1923 г.

Три П.76 полагают нижеследующее:

1. Надлежит сохранить преемственный ряд евразийских изданий, как угодно дополняя и расширяя его, но явственно оставаясь в основном русле.

Из бесед и сводки данных выясняется, что евразийские и аналогичные им мировоззрения получили распространение в качестве общих недифференцированных эмоций и ощущений и продолжают распространяться и сейчас; более чем когда-либо ранее — евразийская и аналогичные воззрения проникают и влияют в широких кругах (пример — постановления съезда русской национальной молодежи в Мюнхене в январе этого года и мн. другое). В этих обстоятельствах, по мнению в частности П. С. Арапова, всякое ослабление остроты евразийской установки сводило бы вообще на нет значение евразийства, как самоопределившегося длящегося духовного явления, растворяя его в объемлющей массе общего духовного возбуждения; по мнению П. С. Арапова именно сейчас надлежит обострять — также напр. и в смысле персональном особенности евразийского дела. Не следует гнаться за числом единомышленников, но исключительно за качеством их; евразийство, поскольку его следует мыслить не только как академическое направление, но и потенциальную действенную силу — всецело по мнению Арапова, связано в своем существовании с созданием возможно высококачественного, но весьма небольшого и сплоченного идеологического центра.

По мнению всех трех в нынешней обстановке исчезновение евразийства, как такового во всех смыслах было бы «смерти подобно».

По мнению П. П. Сувчинского евразийство впредь до изменения обстановки должно рассматриваться главным образом как фокус к созданию целостного мировоззрения и потому не подлежит односторонней, в каком бы то ни было смысле трактовке; с другой стороны невозможно строиться по знаку какой бы то ни было «монополии» на православное мировоззрение; православие есть иммонентная сущность, раскрывающаяся не только в евразийстве, но и в множестве других духовных установок и деяний и в разных по разному. П. П. Сувчинский полагает, что именно эмпирическая обращенность евразийства способна послужить оздоровляющим началом перед лицом угрозы монофизитства как непосредственной реакции на русскую катастрофу. Но православная установка в евразийстве тем более является определяющей и ей подчиняются все остальные стороны.

2. Оставаться в евразийском русле, это значит сохранять в основном издательском плане, тот уровень изложения, кот. принят в частности в сборнике «Россия и латинство», середняк, на которого нужно рассчитывать, есть все таки интеллигент или хотя бы бывший интеллигент и потому не любит снисходительного к себе подхода.

Сувчинский П. П. Письмо Трубецкому Н. С., 14 мая 1922 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 475—476. — [Т.] V.

14/V — 1922

Дорогой Николай Сергеевич.

Я узнал адрес Якобсона3 и на днях у него буду. Сборник4 находится в таком состоянии: из 22-х листов — отпечатаны 8 — остальные будут готовы к 18 мая. Обложка остается5. По-видимому сборник пойдет в Россию, т. к. И-во печатает его в кол. 3200 экз. Я знаю что «Геликон» вел переговоры с русской цензурой.

Вчера мы были свидетелями, до какой мрази и пошлости дошла в настоящее время «Русская революция». Прилетел на аэроплане вместе с Дункан — поэт Есенин6 и остановился в лучшей гостинице. В «Доме искусств» был устроен в их честь вечер. Есенин долго не шел, наконец в 12 ч. ночи явился под ручку с Дункан в белых туфельках. Дункан уже 55 лет, стерва! Живет с ним и очень афиширует это. Какой-то жиденок крикнул «интернационал». Публика начала свистать. Тогда Есенин стоя на стуле крикнул «А мы в России в четыре кулака свистим эмиграции» и затем вместе с Дункан — интернационал. Одни поддерживали, другие скандалили (нрзб.).

Мне кажется, что большевики входят сейчас в самую зверскую и страшную полосу. С одной стороны им больше терять нечего, после Генуи7 не нужно соблюдать внешнее приличие «для Европы». С другой стороны тот способ, который сейчас будет применяться Европой к большевикам, т. е. каждый из «романо-германских зверей» будет самостоятельно потихоньку сводить личные счета и получать для себя привилегии, окончательно подорвет всякую государственную мораль большевиков и они превратятся действительно в чужеземных поработителей России. Будет еще что-то ужасное! Пишет Флоровский8 о каких-то его разногласиях с Савицким9. Не знаете-ли в чем дело? По словам Флоровского, — Савицкий в полосе дурного «натурализма»?

Пишите!

Целую руку княгине10. П. Сувчинский.

Протокол июня 1923 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 493—494. — [Т.] V.

ПРОТОКОЛ ИЮНЯ 1923 г.

Три П. собравшись, находят, что совокупность всех имеющихся данных дает картину определенного общественного влияния евразийства. Недопустимо, чтобы факт создавшегося духовного влияния е-а совпал с внутренним разложением последнего. Или е-аго дела не следовало начинать вовсе — или — раз начав — следует уяснить себе ответственность и обязательства, вытекающие из осуществленного начала. В евр-е, сперваначала, заключалось некоторое ядро общественно-исторического действия. Е-о пошло от утверждения первенства культуры перед политикой. От этого начала нельзя отклоняться и ныне. Но нужно — объективно и ответственно — учитывать исторически — действенные потенции евразийства. Следует:

1) сохранять независимость от каких бы то ни было посторонних группировок и тем более политических партий;

2) ощущать евразийство не только как объективное констатирование предстоящих процессов, но и как действенное заданье.

В практических подходах, прежде всего, необходима осмотрительность. В первую очередь следует сосредоточить усилия на распространении в России духовного влияния евразийских идей; во вторую очередь — на создание круга духовно связанных друг с другом и разнообразно одаренных к действию лиц.

1 июня 1923 г.

Протокол марта 1923 г. (II) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 492—493. — [Т.] V.

ПРОТОКОЛ МАРТА 1923 (II)

Из бесед П. С. Арапова с П. Н. Савицким и П. П. Сувчинским определилась относительная узость издательских возможностей на ближайший период. Этому способствует непрекращающееся повышение цен при повышении курса марки, а также дороговизна хранения бумаги, исключающая возможность выгодной единовременной закупки ее.

Расчет делается на две книжки в год, приблизительно в 15 листов каждая, выходящих под

обозначением «повременного издания»; переход к повременному изданию должен знаменовать укрепление и обогащение движения, начавшегося непериодическими сборниками; сколь угодно обособленное в своем содержании собрание статей значительней, когда стоит в некотором более широком, чем оно само, издательском ряду. Ограничение количества книжек двумя в год, но при том относительно большого размера, определяется техническими причинами (несравненно большая легкость издавать реже толстые книги, чем чаще тонкие) наряду с тем — необходимость тщательно прорабатывать состав книжек (в этом смысле прошлые издания являют существенные недочеты). Нужно кроме того давать срок для действия изданной книжки на публику не покрывая одной книжкой другую.

Следовало бы начать работу над обеими книжками немедля и одновременно. Первый издательский период считается от Пасхи 1923 до Пасхи 1924 года. Один из сборников должен иметь общеевразийский характер и ограничиваться, в составе авторов, прежде всего четырьмя основными евразийцами. Программой для него могла бы послужить набросанная совместно П. Н. Савицким и Г. В. Флоровским (см. приложение). Другой сборник должен быть посвящен специально вопросам православно-духовного творчества и более широк по составу авторов. Как приблизительную программу можно принять предложение Г. В. Флоровского. Но и в этом сборнике должны быть обзоры библиографического и даже исторически-бытового характера, конечно, в применении к специальной программе сборника. — Обзоры должны по возможности исчерпывать соответствующий русский материал и напоминать — конечно не по духу! —

обзоры «Русская литература за такой то год...» Белинского.

Необходимо принять меры, чтобы усилить распространение изданных и издаваемых книжек — также и независимо от целей продажи и по возможности, с помощью хотя бы и внешних, но сочувствующих евразийству лиц.

Март 1923 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа обще-евразийского сборника.

1. Смысл евразийства — П. П. Сувчинский.

2. Задачи православного творчества — Г. В. Флоровский.

3. Культура и власть — П. П. Сувчинский.

4. Статья кн. Н. С. Трубецкого языковая или этнографическая.

5. Хозяйственное обоснование евразийства — П. Н. Савицкий.

6. Стройка — П. Н. Савицкий.

ОБЗОРЫ

I. Философско-идеологический — Г. В. Флоровский

II. Публицистически-бытовой — кн. Трубецкой

III. Литературный — кн. Святополк-Мирский

IV. Хозяйственный — П. Н. Савицкий

Срок готовности материала — 1 августа с. г.

Сувчинский П. П. Письмо Бердяеву Н. А., 24 апреля 1924 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 489—491. — [Т.] V.

П. П. СУВЧИНСКИЙ — Н. А. БЕРДЯЕВУ

Евразийское книгоиздательство

Берлин.

24—IV—1924 г.

Дорогой Николай Александрович.

На Ваше письмо, в котором по существу объединены основные тезисы антиевразийства — постараюсь ответить Вам тоже письменно. Вы назвали меня «вредным человеком». Надеюсь и вполне уверен, что этот не особенно лестный эпитет относится ко мне поскольку я евразиец. Итак, Вы считаете наше течение «вредным». Понятие вредности может иметь лишь конкретный смысл, а так как сущность евразийства состоит в настоящее время в утверждении целостного идейно-волевого миросозерцания, коренящегося в стихии Православия, в русской исторической и бытовой органике и в национально-государственной традиции — то, следовательно, Вы считаете усиление именно этих названных элементов фактом нежелательным и даже «вредным». Нужно оставить в стороне вопрос о техническом несовершенстве обслуживания евразийцами этих своих трех начал; тем более что из всего смысла Вашего письма вытекает, что максимальное совершенство техники — в данном случае было бы максимальным вредом!

Однако существуют для Вас какие-то иные пока еще не выявленные начала, которые Вы противопоставляете началам евразийства. Стараясь их уловить и усилить тезисы и формулировки Вашего письма — я к величайшему удивлению пришел к тому, что сущность Вашей концепции, из которой и вытекает Ваша критика евразийства состоит: 1) в интерконфессиональной, общехристианской абстракции — схеме, 2) в безликом космополитизме (если национализм — «язычество»*) и 3) в развеществленной цивилизации (если быт — «язычество»). Зная Ваше миросозерцание — меня до крайности удивили эти обертоны Вашего письма. Думаю, что они исходят из источника, лежащего в глубине, а не на поверхности полемики и обличения. Неужели в действительности такова Ваша концепция христианского мира? Я полагаю, что все ценности, которые Вы квалифицируете, как «языческие» — на самом деле moduz vivendi u ezsendi* христианской истории, реальные ценности греховного мира.

Пожалуй трудно ответить на вопрос о подлинном отношении Вашей философемы к действительному христианству. Но не грозят ли на Вашем пути прямые соблазны иконоборческого докетизма72, ведь и христианский быт — икона и в пределе всегда имеет житие; это не эстетический подход, ибо почитание икон Вы же не назовете этетизмом и de facto коренящегося в нем.... старого русского либерализма. Есть какая-то удивительная и устрашающая логика в том, что Вы признаете «положительное значение» за самым ужасным деянием революции. Ведь замысел уничтожения русского быта — идеологически и тактически связан, с одной стороны — с официальными кощунствами, поруганием мощей и проч., и, с другой, — с принципиальным русофобством и устранением самого имени России (СССР). — Неужели это все еще не ясно всем.

Мне вообще не понятна враждебность к быту иначе как под углом установки на развеществленную нирвану. Последняя представляется мне, как полная антитеза христианству и подлинному аскетизму (тьма кромешная!). Хула на всякую плоть, в том числе на быт, столь характерная для латинства — есть один из путей к нирване. К ней же ведет и заболевание эмоциональным эсхатологизмом, выражающееся в романтических, литературных концепциях «катастрофы», наряду с полным нежеланием поднять на свои плечи действительную тяжесть

борьбы и активного противостояния злу...

Конечно необходимо знать все формы христианского исповедничества, но эпоха в которую мы живем, выдвигает в первую очередь не столько интимные формы индивидуального подвижничества (питающиеся во многих случаях из родников подлинной вселенскости — св. Франциск73, св. Тереза74), сколько проблемм общего направления конфессиональных магистралей. Последние, к сожалению, идут не только параллельно и перекрещиваются, но и прямо противопоставлены друг другу. Реальная и сознательная противопоставленность латинства — православию представляются в наше время фактом такого же ответственного смысла, как и противопоставление революции — России. И никакие благодатные образы католических святых не могут компенсировать тот аспект латинства, с которым в сущности теперь и встречаются православные русские и с которым мы и боремся. Не время заниматься идиллиями, когда надо иметь смелость констатировать те дефформации и искажения в области вечных ценностей — к которым приводит современная римская религиозно-национальная абулия (нехотение). Кроме того, идилия нередко прикрывает приятие того, что далеко не идилично!

В некоторых случаях мне кажется, что мы стали ныне лицом к лицу к новому виду религиозно-политического толстовства, окрашенного только в тона православия и церковности. Что же касается Вашего обвинения нас в сектанстве и замкнутости, то, простите, здесь я вижу уже непосредственное выражение тех мыслей и той конфессиональной концепции, которые вообще готовы считать само русское православие в его предельном выражении — либо сектой, либо «провинцией».

Русская интеллигенция настолько радикально порвала свои связи с православием и его реальным субстратом — русской народно-национальной стихией, что утратила всякую возможность усвоить подлинную его вселенскость. Заболев сектанством — она уже не в силах увидеть все существо русского православия и не может войти в русло его бытия. М. Б. безпомощное сознание своей сектантской отъединенности и заставляет в наше время многих русских обращаться к Риму.

Если характерным признаком евразийства и является нечто, называемое Вами «замкнутостью», то это не что иное, как обусловленная современностью концентрация сил. Слишком уж много русская интеллигенция блуждала в разных исканиях, не умея и не желая соединиться на главном и едином.

Времен и сроков мы не знаем, а жизнь предъявляет требования конкретного оформления и реальной работы. Полное отсутствие в нас тяготения к преждевременному эсхатологизму (который в глубине своей всегда утопичен и нигилистичен), при сознании всей серьезности и трагизма нашей эпохи — лучше чем что-либо другое страхует нас от обвинения в нигилизме. Боюсь, что Вы смешиваете понятие русского бунтарства и нигилизма. Правда, нигилизм пользовался бунтарством, как средством и ныне уничтожая в России быт и религию — пожинает плоды использованной им бунтарской стихии. Но что касается интеллигентского нигилизма, то его застывшие, школьно-резонерские схемы равно противоположны как бунтарской вольнице, так и русскому благочестию. Ближе к нигилизму именно те, у которых миросозерцание либо не воплотилось вовсе, либо находится в состоянии развоплощения. К таковым мы себя причислить не можем.

Вы обвиняете евразийство в фанатизме, но неужели Вам, как религиозному человеку не ясно, что так наз. фанатизм является неотъемлемым качеством всякой живой и действенной религиозности.

Конечно, нужны встречи представителей различных исповеданий для взаимного ознакомления, но это должно происходить в здоровых тонах, лишенных всякой эмоциональности. Мне кажется, что случай со Став(ровским) в указанном смысле вряд ли может быть благоприятным предзнаменованием (тон Ставр(овского) я конечно осуждаю).

Но прежде чем изучать иные конфессии — нужно узнать свое православие. Думаю, что невежество в этой области столь же велико. И пожалуй еще недавно можно было скорее найти русского интеллигента «чувствующего», нежели знающего что либо о преп. Серафиме.

Я не верю, чтобы Вы могли серьезно и искренно отнести безсмысленный и аррогантный* факт билетов на счет православного быта. Видимо Ваше острое отрицательное отношение к обоим фактам (т. е. к евразийству и к билетам) позволило Вам отождествить два явления, неимеющие между собой ничего общего. Это ясно само собой.

Так как Вы находите, что вопреки моей «вредности» со мной все таки возможно личное общение, то я надеюсь при свидании еще расширить мою реабилитацию евразийства, хотя признаюсь, что все наши разговоры, бывшие до сих пор дают мне мало надежды, что Вы нас поймете и оправдаете. —

Искренне преданный П. Сувчинский.

Сувчинский П. П. Письмо Трубецкому Н. С., 1924 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 488—489. — [Т.] V.

(1924)

Дорогой Николай Сергеевич.

Очень давно не писал Вам, но по всей вероятности Вас держал в курсе всех дел П. Н. Как Вы, вероятно, знаете, в центре всех этих дел — стоит (нрзб.) Малевский66, которому какой-то англичанин67 в Лондоне дал 10.000 ф. ст. в безответственное распоряжение на русское дело.

Мал. предлагает эти деньги дать на евразийство. П. С. ведет с ним переговоры. Деньги на издание след. сборника уже получены. Материалы также готовы. Теперь необходимо съехаться для окончательной редакции сборника и для всестороннего обсуждения нашего будущего в связи с деньгами Мал. Затягивать не стоит, ибо Мал. может деньги повернуть и в другую сторону. Я предложил бы устроить съезд около 15 ноября, в Вене (если это конечно и Вам удобно). Мы бы с П. Н.68 приехали на несколько дней раньше для обсуждения редакционных дел, а П. С.69 с Мал. приехали бы несколько позже.

По-моему П. С. должен оставаться в гостинице вместе с Малев., чтобы иметь за ним соответствующий присмотр. На днях Вам напишет П. С. относительно визы ему и Мал. — куда их посылать. Точных сведений о природе этих денег — у меня нет, но по отзывам Мирского — Мал. человек неплохой. Он якобы сочувствует нам, но боится что мы недостаточно монархичны. В связи с этим написал П. С. некоторые советы и инструкции. В первую очередь по-моему, нужно издать серию книг, брошюр и прокламаций: В частности анти-комсомольские брошюры. П. Н. думает о газете, но по-моему слишком рано. Мы должны возможно дольше оставаться деклараторами, а не превращаться в полемистов (ведь газета в существе полемична). Будто бы после этих 10.000 ф. англичанин готов дать еще (?!). Ну, об этом переговорим при свидании. Вообще, впечатлений и дел накопилось много. Теперь значит, нужно договориться о числах съезда. Готовы ли Ваши статьи?

Целую руку Княгине.

Вас крепко обнимаю.

Сувчинский

Я очень виноват, что не ответил княгине, но все это время поджидал точных данных, могущих

Я очень виноват, что не ответил княгине, но все это время поджидал точных данных, могущих определить срок съезда. Не стесним ли.

Сувчинский П. П. Письмо Трубецкому Н. С., 7 октября 1924 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 487—488. — [Т.] V. 7 окт. 1924 г.

Дорогой Николай Сергеевич.

Вот уже четыре дня как идут наши нефтянические совещания и деловые последствия поездки П. С. в «Варшаву» оказались настолько интересными, что мы решили просить приехать и П. Н., который в пятницу уже был здесь. Поездка П. С. — была исключительно организационно-деловая и ограничилась посещением центра. Но конечно параллельно «делу» он имел возможность получить и некоторые общие впечатления о «Польше». Если принять во внимание полную удачу пражского плана (поездка одного из обитателей «Лейпцига»), организованная «Элкином», который дал возможность обозреть ю.-з. часть «Польши»65. То мы в настоящее время имеем довольно полную картину всего происходящего. Несмотря на то, что теперь стало совершенно ясным, что деятельность «Треста» обращена одновременно на 2 стороны, кредитоспособность его от этого факта ничуть не уменьшилась. Интерес к «Нефти» несомненно очень велик. Шмиту удалось лично повидаться со многими крупными трестовиками. Его поездка и пребывание были обставлены очень богато и с потрясающей организационной точностью (?). В

настоящее время и дело («Кана») представляется в ином свете. Несомненно следует усугубить осторожность и внимание, однако не следует и отступать от совместной работы. В этом смысле нам с Элкиным — удалось повлиять на Шмита, который сегодня же выезжает на Запад. Его доклад Бородину* также нами обговорен и «составлен».

Наш приезд в Будапешт по всей вероятности мог бы состояться недели через 3, т. е. тогда, когда окончательно выяснится финансовая сторона нашего издания и будут готовы все материалы. Мы думаем, что совещание соответствовало бы ограничить участием Шмита, Элкина и Резника. Мы очень благодарим г-жу Иохельсон за гостеприимство и радуемся случаю повидаться с ней.

Ваше письмо о Чингис-Хане замечательно. Но мы очень просим Вас сочетать его мысли с Вашими рассуждениями «о лесе и степи». Хотелось бы несколько расширить размеры этой статьи. Напоминаем Вам также о небольшой политической статье, о которой мы говорили весной и тезисы которой Вы себе записали. Обе статьи нужно бы предоставить в ближайшее время, т. к. в ноябре мы должны приступить к печатанию, а в 20—30 числах тек. мес. думаем посетить Иохельсона. К этому времени все материалы должны быть готовы и Резник непосредственно после свидания должен приступить к печатанию. Почти все статьи готовы. Очень счастливы, что новый сотрудник, о котором мы долго спорили, вполне оправдал мои надежды и (нрзб.) блестящую (нрзб.) работу. — Перед отъездом Элкина из Лейпцига там состоялась интересная нефтяническая конференция, о которой Эл. — Вам сообщит особо или же при свидании.

Итак, дорогой Николай Сергеевич, мы очень просим Вас подготовить все Ваши работы к 20 окт., дабы из-за этого не произошло никакой задержки. Как Вы думаете сочетать Вашу статью о «туранских элементах в русск. культуре» с рассуждениями о Ч — Х, и лесе — и степи. М. б. сделать из Вашего очерка о татарск. влиянии на русскую госуд. — последнюю главу — Вашей бывшей статьи? Подчеркиваю всю важность Ваших историсофийских статей. Статья Вернад. о «св. кн. Алек. Невском» — очень удачна.

Обнимаем Вас, крепко целуем.

Ваши: Савицкий Сувчинский

Сувчинский П. П. Письмо Трубецкому Н. С., 1924 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив,

в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 486—487. — [Т.] V.

Пасха 1924 г.

Воистину Воскресе! Дорогой Николай Сергеевич.

Простите, что не написал Вам к Пасхе. Последние дни прошли в большой сутолоке и довольно тяжелых передрягах. Было много неприятностей в Приходском совете. Все черносотенцы и опричина Троицкого — решили устроить при заутрени какой-то величайший парад и демонстрацию (нрзб.)... Пускали в церковь по билетам, устроили церковную охрану, которая никому (нрзб.) не давала покоя, у кого не было билетов — экзаменовали православен ли, спрашивали фамилию о. Тихона! В результате — все чертыхались, ломились, было много неприятностей. Я заявил о. Тихону, что выхожу из Совета.

Кроме того — разыгрался скандал и с Бердяевым. Когда был М. Евлогий — его пригласили на собрание бердяевского кружка. Наш евразиец Ставровский лично от себя, ничего мне не сказав — выступил с большой речью против «профессорского православия», католики и проч. Сознаюсь, что тон был неприятный. Жена Бердяева решила при этом создать демонстрацию и агитацию в пользу католицизма и вышла из комнаты. Когда Владыко уехал Бердяев крайне грубо обошелся со Ставровским, сказал что в нем дух антихриста и потребовал, чтобы он

извинился. В это время «выплыла» жена Бердяева и поцеловала Ставр. сказала, что она прощает его ибо они «братья во Христе». Получилась отвратительная претенциозность и фальш. Спустя некоторое время, Бердяев основал кружок для встречи представителей разных конфессий, под названием «Патмос» (!) остров любви. Он пригласил и меня. Я ему написал, что считаю важным подобные встречи, но после Ставр. — нахожу, что квартира Берд. — место не подходящее, ибо нужно подходить к подобным проблемам — строго и не эмоционально. После этого — он написал мне длиннейшее письмо, обозвал «вредным человеком» и обрушился на евразийство. Я ему ответил также длинной отповедью и обличением.

Тем не менее новый кружок существует и Бердяев теперь взял совсем воинственный тон, хотя мое письмо как будто на него произвело некоторое впечатление.

Все недостатки Карсавина — я очень хорошо знаю. Но знаю и то, что в будущем придется еще страшно бороться с латинством. И в этом отношении — он ни с кем не сравним. Мне кажется, что ради этой цели — можно многое «попустить». Я Арапова — очень полюбил; но ведь он для боевой борьбы — не годится. Во всяком случае — так сложилось, что в противовес Булгакову, Берд. и К? молодежь группируется около евразийства и Карсавина. Думаю, что сербский кружок, относясь отрицательно к Карсавину, судит по-старому. По крайней мере Ставровский, кот. в деятельной переписке с сербскими кружками — большой почитатель Карсав. И я молодежь понимаю, ибо лучшего знатока св. отеческой литературы — я не встречал. Вы правы что моя тема для него не подходящая. Уже если звать — то нужно ему дать тему либо противокатол., либо «богословие и философия» — он недавно об этом читал — было очень хорошо. Я очень боюсь, что П. Н. — преувеличивает мое чутье. Здесь дело не в чутье, а в некоторых фактах: противокатол. деятельность сосредоточена только около нас и Карсав. Кар. — человек безвольный и видимо требует кроткого окружения и от него выигрывает. Ну об этом еще поговорим при свидании. Арапов — в Варшаве. Туда приехал предст. А. А. Судя по письмам, дела продвигаются. В Париже также основана евраз. группа. Некролог Новгород. — конечно желателен. Уместите ли Вы в Вашу статью «о социальн. значении обряда» — и проблему староверства. Это по-моему «очень важный вопрос». На днях имел интересный разговор со старообрядцами, служащими в берлинском торговом представительстве у большевиков.

Ваши мысли о соборном участии всех молящихся в службе по-моему не еретичны, но в них есть опасность 1) опрощения (ведь передача функций — петь хору — произошла тогда, когда народилось искусство пения) и 2) механизация внутри — церковного распорядка. Не получатся

ли латинско-протест. скамейки, вставать и садиться, но только иного образца? Спайка должна быть прежде всего внутренняя. Ведь у старообрядцев — ритуал строго дифференцирован, а между тем чувствуется какая-то смутность. Прежде всего надо обрести наново стиль в самом широком смысле слова. Но по моему действие образа — должно иметь организующее значение именно в быту, вне храма.

Целую руку княгине и поздравьте ее от нас обоих.

Обнимаю Вас

Ваш Сувчинский

Сувчинский П. П. Письмо Трубецкому Н. С., март 1924 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 485—486. — [Т.] V.

(март 1924)

Дорогой Николай Сергеевич.

Получил от г. Бердяева приглашение участвовать в его новом журнале. Участвует вся софийская

клика57 и «все вообще». Приглашение язвительное; ев-ство называется «ядовитой сектой». Как быть? Совсем не хочется ссориться с Берд., но не следует ли все таки воздержаться от вступления, дабы не попасть в общий ковчег? Ответьте поскорее. Когда думаете закончить Чингис-хана58 и брошюру? — Я не тороплю Вас, но хочу сообразоваться со сроками.

Обнимаю Вас крепко, целую руку Княгине.

Ваш П. Сувчинский.

Сувчинский П. П. Письмо Трубецкому Н. С., 20 февраля — 24—4 апреля 1924 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 482—485. — [Т.] V.

20/II—24—4/IV—24

Дорогой Николай Сергеевич,

Вы обещали дать отзыв относительно плана следующего «Временника», но, видимо, забыли. Между тем следует заблаговременно обдумать его содержание, т. к. судя по всему, интерес к евразийству после выхода «Временника» сильно возрос. Было бы досадно, если следующий № окажется слабым. Знаете ли Вы о выступлении Варшавской евразийской группы и отзыв в газете «За свободу»? Это выступление было нами организовано отсюда, и кажется имело большой успех. На днях получены интересные письма из России, рисующие евразийское движение. На днях П. С. выезжает в Данциг и Варшаву для свидания кое с кем. Я собираюсь, если будут деньги — в Париж. Летом нам непременно нужно всем свидеться.

Был здесь проездом Арсеньев, который разминулся со своей визой и потому не попал к Вам. Я всячески напирал на него в том смысле, что он разъезжая по Сербии — говорил бы о евразийстве. Обещал, но ведь от него много не дождешься. Пока что, к братству относится отрицательно, хотя как всегда с церемониальными оговорками. Шахматов43 также вышел из братства — это Вы, вероятно, уже знаете от Сав.

Как Вы отнесетесь к идее пригласить в след. Временник, в качестве спеца-историка Карсавина44? За эту зиму он сильно подтянулся. По отношении к катол. и ордену — он единственный из здешних — относится крайне отрицательно. К евразийству относится

единственный из здешних — относится крайне отрицательно. К евразийству относится сочувственно. Много говорил с ним и думаю, что предложение принял бы охотно. Я очень хорошо знаю все его слабые стороны. Знаю что это вызовет большое раздражение И. А. Ильина, но в то же время считаю, что следует иметь во всех областях первоклассных спецов, следует расширять круг авторов. Участие Карсавина обратило бы внимание на евразийство совсем иных кругов. Тему нужно ему дать чисто специальную. Вернадский относится к нему как историку с большим уважением. Мы с ним об этом говорили. Кроме того — советует как-то «полеветь». Правые во всех выступлениях положительно шельмуют нас своими похвалами. С Карсавиным — я пока ничего не говорил и если мое предложение окажется не подходящим, то это ничего не повлечет за собой, но у меня есть какое-то чутье, что из приглашения Карсавина — может выйти некоторая польза евразийству. Молодежь и наши молодые ев-цы с большим сочувствием о нем отзываются.

По-моему, Вы должны развивать Ваши идеи о социальной стороне обрядности и старо (нрзб.). Эта тема — замечательная. Но кроме того — напишите что-нибудь и историософийское. В следующем № мне кажется нужно ставить себе 2 задания: усилить историоф. и отделиться от консервативной реставрации.

Марков опять — приставал ко мне в церкви и просил свидания. Я опять его тут же обложил и он все смиренно выслушивает. Возле Н. Н. — идут кажется страшные интриги. Бог даст через ? и это развалится. Сав. получил от Товстолеса45 восторженное письмо о «Временнике» и обещание

работать и помнить. Ливен по его словам в самодовольном и патологическом послушании у от. Серафима, причем, видимо, смакует всю глупость последнего. К евразийству относится отрицательно, ссылаясь на Флоровского. Между прочим на днях Бердяев получил от Флоровского — неожиданное письмо в котором Г. В. «после первого собрания братства Софии» — вдруг ополчился против него и почувствовал всю «ложь» этого объединения. Но после этого — судя по письму Сав. — он уже двадцать раз переменил свои суждения.

Вчера имел длинный разговор с Евлогием. Я начал с того, что спросил его мнение о «Временнике». Он отозвался восторженно. Потом, я ему сказал, что мы считаем своим долгом довести до его сведения, что наша группа, а за ней и многие другие — по отношению к некоторым вопросам, волнующим русских православных людей — имеет существенно иное отношение, чем некоторые богословские круги. Мы считаем, что не нужно смешивать вульгарную политику с церковью, как это делают «правые», что следует начисто отделить ту сферу политики и общественности, в которой следует широко идти навстречу фактам революции, где даже допустимы компромисы — от сферы религиозно-исторических ценностей России — где никакие попустительства не допустимы. Потом зашла речь об «Ордене». Он попросил прочитать Ваше письмо. Я взяв слово — что читаю только ему лично, для уяснения всех деталей — исполнил его просьбу. Оно ему страшно понравилось. Он сказал, что и не подозревал, что наши разногласия так существенны. Сказал, что понимает и сочувствует нам, что мы «подлинного православия», тогда как «профессора» только еще «стучатся» в Церковь и что ему и это дорого. Так умилительно, когда профессор (напр. Бердяев!) говорит что он верует!! Как видите — мягкость Евлогия всему виной. Думаю однако, что мое заявление на него произвело некоторое впечатление. Он жаловался на Карташова, сожалея, что он погряз в политике. Видимо, Евлогий, — не очень сочувствует Н. Н. Не так давно меня почему-то выбрали членом приходского совета. В нем сидят либо идиоты, либо черносотенцы. Думаю, что рано или поздно придется уйти, т. к. положительно оппозиций составить нельзя. В Берне появился странный тип — некто Троицкий. Он спекулянт. Ему все эмигранты должны свои деньги, а он (нрзб.) их и выплачивает в валюте огромные ежемесячные %. Можно просто сказать, что вся берлинская и парижская эмиграция у него в руках. При этом все ему верят на слово. Это какой-то психоз. Вот этот тип и завладел Церковью. Взял на свой счет содержание всего (нрзб.). Затратил на Церковь колоссальные деньги и теперь у него все в руках. Кроме того они всюду. — Все (божеские) предприятия и союзы — захвачены им и его благотворительностью. Говорят, что в одном Берлине он раздает 20.000 дол.! Что-то странное и подозрительное. Конечно он делает массу добра, но вся атмосфера возле него и весь (нрзб.) — невыносим. Он избран церковным

массу добра, но вся атмосфера возле него и весь (нрзб.) — невыносим. Он избран церковным старостой. В Церкви возле него целая опричина. Какие то молодцы — наводят порядок, всех расталкивают, выдают билеты. Народ, запуганный его благотворительностью покорно раступается и молчит. Стиль всего этого — губернаторской родовой церкви в захолустной губернии. О Тихон — конечно весь на его стороне. Троицкий без ведома всех заказывает роспись храма и иконы, ужасающего вкуса и вообще всем командует. Пишу Вам об этом, т. к. это является сейчас притчей на всех устах и очень тягостно некоторыми переживается. Евлогий также отвиливает и политиканит. «Правые» считают, что Троицкий провокатор, подослан большевиками для разорения эмиграции. Со всех сторон все это странно.

Сегодня получил Ваше письмо.

По-моему Бул. все таки следует ответить на один пункт его письма. Орден был утвержден Патриархом в 1918 г. С тех пор прошло в страшных (нрзб.) гонениях на Церковь. Можно ли после всего что было — с такой безответственностью действовать!

Ведь еще в 1918 г. — Карташов собирался устраивать «вечера любви» на частных квартирах и с преломлением хлеба (!!!). Надеюсь, что теперь он такой сектанщины и безвкусицы не проповедует... Все письма — конечно, отписка. Что касается след. «Временника» — то его «ударность» д. б. сосредоточена в трех статьях: во вступлении, в статьях Сав., Вашей и моей. Мы имели в виду, что Вы в последнюю минуту, как и в прошлом году, после нашего съезда напишите короткую статью в (нрзб.) Не могли бы Вы Ваши исторические мысли о лесе, степи и тотаризации как нибудь включить в Вашу этнографическую статью. Таким образом — научная ответственность переносится в Вашу специальность, а мысли по истории остаются как бы побочной темой и иллюстрацией.

Мы с Савицким — очень на них настаиваем. Они замечательны. Садовский46, насколько я знаю, имел в виду дать глубокий анализ и критику фашизма; Его ценность, но и непригодность для России. В смысле огосударствовления новых народных слоев и создания нового правящего класса — я думаю фашизм явление большое; но оно окрашено в тона шовинизма и мелкобуржуазного шовинизма. Богословская ст. очень нужна. Но кто ее напишет.

Арсеньев собирается дать статью о русских мучениках. Ему поручать специфически богослов. ст. — опасно.

Я не боюсь, что бы мы «секуляризиров (нрзб.)».

Ведь религиозная сущность — будет дана во всех статьях. В сущности в 3-м «Временнике» чисто богословской ст. ведь не было, но он тем не менее религиозно очень выразителен. М. б. — (нрзб.) заказать противокатолическую ст. Карсавину? — Он на днях по этому поводу очень ярко говорил. Или же дать ему тему «о двух традициях русского богословия» — т. е. о традиции Хомякова, Спасского, Болотова и др. и — Соловьева, Бердяева и К??

Конечно строгого разделения на 2 части — мы не имеем в виду. Мы думали только что не следует ослаблять историсофийскую нашу базу и потому хотели вынести вперед. Но это еще можно обговорить.

В. Н. Ильин — написал очень хороший обзор гонения на православие в Петров. и екатер. эпоху*. Бицилли еще ничего не ответил и думаю что из его участия ничего не выйдет. Вот на случай его отказа мы и думали приберечь Карсавина.

500 л. — для «сократителя» перешлю Вам через 10 дней. Наше безденежье ужасающе. Меллер по видимому увиливает. Все статьи для амер. сб. — посланы какой-то американке для ознакомления через Арапова. Ответа еще нет. Г. Н. Родзянко обещала достать деньги для «Временника»*. По-моему, хорошо, что будет (нрзб.) стиль. Ведь мы в сущности пока имеем возможность выходить 1 раз в год. Кроме того есть надежда на г-жу Исакову, и др. Арапов из

Варшавы проедет прямо в Лондон для раздобывания средств. Не можете ли и Вы что-нибудь сделать в этом отношении. Вот бы соорудить поездку в Америку, примеру бар. Врангеля. В смысле практической работы — мы за эту зиму сделали очень много. Страшно досадно, что нельзя обо всем писать. Как я убедился на практике — обращать в евразийство людей очень легко, но это до поры до времени ни к чему, ибо все «обращенные» садятся на шею, требуют «заданий» и проч. Вообще следует летом нам как-то сформироваться. Если Ваши студенты жаждут действий — то свяжите их с Араповым (по моему адресу). Он умеет писать письма и давать «задания». Очень надеюсь повидаться в Париже (если попаду) с Мирским. Звать ли в «Временник» Карташова? По-моему вся эта клика Бунин — Мережк. — Н. Н. — ужасна!

Только что говорил со Степуном51. Из него «нео-с-ры» — делают своего идеолога. Кажется молодые е-с-ры (в том числе Бунаков, Руднев, Кускова и др.) хотят основать новую партию «национал-демократия», отделившись от Чернова54, Керенского, (нрзб.) и т. п. Называют себя новыми нео-славянофилами или даже «евразийцами». Я все-таки показал Степуну все наше отличие от них и сказал, что де до тех пор, пока с-ры не признают религиозных ценностей русского народа — с ним говорить нечего.

Но говоря между нами, конечно, как-то с «народниками» говорить нужно. Нужно создавать идею народной монархии, идею новой династии и все монархические эмоции нынешней России — пустить по новому руслу, отведя их от реставрационных мракобесов.

Что Вы об этом думаете и как говорить с этими господами? Их всех страшно интригует и сбивает наше отрицательное отношение к Н. Н.

Вообще очень досадно, что Вы и П. Н. — живете как то в стороне от всех событий и мне одному приходится нести евразийское «представительство».

Бедный И. А. Ильин — по-моему, совсем растерялся между Н. Н. и Врангелем и потому стал еще более нетерпимым и всененавидящим. Боюсь, что реальное будущее России — его совсем не примет и он останется в одинокой позе обличителя. Жаль его! О. Тихон хочет его «обращать в веру», но кажется мало толку.

Простите за сумбурное письмо. Так много хочется сказать, а писать я не умею. Надеюсь, Вы будете дополнять это письмо собственными домыслами.

Обнимаю Вас крепко. Целую руку Княгине.

Ваш. П. Сувчинский

Сувчинский П. П. Письмо Трубецкому Н. С., 12 декабря 1923 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 481—482. — [Т.] V.

12/12—1923

Дорогой Николай Сергеевич.

Вчера был у меня Зеньковский, который читает здесь в «ИМКЕ» ряд лекций. Повидимому, он имел поручение от Булгакова разузнать все обстоятельства нашего расхождения с Г. В., и о наших планах, касательно издания «Устоев». По некоторым вопросам я бы хотел получить от Вас самый скорый ответ. Дело в том, что тот орден — братство имени Софии «Премудрости», о котором я Вам писал — теперь осуществляется. Во главе стоит Булгаков в качестве непоколебимого авторитета. Пока что в орден вошли: Новгородцев, Зеньковский, Карташов, Бердяев, Франк, Флоровский; мб. еще кто-нибудь. Зеньковский, якобы от имени Булгакова предложил вступить и мне. Я возражал, что считаю эту организацию именно орденом, а не братством (самоцельный отбор!). Кроме того, мне представляется что тут есть элемент

братством (самоначальный отбор!). Кроме того, мне представляется что тут есть элемент хищения и присвоения себе священных прерогативов церковно-иерархического распорядка. Ведь побудителем для организации этого «ордена» — является сознание всех входящих в него, что русская иерархия разлагается, что нужно создавать «новый оплот дисциплины и авторитета». Кроме того, внутри-орденский распорядок — мне представляется глубоко неправильным (дисциплина, «примат Булгакова» и т. п.).

Словом, что-то декадентски-католичное. Недаром митр. Евлогий все задерживает утверждение ордена. Я спросил, почему они не зовут Вас? На это Зеньковский сказал, что это вероятно не вызовет больших затруднений; но что Савицкий — решительно не приемлем «до тех пор, пока он печатно не покается за свое вступление к «Рос. и Лат.», где он поставил рядом Римск. Церковь и большевизм». Как видите больше заботятся о католиках, чем о русских православных. Да и что это за «проучка»! Словом, метод действия — если хотите («живоцерковный»). Вместо того, чтобы организовать действительные братства, без отбора посвященных, и этим помочь православной иерархии — создается некий «дейком», не то иезуитского, не то масонского пошиба. Удивляюсь Карташеву!

Все это я пишу, Ник. Серг., только Вам; если найдете нужным — перешлите это письмо Савицкому, очень Вас прошу — его содержание сохранить между нами троими. Я не знаю, чем руководствуется группа Бердяева, отзывая меня: хотят-ли они еще нанести удары евразийскому единению, собираются ли декретировать в будущем в порядке армейской дисциплины — чтобы

мы вели себя менее независимо — судить трудно. Во всяком случае — я хочу знать по этому поводу Ваше подробное мнение. Единственно, м. б. стоит войти — ради «информации», но все-таки по-моему — это прямой (нрзб.) против и без того больного авторитета нашей иерархии. Интересно, что в орден собираются звать ст. Вениамина, но кажется также «под Булгакова» (?).

Теперь насчет «Устоев». Для меня ясно, между нами, что Г. В. возвращается к нам и добивается редакторства, для того чтобы «играть — рост». Но по-моему, раз «церковные спецы» нас бойкотируют, то мы первоклассного материала пока-что не получим.

Я себе представлял, что можно было-бы сговориться с группой Булгакова, чтобы они давали исторический материал, не касаясь «церковной политики». Но раз фирма «евраз. к-ва» для них одиозна и они не пойдут, то зачем же нам дробить материал между 2-мя изданиями и издавать статьи типа Арсеньева*. Г. В. мог бы свои статьи печатать у нас во «Временнике». Короче говоря я не вижу надобности идти на предложение Г. В. и создавать церковный журнал. Если удастся собрать интересные статьи — выпустим сборник; кроме того, нужно разобраться Г. В., если его будет «началить» Булгаков. Это будут вечные споры и несхождения. Вот, дорогой Ник. Серг., мои соображения. Не откажите поскорее ответить, как Вы на это смотрите.

Крепко обнимаю. Ваш П. Сувчинский

Сувчинский П. П. Письмо Трубецкому Н. С., 27 февраля 1923 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 479—481. — [Т.] V.

27/II—23

Дорогой Николай Сергеевич.

На днях получил от Флоровского длинное письмо, обличающее «евразийство». По его мнению понятия «евразийства» являются уже отжившим придатком и от него нужно отказаться, во имя открытой проповеди Православия и Церкви. По всей вероятности у них с Савицким какие-то нелады. Мне кажется, следует устроить интервенцию, чтобы Г. В. при своей горячности не сделал что-нибудь лишнего. Вопрос касается издания следующего сборника: Флоровский предлагает перейти на издание журнала (3 раза в год) под редакцией нас 4-х и под названием

«Вечные устои». Этот журнал должен иметь библиографию (нрзб.) и должен утверждать твердое (нрзб.), церковное православие — прежде всего.

Мне кажется, что Г. В. ломится в открытую дверь. Ведь для всех нас — Церковь и Православие являются главными устоями миросозерцания. Я лично не вижу в какой области «евразийство» мешает утверждению Церкви; наоборот казалось бы, но я разсуждаю так: если термин «евразийский» может отпугнуть от нас хоть одного верующего и полезного человека, то грешно на нем настаивать, тем более, что мы можем еще (нрзб.) внутренне объединиться около всей совокупности «евразийских» проблем.

Я лично считаю, что издавать сборники нужно. И признаться, не вижу большой разницы между сборником и журналом. Савицкий предлагает считать журнал «частным делом Флоровского» которому нужно помогать, оставляя однако в центре нашей деятельности — печатание сборника. Но ведь, прежде всего, это невыполнимо практически: где мы достанем деньги на поддержание «всех толков» евразийства. В результате: все мы распалимся и не будет ни того, ни другого! Я все-таки усиленно предлагаю сосредоточить силы возле III сборника, (или 1-го № журнала — все равно) и прежде всего осуществить его. Флоровский весьма увлечен сборником Арсе(ньева)-М. Зак35, но судя по плану, который Вам вероятно уже известен, он вполне может совмещаться с дальнейшими сборниками ибо 1 т. заключает всего лишь исторический материал.

1) Первохристианство 2) Радость Воскресения 3) ап. Павел и христианство у язычн. 3)

Апологеты и споры (нрзб.) 4) Внутр. строй христ. обществ. и т. п.

Кроме того, Флоровский выработал и просил меня сообщить Вам содержание 1-го № нового журнала.

1) Предисловие 2) Задания Правосл. Творчества (Флор.). 3) О религиозной культуре Византии, ее правда и ложь (Вернад.)36. 4) О катол. теократ. средневековья и «контр-революция» (Бицили)37. 5) О вырождении идеи реал. культуры в новоевроп. протест. (?). 6) Метафизические предпосылки обществ. утопизма (Флор.). 7) Хозяйство (нрзб.) (Сав.) 8) О религиозн. искусства. 8) и 9) Проблема культуры и власти в России (Вы).

Журнал должен иметь подзаголовок: «Периодические сборники, посвященные задачам правосл. творчества». Боюсь, что подобный подбор темы окажется мало «злободневным», хотя против некоторых из них возразить трудно.

Словом нужно решить 2 вопроса:

1) окончательно избрать образ действий, в смысле дальнейшего печатания

2) выбрать предложения либо Савицкого, либо Флоров., либо составить новый план статей.

Нельзя очень медлить, т. к. Меллер повидимому хочет (нрзб.), кроме того, нужно же знать за что приниматься!

Подумайте, дорогой Ник. Серг., и напишите что думаете. Меня крайне огорчают эти препирательства и распри. Не хорошо, если мы не сумеем сохранить наше единение!

Против чего я решительно возстаю — это против «блока» со Струве и т. п.

Что касается темы, которую считает «за Вами» Флоровский, то я нахожу ее весьма нужной (я ему об этом писал) и думаю, что Вы должны ее действительно взять на себя, но взять широко — исторически, философски, религиозно и политически.

Конечно, не трудно отказаться от одного слова на обложке, но нужно твердо убедиться, что это не повлечет за собой новые требования и расколы. Не совсем понятна мне дружба Флоровского с

не повлечет за собой новые требования и расколы. Не совсем понятна мне дружба Флоровского с А (нрзб.). Повторяю, мне кажется главным сохранить наш союз, который чту...

Сердечный привет княгине. Сувчинский

Сувчинский П. П. Письмо Трубецкому Н. С., 25 ноября 1922 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 478—479. — [Т.] V.

25/XI—22 г.

Дорогой Николай Сергеевич.

Как хорошо, что Вы сразу ответили, а то обыкновенно моя переписка с Прагой тянется бесконечное время и письма редко отвечают на поставленные вопросы. Итак, я заявил Арапову, что мы с благодарностью воспользуемся деньгами г-жи Исаковой. Он еще раз настоятельно просил и от себя и от имени г. Исаковой никому об этом не говорить. Это большое счастье, т. к. «Католич. сборники» пристроить у нейтральных издателей было немыслимо. Очень ли Вы настаиваете на названии «Третье искушение»? 3-й евразийский сборник, или: статьи таких-то. Я стал очень бояться всего изысканного и патетического (Д. б. потому что сам этим недостатком страдаю!). Переписку статей взяли на себя тоже знакомые Арапова, очень милые и славные люди. Пример Арапова показателен: есть возможность возбудить людей на хорошую работу для России. И как мало этим занимаются русские профессора и газеты!

Приезд высланных я переживаю как величайшее бедствие. Когда приехала первая группа (Франк, Бердяев, Ильин) — в этом был какой-то индивидуальный отбор людей. Теперь же попросту, как кусок дерна со одного кладбища на другое, как кусок мертвой кожи, пересадили окончательно отживший культурный пласт из России в Берлин для чего? — Конечно для того, чтобы возглавить эмиграцию, говорить от ее имени и тем самым не позволить народиться ничему новому, живому и следовательно опасному для большевиков.

Ведь если Ленин, говоря и действуя от имени России, по существу ничего общего с ней не имеет, то ведь и та интеллигенция, которая конечно с расчетом выслана большевиками, никого больше не представляет и будет только компрометировать эмигрантские новые поколения.

Если бы видели, какую пошлость развели г-да Гессен и проч. мерзавцы! Побежали на вокзал, сразу кого-то «кооптировали» в свои дохлые группы и партии, словом обрадовались страшно. А какая польза?

Что делается в Праге? Есть ли связь студенчества с профессурой? В том-то и горе что вся Русская профессура старшего современного поколения не столько явление академически-научное, сколько специфически культурная порода людей, оторванная от существа России и характерная лишь для определенного исторического периода. Положительно, дьявольски умны большевики! Будет на что кивать в России! — Вы нас не хотели, а кроме нас есть только «Русь», «Дни», Кускова31, «Накануне» и право, мы большевики лучше!

Если бы Вы знали какая у меня злоба против Гессена и т. п. Обратите внимание на статьи этих господ о Турции и Фашизме хотя бы! Разве это не сознательно злое дело? А русские болваны, ненавидящие и боящиеся большевиков, в каком-то тупом маразме читают газетную пошлятину и довольствуются лакейскими уличениями в отделе «Печать». И никто копейки не дает на организацию настоящего журнала или газеты! А тут еще «Русская Религиозно-Философская академия» (Вы чувствуете претензию в самом названии, взяты максимальные выражения) при америк. союзе молодых людей в Берлине!!! Я очень сочувствую этому начинанию и только испытываю боль, в каком пошлом (тут рок какой-то!) аспекте оно предстанет и, конечно, только дискредитирует себя и свои намерения. Франк весьма сочувственно относится к евразийству. По мнению Ильина мы все, рано или поздно, должны будем разойтись. Г. Н. между нами очень мало

общего.

Очень странный человек Ильин: с огромной волей, которая оказывается лишь ударом в самого себя. Общие положения его миросозерцания очень строги, как будто импонируют своей четкостью и неумолимостью, а прикладные миросозерцания его, результаты этих основ — крайне бедны, неожиданны и на мой взгляд несвоевременны.

Отвел душу только со Стравинским, который был здесь недели 2. Но это только в Профессиональной сфере музыки. Вообще-то в Берлине ужасно.

Приехал Евлогий, так что я спрошу у него относительно Епископа!

Я писал о Соловьеве, что так как Вы пишете получается впечатление, не интуитивно-художественной попытки его вообразить себе Соед(инение) Церквей; а конкретно — возможный случай его осуществления. Так сказать, не фантазии, а схема возможности, а принять художеств. фантазию за мыслимую форму исполнения — трудно. Тут только нужно изменить фразу...

Напишите заранее, когда приедете и сколько приблизительно хотите тратить в день. Кроме того, в каком районе подыскать комнату. Мы живем за городом.

Очень рад что Вы наконец устроились. Наши дела, наоборот, идут все хуже и хуже. Вернее —

хуже нельзя, но я все-таки буду держаться до последней крайности...

Присылайте скорее исправленный лист Искренне преданный княгине.

Хорошо, если бы и она приехала.

Сувчинский П. П. Письмо Трубецкому Н. С., 14 ноября 1922 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 477—478. — [Т.] V. 14/XI—1922

Дорогой Николай Сергеевич.

Получив не так давно письмо от Савицкого, что почти все статьи для католического сборника готовы, я начал снова поиски денег. Между прочим, как-то сказал об этом Арапову, с которым я часто вижусь и сошелся близко. Он на один день поехал в Баден и неожиданно привез с собой 700.000 м. в распоряжение «евразийства».

Взял он эти деньги, по его словам в полное распоряжение у сестры Меллера-Исаковой21. Я его горячо поблагодарил, посоветовал купить валюту и дать эти деньги на сохранение верному человеку, т. к. после будут огромные пошлины, пока мы не придем к одному решению — можно ли этими деньгами воспользоваться. Знаете ли Вы Исакову, что Вы об этом думаете? Арапов просил никому об этом не говорить. Я все-таки буду продолжать переговоры с И-вом и м. б. только в крайнем случае прибегнуть к деньгам Арапова. Впрочем, все это так неожиданно и не правильно, что я отказываюсь что-либо говорить. Я только поставил условия что если бы мы все-таки воспользовались этими деньгами, все заказы, и отчетности вести будет сам, Арапов.

Напишите ему два слова — он будет рад (по моему адресу, т. к. Арапов все время ездит между Берлином и Кен(игсбергом)). Он поступает в Университет к Арсеньеву22.

«Медный всадник» мне не очень нравится, но, конечно, можно обратиться и туда, неизвестно что это и-во представляет впоследствии...

Что-то мы не сходимся! Считает меня «левым», почему — не знаю! как я поясняю, что задача евразийства в том, чтобы — не мешать формировать правой идеологии (исключая конечно

Марковых и К?) и лишь в последний момент взять тактический поворот, м. б. вправо! Во всяком случае нужно сейчас обличать правые лозунги; ведь они ужасно отстали и также в вопросах общей культуры. А заострять политические лозунги, значит отрывать их от общего организма культуры... Трудно сговориться с Ильиным и по вопросам искусства. Как Вы к нему относитесь? На днях открывается рел. фил. академия во главе с Бердяевым и Франком.

От берлинского прихода, захватным путем, командирован на собор — Ширинский. О. Тихон держит себя странно. Опять в сторону крайне правых. За последнее время у меня сделалось обострение ненависти к большевикам и к эмиграции. Одни — у предела сатанинства, а другие отвечают на это пошлостью: «Руль» Гессена, и т. п. Хоть бы основать один настоящий журнал! В № 13 газ. «День» есть статья А. Белого об «евразийстве».

Что-то странное начинают говорить об ген. Гурко. — Получили ли Вы конец перевода «Европы и Человечества»?

Я послал свою статью Савицкому, переслал-ли он ее Вам? Здесь был Стравинский30, с которым мы очень сошлись.

Как поминать Ливена, за здравие или за упокой?

Сувчинский

Сувчинский П. П. Письмо Трубецкому Н. С., 20 сентября 1922 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 476—477. — [Т.] V.

20/9 1922 г.

Дорогой Николай Сергеевич,

Вчера был у меня молодой человек, Арапов11, который рассказал о его переписке с Вами и предлагал получить деньги на издания дальнейших евразийских сборников от (нрзб.). Я ему дал решительную отповедь в этом отношении, после чего он показал мне Ваш ответ ему, который положительно дословно повторял мои слова. Мне это было очень радостно, т. к. вопрос об политической формулировке евразийства очень опасный.

Арапов производит славное впечатление и кажется сам понял ошибку тех, которые его втянули в круг крайне правых. Я не сомневаюсь, что все, что происходит около Высш. Церк. Управл.12, так же как и с Кир. Влад.13 и Ник. Ник.14 — большевистская провокация. Впрочем сами правые в (нрзб.) заявили, что они признают только 3 представителя твердой власти Иоанна Грозного, Петра Вел. и Троцкого!

Конечно, никаких уточнений в политическ(ом) отношении делать не нужно, но раз заходит об этом речь, то я хочу поделиться (с) Вами об этом. Кроме политической слабости и обще-культурного притупления — в стремлении реабилитировать царствование Николая II, равно как и в том, чтобы считать Государя живым — есть что-то греховное и кощунственное. Для того, кто верует в освященность русского монарха — в тот факт, что казнь России пришла в конце концов через высшего представителя власти, помазанного Церковью — есть значение глубоко религиозное. Конечно, виноваты все, и не из желания свалить на Государя всю вину — говорю я это; но ведь нельзя же закрывать глаза на то, что катастрофа (нрзб.) пришла через его руки. И не признавать этого — значит не узнавать, намеренно, реальные факты истории, за которыми для верующего стоит высший промысел. Тем более — Русская революция получает религиозный смысл, которого не понять — грешно, точно так же как грешно и кощунственно вводить в искушение Церковь всякими молебнами за Имп. Семью (которых в Берлине сколько угодно!). Пусть даже, хоть это немыслимо, Государь жив, но заранее основываться на чуде, иметь его у себя в кармане — это дурное и злое заклинание его. Пишу Вам об этом т. к. Берлин опять полон

этой дурной воспаленностью и она совращает многих.

Денег на издание наших сборников и вообще любой «евразийской» книги — достать теперь после блестящего распространения 2-го Сборника, можно сколько угодно. Есть несколько предложений на издание III сб. и Сборника Като(лич).15 Среди них и Берлинский отдел у. m. c. a.16 Как Вы к этому относитесь?

Я нарочно замял ответ, т. к. это предложение donne a penser*. Денег они обещают много и уже снеслись с Америкой. Я пока ответа не даю и от встреч уклоняюсь, но рано или поздно придется ответить. Поэтому напишите Ваше мнение.

Знаете ли Вы кн. Святополк Мирского (Дмитр. Петровича).17 Он, кажется, знает Веру Петровну. Он целиком принял евразийскую идеологию и хотел бы принять участие в 3 сборнике. В настоящее время он читает курс Русск. лит. в Лондонском Университете. Он живет уже две недели рядом с нами в том же пансионате и я с ним хорошо познакомился. Он мне нравится, верно чувствует современность и литературу. Хотел бы написать о совр. русской и европейской литературе.

Познакомился также с индусом Shahid Suhrawardy (Вы его кажется знаете). Прекрасно говорит по-русски, очень интересный, но пока близко его не узнал еще.

Ливена я просто начал презирать. Не отвечает на письма, вопросы!

В каком положении материалы для Катол. сборника? Если сборник будет издаваться в Берлине, то пора наметить его размеры и планы т. к. без этого я не могу начать переговоры с И-вами. Предлагал также о. Тихон19 через него достать для этой цели денег.

Посылал-ли Вам Савицкий 2-ой сборник и как Вы его нашли?

Не собираетесь ли быть в Берлине?

Крепко жму руку. Ваш П. Сувчинский.

Мне кажется, наряду с катол. сб. необходимо обдумывать план 3-го сб. и выпустить их почти одновременно.

Знаете новость, что Карташов20 — женился, и на своей секретарше!!!

Кривошеева Е. [Вступительная статья: К истории евразийства, 1922—1924 гг.] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 475. — [Т.] V.

Евразийство — оригинальное геополитическое течение, возникшее в 1921 г. в среде русской эмиграции, являло собой новое и вместе с тем достаточно традиционное для России течение мысли, объединявшее философию, историю, географию, экономику, психологию и другие отрасли знания. Евразийцы характеризовали себя следующим образом: «Евразийство есть пореволюционное политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира». (Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1931. С. 7.).

В 1936—1937 гг. Петр Николаевич Савицкий, один из лидеров евразийства, обобщил имевшийся у него материал в единый евразийский архив. В настоящее время эти материалы хранятся в ГАРФ.

Данная публикация включает в себя документы, относящиеся к раннему периоду евразийства, и

состоит из двух разделов. В первом публикуются письма П. П. Сувчинского к Н. С. Трубецкому и письмо П. П. Сувчинского к Н. А. Бердяеву, являющееся приложением к письму № 9. Письма публикуются по автографам, хранящимся: ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 12, 16, 17, 19, 19 об., 21, 22, 36, 37, 60, 60 об., 74—80 об., 81, 81 об., 82, 93, 93 об., 94, 105.

Во втором разделе публикуются некоторые программные документы евразийцев. Они хранятся в ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 445. Л. 2—11; Ед. хр. 444. Л. 18.

Все документы имеют пометы Савицкого — краткие или развернутые характеристики тех или иных лиц и событий. При публикации эти пометы воспроизводятся в постраничных сносках и в примечаниях в конце публикации, где они выделены курсивом.

Кривошеева Е. Примечания: К истории евразийства, 1922—1924 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 497—503. — [Т.] V. 1 Сувчинский Петр Петрович (1892—1985) — публицист, философ, музыковед. Сын председателя правления русского товарищества «Нефть». Еще в России в 1917 г. основал журнал «Мелос», был одним из организаторов кружка теоретиков музыки, в котором участвовали Б. В. Асафьев, В. В. Гиппиус и другие. С ним были дружны С. С. Прокофьев и И. Ф. Стравинский.

В 1920—1921 гг. в Софии был одним из пятерых, достаточно молодых людей (Н. С. Трубецкой, А. А. Ливен, Г. В. Флоровский, П. Н. Савицкий), провозгласивших «евразийство» — «новое направление русской философской и общественно-политической мысли». В эмигрантской среде Сувчинского оценивали по-разному. Так, Н. Н. Берберова в книге «Люди и ложи. Русские массоны XX столетия» писала: «Сувчинский произвел на меня впечатление избалованного кота-сутенера... Он — типичный эстет — лодырь, самовлюбленный до конца. Евразийство для него средство, которое дает ему возможность хорошо жить, ездить, отдыхать на берегу океана, проводить время в праздном безделии...» (Вопросы литературы, 1990. № 5. С. 177).

А. М. Ремизов совсем по-другому воспринимал личность Сувчинского: «С первого глаза в Берлине мне понравился П. П. (Сувчинский)... В нем было что-то от русской истории, когда он появлялся, переполненный евразийством: его мысль зажигалась и сверкала. Такие были в 20-х годах шеллингианцы, а потом гегельянцы, я не сказал бы «марксисты», которые уже очень кратки и безнадежно «реальны», а ведь пыл именно в бесконечной мысли» (Ремизов А. М. Неизданный Мерлог // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 3. М., 1991. С. 246).

2 Трубецкой Николай Сергеевич (1890—1938) — князь, филолог, лингвист, один из лидеров евразийства. В 1908—1913 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета, с 1915 г. — приват-доцент университета. Преподавал в Ростовском, а после выезда из России в Софийском университете. В 1922—1938 гг. — профессор Венского университета, с 1930 г. — член Венской Академии наук. Один из основателей Пражского лингвистического кружка. В начальный период евразийства с ним согласовывались все издательские и организационные вопросы. Сувчинский называл Трубецкого — «верховный евразиец».

3 Якобсон Сергей Осипович (?—1979) — историк, библиограф, переводчик.

4 Имеется в виду второй сборник «На путях. Утверждение евразийцев» (Берлин, изд-во «Геликон», 1922).

5 Обложку первого сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921) выполнил художник Павел Челищев. Обложка была сохранена и для второго сборника.

6 10 мая 1922 г. Сергей Есенин и Айседора Дункан вылетели из Москвы в Кенигсберг самолетом, совершавшим первый международный рейс. В тот же день они выехали поездом из Кенигсберга в Берлин. 11 мая прибыли в Берлин и остановились в отеле «Адлон». 12 мая

Кенигсберга в Берлин. 11 мая приехали в Берлин и остановились в отеле «Адлон». 12 мая состоялась их встреча с русской эмиграцией в Берлинском «Доме искусств».

7 Имеется в виду Генуэзская конференция 1922 г., на которой было фактически признано существование Советской России.

8 Флоровский Георгий Васильевич (1893—1979) — философ, богослов. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета (в Одессе). Эмигрировал из России в 1920 г. С 1926 г. — профессор кафедры патрологии Богословского Института в Париже. В 1932 г. рукоположен в священнический сан митрополитом Евлогием.

«Евразиец «первого призыва» — работал у нас (с перерывами) до второй половины 1920-х годов» (л. 3 об.).

9 Савицкий Петр Николаевич (1895—1968) — экономист, географ, один из лидеров евразийства. Преподаватель экономического факультета Политехнического института в Петрограде. С 1922 г. — доцент Русского юридического факультета при Пражском университете и преподаватель Русского народного университета в Праге. Печатался под псевдонимами «П. Востоков», «Петроник».

10 Трубецкая Вера Петровна — жена Н. С. Трубецкого.

11 Арапов Петр Семенович (1897—1937?) — двоюродный племянник П. Н. Врангеля, участник Гражданской войны, «гвардеец». В 1922 г. сопровождал из Риги в Берлин Александра Александровича Якушева (1897—1937), одного из руководителей организации «Трест». Тогда же Арапов сблизился с Сувчинским. Летом 1924 г. Арапов по каналам организации «Трест» нелегально побывал в СССР. Через Арапова к евразийцам примкнул и другой «гвардеец» П. Н. Малевский-Малевич, предложивший 10 000 фунтов стерлингов, полученных от англичанина Г. Н. Сполдинга «на русское дело». «Первое появление Петра Семеновича Арапова, игравшего огромную — сначала конструктивную, потом разлагающую — роль в Евразийстве с 1922 по 1929 год. Очень способный человек, с великолепным «жестом», тончайший сноб, пародоксальное сочетание глубокой принципиальности и циничной беспринципности (эта последняя с годами в нем возрастала). Исключительная наружность. Совершенное знание ряда языков. Покоритель женских сердец (М. Н. Родзянко, Исакова, кн. Е. Г. Голицина), всегда пренебрегавший женщинами (подобно многим гвардейцам, он их не «признает»), В Крыму и позже состоял при пол. П. Н. Врангеле. Вспоминаю, что он участвовал в расстрелах и убийствах «по приказу» — что очень потрясло его психологию» (л. 16). Погиб Арапов на Соловках.

12 Высшее Церковное Управление (Карловацкое) было образовано в 1919 г. и первоначально называлось Карловацким Зарубежным Управлением. Возглавлял его митрополит Антоний (Храповицкий). В апреле — мае 1922 г. Патриарх Тихон распорядился об упразднении ВЦУ, одновременно подтвердив назначение митрополита Евлогия главой Западно-европейского Церковного округа Русской Православной Церкви. Сначала ВЦУ подчинилось воле Патриарха, но затем было восстановлено под названием Временного Архиерейского Синода. Тогда же начались трения между митрополитом Евлогием и Синодом.

13 Вел. Кн. Кирилл Владимирович (1876—1938) — двоюродный брат Николая II. В 1922 г. объявил себя местоблюстителем российского престола.

14 Вел. Кн. Николай Николаевич (1856—1929) — двоюродный дядя Николая II. Участник русско-турецкой войны (1877—1878), с 1905 г. — главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, Верховный главнокомандующий (20 июля 1914 — 23 августа 1915 г., 2—11 марта 1917 г.). В 1923 г. после организации Российского Общевойскового Союза (РОВС) П. Н. Врангель заявил о своем полном подчинении Вел. Кн. Николаю Николаевичу.

15 Сборник «Россия и латинство» (Берлин, 1923). В нем принимали участие А. В. Карташев и П.

15 Сборник «Россия и латинство» (Берлин, 1923). В нем принимали участие А. В. Карташев и П. М. Бицилли.

16 ИМКА (Y. M. C. A. — Young Men Christian Association) — Христианский союз молодых людей. Книгоиздательство ИМКА (ИМКА — ПРЕСС), по свидетельству А. В. Карташева, «по своему началу и по корням своим есть дитя протестантского миссионерского пафоса» (Карташев А. В. 35 лет издательства «YMCA-PRESS» 1920—1990. Париж, 1990. С. 1). В основе деятельности союза помимо просветительства лежала проповедь бесцерковного евангелизма. В России деятельность союза была ограничена противодействием Православной Церкви, хотя отдельные миссионеры все же читали лекции и даже пользовались определенным успехом. Например, лекции-проповеди лорда Редстока. После революции 1905 г. в силу общего смягчения цензуры в России была легализирована американская религиозно-просветительская организация «Маяки». Но гораздо больший успех имело нецерковное течение евангелизма, прямое продолжение салонных проповедей лорда Редстока. Наиболее известен в этом отношении салон барона П. И. Николаи в Петербурге. Благодаря его деятельности в столице и в Москве возникли первые «Христианские студенческие кружки», из которых вышли будущие активные деятели ИМКА.

После революции, когда в России оказалась практически не возможной любая религиозная активность, произошли изменения и в деятельности Всемирной Христианской Студенческой Федерации. В 1921 г. на съезде в Пекине была выделена русская ветвь Всемирной Христианской Студенческой Федерации — Русское Студенческое Христианское Движение

(РСХД). В движении участвовали не только студенты, но и молодые военные, оказавшиеся в эмиграции. Для большинства из них, выросших в традициях православия, проповедь бесцерковного евангелизма была неприемлема. В 1923 г. в г. Пшерове (Чехословакия) состоялся съезд РСХД, на котором движение «отчетливо скристаллизовалось в русское прицерковное лояльно-православное и не только юношеское, но и вообще мирянское христианско-просветительское движение» (Карташев А. В. 35 лет... С. 9).

17 Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890—1939) — критик, литературовед. Сын министра внутренних дел России П. Д. Святополк-Мирского. Оставил Петербургский университет, чтобы стать кадровым военным в одном из гвардейских полков. Участник Белого движения, с 1922 по 1932 г. — лектор русской литературы в Лондонском университете. В 1920-х гг. увлекался евразийством, а затем марксизмом. В 1930 г. вступил в коммунистическую партию Великобритании. Автор двухтомной «Истории русской литературы» на английском языке. В 1932 г. вернулся в СССР, в 1937 г. арестован, в 1939 г. умер на Колыме. «Д. П. Мирский — евразиец с 1922 г. по ноябрь 1929 г. (момент распада «кламарского» евразийства). Ныне — один из ведущих советских критиков». «Еще о Мирском: до революции он вылетел из гвардейского полка за то, что не встал при тосте за Государя. В этом — весь Мирский. Характеризую Д. П. Мирского: сын «весны», человек большой одаренности и огромных знаний — притом не только в литературе, но и в самых разнообразных отраслях. Я имел случай убедиться, что он например одинаково хорошо знает: геологию, историю восточных кочевников, историю укрепленных линий против индейцев в Аргентине! Основная страсть — говорить парадоксы. Ради острого слова и оригинальности, действительно, ничего не пожалеет. Стал «коммунистом» — по отталкиванию от окружавшей его «буржуазной» английской среды (мечтал стать членом советского правительства Англии и расстреливать этих надоедавших ему буржуев). Большой гурман, одновременно — неряха и сноб, как впрочем, тому и полагается быть» (л. 17, 17 об.).

18 «Светлейший князь Андрей Александрович Ливен, ныне отец Андрей, один из пяти софийских евразийцев. 1921 г. — можно сказать, инициатор первого ЕА сборника. Очень остроумный, по временам умный и очень неуравновешенный человек. Сейчас священствует в Софии, при епископе Серафиме: всецело в «правой» стихии» (л. 94 об.).

19 Возможно, епископ Тихон (Лященко) (1875—1945) — профессор Киевской Духовной Академии. В 1924 г. в Берлине был хиротонисан митрополитом Евлогием, который позже

характеризовал епископа Тихона следующим образом: «Епископ Тихон с его непомерным честолюбием оказался главным виновником моего разрыва с Карловцами» (Вестник РХД, 1990, № 159. С. 250).

20 Карташев Антон Владимирович (1875—1961) — историк церкви. Закончил Пермскую духовную семинарию (1894) и Петербургскую Духовную Академию. После Февральской революции — обер-прокурор Синода, министр вероисповеданий Временного правительства. В августе 1917 г. принимал участие в открытии Поместного Собора Русской Православной Церкви. В эмиграции был одним из организаторов Богословского Института в Париже, а затем одним из инициаторов переименования его в Свято-Сергиевскую Духовную Академию.

21 «Исакова — сестра Александра Владимировича Меллера-Закомельского (дочь Влад. Влад-ча М.-З. члена Гос. Совета). Была влюблена в Арапова, который относился к ней со своим обычным великолепным и снисходительным пренебрежением» (л. 19).

22 Арсеньев Николай Сергеевич (1888—1977) — философ, историк. В 1906 г. окончил Московский лицей, затем историко-филологический факультет Московского университета, где был оставлен «для подготовки к профессорскому званию» (1910—1912). С 1914 г. — приват-доцент Московского университета по кафедре западноевропейской литературы. В 1914—1916 гг. находился в качестве уполномоченного Красного Креста на Северо-Западном фронте. В 1916 г. возвратился в Московский университет. В марте 1920 г. эмигрировал из России. С ноября 1920 г. — лектор русского языка в Кенигсбергском университете, где в 1924 г. получил степень доктора философии и стал экстраординарным профессором по кафедре русской культуры и русской религиозной жизни. В 1926—1928 гг. преподавал в Рижском университете и на православном богословском факультете Варшавского университета. С 1927 по 1937 г. — член Постоянного комитета Экуменического движения (Всемирный Союз Христианских Церквей). По свидетельству Г. П. Струве, участие Арсеньева, так же как С. Л. Франка, П. М. Бицилли, А. В. Карташева в евразийских сборниках было «случайно».

23 Марков Николай Евгеньевич (Марков 2-й) (1876—1943) — депутат 3 и 4-й Думы, один из руководителей Союза Русского Народа, монархист. С мая 1922 г. возглавлял Высший Монархический Совет (ВМС), созданный на первом монархическом съезде в г. Рейхенгалле (Бавария). Из-за разногласий о местоблюстителе императорского престола, которые возникли на очередном монархическом съезде (Париж, осень 1931 г.), вышел из состава ВМС.

24 Ильин Иван Александрович (1883—1954) — философ, юрист, публицист. После высылки в октябре 1922 г. из России с 1923 по 1934 г. — профессор Русского Научного Института в Берлине. В 1933 г. начались преследования со стороны национал-социалистов: лишение кафедры, конфискация печатных работ и полный запрет публичных выступлений. В июле 1938 г. переехал в Швейцарию, где занимался научной и преподавательской работой. Крупнейший русский мыслитель XX века. В 1949 г. Ильин писал: «...если мои книги нужны России, то Господь убережет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России» (Вестник РХД, 1983, № 139. С. 101—102).

25 Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ, публицист. В 1922 г. был выслан из России в Германию, до 1924 г. жил в Берлине. Зимой 1922/23 гг. по предложению одного из ведущих сотрудников ИМКА П. Ф. Андерсона был привлечен вместе с С. Л. Франком и Б. П. Вышеславцевым к созданию Религиозно-философской академии по образцу московской «Вольной Философской Академии» (1918—1919). Открытие ее состоялось 26 ноября 1922 г.

26 Франк Семен Людвигович (1877—1950) — философ, общественный деятель. Родился в семье врача, воспитывался дедом, основателем еврейской общины в Москве. Учился на юридическом факультете Московского университета у П. И. Новгородцева и А. И. Чупрова. Как Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, начинал как «легальный марксист», но позже отошел от марксизма. В 1922 г. был выслан в Германию, где принимал участие в создании Религиозно-философской

Академии. Один из основателей РСХД. Осенью 1924 г. принимал участие в учреждении «Братства Святой Софии».

27 Ширинский-Шихматов Юрий Алексеевич — князь, принимал участие в создании журнала «Утверждения» (1931—1932). Вышло не более трех номеров журнала. Среди его авторов — Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун, Е. Д. Кускова. Задача журнала — объединение «пореволюционных» течений эмиграции. Сюда включалось и евразийство.

28 Гессен Иосиф Владимирович (1865—1943) — редактор-издатель газеты «Руль» и многотомного издания «Архив Русской Революции». Возглавлял Союз русских писателей и журналистов в Берлине. Газета «Руль» (под ред И. В. Гессена, В. Д. Набокова и А. И. Каминки) выходила в Берлине с ноября 1920 до 1932 г. По определению Г. П. Струве, «„Руль“ занимал позицию направо от „Последних Новостей“, от которых его отличали благожелательное отношение к остаткам Белой армии и уважение к традиции Белого движения» (Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 22).

29 Возможно, Гурко Василий Иосифович — генерал, бывший командующий Особой Армией, в декабре 1916 г. исполнявший обязанности начальника штаба. По его предложению было решено провести реорганизацию в действующей армии, что в конечном итоге способствовало ее развалу. После Февральской революции Гурко был отстранен от должности командующего Западным фронтом. Всего по август 1917 г. было снято с должности 140 генералов, в том числе два Верховных главнокомандующих (М. В. Алексеев, А. А. Брусилов), пять главнокомандующих армиями фронтов.

30 Стравинский Игорь Федорович (1882—1971) — композитор.

31 Кускова Екатерина Дмитриевна (1870—1958) — общественный и политический деятель, публицист. В 1922 г. вместе с мужем С. Н. Прокоповичем была выслана из России. Формальным поводом высылки послужило участие в работе Общественного Комитета помощи голодающим.

32 «Одно время Сувчинский очень «культивировал» И. А. Ильина. Дело дошло до того, что Ильин предложил нам статью в ЕА сборник. Мы ответили уклончиво — одна из причин позднейшей лютой ненависти Ильина к ЕА» (л. 21).

33 Митрополит Евлогий (Георгиевский) (1868—1946) — глава Западноевропейской Епархии Русской Православной церкви. Основатель и ректор Богословского Института в Париже.

34 Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — крупнейший русский философ.

35 «Александр Влад. Меллер-Закомельский. Во время мировой войны был еще в Пажеском корпусе. Тяжело ранен в Крыму. Исцелен молитвой пред образом Кореневской Божьей Матери.

Имеет большие задатки и добра и зла. Сейчас, с переходом его в Берлин к наци, эти последние, кажется, решительно в нем возобладали» (л. 31).

«У А. В. Меллера-Закомельского в 1920-х годах бывали по временам большие деньги. Ведь его отец был главным собственником лучшего в России медеплавильного завода — Кыштымского. Желая заполучить этот завод в свои руки, известный Урварт (или Уркварт) выплатил в 1920-х гг. его наследникам немалые суммы. Еще в марте 1927 г. евразийская конференция заседала в Париже в прекрасной квартире Меллера. Но эта же роскошь довела его до полного разложения — такого разложения, что его мать, старая баронесса Меллер, не могла пережить всего для нее открывшегося и скончалась в трагических обстоятельствах. Но это было гораздо позже» (л. 43).

36 Вернадский Георгий Владимирович (1887—1973) — историк, юрист. В 1917—1918 гг. — профессор Пермского, в 1918—1920 гг. — профессор Таврического университета. В 1922—1927 гг. — профессор юридического факультета Карлова университета в Праге. С 1927 г. —

профессор Йельского университета в США. Сын академика В. И. Вернадского.

37 Бицилли Петр Михайлович (1879—1953) — историк, литературный критик. Профессор Новороссийского, а затем Софийского университетов.

38 Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — экономист, политический деятель, писатель. Действительный член Российской Академии Наук. Выехал из России в 1919 г. в Париж. В 1928—1940 гг. — руководитель Русского научного института в Белграде. В 1940 г. вернулся в Париж.

39 Над письмом рукой Сувчинского приписано: «Ваша статья о дисциплине — теперь особенно нужна»; «Содержание этого письма — пересылаю Савицкому».

40 Зеньковский Василий Васильевич (1881—1962) — философ, историк церкви. В 1916—1919 гг. — профессор философии Киевского университета. В 1920 г. выехал из России. В 1920—1923 гг. — профессор богословия и философии Белградского университета. С 1927 г. — профессор Богословского Института в Париже. В 1946 г. принял священство. Протоиерей, председатель РСХД.

41 Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — философ, богослов, экономист. Начинал как «легальный марксист», затем обратился к христианству. Принял священство в 1918 г., эмигрировал во Францию в 1923 г. В 1925—1944 гг. — профессор догматики и декан Богословского Института в Париже. Один из руководителей РСХД, активный деятель экуменического движения.

42 Новгородцев Павел Иванович (1866—1924) — юрист, философ. Профессор Московского университета. Эмигрировал из России в 1920 г. Возглавлял Русский юридический факультет при Пражском университете. В

1922 г. основал и был первым председателем Религиозно-философского общества имени Вл. Соловьева в Праге, член Братства Святой Софии.

43 Шахматов Мстислав Вячеславович (1888—1943) — юрист, историк. Преподавал на юридическом факультете Петербургского университета. С 1922 г. — профессор Русского юридического факультета при Пражском университете. Принимал участие в нескольких евразийских сборниках.

44 Карсавин Лев Платонович (1882—1952) — философ, историк-медиевист. Профессор Петроградского университета. Выслан из России в 1922 г. Жил в Берлине, а с 1926 г. в Париже. С 1928 г. — профессор Ковенского университета, в 1940 г. — профессор Виленского университета. В 1940 г. отстранен от преподавательской деятельности, в 1947 г. арестован и погиб в заключении. В 1926 г. входил в Совет евразийского движения, был одним из составителей программы движения, опубликованной в 1926 г. в виде брошюры под названием «Евразийство».

45 Товстолес Григорий Николаевич — «черниговский дворянин, председатель Борзенской уездной земской управы. Один из первых евразийцев — еще в Константинополе в 1920 г. Позже масон» (л. 197). В книге Н. Н. Берберовой «Люди и ложи» также упомянут Товстолес: «Мастер церемоний (трапезник)» (Вопросы литературы, 1990. № 4. С. 224).

46 Садовский Яков Дмитриевич — экономист, один из авторов евразийских сборников.

47 Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, публицист, философ, славянофил.

48 Возможно, Спасский Петр Никанорович (1854—?) — духовный писатель.

49 Болотов Василий Васильевич (1853—1900) — церковный историк.

50 Ильин Владимир Николаевич (1891—1974) — философ, богослов, известный своими литургическими и агиографическими трудами.

51 Степун Федор Августович (1884—1965) — историк, социолог культуры, писатель. Выслан из России в 1922 г. В 1926—1937 гг. — профессор Дрезденского университета, с 1947 г. работал в Мюнхене.

52 Бунаков (Фондаминский) Илья Исидорович (1879—1942) — общественный деятель, публицист, один из редакторов журнала «Современные Записки». Член партии социалистов-революционеров.

53 Руднев Вадим Викторович (1879—1940) — один из редакторов журнала «Современные Записки». Член партии социалистов-революционеров.

54 Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — видный деятель партии социалистов-революционеров.

55 Керенский Александр Федорович (1881—1970) — политический деятель, министр-председатель Временного правительства, с 1912 г. — масон.

56 Имеется в виду журнал «Путь: Орган рус. религиоз. мысли» (Изд. Религиоз.-филос. акад.; Ред. Н. А. Бердяев. — Париж, 1925—1940, № 1—61).

57 Савицкий в 1937 г. вспоминал: «Борьба с «софианством» энергично велась евразийством в 1923—24 гг.». См. письмо 6.

58 Т рубецкой Н. С. (под псевдонимом И. Р.). Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925 г. «Евразийское книгоиздательство».

59 На полях имеется приписка Сувчинского: «Конечно, с с-рами — объединяться не следует но поворачиваясь как-то влево — мы создаем небывалый прецедент. Нужно высвободить «реакцию» от дурных ассоциаций и сращений: — мы должны быть непреклонны в вопросах веры, православия и культуры, — гибки в вопросах (нрзб.) — прикладных. Ведь правда?»

60 Ставровский А. В. — «(евразиец) — позже один из основателей братства им. патр. Фотия» (л. 63).

61 Бердяева Лидия Юдифовна (1874—1945) — жена Н. А. Бердяева с 1904 г. В 1917 г. перешла в католицизм.

62 Патмос — один из островов в Эгейском море. Был местом ссылки у римлян. Сюда был сослан апостол Иоанн, где в одной из пещер имел откровение, составившее содержание Апокалипсиса.

63 Возможно, речь идет об А. А. Якушеве.

64 Все расшифровки сделаны П. И. Савицким в 1937 г.

65 «Речь идет о поездке в Россию (в т. ч. в Киев) — Г. Н. Мукалова» (л. 93).

66 «Петр Николаевич Малевский-Малевич один из виднейших евразийцев, сын российского посла в Токио. Пришел к ЕА через посредство П. С. Арапова и кн. Е. Г. Голициной, которую Арапов ввел в курс евразийских дел и которая еще с детства была дружна с П. Н. М.-Мал.» (л. 94).

67 «Речь идет о Генрихе Нормане Сполдинге, «английском евразийце», финансировавшем евразийское движение с 1924 г. по начало 1932 г. (с перерывами)» (л. 94).

68 Савицкий П. Н.

69 Арапов П. С.

70 «Предположенный в этом письме съезд состоялся на деле. Пять его участников стали членами «Евразийского Совета» (в порядке «самоорганизации»). Малевский приехал в Вену с сильными пережитками прежних монархических взглядов, но очень быстро «акклиматизировался» в нашей среде. Версия о 10.000 англ. фунтов около 100.000 золотых рублей предоставляемых евразийству — подтвердилась, подтвердился даже рассказ о дальнейших (сверх 10.000 фунтов) обещаниях Сполдинга. На 4 года Евразийство стало «богато». Но деньги эти принесли нашему делу зло — главным образом, своим влиянием на психологию его участников. Во время «Кламарской истории» (конец 1928-го — 1929-ый год) я нередко проклинал эти деньги.

Еще два слова о Сполдинге. Я был у него в Оксфорде 4 раза (в середине 1925-го, в начале 1929-го, в начале и затем в конце 1930-го гг.). Гостил несколько раз в его доме, неуступающем хорошему «замку» (говорили мы с ним по-французски). Я воспринял его, как образ английского идеалиста «буржуазного» типа. Его отношение к России и мотивы его помощи евразийству выражены в его книге. Когда он перестал помогать евразийству (практически с 1932 г.) — он стал создавать на свои деньги восточные кафедры в Оксфордском университете. (л. 95, 95 об.).

71 «Повидимому, приложение к Пасхальному (1924 г.) письму Сувчинского» (л. 82). См. письмо 9.

72 Докетизм — еретическое учение в христологии, утверждающее призрачность Богочеловека.

73 Св. Франциск Ассизский (1182—1226) — основатель нищенствующего монашеского ордена, названного его именем (1221). Основной принцип его: не монах-отшельник, а монах-проповедник, внутренне отрекшийся от мира, но живущий в нем.

74 Св. Тереза (1515—1582) — испанская монахиня, писательница. Считается покровительницей Испании. В 1622 г. причислена к лику святых.

75 Серафим Саровский (1760—1833) — преподобный, монах Саровской пустыни, «самый великий подвижник благочестия последних времен». В 1903 г. был канонизирован и сопричислен к лику святых.

76 Имеются в виду: Петр Арапов, Петр Сувчинский, Петр Савицкий (отсюда и три Петра). «Встреча «трех» произошла в Берлине. Она явилась большим этапом расширения издательской и возникновения организационной евразийской работы». (ед. хр. 445, л. 2).

77 Первый евразийский сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» вышел в Софии в 1921 г.; второй — «На путях. Утверждение евразийцев» в 1922 г. в берлинском издательстве «Геликон»; все остальные сборники выходили под маркой собственного «Евразийского издательства»: три под названием «Евразийский Временник» (1923, 1925, 1927), в 1929 — под названием «Евразийский Сборник» и в 1931 г. — «Тридцатые годы» (к десятилетнему юбилею евразийства). Также под маркой евразийского издательства выходило большое количество книг и брошюр: Россия и латинство (Берлин, 1923); Карсавин Л. П. О сомнении, науке и вере (Берлин, 1925); Франк С. Л. Основы марксизма (Берлин, 1926); Савицкий П. Н. Географические особенности России (Прага, 1927); Алексеев Н. Н. На путях к будущей России (Париж, 1927), и другие.

78 «Одним из основателей общества был А. В. Меллер. Позже он воспользовался этим именем (кружок рос.-азиатских изучений) — уже в 1930-х годах, при своей работе у наци» (ед. хр. 359, л. 43 об.).

45 об.).

79 «Насколько вспоминаю, это — первое связанное изложение собственно политических воззрений евразийства. Написано, кажется, мною — но при участии Трубецкого, Сувчинского и Арапова. Нигде и никогда не было напечатано. Дата — середина 1923 г. Заключающееся здесь учение «о новом правящем слое» сохраняет и теперь свое значение в евразийстве.» (ед. хр. 445, л. 7).

80 Высший Монархический Совет.

Публикация Е. КРИВОШЕЕВОЙ

Письмо А. И. Румянцева к Б. Х. Миниху

Румянцев А. И. Письмо Миниху Б. Х., 21 января 1741 г. Андрианополь / Публ. [вступ. ст. и примеч.] А. Я. Капитонова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 81—84. — [Т.] V.

Это письмо примечательно не только содержанием, временем написания или стилем, но и соотнесением человеческих судеб, в которых выразились существенные стороны российской истории первой половины XVIII в., а отчасти, и всего столетия.
Так, Александр Иванович Румянцев (1679/80—1749), граф, генерал-аншеф, одна из деятельнейших фигур петровской эпохи. Он прошел через «потешные» войска и гвардию, участвовал в главных сражениях Северной войны, стал ближайшим сподвижником царя-реформатора. Исполнительный и надежный, Александр Румянцев с успехом решал ответственные политические, военные и дипломатические задачи.

О смене правящих в России группировок он часто узнавал на чужбине или в пути, преданно отстаивая интересы страны.

В годы мрачной «бироновщины» Румянцев чуть было не поплатился головой, отказавшись возглавить Камер-коллегию, куда стекались налоги, не желая потакать алчным запросам временщиков. Лишенный чинов, едва избегнув казни, он несколько лет провел в ссылке. Получив прощение, снова тянул лямку государевой службы: подавлял волнения в Башкирии, некоторое время управлял Малороссией, участвуя в изнурительных кампаниях русско-турецкой войны 1735—1739 гг.

После ее окончания он выехал в Константинополь для согласования условий далеко не почетного мира. В дороге его догнали известия о смерти императрицы Анны, свержении регента Бирона и утверждении на престоле Брауншвейгской фамилии.

Тогда же, из Андрианополя, 21 января 1741 г., он отправил поздравительное письмо на имя самого влиятельного лица империи с естественным в таких случаях пиететом и словесными реверансами.

Его адресат — Бурхард Христофор Миних (1683—1767), граф, генерал-фельдмаршал; крупнейший государственный и военный деятель России 30-х — начала 40-х гг. Опытный европейский офицер и инженер, он решил послужить процветанию той державы, где хорошо платили и щедро жаловали чинами. Многие его громкие начинания, при неоправданно высоких затратах, оканчивались весьма скромными результатами: будь то строительство южных укреплений или затяжная война с Турцией.

Человек безграничного честолюбия, в течение двадцати лет Миних медленно, но верно продвигался к вершинам власти. Фактически, заняв место Бирона, он самонадеянно рассчитывал

играть главную роль в государстве, будучи уверен, что является «столпом Российской империи»*.

Наконец третья неординарная личность, упоминаемая в документе — Петр Александрович Румянцев (1725—1796), сын А. И. Румянцева. Своенравный юноша, баловень семьи, воспитанный вдали от столиц, он принадлежал уже к новому поколению дворянства, имевшему значительно большую свободу выбора.

Отправленный в конце 1739 г. для обучения в Берлин, Петруша Румянцев обескуражил попечителей леностью, забиячеством и мотовством, настояв таким образом на возвращении.

Определенный на родине в Кадетский корпус под «особливое и крепкое смотрение»**, он и там задержался недолго, и вскоре стал подпоручиком, пользуясь покровительством Миниха. И трудно было угадать в нем будущего выдающегося полководца, талантливого администратора и дипломата, олицетворение воинской славы России...

Герои этого письма как бы застигнуты в этапных точках жизненного маршрута: Миних через несколько дней будет отстранен от власти и подвергнется опале; А. И. Румянцева еще ждет взлет — заключение победного мира со Швецией и графский герб, а П. А. Румянцеву предстоит тридцатилетнее восхождение к фельдмаршальским регалиям.

А. И. РУМЯНЦЕВ — Б. Х. МИНИХУ

Сиятельнейший граф,

высокоповелительнейший господин генерал фелтьмаршал,

Всероссийского империя первый министр и кавалер,

премилостивейший государь

Из полученного мною его императорскаго величества1 высочайшаго указу и при нем приложенной печатной ведомости усмотрел я, что е. и. в. всемилостивейший наш государь за многие верные и радетельные как е. и. в., так и вседражайшим е. в. родителям2 оказанные службы, ваше высокографское сиятельство в чин первого министра Всероссийского империя всемилостивейше пожаловать соизволил3; чему я яко верной вашего высокографского сиятельства слуга сердечное порадование возъимел.

И мое всепокорнейшее поздравление принесть честь имею, присовокупя к тому тож мое всепокорнейшее поздравление сим наставшим Новым Годом, с таковым желанием бедного моего сердца: да Всевыший Господь во всецелости здравие вашего сиятельства купно со всем высоким домом вышего высокографского сиятельства, не токмо сей грядущей, но и впредь многие при самопожелаемом вашим высокографским сиятельством благополучий торжествовать сподобил. А за великие вашего высокографского сиятельства к е. и. в. службы ко благополучию всего нашего отечества от е. и. в. всемилостивейшаго нашего государя найвящую милость получить потолико достойным вашего высокографского сиятельства заслугам и меритам.

О происходящих у меня делах здесь, не дерзаю ваше высокографское сиятельство трудить, но во всем ссылаюсь на настоящие к е. и. в. всеподданнейшие доношения4.

Притом же, и того не мог преминуть без засвидетельствования моего нижайшаго и чувственнейшаго благодарения за милостивое вашего высокографского сиятельства к сыну моему отеческое призрение в награждении как от него сведом подпоруческого ранга5, а особливо, что по его прежним рабяческим продерзостям от себя отрешить не изволили, но держать при себе на ординарцах6; о чем как и о непременной к нему милости нижайше прося, и мя самого и всю мою бедную фамилию в прежнюю высокую протекцию препоручаю, в которой

до конца жизни моей быть обещаяся.

Имею честь именоваться и суще с глубочайшим респектом быть, премилостивейший государь, вашего высокографского сиятельства всепокорнейший и преодолженнейший слуга.

Из Андрианополя

Генваря 21-го дня 1741 году.

А. Румянцов

Пометы: Копия. 24 день февраль 1741.

Взяв господину Рагозинскому, (нрзб.).

Исполнено.

Примечания

Документ хранится в РГВИА. Ф. 393. Оп. 2. Д. 309. Ч. 2. Л. 298—299 об.

1 Иоанн III (VI) Антонович (1740—1764), сын Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского и Анны Леопольдовны; с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. — Российский Император. После переворота в пользу Елизаветы Петровны заточен в Шлиссельбургскую крепость, где был убит при попытке освобождения.

Далее в тексте е. и. в.

2 Анна Леопольдовна (Елизавета Екатерина Христина) (1718—1746), дочь герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского и Екатерины Ивановны (дочь царя Ивана V Алексеевича); в 1740—41 гг. — Вел. Кн. и правительница России при малолетнем сыне Иоанне III. После переворота 1741 г. сослана в Холмогоры. Антон Ульрих (1714—1776), герцог Браун-швейг-Люнебургский, отец Иоанна III; в 1740—41 гг. — Его Императорское высочество, российский генералиссимус. После переворота 1741 г. сослан в Холмогоры.

3 В ночь с 8 на 9 ноября 1740 г. Миних осуществил переворот в пользу Анны Леопольдовны, арестовав Бирона и его сторонников; занимал до 3 марта 1741 г. ведущее место в государстве, когда в результате собственной недальновидности и интриг, направляемых А. И. Остерманом, получил отставку.

4 В 1740—1742 гг. А. И. Румянцев возглавлял посольство в Турцию, добился значительного смягчения противоречий между странами, сохранив высокий авторитет России.

5 П. А. Румянцев 27 октября 1740 г. был пожалован из кадетов в подпоручики Воронежского пехотного полка.

6 Пребывание Петра Румянцева ординарцем Миниха — любопытный факт его биографии.

Публикация А. П. КАПИТОНОВА

Из истории Отечественной войны 1812 года: переправа у Боровского перевоза

Из истории Отечественной войны 1812 года: переправа у Боровского перевоза / Публ. [вступ. ст. и примеч.] С. А. Малышкина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и

документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 97—98. — Из содерж.: Аргамаков М. В. [Рапорт командира Ингерманландского драгунского полка], 28 июня 1813 г. Богенздорф. — С. 97; Аргамаков М. В. [Рапорт командира Ингерманландского драгунского полка], 15 сентября 1812 г.. — С. 98. — [Т.] V.

Одно из самых значительных событий Отечественной войны 1812 г. — Тарутинский марш-маневр. Как известно, после оставления Москвы русская армия двинулась по Рязанской дороге на Коломну. 2 сентября она дошла до д. Панки, где и провела весь следующий день. В это же время инженерные части наводили понтонную переправу через Москву-реку у Боровского перевоза. 4 сентября с утра войска двумя колоннами направились к переправе. На следующий день армия начала знаменитый фланговый марш-маневр.

О самой переправе в архивах отложилось не так уж много документов. Публикуемые рапорты командира Ингерманландского драгунского полка М. В. Аргамакова проливают свет на некоторые малоизвестные детали. Сами документы хранятся в РГВИА (Ф. 103. Оп. 208 а. Св. О. Д. 16. Л. 161—162). Как можно понять из их содержания и имеющихся в том же деле черновиков, Аргамаков, не получив на полк наград за наведение Боровской переправы, обратился к П. Х. Витгенштейну, заменившему Кутузова на посту главнокомандующего весной 1813 г. Но к моменту получения в штабе русских войск рапортов, главнокомандующим стал М. Б. Барклай де Толли. Именно им написан черновик ответа. Полководец отклонил просьбу Аргамакова, так как, по его мнению, в организации Боровской переправы принимали участие все генералы русской армии, выполняя свой воинский долг.

№ 1

Господину генералу от кавалерии,

главнокомандующему армиею и разных орденов

кавалеру графу Витгенштейну1.

Ингерманландского драгунского полка2

от полкового командира

полковника Аргамакова 3-го рапорт.

Представляя Вашему сиятельству при сем копию с поданного мною прошлого 1812-го года в сентябре месяце рапорта на имя покойного господина генерал-фельдмаршала и кавалера его светлости князя Кутузова-Смоленского, который, будучи сам при переправе, приказать изволил подать письменной рапорт с приложением списка обще со мною трудившихся господ штаб и обер офицеров и притом лично благодарил за порядок и устройство к поспешной переправе, которая совершенно была необыкновенная более потому, что множество экипажей и обозов, выехавших из Москвы жителей, и примерно положить до сорока тысяч, исключая принадлежащих обозов двум армиям, и господин инженер генерал-майор и кавалер Ивашев3 свидетельствовать может, за что понтонных рот штаб и обер офицеры за поставление мостов получили воздаяние, а командуемой мною полк, трудившийся безпрерывно в трудной от Москвы ретирады и при переправе чрез Москву-реку у Боровского перевоза остался без награждения, и тем более, что покойный светлейший князь сам требовал от меня представления. О чем вашему сиятельству донести честь имею.

Полковник Аргамаков

Июня 28-го дня, 1813-го года.

№ 235-й.

Селение Богендорф.

Пол(учено) 29 июля 1813 года

в Вальденбурге.

№ 2

Главнокомандующему армиею господину

генерал-фельдмаршалу и разных

орденов кавалеру,

Его Светлости Князю Голенищеву-Кутузову.

Ингерманландского драгунского полка

от полкового командира полковника

Аргамакова 3-го рапорт.

По повелению Главного начальства был я откомандирован с частью командуемого мною Ингерманландского драгунского полка на Рязанскую дорогу к Боровскому перевозу для учреждения к скорейшей переправе всей армии и ее обозов, по прибытии же моем нашел не только полковые и казенные обозы, но и большую часть московских жителей, почему и приступил к распоряжению по поставленным четырем пантонным мостам. Распределил на каждой мост по два офицера, дав им наставления дабы обозы партикулярные с казенными не мешались. Начал переправу, продолжающуюся беспрерывно два дни и целую ночь. Благополучно преправил как все первой армии4, так и все казенные и партикулярные повозки без всякого вреда и остановки перешли. О чем словесно по переправе имел счастье донести вашей светлости, а при том долгом моим почитаю представить участвующих со мною господ штаб и обер офицеров. Список об оных при сем представить честь имею5. Коих труды, конечно, заслуживают особого вашей светлости внимания, ибо смело могу сказать, что едва ли когда может случиться переправа подобная сей.

С подлинным верно, полковник Аргамаков 3.

Сентября 15 дня 1812-го года.

№ 606 й.

Примечания

1 Витгенштейн Павел Христианович (1769—1843) 14 мая сдал командование М. Б. Барклаю де Толли.

2 Ингерманландский драгунский полк в августе 1812 г. был причислен к военной полиции, а в декабре — к конвою главной квартиры. Этим объясняется его участие в наведении порядка при отступлении русской армии через Москву, при Боровской переправе.

3 Ивашев П. Н. (1763—1838) — инженер-генерал-майор. В 1812 г. был начальником военных сообщений в армии.

4 Имеется в виду Первая Западная армия, которой командовал М. Б. Барклай де Толли.

5 Нерасшифрованная аббревиатура

э Наградной список при рапортах отсутствует.

Публикация С. А. МАЛЫШКИНА

Листки из масонской «архивы»

Бронникова Е. В., Сахаров В. И. Листки из масонской «архивы» // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 98—100. — [Т.] V.

Почти трехсотлетняя история русского масонства являет собой удивительное сочетание тайн, пресловутых «белых пятен», апологетических и антимасонских мифов, иносказаний, недомолвок, слухов и самой обычной клеветы. Много способствовали такому положению дел сами члены этого таинственного, могучего, и ныне действующего ордена. Ими давалась клятва молчания, им запрещалось вести дневники, переписка по масонским делам ежегодно сжигалась; после смерти братьев высоких степеней их личные архивы отбирались согласно особому распоряжению в ложи. Виднейший масон и литератор И. П. Елагин, покровитель молодого Д. И. Фонвизина, признавался, что масонская истина «не пишется», сокрыта в «гиероглифах, непонятных символах и прекословных иносказаниях» и содержание масонских сочинений «неудобь понятно без ключа».

Между тем, очевидно, что уже в силу своего тайного, конспиративного, почти подпольного существования в насквозь официозном, иерархическом русском обществе масонские ложи должны были располагать богатейшими архивами. Ведь к концу XVIII в. общее число лож доходило до 100, в них состояло до 2500 человек. Это был цвет русского образованного общества, среди их крупнейшие писатели: А. П. Сумароков, М. М. Херасков, М. М. Щербатов, В. И. Майков, А. А. Ржевский, С. С. Бобров, Ф. П. Ключарев. За спиной таких идейных мучеников масонской «таинственной науки», как Н. И. Новиков и А. Н. Радищев, стояли могучие, располагавшие колоссальной политической и финансовой властью кланы Трубецких, Воронцовых, Паниных, Щербатовых, Долгоруких, Репниных. Масонами были императоры Павел I и Александр I. Орден жаждал стать «второй властью», вел большую политическую игру, занимался коммерческой и финансовой деятельностью, имел тайные связи с «братьями» в Швеции, Англии, Германии. Все это отражалось в разного рода документах, накапливавшихся в тайниках городских домов и сельских дворянских усадеб.

Состоятельные русские масоны высоких степеней путешествовали по Европе и приобретали редкие рукописи и реликвии ордена, восходящие к основателям шотландской и шведской систем. В 1782 г. Н. Н. Трубецкой свидетельствовал: «...Соединясь с капителями (капитулами. — Ред.) всех систем внешнего ордена, мы сделались так как средоточием, в которое все то, что капители всех партий имеют, стекается; и наша архива богатее становится, нежели во всей Европе, ибо там капители разных систем друг от друга таятся и друг другу ничего не дают, а мы, быв с ними со всеми в связи и не объявляясь ничьей партии, но признавая всех их за истинных бр(атьев), токмо стремящихся разными путями к той же и единственной цели ордена, все то от всех их получили и получаем, что они только имеют...»*. Так в «архиве» собраны были со временем немалые сокровища, от философских сочинений и алхимических трактатов до рукописных сборников гимнов и тетрадей с текстами масонских обрядов.

В орденских песнопениях скрывалась высокая, величественная поэзия мысли, в чем легко убедиться, прочитав вот эти строки безымянного, но, несомненно, выдающегося поэта:

Открылось таинство работ,

Сокрытый огнь блеснул из тлена,

Из жизни в смерть, чрез смерть в живот

Родится дух и ветвь зелена;

Из черной персти дух изрек,

Что было, есть и будет ввек.

Очевидно, что «архива» эта, разбросанная по многим хранилищам и частным собраниям (есть данные, что значительное число масонских бумаг было вывезено в Англию и хранится в одном из лондонских архивов), требует внимательного многолетнего изучения, сопоставления с масонскими книгами и журналами и позднейшими публикациями касающихся ордена текстов. Масонство едино, его рукописное наследие нельзя разъять на философию, историю, литературу и т. д. И начинать его исследование следует, по всей видимости, с начала, с первых тайн, открываемых мастерами новичкам, поступающим в ученические ложи. И здесь есть три «градуса»: ученический, товарищеский и мастерский.

Предлагаем читателям два документа из «Обрядов, до ученической ложи касающихся». Первый представляет собой знаменитую масонскую клятву и взят из тетради поэта, декабриста и масона, с 1816 г. члена ложи «Избранного Михаила», Федора Николаевича Глинки (1786—1880). Запись сделана в двадцатых годах XIX столетия, но сам текст восходит к первой половине XVIII в., когда масонство появилось в России. Второй документ — стихотворное обращение старшего «брата» к членам ученической ложи поучения. Оно прочитано 21 ноября 1809 года в ложе «Нептун»

видным масоном и даровитым поэтом Павлом Ивановичем Голенищевым-Кутузовым (1767—1829). Это тот редкий случай, когда мы знаем автора текста масонского обряда. Сам текст — обычная писарская копия, из чего видно, что «Ободрение свободному каменщику» распространялось и читалось в ученических ложах как часть обязательного обряда.

Первый текст находится в РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 21. Второй — в ЦГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 588. Л. 71—74.

Клятва: [Массонская клятва из тетради Ф. Н. Глинки] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 100. — [Т.] V.

Я, N. N., клянусь пред Всемогущим строителем вселенныя и пред сим высокопочтенным собранием, чтобы всеми моими силами стремиться к тому, чтобы сохранить себя в неколебимой верности к Богу, закону, правительству, отечеству и к сему высокопочтеннейшему братству; чтобы любить их всем сердцем и помогать ближним моим всеми силами; я обещаю, чтобы по всем силам моим стараться быть во всех моих деяниях предусмотрительну и мудру; в действиях моих осторожну, в словах моих умеренну, в должностях моих праведну, в предприятиях моих честну, в моем суждении честну, в образе моего обхождения человеколюбиву, благородну, добросердечну и преисполненну любви ко всем человекам, а наипаче к моим братьям; я обещаюсь быть послушну начальникам моим во всем том, что мне для блага и преуспеяния Ордена, которому я обязан во всю жизнь сохранять верность, повелено будет; я обещаю быть осторожну и скрытну; умалчивать обо всем том, что мне поверено будет, и ничего такого не делать и не предпринимать, которое бы могло открыть оное; в случае же малейшего нарушения сего обязательства моего подвергаю себя, чтобы голова была мне отсечена, сердце, язык и внутренная вырваны и брошены в бездну морскую; тело мое сожжено и прах его развеян по воздуху. В чем да поможет мне Господь Бог и его милосердие,

Аминь.

Голенищев-Кутузов П. И. Ободрение свободному каменщику («Мужайтесь, братия избранны!..») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 100—103. — [Т.] V.

Мужайтесь, братия избранны!

Небесной мудрости сыны!

Помыслите, к чему вы званы,

Что были, есть, чем быть должны,

Сколь превосходна, сколь священна

Цель наших ревностных работ,

Сколь радостно, сколь вожделенно

Зреть Солнца светлого восход.

*

Союз ненарушимый Братства

Начертан в глубине сердец;

Он выше почестей, богатства,

Печать всех благ, доброт венец.

Коль будем в нем неколебимы,

Он в высши круги нас введет

И таинства непостижимы

Внутри и вне нас развернет.

*

Парить до высоты небесной

Он даст нам быстрые крыле

И силой, мудрым лишь известной,

Нас паки обратит к земле,

Чтоб в ней родить благословенье,

Чтоб радость Братьям проливать

И чтобы в сладком упоенье

Любовью жить и ей дышать.

*

Сия любовь неизреченна

С небес во образы сошла.

Она везде непечатленна,

Но здесь она себя дала

Вкусить, восчувствовать толь ясно

И говорить толь велегласно

Сквозь чувственность и вещество,

Что токмо буйством ослепленный,

Во тьме пороков погруженный

Не зрит здесь света торжество.

*

Сей свет тому, конечно, ясен,

Кто тьму внутри и вне узрел,

И в странствии тот безопасен,

Кого из черноты извел

Дух благотворный, ниспосланный

К нему с востока от небес,

Ему для руководства данный,

Чтоб он увидел тьму чудес.

*

Он их увидит несомненно,

Свершивши тройственный свой путь.

Светяща искра отдаленна

Едва успеет лишь блеснуть.

Свет полный вскоре возродится,

Едва спадет с очей покров.

Во всех лучах своих открыться

Чертеж природы всей готов.

*

Когда ж чрез узел соплетенный

Творит сей странник только шаг,

То все орудия священны

Увидит он в златых огнях,

Отверзто слово созерцает,

Его касается любовь.

Тогда он смело съединяет

Свою со кровью Братской кровь.

*

Прошед чрез опыты столь тайны,

Любви сей первенец и сын,

Узрев лучи необычайны,

Течет в свой путь как Исполин,

Благодаря любовь бесценну,

Его привлекшу мудрых в храм,

Одежду чисту, убеленну

Пояшет по своим чреслам.

*

Даров толиких удостоен,

Толь бодро подвиг соверша,

Утешен, весел, успокоен,

Ликуют дух в нем и душа.

Он очи простирает ясны

К священным, тайным образам,

Чрез объясненья громогласны

И свет и жизнь он черплет там.

*

Исполненный сей жизни новой,

Покрытый мудрости щитом,

Сей воин, к подвигу готовый,

Исходит в мир сражаться с злом.

Везде по терниям ступает,

Но делает из них цветы.

Он свет повсюду проливает

И гонит мрак и все мечты.

*

Так должен действовать в сем мире

Премудрости избранный сын.

Он телом здесь, душой в Эфире.

Он здесь! — Но неба Гражданин.

Развязан в духе и свободен,

Не носит он страстей оков.

Таков, о Братья, превосходен

Плод здесь свершаемых трудов.

*

О Братия, не ослабейте,

Не утомитесь на пути.

Едино то в виду имейте,

Чтоб с равной бодростью идти.

Пребудем крепко съединенны

Всей силой сердца и ума

И будем твердо убежденны,

Что нас ведет любовь сама.

*

О Ты! Живущий в светлом храме

Превыше тверди и небес,

Но Ты ж, вместивший в тесной раме

Толико таинств и чудес

Во знак любви и снисхожденья,

Для назиданья, просвещенья

Твоих блуждающих рабов!

Отец любови! Бог щедроты!

Очисти милостью работы

К Тебе стремящихся сынов.

Публикация

Е. В. БРОННИКОВОЙ,

В. И. САХАРОВА

В. Ф. Одоевский. Заметки о Москве

Одоевский В. Ф. Заметки о Москве / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. И. Сахарова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 103—106. — [Т.] V.

Замечательный русский писатель и философ князь Владимир Федорович Одоевский (1803—1869) родился и умер в Москве, но бо?льшую часть жизни провел в северной столице — Санкт-Петербурге. В родном городе он появлялся редко, наездами и, будучи по серьезному складу натуры великим тружеником в самых разных сферах духовной деятельности, смотрел на древний град и его обитателей с неизменной любовью, но и с некоторым удивлением и скептицизмом, разделяя сатирические мнения друга своего Грибоедова. Отсюда постоянные споры писателя с друзьями романтической юности, в 40-е годы ставшими во главе московского кружка славянофилов: А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским, С. П. Шевыревым, М. П. Погодиным.

В мае 1842 г. Одоевский и его жена Ольга Степановна приезжают в Москву. Визиту предшествовали весьма драматичные домашние обстоятельства: устав от непрерывных истерик стареющей супруги, князь влюбился в очаровательную и своенравную графиню Надежду Николаевну Ланскую, свою дальнюю родственницу, замужнюю даму, мать двоих детей, пользовался поначалу взаимностью, но затем графиня бросила и мужа, и детей, и Одоевского и бежала за границу с молодым красивым итальянцем Грифео. Это был большой скандал в петербургском высшем обществе. Растерянный и потрясенный, князь тоже собрался в Европу, но перед отъездом решил посетить московских друзей и родственников.

В родном городе он повидал Хомякова, Шевырева, Погодина, Н. Ф. Павлова, семью Елагиных-Киреевских, посетил общительного затворника Чаадаева, играл для друзей фуги Баха на органе в немецкой кирхе, съездил в Троице-Сергиеву Лавру. Одоевский прислушивался у мнениям славянофилов, смеялся колким остротам и скептическим парадоксам западника Чаадаева, дивился рассеянности и вольготности московской жизни, ее вечному празднику, хождению по гостям, балам и гуляньям, салонным разговорам и диспутам присяжных говорунов, очаровательному безделью и необязательности, отмечал перемены в обычаях и взглядах и постоянство самого стиля жизни. Особенно его поражало то обстоятельство, что умное, пылкое и витиеватое слово москвичей никак не могло и, более того, не хотело стать реальным делом.

В свою очередь и москвичи-славянофилы присматривались к старому другу. Хомяков писал: «Одоевский здесь у нас. Все прежний, даже в лице мало перемены... В умственном отношении точно то же. По-прежнему хочет самых свежих устриц и самого гнилого сыра, т. е. современности индустриальной и материальной и древних цельных знаний Алхимии и Каббалы...

Насилу дождался я слушателя, и очень жаль, что его пребывание здесь так коротко... Одоевский был у меня вчера вечером и слышал один из наших споров. Он отдает полную справедливость усовершенствованию органов слова в Москве... Мало побыл он здесь, нельзя было ни его инициировать во всю нашу жизнь, ни дать нашей молодости полюбить Одоевского»*.

Одоевский принадлежал к сатирикам классической школы, многому научился у Грибоедова, Пушкина и своего молодого друга Гоголя, видел в острой незлой насмешке и похожей карикатуре верное средство определить и исправить недостатки характера и общества. Русский смех есть беспощадный суд человека над самим собой, он открывает глаза, лечит общественные язвы, воспитывает, и в одной неопубликованной заметке князя сказано: «Длинный ряд сатириков от Кантемира до Гоголя произнесли суд наш над самими собою; все исчерпано — от смеха мы перешли к страху; мы уже устрашились своего безобразия...»

Из наблюдений своих, из встреч и споров с москвичами старого поколения и молодыми славянофилами Одоевский вынес ряд любопытнейших мыслей, придал им форму маленьких фельетонов, сатир в прозе, остроумных и незлых, ведущих к весьма глубоким и оригинальным обобщениям. Получились моментальные портреты старой Москвы, ее обычаев, людей, разных течений московской мысли, неповторимого соединения вольнолюбия и кастовых предрассудков. Фельетоны и фрагменты В. Ф. Одоевского публикуются по рукописям, хранящимся в РНБ в Санкт-Петербурге, помощником (заместителем) директора которой князь был в 1846—1861 годах.

(1)
1842

Москва изменилась. Прежде в мыслящей ее половине жили немцы; теперь мыслящие люди православны в высшей степени. Изучение памятников, возбужденное скептицизмом школы Каченовского1, произвело род православного фанатизма, который дошел до того, что умные люди почитают нужным давать разумный смысл всему нелепому, застывшему в Москве. Молодежь donne en plein la dedans; Хомяков2, диалектический ратоборец, очень рад, что нашел поприще бесконечное для своего игривого ума и разумной шутки. Боюсь, чтобы это направление не дошло до апотеозиса московских тетушек. — Между тем ученые ex officio, как, н(а)пр(имер), (Ф. Л.) Морошкин3, отыскивают допотопную Русь, и их изыскания весьма замечательны.

(2)

МОСКВА

В некотором царстве, в некотором государстве жил был город Москва, в котором жили немцы4 и весело грезили в поэтических туманах Океновой и Шеллинговой5 философии; из этих немцев вышли люди разного звания: русские, полурусские и никакие; в Москве живут люди не полурусские, но и не русские, а православные, дельные и недельные; одни с фанатизмом роются в рукописях, другие стараются придать разумный смысл философии моих почтенных тетушек, живущих частию на Покровке, частию на Ордынке, которые нисколько не подозревают такой неожиданной себе чести. Их мысли, речи, деяния — все воплотилось в новое поколение; Запад и все западное предано анафеме, и, как говорит Ч(аадаев)6, «l'orthodoxie fait des terribles ravages a Moscou»; читаются лишь книги, писаные славянскими буквами, поздравляют друг друга с имянинами Кирилла Туровского7, многие дамы прочли Карамзина8 раз шесть сряду. Это направление дает совершенно особенный характер Москве; в гостиных цитируются фразы из Нестора9, как некогда стихи Вольтера или Расина. В умной стороне этого направления — Морошкин, который отыскивает нашу допотопную юриспруденцию; его лекции слушаются с восторгом; мне не удалось его слышать с кафедры, но в обыкновенном разговоре.

(3)

МОСКВА 1849

Тут штука простая, мои друзья. Вас обуяла лень, которая, как квас, сродна русскому человеку; вам наскучила эта ежечасная борьба, которая встречает человека в мире положительном: не легко сегодня принимать теорию какого-нибудь химического или метереологического явления и завтра натолкнуться на какой-нибудь катализис или сфероидальность воды, которые заставляют все теории переделывать сызнова; не легко встречаться и с общественными вопросами, где дорога тянется тоненькой ниточкой между диким варварством и просвещенным безумием; не легко при каждом шаге спрашивать себя: согласен ли я с моими убеждениями? не подаюсь ли я в ту или другую сторону; не легко каждую минуту анализировать свои действия, когда силою жизни, в которой живешь, должен каждую минуту действовать; не легко бороться ни с собственными, ни с чужими сомнениями или предрассудками; не легко отличать постоянное от случайного, ни временное от вечного; вообще трудно жить и делать что-нибудь на сем свете; такая жизнь полна горечи и забот, часто требует мелочной хлопотливости и вместе энергической решительности, простоты сердца и глубокого знания людей, добросовестности и стратегии. Вам захотелось полениться; но как вы люди умные, то вы не могли не приискать какого-либо основания для своей лени; вы принялись отыскивать для нее благоприличное платье, несколько успокоительных букв; для того отбросили все сомнения, волнующие душу, но чтобы отбросить сомнения, вы должны были отбросить всю существенность. Тогда дело сделалось очень легким; все настоящее показалось вам столь скверным, что вы предали его полному презрению, но, к сожалению, незаслуженному; весь положительный мир, успехи наук, искусств, промышленности, для вас исчез; прошедшее приманило вас своею мертвенностию; оно прошло и потому спокойно, по крайней мере для потомков, а вам и нужно именно успокоение. Но этот скверный квиетизм ведет вас прямо — ужаснитесь — к католицизму римскому и иезуитскому, — ибо к нему первый шаг византийское словопрение. Там успокоение совершенное; не о чем заботиться! встретится ли сомнение в житейском быту, под рукою папа, а для обыденных надобностей le directeur spirituel*, — какой бы ни был вопрос, на все есть ответ, как в добром словаре, и, что всего лучше, с полной верою в понятия и страсти своего директора папист не только успокоивается, но еще творит нечто весьма благочестивое, ибо, как говорит св. Тереза: «Если бы Иисус Христос сам говорил мне что-нибудь, то я бы ему отвечала: Pardon, Seigneur, mais je dois obeir a mon Directeur!»** — Вот удочка, на которую паписты словили столько людей, они играли наверняка, рассчитывая на самую постоянную и сильную страсть человека: рукавоспустие, а чтобы обмануть потребность деятельности, также врожденной человеку, они заняли ее празднословием. Берегитесь этой удочки — и вспомните филолога Печерина10, который на нее попался. Не забудьте и Гагарина11.

(4)

Москва в 1849-м году — торжественное праздношатательство, нуждающееся еще в Петровой дубинке; болтовня колоколов и пьяные мужики довершают картину.

Вот разница между Петербургом и Москвою: в Петерб(урге) трудно найти человека, до которого бы что-нибудь касалось; всякий занимается всем, кроме того, о чем вы ему говорите. В Москве нет человека, до которого что-нибудь бы не касалось; он ничем не занимается, кроме того, до чего ему никакого нет дела.

Примечания

Печатается по автографам, хранящимся в РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Пер. 13. Л. 158; Пер. 19. Л. 18—20 об.; Пер. 93. Л. 112.

1 Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — историк, профессор Московского университета, издатель журнала «Вестник Европы», где молодой Одоевский печатал свою прозу и стихи.

2 Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — поэт и критик, один из вождей московского

2 Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — поэт и критик, один из вождей московского славянофильства. Идейные разногласия между Хомяковым и западником Одоевским не мешали их старой дружбе.

3 Морошкин Федор Лукич (1804—1854) — историк, профессор Московского университета. Сохранилось примечание автора к этому месту рукописи: «Морошкин человек высокого роста, приятной наружности с примечательно выдавшимся лбом; орга?н весьма приятный, похож на орган Шелехова; говорит красноречиво и несколько напыщенно, но это не мешает профессору».

4 Немцами Одоевский вслед за тогдашними московскими сплетниками называет себя и своих друзей по Обществу любомудрия, увлекавшихся в начале 20-х годов немецкой идеалистической философией. — См.: Сахаров В. И. Страницы русского романтизма. М., 1988.

5 Окен Лоренц (1799—1851) и Шеллинг Фридрих-Вильгельм (1775—1855) — немецкие философы-идеалисты, чьи труды изучались юными любомудрами.

6 Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — русский философ и писатель, с которым Одоевский, несмотря на дружеские отношения, расходился во мнениях.

7 Св. Кирилл Туровский (1130—1182) — русский церковный писатель.

8 Имеется в виду «История государства Российского» Н. М. Карамзина.

9 Нестор — монах Киево-Печерского монастыря, русский писатель конца XI — начала XII в.

10 Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885) — русский писатель. Эмигрировал, принял католичество и вступил в орден иезуитов.

11 Гагарин Иван Сергеевич (1814—1882) — русский дипломат и писатель. Эмигрировал, принял католичество и вступил в орден иезуитов.

Публикация В. И. САХАРОВА

Марк Твен в России / Публ. М. Третьяковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 138—139. — [Т.] V.

Марк Твен в России / Публ. М. Третьяковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 138—139. — [Т.] V.

15 декабря 1866 г. молодой американский журналист Сэмюэл Л. Клеменс на туристическом пароходе «Квакер Сити» отправился в кругосветное плавание в качестве специального корреспондента газеты «Дейли Альфа Калифорния». Туристы должны были посетить ряд стран: Францию, Италию, Грецию, Палестину, Россию. Всего за время путешествия в редакцию поступило около 60 корреспонденций с отчетом о плавании, а в 1869 г. они были опубликованы отдельной книгой — «Простаки за границей, или Путь новых паломников», вышедшей под псевдонимом Марк Твен.

В России эта книга впервые была издана в конце 80-х годов прошлого века с сокращением глав, касающихся посещения «паломниками» самой России, хотя американские туристы оставили определенный след в истории страны. Дело в том, что Александр II, бывший в то время со своей семьей в царской резиденции в Ливадии, согласился принять путешественников.

На пароходе был срочно организован комитет, для составления приветственного адреса Императору, куда, по-видимому, как человек пишущий, вошел Марк Твен, а если судить по его книге, то практически все приветствие было написано им, он же первым поставил свою подпись.

14 августа торжественный прием состоялся. Император, как пишет Твен, милостиво встретил американских путешественников, поблагодарил за адрес и сказал, что ему приятно видеть и близко познакомиться с представителями великого народа, «особенно потому, что Россию и Соединенные Штаты связывают узы дружбы». Затем он «передал адрес одному из высших офицеров для отправки в архив, а может и в печку».

Этот документ с автографом Марка Твена*, побывавший в руках Императора Александра II, попал в РГА ВМФ (Ф. 6. Оп. 1. Д. 18. Л. 26 об) в фонд адмирала Богдана Александровича Глазенапа (ок. 1810—1892), бывшего главнокомандующим Николаевского порта и военного губернатора г. Николаева.

Его Императорскому Величеству Александру II

Императору Всероссийскому

Составляя небольшое общество частных лиц, граждан Соединенных Штатов, путешествующих для развлечения, без всякой торжественности, как подобает нашему неофициальному положению, мы не имеем иного повода представиться Вашему Императорскому Величеству, кроме желания заявить наше признательное почтение Государю Империи, которая в счастии и несчастии была неизменным другом страны, к которой мы исполнены любовью.

Мы не осмелились бы сделать подобного шага, если бы не были уверены, что выражаемые нами слова и вызывающие их чувства только слабый отголосок мыслей и чувств всех наших соотечественников, начиная от зеленых холмов Новой Англии до снежных вершин, окаймляющих далекий Тихий океан. Нас немного числом, но мы выражаем голос целой нации.

Одна из светлейших страниц, которую начертала всемирная история, была вписана рукой Вашего Императорского Величества, когда рука этого Государя расторгла узы двадцати миллионов людей. Американцы имеют особое право чествовать Государя, совершившего столь великое дело. Мы воспользовались преподанным нам уроком и в настоящее время представляем нацию, столь же свободную в действительности, какою она была прежде только по имени. Америка обязана многим России, она состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу во время великих бедствий. С упованием молим Бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена, что Америка благодарна сегодня и будет благодарна России и ее Государю за эту дружбу. Мы прекрасно знаем, что само допущение, будто мы когда-нибудь сможем лишиться этой дружбы вследствие какой-либо преднамеренной несправедливости или неверно взятого курса, было бы преступлением.

Почтительнейше поднесен от имени экскурсантов, находящихся на борту американской паровой яхты «Квакер Сити». Ялта. Август 26. 1867.

Сэм(юэл) Л. Клеменс

У(ильям) Гибсон

Тимоти Д. Крокер

Ив. П. Кими

С. Н. Сэнфорд

Комитет

Дэниел Д. Сири

Президент

Р. Белл, секретарь

Публикация М. ТРЕТЬЯКОВОЙ

Письма В. О. Ключевского к Н. И. Сперанскому

Ключевский В. О. Письмо Сперанскому Н. И., 12 января 1894 г. Абастуман // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 174—175. — [Т.] V.

2

Получив Вашу телеграмму, дорогой Николай Иванович, я изо дня в день выжидал удобной минуты, чтобы написать Вам и поблагодарить Вас за добрую память обо мне, а также и за то, что Вы и без меня не забываете моего московского жилища4, как мне пишут об этом мои домашние. Но при здешней комнатной температуре не всегда, когда есть досуг, удается овладеть пером: у нас теперь пора самых сильных и устойчивых морозов. Отсрочивая письмо со дня на день, я

решил наконец непременно исполнить свой долг 12 января5, в день нашего университетского праздника.

Я имел свои побуждения, чтобы выбрать именно этот день. На расстоянии Бог знает скольких тысяч верст и на высоте, сколько помнится, 4 тыс. фут. над уровнем моря простительно быть не только искренним, но и откровенным, не только думать, что следует, но и говорить, что думаешь. Я всегда считал Вас человеком университетским — не по диплому6, а по духу, по направлению мысли и складу убеждений, а такие духовные, крестные дети университета главным образом и поддерживают его значение в обществе. Притом у нас с Вами есть и общий учитель и этот учитель — Кавелин7. Я не слушал его, но по его сочинениям учился историческому мышлению и пониманию русской истории. Сегодня на меня нашло маленькое уныние: с 1865 года, когда я вступил в Московский университет, я в первый раз встречаю этот день вне Москвы. В этот день, письменно беседуя с Вами, я как будто сижу на Малой Полянке, а Вы у меня в гостях, — и чувствую себя менее одиноким. Значение университета не упадет, пока есть вне его люди, так сочувствующие успехам русской мысли и науки. Gaudeamus igitur!

Живу я здесь тихо и ровно. Общество, в котором мне пришлось вращаться, состоит из прекрасных людей, начиная с самого Хозяина8. Это маленькая морская колония, как ее здесь называют. Веду свое дело возможно проще, не ставя слишком сложных задач, но не всегда бываю доволен своим исполнением предположенной программы. Мне все кажется, что я недостаточно оправдываю встречаемое мною внимание: то представляется не вполне выясненным, другое неполно изложенным. Приходится отрешаться и от некоторых привычек, приобретенных в аудитории. Надеюсь, результаты выяснятся в конце курса, а пока продолжаю его с надеждой, что эти результаты хотя несколько будут соответствовать моему желанию быть полезным.

До свидания. Мой почтительный поклон Вашей супруге9. Не забывайте моих временных сирот10 на Малой Полянке.

Истинно Вас уважающий и преданный

Абастуман 12 января 1894.

В. Ключевский

Ключевский В. О. Письмо Сперанскому Н. И., 4 октября 1893 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 174. — [Т.] V.

Многоуважаемый Николай Иванович!

Простите, что беспокою Вас просьбой, исполнение которой, боюсь, соединено с большими хлопотами. Когда я преподавал в Алекс(андровском) училище1, для юнкеров литографировались составленные мною записки по истории2. У меня уцелел от последнего издания лоскуток, который при сем прилагаю. Может быть, в складе ненужных учебных пособий уцелели экземпляры и этих записок. Если есть возможность по прилагаемому лоскутку навести справку и добыть для меня один экземпляр этих записок, Вы мне сделаете этим очень большое одолжение. Когда экземпляр найдется, потрудитесь оставить его у швейцара училища для передачи по востребованию на мое имя: я буду наведываться о результате поисков сам или через прислугу3.

Сижу безвыходно дома с неотвязчивым кашлем.

Истинно Вас уважающий и преданный Вам

4 окт. 93

В. Ключевский

Гончарова Н. Г. Письма В. О. Ключевского к Н. И. Сперанскому // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 174. — [Т.] V.

В годы одновременной службы в Александровском военном училище (1882—1888) возникла дружба В. О. Ключевского и Н. И. Сперанского, продолжавшаяся до смерти Н. И. Сперанского.

Сохранились только два письма В. О. Ключевского к Н. И. Сперанскому, так как и тот и другой редко надолго покидали Москву, а частые встречи и совместные прогулки по городу не способствовали оживленной переписке.

Гончарова Н. Г. Примечания: Письма В. О. Ключевского к Н. И. Сперанскому // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 175. — [Т.] V.

Письма В. О. Ключевского публикуются по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе РНБ. Отчет РНБ (1969—1973), № 84.

1 Александровское военное училище (с 1864 по 1894 г. 3-е Александровское училище) было основано в эпоху реформ 1860-х годов как «второй университет для военных». В училище принимались не только выпускники кадетских корпусов, но и люди с университетским образованием, представители всех слоев общества. К преподаванию привлекались лучшие научные и преподавательские силы, в том числе и Ключевский. В программу входили, кроме специальных военных дисциплин общеобразовательные предметы, причем преподавались как точные и естественные науки, так и гуманитарные. Училище обладало огромной библиотекой по всем отраслям знания и культуры, в составе которой были редкие и ценные книги.

2 Имеются в виду тексты лекций Ключевского. Для удобства слушателей они литографировались и распространялись среди юнкеров училища и посторонней публики, посещавшей лекции Ключевского.

3 Просьба Ключевского помочь в разыскании старого курса лекций связана с тем, что осенью 1893 г. он был приглашен читать курс всеобщей истории Великому Князю Георгию. Аналогичный курс Ключевский читал в Александровском военном училище в начале своей лекционной деятельности и с тех пор не возвращался к нему, занимаясь исключительно русской историей. Естественно, что с просьбой найти текст старых лекций историк обратился к близкому другу и бывшему коллеге, продолжающему преподавать в училище.

4 Дом Ключевского на Малой Полянке. Свой курс лекций по всеобщей истории ученый читал в течение осени — весны 1893—1894 гг. на Кавказе в Абастумани, где жил по состоянию здоровья Великий Князь.

5 12 января (25 января н. ст.) — Татьянин день, традиционный университетский праздник, день открытия Московского университета (освящения университетской церкви св. Татьяны).

6 Сперанский окончил в 1867 г. 3-е Александровское военное училище, в котором позже преподавал.

7 Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885) — русский историк и юрист, профессор Московского (1844—1848) и Петербургского университетов. Примыкал к правому крылу западников. Один из основателей историко-юридической школы. Участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., автор одного из первых проектов отмены крепостного права.

8 Великий Князь Георгий Александрович (1871—1899).
9 Сперанская Надежда Константиновна.

10 Имеется в виду семья Ключевского: жена Анисья Михайловна (1837—1910) и сын Борис Васильевич (1869—1944).

Публикация Н. Г. ГОНЧАРОВОЙ

О смерти А. А. Фета

О смерти А. А. Фета // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 240—244. — Из содерж.: Кудрявцева Е. В. Воспоминания о последних днях жизни и о смерти А. А. Фета-Шеншина. — С. 242—243. — [Т.] V.

«...сердце разрывалось, глядя, как с каждым часом мой дорогой Аф(анасий) Аф(анасьевич) уходил от нас все дальше и дальше. „Я гасну, как лампа", — говорил он»

Из письма М. П. Шеншиной К. К. Романову

от 24 ноября 1893 г.

Афанасий Афанасьевич Фет скончался 21 ноября 1892 г. в Москве, в собственном доме на Плющихе. После отпевания в университетской церкви гроб с его телом был перевезен в родовое имение Шеншиных с. Клейменово Мценского уезда Орловской губернии. Здесь в склепе церкви, построенной племянницей поэта О. В. Галаховой — владелицей Клейменова — он был похоронен.

В 1909 г. в журнале «Русский архив» была опубликована заметка П. И. Бартенева «Из записной книжки издателя „Русского архива". (Об А. А. Фете и его кончине)». В заметке впервые говорилось о том, что в день смерти Фет пытался покончить жизнь самоубийством. Сообщение Бартенева вызвало большое недоумение среди читателей. Несколько лет спустя Б. А. Садовской в статье «Кончина А. А. Фета. (По неизданным источникам)» не только повторил информацию

в статье «Кончина А. А. Фета (По неизданным источникам)» не только повторил информацию Бартенева, но и дополнил ее некоторыми подробностями. В. С. Феди?на, возвращаясь к этому вопросу, рассказал, что эти сведения Садовской (Бартенев писал с его слов) получил от Екатерины Владимировны Кудрявцевой, бывшего секретаря Фета и единственного свидетеля его смерти. Статью о кончине поэта Садовской включил и в свой сборник «Ледоход. Статьи и заметки» (Пг., 1916).

С тех пор все исследователи, касаясь смерти Фета, используют статью Садовского. А между тем, в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится рукопись Е. В. Кудрявцевой — ее воспоминания о последних месяцах жизни и смерти поэта. Это двойной лист большого формата, текст занимает три с половиной страницы. Рукопись чистовая, с небольшими поправками, не имеет ни заглавия, ни даты, ни подписи. Однако несмотря на это, по почерку она несомненно принадлежит Кудрявцевой. На верхнем поле первого листа карандашом рукою Н. Н. Черногубова сделана следующая запись: «1) См. Письмо А. Фета к Гр. Л. Толстому от 28. IX. 1880: „Великий курфюрст, дед Фридриха Великого, за час до смерти раздавал своих заводских лошадей своим генералам и бранил за дурной выбор. Так, вероятно, буду умирать и я". Ср. „Из деревни". Литературная библиотека, 1868, № 2». На третьей странице рукописи внутри текста оставлено свободное место — очевидно, для того, чтобы вписать текст записки, которую ей продиктовал Фет и которую приводит в своей статье Садовской. Рукопись поступила в библиотеку, вероятно, в составе архива поэта, владельцем которого был Черногубов.

Е. В. Кудрявцева (при жизни поэта — Федорова) стала секретарем Фета с конца 1886 г. Почти никаких сведений о ней найти не удалось. Однако с достоверностью можно сказать, что эта

девушка искренно полюбила поэта и его жену и по существу стала членом их семьи. Так, сообщая Полонским о смерти мужа, Мария Петровна писала: «Милая Екатерина Владимировна так за ним ходила, что я этого не забуду всю мою жизнь, только ее замужество может меня с ней разлучить.»

Обращение к тексту записки Кудрявцевой исключительно важно. Во-первых, это подлинные воспоминания единственного очевидца смерти Фета. Во-вторых, она упоминает интересные факты и подробности последних месяцев жизни поэта и событий 21 ноября. При сопоставлении текста ее воспоминаний с изложением Садовского обнаруживаются некоторые расхождения, что позволяет иначе интерпретировать отдельные моменты.

Другим не менее важным документом, касающимся смерти Фета, является письмо Алексея Васильевича Олсуфьева Великому Князю Константину Константиновичу Романову (К. Р.), обнаруженное недавно в архиве Великого Князя в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Среди окружения Фета Олсуфьев был последним, кто виделся с ним накануне смерти. Это было вечером 20 ноября. Но сначала несколько слов об этом человеке.

А. В. Олсуфьев (1831—1915) — генерал от кавалерии, филолог-дилетант познакомился с Фетом в октябре 1886 г. Блестящий знаток древнеримской литературы, истории, культуры, он становится помощником Фета в его переводах произведений латинских поэтов. Со временем их сотрудничество приняло теплые дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка. 23 ноября 1892 г. Олсуфьев писал жене в Петербург: «Кончина бедного моего друга Фета наделала мне столько дела, милый друг, что я только несколькими строками могу поблагодарить тебя за телеграмму... Я вчера писал до 3-х часов почти В. Кн. Константину Конст(антиновичу), описывая последние минуты старого Барда... Два раза в день езжу на панихиды и кроме того, как только получается телеграмма от Высочайших особ, Марья Петровна тотчас препровождает ее ко мне, какой бы ни был час дня или ночи для согласования ответа. Завтра я должен быть на Плющихе уже в 8? утра.»

Письмо Олсуфьева К. К. Романову — это два двойных листа большого формата. В левом верхнем углу вытеснен герб рода Олсуфьевых. Текст занимает шесть страниц.

После похорон Фета Мария Петровна и Екатерина Владимировна провели в Клейменове 40 дней. Они жили в доме Галаховых, почти каждый день ездили к захоронению поэта. Среди писем, которые получила Мария Петровна в эти дни, до нас дошли два письма Великого Князя Константина Константиновича. Они ценны не только тем, что отражают взаимоотношения Фета и К. Р., но и тем, что дают представление о личности Великого Князя.

(ВОСПОМИНАНИЯ Е. В. КУДРЯВЦЕВОЙ О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ЖИЗНИ И О СМЕРТИ А. А. ФЕТА-ШЕНШИНА)

Сколько могу припомнить, в 1892 году мы приехали из Воробьевки1 в Москву 2 октября; это была суббота. Афан(асий) Аф(анасьевич) в тот же вечер поехал навестить графиню С. А. Толстую, в Хамовники;2 мы уговаривали его не ехать, так как погода была сырая, но он не послушался и поехал даже не на своих лошадях, а на извощике. Через три дня после этого он закашлял, зачихал и видимо простудился. Позвали нашего доктора А. Н. Икова3; тот не нашел ничего особенного и прописал хинин. Через несколько дней стало лучше, и мы уже думали, что все кончилось благополучно; но болезнь скоро вернулась (а может быть, она и не проходила). Иков сказал, что дело осложняется, и надо посоветоваться с Остроумовым4. Остроумов был несколько раз и приносил только ту пользу, что Афан(асий) Афан(асьевич) в этот день становился бодрее, оживленнее, у него как будто являлась надежда на выздоровление, тогда как в остальные дни, особенно последние недели своей болезни, он был молчалив, раздражителен, апатичен: ничто его не интересовало, ничто не затрагивало, точно жил он какою-то другой жизнью, внутренней, ему одному известной. Он ужасно страдал от затрудненного дыхания и сильного кашля. Лекарство принимал с большим трудом, сердясь и отталкивая от себя; приходилось долго уговаривать. Но несмотря на такое состояние, Афан(асий) Афан(асьевич) все время был на ногах, и день мы проводили обычным образом: около восьми часов шли в столовую, варили кофей, затем Афан(асий) Афан(асьевич) раскладывал пасьянс (потом уж он этого не делал, а только смотрел, как раскладывает М(арья) П(етровна) или я), затем отправлялись в кабинет и занимались переводом Овидиевых «Amores»5 или отвечали на письма. По вечерам навещали нас некоторые близкие знакомые, чаще всего Н. В. Досекин6 и покойный Ю. Н. Говоруха-Отрок;7 и того и другого Аф(анасий) Аф(анасьевич) находил очень приятными собеседниками и был расположен к ним. Перевод «Скорбей» Овидия в это время печатался, и мы держали вместе корректуры.8 Первое время болезни я читала вслух Аф(анасий) Аф(анасьевич) «Madame Bovary». Аф(анасий) Аф(анасьевич) заботился, чтобы я не забыла французский язык и был очень доволен моими успехами при чтении этого романа. Однако до конца мы не прочли, ибо с продолжением болезни бросили чтение.

Так тянулась эта мучительная болезнь почти без улучшения. Остроумов говорил, что в 72 года трудно ждать выздоровления, но мы с М(арьей) П(етровной) все надеялись. Помню, П. П. Боткин9, навещая несколько раз больного, говорил Марье Петровне, что надо бы причастить Афан(асия) Афан(асьевича). Но М(арья) П(етровна) каждый раз решительно говорила: «Ради Бога, не говорите ему этого; он рассердится, и ему будет хуже; он не верит в обряды; я уж беру на себя этот грех и буду молиться об нем сама».

Между тем, Аф(анасий) Аф(анасьевич), замечая сам, что болезнь не поддается лечению постепенно начал приходить в какое-то ожесточение: он и здоровым всегда тяготился жизнью и не раз говорил, что от самоубийства останавливает его только та мысль, что завещание будет недействительно; а иначе его давно бы не было на свете.

21 ноября утром, напившись кофею, он сказал, что ему хочется шампанского. М(арья) П(етровна) без доктора не решилась дать и вызвалась сию же минуту съездить к Остроумову и спросить. Аф(анасий) Аф(анасьевич) согласился, и пока она одевалась, несколько раз спрашивал, скоро ли будут готовы лошади? Уезжая М(арья) П(етровна) подошла к нему, он ласково с ней простился, сказав: «Прощай, мамочка, будь здорова, дорогая моя», — и поцеловал ее руку. Надо прибавить, что и накануне весь вечер, и в это утро он был очень мрачен и молчалив. Только что

М(арья) П(етровна) уехала, Аф(анасий) Аф(анасьевич) поднялся и сказал: «Пойдемте в кабинет (мы сидели в столовой), мне надо вам продиктовать». Мы пошли, и я его поддерживала, как всегда в последнее время. В кабинете я спросила: «Мы будем писать письмо?» — «Нет, возьмите лист писчей бумаги.» В эту минуту я заметила у него в руках разрезальный для писем стальной нож. Я ни о чем еще не догадывалась; он продиктовал следующее и сказал: «Дайте, я подпишу.»*10 При этом он заметно был в большом волнении. Поняв его, я растерялась и начала уговаривать; он рассердился; я подошла и старалась взять у него из рук разрезальный нож; с большим трудом мне это удалось, причем я разрезала себе ладонь в нескольких местах; тогда Аф(анасий) Аф(анасьевич) побежал в столовую и так скоро, что я едва догнала; по дороге звоню изо всех сил, но никто из прислуги нейдет; я вижу, что Аф(анасий) Аф(анасьевич) хочет отворить шифоньерку, где лежали ножи, я стараюсь его не пустить; наконец, силы его оставили от такого волнения, и прошептавши: «Черт», он опустился тут же на стул (в это время прибежал наш человек и девушка), начал дышать все тише, тише, потом вдруг широко раскрыл глаза, как будто увидев что-то необычайное, между тем как правая рука сложилась в крестное знамение, — и через минуты две все было кончено.

Примечания

Воспоминания Е. В. Кудрявцевой хранятся в Отделе рукописей РГБ в фонде А. А. Фета (Ф. 315. Оп. 2. К. 14. Ед. хр. 39).

1 Имение Фета в Щигровском уезде Курской губернии, которое он купил в конце 1877 г.

2 В Б. Хамовническом пер. (ныне ул. Л. Толстого) находилась городская усадьба Толстых (ныне Музей-усадьба Л. Н. Толстого).

3 Иков Александр Николаевич (1857—1897) — врач-терапевт. В ОР РГБ хранятся 7 его бюллетеней о состоянии здоровья Фета 18—26 октября 1892 г. (Ф. 315. Оп. 2. К. 4. Ед. хр. 34).

4 Остроумов Алексей Александрович (1844—1908) — профессор, с 1880 г. — директор госпитальной терапевтической клиники Московского университета. Клиника находилась на Девичьем поле, недалеко от дома Фета на Плющихе.

5 25 апреля 1894 г. А. В. Олсуфьев писал К. К. Романову: «Разговаривая с покойным Афанасием Афанасьевичем ровно за 16 часов до его кончины... я никак не подозревал, что у него в портфеле хранится почти оконченный перевод «Amores»...

Несколько месяцев после его смерти Марья Петровна передала мне эту рукопись набело переписанную Екатериной Владимировной, прося заняться составлением необходимых для уразумения текста замечаний и вступлений; только тогда узнал я от Екатерины Владимировны, что Афанасий Афанасьевич работал над этим переводом с более даже, нежели обычной ему энергией, в последнее свое пребывание в Воробьевке летом и осенью 1892 года.

По рассмотрении мною рукописи оказалось, что она заключает прекрасный, как всегда, перевод Фета в размерах подлинника. 42 элегии — из числа 49-ти составляющих три книги Amorum — этого несомненно лучшего произведения гениального римского элегика.

Графиня Наталья Михайловна Соллогуб — одна из близких друзей покойного, которой он посвятил многие из своих стихотворений, обладающая изящным поэтическим дарованием, охотно согласилась исполнить мою просьбу окончить этот перевод, но — как мне следовало бы ожидать — после целого года отделала, правда прекрасно, только одну элегию, решительно отказавшись затем продолжать эту, как она совершенно напрасно уверяет, непосильную для нее работу. (...)

Ваше Императорское Высочество были лучшим другом незабвенного нашего поэта и теперь после его смерти, быть может, Вы первый из современных наших лириков, вот две причины, на

основании которых решаюсь просить Ваше Высочество принять под свое покровительство последнее произведение Фета и почтить достойнейшим образом его память, взявши на себя труд окончить этот перевод. (...)

Ежели Вашему Высочеству благоугодно будет милостиво согласиться на мое предложение и приказать мне явиться в Петербург, то я сообщу Вам образцы перевода Афанасия Афанасьевича, тексты оставшихся непереведенных элегий, работу Графини Соллогуб, совершенную ею при помощи весьма плохого французского перевода, и при этом буду иметь честь испросить Ваши указания касательно формы примечания, размера и общего направления введения, предварительные работы к которому мною уже окончены.» (ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Ед. хр. 430).

Великий Князь Константин Константинович отказался от перевода оставшихся шести элегий, потому что всего через 4 дня, 30 апреля, Олсуфьев настойчиво возвращается к своей просьбе: «Нам требуется не multa sed multum (многочисленное, но многое (лат.). — Г. А.) и вот почему так дорого будет всем, чтущим память покойного Афанасия Афанасьевича, видеть в издании последнего его труда Августейшее Имя Вашего Высочества в главе друзей почившего поэта, предпринявших окончить и издать этот труд — даже, если бы этим Именем, драгоценным для всей мыслящей образованной России, украсилась одна только элегия.

Позвольте поэтому видеть в письме от 27 с. м-ца, которым Вашему Высочеству угодно было почтить меня, не решительный отказ, а скорее надежду, что «положив гнев на милость», Вы выберете одну из оставшихся непереведенными элегий. (...)

В твердой надежде, что Вы, которого так беспредельно любил покойный Афанасий Афанасьевич, не откажетесь почтить его память, приняв участие в труде, смеющем быть посвященным «Памяти Фета», посылаю Вашему Высочеству на благоусмотрение переведенную Афанасием Афанасьевичем 10-ю элегию III книги, а также перевод Графини Соллогуб 15-й элегии той же книги и начатый ею, но не оконченный перевод 8-й элегии; так как из последней остаются непереведенными только 11 дистихов, то я надеюсь убедить талантливую, но немного ленивую Графиню ее окончить. Затем остальные четыре элегии возьмут на себя перевести, я в этом не сомневаюсь, профессор Корш и Влад(имир) Серг(еевич) Соловьев, оба принадлежавшие к числу близких друзей покойного, и оба владеющие прекрасно гекзаметром. (...)

Если Вашему Высочеству угодно будет приказать, то я могу под каждое отдельное слово выбранной Вами элегии написать равнозначащее русское слово во времени и падеже подлинника. Я хорошо помню, как будучи ребенком, лично видел много раз Василия Андреевича Жуковского, работавшего таким способом над переводом Илиады, язык которой ему был совершенно незнаком» (ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Ед. хр. 430).

«Любовные элегии» Овидия в переводе Фета так и не были изданы. О дальнейшей судьбе рукописи пока ничего не известно.

6 Досекин Николай Васильевич (1863—1935) — художник-пейзажист, скульптор, театральный художник, автор нескольких статей по искусству. В 1892 г., живя в Воробьевке, вылепил бюст Фета.

7 Говоруха-Отрок Юрий Николаевич (1850—1896) — литературный критик, печатавшийся преимущественно под псевдонимом Ю. Николаев.

8 «Скорби» Овидия вышли в свет уже после смерти Фета, весной 1893 г.

9 Боткин Петр Петрович (1831—1907) — брат жены Фета.

10 В статье «Кончина А. А. Фета» Садовской пишет: «...с его слов г-жа Ф. (Федорова — фамилия Кудрявцевой в девичестве — Г. А.) написала сверху листа: „Не понимаю сознательного

преумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному.“ Под этими строками он подписался собственноручно: „21-го Ноября. Фет (Шеншин)“». Здесь Садовской делает сноску: «Мы видели эту записку на листе обыкновенной беловатой бумаги невысокого качества». Эта записка пока не найдена, возможно, что она не сохранилась. Судя по литературным источникам, никто, кроме Садовского, эту записку не видел.

Из архива В. А. Маклакова

Книппер-Чехова О. Л. Письмо Маклакову В. А., 28 апреля 1906 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 431. — [Т.] V.

28 апреля

Если бы я могла понять все в твоих письмах, то было бы очаровательно, я думаю. Ребусы какие-то, иероглифы, которые можно истолковывать смотря по настроению. Это тоже верно интересно. Я не писала, потому что писать было не о чем. Жила в Франкфурте патриархально, в великолепной гостинице, по вечерам клеила рецензии всей поездки для нашего театрального архива. Несколько раз была в доме Гете — изумительное там настроение. Хорошо сохранилось. Ездила в Висбаден к Ермоловой, и она у нас была. Стахович приезжал из Баденкейлера, жил с нами несколько дней, катались на автомобиле. Смотрели чудесный Palmenhaus. В Висбадене опять был Вильгельм на «Федоре», дал подарки главным актерам, на другой день за это его

пробрали в газетах, что он слишком много симпатий отдает русским артистам и забывает о немцах.

В Берлине не останавливалась.

Здесь жара, играем при переполненных сборах, кончим, верно, 3-его или 4-ого мая и тогда в Москву. Как то вчерашний день прошел в Петербурге?! Напиши. Тронную речь Вера уже вечером нам переводила с польского. Лето думаю остаться в России, надоело трепаться.

Письма в Франкфурте не получала.

До свидания, Ольга

Книппер-Чехова О. Л. Письмо Маклакову В. А., 11 апреля 1906 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 431. — [Т.] V.

11 апреля

Очень жаль, что нам, верно, не придется увидеться за границей. Вы напутали по обыкновению или не читали моих писем. Давно было известно, что мы непременно играем в Вене, а почему Вы слушаете кого-то (по Вашим каракулям как будто Зин. Мороз.) — не знаю.

Я так радовалась видеть Вас в Вене. Здесь мы пробудем, верно, до 22-ого, пока назначены спектакли до 19-ого, но может быть, накинем два вечера. А сейчас я совершенно свободна до 15-ого, никаких занятий в театре. Как жаль. А мне очень скучно, тоскливо. Надоели шумные приемы, овации, разговоры, охи, ахи. Если бы Венеция была поближе — уехала бы одна на эти дни.

Немирович с женой, кажется, завтра уезжают в Париж.

Мы там будем 30-ого. Где буду летом — не знаю. Эх Вы... Где Ваша сестра?

Ольга Книппер

Остановилась Hotel Teggethof Johannesgasse.

Книппер-Чехова О. Л. Письмо Маклакову В. А., 14 марта 1906 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 429—430. — [Т.] V.

14 марта Отчего Вы молчите, Василий Алексеевич. Напишите, что делается на Руси, чего ждут. Газеты тяжело читать, впереди ничего не видно. За что вас, бедных кадетов гоняют. Слышала, что Вы с большим успехом действуете, читаете лекции. Радуюсь за Вас. Работаете много. Бодры, веселы?

Видела здесь Алексея и Александра Стаховичей. Один едет из России, другой в Россию. У Алексея Алекс. больна жена, очень болен сын, и он расстроен. А мы все показываем немцам свое искусство. Все нас хвалят. Сыграли «Три сестры» и опять с успехом. Я с упоением играю Машу, люблю переживать эту тоску и жажду любви.

Вы этого не понимаете и улыбаетесь? да?

Была сегодня опять у Гауптмана. Он говорит, что «Дядя Ваня» произвел на него сильнейшее впечатление, и что Чехов заставляет его опять идти по прежнему пути, с которого он сошел благодаря тому, что не понимали его немцы. Если бы это мог слышать Антон Павлович! Он так

любил Гауптмана. А вообще Берлин и немцы мне надоели. Немирович уехал в Вену и если там сговорятся, то мы на Страстной неделе будем в Вене, поигравши предварительно в Дрездене и Праге. Приезжайте. Вы когда выедете? Напишите. Может в Вене увидимся? Хочу Вас видеть, живу однообразно. Приезжайте, расскажите про все и про всех.

Опять холодно. Сегодня с Машей ездила на моторе в окрестности. Сейчас побегу в театр. Смотрят «Федора» императрица7 и кронпринц, и я ради торжества выхожу боярыней в толпе в последней картине. Маша уезжает на той неделе в Россию. Будьте здоровы, приедете?

Ольга Книппер

Книппер-Чехова О. Л. Письмо Маклакову В. А., 8 марта 1906 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 429. — [Т.] V.

8 марта

Как я была счастлива, если бы могла понять, т. е. разобрать каждое слово Вашего письма! Возможно ли иметь такой нелепый почерк!

Ваше первое письмо так и не дошло до меня, хотя я сама была в Deutsch Theater и на почте, и все почтальоны меня уже признали, но письма нет, хотя оно было в Deutsch Theater.

Здесь совсем весна, тепло, ходим в летнем, земля уже издает испаренья, от которых сердце замирает. Вы это понимаете или нет? Вы сухарек?

Одеваюсь при открытой балконной двери. А балкончик мой выходит на Unter den Linden, вид восхитительный, т. к. живу на 4-м этаже, масса воздуха, внизу кишат немцы, гудят автомобили, бегают омнибусы. А толпа здесь некрасивая. Вообще красоты здесь нет, а только комфорт. И культура-то внешняя. Сыграли мы и «Дядю Ваню» и с огромным успехом. И Чехова поняли немцы, рецензии были удивительные. Игру хвалят. Меня немцы записали в красавицу, и что я pendant к Эдде Габлер3, и что я «движениями напоминаю Дузэ»4, и что в 3-м акте была горяча,

как «уголь», и что я слишком была «ядовита» для Елены... А мне смешно было читать. Станиславского записали в гении, превозносят. Пишут, что «немецкие актеры шапки» долой перед нами и «учитесь». Даже самые вечно брюзжащие критики и те хвалят. Сыграли и «На дне» тоже с треском. Гауптман сказал, что из трех спектаклей самое сильное впечатление — «Дядя Ваня». Его даже слеза прошибла. Я была у Гауптмана. Обаятельный он человек. Кронпринцесса5 была на «Федоре». Горький с Marie6 тоже здесь, но мы их не видим. Немцы к нему уже охладевают сильно.

24 марта (нов. ст.). Мы здесь кончили и едем на три спектакля в Дрезден, а потом куда — не знаю. В каком городе мы с Вами увидимся, милый мой. Ведь вы приедете? А то скучно... Здесь весна, фиалки, птички, солнце... все, кроме любви. О России тяжко думать. А какая она сильная, красивая, своеобразная, когда думаешь о ней здесь. Пишите мне, не ленитесь. Я тоже совсем одна. Маша уезжает скоро в Россию.

Ольга Книппер

Книппер-Чехова О. Л. Письмо Маклакову В. А., 22 февраля 1906 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 427—429. — [Т.] V.

Unter den Linden 27,

Pension Biche O. Tschekhoff

22 февраля

Василий Алексеевич, милый мой, я решила, что Вы давно уже погибли где-нибудь на съезде или сидите где-нибудь «на отдыхе». Только сегодня узнала, что Вы живы и невредимы. Ваше первое письмо, очевидно, где-то застряло. Завтра пошлю в Deutsches Theater просить, нет ли его там. Мы играем в Berliner Theater, Вы напутали, ну да простит Вас Бог.

Завтра начинаем действовать. Идет четыре раза подряд «Царь Федор», затем «Дядя Ваня». Конечно волнуемся. Что будет — неизвестно. Завтра будут у нас Гауптман1, Зудерман2, Шнипи(злерг), всякие представители, банкиры, etc... Все газеты о нас пишут, помещают interview. У меня тоже был один такой субъект и напечатал целых два столбца «Bei Olga Tschekhoff». Вышло сверх ожидания, довольно складно, а то обыкновенно много вранья.

Диплом члена масонской ложи

В. А. Маклакова. 1906 г.

Я здесь уже неделю, провела четыре дня в милом Дрездене, в молодой хорошей компании, катались на автомобиле, гуляли, шатались, музыканили. Солнце, тепло, земля уже ароматичная, продают фиалки, в окнах всюду тюльпаны, никого не арестуют... Здесь противно. Я не люблю Берлина, не люблю пруссаков. Большой, базарный, антихудожественный город. Не жду от него ничего хорошего. Настроение было неважное, теперь лучше. Живем в пансионе довольно безалаберном, но с отличным столом. Тут же семья Станиславских, Немировичей и Вишневский, но мы наверху с Марией. Пока не начались спектакли, жизнь бестолковая. Бегаем по улицам, по музеям. Каждый вечер я сидела в театрах, много видела, была в цирке. В общем живу тихо, добродетельно. Когда Вы поедете в Париж, мы уже, верно, будем в другом месте. Захотите — приезжайте повидаться. Больно думать о России здесь. И все-таки какая красота, поэзия, богатство в нашей милой, безалаберной России. Ну, конец бумаге, и письму конец. Пора спать, поздно. Жму Вашу руку.

Ольга Книппер

Членский билет (диплом) масонской ложи на имя В. А. Маклакова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 427. — [Т.] V.

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ (ДИПЛОМ) МАСОНСКОЙ ЛОЖИ

НА ИМЯ В. А. МАКЛАКОВА

СВОБОДА РАВЕНСТВО БРАТСТВО

ВЕЛИКИЙ ВОСТОК ФРАНЦИИ

Высший Совет Франции и Французских Владений

Всем действительным Франк-масонам

СПАСЕНИЕ СИЛА СОЮЗ

По просьбе, представленной Р(егулярной) Л(ожей) Масонский Авангард Парижского Ор(дена) и по ее аттестации Б(рат) Маклаков В. А., адвокат, рожденный в Москве, Россия, 8 мая 1870, живущий в Москве, был возведен ею в степень Мастера 18 апреля 1906.

Мы, должностные лица В(еликого) В(остока) Ф(ранции), выдали Б(рату) Маклакову В. А. настоящий диплом Мастера дабы он мог пользоваться всеми правами, полагающимися этой степени, рекомендуя его радушию наших Б(ратьев) и обещая взаимность всех франк-масонов, местных и зарубежных, имеющих подлинные и действующие документы.

№ Ветви

71.350

№ Печати

95.629

Ковалевский М. М. Записка Маклакову В. А., 4 мая [1905 г.] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 427. — [Т.] V.

Многоуважаемый Василий Алексеевич.

Приходите завтра ко мне часом ранее, а именно в три. Это необходимо.

Четверг 4 мая.

13 Av. de l'Observ.

Ковалевский М. М. Записка Маклакову В. А., 3 мая 1905 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 426. — [Т.] V.

3 мая 1905 г.

Многоуважаемый Василий Алексеевич.

Прошу Вас быть у меня в пятницу в 4 часа. Придут масоны и Ваш прием в ложу может состояться в Понедельник

состоятся в Понедельник.

13 Av. de l'Observ.

Ваш М. Ковалевский

Книппер-Чехова О. Л. Письмо Маклакову В. А., 1 апреля 1906 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 430—431. — [Т.] V.

1 апреля

Сыграли три спектакля в Дрездене, с изящным успехом, именно с изящным, и отдохнули здесь после шумного, базарного Берлина. Уезжать не хочется отсюда. Обаятельный город. Чудесный королевский театр, милые люди кругом, дисциплина, понимание искусства. Даже рабочие нас поразили — когда Немирович хотел дать им вознаграждение — они отказались, сказали, что понимают кто ездит из-за «гешефта», а кто из-за искусства, и что им приятно было помогать нам. Каково? Прощание было шумное, здешние артисты говорили речи, подносили венки, одним словом, такого шумного приема Дрезден не видывал. Приедете — расскажу, писать нет буквально времени, целый день в разгоне. Сейчас поздняя ночь, а надо еще укладываться, завтра еду в Лейпциг на два дня. 4 апреля едем в Прагу, кончаем там 9-ого и едем в Вену, где 12-ого сыграем «Федора», затем антракт до 15-ого. С первых чисел мая до 15-ого мы будем в Париже. Куда Вы приезжаете? Катите в Вену, а оттуда встречать май в Париж — идет? (как говорит (...)). Телеграфируйте или пишите в Прагу — National theater или в Вену — Burger Theater. Как

выборы? Как дела в России? Целую Вас в височек.

Ольга Книппер

Каргаполова Н. А. Из архива В. А. Маклакова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 426. — [Т.] V.

Архив В. А. Маклакова поступил в Государственный Исторический музей в 1922 г. Материалы фонда относятся к 1890—1916 гг. и отражают различные стороны общественно-политической жизни России, адвокатскую, преподавательскую и партийную деятельность Маклакова.

Публикуемые документы из архива Маклакова, относятся к 1905—1906 гг.

Маклаков Василий Алексеевич (1870—1957) — политический деятель, адвокат, ученик Ф. Н. Плевако. Широкую известность получил своими выступлениями на крупных процессах — Выборгском, Тагиева, Бейлиса. С 1906 г. — член ЦК партии кадетов. Депутат II, III, IV Государственной думы. В феврале 1917 г. был назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции, затем — послом во Францию. После Октябрьского переворота эмигрировал. За границей вышли его работы: «Первая Государственная Дума», «Вторая Государственная Дума», «Власть и общество на закате старой России».

Записки М. М. Ковалевского (ОПИ ГИМ. Ф. 31. Ед. хр. 28) и диплом** на имя Маклакова (ОПИ ГИМ. Ф. 31. Ед. хр. 1) относятся к вступлению Маклакова во французскую масонскую ложу в 1905 г. и присвоению ему степени мастера в 1906 г. В начале мая 1905 г. Ковалевский и Маклаков находились в Париже, 17 мая этого же года Ковалевский из Парижа пишет в Москву Маклакову письмо, начиная с масонского обращения: «Дорогой Брат...».

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — юрист, социолог, этнограф. В 1877—1887 гг. преподавал в Московском университете государственное право и сравнительную историю права. Вследствие своей оппозиции к политике правительства в 1887 г. был отстранен от

преподавательской деятельности, уехав за границу, читал лекции в Стокгольме и Оксфорде. В 1906 г. основал Конституционно-монархическую партию демократических реформ. Был депутатом 1-й Государственной думы и членом Государственного совета.

Ковалевский получил степень мастера во французских масонских ложах «Космос», «Верные друзья» и др., стал инициатором возрождения русского масонства. В январе 1906 г. обратился к председателю Совета ложи Великий Восток Франции за разрешением открыть масонские ложи в России. Первая масонская ложа «Возрождение» была открыта в Москве 15 ноября 1906 г. Членами ее являлись Н. Н. Баженов, Гамбаров, Ковалевский, С. А. Котляревский, Маклаков. Позднее в Петербурге была открыта ложа «Полярная звезда».

Несколько писем О. Л. Книппер-Чеховой (ОПИ ГИМ. Ф. 31. Ед. хр. 27) Маклакову (он был присяжным поверенным А. П. Чехова) были написаны в 1906 г. во время гастролей Московского Художественного театра за границей.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова (1868—1959) — актриса, народная артистка СССР (1937). Окончила Музыкально-драматическое училище в классе В. И. Немировича-Данченко. С 1898 г. работала в труппе МХТ. Играла в пьесах Чехова: «Чайка» — Аркадину, «Дядя Ваня» — Елену Андреевну, «Три сестры» — Машу, «Вишневый сад» — Раневскую.

Каргаполова Н. А. Примечания: Из архива В. А. Маклакова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 432. — [Т.] V.

1 Гауптман Гергарт (1862—1946) — немецкий драматург. Его первые драмы, написанные в духе реализма и натурализма, вызвали бурную реакцию в обществе. Увлекшись в начале века декадентством, в 1906—1907 гг. возвратился к созданию драм из реальной жизни. В 1912 г. ему была присуждена Нобелевская премия по литературе.

2 Зудерман Герман (1857—1928) — немецкий писатель, драматург. В своем творчестве стремился изобразить подробности быта мелкой и средней буржуазии. В России его пьесы ставили театры Корша, Александрийский, Малый.

3 «Гедда Габлер» — пьеса норвежского драматурга Г. Ибсена (1828—1906), написанная в 1890 г. В 1899 г. была поставлена Моск. Художественным театром (в главной роли — М. Ф. Андреева), в 1905 — в театре В. Ф. Комиссаржевской (в главной роли — Комиссаржевская).

4 Дузе Элеонора (1858—1924) — итальянская актриса. Ее триумфальные гастроли прошли в Европе, США, Египте, странах Южной Америки. В 1891—92 гг., а также в 1908 г. играла в России. Игру высоко оценили Чехов, Станиславский, Немирович-Данченко.

5 Сесилия Мекленбург-Шверинская (род. в 1886 г.) — с 1905 г. супруга прусского кронпринца Вильгельма (род. в 1882 г.)

6 Андреева Мария Федоровна (1868—1953) — актриса, общественный деятель. В 1898—1905 гг. играла в МХТ. Гражданская жена М. Горького. В 1900 г. эмигрировала вместе с писателем.

7 Августа-Виктория (урожд. принцесса Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Августенбург) — с 1881 г. супруга германского императора Вильгельма II.

Публикация Н. А. КАРГАПОЛОВОЙ

Письмо М. А. Волошина к А. М. Ремизову

Волошин М. А. Письмо Ремизову А. М., 1909 г. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. В.

Акопджановой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 432—433. — [Т.] V.

Знакомство Максимилиана Александровича Волошина (1878—1932) и Алексея Михайловича Ремизова (1877—1957) относится к октябрю — декабрю 1906 г., когда Волошин был в Петербурге. В январе — феврале 1907 г. отношения были продолжены, тогда же началась их переписка, которая длилась до начала 1910-х годов. В Государственном литературном музее хранится одно письмо Волошина Ремизову.

(Осень 1909)

Дорогой Алексей Михайлович!

Только что шел домой и с утра об Иуде думал: какой я про него рассказ напишу, а придя Ваше письмо нашел. Это очень хорошо, что Вы написали о нем «представление». Помните, как мы с Вами говорили о том, что всем на одну тему писать надо? «Евангелие от Иуды» посылаю Вам. Но и Вы пришлите мне и Апокриог и Представление. Непременно и поскорее. Я все об нем в библиотеке национальной ищу, но не могу ничего точного найти. Если пришлете, напишу Вам много примечаний — все, что сам знаю. Холера издали очень пугает. Боюсь, что все в Петербурге вдруг умрут. Лучше там самому быть. Пожалуйста, кипятите все как следует. Вот Мечников1 в «Matin» пишет, что холера самая незаразительная из всех болезней и что насморк гораздо опаснее. Только все кипятить и ошпаривать нужно.

Мы об Вас постоянно говорим и вспоминаем (мы — я со своим кузеном Яксом живу — Вы его у Вяч. Иван2. видели). Когда мы обед себе готовим, то это у нас называется «макароны в плевательницах (солененькие)», а «petits beurres»* известны под именем собачих будок.

Артамошкой с Нифашкой у нас состоят Ал. Толстой с женой3. Они очень милые и нисколько не обижаются и даже сами друг друга так называют. Толстой теперь стал стихи гораздо лучше писать4. Мы с ним очень подружились. Он в Петербурге прикидывался совсем иным — взрослым.

А относительно котов у нас очень хорошо: в мастерской стеклянная крыша и на ней все происходит. Коты матерые черные, в ошейниках с бубенчиками. Одного третьего дня при мне под воротами брили: здесь такие специальные котобреи и песьи цирульники (что собак подо львов стригут) ходят. А раз в лунную ночь у нас кошка не стекле рожала. Толстой иногда к ним на крышу лазит, чтобы их валерьяновыми корешками кормить.

Бальмонт вчера проезжал через Париж из Бретани в Мюнхен. Там он месяц пробудет. Ходят слухи, что Брюсов из Испании на Париж едет. Здесь его уже многие во сне видели, так что думают, что может уже и здесь, но скрывается.

Зато по ночам здесь на улицах видимы Феофилактов5, Мильоти6 и Семенов — (Скориотти)7.

Бальмонт за это лето написал пять рассказов. Про себя. Но реальные. Мне читал в Боле лишь первый. Очень, очень хорошо. Хотя, может быть, потому, что его очень жалко: это как он в окно бросался.

Я среди лета к нему из Парижа в Бретань на велосипеде ездил. По всем луарским замкам. В г. Тиффоже (в Вандее) был, где Жиль де Рэтц (Синяя борода)8 в подземельях детей в жертву приносил. В Нанте был в тех кварталах, где любили ща для матросов. Ни в одном городе не видел ничего страшнее. Не по улицам, а по каким-то склизким кишкам лезешь, и во всех дверях лица, как сгнившие морские медузы.

Спасибо за указания журналов.

Привет Серафиме Павловне9. Где были летом?

Максимилиан Волошин

Примечания

Публикуется по автографу; хранится в ОРФ ГЛМ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 14.

1 Мечников Илья Ильич (1845—1916) — русский биолог.

2 Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт-символист, теоретик младшего поколения символистов.

3 Толстой Алексей Николаевич (1883—1945) — советский писатель. В 1908—1909 гг. проживал в Париже, где часто встречался с Волошиным.

Дымшиц Софья Исааковна (1886—1963) — вторая жена А. Н. Толстого, художник.

4 Речь идет о цикле стихов А. Н. Толстого, написанных под влиянием стихов М. Ремизова, стилизованных под русский фольклор.

5 Феофилактов Николай Петрович (1878—1941) — художник-модернист, заведовал художественной частью журнала «Весы» — периодического органа символистов.

6 Милиоти Василий Дмитриевич (1875—1943) — живописец, график, оформитель журнала «Весы».

7 Семенов Михаил Николаевич (1872—1952) — литератор, переводчик, член редкол легии журнала «Весы».

8 Жиль де Рэтц (1396—1440) — маршал Франции, герцог «Синяя борода» был известен в Бретани как легендарная личность.

9 Ремизова Серафима Павловна — жена писателя Ремизова.

Публикация В. В. АКОПДЖАНОВОЙ

Письмо П. Б. Струве к С. П. Мельгунову

Струве П. Б. Письмо Мельгунову С. П., 19 января 1914 г. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Н. К. Пушкаревой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 434—435. — [Т.] V

Петр Бернгардович Струве (1870—1944), публицист, политический деятель, литератор. Окончил курс юридического факультета Петербургского университета.

В 1890-е гг. — легальный марксист, позднее лидер кадетской партии, редактор журнала «Русская Мысль». После Октябрьской революции эмигрировал. В эмиграции — редактор журнала «Русская Мысль» (Прага), газеты «Возрождение» (Париж) и др.

Сергей Петрович Мельгунов (1879—1956), историк, публицист, политический деятель, лидер партии народных социалистов. Окончил Московский университет. В 1900—1910 гг. сотрудничал в газете «Русские Ведомости». С 1913 по 1923 г. редактировал основанный совместно с П. Н. Сакулиным и В. И. Семевским журнал «Голос Минувшего». В 1923 г. эмигрировал. В эмиграции принимал участие в издании журнала «Голос Минувшего на чужой стороне».

19.I.14

Многоуважаемый Сергей Петрович!

Против опубликования письма моего отца1 к Толстому2 и Скалону3 я ничего не имею. Подробности эпизода я забыл. Помню только, что, кажется, в 1886 г. на лицейском празднике 19 октября отец мой произнес речь, посвященную 25-летию крепостной реформы. Это было в разгар Толстовской реакции и речь эта не понравилась. Отец ее напечатал отдельным листочком (в несколько страниц). Она должна иметься у Вас. Ив. Семевского4; не уверен, что она сохранилась у меня. Замечу, что мой отец был человек очень умеренных воззрений, скорее консерватор, чем либерал, но к крестьянской реформе относился с каким-то прямо религиозным чувством поклонения и восхищения. А реакция 80-х гг. желала ведь вернуть Россию в известной мере к порядкам дореформенным и, в частности, восстановить в формах власти земских начальников некоторые элементы старой вотчинской власти. Отсюда несочувствие к реакции 80-х и даже со стороны людей (консервативного образа мыслей). Так я в свое время объяснял и теперь объясняю то настроение, в котором находился в это время мой отец. В это время (незадолго до своей смерти) он виделся, кажется, не раз с покойным А. М. Унковским5 и с Н. Кашкиным6, петрашевцем, своим товарищем по лицею.

Вот все, что мне приходит в голову, по поводу Вашего запроса.

С искренним уважением готовый к услугам

П. Струве

Примечания

Публикуется по автографу; хранится в ОРФ ГЛМ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 53.

1 Струве Бернгард Васильевич (?—1889) — действительный статский советник, астраханский и пермский губернатор, автор «Воспоминаний о Сибири» («Русский Вестник», 1888 г.) и ряда статей, опубликованных в «Русской Старине» в 1880-е гг.

2 Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — граф, государственный деятель. Окончил Царскосельский лицей. В разные годы жизни прокурор Священного Синода, Министр народного просвещения, член Государственного совета. С 1882 г. — Министр внутренних дел и шеф жандармов. Был поборником сильной власти, издал законы «Новое земское положение» и «Положение о земских начальниках». С 1882 г. существенно ограничил свободу печати.

3 Скалон Василий Юрьевич (1846—1907) — общественный деятель, публицист. Председатель Московской уездной земской управы (1874—1883), издатель газеты «Земство» (1880—1882), второй редактор газеты «Русские Ведомости» (с 1899 г.). Публиковал статьи по земским вопросам в газетах «Юридический Вестник», «Русская Мысль», «Вестник Европы», «Русские Ведомости».

4 Семевский Василий Иванович (1848—1916) — историк, младший брат М. И. Семевского, издателя «Русской Старины». В 1886 г. замещал М. И. Семевского в качестве редактора «Русской Старины».

5 Унковский Алексей Михайлович (1828—1893) — юрист, общественный деятель, автор проекта «Положения об улучшении быта помещичьих крестьян» (1858) и ряда статей по крестьянскому вопросу.

6 Кашкин Николай Сергеевич (1829—1914) — сын декабриста, петрашевец, окончил Царскосельский лицей.

Публикация Н. К. ПУШКАРЕВОЙ

Рассказ А. А. Вановского «Японский богатырь» и два письма к Н. А. Бердяеву

Вановский А. А. Письмо Бердяеву Н. А., 29 апреля 1933 г. Токио // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 509—510. — [Т.] V.

29 апреля 1933 г. г.

Токио

Дорогой Николай Александрович,

Как живете? Я иногда узнаю о Вашей деятельности из русских газет, что случайно попадают в мои руки. Падение иены лишило меня возможности выписывать книги, и, в частности, Ваши «Путь»8 и «Новый Град»9. Кажется, скоро Америка перейдет на бумажное обращение, и тогда доллар падет и можно будет покупать книги за границей.

Как-то я писал Вам, что собираюсь прислать свою работу об Апокалипсисе, но Вы ничего мне

не ответили, и я теперь в затруднении — интересует ли Вас эта тема, или нет?

С японским мифом я окончательно расстался и теперь всецело работаю над вопросами христианства и, прежде всего, над загадкой утаенной до-христианской эпохи жизни Христа. Этой осенью, если здоровье позволит, надеюсь закончить небольшую книжку на эту тему.

Давно хотел спросить Вас — когда, приблизительно, может появиться в «Пути» моя статья о библии и яп(онском) мифе?10

Имею к Вам еще маленькую просьбу — В Египте найден папирус с текстом всех четырех Евангелий. Рукопись, как было сказано в газете, «заключает в себе целый ряд новых фактов, касающихся жизни Христа и на 100 лет древней известных Евангелий».

Не знаете ли Вы — где можно прочитать подробное сообщение об этой находке, а главное, изложение того нового материала о жизни Христа, что она дает?

Простите, что затрудняю Вас справкой, но у нас в Японии никто об этом ничего не знает.

Что касается нашей японо-русской жизни, то она небогата содержанием, в Токио — две эмигрант(ских) организации и обе враждуют друг с другом, и в обоих плавают разные политические авантюристы. Я сторонюсь от них. Твердо верю — что возрождение России возможно только через обновленное христианство. Как это случится на практике — сказать, конечно, трудно.

Будете писать мне, то, пожалуйста, сообщите имя и отчество Вашей супруги, я хочу написать ей, она, наверное, не так занята, как Вы, и сможет переписываться иногда со мной11. Пока всего лучшего

преданный Вам А. Вановский.

Мой адрес: A. Wanovsky.

Koyama — machi

Ebara — kn. Tokyo.

Japan.

Вановский А. А. Письмо Бердяеву Н. А., 2 февраля 1934 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 510—511. — [Т.] V.

2 фев. 1934.

Дорогой Николай Александрович,

Вашу открытку с извещением о выходе моей статьи в ближайшем номере «Пути» я получил.

То немногое, что писал до сего времени, печаталось на японском языке и потому оставалось недоступным для русского читателя. Теперь, благодаря Вашему любезному вниманию, попадаю в русский журнал, за что Вам премного признателен.

Письма, о котором Вы пишете, я не получал. Вообще письма, если направлять их через Сибирь, иногда пропадают. Через Америку лучше, но зато много дольше.

Книгу об Апокалипсисе я постепенно заканчиваю. Собственно говоря, тема много шире, так как

я рассматриваю учение и жизнь Христа в свете Апокалипсиса. Но, конечно, анализ Апокалипсиса стоит в центре работы, ибо из него-то я и исхожу.12

За этой работой я совершенно отстал от жизни и ничего другого не читаю, даже не слежу за газетами, а узнаю о новостях от знакомых. Времени у меня мало, занят в университете, а кроме того возня с хозяйством, ибо я живу один и обхожусь без прислуги. Все же работа двигается и скоро начну ее перепечатывать на машинке. В одном из номеров «Пути» прочитал Вашу статью о «генеральной линии» советской философии13. Мне попадалась иногда в руки «безбожная литература», но о существовании безбожной схоластики, опирающейся на Ленина, я и не подозревал. Особенно интересны итоги, что Вы подводите в своей характеристике. Вообще я слежу за Вашими работами, только вот по философии я боюсь читать, или, лучше сказать, по чистой философии. Это у меня еще с Вологды, когда передо мной раскрылась бездна «гносеологии», о существовании коей я впервые узнал от Вас.

Как-то на днях мне попался номер «Совр(еменных) Зап(исок)» за 1927 г. со статьей Ремизова «Северн(ые) Афины»14, в которой он вспоминает нас с Вами. Но обо мне он ничего не говорит, мы с ним почти не встречались. Читая его статью, я с удовольствием вспоминал беспечальное, ссыльное житье.

Это было хорошее время. Я служил техником в земстве — строил школы, больницы и проводил дороги, а между делом занимался охотой на уток, к чему питал большую страсть. Принимал также участие в бесконечных диспутах о задачах революции, нисколько не подозревая, что когда-нибудь она так обманет все наши большие ожидания.

Теперь времена другие: зверь вышел из бездны и наложил на мир свою страшную печать. Много всяких невзгод придется еще пережить, пока кончится его царство. Знаете ли Вы о существовании журнала «Благовест»? В № 10 за 1933 г. есть толковая статья «Библия и современная Археология». Католики, по-видимому, деятельно работают среди русских в Париже.

Пока всего лучшего.

Искренне пред(анный)

А. Вановский.

Привет Лидии Юдифовне и Вашей сестре15.

P. S. На днях я встретился с Л. В. Гоэром16, приехавшим в Японию из Парижа. Он изучает буддизм и рассказывал мне о том, что ему приходилось спорить с Вами по вопросам буддизма. Вообще он немножко познакомил меня с интересами русской колонии в Париже. Собираюсь еще повидаться с Муратовым17, который живет пока в Токио и дальше едет в Маньчжурию. Мне нужно кой-что спросить его об Италии, которую он хорошо знает.

Вановский А. А. Японский богатырь: Рассказ // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 505—509. — [Т.] V.

ЯПОНСКИЙ БОГАТЫРЬ.

(impromptu)

Посвящается Марии Денби

...Средь полей необозримых

В небе ходят без следа

Облаков неуловимых

Волокнистые стада...

Лермонтов «Демон»

I

Фудзи-сан — богатырь, стоящий на страже счастья и покоя японского народа. Он ведет непримиримую, неустанную борьбу с грозными стихиями, рождающимися на бесконечном просторе морей, омывающих цветущие берега страны восходящего солнца.

Закованный в броню льда, он бьется с зимними бурями и снежными вьюгами, никогда не уступая врагу поля сражения.

Солнце всегда застает его в том же самом месте, на котором он высился до начала битвы.

Едва герой успевает снять с себя свой ледяной панцирь, как на него нападают свирепые грозы, блистая и бряцая своим страшным оружием, огненные стрелы сыплются градом, и всякий другой на месте Фудзи-сан непременно обратился бы в бегство, но он не обнаруживает ни малейшего смущения или растерянности.

Прикрывшись своим богатырским щитом, выложенным огромными глыбами лавы, Фудзи-сан терпеливо выжидает, когда истощатся небесные колчаны и противник поневоле должен будет отступить.

Как только сверкнет первая стрела и загремит гром начавшегося сражения, все путники, поднимающиеся на поклон Фудзи-сан, тотчас разбегаются по пещерным гостиницам и сидят там, точно мыши в норах, боясь высунуть нос наружу.

Несомненно существует самая тесная связь между душой японского народа и Фудзи-сан...

Почему японский народ героичен? Да потому что японцы из поколения в поколение имели и имеют перед своими глазами пример богатыря, самоотверженно сражающегося с могучими стихиями.

Но Фудзи-сан не только воин, но и хозяин, живущий трудами рук своих. Все его младшие собратья, также и туманный Акаги-сан, зарабатывают себе на пропитание скотоводством, только Фудзи-сан один-единственный занимается облако-водством. Он пасет стада облаков, гоняя их на водопой к озеру Хаконе, что красуется внизу, у его подножья.

И это не выдумка, а сущая правда. Выбравшись из пещерной гостиницы, я был поражен зрелищем бесчисленного множества белых, облачных барашков, тянувшихся к озеру, очевидно на водопой...

В те минуты, когда ветер, вечно враждующий с Фудзи-сан, разбивал стадо, сквозь возникавшие пустоты проглядывала зелень полей, над которыми оно плыло. Но мне, с высоты восьми тысяч футов, казалось, что облачные барашки не висят в воздухе, не носятся на крыльях ветра, а мирно пасутся на земле, жадно припадая к сочной траве.

Но при всех своих достоинствах Фудзи-сан страдает одной маленькой, можно сказать, смешной слабостью: он слишком любит глядеться на себя в озеро Хаконе.

Зрелище гиганта, любующегося на себя в зеркало вод, подобно юной девушке или Нарциссу, до такой степени оригинально, что поклонники и поклонницы Фудзи-сан толпами стекаются к берегам Хаконе, чтобы в свою очередь полюбоваться на перевернутого Фудзи или как его называют «Саказа-Фудзи».

Фудзи-сан, если смотреть на него вблизи, положительно подавляет своим величием... Как-то вечером, бродя по горным дорогам Готемба, я вдруг увидел силуэт Фудзи-сан...

Исполинской тенью поднимался он над обширной долиной, четко выделяясь своими пологими очертаниями на фоне гаснущего неба...

Я невольно почувствовал трепет перед могуществом хозяина, раскинувшего подобный шатер.

II

Фудзи-сан живет как владетельный князь: помимо бесчисленных стад облаков, солнечных далей, небесных и земных угодий, множества разного рода жилых построек, он имеет собственный храм и даже свое почтовое отделение, в котором письма оплачиваются марками с его изображением.

Быть может, недалеко то время, когда гости Фудзи-сан, располагаясь на отдых в его пещерных гостиницах, вместо традиционного завывания ветра будут слушать по радио пение и музыку в исполнении разного рода знаменитостей...

Что за чудесная перспектива — быть пещерным человеком и в то же время чувствовать себя на вершине цивилизации!

Поистине неисчерпаемы возможности, таящиеся в богатырской натуре Фудзи-сан!

Какое счастье, отряхнув пыль города со своих ног, карабкаться по склонам владений Фудзи-сан!

Сперва густой, лиственный лес, затем чахлый кустарник, и за ним величественная пустыня, уходящая ввысь.

уходящая вниз.

Здесь часто бушует ветер — свирепый противник Фудзи-сан, нападая на его друзей и поклонников. Он сразу угадал во мне почитателя-героя и начал преследовать по пятам, все время стараясь свалить меня с ног. На высоте одиннадцати тысяч футов он взял себе на подмогу жестокий холод, и они вдвоем терзали меня всю дорогу, пока я, наконец, как загнанный зверек, не юркнул в теплую нору.

Отогреваясь под футоном*, я ясно слышал, как они своими ледяными пальцами стучали над моей головой в кусочек стекла, заменявший окошко, вызывая меня наружу. Но я и не думал выходить и только тогда, когда они заключили против меня союз с лютым голодом, мне пришлось покинуть уютное убежище.

Усталый, голодный и холодный добрался я, наконец, до замка Фудзи-сан, за толстыми стенами которого находится грандиозный очаг, в форме огромного круглого провала, переходящего в дикую лощину.

Как-то, немного более двухсот лет тому назад4, наш богатырь развел такой сильный огонь в своем очаге, что зарево от него в облаках было видно за сотни верст. Пепел из очага выпал в столь огромном количестве, что сплошь засыпал не только окрестные деревни, но и самое озеро Хаконе, лишив, таким образом, облачных барашков их водопоя.

Жалея людей и свое воздушное хозяйство, Фудзи-сан решил больше не пользоваться очагом и вскоре совершенно засыпал его песком. Я хотел было сойти на дно очага, чтобы перебраться на другую сторону, но сразу наткнулся на надпись, запрещавшую такого рода прогулки. Пришлось обходить кругом...

III

Карабкаясь по скалам лавы, из которых была сложена богатырская твердыня, я вдруг увидел бескрайнюю равнину океана...

Он тихо блистал сквозь дымку утреннего тумана, омывая полуостров Изу, который был виден как на ладони, и далекие берега Камакуры и Иокохамы. Да, это была именно равнина океана, твердая, гладкая и светлая, как кристалл, но совсем не океан, что волновался где-то там, далеко внизу. Поистине пророк, переживший божественное откровение на острове Патмосе5, созерцал нашу планету с небесной высоты, ибо море кажется ему «стеклянным», подобным «кристаллу»...

В этом сочетании признаков противоположных стихий, сливавшихся в одно гармоническое целое, было что-то совершенно новое для меня, чего я не мог сразу осмыслить...

В своей заоблачной выси я почувствовал себя странником по мирам вселенной, впервые узревшим лицо Земли...

Как хороша Земля! Вот она раскинулась передо мной на ложе океана, точно спящая красавица, не ведающая, что тот, кому дано пробудить ее к новой жизни, стоит уже на пороге ее светлицы и смотрит на нее восхищенным взором.

О Земля! Ты дала мне жизнь, дала возможность наслаждаться величием космоса — как мне не благодарить тебя!

И когда моя душа, точно пойманная птица, билась в сетях отчаяния, ты дарила мне лучшие розы, что цвели в твоем саду — как мне не любить тебя! Ты сама, со всеми своими полями, горами и морями, единственный, несравненный цветок, распустившийся по воле Творца в беспредельности эфира — как мне не славить тебя!

И если бы мне действительно пришлось очутиться на другой планете, где было бы так же хорошо, как в раю, то все же я тосковал бы по тебе безмерно... Никакая красота рая не могла бы мне заменить видения твоего образа. Самые ангельские песни казались бы мне скучными по сравнению с пением твоих птиц.

В вечерние часы, когда в ореоле кроткого сияния ты восходишь для других миров, я простирал бы к тебе руки и жаловался бы на судьбу, что нас разлучила...

Я бы еще долго сидел на обломке лавы и изливал бы, через голову Фудзи-сан, свои чувства по адресу прекрасной Земли, если бы не пошел мелкий снег, напомнивший мне, что я не в Токио, среди болот Зосигая, а в горах на высоте двенадцати тысяч футов.

Бросив прощальный взгляд на необъятное великолепие космоса, я стал спускаться вниз, мимо красноватых громад лавы, что издали кажутся сверкающими рубинами, вкрапленными в княжескую корону Фудзи-сан.

IV

Вот окрестности пещерной гостиницы, где накануне утром я любовался на воздушные стада, бродившие внизу.

Они теперь так тесно сгрудились у озера Хаконе, что казались уже не белыми барашками, пасущимися среди зелени лугов, а мягкими сугробами только что выпавшего снега.

Необычайно странно было зрелище глубокой зимы на фоне летнего пейзажа. Совсем как в Хораи, стране бессмертья, где зима и весна, лето и осень представляются как бы застывшими в одном волшебном хороводе.

Прекрасная Ото-Химеб, подобно Беатриче Дантова «Рая», показывает своему возлюбленному многочисленные чудеса царства своего отца — бога морских драконов... Она приводит его в одну комнату дворца, из окон которой он видит все времена года существующими одновременно, как вещи существуют в пространстве.

Смотря на восток, Урашима7 радовался весне с ее цветущими вишневыми деревьями и светлокрылыми бабочками, порхавшими над розами. На юге он видел лето во всей его пышной славе, и на западе любовался осенним пейзажем, с огненными пятнами кленовых рощ. Когда он переводил свои взоры на север, то перед ним вставала панорама полей, занесенных снегом, и озер, скованных льдом.

Время превращается в пространство, подобно тому, как одна форма энергии переходит в теплоту, а теплота в электричество...

Вот удивительное откровение древнеяпонской мудрости, странно совпадающее с клятвой Ангела Апокалипсиса, что «времени больше не будет».

V

Колокольчики паломников, спешивших вниз, разбили мое мечтательное настроение... С любопытством смотрел я на их сухощавые фигуры, одетые во все белое. Они шли длинной вереницей, с посохами и четками в руках и медными немолчно бряцавшими звонками на поясах. Сколько трогательной поэзии и моральной красоты в этом почитании величественных явлений природы!

С чувством радостного благоговения, ободряя себя громкими кликами, поднимались они на вершину священной горы, чтобы поклониться богам, незримо обитающим на этом Японском

Олимпе.

Конечно, природа — не Бог, но несомненно душа природы предстоит Богу, принимая участье, вместе со светлыми и темными ангелами, а также и с душами умерших, в трагедии исходящего от него Духа.

Наш гордый век не любит природы, он систематически восстановляет ее против себя, нисколько не думая о том, что в ее лице человечество приобретает страшного врага, готового испепелить его при первой возможности.

Мне было ужасно жалко покидать высоту, откуда открывался дивный просвет в страну бессмертья, но суета земных дел тянула меня вниз, и я должен был подчиниться ее скучным зовам.

Удастся ли мне еще раз побывать в гостях у Фудзи-сан?

Придется ли вновь пережить милые невзгоды, пить чай в облаках и, наблюдая их с изнанки, принимать за застывшие волны снежного моря?

О, славный, могучий Фудзи-сан! Под сенью твоего гостеприимного шатра я провел много счастливых часов, приобрел запас душевной бодрости, нужный нам, маленьким людям, в борьбе с терниями жизни. Чем мне отблагодарить Тебя? Прими, как знак признательности, мои слова о Тебе, они сложены в простоте сердца и идут от души.

А. Вановский.
Токио, январь 1927 года.

Вановский А. А. В редакцию журнала «Звено» // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 504—505. — [Т.] V.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЗВЕНО».1

14 янв. 1927

Многоуважаемый гражданин редактор2!

Прилагая при сем рукопись «Японский Богатырь», прошу не отказать напечатать ее на страницах Вашего уважаемого журнала. В случае помещения рассказа, вместо гонорара, прошу выслать мне соответствующее количество экземпляров журнала, в котором моя вещь будет напечатана.

Если рассказ почему-либо Вам не подойдет, то не откажите передать его в редакцию какого-либо другого русского журнала, где он может быть напечатан на тех же условиях.

С совершенным почтением А. Вановский.

Мой адрес: A. Wanovsky

Kanda-ku

Nishikoo-Baicho, 10 Ban

Tokyo, Japan.

P. S. Прилагаю пять снимков с видами3.

Бронникова Е. Рассказ «Японский богатырь» и два письма к Н. А. Бердяеву// Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 503—504. — [Т.] V.

Александр Алексеевич Вановский (Ванновский) (1874—1967) — русский религиозный мыслитель, писатель, в молодости — активный участник революционного движения. Имя его окутано легендой, произведения почти не известны, сведения о жизни разрознены, а порою недостоверны.

А. А. Вановский родился 11 сентября 1874 г. в семье военного (его отец был майором) в Москве. В сентябре 1893 г. окончил 3-й Московский кадетский корпус и поступил вольноопределяющимся в 3-й гренадерский Перновский полк, 20 сентября стал юнкером Киевского пехотного юнкерского училища. 12 августа 1895 г. был произведен в подпоручики и направлен в 112-й пехотный Уральский полк (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 113033. Послужной список 60—925 А. А. Вановского).

Оставив военную службу, в 1897 г. поступил в Московское техническое училище, однако стать инженером ему не удалось. Вановский, будучи студентом училища, включился в работу «Московского союза за освобождение рабочего класса». Революционная деятельность его проходила под руководством старшего брата Виктора (1867—?) — инициатора создания и руководителя Московского союза. Вместо Виктора, находившегося под надзором полиции, Александр поехал в конце февраля 1898 г. в Минск на всероссийский съезд социал-демократических организаций. Брат снабдил его «подробными инструкциями с просьбой больше молчать, дабы не обнаруживать свою неподготовленность к обсуждению важных вопросов партийной программы». Таким образом, Вановский стал одним из девяти делегатов знаменитого 1-го съезда РСДРП. В том же, 1898 г., он был арестован по делу Московского союза и посажен в тюрьму. В апреле 1899 г. был сослан под особый надзор полиции в Воронеж, откуда в административном порядке выслан на три года в Вологодскую губернию. Именно в Вологде А. А. Вановский познакомился с Н. А. Бердяевым, также отбывавшим там ссылку.

В 1903—1904 гг. жил в Пскове и Ярославле, где работал в подпольных типографиях. Был второй раз арестован и привлечен по делу «Северного комитета РСДРП» и его типографии. По этому же делу проходила и жена Вановского — Вера Владимировна (урожд. Яковлева или Яковенко).

В 1905 г. Вановский примкнул к фракции большевиков, входил в боевую группу при ЦК РСДРП(б). Он работал в московской и киевской социал-демократических организациях, активно участвовал в военном восстании в Киеве. Тогда же написал брошюру «Тактика уличного боя».

Период после революции 1905 г. стал для Вановского, по его словам, «временем глубоких раздумий». Он вышел из партии (по сведениям Н. М. Зернова это произошло в 1912 г.), отошел от политической деятельности, стал заниматься самообразованием. Тогда же Вановский занялся углубленным изучением проблем христианства, в частности истории земной жизни Иисуса Христа. Не случайно Л. Ю. Бердяева называла его «Паладином Христа» (РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1, Ед. хр. 942. Л. 45). Вановский бывал в доме Бердяевых, участвовал в литературных вечерах, устраиваемых ими.

В 1905 г. у Вановского возник замысел исследования об иудейском сюжете «Гамлета», что подтолкнуло его к серьезному изучению текстов Священного Писания. Путь Вановского к христианству неординарен, в равной степени необычен и подход его к изучению творчества Шекспира. Сложность замысла Вановского понял поэт Вячеслав Иванов, считавший, что для подобной темы и двадцати лет мало. (РГАЛИ. Новое поступление. Вановский А. А. Сын человеческий. Выявление скрытого иудейского сюжета трагедии Шекспира «Гамлет». Предисловие.)

С началом первой мировой войны Вановский был призван в армию. 7 ноября 1914 г. он прибыл в 84-й пехотный запасный батальон, получив должность младшего офицера 7-й роты. В январе — марте 1915 г. командовал 8-й и 10-й ротами этого же полка. С 1 апреля был отправлен в распоряжение дежурного генерала Северно-Западного фронта по искровым частям, находившегося в г. Седлец (Польша) и определен в 28-й радиоотряд Главной радиостанции фронта.

8 марта 1916 г., несмотря на юношеские увлечения политической борьбой и два ареста, Вановский был награжден орденом Анны III степени с мечами и бантом. С 12 марта по 18 июня 1916 г. он обучался радиотехнике в Офицерской электротехнической школе (РГВИА, Ф. 409. Оп. 1. Д. 113033).

После 1922 г. Вановский уехал из Советской России и обосновался в Японии. Более пятидесяти лет прожил он в этой стране. Преподавал в высших учебных заведениях, был ректором двух университетов. Насколько это было возможно, поддерживал связи с русскими эмигрантами в Европе. Он продолжил свои научные изыскания и литературные опыты. В 1927 г. для журнала «Звено» написал рассказ «Японский богатырь» (рассказ не опубликован). В 1934 г. в журнале «Путь» была опубликована его статья «Японская мифология и Библия». Вплоть до 1945 г. он продолжал исследование, начатое еще в России, об иудейском сюжете «Гамлета». В 1962 г. была опубликована на английском языке его книга «Путь Иисуса от иудаизма к христианству в толковании Шекспира», в 1965 г. на русском языке — «Третий завет и Апокалипсис». Это, по всей вероятности, далеко не полный перечень работ А. А. Вановского.

А. А. Вановский умер в 1967 г. в Токио.

Публикуемый рассказ Вановского «Японский богатырь» и сопроводительное письмо хранятся в РГАЛИ в фонде журнала «Звено» (Ф. 2475. Оп. 1. Ед. хр. 177), письма Вановского Бердяеву — в фонде Бердяева (Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 384).

Автор публикации выражает признательность научному сотруднику РГВИА С. Г. Нелиповичу за помощь при подготовке материала.

Бронникова Е. Примечания: Рассказ «Японский богатырь» и два письма к Н. А. Бердяеву // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 511—512. — [Т.] V.

1 Основан в 1923 г. в Париже как литературное приложение к газете «Последние новости» П. Н. Милюкова, выходившее по понедельникам. С 1 июля 1926 г. по 1 июля 1928 г. выходил как журнал.

2 С осени 1926 г. «Звено» редактировал Михаил Львович Кантор.

3 Из присланных пяти снимков (журнальные вырезки, пронумерованные и надписанные Вановским) сохранилось три: № 1 «Паломники», № 2 «Пещерная гостиница на горе Фудзи-сан», № 5 «Фудзи-сан».

4 Последнее извержение вулкана произошло в 1707—1708 гг.

5 Небольшой скалистый остров в Эгейском море, на который, по преданию, римским императором Домицианом в 95 г. был сослан святой апостол Иоанн. В одной из пещер он имел откровение, составившее содержание Апокалипсиса (см.: Откровение Святого Иоанна Богослова, гл. 1, 6).

6 Отто-химе или Тоёта-химе (древнеяпон.) — «дева обильных жемчужин» или «дева

обильного божественного духа»; в японской мифологии — богиня, дочь морского бога

Ватацуми-но ками. Сюжеты, связанные с морским богом, наиболее развиты в мифах Кодзики.

7 Урашима или Урасима-таро — в японской мифологии рыбак. Урашима спас морскую черепаху, в благодарность за это черепаха пригласила его во владения морского бога, где его встретила Ото-химе. Пораженный чудесами дворца и увлеченный морской принцессой, Урашима не замечал, как летело время. Вернувшись на Землю, он с удивлением и грустью узнал, что провел с Ото-химе 700 лет.

8 «Путь. Орган религиозной мысли» — журнал, выходивший в Париже с сентября 1925 г. по март 1940 г. под редакцией Н. А. Бердяева. Всего вышел 61 номер.

9 «Новый град» — журнал, выходивший в Париже в 1931—1939 гг. под редакцией И. И. Бунакова-Фондаминского, Ф. А. Степуна и Г. В. Федотова. Всего вышло 14 номеров.

10 В оглавлении статья названа «Японская мифология и Библия», а в основном тексте — «Мифология Кодзики и Библия (Доклад, читанный в японском обществе «Менжи», в Токио, 26-го апреля 1932-го года)». Это извлечение из неопубликованной работы А. А. Ваковского, посвященной сравнительному анализу первых шести глав книги Бытия и Апокалипсиса с мифологией Кодзики.

Кодзики («Записи о делах древности») — памятник японской письменности, который принято относить к 712 г., наиболее известный свод космогонических и исторических мифов, исторических преданий и хроник.

11 Жена Н. А. Бердяева — Лидия Юдифовна (урожд. Трушева; 1874—1945). Вероятно, Л. Ю. Бердяева переписывалась с А. А. Вановским, но в РГАЛИ такие письма отсутствуют. В дневнике Л. Ю. Бердяевой за 1934 г. записано:

«Четверг, 15 Ноября.

Письмо из Японии от А. Вановского... Он бывал у нас в Москве. С тех пор прошло 12 лет, и мне приятно вспоминать, что он вспомнил обо мне. Пишет, что я тогда, в Москве, подарила ему мой перевод книги «Догмат и Критика» с надписью «Паладину Христа», и вот будто бы эта книга вызвала в нем желание работать по вопросам, связанным с христианской культурой. Присылает рукопись своей работы по Апокалипсису...» (РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 942, Л. 45).

12 Установить точно, о какой книге идет речь, не удалось. Позднее, в 1965 г., в Токио была опубликована его книга «Третий завет и Апокалипсис».

13 См.: Бердяев Н. А. Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм // Путь. Париж, 1932. № 34 Июнь Прил. С. 1—28.

14 См.: Ремизов А. М. Северные Афины — история с географией — (предбанная память) // Современные Записки. 1927. Т. XXX. С. 233, 277.

15 У Н. А. Бердяева не было сестры, долгие годы он жил в одном доме с сестрой жены — Евгенией Юдифовной Рапп (1875—1960).

16 Гоэр (Гойер) Л. В. — литератор, автор повестей «Запретный хлеб», «Жестокосердный каменщик», книги «Семилепестковый лотос».

17 Скорее всего, речь идет о Муратове Павле Павловиче (1881—1950), историке искусств, специалисте по русской иконописи, литераторе, авторе известной дореволюционной книги «Образы Италии». До революции был хранителем Отделения изобразительных искусств Московского Румянцевского музея. С 1925 г. жил за границей: в Италии, затем в Париже, в конце 1930-х годов переехал в Ирландию. Сотрудничал в газете «Возрождение» и журнале

«Современные Записки». По сведениям архим. Киприана, Муратов путешествовал по Востоку (См.: Возрождение. 1951. № 15. С. 152).

Публикация Е. БРОННИКОВОЙ

Материалы к биографии И. А. Ильина

Материалы к биографии И. А. Ильина / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Е. Болдиной, О. Кузовлевой, Е. Бронниковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 515—536. — [Т.] V.

Документы, выявленные в ЦГИА, относятся к 1883—1921 гг., знакомят с биографией Ивана Александровича Ильина (1883—1954) и освещают историю его семьи.

Судьба самого И. А. Ильина, его отца — губернского секретаря Александра Ивановича Ильина и трех братьев — Алексея, Александра и Игоря — связана с юридическим факультетом Московского университета, где в разное время все они учились.

Особенно тесно переплелись биографии двух братьев Ивана и Александра*. Одновременно они поступили в 5-ю Московскую гимназию, а затем перешли в 1-ю и после окончания ее в 1901 г. были приняты в число студентов юридического факультета Московского университета. Правда, сначала, как свидетельствуют документы, оба собирались поступать в Московское инженерное училище.

В 1906 г. И. А. Ильин окончил университет с дипломом первой степени и продолжил здесь свои научные занятия, став приват-доцентом кафедры энциклопедии права и истории философии права. В этом же году он вступил в брак с Натальей Николаевной Вокач, племянницей председателя I Государственной Думы С. А. Муромцева.

Преподавательская деятельность Ивана Александровича не ограничивалась стенами Университета. Он читал лекции в Московском коммерческом институте, на Высших женских юридических и историко-филологических курсах, учрежденных В. А. Полторацкой.

В 1922 г. И. А. Ильин был выслан из России. К этому времени относится анкета И. А. Ильина, завершающая публикацию. Этот документ хранится в РГАЛИ в фонде Берлинского комитета помощи русским литераторам и ученым.

В публикации делопроизводственные пометы, не имеющие смысловой нагрузки опущены.

I

АТТЕСТАТ

Копия

По указу Его Императорского Величества дан сей аттестат от Прокурора Тульскаго Окружнаго Суда бывшему Кандидату на судебныя должности при Прокуроре означеннаго суда, Губернскому Секретарю Александру Ивановичу Ильину в том, что, как видно, из формулярнаго о службе его списка, он сын Штаб-офицера, имеет от роду двадцать четыре года, Православнаго вероисповедания, знаков отличия не имеет и содержания не получал. По выдержании установленнаго испытания в Тульской гимназии, он, Ильин, в Августе месяце 1870 года принят был в число студентов ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, где, при очень хорошем поведении, окончил полный курс наук по Юридическому Факультету и, за оказанные им хорошие успехи, определением Университетскаго Совета, 10го Июня 1874 года состоявшимся, утвержден в звании Действительнаго Студента. Приказом по ведомству

Министерства Юстиции от 17 Декабря 1874 года, за № 59, определен Кандидатом на судебныя должности при Прокуроре Тульскаго Окружнаго Суда. Указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии, от 17 Ноября, 1875 года, за № 135, утвержден в чине Губернскаго Секретаря, со старшинством с 17 Декабря 1874 года. Согласно прошению его, приказом по ведомству Министерства Юстиции от 25 Августа, 1875 года, за № 32, уволен от службы. В походах, штрафах, под следствием и судом не был; в отпуске был с 15 Мая по 15 Августа и в срок из отпуска явился. В отставке не был. Холост. В удостоверение всего этого и дан ему, Александру Ильину, сей аттестат на основании 58 ст. XIV т. Уст(ава) о Паспор(тах), для свободнаго жительства за надлежащим подписом и приложением казенной печати. — г. Тула. Мая 28 дня, 1876 года. Его Императорскаго Величества Всемилостивейшаго Государя моего Надворный Советник, Прокурор Тульскаго Окружнаго Суда и кавалер ордена Св. Станислава 2ой степени с Императорской короной Шепелев. Секретарь Тимешов. Печать Прокурора Тульскаго Окружнаго Суда.

Означенный в сем аттестате Губернский Секретарь Александр Иванович Ильин вступил в первый законный брак с дочерью Коллежскаго Советника девицей Каролиной Юльевной Швейкерт и брак сей совершен в Христорождественской церкви, что в селе Быкове, Московской губернии, Бронницкаго уезда, сего 1880 года, Января 11 дня, по произведении обыска на законном основании, со внесением события сего брака в метрическую книгу сей церкви под № 1. В чем удостоверяю с приложением церковной печати Бронницкаго уезда, села Быкова Христорождественской церкви Священник Михаил Остроумов. 1880 года, Января, 11 дня. Печать Христорождественской церкви Московской Епархии, Бронницкаго уезда.

Означеннаго в сем аттестате Губернскаго Секретаря Александра Ивановича Ильина жена

Каролина Юльевна1, Евангелическо-Лютеранскаго исповедания, Апреля 16 дня 1880 года, присоединена к православию; в чем удостоверяю отец ея духовный Мариинской, в Императорском вдовьем доме, церкви Священник А. Соколов. № 27. Мая 1 дня, 1880 года. У сего церковная печать.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность этой копии с подлинником ея, представленным мне, Николаю Яковлевичу Павлову, Московскому Нотариусу, в конторе моей, находящейся Тверской части, на Моховой улице, в доме Шиловской, Присяжным поверенным Александром Ивановичем Ильиным, живущем в Москве, Тверской части, 1 участка, в доме графа Шереметева. При сличении мной оной копии с подлинником, в последнем подчисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было. 1892 года апреля 25° По реэстру № 936°.

Нотариус Н. Павлов

II

ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ

церкви Христорождественской села Быково Бронницкого уезда

Московской губернии

за 1880 год,

часть вторая о бракосочетавшихся

11 Января.

Бракосочетались

Отставной Губернский Секретар Александр Иванов Ильин, православнаго вероисповедания,

первым браком

первым браком

27 лет

Девица Каролина Юльевна Швейкерт, дочь Коллежскаго Советника, Евангелическо-лютеранскаго Исповедания

21 год

Совершал таинство - Приходский Священник

Поручители:

По Женихе: Инженер Подполковник Николай Иванов Ильин, Присяжный поверенный, Кандидат права Алексей Иванов Кароинов, Отставной Майор Николай Алексеев Брызгалов; По невесте: Инженер подполковник Владимир Иванов Ильин, Дворянин Частный Землемер и таксатор Константин Октавиевич Родо, Статский Советник Петр Иванов Ильин

Приходский Священник Михаил Остроумов

Диакон Василий Михайлов Благовещенский

Псаломщик Егор Матвеев Рождественский

Псаломщик Василий Петров Троицкий

III

ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ

церкви Богородицерождественской за Смоленскими воротами

на 1883 год,

часть первая, о родившихся

Счет родившихся:

мужского пола - 1 чел

женского пола - 0

Дата родления - 28 марта

Дата крещения - 22 апреля

Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания:

В доме Байдакова, присяжный поверенный Округа Московской Судебной Палаты, из дворян Губернский секретарь Александр Иванович Ильин и законная жена его Екатерина Иульевна, оба православные и оба в первом браке

Имена родившихся: Иоанн

Звание, имя, отчество и фамилия восприемников:

Московский 2й гильдии Купец Владимир Константинович Кеслер и вдова Полковника Любовь Петровна Ильина

Петровна Иль

Кто совершал таинство крещения:

Приходский протоиерей с притчом

Рукоприкладство свидетелей записи по желанию:

Свидетелями при совершении таинства Св(ятого) Крещения были: Потомственный дворянин Николай Иосифович Хржановский, жена Ейскаго 2 гильдии купеческаго сына Ивана Антоновича Пономарева Мария Феодорова, Потомственный дворянин Константин Октаевич Родо-де-Бовио и дочь Коллежскаго Советника девица Аделаида Иульевна Швейкерт.

Звание, имя, отчество и фамилия восприемников:

Московский 2й гильдии Купец Владимир Константинович Кеслер и вдова Полковника Любовь Петровна Иль

Кто совершал таинство крещения:

Приходский протоиерей с притчом

Рукоприкладство свидетелей записи по желанию:

Свидетелями при совершении таинства Св(ятого) Крещения были: Потомственный дворянин Николай Иосифович Хржановский, жена Ейскаго 2 гильдии купеческаго сына Ивана Антоновича Пономарева Мария Феодорова, Потомственный дворянин Константин Октаевич Родо-де-Бовио и дочь Коллежскаго Советника девица Аделаида Иульевна Швейкерт.

Протоиерей Симеон Владимирский

Диакон Василий Остроглазов

Диакон Николай Страхов

Псаломщик Константин Богоявленский

IV

ПРОШЕНИЕ

Губернского Секретаря Александра Ивановича Ильина

в Московское дворянское депутатское Собрание

Брат мой Николай Иванович Ильин записан здесь, а я состою записанным в родословную книгу Рязанской губ.3 и представляя при сем копию с определения о внесении меня и копию с Указа Правительствующаго Сената, об утверждении меня в дворянском достоинстве и справку за № 1059 имею честь просить Собрание внести меня, жену мою Екатерину Иулиевну и детей Алексея4, Александра5, Ивана и Игоря6 в родословную книгу и выдать мне с женою удостоверение, а детям по свидетельству о дворянстве.

Москва. Декабря д(ень) 1901 г.

Губернский секретарь

Александр Иванович Ильин.

Жительство имею: Новинский бульвар, д. Бари

V

(ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ДВОРЯНСКОГО ДЕПУТАТСКОГО СОБРАНИЯ

о внесении отставного губернского секретаря

Александра Ивановича Ильина с женой и детьми в родословную книгу)

1901 года Декабря 19 дня, по Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Московское Дворянское Депутатское Собрание слушало прошение Отставного Губернскаго Секретаря Александра Ивановича Ильина о внесении его с женой Екатериной Юлиевной и детьми Алексеем, Александром, Иваном и Игорем в родословную книгу и о выдаче ему с женой удостоверения, а детям по свидетельству о дворянстве.

Справка 1. Определением Рязанскаго Дворянскаго Депутатскаго Собрания, состоявшимся 16 Февраля 1860 года, Александр Иванович Ильин внесен в третью часть родословной книги Рязанской губернии и Указом Пр(авительствующего) Сената, от 14 Апреля 1860 года за № 2833, последовавшим в Рязанское Дворянское Депутатское Собрание, утвержден в дворянском достоинстве и определениями того же собрания, состоявшимися 30 Января 1886 года, 9го Августа 1890 года и 26 Мая 1894 года причислены к его роду жена его Екатерина Юлиевна и дети, родившиеся 21 Ноября 1880 года Алексей, 6 Апреля 1882 года Александр, 28 Марта 1883 года Иван и 24 Марта 1892 года Игорь.

2. Из нотариальной Копии с Аттестата, выданного 28 Мая 1876 года за № 2860, Прокурором Тульскаго Окружнаго Суда видно, что Александр Иванович Ильин занимал должность Кандидата на судебныя должности при Прокуроре означеннаго суда, имел чин Губернскаго Секретаря, за время службы под судом и следствием не состоял и уволен от службы 25 Августа 1875 года.

Руководствуясь 3, 37, 59, 359, 365, 366, 374 и 968 ст. ст. IX Т(ома) Св(ода) Зак(онов) изд(ания) 1899 года Собрание определило: внести в третью часть родословной книги Отставного Губернскаго Секретаря Александра Ивановича Ильина с женою Екатериной Юлиевной и детьми: Алексеем, Александром, Иваном и Игорем и выдать ему с женой Удостоверение, а детям по Свидетельству о дворянстве, в Пр(авительствующий) же Сенат донести об этом, по окончании года, в общей ведомости.

Верно: Столоначальник Д. Виноградов.

VI

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Копия

Рязанское Дворянское Депутатское Собрание сим удостоверяет, что Иван Ильин, родившийся 28 марта 1883 года есть действительно сын Губернскаго Секретаря Александра Ивановича Ильина и что он по определению сего Собрания 30 числа сего Января причислен к роду означеннаго отца его, внесенному в третью часть7 дворянской родословной книги и утвержденному в дворянском достоинстве Указом Правительствующаго Сената по Департаменту Герольдии от 14 Апреля 1860 года за № 2833, в чем и выдано сие свидетельство сыну Губернскаго Секретаря Александра Ивановича Ильина Ивану Ильину, вследствие прошения отца его. Причитающийся гербовый сбор уплачен. Января 31 дня 1886 года. Подлинное подписали: И. д. Губернскаго Предводителя — Генерал Майор. Секретарь Дворянства. Столоначальник. (м. п.)

Настоящею подписью Московское Дворянское Депутатское Собрание удостоверяет, что показанный в сем свидетельстве Иван Ильин определением Собрания, состоявшимся 19 Декабря 1901 года, внесен в третью часть дворянской родословной книги Московской губернии. Москва. 20 Декабря 1901 года, (подписали) Московский Губернский Предводитель Дворянства Князь Трубецкой, Секретарь Дворянства Г. Серебрянский, Столоначальник Д. Виноградов. (м. п.)

Верно: Столоначальник Д. Виноградов

VII

ПРОШЕНИЕ А. И. ИЛЬИНА

ДИРЕКТОРУ8 МОСКОВСКОЙ 1 ГИМНАЗИИ

Желая дать образование сыну моему Ильину Ивану во вверенном Вам учебном заведении, имею честь просить распоряжения Вашего о том, чтобы он был подвергнут надлежащему испытанию и медицинскому освидетельствованию и помещен в тот класс, в который он, по своим познаниям и возрасту, может поступить, зачислив его приходящим, при чем имею честь сообщить, что он приготовлялся к поступлению в шестой класс и до сего времени обучался в Московской 5ой гимназии.

Желаю, чтобы сын мой Иван, в случае принятия его в заведение, обучался немецкому языку, как обязательному в течение всего гимназическаго курса.

При этом прилагаются: свидетельство о возрасте, звании и привитии оспы. Документы находятся в Московской 5ой гимназии, откуда прошу их вытребовать. Представляю банковую книжку

1898 года. Декабря 22 дня.

Подпись: Присяжный Поверенный Губернский

Секретарь, Потомственный Дворянин

Александр Иванович Ильин

Место жительства: Пресненской ч., 1 уч., по Новинскому бульвару, в д. Манухиной.

VIII

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

К поданному мною от 22 числа Декабря 1898 г. прошения о приеме моего сына в Московскую 1ую гимназию имею честь присовокупить нижеследующее обязательство:

1) означенного сына моего я обязуюсь одевать по установленной форме, снабжать всеми учебными пособиями и вносить установленную плату за право учения; 2) о том, чтобы все распоряжения начальства, касающиеся учеников гимназии вообще и Московской 1ой гимназии, в частности, были им в точности исполняемы, буду прилагать всевозможное старание под опасением, что в противном случае он будет уволен из заведения; 3) жительство он будет иметь у меня, о всякой же перемене квартиры гимназическое начальство будет немедленно извещаемо; 4) по выбытии его из гимназии обязуюсь иметь наблюдение, чтобы он не носил форменнаго платья, установленнаго для учеников гимназий.

Примечание. Плата за учение вносится вперед по-полугодно — за первую половину гражданскаго года в течение января и февраля, а за вторую — в течение августа и сентября. Поступающие среди того или другого полугодия вносят плату за полное текущее полугодие. Выбывающие из

учебного заведения в течение августа и сентября, января и февраля месяцев вносят плату за все текущее полугодие в то учебное заведение, из котораго выбывают. При переходе из одной гимназии или прогимназии в другую, если в сей последней установлена большая плата за учение, доплачивается лишь разность в плате, на остальную же сумму представляется квитанция во взносе за наступившее полугодие платы за учение в той гимназии или прогимназии, из коей ученик выбывает. Внесенная за учение плата ни в коем случае не возвращается. Не внесшие платы за учение в назначенные выше сроки считаются выбывшими из заведения, но по внесении платы могут быть вновь приняты.

1898 года Декабря, 22 дня.

А. И. Ильин.

IX

М. Н. П.

— —

Господину директору

Московской 1 гимназии

МОСКОВСКИЙ

УЧЕБНЫЙ ОКРУГ

— —

ДИРЕКТОРА 5 й

МОСКОВСКОЙ ГИМНАЗИИ

— — — — —

Января 7 дня 1899 года

№ 7й

Москва

Вследствие отношения от 22 Декабря 1898 г. за № 1992 препровождая при сем к Вашему Превосходительству документы ученика VI класса И. Ильина: метрическую выписку и свидетельство о причислении его к дворянству (в нотариальных копиях) и свидетельство об успехах и поведении, имею честь сообщить, что записей в кондуитном журнале о нем не было.

Директор

А. Адольф

Письмоводитель Н. Мурзин

X

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего, бывший ученик шестого класса Московской 5-ой гимназии Ильин Иван

Предъявитель сего, бывший ученик шестаго класса Московской 5-ой гимназии Ильин Иван

по происхождению дворянин

вероисповедания православнаго, родившийся 28 Марта 1883 года, находился в этом заведении с Августа 1893 года по 23 Декабря 1898 года, был отличнаго поведения и в 1897/8 учебном году, при переходе из пятаго класса в шестой оказал следующие успехи:

в Законе Божием 5 (пять)

русском языке 5 (пять)

латинском 5 (пять)

греческом 4 (четыре)

математике 4 (четыре)

физике 4 (четыре)

истории 4 (четыре)

географии 4 (четыре)

французском языке 5 (пять)

немецком 5 (пять)

До поступления в Московскую 5-ую гимназию означенный Ильин Иван обучался дома.

Выбыл он из Московской 5-ой гимназии по отношению г. Дирек(тора) Моск(овской) 1 гимн(азии) за № 1997. Права его, Ивана Ильина, как окончившего курс пятаго класа, изложены ниже сего в пункте 2 м.

В удостоверение всего вышеизложеннаго дано ему, Ильину Ивану, сие свидетельство за надлежащею подписью и с приложением казенной печати.

Москва, Января 7 дня 1899 года.

Директор А. Адольф

В. Недачин

В. Фаминский

П. Баранов

Н. Сокольский

Члены Педагогического Совета М. Смирнов

Н. Тарасов

М. Панов

Н. Трескин

Прот(оирей) В. Благовещенский

Прот(оиерей) В. Благовещенский

А. Казаков

Печать 5й Московской

гимназии

Секретарь Педагогического Совета С. Смирнов

Примечание. При поступлении в другое учебное заведение представляется, кроме того, срочная ведомость об успехах, внимании, прилежании и поведении.

Ученикам гимназий, прогимназий и реальных училищ, выбывающих из этих заведений до окончания полнаго курса, предоставляются, на основании §§ 37 и 128 устава гимназий и прогимназий, §§ 35 и 92 устава реальных училищ и ст. ст. 64 и 195 устава о воинской повинности, следующие права:

1) При отбывании воинской повинности по жеребью, ученикам, окончившим курс III-го класса, предоставляются права окончивших курс в учебных заведениях второго разряда, а не окончивших курса III класса права окончивших курс в учебных заведениях третьяго разряда.

2) Ученики, окончившие курс IV и V классов:

а) при поступлении в гражданскую службу, если имеют на то право по происхождению, не подвергаются испытанию для производства в первый классный чин;

б) при отбывании воинской повинности по жеребью они пользуются правами окончивших курс в учебных заведениях второго разряда, а для поступления в военную службу вольноопределяющимися второго разряда они должны представить особый, для этого установленный, аттестат, по удостоению педагогическаго совета.

3) Ученики, окончившие курс VI или VII классов:

а) при поступлении в гражданскую службу, если имеют на то право по происхождению, не подвергаются испытанию для производства в первый классный чин;

б) при отбывании воинской повинности по жеребью они пользуются правами окончивших курс в учебных заведениях перваго разряда; они же имеют право поступать в военную службу вольноопределяющимися перваго разряда.

XI

ПИСЬМО А. И. ИЛЬИНА

директору 1-й Московской гимназии

И. О. Гобзе

14 августа 1899 г.

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Иосиф Освальдович!

Простите меня за причиняемое беспокойство, но я поставлен в полную невозможность отправить

в данную минуту сыновей моих в Москву, в гимназию. Мои семейныя дела требуют их присутствия здесь по крайней мере до 20го и только 21го они могут явиться на уроки.

Почтительно ходатайствую пред Вами и Педагогическим Советом о том, чтобы сыновьям моим, ученикам 7го нормальнаго класса Александру и Ивану Ильиным не было поставлено в вину опоздание, причина котораго лежит вне их власти.

С совершенным уважением имею честь быть Вашего Превосходительства покорным слугой.

Присяжный Поверенный Александр Иванович Ильин.

Ст(анция) Хрущово, Рязанской губ(ернии), Пронскаго у(езда)

XII

МИНИСТЕРСТВО

НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

— —

Господину Директору

Московской 1 гимназии

МОСКОВСКИЙ
УЧЕБНЫЙ ОКРУГ

— —

ДИРЕКТОРА 5ой

МОСКОВСКОЙ ГИМНАЗИИ

2 февраля 27 дня 1901 г.

№ 104

Москва

Вследствие отношения от 23 сего Февраля за № 186м имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что бывшие ученики вверенной мне гимназии Ильины при переходе из IV в V класс имели отметку по географии: Александр 3 (три) и Иван 5 (пять)

Директор А. Адольф

Письмоводитель Н. Мурзин

XIII

ИЗ ПРОТОКОЛА

устнаго испытания зрелости по Закону Божию

учеников 8го нормальнаго9 класса Московской 1й гимназии

12 мая 1901 г.

Годовой балл

Фамилии:

Ильин Иван

Какие вопросы были предложены

Пришествие Сына Божия на Землю, учение о лице Богоматери

Отметки

Экзаменный балл 5

Общий вывод 5

Годовой балл 5

Экзамен производили 12 мая 1901 г. Директор

Директор И. Гобза

Законоучитель

Свящ(енник) Дм. Орлов

Свящ(енник) Г. Истомин

Свящ(енник) М. Добровольский

XIV

ИЗ ПРОТОКОЛА

устнаго испытания зрелости по Математике

учеников 8-го нормальнаго класса Московской 1ой гимназии

16 мая 1901 г.

Фамилии:

Ильин Иван

Какие вопросы были предложены:

Условия параллельности плоскостей. Формула.

Особые случаи решения прямоугольных треугольников

Отметки :

За письменныя работы 5

Устный ответ 5

Средний экзаменный балл 5

Общий вывод 5

Годовой балл 5

Директор И. Гобза

Инспектор

Ф. Коробкин

Дм. Галанин

Ив. Неговоров

П. Поляков

XV

ИЗ ПРОТОКОЛА

устного испытания зрелости по Русскому языку

учеников 8-го нормальнаго класса

Московской 1ой гимназии

18 мая 1901 г.

Фамилии:

Ильин Иван

Какие вопросы были предложены:

Географический обзор древней Греции. Пелазги. Племена эллинов, колонии. Характер природы восточной Европы и древнейшая история этой страны. Главныя племена русских славян, быт и религия их

Отметки:

Экзаменный балл 5

Общий вывод 5

Годовой балл 4

Директор И. Гобза

Инспектор Ф. Коробкин

Преподаватели:

В. Эйнгорн

Григ. Поляков

XVII

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Дан сей Ильину Ивану, православнаго вероисповедания, дворянину, родившемуся 28 марта 1883 года в Москве, обучавшемуся в Московских: 5 гимназии 5 лет и 1й гимназии 3 года и пробывшему один год в VIII классе, в том:

Во-первых, что, на основании наблюдений за все время обучения его в Московской 1-й гимназии, поведение его вообще было отличное исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ отличная, прилежание отличное и любознательность ко всем предметам преподавания равномерная и во-вторых, что, он обнаружил нижеследующия познания:

Предметы гимназическаго курса:

Закон божий 5 (пять)

Русский язык с церковнославянским и словесность 4 (четыре)

Логика 4 (четыре)

Латинский язык 5 (пять)

Греческий язык 5 (пять)

Математика 5 (пять)

Математическая география 5 (пять)

Физика 5 (пять)

История 5 (пять)

География 5 (пять)

Французский язык 5 (пять)

Немецкий язык 5 (пять)

Во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках, в особенности же в _____ Педагогический Совет постановил наградить его10 _____ медалью и выдать ему аттестат, предоставляющий все права, обозначенныя в §§ 129—132 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 30-го июля 1871 года устава гимназий и прогимназий.

Директор

№ 779

31 мая 1901 г.

Члены Совета:

Аттестат зрелости за № 779 и все документы получил

31 Мая 1901 года

Иван Ильин

XVIII

ХАРАКТЕРИСТИКИ И СВЕДЕНИЯ

об имущественном положении нижеследующих учеников,

окончивших в сем году

курс в Московской 1ой гимназии

5 ноября 1901 г.11

Ильин Иван. Родился в 1883 году, сын дворянина, вероисповедания православнаго. Обучался 51/2 лет в 5ой Московской гимназии и 21/2 года в 1ой Московской гимназии. При отличных способностях занимался всеми учебными предметами весьма старательно. Награжден золотою медалью. За последние 2 года внесены в кондуит следующие проступки: своевольно передвигал стол из 6го класса в 7й, шалость на улице, невежливое отношение к преподавателю гимнастики. Временно был понижен балл за поведение, но, в виду безупречнаго поведения Ильина Ивана за последнее время, педагогический совет гимназии признал возможным повысить балл за поведение до 5. Наблюдал за поведением одного из младших классов во время перемен. Отец — присяжный поверенный Московской Судебной Палаты и землевладелец в Рязанской губернии.

Директор И. Гобза

ХАРАКТЕРИСТИКИ И СВЕДЕНИЯ

об имущественном положении нижеследующих учеников,

окончивших в сем году

Московской 1ой гимназии

5 ноября 1901 г.

Ильин Александр. Родился в 1882 году, сын дворянина, вероисповедания православнаго. Обучался 51/2 лет в 5ой Московской гимназии и 21/2 года в 1ой Московской гимназии. Способности и прилежание средния. За последния 2 года внесены в кондуитный журнал следующие проступки: своевольно передвигал стол перед уроком, шалость на улице, невежливое отношение к учителю гимнастики. Вследствие этого временно был понижен балл за поведение, но так как дальнейшее поведение Ильина Александра было безупречно, то педагогический совет гимназии нашел возможным повысить балл до 5. Наблюдал за поведением одного из младших классов во время перемен. Отец — присяжный поверенный Московской Судебной Палаты и землевладелец в Рязанской губернии. Материально вполне обезпечен.

Директор И. Гобза

XIX

ПРОГРАММА КУРСА ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ,12

предположеннаго к чтению на Высших женских

Юридических Курсах в 1909—1910 гг.

Магистранта Московского Университета И. А. Ильина,

Введение в историю философии права.

Введение в историю философии права.

Древность. Сократ. Платон. Аристотель.

Средние века. Патристика. Схоластика. Августин. Фома Аквинский. Данте. Марсилий Падуанский.

Возрождение и реформация. Томас Мор. Макиавелли. Боден.

Новое время. Политическия доктрины: Гуго Грация, Гоббса, Боссюэра, Спинозы и Пуфендорфа. Политическия учения: Лейбница, Томазия и Вольфа. Учения: Локка, Монтескье, Руссо, Юма, Бентама.

Системы немецкаго идеализма. Доктрины Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шлейермахера, Шопенгауэра.

Учения: Вильгельма Гумбольдта, Краузе, Гербарта, Галлера. Историческая школа юристов.

Французския теории: Де-Местр, Бональд, Ламеннэ, Бенжамен Констан, Гизо.

Англо-французский позитивизм и неокантианство.

РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ПОСОБИЯ:

Чичерин. — История политических учений.

Блюнчли. — История общаго Госуд(арственного) права и политики.
Новгородцев. — История философии права.

Коркунов. — История философии права.

Шершеневич. — История философии права.

XX

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКОСОЧЕТАНИИ

Н. А. ВОКАЧА И М. А. МУРОМЦЕВОЙ

По указу Его Императорскаго Величества, из Московской Духовной Консистории, выдано сие в том, что в метрической Книге Московской Вознесенской, на Царицыной улице, церкви, тысяча восемьсот восемьдесят перваго года, № 5, писано: Сентября шестаго числа женился Кандидат Императорскаго Московскаго Университета; Дворянин Николай Антонов Вокач13, Канонир 6й батареи 1й Гренадерской Артиллерийской бригады, уволенный в запас Армии, Православнаго вероисповедания, первым браком, 26 лет, взял за себя дочь Полковника девицу Марию Андрееву Муромцеву14, Православную, 27 лет; венчал Протоиерей Петр Соколов с причтом. Причитающийся гербовый сбор уплачен. Ноября 18 дня 1886 года. Подлинное подписали: Член Консистории Архимандрит Андрей, Секретарь Беляев, Коллежский Секретарь Соколов и приложена печать.

Верно: За Секретаря Дворянства В. Голицын

№ 8441

XXI

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РОЖДЕНИИ Н. Н. ВОКАЧ

По указу Его Императорскаго Величества, из Московской Духовной Консистории, выдано сие в том, что в метрической Книге Московской Спасской, на Божедомке церкви, тысяча восемьсот восемьдесят втораго года, № 11, писано: мая двадцать восьмаго числа родилась Наталия, Крещена 13 Июня; родители ея: из дворян, Кандидат Прав, Коллежский Секретарь Николай Антонов Вокач и законная его жена Марья Андреева, оба православные; восприемниками были: Дворянин Иосиф Антонов Герцык и жена Титулярнаго Советника Ольга Андреева Кохманова; Крестил Священник Павел Лебедев с причтом. Причитающийся гербовый сбор уплачен. Февраля 20 дня 1887 года. Подлинное подписали: Член Консистории Протоиерей Димитрий Кастальский, Секретарь Беляев, Коллежский Секретарь Соколов и приложена печать.

Верно: За Секретаря Дворянства

№ 902

XXII

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Московское Дворянское Депутатское Собрание сим удостоверяет, что Наталия Вокач, родившаяся двадцать восьмаго Мая 1882 года, есть действительно дочь Коллежскаго Секретаря Николая Антоновича Вокач и что она определением Собрания, состоявшимся четвертаго Марта сего года причислена к роду, который внесен во вторую часть родословной книги15 и об утверждении онаго в дворянском достоинстве из Правительствующаго Сената последовал Указ,

от двадцать четвертаго Мая 1854 года16 за № 2561.

Марта 7 дня 1887 года.17

XXIII

М. Н. П.

РЕКТОРА

ИМПЕРАТОРКАГО

Московскаго Университета

Москва

Июня 7 дня 1913 г.

№ 2558

Господину Директору

Московского Коммерческаго Института

Вследствие отношения от 11 минувшаго мая, за № 2658, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что со стороны ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета препятствий не встречается к ходатайству об утверждении преподавателем, из платы по найму, во вверенном Вам Московском Коммерческом Институте, приват-доцента сего Университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права, магистранта Ивана Ильина.

При сем препровождаю копию формулярнаго списка о службе г. Ильина.

И. о. Ректора

Э. Лейст

Секретарь Совета

С. Преображенский

XXIV

М. Т. и Пр.

МОСКОВСКИЙ

Коммерческий Институт

ДИРЕКТОР

Июня 28 дня 1913 г.

№ 3466

Серпуховка, Стремянный пер.

В Учебный Отдел Министерства

Торговли и Промышленности

Согласно ст. 16 устава Московскаго Коммерческого института имею честь ходатайствовать о разрешении Учебнаго Отдела пригласить приват-доцента ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета магистранта Ивана Ильина к преподаванию в Московском коммерческом институте из платы по найму по предмету общей теории права, согласно избранию учебнаго комитета в заседании 10-го мая сего года.

К сему имею честь присовокупить, что со стороны Московскаго университета о допущении к преподаванию в Московском коммерческом институте г. Ильина препятствий не встречается, о чем ректор университета уведомил меня отношением от 7 июня сего года за № 2558.

При сем имею честь препроводить копию формулярнаго списка г. Ильина.

Директор П. Новгородцев

Верно: Правитель дел С. Н. Баторовский

XXV

М. Т. и Пр.

МОСКОВСКИЙ

Коммерческий Институт

Канцелярия.

3/11 дня 1915 г.

№ 456

№ 4396

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Сим удостоверяется, что со стороны директора Московскаго коммерческаго института не встречается препятствий к устройству в помещении лазарета при институте И. А. Ильиным преподавателем названного института лекций о значении войны.

Удостоверение это выдано для представления московскому Градоначальнику.

Правитель дел

XXVI

М. Т. и Пр.

ОТДЕЛ УЧЕБНЫЙ

по части высших

учебных заведений

19 ноября 1916 г.

№ 3197

Копия
Г. Директору Московскаго коммерческаго института

Вследствие представления от 19 октября с. г. за № 6684 Учебный Отдел имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что г. Министр Торговли и Промышленности изъявил согласие на назначение приват-доцента ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго университета Ивана Ильина сверхштатным доцентом вверенаго Вам Института по кафедре государственнаго права, с 1 ноября с. г., с оставлением его приват-доцентом названного университета.

Управляющий Отделом А. Лагорио

За Начальника Отделения А. Бирюкович

XXVII

Р.С.Ф.С.Р.

МОСКОВСКИЙ

коммерческий институт

ДИРЕКТОР

Ноября 13 дня 1918 г.

Серпуховка, Стремянный пер.19

В Комиссариат Народного Просвещения

Отдел Высших учебных заведений

В начале текущего ноября месяца по постановлению Всероссийской Чрезвычайной Комиссии

В начале текущего ноября месяца по постановлению Всероссийской Чрезвычайной Следственной Комиссии после произведенного обыска у себя на квартире арестован профессор Московского коммерческого института Иван Александрович Ильин.

Профессор Ильин читает в коммерческом институте курс лекций для слушателей 1-го семестра, т. е. для свыше 2 500 человек, и невольное прекращение им курса при наличии столь многочисленного состава студентов и при невозможности замены его другим лектором, особенно в середине академического года, ставит экономический факультет института в крайне тяжелое положение, лишая слушателей одного из основных предметов.

Вследствие сего Московский коммерческий институт обращается в Народный Комиссариат по Просвещению с покорнейшей просьбой оказать свое содействие в деле освобождения профессора Ильина, хотя бы и под поручительство.

При этом институт позволяет себе обратить внимание Комиссариата, что в распоряжении института имеются данные, указывающие на болезненное состояние профессора Ильина, страдающего легочным процессом, и заключение должно гибельно отразиться на его здоровье. В доказательство этого может быть представлено докторское свидетельство.

И. о. Ректора

Правитель дел

XXVIII

М. Т. и Пр.

МОСКОВСКИЙ

Коммерческий Институт

ПРАВИТЕЛЬ ДЕЛ

Ноября 28 дня 1918 г.

№ 3474

Серпуховка, Стремянный пер.

Г-ну С. Н. Аралову20

Многоуважаемый Семен Иванович.

Члены Правления Московского коммерческого института, имея в виду Ваши давния отношения к нашей высшей школе уполномочили меня обратиться к Вам со следующей просьбой.

В начале текущего ноября месяца по постановлению Всероссийской Чрезвычайной Следственной Комиссии после произведенного обыска у себя на квартире арестован в третий раз профессор Московского коммерческого института Иван Александрович Ильин.

Профессор Ильин читает в коммерческом институте курс лекций для слушателей 1-го семестра, т. е. для свыше 2 500 человек, и невольное прекращение им курса при наличности столь многочисленного состава студентов и при невозможности замены его другим лектором, особенно в середине академического года, ставит экономический факультет института в крайне тяжелое положение, лишая слушателей одного из основных предметов.

При этом имеются данные, указывающие на болезненное состояние профессора Ильина, страдающего легочным процессом, и заключение должно гибельно отразиться на его здоровье

страдающего легочным процессом, и заключение должно гибельно отразиться на его здоровье.

Институт в лице преподавателей и Совета старост уже возбудил вопрос перед Народным Комиссариатом Просвещения, от которого на прошлой неделе была послана соответствующая просьба в Чрезвычайную Комиссию, но ответа не поступало.

Очень просим Вас оказать Ваше содействие к благоприятному разрешению этого дела, имеющего большое значение для института.

XXIX

ЗАЯВЛЕНИЕ

профессора Ивана Александровича Ильина

в Президиум Технического факультета

Института Социальных Наук имени Маркса

Прилагая при сем свидетельство пользующего меня врача, покорнейше прошу Президиум Технического факультета дать мне отпуск по болезни до конца текущего весеннего триместра.

Марта 2 дня 1921 года22

Профессор И. А. Ильин

XXX
И. А. ИЛЬИН — Г. П. ВОРОНКОВУ

(1921)

Многоуважаемый Григорий Павлович!23

Простудившись в холодных аудиториях я слег в гриппозном воспалении легкаго и никак не могу оправиться в виду упадка питания. О сем прилагаю свидетельство.

Как бы для того, чтобы затруднить мне существование и поправление Институт имени Маркса, начиная с Ноября, по совершенно непонятным для меня причинам лишил меня пайка. Почему?

Кроме академическаго пайка я никакого не получаю и знаю, что другие профессора совмещают академический паек с пайком Главпрофобра.

В виду этого я очень прошу Вас сделать все необходимое для того, чтобы восстановить мои права, начиная с перваго ноября и, если возможно, выдать мне что нибудь для усиленнаго питания.

С совершенным уважением И. А. Ильин

XXXI

CURRICULUM VITAE

Русский, родился в Москве 1883. III. 28. Дворянского происхождения; с материнской стороны — немецких кровей (Швайкерт фон Штадион, г. Виттенберг). 1893—1900 — классическая гимназия в Москве. 1900—1906 — изучение юриспруденции и философии в Московском университете. В 1909 получил звание доцента философии в Москве. 1910—1912 — учеба в Германии (Гейдельберг — у Виндельбанда24, Ласка25, Еллиненка26, Гёттинген — у Гуссерля27, Берлин

— у Зиммеля28) и во Франции. Лекции в Гейдельберге, Фрайбурге, Геттингене. С 1912 работаю в качестве доцента и профессора. 1918 — высшую академическую ученую степень получил за двухтомное сочинение «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека».

1917—1922 — неоднократно арестовывался советским правительством в ходе тяжелой борьбы за отечественную культуру и достоинство; в 1922 смертная казнь заменена высылкой и лишением гражданства. 1922—1925 живу в Берлине, работаю в научно-исследовательском институте как профессор.

Сочинения.

На русском языке: «Право и сила. Методологический анализ».

21/2 печ. листа.

«Идея личности у Макса Штирнера».

21/2 печ. листа.

«Кризис субъекта в наукоучении Фихте» 6 печ. листов.

«Философия Фихте как религия совести» 2 печ. листа.

«О любезности». 2 печ. листа.

«Общее учение о праве». Элементарный курс. 6 печ. листов.

«Философия Гегеля...» 40 печ. листов.

«О здоровом правосознании». 20 печ. листов.

«Философия и религия». 5 печ. листов.

«О сопротивлении злу силою». 14 печ. листов.

«О национальных задачах русских юристов». 21/2 печ. листов.

На немецком языке: «Право и сила. Методологический анализ».

«Архив фюр зюстематише философи».«Большевизм и кризис современного правосознания». Вышла отдельным томом журнала «Архив фюр рехте-унд — виртшафте философи» (Кенигсберг)**. «Философия Гегеля...» Вышла в издательстве Нимейера в Халле, перевод доктора А. Лютера.

В соавторстве (неопубликованные):

«Об истории этики»; «Общее учение о праве»;

«История греческой философии»;

«Философия немецкого идеализма»;

«Этика»;

«Философия религии»;

«Правовое сознание»;

«Основы эстетики»;

«Логика»;

«Введение в философию».

1925. VII

Профессор доктор И. Ильин.

Примечания

1 После принятия православия — Екатерина Иульевна.

2 Имеется помета: «По прошению 20 марта 1899 г.»

3 Определением Рязанского дворянского депутатского собрания от 16 февраля 1860 г. Александр Иванович Ильин (род. 29 августа 1851 г.) и его брат Сергей Иванович (род. 19 сентября 1853 г.) были причислены к роду своего отца — полковника Ивана Ивановича Ильина, утвержденному в дворянском достоинстве указом Правительствующего Сената от 28 июля 1855 г. (ЦГИА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 8. Д. 584. Л. 30, 31).

4 Алексей Александрович Ильин окончил 5-ю Московскую гимназию. В июле 1899 г. был зачислен на юридический факультет Московского университета, а в январе 1900 г. переведен на 2-й семестр историко-филологического факультета. Но вскоре подал прошение о разрешении посещать занятия и на юридическом факультете. 5 мая 1903 г. получил выпускное свидетельство историко-филологического факультета. Одновременно прослушал полный курс на юридическом факультете, сдав все необходимые зачеты и экзамены (ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 313. Д. 261а. Л. 3, 3 об., 5, 7).

5 Александр Ильин вначале поступил на физико-математический факультет, Московского Университета, а по окончании 2-го семестра 29 июля 1902 г. в своем прошении ректору изложил просьбу о переводе на 1-й курс юридического факультета. В мае 1907 г. был удостоен диплома 2-й степени (ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 315. Д. 369. Л. 2, 16, 17—17об.; Ф. 371. Оп. 3. Д. 45. Л. 109, 113—113 об).

6 Следуя примеру отца и старших братьев, Игорь Александрович Ильин по окончании рязанской 1-й гимназии в августе 1910 г. поступил на юридический факультет Московского университета, в 1914 г. был удостоен диплома первой степени и вступил в Совет присяжных поверенных округа Московской судебной палаты. Дипломное сочинение на тему «Примирение с Римом в царствование Юстина I и церковная борьба в царствование Юстиниана (518—565)» получило оценку «весьма удовлетворительно».

1 июля 1933 г. Игорь Ильин обратился в архив МГУ с просьбой о выдаче справки об окончании юридического факультета, необходимой для представления в Бюро юрисконсультов при Московской прокуратуре (ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 324. Д. 739; Оп. 513. Д. 3382).

7 В третью часть родословной книги вносились роды восьмиклассного дворянства, т. е. «все служители российские и чужестранные», которые относились к первым восьми классам Табели о рангах.

8 С 21 января 1878 г. директором гимназии был действительный статский советник, кандидат историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Иосиф Освальдович Гобза.

22 сентября 1786 г. было открыто главное народное училище, которое 2 января 1804 г. было

переименовано в 1-ю Московскую губернскую гимназию, в 1830 г. — во 2-ю Московскую губернскую гимназию, а с 1833 г. носило наименование — 1-я Московская мужская гимназия. Помещалась в собственном доме на Волхонке (Справочная книга об учебных заведениях Московского учебного округа на 1901—1902 учебный год. Ч. 1. М., 1902, с. 74).

9 Согласно уставу гимназий и прогимназий, высочайше утвержденному 30 июля 1871 г., в каждом классе должно было насчитываться не более 40 учеников. В тех случаях, когда комплектность превышалась начальству учебного заведения разрешалось ходатайствовать о разделении класса на параллельные отделения. Преподавание поручалось или учителям нормальных классов или же специальным преподавателям (Полн. собр. законов. 2-е собрание. СПб., 1874, № 49860, с. 87).

10 Имеется помета: красным карандашом написано «золотая медаль», далее черными чернилами «+ мат.».

11 Датируется по препроводительному документу, адресованному инспектору студентов Московского университета.

12 Кроме этого курса Ильин преподавал методику законоведения, общую методологию юридических дисциплин (ЦГИА г. Москвы. Ф. 361. Оп. 1. Д. 7753. Л. 138; Д. 7756).

13 Вокач Николай Антонович окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата и 26 ноября 1881 г. поступил на службу в Московский коммерческий суд канцелярским чиновником, со 2 декабря 1881 г. занимал должность присяжного пристава вексельного отделения Московского коммерческого суда. Указом Правительствующего Сената

от 22 февраля 1882 г. № 19 утвержден в чине коллежского секретаря со старшинством со дня определения на службу. Приказом председателя суда от 4 января 1883 г. уволен от службы согласно прошению (ЦГИА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 8. Д. 270. Л. 15).

14 Муромцева Мария Андреевна была сестрой Сергея Андреевича Муромцева, избранного в 1896 г. гласным Московской городской думы, а в 1906 г. — председателем 1-й Государственной думы и Николая Андреевича Муромцева, члена Московской городской управы с 1899—1915 гг. (ЦГИА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 8. Д. 270. Л. 28 об.; Ф. 4. Оп. 14. Д. 1260. Л. 7 об.; Ф. 179. Оп. 1. Д. 374, 375).

15 Деду Н. Н. Вокач — Антону Федоровичу, по Высочайшему указу 22 июля 1840 г. был пожалован чин прапорщика (ЦГИА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 8. Д. 270. Л. 4).

16 Дата указана ошибочно. Как видно из документов дела, указ Правительствующего Сената по Департаменту герольдии об утверждении рода Вокач в дворянском достоинстве (внесении в дворянскую родословную книгу) последовал 24 мая 1857 г. Исправленная дата приведена в копии родословной рода Вокач. Определение Правительствующего Сената о признании рода Вокач в потомственном дворянстве состоялось 24 ноября 1854 г. (Ф. 4. Оп. 8. Д. 270. Л. 4, 4 об., 8 об., 38).

17 Такое же свидетельство было выдано Елене Николаевне Вокач (в замужестве Зотовой) — младшей сестре Н. Н. Вокач (родилась 5 мая 1884 г.) (Ф. 4. Оп. 8. Д. 270. Л. 37, 38 об.).

18 На левом поле помета: «подлинное получил Гдалт Соломонович Гельфас».

19 На левом поле помета: «Во Всер(оссийскую) Чр(езвычайную) К(омиссию) по борьбе с контррев(олюцией) и спекул(яцией). В отдел по контрреволюции. (...) при условии поручительства со стороны К(оммерческого) И(нститута) о невыезде его за границу».

20 Аралов Семен Иванович (18(30). 12.1880—22.05.1965) — советский военный и

государственный деятель. С января 1918 г. — начальник оперативного отдела штаба Московского военного округа и наркомата по военным и морским делам, член РВС Республики.

21 И. А. Ильин был переведен в состав профессоров Московского коммерческого института с 1 октября 1918 г. Основанием послужили изменения в составе и устройстве государственных учебных заведений, предусмотренные Декретом СНК от 9 октября 1918 г. (ЦГИА г. Москвы. Ф. 417. Оп. 4. Д. 113. Л. 16).

22 Имеются пометы: «Разрешить. Пост(ановление) Факультета от 11/III—21. Секр(етарь) Техн(ического) Фак(ультета) 11/III — 21» «Просить представить свидетельство от контрольного врача (21/III — 21 г.).»

23 Воронков Григорий Павлович — секретарь правления технологического факультета.

24 Виндельбанд Вильгельм (1848—1915) — немецкий философ, с именем которого связывают основание в мае 1894 г. баденской (или фрайбургской, или юго-западной) школы неокантианства.

25 Ласк Эмиль (1875—1915) — немецкий философ, принадлежал к баденской школе неокантианства.

26 Еллинек Георг (1851—1911) — немецкий философ, государствовед.

27 Гуссерль Эдмунд (1859—1938) — немецкий философ, основатель феноменологии.

28 Зиммель Георг (1858—1918) — немецкий философ и социолог, с 1900-х годов находился под влиянием философии Канта, один из наиболее значительных представителей философии жизни.

Д. Языков. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц»

Языков Д. Д. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц». Вып 15: (Русские писатели и писательницы, умершие в 1895 году) / Публ. Г. Ю. Дрезгуновой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 537—556. — [Т.] V.*

АБАЗА Александр Аггеевич (25 июля 1821—24 января 1895 года в Ницце) — действительный тайный советник, бывший министр финансов.

Некролог

Телеграф известил о смерти одного из выдающихся русских государственных деятелей, Александра Аггеевича Абазы. Умер он после продолжительной болезни в Ницце вчера, 24 января, в 5 ч. 30 м. вечера. С именем покойного связаны весьма многие преобразования и усовершенствования в нашей экономической и финансовой жизни. Сын известного в свое время откупщика, кажется персидского происхождения, А. А. родился 25 июля 1821 г. Начал службу, по окончании курса в С.-Петербургском университете в 1839 году, в лейб-гвардии Гусарском полку. Первые шаги покойного на военном поприще показали в нем человека энергичного и талантливого, выделявшегося из среды сотоварищей. Во время кавказской войны он награжден был орденом св. Владимира 4-й степени с мечами за храбрость, но военная служба не увлекла его, и он вскоре променял ее на гражданскую. В конце пятидесятых и начале шестидесятых годов он состоял в звании камергера при великой княгине Елене Павловне. В то же время покойный занялся железнодорожными делами. В 1857 году он вошел в состав первого совета Главного общества российских железных дорог. При его содействии барон Унгерн — Штернберг начал постройку железных дорог в южной России и вместе с А. А. предпринял сооружение Харьково-Кременчугской дороги, председателем правления которой покойный состоял в продолжение

нескольких лет. Тогда же А. А. принял энергичное участие в отчуждении Николаевской железной дороги в частные руки (Главному обществу) и способствовал реализации известного займа 1867 года под залог Николаевской железной дороги.

По смерти В. А. Татаринова, А. А. Абаза был назначен государственным контролером, но оставался на этом посту недолго, получив в 1874 г. высшее назначение — председательствовать в департаменте экономии Государственного совета. Назначенный одновременно членом Комитета министров и главного комитета по устройству сельского состояния, он во всех этих высших государственных учреждениях играл выдающуюся роль. Обладая замечательным даром слова, способностью говорить не только красноречиво, но и дельно, покойный сделался одним из любимых ораторов заседаний названных государственных учреждений и был из немногих, возвышавших постоянно свой голос за реформы царствования императора Александра II.

Осенью 1880 года А. А. Абаза получил портфель министра финансов, явившись, таким образом, заместителем С. А. Грейга, при котором, как и при М. Х. Рейтерне, он принимал уже видное участие в наших финансовых делах, настаивая, например, на повышении таможенных пошлин; золотые таможенные пошлины были приняты по его совету, в 1876 г., накануне турецкой войны. Покойный был министром финансов менее года, но, несмотря на кратковременность управления финансовым ведомством, оставил по себе видный след и вполне поддержал свою репутацию опытного и просвещенного государственного человека.

Принимая управление финансами при весьма затруднительных обстоятельствах, он, тем не менее, нашел возможным осуществить меру, на которую не решался ни один из его предшественников при обстоятельствах более благоприятных, и честь отмены соляного налога останется за ним в летописях нашей экономической жизни. А. А. Абаза сделал также первый опыт погашения выпущенных во время войны кредитных билетов; ему всецело принадлежит преобразование свозного акциза; при нем же было приступлено к выкупу железных дорог в казну (Харьково-Николаевская ж. д.). Он, наконец, первый из министров финансов имел мужество составить и опубликовать бюджет с крупным дефицитом, заявив, что положение вещей не требует замазывания истины.

Принимая участие во всех важных мероприятиях графа М. Т. Лорис — Меликова, будучи его ближайшим советником, А. А. Абаза подал немедленно в отставку вслед за отставкой графа. Но удаление его от дел продолжалось только год. В 1882 г. он был призван стать во главе департамента государственной экономии Государственного Совета и занимал этот пост до 1893 года. С практической подготовкой и обширными теоретическими познаниями, мастерски владея словом, имея спокойный характер и пользуясь лично расположением и уважением среди наших государственных людей самых разнообразных партий, он опытно и умело руководил совещательным учреждением, служащим регулятором различных взглядов и требований наших министров и главных управлений по части экономической и финансовой, и принимал деятельное участие в качестве члена комитета министров в разрешении всех важных и административных вопросов прошлого царствования. В 1893 году А. А., вследствие расстроенного здоровья, удалился от активного участия в государственных делах и присутствовал только изредка в заседаниях Государственного Совета, когда рассматривались там дела первостепенной важности. «Новое Время», 1895, № 6793.

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 27.

«Северные Ведомости», 1895, кн. 2, стр. 73, отд. II.

АВЕНАРИУС Михаил Петрович (7 сентября 1835—4 сентября 1895 года в Киеве) — профессор физики университета Св. Владимира

физики университета Св. Владимира.

Некролог

В Киеве, 4 сентября, скончался бывший профессор университета Св. Владимира Михаил Петрович Авенариус. Покойный, сын лютеранского пастора, родился 7 сентября 1835 года в Царском Селе. После подготовительного образования в местной церковной школе, он учился в 5-й Петербургской гимназии, откуда поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. По выпуску из последнего в 1858 году, со степенью кандидата, покойный Авенариус был определен учителем математики во 2-ю Петербургскую гимназию, но в 1862 году, избранный в число лиц, предназначенных к профессорскому званию, отправлен за границу. Там ему пришлось провести два года в занятиях физикой, под руководством профессора Магнуса в Берлине и профессора Кирхгоффа в Гейдельберге. По возвращении он приобрел степень магистра физики (8 января 1865 года) и скоро получил звание доцента по этой же кафедре в Киевском университете (16 марта 1865 г.), а удостоенный докторской степени (10 мая 1866 года) утвержден профессором того же университета. С той поры, в течение четверти века, покойный читал лекции по физике и метеорологии до половины 1891 года, когда трудная болезнь заставила его прекратить профессорскую деятельность.

М. П. Авенариус, кроме длинного ряда специальных статей, рефератов и заметок, принадлежали: магистерская диссертация «О термо-электричестве» (СПб. 1865 г.) и докторская диссертация «Об электрических разностях металлов при различных температурах» (СПб. 1866 г.).
«Московские Ведомости», 1895, № 254.

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 254.

«Новое Время», 1895, № 7018.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 11, с. 654—655.

Почтово-Телеграфный Журнал, 1895, № 11.

АЛЕКСАНДР (в мире Андрей Иванович Светлаков, 4 августа 1839—8 октября 1895 года в Калуге) — епископ.

Некролог

Кончина епископа Калужского и Боровского Александра, одного из достойных архипастырей Русской Церкви, обязывает посвятить памяти почившего ряд воспоминаний о главных событиях его жизни и плодотворной деятельности.

Епископ Александр (в мире Андрей Иванович Светлаков) родился 4 августа 1839 года в селе Нижней Мизе (Симбирской губернии, Сызранского уезда), где его отец состоял пономарем. Первоначальное образование ему пришлось получить в Сызранском духовном училище, а потом в Симбирской семинарии. По окончании семинарского курса со званием студента, он в 1860 году был рукоположен во священника к церкви села Городище и скоро переведен в село Кульдюшево. В обоих приходах молодому пастырю выпало на долю, в течение десяти лет, потрудиться для блага православия среди инородцев Симбирской губернии — Чувашей и Мордвы, но вместе с тем в 1870 году пришлось испытать большое горе: он одновременно лишился жены и детей, оставшись с единственным малюткой-сыном. Пораженный таким несчастьем, молодой священник стремился найти успокоение в научных занятиях и с этой целью решил продолжать свое богословское образование. С 1871 года он поступил в студенты Казанской Духовной

Академии, а в 1875 году, по окончании академического курса со степенью кандидата богословия, был определен законоучителем в Нижегородскую гимназию. Здесь, в течение восьмилетней педагогической деятельности, почивший напечатал исследование под заглавием «История иудейства в Аравии и влияние его на учение Корана» (Казань, 1881), за что получил степень магистра богословия, и ряд следующих духовно-литературных трудов: «Опыт объяснения заповедей Божьих» (Нижний Новгород, 1878, 97 стр.), «Изложение учения православной церкви, о церкви, церковной иерархии, благодати и таинствах» с приложением статьи о загробной жизни (Нижний Новгород, 1879), «Нравственный образ Иисуса Христа и Его благотворное влияние на нравственную жизнь человечества» (Нижний Новгород, 1880, 204 стр.), «Слово в первый день Пасхи» (Нижний Новгород, 1881, 16 стр.), «Евангельские чтения для упражнения учеников народных школ в славянском языке» (Нижний Новгород, 1882, 49 стр.), «Акты святых мучеников и религиозно-нравственное их значение» (Нижний Новгород, 1882, 63 стр.), «Христианские храмы, история их и значение» (Нижний Новгород, 1882, 53 стр.), «Основание нравственной жизни — религия и высочайший образец нравственно-общественной жизни — Богочеловек Христос Иисус», публичное чтение (Нижний Новгород, 1882, 82 стр.), «Нравственные уроки в словах и речах» (Нижний Новгород, 1882, 133 стр.) и перевод с французского: «Вечное блаженство святых», сочинение Р. Бекстера (СПб., 1882, 161 стр.).

Все эти труды, в связи с законоучительством и неутомимым проповедыванием слова Божьего, обратили на себя внимание и выдвинули покойного на новое служебное поприще: 24 сентября 1883 года он был пострижен в монашество и, возведенный в сан архимандрита, назначен ректором Вифанской духовной семинарии. Пред разлукой с Нижегородской гимназией ему поднесена была от учеников икона Спасителя в сребро-позлащенной ризе «на память и в благодарность».

На новом месте служения, в должности ректора, почившему пришлось пробыть только около двух лет, но и в такой краткий срок ему удалось отметить свое имя в истории Вифанской семинарии добрым делом — устройством общежития, за что семинаристы, подобно ученикам Нижегородской гимназии, также отблагодарили своего ректора при прощании с ним поднесением образа Спасителя.

Наконец, пред почившим открылось служение на более высшей чреде и притом в сердце России — первопрестольной Москве, в звании викария Московской митрополии: хиротонисанный в архиерейский сан (30 июня 1885 года), он состоял сначала епископом Можайским (1885—1892), а потом епископом Дмитровским (1892—1894) и некоторое время, вследствие болезни покойного митрополита Леонтия, управляющим Московской епархией. Это почти девятилетнее епископское служение в Москве, соединенное с заботами особенно об улучшении церковного пения, было ознаменовано новыми духовно-литературными трудами, напечатанными в Чтениях Общества Любителей Духовного Просвещения, Душеполезном Чтении, Православном Обозрении, Страннике, Московских Церковных Ведомостях. Из них особенно выделялось большое духовно-нравственное сочинение «Иисус Христос по Евангелию» (М., 1892—1893, три выпуска) и такие духовно-музыкальные произведения, как «Литургия Св. Иоанна Златоуста, литургия преждеосвященных даров и херувимские песни старинного обиходного распева». Как эти труды, так благолепное служение и располагающий, добрый характер доставили епископу Александру большую известность среди москвичей и привлекали к нему всеобщие симпатии. Искренняя любовь к такому достойному архипастырю особенно выразилась в наилучших приветствиях, благодарных адресах, в подношении икон и дорогой панагии, когда почивший, с 29 января 1894 года, должен был покинуть Москву вследствие нового своего назначения епископом Калужским и Боровским. Но там, вдали от столицы, глубоко уважавшей святителя, он провел лишь полтора года и почти до кончины продолжал свои труды.

Да почиет дух его, о Господи!. «Московские Ведомости», 1895, № 279.

Библиография

Его:

Божественное достоинство и особенности учения св. апостолов. («Душеполезное Чтение», 1895, кн. II).

О нем:

«Русское Слово», 1895, № 275.

«Церковные Ведомости», 1895, № 41, приб., с. 1426—1429.

«Московские Церковные Ведомости», 1895, № 42.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 12, с. 1011—1012.

АЛЕКСЕЕВ (КИЛЕНИН) Александр Алексеевич (1822—7 декабря 1895 года в Москве) — артист.

Некролог

7 декабря скончался в Москве в преклонных летах бывший артист Императорского Петербургского театра Александр Алексеевич Алексеев (вне сцены Киленин). Покойный родился в 1822 году в Петербурге, учился там в одной из гимназий, но, не кончив курса, пристрастился к театру и стал изучать драматическое искусство под руководством М. В. Самойловой и затем в театральной школе у П. А. Каратыгина. Из школы А. А. Алексеев был выпущен 1 апреля 1839 года и через неделю дебютировал на Александринском театре в водевиле «Хороша и дурна» ролью Падчерицы. В 1842 году А. А. Алексеев покинул Императорскую сцену и надолго отправился в провинцию, где играл преимущественно на юге. На сцену Александринского театра А. А. Алексеев был снова принят в сезон 1856—57 гг. и с тех пор служил до самой отставки в начале восьмидесятых годов, занимая роли вторых и водевильных комиков. В то же время покойный играл на провинциальных сценах и держал там же антрепризу. А. А. Алексеев выступал и в Москве, и здесь, в театре Шелапутина, отпраздновал 3 февраля 1889 года свой пятидесятилетний юбилей, выступив в водевиле «В тихом омуте черти водятся». В последние годы А. А. Алексеев жил в Москве, преподавал уроки драматического искусства и режиссировал изредка любительскими спектаклями. Покойный написал воспоминания, напечатанные в «Историческом Вестнике» и изданные отдельно (М., 1894, изд. журнала «Артист»). «Московские Ведомости», 1895, № 340.

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 7108.

«Ежегодник Императорских театров», сезон 1895—1896 гг., с. 484—486.

«Исторический Вестник», 1896, кн. 2, с. 739.

А. А. Нильский. Воспоминания («Исторический Вестник», 1899, кн. 12, с. 998—1001).

АПОСТОЛЬСКИЙ Михаил Никитич (умер 4 мая 1895 года в Москве) — протоиерей Богородице-Рождественской, на Малой Дмитровке, церкви.

Некролог

4 мая в Бозе почил один из старейших представителей московского духовенства, протоиерей

Богородице-Рождественской, на Малой Дмитровке, церкви, Михаил Никитич Апостольский.

Уроженец Москвы (сын пономаря при церкви 12 Апостолов), покойный и образование свое получил в Московской Духовной Семинарии и все служебное поприще свое прошел в Москве; сначала в звании учителя Донского духовного училища (1842—1854 гг.), потом в сане дьякона при Спасо-Преображенской, на Болвановке, церкви и, наконец, в иерейском сане с 1854 года по настоящее время. На всех поприщах своего служения покойный отличался неутомимой ревностью и примерным усердием. Благодарную память о себе оставил он и во всех бывших учениках своих по Донскому училищу.

Но главное поприще, пройденное покойным, было пастырское служение, которому он посвятил более 40 лет. Служа в очень небольшом приходе, покойный пастырь, однако, наполнял весь свой досуг исполнением исключительно своих приходских обязанностей. Постоянные заботы о благоукрашении и поддержании своего приходского храма, известного своей древностью (XVI в.), и необыкновенно изящною архитектурой, — ежедневное, из года в год, служение литургий и вечерен, истовое и благоговейное совершение богослужений вообще и неутомимая ревность в проповедании слова Божьего этого поистине доброго пастыря известны были во всей Москве, — со всех концов ее шли богомольцы в этот древнейший из московских храмов, шли, привлекаемые сюда, главным образом, ревностью престарелого уже, но неутомимого в служении пастыря. Поминовения умерших, совершавшиеся здесь неопустительно (за исключением положенных уставом Православной Церкви праздников), привлекало в Рождественский храм нескудные подаяния на вечное и годовое поминовение, обильные вклады на нужды и украшение храма. При малочисленности прихода и скудности получаемых от него церковных доходов, покойный отец протоиерей, поддерживая и благоукрашая храм, оставил после себя довольно значительный церковный и причтовый капитал, которым вполне обеспечиваются нужды храма и в

значительной мере нужды причта и на будущее время и которым храм и причт вполне обязаны неутомимому усердию и рвению покойного к службе Божьей.

Заботясь об удовлетворении религиозных потребностей своей небольшой паствы, покойный отец протоиерей радел и об ее нравственном просвещении. Обладая от природы слабым голосом и не совсем внятной речью, он сам редко произносил в храме поучения, но в течение долгих лет подряд привлекал к проповеданию Слова Божьего в своем храме воспитанников старших классов находящейся вблизи Духовной Семинарии, и, они, с разрешения отца ректора, в каждый воскресный и праздничный день произносили в Рождественской церкви или собственные поучения покойного или слова, выбранные им из различных образцовых русских проповедей. Наконец, строгость и благочестие его домашней семейной жизни привлекали к нему глубокое уважение со стороны всех близко знавших его. Не остались глухи к деятельности своего доброго пастыря любившие и уважавшие его прихожане местной церкви и в 1885 году поднесли ему золотой с украшениями наперсный крест с надписью: «От благодарных прихожан за тридцатилетнее служение». Не оставляло без внимания заслуг долголетнего служения покойного и епархиальное начальство: в разное время он награжден был набедренником, скуфьей, камилавкой, наперсным крестом, орденами Св. Анны 3-й ст. и Св. Владимиром 4-й ст. и, наконец, саном протоиерея. Отпевание его имеет быть совершено одним из московских архипастырей в Рождественской, на Малой Дмитровке, церкви 7 мая, в воскресенье. «Московские Ведомости», 1895, №№ 122, 123.

Библиография

О нем:

«Московские Церковные Ведомости», 1895, № 20.

«Церковные Ведомости», 1895, № 20, приб., с. 693—694.

ГАБИН Виктор Александрович (умер 2 апреля 1895 г. в Петербурге) — действительный статский

БАБИН Виктор Алексеевич (умер 2 апреля 1895 г. в Петербурге) — действительный статский советник, общественный деятель.

Некролог

В ночь на 2 апреля скоропостижно скончался в Петербурге В. А. Бабин, с именем которого связаны многие полезные предприятия в нашей первопрестольной столице. Энергия, любовь к труду и честное отношение к делу и людям, с течением лет сделали В. А. Бабина популярным общественным деятелем и участником во многих предприятиях в сфере строительного и железнодорожного дела России.

Окончив курс в Институте Горных Инженеров по первому разряду с чином поручика, В. А. Бабин начал службу по горному ведомству. Но эта сфера деятельности по своей замкнутости не могла удовлетворить его энергичную натуру, и он занялся более широкой общественной деятельностью. При образовании Московского Городского Кредитного Общества, покойный принял живое участие в этом деле и был в числе первых членов оценочной комиссии. Состоял он долгое время гласным Московской Городской Думы и принимал непосредственное участие в разработке вопросов о водоснабжении города, о постройке мостов через Москву-реку и вообще в разных строительных работах. По его инициативе было приступлено к бурению артезианского колодца в Москве, и когда извлечение сломанного бурава на глубине более 259 сажен представляло по своей дороговизне крайне рискованное предприятие, он предложил городу пользоваться уже обнаруженной водой артезианского колодца с помощью горизонтальной штольни, предприняв такую работу во имя общей пользы на свой собственный риск. Работы эти успешно были доведены до конца, и по настоящее время Москва пользуется для городских надобностей почти 200 000 ведер артезианской воды.

Нельзя обойти молчанием не раз высказанное В. А. Бабиным устно и в печати мнение относительно Мытищенских источников, снабжающих водой Москву. Он утверждал, что источники эти для полного водоснабжения Москвы недостаточны, так как кажущееся обилие Мытищенской воды есть запас воды, а не расход, единственно который и должен приниматься при расчете водоснабжения. При непрерывной усиленной откачке, количество доставляемой в Москву воды будет уменьшаться и потребует от города экстренных затрат по водоснабжению, причем качество воды с течением времени будет ухудшаться и при неблагоприятных условиях может совершенно исчезнуть. Время, конечно, покажет насколько прав был в своих предположениях покойный В. А. Бабин и насколько противники его ошибались, вовлекая город в непроизводительную для него затрату по устройству существующей системы водоснабжения.

Помимо указанной деятельности В. А. Бабин всю свою энергию направил на службу при железных дорогах. Эта обширная и полезная его деятельность началась в начале 60-х годов, со времени усиленной постройки дорог частными обществами.

Будучи директором правления разных железнодорожных обществ: Воронежско-Ростовской, Елецко-Грязской, Курско-Харьково-Азовской, а в последнее время — Фастовской и Московско-Брестской, он всегда пользовался уважением между железнодорожными специалистами, будучи неоднократно избираем членом совета по железнодорожным тарифным делам и на съездах.

Несмотря на то, что служебные обязанности заставляли находиться в Петербурге, его постоянно тянуло в Москву. Последняя деятельность его в Москве выразилась в возведении, совместно с инженером И. А. Сытенко, нового второго корпуса Политехнического музея с торговыми помещениями. Дело это, кроме развития торговли Москвы, создало постоянный источник дохода для распространения и развития полезной деятельности Политехнического музея.

В. А. Бабин, состоя в чине действительного статского советника, в течение служебной деятельности своей был награжден различными орденами до ордена Св. Анны 1-й степени включительно.

В заключение, нельзя не вспомнить В. А. Бабина, как примерного человека, отличительными чертами характера которого были: скромность, правдивость, доступность и любовь к подчиненным. Занимая различные высокие должности в железнодорожной служебной иерархии, покойный замечательно тепло относился ко всем нуждам служащих, которые в полном смысле слова считали его своим «благодетелем», чему доказательством служит масса подписей сослуживцев, покрывших в самых теплых выражениях неоднократно поднесенные ему адреса. В. А. Бабин скончался 54 лет от роду и погребен в Новодевичьем монастыре в Петербурге.

Мир праху твоему, добрый человек и общественный труженик! «Московские Ведомости», 1895, № 96.

БАЗАРОВ Владимир Александрович (умер 17 мая 1895 года в Петербурге) — антрепренер, артист.

Некролог

Вчера после тяжкой и долгой болезни скончался в полной бедности один из старейших русских антрепренеров и артистов Владимир Александрович Базаров. Покойный воспитывался в реальном училище, но уже на шестнадцатом году бросил учиться и поступил на сцену. В первый раз он выступил в 1869 году в Симферополе и сыграл роль Егорушки в пьесе Островского «Бедность не порок». Ему не повезло и, будучи мальчиком, он впал в такую крайнюю нищету, что питался раками, которых ловил в речках. Из Симферополя покойный вместе с Д. Ярославским отправились в Харьков, где поступили в местный театр. Здесь их положение настолько улучшилось, что они вскоре перебрались в Киев, затем в Москву и Петербург. Здесь В. А. основал театральную библиотеку и выстроил в Стрельне театр, держал совместно с

покойным И. П. Зазулиным Демидов сад, затем антрепренерствовал в клубах: в Приказчичьем и Лесном общественном собрании. Несмотря на его энергию, ему все-таки не везло и он дошел до того, что за последнее время, совершенно больной, нуждался в насущном хлебе. Покойный написал несколько пьес, в том числе «Жидовка или тайны испанской инквизиции», «Жертвы инквизиции» и «Кречинский в юбке». Кроме того В. А. был первым основателем артистических товариществ. «Новое Время», 1895, № 6903.

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 6903.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 7, с. 244—245.

БАЗАРОВ Иоанн Иоаннович (21 июня 1819—5 января 1895 года в Штутгарте) — настоятель придворной церкви, протоиерей.

Некролог

Из Штутгарта получено известие, что там, в ночь с 4 на 5 января, скончался протоиерей придворной церкви Иоанн Иоаннович Базаров.

Покойный принадлежал к числу выдающихся духовных лиц, замечательных не только долговременным служением православной церкви, но и учено-литературными заслугами. Он родился 21 июня 1819 года в Туле, где его отец состоял протоиереем при Староникитской церкви. По окончании Тульской семинарии, покойный поступил в Петербургскую Духовную Академию, где и окончил курс в 1843 году со степенью магистра богословия. Тотчас же по выпуску из Академии он занял место преподавателя словесности в петербургской духовной семинарии, но уже через год, рукоположенный во священники, был назначен настоятелем

семинарии, но уже через год, рукоположенный во священники, был назначен настоятелем русской церкви во Франкфурте-на-Майне и духовником при великой княгине Елизавете Михайловне, герцогине Нассауской. Спустя семь лет, в 1851 году, согласно желанию великой княгини Ольги Николаевны, тогда наследной принцессы Виртембергской, протоиерей Базаров был переведен настоятелем русской придворной церкви в Штутгарт и состоял там до своей кончины в сане протоиерея (с 1852 г.)

Более чем пятидесятилетняя деятельность покойного отмечена многими учено-литературными трудами. Кроме ряда статей в духовных журналах («Христианском Чтении», «Страннике», «Православном Обозрении»), им напечатаны следующие книги: «Библейская История» (СПб., 1854), теперь достигшая 24 издания (СПб., 1888), «О христианском воспитании» (1860), «Совершеннолетие девицы» (СПб., 1871), «Самоучитель Закона Божьего» (СПб., 1868), «Ответ веры и знания на вопросы неверия и неведения» (Берлин, 1873) и «Христианские убеждения верующего» (Штутгарт, 1877).

С другой стороны, покойный протоиерей Базаров, превосходно владевший иностранными языками, поместил несколько заметок о русской церкви в таких изданиях, как «Karlsruher Missionsblatt, Evankfurter Kathol. Kirchenblatt, Darmstadt. Evang. Zeitung», и напечатал на немецком языке несколько важных сочинений и переводов, из которых следует отметить: «????? (...) oder Ordnung der Gebete fur die Verstorbenen» (Штутгарт, 1855), «Die Ehe nach der Lehre und dem Ritus der Orthodoxen Russischen Kirche» (Карлсруэ, 1857), «Die russische Orthodoxe Kirche» (Штутгарт, 1873) и «Liturgie der orthodoxen orientalischen Kirche» (Штутгарт, 1877).

Наконец, благодаря долгой жизни за границей, покойный входил в сношения со многими иностранными учеными (бароном Гакстгаузеном, Гефеле и др.), а также завязал знакомство с русскими писателями, жившими в Германии, например с кн. П. А. Вяземским, Н. В. Гоголем и В.

А. Жуковским. Последнего он близко знал в его предсмертные годы, присутствовал при его кончине и, как известно, описал его последние дни в «Известиях Императорской Академии Наук» (СПб., 1852, Т. I; 1853, Т. III). «Московские Ведомости», 1895, № 18.

Библиография

Его:

Статьи:

О перемене старого календаря на новый («СПб. Ведомости», 1858). Народные школы и учебные заведения в великом герцогстве Баденском («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1858). Представление страстей Господних в Оберамергау в Баварии («Странник», 1860).

По поводу предложений об изменении устава духовной цензуры («Дух христианина», 1862). Воспоминание о Е. А. Жуковской («Русский Архив», 1869).

Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков («Русский Архив», 1896, кн. 3).

Елизавета Алексеевна Жуковская. Из воспоминаний. («Исторический Вестник», 1897, кн. 11, с. 581—592).

Воспоминания («Русская Старина», 1901, кн. 2, с. 283—304; кн. 3, с. 521—558, с портретом; кн. 4, с. 53—75; кн. 5, с. 277—306, с портретом; кн. 6, с. 497—522; кн. 7, с. 77—96; кн. 8, с. 241—266; кн. 9, с. 531—554; кн. 10, с. 85—100; кн. 11, с. 271—291; кн. 12, с. 533—560).

Библейская история, сокращенно извлеченная из священных книг Ветхого и Нового Заветов. (СПб., 1913, с 110 картинками).

О нем:

О нем:

«Хроника» архиепископа Саввы. Сергиев Посад, 1906, т. VI, с. 862—863.

«Церковные Ведомости», 1895, № 3, приб., с. 103—105.

«Московские Ведомости», 1895, № 9 и 18.

«Новое Время», 1895, № 6774.

«Тульские Епархиальные Ведомости», 1895, № 2.

БАКСТ Осип Игнатьевич (умер в конце сентября 1895 года в Петербурге) — издатель.

Некролог

На днях скончался в Петербурге, на 58 году, известный издатель Осип Игнатьевич Бакст. Покойным был издан на русском языке ряд капитальных произведений иностранной литературы, каковы: «История всеобщей литератры», И. Шерра; «Полное собрание сочинений Мольера»; «История умственного развития Европы», Дрепера; «Оттоманская империя», Убичини и Курсейль и мн. др. Им переведено несколько комедий Мольера. Покойный служил в азиатском департаменте министерства иностранных дел, где занимал должность драгомана. «Новое Время», 1895, № 7037.

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 7037.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 12, с. 1012.

БАТАЛИН Федор Александрович (1823—7 февраля 1895 года в Петербурге) — тайный советник, редактор «Земледельческой Газеты».

Некролог

В Петербурге, 7 февраля скончался тайный советник Федор Александрович Баталин, известный своей научной деятельностью по сельскому хозяйству и тесно связанный с Москвой, как местом своего высшего образования и первоначальной службы.

Покойный, сын дворянина, родился в Калужской губернии, в 1823 году, и, после учения в местной гимназии, поступил в студенты Московского Университета, по второму отделению философского (физико-математического) факультета. Здесь он окончил курс кандидатом в 1844 году и вернулся на родину. К этому времени относятся его первые печатные работы, помещенные в «Отечественных Записках» по научной критике и библиографии.

Затем начинается десятилетняя педагогическая служба Ф. А. Баталина в нашей столице: с 1850 по 1858 год он состоял преподавателем географии и статистики в 3-й Московской гимназии, а потом два года — учителем при Московской земледельческой школе, продолжая в то же время печатать свои статьи и заметки в «Петербургских Ведомостях», «Русском Вестнике», в московском журнале «Сельское Хозяйство», «Вестнике Естественных Наук» и особенно — в «Отечественных Записках». Так в последнем журнале им помещены две большие статьи: «Большой Провал в Пятигорске (1857, кн. 7) и «Климатология и ботаническая география» (1858, кн. 1).

Но с 1860 года покойный покинул и Москву, и педагогическое поприще. Перейдя на службу в

Министерство Государственных Имуществ, он уехал в Петербург и там провел долгий, тридцатипятилетний период своей жизни, занимая место редактора «Журнала Министерства Государственных Имуществ» (теперь издающегося под названием «Сельское Хозяйство и Лесоводство») и «Земледельческой Газеты», числясь членом ученого комитета и состоящим при министре Земледелия. С той поры вся деятельность Ф. А. Баталина, главным образом, сосредоточилась на редакции двух названных изданий. Он сам выразил такое признание: «В «Журнале» мне принадлежат все статьи, помещенные как за моей полной подписью, так и за подписью «Ф. Б.» и «Ред.» В «Земледельческой Газете» все передовые статьи, за самым ничтожным исключением, принадлежат также мне». Благодаря такой неустанной работе самого редактора, его издания непрерывно следили за всеми успехами в области сельскохозяйственного знания и потому имели обширный круг читателей.

Вместе с ведением «Журнала» и «Земледельческой Газеты» Ф. А. Баталин также периодически издавал в течение двадцати лет (1875—1895) «Справочную книжку для сельских хозяев», которую можно назвать вполне образцовым руководством. Наконец, покойному же принадлежало еще несколько трудов, как например: «Пятигорский край и Кавказские минеральные воды» (СПб., 1861, 2 тт. с картинами), перевод с немецкого «Животноводство» профессора Зетегаста (СПб., 1870), «Развитие кормовой кукурузы и силосование зеленых кормов» (СПб., 1881, 116 с.), «Развитие и кормление рогатого скота» (СПб., 1886, 629 с.). «Московские Ведомости», 1895, № 41.

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 41.

«Новое Время», 1895, № 6807.

«Русское Слово», 1895, № 41.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 4, с. 339.

БЕЗНОСИКОВ Сергей Михайлович (умер 8 июня 1895 года в Нижнем Новгороде) — композитор, дирижер.

Некролог

В Нижнем Новгороде скончался 8 июня от осложнившейся инфлуенцы один из наших молодых композиторов и дирижеров, Сергей Михайлович Безносиков. Покойный воспитывался в Нижегородском Александровском дворянском пансионе, а затем окончил курс в Петербургской Консерватории. Он написал несколько музыкальных пьес, дирижировал оперой в Петербургских частных театрах и в провинции: в Орле, Воронеже и других городах. Покойный выступал также на нижегородской сцене в качестве любителя драматического искусства. В Нижний Новгород он приехал на это лето, чтобы отдохнуть от зимних трудов. «Московские Ведомости», 1895, № 158.

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 158.

БЕКЕТОВ Андрей Николаевич (умер в феврале 1895 года в Казани) — заслуженный ординарный профессор.

Некролог

В Казани скончался заслуженный ординарный профессор по кафедре хирургии Андрей Николаевич Бекетов. Покойный окончил курс в Московском университете лекарем первого отделения и с отличием в 1844 году, а в 1846 году определен был ассистентом Московской факультетной клиники. В Московском же университете 29-го сентября 1848 года удостоился степени доктора медицины и хирургии, после чего занял место по кафедре хирургии в Казанском университете, где и был постепенно повышаем до звания заслуженного профессора. Кроме того, с 1866 по 1869 г. был старшим врачом больницы в Казани. Из статей его особенно интересны статьи о питании человека, о заживлении ампутационных ран и о казанской тифозной эпидемии. На одном из актов Казанского университета он произнес блестящую речь о хлороформе и приложении его к медицине. «Новое Время», 1895, № 6810.

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 6810.

БЕЛОВ Евгений Александрович (20 января 1826—2 ноября 1895 года в Петербурге) — действительный статский советник, педагог.

Некролог

Второго ноября в Петербурге скончался действительный статский советник Евгений Александрович Белов, известный своей педагогической и учено-литературной деятельностью.

Покойный родился в 1826 году в Нижнем Новгороде и воспитывался в тамошней гимназии, где

преподавателем истории состоял П. И. Мельников, позже известный своими романами и повестями из приволжского быта. Одушевленное и искусное преподавание этого учителя живо отозвалось на юном ученике. По окончании гимназического образования, Евгений Александрович поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, а затем, выпущенный кандидатом в 1849 году, начал свою педагогическую службу как преподаватель истории и географии: прежде он состоял учителем в Пензенском дворянском институте, затем в Саратовской гимназии и Саратовском женском институте, занимая вместе с тем должность инспектора классов, наконец, переехав в Петербург, получил место преподавателя истории в Императорском Александровском Лицее, где и служил в течение двадцати пяти лет (1870—1891).

Вместе в педагогическими занятиями Е. А. Белов соединял учено-литературную деятельность. Она выразилась в напечатании известного учебника: «Курс средней истории для высших классов средне-учебных заведений и самообучения» (СПб., 1878, XIV, 570 с.) и в длинном ряде статей, из которых следует назвать: «О смерти Царевича Дмитрия» («Журнал Министерства Народного Просвещения, 1873, кн. 7—8), «Отношения Фридриха II к русскому Двору» («Древняя и Новая Россия», 1875, кн. 8), «Результаты войны России с Турцией» («Древняя и Новая Россия», 1877, кн. 6—8), «Император Александр I» («Древняя и Новая Россия», 1877, кн. 12), «Один из русских государственных вопросов в начале XIX века» («Исторический Вестник», 1880, кн. 10), «Об историческом значении русского боярства до конца XVII века» («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1886, кн. 1—3; отдельно: СПб., 1886, 180 с.), «Московские смуты конца XVII века» («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1887, кн. 1—2), «Предварительные замечания к истории царя Иоанна Васильевича Грозного» («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1890, кн. 12). «Московские Ведомости», 1895, № 306.

Библиография

Его:

«Разбор» труда проф. М. Петрова: Лекции по всемирной истории. («Библиограф», 1889, № 1, с. 22—34).

О значении царствования Грозного в русской истории («Историческое Обозрение», 1891).

О верховниках и дворянстве («Историческое Обозрение», 1891).

Русская история до реформы Петра Великого (СПб., 1895, VI + 479 + 8 с.).

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 306.

«Новое Время», 1895, № 7075.

«Журнал Министерства Народного Просвещения», 1895, кн. 12, с. 102—106.

«Исторический Вестник», 1896, кн. I, с. 365.

«Русская Старина», 1905, кн. 12, с. 489—512 (с портретом).

БЕЛОГОЛОВЫЙ Николай Андреевич (5 октября 1834—6 сентября 1895 года в Москве) — доктор медицины.

Некролог

В Москве скончался вчера, 6-го сентября, доктор медицины Николай Андреевич Белоголовый, пользовавшийся популярностью опытного врача-практика, хорошо сведущего как в постановке диагноза, так и в лечении преимущественно внутренних болезней. Покойный имел обширную практику; его помощью пользовались не только многие больные Москвы, но и других, часто отдаленных, городов. В 80-х годах Н. А., живя за границей, был, между прочим, домашним врачом И. С. Тургенева. Впоследствии (в 1883 г.), он напечатал в «Медицинском Вестнике» подробный отчет о болезни покойного писателя. Н. А. — сын иркутского купца — воспитывался в Москве, где кончил курс сперва в частном пансионе, затем в 1855 году, в Московском университете с званием лекаря. Врачебная деятельность покойного, тотчас по окончании им университетского курса, сосредоточилась в Иркутске, где он служил в продолжение 10 лет с трехлетним перерывом для заграничного путешествия, совершенного Н. А. на собственные средства с целью самообразования. В Иркутске он занимал должность городового и окружного врача, затем заведывал в качестве старшего врача местной больницей. В 1862 году он блестяще защитил в Московском университете диссертацию под заглавием «О всасывании солей кожей» на степень доктора медицины. Через четыре года покойный вышел в отставку, переехал в Москву на постоянное жительство и занялся частной практикой, изредка посвящая между прочим свои труды специальной медицинской литературе. Им составлены весьма обстоятельные очерки положения врачей в Пруссии и состояния французских тюрьм и колоний для малолетних преступников в 60-х годах, а также подробный отчет о «Гигиене и демографии на международном конгрессе в Женеве» («Вестник Европы», 1882). Покойный принадлежал к числу друзей и отчасти учеников профессора С. П. Боткина, памяти которого он посвятил свою статью о 25-ти летии со времени окончания университетского курса покойным профессором. «Новое Время», 1895, № 7014.

Библиография

Его:

Биография С. П. Боткина. (СПб., 1892).

Письма Салтыкова к Н. А. Белоголовому («Русские Ведомости», 1894).

А. В. Поджио, 1859—1873, из записок Н. А. Белоголового («Вестник Европы», 1896, кн. 11—12).

Воспоминания и другие статьи: М., 1897, 654 с.; М., 1898, 560 с.

О нем:

«Вестник Европы», 1895, кн. 10, с. 879—880.

«Русские Ведомости», 1895, №№ 248, 250.

«Московские Ведомости», 1895, № 247.

«Новое Время», 1895, № 7014.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 10, с. 301—303.

БЕНЕВОЛЕНСКИЙ Петр Андреевич (умер 15 ноября 1895 года) — врач.

Некролог

15-го сего ноября в 5 ч. утра, после продолжительной и тяжелой болезни, скончался врач городского Арестного дома Петр Андреевич Беневоленский, о чем с глубоким прискорбием извещают товарищи и сослуживцы покойного. Панихиды в 1 ч. дня и в 8 ч. вечера в часовне Барачной в память С. П. Боткина больницы, а вынос тела последует в субботу, 18-го ноября, в 9 ч. утра для отпевания и погребения на Больше-Охтенском кладбище. «Новое Время», 1895, № 7084.

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 7084.

БЕРТЕНСОН Иосиф Васильевич (1833—29 марта 1895 года в Петербурге) — доктор медицины, тайный советник.

Некролог

В Петербурге, 29 марта, скончался почетный лейб-медик Высочайшего Двора, тайный советник Иосиф Васильевич Бертенсон.

Покойный родился в 1833 году в городе Николаеве и получил среднеучебное образование в Одесской гимназии. При выпуске из нее в 1849 году, он поступил было в Ришельевский Лицей, но через год перешел на медицинский факультет Харьковского университета, а оттуда студентом четвертого курса был переведен в Дерптский (ныне Юрьевский) университет, где и окончил курс в 1857 году со степенью доктора медицины. С того же года его врачебная служба началась в Калужской губернии, при помещичьих имениях В. С. Коншина, а с 1859 года сосредоточилась в богоугодных заведениях Витебска. После же научной поездки за границу (1861 года), покойный поселился в Петербурге и поступил на службу в Медицинский Департамент при Министерстве Внутренних Дел. С этого времени открылась более широкая деятельность Бертенсона: так, ему пришлось заведывать холерным приютом, превращенным с 1867 года в первую городскую больницу, учредить при Рождественской больнице «Школу для образования лекарских помощниц» (1872) и открыть бесплатную лечебницу для приходящих больных имени Великой

Княгини Марии Александровны (1875), директором которых он состоял до последнего времени. Кроме того, покойный, по поручению Медицинского Департамента, участвовал на международных гигиенических конгрессах (Брюссельском 1862, Парижском 1876 и Венском 1883 года), а во время Франко-Прусской войны сопровождал известного хирурга Н. И. Пирогова на театр военных действий.

Наконец, И. В. Бертенсон известен и многими учено-литературными трудами. Кроме большой вереницы специальных статей, помещенных в медицинских журналах, он издавал «Архив судебной медицины и общественной гигиены» (1865) и «Вестник Общества попечения о больных и раненых» (1870—1876). Ему же принадлежали три отдельные издания: «Барачные лазареты в военное и мирное время» (СПб., 1871, XXII + 177 с.), «Бараки С.-Петербургского Дамского Лазаретного Комитета» (СПб., 1874) и «Отчет о санитарном состоянии С.-Петербургской губернии (СПб., 1880), а также замечательные воспоминания, под заглавием: «Императрица Мария Александровна в Ее заботах о деятельности Российского Общества Красного Креста» («Русская Старина», 1892, кн. 1). «Московские Ведомости», 1895, № 90.

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 6856.

«Московские Ведомости», 1895, № 90.

БУЛИЧ Николай Николаевич (5 февраля 1824—26 мая 1895 года) — профессор русской словесности.

Некролог

26 мая, после многолетней учено-литературной деятельности, скончался в своем имении, близ Казани, Николай Николаевич Булич.

Покойный родился 5 февраля 1824 года в Кургане, уездном городе Тобольской губернии, воспитывался во 2-й Казанской гимназии и на историко-филологическом факультете Казанского университета. При окончании курса кандидатом в 1845 году он написал сочинение о Шеллинге и его философии, которое и обратило внимание профессоров на молодого ученого. Ему было предложено готовиться к профессорскому званию по кафедре философии. За свой новый труд под заглавием: «Значение формального и метафизического взгляда на науку логики, с особенным рассмотрением логического учения Аристотеля» (Казань, 1849), Н. Н. Булич получил степень магистра философии и занял кафедру философии, Но его чтения на этой кафедре были прерваны в 1850 году известным распоряжением о передаче преподавания философии профессорам богословия. Тогда покойный с 1851 года перешел на кафедру русской литературы и скоро приобрел степень доктора русской словесности в Петербургском университете за известную диссертацию «Сумароков и современная ему критика» (СПб., 1854). Кафедру русской литературы он с честью занимал до ноября 1885 года, когда, после многолетнего служения Казанскому университету в звании профессора, декана и ректора, вышел в отставку.

Кроме названных диссертаций, перу Н. Н. Булича принадлежали многие статьи, помещенные в «Отечественных Записках» (1857), «Атенее» (1858—1859), «Русском Слове» (1860), «Московских Ведомостях» (1860—1861), «Известиях и ученых Записках Казанского Университета», а также брошюры, как например: «Ф. М. Достоевский и его сочинения» (Казань, 1881), и «В. А. Жуковский» (Казань, 1883). Но особенно важным и ценным трудом покойного явилось исследование истории родного университета, под заглавием: «Из первых лет Казанского университета, 1805—1819 гг.» (Казань, 1887 и 1891, 2 тома). Точно предчувствуя свою близкую кончину и, как видно, озабочиваясь судьбой своего богатого книжного собрания, Н. Н. Булич еще в январе 1894 года подарил Казанскому университету собственную библиотеку, в количестве

еще в январе 1894 года подарил Казанскому университету собственную библиотеку, в количестве 14 000 томов, заключающую в себе много редких изданий по истории русской и всемирной литературы. «Московские Ведомости», 1895, № 145.

Библиография

Его:

Очерки по истории русской литературы и просвещения начала XIX века. СПб., 1902, Т. I; Т. II. («Историческое Обозрение». СПб., 1904, Т. XIII; СПб., 1905, Т. XIV.)

О нем:

«Исторический Вестник», 1895, кн. 9, с. 821—823.

«Вестник Европы», 1895, кн. 8, с. 883—884.

«Московские Ведомости», 1895, № 145.

«Новое Время», 1895, № 6912.

Овсянников А. Воспоминания. («Русская Старина», 1899, кн. 6).

БУНГЕ Николай Христианович (11 ноября 1823—3 июня 1895 года в Царском Селе) — ученый, государственный деятель.

Некролог

Печальная весть получена сегодня вечером из Царского Села: умер Н. Х. Бунге! Преклонные годы маститого государственного человека мало смягчают горечь этой утраты. Смерть неожиданно подкралась к Н. Х. Бунге и скосила его среди обычных государственных и ученых трудов, которым он — до последнего дня — безраздельно посвящал свое время, свои силы, свои богатые знания и опытность. Еще на днях имя Н. Х. Бунге связывалось в текущей нашей хронике с некоторыми серьезнейшими очередными вопросами русской экономической и финансовой жизни, разрешение которых подготовлялось под его непосредственным руководством. Какой-нибудь месяц назад вышел в свет обширный том его «Очерков политической экономии», в котором сам Н. Х. Бунге высказывает некоторые планы и надежды, относящиеся к тому, что называется «со временем», и в котором перед читателем выступает работающий ученый во всеоружие умственной свежести и бодрости, по собственным его словам, ищущий «отдыха в работе мысли, которая имеет для него особую прелесть». А сегодня он мертв! Ужасно трудно освоиться с этим неожиданным переходом и еще труднее помириться с ним. Потеря крупная. С именем Н. Х. Бунге связано так много важных дел и заслуг, что об них нельзя говорить вскользь, и мы позволим себе отметить здесь лишь одну черту, которая неизменно проходит через всю жизнь этого симпатичнейшего из наших ученых и государственных деятелей: всегда и всюду — и в своем ученом кабинете, и на профессорской кафедре, и на министерском посту, и в роли наставника царских детей, и в высших советах государства — он одинаково являлся простым до скромности и честным до педантизма.

Н. Х. Бунге родился в 1823 г. в Киеве, где его отец служил медиком. Окончил курс в университете св. Владимира в 1845 г. со степенью кандидата законоведения, и в том же году, осенью, был назначен преподавателем в лицей кн. Безбородко, а по защите в 1847 году магистерской диссертации «Исследование начал торгового законодательства Петра Великого» утвержден профессором лицея; в 1850 г. получил профессуру в Киеве. В 1852 г. покойный удостоен степени доктора политических наук за диссертацию «Теория кредита» и утвержден экстра-ординарным профессором политической экономии и статистики; с 1865 г. читал лекции полицейского права, и в 1869 г. окончательно переменил кафедру политической экономии на

кафедру полицейского права, которое, по мнению покойного, не есть самостоятельная наука, а составляет часть государственного права в учении о безопасности и прикладную часть политической экономии в учении о законах благоустройства. Ректором Киевского университета Н. Х. Бунге состоял по назначению с 1859 по 1862 гг., по выборам дважды: с 1871 по 1875 гг. и с 1878 по 1880 гг. В этом году он оставил Киевский университет, будучи назначен на должность товарища министра финансов. С 1880 года началась государственная деятельность покойного, оставившая глубокий след на всей нашей податной, финансовой и экономической политике. С 1881 г. по 1886 г. Н. Х. Бунге занимал пост министра финансов. В начале 1887 г., одновременно с увольнением от должности министра финансов, покойный Бунге был назначен председателем Комитета Министров.

Главные ученые труды покойного, кроме диссертаций, следующие: «О восстановлении металлического обращения в России», «О восстановлении постоянной денежной единицы в России», «О соляном акцизе», «Государственное счетоводство и финансовая отчетность в Англии», «Товарные склады и варранты», «Курс статистики», «Основания политической экономии»; с месяц тому назад он издал сборник своих публицистических и экономических статей, большей частью ранее появлявшихся в разных журналах и в «Сборнике государственных знаний». «Новое Время», 1895, №№ 6918—6920.

Библиография

Его:

Диссертация. Исследование начал торгового законодательства Петра Великого. («Отечественные Записки», 1850, Т. LXVIII, кн. I, отд. II, с. 1—30).

Диссертация. Теория кредита. (Киев, 1852). Речь о месте, занимаемом политической экономией в системе народного образования. (Киев, 1856).

Налоги и государственные долги, К. фон-Гока, перевод (Киев, 1865).

Курс статистики (Киев, 1865; 1876).

Письма об изучении политической экономии («Русский Вестник», 1857, кн. 17).

Об устройстве учебной части в наших университетах («Русский Вестник», 1858, кн. 19).

О современном направлении русских университетов и о потребности высшего образования («Русский Вестник», 1858, кн. 7).

Кредит и крепостное право («Русский Вестник», 1859, кн. 2 и 8).

Бумажные деньги и банковская система Северо-Американских Штатов («Русский Вестник», 1867, кн. 6).

Русские бумажные деньги (Киев, 1871).

Полицейское право (Киев, 1873—1877, пять выпусков).

Очерки политико-экономической литературы (СПб., 1895, 465 с.).

Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов, с портретом Ло. Соч. Горна. Перевод с немецкого И. Шипова с предисловием Н. Х. Бунге. (СПб., 1895).

Записка о государственных преобразованиях. («Исторический Вестник», 1912, кн. 7, с. 271—304; кн. 8, с. 663—672, с потретом).

О нем:

«Русская Мысль», 1895, кн. 6, отд. II, с. 190.

«Вестник Европы», 1895, кн. 7, с. 422—426; 437—438; кн. 5, с. 5—39.

«Исторический Вестник», 1894, кн. 5, с. 473—474.

«Северный Вестник», 1895, кн. 7, с. 57.

«Московские Ведомости», 1895, № 153, 154.

«Новое Время», 1895, № 6918, 6919, 6920.

«Наблюдатель», 1895, кн. 7, с. 25—30.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 8, с. 509—512.

«Журнал Юридического Общества», 1895, кн. 2, 4.

Воспоминания И. Янжула («Русская Старина», 1911, кн. I, с. 48—58).

БУХ Константин Андреевич (21 декабря 1812—30 октября 1895 года в Петербурге) — член совета министра финансов, тайный советник.

Некролог

На днях скончался член совета министра финансов, тайный советник Константин Андреевич Бух. К. А. родился 21-го декабря 1812 г., образование получил в Главном инженерном училище (ныне Николаевская инженерная академия). Свою служебную деятельность он начал в 1828 г. и последовательно занимал должности начальника кадастровых комиссий, управляющего государственными имуществами, акцизными сборами и, наконец, члена совета министра финансов. По званию члена совета он был главным уполномоченным «Красного Креста» в Черногории, за что ему был пожалован орден кн. Даниила I-й ст. По окончании турецкой войны, К. А. Бух принимал деятельное участие в устройстве гражданского управления в Болгарии и был управляющим финансами в этой стране. До преобразования попечительного о тюрьмах комитета К. А. состоял вице-президентом СПб. комитета. Покойный написал биографию графа П. Д. Киселева. «Новое Время», 1895, № 7071.

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 305.

«Новое Время», 1895, № 7071.

БУТУРЛИН Петр Дмитриевич (1859—24 июля 1895 года в родовом имении Таганчи) — граф, поэт.

Некролог

24-го июля, в своем родовом имении Таганчи Киевской губернии, скончался на 37 году гр. Петр Дмитриевич Бутурлин. Любители русской поэзии, вероятно, знакомы с симпатичным талантом покойного. Он помещал свои стихотворения преимущественно в журнале «Наблюдатель» и, кроме того, им были выпущены в свет отдельный томик стихотворений и брошюра с двадцатью

сонетами; в них, главным образом, отразился изящный вкус П. Д. и понимание им всего истинно прекрасного, художественного. Особенно выдаются сонеты «Царевич Алексей Петрович» и сказки «На почтовой станции». В настоящее время, перед только что... «Новое Время», 1895, № 6975.

Библиография

Его:

Сонеты. (Киев, 1895, 58 с.; «Наблюдатель», 1896, кн. 3, с. 17—20).

Посмертные сонеты. (Cosmopolis, 1897, кн. 6)

Стихотворения, собранные и изданные гр. Я. А. Бутурлиной (Киев, 1898).

О нем:

«Новое Время», 1895, № 6975.

«Русское Обозрение», 1895, кн. 9, с. 422—423; 1896, кн. 4, с. 958—963.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 9, с. 831—832.

Сочинения графа П. И. Капниста. М., 1901, Т. I, с. CCIII—CCXIII.

ВАКУЛОВСКИЙ Николай Андреевич (умер 9 декабря 1895 года в Петербурге) — доктор медицины.

Некролог

В субботу, 9-го декабря, после непродолжительной болезни, скончался доктор медицины Николай Андреевич Вакуловский. Покойный кончил курс в Императорской Медико-Хирургической Академии в 1843 году с золотой медалью и с премией Буша, и определен был в Уланский полк с прикомандированием ко второму военно-сухопутному госпиталю, а в 1844 г. перемещен в л.-гв. Измайловский полк. В ведомство Императорского Двора, именно врачом в Красносельское удельное имение Государя Императора, был он переведен без прошения, по желанию министра Императорского Двора князя Волконского, за успешное пользование в бытность его во время зимы и весны, дна года сряду, в загородном расположении батальонов лейб-гвардии Измайловского и Егерского полков, заболевавших тифозною горячкой крестьян. Здесь он прослужил почти десять лет. В годы холерных эпидемий, особенно в 1848 году, кроме постоянного удельного госпиталя, он имел еще три врачебных отделения холерных, по 50 кроватей для крестьян мужчин, для женщин и отдельно для жен и дочерей нижних чинов гвардейского корпуса, посещавших мужей и отцов в лагерное время. В прохождении этой службы присоединены были к заведыванию Н. А. Вакуловского Ропшинское имение Государыни Императрицы и Шунгоровское Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича. Н. А. Вакуловский одно время имел хорошую практику в С.-Петербурге, но как доброй души человек, не отказывавший в даровой помощи и даже в лекарстве и деньгах беднякам, не составил себе какого-либо состояния. Покойный с лишком двадцать пять лет пользовал безвозмездно заболевавших в приюте и богадельне Общества вспоможения бедным в приходе церкви лейб-гвардии Измайловского полка. «Новое Время», 1895, № 7108.

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 7108.

ВАРСОНОФИЙ (в мире Яков Петрович Охотин, 1828—13 августа 1895 года в Симбирске) — епископ Симбирский и Сызранский.

Некролог

Недавно скончался преосвященный Варсонофий, епископ Симбирский и Сызранский.

Покойный (в мире Яков Петрович Охотин) родился в Тамбовской губернии в 1828 году и воспитывался сначала в местной семинарии, а затем в Казанской Духовной Академии. В 1853 году, находясь на третьем курсе Академии, он принял монашество и в 1854 году, выпущенный из Академии со степенью магистра богословия, начал свою педагогическую службу в Казанской духовной семинарии. Там ему пришлось состоять профессором Св. Писания (1854—1855), инспектором (1855—1864) и в сане архимандрита ректором (1864—1876). Хиротонисанный в епископа Екатеринбургского (31 октября 1876 года), покойный недолго пробыл викарием Пермской епархии; с 19 ноября того же года он был назначен епископом Старорусским и викарием Новгородской епархии, а с 28 сентября 1882 года сделан самостоятельным епископом Симбирским и Сызранским. «Московские Ведомости», 1895, № 230.

Библиография

О нем:

«Церковные Ведомости», 1895, № 34, с. 1178; № 42, с. 1461—1463.

«Московские Ведомости», 1895, № 230.

ВАСИЛЬЕВ Петр Григорьевич (умер 16 января 1895 года в Петербурге) — преподаватель.
Некролог

На днях скончался учитель 6-й СПб. гимназии, преподаватель русского языка в консерватории и коммерческом училище, Петр Григорьевич Васильев. Покойный составил христоматию, выдержавшую 6 изданий, и справочную таблицу правописания; написал пьесу для детского театра «Сиротка» и несколько стихотворений: «Осень» («Детское Чтение») и друг. Будучи хорошим педагогом, он не ограничивался этим, но принимал горячее участие во многих предприятиях, имевших связь с его деятельностью. Так, в течение 17 лет он состоял одним из самых деятельных членов совета Фребелевского общества и в течение 8 лет его делопроизводителем; он был одним из учредителей общества вспомоществования недостаточным ученикам 6-й гимназии. В эту свою деятельность он вносил присущие ему энергию и усердие. Благодаря своим качествам, П. Г. пользовался любовью учеников. Умер он на 49 году своей труженической жизни от кровоизлияния в легких. Покойный оставил, как часто случается, почти без всяких средств, жену и двух сыновей, из которых младший еще в 1 классе. «Новое Время», 1895, № 6790.

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 6790.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 3, с. 991—992.

ВЕСЕЛОГО Феодосий Федорович (23 марта 1817—17 октября 1895 года в Петербурге) — полный генерал по флоту.

Некролог

В Петербурге, 17 октября, скончался маститый историограф Русского флота, полный генерал по

службе в Морском Министерстве, Феодосий Федорович Веселого, одно время служивший и при Московском университете.

Сын новгородского дворянина, покойный родился 23 марта 1817 года близ Роченеальмского порта, где его отец, капитан 1 ранга, состоял главным командиром. После домашнего воспитания, он с 1827 года поступил в Морской кадетский корпус, откуда, по окончании курса первым воспитанником в 1834 году, перешел в офицерские классы того же Корпуса. Произведенный в лейтенанты с 1837 года, он начал преподавать гардемаринам астрономию и науку о навигации, а через год аналитическую геометрию в офицерских классах, где с 1846 года состоял заведующим этим учреждением. С 1853 года покойный был переименован в майоры и определен инспектором студентов Московского университета; но здесь он пробыл только четыре года и, произведенный в полковники, назначен помощником попечителя Казанского учебного округа. Спустя три года, переименованный в коллежские советники, покойный снова перешел на службу в Петербург, где был цензором, членом совета Главного Управления по делам печати и позднее начальником этого учреждения. Наконец, с 1869 года покойный вернулся в то ведомство, где начал свою службу, и в течение двадцати шести лет занимал место члена и председателя в комитете морских учебных заведений, пост директора Гидрографического Департамента и должность председателя учебного отделения Морского Технического Комитета. За эту долгую свышешестидесятилетнюю службу покойный был произведен в полные генералы по флоту.

Одновременно со службой постепенно развивалась учено-литературная деятельность Ф. Ф. Веселого. Он начал печатать свои статьи в «Маяке» (1840—1842) под псевдонимом Евгений Заневский, а затем издал следующие труды: «Начальные основания динамики и гидростатики» (СПб., 1842), «Начальная геометрия для воспитанников Морского Корпуса» (СПб., 1853), «Очерк истории Морского Кадетского Корпуса» (СПб., 1852), «Краткие сведения о русских морских сражениях» (СПб., 1871), «Список судов Русского флота» (СПб., 1872), «Очерк

Русской морской истории» (СПб., 1875), «Материалы для истории Русского флота» (СПб., 1875—1891, V—XIV тт.) и «Краткая история Русского флота» (СПб., 1893).

В заключение приходится упомянуть, что покойный имел счастье преподавать высшие морские науки нынешнему генерал-адмиралу Великому Князю Алексею Александровичу и сопровождать Его Высочество в нескольких морских путешествиях. «Московские Ведомости», 1895, № 288.

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 288.

«Новое Время», 1895, № 7055.

«Русское Слово», 1895, № 283.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 12, с. 1005—1006.

«Русское судоходство», 1895, № 11.

Брошюра С. Огородникова. Памяти Ф. Ф. Веселого (СПб., 1896).

Воспоминания. («Русская Старина», 1896, кн. 3, с. 642—654).

ВЕСИН Леонид Павлович (умер 7 марта 1895 года в Петербурге) — литератор.

Некролог

7 марта скончался после продолжительной болезни один из скромных и добросовестных литературных тружеников Леонид Павлович Весин. Покойный помещал статьи по политико-экономическим вопросам и по педагогии в «Северном Вестнике», «Вестнике Европы», «Семье и Школе», «Народной Школе» и в «Новостях». Из его произведений педагогического и дидактического характера назовем «Исторический обзор учебников географии со времени Петра Великого» и статью «О неудовлетворительности современного положения в России географии, как учебного курса». По окончании курса в С.-Петербургском университете, он служил с 1873 года в министерстве финансов. Под его непосредственным руководством были напечатаны статистические обзоры по департаменту неокладных сборов с 1889 года. В 1893 году, когда министерство финансов составляло для всемирной выставки в Чикаго обзор главнейших отраслей промышленности в России в связи с ее торговлей, изданный под заглавием «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», покойный участвовал в составлении этого обзора и написал для него статьи о табачной фабрикации и производстве жирных масел. Вопрос о табаководстве был особенно подробно разработан Л. П. Весиным в 1887—88 годах при составлении «Обзора табаководства в России». Умер покойный 46-ти лет. «Новое Время», 1895, № 6834.

Библиография

О нем:

«Северный Вестник», 1895, кн. 4, отд. II, с. 92—93.

«Новое Время», 1895, № 6834.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 5, с. 662.

ВЛАДИСЛАВЛЕВ Василий Федорович (умер 25 декабря 1895 года в Твери) — протоиерей Владимирской церкви в Твери.

Некролог

В Твери скончался на 75 году жизни протоиерей Тверской Владимирской церкви В. Ф. Владиславлев, редактор и основатель «Тверских Епархиальных Ведомостей». Его жизнь и деятельность были настолько разносторонни и плодотворны, что доставили ему почетную известность далеко за пределами Тверской губернии. Покойный протоиерей воспитывался в Тверском духовном училище и семинарии, а затем, как один из лучших и даровитейших воспитанников, был отправлен для довершения образования в Московскую Духовную Академию, в которой и кончил курс в 1846 году со степенью магистра богословия.

По окончании курса Академии В. Ф. Владиславлев состоял преподавателем Литовской духовной семинарии, а затем, по предложению тверского архиепископа Григория, перешел на родину и принял сан священника при Тверской Владимирской церкви.

Его пятидесятилетняя деятельность в Твери отличалась чрезвычайно разносторонним характером. Состоя последовательно законоучителем во многих учебных заведениях Твери, В. Ф. Владиславлев занимал должность члена консистории, а с 1863 г. состоял действительным членом Тверского Губернского Статистического Комитета.

В 1877 году покойный протоиерей предпринял издание и редактирование «Тверских Епархиальных Ведомостей» — и над этим излюбленным своим делом трудился неустанно до самых последних дней своей жизни; целый ряд наиболее серьезных статей в «Тверских Епархиальных Ведомостях» за девятнадцатилетний период их существования принадлежит перу покойного редактора.

В духовной литературе В. Ф. Владиславлев был известен многими другими трудами, создавшими

В духовной литературе В. Ф. Владиславлев был известен многими другими трудами, создавшими ему почетное имя.

Из этих трудов особенного внимания заслуживают: «Объяснение нравственного богослужения», «Уроки по классу Закона Божьего», рассказы «Из быта крестьян», многие исторические исследования, — из них особенно «Филарет, как истинный друг и товарищ» и др.

Покойный протоиерей имел высшие награды, — палицу, золотой наперсный крест с бриллиантовыми украшениями из кабинета Его Величества. «Московские Ведомости», 1896, № 34.

Библиография

Его:

Слово при погребении поэта Ф. Н. Глинки («Тверские Епархиальные Ведомости», 1880, № 6).

Три поучения против революционной пропаганды («Тверские Епархиальные Ведомости», 1881, №№ 13—15).

Из воспоминаний о почившем в Бозе митрополите Киевском Филофее (Тверь, 1882).

Памяти митрополита Филофея («Тверские Епархиальные Ведомости», 1884).

Древний храм в селе Никулине-Городище («Тверские Епархиальные Ведомости», 1884, № I).

Жизнеописание игумении Агнии (Тверь, 1887).

Празднование 25-летия в сане епископа Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского (Тверь, 1888).

О нем:

«Московские Ведомости», 1896, № 34.

«Новое Время», 1896, № 7158.

«Церковные Ведомости», 1896, № 5, с. 181—183.

«Тверские Епархиальные Ведомости», 1896, №№ 2—4.

«Богословский Вестник», 1905, кн. 7—8.

«Богословский Вестник», 1906, кн. 9, с. 27—29.

ВОБСТ Густав Федорович (умер 2 октября 1895 г. в Москве) — главный садовник Ботанического сада Императорского Московского университета.

Волею Божьей скончался 2 октября, в 12 часов дня, после продолжительной и тяжкой болезни, о чем извещают друзья и почитатели покойного. Отпевание в лютеранской церкви Св. Петра и Павла имеет быть в четверг, 5 октября, в 2? часа дня; погребение в тот же день на Введенских горах.

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 272.

ВОЙТОВ Александр Иванович (умер 10 октября 1895 года в Крыму) — прозектор бактериологии.

Некролог

В Крыму скончался 10-го октября прозектор бактериологии Московского университета Александр Иванович Войтов. Покойный занимал видное положение среди русских бактериологов. Он кончил курс в Московском университете в 1873 году, через тринадцать лет блестяще защитил диссертацию под заглавием «Методы исследования патогенных организмов» на степень доктора медицины. Будучи учеником Пастера, А. И. работал преимущественно по бактериологии. В этой области ему принадлежит ряд ценных научных работ. Из его специальных медицинских трудов назовем: «Диагностическое значение bacillus tuberculosis», «Терапевтическое значение интенсивного питания при туберкулезе», «Муравьиная кислота, как новое дизенфекционное средство» и др. Покойный заведовал бактериологической клиникой при Московском университете, принимал деятельное участие в открытии Московской бактериолого-агрономической станции и был первым директором этой станции. «Новое Время», 1895, № 7050.

Библиография

Его:

Курс медицинской бактериологии для врачей и студентов. Сост. прозектор Императорского Московского Университета А. И. Войтов. М., 1894.

Об отношении микроорганизмов к организму рыб. («Вестник Императорского Русского

Общества Акклиматизации Животных и Растений», 1895, вып. 3).

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, №№ 281—283, 288.

«Новое Время», 1895, № 7050.

ВОЛОГДИН Иван Васильевич (умер 31 января 1895 года в Перми).

Библиография

О нем:

Труды Пермской Ученой Архивной Комиссии. 1902, кн. V, с. 34—35. Пермский край // Под ред. А. А. Дмитриева. (Пермь, 1895, т. III).

ВЫШНЕГРАДСКИЙ Иван Алексеевич (20 декабря 1831 года — 25 марта 1895 года в Петербурге) — научный деятель.

Некролог

С большой грустью приходится сообщить, что известный научный деятель и бывший министр финансов Иван Алексеевич Вышнеградский, после тяжкой болезни, скончался в ночь на 25 марта в Петербурге. Высокие заслуги покойного на поприще русской науки и в области государственного финансового управления, под первым же впечатлением утраты, заставляют посвятить его памяти хоть немногие строки.

И. А. Вышнеградский родился 20 декабря 1831 года, в семье вышневолоцкого протоиерея и,

после домашней подготовки, поступил в Тверскую духовную семинарию (1843 год), но через три года перешел в Главный Педагогический Институт и там с большим успехом окончил курс в 1851 году по физико-математическому отделению. Тотчас же по выпуску из Института началась его педагогическая карьера. Сначала он получил место преподавателя математики во 2 Петербургском кадетском корпусе и скоро, в 1854 году, уже приобрел степень магистра математики за диссертацию: «О движении системы материальных точек, определяемой полными дифференциальными уравнениями» (СПб., 1854). Затем, спустя четыре года, И. А. Вышнеградский принял на себя преподавание механики в Михайловской Артиллерийской Академии (1859 г.) и с той поры специально занялся этой наукой, плодами чего, между прочим, явились два его труда: «Публичные популярные лекции о машинах» (СПб., 1859) и «Элементарная механика», учебное руководство для военно-учебных заведений (СПб., 1860), а также его перевод: «Основания механики», К. Гольцманна (СПб., 1860). Вслед за тем И. А. Вышнеградский был командирован Михайловской Академией за границу для занятий практической механикой. Полтора года провел он в Карлсруэ, где, под руководством известного директора Политехникума, Редтенбахера, изучал построения машин, и в 1862 году, по возвращении из командировки, получил звание профессора этого предмета как в Артиллерийской Академии, так и в Петербургском Технологическом Институте. По отзыву тогдашних слушателей, покойный явился замечательным профессором механики, как по отчетливости, ясности и последовательности изложения, так и по самостоятельности взглядов и суждений в сложных вопросах этой науки. Между прочим, ему, как члену Артиллерийского Комитета, поручено было устроить прессы для приготовления призматического пороха, и, благодаря этому, на нашем Охтенском заводе был получен таковой порох гораздо ранее, чем в других государствах. Одновременно с этим появились его новые научные труды, как например: «Курс подъемных машин» (СПб., 1872), «Основные законы механической теории теплоты» (СПб., 1874) и «Лекции о паровых машинах» (СПб., 1874).

С 1875 года И. А. Вышнеградский занял место директора в Технологическом Институте и в течение более десяти лет стоял во главе этого заведения. Благодаря его заботам, Институт подвергся коренному преобразованию: были введены еженедельные репетиции по главным предметам и срочные графические работы; программы преподавания получили большую полноту, сообразно выяснившимся по трудностям; выработаны новые правила по учебной части, а для большего развития научной деятельности, с 1877 года стали издаваться «Известия Технологического Института», где сам директор поместил большое исследование «О регуляторах прямого и непрямого действия», и получил за него почетный отзыв от Парижской Академии Наук.

Благодаря этой административной и научной деятельности, И. А. Вышнеградский был определен в 1884 году членом совета министра Народного Просвещения и принял участие как в разработке нового университетского устава, так и в составлении проекта о промышленных училищах. Свои же немногие досуги он посвятил практической деятельности, состоя долгое время членом в акционерных обществах Рыбинско-Бологовской и Юго-Западных железных дорог. Широкая научно-практическая подготовка и близкое знакомство с экономическими условиями России — всегдашние отличительные черты И. А. Вышнеградского — принесли здесь несомненную пользу и выдвинули его на новый высокий пост. Назначенный в 1886 году членом Государственного Совета по Департаменту Государственной Экономии, он с 1 января 1887 года занял место министра финансов, после Н. Х. Бунге, и состоял в этой должности до 30 августа 1892 года, когда начавшееся нездоровье побудило его оставить этот министерский пост.

В настоящую минуту еще нет возможности вполне и всесторонне оценить те несомненные заслуги, какие покойный оказал России своей деятельностью по финансовому ведомству; но нельзя не сказать, что И. А. Вышнеградский неизгладимо вписал свое имя в историю русских финансов. «Московские Ведомости», 1895, № 84.

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 84.

«Новое Время», 1895, № 6850.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 5, с. 663—664.

Брошюра В. Л. Кирпичева. И. А. Вышнеградский, как профессор и ученый. (СПб., 1895).

«Воспоминания» Ф. Г. Тернера («Русская Старина», 1910, кн. 12, с. 662—673).

«Воспоминания» А. Н. Витмера («Исторический Вестник», 1911, кн. 9, с. 859—880).

«Исторический Вестник», 1912, кн. 8, с. 671—682.

Публикация Г. Ю. ДРЕЗГУНОВОЙ

Из семейных архивов

Из семейных архивов // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 559—562. — [Т.] V.

«Российский Архив» продолжает публикации из частных и семейных архивов. В разделах «Галерея» и «Приложение» представлены материалы из архива протоиерея Бориса Старка — «Семейный альбом» и «Синодик», который составлялся отцом Борисом за годы его служения (1940—1952 гг.).

Кроме того, в разделе «Галерея» представлены фотоматериалы из частного собрания, относящиеся к биографии таиландского принца Чакрабона. Материалы любезно предоставлены в Бангкоке внучкой принца Чакрабона принцессой Нариссарой Чакрабон и подготовлены для публикации В. Н. Скворцовым.

***

Борис Георгиевич Старк родился 14 июля 1909 г. в Кронштадте в семье морского офицера. Его предки были выходцами из Шотландии (по другой версии — из Голландии). Первый Старк приехал в Россию еще во время правления царя Алексея Михайловича и позже работал на Воронежских верфях, где зарождался российский флот. Старки на протяжении трех столетий верно служили России, их род насчитывает уже восемнадцать поколений.

В 1922 г. адмирал Георгий Старк, командовавший Сибирской флотилией, эмигрировал во Францию, куда после смерти матери в 1925 г. выехал и Борис Георгиевич. После окончания института он работал инженером-электриком в одной из провинций Франции. В 1937 г. принял священство и с 1940 г. был священником Русского Дома и Русского православного кладбища Сент-Женевьев де Буа под Парижем. Духовным наставником о. Бориса во Франции были о. Сергий (С. Н. Булгаков), а затем митрополит Евлогий (Георгиевский В. С.).

В 1952 г. о. Борис вернулся в Россию и получил приход в Костроме. С 1953 по 1960 г. имел приход в Херсоне, с 1960 по 1962 г. в Рыбинске, а с 1962 г. служил в Ярославле, где был настоятелем кафедрального собора. Протоиерей Борис Старк удостоен высшей награды русского духовенства — Патриаршего Креста. В настоящее время живет в Ярославле.

Принц Чакрабон родился 3 марта 1881 г. в Бангкоке, столице Сиама, как назывался тогда Таиланд. Будущий наследник престола был сороковым ребенком короля Чулалонгкорна. Судьба принца Чакрабона тесно связана с Россией.

Летом 1897 г. король Чулалонгкорн совершил поездку по Европе для встречи с правительствами Англии, Франции, Германии, России и других стран. Одним из результатов этой поездки было решение короля послать в Россию своего семнадцатилетнего сына. Принц Чакрабон провел в России восемь лет (с 1898 по 1906 г.), будучи вверенным попечению Императора Николая II. Окончил Пажеский корпус, из которого вышел в гвардейские гусары, Академию Генерального штаба и получил звание полковника русской армии. Квартировал принц в Зимнем дворце, отлучаясь по воскресеньям в посольство Сиама, буквально в сотне шагов по набережной Невы в сторону Исаакиевского собора. Принц увез из Петербурга русскую жену, на вершине политической и военной карьеры в Бангкоке стал престолонаследником.

В мемуарах принца Чулы Чакрабона, сына принца Чакрабона, хранящихся в Бангкоке, имеется такая запись: «10 мая 1888 года родилась моя мать Екатерина Ивановна Десницкая. Ее отец — Иван Степанович Десницкий был главным судьей в Луцке и имел чин равный генерал-майору, а также орден Св. Владимира. Ее мать происходила из семьи крупных землевладельцев Хижняковых.

Я родился 28 марта 1908 г. в субботу 11.58 вечера. Точное время известно потому, что отец весьма тревожился, что я появлюсь на свет в воскресенье. Он, как и его брат Вачиравут (тогда король Сиама, не женатый и бездетный), родился в субботу, поэтому оба продолжению совпадения придавали некоторое значение. Отец следил по часам. Я весьма доволен, что мой первый поступок на этой земле не расстроил его. Королевиной радости не было предела: родился ее первый и единственный внук; мальчик стал самым великим ее фаворитом...

Король Вачиравут официально признал мою мать невесткой, возложил на нее соответствующие регалии, я также официально был признан принцем и получил от Короля имя Чула Чакрабон, что значит Чакрабон-младший. При этом Король не имел детей, мой отец считался его прямым воспреемником...»

Не скончайся принц Чакрабон в 1920 г., возможно судьба российской офицерской эмиграции сложилась бы иначе. Судя по письмам, поступавшим полковнику русских гусар в Бангкок с титулом «Его Королевскому Высочеству» буквально со всех концов мира, с предложением «предоставить на службу верность и шпагу», десятки тысяч русских офицеров могли бы составить такую профессиональную армию тогдашнего Сиама, которая бы заставила считаться с собой «соседей» — британцев в Бирме и французов в Камбодже и Лаосе, начинавших историю своей «антанты» как комплекса британско-французских договоренностей о разделении Сиама — Таиланда по линии, прочерченной на карте через Бангкок.

Примечания

22 Старк Карл Александрович (1846—1883), нотариус, дед Б. Г. Старка. Окончил Военно-юридическое училище в Санкт-Петербурге. Принимал участие в строительстве Дворцового и Троицкого мостов. Застрелен грабителями в присутствии детей на собственной ферме близ Новороссийска.

23 Старк (урожд. Крокодилова) Агриппина Никаноровна (1847—1913), бабушка Б. Г. Старка. У А. Н. и К. А. Старков было шестеро детей: Зоя (1872—1935); Николай (1873—1918); Ольга (1875—1952), вышла замуж за троюродного брата, Федора Оскаровича Старка; Сергей (1876—1952); Георгий (1878—1950); Инна (1884—1969) в замужестве Штейп.

24 Развозов Владимир Александрович (1841—1893), адмирал. Был убит своим подчиненным. Пенсия семье выплачивалась из личных сумм Государя Императора.

25 Старк Оскар Викторович, адмирал, двоюродный дед Б. Г. Старка.

26 Сестры Развозовы: вверху — Елизавета Владимировна (1881—1924). Слева направо: Мария Владимировна (1883—1942/43), Зинаида Владимировна (1887—1938), Екатерина Владимировна (1885—1942/43).

27 В дневниках Г. К. Старка сохранился список выпускников 1898 г. Санкт-Петербургского Морского корпуса и роспись фотографий. 2-й номер — номер по окончании выпуска.

В первом нижнем ряду слева направо:

1.25 Головин Виктор Иванович. Умер в Югославии.

2.14 Коптев Сергей Дмитриевич. Умер в Петрограде в 1919 г.

3.53 Зеленый Александр Ильич. Умер в Шанхае в 1936 г.

4.32 Косинский Алексей Михайлович, барон.

5.36 Ломан Владимир Владимирович. Умер в Марокко.

6.48 Пелль Николай Николаевич.

Второй ряд:

7.10 Глазенап Павел Александрович. Умер в Америке в 1902 г.

8.13 Развозов Александр Владимирович. 14.06.20.

9.23 Желтухин Николай Федорович (—1915).

10. Профен Роман. Умер в Кронштадте в 1898 г.

11.29 Браше Николай Николаевич. Убит на «Громобое» 1 августа 1904 г.

12.33 Огарев Сергей Петрович. Погиб в Цусимском бою на «Наварине» 14.05.05.

Третий ряд на лестнице:

13.17 Саблин Николай Павлович (?—1937, Париж).

14.3 Унковский Константин Алексеевич (?—25.02.34).

Четвертый ряд:

15.5 Вырубов Петр Александрович.

16.40 Загуляев Валерий Тимофеевич.

17.31 Старк Георгий Карлович.

18. Сведений нет.

19.7 Жданов Борис Константинович. Погиб в сражении на «Адмирале Ушакове» 15.05.05.

20.1 Дунин-Борковский Михаил Иосифович (?—1919).

Пятый ряд:

21.2 Беренс Михаил Андреевич. Умер в Бизерте (Тунис).

22.52 Пущин Леон Модестович (?—1933, Югославия).

23.18 Ризнич Иван Иванович.

24.24 Шереметев Сергей Владимирович. Инженер, капитан 1 ранга.

25.22 Ден Николай Владимирович. Погиб в Цусимском бою на «Александре III» 14.05.05.

26.47 Свечин Алексей Александрович. Умер в Париже 8/21.07.33.

27.12 Жерве Борис Борисович (?—1934). Начальник Морской Академии.

28.49 Ленин Анатолий Васильевич. Умер в Париже.

29. Сведений нет.

30.11 Модзалевский Всеволод Львович. Полярный капитан. Умер в России.

Шестой ряд:

31. Сведений нет.

32.26 Азарьев Николай Николаевич. Убит пиратами в Желтом море.

За ними стоит:

33.34 Вавилов Павел Михайлович.

28 В первом нижнем ряду слева направо:

1.11 Модзалевский В. Л.

2.3 Унковский К. А.

3. Сведений нет.

4.32 Косинский А. М.

5.25 Головин В. И.

6.17 Саблин Н. П.

Второй ряд:

7.45 Малеев Ермий Алекс. Погиб в Порт-Артуре на «Страшном» 1.04.04.

8.33 Огарев С. П.

9—1. Сведений нет.

12.2 Беренс М. А.

13.10 Глазенап П. А.

14.37 Афанасьев Владимир Юрьевич.

15.8 Линден Петр Вильгельмович.

16.Сведений нет.

Третий ряд:

17.22 Ден Н. В.

18.36 Ломан В. В.

19.5 Вырубов П. А.

20. Сведений нет.

21.19 Зотов Алексей Петрович.

22. Гадд Юлий Оттович (?—1898).

23.18 Ризнич И. И.

24. Сведений нет.

25.21 Волькенау Владимир Федорович. Умер в Марселе.

Верхний ряд:

26.41 Бардуков Сергей Яковлевич.

27—28. Сведений нет.

29.16 Вальронд Ростислав Константинович (?—1916).

30.14 Коптев С. Д.

31.6 Остен-Сакен Лев Эрнестович.

32.31 Старк Г. К.

33—34. Сведений нет.

35.12 Жерве Б. Б.

Выпускники не вошедшие в роспись фотографий:

1.4 Новосильцев Алексей Николаевич. Погиб в Цусимском сражении на «Суворове» 14.05.05.

2.15 Гертнер Константин Павлович. Расстрелян в Петрограде в августе 1918 г.

3.42 Зеленой Семен Ильич (?—1943).

4.38 Вечеслов Николай Степанович (?—1943, Москва).

5.30 Шутов Павел Константинович.

6.9 Матусевич Николай Николаевич. Гидрограф. Адмирал.

7.27 Сахновский Лев Николаевич. Погиб в Финском заливе на «Летучем» 29.11.14.

8.28 Любимов Сергей Яковлевич.

9.43 Щербачев Петр Николаевич.

10.35 Ульянов Владимир Федорович.

11.20 Минин Алекс. Николаевич. Преподаватель Морской Академии им. Фрунзе в 20-е гг.

12.44 Липхард Илья Оскарович. Умер в Париже.

13.39 Рененкамф Николай Романович.

14.54 Сиденснер Владимир Алекс. Убит в Порт-Артуре.

29 Принимает парад адмирал Н. О. Эссен. Сдает рапорт Петр Николаевич Лесков, командир «Авроры», впоследствии адмирал.

30 Старк Георгий Карлович (1878—1950). Окончил Морской Корпус в Санкт-Петербурге (1891—1898). Летом 1895—1896 гг. был в плавании на крейсере «Князь Пожарский». 15 сентября 1898 г. произведен в мичманы. 28 апреля 1910 г. назначен ст. офицером на крейсер «Аврора». В 1917 г. сменил А. В. Развозова на посту командующего Минной дивизией. Тогда же получил чин контр-адмирала. Командовал Сибирской флотилией (1921—1924).

31 Сидят слева направо:

Игнатьев Николай Иванович (1880—1937), капитан I ранга, флагманский артиллерист, расстрелян; Старк Георгий Карлович; Развозова (урожд. Гучшмидт) Каролина Федоровна, вдова адмирала Развозова Владимира Александровича; Развозов Александр Владимирович (1878—1920) — с июля 1917 г. контрадмирал, командующий Балтфлотом при Временном правительстве. Умер в тюремной больнице; Васильев Федор Владимирович (1880—1978), капитан I ранга, минер. Преподавал в Кронштадтском морском училище. В 1927 г. репрессирован. 10 лет — Соловки, затем — Беломорканал; Гертнер Константин Павлович, капитан I ранга, служил ст. офицером на линкоре «Император Павел I». Расстрелян в 1918 г. Гертнер К. П., Игнатьев Н. И., Развозов А. В., Старк Г. К. были произведены в капитаны I ранга в один день 6 декабря 1916 г.

Стоят, слева направо:

Игнатьева (урожд. Развозова, в первом браке Вырубова) Екатерина Владимировна; Старк (урожд. Развозова, в первом браке Мессер) Елизавета Владимировна; Васильева (урожд. Развозова) Зинаида Владимировна; Гертнер (урожд. Развозова) Мария Владимировна.

На переднем плане:

Развозова (урожд. Остен-Дризен) Мария Александровна (1887—1968).

32 Борис Старк (1 год 2 месяца).

34, 35 Среди сопровождавших Вел. Кн. Бориса Владимировича (1879—1943): Вел. Кн. Мария Павловна (1890—1958); Вел. Кн. Елена Владимировна (1882—1938); ее супруг Николай Георгиевич, Греческий наследный принц; Вел. Кн. Ольга Константиновна (1851—1926), королева Греческая; Граббе Михаил Николаевич (1868—1942), флигель-адъютант; Лесков Петр Николаевич, командир крейсера «Аврора»; Старк Г. К., старший офицер; Белли Владимир

Александрович, лейтенант. Снимки сделаны на крейсере «Аврора» осенью 1911 и весной 1912 гг.

36 Абашева (урожд. Бакеева) Мария Александровна (1807—1937). Окончила Смольный институт в 1904 г.

37 Абашев Дмитрий Михайлович (1874—1861), полковник гусарского Павлоградского полка. Отказался получить звание генерала от П. Н. Врангеля, предпочел остаться царским полковником.

М. А. и Д. М. Абашевы — родители Натальи Дмитриевны (р. 1909), жены Б. Г. Старка.

38 М. А. Абашева с детьми Натальей и Юрием (1907—1981).

39 На фотографии автограф Патриарха Антиохийского Григория, возглавлявшего хиротонию.

Слева направо:

Ювеналий (Машковский), архим.; Амвросий, архим., будущий католикос Грузии; Никодим, архим. Юрьева монастыря; Вениамин (Казанскийа напрВ. П.) (1874—1922), еп. Гдовский, викарий С.-Петербургской епархии; Евсевий (Гроздов Е.) (1866 — ок. 1930), еп. Псковский и Порховский; Новгородский губернатор М. В. Ислявин, Никон (Рождественский Н.), архиеп. Вологодский, член Святейшего Синода; Арсений (Стадницкий А. Г.) (1862—1936), архиеп. Новгородский и Старорусский; патриарх Григорий; архм. Игнатий (Абуррус), архим.; обер-прокурор Синода В. К. Саблер; Делицин кн., предводитель дворянства, Иоанникий (Дьячков И.) (1858 — после 1918), еп. Кирилловский, викарий Новгородской епархии; Алексий, еп. Тихвинский; В. А. Симанский; Ювеналий (Мысловский), архиеп.; А. В. Симанский.

43 Фотография напечатана в виде открытки и подарена Г. К. Старком перед отъездом в Париж всем матросам, служившим с ним.

44 Ел. Старк с детьми Борисом и Татьяной.

46 Митрополит Евлогий (Георгиевский В. С.) (1868—1946).

49 День свадьбы Б. Г. Старка и Н. Д. Абашевой. 19 мая 1929 г. Венчал митрополит Евлогий.

50 На переднем плане:

о. Борис Старк; о. Александр Калашников, первый настоятель Успенской церкви; второй настоятель о. Лев Липеровский; с книгой в руках — псаломщик Доможиров Сергей Петрович; алтарница Мария Петровна Иванова, в прошлом сестра милосердия Пирейского госпиталя королевы Ольги.

Из семейного архива сиамского принца Чакрабона: Фотографии // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — Между с. 560—561. — [Т.] V.

Между с. 560 и 561: К разделу «Галерея».

1. Принц Чакрабон в сиамском церемониальном костюме

2. Цесаревич Николай Александрович и Греческий наследный принц Георг. Сиам. 1890 г.

3. Король Сиама Чулалонгкорн (Рама V) и Император Николай II. Петербург. 1898 г.

4. Принц Чакрабон во время учебы в пажеском корпусе. 1898—1899 гг.

5. Принц Чакрабон в парадном мундире. Начало 1900-х гг.

6. Король Чулалонгкорн с сыном принцем Чакрабоном. Сиам. 1900-е гг.

7. Принц Чакрабон на каникулах. Сиам. 1900-е гг.

8. Принц Чакрабон после выпуска из пажеского корпуса. 1903 г.

9. Король Чулалонгкорн и королева Саваобха с принцем Чакрабоном. Начало 1900-х гг.

10. Принц Чакрабон и Най Пум (Николай Николоаевич Пум, крестник Императора Николая II) с преподавателями Академии генерального штаба. 1905 г.

11. Император Николай II и принц Чакрабон. Царское село. 1910-е гг.

12. Принц Чакрабон в лейб-гусарском мундире. 1906 г.

13. Принц Чакрабон в сиамском мундире. 1910-е гг.

14. Катя Десницкая, ученица киевской гимназии

15. Королева-мать Саваобха. 1910 г.

16. Принц Чакрабон и Екатерина Ивановна с сыном Чулой Чакрабоном. 1910-е гг.

17. Принц Чакрабон и Екатерина Ивановна с сыном Чулой Чакрабоном. 1910-е гг.

18. Екатерина Ивановна с сыном Чулой Чакрабоном. 1910-е гг.

19. Королева-мать Саваобха с сыновьямии внуком Чулой Чакрабоном. 1910-е гг.

20. Принц Чакрабон с сыном Чулой Чакрабоном среди офицеров тайской армии и членов движения «Дикие тигры» (черная форма). 1920-е гг.

21. Принц чула Чакрабон в форме сиамского кадета. 1920-е гг.

Из альбомов протоиерея Бориса Старка: Фотографии // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — Между с. 560—561. — [Т.] V.

Между с. 560 и 561: К разделу «Галерея».

1. К. А. Старк. 1870-е гг.

2. А. Н. Старк. 1870-е гг.

3. Контр-адмирал В. А. Развозов. 1888 г.

4. Адмирал О. В. Старк. 1890-е гг.

5. Сестры Развозовы. 1892 г.

6. Учебное плавание на судне «Верный». 1898 г.

7. Выпуск Санкт-Петербургского Морского Корпуса. 1898 г.

8. Спуск на воду линейного корабля «Полтава».

9. Г. К. Старк и Ел. В. Развозова. Перед свадьбой. 1908 г.

10. Семья Развозовых. 1910 г.

11. Борис Старк. 1910 г.

12. Крейсер «Аврора» после боя. 1905 г.

13. Отъезд Вел. Кн. Бориса Владимировича на коронацию Сиамского принца Вачиравута (Рамы VI). Сентябрь 1911 г.

14. Возвращение Вел. Кн. Бориса Владимировича из поездки в Сиам. Март — апрель 1912 г.

15. М. А. Абашеева. 1906—1907 гг.

16. Д. М. Абашеев. 1906—1907 гг.

17. М. А. Абашеева с детьми. 1912 г.

18. Хиротония во епископы архимендрита Алексия (Симанского С. В.) 28 апреля 1913 г.

19. А. В. и М. А. Развозовы. 1916 г.

20. Н. И. Игнатьев. 1916 г.

21. А. В. Развозов. 1916 г.

22. Контр-адмирал Г. К. Старк. 1917 г.

23. Ел. В. Старк с детьми. 1923 г.

24. Б. Г. Старк. 1925 г.

25.Митрополит Евлогий. 1930-е гг.

26. Митрополит Евлогий и о. Сергий Булгаков на съезде РСХД. Клермонт. Июль 1927 г.

27.48. Митрополит Евлогий, Б. Г. Старк и Н. Д. Абашеева. День помолвки. 19 июля 1928

28. Б. Г. и Н. Д. Старк. День свадьбы. 1929 г.

29. Крестный ход. Церковь Успения Божией Матери в Сент-Женевьев де Буа. Второй день Пасхи. 1941 г.

30.51. Митрополит Евлогий и о. Борис. 1942 г.

Протоиерей Борис Старк. По страницам Синодика

Старк Б. По страницам Синодика // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 565—647. — [Т.] V.

За 40 с лишним лет священства мною совершено множество треб, множество таинств: отпевания, крещения, браки...

Все они и количественно и качественно разделяются на две неравные части: первые совершены во Франции, в эмиграции, вторые — уже на родной земле. 15 лет священства во Франции и уже

во Франции, в эмиграции, вторые — уже на родной земле... 15 лет священства во Франции и уже 26 лет на Родине.

Конечно, на Родине количественный мой Синодик пополнялся значительно быстрее, т. к. во время моего священства в Рыбинске бывало от 60 до 100 крестин в день, зато в духовном отношении служение за рубежом, при его меньшей нагрузке, было более индивидуально. Здесь, отпевая заочно сразу 20 человек, или даже имея перед собою 4—5 гробов, я в большинстве случаев ничего не знаю про усопшего и только в редком случае знаю того, с кем имею дело. Во Франции почти во всех случаях отпеваний, крещений и браков, я лично знал того, с кем приходилось иметь молитвенное дело, или же знал усопшего заочно, слышал о нем. Поэтому почти за каждым отпеванием во Франции я произносил надгробное слово, чего, конечно, не имею возможности делать в условиях моего сегодняшнего служения, когда надгробные слова я говорю только в редких случаях.

Вот почему первый период, гораздо менее значительный количественно, оставил больше воспоминаний от встреч с живыми и с мертвыми. Мне хотелось бы воскресить в памяти эти встречи, т. к. для меня они имели большое значение в духовном плане, да и для других многие из них могут оказаться поучительными.

Приступаю к этому труду со страхом, т. к. знаю слабость моих литературных сил и боюсь, что не сумею донести до возможного читателя то, что лично мне представлялось важным и значительным. ОТПЕВАНИЯ

Федор Иванович Шаляпин † 12.04.1938 г.

Одно из первых отпеваний, в котором мне пришлось участвовать еще в сане диакона в марте 1938 года, было отпевание нашего великого артиста и певца Федора Ивановича Шаляпина. Кто такой Ф. И. Шаляпин и каково его место в русской культуре, думаю, говорить не надо. О его

жизни и творчестве написано много книг и при его жизни и после его смерти. Одной из лучших, написанных еще до революции, была книга моего дяди, Эдуарда Александровича Старка (Зигфрида). Увы, сейчас делается все меньше и меньше лиц, лично слышавших этого великого во всех отношениях артиста, и я счастлив, что, живя под Парижем в довольно стесненных обстоятельствах, все же удавалось выбраться в Париж на все спектакли с участием Ф. И., а также на его ежегодные концерты, которые он давал в зале Плейель совместно с архиерейским хором под управлением Н. П. Афонского. Обычно первую часть концерта он пел с хором церковные песнопения: «Ныне Отпущаеши» Строкина, ектению Гречанинова и другие, потом вторую часть пел только хор, а в третьей части Ф. И. пел один арии из опер, романсы, русские народные песни. Всегда в первом ряду сидел наш Владыко Митрополит Евлогий с кем-нибудь из высшего духовенства. Я в те времена был еще мирянином. Также посещали мы, хотя и не без труда, его выступления в Русской Опере князя Церетели, где он пел Бориса Годунова и Кончака. Раза два он спел за один вечер и Кончака, и Галицкого, но нам в этот раз попасть в Париж не удалось.

К моменту смерти Ф. И. я был совсем молодым и малоопытным диаконом, а пело три хора: архиерейский, под управлением Н. П. Афонского, хор русской оперы и еще какой-то третий, уж какой — я не могу вспомнить, может быть даже и французский. Так как наши маститые протодиаконы боялись, что я не попаду в нужный тон хора, мне не доверили сказать ни одной заупокойной ектении и мое участие сводилось к тому, что я все время совершал каждение гроба, по французскому обычаю заколоченного. Дело было в Великом Посту и совершалась литургия Преждеосвященных Даров, которую, по-моему, совершал не Владыко, а только местное духовенство Собора. Из служивших в тот день в живых остался, кроме меня, только архимандрит Никон (Греве), находящийся сейчас в США, на покое, в сане архиепископа.

После литургии начался чин отпевания, который возглавил Владыко митрополит Евлогий. Вся служба, как литургия, так и отпевание, передавались по французскому радио. После отпевания и

прощания с усопшим гроб на руках вынесли артисты, среди которых мне запомнились А. И. Мозжухин, певший часто по очереди с Ф. И. в операх, бас Кайданов, которого Ф. И. очень любил в партии Варлаама в «Борисе Годунове», потом Сергей Лифарь — ведущий балетмейстер Большой Парижской Оперы и еще кто-то — всего их было, кажется, 8 человек, так как гроб был большой и тяжелый. Не удивлюсь, если внутри деревянного был металлический.

Не только весь собор на улице Дарю был переполнен народом, но и вся церковная ограда, все улицы, окружавшие собор, были забиты машинами и толпами людей. Телевизионных передач в то время еще не было. Почему-то мне не запомнился никто из семьи покойного, зато запомнился роскошный покров темно-красного бархата, шитый золотом, музейное сокровище, которым был накрыт гроб.

После похорон его пожертвовали в собор и он лежал на плащанице в течение всего года. Запомнились и особые напевы привычных песнопений «Со святыми упокой» и «Вечная память», чуть ли не специально написанные кем-то из композиторов для этого дня. Надо сказать, что, не входя в обсуждение художественной ценности этих произведений, впечатление от них было несколько детонирующее (по крайней мере у меня), так как с этими молитвами уж слишком тесно связан обычный мотив. Когда гроб вынесли на плечах из собора и установили его в похоронный автобус, стали выносить бесконечные роскошные венки. Их было множество, и их развешивали на двух специальных автомашинах вроде гигантских вешалок, на которые в несколько рядов и этажей помещались венки. Затем автобус с духовенством, много других автобусов для присутствующих и, наконец, неисчислимое количество частных машин. Семья, вероятно, поместилась в автобус с гробом.

Из Русского собора процессия поехала на площадь Оперы, где перед Оперным театром была сделана остановка. Была отслужена заупокойная лития и пропета Вечная память. А от Оперы вся процессия проследовала на кладбище Батиньоль на окраине Парижа, в его северной части.

Тут я должен сделать отступление. Многие потом спрашивали, почему Ф. И. Шаляпин был похоронен на этом малоизвестном и окраинном кладбище, а не на Русском кладбище Святой Женевьевы? Мне лично дело представляется таким образом: обычно всех богатых и известных людей в Париже хоронили или на кладбище Пер Лашез, или на небольшом кладбище в центре города, на площади Трокадеро — Пасси. Там, между прочим, похоронена известная в свое время Мария Башкирцева. Оба эти кладбища очень дорогие, заставлены громоздкими и часто безвкусными склепами-часовнями, часто с большой претензией. Зелени на этих кладбищах сравнительно мало, только вдоль дорожек аллеи, а между могил редко встретишь деревце. Думаю, что Ф. И. часто бывал на погребениях различных артистических знаменитостей и, возможно, как-то раз, попав на более скромное и более тенистое кладбище Батиньоль, мог сказать: «Я бы хотел лежать на таком кладбище», имея в виду — не в каменных коробках Пер Лашез. Во всяком случае, при его похоронах семья сослалась на то, что это место Ф. И. сам выбрал. Кладбище Ст. Женевьев в 1938 г., к моменту смерти Ф. И. уже существовало, но не как специально русское кладбище, Некрополь, а просто на французском деревенском кладбище хоронили пенсионеров Русского Дома-Богадельни. К 1938 г. там могли быть какие-нибудь 50 могил. К началу войны их стало 350, помимо пенсионеров Русского Дома стали привозить гробы из Парижа. К моменту моего отъезда из Ст. Женевьев могил было уже около 2000, и среди них много знаменитостей, а в данный момент, вероятно, количество русских могил перешагнуло за 10 000. Местные муниципальные власти ввиду увеличивающегося значения Русского кладбища отводили под него все новые и новые земли, и постепенно оно захватило все окружающие поля. Но в момент смерти, а тем более до смерти Ф. И., о Русском кладбище Ст. Женевьев не было и разговоров, и поэтому, вероятно, ему приглянулось кладбище менее пышное, с березками, более напоминавшее ему родную русскую землю, чем холодные и вычурные громады Пер Лашез. Так или иначе, но привезли его на Батиньоль... На громадном дубовом гробу была медная дощечка на французском языке: «Федор Шаляпин. Командор Почетного Легиона. 1873—1938». Я не помню, в котором часу мы вышли с кладбища, но думаю, что было уже под вечер.

После смерти о Ф. И. Шаляпине много писали как русские, так и иностранные газеты и журналы, выяснилось многое, о чем не знали при его жизни. Например, была общеизвестная версия о неотзывчивости артиста, о его какой-то скупости, жадности. Он неохотно шел навстречу всяким благотворительным вечерам, в которых поначалу его просили участвовать. Он сам в шутку говорил: «Вот, говорят, Шаляпин скупой... Попробуй быть не скупым, когда надо содержать две жены и десять детей!» Действительно, он продолжал помогать своей первой жене, оставшейся со старшей дочерью Ириной в Москве, ставил на ноги не только своих детей от двух браков, но и детей второй жены, Марии Валентиновны от ее первого брака. Но только после его смерти выяснилось, как много помогал он, причем так, что никто об этом не знал. Сколько помощи оказывал он тайно комитету М. М. Федорова, помогал неимущим студентам, сколько поддержки оказывал он и нуждающимся артистам...

Хочется отметить и еще одну черту его характера: 16 января 1934 года умер в Париже один из виднейших представителей парижского духовенства — протоиерей Георгий Спасский. Он был крупный проповедник, очень уважаемый духовник... После его смерти в одной из парижских русских газет была помещена большая статья Ф. И. Шаляпина, посвященная «Моему духовнику». Прочитав ее, делалось ясно, что отношение Ф. И. к Богу и к Церкви было не просто данью обычаю, не выражением своего рода «коммильфо», а действительно глубоко пережитым ощущением человеческой души. Помню, за несколько лет до кончины Ф. И. тяжело заболел. Он тогда попросил духовника приехать к нему, причастить Святых Тайн и пособоровать, что и было сделано, после чего Ф. И. стало лучше и он выздоровел. Это показывает глубокое отношение человека к вере и к своему Создателю.

Прошло несколько лет после его погребения. Разразилась война... Вся семья Ф. И. перебралась в США, подальше от военных действий, и могила великого артиста осталась в забытьи. Никто не посещал отдаленное и малоизвестное кладбище Батиньоль. Многие, приезжавшие в Ст. Женевьев на Русское кладбище, в церкви которого я в то время служил, спрашивали у нас: «А где могила

Шаляпина?», и удивлялись, узнав, что он похоронен не у нас. Потом в одной из эмигрантских газет появилась статья, в которой с возмущением говорилось о заброшенном виде шаляпинской могилы. У нас появилась мысль о необходимости переноса праха великого артиста на наше кладбище, к этому времени ставшее «Русским Некрополем».

Воспользовавшись после войны приездом в Париж вдовы артиста Марии Валентиновны, мы от имени Попечительства кладбища (был такой комитет, заботящийся о благоустройстве кладбища) посетили М. В. и предложили ей перенести прах ее мужа на наше кладбище, или в могилу в земле, или даже похоронить под храмом в склепе, где уже лежали Владыко митрополит Евлогий, Епископ Херсонесский Иоанн, бывший премьер-министр Российской империи граф В. Н. Коковцев, а также духовник Ф. И. протоиерей Георгий Спасский.

Мария Валентиновна отклонила наше предложение, сказав, что не хочет тревожить прах мужа с места, которое он сам якобы выбрал, потом прибавила: «Я поняла бы, если бы потревожили его для того, чтобы свезти на родину, в Россию...», — но тут же прибавила, видимо, учитывая эмигрантскую сущность нашего комитета: «Но, конечно, не сейчас и в других условиях.» Но все же у нас осталось впечатление, что в Россию она бы перевезла, и даже появилась мысль, не ведет ли она уже переговоры об этом, которые от нас скрывает, как скрывал А. И. Куприн свой отъезд на родину...

Помню, наш архитектор А. Н. Бенуа, один из плеяды этой высокохудожественной семьи, построивший храм на кладбище и создавший много очень ценных и оригинальных надгробий, предложил соорудить в склепе над прахом Ф. И. Шаляпина подобие гробницы Бориса Годунова! Эта мысль, хотя и соблазнительная, учитывая значение роли Бориса Годунова в творчестве Ф. И., была основана на недоразумении и незнании фактов. Все семейство Годуновых погребено в Троице-Сергиевской Лавре, под Успенским собором и не имеет никакого надгробия, а тем более гробницы, а только доску с надписью «Усыпальница семьи Годуновых». Кроме того, семья Ф. И.

во время наших переговоров выставила еще одно, совсем уже нелепое препятствие: «Приезжая в Париж, будет далеко ездить на могилу.» Явная нелепость. Проехав из США в Париж и имея автомобили, трудно преодолеть еще 40 километров! Было очевидно, что это просто отговорка. Нам казалось, что родственники просто ожидают возможности перевоза праха в Россию, но не хотят об этом говорить эмигрантам, не зная, как это будет принято.

Так этот вопрос и заглох. Умерла и вдова Ф. И., и почти все деятели нашего комитета «Кладбищенского попечительства», пришли новые люди, которым Ф. И. не был близок. Я сам вернулся на родину... Но вот в 1973 году исполнилось сто лет со дня рождения Ф. И., и в связи с этим событием в нашей советской прессе появился ряд статей. В журнале «Наш современник» — статья Владимира Солоухина «Три хризантемы» о том, как, будучи в Париже, он хотел положить эти три цветка на могилу Шаляпина и каких трудов ему стоило узнать, на каком кладбище он похоронен, и, наконец, уже в день отъезда, попав на кладбище, сколько трудов он затратил на то, чтобы найти могилу певца (хотя теперь, вероятно, на ней стоит приличное надгробие) и положить свои три хризантемы.

Этот рассказ вновь пробудил во мне чувства, которыми мы руководствовались, когда пытались спасти могилу нашего великого земляка от забытья. Ведь, бывая в Москве, часто наведываясь на кладбище Новодевичьего монастыря и посещая могилу Собинова, Неждановой, Станиславского, я всегда ощущал, что место Федора Ивановича здесь, среди земляков и соратников по искусству, среди своего русского народа, который он так любил. А тут еще в «Огоньке» появилась статья И. С. Козловского, в которой он, отдавая дань Ф. И., вскользь высказывал мысль об уместности рано или поздно перенести его прах в Москву.

Я загорелся вновь моей старой идеей, а так как к этому моменту из всей нашей старой «кладбищенской» плеяды в живых остался я один, то и решил, что надо начинать что-то делать мне. Я написал И. С. Козловскому, написал дочери Ф. И. Ирине Федоровне, получил от обоих самые живые и одобрительные отклики, хотел привлечь к этому и В. Солоухина, но нам не удалось встретиться. Потом заинтересовал одного из руководителей общества «Родина» и через него попытался что-то сделать. Как мне стало известно, этот проект очень заинтересовал и «Родину», и Министерство культуры, и ЦК КПСС, дети покойного также отнеслись к нему положительно, особенно находящаяся в Москве старшая дочь Ирина. Но одна из младших дочерей, Дарья Федоровна, вышедшая замуж за графа Шувалова, выставила просто неприличное условие: выплату, хотя бы частично, ущерба, нанесенного Ф. И. Шаляпину конфискацией его недвижимого имущества в России. Об этом написал в журнале «Огонек» кажется, И. С. Зильберштейн. А по французским законам, эксгумация тела может быть разрешена только в случае согласия всех наследников. После такого просто позорного «торга» все надежды перенести прах нашего великого артиста на родную землю погасли, и приходится примириться с мыслью, что пройдет еще 50—100 лет — и эта могила превратится в лучшем случае в археологический объект, если не разрушится совсем, так как память о Шаляпине за рубежом станет достоянием в лучшем случае искусствоведов, а для рядовых французов она погаснет, как погасли для нас, русских, имена, когда-то гремевшие: Малибран, Полины Виардо или Генриетты Зонтаг. На русской земле Шаляпин навсегда остался бы Шаляпиным, как незабываемы остались Федор Волков, Истомина, Мочалов...

В силу этого же закона невозможно перенести на родину из Ниццы прах А. И. Герцена, там погребенного, так как не удается установить всех наследников. А вот прах А. К. Глазунова удалось вернуть в Некрополь родного Питера... Чтобы закончить мои думы о Федоре Ивановиче, хочется привести два анекдота: один — случившийся лично с ним, а другой — им самим рассказанный.

Как-то, до войны 1914 года, Ф. И. Шаляпин был приглашен петь на каком-то приеме во дворце Великого Князя Владимира Александровича, на Английскую набережную в Петербурге. После концерта великие мира сего развлекались в особом салоне, а другие гости, в том числе и Ф. И. — в соседних гостиных. И вот лакей на подносе подает Ф. И. бокал венецианского стекла с

шампанским от имени жены Вел. Кн. — Великой Княгини Марии Павловны с предложением выпить за ее здоровье. Ф. И. выпил и сказал лакею, что бокал берет себе на память о высочайшей милости. Прошло сколько-то времени. Шаляпин пел в Мариинском театре. После представления его пригласили в ложу к Вел. Кн. Марии Павловне, чтобы принять ее поздравление за хорошее выступление. «Вы — разорительный человек, Шаляпин, — сказала ему Вел. Кн. — Аплодируя вам, я порвала мои новые перчатки. А в прошлый раз вы разрознили мой набор из 12 венецианских бокалов!» На что Ф. И., вежливо склонив голову, ответил ей: «Ваше императорское высочество, эту беду легко исправить, если Вы присоедините 11 оставшихся к пропавшему...» Боюсь, что Великая Княгиня не оценила юмора артиста и серия бокалов осталась разрозненной.

Другой анекдотический случай рассказал сам Ф. И., и, хотя он довольно известный, все же считаю уместным его повторить. На заре театральной деятельности Ф. И. играл в одной провинциальной труппе. Давали что-то африканское... То ли «Африканку» Мейербера, то ли что-то в этом роде. По ходу оперы актер стреляет во льва, стоящего на высокой скале и убивает его, причем лев падает со скалы на подложенные внизу маты. Льва изображал человек, зашитый в шкуру. Обычный исполнитель этой эпизодической роли не то заболел, не то запил, и взяли какого-то другого статиста. Вот, проходит действие, стрелок выпускает стрелу. Лев стоит и не падает... Чтобы спасти положение, стрелок вновь заряжает свой лук, а из-за кулис шипят льву: «Падай! Да падай же, С. С.!» Лев трясется и не падает. Наконец, после третьей стрелы и еще более грозного рыка режиссера лев в отчаянии подымается во весь свой рост, осеняет себя в ужасе крестным знамением и тогда летит со своей скалы. Этот случай, приводившийся неоднократно, в устах Ф. И. приобретал полную достоверность.

Хочется все же верить, что наступит момент, когда или аппетиты Дарьи Федоровны уменьшатся, или пробудится совесть, или произойдут какие-нибудь иные изменения, и кто-то сделает то, что так хотелось мне осуществить, и прах Федора Ивановича найдет свое законное место в Некрополе Русской Славы на кладбище Новодевичьего монастыря... А пока, проезжая в машине мимо дома покойного Ф. И. и глядя на его мраморный бюст, украшающий фасад этого небольшого домика, я всегда возношу тихую молитву о его упокоении и благодарю Бога за то, что Он дал мне возможность видеть и слышать этого неповторимого артиста и удостоил меня чести проводить его в его последний жизненный путь, хотя и на чужой, но гостеприимной земле Франции.

Графиня

Елисавета Владимировна Шувалова

(урожденная Барятинская)

† 16.08.1938 г.

Похороны графини Е. В. Шуваловой (известной в «Большом свете» под именем Бетси в отличие от другой графини Шуваловой Сандры — Александры Илларионовны, рожденной графини Воронцовой-Дашковой) запомнились мне не только потому, что были одни из первых, в которых я участвовал после моего рукоположения, но и по тому воистину изысканному обществу, которое было представлено в соборе на ул. Дарю в день ее погребения. Это были блистательные осколки «Былого величия Российской Империи».

Графиня Е. В. Шувалова, была дочерью князя Барятинского, одного из ближайших и приближенных лиц Императора Александра III. Его младшая сестра Инна Барятинская была замужем за двоюродным братом моей тети М. А. Развозовой — Сергеем Ивановичем Мальцевым, наследником стеклянных мальцевских заводов в Гусь Хрустальном, и вместе с мужем и матерью трагически погибла в первые послереволюционные годы. Преданная гувернантка вывезла двух детей Мальцевых — Марильку и Сережу — за границу, и в Париже мы с ними встречались и вместе выезжали на балы. Брат Е. В. Шуваловой — Александр — был

мы с ними встречались и вместе выезжали на балы. Брат Е. В. Шуваловой — Александр — был женат на одной из двух дочерей императора Александра II от его морганатического брака с княжной Е. М. Долгорукой, получившей титул светлейшей княгини Юрьевской. Сама Е. В. была и в Петербурге, и позднее в Париже видной представительницей «Большого света» и поэтому ее похороны были особенно торжественными и пышными...

Отрок Николай фон-Вах

† 26.08.1938 г.

Потонул, плавая на лодке вместе с товарищем и девушкой. В последнюю минуту этот 18-летний юноша уступил возможное спасение девушке, а сам погиб. Меня тогда особенно поразило и тронуло не только то, что гибель была столь необычна и можно сказать, героична, но и то, что его родители (отец был Литовский гусар) были в разводе, и вокруг свежей могилы стояли папа с женой и мама с мужем. Это как-то особенно подчеркивало, мучительно подчеркивало то, к чему мы часто привыкаем, как к житейской неизбежности. Потом я неоднократно посещал его могилу на кладбище Банье, и всегда было мучительно видеть это раздвоение семьи. Когда люди, ставшие уже чужими друг другу, как бы искусственно соединяются гробом того, кто родился как плод их давнишней и ушедшей любви.

Подобные чувства я всегда испытывал, когда бывал на том же кладбище Банье на могиле братьев Симковых. Я их не хоронил, но был очень дружен с их отцом, видным военным хирургом Симковым. Сейчас я вспоминаю его по аналогии. Это был трагический случай, который много дней занимал страницы многих парижских газет. У доктора Симкова было два сына от жены, с которой он развелся. Он был женат вторично и от второй жены тоже имел маленького сына. Как-то ранней весной старшие сыновья уехали на дачу под Парижем и... не вернулись. Им тогда было 19 и 13 лет. На ноги была поднята вся полиция. Предполагали несчастный случай и похищение с целью выкупа (Симков был состоятельным человеком), в то время киднапинг был

моден. Сам отец, обезумевший от горя, приходил ко мне с просьбой служить молебны. Сам он был еврей, принявший протестантскую религию, а жена его — православная так же, как и сыновья. Я много говорил с ним, поддерживал, как умел, хотя искренне мало верил в благополучный исход. Наконец, уже через 40 дней после пропажи выдвинули еще одну версию: мальчики могли пойти в ближайшие от дачи карьеры, оставшиеся от добычи песка, и там быть засыпаны. Послали бригады землекопов. Отец, конечно, был тут же... Наконец, один из рабочих с удовлетворением, которое можно понять, но не простить, закричал: «Они тут, я чувствую запах!» Бедный отец упал без чувств на землю, и таким его сняли вездесущие репортеры и поместили на следующий день в центральные газеты. Действительно, мальчики залезли в пещеру и были там засыпаны. Видимо, они пытались выбраться, так как старший зажал в руках волосы младшего, видимо, стараясь его вытащить из объятий песка. Это произошло 20 апреля 1938 года.

Совместные переживания этих дней очень сблизили меня с доктором Симковым, и он просил меня каждый год приезжать на могилу сыновей служить панихиду. И всегда по обе стороны могилы стояли папа и мама — чужие друг другу и объединенные только одним большим горем. Как-то раз с доктором приезжала и его вторая жена. А через два года я похоронил своего сына, и это еще больше сблизило меня с доктором, который много лет спустя, во время моей тяжелой болезни спас меня, после того как 10 врачей ничего не смогли сделать. Хотя я и не хоронил Андрюшу и Юру Симковых, но в моем синодике они находятся среди других.

Генерал Николай Неводовский

† 18.10.1939 г.

Этот генерал прошел бы среди многих прочих, которых мне пришлось отпевать и хоронить, но, во-первых, мы были хорошо знакомы с этим семейством и дружили с детьми, во-вторых, его смерть была связана с несчастным случаем. (Он ехал с крутой горы на велосипеде рядом со

своей дочерью в местечке Брюнуа, и тормоза велосипеда лопнули, а спуск был очень крутой. Мне самому неоднократно приходилось спускаться с него на велосипеде. В результате генерал врезался в столб и разбился). Но самое памятное в этих похоронах, которые совершились в местечке, где они жили (Кэнсису-Сенар), было то, что присутствовал прямой и ближайший начальник покойного генерала — генерал Антон Иванович Деникин.

После кладбища сели за поминальный стол. Антона Ивановича посадили между архимандритом Никоном (Греве), в прошлом полковником Добровольческой армии, и мною. И всю трапезу мы разговаривали с Антоном Ивановичем. Я впервые видел его так близко и говорил с ним. Должен сказать, что он производил очень простое и скромное впечатление. Я рассказал ему случай, о котором он, конечно, ничего не знал. Дело было на юге России в период Добровольческой армии. Как-то мой тесть — полковник, придя домой на дачу, где жила его семья, сказал своей жене, что сегодня у них будет к обеду генерал Деникин со свитой. Кормить было нечем, времени на размышление тоже не было. У моей жены, тогда маленькой девочки, был поросенок, который бегал за ней, как собачка, и которого она очень любила. Так вот, этого поросенка решили принести в жертву для приема генерала Деникина. Я сказал Антону Ивановичу, что моя жена до сего дня не может простить ему гибель своего поросенка. Потом мы вместе возвращались в Париж. Об чем говорили? — не помню. Но помню, что впечатление от человека осталось хорошее.

Протоиерей Дмитрий Троицкий

† 1939 г.

Старый протоиерей из коренного провинциального потомственного духовенства. Попав в эмиграцию, он сперва служил на провинциальных приходах, потом его назначили в Русский Дом Ст. Женевьев де Буа, о котором мне придется говорить не раз. Там среди великосветского окружения его провинциальный и не слишком культурный облик был не ко двору. К тому же он

был грубоват, и его перевели в Париж в один вновь возникший приход при общежитии для студентов. Там он служил до самой своей смерти. Когда умер викарий Владыки Евлогия епископ Иоанн, исполнявший обязанности благочинного парижских церквей, отец Дмитрий сам предложил себя на роль благочинного, и как с таковым, мне пришлось иметь дело несколько лет. У меня с ним конфликтов не было, и он относился ко мне неплохо, но все время поучал с вершин своей старой психологии провинциального священника, не учитывающего изменившуюся обстановку и аудиторию.

Очень интересно было слушать его рассказы о былом быте духовенства. Он служил где-то на берегах Волги, не то под Самарой, не то под Нижним Новгородом. И рассказывал, как еще до масленицы к батюшкам приезжали владельцы постоялых дворов и кабаков и заранее оптом скупали все приношения, которые батюшки получали на Радоницу: крутые яйца, куличи, булки и прочее. Все это было в таких масштабах, что, конечно, самому батюшке было бы не под силу этим воспользоваться. Тогда предприимчивые торгаши скупали все это заранее по очень низким ценам, чтобы потом торговать в Пасхальные дни в кабаках и трактирах. Он давал мне очень много практических советов, которыми я, конечно, не пользовался, так как, во-первых, был лишен потомственной «поповской» психологии, а, во-вторых, просто потому, что и время, и люди были другие.

После его смерти его вдова Дарья Сергеевна работала вместе с моей женой и мною в детском доме, куда были эвакуированы парижские дети эмигрантов во время войны из опасения бомбардировок. Позднее она приняла монашество и под именем матушки Серафимы трудилась в Ст. Женевьев алтарницей в кладбищенской церкви. В память того, что ее покойный батюшка хорошо ко мне относился, и к нам с матушкой она относилась хорошо, хотя вообще была человеком нелегким.

Блаженный отрок Сергий

† 19.02.1940 г.

Мне трудно писать о смерти моего сына, умершего в 10-летнем возрасте. Позднее я просто приложу посвященную его жизни и смерти заметку видной учительницы Антонины Михайловны Осоргиной, ныне монахини Серафимы, а пока только немного вспомню о самом отпевании Сережи, совершенном в кладбищенской церкви Ст. Женевьев де Буа. Хотя за два дня до этого стояла холодная погода и были снежные заносы, день похорон выдался теплый и весенний, и было много подснежников. Храм был переполнен народом, приехавшим из Парижа, и детьми детского дома, в котором мы жили и работали с женой. Служило семь священников. После отпевания перед гробом пошел престарелый протоиерей Александр Калашников, а шесть других священников во главе с духовником Сережи — архимандритом Никоном (Греве) взяли и понесли гроб на руках из церкви до могилы. Почему так вышло? Не знаю, обычно этот почет делается только для священнослужителей. Когда потом мы все стояли у могилы, было теплое солнышко, чирикали птички. Могила была завалена венками и цветами, и, я думаю, Сережик, очень любивший церковь и все церковные службы, был доволен особым торжеством, которое ощущали очень многие, каким-то Пасхальным настроением, которое исходило от его благоухающей цветами могилы.

Протоиерей Михаил Осоргин

† 15.12.1939 г.

За два месяца до смерти Сережика, когда трудно было даже предположить, что его дни сочтены, умер отец нашего большого друга Антонины Михайловны Осоргиной, протоиерей Михаил. Я ездил на его похороны и провел два дня в этом особом мире, который назывался по имени местечка, предместья Парижа, «Кламаром». В этом местечке старый русский дипломат граф Хрептович-Бутенев купил себе старинное имение. Одна из дочерей графа была замужем за

князем Григорием Николаевичем Трубецким, который после смерти тестя стал фактическим хозяином этого поместья.

Семья Трубецких была очень обширна, и многие из ее членов были весьма известны. Князья Сергей, Евгений, Григорий были философами. Один из них был ректором Московского университета. Был еще старший брат Петр и, кажется, семь дочерей, почти все замужние, и все они жили в имении или рядом. Осоргины, Чертковы, Гагарины, Лермонтовы, Самарины...

У всех детей были, в свою очередь, большие семьи. У о. Михаила Осоргина, который к моменту своей смерти был настоятелем домовой церкви имения (он был женат на Елисавете Трубецкой), было три сына и четыре дочери, а о количестве внуков и правнуков, я думаю, они и сами не всегда могли сказать. Но это был исключительно дружный клан, очень передовой по взглядам, глубоко церковный, и быть среди них, общаться с ними было большой радостью и счастьем. Вызванный Антониной Михайловной, я приехал к ним и провел с ними день, когда вся эта огромная семья, затаив дыхание, ждала момента великого таинства Смерти, когда Господь посылает Ангела, чтобы принять праведную душу. В этой благоговейной тишине не было безысходной скорби, а была тишина Великого Пятка. И потом, на похоронах почившего, когда гроб окружали близкие, а пел хор, составленный из детей и племянников, я впервые ощутил эту Пасхальную радость, которую через два месяца так явно мы ощущали на погребении нашего Сережика.

Мария Бодягина

† 20.07.1940 г.

Была война. Ее первая стадия, когда после затяжного стояния друг перед другом две армии зашевелились. Немецкая стала быстро наступать, а французская не менее быстро отступать.

Половина мирного населения бросилась спасаться от немцев, думая, что можно уйти. В это время люди теряли друг друга, теряли самое дорогое из своего имущества, взятого в спешке с собой. Дороги были перегружены машинами, телегами, толпами людей. В 8 километрах от нашего детского дома в местечке Вильмуассон в городке Лонжюмо, где в свое время В. И. Ленин устроил свою партийную школу, проживала чета русских. Это было еще до войны. Потом жена ушла от мужа с каким-то мужчиной и переехала в Эльзас, а муж запил и умер. Его похоронили на кладбище в Лонжюмо. В июле 1940 г., вскоре после оккупации Парижа немцами, к нам в Вильмуассон прибыла повозка, на которой старались вернуться в Эльзас Мария Бодягина и тот мужчина, ради которого она бросила своего мужа. Они долго скитались по дорогам Франции, пока судьба не забросила их в старые для нее места. Но она была уже очень тяжко больна. Пришлось поместить ее в ближайший госпиталь, т. е. в тот же Лонжюмо, где она и умерла. Меня вызвали ее отпеть. Я поехал на велосипеде, т. к. никакой другой транспорт не ходил. Когда мы опустили ее в могилу, я внезапно увидел рядом с ее крестом крест с именем ее мужа. Она ушла от него, чтобы, проделав круг по всей Франции, лечь с ним в соседнюю могилу...

Вот каковы бывают повороты судьбы. Вспоминается и еще один момент. Была страшная жара. Все было выведено из строя войной, поэтому труп стал очень быстро разлагаться. Все машины бюро похоронных процессий, как и пожарные машины, уехали в эвакуацию. Для того, чтобы перевезти гроб из госпиталя на кладбище, мне реквизировали первую попавшуюся машину. Когда я вылез из машины, задыхаясь от трупного смрада, я прочел на борту машины надпись: «Духи Коти». Так комическое часто идет рядом с трагедиями.

Графиня Дина Татищева

† 17.08.1940 г.

Мой первый самостоятельный приход был Монруж — сразу за городской чертой Парижа. Но мне приходилось обслуживать и близлежащие местечки, не имевшие своих русских церквей. В

одном из таких местечек жил граф Николай Дмитриевич Татищев, человек очень церковный, с которым мы были достаточно близко знакомы, т. к. он посещал иногда мой храм. Его отец, к тому времени уже умерший, был в свое время Ярославским губернатором, а его мать, Вера Анатольевна, была урожденная Нарышкина, дочь Обер-гофмейстерины Высочайшего двора, т. е. одной из самых видных дам придворного ведомства. Вера Анатольевна проживала как пенсионерка в Русском Доме Ст. Женевьев де Буа, и мы были с ней в очень добрых отношениях. Я знал, что Николай Дмитриевич был женат на графине Капнист (их свадьба была почти одновременно с нашей, и мы с ним ждали наших невест из Ниццы одним поездом в апреле 1929 г.). Слышал я, что Н. Д. женился вновь, но на ком, не знал и как-то не спрашивал его мать.

В августе 1940 г. почти сразу после занятия Парижа немцами, когда еще никакой транспорт не действовал, меня по телефону вызывает Николай Дмитриевич и спрашивает, могу ли я приехать к нему (это было километрах в 50 от нас), т. к. у него умерла жена. Ну, конечно, я сказал, что сейчас же выезжаю, сел на свой велосипед и поехал. Приехав к Татищевым, я застал там много народа, двух мальчиков-сироток лет 5—7. Усопшая лежала под иконами, занимавшими почти всю стену над ее кроватью, на руках у нее были четки. Мне рассказали, как сознательно она умирала с именем Иисуса на устах, как благословила своих деток. В общем, атмосфера была столь трогательной и умилительной, что я вознесся духом и служил панихиду с особым подъемом. Потом Николай Дмитриевич спросил меня, смогу ли я приехать завтра, чтобы совершить на дому чин отпевания. Я, конечно, ответил согласием и был несколько удивлен тем, что он особенно горячо благодарил меня и раза два переспрашивал, правда ли, что я приеду и можно ли об этом объявить.

Потом он вызвался проводить меня до околицы и при прощании еще раз горячо благодарил. Я спросил его, почему он так меня благодарит, когда я только выполняю свой долг. Он мне ответил: «Я боялся, что Вы откажетесь ее отпевать». «Почему?» «Да ведь она — некрещенная еврейка!» Тут уж я изумился окончательно. Мне в голову не могло прийти, что графиня

Татищева, жена столь церковного Н. Д., может быть некрещенной еврейкой. Что было делать? Посоветоваться не с кем. Мой настоятель, протоиерей Лев Липеровский тоже уехал при приближении немцев. Снестись с Парижем, с Владыкой Евлогием, было невозможно. Телефон туда не действовал, да и говорить о таких делах в условиях немецкой оккупации было невозможно. После недолгого колебания я все же решил совершить отпевание, хотя не был уверен в каноничности этого решения...

Я спросил у Н. Д., как же так получилось, и он мне рассказал следующее: из Кишинева, бывшего тогда частью Румынии, в Париж для учения приехали три сестры — дочери не то раввина, не то кантора, но, в общем, из старой патриархальной еврейской синагогальной семьи. Познакомившись с ними, Н. Д. сблизился с одной из них, и под его влиянием она уверовала в Христа и решила креститься. Шел 1938 год, Европа уже пылала в пожаре войны. Чтобы повидаться с дочерями, собирались приехать родители из Кишинева, отчетливо понимая, что немцы скоро будут в Румынии, и тогда родителям может быть конец, и, во всяком случае, возможность свидания отпадает. Вот Дина и сказала Н. Д.: «Я не могу начинать свою христианскую жизнь со лжи — утаить от родителей такую вещь. А сказать им, что я христианка — это значит их убить. Пусть они приедут, мы попрощаемся и расстанемся, уж, вероятно, навсегда». Возможно, что это было позднее, в 1939 году. Когда родители уехали, история завертелась. Неожиданное нападение на Францию не дало ей возможность подготовиться к крещению, потом бегство пешком с малыми детьми по дорогам Франции, ночевки под бомбами под телегами и грузовиками и — возвращение домой с острой формой скоротечной чахотки. Вот так она и не успела стать христианкой по каноническому положению, хотя умерла христианкой по своему углубленному духу. На другой день я опять приехал на велосипеде. Совершил с большим духовным подъемом чин отпевания, проводил гроб на местное кладбище... Когда наладилось сообщение с Парижем и я смог поехать к Владыке, я рассказал ему, как перенесли момент оккупации, что произошло и в Русском Доме Ст. Женевьев, и в нашем детском доме Вильмауссон (они отстоят друг от друга на 4—5 км), потом я долго не знал как начать и наконец

сказал, что сделал нечто такое, о чем даже боюсь сказать.

Он меня долго спрашивал и, наконец, я осмелился сказать, что отпел некрещенную еврейку. Владыко поначалу сделал строгий вид и спрашивал: «Как же ты мог? Как? И Евангелие читал? И «Со святыми упокой» пел? И «Вечную память» возглашал? Как же ты это сделал?» Я ему сказал все, как было, как она умирала. Потом сказал, что остались две сестры, которые тоже тянутся ко Христу, и я мог бы им показать пример отсутствия любви и наконец сказал, что не посмел отказать ей в недрах Авраама, Исаака и Иакова, на которые она имеет больше прав, чем я сам по своему происхождению и по духовной настроенности. Владыко рассмеялся, привлек меня себе на грудь и сказал: «Спасибо тебе, мой мальчик, что я в тебе не разочаровался!» «Но, Владыко, — сказал я, — в метрические книги я ее не записал». «А вот это уж мудро», — ответил мне Владыко. Потом я неоднократно спрашивал и архиереев заграничных, так сказать синодальной школы, и наших современных советских, — и все мне сказали, что поступил я правильно.

Остается добавить, что сиротки были помещены к нам в детский дом и долгое время жили у нас, под нашим присмотром. Вернувшись на Родину, я иногда имел о них сведения. Потом неожиданно старший из них, Степан, появился у меня в Ярославле. Оказывается, он работает в Москве во французском посольстве как атташе по делам культуры. Он приезжал так к нам раза три. Один раз с женой и тремя детьми. Старший из них так похож на Степу тех лет, что, увидев его, я с трудом сдержался, чтобы не заплакать. А потом один раз он приехал со своим отцом Николаем Дмитриевичем, которому захотелось повидать город его юности, губернаторский дом его отца на набережной. В нем сейчас картинная галерея. О его приезде писали в нашей местной газете. Сестры покойной Дины — одна была схвачена немцами и погибла в лагерях смерти. Что стало с другой — не знаю. Последнюю встречу с погибшей Бетси я хорошо помню. Я был у них, она вышла проводить меня в коридор. Попросила благословить, т. к. знала, что положение очень опасное. Немцы вылавливали евреев. Я благословил ее и больше не видел. Через несколько дней

ее забрали навсегда.

Младенец Надя Титова

† 8.09.1940 г.

К каждому человеку у Бога свой подход... Иногда Господь подготовляет к испытанию длительным временем, постепенно; иногда удар падает неожиданно. Когда мы работали в детском доме Вильмуассона, у нас была работница судомойка, Нина Ивановна Титова. Не знаю, был ли у нее муж, о нем разговору не было, но была двухлетняя дочка Надя. Нина Ивановна, женщина истерическая, совершенно болезненно любила свою Надюшу и, работая на кухне в подполье, все время бегала на верхний этаж, где у нас помещались дети ясельного возраста, и в том числе ее Надюша.

Один раз ясельная воспитательница пришла сказать, что с Надюшей творится что-то странное. Ее сажают на горшочек, а она с него падает. Сперва думали — балуется и даже строго с ней поговорили, но она продолжает падать. Срочно все «начальство» собралось наверху, вызвали сестру милосердия, занимающуюся у нас медицинским уходом за детьми по указанию врача. Сразу увидали, что это что-то серьезное. Решили для начала обложить ее грелками и для этого за горячей водой спустились на кухню. Нина Ивановна в это время мыла посуду. Увидав ясельную воспитательницу, она сразу вскинулась: «Что-то с Надюшей?» Ну, ее успокоили, а потом сказали, чтоб она шла наверх. Тем временем прибыл вызванный врач и велел немедленно везти в Париж в специальный детский госпиталь. Мне пришлось взять на себя миссию сопровождать ее с ребенком на специальной машине в Париж.

Девочка к этому времени наполовину теряла сознание. Состояние Нины Ивановны можно не описывать. В больнице сразу сделали все, что можно, но... положение было безвыходное, и на другой день Надюша скончалась. Я с Ниной Ивановной отвез гробик на парижское кладбище, кажется, Тье или Банье, и там, на могиле совершил отпевание. Я боялся, что такая истерическая натура, как Нина Ивановна, будет на себе рвать волосы от отчаяния, но она, почувствовав, что положение безнадежное, сразу подобралась и очень мужественно несла свое горе. Думаю, что длительную болезнь дочери она бы не вынесла. Этот случай заставил меня призадуматься над тем, почему иногда человек умирает сразу, а иногда нужна длительная болезнь, чтобы подготовить окружающих. Я не могу вспомнить точное медицинское название болезни, от которой Надюша умерла. Для меня тогда не ЭТО было главным.

Владимир Войтенко † 9.02.1941 г.

Вскоре после оккупации Парижа немцами, в то время, когда я еще обслуживал мой первый приход в Монруже и уже жил в детском доме Вильмуассон, меня вызвали в Монруже в гостиницу, вернее, в дом с меблированными комнатами, в котором жило много моих прихожан, одиночек или бездетных пар. Там умер некто Владимир Войтенко. Он никогда не бывал в храме, был женат на испанке и не имел детей. Я его не знал. Его жена, очень верующая испанка, сочла своим долгом пригласить русского православного священника, чтобы отпеть мужа по русскому обряду. Когда я пришел в гостиницу, я увидел, что, кроме жены-испанки, хозяев гостиницы — французов и соседей, тоже французов, нет ни одного русского. Возможно, что с русскими соседями по гостинице он не общался, или его, может быть, не любили, но из русских не было никого. Мне показалось, что при таких условиях уместнее совершить православное отпевание на французском языке, благо у меня были все необходимые богослужебные книги по православному обряду, но на французском языке. Совершив в комнате усопшего чин отпевания, я проводил его тело до кладбища, причем на кладбище, услышав о необычно понятном чине, собралось еще больше французов. На могиле перед уже большой толпой французов я совершил заупокойную положенную литию (опять-таки по-французски) и сказал небольшое надгробное слово в духе экуменизма. Потом и вдова, и многие присутствующие горячо благодарили меня... Учитывая, что все католические службы совершаются на латинском языке, от которого

французский отошел уж очень далеко, понятно, что, присутствуя на обычных католических отпеваниях, французы ни слова не понимали, и смысл происходящего от них ускальзывал.

Мария Дмитриевна Кашкина

(урожденная графиня Бутурлина)

† 5.03.1941 г.

Перед войной, в 1937—1939 годах, мы три лета проводили в детском лагере, в 15 км от Компьеня, в 100 км от Парижа на север, в местечке Эленкур-Сент-Маргерит. Моя жена работала там воспитательницей. Первые два года я приезжал к ним проводить свой отпуск, а на третий был приглашен там быть воспитателем и одновременно служить в походной церкви — неотъемлемой принадлежности каждого детского лагеря. Эта маленькая деревушка, расположенная в чудесной местности, среди полей битв 1914—1917 годов, была наполовину разрушена и, когда после войны жители получили контрибуции за разрушенные дома, то на эти деньги большинство купило себе что-то ближе к Парижу. Ко времени нашего там пребывания половина деревни была разрушена и не восстанавливалась. Населения стало очень мало. Школа для немногих детей помещалась в небольшом доме, а старая, чудом уцелевшая двухэтажная школа пустовала, и ее каждый год снимал для детского лагеря о. Александр Чекан, настоятель очень мощного пригородного прихода Бийанкур.

Кроме того, в этой же деревушке у частных людей на лето селились отдельные русские, как сказали бы теперь «дикие», а также имела свой маленький домик видная представительница старой Москвы — Мария Алексеевна Маклакова. Старая девица, очень энергичная, деятельная, с очень острым язычком. Москвичи ее побаивались и называли «ла вьерж фоль», т. е. «сумасшедшая девственница». Один ее брат — Николай — был одним из последних министров внутренних дел, а второй — Василий Алексеевич — послом Временного правительства в Париже. Он был одинок, и сестра жила с ним и вела его хозяйство, а на лето уезжала в свой домик в Эленкур-Сент-Маргерит. К ней постоянно приезжали и гостили очень интересные люди, а также бывали и те, кто снимал комнаты самостоятельно у местного населения в почти пустующей деревне: Мозжухины, известный бас Александр Ильич с женой, также известной пианисткой Клеопатрой Андреевной, выступавшей под именем Клео Каррини; потом семья Татариновых, Тучковы, Якунчиковы.

Среди прочих каждый год гостила у М. А. Маклаковой и Мария Дмитриевна Кашкина. Происходившая из древнего рода графов Бутурлиных эта в свое время более чем состоятельная женщина выехала из России не в первые годы после революции, а позднее, уже в 30-х годах. Эта разница всегда была очень чувствительна. Выехавшие в первые годы, годы разрухи и эксцессов, считали, что с их отъездом Россия кончилась, а осталось какое-то мокрое место под именем Совдепии. Те же, кто выехал позднее, хотя часто и испытывали многие превратности судьбы, но все же знали, что есть Россия, хотя пока и не совсем понятная, но которая является единственной наследницей всех старых русских духовных ценностей. Такова была и Мария Дмитриевна Кашкина. Я часто бывал в свободное время у М. А. Маклаковой, с которой наладил очень хорошие отношения, несмотря на многое, что нас разделяло, и там часто встречался и с Марией Дмитриевной и много говорил с ней. Она сразу мне стала очень близкой. Она много пережила. Тюрьма, ссылка, лагеря... Она была довольно грузная и ходила с трудом, так как ноги ее были перебиты... Но, несмотря на это, она сохранила очень теплые воспоминания о своих тюремщиках в лагере, молодых солдатиках, с которыми она там занималась иностранными языками. После всего пережитого она стала заикаться и, несмотря на свою сложную судьбу, всегда говорила мне: «В к-к-какое интер-ресное вр-ремя м-мы жив-вем! К-как я благ-годарна Богу за то, что Он дал мне жить-ть в так-кое инт-тересн-ное вр-ремя!» Когда началась война, из Парижа стали эвакуировать и детей и стариков (имею в виду, конечно, русских) и помещать их подальше от Парижа из страха перед бомбардировками и особенно газовыми атаками, которыми немцы «угощали» французов в прошлую войну. Один из флигелей в Вильмуассоне наполнили детьми

«утощали» французов в прошлую войну. Один из флигелей в Вильмуассоне наполнили детьми (сперва их было около 200), а в главный дом, находившийся в 4, 5 км в Ст. Женевьев де Буа переселили стариков из Вильмуассона и приняли еще из Парижа, уплотнив их по два-три в комнату (до войны у каждого была своя комната). Среди вновь поступивших я увидал и Марию Дмитриевну Кашкину. Бывая регулярно в Ст. Женевьев, я всегда навещал ее и продолжал наши контакты, начавшиеся на полях битв Эленкура. Как-то раз, вернувшись в Вильмуассон из Парижа, где я еще обслуживал свой приход Монружа, я узнал, что из Ст. Женевьев мне звонили по телефону и, как мне передали дети, «Тетя с кошкой просит Вас зайти к ней». Я ломал себе голову, кто это «тетя с кошкой». На следующий день на велосипеде я приехал в Русский Дом и, въезжая около гаража, где всегда оставлял велосипед, увидел свет в часовне-морге, куда всегда ставили тела усопших пенсионеров до их перенесения в церковь для отпевания. Я спросил: «Кто умер?» Мне ответили: «М. Д. Кашкина...» Тогда я сообразил, что не к тете с кошкой меня вызывали, а М. Д. Кашкина почувствовав себя плохо, просила меня к ней приехать, м. б. желая причаститься. Увы! Было уже поздно, и откликнуться на ее призыв я уже не мог. На память о ней у меня осталась икона преподобного Серафима в серебряной рамке, бывшая с ней в ссылке и еще несущая на обратной стороне следы лагерной печати. В моей памяти М. Д. Кашкина осталась как пример человека, сумевшего увидеть историю не через призму личных невзгод и переживаний, а перешагнув через эти личные чувства и личные обиды.

Евграф Петрович Ковалевский

† 14.03.1941 г.

В среде русской эмиграции Евграф Петрович занимал видное место. Бывший земский деятель, член Государственной Думы, неоднократно посылавшийся русским правительством во Францию для разных дипломатических контактов. Он имел трех сыновей, которые тоже не прошли незамеченными в эмигрантской среде. Старший сын Петр окончил Сорбонну и получил звание доктора то ли филологических наук, то ли что-то, близкое к этому. Он написал несколько книг по русской истории, преподавал в Богословском Парижском институте русский язык и, кажется, латынь. Второй сын, Максим, был диакон. Оба они были долгое время иподиаконами Митрополита Евлогия, а позднее уступили место более молодым иподиаконам. Но Петр Евграфович всегда читал каноны во время соборных богослужений. Самый младший сын, Евграф, был фигурой интересной и экзотической. Человек большой фантазии, большого темперамента, при этом обладавший большим честолюбием. Он обучался в Богословском Парижском институте. Потом, когда наступил церковный раскол 1931 г., Петр остался с Владыкой Евлогием на ул. Дарю в кафедральном соборе, а два младших сына перешли в приход Владыки Вениамина, оставшегося верным Московской Патриархии.

Через какое-то время Евграф был рукоположен во иерея целибатом и основал приход для французов, стал заводить особый чин богослужения. О нем я когда-нибудь вспомню поподробней. Убедившись, что в лоне Московской Патриархии он не получит сана епископа, он внезапно стал менять юрисдикции и в конечном итоге был рукоположен епископатом Карловацкого синода в США во епископы, предварительно принявши монашество с именем Иоанн, в честь недавно перед этим незаконно «канонизированного» отца Иоанна Кронштадтского. Сразу после этого он ушел от карловчан и, вернувшись в Париж, продолжал обслуживать свой небольшой приход из своих поклонников-французов уже в сане епископа, но никем не признаваемый, в сущности, раскольником.

Покойный Евграф Петрович очень переживал странные поступки своих младших сыновей, сам будучи, хотя и либеральным, но сугубо буржуазным элементом. С ним было очень интересно разговаривать. Он много говорил о временах еще до войны 1914 года, когда в разгар франко-русского альянса были частые взаимные контакты между французскими и русскими общественными деятелями. Я помню, как-то раз он рассказывал, как на заре своей общественной деятельности он в числе какой-то делегации прибыл в Париж и был на приеме у президента Республики. Этот пост в то время занимал или Лубэ, или Фальер. Всех гостей делили на три группы. Самые почетные представлялись лично Президенту и удостаивались рукопожатия

группы. Самые почетные представлялись лично Президенту и удостаивались рукопожатия, вторые — рангом пониже — только представлялись все вместе, их имена назывались, и Президент с ними раскланивался, делая общий поклон. Самые неважные до Президента просто не допускались, их сразу направляли в буфет, где было приготовлено угощение. В свой первый приезд Е. П. Ковалевский имел более, чем скромный чин Надворного Советника. Французы, не слишком, видимо, сведущие в тонкостях русского титулования, перевели это как «Консейе де ла Кур», т. е. Советник Двора (какого? — видимо, Высочайшего...). Тотчас его берут за ручки, ведут в главный зал, представляют Президенту. Тот жмет ему руку, говорит ласковые слова... Прошли годы и вновь Евграф Петрович попадает в Париж в составе какой-то думской группы. На этот раз он уже Тайный Советник, т. е., говоря военным языком, — генерал-лейтенант. Ну, теперь почести будут еще больше! Французы перевели «Тайный Советник» как «консейе приве», что звучит как «частный советник», т. е. — стряпчий, — и его, не допуская к Президенту, направляют прямо в буфет. Я очень ясно помню этот его рассказ, но не вполне уверен, что это случилось с ним самим или кем-то из членов их делегации, т. к. не вполне уверен, что Е. П. имел чин Тайного Советника. В эмиграции он был непременным участником всех собраний, всех молебнов, всех панихид и погребений. Но вот мы похоронили и его самого на кладбище Медона, где он жил под Парижем.

Дмитрий Сергеевич Мережковский

† 9.12.1941 г.

Д. С. Мережковского я никогда при жизни не видал, но хорошо знал по портретам, появлявшимся часто в газетах и особенно в журнале «Иллюстрированная Россия», в котором он принимал участие. Это был очень хороший, прекрасно иллюстрированный журнал, издававшийся Мироновым и привлекавший к себе лучшие литературные и художественные силы эмиграции. В похоронах я принял участие, так как в это время уже по совместительству с детским домом обслуживал и русское кладбище и встречал всех покойников, как привозимых к нам для отпевания в нашей церкви, так и тех, кого отпели в Париже, а потом привезли к нам. Похороны привлекли массу народа, все культурные слои эмиграции, многих французов, поклонников покойного Мережковского.

Кроме многолюдства, ничем эти похороны не запомнились. А. Н. Бенуа создал чудесный памятник на могилу Мережковского. Но вот случай, который мне запомнился: война уже подходила к концу. Как-то раз я шел по кладбищу, и вижу — вдали идет молоденькая девушка, почти девочка... Юбка выше колен, в руках сигарета в длиннющем мундштуке, и с двух сторон под руки ее ведут два немецких офицера. Меня возмутило все это. Во-первых, такая юная девица — и с офицерами, в столь броском костюме. Подойдя поближе, я увидел, что она накрашена сверх всякой меры, и только поравнявшись с ними, к ужасу узнал в этой «девочке» вдову Мережковского Зинаиду Николаевну Гиппиус, которой к этому времени было наверно уж под 70 лет. В своем возрасте она сумела сохранить и девичью фигуру, и юные ножки, открытые выше колен. Кто были эти два немецких офицера — культурные люди, знавшие творчество Мережковского и приехавшие поклониться его могиле, или же русские эстеты, нарядившиеся в немецкие мундиры (увы, были и такие...) — этого я не узнал, но эта встреча навсегда врезалась в память. Больше З. Н. Гиппиус я не встречал. Вообще на кладбище она приезжала редко.

Княгиня(/р София Николаевна Васильчикова

(урожденная княжна Мещерская)

† 29.04.1942 г.

Княгиня С. Н. Васильчикова была сестрой мужа нашей директрисы в Русском Доме Ст. Женевьев де Буа, кн. Петра Николаевича Мещерского. Она была вдовой бывшего члена Государственного Совета, бывшего министра земледелия, кн. Б. А. Васильчикова. В свое время, во второй половине войны 1914—1917 гг., о ней много говорили... Она была послана под эгидой

Международного Красного Креста в Германию, чтобы проверить состояние лагерей для русских военнопленных. По своем возвращении под впечатлением страданий наших солдат в плену и под впечатлением все большего авторитета Распутина при дворе, она написала письмо Императрице Александре Федоровне как женщина женщине, умоляя ее услышать голос людей, желающих счастья Родине. В ответ на это письмо ее мужа вызвал к себе министр двора и объявил ему Высочайшее повеление о высылке его жены в Новгородскую губернию. Это был факт, не имевший места со времени императора Павла I. В эмиграции княгиня проживала скромно со своим мужем, а потом, после его смерти, заканчивала свою жизнь в Русском Доме, около своего брата и невестки. Мне часто приходилось ее исповедовать, беседовать с ней, и перед своей кончиной она вызвала меня в свою комнату, где после тяжелой ночи и умерла у меня на руках. Рядом сидела ее невестка, очень с ней дружная, княгиня Вера Кирилловна, и ее брат Петр Николаевич. Память о покойной Софии Николаевне осталась как память об очень скромном, умном и тактичном человеке, человеке большой доброты.

Эдуард-Виктор Гольдберг

† 6.06.1940 г.

Каждый год 19 февраля, в день смерти моего сына Сережи, наш большой друг и один из наиболее нам духовно близких лиц архимандрит Никон (Греве) приезжал к нам, сперва в Вильмуассон, а потом в Ст. Женевьев де Буа для служения заупокойной литургии и потом панихиды на могилке усопшего мальчика и обычно всегда он привозил с собой кого-нибудь для знакомства с нами. М. б., он хотел показать христианское отношение к смерти, которое он находил у нас. А привозил он всегда кого-нибудь со свежей раной, недавно кого-нибудь потерявшего. М. б., он находил, что для нас полезно разделить чью-то скорбь и таким образом ощущать не исключительность нашего горя, а, может быть, чрезвычайно занятый и обремененный человеческими контактами он просто «передоверял» мне часть своей духовной «клиентуры». Один раз, думаю, что это было в 1942 г., он приехал к нам в Вильмуассон к

службе и привез с собой даму в глубоком трауре... Это была Анна Феликсовна Воронко.

Со знакомства с ней начался новый вид моей пастырской деятельности. Она была родом из Вильно, в молодости, видимо, была очень красива, т. к. и к этому времени, несмотря на многие переживания, черты ее лица были очень привлекательны.

Она работала антикваром. Была трижды замужем, но со всеми мужьями разошлась и жила с сыном в Париже. Сын был единственный, от первого мужа. Когда Литва перед мировой войной присоединилась к Советскому Союзу, она не стала брать эмигрантского паспорта, но взяла советский. У нее было много контактов с антикварами в разных странах, и ее можно было считать состоятельной женщиной по нашим эмигрантским масштабам. Война застала ее в Финляндии, куда она поехала по делам своего антиквариата. Когда вернулась в Париж, узнала, что ее единственный сын пошел добровольцем на фронт. Возможно, что позднее его и так призвали бы, но героически настроенный юноша сам пошел навстречу своей судьбе. Во время наступления немцев на Арденны ее Эдик был убит в местечке Мизери во дворе большого замка, где полк добровольцев был взят в окружение. Так как брат моей жены тоже был добровольцем в том же полку, то кое-какие сведения об этом бое мы потом получили. Но пока мать ничего не знала о судьбе своего сына. Она хорошо говорила по-немецки, и, когда после занятия Парижа немцами появилась военная комендатура, она пошла туда, чтобы узнать что-либо о судьбе полка. Все ее обращения к французским властям остались без результата. Никто ничего не мог сказать. Сведений не было. В немецкой комендатуре, просмотрев много толстых книг, ей сказали не только день смерти сына, но и где находится его могила в парке этого замка. Война еще продолжалась, но с ее неуемной энергией, немецким языком и, возможно, все же женским шармом она добилась разрешения проехать в Мизери, нашла могилу сына и перенесла его прах на местное кладбище, где уже лежали его сотоварищи по добровольному полку. Разрывая могилу, она думала, что тут же умрет от горя, но... сил было больше, чем ей казалось. Копая могилу, нашли кое-какие его вещи, записную книжку, еще что-то. Раз ей стало совсем плохо, т.

могилу, нашли кое-какие его вещи, записную книжку, еще что-то. Тогда ей стало совсем плохо, т. к. из могилы вытащили большую кость. Она уже думала, что это кость сына, но... оказалось, что это была коровья кость от какого-то более давнего захоронения.

Увидев, что смерть к ней не приходит, она решила посвятить себя служению солдатикам, особенно убитым. И к этому она привлекла частично и меня. Мы объезжали военные кладбища, поля битв, выискивали на крестах русские имена, искали родных этих солдатиков и потом, с их разрешения, стали перевозить их на русское кладбище Ст. Женевьев, где она купила в центре кладбища большое место. В центре по проекту А. Н. Бенуа была построена часовня в древнерусском стиле, а вокруг были братские могилы, куда мы стали свозить гробы с солдатиками, а на их изголовьях ставить небольшие доски с именами и, по возможности, с фотографиями. Одновременно, блуждая по деревне, она выменивала у крестьян кое-какое продовольствие, которым в Париже делилась с нуждающимися. Для ширмы она вела торговлю и с немецкими офицерами, которым доставала золото и. другие интересующие их предметы, а взамен получала разрешение проезда в зону военных действий, бензин на провозку гробов... Думаю, что у нее были и другие связи, о которых она умалчивала, так как сразу после окончания войны она часто стала бывать в советском посольстве. Позднее она решила перевезти и сына на наше кладбище, но не в общую могилу, а в отдельную, куда потом завещала и себя похоронить. Но уже после моего отъезда из Франции она еще раз перехоронила сына в общую могилу около часовни, правильно рассудив, что после ее смерти часовня и братские могилы останутся, а частная могила ее и ее сына рано или поздно погибнет. Теперь уж и она умерла и лежит, окруженная своими солдатиками под сенью сооруженной ею часовни. Мы с ней совершили несколько таких довольно длинных путешествий по полям битв, собирая наших «мальчиков». Особенно мне запомнилась первая поездка... Это было в марте 1947 г. Война уже кончилась, но на каждом шагу были видны ее последствия. Города северо-востока Франции были сильно разрушены, так как там еще шли оборонительные бои, которые все уменьшались, приближаясь к Парижу, который был объявлен открытым городом. В ту поездку мы привезли 10 гробов, проехав 6 дней (всю первую неделю Великого Поста) по дорогам Соммы, Шампани, Эльзаса,

Лотарингии, Арденн... В субботу рано утром мы были в Париже и привезли гробы в собор на ул. Дарю, где совершалось отпевание. После чего я повез гробы с отпетыми солдатиками на наше Русское кладбище. На всех церемониях присутствовала делегация французской армии со знаменами, возглавляемая полковником, сказавшим речь. На кладбище также были представители местных воинских объединений, а над часовней висело четыре флага: французский, американский, английский и... советский, к немалому смущению многих наших старушек и бывших генералов. Я тоже сказал слово на французском языке, отмечая нашу борьбу с общим врагом — фашизмом и отдавая дань молодежи, погибшей для общей победы. Но это было уже в конце пути, а путь этот был по-своему нелегкий.

Хотя война и кончилась, но народное хозяйство еще не полностью вошло в свою колею. Нам для этой поездки обещали большой грузовик, в котором было три места рядом с шофером и крытый кузов сзади. С нами должна была ехать еще одна дама — жена убитого Владимира Станиславского. Когда в понедельник утром мы были готовы к выезду, то... подали машину с одним местом около шофера и сзади только брезентовый верх. Я уступил место рядом с шофером дамам, которые весь путь сидели одна у другой на коленях, а сам забрался в кузов, где уже лежали 10 пустых гробов. На мне поверх рясы была только военная пелерина, еще моего отца, сделанная по морской форме из хорошего сукна. Я всегда носил ее вместо пальто в Париже. Во-первых, такие пелерины были там очень в ходу и у военных, и у почтальонов, и у священников, и у школьников... Кроме того, надевая ее поверх епитрахили, я мог в дождливую погоду ходить по кладбищу и служить панихиды. Когда мы выезжали из Парижа, было по-весеннему тепло и сухо, но когда мы забрались в горы Вогезов и Эльзаса, то там нас встретил глубокий снег, морозы до — 15°, и я начал сильно зябнуть под своим брезентом. Кончилось тем, что пришлось забраться в пустой гроб и покрыться крышкой, чтобы не замерзнуть. Так я и ехал, перебираясь из одного гроба в другой, по мере их заполнения. Все-таки я сильно простудился и, приехав в Страсбург вечером, даже боялся, что не смогу продолжать дальше свой путь, а буду вынужден остаться в гостинице до возвращения в Париж. Но Анна Федотовна дала мне какие-то таблетки

вынужден сесть в поезд и вернуться в Париж. Но Анна Феликсовна дала мне каких-то таолеток, и после ночи я поехал дальше. Хотя полностью соблюдать пост в условиях дороги не удавалось, я все-таки старался не забывать, что шла первая неделя поста. Вечером в своем номере вычитывал канон Андрея Критского, положенный на эти дни. Все же, спустившись утром в ресторан, я избежал искушения и только посмотрел на знаменитые страсбургские сосиски с кислой капустой и не менее знаменитый страсбургский пирог.

Среди 10 убитых, которых нам надлежало выкопать, 6 было с 1940 г., т. е. с самых первых месяцев войны, а 4 сравнительно недавних, убитых в 1944 и 1945 гг., т. е. 2—3 года тому назад. Между прочим, среди них был один Юрий Гагарин. По-разному нас встречали на местах... В некоторых городах или селах нас ждали могильщики, которые все делали и перекладывали останки в наши новые гробы; были и такие, где не было никого, кроме деревенского сторожа, и тогда нам приходилось самим и копать и перекладывать. Причем, если трупы 7-летней давности уже не представляли трудностей, то сравнительно недавно погребенные были в полном состоянии разложения, и это был нелегкий труд. Приехав в один город, мы застали военный отряд, который ждал нас с музыкой, чтобы отдать дань почета погибшим воинам. Приехав в другую деревню, не нашли никого. Потом приплелся мэр деревни и тоже не смог ничего сделать... Наконец какой-то мальчишка сбегал в ближайшие дома, принес лопаты, нарубил где-то еловые ветки, чтобы положить внутрь гроба... Когда мы сами с помощью мальчишки сделали все, что требовалось, я сказал мэру: «Знаете, господин мэр, когда будут следующие муниципальные выборы, я предложу вашим землякам голосовать не за Вас, а за этого мальчишку. От него больше толку, чем от Вас!» Мы уехали, оставив его в полном недоумении.

Вернувшись в Париж, я сообщил военным властям и о том, как нас хорошо встречали, и об этой деревне. Не знаю, были ли потом какие-нибудь последствия. Когда, закончив весь наш путь, проехав и в Страсбург, и в Милузу, и в Ст. Кантэн, мы проезжали Шампань, то, переночевав в Реймсе и побывав в знаменитом соборе, мы сделали небольшую петлю и заехали на русское военное кладбище в Мурмелон-ле гран. Там, в этом местечке, похоронено много русских воинов,

погибших во время войны 1914—1917 гг. на французском фронте, в основном части нашего экспедиционного корпуса. Перед второй мировой войной по инициативе воинских эмигрантских объединений и по благословению Митрополита Евлогия на этом кладбище по проекту А. Н. Бенуа была построена небольшая каменная церковь в древнерусском стиле, а позднее неподалеку основался скит с тремя монахами, которые обслуживали и церковь и кладбище. Раз в году совершалось большое паломничество из Парижа. И сотни людей, приехавшие на автомобилях и специальных автобусах, проводили целый день в этом месте русской воинской славы. Мы приехали с нашим печальным грузом новых русских, погибших на французских полях, и поставили грузовик около церкви, отслужили панихиду по всем, здесь лежащим. После этого мы вернулись в Париж, как я и написал выше, чтобы совершить отпевание в соборе на ул. Дарю, а потом отпевание на нашем кладбище. Все расходы, связанные с этим путешествием, несла на себе Анна Феликсовна. Она делала это в память о своем Эдике. Потом мы с ней еще несколько раз совершали такие поездки, но уже в более комфортабельных условиях, так как война отодвигалась все дальше. Но последующих мы отпевали уже прямо у нас в Успенской церкви на кладбище. Были и отдельные солдатики, которых перевозили стараниями родителей. Некоторые из них ложились в братскую могилу около часовни, другие — в отдельно приготовленные могилы. О некоторых из них я позже скажу. Но всякий раз французская армия присылала все того же полковника, и местные власти присылали делегации, и от мэрии и от общества комбатантов, а также и от коммунистической партии нашего местечка, т. к. — ирония судьбы — наш городок Ст. Женевьев де Буа был очень «красный», и муниципалитет в нем был коммунистический.

В благодарность за эти мои «военные» экспедиции матери и жены погибших солдат, конечно, по инициативе Анны Феликсовны подарили мне золоченый наперсный крест-дароносицу, которым я часто пользовался, часто его носил, а теперь подарил своему старшему сыну-священнику. Анна Феликсовна неоднократно приезжала в Советский Союз, где в Москве мне удалось найти ее

сестру, к которой она и приезжала. Один раз она побывала и у нас, в Ярославле, и провела с нами Великие Пятницу и Субботу, святую Пасхальную ночь и первый день Пасхи. Продолжая работать с антикварами, она была в контакте со многими художниками и коллекционерами и убеждала многих из них завещать свои ценности России. Она привозила много ценных экспонатов для наших музеев. Картины, фарфор — все это было пожертвовано России от эмигрантов. О ней упоминал в своих статьях в журнале «Огонек» Зильберштейн, когда описывал свои поездки за границу в поисках сокровищ для наших музеев. Анна Феликсовна много ему в этом помогла. Но в мое время мы были заняты розысками русских солдатиков, погибших на французском фронте. Всего было найдено 280 таких могил или сведений о погибших, но, конечно, лишь малая часть из них была перевезена на наше Русское кладбище. Вспоминая Анну Феликсовну, я не могу не вспомнить нашу поездку на поля битв уже после войны. Поехал Архимандрит Никон, Анна Феликсовна, мы с женой, брат моей жены, сражавшийся в одном полку добровольцев с сыном Анны Феликсовны, и еще один друг, тоже проделавший войну и вернувшийся с одним глазом, да и то видящим всего на 1/5 нормы.

Вместе мы несколько дней переходили с одного кладбища на другое, блуждали из одной деревни в другую. На одном поле, утром рано, было решено, что отец Никон отслужит заупокойную литургию. Для этого нашли какой-то развалившийся сарайчик, в котором была какая-то полочка. Прибрали, как смогли. Все необходимое было с собою. На полочке расстелили Антиминс, мы пели и читали, как могли. Во время службы в маленькое окошко к нашему пению внезапно присоединилось мычание, и в сарай заглянула корова, привлеченная неизвестными ей звуками. Эта литургия, совершенная в таких условиях на месте, где еще несколько лет тому назад гремели бои, произвела очень сильное впечатление. Вспоминается и рассказ Анны Феликсовны о том, как она как-то шла в парижском метро и в коридоре одной пересадочной станции увидала немецкого солдата с перевязанной головой, который явно заблудился и не знал, куда идти. Для нее всякий солдат, даже вражеский, да к тому же раненый, был солдат, как ее Эдик, и она на превосходном немецком языке спросила, что ему надо. Получив ответ на нужный вопрос и указание, куда ему ехать, он спросил Анну Феликсовну, не немка ли она. А когда узнал, что она русская, то отлетел,

как от ядовитой змеи... На ее недоуменный вопрос, в чем дело, он рассказал, что будучи в оккупированной России, он со своей частью занял избу и расположился на ночлег. В избе на печи лежала только дряхлая старуха. Когда они начали есть, то старуха скинула ему на голову чугунный котелок, и так разбила ему голову, что он пролежал в госпитале два месяца, а теперь его препроводили в «тыловую» часть во Францию. «С того дня я боюсь всякой русской женщины, от девочки до древней старухи». Очень много сделала Анна Феликсовна для воинов, и мне обидно, что французское командование, с которым она много имела дел, не нашло нужным как-то отметить ее труды.

Иоанна Жуаренье май † 1942 г.

Кладбище Вильмуассон

Как-то в мае месяце меня вызвали в немецкую комендатуру и сказали, чтобы назавтра я пришел на местное вильмуассонское кладбище и взял бы с собой все необходимое для совершения чина отпевания. Кого — мне не сообщили. К назначенному времени пришел некто в штатском и сказал, что сейчас привезут гроб, а потом приведут под конвоем мужа усопшей женщины, которую мне надлежит отпеть, но что мне запрещается к нему подходить и тем паче с ним разговаривать... Я спросил, кто они. Муж — француз, сидящий в немецкой тюрьме. Тогда я спросил, что жена, наверное, русская. «Нет, — ответили мне. — Она испанка». На мое недоумение — причем тут я, мне сказали, что французские католические священники уклонились от совершения отпевания, а так как у покойной мать была румынка, то возможно (?), что она и православная. Конечно, условия момента были таковы, что думать не приходилось. Привезли, как и всегда, заколоченный гроб, а потом под конвоем двух солдат в немецких мудирах привезли мужа... Я совершил отпевание, а потом, не раздумывая, шагнул в сторону вдовца, обнял его и прошептал ему на ухо несколько слов не только утешения, но и морального сочувствия. Я не знал, кто он

не знал, кто он...

Надо сказать, что солдаты, несколько остолбеневшие от неожиданности, ничего мне не сказали, а потом спокойно увели его назад в тюрьму. Потом я узнал, что его арестовали по какому-то подозрению в связи с партизанами макизарами, а она в отчаянии бросилась под поезд. Прошло несколько лет. Война окончилась, ко мне пришел один неизвестный мне человек и передал привет и благодарность от этого вдовца. Он просил мне передать, что я очень его тогда поддержал. Оказывается, он был крупным участником Сопротивления.

Михаил Вознесенский

† 17.06.1942 г.

Кладбище Бретиньи

В 7 километрах от Вильмуассона, в крупном железнодорожном центре Жювизи находился большой госпиталь, в который мы отвозили из детского дома и из старческого дома Ст. Женевьев де Буа всех сложных больных, особенно нуждавшихся в хирургическом вмешательстве. Там лежала и моя дочка, там и мне самому делали операцию гнойного аппендицита, и я часто приезжал туда, чтобы посещать наших больных.

Этот госпиталь обслуживался бригадой из католических монахинь, которые во главе со своей старшей несли обязанности сестер милосердия, включая и хирургию, и рентгенографию, и лабораторию анализов. Только на ночь уходили они во флигель, где жили они все 11, и где у них была домовая часовня, в которой они каждое утро перед началом работы выслушивали Божественную Литургию и причащались. Ночью дежурили гражданские сиделки, а также гражданские сестры обслуживали родильное отделение. Каждый день без выходных, с утра и до позднего вечера они были на своих местах, ухаживая не за деньги, а во имя своего служения Богу в каждом из Его младших братьев. Все они были очень квалифицированы профессионально. У

меня со всеми ними были чудесные отношения, особенно после того, как я пролежал долго сам в их больнице, и они в свободную минуту приходили ко мне побеседовать. Одна из них нашла меня уже в Ярославле, почти через 30 лет разлуки, но об этом я напишу позднее. Если в больницу попадали русские помимо наших благотворительных учреждений, они извещали меня, если была нужда в моей духовной помощи... Один раз мне позвонили и сообщили, что умер русский, совершенно бездомный, и что его, как не имеющего родни, похоронят даром в общей могиле. Я сразу сказал, что беру несложные расходы на себя и что я приеду, чтобы отпеть его в госпитальной часовне. На следующий день мне позвонили, что у этого русского, хотя он и числился холостым, есть подруга, которая повезет его на кладбище в городок Бретиньи, находящийся в 7 км от Вильмуассона, но в другом направлении. Мне сказали, что его подруга будет очень рада, если русский священник помолится на его могиле.

В день погребения я взял с собой квартет девочек, очень хорошо спевшийся, с очень хорошими голосами и слухом, которых я всегда брал, когда приходилось выезжать со служениями из Вильмуассона, и проехал на поезде две станции, разделявшие Вильмуассон и Бретиньи. Сразу с вокзала мы увидели неподалеку на горке церковь, окруженную кладбищем. Мы поднялись на эту горку. Так как прибыли ранее срока, то прошли походить по могилкам, а потом зашли и в католическую церковь. Там явно тоже ожидали похороны, так как посреди храма был воздвигнут катафалк.

Вскоре появился кюрэ (священник, настоятель), мы с ним по-братски поздоровались, и он узнал у меня причину моего приезда. Я ему сказал, в чем дело, и тогда он мне говорит: «Тут, видно, недоразумение, т. к. отпевание заказали мне и вот даже уже заплатили 75 франков». Ну, я спорить не стал, а решил подождать прибытия тела покойного и его подруги. Когда они прибыли, то эта француженка, очень сконфуженная, сказала мне, что, не зная еще о возможности пригласить русского священника, договорилась с католическим, но что она была бы рада, если

мы оба помолимся над гробом ее друга. Батюшка подтвердил мне конфиденциально, что он не может мне ничего уделить из денег, полученных на церковь, но, когда я его заверил, что меня это меньше всего интересует, подобрел настолько, что предложил мне — он отпоет в церкви, а потом я смогу отпеть на могиле. И что даже он меня просит сразу облачиться и встать рядом с ним, когда он будет совершать службу, а что потом он станет рядом со мной. Так мы и поступили. Хотя это было канонически дерзновенно, т. к. сослужения с католиками у нас нет, но все же он служил, а я стоял рядом в полном облачении, и это было воистину экуменическое служение, к которому теперь мы уже привыкли. Но тогда, в 1942 г., это была редкость. Он служил, конечно, по-латыни. Собралось довольно много народу, друзья и знакомые. Потом мы пошли на могилу и там я, сговорившись со своими девочками, совершил чин отпевания на французском языке, прочел по-французски Апостол и Евангелие, разрешительную молитву и еще сказал надгробное слово. Подруга покойного очень меня благодарила, а один из присутствующих, почтенный французский буржуа, сказал мне вместе со словами благодарности: «Скажите, пожалуйста! Я никогда не предполагал, что русская служба понятней французской!» Во все время моей службы кюрэ стоял рядом со мной в полном облачении. Когда мы уже спускались с горки, идя на вокзал, я услышал, что меня кто-то окликает... За нами под горку бежал почти бегом почтенный старичок-священник. Он мне сказал: «Вот 37 с полтиной для Вас!» Я очень оценил его деликатность, но попросил оставить эти деньги на нужды его прихода...

Княгиня

Ирина Мещерская (Ниметт)

† 4.08.1942 г.

Как-то во время войны княгиня Вера Кирилловна Мещерская попросила меня съездить за Париж в какую-то частную санаторию, где лежала тяжко больная жена ее младшего сына. Оба сына В. К. Мещерской были в немецкой армии. Старший, Никита, был убит под Смоленском, а младший, Николай, тоже пропал где-то в лесах Смоленщины. Позднее выяснилось, что он был в немецкой армии переводчиком (как и старший брат), но работал на французское движение Сопротивления, за что потом и получил офицерский чин французской армии и военные ордена. Он был женат на египетской принцессе Ниметт, которая под его влиянием приняла православие с именем Ирины. Болезнь ее была неизлечимая, и ей нужна была духовная помощь священника, свободно владеющего французским языком. Таким образом, я стал ездить в эту больницу. Сама Вера Кирилловна, в силу своего возраста ездить не могла, а с сестрой мужа и женой его брата у ней контакт не получался.

Ирина вся горела огнем неофитки, была очень одинока, т. к. со своей семьей из Египта разошлась окончательно, и здесь лежала в шикарной лечебнице, зная, что умирает и что, вероятно, никогда уж не увидит мужа — единственного близкого ей человека. Она очень обрадовалась моему приходу и потом всегда с нетерпением ждала моих посещений. Мне самому было очень интересно общаться с ней. Это был экзотический цветок очень тонкой структуры, очеь любознательный, возлюбивший Христа со всем пылом восточной натуры и желающий все знать о Нем. Часто она задавала такие вопросы, на которые я, молодой и малоопытный священник, не мог сразу ответить. И приходилось откладывать ответ до следующего посещения, к которому уж надо было существенно подготовиться, чтобы потом получить новый трудный вопрос. Она первая просила меня записывать свои проповеди, по-видимому для того, чтобы потом она смогла их читать. Но мне тогда казалось странным и даже нескромным записывать мои скромные опусы, и только через 30 лет, когда я уже стал старым, а мои сыновья стали священниками, я записал часть своих проповедей, чтобы они могли служить пособием сыновьям. Умерла княгиня Ирина сознательно и мужественно, и ее прах лег на кладбище Ст. Женевьев де Буа рядом с могилами прочих князей Мещерских, около того места, где со временем легла и ее свекровь Вера Кирилловна. После войны, когда вернулся муж Ирины, Николай Петрович, уже в форме французского офицера, мы долго с ним ходили по парку Русского Дома, и он все меня расспрашивал о так и не дождавшейся его жене. Со временем он женился вторично на

француженке, и его сын Петр стал единственным продолжателем этой ветви князей Мещерских.

Михаил Васильевич Ислявин

† 21.08.1942 г.

Михаил Васильевич Ислявин был Новгородским губернатором. У меня есть группа, снятая в 1913 г., когда в связи с трехсотлетием Дома Романовых приезжал в Россию Патриарх Антиохийский Григорий и возглавлял в Новгороде епископскую хиротонию архимандрита Алексия Симанского (будущего Патриарха Московского и всея Руси). В первом ряду сидящих — новгородский губернатор М. В. Ислявин. В Русском Доме он был уже в преклонных годах и являлся долголетним старостой домовой Никольской церкви. За каждой службой он стоял у свечного ящика, принимал поминания и продавал свечи. Был чрезвычайно скромным и благожелательным человеком. Две младшие его дочери, Марфа и Мария, жили в Париже. Младшая, Мария, вышла замуж за сына адмирала А. Свечина, папиного товарища по выпуску из корпуса, а когда ее муж, ставший потом священником, был во время войны во французской армии, то она с детьми жила у нас в детском доме в Вильмуассоне и работала в нашем ясельном отделении с малышами, среди которых воспитывались и ее трое детей.

Владимир Бурцев

† 21.08.1942 г.

Когда только слышится имя В. Бурцева, то сразу вспоминается самый главный момент его деятельности революционера и подпольщика. Германия... Ночь в спальном вагоне поезда дальнего следования и два собеседника: сам Бурцев и один из видных чиновников Охранного Отделения — Лопухин... После долгой беседы Бурцеву удается вырвать давно всех интересующий секрет: кто из руководителей революционного движения является двойным агентом и осведомляет правительство о всех секретах революционного движения, и в то же время совершает террористические акты. После долгой и нелегкой беседы произносится имя Азеф. Это он — организатор убийства Великого Князя Сергея Александровича в Москве, убийства министра внутренних дел Плеве. Он, один из видных членов революционной верхушки, является платным агентом Охранного отделения, и ему обязаны за срыв многих революционных предприятий. После этой знаменательной беседы имя Азефа произносится в ЦК партии, он скрывается, а Лопухина как разгласившего государственную тайну снимают с работы и отдают под суд. Как выдавший в 1908 г. почти всю боевую организацию партии (было казнено 17 человек), Азеф был приговорен партией к смерти, он скрылся, поселился под чужим именем в Берлине, где и умер в 1918 г.

Дело Азефа было вершиной деятельности В. Бурцева, но и помимо этого он был неутомимым, неуемным обличителем. Выехав за границу, он стал всеми силами бороться против той власти, от которой ему пришлось бежать, принимал деятельное участие в политической жизни эмиграции, одно время издавал газету, но и этого неугомонного человека ждала могила на кладбище Ст. Женевьев, рядом с многими из тех, с кем он боролся и на Родине, и в эмиграции.

Князь Федор Николаевич

Касаткин-Ростовский

† 22.07.1940 г.

Как я уже писал, начавшееся в 1927 г. как приходское французское кладбище, где хоронили пенсионеров Русского Дома, Ст. Женевьев де Буа постепенно стало расширяться и принимать помимо умерших в Русском Доме и умерших в Париже русских эмигрантов. Постепенно появилось и еще одно явление: по французским законам места на кладбищах продавались на разные сроки — на вечные времена, что было доступно только очень богатым людям, на 100 лет

разные сроки — на вечные времена, что было доступно только очень богатым людям, на 100 лет, на 30, что тоже было не по карману большинству эмигрантов, и, наконец, бесплатные могилы на 5 лет. Кроме того, цены видоизменялись еще и по фешенебельности самого кладбища.

Могила на Пер Лашез или Пасси была признаком большого богатства. Причем, могилу, купленную на 30 или на 100 лет, можно было потом продлить на более долгий срок, уплатив разницу. Что же касается до бесплатных могил, то через пять лет надо было или перенести прах (или то, что от него осталось) на новый участок на том же кладбище, можно и на бесплатный, уплатя только расходы по самому переносу, или же прах переносился, вернее, кости ссыпались, в общую могилу, из которой потом они оптом перевозились в парижские катакомбы — подземные бесконечные галереи от старых разработок, тянущиеся на несколько километров. Во время франко-прусской войны 1870 г. катакомбы использовались защитниками Парижа, а в наше время там была как бы общая братская могила парижан за много веков. Вход в нее — на площади Данфер Рошеро напротив знаменитого Льва, воздвигнутого в честь воинов 1870 г. Я там не был, но видел фотографии и открытки с видами этих галерей, где в полном порядке, даже с претензией на декоративность по стенам разложены черепа, берцовые кости, кости рук, между которых виднелись позвоночные кости, ребра и фаланги пальцев. В момент похорон у русских эмигрантов редко бывали средства на похороны с постоянной могилой, но через пять лет после похорон приходилось думать — что делать дальше. И так как у нас сохранилась наша традиционная «любовь к отеческим гробам», то, собирая часто последние крохи, прах любимого и близкого человека переносился на новое место. Вскоре созрело решение: раз все равно тревожишь прах, то лучше уж переносить не на новое место на том же пригородном парижском кладбище, где через пять лет вновь встанет вопрос перезахоронения, а сразу отвезти прах на Русское кладбище, где в силу его отдаленности от Парижа и деревенского значения цены на землю были много ниже и можно было сразу купить могилу на 30 лет с тем, чтобы потом переделать ее на 100 лет, тем более, что подсознательно тлела надежда, что, поскольку кладбище стало памятником истории и культуры, его вообще оставят так, как оно есть. И вот все больше и больше стали случаи, когда просили проехать в Париж и перевезти прах того или иного эмигранта на наше кладбище. Иногда в могилу уже похороненного родственника, иногда в новую могилу. Иногда перевозили сохранившийся гроб, иногда вкладывали его в новый деревянный футляр, но чаще всего перекладывали косточки в маленький гробик, величиной с детский: череп вверху, кости рук и ног по бокам, а между ними все прочие мелкие косточки. Это стало постепенно большой частью моей деятельности как кладбищенского священника. Так, после смерти моего сына я перевез на наше кладбище с других кладбищ прах моей тещи, моей тети, дяди и других родных, всех их сосредоточив в Ст. Женевьев, под сенью Успенской церкви.

Одним из первых, кого мне пришлось перевозить из Парижа, был князь Федор Касаткин-Ростовский. Блестящий офицер лейб-гвардии Семеновского полка, видный поэт предвоенного времени. После провала Белого движения, в котором он принимал участие, и выезда на чужбину он работал грузчиком в Болгарии или Сербии. На память об этой его жизни осталось чудное стихотворение, полное достоинства, которое, к сожалению, мне не удалось сохранить. Остались в памяти только первые строки:

Мы — грузчики, мы разгружаем вагоны,

Мы трудимся честно, а не за страх.

Мы — те, кто когда-то носили погоны,

Теперь же мы носим мешки на плечах...

Вторую строчку я не помню и воспроизвожу произвольно. После Болгарии он перебрался в Париж, где жил со своей женой, известной в свое время артисткой Петербургского Суворинского театра Диной Никитичной Кировой, блиставшей в театре на амплуа инженю. Похоронив мужа и оставшись одна, она все силы приложила для издания книжки его стихов. В первое время она играла в разных эмигрантских антрепризах, в частности у Екатерины

первое время она играла в разных эмигрантских антрепризах, в частности у Екатерины Николаевны Рощиной-Инсаровой (сестра В. Пашенной), потом стала приближаться старость. Война фактически прикрыла все театры, и тогда ее устроили бельевой дамой в наш детский дом, где она одновременно помогала нам с нашими самодеятельными спектаклями. Вот она и попросила меня перевезти прах ее мужа на наше кладбище. В благодарность она подарила мне книгу его стихов с трогательной надписью, но так как он все-таки был в свое время белогвардейским офицером, то эта его психология отразилась частично в его стихах, и, возвращаясь на Родину, я предпочел не брать ее с собой, о чем теперь сожалею. В памяти у меня осталось лишь два стихотворения. Первое посвящено сестрам милосердия во время войны 1914 г., трудившимся на фронте, и раненым воинам.

НАРЦИССЫ И ТЮЛЬПАНЫ

Белые нарциссы, красные тюльпаны,

Символ ваш сокрытый — кровь и чистота.

Белая повязка, пурпур алой раны,

Смерть — и жизни трепет, мука — и мечта.

Там, за рамой дальней жизненной кулисы,

Льется кровь рекою в стычках и боях.

Красные тюльпаны, белые нарциссы

Там растут повсюду на родных полях.

Второе, написанное уже в эмиграции, конечно, тоже отражает настроение этого благородного и честного человека, в силу своего воспитания не понявшего, что перелистывается страница истории и наступает новая эпоха.

Как зов иль стон

Со всех сторон

Несется он,

Великопостный перезвон

Родных церквей...

Души печаль

С ним рвется вдаль,

В простор полей.

К лесным холмам,

К родным снегам

И к прошлым снам!..

В дворы усадьб, под кровли хат,

В сосновый бор, в заглохший сад,

В забытый дом...

Все близко там, все нас зовет —

И кладбищ тишь... и храма свод,

Где свечи белые горят,

Где озаряет блеск лампад

Оклад икон...

В чужой земле, бредя во мгле,

Мы жадно слушаем, как стон,

Великопостный перезвон.

Зовет он вдаль,

И сердцу жаль

Родной земли, родных полей!..

Тот звон твердит душе больной:

«Не плачь, не мучься, Бог с тобой...

Страдает Русь в цепях невзгод...

То — пост души, но он пройдет.

Всю тяжесть общего Креста

Неси и ты! И вновь очам

Предстанет Русский Храм!

Великопостный перезвон

Свой сменит он

На мощный зов!

Пасхальный звон колоколов

Тогда он бросит в свод небес,

Помчится счастья песня ввысь:

— Тяжелый гнет цепей исчез!

Воскресла Русь! Христос воскрес! —

Жди, верный... Сильным будь!

Молись!»

Мне было очень приятно, когда во время одной радиопередачи, посвященной Суворинскому (Малому) театру Петрограда и переданной по нашему Московскому радио, среди старых корифеев было упомянуто с благодарностью и имя Дины Никитичны Кировой, о чем я ей сразу написал в Ст. Женевьев де Буа, где она доживает свой век вблизи от могилы своего мужа, поджидающего ее. Она была очень тронута тем, что ее, несмотря на все, еще помнят на Родине.

Генерал Иллиодор Горленко

† 13.10.1933 г.

Мария Ивановна Долина-Горленко

† 2.12.1919 г.

Среди моих близких знакомых в Париже была некая Мария Иллиодоровна Орлова, урожденная Горленко, по первому браку Коломнина. Как и Анна Феликсовна Воронко, она была посредницей среди антикваров. Ее отец, генерал Горленко, был потомком Святителя Иоасафа Белгородского (Горленко), а ее мачеха была известная в свое время артистка Мариинского театра Петербурга, Мария Ивановна Долина.

С Марией Иллиодоровной я познакомился по деловым вопросам. Когда наступали для нашей семьи трудные минуты, она помогала нам продать то немногое, что оказалось с нами в Париже, — серебряную вазу, привезенную отцом из Китая, нашейный орден Святой Анны с мечами, полученный моим отцом за Моонзундскую операцию в конце первой мировой войны, и даже обручальное кольцо моей мамы, которое я, сняв с ее пальца, привез после ее смерти отцу в Париж. Мария Иллиодоровна всегда шла навстречу и устраивала мои дела в этом отношении

самым выгодным для меня образом. Позднее, уже во время войны, она откупала у немецких офицеров церковную утварь, и я, собирая деньги среди людей, покупал через нее чаши, дискосы, кадильницы и прочую утварь, явно вывезенную немцами из наших русских храмов из оккупированных ими городов и сел. Семья Горленко оказалась в Париже раньше большинства эмиграции, уже не знаю, по каким причинам. Мария Иллиодоровна была первым браком замужем за Дмитрием Коломниным, внуком известного издателя Суворина (сын дочери Суворина). От этого брака у Марии Иллиодоровны была дочка Александра. В 1919 г. эта девочка заболела, кажется, дифтеритом и умерла. Ухаживавшая за нею бабушка Мария Ивановна Долина заразилась и тоже умерла через неделю (девочка 25.11.1919, а Мария Ивановна — 2.12.). Это было еще самое начало эмиграции.

Русских в Париже было мало, и еще бытовало мнение, что скверный анекдот скоро окончится, большевиков выгонят, и мы вернемся домой... С такими настроениями генерал Горленко положил тела своих близких — жены и внучки в металлические гробы и поставил их в свободное помещение под собором на ул. Дарю, в глубине нижнего храма. В это время церковь, бывшая посольская, и ранее бывшая на содержании посольства, очутилась, так сказать, на «самообеспечении». Доходов поначалу не хватало, и принять гробы за известную мзду до падения большевиков было удобно для уравновешивания церковного бюджета. Когда в 1933 г. 13 октября умер сам генерал, то металлический гроб с его телом был поставлен дочерью рядом с остальными двумя. И вот в ноябре 1942 г., убедившись, что «временное» оказалось вечным, Мария Иллиодоровна решила перевезти прах своих близких на кладбище в Ст. Женевьев, что мы и сделали. Металлические гробы из собора были перевезены на наше кладбище. Над ними А. Н. Бенуа соорудил большой памятник в русском стиле с иконой Святителя Иоасафа Белгородского, дальнего предка погребенных.

Я не знаю, где и как проходила служба генерала Горленко, но зато имя Марии Ивановны

Долиной известно каждому, кто хоть немного имел дело с театральной жизнью Петербурга в конце XIX и начале XX веков. Одна из ведущих артисток Мариинского театра, прекрасная Ольга в «Евгении Онегине», княгиня в «Русалке», исполнительница мужских ролей — Ратмира, Вани из «Сусанина», Изяслава в «Рогнеде», Зибеля в «Фаусте», Леля в «Снегурочке»... О ее творчестве написал целую главу мой дядя Эдуард Старк (Зигфрид) в своей книге «Петербургская сцена и ее мастера», издательство «Искусство», Л.-М., 1940 г.

Граф Владимир Николаевич Коковцев

† 29.01.1943 г.

Приходя в 20—30-е годы нашего века в кафедральный собор на ул. Дарю в Париже, всегда можно было увидать слева два стула, стоящие приблизительно в центре собора, и за ними стоящих аккуратного старичка небольшого роста, всегда подтянутого, по-своему элегантного, и рядом с ним тоже невысокую, но полноватую супругу. Это были граф Владимир Николаевич Коковцев, бывший премьер-министр Российской Империи и его жена, Анна Феодоровна, урожденная Оом. Приехав в Париж и имея большие связи с французскими промышленными кругами со времени своего премьерства, он устроился членом правления в каком-то банке или обществе и жил безбедно. Он играл большую, хотя часто и неофициальную роль в эмигрантском обществе, был членом церковного совета при Соборе, членом Епархиального совета и оказывал большое влияние на церковную жизнь эмиграции. Владыко Евлогий очень прислушивался к его советам, так же, как прислушивались к нему, м. б., по старой памяти, и многие французские политические деятели: Пуанкаре, Тардье, маршалы Фош и Жоффр. Думаю, что В. Н. Коковцев много делал для правового упорядочения положения эмигрантов. Между прочим, он очень настаивал, чтобы Владыко Евлогий уехал перед входом немцев в Париж, но тут Владыко проявил твердость, и машина, уже поданная к собору, уехала без него. Последнее время он уже не появлялся на людях, будучи больным. К нему пригласили сиделкой опытную сестру милосердия Петроградской Крестовоздвиженской общины Александру Евгеньевну Паршову, которая позднее ухаживала за Владыкой Евлогием до конца его дней. Позднее А. Е. Паршова вернулась в Союз, жила в Одессе, и по решению наших властей ей была присуждена пенсия, причем, в рабочий стаж были включены, как годы работы до революции, так и годы работы в Одессе по возвращении на Родину, а также и годы, проработанные за рубежом, в том числе и время обслуживания Митрополита Евлогия и графа В. Н. Коковцева.

Похоронили В. Н. Коковцева в склепе под церковью на кладбище, где погребен и митрополит Евлогий, а его вдова переселилась в Русский Дом, где и умерла через несколько лет. Не помню, были ли у нее сыновья, но помню, что была дочка, которая очень неосторожно себя афишировала с немецкими офицерами во время оккупации. Когда немцы были изгнаны, то первое время происходили некоторые эксцессы: тех, кто сотрудничал с немцами, арестовывали, женщин брили наголо и выставляли на публичный позор. Среди них оказалась и дочка графа В. Н. Коковцева. Ее тоже обрили и выставили у окна мэрии в Нейи, где она жила. Впрочем, скоро был наведен порядок, и такие эксцессы были прекращены.

Антонина Струве † 26.05.1943 г.

Жена известного политического деятеля и журналиста Петра Бернгардовича Струве... В свое время известный марксист, соратник В. И. Ленина, он позднее разошелся с марксистскими кругами и стал одним из представителей русского религиозного ренессанса вместе с Булгаковым, Бердяевым, Франком... Помню, когда я стоял над свежей могилой покойной его супруги, около меня возвышалась массивная фигура Петра Бернгардовича с копной седых волос и длинной седой бородой. Такой пророк или мыслитель, вышедший из-под резца Микель Анджело. Что-то в нем напоминало Владимира Соловьева или Рабиндраната Тагора. Один из его пяти сыновей, Константин, вместе со мной в один день был пострижен в чтецы (он был студентом Богословского института), потом он окончил жизнь в сане архимандрита в Прикарпатье уже после оккупации его советскими войсками. Второй сын, Алексей, был книголюбом и жил на

перепродажу книг. Перед моим отъездом на Родину он купил большую часть моей библиотеки. Третий сын, Арсений, был иподиаконом и секретарем епископа Сергия (Королева) в Праге и там, кажется, умер. Было еще два сына, Лев и Глеб. Не помню, кто из них был на похоронах матери, т. к. мое внимание было сконцентрировано на отце. В эмиграции он играл большую роль, был издателем «правой» газеты «Возрождение», которая все время полемизировала с «левыми» газетами — «Последние Новости», которые издавал Павел Николаевич Милюков и «Дни», которая просуществовала, впрочем, недолго. Ее редактором и издателем был Александр Федорович Керенский.

Вера Рябушинская † 5.06.1943 г.

Жена одного из известнейших и богатейших москвичей. Муж покойной — Владимир Петрович — человек необычный. Старообрядец, очень строгий уставщик. Человек очень образованный, председатель общества «Икона» (в иконографии он был знаток, не зная себе равных), но ходил он всегда в поддевке и зипуне. Большая борода, через плечо — сумка, в которой носил книги. Вид у него был такой, что его как-то швейцар не пропустил на собрание, где он должен был председательствовать. Хотя он был старообрядцем, но, поскольку жена была православная, он часто служил панихиды. Зная его «уставность», я всегда старался служить как можно подробней, вычитывая и выпевая то, что обычно на панихиде пропускается... Он всегда очень вежливо благодарил, и, когда я отходил, он вынимал требник и «вычитывал» все, что все-таки, ему казалось, я пропустил. К нам, священникам, относился всегда с великим почтением, но ко всякой живописи, вернее, иконописи «послениконовского» периода был непримирим и, глядя на творения А. Н. Бенуа, предпочитал вежливо отмалчиваться.

Василий Остроградский

† 20.01.1931 г.

и младенец Грежбин-Яновский

† 19.02.1943 г.

Как-то раз ко мне обратилась весьма престарелая вдова профессора Остроградского с просьбой перевезти прах ее мужа из Парижа на наше кладбище. Он умер уже 11 лет тому назад, сама она готовилась к смерти в силу своего преклонного возраста и хотела, пока голова еще свежая, все сделать для покойного мужа и на случай своей смерти. Это было время оккупации, и бензин для перевоза покойников давали неохотно, но она не стеснялась с деньгами, а, может быть, имела какие-нибудь связи. В общем, разрешение было получено. Тогда ко мне обратился представитель похоронного бюро, мой обычный «сотрудник», милейший бельгиец мосье Бюффе с такой просьбой: «Спросите вдову, не будет ли она возражать, если в тот же фургон мы поставим гробик маленького мальчика, который умер, не успев почти и родиться». Конечно, вдова Остроградского дала согласие, и мы поехали. Рядом со мной сидели с одной стороны — старая вдова, уже 11 лет тому назад пережившая свое горе и теперь ждущая терпеливо своего часа, а с другой стороны — молодой отец и еще совсем не старая бабушка — мать матери. С таким волнением ждали они рождение этого первенца, и вот, он родился мертвым или умер сразу после рождения. Их скорбь разрывала сердце... Покойному Остроградскому не пожалели денег для почетной встречи. Был заказан колокольный звон, полный хор для совершения литии. Мы внесли гроб старца, под звуки колоколов совершили литию с полным хором, а потом ко мне подошли отец и бабушка младенца и сказали: «Батюшка, совершите какую-нибудь службу на нашей могилке...» В их облике и словах было столько горя, свежего, невыплаканного, и рядом со спокойствием давно пережитого горя это было так страшно... Но, с другой стороны, младенец был не только не крещенный, но, даже не было уверенности, что он родился живым... Что делать? Я, быстро подумав, сказал родным: «Сегодня Вашего безгрешного младенца встречают все его предки... помолимся о них!» и отслужил литию о всех, от века почивших сродниках новопреставленного младенца. Все же этот выход дал какое-то удовлетворение родным, видимо не слишком сильным в тонкостях богослужения.

София Ивановна Духовская

† 22.06.1943 г.

Бабушка моего родственника Жени Духовского, раздавленного американскими военными в первые дни освобождения Парижа от немцев, старушка София Ивановна, жила у нас в Русском Доме и была почти полностью глухой. Эта глухота делала ее еще более одинокой, т. к. общаться с окружающими ей делалось все труднее и труднее. Она очень любила мои посещения, хотя говорить с ней было чрезвычайно трудно из-за ее глухоты. Помню, один раз пришел к ней, а она взволнована, огорчена чем-то... «Батюшка! Помолитесь, чтобы мне поскорее умереть!» И это с такой тоской. «Зачем же Вам умирать, София Ивановна? Сейчас война, тяготы, а Вы живете в тепле, за Вами уход, каждый день кормят... На что же Вы жалуетесь?» «А, вот, уборщица все форточку открывает! Я же простудиться могу, насморк подхвачу». Это было так комично: просить смерти, чтобы не схватить насморка. Когда я ее вспоминаю, то помнятся не столько хорошие качества этой достойной старушки, а этот наш разговор, видимо, последний. Вскоре она умерла, так и не простудившись.

Надежда Краснова † 22.06.1943 г.

Покойная Надежда Краснова, которую я не знал при ее жизни, была жена полковника Семена Краснова, лейб-казака, племянника известного генерала Петра Николаевича Краснова. На ее похоронах и потом на частых панихидах, которые он служил на могиле жены, он был в форме немецкого полковника (позднее, кажется, немцы дали ему чин генерала). Для меня в той ситуации это был убитый горем муж, и в разговоре после панихиды мы никогда не касались вопросов политики. Мое отношение к его форме он, очевидно, понимал. Но должен отметить, что никогда он не приходил ко мне в Русский Дом, где я жил, а когда нуждался во мне для служения панихиды, то вызывал меня по телефону. Не приходил он и к своему старому сослуживцу, настроенному скорее германофильски и жившему тоже в Ст. Женевьев. Как-то раз он обмолвился: «Не захожу сам, т. к. мы уйдем, а Вы останетесь». Не желал нас компрометировать общением с немецким офицером. По моим сведениям, он был потом выдан Советскому Союзу вместе со своим дядей-генералом, и оба были приговорены к смертной казни. Пытались они оба скрыться в нейтральной Швейцарии после разгрома гитлеровцев.

Вера Трефилова † 11.07.1943 г.

Ведущая балерина Мариинского театра в Петрограде, блиставшая там наряду с Анной Павловой, Тамарой Карсавиной, М. Ф. Кшесинской... Ее гроб привезли после отпевания, совершенного в Париже, и мне надлежало совершить у открытой могилы заупокойную литию и предать тело земле. Я знал, что она известная балерина...

Никогда ее не видал, ни на сцене, ни в жизни. Но знал, что она, подобно другим своим коллегам по сцене имела частную студию и занималась с маленькими девочками, стремящимися к балетной будущности. Но вот тут, стоя перед ее закрытым гробом, я вдруг почувствовал неожиданно такой прилив какой-то благодати, ощутил такое возношение духа, что служил привычную литию, несясь как на крыльях. Позднее я узнал, что она вела последние годы своей жизни буквально подвижнически. Каждое утро, до своей работы, ходила к ранней литургии и там, в уголке, молилась со слезами... Никто не может проникнуть в тайну чужой души, но, узнав это, я понял то необъяснимое чувство, которое ощущал у ее гроба и навсегда сохранил о ней память не только как о великой балерине (с чужих слов), но и как о великой праведнице.

Зоя Карловна Старк † 22.09.1935 г.

Сестра моего отца, старше его, тетя Зоя была старой девицей. В Тифлисском институте для благородных девиц она трудилась как воспитательница и даже, кажется, как инспектриса, после

эвакуации жила во Франции, одно время с нами, давая нам уроки французского языка. Когда все мы уже стали на ноги, она переехала в обитель «Нечаянной Радости» — приют для девочек, в большинстве — сирот, возглавляемый игуменией Евгенией Митрофановой, в свое время до революции большой общественной деятельницей. Тетя Зоя всю свою жизнь отличалась большой религиозностью, а, поступив в обитель, хотя и не приняла пострига, но носила монашеское одеяние и фактически вела образ жизни монахини, причем, в особо трудных условиях, так как матушка Евгения — игуменья — была известна как человек очень суровый и требовательный и к себе, и ко всем своим сотрудникам.

К 70 годам тетя заболела общим туберкулезом и уже не могла жить ни в обители, ни у моего отца, который жил с моей сестрой в двух маленьких комнатках. Я в это время жил в провинции, имел казенный дом в три этажа. На верхнем этаже была устроена домовая церковь. Мы смогли выделить ей отдельную комнату и договориться с одной одинокой сестрой милосердия, старушкой, которая согласилась быть сиделкой при больной, т. к. на руках жены был весь дом и двое малых детей. Постепенно она угасала. Надо сказать, что наше материальное положение было более чем трудным. Отец мой работал шофером такси и как раз в это время был безработным, т. к. ни одна компания не брала такого пожилого шофера. Так что даже позвать врача нам было не под силу. Раза два из Ст. Женевьев де Буа приезжал на велосипеде наш друг отец Лев Липеровский, в прошлом земский врач, а в остальном полагались на Волю Божию. Один раз состояние Зои Карловны было так плохо, что мне казалось, что уже наступила смерть: пульс исчез, дыхание прекратилось, лицо постепенно стало белеть... Так мы просидели около нее сколько-то времени, сколько — не берусь сказать. Я хотел уж закрыть ей глаза, но вдруг она слабо вздохнула, потом шевельнула глазами, и постепенно жизнь стала к ней возвращаться. Это было дней за 10 до ее смерти. Вечером она нам рассказала, что сама ощущала, что умирает и как бы уже вышла из своего тела и смотрела на него откуда-то сверху. Видела нас, слышала наши разговоры о том, что смерть уже, видимо, наступила, и сама была убеждена, что это так и есть. Потом вдруг ей послышался как бы голос: «Еще рано!» и стремглав она как бы полетела вниз. Ощущение, как во время спуска на скоростном лифте. После этого она вздохнула и пошевелила глазами. Перед смертью отец Лев приезжал и причастил ее. Наше материальное положение было в тот момент так плохо, что мы реально не знали, как ее похороним по самому дешевому тарифу на местном деревенском кладбище. В этот день мой отец поехал в Париж, чтобы известить о ее кончине свою другую сестру. Когда он вернулся, то сообщил мне, что накануне был тираж Национальной лотереи, на которую у него был билет, и что этот билет выиграл ровно столько, сколько было надо для похорон. Приехал из Парижа наш друг архимандрит Никон, отпели на дому и потом дошли до близлежащего кладбища, где была выкопана могила, которую мы имели право занимать 10 лет.

Прошли года, и вот, в 1943 г., т. е. через 8 лет после смерти тети Зои, как я уже писал выше, я стал собирать со всех кладбищ прах своих родных и перевозить их на наше Русское кладбище. К этому времени наш бюджет несколько уравновесился, а хозяин бюро похоронных процессий, милейший бельгиец месье Бюффэ, которого я часто рекомендовал своим компатриотам и который считал себя мне обязанным и всегда помогал мне, безвозмездно предоставляя свой фургон и беря за гробы самую низкую плату, когда это касалось моей семьи или какого-нибудь моего благотворительного мероприятия. Так как в момент похорон мы купили гроб самого дешевого качества, могила была неглубокая. Прошло 8 лет, так что были все основания считать, что тело уже вернулось в землю, и остались одни кости. Поэтому мы, как и обычно, взяли маленький гробик, чтобы в него собрать косточки. Велико же было наше недоумение, когда открыв полуистлевший гроб, мы обнаружили, что верхняя часть тела представляет собой чистые кости. Череп лежит аккуратно в монашеском апостольнике, а часть тела ниже талии осталась абсолютно нетронутой. Юбка, чулки, туфли, которые я сам когда-то надевал на нее, наполнены совершенно нетронутой плотью. Пришлось срочно ехать в соседний город и в тамошнем бюро похоронных процессий покупать другой гроб, почти что нормальной величины. В недоумении мы с месье Бюффэ спросили могильщика, часто ли у них бывают такие явления. Может быть, свойство почвы способствует мумифицированию тел? Но сторож ответил, что за 30 лет своей работы на этом кладбище он только раз встретился с таким явлением, когда выкапывал тела двух

работы на этом кладбище он только раз встретился с таким явлением, когда выкапывал тела двух католических монахинь! Привожу всю эту удивительную цепь событий: умирание прежде смерти, выигрыш в нужную минуту необходимой суммы денег на похороны и затем частичное нетление тела, как живой свидетель, не стараясь объяснить это логически... Для верующего человека и так все понятно!

Владимир Олонгрен † 4.08.1943 г.

Владимир Олонгрен был офицер, не помню, какого полка, кажется, в чине полковника. Пробыл он у нас в Русском Доме сравнительно недолго, и я очень жалею, что не смог с ним побольше поговорить. Особенность этого человека была следующая: его мать в свое время пригласили в воспитательницы к молодым детям Императора Александра III, и она жила в Аничковом дворце вместе со своими Высокими Воспитанниками, но одновременно и со своими детьми. Их, кажется, было двое. Кроме Володи, была, как мне кажется, еще девочка. Я уж не помню, почему выбор Александра III остановился на ней. Она была вдова, кажется, окончила Смольный институт и, возможно, что ее порекомендовала директриса этого высшего учебного заведения для благородных девиц, бывшая близко к Государыне Императрице Марии Федоровне.

В. Олонгрен много рассказывал о простом быте этой семьи, очень дружной, и в своем Аничковом дворце жившей вдали от роскоши и протокола Зимнего Дворца Александра II. Как мне кажется, мать Олонгрена призвали к ее почетному делу, когда Александр III был еще наследником. Когда Державный товарищ его детских игр стал сперва Наследником, а потом Императором, конечно, образовалось пространство между Ним и Владимиром, но при встречах всегда Николай II с нежностью вспоминал и свое детство, и свою воспитательницу — мать моего собеседника.

Мне особенно запомнился один незначительный случай: приближалась Пасха, и, чтобы развлечь своих воспитанников, госпожа Олонгрен по совету старой няньки решила организовать крашение пасхальных яиц при помощи луковой шелухи. В самый разгар работы, когда вся комната была пропитана ядовитым луковым запахом, внезапно вошел Александр III и с недоумением спросил, что здесь происходит. Когда ему объяснили, он сам с увлечением стал красить яйца таким образом вместе с детьми. В практике Двора это было новостью, а научившей старой няньке была пожалована теплая шаль. Как-то раз, будучи среди провожавших высочайший поезд, В. Олонгрен увидал, что стоящий у окна Николай II не может найти в кармане карандаш. Тогда Олонгрен быстро вынул из кармана свой и предложил Государю. Тот стал отказываться, говоря, что ему неудобно, и тогда неожиданно Олонгрен сказал: «Ну, в память детской дружбы!» Государь улыбнулся и сказал: «Ну, разве что так!» — и уехал с этим карандашом друга своих детских игр. Эти рассказы открывали новую сторону характера несчастного последнего Самодержца Российской Империи.

Граф Владимир Мусин-Пушкин

† 3.09.1943 г.

Когда началась Вторая Мировая война, то поначалу очень боялись, что Париж будет подвергаться бомбардировкам, как в конце Первой Мировой войны. Тем более, что авиация, только зарождавшаяся во время Первой войны, ко времени Второй стала одним из мощнейших и решающих военных факторов. На самом деле во время Второй мировой войны Париж и его ближайшие окрестности (не говорю о более отдаленных предместьях) подверглись бомбежке раз пять. Две сильные бомбардировки немецкой авиацией и потом, кажется, три в конце войны, к моменту немецкого отступления, уже от авиации английской и американской. Особо сильных последствий и разрушений эти бомбардировки не принесли, в особенности на фоне множества других городов, сильно пострадавших и даже почти полностью разрушенных. Во время одной из этих бомбардировок уже союзными летчиками и погиб граф Владимир Мусин-Пушкин. Он работал, кажется, в какой-то киностудии. Была объявлена боевая тревога, все бросились к убежищам, и на пороге этого убежища прямым попаданием и был убит этот наш

соотечественник, которого мне пришлось хоронить.

Великий Князь

Борис Владимирович

† 3.11.1943 г.

Вел. Кн. Борис Владимирович был третьим сыном Владимира Александровича, брата Императора Александра III, и, значит, двоюродным братом Императора Николая II. Его старший брат, Кирилл Владимирович в эмиграции объявил себя Главой Российского Императорского Дома, и некоторыми эмигрантами — монархистами-лигитимистами — титуловался Императором. Впрочем, этого титула за ним не признавало большинство царской семьи, проживавшей за границей во главе со вдовствующей Императрицей Марией Феодоровной. Перед Первой Мировой войной, кажется, в 1911 или 1912 г. Великий Князь был послан на коронацию Сиамского Короля как представитель Императора Николая II. Для этой цели был выделен крейсер «Аврора», ныне известный всему миру, на котором старшим офицером плавал мой отец. От него я много слышал всяких рассказов о Вел. Кн. Борисе. На память об этом совместном с ним путешествии на «Авроре» у меня хранится в кожаном футляре обеденный набор: ножик и вилка, на которых стоит рядом с папиной монограммой золотая роспись Великого Князя.

В эмиграции Вел. Кн. жил довольно незаметно, большей частью в Биарице, со своей женой, происходившей, как мне кажется, из артистической среды. Когда он умер, то его отпевание было чрезвычайно пышно обставлено. Служил митрополит со множеством духовенства (в свое время, живя под Парижем в Медоне, Великий Князь принял деятельное участие в постройке Медонского храма). Конечно, было множество народа, весь Высший Свет, еще оставшийся в живых. Под штатскими пиджаками угадывалась военная выправка бывших офицеров. Были и все, бывшие в это время в Париже, члены Императорской Семьи. На этих похоронах я видел впервые племянника покойного Великого Князя — Владимира Кирилловича, в это время

являвшегося главой Царской Семьи. На крышке гроба было установлено как бы окошечко, закрывавшееся дверцей с ключом. Сам гроб под деревом был металлическим. Предполагалось перевезти тело покойного в курортное местечко Контраксивиль во Франции, где была русская церковь, устроенная трудами и заботами матери Великой Княгини Марии Павловны, которая и погребена в склепе под этой церковью. Рядом с ней было уготовано место Вел. Кн. Борису, а пока его гроб поставили под церковью во временное помещение, о котором я уже ранее упоминал и откуда к этому времени было уже вывезено все его временное «население». В ожидании перевоза в Контраксивиль, жена Вел. Кн. приходила, просила кого-нибудь открыть окошко и иногда сама заглядывала на лицо умершего супруга. Как-то раз заметили, что по лицу покойного в запаянном гробу ползает муха. Пришлось распаять гроб, т. к. муха начала откладывать яички на веки усопшего. После этого гроб запаяли окончательно и дверцу заколотили наглухо. Вскоре гроб был увезен в Контраксивиль.

Младенец

Елисавета Сергеевна Посохова

† 30.01.1944 г.

Маленькая девочка, дочка моего родственника Сергея Посохова, умерла в возрасте одного или двух дней. Само по себе это грустное событие могло бы не запомниться, тем более, что у Сергея и его жены потом было двое детей, ныне уже взрослых, и двухдневный первенец уже, наверное, потускнел в их памяти.

У меня осталось одно трагикомическое воспоминание, связанное с этими похоронами. Обычно все требы, выполняемые нами, т. е. настоятелем и мною, вкладывались в одну церковную

кружку, которой ведал наш постоянный псаломщик, почтеннейший старец, капитан 2 ранга Сергей Петрович Доможиров, один из старейших моряков Парижа. Чрезвычайно богомольный, обладавший чудесным басом, старательный, тактичный... Он ведал этой общей кружкой и 1-го числа каждого месяца делил ее содержимое между нами, двумя священниками и двумя псаломщиками (другим был о. Иоанн Титов, о котором будет речь позднее). 2-го февраля мы похоронили мою маленькую родственницу, и ее отец Сережа чрезвычайно щедро оплатил клиру всю церковную церемонию. Сергей Петрович, забыв о моем родстве с Посоховым, говорит мне, оприходуя полученные деньги: «Как удачно мы начали этот месяц». Когда я ему заметил, что лично я этого не нахожу, т. к. хоронил свою маленькую родственницу, бедный Сергей Петрович ужасно сконфузился, так как от природы был человеком очень тактичным и деликатным.

Графиня

София Сергеевна Игнатьева

(урожденная княжна Мещерская)

† 27.02.1944 г.

Приходя на праздничные службы в собор на ул. Дарю перед войной, всегда можно было видеть старую женщину в черной наколке, одетую во все черное, как бы сошедшую со страниц журнала прошлого века, и поддерживающую ее под руки немолодую женщину, скромно одетую, слегка хромавшую и осторожно ведущую свою престарелую мать. Это была графиня София Сергеевна Игнатьева и ее дочь Ольга Алексеевна. Мать и сестра небезызвестного генерала Алексея Алексеевича. К моменту войны София Сергеевна уж не могла ходить в храм, а ее дочь переключила свою энергию на храм Клиши, настоятель которого, протоиерей Константин Забржицкий, жил вместе с семейством Игнатьевых, указанных Софией Сергеевной, Ольгой Алексеевной и ее братом Сергеем Алексеевичем.

Во время войны или незадолго до ее начала я сблизился с семейством Игнатьевых и, бывая в Париже, заходил к ним в их гостеприимный дом на ул. Мироменил. Старая графиня всегда сидела в кресле и вышивала крестиком, чаще всего покровцы в храм, причем, без очков, несмотря на возраст (умерла она, кажется, в возрасте 94 лет и до последнего времени работала без очков). Всегда в этом доме было полно народа. Кроме Ольги и Сергея — рубахи парня, бывшего лейб-гусара, бывал племянник Сергей Звягинцев, сын покойной сестры Екатерины, всегда был батюшка, отец Константин, очень любвеобильный пастырь, очень активный, несмотря на очень плохое здоровье. У него были застарелые язвы желудка. В прошлом артиллерийский капитан, он выехал с Добровольческой армией за границу, оставив на Родине семью — жену и дочку. Уже за границей он, ранее далеко стоявший от религии, принял священство и был очень любим своими прихожанами. Семейство Игнатьевых сперва подкармливало одинокого батюшку, а потом он и совсем перебрался к ним.

Часто бывал там и сын Великого Князя Андрея Владимировича с известной в свое время балериной М. Ф. Кшесинской, князь Владимир Андреевич Красинский, получивший этот «титул» от своего дяди Вел. Кн. Кирилла Владимировича. Его немного иронически называли «Вово де Рюси». Он был очень простой и общительный парень, совершенно не дававший оснований вспоминать о его особом положении. Бывали там и мои сотрудники по Успенской церкви Ст. Женевьев де Буа, ее староста археолог Владимир Николаевич Раевский и регент, бывший студент Сергиевского подворья, врач Александр Порфирьевич Жаворонков. Было всегда и еще много разного люда. Всегда было очень шумно, очень безалаберно, очень дружно и весело, а у окна сидела безмолвная, старая, как «Пиковая Дама», графиня София Сергеевна и вышивала свои покровцы. Один вопрос был «табу» в этом доме, это вопрос о старшем сыне Алексее Алексеевиче. Я не знаю, сочувствовали ли уже тогда члены семьи поступку Алексея Алексеевича, признавшего советское правительство и переехавшего перед войной в Москву, а ранее служившего в нашем советском торгпредстве. Думаю, что старой графине было нелегко

ранее служившего в нашем советском торгпредстве. Думаю, что старой графине было нелегко примириться с этим, а также с прощанием навсегда со своим первенцем.

После войны и Ольга, и Сергей взяли советские паспорта. Ольга вернулась на Родину, где трудилась в Костроме и где вскоре умерла от скоротечной чахотки, зачатки которой у нее намечались уже в Париже. Сергею выездной визы так и не дали, думаю не без помощи брата Алексея, который, зная добрейшего, но безалаберного Сергея, не видел его в условиях советской действительности сразу после окончания войны. В Париже у него был сын от его бывшей жены Екатерины Николаевны Рощиной-Инсаровой (известной драматической артистки, сестры Веры Пашенной). Думаю, что Алексей Алексеевич решил, что Сергею лучше будет кончать свою жизнь около сына в Париже, тем более, что он при слабом характере усвоил себе кое-какие гусарские привычки, которые могли ему помешать на Родине. Но все это было позднее, а в то время графиня София Сергеевна неуклонно заказывала в соборе 1-го марта панихиду по покойном убиенном Императоре Александре II. А к Александру III она относилась с пренебрежением, считая, что он своей простотой снизил высокое значение императорского сана, и, в общем, именно он, «Ваш хваленный Александр III» был главным виновником революции. Отпевали ее на ул. Дарю в соборе, а после отпевания было погребение у нас, на Русском кладбище. Время было военное, и в проповедях соблюдалась осторожность, но все же в надгробном слове было косвенно упомянуто о тяжелых переживаниях матери в связи с ее детьми, видимо, подразумевая судьбу Алексея Алексеевича и разлуку с ним.

Сразу после войны Ольга принесла мне только что полученную фотографию Алексея в генеральском мундире, а потом и первое издание его книги «50 лет в строю». Вернувшись на Родину и попав в Кострому, я Ольгу Алексеевну уже не застал, но побывал на ее могиле и на могиле отца Константина Забржицкого, не намного пережившего ее.

Генералы

Николай † 12.02.1941 г.

и Владимир † 6.08.1941 г.

Свидерские

В марте месяце 1944 г. к нам на кладбище перевезли из Парижа два гроба двух братьев, генералов Свидерских. Перевозил их сын одного из них. Мне сразу вспомнилось событие, происшедшее где-то в 1927 г.

Я с моим двоюродным братом учился в институте электротехники и механики. Учиться мне было очень трудно ввиду плохого знания французского языка, а учебников не было, лекции записывались и конспектировались, что мне трудно было делать. Я напрягал свои усилия на более важные предметы, как высшая математика, электротехника, имевшие больший коэффициент в ряде отметок, а на второстепенные у меня просто не оставалось времени и сил. Среди таких второстепенных предметов были термодинамика и курс вибрации. Честно говоря, я не только ничего не знал в этих предметах, но даже неясно себе представлял, что такое курс вибрации, вибрации — чего? Пришел я на экзамен, заранее зная, что не смогу ответить ни на один вопрос. Хотя у нас была 20-балльная система, но практически 17 был уж мало кому доступный потолок. Почему так повелось, сам не знаю. Отметка 16 была уже превосходной.

Вот сижу я мрачно в экзаменационной, ожидая своей очереди, своего провала, и смотрю, как один мой одноклассник у доски решает задачу, чисто математическую, но, видимо, имеющую отношение к данному предмету. Так как математику я любил, то смотрел не без удовольствия на логическое разворачивание математической загадки. В это время где-то за дверью грохнул, как мне показалось, взрыв. Я подумал, что в мастерской, расположенной под нами, разорвалась какая-нибудь машина. Принимавший экзамен наш инспектор месье Каппель, человек очень горячий и несдержанный, выскочил за дверь и заорал не своим голосом: «Несчастный! Что вы

наделали?» Мы выскочили вслед за ним и увидели лежащего на полу студента старшего класса Свидерского с револьвером в руке и истекающего кровью. Что же оказалось? Накануне были экзамены у старшеклассников. Свидерский что-то замялся с ответом и тогда, желая ему помочь, другой русский, Федя Бострем, сын адмирала, бросил ему шпаргалку. Месье Каппель заметил и разорался в свойственной ему несдержанной манере: «Ах! Эти русские! Ни в чем им нельзя верить, мы доверили наши деньги в их железные дороги, а они сделали революцию, а наши деньги пропали, потом вышли из войны, оставив нас, союзников, одних, и вот теперь — опять шпаргалка...», — после чего выгнал с экзаменов Свидерского и Бострема. Свидерский оскорбился не столько за себя, сколько за Россию, о которой столь непочтительно говорил инспектор, и счел уместным покончить с собой под его дверью. Вызвали скорую помощь, и я отвез его в близлежащий госпиталь. По счастью оказалось, что, желая попасть себе в сердце, Свидерский взял слишком влево и только пробил легкое. Его спасли, но больше я его не видел.

Результат для меня вышел неожиданный. Вернувшись в институт, я застал все еще не оправившегося экзаменатора, который сказал, что дальше экзаменовать не может, и отложил экзамен на неделю. Конечно, бессмысленно было в неделю рассчитывать что-то узнать, когда не знаешь даже, в чем суть предмета. И я эту неделю готовил другие экзамены, которые все же рассчитывал как-то сдать. Прихожу с чувством той же безнадежности. Тащу билет — и... о! чудо! Тот же вопрос, который передо мной решал мой товарищ. То есть, чисто математическая задача. А месье Каппель, глядя на меня поверх очков, говорит: «Опять эти русские!», как будто и от меня ждет чего-нибудь неожиданного. Я беру мел и на доске по памяти щелкаю решение этой задачи. Увидав мою прыть, а может быть, учитывая, что я русский, и боясь, что я тоже что-то выкину, мне поставили 19. Это кажется единственный случай за все время моего пребывания в институте. Все товарищи только рот раскрыли; а наш милейший директор, который любил русских, т. к. они во время той войны вызволили его из австрийского плена, увидав такой результат в моей зачетке, обвел цифру 19 красным карандашом и написал: «Вот — замечательный результат». А я получил эту отметку, так и не зная по сей день, что такое курс вибрации.

Все это мне вспомнилось в тот день, когда мой бывший однокашник перевозил гробы своего отца и дяди. После панихиды я с ним заговорил. Конечно, он меня не узнал и не ожидал видеть здесь, да еще в рясе. Больше я его не встречал, и воспоминание об этом случае из его молодости ему явно не доставило удовольствия.

Александра Ивановна Щепина

(урожденная Говорова)

† 1.04.1944 г.

Когда началась война, в конце 1939 г. в одном из флигелей Русского Дома в Ст. Женевьев де Буа устроили дом для детей, в котором поместили около 200 детей разного возраста, находившихся до этого в различных эмигрантских детских домах Парижа и привезенных родителями из Парижа из опасения бомбардировок столицы. Многие из детей, впрочем, вскоре выбыли, и осталось постоянно около 150. Во главе этого большого дома поставили Александру Ивановну Щепину — жену полковника Генерального штаба Г. В. Щепина. Александра Ивановна была педагогом Божией милостью. Я никогда не встречал человека, который так относился к детям, так умел подойти к каждому сотруднику, так умел сочетать строгую дисциплину с материнским отношением к своим подопечным. До этого времени она заведовала меньшим по размерам детским домом Красного Креста. Поначалу, когда и мы с женой стали сотрудничать в этом детском доме, жена, как воспитательница, а я — как священник и тоже, частично, как воспитатель, у нас был период недоверия. Мне казалось, что А. И. и все ее старые сотрудники недостаточно церковны, что роль религии в воспитании детей сводилась только к чтению утренних и вечерних молитв и раза два в году посещению священником для причащения детей. Думаю, так оно и было. Кроме того, поначалу меня путали с моим предшественником по

Думаю, так оно и было. Кроме того, пока шла речь о моем предшественнике по приходу Монруж, о котором у А. И. и ее старых сотрудников были не слишком лестные сведения. Все это выяснилось потом. Постепенно лед таял и мы с семейством Щепиных стали не только сотрудниками, но и очень близкими друзьями. Особенно это почувствовалось в дни болезни, а потом кончины нашего сына в феврале 1940 г. Постепенно мне удалось не только наладить еженедельное богослужение в одной из зал дома, но потом, когда нам выделили еще один дом для мальчиков, мне удалось получить одну из больших комнат для устройства постоянной церкви, и муж Александры Ивановны, Георгий Васильевич, стал регентом моего церковного хора. Через три года А. И. ушла со своего поста отчасти по болезни, отчасти из-за несогласия с некоторыми решениями одной из дам-патронесс, Софией Михайловной Зерновой (другой являлась директриса Русского Дома кн. В. К. Мещерская). Ее уход был большим уроном для детского дома и детей. После нее менялись несколько директрис, но ни одна заменить А. И. не смогла. Уйдя из Вильмуассона, Щепины жили сперва в местечке Озуар-ла Феррьер, куда мы с женой ездили на велосипедах раза два ее проведать, а потом купили домик в Ст. Женевьев де Буа, где А. И. и умерла, сохранив о себе светлую память и у сотрудников и у большинства детей.

Генерал Николай Гакен † 5.04.1944 г.

и Ольга Гакен † 19.04.1944 г.

Во втором этаже Русского Дома жила чета Гакен. Она уж давно лежала больной, а муж неизменно приходил в церковь с клетчатым пледом на плечах, как английский лорд. Они были чрезвычайно дружны, и, видя, как жена постепенно угасает, генерал заранее страдал, как он останется без жены. Их трогательная взаимная любовь напоминала старосветских помещиков. Я часто заходил к ним и по долгу своей службы, и еще потому, что в старое время они были очень близки с Ю. М. Шокальским, нашим знаменитым гидрографом и океанографом, который служил в Николаевской Морской Академии начальником гидрографического отделения академии, в которой в 20-х годах я трудился в роли рассыльного и каждый день приносил Ю. М. бумаги на подпись. Когда Ю. М. Шокальский приезжал в служебную командировку в Париж, он встречался с четой Гакенов, и у них на стене висела большая фотография, на которой они были сняты все втроем. Мы часто разговаривали, и это, как мне казалось, доставляло удовольствие и мне и им.

Как-то, когда больной старушке было особенно плохо, после моего посещения муж вышел в коридор и со слезами стал говорить мне, что вот она уже без сознания, скоро умрет, и он не видит, как может быть без нее. Я подбодрил его, как смог. На другое утро, приехав в Русский Дом, я увидел свет в покойницкой и спросил, кто умер. Мне ответили: «Гакен». Ну, этого можно было ждать, еще вчера она была так плоха... «Да нет! Умерла не она, а внезапно умер сам генерал...» Это было совершенно невероятно. Ничего, кроме подавленного состояния, не предвещало скорую смерть. Комната Гакенов находилась почти над самой домовой церковью, но старушка была без сознания и не слышала ни отпевания мужа, ни то, как его выносили из храма почти из-под ее окон. Так Господь пожалел этих достойных супругов и не дал фактически ни одному пережить другого. Лежат они в одной могиле.

Священник Дмитрий Клепинин

† 1944 г.

Где-то в мае 1944 г. мы совершили соборное заочное отпевание нашего друга — священника Дмитрия Клепинина. С этим человеком очень многое меня связывало. На Сергиев день 8 октября 1927 г. нас обоих, а также проф. Л. А. Зандера и Костю Струве на Сергиевском Подворье Владыко Евлогий поставил в чтецы. Когда мы жили в местечке Монжерон, и у нас на чердаке был устроен домовой храм, часто приезжал к нам служить архимандрит Никон и привозил с собой в качестве псаломщика Диму Клепинина, что нас подружило еще больше.

Приблизительно одновременно мы приняли сан диакона и затем священства и были очень близки. Затем он с женой Тамарой вошел в Свято-Троицкое братство, настоятелем которого выбрали

Знакомы с о. Димитрием Вошкиным с юных лет, с Сергиевского братства, настоятелем которого впоследствии стал меня после смерти основателя братства и его первого настоятеля Протоиерея Александра Калашникова. Мы оба были близки с отцом Никоном и вообще мы как-то очень симпатизировали друг другу. Но, конечно, он был гораздо образованнее меня, так как окончил Сергиевское Подворье и Институт, а, кроме того, и в церковной практике он разбирался гораздо лучше меня, долгое время будучи псаломщиком Подворья, а потом, служа в доме Матери Марии (Скобцовой), где службы были ежедневно. Как-то, я помню, мы были вместе на одном из религиозных съездов и выяснилось, что повседневную вечерню многие плохо знают, так как на приходах служат, в основном, всенощные бдения, под праздники. Он шутливо попрекнул нас: «Ах, вы, праздничные попы!» Запомнился мне очень один с ним разговор... Мы шли из церкви РСХД по улице Ольвье до Серр (РСХД — это Русское студенческое христианское движение, к которому до войны мы оба были очень близки); о. Дмитрий говорит мне: «Ты видишь, какие начинаются гонения на евреев? Еще нет того, что делается в Германии, но надо ждать, что и у нас будет нечто подобное, и мы заранее должны знать, что нам делать!» Мы оба были убеждены, что в случае нужды надо будет помогать евреям, как крещеным, так и некрещеным, но ищущим нашей помощи. Мне как живущему в Русском Доме Ст. Женевьев де Буа меньше было поводов и возможностей применить это намерение в жизнь (хотя и в Ст. Женевьев кое-что делалось в этом плане), а вот о. Дмитрий, живший в центре Парижа и служивший в церкви общежития «Православное Дело», основанного Матерью Марией, был в самой гуще событий и ему вместе с Матерью Марией пришлось не только много делать, чтобы спасать евреев во время оккупации, но и погибнуть за это.

Он был арестован вместе с Матерью Марией и ее молодым сыном Юрой, почти мальчиком, потом сослан и погиб в одном из лагерей. Я не знаю даже даты его кончины. Очевидцы, которые спаслись от смерти, но были с ним в лагере, говорили, что он всегда подбадривал остальных, служил в лагере литургию и причащал остальных своих соотечественников. На одном из допросов, еще до лагеря, его спросили, что он так старается ради жидов. Он, взяв свой наперсный крест в руки, спросил: «А об Этом Жиде вы слыхали?», за что был жестоко избит. Память об этом скромном праведнике для нас, его друзей, священна.

Елена Карпушко † 20.06.1944 г.

Очень близкий нам человек. Моя ровесница, учившаяся в том же классе, что и я, но в другой школе того же Васильевского острова Петрограда, выехавшая немного позднее, чем я, из России, она во многом была мне близка и понятна. Ее, как и меня, не удовлетворяли переживания эмиграции, так как нам все мерещились тени покинутой земли. Она тоже была членом братства Святой Троицы, и мы много и часто с ней беседовали. Она вышла замуж за хорошего человека, но несколько примитивного для ее очень тонкой внутренней структуры. Имела двоих сыновей, которых любила и хорошо воспитывала. Не знаю, под влиянием чего, может быть, под влиянием наследственности у нее стали все чаще и чаще появляться мысли о самоубийстве. Она делала несколько попыток, ее спасали, клали в специальные лечебницы, лечили разными способами. Ей становилось легче, но... потом недуг возвращался. Она мне говорила: «Ты понимаешь, самый ужас в чем? Ведь я — христианка, отчетливо понимаю, какой это грех, понимаю, что хочу оставить двух сирот, понимаю весь ужас того, что делаю... и в то же время ничего не могу с собой сделать. Когда эта мысль проскальзывает в мою душу, я чувствую себя совершенно беспомощной и знаю, что все равно никуда от этого не денусь». Муж принимал все меры, чтобы, взяв ее домой после очередного лечения в больнице, не оставлять ее одну. Но она, воспользовавшись тем, что он спустился в булочную купить хлеба, в один момент повесилась на люстре посреди комнаты. Эта трагическая смерть близкого человека, понимавшего, что делает с христианской точки зрения, и в то же время беспомощного перед тягой к непоправимому, не только потрясла меня, но и заставила пересмотреть мой взгляд на самоубийство вообще. Поэтому я не только очень рад, что получаю разрешение своих архиереев на заочное отпевание самоубийц, но и поминаю всех их за каждой литургией, так как знаю, что часто человек не волен в своих поступках, так сильна сила то ли зла, то ли болезни в нем. Но мы должны молитвенно помогать им в их загробной стезе.

Княгиня Ольга Щербатова

(урожденная графиня Строганова)

† 13.07.1944 г.

Среди пенсионеров Русского Дома выделялась эта независимая, очень высокая и худая старуха. Она была почти совсем глухой, и, не замечая, как громко она говорит, очень часто делала вслух высказывания, которые, конечно, не стала бы говорить громко, будучи человеком воспитанным и деликатным. Я помню, как один раз она на всю столовую почти прокричала, обращаясь к молодой француженке, княгине Мещерской, вдове Никиты, конечно, говоря на французском языке: «Почему твоя свекровь так упрямо поет в хоре? у нее же нет слуха!» Действительно, директриса дома, Вера Кирилловна, очень любившая пение и всегда певшая в церковном хоре альтом, имела неважный слух и частенько детонировала, но ей, как начальству, никто не хотел этого говорить, а княгиня Щербатова нашла нужным конфиденциально, но на всю залу отметить этот вопрос, обращаясь к невестке старой княгини. Помню как-то раз в первое время она попросила меня прийти к ней в комнату на следующий день, чтобы ее причастить... «Одновременно причастите и мою девушку». Я решил, что к ней приедет внучка или еще какая-нибудь девушка из Парижа, которая почему-то не хочет причащаться в храме. Когда я пришел к ней на следующий день, то кроме нее нашел еще более старую старушку — это и была ее «девушка», чуть ли не со времени освобождения крестьян. Когда я прочитал им молитвы и как мог что-то сказал двум полуглухим старушкам, то хотел сперва причастить стоявшую ближе ко мне «девушку». Увидев это, старая «барыня» сказала властным голосом: «После меня!», и это не было гордостью, так как, несмотря на свою независимость, к которой с детства привыкла наследница одного из самых огромных состояний России, она была скромна и деликатна. Просто это было врожденное, как бы в крови находящееся чувство этикета и чинопочитания. Когда «девушка» умерла, то «барыня» искренне плакала и убивалась. Бывая в Ленинграде и проходя по Невскому проспекту на углу Мойки мимо знаменитого Строгановского дворца, я всегда вспоминаю мою старушку из Русского Дома, детство которой протекло в этих, ставших музейными, стенах.

Санаторий Шанрозэ

и Шанкей

Сейчас мне хочется вспомнить еще одну страницу моей пастырской деятельности во время войны и сразу после ее окончания. После смерти протоиерея Михаила Черткова, удивительного пастыря, очень много сделавшего для русских больных, находящихся во французских госпиталях и санаториях, мне было поручено Владыкой Евлогием обслуживание двух санаториев, находившихся сравнительно недалеко от Ст. Женевьев де Буа, Шанрозэ приблизительно в 25—30 километрах и Шанкей — километров за 60 от моего дома. В чем заключалась моя работа там? Прежде всего, я регулярно, раз в два месяца, ездил туда просто, чтобы навестить наших русских. В каждом санатории было около 600 человек и среди них от 15 до 25 русских, самых разных слоев общества, разных по культуре, по религиозным признакам. Были среди них и магометане — татары, был и один еврей. Были и офицеры, и простые казаки. Я приезжал к ним, разговаривал обо всем понемногу. Делал это, чтобы они себя не чувствовали заброшенными. Привозил им скромные посылочки, в составлении которых мне помогали мои добродетели А. Ф. Воронко, М. И. Орлова и другие более состоятельные дамы, а также мои сотрудники по детскому дому. В дни Рождества и Пасхи я старался им привезти праздничные посылки. Дома жена пекла маленькие куличики, красили яйца, что в условиях оккупации было не так-то легко, но добрые люди помогали, а Бог благословлял. Кроме того, старался привезти то, что каждому хотелось: кому бумагу для писем, кому лезвие для бритвы, кому семян для разбитого под окнами огородика.

Но, конечно, самое главное было то, что я причащал тех, кто хотел. Святыми Тайнами как во

Но, конечно, самое главное было то, что я причащал тех, кто хотел, Святыми Тайнами как во время моих обычных приездов, так и в случае острой нужды, для чего меня по телефону вызывал бывший в каждом из двух санаториев как бы староста группы. Когда мои подопечные умирали, меня также извещали, и я приезжал, чтобы их отпеть. Ездить приходилось на велосипеде, т. к. во время войны все дальние автобусы почти не ходили, а мне, приехав, приходилось провести там весь день. Вначале поездки проходили благополучно, но под конец стали выходить из строя шины и камеры, а чтобы получить новые, надо было ждать в очереди и получить специально разрешение в мэрии. Один русский умелец изобрел способ — вместо шины и камеры вокруг обода колеса были натянуты два обруча, а между ними, вокруг всего колеса вставлены маленькие пружины, как на диванных матрасах, и так можно было как-то ехать, правда треск был, как от мотоцикла.

В течение почти года я ездил таким образом, но потом сломалась одна пружина, велосипед стало трясти, от чего посыпались одна за другой и другие пружины. Но за это время подошла моя очередь получить шину в магазине. Раньше в случае смерти бездомных больных, их не хоронили, а отсылали в анатомический музей на вскрытие и материал для опытов. Мой предшественник добился того, что в случае смерти каждого русского, его извещали, и если не было родных у покойного, чтобы заплатить 60 или 70 франков, то он их выплачивал из своих средств или из средств, получаемых от благотворителей. Мне было уже легче. Но я добился и другого. За небольшую мзду санитары не просто клали совершенно обнаженный труп поверх груды опилок и стружек, оставшихся от изготовления гроба, как это я увидел, приехав впервые, но стали прикрывать простыней или марлей, а то и одевать в какую-то одежду. По закону, все, что оставалось после больных-одиночек, шло на пользу санатория или больных (впрочем, редких), которые, выздоровев, покидали санаторий. Таким образом, я ездил несколько лет в эти два санатория. Уже после войны мне показалось, что лучше не просто причащать больных по их комнатам и палатам, а в праздники Рождества и Пасхи служить им Литургию, Пасхальную заутреню, чтобы дать им большее духовное удовлетворение. Администрация обоих санаториев пошла мне навстречу, тем более, что в каждом санатории имелся католический храм, где регулярно служились литургии и где служил аббат, удовлетворяющий духовные нужды больных католиков. Мне было предложено служить... в комнате для игр, т. е. в комнате, где обычно в свободное время ходячие больные играют в шашки, карты, где на стенах висят различные плакаты, а сама комната пропитана табачным дымом. Конечно, этот выход меня не устроил, и я пошел к двум кюре-настоятелям, прося их разрешить мне служить в католическом храме, но не на их Престоле, или в ризнице, или поставив столик перед их Престолом. Санаторий Шанрозэ обслуживал очень грамотный бенедиктинский монах, очень ученый и вообще, как все бенедиктинцы, близкий православию. Он с радостью дал мне разрешение, предложил даже свой Престол (что я отклонил под предлогом того, что их Престол стоит у стены, а мне надо совершить каждение вокруг Престола), попросил только для формы написать Версальскому архиерею, который ведал всеми церквями епархии департамента Сены и Уазы.

Хуже было с Шанкей. Там священствовал кюрэ совсем старый, место было глухое, вдали от дорог, и, видимо, поэтому туда направили этого очень уж немудрящего батюшку. Он переполошился вовсю. Он ничего не слыхал о православии: «А вы в Христа верите? А в Богородицу? А знаете ли, что такое Евангелие?» Не знаю, как долго продолжался бы мой с ним диалог (я, конечно, мог обратиться прямо к Версальскому архиепископу, но не хотел подводить простоватого батюшку). На мое счастье, в санаторий приехал католический священник-униат, отец Владимир Рожко. Он был русского происхождения. Его мать, Мария Александровна, приняла католичество еще в России (кажется, она была по первому или второму браку Дивен). Она много занималась благотворительностью, и, видимо, по ее просьбе сын-священник приехал в Шанкей. Он разъяснил испуганному кюрэ, кто мы, и что, если я буду служить, он сочтет за честь подавать мне кадило. После этого мой деревенский батюшка успокоился, и я стал совершать литургии в обоих моих санаториях и храмах, ставя маленький столик перед католическим Престолом, а на него антиминс. Осенью 1978 г. в Ярославль приехал католический батюшка, отец Всеволод Рожко. Он оказался братом того отца Владимира, и я ему рассказал, как благодарен его брату за поддержку в ту минуту. Попросил передать ему мой привет.

Оказывается, о. Владимир Рожко сейчас в Ватикане ожидает епископской хиротонии.

За время обслуживания этих двух санаториев там перебывало много русских. Часть умирала, часть переводилась в другие санатории, меньшая часть выходила на волю, выздоровев, или, во всяком случае, находясь в стадии уже заметного улучшения. По окончании войны, когда наладился общественный транспорт, я смог уже ездить на автобусах и тогда брал с собой мой девичий квартет, чтобы петь Пасхальные службы и Литургии. Я считаю, что для девочек тоже полезно ближе познакомиться с человеческим горем и страданиями. За время моего обслуживания этих двух лечебниц мною было похоронено там около 30 человек, и некоторые из них остались в памяти. Был среди них очень милый Николай Надеждин. Он работал библиотекарем в больничной библиотеке, вернее переплетал книги для библиотеки. Каждый раз я привозил ему для прочтения русские книги и Журнал Московской Патриархии и всегда он мне их возвращал хорошо переплетенными. Умер он уже после моего возвращения на Родину.

Помню Михаила Константиновича Омельяновича, с которым очень много и очень интересно беседовал. У него была жена, и она привезла тело мужа к нам в Успенскую церковь для отпевания и потом похоронила на нашем кладбище. Она часто приезжала на могилу мужа, а когда болезнь свалила и ее, то я при всяком удобном случае, бывая в Париже, заезжал к ней и к Мозжухиным, живущим близ нее в Аньере, чтобы навестить и подбодрить. Уже будучи на Родине, мы с ней переписывались до самой ее смерти.

Был художник Борис Выскребенцев. После его смерти мне достались два больших сундука с пастельными карандашами, которыми мы пользовались в детском доме и давали их тем детям, которые проявляли способность к рисованию.

Был Владимир Даманский. В мой первый приезд он мне сообщил, что окончил семинарию и что его дядя даже был обер-секретарем Святейшего Синода, но, что он в Бога не верит и просит с ним никогда на эту тему не говорить. С тех пор мы с ним очень интересно говорили обо всем, но ни разу не касались моих «профессиональных» вопросов. Велико же было мое удивление, когда мне позвонили из санатория и сообщили, что Даманский умирает и просит меня к нему приехать! На всякий случай, как и всегда, я взял с собой Святые Дары. Когда я приехал к умирающему, то он уже не мог ни говорить, ни шевельнуть рукой. Он смотрел на меня умоляющим взором. Из глаз его текли слезы, и он только молча приоткрывал рот. Я спросил понимает ли он, что я говорю. Он ответил — Да! Знает ли он, кто я? Да! Тогда, видя, что он открывает рот, я спросил его, не хочет ли он пить? — отрицательное движение глаз и взор, устремленный на мой наперсный крест-дароносицу (подарок солдатских матерей). Боясь поверить, я спросил его, что, может быть, он хотел бы причаститься? Его лицо просияло улыбкой, он прикрыл глаза, из которых потекли слезы, и еще больше раскрыл рот. Я помолился, зная, что он меня слышит и понимает, и потом, приготовив Святые Дары, поднес лжицу к его рту и замедлил, боясь, что я не так его понял. Но он с блаженным выражением лица как бы потянулся к лжице и совершенно сознательно причастился Святых Тайн.

К вечеру он умер, а через два дня я вновь приехал, чтобы его отпеть. В ту зиму стояли очень сильные морозы и было много снега. Выкопать могилу при этих условиях не смогли, и его гроб поставили во временный склеп, а опустили в могилу только месяц спустя. Земля как будто давала ему время пережить все то, что он с таким старанием отрицал половину своей жизни, прежде чем принять его в свои объятия. В довершение всего вместо креста по ошибке ему поставили палку со щитком, которую ставили магометанам и безбожникам, уж не знаю, почему. И потом пришлось переделывать все это и ставить простой деревянный крест.

Вспоминается и еще один больной — Василий со странной фамилией — Герия. Позднее я узнал, что на Кавказе бывали похожие фамилии. Он был с Кавказа, был очень религиозен и, когда я приезжал на праздники, всегда причащался. Раз мне позвонили и сообщили, что ему плохо, и он просит меня приехать, чтобы причастить его. На другое утро я приехал и застал его уже без памяти. Из его уст вытекала пена, но воду он глотал, хотя и с трудом. Я все же рискнул его

причастить, хотя канон в этом случае позволил бы мне не причащать больного в таком состоянии. Но он так меня ждал... Когда я вложил в его уста частицу Святых Даров, он стал опять выпускать пену, и частица стала выползать из его рта. Раза три я вновь пробовал причастить его, но безуспешно. Что было делать? Из предосторожности я всегда ездил туда натощак, чтобы в случае нужды самому потребить Святые Тайны. Но передо мной был туберкулезник в самой последней бациллярной стадии... Моя мама умерла от туберкулеза и в детском возрасте у меня самого было предрасположение к этой страшной болезни. Минуту длилось смущение и раздумье, а потом я услышал внутри себя слова Христа, обращенные к апостолу Петру: «Что ты смутился, маловер!». Сразу сомнения исчезли, без боязни и брезгливости я вынул частицу из его воспаленных уст и тут же проглотил ее. Позднее у меня были еще несколько раз подобные случаи, но никогда уж больше страх и сомнения не смущали меня.

Хороня новых, я посещал могилки старых, уже ранее мною похороненных, и, вот, у меня созрела мысль, что надо всех их перевезти на наше кладбище, т. к. на этих деревенских, в бесплатных могилах лет через 5—6 все они сравняются с землей, и след о них исчезнет. Как это сделать? Тут представился случай. Жена одного из умерших решила хоронить мужа у нас. Значит, автофургон с одного кладбища уже обеспечен. Мой милый месье Бюффэ согласился вместе с гробом новопреставленного взять и еще несколько гробиков с костями остальных. Но надо заехать и на другое кладбище... Тогда вдруг я вспомнил, что у одного из моих погребенных вся верхняя челюсть была золотая и так его и похоронили. Я долго себя спрашивал: что, если при эксгумации взять эти зубы, вернее, золотые коронки и их продать на расходы. Но тут был риск. Ведь могилы отмеряли сантиметрами, и надо быть уверенным, что точно попадешь на данную могилу. Кроме того, могильщики тоже могли заметить это и после нашего ухода с кладбища вырвать зубы у покойника. В общем, Бюффэ, с которым я посоветовался, сказал мне, что надо только запретить открытие могилы до нашего приезда. Когда мы приехали на кладбище и стали вырывать моих старых знакомых, то я немного струсил. Все же я взял на себя материальные обязательства. Надо было оплатить десяток гробиков, бензин за заезд на другое кладбище, рытье могилы и пр. Когда открыли гроб, мы увидели чистые уже кости (могилы были неглубокие,

гробы, как спичечные коробки, а тела уже съеденные болезнью) и у черепа пять или шесть золотых коронок, которые уже отвалились от челюсти. Мы их аккуратно отделили. Все остальное благоговейно уложили в гроб и повезли гробики вместе с новопреставленными на наше кладбище. Господь помог мне. Одна мать убитого солдата, сперва купившая могилу на 30 лет в середине квадрата, потом решила перенести гроб на новое место на дорожку, а старую концессию подарила мне для моих туберкулезных. Итальянец каменщик, который ставил обычно на могилы железобетонные памятники и кресты, подарил мне для этого дела русский восьмиконечный крест из железобетона под гранит и окружение для могилы, а А. Ф. Воронко продала где-то коронки и таким образом я смог за все это заплатить. Часто я себя спрашивал — было ли это этично? Но потом думаю все же: да! Теперь эти русские (кажется, всего их было 16) лежат на русском кладбище, их имена записаны в церковный синодик и поминаются за каждой службой, кроме того, их имена написаны на специальной дощечке, которую тоже мы заказали, чтобы повесить на крест. Одновременно с «моими» больными я перевез с кладбища Шанкей и папиного старого друга, капитана 1 ранга Дмитрия Дмитриевича Тыртова, который бывал у нас в доме, потом вместе с ним по окончании института я несколько месяцев работал на фабрике, а потом он исчез и, как выяснилось, умер в санатории одиноким. Я его прах положил в наши семейные могилы.

Протоиерей Сергей Булгаков

† 13.07.1944 г.

Когда в первые годы нашего эмигрантского существования мы посещали все вместе храм, то обычно ехали в кафедральный собор на ул. Дарю. Но, когда мы с моим двоюродным братом уже поступили в институт и зажили несколько самостоятельной жизнью, то мы стали все чаще и

чаще бывать в церкви вдвоем, причем, не в соборе, а на Сергиевском Подворье, на улице Крымской, где незадолго до этого был открыт Богословский институт. Там часто менялись молодые священники из студентов, но было два постоянных священнослужителя — настоятель, маститый архимандрит Иоанн (Леончуков), о котором речь будет ниже, и протоиерей Сергей Булгаков, инспектор института, видный богослов, он был председателем Братства Святой Софии Премудрости Божией и группировал вокруг себя все самые мощные богословские силы. Внешне неброский, со скорее некрасивым лицом монгольского типа, он покорял своей манерой служить. Он не служил, а горел, и это особенно ощущалось в Пасхальную ночь, когда, совершая каждение в храме или в ограде, он не шел по земле, а было явное ощущение, что он летит по воздуху, и его некрасивое лицо озарялось светом такой радости, что черты лица совершенно пропадали.

Первые годы в соборе мы исповедовались у видного духовника отца Георгия Спасского, но по нашей вине не получили с ним контакт, т. к. приходили всегда в Великом Посту, в дни особой перегруженности, и поэтому исповедь была сильно обезличена. На Подворье мы стали исповедоваться чаще. Но, должен сказать, что и с о. Сергием Булгаковым духовный контакт налаживался с трудом, хотя мой большой друг, с которым я незадолго до этого познакомился и очень сошелся, — профессор Лев Александрович Зандер — был духовным сыном о. Сергия и большим его почитателем. Думается мне, что о. Сергий привык к более интеллектуальным чадам, я же был еще очень молод и примитивен. Но дороги к моему сердцу полностью он не нашел, хотя я к нему всегда испытывал глубочайшее почтение.

Его богословские теории, которые вызывали много споров и смущений, его Софиология, которую он не проповедовал на своих лекциях по догматике при Институте, оставляли меня хладнокровным. Его книги были для меня слишком умными и поэтому, по-видимому, контакт не наладился, как сразу наладился с первой исповеди летом 1927 г. с Владыкой Митрополитом Евлогием, хотя на это я мог рассчитывать менее всего. Но, оказывается о. Сергий смотрел на это несколько иначе, и, когда узнал, что я теперь исповедуюсь у Владыки и что меня Владыко будет вместе с Л. А. Зандером ставить в чтецы, то удивился и... даже несколько обиделся: «Как же это? Ведь он — мой духовный сын...» Я себя таковым не считал на том только основании, что раза три у него исповедывался. Но все же мне пришлось проявить смирение и поехать перед ним извиниться и объяснить сложившуюся обстановку. У нас оставались очень хорошие отношения. Особенно он стал нам близок после смерти нашего сына Сережика, которого он знал и любил. После смерти сына он прислал нам чудесное письмо и свою статью «Софиология смерти» — главу из одной своей книги, где он описывает свое состояние, когда после операции он ощущал себя уже умирающим. После перенесенной операции горла (у него был рак гортани) он не мог уже говорить и читать лекции. У него была трубка, выведенная из горла, закрытая маленьким как бы передничком, и говорил он едва различимо квакающими звуками. Все же он читал лекции, но только для избранных и служил ранние литургии, на которых были только самые близкие его друзья, которых не смущала эта тяжелая и едва понятная манера говорить и читать. Мне думается, что его богословие, к которому наша Русская Церковь относится с осторожностью, еще ждет своего богослова-историка, т. к. среди православных церквей как Востока, так и Балкан его считали величайшим богословом нашего времени, хотя и не всегда разделяли его богословские установки. Он начал свою жизнь вне Христа и был близок, как и Струве, и Бердяев, и Франк к марксизму, от которого потом, под влиянием размышлений, вернулся ко Христу, для меня же, неудавшегося его духовного сына, он остался навсегда Пастырем... Свечой, горящей на свешнице, и примером для подражания.

Евгений Владимирович Духовской

† 7.09.1944 г.

Женя Духовской был женат на моей двоюродной сестре Марии Александровне Развозовой. Он был хорошим парнем, был младороссом, т. е. принадлежал к той партии молодежи, которая, сохраняя верность Российскому Престолу, в то же время считалась с завоеванием революции и реальным положением вещей. Возглавлял это течение А. Л. Казем-Бек, бывший как бы главой

этой несколько фашиствующей организации, ищущей сближения с советской действительностью. Женя был близок с руководителем этого движения, упомянутым А. Л. Казем-Беком (кстати, он умер в Москве, вернувшись на Родину и став сотрудником Московской Патриархии, ее иностранного отдела), был близок и с князем Владимиром Андреевичем Красинским. О нем можно было бы не писать, если бы не трагические обстоятельства его смерти. В самые первые месяцы после освобождения Парижа от немцев, когда Париж был переполнен американскими военными машинами, население ездило много на велосипедах, т. к. городской транспорт был еще не полностью налажен. Женя тоже ехал на велосипеде и в центре Парижа был опрокинут и убит несшимся с огромной скоростью военным американским джипом. О нем осталась память как о добром, хотя и несколько неустойчивом человеке.

Надежда Тимашева † 27.09.1944 г.

Муж покойной Н. Тимашевой был, как мне кажется, министром финансов. У нас в Русском Доме она была уже очень престарелая дама, слепая на один глаз. К старости она была непрочь выпить рюмочку-другую, но условия оккупации и войны сильно снизили эти возможности, тем более, что карточки на вино выдавались только мужчинам, а достать вино было очень трудно. Например, для литургии в своем храме я отдавал свои собственные карточки, пока меня не надоумили обратиться к французским властям с официальным прошением. Тогда мне выдали карточки на церковь, но, по примеру католических церквей, выдавали белое вино типа Рислинг, которое я опять-таки обменивал на свое красное, а белое оставлял на дни чьих-то рождений, когда мы устраивали общую трапезу сотрудников.

Так вот, возвращаясь к Тимашевой, я помню такой случай: был Ольгин день. У нас в Доме было 17 Ольг, и после литургии, молебна и обеда мне надлежало всех их обойти и поздравить. Каждая из них постаралась по мере возможностей того времени что-то припасти, или обменяв на что-то или купив на черном рынке. Вот, прихожу я к одной из Ольг и вижу более чем скромно сервированный стол, но по тем временам все было роскошью. Вместе со мной входит престарелая Тимашева.

На столе стоят два графинчика, один с красным, другой с белым столовым вином, рассчитанные на всех гостей, и маленькие рюмочки. Хозяйка обращается к Тимашевой и спрашивает ее весьма любезно: «Вам какого вина — красного или белого?..» Тимашева, посмотрев косо своим единственным глазом и подумав одно мгновение, ответила: «Сначала белого». Бедная хозяйка не знала, что ответить... Но, откинув эту маленькую слабость старушки, как говорят французы, ее «Пеше миньон», которое никогда не выводило ее за пределы приличия, она была очень почтенная дама. Ее внучка Люба Тимашева воспитывалась у нас в Вильмуассоне, вела басовую партию в моем девичьем квартете. Она очень любила свою бабушку. Но, когда я вспоминаю эту почтенную старушку, то невольно вижу картину Ольгиного дня и два скромных графинчика с вином.

Сергей Прокудин-Горский

† 28.09.1944 г.

Этот человек был первым испытателем в России, который осваивал цветную фотографию. Он был очень близок с семейством папиного дяди Эдуарда Александровича и свои опыты по этой фотографии в красках делал в дядином имении в Финляндии. К счастью, некоторые из них сохранились в моих семейных альбомах. Волею судеб он уже старый, вторично женатый, попал к нам в Ст. Женевьев де Буа, именно мне пришлось проводить его в его последний путь.

Иерей Александр Двигубский

† 9.09.1944 г.

В середине сентября 1944 г. в соборе на ул. Дарю было совершено заочное отпевание одного из

В середине сентября 1944 г. в соборе на ул. Дарю было совершено заочное отпевание одного из наших собратьев — священника Александра Двигубского, погибшего вместе с большинством своего прихода в г. Бресте. Немцы уже теряли почву под ногами. Уходя, они огрызались, как могли. Не знаю, почему они ополчились на русских из морского города Бреста, но они загнали в выстроенное под скалами убежище для подводных лодок большое количество русских во главе с их настоятелем о. Александром, заминировали, замуровали и взорвали. В соборе на ул. Дарю висел целый список погибших, среди которых был папин подчиненный по дивизиону «Новиков» — капитан 2 ранга Илларион Илларионович Бибиков с женой и детьми, мой близкий знакомый — прихожанин по Монружу барон Александр Эрикович Пистелькорс с его гражданской женой Алевтиной Васильевной Трушталевской и многие другие.

Ольга Борисовна Столыпина

(урожденная Нейдгард)

† 22.10.1944 г.

Вдова премьер-министра и фактического диктатора России Петра Аркадьевича Столыпина, убитого в Киевском театре во время торжественного спектакля в присутствии Государя Николая II. Пуля предназначалась Государю, получил ее Столыпин. Окружение уговорило Государя не идти на похороны, боясь новых террористических актов. Когда Император пришел поклониться телу убитого своего Премьера, то Ольга Борисовна, по словам очевидцев, пошла ему навстречу, как деревянная, и сказала Царю: «Сусанины еще не перевелись на Руси, Ваше Величество». В наше время в Ст. Женевьев де Буа она была уже в преклонном возрасте, мало говорила о политике. Изредка ее посещал ее сын Аркадий. Высокий и интересный, не старый еще человек. Ольга Борисовна довольно часто причащалась в своей комнате, из которой почти не выходила. Но... она просила всегда причащать ее ровно в 3 часа дня. Была ли это просто прихоть, или, может быть, это был час гибели ее мужа, я не знаю. На ее погребении я сказал довольно большое слово, которое очень понравилось ее сыну А. П. Столыпину. Через несколько времени после похорон мне было от его имени предложено стать то ли воспитателем, то ли учителем у его

сыновей. Я вежливо отклонил это предложение и думаю, что потом ни он, ни я не раскаивались, что это содружество не вышло, т. к. он стал во главе какого-то фашиствующего объединения, а я стал Советским гражданином, и, конечно, у нас контакт не получился бы.

Елена Ивановна Рейнгартен

(урожденная Крижановская)

† 10.01.1945 г.

Когда в 1920—22 годах я работал рассыльным в Морской Академии Петрограда, то туда несколько раз заходила дама в глубоком трауре и, показывая на нее, мне говорили, что это вдова капитана 1 ранга И. И. Рейнгартена. В свое время И. И. Рейнгартен был флаг-офицером Комфлота адмирала Эссена, потом, кажется, был начальником оперативной части Балтфлота. Он был очень близок к моему дяде адмиралу А. В. Развозову не только по службе на флоте, где оба они были среди видных представителей офицеров послевоенного времени (имею в виду войну с Японией), но еще и потому, что женат Рейнгартен был на Елене Крижановской, которая в свое время была одноклассницей жены моего дяди баронессы Марии Александровны Остен-Дризен.

Я сейчас не помню, умер ли Рейнгартен своей смертью или же погиб в круговороте революции, но помню мою первую встречу с вдовой, только что потерявшей мужа, в вестибюле Морской Академии. На склоне лет она стала пенсионеркой Русского Дома, и я часто навещал ее, тем более, что у нас было много тем для разговоров и помимо моего служения. У Рейнгартенов было два сына приблизительно нашего возвраста, Дима и Алик, и, будучи в Париже, мы общались с ними. Они стали, как и мы, членами кружка дворянской молодежи, вспомнив, что их фамилия,

собственно говоря, французского происхождения и пишется полностью так: Марк-вот-Кондэ-Рейнгартен, намекая на связь с принцами Кондэ. Впрочем, они оба были очень милые парни и часто бывали у нас дома. В самом начале войны у меня в Вильмуассоне неожиданно появился старший в форме немецкого офицера и с некоторой неуверенностью сказал мне: «Не знаю, захочешь ли ты меня принять в таком виде». Ну, я его принял, но разговор был очень натянутый, не похожий на наши былые искренние отношения. Больше я его не видал и ничего о нем, как и о его брате, не слышал. На похоронах матери их не было.

Алексей Ильич Бакунин

† 10.01.1945 г.

Постоянным врачом в Русском Доме Ст. Женевьев де Буа была почти с самого его основания докторша Эмилия Николаевна Бакунина и, как консультант, бывал ее муж, тоже доктор — Алексей Ильич Бакунин. У них в Москве была своя частная клиника, работавшая во время НЭПа.

Когда в 1924 г. тяжко заболел Патриарх Тихон, его не могли устроить ни в одну больницу Москвы, и тогда чета Бакуниных предложила поместить его у себя в клинике, хотя оба они были очень активными антицерковниками. В их клинике на руках у Эмилии Николаевны и умер Святейший Патриарх Тихон 7.4.1925 г. Несмотря на свое отрицательное отношение к духовенству, Эмилия Николаевна очень уважала Святейшего Патриарха Тихона и всегда охотно говорила о нем. Очень недобро вспоминала она о митрополите Петре Крутицком, который часто навещал в клинике Патриарха. Думаю, что это было просто чувство врача, который видит, что посетитель вредно влияет на здоровье пациента. Время было трудное и, конечно, в каждый приход митрополит Петр должен был затрагивать трудные и болезненные вопросы. После таких посещений состояние здоровья больного резко ухудшалось, и, конечно, это не радовало врачей. Не знаю, в связи ли с пребыванием в их клинике больного Патриарха, или же случайно, но вскоре чета Бакуниных была выслана из России. Он был потомок известного революционера, а она вела свое происхождение от не менее известного Лопатина. Это обуславливало их

антиклерикализм. С моим собратом о. Львом Липеровским она вообще едва разговаривала, и, так как он сам до священства был врачом, помимо церковных, у них были еще и разногласия чисто медицинские. Бакунина была великолепным врачом, хорошим диагностиком, человеком большого терпения. И ко мне, и ко всей нашей семье она относилась очень сердечно, но ни в каких церковных церемониях участия не принимала. Ее муж был для нее большим крестом, так как к старости пристрастился к кокаину и морфию и часто бывал в невменяемом состоянии. Я не скажу, чтобы оба Бакунины были совершенно атеистами! Нет... У них на столе лежала Библия, и А. И. часто ее почитывал и цитировал, но к церкви, как к организации, и к духовенству отношение было непримиримое. И при всем хорошем отношении Бакуниной к моей семье, беседы на церковные темы, помимо Патриарха Тихона, мы не вели.

Когда Алексей Ильич умер, то встал вопрос: как его хоронить? Конечно, Эмилия Николаевна не пожелала отпевания и заноса тела в церковь, но для Русского Дома такая демонстрация атеизма была невозможна, тем более, что многие любили покойного и искренне хотели помолиться об упокоении его души. Тогда я прошел к Э. Н. и спросил ее, будет ли она протестовать, если мы совершим заочно отпевание ее мужа в храме. Она сказала, что для нее это безразлично, но, что, если кому-то это может быть приятным, то она не возражает. Так и сделали, и это, кажется, был первый и единственный случай заочного отпевания нашего пенсионера, лежащего в комнате того же дома. После погребения, чисто гражданского, когда все разошлись, я отслужил на могиле литию. Позднее Бакунина заказала нашему архитектору А. Н. Бенуа надгробный памятник: гранитная глыба, на которой рельефом выделен отполированный восьмиконечный православный крест. Умерла Эмилия Николаевна уже после нашего отъезда.

Дмитрий Дмитриевич Кандауров

† 15.03.1945 г.

В то время, которое я недавно вспоминал — время моей работы в Морской Академии рассыльным, т. е. в 1920 г. там была одна сотрудница — машинистка Елена Георгиевна Столица. Говорили, что раньше с ней работала и сестра Татьяна Столица, но что теперь она выехала лечиться в Швейцарию... Елена Георгиевна ходила по коридорам энергичной походкой, гордо неся голову, украшенную шиньоном густых волос. Позднее и она выехала за границу. Встретился я с ней на кладбище Ст. Женевьев, когда она хоронила своего мужа Дмитрия Дмитриевича Кандаурова. Он был, кажется, консулом в одной из столиц и, выехав за границу, Е. Г. с ним познакомилась и повенчалась. Он был замечателен тем, что являлся одним из виднейших и старейших членов Русской масонской ложи. И, хотя в принципе участие в масонских ложах засекречено, но в условиях эмиграции этот секрет уже частично потерял свою силу. На похоронах Кандаурова я увидел большинство тех, кого молва называла членами этой почти средневековой организации, на Западе не совсем потерявшей свою актуальность и в наши дни.

Генерал

Владимир Викторович Ермолов

† 14.09.1945 г.

С покойным генералом Владимиром Викторовичем Ермоловым меня связывала большая дружба, которой не мешала большая разница в нашем возрасте. Он был типичный работник Главного штаба, в котором и прошла вся его деятельность под эгидой небезызвестного генерала Ф. Палицына, много лет возглавлявшего Главный штаб.

Как представитель Главного штаба Владимир Викторович часто общался со штабами других государств, принимал участие в различных совещаниях, комитетах, приемах. Из всего этого он выносил кроме большого опыта еще очень большое количество иностранных орденов. Я жалею, что у меня не сохранилась его очень эффектная фотография в полном параде. На мундире что-то

около 12 звезд самой разной национальности и столько же различных орденов и крестов, в том числе, конечно, и наши Российские. Он обещал оставить мне на память все свои звезды, но, к несчастью, они хранились у какого-то знакомого, от которого их так и не удалось получить. Это была бы великолепная коллекция, которая смогла бы украсить один из наших военных музеев. Очень скромный, благожелательный, он все вечера проводил в слушании музыки по радио, предпочтительно опер. После его смерти я, как душеприказчик, получил не только его радиоприемник, но и кипы тетрадей, в которых он пунктуально записывал все прослушанные оперы, указывая не только день и час, но и время каждого действия и акта с точностью до одной минуты. Была ли это просто странность одинокого старика или же отголосок его штабной деятельности — не знаю. Он приходил ко мне в Вильмуассон за 4—5 километров поговорить и очень любил, когда я заезжал к нему в Ст. Женевьев посидеть, попить чайку. Всегда я старался что-нибудь привезти с собой, чтобы побаловать этого очень одинокого старика. В нем было что-то очень детское.

Всеволод Рязанов

† 18.09.1945 г.

Думаю, что в моих синодиках ошибка, и дата — 18 сентября 1945 г. — это не дата смерти, а дата перевоза тела убиенного воина на наше кладбище, так как он был убит во время войны, а она кончилась в 1944 г. Всеволод Рязанов, один из солдатиков, убитых на фронте, был сыном довольно даровитой драматической артистки Наталии Набоковой. Как и многие другие, он был убит на фронте в рядах французской армии. Его мать, Н. Набокова с мужем жила в Ст. Женевьев, неподалеку от кладбища, приютившего прах ее сына. Я видел ее на сцене один раз, на благотворительном вечере памяти князя Ф. Н. Касаткина-Ростовского. Она была в свое время

сослуживицей по театру жены князя Д. Н. Кировой и пришла на помощь своей коллеге, когда та устроила вечер памяти мужа, чтобы на эти деньги издать книгу его стихов. Я часто навещал чету Набоковых. Сын был, вероятно, от первого брака, т. к. носил фамилию Рязанов. Он был убит в конце войны, когда мать уже ждала его домой. К его приезду она купила бронзовую собаку на мраморной доске. Он очень любил собак.

Когда мы уезжали на Родину и уже сидели в купе поезда, обставленные и своими чемоданами и всем тем, что нам принесли родные и друзья «на дорогу», внезапно появилась Н. Набокова и принесла мне на память о сыне эту бронзовую собаку, которую уж некуда было положить в силу ее величины. Так мы и ехали с этой бронзовой овчаркой, и сейчас она стоит у меня, напоминая и убитого воина и его ныне уже умершую мать.

Лидия Рафаиловна Чистякова

(урожденная Нестеровская)

† 22.09.1945 г.

На нашем кладбище была могила инженера Чистякова. Очень часто ее посещала вдова покойного Лидия Рафаиловна, в свое время известная балерина Нестеровская. Ее сестра, Антонина Рафаиловна, была замужем за Вел. Кн. Гавриилом Константиновичем, и все они были очень дружны и чаще всего втроем приезжали на могилу, чтобы отслужить панихиду по покойном Дмитрии Чистякове. Во время этих встреч на кладбище мы много ближе познакомились с Вел. Кн. Гавриилом, с которым раньше встречались только на Пасхальных службах на ул. Дарю, где оба стояли в алтаре. В другие дни во время богослужений Вел. Кн. Гавриил стоял, как и все члены бывшей царской семьи, на особом месте на левом клиросе Собора. Здесь же после отслуженной панихиды мы всегда много беседовали, и его супруга Антонина Рафаиловна прониклась ко мне особым почтением и симпатией. Когда на ул. Дарю в Соборе освободилось священническое место в связи с хиротонией архимандрита Никона (Греве) во епископа Сергиевского (по благословению Патриарха Алексия), то Вел. Кн. Гавриил

хлопотал перед Владыкой Евлогием о том, чтобы именно меня назначили в Собор вместо о. Никона. Но я уже писал в моих воспоминаниях о митрополите Евлогии — он назначил о. Олега Болдырева, который был одним из ярых сторонников Московской Патриархии. Но потом, оказавшись в Соборе, когда все соборное духовенство ушло в раскол, не сумел остаться верным своим убеждениям и тоже ушел в новый раскол. Как-то раз при разговоре Вел. Кн. Гавриил сказал мне: «Жалко, все-таки, что Вас не назначили к нам в Собор!» На что я ему ответил: «Нет, Ваше Высочество! Вы сами понимаете, что там я не был бы свободен!» Это было уже после смерти Владыки Евлогия. Когда я поднял разговор о моем отъезде на Родину, он сказал мне: «Будь я священником, как Вы — я поступил бы так же». Но эта дружба продолжалась только до смерти его жены. После ее кончины он довольно скоро женился вторично на княжне Ирине Куракиной, дочери епископа Иоанна, о которой речь будет ниже. Она, ярая противница всего, что имело отношение к Москве, стала влиять на него, и отношения сперва стали более сдержанными, а потом он и вообще перестал приезжать на кладбище, во всяком случае, я его не встречал там. Когда Успенская церковь была по суду отнята от Московской Патриархии и передана эмигрантской ветке, т. е. Собору на ул. Дарю, новая Княгиня Романова стала там церковной старостой, но это, кажется, когда она уже похоронила Высочайшего Супруга. Это было уже после нашего отъезда.

Как-то раз обе сестры Рафаиловны вместе с Вел. Кн. Гавриилом уехали на лето в Биариц, и там внезапно Лидия Рафаиловна умерла. Ее прах в металлическом гробу привезли к нам на кладбище, я, как мог, утешал осиротевшую семью, и эти дни нас еще больше сблизили. И Вел. Кн. и его супруга исповедовались у меня в Успенской церкви и еще чаще, уже вдвоем, стали приезжать на могилку теперь уже двух близких. Вел. Кн. Гавриил был сыном Вел. Кн. Константина Константиновича, брата Греческой королевы Ольги, известного поэта, печатавшегося под псевдонимом «К. Р.». Из большой семьи в девять человек детей в живых

осталось только два брата: Гавриил в Париже, Георгий в Америке, одна сестра в Америке, другая, потерявшая своего мужа князя Багратиона-Мухранского во время войны 1914 г., стала игуменьей женского монастыря в Иерусалиме. Один брат умер младенцем, другой — погиб на войне в 1914 г., а три погибли во время революции.

Наталия Николаевна Миллер

† 10.10.1945 г.

Вдова генерала Евгения Карловича Миллера, командовавшего войсками Северного фронта во время первой мировой войны, потом ставшего видным участником гражданской войны и после исчезновения главы Общевоинского союза, объединявшего всех военных эмигрантов, возглавившего этот союз. На одной из его дочерей, Марии, был женат священник Александр Чекан, бывший настоятель прихода Бийанкур, а потом попавшего в собор на ул. Дарю. Теперь он является его настоятелем в сане Протопресвитера, но уже несколько лет болеет и недвижим. В бытность его Бийанкурским настоятелем, он устраивал детские летние колонии, в которых моя жена работала, мои дети отдыхали, а в последний год и я в сане священника проводил свое лето там, среди детей. Там же были и дети о. Александра, и его жена со своей сестрой Софией.

В один из летних дней приехал взволнованный о. Александр и сообщил, что его тесть генерал Евгений Карлович пропал, как и его предшественник. Эта история была притчей всех газет, но ничего узнать толком не удалось. М. б., позднее я еще вернусь к этой теме, а пока скажу только, что бедная Наталия Николаевна, конечно, очень переживала, т. к. жили они очень дружно. Мы же были в деревне с Софией Евгеньевной, и, конечно, тоже сочувствовали ей, хотя я и понимал, что в этот предвоенный год генерал вел какую-то игру, в результате которой и погиб. Наталия Николаевна держалась очень мужественно и пережила мужа на шесть лет.

Адмирал

Михаил Александрович Кедров

† 29.10.1945 г.

Михаил Александрович Кедров был на один год моложе моего отца по Морскому Корпусу (выпуск 1899 г.). Тем не менее, имея связи в придворных кругах, он получил придворный чин и стал адмиралом до того, как этого чина достигли его товарищи по предыдущему выпуску, мой отец и мой дядя Развозов, а также М. А. Беренс. Также до дяди Развозова и моего отца он стал начальником Минной дивизии Балтфлота. Потом его перевели командующим Черноморским флотом, и с этим флотом он во время гражданской войны уплыл в Африку (вернее, с частью судов) и основался там в Бизерте, где корабли были разоружены и частично переданы французам. После этого М. А. Кедров поселился в Париже, сумел окончить какое-то высшее учебное заведение и получить диплом инженера и потом работать инженером в каком-то французском обществе. Он был женат на вдове моряка Зилоти и воспитывал ее двоих детей, с которыми мы вместе выезжали в дни нашей молодости.

М. А. Кедров вместе с моим дядей Н. И. Игнатьевым были самыми видными артиллеристами нашего флота, но М. А. Кедров уехал, а Н. И. Игнатьев предпочел остаться, как он мне говорил перед моим отъездом из России: «Я, может быть, погибну, но мои пушки будут за меня говорить, когда будет новая война с немцами». М. А. Кедров был видным представителем военно-морского общества и одно время был заместителем начальника Общевоенного союза.

Владимир Иванович Дмитриев,

капитан 1 ранга

† 8.05.1946 г.

В. И. Дмитриев был одновыпускником адмирала М. А. Кедрова. Почти всю свою служебную карьеру провел за границей на постах морских агентов. Последний его пост — морской агент в Париже, в то время когда А. А. Игнатьев занимал пост военного атташе. В. И. Дмитриев был очень дружен с моим отцом и часто бывал у нас. Когда мы приехали в Париж, он являлся компаньоном в эксплуатации небольшого русского ресторана «Мезонет де комидиен», т. е. домик комедиантов неподалеку от Парижской биржи. По своему расположению ресторан являлся довольно шикарным, и В. И. Дмитриев всегда там бывал, уж не знаю, что он там делал. Несколько раз мы с отцом заходили в этот ресторанчик, и В. И. всегда подсаживался к нам за столик. Во все праздничные дни он бывал нашим постоянным гостем вместе с Д. Д. Тыртовым, о котором я уже писал, и адмиралом Григорием Ивановичем Бутаковым, с которым папа плавал одно время на «Авроре». В. И. Дмитриев был постоянным участником всех эмигрантских начинаний. Бывал на всех официальных приемах, молебнах, панихидах.

Протоиерей Георгий Спасский

† 16.01.1934 г.

О. Георгий Спасский был, пожалуй, самым видным священником кафедрального собора. В отличие от других двух, которые были уже давно в клире, с времен, когда собор выполнял обязанности посольской церкви, о. Георгий был эмигрантом. Он был главным священником Черноморского флота, и его очень ценили за его инициативность, красноречие и дар исповедничества. Попав в Париж в момент наплыва эмигрантов, людей с совершенно иной психологией, чем старые обитатели Парижа и богомольцы храма, о. Георгий со всем жаром своего пастырского сердца стал объединять разбросанных эмигрантов вокруг церкви. Поначалу его бурная деятельность встречала молчаливое сопротивление бывших там ранее священников, привыкших к спокойной размеренной жизни с богослужениями лишь по праздникам и воскресениям, но потом все увеличивающийся поток эмигрантов вынудил собор увеличить объем служб и сделать их ежедневными.

Кроме того, о. Георгий ввел чтение акафистов, потом духовные беседы и собрал вокруг себя целое общество своих духовных детей, хотя официально никак не оформленное, но очень дружное и крепкое. Они регулярно посещали службы о. Георгия, бывали на его беседах, часто у него исповедовались. Он завел такой обычай: люди, ему духовно близкие, ровно, кажется, в 5 часов дня должны были отложить все мысли и совершить краткую молитву, всех объединяющую. И вот, можно было наблюдать в метро: сидит человек, явно русский и когда приближается время, все посматривает на часы, а потом закроет глаза и на минуту пребудет так, сосредоточенный — явно духовное чадо о. Георгия. О. Георгий основал при соборе сестричество во главе с В. В. Нехлюдовой для поддержания порядка во время службы и заботы о благотворительных делах прихода. Всего этого до массового приезда эмигрантов не существовало, т. к. просто в этом не было надобности. Позднее была создана четверговая школа — цикл богословских лекций в популярном изложении.

Отца Георгия очень любили, уважали, считались с ним. Было у него одно огорчение. Его дочка, вышедшая замуж за какого-то грузина, основала продовольственную лавочку со стойкой, своего рода «забегаловку», на улице, почти против самого собора. И пока отец служил, она вместе со своим мужем продавала водку. Кажется, и матушка о. Георгия иногда помогала ей в этом. Это было большим крестом для о. Георгия, и я помню, он раз сказал: «Диавол не может простить нам, священникам, все, что мы делаем, чтобы привлечь людей ко Христу! Чтобы отомстить, он бьет по самому больному месту — по семье пастыря!» Думаю, что он говорил это из личного опыта. И его супруга, продавая водку, и сама изредка злоупотребляла этим зельем. Во время войны зять о. Георгия, грузин, был связан каким-то образом с гестапо. Да!

Надо сказать, что о. Георгий умер внезапно во время лекций по богословию в большой зале Плейель около собора. Это было 16 января 1934 г. перед самым Крещением. После отпевания

Умерев около собора. Это было 19 января 1934 г. перед самым Крещением. После отпевания его гроб не отвезли на кладбище, а поставили в крипту под собором, где постоянно его духовные дети служили панихиды и украшали гроб цветами. Но как-то оставшиеся заметили, что самые ярые его почитательницы причащаются, но не известно, у кого исповедуются... Посоветовавшись между собой, спросили одну из них:

— У кого же Вы исповедовались?

— У Батюшки.

— У какого?

— Да у о. Георгия...

Оказывается, они спускались в крипту и залезали под гроб, стоявший на двух козлах, там про себя исповедывались и, т. к. о. Георгий похоронен в полном облачении, то считали, что он покрывал их своей епитрахилью. Это уж начинало смахивать на какое-то изуверское сектанство. И тогда Владыко Евлогий, и так уж недовольный, что гроб не в земле и создается шумиха, оскорбляющая память доброго пастыря, велел похоронить гроб, сказав, что больше держать в крипте не будут. Гроб вывезли, но вместо того, чтобы похоронить на каком-нибудь кладбище, отвезли в одну из протестанских церквей Парижа и с согласия тамошнего духовенства поставили металлический гроб в отдельном помещении при этой церкви. Владыко Евлогий был очень недоволен этим. Не знаю, чем руководствовались семья и особенно группа его духовных дочерей? Может быть, желание чаще бывать у гроба, может быть, имела значение и материальная сторона вопроса, т. к. был создан очаг-убежище имени о. Георгия для сирот и престарелых и, возможно, что такая шумиха у гроба покойного давала какие-то доходы в фонд этого очага? Туда ездили служить панихиды, даже без особой гласности и литургии. Один раз был такой случай. Священник приехал, чтобы служить литургию у гроба о. Георгия и только после чтения Евангелия, убирая его в конец столика, служившего временным Престолом, заметил, что забыл взять с собой Антиминс, без которого служить нельзя. Он растерялся от неожиданности и, обернувшись к присутствующим, сказал, что «по техническим причинам литургия совершена быть не может».

Много раз жена давала Владыке обещание похоронить мужа на одном из кладбищ — и все без результата. После войны, когда ее зять был арестован за свои связи с гестапо и приговорен к смертной казни, семья бросилась к Владыке с просьбой заступиться. Владыко сказал, что обратится к Президенту Республики с просьбой о помиловании, но при условии, что тело о. Георгия немедленно будет перевезено на кладбище Ст. Женевьев де Буа или в могилу, или в склеп под церковью, где Владыко приготовил для себя место. После обращения Владыки к Президенту Республики смертная казнь была заменена, кажется, пожизненным заключением, а о. Георгия мы наконец похоронили под сводами кладбищенского храма. Народ посещал его могилу, но такого нездорового внимания, как раньше, она уже не вызывала. Да и прошло 10 лет, и многие, так сказать, «активистки» этого культа уже поумирали, а другие поняли неправильность такого отношения к памяти пастыря.

Первые годы эмиграции я ходил исповедываться к о. Георгию, но по неразумию выбирал самые тяжелые дни Великого Поста, когда он не мог уделить мне то внимание, которого я ждал, да и сам я не имел времени сказать все, что меня тяготило... Поэтому мне не удалось получить от этого удивительного священника-духовника то, что можно было бы. Вспоминается мне Великая Среда 1933 г. ... Отслужив последнюю в этом году Литургию Преждеосвященных Даров и разоблачаясь в алтаре, о. Георгий сказал: «Ну вот, Господь помог отслужить и эту последнюю Преждеосвященную Литургию! Кто-то из нас доживет до следующего года?» Он был тогда один из младших в клире по возрасту и именно ОН не дожил, умерев в январе до начала Великого Поста... Служа литургию в Великую Среду, я каждый год, разоблачаясь, вспоминаю о. Георгия и думаю: «Доживу ли я до следующего года?»

Митрополит Евлогий † 8.08.1946 г.

О моем незабвенном Архипастыре, духовном Отце и Старце-Владыке Евлогий я уж, как сумел, подробно написал в отдельном томе*. Повторять не буду. Скажу только о некоторых подробностях его погребения. На похороны Покойного Архипастыря — Экзарха Московского Патриарха Патриархия прислала четырех представителей: митрополита Ленинградского Григория (Чукова), архиепископа Орловского Фотия (Тапиро), Л. Н. Парийского и С. И. Филиппова. Они прибыли накануне дня похорон и оба архипастыря совершали службу в сослужении наших местных архиереев: митрополита Серафима, архиепископа Владимира, епископа Иоанна, епископа Никона и многочисленного духовенства. После отпевания и предания земле тела почившего была устроена на территории Успенской церкви поминальная трапеза для всех присутствующих. Архиереев кормили в домике настоятеля о. Льва Липеровского. Потом о. Лев повел гостей показывать им кладбище, а митрополит Григорий остался отдыхать в комнате и о. Лев оставил меня, своего помощника, чтобы я остался с Владыкой Григорием.

Этот удивительный Святитель произвел на меня исключительно сильное впечатление. Иное, чем приезжавший ранее митрополит Крутицкий. Владыко Григорий был менее ласков, чем Владыко Николай, но казался Орлом, парящим надо всеми. Когда мы остались вдвоем, то Владыко стал меня расспрашивать обо мне. Я тогда всегда носил на руках четки по благословению митрополита Евлогия. Мой вид с длинными волосами, скуфьей, четками заставили Владыку Григория подумать, что я монах. Он спросил меня, откуда я родом, и узнав, что я петроградец, сказал: «О! Да мы земляки. В какие церкви Вы ходили, будучи в Питере?» Я стал ему перечислять те церкви, в которых бывал: наша богодельницкая церковь на 13 линии Васильевского острова, почетным настоятелем у нас был известный о. Александр Введенский, который и служил изредка по большим праздникам. В остальное время он служил, кажется, в Захарьинской церкви бывшего Кавалергардского полка. Услышав имя о. А. Введенского, Владыко скроил недовольную гримасу. Когда эту церковь закрыли, я стал ходить в Андреевский собор на углу Большого проспекта и 7 линии. Там был настоятелем о. Николай Платонов... Владыко Григорий еще больше скривился «Еще хуже»... «Но, Владыко, все это было еще до Обновленчества! Потом ходил к Скоропослушнице на Суворовский, к Николе Морскому на акафисты». ...Владыко посмотрел на меня и спрашивает: «А меня не узнаете?» Я сконфузился и говорю: «Нет, Владыко». «А Вы посмотрите получше. Вы в Никольском соборе настоятеля о. Николая Чукова помните?» «Ну, конечно!» «Так ведь это я и есть». Я так растерялся, что говорю: «Так ведь Вас же, Владыко, расстреляли в 1922 году!» (Владыко действительно был осужден вместе с Владыкой Вениамином и еще 9 представителями церкви по делу о ценностях. Все были присуждены к расстрелу, но потом, оказывается, шестерых помиловали и дали различные сроки, в том числе и о. Николаю Чукову. Я этого не знал и считал его умершим.) Также я сказал Владыке о моем желании вернуться на Родину и служить церкви на родной земле.

Он горячо одобрил мое намерение и тут же предложил ехать с ним вместе, что он устроит через посла. «Сейчас мне до смерти нужны кадры. Я рукополагаю часто людей только на том основании, что они благочестивы». Я ответил, что в данный момент еще не могу ехать, т. к. уехал с родной земли только для того, чтобы найти отца, а теперь он болен и бросать его мне сложно. Кроме того, очень важный приход Ст. Женевьев может отойти в раскол, уже намечающийся, и мне следует сперва прочно его закрепить за Московской Патриархией. Владыко мне говорит: «Через два года Вы мне не будете так нужны, у меня уже подрастут мои кадры из семинарии». Хотя я и не поехал с Владыкой сразу, но все же у меня было явное ощущение, что у свежей могилы моего Святителя Владыки Евлогия он передал меня из полы в полу» Владыке Григорию для возвращения в Русскую Церковь на Родной Земле.

Адмирал

Михаил Герасимович Веселаго

† 20.09.1929 г.

и его супруга Ольга

(дата смерти неизвестна)

Летом 1946 г. ко мне обратилась Ольга Алексеевна Игнатьева и попросила меня помочь ей перевезти на наше кладбище прах адмирала М. Г. Веселаго, умершего в 1929 г. и его супруги, скончавшейся позднее. Уж не помню, какое отношение имела О. Игнатьева к семейству Веселаго, но, конечно, я выполнил ее просьбу и перевез эти два гроба. При этом у меня в памяти встало событие более, чем 20-летней давности.

В конце февраля 1925 г. мы с отцом приехали в Ниццу, чтобы повидать папиных сестер, там проживавших — Зою, которую он не видел с 1915 г., и Ольгу, с которой виделся в последний раз вскоре после Японской войны. Зоя была девица (о ней я вспоминал), а Ольга была замужем за своим троюродным братом, капитаном 1 ранга Федором Оскаровичем Старком. Сами мы только шесть недель, как приехали из Ленинграда и встретились с отцом после 8-летней разлуки. Конечно, папин приезд в Ниццу вызвал интерес не только родных, но и старых сослуживцев. И вот, в один из вечеров у тети Оли собрался круг высокопоставленных посетителей. Не помню почему, но только за столом сидели одни мужчины: дядя Федя и папа, обоим под 50 лет, Управляющий делами ведомства Императрицы Марии Владимир Константинович Кистер, чуть ли не тайный советник — сильно за 60, ближе к 70 годам — адмирал Степан Аркадьевич Воеводский, бывший морской министр — где-то около 80 лет — и, наконец, самый старший — адмирал Михаил Герасимович Веселаго, которому было уже 90 или около этого. Среди этого избранного общества сидел я, молодой человек, отвыкший от такой компании, да даже и не имевший вообще такого опыта в мои 16 лет. Еще два месяца назад я был в Ленинграде (для них — в Петрограде), знавал многих из их старых знакомых, сослуживцев. Меня без конца расспрашивали обо всех оставшихся на Родине, или умерших за последние годы.

Потом начались их воспоминания. Меня оставили в покое и погрузились в давно прошедшие

времена. Я слушал с интересом их беседу, тем более, что многих, о ком говорилось, я все же знал по моей работе в Морской Академии. И вот, увлекшись воспоминаниями, адмирал Веселаго (он сильно шепелявил, и его за это прозвали «Миса веселаго») вдруг обратился к сидевшим вокруг него — с моей точки зрения, старцам — и сказал: «Ну, вы — молодежь, этого не помните, а вот в наше время... и т. д.» Меня так поразила эта фраза, обращенная к старцам-адмиралам и тайным советникам. Ни мне самому, ни кому из присутствующих в этот день за этим столом, и в голову не могла прийти мысль, что через 20 лет я, уже священник, буду переносить гроб с прахом этого почтенного ветерана парусного флота и служить панихиду на его могиле. Впрочем, только Воеводского и Кистера хоронил не я, так как моего отца и дядю Федю пришлось отпевать мне.

Вера Пермская † 10.09.1946 г.

Эта молоденькая девочка, только-только переступившая порог юности, была нашей воспитанницей в детском доме Вильмуассон всего несколько лет тому назад. Потом она вернулась в Париж, и след ее затерялся. Каково же было мое волнение и грусть, когда мне пришлось ее отпевать, да еще после того, как она покончила жизнь самоубийством. Она была тихая, очень скромная девочка. Ничто не предвещало в ней какие-то бурные страсти и переживания, внешностью особой не блистала... и вот такой конец! Осталось чувство ответственности. Все же несколько лет и каких ответственных — время войны и бомбежек жили рядом, и вот, оказывается, чего-то не сумел в нее вложить... может, от чего-то не сумел предостеречь...

Елена Тимрот † 26.09.1946 г.

У меня были очень дружеские отношения с Людмилой Ивановной Любимовой (несмотря на большую разницу в летах). Муж Л. И. Любимовой был Виленским губернатором, и именно ее описал А. И. Куприн в своем известном рассказе «Гранатовый браслет» под именем Веры Николаевны Шеиной. Как-то она мне позвонила и сказала грустную весть: ее младшая сестра Елена Тимрот (по первому браку Нитте), тоже описанная в «Гранатовом браслете» под именем Анны Николаевны Фриессе, покончила с собой, и т. к. жила она в провинции, то Людмила Ивановна просит меня приехать с ней в это провинциальное местечко и привезти тело ее сестры на наше кладбище, чтобы отпеть ее в нашем храме. Я не знаю, что было поводом для этой, уже немолодой, здравомыслящей женщины, чтобы кончать свою жизнь таким образом, но думаю, что тут могла иметь значение война и дети усопшей, которые, кажется, были в английских войсках. Но, может быть, я и ошибаюсь в этом. Во всяком случае, Людмила Ивановна была очень потрясена этим новым горем. Она уже недавно похоронила мужа.

Позднее ее сын, Лев Любимов, принявший советское гражданство, был выслан из Франции (в это время началась война холодная) и бедной Людмиле Ивановне ничего не удалось сделать, несмотря на ее неуемную энергию и большие связи. Она устроила инвалидный дом типа нашего Ст. Женевьев и уже, будучи 80 лет, блестяще им управляла. Когда она стала умирать, то ее сыну все же разрешили приехать из Москвы и повидать ее. К этому времени политический климат «потеплел».

Монахиня Ольга,

в миру София Николаевна Угрюмова

† 25.11.1946 г.

Вдова вице-адмирала, София Николаевна Угрюмова, выделялась среди пенсионеров Русского Дома и своей большой эрудицией и своей духовной направленностью, и своей беззаветной любовью к Русскому флоту, и еще тем, что была неизменной почитательницей памяти покойной Королевы Эллинов — Ольги, дочери генерал-адмирала, Вел. Кн. Константина Николаевича. По

традиции, унаследованной от отца, Великая княжна Ольга, позднее греческая Королева, очень любила русский флот и была ярой русской патриоткой, что даже несколько огорчало греков. На ее средства в Пирее был сформирован морской госпиталь, облуживавшийся русскими врачами и сестрами милосердия. Когда русские корабли приходили в Афины, или, вернее, в Пирей, то Королева всегда приезжала на корабли и потом приглашала моряков к себе во дворец. Королева очень любила свою «молодую лейтенантшу» С. Н. Угрюмову, и она бывала частой гостьей в Греции. В комнате С. Н. был как бы музей памяти королевы и ее семьи.

У нее хранилось много документов, которые после ее смерти мною, как ее душеприказчиком, были переданы в морской архив за рубежом.

Постоянная посетительница всех богослужений, С. Н. все больше и больше устремлена в будущее, где были уже все ее близкие. Поэтому я не удивился, когда как-то приехавший к нам в Русский Дом о. архимандрит Никон сказал мне, что приехал он, чтобы постричь С. Н. в монашество. Вдруг он говорит мне: «Нет ли у тебя парамантного креста? Я все с собой взял, а парамантный крест забыл» (этот крест стягивает шнуры Параманта, квадрата из материи с вышитыми на нем крестом и орудиями Страстей Господних, который монаху надевается под рясу и который он не должен снимать). Я сперва удивился... я же не монах, откуда у меня может быть парамантный крест? Но потом, подумав, вспомнил, что у меня хранится простенький кипарисовый крест. С одной стороны наклеена бумажная икона Божьей Матери, а на другой — Распятие. Я его купил за 10 копеек в Петрограде в лавочке именно потому, что у него с двух сторон изображение. Я тогда не знал, что это особенность монашеского парамантного креста. Так с моим крестом ее постригли, а потом похоронили.

Вспоминается мне такой еще случай с матушкой Ольгой. Был Великий Пост. Я часто ее

Вспоминается мне такой еще случай с матушкой Ольгой. Был Великий Пост. Я часто ее причащал в ее келии, т. к. она уже не могла спускаться в храм. Раз меня зовут в ее комнату, т. к. она просит ее пособоровать ввиду того, что ей очень плохо и она собирается умирать... Я ее пособоровал, а потом, приняв шутливо строгий вид, сказал: «Ну, а умирать подождите! Сейчас пост, и у нас много дел и без ваших монашеских похорон...» Сказал, конечно, в шутку, но... результат был неожиданный. М. б. действительно, в ней было так сильно развито чувство послушания? Но ее состояние вопреки прогнозам врачей стало улучшаться, и она умерла только в ноябре того же года. Ее муж, адмирал А. П. Угрюмов тоже был похоронен на нашем кладбище.

Дмитрий Стеллецкий

† 12.02.1947 г.

Художник из плеяды больших русских мастеров. Обессмертил себя росписью храма на ул. Крымской в Сергиевском подворье Парижа, где ему удалось превратить старую протестанскую кирку в чудесный православный храм в истинно древнем стиле. Кроме этого храма он расписал и еще несколько церквей в Парижских окрестностях или во всяком случае писал для них иконы. Мне кажется, что после его смерти часть его художественного наследства была возвращена России.

Преосвященный Иоанн (Леончуков)

епископ Херсонесский

† 27.12.1947 г.

Преосвященного Иоанна я узнал, когда он был еще архимандритом и настоятелем Сергиевского подворья. Из вдовых священников он был одесситом и, служив в церкви Одессы около Ботанического сада, был Благочинным одесских церквей. Как человек очень хозяйственный и энергичный, он был послан Святейшим патриархом Тихоном в Англию для закупки воска и

ознакомлением с постановкой свечных заводов. Назад он не вернулся. Уж не знаю — не смог или не захотел. Не знаю, где умерла его жена, но приезд Владыки Евлогия в Западную Европу застал его в Берлине, где он был пострижен в монахи и возведен в сан архимандрита, а потом переведен в Париж, чтобы стать настоятелем вновь организовавшегося Сергиевского подворья.

Если жизнь богословского института была целиком на о. Сергии Булгакове, то вся приходская жизнь храма возглавлялась архимандритом Иоанном. Исключительно благолепной внешности, он был как бы Богом Саваофом, сошедшим с иконы. Большие густые, совершенно белые волосы, громадная белая борода и усы с желтоватым оттенком слоновой кости... О. Иоанн в одиночестве покуривал табачок, как, впрочем, и очень многие представители дореволюционного духовенства и даже протопоп Савелий Туберозов у Лескова. Владыко Евлогий, не выносивший табак и очень не жаловавший курильщиков, иногда добродушно подшучивал над о. архимандритом. «Почему у Вас такие красивые усы, как слоновая кость? Вот у меня — серые, как соль с перцем». Но, конечно, делалось это беззлобно.

О. Иоанн блестяще наладил свечной завод при Сергиевском Подворье. Говорил и служил он с очень заметным оканьем, как будто был с берегов Волги. По-французски совсем почти не говорил, но по городу ездил довольно бодро.

Мне вспоминаются несколько случаев из его жизни и трудов. Обычно он исповедовал в правой стороне храма, где не было придела. У иконостаса стоял аналой, перед которым он и исповедывал. Но, к сожалению, храм был архитектурно выполнен так, как нас неоднократно учили в учебниках физики, по звуку. Если тихо говорить около иконостаса, то в церкви ничего не слышно, но по сводам звук распространяется к выходу, и у свечного ящика ясно слышно каждое слово. Так, один раз о. Иоанн исповедует какого-то приличного господина, и вдруг при

каждое слово. Так, один раз о. Иоанн исповедует какого-то приличного господина, и вдруг при входе в церковь ясно слышен его удивленный голос: «И так и не отдали?», а потом через несколько минут опять с такой же заинтересованностью: «И большие суммы у вас так бывали?» Потом предупредили его о коварном свойстве этой акустики, и он перенес свой аналой на другое место.

Как-то он шел по улице и конечно, за ним, как за колоритной фигурой, бежали мальчишки-гавроши. Тогда он обернулся к ним, сделал свирепое выражение лица и, подняв кулак, собрал весь свой французский лексикон и погрозив мальчишкам кулаком, сказал им: «Си ву-муа-катастроф!», т. е. «Если вы меня — катастрофа!» Другой раз его Владыко послал в Англию для ревизии прихода. Он ехал в метро с сопровождающим, когда сидящий напротив и чуть подвыпивший англичанин спросил: «Это, наверное, Кристмасс? (т. е. елочный дед)» Отец архимандрит спросил у своего провожатого: «Что он говорит?» и на ответ, что он просто его приветствует, отец архимандрит встал и, сделав большой поклон сказал: «Ну, тогда благодарствую». Но он был очень хороший хозяин и в делах хозяйственных был ценным помощником Владыки Евлогия. В 1935 г. по благословению Вселенского Патриарха в соборе была совершена хиротония архимандрита Иоанна во епископа Херсонесского. Так как Херсонес Таврический затоплен, то это дало повод студентам смеяться, что новый владыко — водолаз. Впрочем, все относились к нему с уважением.

Став епископом, он как-то, вероятно после смерти о. Иакова Смирнова, настоятеля кафедрального собора, стал и благочинным всех парижских и окрестных церквей. Когда он уже был в этом качестве, у меня с ним вышел небольшой инцидент. Я получил мой первый приход в г. Монруже от моего предшественника о. Валентина Бакста, который был евреем, принявшим протестантство, а потом перешедшим в православие. Никто как-то не научил его практическим вопросам и, в частности, как надо вести метрические книги. От него их принял я, также без всякого инструктажа, и не мало ни сумнясь, стал писать так же, как писал он. Наконец, Владыко Иоанн вызвал меня с книгами на ревизию. Посмотрел, прочитал и сказал: «Безобразно». Я говорю: «Почему?» «Во-первых, надо писать не просто Ольга, а Ольга, нареченная в честь святой равноапостольной Ольги, ее же память совершаем тогда-то... Потом, почему не пишешь звание родителей и воспреемников?» Я отвечаю: «Владыко, а какие же звания? Ну, я понимаю, если знаю, что князь или граф, или генерал, но ведь я часто и не знаю, кто воспреемники. А как же я буду писать голословно? Мне скажут «полковник», я напишу, а потом это уже документ!» Ведь в эмиграции была тенденция себе приписывать титулы и звания, и богатства, не соответствующие действительности. Простая шавка уверяла, что в России она была Сен-Бернаром. Он мне говорит: «Ну, не обязательно князь, напиши профессор или доктор...» «Так, Владыко, это же не звание, а профессия. Не могу же я вместо звания написать «шофер такси». Он как рассердится на меня, как закричит: «Еще чего выдумал! Ты бы написал еще «уличная девка»!» Ну, в общем, как-то мы разошлись, и я стал писать про святых так, как он меня научил, а уж о званиях остался при своем мнении и указывал звание только в том случае, если это было достоверно. Другой раз у меня с ним вышел небольшой инцидент уже незадолго до его кончины. Он к ней готовился, купил себе место под церковью, рядом с местом, приготовленным для Владыки Евлогия, и туда, в склеп, я перевез гробик с косточками его дочери Ольги. Как она очутилась за рубежом — не помню. Он всегда любил подчеркивать, что уже озаботился о своей смерти: «Место уже куплено... (минута молчания и за тем многозначительно) и оплочено!» Так вот, незадолго до смерти он отдыхал в Русском Доме Ст. Женевьев де Буа. А у нас было заведено во все «Высочайшие» дни служить неизменно панихиды по умершим царям, царицам и великим князьям. Вот тут подошел день смерти Государя Николая II и всей его семьи. Я, как обычно, отслужил в церкви панихиду, на которой присутствовал и епископ Иоанн. Потом мне говорят, что Владыко очень недоволен тем, как я служил панихиду. Я пришел к нему в комнату и спрашиваю: «Владыко, мне сказали, что Вас что-то смутило в панихиде, которую я служил?» Он мне отвечает с возмущением: «Да! Безобразно!» Я спрашиваю: «Да почему же?» «Как же так? Государь убит, а Вы не поминаете его убиенным!» Тогда я разъясняю, что у нас все служится по дворцовому ритуалу, а в Зимнем Дворце никогда не поминали Императора Александра II убиенным (может быть, чтобы не подчеркивать). Это объяснение Владыку удовлетворило: «Ну,

раз так, то хорошо!» Впрочем, он относился ко мне хорошо, и я сохранил о нем доброе чувство, хотя все же не могу понять, почему он на собрании, созванном Владыкой Евлогием, чтобы поставить духовенство в известность о его переговорах со Святейшим Патриархом Московским Алексием, выступал так энергично и положительно... Говорил: «Владыко! Веди нас в родную Москву!», очень нас этим обрадовав, а потом, после смерти Владыки Евлогия он пошел на поводу у тех, кого возглавил архиепископ Владимир, и умер, будучи в новом расколе с родной Матерью Церковью, хотя его подпись была под бумагой о воссоединении, подписанной Владыкой Евлогием, митрополитом Николаем, архиепископом Владимиром и другими старшими членами духовенства.

Вспоминаются еще два эпизода, связанные с Владыкой епископом Иоанном.

Как-то раз служил я на Сергиевом подворье, будучи младшим священником, а возглавлял службу Владыко Иоанн. Духовенства было много. На часы мы вышли посреди храма, и Владыко стоял облаченный, а я — рядом. Каждение должен был совершить недавно поставленный диакон Михаил Фирсовский. В прошлом артиллерийский то ли капитан, то ли подполковник, он был уже немолод, и с церковными службами мало знаком. К тому же, он смущался и от этого ошибался еще больше. Выйдя посреди храма, чтобы совершить каждение Архиерея, он стал путаться и никак не мог понять, что это каждение совершается три раза по три, как ему не подсказывали. В конце концов Владыко не вытерпел и на всю церковь изрек: «Бестолков, от утробы матери!» Бедный отец Михаил совсем уж сбился.

Другой раз, а может быть, это было и в тот же раз, но я помню, что это было на летний праздник Преподобного Сергия. В первые годы Подворья в этот день всегда было полно народу, служил обычно Владыко Евлогий, но на этот раз Владыко Евлогий был в отъезде и возглавлял службу епископ Иоанн. К этому времени в окрестностях Парижа развелось множество маленьких приходов, так что общее количество русских церквей в Париже и окрестностях стало приближаться к сорока. Конечно, это отразилось на посещаемости Подворья. В этот день, о котором я вспоминаю, было человек 10 священников и... меньше прихожан. Помню мою матушку, монахиню Иоанну (Рейтлингер), еще два-три человека, что было явно не обычно для

Подворья, да еще в праздничный день. После Малого входа Владыко входит в Алтарь и потом выходит, чтобы произнести свой возглас: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей и утверди его...» Увидев почти пустую церковь, возвращаясь в алтарь, он почти в полный голос говорит с нескрываемым сокрушением: «А винограду-то и нет!» Эти несколько анекдотические случаи ни в коей мере не умаляют значение архипастыря как человека большой веры, большой энергии и большого административного опыта. Хотя впоследствии наши церковные пути и разошлись, я сохранил о нем самое теплое чувство, уважение к нему.

Елена Шидловская † 5.02.1948 г.

Покойная Е. Шидловская была долголетняя пенсионерка Русского Дома. Особой богомольностью не отличалась, но по праздникам приходила в храм. Когда бывала нездорова и в храм с третьего этажа не могла спуститься, всегда просила, чтобы священник зашел к ней, как и ко всем другим больным, чтобы помазать ее освященным елеем или освятить ее комнату на Крещение, или пропеть праздничные тропари на Рождество и на Пасху. Родных у ней, по-видимому, не было... Когда она умерла (перед смертью она причастилась), ее тело после облачения в чистые одежды сестрой милосердия-монахиней Михаилой, было перенесено в часовню-усыпальницу, и каждый день в три часа до дня отпевания у гроба служились панихиды. Кажется, на четвертый день должны были состояться похороны и для этого тело было перенесено в церковь. На похороны неожиданно приехала какая-то племянница и сказала, что хоронить будут не на нашем кладбище, а в семейном склепе на одном из парижских кладбищ... После отпевания гроб увезли, и, как мне помнится, ни один из нас, священников, не поехал. Видимо, предполагали, что там приглашен другой священник из Парижа.

Позднее мы узнали забавную историю. Как оказалось, Е. Шидловская была еврейка (так и не

Позднее мы узнали забавную историю. Как оказалось, Е. Шидловская была еврейка (так и не выяснили, крещеная или нет). У нас она считалась крещеная, среди семьи — не крещеной еврейкой. По-видимому этим и объяснялось то, что ее очень фанатично настроенные родственники не приезжали к ней в Русский Дом. Ее племянница, человек молодой и не имеющий таких религиозных понятий, не увидела ничего плохого в том, что ее отпевали в нашей церкви, и лишь после погребения сказала, как была тронута отношением администрации Русского Дома и духовенства. Тут вся семья заполошилась, а она, эта семья, оказалась большой.

Сделаю отступление. На Парижском кладбище Банье есть специальный квартал, отведенный под еврейские могилы. В дни еврейских поминовений можно видеть перед воротами несколько раввинов, которые ждут, что их пригласят совершить ритуальные молитвы на могилах. Но земля на этом кладбище очень дорогая, а практичные евреи покупают на вечные времена, и вот они нашли выход: покупая место достаточно широкое, они делают глубокую бетонированную шахту глубиной на 12 гробов и с двух сторон делают как бы нары, оставляя между ними проход. Когда два гроба положено — этаж замуровывают, и могила ждет следующих двух родных. Таким образом, в одну могилу помещается 24 гроба. А потом, на гранитной стеле бывают написаны все имена и помещены 24 овальных портрета. Я раньше видел эти могилы, но как-то вплотную не подходил и удивлялся, что так много народа в одной могиле... Теперь я узнал, в чем дело, и вот выяснилось, что Е. Шидловская была опущена первой в эту общую семейную могилу... И вдруг оказалось, что могила «опоганена»... Покойницу одевала христианка-монахиня, над ее телом служили панихиды христианские священники, вдобавок в христианском храме ее отпели. Теперь эта могила уже не сможет в себе сохранять прах правоверных евреев... Не знаю, чем дело кончилось. Я был поражен, что еще существуют такие фанатики-евреи...

Потом, бывая на этом кладбище Парижа, на котором похоронено много русских, в том числе моих знакомых, я неизменно посещал могилу Е. Шидловской, чтобы тихо, про себя, сотворить молитву о ней. Она продолжала лежать в этой обширной 24-местной могиле-склепе одна! Почему? Может быть, никто из семьи больше не умирал? А может быть, эти фанатики действительно оставили этот склеп, на который истратили очень много денег? Думаю, что бедной племяннице, более прогрессивно настроенной, сильно досталось от членов семьи за то, что она своевременно не предупредила семью о положении вещей и не помешала церковным церемониям по христианскому обряду.

Артур Делакруа † 27.10.1941 г.

Летом 1948 г. я перевозил с одного кладбища из предместья Парижа прах Артура Делакруа. Он был француз-жандарм... Почему же понадобилось перевозить его прах через 7 лет после смерти с французского кладбища, на котором он был похоронен, на наше русское кладбище? Дело в том, что после первой мировой войны Делакруа, еще молодым парнем, влюбился в русскую эмигрантку. Она была горничной в одной семье и вместе со своими господами оказалась в эмиграции. Потом господа умерли или уехали, и простая русская девушка, да еще плохо знающая французский язык, осталась одна в чужой стране. Тут с ней познакомился Делакруа, и они поженились. Во время войны их единственный сын Павел ушел воевать с немцами, в 1941 г. умер отец, а через 4 года был убит и сын. Посещая военные кладбища, Анна Феликсовна Воронко познакомилась с мадам Делакруа. Потом мы перевезли прах Павла на наше кладбище, а затем и его мать, чувствуя, что ее жизнь подходит к концу, купила место и для себя и туда же перевезла прах своего мужа. Кончила свои дни мамаша Делакруа у нас в Русском Доме, и А. Ф. Воронко до последнего дня заботилась о ней, и, как могла, облегчала ее одиночество.

Михаил Трушталевский † 15.06.1940 г.

Среди убиенных воинов, нами найденных, и которых мы с А. Ф. Воронко предполагали перевезти на наше кладбище, был и Михаил Трушталевский. Мне эта фамилия была знакома, так как у меня на моем первом приходе в г. Монруж был барон Александр Эрикович Пистелькорс, который, разведясь с женой, проживал с некой Алевтиной Васильевной Трушталевской, которая как мать трогательно заботилась об этом не столь уж старом, сколь дряхлом человеке

как мать трогательно заботилась об этом не столь уж старом, сколь дряхлом человеке, абсолютно беспомощном и неприспособленном к жизни.

Когда стал вопрос о переносе тела Михаила, я познакомился с его отцом, Михаилом Михайловичем, работавшим в то время в Советской школе, имевшей целью подготовить нашу молодежь, принявшую советское гражданство и готовящуюся к отъезду на Родину, к встрече с советской действительностью и программой советских школ на Родине. Я спросил Михаила Михайловича, не родственница ли его Алевтина Васильевна. Услышав ее имя, М. М. разволновался и просил меня не упоминать об ней. Оказывается, А. В. — это его бывшая жена, видимо бросившая его ради А. Э. Пистелькорса. «Она знает, что наш сын призывного возраста, может быть — в армии, может быть, убит (что и произошло), но даже теперь она не старается навести о нем сведения и узнать о его судьбе...» Тогда я сказал Михаилу Михайловичу, что его бывшая жена сама убита в Бресте во время взрыва убежища, о котором я уже писал выше. Он этого не знал, и его это известие потрясло. Возможно, что несмотря на ее отъезд из дома, он продолжал ее любить? Может быть, просто всколыхнулось прошлое... Он меня подробно расспросил, как это произошло, и более мы к этой теме не возвращались. Сына перевезли на наше кладбище, а сам Михаил Михайлович предполагал вернуться на Родину, но смог ли выполнить свое желание — не знаю. Когда я покидал Париж, он еще оставался там. А что было потом — тоже не знаю.

Елисавета Крылова † 23.09.1948 г.

Гроб с останками Е. Крыловой привезли к нам из Парижа, и только на кладбище я узнал от подруги покойной — Марии Ивановны Сабининой, кто она. Она оказалась женой известного академика-кораблестроителя Алексея Николаевича Крылова. В 20-е годы, когда я работал в Морской Академии, Крылов заведовал учебным заведением, находившимся в помещении бывшего Морского Корпуса. Это уж был не корпус, а, скорее, курсы, и Алексей Николаевич был там начальником. Одновременно с этим, он был начальником кораблестроительного отдела нашей Морской Академии. Каждое утро я должен был брать книгу приказов по Академии, носить ее на подпись к начальнику и комиссару, и потом разносить приказы всем начальникам отделов: кораблестроительного — А. Н. Крылову, гидрографического — Ю. М. Шокальскому и прочим. В то время, наверно, и А. Н. да и я сам очень удивились, если бы нам сказали, что мне придется в Париже опускать в землю гроб с телом жены Крылова. Как она там оказалась, так и не знаю. Возможно, выехала вместе с дочерью. Ее дочь Анна Алексеевна — замужем за нашим известным физиком Петром Леонидовичем Капицей, долго жила с ним за границей, в Англии, где П. Л. работал в лабораториях известного физика-атомщика Резерфорда. Возможно, что мать была с ними, а потом, когда они вернулись на Родину, осталась там? От одной общей знакомой Анна Алексеевна знает о моем существовании и неоднократно передавала мне через знакомую приветы и сказала, что у них в Ярославле есть родные, и они собираются к ним приехать и обязательно заехать к нам, чтобы познакомиться и вспомнить родителей. Но, конечно, П. Л. уж сильно не молод и предельно занят. Поэтому их приезд в Ярославль пока так и не состоялся, к моему великому огорчению, да, думаю, и не состоится.

Иван Ильич Мозжухин † 17.01.1939 г.

Кто из людей моего поколения в своем детстве не засматривался кинокартинами с участием великого и, пожалуй, в то время самого знаменитого артиста Ивана Мозжухина, игравшего почти всегда с Наталией Лысенко, которая, кажется, была его женой. «Казанова», «Игрок в шахматы» и многие другие картины вызывали в 20-е годы восторги и взрослых, и нас, подрастающих юнцов. Наряду с Верой Холодной он был самым популярным артистом отечественного кино того времени.

Потом Мозжухин оказался за рубежом... Почему — не знаю... Может быть, по приглашению иностранных фирм, может быть, эмигрировал, как многие из его соотечественников... За рубежом много играть ему не приходилось. А тем более, что с появлением звукового кино, он

совсем сошел со сцены. Звуковых дубляжей тогда еще не было, а его язык — помесь французского с нижегородским — начисто снимал его кандидатуру для участия в новых фильмах. Тут появились беды: туберкулез, обычное стремление неудачников найти утешение в вине и, в результате — заброшенная одинокая могила на кладбище Нейн под самым Парижем. (В Нейн была частная русская клиника, в которой он и умер.) На этом кладбище было довольно много русских могил, в основном — больные из русской клиники. Кладбище Ст. Женевьев в то время еще не существовало. Посещая это кладбище по просьбе кого-то из родных, я случайно натолкнулся на заброшенную могилу Мозжухина. Правда, в Париже жил его брат, бас Александр Ильич с женой, но им жилось очень трудно. А. И. не мог часто петь, так как для пения в Гранд-Опера, куда его звали, надо было отказаться от советского паспорта, он же на это не шел и все годы сохранял свое советское подданство. Может быть, посещение кладбища было для него тягостно, не знаю, но могила была заброшена и рисковала вскоре вообще исчезнуть.

Мне захотелось во что бы то ни стало перевезти прах Мозжухина в Ст. Женевьев. Брат отнесся к этому не только с сочувствием, но и с большой благодарностью, но предупредил, что лишен возможности хотя бы в данный момент принять участие в расходах. Я стал ждать, когда с этого кладбища будут кого-нибудь перевозить к нам, чтобы воспользоваться даровым транспортом. На все остальное, т. е. — могилу, гробик, работу могильщиков — удалось достать деньги. И вот, я стою перед раскрытым гробом того, кто считался одним из самых красивых мужчин своего времени. В гробу — сухие кости и почему-то совершенно сохранившиеся синие шерстяные плавки. С благоговением я взял в руки череп того, кто был нашим кумиром в дни моего детства... В этот момент мне почудилось нечто шекспировское... нечто от Гамлета. Я поцеловал этот череп и аккуратно положил в новый гробик вместе со всеми другими косточками, которые бережно вынул из старого гроба, покрыв их синими плавками. Бог помог и могилу достать, и выкопать ее поглубже, чтобы в эту могилу смог лечь и брат и невестка покойного. Удалось поставить и простенький каменный крест.

Александр Ильич намеревался с женой вернуться на Родину, но к моменту своего отъезда был уж очень болен, и я навестил его в больнице, чтобы попрощаться. Вскоре он умер и похоронен рядом с братом в одной могиле. Жене же его удалось приехать в Москву, где она жила в Доме для престарелых артистов имени А. Яблочкиной и где она умерла. В Пензе, на родине братьев Мозжухиных, устроен или музей их памяти, или отдел их памяти в краеведческом городском музее. Я переписывался с Клеопатрой Андреевной до ее кончины. Она писала мне, что трудится над мемуарами памяти братьев Мозжухиных, которые ей заказал Пензенский музей.

Иерей Иоанн Васильевич Титов

† 18.10.1948 г.

О. Иван Титов представлял собой необычайное явление. Молодой священник где-то, кажется в Пермской губернии, он был очень по тем временам прогрессивно настроен. Не знаю, кто его выдвигал, но он оказался выбранным в один из наборов депутатом в Государственную думу (вероятно, первую). Там он был среди либерально настроенного духовенства и этим навлек на себя подозрение правящего архиерея. Шел год перемен и преобразований.

В 1905 г. был убит в Москве дядя царя Вел. Кн. Сергей Александрович. Его убийца был пойман, судим и приговорен к смерти. После его казни к о. Иоанну пришел некий прихожанин с просьбой отслужить панихиду о новопреставленном рабе Божии (имя рек)... О. Иоанн, не зная о ком идет речь, отслужил. Оказалось, панихиду служили о казненном убийце Великого Князя. Так как архиерей уже не раз упрекал о. Иоанна за его свободомыслие, то тут, когда он узнал об этой панихиде, вызвал к себе провинившегося и спросил его:

— Служили такую панихиду?

— Да, служил.

— Знали по ком она?

— Нет, не знал.

— А если бы знали, то служили бы?

О. Иоанн без колебаний сказал, что и тогда отслужил бы. Архиерей стал опять упрекать его и грозить. Тогда отец Иоанн, чтобы не входить в конфликт с начальством и в то же время не идти на компромисс с совестью, подал прошение об увольнении его за штат, что и было выполнено с радостью. А он целиком посвятил себя своей думской деятельности. Но сан с него снят не был.

После революции он оказался в Париже, конечно, не служил, а зарабатывал себе на хлеб тем, что организовал свой хор, который успешно выступал с концертами. Его обычно раз в году приглашали в Нотр-Дам, где в январе бывала каждый год неделя литургий и служились каждый день литургии по разным обрядам.

Во время войны он оказался без работы, и мы его пригласили к себе в Русский Дом на должность второго псаломщика в помощь С. П. Доможирову, к этому времени уже сильно постаревшему. О. Иоанн, или, как его все звали, Иван Васильевич, помогал нам с панихидами на кладбище, пел в хоре Русского Дома и таким образом получил и кров и кусок хлеба на старости лет. Жили мы все очень дружно, и должен сказать, что о. Иоанн был очень приятным и благочестивым сотрудником. После смерти Владыки Евлогия Московским экзархом был назначен митрополит Серафим (Лукьянов), и мы подняли вопрос о том, чтобы о. Иоанну разрешили служить. Не помню, сам ли митрополит Серафим решил этот вопрос или обращался за разрешением в Москву, но о. Иоанн был восстановлен в своем священстве, несколько раз сослужил нам, несколько раз служил сам, принимал участие в служении митрополита Серафима, а после смерти был отпет священническим чином.

Монахиня Мария

(в миру Мария Николаевна Толстая,
урожденная княжна Мещерская)

† 30.12.1948 г.

Мы все знали матушку Марию как графиню Толстую, вдову адмирала, бессменную старосту прихода в г. Аньер под Парижем. Многие подозревали о ее тайном монашестве, но открыто об этом сказано только после ее смерти. Она была старшей сестрой князя Петра Николаевича Мещерского, мужа нашей директрисы Русского Дома в Ст. Женевьев. Пока силы позволяли ей, она часто бывала в Русском Доме, и, как старшая в семье, пользовалась большим авторитетом. Она опекала очень большое количество людей: больных, нуждающихся, безработных. Неоднократно обращалась ко мне с просьбой помочь ей в устройстве того или иного дела, касающегося кого-то из ее подопечных.

Матушка была верное духовное лицо отца Мефодия (Кульмана), в будущем епископа, настоятеля Аньерского прихода, думаю, что их влияние было взаимным. О. Мефодий всегда прислушивался к мудрым советам старицы. Когда после смерти Владыки Евлогия встал вопрос о том, принимать или нет Московскую Патриархию (вернее, оставаться ли в ее лоне или идти в новый раскол), наша директриса княгиня Вера Кирилловна Мещерская поехала за советом к о. Мефодию и к своей невестке графине Марии Николаевне, чтобы не принимать решения только под влиянием своего духовенства. Вернувшись, она твердо стала на позицию верности Московскому Патриарху, и по сей день церковь Русского Дома находится в московской юрисдикции. К сожалению, Аньерская церковь сама, после долгих колебаний, ушла в новый раскол, который возглавил Владыко Владимир (Тихоницкий). Но графиня Мария Николаевна все же считала нашу позицию правильной, хотя и не сумела переубедить своего настоятеля.

Протоиерей

Симеон Великанов

† 15.12.1948 г.

Об этом удивительном священнике Владыко Евлогий пишет в своей книге «Путь моей жизни»: «О. Симеон и его паства (в Кнютанж около г. Меца) — остатки русской армии, разоруженной в Польше. Они приехали во Францию по контракту работать на большой металлургический завод. По приезде в Кнютанж русская колония расположилась в бараках, выпросив барак и под церковь. Хор, прекрасно спевшийся еще в Польше, рабочие привезли с собой. Этот приход — мое утешение...» Помимо Кнютанжа о. Симеон обслуживал и русских, живущих неподалеку в Германии — в Рурской области, в Люксембурге... Он ходил и ездил без всяких виз: «Крест надену — вот и вся моя виза...» Все пограничники его знали и свободно пропускали. Он был человек исключительно скромный. Жил на мансарде, питался, как придется. Готовил сам себе на спиртовке. Он говорил Владыке: «Ем один день кашу, другой — компот. Поставлю на огонь перед Литургией. Окончил, пришел — а все готово...» В Париж он приезжал редко, и я с ним редко встречался, и знаком почти не был. Но последний год своей жизни он провел в Париже. Или не смог уже обслуживать большой приход или, может быть, оставшись верным Московской Патриархии, разошелся с приходом, не знаю. Но последний год мне пришлось неоднократно его видеть и с ним беседовать. Он жил при Трехсвятительском подворье или около него, так что в церкви на ул. Петель часто можно было его видеть. В свободное время еще на приходе он шил распашонки и вязал тапочки и чепчики для малышей, и когда его звали крестить младенцев, он приходил с приданым своего собственного изделия. Нам было очень ценно, что такой пастырь остался с нами в лоне Московской Патриархии. Не имея никакого богословского образования, он был преисполнен «Серафимовским» богословием и как бы светился... Из наших бесед с ним мне запомнился его мудрый совет: «Ты, братец, брюхо не балуй: оно добро не помнит!» Стараюсь, как могу, принимать его не только к сведению, но и к исполнению, хотя, конечно, до аскетизма отца Симеона очень далек.

София Феодоровна Ванлярская

† 26.03.1949 г.

Не могу обойти молчанием эту, с моей точки зрения, выдающуюся женщину. Старая девица, фрейлина Великой Княгини, кажется, Марии Павловны. Своим умом, своим авторитетом она поставила себя так, что с ней все должны были считаться. Одна из ее трех сестер, Екатерина, была морганатической супругой герцога Мекленбург-Стрелицкого и носила титул графини Карловой. Ее сын, живший в Мекленбурге, по мере сил помогал своей тете Софии Феодоровне, так что материально она была независима.

Я познакомился с Софией Феодоровной в Париже. До войны она была близка с моей теткой, баронессой Розен, и ее братом, графом Канкриным. С ними вместе она проводила лето в Виттеле на курорте, где дядя Дима Канкрин зарабатывал на жизнь тем, что играл в теннис с высокопоставленными партнерами, в том числе со шведским королем Густавом V. Я встречал Софию Феодоровну, но тогда я был юношей, и старая дама мало на меня обращала внимания. Потом она перебралась в Берлин, поближе к племяннику, и там ее встретила война. После оккупации Парижа она вернулась и поместилась в наш Русский Дом Ст. Женевьев де Буа, с начальницей которого, княгиней Верой Кирилловной Мещерской, она была в приятельских отношениях, кажется, еще с фрейлинских времен. К этому времени я был уже священник, и она обратилась ко мне, как к таковому. Ее ко мне направил Владыко Евлогий, узнав, что она будет жить в нашем Доме. Она была очень близка и мне, и моему настоятелю о. Льву Липеровскому, и всей моей семье. Очень любовно относилась к моим сыновьям. Посещала все богослужения, и не без ее помощи нам удалось добиться ежедневного богослужения в домовой церкви Русского

Дома. Несмотря на свое «фрейлинское» воспитание и прошлое (с нее граф Л. Н. Толстой мог бы писать Анну Шерер), она была человеком, ясно видящим переживаемый момент и в церковных делах всегда была с Владыкой Евлогием против его противников, яро-монархических карловарских епископов. Когда Владыко Евлогий воссоединился с Московской Патриархией после войны, С. Ф. с радостью приняла это явление, а когда после смерти Владыки Евлогия вновь начался раскол, то своим влиянием на княгиню Веру Кирилловну Мещерскую сильно подкрепила старания нас, священников, удержать этот важный приход в лоне Московской Патриаршей Церкви.

Ей, обычно первой, читал о. Лев Липеровский свои вновь написанные страницы из книги об истории Церкви. Ей прочитывал и о. Софроний Сахаров вновь написанные страницы книги о Старце Силуане. Очень строгая к этикету, она никогда не позволяла себе первой пройти перед священником, считая, что самая почтенная дама должна уступить перед саном пусть и молодого священника.

Сергей Улагай † 29.04.1944 г.

Генерал, стяжавший себе известность во время гражданской войны. Был перевезен на наше кладбище в 1948 г. Похоронен неподалеку от жены другого известного генерала Добровольческой армии Татианы Шкуро.

Павел Скерст † 27.05.1949 г.

Бывший ученик Императорского Александровского лицея. Жил вместе с моим дядей Г. А. Дризеном, своим соучеником по лицею. Часто бывал у нас дома и, естественно, когда я узнал о его смерти и о том, что после отпевания в соборе на ул. Дарю его тело привезут к нам на наше кладбище, я вышел в епитрахили и с кадилом, чтобы встретить его гроб. Из машины вышел архимандрит Киприан (Керн), тоже бывший лицеист.

1949 г. был годом интерюрисдикционной войны, и отец Киприан, с которым мы неоднократно вместе сослужили литургию, вместе хоронили Д. С. Мережковского, был одним из самых ярых

противников Московской Патриархии. На похороны митрополита Евлогия он прибыл последним и, несмотря на свой высокий ранг, встал самым последним, когда все уже стояли вокруг гроба. Ушел первым — и все это для того, чтобы не здороваться с прибывшими на погребение из Москвы митрополитом Григорием и архиепископом Фотием. Тут он, выходя из погребальной машины и увидев меня, демонстративно повернул мне спину. Я обошел его и так как время было Пасхальное, обратился к нему со словами: «Христос Воскресе!» Он опять отвернулся от меня и не ответил на мое вторичное пасхальное приветствие. Тогда, видя непреклонность его позиции, я не стал настаивать и здороваться с ним, а только протянул свое горящее кадило и сказал: «Ну, кадило-то Вы, может быть, возьмете? Оно не Московское, а Ваше погасло и не горит!» Кадило он молча взял и так же молча потом отдал. После погребения группа лицеистов подошла ко мне и извинилась за бестактное поведение своего бывшего соученика, а ныне моего сослужителя.

Стефан Паршиков † 19.08.1949 г.

Кладбище Гранвилль

На берегу Ла-Манша в местечке Донвиль-ле-Бэн вблизи моря находится двухэтажный дом — Вилла Жербетт. В свое время, перед войной 1914 г. этот дом был куплен В. Философовой. Когда разразилась война, она со своим племянником Артемием Раевским сложным путем вернулась на Родину, предварительно сдав дом каким-то французам. Прошла война, революция... В. Философова оказалась во Франции, и тут ее ждал не только целый дом, но и деньги, за его прокат за все время — более 10 лет. Это дало ей возможность поселиться в этом доме, а потом поселить в нем своих племянников Раевских, потомков Бородинского генерала.

В мое время в этом доме проживала одна из Раевских — Валентина Ивановна со своим мужем М. Лесновым. У них было 6 человек детей и все время войны 5 младших были у нас в детском доме в Вильмуассоне, и мы очень полюбили этих славных и дружных детишек. Все они были с чудным слухом, великолепными голосами и были ядром моего церковного хора. Когда после войны дети вернулись к своим родителям на берег Ла-Манша, я почти ежегодно навещал их. В этом гостеприимном доме всегда кто-то гостил. Еще до войны неоднократно живал епископ Вениамин (Федченков), впоследствии митрополит Саратовский, гостил там и живописец Стелецкий, который расписывал храм Сергиевского подворья, и на память написавший несколько чудесных больших икон. На их большой стеклянной веранде приезжающее духовенство неоднократно совершало богослужения. Когда приезжал к ним я, то так же всегда на этой веранде перед иконами Д. Стелецкого я служил и всенощные, и литургии, и причащал не только всех членов семьи, но и небольшое количество русских, проживающих в окрестностях и в близлежащем курортном городе Гранвилль.

Как-то раз мне прислали телеграмму, в которой было написано, что в больнице Гранвилля умер одинокий русский и что меня просят приехать для его отпевания. Я немедленно поехал на берег моря. Отпевание совершалось в часовне при больнице. Пело все семейство Лесновых, так что пение было первоклассное. Собрались человек 10 русских и порядочно французов, просто любопытствующих, так как они никогда не слыхали русской православной службы.

Все шло хорошо. Но после отпевания надо было идти через весь город около 4 километров по главной улице на кладбище. И тут со мной произошла катастрофа. У моего сапога оторвалась подметка и повисла только на задке. Каждый раз, когда я поднимал ногу, она отваливалась и грозила вообще отлететь. Чтобы этого не произошло, мне пришлось на каждом шагу поднимать высоко ногу и потом опускать ее осторожно, шлепая отстающей подметкой, как при чечетке. И таким «шагом» я должен был прошествовать через весь город, 4 километра, впереди необычной для курортников процессии, в полном облачении, с крестом и кадилом в руках. Как я дошел, храня невозмутимый вид — не знаю. На кладбище, сняв облачение, я попросил хотя бы веревку, чтобы привязать злосчастную подошву, но ничего не нашлось. Тогда удалось обратиться в стоящую напротив кузницу, прося их хотя бы забить гвоздь. Это сделали. Не знаю уж, почему я не снял ботинок, а подошел к станку, на котором подковывали лошадей, поставил свою ногу, и мне прибили два гвоздя, которые позволили мне дойти до дома, где уж своими средствами произвели более солидную починку. Эти похороны мне запомнились... Потом французы говорили, что на них произвело сильное впечатление и пение (правда, превосходное), и благолепие самого чина, но особенно поразила «ритуальная» походка священника!

После похорон меня попросили задержаться на берегу моря несколько дней, тем более, что следующим вечером в этом местечке должна была выступать труппа казаков с джигитовкой. Этот вид «труда» был очень распространен в эмиграции. Многие казаки, не имевшие возможности найти себе работу в связи с незнанием языка, объединялись в небольшие группы и ездили по Франции с лошадьми, показывая чудеса джигитовки, которая французам была совсем неизвестна и поэтому оказывала еще большее впечатление. Даже в самом Париже, искушенном зрелищами, наши казаки всегда имели успех, а что говорить о маленьких провинциальных местечках, для которых приезд любой труппы уже праздник.

Вечером мы все отправились на поле, где был устроен импровизированный ипподром. Казаков было, кажется, 8. Они показали все, что могли — и езду, и джигитовку, и пирамиды на полном скаку, и прочие чудеса конного искусства. Все присутствующие были в полном восторге и без конца аплодировали выступавшим «артистам». После выступления мы подошли к казакам и пригласили их на чашку чая в виллу Жербетт. Никак не ожидавшие встретить в этой глуши русских, казаки охотно согласились, и мы все пошли домой. По дороге разбудили лавочника, чтобы купить у него пару бутылок красного вина и кое-какой закуски, а дома, на большой веранде приготовили чай.

Это типично русское гнездо, с молодежью, с русскими песнями, которые мы не преминули

попеть, произвело на казаков глубокое впечатление. И вдруг один из них, самый молодой, упал на стол с громкими рыданиями (никто пьян не был). Я увел его в соседнюю комнату и постарался успокоить. Оказалось, что этот молодой парень не эмигрант, как остальные, а недавно выехал из России, вывезенный немцами во время войны и потом от них бежавший. Не зная, как устроить свою судьбу, он, хороший конник, пристал к этой эмигрантской труппе казаков и стал выступать вместе с ними. Тут, попав в русскую среду, оказавшись рядом с русским священником, услыхав русские песни, он так затосковал по Родине, что не смог сдержаться. Он мне сказал, что с детства не причащался, а сейчас ему так хотелось бы помолиться в церкви и причаститься... Конечно, вернувшись в Париж, он мог бы это сделать легко, но мне не хотелось откладывать то, что проснулось так внезапно, и я ему сказал, что для него смогу завтра утром отслужить литургию здесь и причастить его.

Около полуночи казаки вернулись к своим коням. Мы решили наутро отслужить литургию, заранее не запланированную. Но у меня всегда было с собой все необходимое, а просфоры Валентина Ивановна спекла ночью. Утром, когда все было готово, я с большим волнением стал ждать: придет ли мой парень, или проспавшись, решит, что это была минутная слабость? Наконец, смотрим — идет в своей полной казачьей форме. Я поисповедовал его. Что это была за исповедь? Мы оба плакали... Потом он причастился, мы его накормили завтраком, и он от нас ушел. Расстались навсегда... Он собирался при первой возможности вернуться на Родину, необходимость которой он так остро почувствовал вчера и сегодня за литургией.

Что с ним стало — не знаю! Удалось ли ему вернуться? Вспоминает ли он иногда отдаленную Францию, берег моря, русскую семью, не знаю... Но я никогда не забываю его и не забуду. Звали его, как и меня, — Борисом.

Галина Орлова † 12.02.1949 г.

Молодая красивая девушка познакомилась в Париже с не менее красивым и видимо, богатым южноамериканским дипломатом. Он стал за ней ухаживать, возникла близость, и она все ждала, когда он сможет выполнить свое обещание и женится на ней. Увы! В один малопрекрасный день его полномочия не то в Аргентинском, не то в Бразильском посольстве окончились, он должен был вернуться в свою страну и тут признался ей, что он давно женат и имеет двух детей, так что остается расстаться полюбовно... Она покончила с собой. Мать почившей послала ему телеграмму в Америку, и он прилетел на похороны... На ее могиле была воздвигнута на его деньги часовня. Входя в нее, надо было спуститься по лестнице в склеп, где была оборудована молельня, а посредине на возвышении стоял металлический гроб, закрытый ценным деревом. На уровне лица было окошечко, которое закрывалось на ключ. Он изредка приезжал... Мать приходила служить панихиды, сама на дочку не смотрела, но просила кого-нибудь открыть дверцу и посмотреть. Потом все стали отказываться, хотя, видимо, она была набальзамирована и тлению не поддавалась. Бедная жертва внешности и богатства...

Николай Мхитаров † 15.07.1944 г.

В середине 1949 г. мне пришлось перевозить на наше кладбище останки Коли Мхитарова. Он был школьник-лицеист и был во время оккупации членом кружка патриотически настроенных мальчиков. Всем им было по 15—16 лет. По чьему-то доносу все они были арестованы и сидели в Парижской тюрьме. 14 июля, в день национального праздника Франции, они стали громко петь в камере Марсельезу — национальный гимн Франции. На другой день они все были расстреляны.

Архимандрит

Афанасий (Нечаев) † 14.12.1943 г.

Летом того же 1949 г. мне пришлось перевозить и прах моего собрата архимандрита Афанасия. Когда в 1927 г. я стал постоянным посетителем Сергиевского подворья, он там был еще

иеродиаконом, студентом Института. Потом я помню день его священнической хиротонии. На меня произвело сильное впечатление то, как он держался в новом для него сане. Как будто всю жизнь был священником. Когда в 1931 году произошел очередной церковный раскол и Владыко Вениамин основал храм на ул. Петель, отец Афанасий пошел за ним. После перевода епископа Вениамина в Америку Московской Патриархией возглавлять эту «Московскую» юрисдикцию стал старейший из священнослужителей — архимандрит Афанасий. Он был незаурядным духовником, и мне кажется, о нем пишет митрополит Антоний (Блум): «Спускаясь в подвальное помещение церкви на ул. Петель, я увидел подымающегося монаха и сразу спросил его: «Не станете ли вы моим духовником?»» Во всяком случае, я знаю, что он сыграл большую роль в духовном становлении очень многих...

А. М. Осоргина. Сережа Старк

Осоргина А. М. Сережа Старк // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 648—661. — [Т.] V.

19-го февраля 1940 года после продолжительной болезни тихо отошел ко Господу на 10-м году жизни

СЕРЕЖИК СТАРК

Простое объявление в газете... Те, кто не знал его, прочли, остановились на мгновение, подумали: «Бедный мальчик, совсем еще маленький... всего 9 лет.» Те, кто хотя бы случайно встречались с семьей о. Бориса Старка и знали Сережика, с искренним участием подумали: «Как — это сын того молодого священника, этот веселый, здоровый мальчик с блестящими глазками? Как жаль! И что это была за болезнь?»

Для тех, кто имел счастье ближе знать этого здорового мальчика с блестящими глазами, слова этого объявления связаны с целым миром лучших, высших переживаний, заставивших сердце их

мучительно сжиматься от страшной жалости и скорби, и в то же время приоткрывших перед ними на мгновение таинственную завесу, которая отделяет от нас небесный потусторонний мир, куда ушел от нас необыкновенный мальчик.

Я имела счастье знать его близко, любить его, имела счастье испытать на себе его детскую доверчивую привязанность и такую недетскую, глубоко чуткую ласку.

Помню нашу первую встречу в июле 1939 года. Летний солнечный день в Эленкур. В большой столовой русской колонии спешно накрывают столы, гремят посудой, стучат ножи, вилки. В большие открытые окна льется солнечный свет, вдали, в голубой дымке, Эленкурский горизонт. Я только что приехала и стою среди столовой, разговаривая с отцом Борисом. Вдруг в крайнем окне, в которое врываются крики детей, играющих в волейбол, появляется веселая темная головка с необыкновенно сияющими, брызжущими шалостью глазами, цепляются за подоконник загорелые ручки.

— Сережик! Слезай сейчас! — кричит о. Борис. — Сколько раз тебе запрещали в окно лазить!

Сияющая рожица быстро исчезает.

Как мы подружились, сблизились — не помню. Только очень скоро он стал у нас, как свой. Отпрашивался гулять со мной и моими племянниками, убегал из колонии и появлялся у нас во все часы дня, с раннего утра, когда еще я не была готова, и комната не убрана. Тук, тук, тук в дверь. «Кто там?» В щелке появляется свежеумытое детское лицо, ласковое... чуть-чуть заискивающая улыбка — и нельзя не впустить, хотя и подметать пол нужно и торопиться в

колонию... А Сережик в одну минуту уже во всех трех комнатах побывал, все осмотрел, и под кровать залез — что-то там интересное увидал, и на чердак сбегал, и железку какую-нибудь сломанную разыскал и просит позволения взять ее — и ни в чем нельзя отказать, и рассердиться на беспорядок нельзя, когда видишь эти лучистые глаза, эту, такую подкупающую, детскую доверчивость.

Гулять с нами он очень любил. Его влекло к нам то, что мы своей семьей гуляем, не как колония; привлекала большая свобода, привлекал маленький велосипед, на котором он по очереди с моим племянником катался и, к моему великому ужасу, летел, сломя голову, без тормозов, с раскрасневшимися щеками, горящими глазами, с невероятным увлечением и задором. Привлекало его и то, что он чувствовал в нас что-то свое, родное — церковное. Знал, что мой отец Священник. Знал, чувствовал, что я так же думаю, верю, того же направления, как и его родители.

Скоро он стал садиться ко мне на колени. Вдруг порывисто влезет, обовьет руками шею, прижмется всем своим крепеньким тельцем и так поцелует! «Ты хорошая!» — у меня сердце таяло.

Случилось так, что мое место за обедом оказалось на конце стола, против о. Бориса, его жены и Сережика, который всегда сидел между родителями. Я спросила, почему Сережа не сидит за детским столом, и тут узнала, что он уже несколько лет не ест мяса, и тут, в колонии, родители взяли его за стол взрослых, во избежание осложнений. Он ел картофель, овощи, фрукты, макароны и, видимо, страдал, если в картофель попадал мясной соус. Мать его рассказала мне всю историю его отказа от мясной пищи. Ему было не больше трех лет, когда на Рождество, на елке, ему подарили много шоколадных зверушек и печенья в виде зайчиков, барашков и т. д. Сережик любил сладости и шоколад, как все дети, но зверьков есть не стал, бережно выбирал их из другого печенья, складывал в коробку и прикрывал ватой.

Через некоторое время он как-то был с матерью на базаре и, проходя мимо мясной, спросил: «Что такое мясо?» Пришлось ему объяснить. Вернувшись домой к завтраку, он наотрез отказался от мясного блюда. Никакие уговоры и просьбы не подействовали. С этих пор никогда

мяса и не ел. Но это не было отвращение к мясу, это было принципиальное решение. До этого Сережик очень любил ветчину и телятину. Как-то он спросил: «А что — ветчина — тоже мясо?» «Да». «Как жаль, я ее так любил». Но больше никогда не попробовал. Рыбу он ел. («Почему же ты ешь рыбу, а мяса не ешь? Рыба тоже живая» — говорили ему. Сережик отвечал: «Рыба не дышит воздухом»).

Родители боялись, что он ослабеет без мяса, пытались его обманывать. Долгое время уверяли, что сосиски делают из рыбы или же из какого-то «морского коня», который живет в воде и не дышит воздухом. Сперва он верил, но потом, когда узнал, что сосиски — тоже мясо, горько плакал и упрекал родителей: «Зачем вы меня обманывали?»

Как-то Сережик после обедни в церкви на ул. Дарю был в гостях у о. Никона. Отец Никон дал ему большой банан. Сережик сидел, поглядывал на банан, но не ел его и не трогал. Его несколько раз угощали. Наконец, Мать говорит ему: «Что же ты не ешь банан?» Он ответил: «Вы меня опять обманываете: Она была гусеницей, и у нее оторвали лапки...»

Нет, это было не отвращение от мяса, это была любовь ко всему живому, ко всему, что «дышит воздухом» и имеет право на жизнь. Но вместе с тем, Сережик уже тогда знал, что монахи никогда не едят мяса и, главным образом, это и было у него монашеское решение. Твердый, сознательный отказ от мяса. Не вегетарианский, а монашеский взгляд: рыбу есть можно, ведь Спаситель ел рыбу.

Встреча с о. Никоном сыграла большую роль в жизни Сережика. Это был первый монах, с которым он сблизился и который стал его духовным отцом. Как маленький мальчик понимал

монашеский путь, как он объяснял себе монашество? Один Господь это знает. Но решение стать монахом явилось у него естественным — и никогда ни о чем другом он не мечтал, не менял своего решения, как это часто делают дети. Он говорил своим родным:

— Я вас очень люблю, а все-таки от вас уйду.

И это свое решение он держал в глубине своего сердца, не говорил о нем, так же, как не говорил, почему он не ест мяса. Как-то ужасно стеснялся, если его об этом спрашивали или вообще обращали на это внимание.

Назван он был в честь великого подвижника и наставника русского монашества, но ему как-то ближе всех святых был преподобный Серафим. Он был еще совсем маленьким, когда Мать рассказала ему житие преподобного. С тех пор он постоянно говорил:

— Я хочу быть, как преподобный Серафим. Ведь преподобный Серафим ел одну травку, почему же я не могу? Я хочу быть как он!

Все это не мешало Сережику быть веселым, живым, жизнерадостным мальчиком, шалуном, и каким шалуном! Достаточно было посмотреть на эту круглую, веселую рожицу, увидеть его исцарапанные, грязные коленки, ручки, которые так и лезли в карманы, а это строго запрещалось. А в карманах-то чего-чего не бывало! Всякие невозможные сокровища в виде камешков, железок, пробок, веревочек — самые мальчишеские карманы. И при этом глаза, такие глаза — сияющие, веселые, искрящиеся. В них был и свет, какой-то внутренний, и жизнь, и шалость детская. Но шалости его были просто шалости. Никогда ничего плохого в нем не было.

Семи лет Сережик поступил в русскую гимназию. Все там его знали. Все помнили этого веселого шалуна, которого и из-за стола выгоняли за шалости, — но все любили. Большие гимназистки с ужасом вспоминают, как он шалил по дороге в автобусе, как перекидывался ранцем с другими мальчиками. Кондуктора автобусов все знали и любили, да и нельзя было не любить его.

И вот, в душе этого веселого, жизнерадостного ребенка глубоко и ясно запечатлелся закон Христов, закон любви и правды. В жизни для него все ясно было. Да — да. Нет — нет, а что сверх того, то от лукавого (Матф. 5, 37).

До принятия священства о. Борис с семьей жили в одном из пригородов Парижа, в большом квартирном доме. Сережик часто видел на улице нищих, ожидающих подаяния, с надеждой озирающихся на окна домов и квартир. Видел, как иногда из этих окон нищим кидали монетки. Этого он не мог выносить! Зачем кидают деньги, зачем заставлять нищих нагибаться? Сколько раз он сбегал по лестницам, чтобы подать нищему или же подобрать и подать ему то, что кинули другие. Он спрашивал свою мать: «Можно позвать к нам нищих обедать? Почему ты зовешь к нам обедать людей, которые сыты и хорошо одеты, а не зовешь нищих, которым правда надо дать есть?»

Как трудно ответить на такой вопрос! Сережик вообще любил нищих. На Пасху в церкви на ул. Дарю он просил позволения христосоваться со всеми нищими на паперти и ужасно огорчался, что ему этого не разрешали, огорчался серьезно и не понимал, — почему? Фальшь жизни, неправда наших условностей глубоко оскорбляли его.

Почему в Подворье, после прощальной вечерни так хорошо все просят друг у друга прощение, а когда потом мы встречаем знакомых и даже родных, мы у них не просим прощения? Почему дома, на Подворье, у о. Никона перед обедом читают молитву, а у знакомых просто садятся за стол? Почему мы не можем у них молитву прочесть? Ему казалось, что когда прочтут молитву, когда батюшка благословит еду, и еда-то становится вкуснее.

Когда отец Борис сделался священником, как огорчало Сережика, что не все подходят под благословение папы, а некоторые здороваются с ним за руку, как с простым человеком, а Папа — Священник.

Это было еще до священства о. Бориса, Сережику было всего 5 лет, когда на Пасхе Старки после ночной службы в церкви на ул. Дарю поехали разговляться к родным. С собой в церкви у них было 10 крашеных яиц. Сережик почти все яйца раздал нищим, одно подарил Владыке Митрополиту. Приехали к родным. Пасхальный стол, цветы, нарядные платья, веселые лица. Сережику этого было недостаточно. Он все ждал молитвы, ждал «Христос Воскресе». Без этого ему казалось невозможно сесть за стол. Но никто, казалось, не собирается петь молитву. Тогда маленький пятилетний мальчик подошел к своему месту за столом, положил кулачки на стол и запел:

— Христос Воскресе из мертвых!

Шумное веселие взрослых затихло, смолкли кругом. Он допел до конца — как ни в чем не бывало, веселый, радостный сел за стол и начал разговляться. Для него свет Христов светил всегда, освящал и наполнял все уголки его домашней, детской жизни.

Вера его была проста и сильна. Он все удивлялся, что когда болеют, то зовут докторов:

— Зачем это? Надо просто помолиться или позвать на помощь какого-нибудь святого — и все пройдет!

Так он говорил, и был случай, когда он по просьбе своей матери помолился о себе и о своей больной сестрице. Это было накануне праздника Входа Господня в Иерусалим. У обоих детей была высокая температура и болело горло. Сережик помолился, как обещал, и на следующее утро оба были совершенно здоровы и были у обедни.

С церковной жизнью Сережик сроднился рано, прислуживал в церкви на ул. Дарю, всегда одинаково с любовью и радостью собирался в церковь. Прислуживал вместе с папой. Ему было 7

лет, когда о. Борис в день св. Александра Невского был посвящен во диаконы. Как Сережик переживал это! Во время литургии он стоял на правом клиросе, откуда все хорошо было видно. В алтаре был Владыко Владимир Ниццкий, который обратил внимание на это сияющее детское лицо и спросил:

— Кто этот мальчик с таким ангельским лицом?

Весь этот день Сережик не отходил от отца, ему хотелось сидеть прямо около него. Это был уже не просто папа — «Папик», а папа — духовное лицо, священное, церковное. Когда о. Борис сделался священником, Сережик всегда прислуживал ему в церкви. Как трогательно и умилительно было видеть их вместе! Высокая фигура о. Бориса и рядом маленькая фигурка в стихарике, черная головка, поднимающийся кверху нежный детский профиль, внимательные, серьезные, черные глаза. В церкви, в этих глазах не было и тени обычной шалости. Когда я узнала Сережика, когда я видала его в церкви, я всегда поражалась той переменой, которая происходила в нем во время богослужения. В его прислуживании в алтаре не было никогда не только шалости, которую так часто, к сожалению, видишь у мальчиков, раздувающих кадило, играющих с церковными свечами. Нет, прислуживал Сережик всегда с благоговением, с таким особенным, до конца серьезным выражением лица. Это не была внешняя дисциплина, это было внутреннее чувство, настоящая молитва. Он чувствовал Бога, ходил перед лицом Божиим. В церкви все было свято для него, все преисполнено дивной стройности и красоты. И он в своем стихарике, около своего папы составлял тоже частицу этой стройной гармонии, участвовал в богослужении, со всем усердием детским служил Богу.

— Мы с папой служим, — говорил он. И это нисколько не мешало ему после службы, выйдя из

церкви, начать шалить, бегать, всюду находить что-нибудь интересное, со всеми, с кем только можно, поздороваться, поговорить, набрать в карманы всевозможные и невозможные находки.

В церкви он никогда не скучал. Еще совсем крошкой он выстаивал длинные великопостные службы. Выстаивал, не присаживаясь, не шелохнувшись. Мать его рассказывала мне, как один раз, когда ему было 5 лет, она была с ним в церкви на ул. Дарю у Стояния Марии Египетской. Несколько раз во время длинной службы она наклонялась к Сережику с предложением сесть. Он отказывался. В конце концов он сказал матери:

— Я совсем не устал. Я всегда в церкви читаю молитву Иисусову, и я не замечаю службы!

Он читал молитву Иисусову! «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного...» То, чего многие с трудом, с терпением, со слезами ищут и добиваются годами, — это сокровище молитвы, дыхание молитвы было у маленького пятилетнего мальчика.

Откуда он научился молитве Иисусовой? Ни отец, ни мать никогда его этому не учили. В доме у них долго болела и скончалась бабушка Сережика, любимая «Букочка». Сережик слышал разговоры о. Бориса с Бабушкой о молитве Иисусовой, видел, что папа сам по четкам молится, все это запоминал, воспринимал, складывал в своем сердце. Ему очень хотелось самому иметь четки, и как-то в Подворье, где он был любимцем всех студентов и иеромонахов, он сказал о своем желании о. Сергию Мусину-Пушкину. У того как раз были маленькие четочки, в 20 бусин, сделанные из остатков больших четок. Эти четочки Сережик получил в подарок и сияющий прибежал показать его родителям. Мать не хотела, чтобы он молился по четкам, боялась, чтобы в этом не было чего-то показного. Вернувшись домой, она взяла у Сережика его четки и повесила на гвоздик к образам. Сережику не позволялось выходить с ними из комнаты. Но иногда, он, когда молился, брал их. Иногда его заставали среди дня перед образами со своими четочками: стоит, молится, потом обратно повесит их на гвоздь.

Часто в метро, в автобусе мать видела, что он шепчет молитву. Глаза серьезные, губы по-детски шевелятся; четок нет, так он пальчиками перебирает. Или вытащит из кармана пачку билетов метро, которые он собирал, и по ним отсчитывает молитву Иисусову.

Он вообще молился удивительно горячо и сознательно. Когда умерла его бабушка (ему было тогда 6 лет), в первый раз после ее смерти он стал на молитву — как трудно ему было перевести бабушку из числа живых в число умерших. Он помолился за живых — пропустил бабушку. Но когда начал заупокойную молитву, он остановился и вот просто не мог помолиться о бабушке, как об умершей. Уткнется в подушку, поплачет, потом снова станет на молитву, опять дойдет до этого места — и опять остановится.

В заупокойной молитве Сережик просто и реально сознавал души умерших людей. Как-то раз он попал в церковь на ул. Дарю, когда там были похороны, и слышал, как там поминали «рабу Божию Екатерину». Он внес ее имя в свою молитву и никогда не забывал поминать. Некоторое время спустя родители спросили его:

— Отчего ты молишься за нее? Ведь ты ее не знал?

— Как не знал? — ответил Сережик. — Ведь мы с ней на ул. Дарю встретились.

С тех пор и отец его внес в свое поминание «рабу Божию Екатерину».

Когда Сережик сделался отроком, т. е. начал говеть, с ним случалось иногда, что после причастия он совсем менялся. Он, такой веселый, живой, становился молчаливым, ни с кем не разговаривал, отказывался кофе пить, завтракать. Отойдет к окну, серьезно куда-то смотрит, тихий такой, и молчит. Его звали к столу, спрашивали, что с ним. Один раз даже мать спросила о. Никона, духовного отца Сережика, что это значит.

— Оставьте его, не трогайте, — сказал о. Никон.

Сережик очень любил рисовать. Нельзя сказать, чтобы он хорошо рисовал. Все, что он изображал, было очень примитивно даже для его возраста. Но интересно то, что он рисовал, что привлекало и занимало его. Я рассматривала все уцелевшие его рисунки, все эти изрисованные и иногда измаранные бумажки. Всюду церкви, крестики, могилки, священники и часто — картины из Священной истории. Видно, как он все замечал, все представлял себе живо, реально. Ему запрещалось изображать Спасителя — уж очень некрасиво он рисовал человеческие лица, и все-таки есть рисунок Распятия. Сохранилась большая картина Входа Господня в Иерусалим со всеми подробностями еврейской толпы. Дети с пальмовыми ветвями, деревья, человек, влезающий на пальму за веткой... Люди идут по дороге, и много радости чувствуется во всех примитивных фигурках. А на самом краю картинки, справа показываются голова и ноги ослика и только видно большое сияние Сидящего на нем. Тут Сережа не посмел изобразить фигуру Христа. Больше всего мне понравилось изображение Успения Божией Матери. Видно, с каким живым воображением рисовалась эта картина. Апостолы собрались вокруг Тела Божией Матери, видны остатки облачков, на которых они прилетели; тут же неверующий кощенник, схватившийся за одр Богородицы, руки его отсечены, пристали к одру, кровь течет. А над всем Спаситель в небесах принимает в объятия душу Божией Матери.

Рядом с этими духовными сюжетами — самые простые, детские: собачки, зверушки разные. Как он любил зверушек! У него был целый заветный мешочек любимых игрушек-зверушек: мишки, зайчики, собачки, лошадки. Он ужасно любил их, иногда расставлял на столе все свое полчище и любовался на них. Самый любимый был Яшка, большая плюшевая обезьяна, до невозможности истрепанная и затертая. С Яшкой Сережик никогда не расставался, любил его нежно, спал с ним, и расстался только во время предсмертной болезни.

Последнее лето жизни Сережика, лето 1939 года, о. Борис с семьей проводил в детской колонии в Эленкур, в чудной по красоте местности. Там-то я и познакомилась с ними, близко узнала Сережика, сблизилась и подружилась с его родителями. Как я уже говорила, мы много времени проводили вместе. Сережик стал меня звать «тетей» и говорить мне «ты», приняв меня доверчиво и просто в свое родство.

Никогда не забуду тех двух-трех дней, которые он провел всецело на моем попечении. Это была первая его разлука с родителями.

Смутное, тревожное было время. В воздухе нависала война, тяжелая, грозная атмосфера чувствовалась кругом. Дела вызвали о. Бориса в Париж. Жена его не хотела покидать его в такое неспокойное время, да, кроме того, ей надо было показаться доктору. Поручив мне детей, о. Борис с женой уехали в Париж. Мы провожали их на автокаре. Дети махали до тех пор, пока знакомые лица в окне грязного автокара не скрылись за поворотом. Верочка поцеловала меня, объявила, что сегодня ночью будет спать на маминой кровати, и побежала в колонию к своим подругам. Сережик сказал, что в колонию не пойдет, хочет быть все время со мной и хочет сейчас же писать письмо маме, только на маминой бумаге и в мамином конверте. Мы пришли ко мне. Я села с книгой, а Сережик устроился к столу и принялся за письмо. Из-за книжки я поглядывала на него. Косые лучи солнца лились в открытое окно. Наклоненная темная головка, воротник матросской курточки; губы и язык усиленно помогают писать, глаза сверкают, щечки постепенно разгораются от труда и переживаний. С орфографией дело не очень-то ладилось. Ошибки он принес проверять ко мне на колени. Помню наизусть его письмо:

«Милая Кисанька! Как ты доехала? Как Папик доехал? Когда я вас проводил, я снаружи смеялся, а внутри плакал. Пишу у Тети Тони, только там у нее я нахожу утешение в своем горе...»

Тут же решено было писать письма каждый день. На следующий день он прибежал ко мне, сел за стол, написал: «Дорогой Мамик!», но дальше пороху не хватило, погода была так хороша, так хотелось в лес бежать. Так этот «Дорогой Мамик!» и остался у меня в блокноте.

хотелось в лес бежать. Так этот «дорогой мамик» и остался у меня в блокноте.

Через два дня родители вернулись.

Объявление войны застало нас в Эленкуре. Люди семейные, люди, имевшие на своем попечении детей, с тревогой спрашивали себя, где лучше устроить детей, куда их перевозить, где учить зимой. Принимались и отклонялись решения несколько раз в день.

Скоро судьба разлучила меня с семьей Старков надолго. Они переехали в детскую колонию Вильмуассон. Сперва жили в бараке в лесу, к зиме переехали в большой теплый дом колонии. Дети поступили во французскую школу. До этого, как я уже говорила, Сережик учился в русской гимназии, но говорил по-французски совсем хорошо. Учился он в этом году отлично. Несколько раз получал медаль и очень был этим доволен. Обожающая детей Танечка (старая гувернантка его матери) за каждую медаль дарила Сережику денег. Так он накопил 10 франков, отложил в особый кошелечек и решил непременно подарить дедушке, чтобы он себе хорошего вина купил.

Этой осенью он был, как и всегда, впрочем, весел, жизнерадостен, живой. Прибежит из школы, фуражка съехала на затылок, пальто нараспашку, щеки румяные. Сумка с книгами летит в одну сторону, пальто в другую, пальцы в чернилах, глаза так и сверкают. Вот он весь перед вами, живой, веселый, здоровый мальчик — милый, хороший мальчик.

Случалось — и не послушаться, покапризничать, поворчать, поссориться с Верочкой, — но так немного этого было! И что это в сравнении с той горячей лаской и приветом, которые сияли в его глазах и обдавали всякого встречавшегося ему человека.

Этой осенью он написал мне письмо. Я переживала тяжелые, грустные дни: умирал мой отец. Сережик это знал и всем своим горячим сердечком хотел выразить мне сочувствие.

«Милая тетя Тоня! — писал он мне, — если тебе плохо, приезжай к нам, ты знаешь ведь, где мы живем, мы всегда тебя приласкаем». Маленький, золотой мальчик, он и приласкал меня, так приласкал, когда я уже после смерти своего отца на один день приехала к Старкам. И приласкал,

и помолился со мной у заупокойной обедни, которую о. Борис отслужил для меня. В последний раз видела я тогда Сережика, прислуживающего отцу в белом стихарике, с кадилом в руках.

Заболел он в день Крещения. Утром прислуживал за обедней, и кто-то еще сказал матери: «Какое у него сегодня особенное выражение лица было за службой!»

Днем у него поднялась температура — 37,5, он жаловался на ухо, железки за ушами распухли. Казалось, пустяки, но температура быстро стала подниматься, обнаружилось воспаление легких. Две недели он болел дома. Все это время температура была то очень высока, то немного спускалась. Доктора путались в симптомах. Один находил менингит, другой — воспаление в легких от какой-то бациллы. Подозревали стрептококки, подозревали коли бациллы, делали бесконечные анализы, которые ничего не давали и всех сбивали с толку. На 15 день болезни доктора сказали, что положение угрожающее и посоветовали перевезти Сережу в госпиталь.

Все жители дома в Вильмуассон любили Сережика, все волновались из-за его непонятной болезни. Когда пронеслась весть, что его перевозят в госпиталь, в коридоре, у дверей его комнаты столпились многие, желавшие помочь, посочувствовать или просто взглянуть на милого мальчика. Он лежал в своей кроватке, знал, что его перевозят и как-то совсем спокойно принял это известие. До этого дня он волновался своей болезнью, так что от него скрывали его высокую температуру, говорили, когда он спрашивал, — 38° вместо 40°. Но с этой минуты он как будто понял, что положение его очень серьезно, и совершенно этому покорился. Вдруг он начал громко молиться, петь всенощную. Было около 6 часов вечера.

— Господи, воззвах к Тебе, услыши мя, услыши мя, Господи! — и опять — Господи, воззвах к

Тебе, услыши мя!

В ручках он сжимал крестик. Было что-то до того трогательное в этой молитве, что все, слышавшие ее в коридоре, в дверях, плакали. При отъезде Сережик старался каждому сказать какое-нибудь ласковое слово, оказать внимание. Просил, чтобы не забывали кормить собачку Жучка.

В госпитале его положили в отдельной комнате. В тот же вечер, подчиняясь правилам госпиталя, родителям пришлось вернуться домой, оставить его одного. Сережик подчинился этому просто и покорно. Понял, что так надо. С ним ночевала милая, добрая сестра, католическая монахиня, которая, как и все, полюбила его, и, когда он просил, давала ему держать свое Распятие.

Так потянулись дни в госпитале. Утром родители приходили, проводили день, вечером прощались, расставались на долгую, тревожную ночь. Продолжала упорно держаться высокая температура, все около 40°. Один раз под вечер Сережику стало совсем плохо, сердце слабело. Сестра вдруг сказала родителям, что лучше им остаться на ночь при нем, что она не ручается за эту ночь. Распорядилась, чтобы в палату внесли диванчик для родителей на ночь. Когда Сережик увидал этот диванчик, он понял, что папе и маме позволили остаться с ним на ночь и, повернувшись к сестре с полными слез глазами, сказал ей: «Спасибо! Я не забуду никогда то, что Вы для меня сделали!» К утру сердце опять выправилось. На следующую ночь родителям пришлось опять уйти. Сестра сказала: «Этой ночью ничего не случится». И Сережик спокойно их отпустил, как будто и он знал, что сегодня он от них еще не уйдет.

Мать его все боялась, что он будет бредить по-русски, просить что-нибудь и что сестра его не поймет. Поэтому мать внушала ему без них говорить по-французски. Так он и делал. Сестра рассказывала потом, что в долгие, томительные часы бессонницы Сережик все молился вслух. То молился по-русски своими словами и вежливо объяснял ей: «Я просто по-русски молюсь, Вы поэтому не понимаете». Иногда он молился по-французски, и она слышала, как он молится за всех солдатиков, которые в траншеях, за всех несчастных, за всех, кому холодно, кто сейчас на дорогах, за раненых. Потом, уже в конце болезни, один раз он вдруг сам себя пожалел и заплакал: «Я сам теперь в раненого солдатика обратился».

В госпитале сестра ухаживала за ним от души, действительно боролась с болезнью, но как он страдал, бедненький, от этого лечения! От него не осталось ничего, одни кости, весь он был сожжен горчичниками, истыкан уколами. Сестра говорила, что не припомнит, чтобы кому-нибудь делали столько уколов. От болезни Сережик совсем не страдал, но от лечения — очень, и когда сестра появлялась со шприцем или горчичником, он, чтобы не кричать, судорожно сжимал в ручках Распятие, молился напряженно, так, что покрывался потом, и только так не кричал. За всю болезнь, которая продолжалась 32 дня, температура редко спускалась ниже 40°, доходила до 41,8°. Чего только не делали врачи, чтобы спустить температуру. Все обычные способы не давали результатов. Так, например, после холодного обертывания температура не спускалась, а поднималась еще выше. Сестра разводила руками.

Видели Сережика 9 докторов. Одного светилу, детского специалиста (профессора Вейль-Аллэ, заведующего Парижским госпиталем «Больных детей») выписывали из Парижа. Все предположения докторов не оправдывались, все их расчеты опрокидывались... Все, что было в человеческих силах и возможностях, было сделано, чтобы спасти его. Но, видно, Господь судил иначе.

Последние 15 дней Сережик причащался каждый день. Он был в сознании до самого конца, иногда путался, иногда бредил, но, в общем, все время все осознавал. Причащался каждый день с таким особым благоговением, так ждал Причастия, так готовился к нему! Очень его мучило сначала, что он не может припомнить свои грехи — жар мешает. О. Борис стал причащать его, как больного, без исповеди, и это его успокоило: «Теперь папа причащает меня без исповеди, значит, больше нет у меня грехов». Как-то он сказал: «Мне так будет хорошо у Бога! — И сразу добавил матери. — Только ты не плачь».

добавил матери: — Только ты не плачь».

Раз он видел во сне преподобного Серафима. Проснувшись, рассказал, что преп. Серафим подошел к его кровати и снял с него горчичники, которые так его мучили. Действительно, в этот же день доктора отменили горчичники совсем. Это было самое мучительное в его лечении. Как-то раз, страдая от боли, Сережик сказал своей матери, что вот, мученики, когда страдали, им это легче было, потому что они страдали за Христа. И мать поняла его мысль: они, мученики, — за Христа страдали, а он, Сережик, за самого себя, т. е., для своего здоровья страдает. Мать сказала ему, что и он может свои страдания как-то отдать в жертву Богу, терпеть для Христа. Сережик сразу же уловил эту мысль и успокоился, приготовился терпеть. Маленький, девятилетний мальчик! Но вот, явился преподобный Серафим и избавил его от лишних страданий.

В другой раз не во сне, а наяву преподобный Серафим его поддержал. Сережик говорил: «Я знаю, что преп. Серафим здесь! Я его не вижу, но я чувствую, что он здесь». Удивительно, что, как будто сговорившись, все друзья и близкие, переживавшие всем сердцем болезнь Сережика, привозили ему и присылали образки и разные святыни именно от преп. Серафима. Прислали ему большой образ с вделанным камешком преподобного, другой образок, написанный на том камне, на котором молился преподобный Серафим. Этот камень Сережик и в ручках держал и под подушкой, и целовал его, прижимаясь к нему. Привезли ему святой воды из колодца Саровского, вывезенной из России. Прислали большой образ с множеством частиц мощей. Вся эта святыня окружала его. Молились за него, смело можно сказать, десятки людей. В скольких церквях его поминали, молились горячо, усердно, становясь на колена, со слезами. Скольких людей захватила и, прямо скажу, перевернула эта болезнь, эта невероятная борьба жизни и смерти в маленьком детском существе, и эта сильная борьба и победа духа этого ребенка над земными страданиями. Я не преувеличу, когда скажу, что не только близкие, но чужие люди, не знавшие Сережика, переживали остро все стадии его болезни, справлялись о его здоровье, старались получить последние известия. Мы все, пережившие эти дни, никогда не забудем этого времени, этого молитвенного порыва, в котором мы все соединились, молясь за Сережика.

А как он сам молился! С каким напряжением держал в ручках крестик, прятал его, поднимая одеяло, и, глядя на него молился. В такие минуты он говорил родителям: «Не смотрите на меня!» А у них не хватало духу спросить его, о чем он молится, о чем думает. Иногда он бредил и в бреду говорил удивительные вещи, как будто ему дано было видеть и понимать то, чего здоровым людям не увидеть и не понять. Перед его кроватью дома висел большой портрет его покойной бабушки. Раз он так радостно ей улыбнулся, как будто вдруг увидел ее: «Букочка милая, мы к тебе приехали!..» В другой раз поздно вечером он все беспокоился об одном из мальчиков колонии, звал его по имени. Это было, когда он лежал еще у себя дома, в Вильмуассоне. Дортуар мальчиков находился в том же коридоре, через две комнаты. Все двери были закрыты, дети давно спали. Сережика успокаивали, но он не переставал волноваться: «Надо посмотреть, что делает Баранов! Посмотрите на Баранова!» Наконец, чтобы успокоить больного, кто-то пошел в дортуар. И что же? Действительно, все дети спали, а Баранов, оказывается, упал с кровати и продолжал спать на холодном полу между стеной и шкафом.

Накануне перевоза Сережика в госпиталь часов в 6 вечера он вдруг стал говорить матери: «Как мне хорошо! Какой сегодня свет, какое солнышко! Почему ты закрыла ставни, когда так светло? Думая, что он бредит, мать стала говорить ему, что сейчас уже вечер, на воздухе совсем темно, но так как Сережик настаивал, она, наконец, открыла занавески и ставни окна, показала ему зимнюю ночную темноту. Сережик как-то недоумевающе посмотрел на черное окно: «Ах, это не то! Неужели ты не видишь, какой свет кругом?!» В это время приехал отец Лев и вошел в комнату. Сережик и к нему обратился: «Отец Лев, Вы видите, какой свет здесь? Мне так хорошо.» «Да, да, милый, свет! И слава Богу, что тебе хорошо». Эти слова его как-то успокоили.

А вот еще поразительный случай: в вечер, когда его перевезли в госпиталь, мать его, вернувшись домой, сидела одна в своей комнате, как вдруг со стены сорвалась и упала фотография Сережика. Она оглянулась. Вдруг с другой стены упала вторая, упала третья... За несколько минут без всякой видимой причины упало 5 — 6 фотографий Сережика, и именно Сережика

минут, без всякой видимой причины, упало 5—6 фотографий Сережика, и именно Сережика, остальные оставались висеть на своих местах. Может быть, это была случайность, но, конечно, в такую минуту матери это было неприятно. Утром родители вернулись в госпиталь рано. Никто не видал Сережика со вчерашнего вечера, кроме госпитальной сестры, никто не мог рассказать об этом случае, но когда он увидел мать, он улыбнулся ей и вдруг говорит: «А карточек-то сколько попадало!»

В другой раз он вдруг, как бы всматриваясь куда-то, сказал: «Вот катафалк едет черный!» «Но он мимо едет, Сережик?» — спросил отец Борис, затаив дыхание. «Да, мимо». На следующий день узнали, что в этот самый час умерла знакомая девочка в Париже.

В конце болезни он все просил крест. Ему подавали то один, то другой крест. «Нет, нет, не тот! Я знаю, что для меня есть еще один свободный большой крест!» Понимали родители, о каком кресте он говорил. Наряду с этими, такими особенными словами, прорывался иногда самый детский бред: «Я еще таблицу умножения не выучил!» Потом, не в бреду, вполне сознательно как-то сказал: «Мне жаль только одного: я хотел школу кончить».

Сознавал ли он, что умирает? Конечно сознавал! Он уходил из мира, любя мир, прощаясь с миром, но уходил как-то величественно, просто, с детской доверчивостью и верою в Бога, с молитвой и крестом, как подвижник. А мир он любил. Больше всего на свете любил своих Папу и Маму, любил стольких близких — родных и друзей, собачку Жучка, котенка, любил свои игрушки. В больнице, когда он был совсем уже без надежды на выздоровление, ему захотелось поиграть игрушечным поездом, который ему тетя подарила. О. Борис на больничном столике пускал ему заводной поезд, а он глазками следил и радовался. В другой раз ему вдруг ужасно захотелось иметь свисток. Конечно, сразу же достали свисток, который очень ему понравился. Сережик спросил, можно ли ему свистеть вместо того, чтобы звать сестру. Добрая сестра очень обрадовалась такому проявлению жизни: «Ну конечно, мой маленький, свисти, сколько тебе захочется!» Только кажется, один раз он и свистнул. Больше от слабости не мог.

Сережик очень любил песенки. Все заставлял о. Бориса петь ему «Баю-баюшки-баю», «В няньки я тебе взяла ветер, солнце и орла...» Но больше он любил святые слова. Когда ему бывало особенно плохо, он просил псалмы: «Читай псалмы, читай псалмы!» И под чтение псалмов он успокаивался. Или акафист преп. Серафиму о. Борис читал ему. Прочитает весь, начинает сначала, а Сережик слушает и утихает. Очень он метался последние дни.

Отец Никон, приезжавший к Сережику в больницу, сказал ему раз, чтобы утешить и подбодрить его:

— Вот, поправляйся, вырастешь большим, тогда Владыко Митрополит благословит тебя монашеским крестом и даст тебе имя Серафим!

Сережик как-то необычайно серьезно отнесся к этим словам и стал тут же просить, нельзя ли не дожидаться, чтобы он вырос, а теперь же, не откладывая дать ему монашеский крест и новое имя любимого святого, Преподобного Серафима. Так серьезно он просил, что о. Никону пришлось передать его просьбу Митрополиту. Владыко особенно любил Сережика, беспокоился о нем и, конечно, очень был взволнован этой необычайной просьбой девятилетнего мальчика. Прислал он ему маленький деревянный крестик с Елеонской горы и сам впоследствии говорил с любовью и со слезами:

— Я так и чувствовал, что это будет Сережикин Елеон, вознесение его...

Трудно описать, какое впечатление произвел на Сережу этот крестик. Как будто это был действительно его монашеский постриг. Крестик этот он взял, сжал в кулачке и больше с ним не расставался. Матери он сказал:

— Только не говори об этом никому чужим.

Это была его дорогая, святая тайна. Всем своим близким он протягивал свой крестик, давал целовать его и ручку свою, как будто он благословлял всех, и так значительно благословлял. Разве прежний здоровый Сережик позволил бы кому-нибудь поцеловать свою руку?

Когда я приезжала к нему за 4 дня до его кончины, он также протянул мне свой крестик и сказал своим таким изменившимся, хриплым голоском: «Он мне дал имя...»

Больше он не мог говорить, но я уже знала, в чем дело, и поняла.

А между тем ему становилось все хуже и хуже. Не было возможности победить воспаление легких, очаг вспыхивал все в новых и новых местах, температура не спадала.

Пришел момент, когда доктора госпиталя сказали родителям, что больше сделать ничего нельзя. Доктор-француз сказал отцу Борису:

— Если бы этот ребенок был, как другие, можно было бы еще надеяться, но Вы сами видите, что это ангел... А задерживать на земле ангелов не в наших силах!

Родители решили перевезти его домой, чтобы он умер дома. В тот же день его и перевезли (16 февраля).

Когда Сережика увозили из больницы, он скрестил ручки на груди: в одной ручке держал свой крестик, в другой — образок преп. Серафима, а свисток любимый попросил положить под подушку, для него уже не хватало ручки.

Привезли его домой, положили в собственную, привычную кроватку — так лучше было ему, окруженному всеми своими любящими лицами, в своих стенах, увешанных знакомыми иконами и фотографиями. Он прожил еще трое суток. Отец Борис продолжал причащать его ежедневно. В первый же день переезда его домой приехали о. Никон, о. Лев. Решили втроем с о. Борисом пособоровать его. Сережик так любил всякую церковную службу, молитву, а тут, когда его начали соборовать, он вдруг как-то недоумевающе на всех посмотрел, даже метался немного.

Когда о. Никон наклонился к нему, он вполне сознательно сказал:

— Зачем это? Я каждый день причащаюсь — ведь это гораздо больше...

Всех смутили эти слова. Мне кажется, что усиленная молитва об исцелении казалась ему бессмысленной, он знал, что умирает. Сознание он сохранил до самого конца. Не только сознание, но сохранил свою особенную приветливость, ласковость, внимание к людям. Его последние ласковые слова, его уже прерывающийся голосок никогда не забудешь.

Накануне кончины доктор, надеясь найти внутренний гнойный очаг, настоял на радиографии, и Сережика повезли на автомобиле за несколько улиц*. Он ехал еще довольно бодро и с беспокойством спрашивал о. Бориса:

— Папа, тебе не дорого это будет стоить?..

Но после радиографии он так устал, пульс стал слабеть и временами совсем исчезал. Доктору казалось, что он нашел глубокий внутренний нарыв в легком. Он хотел на следующий день сделать выкачивание гноя, но на следующий день Сережик был так слаб, что решено было сделать ему перед выкачиванием переливание крови. Дала ему свою кровь одна милая русская дама. Сережик повернул к ней голову после переливания и сказал:

— Спасибо! Вам не больно?

Сердце все слабело, дыхание становилось труднее. Через час его не стало.

И вот он лежит на столе в своем белом стихарике с крестиком и четками в руках.

Когда шили этот стихарик на Пасхе этого года, Сережик вдруг спросил:

— А вы меня в нем похороните?

Он был такой здоровый, веселый мальчик, никто тогда не обратил внимания на эти слова. Но слова запомнились и вспоминались теперь.

Он лежал весь беленький (в первый день еще не навезли цветов) и в этой простоте и строгости было что-то чисто монашеское.

Стихарик, из-под него виднеющаяся вышитая русская рубашечка, крестик, четки. На столике, в ногах его — собранные святыни, привезенные ему, — аналой с Псалтырью и приготовленным кадилом, лампадка, свечи. Восковые ручки и его дивное личико, такого неземного выражения покоя, мира и света...

Скончался Сережик в понедельник, 19 февраля. Похоронили его в четверг, 22. Три полных дня и три ночи он был еще с нами.

Те, кто пережил чудо этих трех дней, наполненных невыразимым таинственным присутствием, никогда их не забудут.

Несколько раз служились панихиды, и многие, многие собирались вокруг Сережика помолиться. Редко о. Борис служил один, чаще ему приходилось сослужить другим священникам, которые приезжали поклониться маленькому подвижнику. Все его знали, все любили, для всех его кончина была потрясением и искренним горем. На первой панихиде как-то невольно о. Александр Калашников помянул его «Блаженный Отрок Сергий». И так и осталось за ним это звание. Воистину «Блаженный Отрок!» Не «Блаженный Младенец», пора младенчества ушла от него, от этого зрелого плода Господней нивы, но блаженство осталось.

В промежутках между панихидами, днем и ночью друзья и близкие читали Псалтырь. Я оставалась с родителями Сережика до самых похорон. Сколько раз, когда меня сменяли в чтении Псалтыри, я с сожалением отдавала книгу. Не хотелось покидать эту комнату, не хотелось уходить из этой светлой, молитвенной атмосферы, окружавшей его. Ночью, когда в промежутках между чтением, я ложилась отдыхать в соседней комнате, я невольно думала: «Вот, ложусь отдыхать, спать, а рядом — эта красота». Не хотелось упускать редких драгоценных минут. И в тишине ночной особенно хорошо было около Сережика, особенно чувствовалось присутствие невидимое, таинственное, светлое...

К некоторым панихидам приводили детей колонии. Один раз директор французской школы пришел к службе и привел одноклассников Сережика. Очень трогательно было видеть этого беленького отрока в стихарике, который лежал с таким чудным, светлым личиком, окруженного живыми детьми, особенно самыми маленькими. Он так хорошо лежал, так покойно, радостно отдыхал, что детям не могло быть страшно. Малыши неудержимо плакали, так наивно, просто, усердно крестились, вытирали кулачками слезы. Трудно было, глядя на них, удержаться от слез.

Хоронили Сережика на 4 день после его кончины, 22 февраля. Во гроб положили накануне, 21 вечером. На лице его не то, что не видно было следов разрушения, которых можно было опасаться после такой страшной болезни с внутренним гнойным процессом, — наоборот, исчезли с лица всякие следы страдания, болезни. Личико менялось, светлело, яснело. Он был прекрасен.

Сережика похоронили на Русском кладбище в Ст. Женевьев де Буа. Из Вильмуассона довезли гроб на автомобиле. Собралось семь священников (архимандрит Никон, о. Александр

Калашников, о. Лев Липеровский, о. Александр Чекан, о. Дмитрий Клепинин, о. Борис Старк и о. Георгий Сериков). От машины до церкви несли гроб одни священники под медленный перезвон колоколов кладбищенской церкви. Впереди и кругом гроба множество детей несли цветы, венки, привезенные Сережику. Все больше белые цветы.

Те, кто был на похоронах Сережи Старка, никогда не забудут этой удивительной службы, этого особенного молитвенного подъема, красоты и благолепия. Толпы народа собрались к отпеванию, съехались из Парижа, несмотря на дальность расстояния, неудобство и утомительность путешествия. И вот она, могилка, окруженная русскими крестами, недалеко от милой русской церкви с синим куполом, под необъятным, ясным куполом весеннего неба, в котором заливаются первые жаворонки.

А разве Сережик сам в могиле? Разве не смотрит он на всех нас своими ясными, просветленными глазками оттуда, из этого высокого, голубого неба? Не радуется, что множество людей собралось вокруг его могилки, что все они и многие другие, души человеческие ради него возносят теплые молитвы к Богу?

Его собственное и постоянное устремление к Богу, проявлявшееся во всей его недолгой жизни, благодатным свежим воздухом пахнуло в души всех тех, кто молился за него.

Многим, молясь за него, невольно хотелось молиться Ему...

АНТОНИНА МИХАЙЛОВНА ОСОРГИНА

Послесловие

К написанному Антониной Михайловной Осоргиной (ныне монахиней Серафимой) мне хотелось бы прибавить несколько подробностей, которые от нее ускользнули. Сережик был большой уставщик — хранитель церковных порядков и традиций. Он знал, что человека, постриженного во чтецы и как такового носящего стихарь, хоронят в нем. А над ним не была совершена хиротессия во чтецы и поэтому он не знал, можно ли его хоронить в стихаре. Действительно эта мысль занимала его вскользь еще раньше, но когда он заболел и когда он уже был уверен, что

умирает, эта мысль вновь забеспокоила его. Он настолько знал, что умирает, что попросил принести в больницу все, во что его надо будет облачить, и в том числе и стихарик. Когда увидел, что мама принесла все, вздохнул с облегчением. Когда после тревожной ночи, проведенной нами в больнице на диване, он увидал, что на следующую ночь диван унесли, он сказал нам:

— Идите... Это не на сегодня. Видите, диван унесли!

Он распределил многие свои вещи, игрушки, книги — кому что после него подарить.

Может показаться странным, что в больнице не сделали рентген, но это было первое полугодие войны, все еще не наладилось, и, в частности, из-за отсутствия топлива зал с установкой рентгена был не топлен, и в феврале им пользоваться не могли. Наш вильмуассонский врач взял кабинет и клиентуру своего коллеги, ушедшего на фронт, и там была полная рентгеноустановка. Этот доктор появился во время пребывания Сережика в больнице, и до больницы мы к нему обратиться не могли. Другой доктор такой установки на дому не имел, и поэтому до больницы сделать просвечивание было невозможно.

Пенициллин был уже в обращении, но он появился только-только и весь был отдан фронту и войскам, а мирное население им еще не лечили.

Редакция благодарит В. В. Журина за помощь в подготовке публикации.

Указатель имен

(Титульные листы) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 1—3. — [Т.] V.

Два чувства дивно близки нам —

В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам...

А. С. Пушкин

2

ББК 63.3(2)

Р 76

Редакционная коллегия

А. Д. Зайцев

Н. С. Михалков

А. Л. Налепин (главный редактор)

С. А. Небольсин

Т. Е. Павлова

Т. В. Померанская

В. В. Шибаева

О. Ю. Щербакова

Серийное оформление

В. М. Мельникова

Макет В. А. Крючкова

В подготовке издания принимали участие

А. Н. Кузнецова,

А. Н. Дорошенко, М. В. Овчаренко,

И. П. Панкратьев и И. И. Потапов

Ответственность за археографическую подготовку текста

несет автор публикации

0503020000-09

Р ———————

А 19(02)—94

ISBN 0869-2009

© Студия ТРИТЭ, РИО «Российский Архив», 1994

3

РОССІЙСКІЙ

АРХИВЪ

История Отечества

в свидетельствах и документах

XVIII—XX вв.

———————

V

Студия

«ТРИТЭ»

НИКИТЫ МИХАЛКОВА

«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»

Москва

1994

Принятые сокращения // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 671. — [Т.] V.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАЯО — Государственный архив Ярославской области

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея

ОРФ ГЛМ — Отдел рукописных фондов Государственного Литературного музея

РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук

РО РГБ — Рукописный отдел Российской государственной библиотеки

РО РНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки

Д. — дело

Ед. хр. — единица хранения

Карт. — картон

Л. — лист

Об. — оборот листа

Оп. — опись

Ф. — фонд

(Концевая страница) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — С. 672. — [Т.] V.

Р 76

«Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.)». Выпуск V. — М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив». 1994. — 671 с.; ил.

ISSN 0869—2009

Альманах посвящен истории Государства Российского. В нем помещены ранее не публиковавшиеся исторические документы (воспоминания, дневники, письма, литературные и философские произведения), хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах.

Все материалы публикуются без изъятий. Среди них — «Записки» М. А. Муравьева (XVIII в.), воспоминания Н. А. Вельяминова об Императоре Александре III, переписка Вел. Кн. Константина Константиновича с И. А. Гончаровым, письма Н. И. Сперанского с азиатского театра Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., материалы по истории издания журнала «Русская Старина» (1892—1915) и книгоиздательства К. Ф. Некрасова, документы из архива евразийцев, письма А. А. Вановского, М. А. Волошина, В. О. Ключевского, П. Б. Струве, П. П. Сувчинского, А. Ф. Тютчевой и др., фотографии из альбомов принца Чакрабона и протоиерея Бориса Старка.

Альманах снабжен научно-справочным аппаратом.

Для историков, филологов, архивистов и для всех, интересующихся отечественной историей.

0503020000-09

Р ———————

А 19(02)—94

ББК 63.3 (2) 612

РОССИЙСКИЙ АРХИВ

РОССИЙСКИЙ АРХИВ

История Отечества

в свидетельствах и документах

XVIII—XX вв.

Выпуск пятый

Студия «ТРИТЭ»

творческо-производственное объединение

Никиты Михалкова

Редакторы В. В. Шибаева, О. Ю. Щербакова

Художественные редакторы

В. А. Крючков и Л. М. Ордынская

Технический редактор Т. П. Кириллова

Корректор Н. А. Несмеева

Изд. лицензия ЛР № 030130 от 3 октября 1991 г.

Сдано в набор 16.04.93. Подп. к печати 10.03.94. Формат 70 ? 1001/16.

Гарнитура «Академическая». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 54,43 + альбом = 57,02.

Усл. кр.-отт. 114,69. Уч.-изд. л. 74, 68. + альбом = 77,18.

Тираж 30 000 экз. Изд. № 9. Заказ 298.

Издательский отдел «Российский Архив» ООО Студия «ТРИТЭ»

103001, Москва, Мал., Козихинский пер., 11

ГПП «Печатный Двор». 197110 Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15